

№1

Юлий
Рыбаков
Порогами
века

Историко-
биографические
заметки

Юлий
Рыбаков
Порогами
века Историко-
биографические
заметки
№1

2024

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek:

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.dnb.de> abrufbar.

ISIA Media Verlag, Leipzig 2024

Coverdesign: Oleg Jerofiejew

Layout: ORDEN COMPANY LTD, Praha

Alle Rechte vorbehalten

© Юлий Рыбаков, 2024

© ISIA Media Verlag, 2024

Printed in Germany

ISBN 978-3-68959-900-3

Моей матери, человеку великой доброты, посвящаю.

*Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку...*

Б. Пастернак

Зачем люди берутся за перо? Чтобы оставить свой след в том мире, откуда придется уходить? Тогда – что они хотят оставить городу и миру? Перипетии своей личной жизни? Ну, встречал я в своей жизни любовь и злобу, дрался на дуэлях, сам оставлял возлюбленных и меня бросали, храбрился, трусил, обманывался, слышал, как свистят пули над головой, знал волю и неволю, сталкивался с предательством и с благородством – вроде есть, о чем красиво рассказать! Но, зачем?

Когда-то на допросах в КГБ следователь как бы невзначай стал слушать при мне запись популярной тогда песни:

«Призрачно все в этом мире бушующем.

Есть только миг – за него и держись!

Есть только миг между прошлым и будущим.

Именно он называется жизнь...»

Наверное, чекисту хотелось, чтобы я махнул на все рукой и, забыв о друзьях, занялся своим личным спасением. Но, не научили его особенностям русской психологии, не объяснили, что для человека с общинным сознанием на миру и смерть красна! А если уж он решит когда-нибудь оглянуться на прожитую жизнь, то скорее затем, чтобы увидеть не столько самого себя – крупиночку в общем потоке, а чтобы понять смысл происходившего и свое в нем место...

Так что, взявшись за эту книгу, я хотел определиться со своей ролью? Но для этого надо было верить в заранее написанные роли, а я никогда не придумывал себе предназначений. Моя жизнь была ответом на предложенные жизнью обстоятельства. Да, сменялись ближние ориентиры – в ранней молодости я видел себя художником, а позже логика характера увела меня в гражданскую борьбу. И это оказалось условием сохранения себя, своей души. Я шел, потому что шел. Куда? Бог знает. А в пути встречал зверей и людей, пытался их понять и вызвать ответное добро. Лагерный опыт не выжег у меня изначальное уважение к человеку. Так же, не обольщаясь своими весьма скромными талантами, я все же не сомневался в самоценности своей, далеко не безупречной жизни. Я и сегодня не

знаю, куда шел – быть может к полноте внутренней свободы? И, все же, зачем я исписал эту стопку страниц? Открыв первый том, читатель увидит, что рассказ о нашем веке я начинаю с тех времен, когда еще не родился. Но, как и любой человек, я – отголосок тех лет и событий, которые формировали мою страну, а значит, и меня. Нам – моей семье, друзьям и соратникам, а потом и мне –выпало быть очевидцами, персонажами, жертвами или творцами событий, менявших траекторию движения России. Мы были частью движения своего народа через кровавый Век обмана. А потом, на руинах изжившей себя советской империи, взялись за строительство открытого, демократического государства.

Но искалеченное неволей российское общество столкнулось с тяготами переходного периода и попятилось назад, став заложником нового тоталитарного режима. Говорят, что история учит лишь тому, что ничему не учит. Может быть. И, все же, я оставляю свое свидетельство о наших временах с надеждой на то, что этот рассказ еще пригодится.

В процессе работы мной было использовано немало личных свидетельств, общедоступных документов, собственных наблюдений, материалов из своего архива и работ других авторов. Их список можно найти в конце моей работы. Пунктир событий, отмеченных мной, – пространство для осмысления пройденных нами дорог...

Ю. Рыбаков
июль 2024г.

КОРНИ

Бобровы и Тацки

Мои мать и отец встретились в Сибири в лагере для политзаключенных. Там родилась их любовь, там родился и я.

Была ли эта встреча случайной?

Пожалуй, нет. Судьбы Ирины Тацки и Андрея Рыбакова изначально кружили рядом. Они родились в начале Первой мировой войны в Петрограде и жили в двух шагах друг от друга, на 3-й и 6-й линиях Васильевского острова. Их матери гуляли с ними по дорожкам одних и тех же садов и скверов... Еще немного, и знакомство могло бы состояться. Но тут их пути надолго разошлись.

Моя бабушка по материнской линии, Надежда Петровна Боброва, выросла

Дед Владимир Тацки, 1903 г.

в провинциальной семье. Бабушкин дед – ребенок из лифляндского сиротского приюта, учрежденного князьями Шереметевыми. Когда мальчик подрос, его отправили учиться в Германию. Оттуда вместе с женой, которую умыкнул из семьи немецких бюргеров, он вернулся мастером обжига и проработал всю жизнь на Боровическом керамическом заводе. Там он передал свою профессию сыну. В нашем доме одна из печей была украшена горельефными изразцами, на которых были изображены средневековые рыцари и дамы, державшие в руках охотничьих соколов.

Бабушка вышла замуж за офицера инженерных войск Владимира Максимилиановича Тацки.

Мальчишкой я пытался узнать о нем больше, но моих детских вопросов бабушка вначале пугалась и надолго уходила в свою маленькую комнату. Как-то в кладовке нашего дома под обоями и картоном моя будущая мать обнаружила несколько старых фотографий и гербовых бумаг. Бабушка, побледнев, бросила их в печь, но часть фотографий осталась.

Повенчавшись, они уехали в Петербург. Помимо службы в полку дед Владимир преподавал фортификацию в военных училищах. Несмотря на происхождение из весьма состоятельной семьи, он был беден. Причин тому было несколь-

ко: одна из них – чуть не разоривший семью лопнувший банк, другая – дядя, проигравший на скачках четыре доходных дома. В этих условиях родственники считали, что его брак должен укрепить семью. А тут – любовь. После «мезальянса» с дочерью мастерового от них отвернулись... Службу дед был вынужден совмещать с заботами по управлению доходным домом своего сводного брата, архитектора Мельцера, платой за что была возможность жить в этом же доме.

*Бабушка Надежда Боброва,
в замужестве Тацки, 1899 г.*

Но все же социальный статус деда мне непонятен. Бабушка Надя как-то обмолвилась, что он «входил к министру без доклада».

«Какому министру?» – спросил я. «Ну как к какому? Генерального штаба», – уверенно отвечала она. Вряд ли это было возможно для простого армейского капитана. Значит, было что-то еще? Возможно, это принадлежность к масонам, что подтверждает типичная для их лож пирамида семейного склепа Тацки на Волковском лютеранском кладбище.

Дед Владимир был участником русско-японской войны, где получил «анненское» наградное оружие, для этого военному инженеру надо было серьезно отличиться.

Как рассказывала бабушка, где-то под Лаояном его воинская часть попала в отчаянную ситуацию. То ли нужна была подмога, то ли командованию надо было срочно что-то кому-то сообщить, но связь была потеряна.

А казаки, один за другим посланные, пропали.

Тогда вызвался дед. Он был хорошим наездником и отличным стрелком. После дальневосточной кампании в саду нашего дома он тренировался, стреляя сразу из двух револьверов по расставленным на скамье спичечным коробкам. «Только спички в разные стороны веером летели», – говорила бабушка.

Это пригодилось ему в 1917-м, но сначала в 1905-м. Тогда, с пакетом, который он взялся доставить, дед проехал сотню верст по диким местам, где пришлось уходить от погони маньчжурских разбойников-хунхузов, пролетая через брошенные деревни, отстреливаться от стай одичавших собак, пробираться мимо японских постов.

Из его послужного списка видно, что был он награжден орденами Св. Анны 1, 2, 3 степени и орденом Св. Станислава с мечами и бантом. Бабушка утверждала, что награды, которые он получил, давали его семье право на бесплатное обучение детей в любом из учебных заведений российской империи. Правда, матери

моей воспользоваться этим не пришлось, а деду наградное оружие стоило жизни.

Откуда появились в России люди со странной фамилией Тацки, я долгое время не знал. Со слов матери, предки по этой линии имели родственников в Дании, Германии, еще, кажется, в Чехии и Голландии... Она говорила мне о том, что последние документы бабушка уничтожала уже в 30-е годы. В те же годы бабушку вызвали в «инстанции», где сообщили, что она стала наследницей каких-то дальних голландских родственников, чьи полотняные заводы в Америке оказались завещаны ей. Тут же был написан отказ в пользу Советской власти, ведь иное каралось не только конфискацией.

Боровичи, 1907 г.

Смутно помнила моя мать разговоры о дворянстве дальних предков ее отца, лишенных всего каким-то королем за то, что они отпустили на волю своих крестьян.

Всерьез я этого не принимал, да и не думал по молодости, что это имеет значение.

Впервые я нашел документированный след этой ветви своих предков случайно, уже в 1978 году, на втором году отсидки в заполярном лагере усиленного режима.

Как бы это дико ни выглядело, но случайно была обнаружена связь с обстоятельствами жизни В. И. Ульянова (он же – Базиль, Карич, Старик, Ленин, Фрей, Jakob Richter и так далее, всего более ста кличек и псевдонимов).

Зайдя случайно в лагерную библиотеку, я взял в руки журнал «Нева» № 3 за 1973 год, и на какой-то из страниц бросилась мне в глаза знакомая фамилия – Тацки!

В исторической рубрике я прочел заметку о том, что, помимо всех известных мест, где в нашем городе бывал «великий вождь пролетариата», есть еще одно, которое отыскал автор. А именно дом на углу Знаменской, а ныне ул. Восстания, и Баскова переулка, где снимали квартиру Надежда Крупская и ее мать.

Последний раз В. Ульянов был там перед отъездом в ссылку, чтобы узнать новости о своей невесте, ожидавшей суда в Доме предварительного заключения. Биограф фактом этим не ограничился и рассказал о том, что дом этот построил купец первой гильдии Христиан Тацки, лютеранин, приехавший в Санкт-Петербург из Фридрихсгама (теперь это город Хамина в Финляндии). Впоследствии он принял православие и даже стал почетным гражданином Санкт-Петербурга.

Долго ломал я потом голову: причем здесь финны, ведь Христиан да еще

Христиан Тацки, архитектор 1911г.

Христианович явно других корней, но откуда? С таким именем приехать в Финляндию можно было из Дании, про семейные связи с которой я что-то слышал. Отсутствие серьезных поводов для приложения ума в скудных лагерных условиях привело меня тогда к фантазиям о том, что Тацки – переделанное, испорченное слово «датский». Спросили, дескать, человека: ты кто? А он не понял и сказал, откуда. Датски. Тацки. От таких «размышлизмов» было недалеко и до известного датского принца. Но тогда нашлись более насущные заботы. И лишь недавно, побывав в Чехии, я услышал о том, что еще во времена реформаторства был мелкопоместный род с этой фамилией, перешедший в протестантство.

Они отпустили тогда своих крестьян на волю, а после разгрома гуситов и победы Габсбургов им, как и многим протестантам, пришлось бежать. Кто-то из них осел в Германии, другие двинулись дальше – в Данию и Голландию. Там они породнились с Ван Бейнингами, а через пару веков их потомок добрался, видимо, до России... Здесь родились его сыновья.

Христиан закончил Академию художеств по классу архитектуры в 1858 году, построил в Петербурге десятки домов, в том числе для императорской семьи в Павловске, был гласным Городской думы и действительным статским советником. Максимилиан владел мебельным и каретным производствами. Это его сын, Владимир Максимилианович Тацки, оказался перед непростым выбором в 1917 году. Я не знаю, был он монархистом или демократом, но в любом случае перед ним, офицером российской армии, встал вопрос: что делать, когда отряды красных штурмовиков захватили власть над уставшим от передрыг, оцепеневшим от страха городом?

А что сделал каждый из тех, кому довелось увидеть подобное в августе 1991 года, когда такие же смертельно опасные авантюристы, введя в Москву танки, пытались захватить наш парламент? Кто-то рванулся на площадь, кто-то сбрил бороду и скрылся, кто-то, запершись, ждал, чья возьмет. Михалковы, например, разделились: один смотался за границу, другой к путчистам, третий, на всякий случай, к демократам. А большинство и вовсе не заметило. В двух кварталах от баррикад люди стояли в очередях за колбасой, укачивали детей, пили пиво.

В такие минуты немногим дано услышать зов трубы и найти в себе мужество поставить на кон свою жизнь. И уж тем более там, где смута. Вот и дед мог затаиться, сказав себе, что авантюристы не продержатся и двух месяцев. Так думали многие.

Он мог сказать себе, что надо переждать, ведь у меня жена и долгожданный, вымоленный ребенок? И вообще, кто знает, может быть, сермяжная правда за ними? Ведь то, что было, действительно сгнило.

Как рассуждал дед Владимир, я не знаю. Его состоятельные родственники вскоре эмигрировали. Наверное, и он мог уехать с ними, тогда его внуки жили бы где-нибудь в Польше, рядом с потомками его брата. Но он этого не сделал. Может быть, он хотел уехать в Новгородчину к тестю, да не успел?

Но о чем же тогда, закрывшись в его кабинете, две ночи спорили приходившие к нему сослуживцы?

Наверное, о надвигавшемся хаосе, о том, как поразительно легко рухнул имперский, казавшийся неколебимым, режим. И еще о правительстве, которое не способно было решить самые простые задачи.

Примерно так же, как наша толпа через 70 лет после Октябрьского переворота судила о новой российской власти в начале 90-х годов.

Наверное, сослуживцы говорили о том, что их солдаты — это уже не тот кадровый состав, который выбит в боях за прошедшие 3 года. Действительно, потеря ориентиров, неверие в бога, да и в черта царили тогда в солдатских казармах. Свидетельством тому то, что как только Временное правительство объявило свободу совести, а следовательно, и отмену обязательного хождения в церковь для нижних чинов, три четверти солдат не ступали туда больше ногой... Но и среди образованной части общества надежды, связанные с объявлением республики, перебрадили в укус отчуждения. Временное правительство, которое не осчастливило всех и сразу, тут же перестало быть «своим».

А когда командующий Северным фронтом приказал Петроградскому гарнизону занять свое место в окопах и отразить приближение германских войск, лозунги «большевиков» о немедленном прекращении войны получили естественную поддержку засидевшихся в столице запасников.

Ударной силой путчистов в тот момент стали отдельные отряды рабочих, часть матросов и 70 тысяч шлявшихся по городу уголовников и дезертиров.

Но между нежеланием идти на фронт и готовностью стрелять по своим разница все же есть, и поэтому часть полков еще держала нейтралитет.

Это, а также слухи о том, что к захваченному Петрограду приближаются части 3-го конного корпуса под командованием генерала П. Краснова, вселило надежду.

По городу было расклеено воззвание:

Прадед Петр Бобров, 1859 г.

«ГРАЖДНАМ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ!

25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Временного правительства, разогнан Временный Совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против Родины.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии.

Всероссийский комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане:

Не признавайте власти насильников!

Не исполняйте их распоряжений!

Встаньте на защиту Родины и революции!»

Вечером 28 октября 1917 года началось восстание курсантов военных училищ против большевиков. Первые шаги были успешны, но разнобой, нерешительность и трусость руководства свели их на нет. Пришлось в ожидании Краснова переходить к обороне.

Обстрел Владимирского юнкерского училища, 1917 г.

Дед с ночи был во Владимирском военном училище, кольцо осады сжималось, но они еще отбивали атаки. Вот как журналист-очевидец описывал бой: *«Задолго до рассвета посыпалась частая пулеметная стрельба. Казалось, что стреляют в двух шагах от угла Введенской и Большого, где я живу. Весь дом, встревоженный выстрелами, проснулся и высыпал на ули-*

цу. Темно. По-утреннему зябко. Стоит сырая мгла... Сворачиваю на Рыбацкую и выбираюсь на Малый проспект. Здесь совсем жутко. Улица совершенно пуста. Одинокие тени мечутся в воротах. Что-то щелкает по плитам противоположного тротуара. Это шальные, залетевшие пули. Вот и Гребецкая. Она вся занята войсками, и туда не пробраться. В неверном свете фонарей видно, как солдаты хлопочут вокруг чего-то длинного и тяжелого, с громом передвигают его, устанавливая. Это пушка. Здесь выстрелы яркие и отчетливы. Точно раз за разом рвут крепкие полотнища. Сверху сыплются, как орешки, пули, скользят по камню, отскакивают, бьют о жесть крыши и о водосточные трубы. Осаждающие ложатся на мокрую мостовую и с винтовками наперевес ползут к темному зданию. Оно молчит. Кажется, что там уже нет никого, но когда осаждающие подползают к тротуару, из училища сыплется внезапный пулеметный град. Недалеке присел на корточки матрос. Он странно как-то хлюпает горлом: «Хлю, хлю!» Потом медленно ложится на тротуар животом и начинает царапать ногтями камень. Это не дальше чем в двух шагах от меня. Я вижу его совсем опрокинутое от страданий лицо, слышу это ужасное хлюпанье: «Хлю, хлю!» Из рта его выбегает черная струйка, пальцы царапают чаще и чаще скользкий камень. Надо подойти, помочь ему, но гадкий страх за себя не дает сдвинуться с места. Кругом барабаният пули. Матрос приподымает голову, опускает ее, тяжело стукнувшись о камень. И замирает, жутко!»

Именно так внезапно и страшно открывал себя жителям Петрограда подлинный лик большевистского переворота. И в то же время рядом еще шла мирная жизнь: люди, которые завтра станут жертвами красного террора, запершись в дальних комнатах, пьют чай... В разгар боя слышится колокольный звон из домово́й церкви Николаевской богадельни. Несмотря на свист пуль и звон разбитых стекол, в эту маленькую домовую церковь пришел батюшка и собрались прихожане. Под треск пулеметов служит обедня.

Когда выяснилось, что юнкера, отстреливаясь, не подпускают атакующих, начался расстрел здания из трехдюймовок. Дед рассказывал потом, что по ним били почти в упор, что они слышали не только пьяный мат, но и немецкую речь. Этим и была обеспечена точность попаданий. Пулеметы юнкеров еще отсекали нападавших, но снаряды уже рвались в здании.

Как писал очевидец, «картина разрушения внутри здания была ужасна: некоторые снаряды разрывались внутри комнат, разбивали каменные переборки и печи, убивали и калечили десятки юнкеров, скрывавшихся в дальних комнатах».

Около 3 часов ночи красногвардейцы и солдаты бросились к углу Музыкантского переулкa и Малой Гребецкой улицы. Выломав вход, они ворвались и начали расправу. Как отмечали очевидцы, «большинство юнкеров положили оружие, но несколько отчаянных бойцов, не желая сдаваться, бежали из чердачного помещения через отверстия в стене, спустились на соседние дома по связанным простыням и скрылись от преследователей». В самом же здании «груды кирпи-

чей были перемешаны с трупами юнкеров. Лужи крови, оторванные части тел валялись среди опрокинутой мебели, винтовок, матрасов, одежды. Воздух был насыщен пылью от разрушенных стен и дымом начинавшегося пожара».

Корреспондент одной из вечерних газет, которого пропустили в здание сразу после «взятия», был потрясен увиденной картиной: *«С первых же шагов, едва захлопнулась за мной входная дверь, меня охватил ужас, которого до сих пор переживать не приходилось: куда ни помотришь, видны лужи крови. Во втором этаже – сплошной кошмар: в амбразуре одного из окон прилипли подсохшие обрывки мозга...»*

Генерал Н. Головин свидетельствовал: *«С момента сдачи толпа вооруженных зверей с диким ревом ворвалась в училище и учинила кровавое побоище. Многие были заколоты штыками – заколоты безоружные. Мертвые подвергались издевательствам: у них отрубали головы, руки, ноги»*. В общей сложности, помимо полковника Н. Куропаткина был убит 71 юнкер, еще 130 ранено. Юнкера-владимирцы, вчерашние гимназисты, сражались до конца, их упорство вызвало ярость у штурмовиков, которые устроили в последующие после 29 октября дни кровавые расправы над пленными по всему Петрограду.

Владимирское училище после захвата,
1917 г.

Бабушка Надя рассказывала моей матери, что юнкерам пытались помочь: немецкие артиллеристы, которые катили пушки с Васильевского острова к училищу, были отсечены пулеметным огнем с колокольни собора Св. Екатерины. Их пытались сдержать неизвестный студент и девушка-курсистка. Но пулеметные ленты кончились. Тогда солдаты закололи их штыками и сбросили вниз...

Владимир Максимилианович после рукопашного боя, отстреливаясь, действительно дал возможность группе юнкеров уйти по крышам. Выстреляв последние патроны, он тоже прыгнул вниз. До глубокой ночи они прятались в пристройке, а потом на лодке, которую нашли в Ждановской протоке, переправились на Васильевский остров. Дед привел двух мальчишек домой, бабушка передела их в штатское и отправила по домам, наградное оружие дед спрятал во дворе дома.

Террор

Войска, которые вел с фронта генерал Краснов, были остановлены на подступах к Петрограду, но сделали это не отряды рабочих, они были малочисленными и плохо организованными...

Краснов пишет, что среди наступавших от Пулковских высот были видны нестройные толпы «штатских» и ровные шеренги людей в матросских бушлатах.

Но он не задается вопросом, откуда у моряков умение держать строй? Если это действительно матросы, которые провели годы службы в железных, флотских коробках, то строю в полевых условиях их никто не обучал.

Так кто же были эти люди в черных бушлатах? В воспоминаниях Чеботарева, участника событий, адъютанта Краснова, написано, что в районе Гатчины атаковую казачью лаву встретили приемы оружейного огня, применявшиеся для отражения конных атак немцами. Затем корпус Краснова (в нем было-то всего шестьсот сабель) накрыла артиллерия. Беглый и точный огонь велся профессионально, взявшиеся за бинокли офицеры обнаружили подтверждение своим догадкам – полевые батареи обслуживали немецкие артиллеристы-военнопленные. Незадолго до этих событий они получили секретный приказ генерала Людендорфа. Большевики позволили доставить его в лагерь под Колтушами, где содержали пленных кайзеровских солдат из третьего кирасирского полка. В приказе было сказано, что, помогая большевикам, они спасут Германию. С помощью этих переодетых в матросские бушлаты «интернационалистов» попытка русских войск освободить захваченную большевиками столицу была отбита.

Потом за дедом пришли. Обыск в квартире ничего не дал. Но дворник указал на поленицу дров, в которой лежали его сабля и револьвер.

Деда увезли. А бабушке Наде всю ночь пришлось простоять у стола, за которым развалившийся в кресле следователь изучал бумаги ее мужа. Аресты офицеров, дворян, правительственных служащих, живших на Васильевском

Арест офицеров, 1917 г. Художник И. А. Владимиров

острове, продолжались несколько дней. Никто не знал, где они, живы ли. Наконец под утро кто-то тихо постучал в дверь. На площадке стоял мальчик. Он протянул пакетик и убежал. В нем оказалось два крошечных кусочка колотого сахара и записка: *«Я в Дерябинских казармах. Сахар – Ирочке. Прощай, Володя».*

Надежда Петровна кинулась в казармы, что находились в конце Большого проспекта Васильевского острова, слева за собором, у Гавани. Вбежав во двор, она увидела немолодого солдата:

– Ты куда?

– Здесь муж мой!

– Нету никого. Вся контра пошла рыб кормить. Иди отсюда, пока цела.

Бабушка заглянула в распахнутые двери, большая полуподвальная зала была пуста, но табачный дым еще стлался по проходам...

Потом стало известно – арестованных связали между собой, погрузили на баржи для перевозки песка и вывезли в залив. А потом днища открыли.

Среди казненных оказался кто-то из членов или сотрудников Временного правительства. Его жена тайком наняла водолаза, чтобы найти тело мужа. Нырнув пару раз, он в ужасе выскочил из ледяной воды и отказался спускаться снова. На дне залива, с привязанными к ногам колосниками, стоя покачивались сотни человеческих тел.

Позже, на Волге, в Сибири, на Черном море «большевики» не раз пользовались этим способом расправы со своими противниками. А уже в 90-е годы, после того, как рухнул советский режим, я услышал в питерском обществе «Мемориал» о том, что в архивах Областного комитета КПСС было найдено письмо старушки, члена ВКП(б) с 1918 года. Она просила о назначении себе персональной пенсии, поскольку является вдовой того самого матроса с линкора «Республика», который и придумал, как уничтожить врагов революции, не трата на них патроны.

Не знала «святая простота», что скорее всего ее матросик слышал что-то о французской революции, точнее о ее терроре: еще тогда пламенные революционеры не только расстреливали людей пушечной картечью, но и топили. А почетную пенсию старушка не получила только потому, что не имела документов о браке с «героем». (Гибель деда в водах Финского залива – одна из версий, слова солдата могли быть ошибкой. Недавно на сайте «Бессмертный барак» я нашел его имя среди тех, кто мог быть расстрелян в Петропавловской крепости.)

В общей сложности за первые полтора года большевистского путча в Петрограде было арестовано 17 тысяч оставшихся в Петрограде офицеров, почти 5 тысяч из них были расстреляны и замучены, еще 407 попали в заложники ЧК, чтобы годами ждать расстрела и не вернуться. Уничтожение остальных растянулось еще на 15 лет.

Как же могло случиться, что в ответ на наглое насилие, на циничный захват власти поднялись только мальчишки-юнкера, а из 60 тысяч столичных офицеров рядом с ними встали только десятки?

Чем же была наша страна с ее тысячелетней историей, традициями и культурой, если рухнула она в одночасье во тьму средневековья?

В ответах на эти вопросы – корни наших сегодняшних проблем. Вот Михаил Муравьев, офицер, предложивший свои услуги большевикам для расправы над юнкерами в Петербурге, потом он командовал на фронтах Гражданской войны, отличался жестокостью, антисемитизмом и произволом. А кончил тем, что сам поднял мятеж против большевиков и был убит чекистами.

Но сначала этот мерзавец дослужился до подполковника в старой императорской армии, в той самой милой сердцу патриотов «России, которую мы потеряли».

Как, впрочем, и полковник Полковников, начальник штаба Петроградского округа, призвавший к борьбе, но тут же спасовавший... Много позже в эмиграции А. Вертинский будет бессильно и жалобно петь:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Закидали их елками, замесили их грязью
И пошли по домам – под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать.

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти – к недоступной Весне!

Похороны юнкеров – участников восстания 1917 г.

Так что же все-таки случилось тогда с нашей бедной страной? Почему на смену Февральской революции пришла и победила контрреволюция, железом взнуздавшая и закабалившая Россию на 70 лет? Была ли альтернатива или, действительно, даже подвиги были бесполезны?

Этими вопросами я задавался смолоду. Ложь, подтасовки, тотальная советская пропаганда, конечно, имели на меня влияние; к тому же родители, боясь за меня, долго пытались обходить «острые углы». Но вскоре стало приходить собственное понимание тех событий.

Да, сегодня нас отделяет от них без малого сотня лет, но именно эти события с роковой неизбежностью выстроили всю «советскую» историю России. Мое видение этой истории во многом определило мои поступки и мою жизнь.

Точкой отсчета грядущей катастрофы принято считать начало Первой мировой войны. Но не стоит забывать, что Николай II войны никому не объявлял.

Царь, узнав о нападении на Сербию, телеграфировал тогда кайзеру и просил «помешать своему союзнику-Австрии зайти слишком далеко в неблагоприятной войне, объявленной слабой стране».

Но на полях полученной от Николая II телеграммы Вильгельм оставляет запись: «Признание собственной слабости и попытка приписать мне ответственность».

Николай снова уговаривает Вильгельма «передать рассмотрение конфликта» третейскому суду, учрежденному по инициативе России в Гааге. После отказа, чтобы затормозить нападение Австро-Венгрии на славян, царь объявляет мобилизацию.

В ответ кайзер ультимативно требует от царя роспуска мобилизованных. Но теперь уже царь «Великой, Белой и прочая Руси» не может подчиняться диктату, а германский император тоже слов обратно не берет.

Несмотря на заверения царя о том, что «его войска не сдвинутся с места, пока идут переговоры (сколько бы они не продолжались)», 1 августа кайзер объявляет России войну!

По всей Европе ажиотаж, в каждой стране бредят о победе. В России даже Маяковский пишет:

Неужели немец рыжий
Будет барином в Париже?
Нет уж, братцы, – клином клин,
Он в Париж, а мы в Берлин!

В Петербурге, на Николаевском вокзале Анна Ахматова провожает на фронт своего мужа, поэта и офицера Николая Гумилева, к ним подходит проститься Александр Блок. Несколько растерянных слов.

Позже Блок напишет о первых месяцах войны: «...казалось минуте, что она

очистит воздух; ...на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина».

А Гумилев, глядя вслед уходящему Блоку, скажет: «Неужели и его призовут? Это ведь как соловьев жарить...»

Мы говорим теперь – российский самодержец, так же, как и Вильгельм, не имел права распоряжаться своим народом, не имел права на ту чудовищную ошибку, которая повлекла за собой не только Февральскую революцию, но и большевистский путч, толкнувший мир в ГУЛАГ и Освенцим!

Ну а народы? Русский, немецкий – те, что позволяли им распоряжаться собой?

Вынужденный после смерти старшего брата стать престолонаследником, Николай II в 1894 году взывает к своему дяде, Великому князю Александру: «Сандро, Сандро! Что мне делать? Что будет со мной, с тобой, с Ксенией, с мамой – со всей Россией? Я не готов быть царем! Я не хотел им быть! Я ничего не понимаю в управлении».

России давно было пора стать если не республикой, то хотя бы конституционной монархией. Но такие рассуждения разбиваются о реалии того времени.

Судьба России зависела не от гражданского общества, а от дворцового протокола, от произвола самодержцев, от непредсказуемого набора хромосом того или иного наследника, от холопской психологии большинства.

О солидарной гражданской ответственности российского общества можно было только мечтать.

Россия-матушка

Виной и бедой российского общества были не «дураки и дороги», не «воруют, батенька», не «лень-матушка», как, не задумываясь, говорят у нас до сих пор, а извечное наше запаздывание. И не только потому, что татары со своим «игмом» оторвали нас от Европы.

«Иго», с его ордынской бюрократией, с его экстенсивной природой, действительно прочно впечаталось в наш генотип. Уже тогда, «забыв гордость народную, мы выучились хитрым низостям рабства», пишет Карамзин. Если бы жизнь российская шла и дальше в русле азиатской культуры, нам не пришлось бы догонять чужой поезд. Мы жили бы в другом пространстве, и время текло бы для нас по-другому.

Крестьянская семья, 1912 г.

Но азиатские «учителя» растворились в степях, а мы остались. С их ментальным наследием и вблизи от иной, весьма привлекательной по ее благам, но тоже чуждой цивилизации. Насаждая обычаи Европы только в управленческом слое, Петр I бестрепетной рукой отсекал все пути для роста инициативы и самосознания в остальной России, оставив ее прозябать в произволе и невежестве. Неудивительно, что с тех пор подозрительность и вражда ко все-

му «европейскому» стала фоном российского бытия. До сих пор наша страна так и не определилась в своей цивилизационной принадлежности и пытается устоять на разъезжающихся ногах... Общественные силы Европы тяжело и кроваво, но все же генерировали пути и формы приспособления к новым условиям; российские же обыватели и самодержцы упорно цеплялись за тесные, но привычные формы существования.

Лепя заплату на заплату, когда рядом снова расплзается, к началу XX века мы получили всеобъемлющий государственный, а в первую очередь – общественный кризис. Это вовсе не означает его неизбежной фатальности: каждый год, каждый день, каждый час существования российской империи давали шанс на изменение траектории. Исторический процесс – не камень запущенный, чей

путь уже задан, исторический процесс – суммарный вектор сложения разнонаправленных сил каждого его участника.

Еще в 1862 году Московское дворянское собрание, а затем и Тверское, просили царя собрать выборных от народа без учета сословных различий для решения назревших задач: **«...Собрав Вашу разъединенную доселе Россию в одно целое, сплотив ее твердо и заменив права отдельных ее частей общими правами, Вы искорените навеки возможность мятежа и междоусобий».** (Для сравнения: в этот же период в Англии парламент разделял власть с королем уже 400 лет, а в Лондоне через год заработает первая ветка метрополитена.)

В ответ на обращение Александр II предал суду 13 дворян, в том числе братьев Бакуниных, и заявил: **«Право вчинения, по главным частям этого постепенного совершенствования, принадлежит исключительно Мне и неразрывно сопряжено с самодержавной властью, Богом Мне вверенною. Никто не призван принимать на себя, передо Мною, ходатайство об общих пользах и нуждах государства».**

Отказав народу в доверии, он открыл дорогу террору и собственной гибели.

Через 9 лет его сын, Александр III, получает письмо. Журналистка из потомственной либеральной семьи, 60-летняя Мария Цебрикова адресует ему подробный доклад о бедствиях крестьянства, порочной системе образования, вреде, который приносит тотальная цензура, о гонениях на инаковерующих, о взяточничестве и чиновничьем произволе. Она завершает письмо, копии которого оставляет в редакциях газет, словами:

«Спасение только в возвращении к реформам отца Вашего и дальнейшем развитии их. Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраний, полная гласность суда, образование, широко открытое для всех способности, отмена административного произвола, созвание земского собора, в который все сословия призвали бы своих выборных, – вот в чем спасение».

Царь читает письмо и оставляет на нем свою реплику:

«Ей-то – что за дело?...», потом спрашивает придворных, нельзя ли «старую дуру» отправить в монастырь? В итоге женщину судят и ссылают на Север – за дерзость давать непрошенные советы Помазаннику Божию...

Так в слепоте и чванливом невежестве он вымостил еще одну ступеньку на казнь, теперь уже для своего сына и его детей.

Вот журналист Суворин, сидя в кофейне с Достоевским, задает ему вопрос:

– Представьте, что сейчас рядом с нами остановится человек и мы услышим, что он говорит кому-то, «я заложил бомбу, через час Зимний дворец будет взорван». Что Вы, Федор Михайлович, станете делать, пойдете ли, сообщите ли в полицию?

И оба они – верный сторонник режима и принципиальный противник «бесовщины» – признаются друг другу, что не стали бы доносить. И это не только нравственная традиция – это пропасть между Двором и обществом (если бы под

угрозой оказался сиротский приют, побежали бы). Даже противники потрясенный, «реакционеры и консерваторы», не считают царя и его окружение «своими».

Раздав ссылками просветителей, режим выпестовал цареубийц-романтиков, а потом и прагматиков. И все же, все они были лишь малой долей российского общества. Можно задаться вопросом: почему крестьянин, который уже полвека перестал быть «вещью», не распрямился? Почему просвещенному дворянству хватало сил только на «стояния» и «прошения»?

Думаю, ответ в том, что пятьсот лет рабства, жизнь двадцати с лишним поколений под пятой ничем не ограниченного произвола власти требовали куда более долгой реабилитации.

О какой именно «свободе» мечтают 96 миллионов крестьян, которые в 1910 году составляли 77 процентов всего населения? Если сосчитать все плуги и даже деревянные сохи, их наберется по одной на 8 хлеборобов. На 4 сельских жителя приходится одна лошадь. Если ее нет – в тягло впрягается вся семья землепашца. Они почти все не умеют читать и писать. Совокупностью всех обстоятельств «освобожденный» из рабства российский крестьянин (для большинства из нас очень близкий предок) продолжает существовать на грани выживания. Какая уж тут гражданственность, не до жиру, быть бы живу.

На каждого жителя России приходится меньше полгектара пахотной земли. Тесно землепашцу и в крестьянском «миру», и на полоске земли, доставшейся ему по жребию на лето.

А рядом, за бугром, и пашня, и скотный двор – царские, барские, монастырские. Если и мечтает он, так о том, чтобы взять и разделить.

И невдомек крестьянину, что ото всех угодий при разделе достанется каждому лишь по четыре «сотки». И неважно ему, что эти редкие островки грамотного и организованного земледелия дают до 40 процентов общего урожая. Тем более охота отнять да поделить.

Есть и поднатчики: они уже давно толкуют о вине богатых, давно зовут Русь к топору.

Но русской буржуазии «без году неделя», эсеры рисковать всей страной не хотят и пытаются «малой кровью», террором вынудить правительство на уступки. О необходимости профсоюзов, которым в Голландии уже 200 лет, задумываются только жандармы. Интеллигент-труженик, мучимый совестью за всех и вся, как муравей, по крупице строит культуру народа, но крестьянин инертен...

Может быть, и дальше терпел бы, перерождался или вырождался, но понадобился для войны. А винтовки-трехлинейки, оказавшись в руках 20 миллионов мужчин, – пострашнее топора.

Но ни власть предрежающие, ни социалисты-эмигранты, никто и ничто не слышат угрозы.

«Мы живем, под собою не чуя страны», – Мандельштаму и другим стоило бы заметить это раньше. Но вот что толкует о России Макс Волошин:

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно освещенной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленную верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

Максимилиан Волошин

Этот слепой, постыдный бред написан им 17 августа 1915 года в разгар мировой войны на французском курорте.

В это же время в российских городах – беспомощная бюрократия и наживающееся на войне ворье. А в окопах – голод, холод, вши, отравляющие газы (только под Припятью за пару мартовских дней 1917 года от них гибнет 20 тысяч русских солдат). Еще немного, и «хозяева» увидят не кроткие глаза, еще немного, и взбесившийся от унижений, нищеты и бессмысленной гибели народ, отряхнув с себя тонкую корочку христианских заповедей, предстанет зверем. А либералы, выброшенные на гребень Февральской революции, не могут решиться и спасти Россию немедленным выходом из войны. Это используют большевики: фронт и обе столицы завалены большевистскими газетами, общий тираж составляет 320 тысяч в день (!) Издавались они на доходы от «торговли» казначея РСДРП Я. Фюрстенберга (Ганецкого) и его сестры.

Откуда у них деньги? Собственных у этого приказчика, затем студента и профессионального революционера еще не было. Капиталом их фирмы стали миллионы рейхсмарок, выданные большевикам немецким правительством.

Помог в их получении А. Гельфанд, он же Парвус, эмигрант из России, социал-демократ и комбинатор, организовавший проезд В. Ульянова в Россию через воюющую Европу.

Россия для него – страна еврейских погромов, дикая, невежественная и неспособная самостоятельно перепрыгнуть из царизма в социализм. Он считает, что делать социализм надо в Германии, а буржуазная революция в России – это шанс для ее вывода из войны. В беседе с германским посланником в Дании Брокдорфом-Ранцау он убеждает его в том, что Февральская революция должна «логично развить последствия созданного ею столкновения интересов», что это приведет к страшной анархии. А следовательно, у Германии есть два варианта – или молниеносная оккупация России, или сепаратный мир со слабым соседом. В телеграмме для германского МИДа посланник подробно изложил мнение Гельфанда:

«Если мы в военном и экономическом отношении способны продолжать войну до осени, то в таком случае мы должны искать пути для создания в России возможно большего хаоса. Следует избегать любого явного вмешательства в ход русской революции. Мы должны сделать все возможное для интенсификации разногласий между умеренной и экстремистской партиями – их возобладание в высшей степени соответствовало бы нашим интересам. Следует сделать все возможное, чтобы добиться процесса дезинтеграции в трехмесячный период, – тогда наше военное вмешательство обеспечит крах Российской державы.

По всей вероятности, мы должны рассчитывать, что примерно в течение трех месяцев распад империи достигнет той стадии, на которой мы сможем сокрушить русских...»

Заветной мечтой самого Парвуса было взорвать Россию гражданской войной и дать таким образом пример всему европейскому пролетариату...

Подать его могли большевики, но только при наличии денег. Недавно рассекреченные архивы Германии тех лет подтвердили, что они их получили. Только первый аванс германского Минфина составил 5 миллионов золотых марок, которые Ганецкий под видом торговых закупок переправил из Швеции в Петроград.

Оплаченные речи об измене, о буржуях, о мире, о земле и справедливости становятся все плотнее и все убедительней: попытка Брусилова мощным прорывом фронта восстановить боевой дух армии захлебывается солдатской кровью, гибнет гвардия в мазурских болотах, не хватает снарядов. «Народ-богоносец» – «народушко», как любовно говорят о нем салонные патриоты, – впитывает большевистские семена ненависти и лишается последних тормозов.

«Мало его стрелить. Ишь какой белый!»

Генерал Краснов, герой Белого движения, по свежим воспоминаниям оставил нам реальную картину того, как разлагались идущие на фронт части русской армии:

«– Стой! – раздалась команда, когда головная рота подошла к реке. – Стой! Стой! – повторилась она во всех шестнадцати ротах. И, не дожидаясь разрешения, солдаты стали садиться где попало по сторонам дороги и закуривать папироски. И только что они сели, как среди них появился матрос. Он был в заломленной на затылок матросской бескозырке с лентами, в рубахе с голою грудью и шеей и в широких, раструбом вниз, шароварах. Он появился с недалеко от места привала станции железной дороги. Молодой, юркий, наглый, он повертелся в одной группе солдат, потом в другой, третьей, и вдруг от полка стали отделяться сначала одиночные люди и бежать на мост. Взбежав на мост, они снимали с себя патронташи и высыпали патроны в реку. То тут, то там щелкнули винтовки, солдаты стреляли вверх. Это продолжалось несколько секунд, потом как бы сумасшествие охватило людей всего полка. По всему величественному дубовому лесу, подходившему к реке, затрепала непрерывная бешеная стрельба, солдаты вынимали патронные ящики, хватали пулеметные ленты и бросали все это в реку.

– Долой войну! – несло то тут, то там среди криков и выстрелов.

Где-то вправо сотни голосов дико и грубо заревели на мотив “Марсельезы”:

Мы – пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм – наше красное знамя,
И священный наш лозунг – борьба!

К ним приставали голоса. Стрельба охватила весь полк, отраженные лесным эхом выстрелы казались громче, в самом лесу затрепал один, потом другой пулемет, а “Марсельеза”, хрипая и дикая, то разгораясь, то утихая, неслась по берегу реки и подхлестывала людей. Слова знали немногие, им вторили без слов, и временами песня становилась диким и грубым воем...

– Долой войну!.. Долой офицеров!.. Арестовать их!

При первых выстрелах Козлов вскочил на лошадь и поскакал к солдатам.

– Вы с ума сошли! – крикнул он. – Кто вы такие? Немцы?.. С немцами заодно? Перестать стрелять! Господа офицеры, по местам!

Бледные лица были кругом. Глаза были страшны, люди не понимали, что произошло. Из местечка бежали посторонние солдаты и несли красные знамена.

– Хватай командира, – крикнул кто-то, и Железкин схватил лошадь Козлова под уздцы. Толпа окружила его. Козлов хотел вынуть револьвер из кобуры, но его движение угадали. Кто-то из солдат, вцепившись обеими руками в кобуру, оторвал ее вместе с револьвером. Пение и стрельба прекратились, все сгрудилось в одну кучу, страшно дышащую; кругом были дикие, безумные глаза.

– Тащи, тащи его! – распоряжался кто-то в толпе.

Грубые руки схватили Козлова за ногу, его сняли с дрожащей, покрывшейся потом лошади и поволокли к лесу. Все время подле него был Железкин. Он не трогал Козлова и смотрел на него тупо, а лицо его было белое, искривленное ужасом.

– Железкин, – сказал Козлов, – помнишь Новый Корчин?

Железкин отвернулся.

– Братцы, что вы делаете! – воскликнул Козлов со слезами в голосе. – У меня жена, дети.

– К дереву его!.. Вот так. К дубу. Хорошенько крути ему руки.

– Что же вы делать хотите со мной?! – воскликнул Козлов. – За что?!

– А мало вы кровушки нашей попили!

– Капитана вяжи! Революционера вчерашнего!

Люди теснились, отдавливали друг другу ноги, спотыкались, падали, вставляли и шли, толкаясь и тяжело дыша.

– Где веревка? – спросил кто-то деловито и озабоченно.

– Посмотри на фурманке, кажись, там была.

– Что ж, так порешим или пытать будем? – спросил молодой парень без фуражки со всклокоченной лохматой головой.

Щелкнул одиночный выстрел.

– Матрос поручика порешил, – сказал кто-то подле Козлова. – Из револьверта.

– Начинать, что ль?..

Люди дрожали и не походили на людей. Слова прыгали и срывались с губ произвольно. Никто не понимал ни того, что говорил, ни того, что делал.

– Раздеть надо.

– Так порешим.

– Беспременно надо раздеть. Кителя жалко. Китель новый.

– Как же так-то?

С Козлова стянули китель.

– Постой, товарищ, а сапоги?

– Ишь, ловкий какой. Ты, что ль, возьмешь?

– Сапоги делить будем. По жребию. У него хорошие.

– Тащи, говорю.

На ходу Козлова схватили за ноги и стащили с него сапоги. Он уже не шел, но его несли, приближаясь к лесу.

– Шаровары снимай!

– За чево?

– Чево? Чево? А часы? Деньги?

У большого старого дуба Козлова, полуобнаженного, босого, прикрутили веревками к стволу... Он поднял глаза к небу. Серые тучи низко нависли. В воздухе парило. Над головою был тесный зеленый переплет ветвей, молодые желуди красивыми блестящими точками были рассыпаны среди листвы. Все было так красиво, так очаровательно в Божьем мире, что Козлов понял, до чего мучительно он хотел жить.

– Братцы! Или вы в Христа не верите! За что же! – воскликнул он.

Железкин стоял против него и смотрел на него не то с сожалением, не то с недоумением.

– Судить, что ль, будем? – нерешительно сказал он, обращаясь к толпе.

– Войну кто проповедывал, а? До победного конца? А? – раздались голоса.

– Мало кровушки нашей попили!

– Постой!

– Стрелить, что ль?

– Мало его стрелить. Ишь какой белый!

– погоди, товарищи! Как учили! – воскликнул молодой растрепанный солдат, становясь в полтора шагах от Козлова в боевую стойку с ружьем.

– Прямо коли и назад прикладом бей! – со смехом скомандовал кто-то из толпы.

Страшная острая боль заставила содрогнуться все тело Козлова. Низ рубахи и подштанники его окрасились темною кровью. Лицо позеленело, штык пробил его живот и воткнулся в дерево, солдат с остервенением повернулся кругом, перевернул винтовку прикладом вперед и с размаха ударил затылком приклада по лицу Козлова.

Хряпнули кости. Нос, рот – все слилось в одно сплошное кровавое пятно, страшно глядели из него еще живые, наполовину выскочившие из орбит глаза. С мучительным стоном Козлов стал опускаться книзу.

– Довольно! – крикнул кто-то.

– Прикончить надо, ишь хрипит.

Несколько выстрелов раздалось по бесформенному, залитому кровью лицу Козлова, и он затих.

– Айда, товарищи, в посад!

Наши уже там. Гуляют.

Все бросились долой от трупов.

– Бей жидов! – крикнул кто-то из толпы.

Солдаты тащили еврейских женищин, девушек, подростков и волокли их в лес.

Солдат тянула невидимая сила туда, где пролита была невинная кровь, где, привязанный к дубу, склонившись книзу, стоял неподвижный и страшный Коз-

лов, где лежали трупы капитана, поручика и шести молодых офицеров с сорванными погонами, с разбитыми выстрелами, окровавленными черепами.

Там, между мертвых, солдаты копошились толпами по пятнадцать, по двадцать человек и там делали свое гнусное дело. Оттуда неслись тяжелые хрипы, стоны, истеричный смех, мольбы, женский плач, грубый хохот и жестокие шутки.

...Солнце так и не вышло из-за серых туч посмотреть на тот ужас, который творился...

Вечер надвигался тоскливый и жуткий. Дождя не было, но парило на земле.

– Что ж это, братцы? Что нам за это буде?

– Да. Натворили.

– На позицию!

– Пусть Верцинский ведет!

– На позиции, товарищи, никто не тронет. Там немец. Ежели кто придет, белый флаг кинем и к нему перемахнем».

Те, кого описывает Краснов, еще недавно были людьми, они жили в той системе координат, которую дала им мирная жизнь, с ее шкалой ценностей, с ее нравственными устоями и традициями, с верой в разумность ее порядка.

Но ткань культуры тонка – война разорвала зыбкие связи, а пропаганда классовой ненависти выжгла нравственное чувство.

При первых же столкновениях, а то и не дойдя до противника, буйные толпы со всех фронтов двинулись назад, до дому, до хаты... А по пути влились в красногвардейские отряды и анархические банды, лузгали семечки, слушая революционных ораторов в столицах, кричали «ура!» обещаниям земли и мира, голосовали за «власть рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Бабушка, Надежда Петровна, увезла пятилетнюю дочь, мою будущую мать, из Петрограда на следующий день после гибели Владимира Максимилиановича.

Не мешкая, за гроши она продала что-то из домашних вещей и, схватив дочь, кинулась к родителям. Помог ей скрыться, а потом и добратся до Боровичей денщик мужа, тоже из Новгородчины.

Бабушка Надя,
Боброва, в замужестве Тацки. 1917 г.

Рыбаковы и Корнильевы

Ну а жизнь моего отца складывалась по-другому.

Его родители познакомились за пару месяцев до начала мировой войны, в поезде, идущем из Петергофа в Петроград. Дед, Николай Федорович Рыбаков, недавний выпускник штурманского класса Морского корпуса, возвращался из Кронштадта, где стоял его миноносец.

Бабушка, Татьяна Александровна Корнильева, ехала домой из гостей. По ее словам, увидев в купе вагона напротив себя молодого офицера, она смутилась и, не глядя схватив газету, сделала вид, что читает...

Но офицер вдруг мягко взял газету из ее рук и, перевернув, подал ей снова. А дальше был смех и знакомство. Николай Федорович узнал, что девушка из потомственной морской семьи, ее прадед был младшим офицером на шлюпе «Мирный», который вместе с «Востоком» под командованием адмиралов Лазарева и Беллинсгаузена обнаружил на Южном полюсе материк, названный ими Землей Александра I.

Дед моей будущей бабушки был штурманом яхты «Александрия» при Александре II.

А ее отец, капитан 2 ранга Александр Корнильев, провел много лет на Дальнем Востоке, занимался там картографией Камчатки и Сахалина, открытый им мыс получил его имя. Служил штурманом на «Стерегушем», потом капитаном миноносца «Решительный». Их отряд долго базировался в Японии, в Нагасаки, где и провела она первые годы своей жизни.

В 1904 году, получив неожиданный приказ, его корабль срочно перебазировался в Порт-Артур. Ночной торпедной атакой по стоявшим на рейде русским кораблям 9 февраля японцы на-

Бабушка Татьяна Корнильева, в замужестве Рыбакова, 1910 г.

Прапрадед Иоанн Корнильев, участник открытия Антарктиды

чали войну. А 12 февраля «Решительный» в составе 2-го отряда миноносцев принял свой первый бой. В артиллерийской дуэли снаряд разорвался на палубе «Решительного», капитан получил контузию. Позже к ней добавился еще и тиф. До России его не довели. Когда в Харбине снимали с санитарного поезда, он был уже без сознания. Его, как и других умиравших там матросов и офицеров, похоронили на кладбище в центре города. Потом русские могилы перенесли на окраину, теперь там стоятobelisks.

Позже его брат Евгений стал участником Цусимского сражения на «В. Мономах», тонул, оказался в японском плену и выжил. А вернувшись в Россию, помог семье старшего брата получить пенсию. Оказалось, что в Порт-Артуре, в неразберихе первых дней войны не были оформлены документы об участии Александра в боевых действиях.

Он попал в категорию умерших «по болезни», и понадобилось несколько лет для восстановления истины.

Понятно, что мой будущий дед не мог не принять близко к сердцу такую историю. Хотя вряд ли бабушка сразу ему все рассказала, скорее на деда произвели впечатление ее красота и наивность...

Да и дочь моряка, видимо, не осталась равнодушна, тем более что деду тоже было о чем рассказать. Его предки были рыбаками-поморами, отсюда и фамилия. Кто-то из них начал морскую службу еще при Петре I, попав в Навигацкую школу. Его потомок, морской артиллерист Федор Рыбаков, был участником обороны Одессы в 1854 году. Он был на батарее № 6, которая «с примерной храбростью, стойкостью и мужеством в течение шести часов, сначала четырьмя, потом двумя орудиями против 350 орудий англо-французского флота» отбивалась от нападавших и даже взорвала один из кораблей вражеской эскадры. За это прадед получил Георгиевский крест. Потом он защищал Севастополь, и его портрет до сих пор висит там, в музее морской славы.

*Прадед Федор Рыбаков, участник
обороны Одессы и Севастополя
в 1853–1856 гг.*

Сам же Николай Федорович к тому времени уже был участником двух больших походов вокруг Европы.

В общем, не прошло и двух месяцев, как они венчались в домовй церкви Флотского экипажа, а тут началась новая война. Но свое ранение дед получил раньше, когда на учениях по минному делу осколок гранаты повредил ему коленный сустав. Дед был вынужден уйти со строевой службы и вернуться для преподавания в Морской корпус. А в 1916 году в Петрограде на 2-й линии Васильевского острова

родился мой отец. Родители окрестили его в церкви святого Андрея Первозванного, что на углу 7-й линии и Большого проспекта. Мать моя, как я уже говорил, росла рядом, а крещена была в церкви Благовещения, что в десяти минутах ходьбы от Андреевской.

Конечно, о том, что «мир тесен», говорили и говорят так часто, что это стало «общим местом». И все равно жизнь эту тесноту подтверждает. Недавно я, например, узнал о том, что пересечения дальних предков были у меня даже с моей женой, Екатериной Молоствовой. Оказывается, предки моей бабушки Татьяны были в родстве с тем Василием Корнилевым, который еще в XVIII веке открыл в Сибири первую сибирскую типографию. Он издал там «Описание растений Российского государства», «Свод законов Российской империи», «Юридический словарь», а также литературный журнал под названием «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Все это оказалось возможно благодаря указу Екатерины II о вольных типографиях. Так вот, его внука Мария вышла замуж за директора Тобольской гимназии Ивана Менделеева. После смерти мужа на ее плечах остались дети, четырнадцатым из них был Дмитрий, будущий автор известной таблицы... Менделеевы были в родстве с Суворовыми, в свою очередь имевшими кровное родство с боярским родом Молоствых. Имение Суворова, село Кончанское, — в нескольких верстах от моих Боровичей. Ну и как тут не удивляться кружевам, которые плетет жизнь?

Дед Николай встретил Февральскую революцию в Петрограде. Еще до начала войны в Кронштадте ему довелось однажды познакомиться с последним царем. Николай Федорович был в этот день вахтенным офицером, когда со своей яхты на корабль неожиданно прибыл Николай II. Дед отпраповал, сыграли «большой сбор», а император смутился и попросил деда просто провести его по кораблю, показать и рассказать — что, где и как устроено. Он был любопытен, доброжелателен и произвел приятное впечатление.

Но монархистом вахтенный офицер после этого не стал. Скорее наоборот, демократичность, простота и обостренное чувство справедливости, желание помочь всем и каждому — таким я его запомнил.

Его отец, судья Иркутского окружного суда, под конец службы перевелся из Сибири в город Могилев. Там на берегу Днепра дед и вырос, там чуть не погиб ребенком в лесной трясине (проезжавший мимо крестьянин заметил в болотине белый кружок его детской бескозырки и бросил ему веревку).

Дед Николай Рыбаков, 1912 г.

К завершению его учебы в гимназии вся семья переехала в Петербург. Получив аттестат, дед успешно сдал экзамены в Морской кадетский корпус имени Цесаревича Алексея.

Отец его вскоре умер; несмотря на обилие наград, он ничего не накопил. Его большая семья жила бедно. Дед рассказывал мне, что сокурсники на какой-то вечеринке, вышучивая всех по очереди, спели про него: «А наш Коля Рыбаков просит денег у богов на починку сапогов!»

Пройдя кадетские классы, он, пятым по старшинству (успеваемости) из 138 сокурсников, окончил гардемаринские курсы, за отличные успехи был награжден премией адмирала Нахимова и вышел мичманом. Правда, до этого был случай, когда он чуть не вылетел из корпуса. Проходя по улице, он оказался свидетелем того, как полицейский орал на какую-то бедно одетую женщину с ребенком на руках. Она задолжала за квартиру, хозяин позвал квартального, а тот тащил их в участок. Сцена, как рассказывал мне дед, была отвратительная, и он не выдержал – врезал по уху и кричал на «селечника» (так звали полицейских за сабли, с которыми они ходили), а тот так опешил, что и женщину отпустил, и гардемарина не арестовал. Потом, видно, опомнился, узнав, что черная шинель, золотой кант и якорь на белых погонах – форма не офицерская. Полиция пыталась найти деда в училище, да товарищи не выдали.

Заканчивая учебу, дед попал на практику в поход Балтийского флота, который проводил учебные плавания в Средиземном море. Однажды в сицилианский порт Аугуста, где они базировались, срочно прибыл русский вице-консул и сообщил о бедствии в Мессине, о том, что итальянское правительство просило все суда в этом районе идти на помощь пострадавшим. Командующий отрядом должен был телеграфом запросить Адмиралтейство об инструкциях, но на это ушло бы время, тем более что в то время Италия входила в «Тройственный союз», группировку, враждебную России, и каков был бы приказ – еще неизвестно... Посоветовавшись со своими офицерами, контр-адмирал В. И. Литвинов распорядился немедленно готовить корабли к выходу в море. На рассвете эскадра подошла к разбитому городу, где сутки назад меньше чем за минуту серия страшных подземных ударов оборвала жизнь 80 тысяч человек. Когда наши пришли, оказалось, что во время катастрофы английский крейсер стоял в бухте, но его команда еще не сошла на берег. По словам деда, только после того, как русские корабли высадили на разбитую городскую набережную больше сотни спасательных групп, командир «Сетлея» был вынужден нехотя «последовать движению старшего на рейде». Николай Федорович, корабельный гардемарин, руководил спасательной группой из 12 матросов.

Вот что писал он потом об этих днях: *«...Впереди каждой группы шел кто-нибудь из уцелевших жителей Мессины. В нашей группе моряков флагманского корабля таким проводником оказалась десятилетняя девочка Лючия. Держа меня*

за руку, она настойчиво вела нас на свою улицу, к тому дому, под руинами которого была заживо погребена ее семья.

...Наконец она привела нас к своему родному дому и, взобравшись на груды развалин, что-то крикнула вниз. Оттуда донесся мужской голос. Разобрав кучу кирпичей, мы увидели голову засыпанного строительным мусором бородатого человека – отца Люции. Одна из балок обвалившегося потолка так легла поперек его тела, что, приняв на себя вес обрушившихся кирпичей, спасла ему жизнь. Но эта же балка не позволяла мессинцу выбраться наверх. Ее надо было перепилить и высвободить человека.

В этот момент слышался идущий откуда-то снизу глухой гул. Взглянув наверх, я увидел, что уцелевшая стена, под которой мы работали, начинает наклоняться, что она вот-вот рухнет. Я крикнул: “Полундра!” – и все отбежали в сторону. Стена упала со страшным грохотом. Это был один из повторных подземных толчков, которые, как говорится, доконали то, что уцелело в минуты первого, самого сильного землетрясения, разрушившего Мессину.

Шум утих. Только над рухнувшей стеной стояло облако пыли. Мы опять взобрались на груды обломков, которыми вторично засыпало отца Люции. Этому человеку явно везло – балка спасла ему жизнь и теперь.

Я оставил там двоих матросов, и они освободили итальянца, а сам вместе с группой пошел дальше».

Из рапорта командующего эскадрой: «В подтверждение сведений, сообщенных мною в телеграмме, доношу, что всеми судами отряда и канонерскими лодками “Кореец” и “Гилляк” извлечено из-под развалин и оказана медицинская помощь не менее как 2 000 человек и около 1 800 человек доставлено на судах отряда в города Неаполь и Сиракузы...»

Мессина, 1908 г.
Русские моряки несут раненых

Потом в Мессине русским морякам поставили памятник.

Закончив учебу, Николай Федорович служил штурманом на броненосце «Цесаревич», потом на «Ретвизане», имел награды, в том числе и за спасение жителей Мессины.

Когда Николай II отрекся от престола, дед служил в Генеральном морском штабе, в секретном отделе.

Н. Ф. Рыбаков
на броненосце «Цесаревич»

Служба в столице открыла ему многое из того, что не было известно участникам войны. Российская империя несла тяжелейшие потери: из 17 миллионов человек, поставленных под ружье, за четыре года выбыло 11 миллионов (безвозвратно – больше 3 миллионов); это значительно превышало потери Франции, Британии, Италии и США вместе взятых.

Как мрачно шутили тогда, союзники России дрались «до последнего русского солдата»...

Восполнение рядов привело на фронт необученных резервистов, даже не вторую, а уже третью очередь призыва. Правда, и Германия сопротивлялась из последних сил. Если бы не сговор кайзеровского Генштаба с большевиками, развалившимися фронт, капитуляция немецкой армии могла бы произойти в ближайшие месяцы. Но ожидаемая победа давалась России непомерными,

надорвавшими ее жертвами.

И все же, как рассказывал дед, стихийное восстание, обернувшееся Февральской революцией, было для него полной неожиданностью. Да, усталость и угроза голода нагнетали напряжение городских окраин, но не верилось, что от вспышек недовольства может сдетонировать весь город.

Несмотря на приближавшуюся грозу, жизнь в нем продолжалась своим чередом до последнего момента. Вот выдержки из писем Надежды Аллилуевой, 17-летней гимназистки:

«27 февраля 1917 г.

Наконец собралась Вам написать, все это время было страшно некогда. А теперь у нас занятия на 4 дня прекращены, ввиду беспокойного состояния Петрограда, и у меня теперь есть время. Настоящее положение Петрограда очень и очень нервное, и мне очень интересно, что делается в Москве».

На следующий день: «Вот и свершился праздник, пришел дедушка и разъяснил, что произошло. Еще не понимают дома, что это такое».

Дед рассказывал, что утром 23 февраля толпы народа запрудили улицы: то тут, то там, как только на садовую решетку или фонарь взбирался какой-нибудь оратор, кучки людей обрастали толпой. Значительную часть толпы составляли студенты, люди с окраин, мастеровые. Николай Федорович, добросовестный и ревностный службист, и в это время не считал возможным манкировать службой: что бы ни случилось и тогда и потом, он, опираясь на палку, шел в здание Адмиралтейства. Но 26-го дойти уже не смог: трамваи не ходили, а на Конногвар-

дейском бульваре его остановили пулеметные очереди, беспорядочная стрельба и толпы народа.

Он не считал возможным участие офицера в гражданских столкновениях на любой стороне и вернулся домой. На следующий день все-таки добрался до Адмиралтейства. Но то, что там происходило, было нелепо – на каком-то ручном станке еще печаталось объявление Командующего войсками Петроградского Военного округа генерала Хабалова: **«По Высочайшему повелению город Петроград с 27 сего февраля объявляется на осадном положении...»**

А в это время толпа, вобрав в себя солдат запасных полков, уже смела сопротивление полиции и жандармов. Гибли и случайно подвернувшиеся под руку офицеры, любой мундир или кокарда вызывали ярость, жертвами пьяных толп становились даже гимназисты, которых сбрасывали в воду и топили, но и среди восставших число жертв было огромно. Вспышка страха и ненависти, веры и опьянения свободой дала разряд сокрушающей энергии. Пулеметы жандармов, винтовки солдат, перешедших на сторону восставших, шашки казачества убили и изувечили тогда более 10 тысяч человек. Это их безымянные могилы рассеяны по Марсову полю Петербурга.

Жертвы не помешали современникам вспоминать эту НАСТОЯЩУЮ революцию, называя её «самой солнечной и праздничной». Вот и А. Блок, в марте приехав в Петроград, пишет матери:

«Бродил по улицам, смотрел на единственное в мире и в истории зрелище, на веселых и подобревших людей... Необычайное сознание того, что все можно, грозное, захватывающее дух и страшно веселое. Может случиться очень многое, минута для страны, для государства, для всяких “собственностей” – опасная, но все побеждается тем сознанием, что произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса. Ничего страшного нет, необыкновенно величественна волеизъявление, военные автомобили с красными флагами, солдатские шинели с красными бантами, Зимний дворец с красным флагом на крыше. Выгорели дотла Литовский замок (тюрьма. – Ю. Р.) и Окружной суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их внутри, выгорела. Ходишь по городу как во сне. Вчера забрел к Мережковским, они рассказали многое, так что картина переворота для меня более или менее ясна: нечто сверхъестественное, восхитительное».

Но уже в это время начались расправы матросов со своими офицерами. Военный губернатор Кронштадта, герой Порт-Артура и свирепый служака Р. Вирен заколот штыками, в Гельсингфорсе в первые дни марта убиты 39 офицеров, среди них адмирал Непенин, генерал-лейтенант флота Кириллов, контр-адмирал Владиславлев, пропало без вести еще шесть офицеров, четверо, увидев, как на глазах у их детей истязают и казнят товарищей, покончили с собой...

Тогда на эскадренном миноносце «Новик» служил будущий эмигрант и писатель Г. К. Граф. Он писал позднее, что один из видных большевиков – будущий

гонитель церкви И. Шпицберг признавался: *«Прошло два, три дня с начала переворота, а Балтийский флот, умно руководимый своим Командующим, адмиралом Непениным, продолжал быть спокойным. Тогда пришлось для “углубления” революции, пока не поздно, отделить матросов от офицеров и вырыть между ними непроходимую пропасть ненависти и недоверия. Для этого-то и были убиты адмирал Непенин и другие офицеры. Образовывалась “пропасть”, не было больше умного руководителя, офицеры уже смотрели на матросов как на убийц, а матросы боялись мести офицеров в случае реакции...»*

Дед, по ранению переведенный в Петроград, избежал тогда этой участи и продолжал ходить на службу. Узнав, что полнота власти перешла Государственной думе, а потом, 2 марта – Временному правительству, он счел, что его долг – выполнять свои обязанности. Война ведь продолжалась, а их отдел занимался расшифровкой немецких радиogramм по кодам, найденным на затонувшем кайзеровском броненосце «Магдебург».

Эйфория первых месяцев революции гасла, Временное правительство оказалось перед проблемами, которые не решались призывами к патриотизму, на страну наступала разруха. Сепаратистские, националистические, а на Урале даже большевистские силы уже через пару месяцев повели самостоятельную политику.

Привыкшее к раболепию общество судорожно искало объект поклонения. Им оказался эсер, учившийся когда-то в одной гимназии с В. Ульяновым. Вот письмо, опубликованное в то время, от группы «трудящихся женщин Твери»:

«Имя Керенского давно стало дорогим и любимым по всем уголкам нашей родины. В самые темные дни недавнего прошлого мы чутко ловили отзвуки слов и мыслей Керенского. И теперь это имя и личность А. Ф. Керенского стало Солнцем России, Совестью свободных граждан. Мы, бабушки, матери, сестры и дочери, просим вас, братья, вас, близко стоящих, – берегите его жизнь, берегите его время, обеспечьте ему хотя бы минимум сна и правильное питание, чтобы силы Солнышка Новой России не надорвались. Поклон Совести и Сердцу свободных граждан России А. Ф. Керенскому».

Но обожание длилось недолго.

Надежды на то, что вожди, которым обыватель охотно передал все полномочия и всю ответственность, все наладят и «будет всем счастье», не оправдались. Оказалось, что от любви до ненависти один шаг.

Крушение

В стране нарастает организованный саботаж: «Революция и контрреволюция – одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике... Революция без контрреволюции не бывает и не может быть», – говорит В. Ульянов и доказывает это, возглавив контрреволюцию слева.

Подрывная работа не встречала отпора у тех, кто любил «в богато убранной палате поговорить о бедном брате», а теперь принял на себя бремя власти. Даже имея достаточные к тому основания, правительство лишь предъявляет большевикам обвинение в измене Отечеству, но не способно ее пресечь. Один из городских прокуроров предупреждает наемных предателей. Ульянов, Зиновьев и другие успевают скрыться.

Об уровне непонимания происходящего можно судить по письму А. Гальперна своей возлюбленной. До этого он писал ей в Крым, что в столице неспокойно, да и есть нечего, с возвращением лучше не спешить, но: *«Совершенно уверенно сообщаю Вам, дорогая, что теперь можно ехать. Жизнь, слава Богу, налаживается. Вчера появился пышный белый хлеб, как раньше. Вам голодать не придется. Жду с нетерпением. Буду встречать»*. А ведь Гальперн не был обычателем с узким кругозором, он служил управляющим делами Временного правительства, а на письме стоит дата – 24.10.1917. На следующий день он уже сидит в каземате Петропавловской крепости...

А вот как оценивает конец республики очевидец, писатель Леонид Андреев: *«Несчастье России в данный момент заключается исключительно в том, что в России нет власти, а стало быть, нет и закона, ни плохого, ни хорошего. Те остатки закона, которые слабо поддерживаются милиционерами и словесным увещанием, лишь засоряют зрение и портят вид на картину чистойшей анархии, которой охвачена вся страна сверху донизу, вдоль и поперек. И сколько бы полезнейших законов ни издало сейчас “правительство”, они останутся только литературой и влияния на жизнь будут иметь не больше, нежели поэмы Игоря Северянина; и оттого все “распоряжения” правительства так естественно похожи на мелодекламацию и в лучшем случае лишь тешат слух “высокого собрания”*. Такой потери власти не знали, кажется, ни одна страна, ни одно правительство. И когда я вижу, как Московское совещание издает резолюцию о повороте направо, а Совет солдатских и рабочих депутатов – о повороте налево, а Временное правительство стремится выровнять возжжи и держать посередине, я не замечаю одного важнейшего предмета: самих возжжей; и оттого хорошо знаю, что ни направо, ни налево, ни даже прямо мы держать не можем...»

(Ну чем не ситуация 1993 года, когда остервенелый разнбой и в парламенте, и в правительстве провоцирует попытку захвата власти необошевиками? – Ю. Р.) И далее, снова Л. Андреев: *«В. Ульянов, ничтоже сумняшея, прямо взывает к зверю в человеке, он открыто приглашает его вырваться из клетки и начать работать зубами и когтями»*. Не проходит и года – результат налицо.

19 октября 1917 года Надежда Аллилуева пишет родственникам:

«На днях с учительницей музыки была в Музыкальной драме и видела “Сорочинскую ярмарку”, остались очень довольны. В Питере идут слухи, что 20 октября будет выступление большевиков, но это все, кажется, ерунда».

В результате этой «ерунды» она вскоре знакомится с Иосифом Джугашвили. Как напишет потом их дочь, Светлана: *«на ребенка (то есть на ее будущую мать – Ю. Р.) свалилась камнем любовь к человеку на 22 года старше, вернувшемуся из ссылки, с тяжелой жизнью революционера за плечами; к человеку, идти рядом с которым нелегко было и товарищам. А она пошла рядом, как маленькая лодочка, привязанная к огромному океанскому пароходу. Так я и вижу эту “пару” рядом, бороздящую бешеный океан»*.

В океане крови, который бороздил этот «пароход», привязанная к нему «лодочка» и сгинула.

Демократическое правительство теряет авторитет и способность к управлению, генералитет тоже, а «Советы», «пятая колонна» готовы к прыжку. И они его делают, причем город так устал от неразберихи, что замечают его разве что члены арестованного Правительства да жители тех домов, в которые залетают шальные снаряды. Остальные узнают о перевороте утром из газет и расклеенных большевиками декретов. Со стороны захвативших власть есть потери – 6 человек.

Число погибших защитников Правительства неизвестно. Одна из участниц обороны Зимнего дворца, унтер-офицер женского батальона Мария Бочарникова, расстрелянная потом большевиками в Сибири, писала, что из их батальона при штурме, пока они не получили команды сложить оружие, погибла лишь одна девушка.

Потом они чуть не стали жертвами расправы, но их перевели в Гренадерские казармы, где накормили и утром отпустили... Но, по ее словам, погибли страшной смертью те защитники Временного правительства, кто при штурме оказался один или потом пробирался по ночным улицам.

Бабушка Таня рассказывала отцу, что вскоре после октября дед по службе был командирован в Кронштадт. Но на следующий день он не вернулся, как и на другой. Бабушка с двухлетним сыном провела эти дни в темной и холодной квартире, не находя себе места: за окнами стреляли, есть было нечего и как выживать дальше – непонятно. Николай Федорович все-таки пришел, замерзший, в старом матросском бушлате, без фуражки, в грязи по колено и ничего не рассказал. Лишь потом, много позже, обмолвился, что вернулся «с того света».

Тогда, в Кронштадте, в первые дни Октябрьского переворота, началась вторая, тотальная волна охоты за оставшимися офицерами. Истины ради надо сказать, что семена ненависти были посеяны давно.

После восстания 1905 года в том же Кронштадте комендант Адлерберг «шутил», говоря приговоренным матросам: «Копайте, ребята, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». После расстрела могилы заровняли, по ним прошли войска и прогнали других осужденных.

Террору 1917 года балтийские «братишки» придали видимость «народного суда».

Все офицеры, которых удалось схватить, были согнаны в овраг, бывший канал, рядом с Петровским доком. Двести с лишним человек сутки простояли в черной, мерзлой жиже – ревком объявил, что останутся жить только те, за кого придут просить «низшие чины». Пришли и вытащили многих – тех, кого матросы знали и уважали, тех, кого выкупили жены, но не всех. На третьи сутки во рву осталось 33 человека, среди них были не только те, кого ненавидели, но и случайные люди – те, кто просто не был известен. Их убили. Если пропажа деда в Кронштадте объясняется этими событиями, значит, нашлись матросы, которые за него заступились.

Он продолжил службу в Адмиралтействе, а вскоре, когда к нему в отдел вошел комиссар, на прямой и короткий вопрос: «Работать будете?» – ответил: «Буду».

Могу ли я осуждать его за это? Как гражданина – наверное, если бы сам был уверен в том, что, увидев такого комиссара (а это была «зеленоглазая валькирия» Лариса Рейснер), ответил бы по-другому. Да, из дня сегодняшнего мне кажется, что, будь я там, все равно ушел бы на Дон, туда, где формировалось Белое сопротивление. Но мое представление об этих событиях – лишь контур тех обстоятельств, в которых они делали свой выбор. На чем было основано его согласие работать под началом фанатиков? Вспоминая о его доброте и абсолютной порядочности, о стойком выполнении им своего долга перед каждым, кому он мог помочь, я не могу признать за ним малодушия, скорее это была стойкость какого-то другого порядка.

Думая о нем, я вспоминаю строки Чеслава Милоша:

Однако все ж ты не безволен,
Став даже камнем в чистом поле,
Ведь направление лавины
Зависит от камней долины.

Действительно, его стойкость в последующие, очень трудные времена, отводила беды и была опорой для многих...

Русский народ, еще недавно единодушно выступивший против самодержа-

вия, за полгода разделился на два схлестнувшиеся в смертельном поединке лагеря и толпу тех обывателей, кто, не понимая происходящего, прятался и жил с мыслью – пронеси, Господи.

А Генеральный штаб кайзеровской Германии пожинал плоды развала России. Немецкие войска продвигались все глубже, не встречая сопротивления. Сразу после большевистского переворота министерство финансов Германии передало своему дипломатическому представительству в Стокгольме «на известные цели» 2 миллиона марок, 9 ноября на «политические цели в России» было выдано еще 15 миллионов марок, руководитель политотдела МИДа Германии фон Берген мотивировал это тем, что правительство большевиков борется с «большими финансовыми трудностями, а поэтому желательно помочь ему деньгами».

Через неделю после Октябрьского переворота генерал Алексеев создал офицерскую организацию в Ростове. На ее базе потом была сформирована Добровольческая армия.

Началась гражданская война. Брат деда Николая, Владимир Федорович, предводитель дворянства одного из уездов Могилевской губернии, попытался пробраться к адмиралу Колчаку, но был снят с поезда и убит на каком-то сибирском полустанке.

Брат деда Владимир Рыбаков

Семья узнала об этом, найдя его фамилию в списках казненных, которые публиковались в газетах. А междоусобица разгоралась. Ее основными лозунгами стали, с одной стороны: «Да здравствует мировая революция!», «Смерть мировому капиталу!»; с другой – «Умрем за Родину!», «Лучше смерть, чем гибель России!». В лагере Белого движения были монархисты и либералы – республиканцы, сторонники Учредительного собрания и сторонники военной диктатуры. В рядах Белого движения оказалась значительная часть интеллигенции. При всей разноликости Белого движения его сторонников объединяла ненависть к укравшим свободу коммунистам и понимание того, что судьба России после подавления красного путча должна решаться «соборной волей народа».

Гуманист В. Короленко пишет:

«Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы – большевиков. Большевики – добровольцев. Но озверение проникло всюду. ...И благо той стороне, которая первая сумеет отрешиться от кровавого

тумана и первая вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному».

А вот В. Ульянов в письме к колеблющемуся М. Горькому пишет:

«Интеллектуальные силы народа смешивать с “силами” буржуазных интеллигентов неправильно. За образец возьму Короленко. <...> Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками <...> Нет. Таким “талантам” не грех посидеть недельки три в тюрьме <...> Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно!»

Советская пропаганда внушала нам, что в Белом движении участвовали лишь те, кто воевал за свою собственность, «буржуи». Но послужные списки добровольцев дают другую картину. Оказывается, 90 процентов офицеров не имели ни родового, ни благоприобретенного недвижимого имущества, а 40 процентов происходили из мещан, крестьян, чиновников и солдат. Даже руководство Белой армии не принадлежало к помещикам или капиталистам.

Л. Г. Корнилов – сын казака-хорунжего, А. И. Деникин – сын майора, выслужившегося из солдат, М. В. Алексеев – сын солдата сверхсрочной службы. Добровольческая армия, приняв в свои ряды офицеров, юнкеров, воспитанников кадетских корпусов и военных училищ, студентов, была народной, как и Красная армия, объединившая малую часть старой армии, рабочие дружины, часть крестьянства, деклассированный элемент.

Одной из этих армий было суждено погибнуть...

Те, кого еще волнует история России, продолжают задаваться вопросом, как могло случиться, что победителями в этом противостоянии стали «большевики». Да, участники Белого движения наделали немало ошибок и преступлений. Но это не шло ни в какое сравнение со злодеяниями большевиков, сжигавших и заживо закапывавших в землю духовенство, объявивших всех женщин с 16 лет «общим достоянием», отнимавших хлеб до последней крошки.

В 1918 году в Одессе зверствовала «красная» женщина-палач Вера Гребенюкова (Дора).

С. Мельгунов рассказывает: «Она буквально терзала свои жертвы, вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы. В течение двух с половиной месяцев ее службы в одесской чрезвычайке ею одной было расстреляно 700 с лишним человек, то есть почти треть расстрелянных в ЧК всеми остальными палачами».

Другая большевичка, Пластинина-Майзель-Кедрова, «расстреляла собственноручно 87 офицеров, 33 обывателя, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами армии Миллера».

В декабре 1918 года Л. Бронштейн (он же Антид Ото, он же Пер, Львов, Арбузов, Викентьев, Яновский, Седов и Троцкий) говорит своим поделщикам: «Чем

мы можем компенсировать свою неопытность в управлении государством? Запомните, товарищи, только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивости, мягкотелости история нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат которой, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительно активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти». И далее: «Если нужно триста миллионов голов, мы, не задумываясь, срежем эти миллионы».

Это были не только слова: концентрационные лагеря, взятие заложников, бессудные расправы и произвол ЧК погрузили страну в кровавый туман. Увидевший, наконец, реальную Россию Волошин потом напишет:

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.

А потом, с широкою русскою песней
Возвращались в город домой...

Казалось бы, весь народ должен был восстать, хотя бы просто из инстинкта самосохранения. Казалось бы, тогда и должна была стать народной песня, написанная Александром Бодеем еще в 1914 году:

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой».

А народ, стоявший на краю пропасти, безмолвствовал или охотно участвовал в травле «господ».

Москва, 30 октября 1917 года. В будущем МХАТе идет спектакль «Три сестры», сидевший в зале солдат поднимает винтовку и стреляет в актера, который играет – нет, не Соленого, а Тузенбаха. И еще орет на весь зал: «Это я! Я – в контру попал!»

Вот В. Короленко описывает свой разговор с полтавскими селянами, которые в том же году позвали его на сход, расспросить, что же делается вокруг:

«Окруженный спорами и страстью, более трех часов я искал понятных форм, чтобы выяснить всю серьезность и трудность задачи. Я старался объяснить им сложность и взаимную зависимость жизни города и деревни, земледельческой и обрабатывающей промышленности, а также роль государства...

...Передо мной была крестьянская масса, непривычная к самостоятельности и сложным процессам мысли.

За царями им жилось трудно, но был кто-то, кто, предполагалось, думает за них об их благе. Надежды на царей не оправдались. Теперь пришла какая-то новая чудодейственная сила, которая уже, наверно, все устроит, – и опять без них.

Один из возражателей обезоружил меня сразу, сказав с необыкновенной уверенностью и простодушием:

– А по-нашему, как все – очень просто: нам раздать землю, а городским рабочим прибавить жалования. И все будут довольны.

Один солдат, пришедший с фронта, сказал:

– Если бы вы, господин, сказали такое у нас на фронте, то, пожалуй, живой бы не вышли... Нам это, что вы говорили, – не надобно».

И вот еще цитата из его разговора с Луначарским, которого Короленко пытается убедить в необходимости прекращения террора в Полтаве:

«Большевики умеют “занимать город”. Каждый раз, когда они входили, быстро прекращались грабежи и неистовства бандитов. Даже в последний раз они скоро возобновили порядок, тогда как деникинцы открыто грабили еврейское население три дня. Но затем, когда начинает действовать большевистский режим с чрезвычайками, арестами и бессудными расстрелами, это впечатление скоро сменяется ненавистью населения и ожиданием новой перемены».

Кого винить – Корнилова, Врангеля, Деникина – из-за нехватки вынужденных принимать в свои отряды случайных людей? Тех кадровых офицеров, ко-

торые, уже зная, что творят большевики, отсиживались дома, или тех, кто возглавил отряды Красной гвардии, потому что их семьи остались заложниками? Обезумевший от запаха крови народ?

А ведь поначалу коммунисты сами невольно помогали росту Белого движения. Заключение мира с Германией вызвало презрение и ненависть к Советской власти у фронтовых офицеров, они пополнили и составили ударные части белых армий. Позднее, секретный приказ Свердлова об уничтожении казачества как класса, последовавшие за этим реквизиции и расстрелы богатых, а потом и бедных казаков вынудили их к сопротивлению.

На Украине крестьяне уже поделили помещичьи земли, но большевики затеяли еще один передел и встретили сопротивление, поддержанное националистами.

В результате юг России был очищен от «коммунистов», но – только юг. В центральной же России захватчики на первых порах получили поддержку крестьянства.

Конечно, декреты о передаче власти Советам (почему бы и нет, это же демократия), о мире (который нужен всем), и, конечно, о той земле, которую так хотят получить 80 процентов народа, принятые на вторую ночь правления путчистов, сразу дали им небывалый кредит доверия. Иначе быть не могло. То, что они пообещали, отражало самые сильные желания подавляющего большинства.

После того как крестьяне в шинелях узнали о том, что надо быстрее «рвать домой» и «грабить награбленное», конечно, никакие короленки, никакие соображения о необходимости сохранить большие хозяйства и прочее не действовали. И не волновала селянина чья-то другая судьба... А «большевик» четко стал «нашим»:

– Как же – землю дал! Другие – никто не давал, говорили только, а этот – дал!

В результате оставалось лишь сказать им, смотрите, мол, буржуи идут, они у вас землю отымут! И в каждой деревне нашлась пара-тройка охотников пострелять за свое, за кровное. А это уже тысячи, десятки тысяч солдат. Русская деревня средней полосы стала ресурсом первого и последнего добровольного призыва Красной армии, в арсеналах которой остались почти вся амуниция, боезапас и военная техника царской армии. А если к ним прибавить красногвардейские отряды рабочих да наемных китайцев, латышей и венгров... Вроде – достаточно, чтобы рассеять сопротивлявшихся? Но чтобы селянин пошел воевать дальше околицы, нужно что-то еще. Это потом энтузиастов – кого распустили, кого расстреляли. Это потом – заградительные отряды, заложники и расстрелы удерживали принудительно мобилизованных на фронте. Это потом – едва успевший почувствовать себя хозяином крестьянин обнаружит, что его захлестывает новая кабала. И тогда появится лозунг: «Бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют!» И понесутся из огня да в полымя тачанки Григорьева, Антонова, Махно. Но коммунисты сломают хребет и свирепой крестьянской вольнице.

Что же обеспечило им победу? Быть может, злой гений антихриста, «мировая закулиса», «заговор Сиона» стояли за победителями? Именно так пытаются думать «национал-патриоты». Утверждая, что кучка «злодеев» опрокинула сто-миллионный народ, они проявляют не только поразительную глупость, но и неуважение к этому народу.

Быть может, красными руководила ярость и сила личной ненависти? Что ж, была и она.

Из воспоминаний социал-демократа И. Ф. Попова:

«...Тогда Инесса напомнила мне про Ульяновскую месть Романовым за брата и предположила в его отношении к самодержавию много личного.

А я вспомнил, как В. Ульянов, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказывал, что уезжал на лодке по Волге с братом Сашей и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды “Вольность”:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу...»

Он же (Попов), откровенничая с Ларисой Васильевой, говорил, что старшая сестра В. И. Ульянова якобы «была “прижита” его матерью от кого-то из великих князей, отставлена за это от двора, что толкнуло Александра, случайно узнавшего об этом, на участие в теракте против обидчиков».

Действительно, остается вопрос, почему мать осужденного преступника, приехав в Петербург, немедленно получила аудиенцию у царя? Это чуть ли не единственный случай. Как и то, что Александр III обещает сохранить террористу жизнь, если тот попросит о снисхождении. В отказе студента, заявившего матери, что «дуэлянты так не поступают», тоже просвечивает что-то личное.

Да, в версии Попова есть пошлый душок и явное упрощение. Но, если повнимательней присмотреться к личности младшего брата, если вспомнить его записочки («Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению... Образец надо дать. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. Опубликовать их имена. Отнять у них весь хлеб. Телеграфируйте получение и исполнение. Р. S. Найдите людей потверже». Или: «Назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты. Ваш В. Ульянов»), то поневоле вспомнишь строки Маяковского:

Не очень ли
портрет
выглядит подленько?
Пожалуй,
но все же
не подлей подлинника.

В начале 70-х я работал в реставрационных мастерских Музея этнографии народов СССР. Среди сотрудников мастерских была некая Юровская. Однажды за общим чаепитием она с гордостью рассказала о том, что является родственницей того самого Якова Юровского, который руководил расстрелом царской семьи. От нее я и услышал, что родственничек в кругу семьи рассказывал, с каким трудом он вез из Москвы на Урал секретный приказ о казни. Понятно, что имел право и мог подписать его только председатель Совнаркома.

«Несправедливо!»

И все же казнь семьи личного врага – одно, а разбушевавшаяся народная стихия – другое. Объяснять ее злой волей Ульянова, Свердлова или еще сотни жестоких безумцев глупо. Никакой банде не взорвать громадную, рыхлую империю, не будь она больна гангреной застоя. Это о ней еще в 1914 году пишет Александр Блок:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне, –
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь – дай тоске и скуке
В тебе копиться и
Но только – лживой жизни этой
Румяна жирные сотри.

Революция, настоящая, Февральская – стерла, но очиститься зараженный гнилью организм не успел. Времени, нужного России, чтобы передохнуть и заняться делом своего обустройства, не осталось. Интернациональная шайка авантюристов разогрела яд давно копившихся обид, возведя их во всеразрушающую ненависть. Но верящие в мессианскую долю России романтики Серебряного века еще не видят глубины катастрофы. Александр Блок, чья библиотека в Шахматово уже сожжена вместе с усадьбой, 9 января 1918 г. публикует в эсеровской газете «Знамя труда» обличающее, страшное в своей искренней слепоте, лихорадочно-возвышенное обращение к интеллигенции. Он пишет о том, что насилие и разрушения, которые привели в ужас мещан, – это расплата и возмездие:

«...Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое – отвечаем мы? Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов?.. Что же задумано? Переделать все.

Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народ-

ной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, – это называется революцией».

И заканчивает: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию!»

Человек безупречной честности, он горько поплатится за свое обольщение. Вскоре он напишет своему другу о том, что тот «дух земли», тот Erdgeist, который еще недавно был доступен его внутреннему слуху, пропал.

И чуть позже, незадолго до смерти, скажет: *«Слопала-таки гнившая матушка Россия своего поросенка».*

А пока – все еще только начинается, он еще жив, как живы еще миллионы тех, чья жизнь идет уже по краю...

Силу стихии определили те задачи, которые путчисты обещают воплотить – они востребованы миллионами взывавших к справедливости людей. Ощущение неправильности, несправедливости – сильное и старое чувство. В 70-е годы появился научно-популярный фильм «Обезьяний остров». Где-то в Новгородчине ученые высадили на остров семейство шимпанзе и стали наблюдать за их жизнью. Поскольку бананы там не росли, то обезьянам еду привозили. А распределял ее вожак, который однажды кого-то обделил. Реакция обиженного была поразительно похожа на человеческую – сев на землю, обделенный мотал головой и лупил кулаком по земле, казалось, вот-вот он закричит:

– Не-спра-вед-ли-во!

Судя по тому же фильму, наше радикальное отличие от шимпанзе в их неспособности к коллективным, скоординированным действиям. Поскольку мы этому научились, многократно повторенный, скоординированный крик «Несправедливо!» стал рычагом политики, это он повел первые красные цепи по полям России.

Когда на рубеже века вновь зазвучали слова «Свобода, Равенство и Братство», их произнесли те люди, для кого они означали пересотворение человека, колонизацию «недомира»! Просвещение, его естественно-научные шаги привели человека к выводам о возможности переустройства мира по «разумному» плану. Да и вся европейская цивилизация шла в том же русле переустройства, колонизации «диких, невежественных» людей «цивилизованными». Следуя по тому же пути, социальные «культуртрегеры» считали старый мир низшим порядком. Их высшая цель – разумный мир правильных людей. Сегодня их еще нет, есть аборигены старого. Их можно и нужно цивилизовать в единственно разумных условиях социалистического общежития. Не умеют – научим, не захотят – заставим! А если они, порождение старого мира, не станут другими, пусть работают на тех, кто придет после них, на тех, кого мы вылепим по своему разумению... И пусть «равенство» начнется с дискриминации, пусть оно назовется «диктатурой пролетариата», кукловодами которого будем мы, вооруженные истинным знанием люди. Зато мы, «инженеры человеческих душ», выйдем на единственно верную, «предопределенную исторической необходимостью», дорогу к новой цивилизации.

Масштаб и цель, действительно, завораживают.

Вот и Есенин, восторгаясь и подвывая от ужаса, готов хоронить старый мир:

Гибни, край мой!
Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.

Немало тех, кто в кровавой резне видит себя горьковским героем, чье сердце осветит людям дорогу к спасению. И многие еще не понимают, что придется вырвать много чужих сердец, что «царство Божие» придется строить на крови тех, кого они сочли дикарями. Чуть ли не первым советским законом по инициативе Каменева была отмена смертной казни, но тех, кто планировал террор, это не остановило. Каменева тоже не спасло. «Миссионеры» готовы использовать массу будущих жертв, палачей и рабов как сырье, как строительный материал будущего. Ведь в руках целая страна – неожиданный фарт повлек мечтателей и властолюбцев по краю пропасти.

Зиновьев вспоминал позднее: *«Кто, как не Ленин, обокрав сначала эсеров, а потом и меньшевиков, стукнул им всем по голове, взял в руки дубинку и даже с нами разговаривал лишь после того, как он сам все решит. И мы молчали и подчинялись, и всё, вопреки теории и программе, получалось великолепно!*

Деникин под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и “пети-мети”, причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину ловить попугаев. Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и сказал, и предсказал: “Положение – хуже не бывало. Но нам всегда везло и будет везти!”»

На протяжении 1918-1919 годов все, что делают авантюристы и фанатики, подчинено предвкушению мирового пожара.

Если полыхнет где-нибудь, ну хоть чуть-чуть, бунт надо раздуть и подпитать. Нужны деньги, много денег! Давно истрачены 50 миллионов немецких марок, их пришлось компенсировать сторицей. По условиям Брестского мира, золотом и зерном выплачена стоимость всех немецких капиталов, размещенных в России еще до революции. И вот объявляется конфискация банковских счетов, принудительная сдача золота от населения. **«Главным врагом социализма является мелкобуржуазная стихия. Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных “правдами” и, особенно, “неправдами”.** Деньги – это свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, пряча его от государства, ни в какой социализм и коммунизм не веря».

«Мелкий буржуа, хранящий тыщонки, – враг государственного капитализма, и эти тыщонки он желает реализовать непременно для себя...» – рассуждает В. Ульянов. И вот отменяется частная собственность, достоянием республики, то есть собственностью большевиков, объявляется все.

Сентябрь 1919 года. По личному указанию Ленина в Берлин для раздувания мировой революции отправляется Яков Рейх (он же Томас).

Вот его рассказ: *«Инструкции Ленина были кратки: “Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще делайте, что покажет обстановка. Только делайте!”* Сразу же написал соответствующие записки: Ганецкому, Дзержинскому. Ганецкий в это время заведовал партийной кассой – не официальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственной, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном ведении Ленина и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь. Ганецкий был человеком, которому Ленин передоверил технику хранения этой кассы. Я знал Ганецкого уже много лет, и он меня принял как старого знакомого товарища, выдал миллион рублей в валюте – немецкой и шведской. Затем повел меня в кладовую секретной партийной кассы. Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно пытался сортировать и бросил. В ящике около входа полно колец. В других – золотая оправка, из которой уже вынуты камни. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит: “Выбирайте!” Потом объяснил, что эти все драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц, – по указанию Ленина. Дзержинский их сдал сюда на секретные нужды партии. Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. “А я, думаете, понимаю больше? – ответил Ганецкий. – Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз – сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы вы взяли побольше”. Я стал накладывать, и Ганецкий все приговаривал, берите побольше, и советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности. И действительно, я продавал их потом в течение ряда лет. Наложил полный чемодан камнями, золото не брал: громоздко».

Чемоданами награбленное увозили из России недолго, потом на возврат долгов перед кайзеровской Германией и на «мировой пожар» в Европу двинулись набитые золотом вагоны.

Ульянов в маниакальном раже пишет 21 февраля 1918 года:

«Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем».

Он же – 7 марта:

«Может быть, она победит через несколько недель, даже несколько дней».

Он же – 22 октября:

«Теперь для всех становится ясным, что революция во всех воюющих стра-

нах неизбежна. Она назревает не по дням, а по часам. Никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество и за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата».

Он же – 11 апреля 1919 года:

«Теперь только несколько месяцев отделяют нас от победы над капитализмом во всем мире».

Но рядом с этим горячечным бредом перед «кремлевскими мечтателями» вставали те проблемы, о которые одна за другой разбивались все масштабные абстракции.

В декабре 1917 года В. Ульянов говорит на рабочей секции Петросовета: *«...конкретного плана по организации экономической жизни нет и быть не может. Его никто не может дать. А сделать это может масса снизу, путем опыта».* Но народ, который еще вчера зажигала «революционная» фраза, воевал уже только под страхом расстрела. Рабочие не хотели работать без хлеба, а хлеб куда-то исчез, государственная машина очень нужна, но как управлять ею – неясно... Страна, которую оказалось нетрудно поднять в штыки и на штыки, почему-то не перерождалась, не горела энтузиазмом, а умирала.

Во мгле

К сожалению, покуда был жив дед, я, как и все молодые дураки, был занят чем угодно, но не тем, что надо было сделать. А надо было день за днем расспрашивать его обо всем, что тогда происходило.

Но из того, что я помню, могу лишь привести его слова о том, что как «старорежимный военспец» он не раз проходил «чистки», которыми занимались спецкомиссии, что проходили они на борту транспортного судна, пришвартованного рядом с Морским корпусом, что вызванные туда офицеры не всегда возвращались. А бабушка Таня вспоминала, что деду, чтобы прокормить семью, приходилось, сняв военную форму, хромя, идти на вокзал и подрабатывать носильщиком. Хотя это, скорее, уже 1920 год. О том, как жили, а точнее выживали они в 1918-1919 годах, я знаю мало, помню лишь разговоры, что ездили они, как и многие, по деревням, за домашние вещи выменивали крупу и муку. Причем возвращение в город с котомкой еды могло обернуться конфискацией, арестом, а то и расстрелом.

Вот ощущения английского журналиста А. Рэнсома, побывавшего в городе в 1919 году, от прогулки по набережной реки Мойки: *«Улицы были едва освещены, в домах почти не было видно освещенных окон. Я ощущал себя призраком, посетившим давно умерший город. Молчание и пустота на улицах».*

«Мы вступили в мир смертельной мерзлоты. Финляндский вокзал, блестящий от снега, был пуст. Широкие, прямые артерии, мосты, перекинутые через Неву, покрытая снегом замерзшая река, казалось, принадлежали покинутому городу. Время от времени худой солдат в сером капюшоне, женщина, закутанная в шаль, проходили вдалеке, похожие на призраков в этом молчании забытья», — пишет В. Серж (Кибальчич).

Американская анархистка Э. Голдман после высылки из США приехала в Петроград уже в начале 1920 года. До этого она прожила в Петербурге несколько лет накануне Первой мировой войны и теперь имела возможность сравнить: *«Санкт-Петербург всегда оставался в моей памяти яркой картиной, полной жизни и загадочности. Я нашла Петроград 1920 года совершенно другим. Он был почти в руинах, словно ураган пронесся через город. Дома походили на старые поломанные гробницы на заброшенном кладбище. Улицы были грязные и пустынные, вся жизнь ушла с них. Люди проходили мимо, похожие на живых покойников».*

В середине 1918 года фунт керосина стоил на рынке 800 рублей, свеча – 500, коробка спичек – 80 (это при том, что зарплата в тысячу рублей считалась высо-

кой, а тем, у кого она была больше, уже не полагалось льгот). В 1919-1920 годах тысячи деревянных домов были разобраны на дрова. С первой послереволюционной зимы в обиход вошли так называемые «буржуйки» – небольшие железные печки с изогнутой трубой. Толку от них было мало, да и то, пока горел огонь. Дров не хватало, в огне исчезли целые библиотеки.

В. Шкловский сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и множество книг. *«Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы ими и оказался бы к весне без конечностей», – писал он.*

Но самой страшной бедой был голод.

Как вспоминал экономист С. Струминин, современник тех событий, *«картофельная шелуха, кофейная гуща и тому подобные “деликатесы” переделываются в лепешки и идут в пищу; рыба, например, селедка, вобла и тому подобное, перемалывается с головой и костями и вся целиком идет в дело. Вообще, ни гнилая картошка, ни порченное мясо, ни протухшая колбаса не выбрасываются. Все идет в пищу».* Зинаида Гиппиус записала в дневнике: *«К весне 1919 года почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости... Опухшим... рекомендовалось есть картофель с кожурой, но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство – лепешки из картофельных шкурочек. Тогда царила вобла, и, кажется, я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах».* Закрывая одно из собраний профессуры университета, ректор обратился к присутствующим со словами: *«Господа, покорнейше прошу вас не умирать так быстро. Отходя в мир иной, вы находите успокоение себе, но создаете массу проблем нам. Вы же знаете, как трудно обеспечить вас гробами и как дорого стоит вырыть могилу».*

К тому времени, выполняя секретные пункты Брестского и других договоров, коммунисты уже отослали в Германию последние эшелоны со скотом, фуражом и хлебом...

Новая власть организовала сеть столовых общественного питания. К началу 1920 года в них кормилось более 830 тысяч человек, то есть все военнотруженики и гражданское население Петрограда.

Баронесса М. Д. Врангель, находившаяся на советской службе, вспоминала: *«Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темную бурду с нечищенной гнилой картошкой, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу или прежурную пшеничную бурду, хле-*

Н. Ф. Рыбаков с сыном Андреем, 1921 г.

ба один фунт в день, ужасного – из опилок, высевок дуранды и только 15 процентов ржаной муки. Сидя за крашеными черными столами, липкими от грязи, все ели эту тошнотворную траву из оловянной чашки, оловянными ложками». Паек, который в 1919 году был единственной легальной формой получения еды, колебался от 1/4 до 1/2 фунта хлеба на человека. Как можно было выжить в подобных условиях, знают только ленинградские блокадники, а мои старики не хотели об этом рассказывать, слишком жуткой, видимо, была та жизнь, которая научила их молчать.

Через 20 с лишним лет история повторится, но тогда город будут окружать гитлеровские войска...

Как и в блокаду, спасало огородничество, люди сажали картошку и овощи во дворах, но там их разворовывали, тогда они стали таскать землю на балконы и крыши. До Октябрьского переворота в Петрограде вместе с беженцами проживало 2,5 миллиона человек. К 1920 году осталось 722 тысячи, то есть одна треть. По подсчетам Мельгунова, количество казней в эти годы достигало 5 тысяч человек в день по всей России, в столицах – по 100 человек в день. Тогда на Питер за 2 года придется 73 тысячи казненных. Куда же делись остальные? Люди спасались бегством в деревню, где был шанс прокормиться, другие принудительно призывались в Красную Армию или массово погибали от болезней и голода.

Но голодали не все. Когда в 1921 году под лозунгом «За Советы без коммунистов!» грохнуло кронштадтское восстание, в ЦК РКП(б), пытаясь понять причины, поинтересовались: как, в отличие от голодных горожан, кормятся сотрудники Петербургского комитета партии? По части «вождей» данные не сохранились. А вот дежурные по Смольному получали за одно дежурство на двоих: 3 фунта хлеба (1 200 грамм), 1/2 фунта сахара, 1 фунт масла, 1 фунт сыра, 1,5 пачки папирос и так далее. В эти же дни тяжелого голода зимы 1920-1921 года 4 личных шофера главы Петрокоммуны Зиновьева получают: по 1 фунту хлеба, 1,8 фунта сахара, 1/32 фунта чая, 1/4 фунта масла, 1/4 фунта сыра, полбанки консервов, полпачки папирос каждый и ежедневно.

А ведь это только обслуга новых хозяев. Как же жили они? Есть разные версии, кто-то пишет об аскетизме, а кто-то о бочках икры. Но заглянув в мемориальную квартиру С. Кирова, можно задаться вопросом, что же хранил в своем американском холодильнике любимец рабочих? Высевки дуранды или селедочные головы?

Хотя, пожалуй, в то время он еще подписывал приказы: «Войскам при взятии Астрахани на выстрелы из домов отвечать полным уничтожением домов».

Совсем худо было и рабочим – тому «гегемону», ради преимуществ которого и создавался новый строй. Их реальная заработная плата в 1919 году составляла 20 процентов, а в следующем году – только 9 процентов (!!!) от того, что они получали при царе. Но и это не вызывает сопротивления.

Похоже, что энергии бунта народу хватило лишь на Февральскую революцию.

Уже в Октябрьском перевороте большинство рабочих не участвовало. «Большевики», отслеживая общественные настроения, фиксировали тогда повсеместно: «Если будет выступление со стороны контрреволюции, то отпор дадим, но если будет призыв к выступлению, то не думаю, чтобы рабочие выступили», – докладывают им представители Рождественского района в конце сентября 1917 года.

Именно поэтому, видя, как убывает желание рабочих рисковать своей жизнью, В. Ульянову пришлось чуть ли не палкой гнать своих соратников в атаку на правительство. Рванувшись «на скачок», они использовали остатки общественной энергии, выжав ее до капли. Истощенный веками рабской селекции народ, вскинувшись в феврале 1917-го, тут же рухнул в бессилие, далее судороги бесильного протеста сотрясают его все реже.

В рабочей среде растет разочарование в Советах, но профсоюзы не могут поднять людей на массовые и продолжительные забастовки. Безысходность и апатия – это не только страх перед немедленными репрессиями, но и элементарный голод, отсутствие физических сил.

Мне кажется, что помимо всех тягот истощения и страха, как выход из него, в народном сознании сработало то, что много позже стали называть «стокгольмским синдромом». Невыносимо жить с пониманием того, что ты оказался в руках беспощадного убийцы, – значит, надо увидеть в нем то, что примирит тебя с невыносимым... Так, навязанная идеология становится предметом «осмысления», а страдания и жертвы оправдываются внушенной целью. Так, источником бед и лишений становится не прямой их виновник, не склонившийся над тобой виссектор с ножом, а те, кто могут его рассердить, – буржуй, интеллигент, беляк, чужак.

И если тот, кто в любую минуту может оборвать твою жизнь, говорит: «Фас!», с каким облегчением жертва рвет чужое горло и преданно оглядывается на хозяина, себя с ним отождествляя.

Может быть, поэтому так живо реагировал потом «пролетариат», откликаясь на призывы к террору и расправляясь с врагами своих новых хозяев?

С «чистого» листа

Но вот и закончилась Гражданская война. Расстреляны анархисты Махно, те, кто, пройдя через Сиваш, ударили в спину защитникам Крыма; расстреляны в Ялте и Севастополе сложившие оружие белые офицеры, которым Фрунзе обещал жизнь.

Заросли и пропали без следа могилы убитых, искалеченных, умерших от ран. В целом население страны сократилось на 13 миллионов человек. В эмиграции оказалось более 2 миллионов военных и гражданских лиц.

Все это позади и ввне нового, герметичного бытия. Сопротивление подавлено, поле для эксперимента очищено. Теперь можно из оставшейся послушной массы вырастить нового человека – новую, правильную жизнь. Сразу не получилось, но позже мы распространим наш порядок на весь земной шар.

К концу Гражданской войны дед Николай был назначен «Флагманским Штурманом штаба командующего всеми Морскими Силами Республики». В чем заключалась его работа, неясно. Флот бездействовал, он был заперт своими и германскими минными полями, да и воевать там стало некому и не с кем.

Но дед, видимо, понимал, что восстановленному флоту понадобятся гидрографические службы.

Н. Ф. Рыбаков

Была создана береговая канцелярия флагманского штурмана Балтфлота. Начальствовал дед недолго и вскоре был переведен в преподаватели родного училища.

Диктатура оказалась не в состоянии запустить механизмы естественного товарооборота, а главное, производства мануфактуры, горючего, стали и хлеба – той питательной среды, которая необходима для размножения нового человека...

Тогда после Кронштадтского восстания, спасая нежизнеспособный режим от голодных бунтов, В. Ульянов решается на новую экономическую политику – НЭП. Вернувшиеся на прилавки товары казались свалившимся с неба изобилием. И в простом народе заговорили: «Ленин взял, Ленин и дал».

Новая экономическая политика – это не только кооперативная и частная торговля, она отменила многие запреты, в том числе в области искусства и культуры. Открылись театры, появились новые журналы, объединения художников, литераторов, ученых. Обществу показалось, что возвращается если не политическая, то хозяйственная и творческая свобода.

На деле большевики просто хотели вернуть к жизни заглухший двигатель; как только частный интерес отладил и крутанул его, простак-интеллигент и оптимист-барышник оказались в канаве, «антилопа-гну» ударила по бездорожью без них.

Умирающий в Горках сифилитик, проводя НЭП, пишет: «...изъятие ценностей (церковных) должно быть произведено с непреклонной решимостью. Чем большее число реакционной буржуазии и духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Результатом стал расстрел и гибель в лагерях десятков тысяч священнослужителей разных конфессий.

Не меньшую опасность большевики видели в интеллигенции. Прочитав социологическое исследование известного ученого П. Сорокина, В. Ульянов дал следующее указание: *«Рабочему классу следует “вежливенько” препроводить в страны буржуазной “демократии” ученых, подобных этому автору»*.

Так решилась участь ряда выдающихся мыслителей России.

В ночь с 16 на 17 августа 1922 года повсеместно в крупных городах были произведены аресты замеченных в занятии «вредной философией». Не один, а по меньшей мере семь пароходов были использованы для депортации интеллигентов из Петрограда, Москвы, Казани, Одессы, Киева, Нижнего Новгорода и Ялты.

Философ Сергей Булгаков, например, был отправлен на итальянском пароходе из Севастополя в Константинополь. В своем дневнике он записал: *«От Родины я не должен, не могу и не хочу никогда отказаться и, значит, умираю всю оставшуюся жизнь...»*

Но так уезжали далеко не все, есть свидетельства и праздничного веселья, с шампанским на борту.

В Петрограде арестованных держали в тюрьме и в подвалах ВЧК от 40 до 68 суток и под конвоем препровождали к пароходу. Среди них был профессор Лев Карсавин, единственный из всех изгнанников, кому суждено было вернуться на Родину, чтобы через 30 лет, уже всемирно известным ученым, погибнуть в лагере.

А в Боровичах в разграбленном доме (простенькое пианино и то увезли в исполком) растет девочка Ира – моя будущая мать. Она думает, что ее папа умер от тифа, что она из пролетарской семьи – ведь дед, Петр Бобров, работает на керамическом заводе. У него на попечении не только дочь Надя, но и большая семья. Война оставила сирот, и бедствуют все...

Платья для дочери Надежда Петровна шьет из старых занавесок, а тапоч-

Ирина Тацки, Боровичи, 1928 г.

ки вяжет из веревки. Даже в рабоче-крестьянской школе смеются над их нищетой.

Но иногда на пороге их дома появляется узелок с хлебом, кринка со сметаной, а то и кусок полотна. Однажды бабушка, утром выйдя на крыльцо, столкнется с мужиком, положившим у порога мешок картошки, и узнает в нем старого денщика своего мужа.

Мать растет обычной советской комсомолкой. Закончив педагогическое училище, она по своей охоте едет, например, на похороны Н. Крупской.

В те же годы в Петрограде растет мой будущий отец. Он строптив, упрям, не поддается воспитанию с малых лет.

Может быть, поэтому дед читает жене и сыну толкование Евангелия. Оно сохранилось, на обороте переплета рукой бабушки написано: «Эта

книга после смерти дедушки Феди перешла ко мне на память о нем как о редком, искреннем и добром человеке. Более справедливых людей я не встречала. Может, там встретимся, прощай до радостного утра».

Долгое время отец всем говорил «ты». Разбирая старые, семейные бумаги, я нашел записку, где дедовской рукой написано: «Обещался и клялся, что ни одного разу не буду грубить, драться и мычать и не слушаться», подпись в виде двух букв А. Р. и дата 12 сентября 1921 года – отцу было 5 лет.

Как-то он вбежал в дом, распевая: «Эй, буржуй, вставай с постели – открывай нам шире двери! Во! – детский кулачок тыкает вперед. – И боле ничего!...»

Бабушку отпаивали валерьянкой, дед был мрачен и, видимо, впервые задумался о том, что же вырастет из его сына? Но чуждое не привилось, и уже через год произошел знаменательный анекдот. Николая Федоровича ненадолго перевели на службу в Москву, в Транспортную академию, жили они в центре, и нянька водила Андрюшу в Александровский сад. Однажды она вернулась перепуганная и рассказала, что они видели «самого Ленина»! По ее словам, шел он с кем-то по дорожке сада мимо них.

Увидев белокурого шестилетнего ребенка в матроске, остановился, спросил:

Андрей Рыбаков, Москва, 1924 г.

– Ты кто?

На что услышал:

– Я? Человек.

«Вождь мирового пролетариата» хохотнул и пошел дальше.

Родители упорно пытались приучить ребенка к порядку и послушанию, как и меня позже, они заставляли сына-левшу писать правой рукой. Результатом «правильного» воспитания стали неврозы и невероятный почерк с обратным наклоном. Впрочем, заниматься им всерьез, как я понимаю, было некому. Его мать хоть и была дочерью морского офицера, регулярного воспитания и образования не получила. Сохранилось письмо на бланке миноносца «Решительный», где отец просит восьмилетнюю дочь не сердиться, но снова умоляет учиться русской грамматике... Но ни в японском городе Нагасаки, ни тем более в воюющем Порт-Артуре учить ее было некому. Фантазерка и любимица семьи, она говорила на французском, но русского правописания так и не осилила.

Николай Федорович в начале 20-х не раз и подолгу уходил в плаванья. В 1924 году он участвовал в первом дальнем походе советского военного корабля, получившего имя убитого советского полпреда Воровского. Его застрелил в Швейцарии Морис Конради, офицер Дроздовского полка Белой армии. Помните «психическую атаку» в фильме «Чапаев»? Там идут дроздовцы, но не было у ижевских рабочих той парадной формы, к тому же многие шли на пулеметы без оружия – его не хватало и добывать приходилось в бою.

На суде террорист сказал: «Я верю, что с уничтожением каждого большевика человечество идет по пути прогресса».

Суд присяжных заслушал показания свидетелей о зверствах большевиков и оправдал Конради. А в 1944 году Георгиевский кавалер стал участником антифашистского сопротивления и погиб в бою с фашистами.

Корабль, получивший сомнительное имя человека, о котором даже Ульянов отзывался как о жулике, проделал путь из Архангельска в Англию, затем Италию, Египет, Сингапур, Гонконг, неожиданно завернул в Кантон к президенту Южного Китая Сун Ят Суну и дошел до Владивостока.

В 1928 году дед так писал в своей книге «Вокруг старого света»: *«Какова была цель похода “Воровского”? Надо было пополнить этим сторожевым судном военно-морские силы СССР на Дальнем Востоке; надо было ответить визитом на состоявшееся в это же лето посещение Ленинграда первым итальянским кораблем “Карло Мирабелло”; наконец, надо было дать практику дальнего плаванья молодому личному составу...»*

Судя по фотографии судна, которое должно было представлять ВМС СССР на востоке, состояние военного флота было плачевным. Ни на севере, ни на востоке страны его просто не было, на Черном море один старый крейсер, на Балтике – линейный корабль «Марат» (старый «Петропавловск»), да крейсер «Аврора» и несколько миноносцев. За их спасение адмирал Счастный был расстрелян по

Посыльное судно «Воровский»

указанию Л. Троцкого. Остальные корабли были сданы или подорваны по требованию немцев во время Гражданской.

И все же, если речь шла не только об учебном плавании для курсантов, а о представительском походе, сопряженном

с задачей хоть что-то стреляющее иметь на Дальнем Востоке, то более всего этим целям отвечал крейсер 1 ранга «Аврора», имевший на борту 14 пушек, 6 зениток, 3 торпедных аппарата. И дальний поход был бы не впервой, придя на тот же Дальний Восток в составе эскадры Рожественского, этот крейсер принимал участие в Цусимском сражении. Почему же вместо него вокруг Европы и Азии пошел самый невзрачный, бывший торговый пароход? Может поэтому? Чтобы, не привлекая к себе внимания, выполнить ряд деликатных поручений?

Книга деда – подробный, наивно-просветительский рассказ о быте корабля, о технических, этнографических, погодных и прочих обстоятельствах похода. Своим полным умолчанием о пассажирах, о том, что делали они, когда заходили в европейские и азиатские порты, книга наводит на мысль о том, что поход был не только «учебным».

Это были годы активного проникновения советской резидентуры в экономическую и политическую жизнь по всей планете.

Структуры Коминтерна, или 3-го Интернационала, были основаны еще в начале 1919 года в Москве с целью создания союза коммунистических партий, который возглавил бы мировое революционное движение. Коминтерн руководил легальной и нелегальной деятельностью 50 компартий, финансировал их и, по сути, был подрывной, террористической сетью с центром в Москве.

Убийства политических противников, стравливание конкурентов, экономический шпионаж – все это требовало денег, оружия, техники и кадров.

Не удивлюсь, если когда-нибудь в рассекреченных кремлевских документах найдутся сведения о тайной миссии этого похода. Недаром в недавно изданной, подробной «Истории штурманской службы» есть упоминание о всех учебных плаваниях тех лет, кроме похода «Воровского».

Загадочная история с внезапным посещением лидеров революционного Китая вызывает вопросы. Приказ дойти до Кантона был сделан, конечно, не ради «чаепития».

Ради дорогих гостей в Кантоне даже выстроили триумфальные ворота. В это время Блюхер помогал китайским коммунистам в гражданской войне, и, возмож-

но, что осадка «Воровского» после выхода в море оказалась несколько выше из-за того, что десяток ящиков с русским золотом остались на китайском берегу...

Со своими курсантами Николай Федорович ходил и в другие походы, но постепенно состояние здоровья вынуждало его сосредоточиться на преподавании. Тем более что на всю советскую Балтику 20-х годов их, кадровых специалистов штурманского и навигационного дела, способных к передаче своих знаний, было 5-6 человек. А государство, постепенно осознававшее, что ему придется строить социализм сначала в своей, отдельно взятой стране, озаботилось подготовкой флотских кадров.

Служба была основой жизни деда. Но его сына занимали совсем другие вещи.

*Кантон. Торжественная встреча
команды «Воровского»*

Итак, будем знакомы...

Учится он в 13-й Национальной, потом 204-й школе, бывшей Анненшуле, одной из самых старых питерских школ (ныне № 203 на Кирочной), когда-то ее заканчивали А. Кони, П. Лесгафт, Н. Миклухо-Маклай и мой прадед, архитектор Христиан Тацки. После Великой Отечественной войны там учился И. Бродский и многие другие. А в 20-е годы улица Кирочная (название от слова «кирха») была, конечно, переименована, и отец ходил туда по улице Воинствующих безбожников.

В этих «воинствующих» побывали тогда многие. Охота на верующих, на саму мысль о Боге продолжалась.

На обложке первого номера журнала «Безбожник» было напечатано: «С земными царями разделились, принимаемся за небесных».

Передовица Н. Бухарина «На борьбу с международными богами» заканчивалась словами: «Товарищи, мы предъявляем наши требования: отмена самодержавия на небесах; выселение богов из храмов и перевод в подвалы (злостных – в концентрационные лагеря); передача главных богов, как виновников всех несчастий, суду пролетарского ревтрибунала».

Ему вторят Семен Кирсанов: «Елки сухая розга маячит в глазища нам, по шапке Деда Мороза, ангела – по зубам!» и Анатолий Мариенгоф: «Святость хлещем свистящей нагайкой и хилое тело Христа на дыбе вздыбливаем в Чрезвычайке».

Причем это не метафоры. Отец еще учится в начальных классах, а из его школы за «контрреволюционную деятельность» четверо ходивших в церковь старшеклассников отправляются на Соловки. Туда, где смертной мукою казнимы более 300 иерархов разных церквей и конфессий. И в то же время все еще полно противоречий: среди бумаг отца я нашел обложку его школьной тетради 1924 года. На обратной стороне, рядом с таблицами мер и весов напечатаны праздники: среди них Новый год, смерть Ленина (?!), День Парижской Коммуны, Октябрьская революция и Пасха с Рождеством.

Судя по отцовским записям, его первыми книгами стали «Смелая жизнь» Чарской, «Маленький лорд Фаунтлерой» Бернетт, рассказы Джека Лондона, детективы о Нате Пинкертоне, Брет-Гарт и Станюкович – обычный набор для мальчика из интеллигентной семьи. А первые собственные строфы появились после того, как во время болезни он взял в постель томик стихов А. Апухтина.

Мальчишеский возраст не позволил ему окунуться в самые интересные годы того времени. Гражданская война, опустошив страну, оставила ее победителям.

Мысль о том, что победа большевиков, несмотря ни на что, доказала их правоту, многим показалась убедительна. И люди, не потерявшие своей души в кровавой мясорубке, люди, еще жившие мечтой о братстве и свободе, о новом человеке и новом мире, пытались строить этот мир.

Уже в 70-е годы, после всего пережитого, Варлам Шаламов все равно будет писать: *«Конец 24-го года буквально кипел, дышал воздухом каких-то великих предчувствий, и все поняли, что НЭП никого не смутит и не остановит. Еще раз подымалась та самая волна свободы, которой дышал 17-й год. Каждый считал своим долгом выступить еще раз в публичном сражении за будущее, которое мечталось столетиями в ссылках и на каторге»*. Не знал он о том, что писал о НЭПе и о «светлом будущем» В. Ульянов, успокаивая «смущенных» товарищей. А писал он в 1922 году следующее: *«Мы осуществляем стратегическое отступление, которое даст нам возможность в самом ближайшем будущем начать наступление на широком фронте. Было бы большой ошибкой думать, что НЭП положил конец террору. Мы должны вскоре вернуться к террору, как политическому, так и экономическому»*...

Но то, что планируется волна не свободы, а террора, было достоянием узкого круга. Поэтому для не ведавших близкой гибели романтиков первое десятилетие советской власти было годами штурма и натиска, в том числе в искусстве. «Никогда люди так плохо не жили, и, кажется, никогда у них не было такого творческого горения», – напишет потом Эренбург. Комфуты (коммунистические футуристы), ничевоки, имажинисты, пролетарские писатели (РАПП), Левый фронт (ЛЕФ), крестьянские писатели (Перевал), Серапионовы братья; конструктивизм в архитектуре; «Синяя блуза» и поиски в театре; АХХР, «Маковец», ОСТ и «4 искусства» в среде художников – Москва и Питер стали лабораторией, местом диспутов и творческого соперничества для молодежи. Новаторские спектакли, выставки, поэтические вечера – споры, ругань, искрометный фонтан находок, самоутверждения, идейных стычек. Похоже, земля, напоенная кровью, решила дать шанс оставшимся и сохранила и подарила им Пастернака, Есенина, Маяковского, Бабеля, Мандельштама, Булгакова, Замятина, Мейерхольда, Михоэлса, Петрова-Водкина, Дейнеку, Татлина, Филонова, Шагала, Флоренского – список мог бы продолжаться.

Параллельно с отцом по жизни движутся его будущие немногочисленные друзья, где-то, когда-то их пути пересекутся.

В Москве, в театральной студии «Эктемас», учится Екатерина Владимирова. Самобытный нрав и сила духа вытолкнули ее из нищеты белорусской деревни. Она пишет:

«Я буквально ворвалась в театральную студию (мечта моя! страсть моя с детских лет!) – сквозь невероятные дебри личной нужды (жить негде, жить не на что), сквозь чертовы сети экзаменов (1 800 заявлений на 20 мест! – поди, выдержи!), наконец, через множество плевков, насмешек и издевок со стороны

тех девушек (дочек богатых родителей, на экзамен приезжали в собственных машинах и публично кушали шоколад, – ах, черт возьми! шоколад ведь!), которых не приняли в студию за недостатком одаренности.

Первый год училась я – как в огне горела. Вихрем носилась по Москве: там поэт Илья Сельвинский выступает публично – делится своими впечатлениями о поездке в Арктику (надо быть непременно!), там – в театральном клубе (на Собачьей Площадке) выступают два непримиримейших театральных великана – Всеволод Эмильевич Мейерхольд и Александр Яковлевич Таиров. Зал переполнен нами – студийцами. Причем ни нас, ни Мейерхольда с Таировым никто сюда не звал и не загонял. Никаких “плановых” диспутов, все происходило стихийно, само собой, и впечатление от этих диспутов оставалось потрясающим. На клубной сцене – две трибуны, справа стоит Таиров, слева – Мейерхольд. На большом пальце у Таирова – большое кольцо с бриллиантом; у Мейерхольда тоже кольцо с бриллиантом – на мизинце. Диспут начался. Они оба – великолепны! Срезают друг друга неоспоримыми аргументами; щедро сыплют хорошими остроумиями; вдохновенно размахивают руками, и их бриллиантовые кольца, как молнии, носятся перед лицами, заставляя нас, не менее вдохновенных зрителей, трепетать от восторга. О чем они спорят? Оба ищут новые театральные формы для воплощения своих замыслов, своего неиссякаемого вдохновения. Разница между ними, кажется, в идеологии. В. Э. Мейерхольд – более “левый”, тянет “пролетарскую культуру” и сокрушает на своем творческом пути все старые театральные каноны. А. Я. Таиров тоже ищет новый стиль, новые театральные формы, но плывет он по другим водам – у него в репертуаре – О’Нейл, Ибсен, Лекок. Его Камерный театр не пользуется популярностью: рафинированная интеллигенция, театральные гурманы, а их всегда немного! Я, словно губка, впитывала в себя впечатления, какие предоставляла мне столица и моя несказанно любимая студия...»

Однако верный ученик В. Ульянова – Коба Джугашвили уже воплощает завет учителя о возврате к экономическому и политическому террору.

Владиминова видит и это:

«Годы – 29-30-е. Начало коллективизации. Мы оба почувствовали, что в мире словно пробуждается огромный, непонятный зверюга. Шевелится, ворочается и, словно незаметно, подминает под себя людей и давит их. Мы еще ничего не поняли, мы настолько ничего не осознали относительно личной гласности, что начали во всю глотку критиковать на комсомольских собраниях все, что видели: эту надвигающуюся на нас черную тучу, из которой закапал дождь – промтоварный голод, продовольственный голод, длиннющие очереди за всем на свете. И счет не замедлил открыться: за горлопанство, за дерзкие выкрики с места – меня выгнали из комсомола. 0:1 далеко не в мою пользу! Первый урок получен, тот самый урок, который меня ничему не научил, увы!»

Правый поворот, сам того, наверное, не желая, обозначил Николай Асеев:

Читатель – стой!
Здесь часового будка...
Здесь штык и крик.
И лозунг. И пароль.
А прежде – здесь синела незабудка
Веселою мальчишеской порой!

Системе уже не были нужны люди, принявшие ее как поле для эксперимента и поиска. Система выдавливала их из жизни. Одни уходили из жизни сами, другие шли на Соловки, третьи ложились под нее:

Мы синемолуны,
Мы профсоюзники,
Мы не бояны-соловьи,
Мы только гайки
Великой спайки
Одной трудящейся семьи.

Отцу достались только плоды, а не атмосфера тех лет. Ко времени становления его личности от нее остается все меньше. Но он пока в самом себе:

Я – затылком на краю окна.
Светло-голубая глубина.
Пролетает дым, и, как всегда,
Первая колышется звезда.

Поле небывалой красоты:
Ранних звезд неяркие цветы,
Будто я лежу над глубиной,
Будто ночь мерцает – подо мной.

Ерунда, конечно, ерунда –
Я давно сорвался бы туда.
А взглянуть направо, за карниз –
Ходят люди головами вниз.

Но среда диктовала другое. Заканчивая школу, он уже подражает гремящему вокруг:

...Я шагаю дорогой поэта, то есть
Той дорогой,
Которой не знаю трудней.
Перед эпохой отчитываясь
На совесть,
Я здоровым и честным
Обязан предстать перед ней!

Что-то из его стихов появляется в газете «Литературный Ленинград», потом другие цитирует журнал «Звезда», там рубрику для начинающей «пролетарской и студенческой» молодежи ведет В. Саянов. Разбирая вирши молодняка, он отмечает способности автора, но справедливо указывает на декларативность и вторичность... Тогда – появляется другая нота:

Не мы ли топали с тобой
С потоком шантрапы
На путь один, на путь другой,
Сходили прочь, искали свой.
Как будто не такой.
Не нам над пропастью свивать
Незлобливый уют.
Гляди – ветра гудят опять,
Чтоб наши руки разорвать,
А след метелью залатать
И танком затоптать.
Да не бывать такой зимы.
Пускай ветра поют.
Забудем все, чем жили мы,
И скудных дней, что знали мы,
Развеются дымы.
Душа моя, любовь моя,
Гляди – какой простор.
На эти синие поля
Широко брызнет кровь твоя,
А наперед – моя.
Огонь и прах.
Но будет год –
(Идти до этих пор!)
Усталый улыбнется рот,
И наших дней круговорот
По-нашему пойдет.

(«По-нашему? А сейчас, значит, не по-вашему?») – уже могли спросить его тогда дошлые соглядатаи.)

Вот начальная страница из нового дневника:

«Свобода и покой – вот чем я нынче счастлив. Ни с кем не встречаюсь. Ничего не должен... никаких связей, обещаний, сроков. Делаю только то, что хочу. Это единственное нормальное для меня существование.

Прежде, вынужденно общаясь со всякой мразью, я чувствовал себя обтертым, я пахнул снаружи окружающими запахами (сплетни, злободневности), я выслушивал дешевые мысли дешевых голов, и выветривались они медленно, застревая, как пыль в механизме. Я замечал, что свою мысль или строчку рассматриваю в непосредственной связи с возможной ее критикой. Мне стыдно теперь, но я понимаю: была ребяческая незрелость. Лето получилось большое и умное, осень и того пуще. Многого понялось. Было выкинуто все вынужденное, чуждое, наносное, и освободилось много места. Воздух чистый, сентябрьский.

Итак, будем знакомы – Андрей Рыбаков».

Но юношеские планы выполнять непросто.

«Кто я: обреченный отпрыск дворянской интеллигенции или подрастающий вождь своей эпохи?

Большую часть времени я нахожусь в бессильном состоянии. Весьма редко случаются у меня “проблески сознания”.

Импульс рождается каким-либо моральным потрясением, острой эмоцией: любовью, ненавистью, обидой. Таково и было происхождение большинства моих стихов. Я не имею эмоциональной связи со своим временем.

Несколько оппозиционная позиция по отношению к окружающей современной действительности естественна для мыслящего человека во все времена, но она непременно должна быть революционно-прогрессивной. Интеллектуальная единица, перерастая свой век, имеет право относиться к нему критически, видя его несовершенство по сравнению с грядущим, которое она представляет себе. Такова и есть моя настоящая позиция».

Это пишет 19-летний юноша, а на дворе уже 1935 год. Разоренный союзниками по Антанте, униженный немецкий народ слушает речи Адольфа Шикльгубера о своем попра-

А. Рыбаков, 30-е годы

ном достоинстве, о своем высоком предназначении. Оболваненный, запуганный житель Союза отбивает себе ладони, аплодируя своему вождю, и умирает в застенках ГПУ с криком «Да здравствует Сталин!» Век, который отец надеется перерасти, круто заваривает новую бойню.

И большевистский режим способствует этому.

Л. Бронштейн (Троцкий), оказавшись не у дел за границей, в злобе на изгнавшего его Джугашвили пишет:

«Когда Гитлер молниеносно вторгается в Польшу с запада, Сталин осторожно, крадучись, вступает в Польшу с востока. Когда Гитлер, задушив 23 миллиона поляков, предлагает прекратить “бесполезную” войну, Сталин, через свою дипломатию и свой Коминтерн, восхваляет преимущества мира. Когда Сталин занимает стратегические позиции в Прибалтике, Гитлер услужливо вывозит оттуда своих немцев. Когда Сталин наступает на Финляндию, печать Гитлера – единственная в мире – выражает Кремлю свою полную солидарность. Орбиты Гитлера и Сталина связаны какой-то внутренней связью».

Действительно, Джугашвили через Коминтерн запретил коммунистам объединяться с социал-демократами для борьбы с нацистами Гитлера. Он даже разместил под Казанью немецкий Генеральный штаб, существование которого было запрещено Версальским мирным договором 1918 года.

Внутри Союза пропаганда продолжает вбивать в сознание идеи всемирного освобождения труда, но резолюции Коминтерна о верности первому рабоче-крестьянскому государству, о единстве в достижении мировой революции – оказались пустыми фразами. Последний конгресс привел к окончательному расколу.

Избежать этого можно было только «на основе железного пролетарского централизма» и «военной дисциплины», но мировой пролетариат если и увлекался левыми идеями, то по-своему.

Тогда, под гром войны в Испании, Джугашвили ставит верных ему коммунистов и рабочую партию марксистского единства (ПОУМ). В июле 1937 года Исполком Коминтерна ставит задачу: «Независимо ни от чего необходимо добиться окончательного разгрома троцкистов путем изображения их в глазах масс как фашистской, секретной службы, осуществляющей провокации на пользу Гитлера и генерала Франко, пытающейся расколоть Народный Фронт, проводящей клеветническую кампанию против Советского Союза, секретную службу, активно помогающую фашизму в Испании». Промосковский представитель Коминтерна, сексот НКВД, Андре Марти, о котором с ненавистью и презрением писал Э. Хемингуэй, казнит сотни членов интербригад из числа марксистской оппозиции. Зондеркомандами руководит Вальтер Ульбрихт, будущий глава ГДР.

По сути, Джугашвили губит республиканскую Испанию, испугавшись самостоятельности рабочего движения.

Стравливая всех, Коба (эту кличку Джугашвили взял во времена экспроприаций, а попросту – бандитизма на Кавказе) не забывает вывезти из Испании весь ее золотой запас, более 500 тонн. Он обещает республиканскому правительству военную технику и «добровольцев». Технику дали, но поставки не покрыли стоимости испанского золота. Позже часть его была продана по просьбе республиканцев и пошла на оплату их закупок в Европе, тут Москва тоже урвала немалую прибыль. Неудивительно, ведь кремлевскому горцу приходится «переквалифицироваться в управдомы» в одной, отдельно взятой и разоренной стране. Эшелоны с золотом, шедеврами мирового искусства и драгоценностями, в первые годы «советской» власти ушедшие на Запад и Восток для финансирования мирового пожара, умыкнули там верные товарищи. Последние царские запасы истрачены на строительство военно-промышленного комплекса, а зеки на рудниках и коях еще только разворачивают добычу новых...

Российский холокост

Английское слово «holocaust» заимствовано из латинской Библии и означает жертву всеожжения.

С 1910 года так стали называть геноцид армян в Османской империи и погромы времен гражданской войны на Украине. В 50-е годы писатель Эли Визель определил этим словом геноцид евреев в нацистской Германии.

Сегодня мы употребляем его в первую очередь в этом значении, хотя катастрофы такого масштаба и ущерба стали судьбой многих народов. Мы почти ничего не знаем о подобных трагедиях на азиатском континенте, но армянская, еврейская и российская катастрофы известны. В отличие от национал-социалистической Германии, где идеология диктовала геноцид по национальным различиям, идеология большевизма привела к геноциду по социальным признакам. И в том, и в другом случае тотальному искоренению подверглась живая плоть и кровь общества.

Нацистский геноцид лишил человечество трети еврейского и цыганского народов, половины польской интеллигенции, всех темнокожих, оказавшихся на территории Третьего рейха.

Большевистский геноцид искалечил жизнь всех подвластных ему народов, уничтожил большую часть их интеллектуальной и духовной элиты, страхом и промыванием мозгов обезличил российское общество своего времени. Но споры о числе жертв ГУЛАГа ведутся до сих пор.

Историки – «объективисты» и сталинисты, получив в начале 90-х годов доступ в архивы, сделали выводы о том, что общее число смертных жертв советского террора не превышает 1,5 миллиона, а общее число жертв политических репрессий в СССР не превышает 4 миллионов человек. Их доводы не выдерживают критики.

Так, например, приводится расчет: если личный состав военизированной стрелковой охраны в лагерях и колониях ГУЛАГа был утвержден правительством из расчета 9 процентов к общему числу заключенных и составлял в конце 1953 года 201 тысячу человек, то заключенных было соответственно 2,2 миллиона, всего... Но ведь так рассчитывается емкость, а не пропускная способность системы. Сквозь лагерный конвой прошел поток людей. Кого-то зарывали в землю на ближайших погостах, кто-то выходил на волю или шел на поселение, а все освободившиеся нары занимались следующим этапом.

Другие историки пишут: *«Вся численность осужденных по РСФСР за 1923-1953 годы общими судебными органами составила 39,1 миллиона человек.*

Однако в это число не вошли осужденные судебными коллегиями по уголовным делам Верховных, краевых и областных судов (по ним велся отдельный учет) и постоянными сессиями, действовавшими при лагерях, а также осужденные (не военнослужащие) военными трибуналами Красной Армии и Флота, железнодорожного и водного транспорта, войск НКВД. Перед войной только по РСФСР эти категории осужденных составляли около 3,3 процента (примерно 90 тысяч человек) от всего числа осужденных общими судами и трибуналами, а в 1942 году – 9,9 процента (примерно 317 тысяч человек). Если принять эти цифры как очень приблизительные для характеристики военного и мирного периодов жизни страны и приплюсовать их к каждому году по соответствующему периоду, то общее число осужденных за 1923-1953 годы превысит по РФ 40 миллионов человек (без учета осужденных военнослужащих, число которых составляло в 1946 году по стране 109 тысяч человек). Однако и эта цифра является далеко не окончательной...»

Да, не окончательной, хотя бы потому, что в этих подсчетах нет жертв судебных коллегий и Особых совещаний ОГПУ. Внесудебные, карательные органы решали судьбы людей по-столыпински, без прокуроров и адвокатов, без права обжалования. Оптом, без приговоров они сослали в тундру и тайгу сотни тысяч крепких крестьянских семей. После убийства Кирова «тройки» получили право приговаривать к расстрелу по спискам, причем соревнуясь между собой в числе жертв и прося у начальства дополнительные «лимиты» на тут же исполнявшиеся казни... Политбюро было буквально завалено просьбами палачей о повышении страшных «квот». Только за три с половиной месяца, с 28 августа по 15 декабря 1937 года, оно санкционировало увеличение права «троек» на расстрел еще 22 500 человек, а в последний, предновогодний день 1938 года Политбюро дало палачам возможность казнить еще 48 000 человек. (Для сравнения – с 1825 по 1917 годы за без малого сотню лет царского режима было казнено 4 596 человек.)

В 1995 году, разбирая остатки документации Комитета по правам человека, спасенные из горевшего Белого дома, я наткнулся на отчет МВД о числе жертв политических репрессий в годы Советской власти. Он был сделан по запросу Верховного Совета РФ для принятия «Закона о реабилитации». Пояснительной записки о том, какие категории жертв были учтены при подсчете, в нем не было, но, судя по результату, были сосчитаны не только расстрелянные и осужденные к лишению свободы, но и все сосланные и высланные. В конце толстенного тома, где все было расписано по городам, краям и областям, стояла восьмизначная цифра, в которую я не сразу поверил – 50 миллионов и еще сто с лишним тысяч человек. (Увы, я имел неосторожность рассказать о находке по служебному телефону, а через месяц, когда я хватился, из кабинета депутата Государственной думы РФ эта папка исчезла.)

Понятно, что 50 миллионов россиян, чья жизнь была оборвана или искалечена большевистским геноцидом, – это потеря лучшей части народного генофонда.

Ведь репрессиям в первую очередь подвергались люди с незаурядными свойствами интеллекта и характера, те, чье происхождение подразумевало культуру, те, кто выделялся своей смекалкой и самостоятельностью. Но именно они-то и не были нужны. Мало того, именно они мешали деланию «нового» человека. Идеологам ленинизма удобнее было начинать с «чистого» листа.

В 30-е годы страна загипнотизирована пропагандой и страхом, она привыкает жить в «виртуальном», как сказали бы сегодня, пространстве диктуемых условий, навязанных представлений, интерпретированных событий. Лишь верхушка властной элиты имеет возможность крупномасштабного видения, осмысления и рефлексии содеянного, но таких немного.

«Мы проводим эксперименты на живом теле народа. Почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, брата, дочь, сына или вообще близкого человека. И все-таки Феликс (председатель ВЧК Дзержинский – Ю. Р.) спокойно, почти без всякой охраны, пешком разгуливает (даже по ночам) по Москве; а когда мы ему запрещаем подобные променады, он только смеется презрительно и заявляет: “Что? Не посмеют, пся крив!”. И он прав: не посмеют» (Н. Бухарин).

Все скуднее информация о том, как живет другой, остальной мир.

Все гуще ложь, в которой растет новое поколение. Переловили всех беспризорников, отмыли, посадили за парты и верстаки – ура! Победа советской власти, трудового народа и лично товарища Дзержинского! А то, что не буржуи, а большевики, развязав кровавую междоусобицу, обрекли этих детей на сиротство, – это новым людям невдомек...

В начале 30-х моя будущая мать могла стать женой Алексея Косыгина, будущего главы советского правительства в 60-70-е годы.

Моя будущая мать Ирина Тацки,
30-е годы

Приехав в город то ли на практику, то ли с лекциями, он увидел мать в педагогическом училище, где та училась, и, похоже, влюбился. Узнав, где она живет, пытался свататься, приходил к бабушке, но та переадресовала решение дочери, которая, чтобы отвалить старого по ее понятиям ухажера (разница в 10 лет!), пряталась от него на реке. Просидев пару вечеров у нашего дома и не дождавшись ее, он уехал.

НЭП, подстегнувший умиравшую экономику, далеко позади. Рабочие, «авангард и гегемон», не составляют и 3 процентов населения. Крестьянин, в условиях запрета на наемный труд и трав-

ли крепкого хозяина, пошел по пути дробления семейных наделов, в результате, земли на каждый «двор» стало меньше, чем до революции. Все большую долю хлеба он оставляет себе на прокорм, налоги выжимают из него последнее, и он скрывает выращенное тяжким трудом зерно. Это соответствует представлениям большевиков о сельском труженике как о противнике социализма. И хоть аракчеевские трудармии Л. Бронштейна, с казармами для всех селян, не стали реальностью, закрепощение крестьянства необходимо режиму, которому надо кормить города, выросшие за 3 года на 12 миллионов человек.

Джугашвили завершает «великий перелом», перелом хребта российского общества – крестьянства. Ликвидация «носителей частнособственнической идеологии», единоличников и кулаков, то есть зажиточной, работоспособной части крестьянства, не встречает сопротивления, вчерашние рабы охотно гонят своих удачливых и деятельных соседей, деля меж собой их имущество. Но это не только отъем имущества, ссылка в тундру, высылка и расстрел – это оптовое уничтожение крестьянского мира. Растащенное и обобществленное добро крепких селян не идет впрок. От голода гибнет более 2 миллионов крестьян в России и вдвое больше на Украине.

Идет коллективизация. Из воспоминаний Юрия Орлова:

«– Наше село не хотело тогда, в тридцатом году обобществляться, – рассказывал мне солдат моего взвода.

– Что такое колхоз? Барщина? Не пойдем. Ладно. Отбирают начальники хлеб, по всем домам до зернышка, и запирают в церкву, под охрану. Кто громче орал, тот, значит, подкулачник, того сажают на подводы, с бабьем, с дитятами, – в голую степь на снег: мрите тут без колхозов, мы вас не неволим. “Ну, товарищи крестьяне? Идем в колхоз?” – “Нет”. – “Не-ет? Ла-дно”. Самых справных из прочих, кулаков, значит, в одну ночь забирают, с узелочками в руках, с ребятишечками, – этап, на Север... Твой табак, младший лейтенант, слабый.

– Хлеб гниет, значит, в церкви, мы стоим на своем. Коса на камень. Не поверишь.

Он огляделся. Никого не было кругом, только я и он.

– Штурмовали мы даже храм божий. Да силов уж не хватило.

– Стреляли в вас? – спросил я, тоже оглядевшись по сторонам.

– Не, водой разогнали.

– Ну и?

– И ничего. Кто не помер с голоду, тех уполномоченный спас – сам записал в колхоз. “Заря коммунизма”. Кто помер, в раю в единоличниках гуляет. А молодую женщину, что сварила и съела свое дитя, – ее арестовали, поддержали в тюрьме, признали не в себе да пересадили в сумасшедший дом. На том и кончилось. Плотью обуха не перешибешь».

Горевестник революции, Максим Горький, обнищав в Сорренто, вернулся

в СССР, но он в упор не видит гибнущее крестьянство, платой за особняк и кормежку становится его хвала режиму. Он провозглашает:

«Если враг не сдается, его уничтожают!» – и едет с инспекцией в страшные Соловецкие лагеря.

Будущий академик, а тогда соловецкий зек Дмитрий Лихачев (по кличке Медяковский Штым), чудом избежав расстрела, скажет потом: *«Я видел Горького в Соловецком лагере и отлично знаю, что он видел, что там происходит. Один мальчуган рассказал ему об истязаниях, о том ужасе, который творится в лесу. Однако, вернувшись в Москву, в 1930 году в журнале “Наши достижения” он опубликовал восторженный очерк о соловецких чекистах».*

Несмотря на победные реляции, на строительство заводов (за один только Тракторный, то есть танковый завод, Джугашвили платит США 40 миллионов долларов или третью часть всего изъятого у народа хлеба), несмотря на запущенный в строй ДнепрогЭС, стратостаты и рекордные перелеты, первая пятилетка ничего не дала людям. Голод не только на Украине, но и по всей стране. В городах хлеб по доступной цене можно получить только по карточкам, а карточки имеют только работающие.

Екатерина Владимировна:

«Однажды, в каникулярное время, я решила съездить домой, родных навестить. Но дома было очень голодно.

Навестила я в этот раз и свою родную тетю, живущую недалеко от нашего поселка. И вот что я услышала от нее, когда она, перевозимая высокую температуру, шептала мне пересохшими горячими губами прямо в уши: “На полях Украины урожай неслыханный, все гибнет на корню, в селах дома заколочены, ни дыма, ни собачьего лая. Люди ушли, нас, студентов, плохо одетых-обутых, погнали под дождь со снегом – спасать подмерзающую картошку... среди нас начался тиф. Одно прошу тебя – молчи, иначе погибнешь”.

Я уехала в Москву, все-все запомнив, что мне рассказала Маша. Но и в нашем поселке, дома, я заметила на улицах каких-то шатающихся людей безо всякой цели – темных, оборванных. Они ничего не просили ни у кого, но их жители поселка береглись, ибо люди эти воровали все, что под руку попадало. Я спросила у брата: “Кто они? Откуда они по явились?” – и брат мне только ответил: “Хохлы! Их приказано на работу не принимать, хлебных карточек не выдавать, в дома жить не пускать. Вот они и шакалят”. Среди этих людей я видела и матерей с детьми.

В Москве начались занятия своим чередом. Были у нас и политзанятия, которые проводил с нами какой-то приезжающий к нам внештатный лектор. Эти лекции были больше всего о положении рабочего класса и крестьянства в нашей стране, об их очень хорошей и все улучшающейся жизни.

Вот последняя его лекция как раз и была о колхозном строительстве, о том, как оно разворачивается в боевом марше, каких невиданных успехов достигло

оно по всей стране! Как расцвела жизнь крестьян-колхозников, согретая отечески доброй улыбкой Великого Вождя! Ну и так далее, как всегда он говорил, а мы его не слушали, ибо он всегда говорил одно и то же. Вот тут-то меня и взорвало! Забыла я и просьбу Маши быть осторожной, забыла и про студию, из которой мне вылететь было смерти подобно. Заговорила я своим звонким, хорошо поставленным голосом, заговорила горячо, страстно: “Ребята, да не верьте вы ему, он же все лжет! Какое «колхозное строительство», когда Украина гибнет! Украинцы бегут, куда глаза глядят, а их везде встречают, как бандитов. Урожай неслыханной силы, а собирать его некому!.. Села стоят с забытыми окнами домов, а внутри домов – трупы лежат, убирать их тоже некому!..”

В общем, высказалась я ото всей души. В аудитории наступило неловкое молчание. И в самом деле, кто и что мог сказать из находящихся в классе юношей и девушек, большей частью из московских обеспеченных семейств? Никто из них не мог бы толком отличить пшеницу от ржи, да что там! Эти девушки не могли бы картошку почистить своими холеными пальчиками в перстнях и кольцах! Их не волновали умирающие с голоду соотечественники – крестьяне, которые давали городу питание, – хлеб насущный! Они органически не понимали ничего и не хотели понимать.

Рухнуло мое образование! Преподаватель “политики”, конечно, был стукачом, и через несколько дней меня арестовали. И повезли меня в “черном воронке” через всю Москву прямехонько в Бутырскую тюрьму».

Ее первый срок был недолгим, помог М. Калинин, до которого дошла жалоба ее сокурсников...

Уже известный писатель М. Шолохов, посмотрев на то, как из крестьян его родного Вешенского района выбивают последний хлеб, пишет И. Сталину:

«В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос...»

В Наполовском колхозе уполномоченный РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом “прохладиться” выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают.

Екатерина Владимировна 30-е годы

В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику, подозреваемому в краже, во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно, строил свою бригаду и командовал “огонь” по связанному колхознику.

Если уstraшенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

...Официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребках, на улицах, в садах.

Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью, будет сам выселен с семьей. И 1 090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем, как тени, слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях. Но по закону, установленному крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы. Я видел такое, что нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?

В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери...»

«Отец народов» ответил ему 6 мая 1933 года:

«Иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района проводили “итальянку” (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с советской властью».

Казак Шолохов спорить не стал, он все понял, все забыл и... сочинил «Поднятую целину»...

«Кудрявая, что ж ты не рада ...?»

В конце 1932 года выходит постановление правительства «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Страна оказалась разделена на две части: на одних территориях вводилась паспортная система, на других – нет. Поделили и население.

Паспорта получали люди, постоянно проживавшие в крупных городах и фабричных поселках, работающие на транспорте, а также в совхозах и новостройках пригородных зон таких режимных объектов, как Москва, Ленинград, Киев и тому подобное. Хозяева страны решили пресечь свободное перемещение «рабсилы».

Паспортизация, точнее ее отсутствие, в деревне закрепляет там крестьян, которые необходимы для производства продовольствия. Паспортизация дает возможность принудительно перекачивать не имеющих прописки работников на те стройки, куда по доброй воле ехать не хотели. Кроме того, документирование и прописка позволяла очистить центральные города от «вредного» элемента.

Сегодня нам трудно представить себе, что с древних времен и до тех лет у россиян вообще не было паспортов, их получали только те, кому надо было ехать за границу. Впрочем, внутренних паспортов и сегодня нет в большинстве демократических стран. А тогда впервые появился обязательный документ, где указывалось социальное происхождение: «рабочий», «колхозник», «крестьянин-единоличник», «служащий», «артист», «кустарь», «без определенных занятий».

В паспорте ставилась также отметка о национальности, регистрации по месту жительства (прописке), приеме на работу. Таким образом, представители власти имели возможность по паспорту определить, как следовало относиться к его владельцу.

Согласно секретной части в «Инструкции о выдаче паспортов» устанавливались ограничения на выдачу паспортов и прописку в режимных местностях для: «не занятых общественно-полезным трудом на производстве» (за исключением инвалидов и пенсионеров); «сбежавших» из деревень «кулаков» и «раскулаченных», даже если они работали на предприятиях или в учреждениях; прибывших из других мест «без приглашения на работу»; «лишенцев» (люди, лишенные избирательных прав, в частности «кулаки» и дворяне); частных торговцев; священнослужителей; бывших заключенных и ссыльных, а также членов их семей.

Музыкант Юрий Елагин так вспоминает об этом времени:

«Наша семья была причислена к чуждым и классово-враждебным элементам по двум причинам: во-первых, как семья бывших фабрикантов, то есть капиталистов и эксплуататоров, и, во-вторых, потому что мой отец был инженером с дореволюционным образованием, то есть принадлежал к части русской

интеллигенции, в высшей степени подозрительной и неблагонадежной с советской точки зрения. Первым результатом всего этого было то, что летом 1929 года нас лишили избирательных прав. Мы стали “лишенцами”.

Категория “лишенцев” среди советских граждан – это категория неполноценных граждан низшего разряда. Их положение в советском обществе... напоминало положение евреев в гитлеровской Германии. Государственная служба и профессии интеллигентного труда были для них закрыты. О высшем образовании не приходилось и мечтать.

Лишенцы были первыми кандидатами в концлагеря и тюрьмы. Кроме того, во многих деталях повседневной жизни они постоянно чувствовали униженность своего общественного положения.

Я помню, какое тяжелое впечатление на меня произвело то, что вскоре после лишения нас избирательных прав к нам в квартиру пришел монтер и унес наш телефонный аппарат. “Лишенцам телефон не полагается”, – сказал он кратко и выразительно.

Сам Елагин как артист был причислен к советской «элите», получил паспорт и прописку. Но его отец был выслан из Москвы, арестован и погиб в лагере через два года. В результате паспортизации население Москвы уменьшилось на 214, а Ленинграда – на 476 тысяч человек. В Москве было отказано в получении паспортов 65, в Ленинграде – 79 тысячам человек, это без тех, кто жил на нелегальном положении. Оперативными мероприятиями ГПУ за первые полгода паспортизации задержано по Москве – 85, по Ленинграду – 4 тысячи человек.

В основном это были беглецы из деревни, в порядке внесудебной репрессии их этапировали в лагеря и трудовые поселки.

Нашей семьи это «вычесывание» не коснулось. Старший офицер Красного Флота и его семья, несмотря на происхождение, попали в ту же «элиту».

Отец, как и вся молодежь, впитал интернациональную романтику 30-х, даже полвека спустя, услышав по радио голос Эрнста Тельмана, он с волнением подпевал маршу Ротфронта и переводил мне с немецкого: «...мы не хотим никого под собой и никого над собой!»

Но на этом романтическом фоне мурло советского режима проступало все яснее...

Оглянешься – а кругом враги;
Руку протянешь – нет друзей;
Но если век скажет: «Солги!» – солги.
Но если он скажет: «Убей!» – убей.

– внушает Э. Багрицкий.

В Ленинградской секции Литературного университета, где учится отец,

творческие семинары ведут В. Рождественский, Н. Браун, А. Крайский. По приглашению В. Мануйлова он ходит в Студию художественного слова Пушкинского Общества. Но все это кажется его родителям несерьезным. По их настоянию – получить «нормальную» специальность и заработок – отец заканчивает архивные курсы и поступает на работу в Артиллерийский музей. Там однажды он выручает от настырных приставаний хама-начальничка девушку Розалию Дмитриеву, будущую мать и бабушку художников Владимира и Мити Шагина, с которыми я буду вместе бороться за Товарищество 70-х и 80-х годов.

Но припугнув поганца, отец наживает себе врага и донос в органы госбезопасности. Последствий первый «стук» не имел, мало того, произошла загадочная история. На улице к нему подошел неизвестный и предупредил об опасности, посоветовал убрать лишнее из дома.

А лишнее было. Браунинг и стихи. Теперь уже не детские.

Как низко-низко реяла комета,
Разжав звезды кровавой пятерню,
Как много злаков не дождалось лета
И безымянно пало на корню.

Так пали все, кто созревал до срока,
Так пали все, кто шел передо мной.
Уже и серп свистит неподалеку,
И молот поднимают за спиной!

Одних только этих строк в те безумные годы было достаточно для ареста. Но, уронив пистолет с Тучкова моста и на время оставив стихи у подруги, отец не дождался тогда ночного звонка в дверь. И потерял чувство опасности. Он продолжает писать и открывает для себя Александра Блока. Духовное родство, привязанность к нему останутся на всю жизнь. Он собирает по букинистическим лавкам дореволюционные сборники поэта. В Ленинграде отец находит старуху, бывшую когда-то нянькой поэта. Она отдает отцу детские блоковские тетрадошки со стихами; потом, после ареста, они сгинут в Большом доме, так до сих пор зовут здание ГПУ–НКВД–КГБ, а теперь ФСБ на Литейном проспекте. Мучительным противоречием сложившемуся у отца образу Блока будет поэма «Двенадцать», в записях своих и стихах он будет искать – нет, не оправдания – объяснения погубившему поэта заблуждению.

Продолжая писать, он попытается найти поддержку у Анны Ахматовой. Та, прочитав его стихи,

и сказала верно и жестоко,
Как умеешь только ты одна,

Что сплошного горного потока
Здесь еще дорога не слышна,

Как отрину истину простую!
До колена веку ручейки.
А не сам ли столько лет тоскую
По глухому грохоту реки?

Но покинув горные отроги,
Мы с упрямой памятью вдвоем
Не забыли виденный, глубокий,
Неохватный взором водоем.

Как он пьет дымящиеся тучи,
Как ключи, и талые снега,
Как растет и в бурю, гневом мучим,
Роет, рвет и рушит берега.

Горе вам, замшелые плотины,—
Тысячи препонов бытия!
Не напрасно через сгустки тины
Набухает светлая струя!

Позже, уже в 60-е годы, отец встречается с Ахматовой вновь, но в «ахматовские сироты» он уже не годится ни по возрасту, ни по опыту, а возобновленное знакомство почему-то остается в тени. О нем говорят только несколько строф, написанных рукой Анны Андреевны на обороте чертежной «синьки», найденных мной в отцовских бумагах, машинописная подборка его стихов, оказавшаяся в архиве Ахматовой, и память о том, как в начале 60-х я видел их вдвоем в букинистическом магазине на Литейном проспекте. Разглядывая старинные книги, я обратил тогда внимание на почтительно согнувшегося продавца и услышал:

— Пожалуйста, Анна Андреевна.

Приглядевшись, рассмотрел сначала грузную фигуру в шубе, потом знаменитый профиль, а потом и своего отца — рядом. Подойти не посмел, потому что прогуливал школу.

А в 39-м жить на воле, а скорее всего и вообще — жить, оставалось ему два года. Распятая страна корчилась в муках, волны террора сменяли друг друга. Раковой опухоли уже мало клеток организма, в котором она выросла. Джугашвили не намерен останавливаться на достигнутом.

Заклучив явный и тайный союзы, на торжественном обеде в Кремле Джугашвили предлагает тост за Гитлера, которого «очень любит немецкий народ».

На следующий день, как вспоминает Хрущев: «Он буквально ходил гоголем. Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: “Надул Гитлера, надул Гитлера”».

Через три месяца, в ноябре отец со своим школьным другом Евгением Завелевичем гуляют по городу, у Театральной площади они слышат грохот, из-за поворота появляется колонна танков.

– Куда это? – спрашивает отец.

– Да ты что? – удивляется Геня. – Война с финнами вот-вот...

На следующий день отец, включив тарелку громкоговорителя, слышит:

«Граждане и гражданки Советского Союза!»

В последние дни на советско-финской границе начались возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей под Ленинградом... Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении».

О том, что было на самом деле, рассказал двадцать лет спустя Хрущев:

«Однажды, когда я приехал в Москву, это, по-моему, была поздняя осень 1939 года, Сталин пригласил меня к себе... Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по ходу я почувствовал, что это, собственно, уже реализация принятого решения о том, чтобы предъявить ультиматум Финляндии. Было такое настроение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера. и если она не согласится, начать военные действия. Я тоже считал, что это правильно, что достаточно громко сказать, а если на слово не поверят, то выстрелить из пушки, и финны подымут руки.

Сталин говорил: “Ну вот сегодня будет начато дело”. Мы сидели довольно долго, потому что был уже назначен час. После истечения этого времени был послан Кулик – маршал артиллерии, он должен был организовать артиллерийский обстрел границы Финляндии.

Вдруг позвонили, что произвели выстрел. Финны ответили ответным артиллерийским огнем. Фактически началась война».

Танков у Красной армии было в 88 раз больше, чем у Финляндии. Но эта война стоила жизни 126 тысячам погибших красноармейцев. А сколько жертв понесли финны? Погиб и друг отца, его взвод бросили в штыковую атаку на доты Маннергейма.

Джугашвили захватил малый кусок финской территории с таким уроном, что дал основание Гитлеру думать о неумелости Красной армии. Причины тому были – за годы террора из 108 членов Высшего военного совета в живых осталось 12. Из 5 маршалов в живых осталось 2, из 15 командармов – 0, из 57 комкоров – 1. Расстреляны были 154 комдива из 186, больше половины командиров полков. Их сменили люди без опыта и способности к инициативе. Но потери агрессора в «зимней кам-

паний» имели и другие причины – не просто победить народ, если он ценит свою независимость.

Страна катилась в пропасть новой мировой войны. Это понимали немногие. Моя будущая мать в Боровичах, у нее уже двое детей. Чтобы прокормиться, она сдает нижнюю часть дома родственникам и не подозревает, что впереди куда более тяжкие испытания.

Боровичи, мама с дочерьми Мариной и Галей, 1940 г.

Отцу, как и миллионам соотечественников, предстояла смерть на полях войны. Но судьба распорядилась иначе: вместо гибели в бою ему открылась дорога в ад неволи...

Отца взяли в 41-м, в мае, по новому доносу.

В эти же дни Ольга Берггольц пишет:

Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.

Как мы любили горько, грубо,
Как обманулись мы любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.

Как в духоте бессонных камер
И дни, и ночи напролет
Без слез, разбитыми губами
Твердили «Родина», «Народ».

И находили оправданья
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.

Схваченная в 1937 году после ареста мужа и поэта Б. Корнилова, она провела 2 года в стенах НКВД. Там из нее сапогами выбили ребенка, которого она носила.

Это ее муж, красавец-волгарь и яркий поэт, горячий сторонник строительства коммунизма, оставил известные по фильму строчки:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пеню гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня!..

Его песню распевала комсомольская молодежь. Это не помешало доносу, его расстреляли...

Тридцать пять лет спустя, выявляя корни моих антисоветских убеждений, следователи решили ознакомиться с обвинением против моего отца.

Из протокола, составленного в 1976 году старшим следователем Следственного отдела УКГБ старшим лейтенантом Автухом:

«Уголовное дело № 435 (архивный номер – П-36703) заведено 2-м СПО УНКГБ по городу Ленинграду в отношении Рыбакова Андрея Николаевича, 1916 года рождения, уроженца Ленинграда, русского, гражданина СССР, беспартийного, без определенных занятий, проживающего в Ленинграде по адресу: Васильевский остров, 2-я линия, дом 39/16, кв. 29.

Основанием к возбуждению дела послужили данные, полученные при допросах свидетелей: Упоровой, Магалифа, Дубилета, Лешковой-Власовой, из которых усматривалось, что РЫБАКОВ А. Н. антисоветски настроен, занимается сочинением и распространением среди своих знакомых стихотворений контрреволюционного содержания, собирался заняться подбрасыванием в учреждения антисоветских листовок, допускал клеветнические оскорбительные выводы в отношении руководителей Партии и Правительства.

24 мая 1941 года вынесено мотивированное постановление о производстве у Рыбакова А. Н. обыска и об его аресте, санкционированное 30 мая 1941 года прокурором города Ленинграда.

31 мая 1941 года у Рыбакова произведен обыск, на котором изъяты его сочинения, переписка, штык-кинжал...

Тогда же он был заключен под стражу».

Война

До начала Великой Отечественной войны оставалось 22 дня. Жители СССР уже давно подготовлены. Германия – очевидный противник. Поделив Восточную Европу, два хищника – ГУЛАГ и Освенцим – замерли «глаза в глаза», вопрос был только в том, чья армия прыгнет первой. Споры о том, намеревался ли атаковать Джугашвили, малозначимы и наивны.

Протесты базируются на врезанном в сознание обывателя стереотипе:

«Мы не могли напасть, потому мы мирный народ, мы защищались и отстаивали свою свободу, а миллионы погибших соотечественников – герои».

Да они и были героями! Но еще и жертвами. Жертвами идеологии превосходства, классового на одной стороне, национального на другой. Жертвами слепой веры параноиков на право подчинять и переустраивать мир по своему разумению. Да, целый ряд обстоятельств говорит о том, что Джугашвили готовился к броску на Европу. Это и танки БТ, гусеницы которых легко менялись на колеса, что было неприменимо в непролазной России, но позволяло быстро пройти всю асфальтированную Европу. Это и сосредоточение в Бресте не только армейских частей, но и конвойных войск НКВД, которые умели только охранять заключенных. Это и боевая флотилия, с десантом на борту вошедшая в Дунай, от которого рукой подать до нефтяных полей Румынии, единственного поставщика бензина для вермахта.

Да и Красная армия совсем не была слабой и допотопной. По количеству тех же танков она в 4 раза превышала их число у Гитлера.

Если бы после провокации подобной тем, что были организованы рейхом в Польше, а Советами на границе с Финляндией, после воплей о «вероломной вырезанной погранзаставе», Красная армия первой ударила по вермахту, колесные танки и американские грузовики (уже тогда привезенные в Ирак по ленд-лизу) обеспечили бы прорыв до Ла-Манша. Причем действительно «малой кровью, на чужой территории» – фраза, которая была на слуху у всех...

Есть версия о том, что Кобу убедили, будто Гитлер вот-вот заявит ультимативные претензии на Прибалтику и Западную Украину. И Джугашвили якобы был готов, ради нескольких месяцев, уступить район Витебска, а поэтому, на всякий случай, велел демонтировать те военные укрепления, которые могли достаться Гитлеру без боя, чтобы потом, полностью подготовившись, кинжально ударить по южным и северным рубежам, прорвать их, оставить вермахт без нефти и никеля и стать хозяином Европы.

Но не так уж сегодня важно – ринулась бы Красная армия в Европу в июле

41-го или в мае 42-го – логика противостояния делала чье-то нападение неизбежным. Случилось так, что глубокий прорыв и захват огромных территорий достался Германии, вместе с неизбежным поражением.

Нелепость этого шага очевидна: ведь снять советскую угрозу можно было только захватив и полностью подчинив всю Среднерусскую равнину – не до Волги, а до Урала. Только вот удержать и тем более освоить ее было бы некому, даже если перебросить в оккупированную зону все свое население, все 65 миллионов германских немцев. А Гитлеру, чтобы разбить столь ненавистную ему Англию, нужен был весь вермахт на Западе. Значит, в захваченной России остались бы только мелкие гарнизоны? Но тогда участь приехавших осваивать новые земли немецких колонистов быстро решили бы местные жители.

Чем же продиктована атака? Безумием фюрера? Вот что он пишет Муссолини 21 июня 1941 года:

«Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончилось принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России, а также после ознакомления с многочисленными другими донесениями... После ликвидации Польши в Советской России проявляется последовательное направление, которое умно и осторожно, но неуклонно возвращается к старой большевистской тенденции расширения Советского государства. Собственно, на наших границах находятся все наличные русские войска. если обстоятельства вынудят меня бросить против Англии немецкую авиацию, возникнет опасность, что Россия со своей стороны начнет оказывать нажим на юге и севере, перед которым я буду вынужден молча отступать по той простой причине, что не буду располагать превосходством в воздухе. Поэтому после долгих размышлений я пришел к выводу, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута».

Лукавит Адольф, изображая страх? Но зачем? Он мог бы сказать Муссолини прямо: я нападаю именно потому, что не боюсь. Нет, он признается: понимаю и боюсь, что Джугашвили не упустит удобного момента и ударит в спину... Поэтому план «Барбаросса» начинается словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». По сути, он хороший ученик Джугашвили и делает то, что последний только что произвел над Финляндией.

Двум Сауронам тесно в одном Средиземноморье.

Отец, сидя в камере «Большого дома», узнал о начале войны не сразу. На первый допрос его вызвали только через две недели. Тогда это был обычный прием, ведь неизвестность пугает, а ожидание изматывает. Когда его наконец

привели к следователю, он признал свое стихотворное авторство, как и то, что высказывал критику в адрес Советской власти. Оформив протокол, его отправили в камеру и оставили в покое, стало не до поэтов – война. А потом, несмотря на то, что по состоянию здоровья он был непригодным к службе «белобилетником», его дело как-то перекечовало в военную прокуратуру. Отец не знал о том, что волей случая он оказался на краю гибели, ведь трибунал военного времени был скор на руку.

И все же было бы ошибкой представлять себе те времена как монолитную систему. Нет, она имела свои трещины, сбои и противоречия. Еще Салтыков-Щедрин заметил, что жестокость российских законов смягчается их неисполнением.

Я знаю о сотнях семей, где арест одного вел за собой аресты других: дети шли после родителей, родители шли за детьми; приходили за внуками, а потом за стариками, причем не спасали даже публичные отречения от арестованных. Но были и сбои. Дед сразу в день ареста сына пошел к начальнику училища и поставил его в известность о случившемся.

Но его, беспартийного, даже не отстранили от преподавания. Возможно, что здесь какую-то роль сыграли его сослуживцы – старые морские офицеры. Явившись на следующий день в училище, он услышал:

– Николай Федорович, на Ваш счет указаний мы не получили, продолжайте работу!

А 28 июня он узнал, что «дело» его сына передано в трибунал. Тогда он отправился в Петропавловскую крепость. Нашел там руководство военного суда и доложил, что сын арестован по подозрению в антисоветских настроениях, что он не военнослужащий и даже не военнообязанный, но следствие из гражданского производства почему-то переведено в трибунал. Военный прокурор выслушал, удивился и велел вернуть подследственного по принадлежности – в гражданское производство. Дед же, несмотря на осужденного сына, продолжал служить и вышел в отставку только в 1952 году, с орденами Ленина и Красного Знамени.

Я гадаю теперь о том, какие же именно стихи были инкриминированы отцу. Установить это непросто: в деле, хранящемся в архиве ФСБ, самих стихов нет, они только упоминаются как антисоветские. А в тех машинописных сборниках, которые он оставил нам, разные, нарочно перепутанные даты.

Насколько я помню, среди «антисоветчины» оказалась «Сказка»:

Носом в землю он лежал веками.
Тучи плыли вдаль, наискосок.
Был тяжел рябой бездумный камень,
Ветер дул в пылающий висок.

Он нигде на свете больше не был,
Он на солнце не взглянул в упор,

Но томило небо, звало небо,
Словно птицу, в золотой простор.

На свободе были только руки,
День и ночь, как ветви, на весу.
Он пахал и сеял (пальцы – плуги!),
А лизал постылую росу.

Краем, робко мысли проползали,
По ночам чужие снились сны.
Был он там горячим светом залит,
Были губы девичьи нежны.

Ласковая, гордая, родная,
Но всегда – лишь за чертою сна... –
Вот сейчас уйдет она, я знаю!
Где живет такая? Кто она?

И однажды, на исходе года –
Даже горы дрогнули окрест: –
Назовись! – он крикнул. – Я – Свобода.
Как тебе терпеть не надоест?

И ушла, не обещая встречи,
Только солнце брызнуло из кос.
Как сумел? Как высвободил плечи?
Но скатилась глыба под откос.

Вскинув небо черное, густое,
Лето шло, и падали плоды.
Человек дышал впервые стоя,
Молча слушал дальний плеск воды.

Щедро в грудь его врывался воздух,
Сонный мир похрапывал у ног.
Выгорали утренние звезды,
Накаляясь, расцветал восток.

Он сказал: – Какой я был несчастный!
Думал – так вовек и быть должно.

Краем глаза видел запад красный,
Пресное прожевывал зерно.

Люди, гляньте, – щедрый, непочатый,
Мир цветет, сверкая и гремя,
Вы же, глыбой мертвою прижаты,
Пальцами шевелите двумя!»

Из того же протокола КГБ:

«25 июля 1941 года прокурором утверждено обвинительное заключение в отношении РЫБАКОВА о предании его суду по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. 30 июля 1941 года Судебная коллегия по уголовным делам Ленгорсуда рассмотрела уголовное дело по обвинению РЫБАКОВА. В суде он заявил, что, будучи антисоветски настроен, в своих стихах показал советскую действительность, тем не менее виновным в антисоветской деятельности РЫБАКОВ себя не признал, заявив, что ущерба СССР своими стихами он не принес. Судебная коллегия признала РЫБАКОВА виновным в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, и приговорила его к лишению свободы сроком на 5 лет с последующим поражением в правах сроком на 2 года».

Ему снова повезло: его этапировали, не дожидаясь решения по кассационной жалобе. Их эшелон был последним из тех, кто успел вырваться из окружаемого немцами Ленинграда. Отец рассказывал, что сквозь решетку окна видел немецкий самолет, который несколько раз низко пролетел над вагонами.

Где-то рядом в противоположную сторону ехал в такой же теплушке лейтенант А. Яковлев, будущий «прораб перестройки».

Он вспоминает: «...со своим взводом я ехал на фронт, совершенно не представляя, что там буду делать, как буду воевать. Уже тогда, в свои восемнадцать лет, я понял, что везу на фронт пушечное мясо. Да и все мои товарищи, молодые офицеры, говорили то же самое. Свою обреченность мы скрывали бравадой, песнями, хвастливой удалью, бессмысленными спорами о том, насколько быстро мы разобьем этих фашистов. А кошки скребли наши мальчишеские души. И по ночам нам снились мамы. Я знаю, многие из нас хлюпали носами, а утром снова изображали из себя невероятных героев. Подлинная трагедия той войны».

ГУЛАГ

Дорога отца в Сибирь была долгой, чуть ли не месяц, а то и два добирались они до конечного пункта. В пути многие заболели дизентерией, иногда на станциях или в пересыльных тюрьмах им давали в дорогу соленую, несвежую рыбу, а пили они сырую воду, неведь откуда бравшуюся охраной. Доехали не все. Уголовный беспредел обошел его стороной, отнимать у него, думаю, было нечего, да и на беззащитного он похож не был... В теплушке нашлось несколько интеллигентных людей, они коротали время в пересказе друг другу прочитанных книг, спорили о сроках войны, уповали на амнистию по случаю близкой, неперменной победы и не представляли, что их ждет.

Их везли через всю Россию, Урал и Сибирь. В 90-е годы как член парламентской комиссии я посещал многие тюрьмы и лагеря. Последние уже совсем не те, что были в сороковые, но централы и пересыльные тюрьмы достались нам еще с царских времен. Те же бурые, кирпичные корпуса, те же своды коридоров и камер, те же пропитанные жестокостью и страданием стены. Москва, Казань, Пермь, Свердловск (Екатеринбург), Новосибирск, Томск и – Мариинск, пересыльный лагерь. В этапах, от пересылки до пересылки, только хлеб – 400 грамм в сутки (рыбу он заставлял себя не есть), жидкая баланда из муки в тюремных накопителях, холод – все это доводило осужденных до истощения еще до прибытия в лагерь.

Что представляла собой Мариинская пересылка?

Екатерина Владимировна попала туда в 1943 году, получив 10 лет. В Подмосковье, в доме, где она жила во время оккупации, квартировали немецкие офицеры. Она знала немецкий язык и разговаривала с ними, однажды они стали при ней играть в шахматы. Посмотрев на доску, она увидела слабость чьей-то позиции и сказала, что мат будет через 3 хода... Так и случилось. Тогда немцы предложили ей сыграть. Она согласилась, но объявила, что играть будет за Красную армию. Ей удалось обыграть немецкого офицера, и она сказала: «Вот так и ваш вермахт проиграет». Потом испугалась, но обошлось. Немцы не тронули, зато свои, по доносу соседей, отправили ее в Сибирь.

Она вспоминала:

«Нас выгрузили на перрон ж/д станции. Как всегда томительно долго считали-пересчитывали, строили-перестраивали, но все-таки дали команду: “Внимание! Вы переходите в распоряжение конвоя... шаг в сторону – конвой стреляет без предупреждения, направляющий – вперед!” Тронулись, слава тебе господи!

Кричит о чем-то конвой, лают охраняющие нас собаки, невыносимо терза-

ет мороз. Но мы, до предела сжавшись, ссутулившись, глядя только под ноги, бережем в себе остатки вагонного тепла – идем, идем. Далеко ли, долго ли, о Господи! Конечно, за городом наша тюрьма, которая зовется уже лагерем, или Марпересылкой. Дошли и встали.

Начинался поземок – снежные вихорьки, что особенно язвят ноги, колена и стараются пролезть к спине. Остановилась наша колонна перед широкими воротами Марпересылки, остановилась и ждет: вот сейчас, сейчас они откроются, и мы навалом, табуном ринемся к жилью, к теплу. Да не тут-то было! Раздалась вдруг команда: “Колонна, садись!..” – То есть – как садись? Куда – садись? На что? А вот, оказывается, на землю, на снег садись, и все! Люди стали недоуменно топтаться на месте: дескать, может, не так поняли, может, еще постоять можно. Нет – садись! На мороженую землю, на снег. И стали садиться, а что поделаешь? Иначе ведь стрелять будут в стоящих.

Ох ты – жадная до жизни, трусливая и жалкая природа человеческая! Нули боятся; смерти мгновенной предпочитают медленную пытку голодом, холодом, которые окончатся все едино – смертью.

Сидели мы изрядно долго – час, полтора. Наконец из дверцы вахты выскочил молодой человек – в телогрейке, в шапке-ушанке, с дощечкой и карандашом в руке, и здесь же оказалась кипа бумаг (наши “дела”), которые нас сопровождали. Началась церемония передачи, долгая, нудная. Фамилия? Имя? Статья? Срок? И так далее. Кончилось и это. Только тогда отворились ворота адовы и поглотили нас, можно сказать, навсегда, ибо прожить и выжить 10-летний срок казалось делом маловероятным.

Нагнали нас сначала в баню. Основная задача бани была отнюдь не перемыть наши заскорузлые тела, а пережарить нашу одежду, то есть вшей, которых мы привезли с собой. Самое отвратительное, что творилось в этой бане, – это обслуживание нас уголовниками, облаченными в белые халаты. Голые, худые, с кожей, покрытой пупырышками (пеллагра!), шершавой, как наждачная бумага, а некоторые – с сильно отечными руками и ногами, стояли мы в очереди друг за дружкой перед молодцами в прическах, с сытыми мордами и в белоснежных халатах, эти же молодцы выбирали из одежды мужчин и женщин такие вещи, которые у них не отняли еще раньше, – кожаные пальто, меховые куртки, хорошую обувь, пледы, костюмы, нижнее белье хорошего качества и так далее. Все шло в обмен на хлебные пайки. Так, хорошее кожаное пальто или дубленка отдавались за 15-20 паек хлеба. Хорошие вещи шли больше с прибалтов – латышей, эстонцев, финнов. С нас, русских, нечего было взять, кроме вшей и худых тел. Когда мы гуськом проходили в мыльню, то нам – на живот, на грудь или руку ловко прилипала жидковатая масса мыла, которую нам лепил с лопаточки специально поставленный здесь еще один в белом халате блатяк. Ко всем нашим бедам мы еще страдали от истощения – деменции, которая проявлялась в потере памяти, медленном соображении, в замедленных движениях, в тяготении

к неподвижным позам, в особенности у мужчин. Тогда эти наши санитары-блатяки грубо кричали на нас, толкали и даже били.

В мыльне нам отпустили литра по три тепловатой воды, и на этом все закончилось. В бане было холодно, так что мы старались скорей-скорей добраться до одежды. И повели нас в карзону (карантинная зона) на три недели, в пустой барак с трехъярусными нарами. Барак этот, почти не отапливаемый, был наполовину в земле, по-видимому, из-за экономии топлива и стройматериалов. Крошечная печурка при входе получала с утра охапку соломы и все».

Из такого же распределителя отец попал на прииски в Берикюль, поселок на берегу одноименной речушки. Там в косо уходящих штольнях зеки добывали последние остатки некогда крупной золотой жилы. Лагерь был небольшим и «проходным»; зеки, жившие в палатках, долго там не задерживались. Летом стояла невыносимая жара, а зимой «валы» ледяного холода, вдруг спускавшиеся в ложбину между гор, быстро доводили людей до гибели. Отец едва не умер там, и лагерный фельдшер пытался сактировать его, то есть признал умирающим и хотел отправить для списания в Мариинск, ведь его нары мог занять другой, еще способный работать зек. Но ничего не вышло, никто не собирался гонять лошадей ради какого-то доходяги... Однако на пересылку отец все же попал, прииск признали нерентабельным и в Мариинск вернули всех выживших. Отец говорил мне о том, что воспоминания и рассказы Шаламова наиболее точны в описании лагерей того времени. Но в то же время, несмотря на весь ужас, до звериного отупения и выживания по принципу «умри сегодня, а я завтра» доходили не все. На своем пути отец встретил множество людей, которые не теряли человеческого облика и жили не только инстинктами.

Николай Фиолетов, профессор, христианский философ, сидевший вместе с отцом в Марлаге, писал: *«Одно из самых тяжелых переживаний – это ощущение внутренней и внешней грубости и упорной духовной пустоты в окружающих – искушение потерять веру в человека, что у многих и получилось. У меня этого нет, потому что я нашел здесь и другое и других людей и наблюдал духовное перерождение их».*

Да, наверное, шаламовская Колыма была еще страшнее Сибири, но и тут человек испытывался на прочность его души самым беспощадным образом. К моменту приезда отца в Берикюльский лагерь уже действовало усиление режима в связи с началом войны. Палатки, в которых содержали зеков с 58-й статьей, дополнительно огородили колючей проволокой, нормы питания снизили: при выполнении производственной нормы зек получал 300 грамм хлеба, штрафные – 200, в миске баланды, чуть забеленной мукой, иногда можно было найти капустный лист. «Капустинка за капустинкой бегаёт с дубинкой», – шутили лагерники. Для врагов народа отменили «ларек», где можно было что-то купить, отменили и получение посылок. Впрочем, и отправить их возможности не было.

Родители отца, эвакуировавшиеся из Ленинграда вместе с Морским учили-

щем, ничем не могли помочь сыну: посылки в лагеря и тюрьмы на почте не принимались...

К началу 1942 года усиление режима для антисоветчиков отменили. Война требовала мобилизации всех сил, и невольники, пока живы, должны были приносить пользу. А для этого их надо было кормить. За перевыполнение плана стали выдавать по килограмму, за норму выработки – 600 грамм хлеба в день. Если учесть каторжную работу с кайлом в забое, с ящиком породы, который надо было выволочить по штреку наверх, с тачкой до ручья и обратно, если учесть, что белка и жира практически не было, то даже при прибавке конец все равно был один: алиментарная дистрофия (третья стадия – это когда вместо ягодичек провалы) и авитаминозная пеллагра с поносом, поражениями кожи и психическими расстройствами.

Позже, вспоминая первые годы заключения, отец напишет:

Вот так и было. Резал душу ветер.
Стекло седое хрипло дребезжало.
А я стоял в толпе упрямым доходягой
Сутулился под кухонным окном.

Была слаба надежда на прибавку,
И человек с мордой обезьяны,
Приплясывая, пел о Сингапуре,
Чтоб поварские размягчить сердца.

Густела стужа, и метель равняла
Ночных бараков братские могилы,
А там, за зоной, по сибирским далям,
На запад шли составы без огней.

Отец доходил в больничке пересыльного лагпункта, полубарака, скорее землянки. Он едва стоял на ногах, пытаясь растопить руками замерзшую в консервной банке воду, когда его вызвали в комендатуру. Там сидел начальник КВЧ, культурно-воспитательной части. Оказалось, что он собирает людей для организации театра! В документах отца, видимо, была запись о том, что перед арестом он занимался в театральной студии. Мода, что ли, была такая у гулаговского начальства: они соревновались между собой в собирании крепостных талантов.

Так он оказался в Марлаге, а крупное воспаление легких удалось преодолеть в лагерном госпитале. Через 2 месяца, оклемавшись, он сидел на крыльце больницы, подставив лицо весеннему солнцу. Проходившая мимо молодая женщина в офицерской шинели, посмотрев на него, улыбнулась и, посадив на его шарф майского жука, пошла дальше. Это была моя будущая мать.

Окончив педагогическое училище в Боровичах, она по распределению попадает в начальную школу в Нижнем Тагиле, там знакомится со своим первым мужем, возвращается с ним в Боровичи, работает в школе, потом их брак распадается, мать служит на керамическом заводе. С началом войны ее вместе с другими женщинами посылают на строительство укреплений. По приказу Джугашвили всех привлеченных к оборонному строительству переводят на казарменное положение. Она имела спортивные разряды по стрельбе и плаванию, ее призывают в армию. Там направляют в комсомольский лыжный батальон при НКВД, где-то в Новгородчине они воюют, помогая партизанам. Почти сразу всем предлагают вступить в партию, коммунистическую (других не было). Отказаться в этих условиях было невозможно, впрочем, я не знаю, были ли у нее в то время сомнения на этот счет.

Потом они защищают Ленинград, выполняют рейды по тылам противника. Уже много лет спустя мать получает орден Великой Отечественной войны 2-й степени. Но на мои вопросы, за что, неохотно придумывает – за «рытье окопов». Недавно, заглянув в ее орденскую книжку, я прочел: «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками...» Теперь я понимаю, что всю жизнь она стеснялась того, что пришлось служить в частях НКВД, да еще и в партию вступить.

Я не знаю точно, как моя мать попадает в Сибирь. Возможно, дело было в том, что бабушка Надежда Петровна эвакуировалась в Сибирь вместе с двумя внуками. Там они бедствуют.

Оставивший их еще до войны Юрий Майхровский перестраивает Челябинский тракторный завод под производство танков, но бабушка застряла в Нижнем Тагиле, поэтому помогать ей и детям очень непросто.

С ноября 1943 года по карточкам даже рабочим полагалось на день 500-700 грамм хлеба, служащим по 400-450 грамм, детям и иждивенцам – 300 грамм. Хлеб можно было купить на рынках. К примеру, в 1942 году стоимость килограмма буханки хлеба на рынках в рабочих городах Урала доходила до 100 рублей, ведро картошки – от 10 до 25 рублей, мука – 10 рублей за стакан, десяток яиц – 35 рублей, 140 – масло. А средний месячный заработок в промышленности за работу по 11-13 часов в день даже в конце войны составлял 470 рублей.

Мама отправляет им свой воинский аттестат (документ, дающий право на получение какой-то нормы продуктов), но продуктов не хватает даже в распределителе, аттестат не на что «отovarить».

После прорыва блокады на Ленинградском фронте немалая часть немецких солдат из группы армий «Север» попадает в плен. НКВД поручается их конвоирование подальше от фронта. Быть может, мать узнала, что эшелон с ними пойдет в Сибирь, туда, где голодают ее дети?.. И добилась включения себя в конвойную команду? Мне всего этого она не говорила и объясняла, что попала в Сибирь вместе с эвакуировавшимся заводом. Какое-то время она находится под Новосибир-

ском, туда же выписывает бабушку с детьми. Ей удается попасть в Мариинск на работу начальником канцелярии Центрального госпиталя Сиблага. Того самого, где возвращается к жизни отец.

В театральной труппе отец оживает. Рядом с ним немало питейских интеллигентов, певцов, актеров. В отделении КВЧ в разных бараках содержат и мужчин и женщин – бытовиков и политических. Среди них встречается немало людей интересных, разных, талантливых. Не только профессиональные музыканты, художники, артисты, но и ученые, математики, физики, литераторы – многие из старой

интеллигенции находили там свое спасение. Где-то рядом в Сиблаге пели Русланова и Пичковский, на соседних нарах сидел сын графа Толстого (настоящего) Александр Быстролетов, доброволец Белой армии, эмигрант, вернувшийся в Россию. Завербованный лично Артузовым, он 13 лет верой и правдой служил СССР во Франции и Италии, вместе с Кимом Филби добывая советской разведке шифры и коды других разведок. В 1936 году он попросил свое руководство об отдыхе. Ему разрешили вернуться, но в 1938 году припомнили службу в Белой армии и отправили в лагеря на 20 лет. Когда в 1947 году ему предложили из лагеря вернуться в разведку, он потребовал полной реабилитации и... освободился только в 54-м году.

Вместе с отцом на крепостных подмостках работал молодой актер театра имени Пушкина Борис Черкасов (двоюродный брат Николая Черкасова), который, однажды придя на репетицию, сдуру рассказал коллегам, что ему приснилось, как он «...стрелял в Сталина! Ха-ха!» Беспечная болтливость обошлась ему в «десятку» лагерей.

Анатолий Должанский, режиссер и художник 2-го МХАТа, оставил серию портретов своих сокамерников, но сам, выйдя на поселение в станицу Татарскую, погиб там от туберкулеза.

Там же подвизались и директор первого детского музыкального театра Наталия Сац и петербургская актриса Лидия Жуковская, актер театра Мейерхольда Михаил Зоров.

Там же в Марлаге находился удивительный человек – епископ Ковровский Афанасий. Начиная с 1922 года он пережил 15 арестов и осуждений: Соловки, Карлаг, Сибирь, Дубравлаг – вся его жизнь прошла в скитаниях по тюрьмам и лагерям, где он продолжал нести людям Божье слово и веру.

Под одной крышей жили специалисты с мировым именем, чьи труды украшали университетские библиотеки, фронтовики, бежавшие из нацистского плена и ставшие жертвой шпиономании, карманники, хулиганы, приехавшие в 1931-1940 годах иностранные коммунисты, сектанты и атеисты.

В женских бараках на соседних нарах спали серийная убийца из Красноярска, жена наркома из Москвы, «возвращенка» из Парижа и балерина одесского театра.

Особое место в лагерной жизни занимали блатные. Они – хозяева, они не очень ценят свою и совсем не ценят чужой жизни. Зачастую, играя в карты, они проигрывают не только вещи «работяг», но и их жизнь.

Сидевший там же сын Н. Краснова рассказывает:

«– Что ставишь на карту?»

Партнер чешет затылок. Карман пуст.

– А вот, если проиграю, подколю того бородатого, что в углу спит и каждый вечер молитвы шепчет.

– Врешь!

– Не вру!

– Ну, давай!

Карта бита, и урка без зазрения совести “подкалывает” совершенно неизвестного ему старика. Дело всплывает наружу, и ему пришивают обратно “заплату”, то есть уже отсиженный им срок для пополнения “катушки”».

Катушка или «на всю катушку» – это 25 лет заключения. Расстреливали уголовников только за саботаж. А когда в 1947 году отменили смертную казнь, убийства в лагерях стали массовыми: за них преступник, что бы ни творил, получал лишь разницу между уже отсиженным и максимальным сроком. Вскоре власть вернулась к расстрелам.

Был в КВЧ случай, едва всех не погубивший. Талантливые песенники и танцоры попадались и среди уголовников. Один аферюга, попав в агитбригаду, обнаружил среди реквизита офицерскую шинель. Хорошо подготовившись, собрав все недостающее из обмундирования, однажды вечером он просто прошел через вахту на волю, махнув солдатам поддельным пропуском. Махнул и... был таков. А потом прислал начальнику лагеря издевательскую телеграмму из Москвы. К счастью, сапоги он «увел» не из театра, а из конвойной каптерки штрафного блока, и доказать, что одежду он взял в КВЧ, не удалось. Жизнь каждого зека постоянно висит на волоске: не только проигранный в карты, не только тот, чьи офицерские галифе приглянулись блатяку, – любой, кто попался под руку похмельному начальству, любой, кто оказался в списке на этап, стоит на пороге смерти. И тут не важно, бригадир это или «придурок» из нашедших свое место в клубе или каптерке, – перед слепым случаем все равны.

Страшной была судьба женщин, приходивших в лагпункт беременными. Им давали рожать и даже какое-то время кормить новорожденных. Потом детей отбирали и отправляли в детские дома.

Впрочем, чья судьба была ужасней, судите сами.

Рассказывает Л. Бершадская:

«В марте 1947 года, когда морозы в Сибири еще в полном разгаре, наш лагерь стал театром одной потрясающей трагедии.

Их было триста двадцать женщин, собранных из всех тюрем Москвы в Бутырскую тюрьму. Все они были арестованы в разных городах Советского Союза в состоянии беременности, и все они родили детей в тюрьмах.

Их собрали с грудными младенцами и объявили им, что они должны отдать детей на попечение советской власти, а сами ехать в лагерь. Несчастные матери решительно воспротивились.

Тогда начальство как будто “смягчилось” и заявило им, что они поедут в лагерь вместе с детьми: полдня они будут там работать, а полдня смогут заниматься своими малышами.

Всех этих триста двадцать женщин с младенцами в возрасте до пяти месяцев привезли в наш пересыльный пункт, в Мариинск.

Неделю матери тихо сидели, прижав к груди своих малюток, в ожидании дальнейших событий. Маленькие крошки, завернутые в лохмотья, лежали у груди своих матерей, как запуганные зверьки, не подавая голоса, будто в самом деле понимали, что их ждет.

На восьмой день матерям сказали, чтоб они закутали своих детей потеплее, — им предстоит переход в другой лагерь.

У вахты стояли три телеги с сеном, и матерям велели уложить детей туда, а самим построиться по пяти в ряд. Доверчивые матери бережно уложили своих малюток в сено, укрыли их, как могли, а сами построились по пятеркам, как им велено было.

Раздалась команда, открыли вахту — телеги рванули... и за последней телегой ворота стремительно закрылись!

Растерянные матери сначала ничего не поняли, но быстро спохватились — им все стало ясно: на их глазах, нагло обманув их, выкрали детей.

Обезумевшие матери бросились к воротам, стали стучать по ним кулаками, кричать, вопить, выть — но все понапрасну.

Три дня триста двадцать несчастных женщин валялись на снегу у вахты, оглашая лагерь дикими воплями, а мы все были закрыты в наших бараках. Только спустя три дня, совсем обессиленные, матери стали расходиться, а некоторых уже унесли на носилках».

А вот рассказ Хавы Волович, чья дочь попала в «Дом ребенка» при лагере:

«Я видела, как в семь часов утра няньки делали побудку малышам. Тычками, пинками поднимали их из ненагретых постелей (для “чистоты” детей одеяльцами не укрывали). Толкая детей в спинки кулаками и осыпая грубой бранью, меняли распашонки, подмывали ледяной водой. А малыши даже плакать не смели. Они только кряхтели по-стариковски и — гукали.

Это страшное гуканье целыми днями несло из детских кроваток. Дети, которым полагалось уже сидеть или ползать, лежали на спинках, поджав ножки к животу, и издавали эти странные звуки, похожие на приглушенный голубиный стон.

На группу из семнадцати детей полагалась одна няня. Ей нужно было убирать палату, одевать и мыть детей, кормить их, топить печи, ходить на всякие субботники в зоне и, главное, содержать палату в чистоте. Стараясь облегчить свой труд и выкроить себе немного свободного времени, такая няня “рационализировала”, изобретала всякие штуки, чтобы до минимума сократить время, отпущенное на уход за детьми.

Например, кормление, на котором я однажды присутствовала.

Из кухни няня принесла пылающую жаром кашу. Разложив ее по мисочкам, она выхватила из кроватки первого попавшегося ребенка, загнула ему руки назад, привязала их полотенцем к туловищу и стала, как индюка, напихивать горячей кашей, ложку за ложкой, не оставляя ему времени глотать. И это не стесняясь постороннего человека. Значит, такая “рационализация” была узаконена. Так вот почему при сравнительно высокой рождаемости в этом приюте было так много свободных мест. Триста детских смертей в год еще в довоенное время! А сколько их было в войну!

Только своих детей эти няни вечно таскали на руках, кормили, как положено, нежно заглядывали им в попки и дорастили до свободы.

Была в этом Доме Смерти Младенца и врач Митрикова.

Что-то странное, неприятное было в этой женщине. Суматошные движения, отрывистая речь, бегающие глаза. Она ничего не делала для сокращения смертности среди грудников, занималась ими только тогда, когда они попадали в изолятор. Да и то только для проформы.

И “рационализация” с горячей кашей и одеяльцами поверх кроваток при температуре одиннадцать-двенадцать градусов тепла проводилась, по-видимому, не без ее ведома.

Еще не зная, что такое Митрикова, я рассказала ей о плохом обращении некоторых нянек с детьми и умоляла ее вмешаться. Она метала громы и молнии, обещала наказать виновных, но все осталось по-прежнему, а моя Лелька стала таять еще быстрее.

При свиданиях я обнаруживала на ее тельце синяки. Никогда не забуду, как, цепляясь за мою шею, она исхудалой ручонкой показывала на дверь и стонала: “Мамыця, домой!” Она не забывала клоповника, в котором увидела свет, и была все время с мамой.

Тоска маленьких детей сильнее и трагичнее тоски взрослого человека. Знание приходит к ребенку раньше умения. Пока его потребности и желания угадывают любящие глаза и руки, он не сознает своей беспомощности. Но когда эти руки изменяют, отдают чужим, холодным и жестоким, – какой ужас охваты-

вает его. Ребенок не привыкает, не забывает, а только смиряется, и тогда в его сердечке поселяется тоска, ведущая к болезни и гибели.

Тех, для кого в природе все ясно, все расставлено по местам, может шокировать мое мнение, что животные похожи на детей и наоборот – дети на животных, которые многое понимают и много страдают, но, не умея говорить, не умеют и просить пощады и милосердия.

Маленькая Элеонора вскоре почувствовала, что ее мольбы о “доме” – бесполезны. Она перестала тянуться ко мне при встречах, а молча отворачивалась.

Только в последний день своей жизни, когда я взяла ее на руки (мне было позволено кормить ее грудью), она, глядя расширенными глазами куда-то в сторону, стала слабенькими кулачками колотить меня по лицу, щипать и кусать грудь. А затем показала рукой на кроватку. Вечером, когда я пришла с оханкой дров в группу, кроватка ее уже была пуста. Я нашла ее в морге голенькой, среди трупов взрослых лагерников.

В этом мире она прожила всего год и четыре месяца и умерла 3 марта 1944 года».

Спустя полвека мне довелось побывать в Мариинске. Приехав в Кемерово по депутатским делам, я, конечно, не утерпел и попросил местные власти организовать поездку. Меня доставили вертолетом. Подлетев, мы увидели большой поселок с почерневшими, двухэтажными бревенчатыми домами, какие-то фабричные корпуса, квадраты лагерных зон. Меня встречало местное начальство, и я отправился в старинную пересыльную тюрьму. Сразу пришлось устроить разгон начальству. Изолятор по-прежнему был пересыльным, в нем сходились этапы на Иркутск и Красноярск, кто-то шел этапом в Россию – не тюрьма, а проходной двор. А закон обязывает проводить проверку здоровья всех проходящих через учреждение, для этого есть врачи и фельдшера, но по собственному опыту я знаю, что это не делается. Естественно, я попросил журнал осмотра. Его не оказалось, точнее – последняя найденная запись была датирована прошлым годом. А это значит, что работа эта не велась, и несколько тысяч человек, с болезнями, травмами, может быть, полученными в результате насилия, остались без помощи, а случившееся с ними – без фиксации. Я ругался, грозил – какие-то майоры таращили глаза и винулись, а их начальники норовили затащить меня в столовую и напоить... Но я заявил, что хочу пройти по зонам, и увидел новые лагеря (теперь их называют колониями) на месте старых. Такие инспекции редко дают возможность понять состояние дел, атмосферу, уровень беспредела в колонии. Конечно, это не земляные бараки и не голод, везде чисто, койки заправлены, белье только что поменяли, но оптимистический ответ осужденного на вопрос, есть ли жалобы, доверия не вызывает. Понятно, что в присутствии начальства, как и в прежние времена, жаловаться никто не решится. Но если знаешь, где всегда плохо и неправильно (санчасть, столовая, штрафной изолятор), и обнаружишь, – хоть ненадолго, но положение исправляется. Я чаще бывал в мужских

зонах, отличие женских в более контрастном контингенте. В мужской зоне внешне зеки мало чем отличаются, есть какой-то тяжелый, но общий, серый налет. А вид женщин удивляет или остервенелостью, или открытыми, детскими лицами. Рядом с женской зоной я увидел Дом ребенка. Но это здание построено уже после войны, от того страшного барака, о котором рассказывает Волович, не осталось и следа.

В Доме было тепло и персонал производил вполне человеческое впечатление, но нищета заведения была очевидной, не было даже телевизора для мультиков, а дети не улыбались... По словам персонала, те зечки, что под конвоем ходят кормить или играть со своим малышом, в отличие от мамочек 40-х годов делают это неохотно. Не знаю, так ли? Да, это не случайные жертвы государственного произвола, это уже другой контингент, как правило, асоциальный. Женщина-преступница (как дико это звучит!) зачастую сама выросла без материнской любви и не умеет найти ее в себе. Но быть может, такая «черствость» – реакция защиты, ведь ребенка скоро отберут.

Нет, не грудного, теперь их держат рядом с зоной до 4-5 лет. Но потом, если родственники не возьмут на себя заботу, ребенка увезут в детский дом. Что почувствует прикипевшая к нему сердцем мать, когда ей уже не к кому будет идти? А разрыв может быть надолго – все больше женщин совершают жестокие и дерзкие преступления и получают большие сроки.

Уезжая, я сказал директрисе Дома, что родился в Мариинске, в лагере, так же, как и ее подопечные. Услышать это от депутата Государственной Думы она не ожидала.

Позже я побывал в английской женской тюрьме для «мамочек» с большими и пожизненными сроками. Старый парк обнесен, нет, не заборами и не колючей проволокой в шесть рядов, а прозрачной, двухрядной пятиметровой сеткой. Внутри несколько викторианских коттеджей, в зеленой траве большие цветные мячи, шезлонги и качели. У каждой заключенной и ее ребенка – отдельная комната, но общая кухня, общая гостиная, большая детская комната набита игрушками. Дети, если их не берут родственники, постоянно с матерью до семи-восьми лет, дальше государственная школа-интернат, свободное посещение матери. Хороший выбор сытной еды, женщины в нормальной одежде. Дети спокойны и приветливы, может быть, именно они спасают своих тяжко согрешивших матерей?

А я и на самом деле родился в госпитальном бараке Марлаговской зоны.

Роман, который возник у моих родителей в столь не подходящих условиях, привел к пониманию того, что дальше их жизнь будет единой. Мать была свободна от брачных уз, отец остался один – женщина, которую он любил, оставила его вскоре после ареста.

Любые контакты, помощь, а тем более связь с заключенным грозила матери судом и отправкой в соседнюю зону, несмотря на это она взяла на себя риск каждодневной поддержки не только его, но и десятка других людей. Посылки в во-

енное время от частных лиц не принимали, и родители отца посылают ей денежные переводы. На них она покупает продукты и носит, носит их в концлагерь.

Я помню, как она рассказывала:

– Иду я через вахту. На мне длинный овечий тулуп. Карманы специально сделаны – длинные, глубокие. В каждом по литровой бутылке молока. Иду и обмираю: если останоят, если обыщут – все, тюрьма!

А рядом, за зоной, в бревенчатом двухэтажном доме ее мать и двое маленьких детей. Если что, они останутся без нее. Все же мать спасает от голодной смерти и отца, и еще несколько человек, передавая им продукты, а позже, когда разрешили посылки, вещи и книги, которые шлют через нее родственники заключенных.

Студентку театральной студии Екатерину Владимирову спасла не только моя мать, не только люди, которые пригрели ее в лагерном театре, ее спас проснувшийся там актерский талант.

Ей дали выступить, и она нашла в себе силы раскрыть свою добрую душу.

«В примыкавшей к сцене маленькой, низенькой комнатенке или репетиции, и там было всегда хорошо натоплено и светло от электролампочки.

Посетивший меня Александров деловито справился о моем здоровье, потом потихоньку сунул мне под подушку завернутый в бумажку... кусочек сливочного масла. Он тут же приказал мне накрыть голову одеялом и проглотить это масло. Вскоре он ушел.

Значит, меня уже знали, меня ждали, а я была форменная развалина! И вот однажды я сама пришла в этот клуб-барак и проникла в репетиционную комнату. Все в той же рваной и затертой жакетке, в тех же валенках и с куском одеяла на голове, с желтым одутловатым лицом, я была самой типичной доходягой, или «фитилем», как здесь принято говорить. И таких вот доходяг – темных, безликих, покорных – нигде не любили и отовсюду гнали, как бродячих собак. Я встала у двери, боясь шагнуть дальше. Передо мной сидел музыкальный квартет: четыре скрипки, две альтовых и две первых. И они играли марш из балета “Конек-Горбунок”. После тюремных страшных камер, после барачных голых нар и всегдашнего полумрака, после однообразного гула голосов, иногда прерываемого женскими визгами, ссорами или громкой матерщиной надзирателей и самих женицин, вдруг попасть в совсем иной мир!.. Тепло, уютно, и люди опрятно одетые, с нормальными лицами, приветливо улыбающиеся, – чудеса! Мне особенно запомнилась 2-я скрипка – Ирма Геккер. В соразмерной гимнастерке, высокая, худенькая, она необыкновенно хороша собой! После перенесенного тифа у Ирмы отрастали каштановые крупные завитки волос. Брови взлет, глаза серые, огромные, с длинными ресницами, а на щеках постоянный алый румянец и две веселые ямочки; частая улыбка обнажала передние под углом теснившиеся зубы, так что верхняя губка их с трудом прикрывала. Ах, как она была хороша, Ирма Геккер! Как я потом узнала, Ирма работала художником в этой пересылке. И художник она была не просто профессиональный, а с большим талантом и

мастерством. Этот уголок, этот оркестрик, а главное, оркестранты с человеческими лицами так меня поразили, что я молча заплакала. Ко мне обратились: “Вы кто?” Я ответила, что я К. назвав себя по имени. “Нет, мы не о том. Кто Вы? Певица? Актриса? Может быть, танцуете?” – Я опять не знала, что ответить, и сказала: “Не прогоняйте меня, пожалуйста. Я ваша!” – “Нет, мы никого не прогоняем, садитесь вот сюда”. И я села на лавку. Репетиция продолжалась, я слушала как зачарованная. Потом пришел и Александров. Сказал: “Ну, вот и хорошо! Давайте теперь познакомлю Вас, раз уж Вы теперь на своих ногах пришли к нам”. И Александров назвал мне всех находящихся здесь людей. Среди них были: Юлиан Вениаминович Розенблат – работник 2-й части и душа оркестра – ударник (в прошлом он был журналист, заведовал отделом иностранной хроники в газете “Известия”); Изик Авербух – 1-я скрипка – из Венгрии, работал теперь в портновской мастерской; Николай Ознобишин – 1-я скрипка – работал в бухгалтерии пересылки.

– Что Вы можете? – спросил меня Александров. – Петь умеете?

Я, конечно, пела, но как? Для домашнего обихода, под собственный гитарный аккомпанемент.

Я сказала, что я – актриса драматическая, характерная, комедийная, но петь – это не мой жанр, хотя попробовать можно. Заметив мой крайне смущенный вид за собственную внешность, Александров понял меня и сказал: “Уйду, уйду! А вы, товарищи, займитесь ею, помогите”.

Был еще в этой комнате старик по фамилии Кабачок – это был очень известный то ли на Украине, то ли в Белоруссии собиратель народных песен. Песни эти он потом перекладывал на ноты, оркестровал их и очень удачно вел свой ансамбль народной песни. И вспомнила я тогда песенку белорусскую «Бывайте здоровы» на белорусском языке, все слова вспомнила. Говорю я Кабачку: “Знаете ее? Саккомпанируйте, пожалуйста”. И Кабачок заиграл, не помню только, на чем... чуть ли не на гуслях, а я запела, а больше – заговорила под музыку. Когда я закончила, вдруг слышу – аплодисменты мне дружные со всех сторон, все встали и улыбаются мне, и поздравляют. Кто-то сказал: “Больше ничего не надо, вот так и выпустим ее в ближайшем концерте”. Я было запротестовала, но мне дружески ответили: “Так надо. Вы после поймете – почему. Не бойтесь, мы Вас в обиду не дадим”. И я ушла в свой барак со смятенной душою.

Ближайший концерт не заставил себя долго ждать: в воскресенье, в выходной день. Кто-то позаботился обо мне, и из каптерки (где хранятся также и вещи умерших зеков, но еще не реализованные) мне принесли длинное шелковое платье какой-то цыганской расцветки, а также принесли парусиновые сапоги 40-41 номера, ибо на мои отекавшие ноги ничего не нашлось.

Уже вечером в репетиционной комнатухе на меня напялили весь этот наряд (больше всех около меня хлопотала Ирма Геккер) и заставили распустить волосы по плечам. Голову мою алой лентой увенчали. И стала я похожа то ли на

цыганку-молдаванку, то ли на русскую деву времен крепостного права. Э, ладно! Главное там, на подмостках! С большим волнением ожидала я своего выхода: решалась моя судьба!

Вышла я на середину сцены. Оркестранты, милые мои, улыбаются мне, кивают – не робей, мол! Проиграли вступление к песенке, и вдруг я вступила не попав в тонику. Батюшки! Мой слух, мой тонкий музыкальный слух изменил мне. Даже музыкальный слух деформируется от голода. Что делать? Я быстро взмахиваю руками, тушу оркестр и громко говорю: “Ничего, первый блин комом, начнем сначала. Оркестр – подтянись! Будьте же внимательнее! Начали”. И я дирижирую оркестром. Снова вступление, и снова я не попадаю в тональность. В зале послышался смех.

Тогда я обращаюсь прямо к зрителям: “Ну что мне с ними делать? – показываю на оркестрантов. – Давайте, помогите мне разбудить этот ленивый оркестр!” Я хлопаю в ладоши – зал весело смеется и хлопает вместе со мною. Передний ряд – сплошное начальство – тоже смеется. У всех впечатление, что так все задумано, все ждут продолжения затянувшейся шутки, тогда я решила продолжить игру и обратилась прямо к первому ряду: “А знаю, чему вы смее-тесь. На мне красные сапоги, и я похожа на гусыню, не правда ли?” В зале хохот. Жду, пока стихнет. Потом к оркестру: “Шутки в сторону, давайте, ребята, по-серьезному”. И снова полилась музыка. Вступила точно.

Воодушевленная смехом, радушием зала, я уверенно развернулась и – пошла прямо на публику:

Б-ы-в-а-й-т-е з-д-о-р-о-в-ы,
Живи-те бо-га-то.

Я толковывала всем и каждому в отдельности доброжелательные слова песенки, я говорила слова просто, правдиво, безо всякой претензии на актерство, на штампованную эстрадную выразительность. Я как бы обнимала всех в зале от переполнившего меня чувства – любви к людям, желания им добра и счастья. Песня окончилась. Что тут поднялось! Крики, хлопки, еще, еще. А я стояла посреди сцены, слегка кивая головой и протянув вперед руки. Дали занавес. Оркестранты поздравляли меня и все спрашивали:

– Это Вы нарочно придумали? Это нарочно?

Чуть не плача, я отвечала:

– Какой, к черту, нарочно! Голод тюремный слух расшатал! Разве вы не видели, ведь я чуть-чуть не провалилась...

Вот с этого первого выступления на эстраде во мне впервые пробудилась настоящая артистка.

На сцене я выступала с такой наэлектризованностью, с таким подъемом всех своих душевных сил, что меня стали воспринимать как какое-то маленькое

чудо. При встречах со мной в зоне люди называли меня именами исполняемых мною песенок или ролей – то “Морячкой”, то “Русалкой”, то “Огоньком” называли и всегда приветливо улыбались. А я бродила по зоне, по чужим баракам как по какому-то нереальному миру, и крошечная частичка безумия осела в моих глазах, в походке, в улыбке на долгое время. Мое состояние было похоже на состояние человека, находящегося под влиянием наркотика, и люди это замечали, и жалели меня, и никогда не издевались надо мной, считая чуть-чуть ненормальной. Вот эта самая ненормалинка и спасла мне жизнь в первые годы моего пребывания в лагерях. А к тому же Марпересылка была местом исключительно ослабленного режима, где начальство глядело на нас как на транзитных пассажиров и допускало даже совместное нахождение мужчин и женщин в одной зоне.

Режиссер Александров затеял постановку пушкинской драмы “Русалка”. Долго наблюдая меня, Александров решил, что это я и есть Наташа-русалка. И он дал мне эту роль. Сам он взял роль Мельника, а роль князя досталась молодому парню Феликсу – он, кажется, учился в театральной студии. Были у меня, однако, конкуренты на роль Русалки и по здешним нормам довольно способные. Начались репетиции. И начались мои раздоры с Александровым. Я говорила ему, что не надо, не надо исполнять роль Наташи в псевдоклассической манере – завывать, заламывать руки и метаться по сцене с пафосом, подобным истерическому припадку. Но милый старый Александров по-другому понимал исполнение сильно драматических ролей, и мы с ним чуть не разошлись. Однако я знала, что на сцене я потяну свою роль так, как подскажет мне данная минута, как заговорят мои сердце и душа. Я не заботилась во время репетиций ни о чем; только по ночам, лежа на нарах без сна, я четко и ясно видела, что надо делать, как себя вести. Я видела себя – Наташу в мельчайших изгибах, во всех голосовых модуляциях, в каждом шаге и жесте. Ох, мне ли было не понять всю глубину Наташиных страданий, когда ее бросил с будущим ребенком ее возлюбленный! У таких трагедий – нет дна, ударившись о которое можно всплыть на поверхность. Эту душевную боль никогда и ничем не измерить и не охватить. Здесь впору только очнуться на дне реки-Днепра.

Милая Ирма Геккер смастерила мне из каких-то списанных старых простыней сарафан, который символически раскрасила под речные водоросли. Бусы-ожерелье весьма искусно были сделаны чьими-то умелыми руками из паечного хлеба. Все было готово! Перед началом спектакля я помолилась Александру Сергеевичу и попросила Его – поднять меня хоть на секунды на высоту своего вдохновения.

И тогда я поняла, что никакие оковы, никакие режимы не в силах удержать, смять, выхолостить творческий дух человеческий. Как будто именно для меня были написаны эти строки:

“На дне реки-Днепра очнулась я русалкою – холодной и могучей”.

Спектакль окончился. Что это было ? Шум, крики, долгое хлопанье в ладо-

ши, чьи-то поцелуи и крепкие объятия, в общем, слава! Я счастлива была. Ведь то, что мне не пришлось совершить там, на так называемой воле, мне суждено было сполна получить здесь – признание себя и любовь к себе. Получить здесь как насмешку, как иронию судьбы. Фейерверк проблистал, осветил меня на мгновение, и... пошла я в свой барак – полутемный, сырой – на свои доски без матраца (в изголовье пара подшитых валенок) – не спать, а слушать сонные вскрики и стоны своих товарок по несчастью и долго-долго вновь переживать все только пережитое».

У отца тоже начинается новая жизнь. Для него крепостной театрик, отдельный барак – это возможность думать и писать. Когда первичные рефлексывывания отступили, в нем пробудилась творческая энергия. Он пишет на обрывках бумаги своим нечитаемым почерком отдельные строфы: о Блоке, о войне, о том, что происходит вокруг, о любви и жизни. Он отправляет черновики в письмах отцу, передает на хранение моей матери. Меня с ними еще нет, но вот кончается война, 9 мая, в День Победы они решают – теперь ребенку быть! Даже если отец не выживет, или ему добавят срок, все равно – мир, а значит, можно и нужно продолжать жизнь!

В бумагах деда я нашел письмо.

«Милые мои, хорошие!

Мы здоровы, благополучны.

В ближайшее время моя золотая ласточка перейдет на другую работу – в другую точку неподалеку.

Это очень тяжело для нас обоих, так как почти не сможем видеться. Но мы принуждены к этому шагу некоторыми исключительно неблагоприятными обстоятельствами (возникшими из-за наших отношений и ее положения) с грозящими ей худшими вариантами и мне тоже.

Ну шесть месяцев мы уж как-нибудь протоскуем и продержимся. Впереди – вся жизнь вместе. Вы не знаете, родные мои, как я люблю эту светлую головушку, и как благодарен я Богу, вознаградившему меня за все пережитое в течение не только пяти лет, а и всех последних пятнадцати лет моей жизни, пославшему мне эту женщину. А теперь она – мамочка моего будущего малыша, он уже понемножку начинает шевелиться (не смейтесь, что я, кажется, пишу вам об этом вторично). Как ценю я ее отношение – так непохожее на отношение к мужьям у большинства женщин!.. А моя деточка не побоялась отыскать меня, сидящего на самом дне ямы, наклониться над этой зловонной пропастью и руку мне протянуть и вытащить меня к свету, сама рискуя упасть ко мне. Вы не знаете, что это значит.

Р. С. Здесь уже зима вовсю. Наш театр показывает свои спектакли в городе в новом большом клубе с хорошей сценой и залом. На днях давали “Любовь Яровую”, а вчера – “Без вины виноватых”. Готовим “Коварство и любовь”, где буду играть Президента».

Отец шадит своих родителей, его письмо обходит стороной то, что им лучше не знать.

Например, спектакль в городе значит – пешком под конвоем, туда и обратно. Но силы на это есть не у каждого. Однажды, когда вечером их труппа после спектакля, а играли они Шекспира, шла назад, один из актеров стал отставать и заваливаться... Охрана могла пристрелить его, и отцу вместе с Б. Черкасовым пришлось тащить старика на себе... Они брели по дороге под лай собак, мат и трассирующие пули охранников, постреливавших над их головами. Даже с «ослабленного режима» ежедневно телега или сани вывозили трупы умерших, убитых, покончивших с собой.

Тогда же отец начал писать то, что закончил уже в 60-м году:

Стреноженное стадо
Выходит на развод.
Четвертая бригада
На кладбище идет.

Расчетливо и ровно
Отмерена земля,
Уложены, как бревна,
Людские штабеля.

Их материнским воем
Не провожали здесь.
Просчитаны конвоем, –
И то большая честь.

А чтоб не притворился
Который мертвяком, –
Через грудную клетку
Проколоты штыком.

Четыре ямы рядом.
А в них – народ до дна.
Не бомбой, не снарядом –
Иная тут война.

*А. Рыбаков. Марлаг. 1943 г.
Худ. А. Должанский*

Две сотни прошлым летом
Скатились в ямы те.
Кто накрест, кто валетом, –
В обиде, в тесноте.

Туда поземки ветром,
И листьев намело.
Да льду там на полметра.
А дальше. Бей, кайло!

Назавтра новых надо
Подбавить да прикрыть.
Огаркова бригада
Показывает прыть.

Шумят, бодрятся гости.
Овчарки верещат.
А вот уже и кости
Под кордами трещат.

Распахнуты витрины,
Раскопаны на треть.
Загробные смотрины,
А трудно не смотреть!

Тут мне сквозь гул бредовый:
«Прочти – молчи, прочти!» –
Фанерка на берцовой
Простреленной кости.

И вот, стряхнув землю,
Пригнувшись поскорей,
Читаю – Гоголицын.
О, Господи, Андрей!

Мой друг, и брат, и тезка,
Мой сверстник, и земляк.
Ведь холодно, ведь жестко
Тебе валяться так!

Да что ты, в самом деле,
Ну почему сюда?
И ничего на теле
В такие холода!

Кайлом-то я не очень.
Бери бушлат скорей!
А он молчит, как ночью.
Андрей! Не спи, Андрей!

А он молчит. Так он же!.
Да нет! Ну как же нет!
Взглянуть – где лед потоньше.
Взглянул – а там скелет.

И тут – Господня милость –
В глаза ударил свет.
Я спал. Мне все приснилось.
Такого в мире нет.

Ни проводов, ни вышки,
Ни этих странных ям.
А просто мы – мальчишки,
Сбежавшие от мам.

Нам видно все воочью,
Взаправду, наяву.
Мы белой, белой ночью
Выходим на Неву.

Туман сквозит и тает,
Сливаясь с синевой,
И чайки пролетают
Над самой головой.

В приветственном поклоне
Склоняются мосты,
Спросонок на газоне
Кивают нам цветы.

Мы начались отсюда.
Какая благодать!
Нам до любого чуда
Сейчас рукой подать!

«Андрей, а мы откуда?» –
«Забыл». – «И я забыл».
«Поесть бы вот не худо.
Но где я так простыл?»

«А ну бери, копай-ка,
Какого тут рожна!
Никак тебе и пайка
Назавтра не нужна?»

И я сижу и стыну
У крайнего столба.
Морозный ветер в спину.
Горячий пот со лба.

И в душу, в кровь – иголка,
Что совестью зову.
И жутко мне, и горько,
И стыдно, что живу.

Я думаю о жизни,
Спаленной на корню.
Я мачеху-отчизну
По матушке гоню...

До конца отцовского лагерного срока два с лишним месяца. Поздним вечером он в черном морском бушлате, полученном от деда, мечется на пяточке перед тюремной больницей. Оттуда выскакивает Катька Огонек – та самая Владимирова – актриса, зечка и настоящий друг, она кричит:

– Андрей, сын!!! – отец на радостях хватает ее в охапку, но сил мало, и они падают в снежный сугроб.

Время рождения

Начало 1946 года – время рождения тех, кого зачали по окончанию войны. На российской земле первого послевоенного года 2,5 миллиона младенцев. Мы издаем первые крики, мы ищем материнскую грудь, мир – пятна и тени, наши души еще только всплывают на Божий свет.

А он руками людей готовит нам ту жизнь, где каждому достанется своя тропка. Ни будущая жертва «национал-патриотов» Старовойтова, ни хорошо начинавший, но сошедший в задние ряды демократ Травкин, ни циник Жириновский, ни ловкач Березовский, ни царедворец Бородин, ни искупавшийся в крови генерал Квашнин, ни я, ни миллионы других, родившихся в этот год, – никто из нас еще не ведает своих дорог. Наши тропы будут сливаться в новые торные и неторные пути, но их направления, их векторы уже закладываются без нас.

Мир озирается, приходя в себя после бойни, которая оборвала десятки миллионов человеческих жизней. Страхи Джугашвили давно позади, он уже почти забыл, как в обмен на половину России в 1942 году пытался договориться с Гитлером о мире.

Теперь Адольф мертв, его архивы в руках МГБ, никто ничего не узнает. Но торжество омрачено, самому себе можно сказать – полный захват Европы не получился. Сначала Германия опередила, потом пришлось искать союзников, просить помощи, требовать Второго фронта и получить в 1945 году «братание» на Эльбе с теми, кого так хотелось опрокинуть. А тут еще и атомные бомбы: всего лишь год после Хиросимы, а их у США уже 6 штук. Английский посол пишет своему правительству: **«...Одним ударом было нарушено равновесие сил, которое, казалось бы, установилось. Запад остановил Россию, когда все казалось ей достижимым. Три сотни дивизий практически утратили всякую ценность».** И послы, и Запад преувеличивают опасность с Востока, у Джугашвили действительно есть и дивизии и генералы, некоторые из них даже рвутся в бой, – но он знает, что страна истощена, материальных ресурсов для броска нет. Их надо копить. И срочно, срочно готовить свои атомные бомбы! А пока не обнаруживать намерений, не давать повода к противостоянию, играть в демократию на захваченных землях... Но они еще дымятся кровью и насилием, а идеология большевизма находит своих адептов. Хоть Джугашвили и объясняет компартиям Восточной Европы, что им не нужна диктатура пролетариата, что они могут идти по более мягкому пути, репрессии в Венгрии, Албании, Польше, Чехословакии не прекращаются. Во многом это даже не инициатива советского НКВД, шовинистические расправы и массовые депортации чинят дорвавшиеся

до власти местные коммунисты, национализировав банки, промышленность и землю, они упрямо разрушают все варианты коалиционных правительств. Члены буржуазно-демократических партий оттираются от власти, а те, кто независимо от Москвы воевал с фашистами, загоняются в тюрьмы.

Боровичи, 1947 г.

Мы, первое послевоенное поколение, еще только открываем глаза, а большие политики уже решают за наш счет свои проблемы. Отставной Черчилль, которому надо возвращаться во власть, произносит в США свою знаменитую Фултонскую речь. Он объявляет о том, что над Восточной Европой опустился железный занавес, что коммунистический и нацистский режимы тождественны в своей опасности для христианско-

го, англоязычного мира, он предрекает неизбежность войны и призывает западный мир к объединению перед грозящей опасностью. Его предостережение справедливо.

Но Джугашвили умело использует этот выпад, он знает о том, что при всем антагонизме США не намерены воевать с Союзом в ближайшее, да и в отдаленное время. Так, представитель США в Москве Дж. Кеннан, еще в феврале 1946 года определявший советскую политику как агрессивно-подрывной фанатизм, чуть позже, не отказываясь от сказанного, призывает Америку изолироваться от тех конфликтов с Кремлем, которые не затрагивают ее прямых интересов. Война с Союзом была, по его мнению, ненужной, нелепой «борьбой акулы и тигра», у каждого из которых есть своя среда обитания.

Кремль пытается заигрывать с Белым домом, предлагает договор о дружбе, просит займы 1 миллиард долларов, в то же время в сознании советских граждан вновь нагнетается атмосфера осажденной крепости. Эшелоны, идущие из Восточной Европы, один за другим уносят в Сибирь всех, кто представляет опасность для новой коммунистической власти.

Конфронтация нарастает, она выгодна обеим «высоким» сторонам – так закладываются основы того противостояния, которое 40 лет будет держать в напряжении весь мир...

А в Мариинске кто-то доносит начальству лагеря, что я рожден от зека, и моей матери едва удастся избежать ареста. Но вот наступает май 1946-го, отец выходит на свободу.

У отца еще «поражение в правах» и «минус 10», это означает, что несколько лет он не имеет права жить в десятке режимных городов: Москве, Питере и

других. Мать увольняется, но еще месяц они живут рядом с лагерем. Позади всего лишь 5 лет неволи? Позади опыт, который не проходит бесследно, он оставил на сердце незатягивающиеся рубцы, он разъедает сознание и не уходит из памяти, как и отвычка от вольного быта. На рыночном пятачке отец берет два круга замороженного молока, благодарит продавца и идет дальше. Его окликают: «А деньги?» Но не ругают: то, что он давно не державший в руках денег освободившийся зек, очевидно.

Зарегистрировав брак, они уже собрались в Новгородчину, туда вперед нас едут бабушка Надя и мои сестры. Но у мамы после грудницы пропадает молоко. Дед срочно высылает посылку со сгущенным молоком. Я родился здоровым и крупным, чуть ли не в пять килограмм, да еще в «рубашке», но переход на искусственное питание даст себя знать. В Новосибирске, после двух ночей на вокзале, родителям приходится штурмовать вагон: мешочники, эвакуированные, демобилизованные рвутся в каждый прибывающий поезд, чтобы добраться до России. Отец чуть ли не по головам прорывается внутрь, открывает окно, берет меня из рук матери, а потом втаскивает и ее. Поезд трогается, впереди Урал, за ним Россия:

Подходит поезд к городу,
Проселки и мосты.
Проигранная молодость,
Проиграна ли ты?

Опять, опять звучит она,
Навстречу мне летит,
А повесть, недочитана,
На полке шелестит.

Мне некогда, мне некогда!
Он ждет меня, маня,
Кого на откуп некогда
Забрали у меня.

Чьи ж к нам простерты улицы,
Чьи окна, зорче глаз,
Под невским ветром щурятся,
Разглядывая нас?

Семья моя неожиданная,
Нужны ль тебе стихи,

За муки Богом данная,
За муки и грехи?

Судьбой моей рискованной
Куда летишь со мной,
На полке отвоёванной,
К движению спиной?

А в Питер нельзя, да и не к кому... Одни родственники умерли в блокаду, другие бог весть где. Россия возвращается к жизни после изнурительной войны и всего, что было до нее. В Москве, на Казанском вокзале нас встречает дед. Он в форме капитана I ранга. На заказанном ЗИМе мы едем туда, где в ожидании хорошего жилья живут и дед, и бабушка, и другие офицерские семьи. Дом коридорного типа, у «стариков», так за глаза зовет их отец, комнатка 16 квадратных метров, «удобства» рядом в коридоре. Родители отца с трудом принимают «невестку», бабушка считает ее неровней отцу, да еще двое детей от другого брака.

Дед, педантичный, добрейший и неглупый, но все же зависимый от вздорной жены, не в состоянии что-либо изменить. Несмотря на терпение матери и ее воистину христианскую доброту, их отношения так и остались односторонними.

Да, еще в Мариинске я получил свое имя. Родители не сразу пришли к согласию: отец предлагал Никиту, Дмитрия, Всеволода, еще кого-то, а мама хотела назвать меня только Юлием. Так и получилось, но выбор остался за случаем или, если хотите, за судьбой. Не договорившись между собой, отец и мать нарезали картонки, написали на них имена, сложили в шапку и стали тянуть. (По такой же методе получил потом имя и мой сын – Владимир.)

В Москве родители переночевали пару ночей на полу, а я был устроен на связанных между собой стульях; потом, нагруженные мукой, сахаром и крупой (дед пользуется офицерским распределителем, где можно купить то, чего нет в магазинах), мы едем в Новгородскую область.

Поставки по ленд-лизу закончились, Джугашвили долгов (а это 10 миллиардов долларов, полученные только от США) отдавать не собирается, да и не с чего. Страна в руинах, промышленность налажена на производство военной техники и боеприпасов. Человеческие потери еще не представимы, их масштаб станет понятен потом, но нет в стране семьи, где не оплакивают погибших, где не выхаживают раненых. Вокзалы и поезда полны безногих, безруких, слепых и увечных калек. Они побираются, их терпят какое-то время, а потом насильно вывозят на остров Валаам, в другие отдаленные места, где им приходится доживать свой век в закрытых интернатах.

И все же воодушевление Победой еще держится несколько лет. Его начинают эксплуатировать, искусно подменяя надежды победителей на лучшую долю лозунгами о коллективном героизме и величии страны Советов.

На улице Свободы

В маленьком провинциальном городке со старинным названием Боровичи, под двумя большими березами, загородив сандалетой дорогу муравьям и наблюдая за ними, стоит на улице светловолосый ребенок.

Идет 1951 год. Мне уже 5 лет, рядом двухэтажный дом, где я живу наверху с отцом, матерью, бабушкой и двумя старшими сестрами.

В одну сторону улица, петляя, спускается к воде. Река называется Мста. Когда-то она была судоходна, баржи с пенькой, зерном, лесом и кирпичом, минуя стремнины и пороги, сплавлялись по ней через озеро Ильмень в Новгород и Санкт-Петербург...

В 50-е годы у чуть ли не первого из построенных в России арочного моста осталась только запань лесосплава, где скапливаются полузатонувшие бревна. Но река еще бурная, с водоворотами и стремнинами; обмелеет она потом, когда вырубки лесов и мелиорация 70-х совсем обезвоят ее верховья. Перед мостом в здании церкви со срубленной колокольной – клуб. На ступеньках старик-нищий, в рваной одежде, с палкой. Мама всегда дает мне монетку: иди, отдай.

За мостом старинный, приземистый гостинный двор, тихие улицы, крапива, песок. В другую сторону наша улица карабкается вверх по приречным террасам. Если с родителями, гостями, собакой Топкой подняться туда и обернуться – увидишь весь город, деревянный, одноэтажный. Блестит река. Среди зелени несколько железных и много тесовых крыш, чуть видны белые колонны драмтеатра, слева дымит керамический завод. Рассматривать город занятно, но, если не оборачиваться на него, а, поднявшись, сделать еще несколько шагов и совсем выйти за околицу, открывается простор, от которого захватывает дух. Глинистая дорога теряется в поле ржи, колосья которой волнами ходят под ветром и солнцем до волнистого края валдайской земли.

Сестры учатся, мать и бабушка в доме, отец постоянно ездит по городам и селам Новгородчины: он артист, он читает со сцены стихи и рассказы про войну, а все его слушают и потом хлопают в ладоши.

За это ему платят деньги, и тогда в доме появляется молоко и хлеб, а мясо очень редко. Однажды мать подбирает на улице за-

С отцом, 1950 г.

давленную грузовиком курицу, и я впервые ем такой вкусный бульон, где плавают желтые кружочки жира. По утрам, в синей темноте долгий, протяжный заводской гудок, он зовет рабочих.

Если нет посылки от бабушки Коли из Москвы, или почта не приносит маме денег, то нет и сахара; тогда кипяток пьется с хлебом, посыпанным солью. Но бывает, что нет и хлеба. Это когда его не привезут в булочную, около которой люди стоят по утрам. Там продают по буханке на человека, поэтому в очереди стоят все: и я, и бабушка, и Марина, и Галя.

А посылка – это редкий праздник: от фанерного ящичка яблочный запах, а внутри рафинад в синей бумаге, замечательная гречка, детская мука, какао «Наша марка» и книжки. Мне в семье хорошо, меня любят. Хотя есть ощущение скрытой, но постоянной тревоги родителей. А я открываю мир вокруг себя. Пока это двор, улица, река, замостье, вокзал, куда я сбегаю из детского сада посмотреть на паровозы, отец, который не только читает и рисует для меня, но, обшарив речные омуты в поисках пропавшего сына, может, оказывается, в гневе запереть его в стенном шкафу...

В темноте я вою от страха и обиды, но еще и грожу оттуда. Недавно я нашел тетрадку матери, где она пишет, что сквозь мой рев было слышно упрямое: «А я всевольно могу отвертеть эту дверь». Меня выпускают из первого заключения, но теперь я знаю, что в шкафу лежат два больших круга дуранды, которую стащили из товарного поезда и спрятали мои сестры. Отреветившись, обласканному матерью, сладко забраться потом туда и отгрызть такой твердый и вкусный кусок прессованного подсолнечного жмыха.

С мамой, 1951 г.

Первый урок добра я вижу, когда моя мать, погрузив руку в отхожую яму соседей, вытаскивает и отмывает от зловонной жижи чуть не утонувшего там щенка.

Мир вокруг хорош, но непонятен. Мать часто замечает у стоящего в сторонке сына отсутствующий взгляд.

– Ты что?

– Я думаю.

Где-то есть Ленинград, замечательный и недоступный родителям город, у него название блестящее.

Еще есть Москва, там звезды на башнях, туда его еще повезут, там бабушка, которая будет лихо кружить внука на санках, там дед – настоящий моряк, у него кортик и бинокль, а место, где они живут, называется смешно – Усачевка.

И еще меня там окрестят. Я буду идти с дедом мимо заснеженной чугунной решетки, мимо трамваев, у которых есть имена Ашка и Бешка, а потом впереди, в розовеющей утренней синеве вырастут стены и зубчатые башни.

– Новодевичий монастырь, – говорит дед.

В большом и высоком храме холодно, совсем темно, плеск воды, несколько свечей, и люди говорят совсем тихо, шепотом. Возвращаемся мы с нательным крестиком, но его снимут и спрячут, скажут: «Не говори никому, где мы были».

В пять лет я начинаю читать. В большой комнате, где мы обедаем, на стене висит плакат. На нем Пушкин в развевающейся крылатке. Он шагает по такой же, как у нас, проселочной дороге. А внизу подпись:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

На нашем замечательном боровическом доме написано – улица Свободы. И пусть рядом, за забором, пленные немцы строят больницу, говорят, что они – фашисты; это немножко страшно. Но жить все равно хорошо. Я еще не знаю, что и моя улица, и город, и река – все-все вокруг находится в Большой зоне общенародного режима. Этому «исправительно-трудовому» лагерю уже 30 лет. Тех, кто жил в другие времена, тех, кто помнит другой, открытый мир, – все меньше...

Они не смеют поднять головы, они не смеют рассказать о том, чем была Россия. Зато есть плоды трудов «красного» графа Толстого и сотен других прилипал, попутчиков и перебежчиков, тех, кто – чем талантливей, тем бессовестней – лжет людям о прошлом и настоящем.

Есть тысячи людей, ученых, педагогов, артистов, которые, понимая, что не всё «как надо», все же служат режиму, успокаивая себя «временными трудностями», великими целями и гордостью победителей. Под колпаком тотальной пропаганды их голоса снимают сомнения обывателей. Если даже интеллигенты и баре признали, сами приползли и служат Советской власти, если так убедительно они рассказывают и показывают нам нашу замечательную жизнь – значит, такая она и есть! Да, у меня, в нашем доме, здесь в нашем цеху или городишке холодно, голодно и страшно. Но вот же есть где-то хорошие коммунисты, самоотверженные строители, добрые начальники – значит, все будет хорошо, ведь дело наше правое. За прошедшие годы в сознании жителей Союза выстроено псевдопространство, как сказали бы теперь, виртуальный мир, в котором живет 250 миллионов людей. В этом «королевстве кривых зеркал», как в одноименном детском фильме, все наоборот: жабу зовут Абаж, коршуна – Нушрок, а раба – Бар. Все вывернуто наизнанку: захват власти кучкой жестоких авантюристов и демагогов предстает триумфом народной воли, массовый голод – не цель и вина

палачей, моривших крестьянство, а стихия, с которой успешно справилась новая власть. Пакта о разделе Европы с Гитлером не было, а были «пять сталинских ударов» – это они, а не реки народной крови, обеспечили победу одного политического зверя над другим.

Кремлевский горец и его гоблины произвели лоботомию – физическое отключение части общественного сознания, лишив его контактов с внешним миром, лишив его возможности помнить, сравнивать, а следовательно и думать. Это было нетрудно: два поколения уже выросли в изолированных условиях, другой жизни они не знают, как и собственной, настоящей истории.

Вспоминает Людмила Алексеева, ветеран правозащитного движения, а тогда еще правоверная комсомолка послевоенного Московского университета:

«Уже с 30-х годов в библиотеках проводились чистки. Изымались книги, написанные немарксистами и “врагами народа”, а также книги, в которых те упоминались без должного осуждения. Лет за десять библиотечные полки опустели. Невозможно было найти первоисточники для глубокого изучения русского революционного движения. Книги по русской философии и общественной мысли периода с 1860 по 1949 год были буквально выметены. Не осталось и следа от политических партий России, даже материалы о большевиках начинались с 1940 года.

Теперь все газеты, журналы и книги были посвящены прославлению товарища Сталина, Коммунистической партии, Советской Родины, великого русского народа и наших доблестных Вооруженных сил. Ни одна книга не должна была быть безыдейной. Просто любовная история, лирическое стихотворение или приключенческая повесть не имели больше права на существование, если не несли в себе идеологический заряд. Отвлеченные от идеологии литературные произведения к печати не принимались и рассматривались как “буржуазный ревизионизм”... В журналах “Звезда” и “Ленинград” секретарь ЦК партии Жданов называл Анну Ахматову “представительницей пустой, салонной поэзии, реакционного литературного болота”, “старорежимной барынькой” и даже “полумонахиней-полублудницей”».

Зачистка победителей

Но инквизиция идет не только по следу поэтов, политические репрессии снова бьют по офицерскому корпусу.

Вернувшиеся с войны еще не остыли от боев, от смерти и риска. Многие надеются на них. Так, Н. Асеев, поэт и прозаик, говорит кому-то: «Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей». Донос с цитатой ложится на стол ГПУ...

Позднее И. Бродский напишет:

У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном строю
Смело входили в чужие столицы,
Но возвращались в страхе в свою.

Поэт ошибся: для солдат и офицеров, с которыми расправились после войны, протокольных страниц понадобилось много.

Уже в день Парада Победы И. Джугашвили охолонул своих военачальников словами о том, что подымает свой бокал:

«...за винтики великого государственного механизма, без которого все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, грубо говоря, ни черта не стоим... Это люди, которые держат нас, как основание вершину».

Казалось бы, этот тост — признание подлинного значения подвига «простого» человека, правда, остающимся все же «винтиком», песчинкой в основании пирамиды.

Но подтекст понятен: кто их знает, этих бравых солдат. Из каждой десятки генералов только двое старше сорока, молодые, привыкшие к самостоятельности. Нужды в них уже нет, а вот опасность есть. Ведь еще вооружены 11 миллионов человек. Вон даже начальник Главного политического управления Красной армии роняет: «...фронтовикам Бородино стало теперь ближе, чем Парижская Коммуна». Они пьют, гуляют, впадают в мистику, стреляют и стреляются (тогда появляется приказ о сдаче личного оружия), спорят, рассуждают о политике. Так и до заговора недалеко. А поэтому не зазнавайтесь, товарищи военачальники, ни черта вы не стоите, и место ваше у вершины не вечно.

Первый удар был нанесен по летчикам. Затем началась охота на маршала Жукова. Этот жестокий, тщеславный и сребролюбивый человек не вызывает моих

симпатий, но он был сильным стратегом и волевой личностью. Вот это и вызывало страх.

В поисках людей, которые могут дать компромат, устанавливается прослушка в кабинетах и квартирах всех старших офицеров.

Следующим было «дело 4 адмиралов» – Кузнецова, Галлера, Алафузова, Степанова.

Жукова уничтожить не рискнули, но вокруг него гибли достойные офицеры, и в общей сложности подавление армейских антисоветских настроений привело тогда на скамью подсудимых 4 377 офицеров.

Семья наша, как и большинство других, всего этого не знает. Да и откуда! Едва ли можно назвать информацией скрипучие «известия» из черной тарелки репродуктора с их славословием вождю, сводками о количестве собранных тракторов и гремющими словами о том, что нет другой страны, «где так вольно дышит человек»...

Анализировать и думать опасно. К тому же у людей другие заботы – надо выжить.

Заработок отца составляет от 700 до 1 000 рублей, еще столько же приходит на моих сестер от их отца, бабушка, как не имеющая достаточного трудового стажа, получает «пенсию» в 22 рубля. Если у отца есть работа, если есть денежный перевод, семья из 6 человек живет на 2 тысячи рублей.

С войны не вернулось 7 миллионов крестьян, а в целом число рабочих рук сократилось на 16 миллионов. Засуха 1946 года погубила посевы на 5 миллионах гектаров, в том числе ударила и по Новгородчине. Собранное зерно – только половина от того, что собрали перед войной.

Коммерческие, рыночные цены таковы: хлеб – 65 рублей за буханку, масло сливочное – 320 рублей килограмм, сахар, рис – 14-16 рублей стакан, 2 ведра картофеля (1 мера) – 100 рублей, литр молока – 12 рублей, килограмм мяса – 60 рублей.

Продуктовые карточки отоварить удастся не всегда, а норма по ним даже для рабочих – 500 грамм хлеба в день.

Еще по ним можно купить 800 грамм мяса, 500 грамм подсолнечного масла, 400 грамм сахара. Цены низкие, но это на месяц, вне зависимости от численности неработающих членов семьи, которые могли приобрести только 200-300 грамм хлеба.

У жителей города есть огороды. Но почва – песок, где нужен постоянный полив. Мама, бабушка и мои подрастающие сестры выбиваются из сил на огороде, окучивая и поливая картошку.

Уже с середины лета им приходится выкапывать ее для еды, а весь урожай кончается уже к новому году.

Родители продают нижнюю половину дома, это позволяет починить крышу и до весны не жить впроголодь.

Отец постоянно в разъездах, он мотается по городам и весям, по деревням, фабричным поселкам и воинским частям. Чтец-декламатор Новгородской филармонии, договорник, он зависит от начальства, которое в любую минуту может избавиться от «политического», от председателей колхозов, которые могут подписать квитанцию на оплату выступления в клубе, а могут и кочевряжиться, требуя, например, вместе распить литровую бутылку мутного самогона. (Отцу пришлось однажды сбегать от такого гостеприимства через окно.) Ездит он то один, читая, например, отрывки из «Медного всадника», из «Повести о настоящем человеке», то в бригаде, разыгрывая сцены из «Тани» Арбузова или чеховского «Медведя».

Однажды, когда он вместе с вокальной актрисой, напарницей по концерту, выходит поздно вечером на перрон станции Окуловка, он слышит, как один из притулившихся у забора людей говорит другому: «А «уголок»-то корячится!» Оглянувшись, видит пару «блатных». Сказанное значило на воровском жаргоне, что чемодан прохожего просится на отъем. Отойдя еще несколько шагов и переложив чемодан (в котором лежат всего лишь концертные, штопанные костюмы) в другую руку, услышав шаги за спиной, отец поворачивается и черным матом, по «фене» кроет бандитов. Опешив, те останавливаются. «А мы думали, ты фраер», – буркнули они, растворяясь в темноте. По словам отца, его спутница долго не могла прийти в себя от его перевоплощения. Как-то отец и мать решаются поехать в Ленинград и берут меня, пятилетнего, с собой. Дело в том, что родители отца хотят вернуться в свой город. Они останавливаются в знаменитой гостинице «Астория», а мы ночуем на полу в доме нашей родственницы Аппии Ивановны. Я в восторге от города, который вижу первый раз, днем мы приходим в гостиницу поговорить и пообедать в ресторане «Англетера». Белые скатерти, крахмальные куверты, официанты, оркестр... С ним-то и вышел анекдот: пока родители что-то горячо обсуждали, я, увидев, что музыканты перестали играть, сполз со стула, пересек зал, по ступенькам поднялся на сцену и преспокойно встал перед оркестром. Там заулыбались, тогда я поднял руки и сказал, что буду дирижировать. Я не помню, что это было, но звучало что-то красивое, после чего я, довольный, вернулся за стол.

В крупных городах и, конечно, в столице жизнь налаживается гораздо быстрее. Но за время войны напечатали слишком много денег. Отovarить их нечем.

Тогда 28 миллионов карточек просто отменяются, причем и это выдается за достижение. Но есть людям нечего, даже за деньги. Хоть они и обесценились, правительство решает покончить и с их «излишками», объявив в декабре 1947 года финансовую реформу, а проще говоря, девальвацию. В результате дед и другие офицеры, получившие при уходе в отставку солидную сумму единовременного вознаграждения за многолетнюю службу, через месяц остаются с одной десятой от наградных.

По данным Минфина, после войны в обращении скопилось 63 миллиарда ру-

блей, после «реформы» на руках осталось 4 миллиарда, а цены не изменились. Получается, что ограбление было 15-кратным.

Надежды народа на то, что после Победы крепостная колхозная система будет отменена, не оправдались. А надежды были: крестьяне, прошедшие войну, увидели другой мир, другой уровень жизни, где даже простой крестьянин жил лучше их областного начальника. Естественно, что они думали о том, как будут жить после войны. Оставшиеся в живых надеялись на лучшее, им казалось, что любимый вождь и учитель отменит колхозы. Контролирующие органы НКВД доносят в ЦК ВКП(б): **«Слухи о ликвидации колхозов широко распространяются среди колхозников Курской области, в Пскове партийных работников спрашивают, скоро ли распустят колхозы, в Пензе все ждут, что распустят армию по домам, а колхозы отменят...»**

В ответ на это запускается слух, что «Англия и Америка предъявили нашему правительству ультиматум – или распустите колхозы, или пойдем на Россию войной». Так власть пытается опорочить крестьянские надежды «буржуйскими происками».

Среди вернувшихся с войны офицеров нашлись те, кто подобно офицерам Отечественной войны 1812 года не могли спокойно смотреть на голод, нищету и бесправие своего народа.

Генерал-полковник Гордов у себя дома говорит своему заместителю и жене о том, что не может смотреть на жизнь по-старому: «Что меня погубило, так это то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное, тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это».

Смотреть действительно было тяжело.

Из письма в Совет Министров СССР, написанного местным депутатом по поручению колхозников:

«...70 процентов хозяйств вместо хлеба питаются суррогатом, состоящим на 40 процентов из муки, а в остальном из клевера, травы-кислянки, льняной мякоти. Этим же кормят и детей. С половины лета многие вынуждены покидать свое хозяйство и уходить на работу в лесную промышленность, чтобы прокормить себя и семью».

А вот председатель Костромского облисполкома пишет члену Политбюро А. Косыгину, что *«из-за плохого урожая 30 процентов колхозников получили от 0 до 100 граммов зерна на трудодень. В области зафиксировано 10 тысяч больных дистрофией...»* По данным ЦСУ в среднем на крестьянина приходилось не более 4 пудов полученного по трудодням хлеба на год. Это при том, что в конце XIX века даже на батрака приходилось 25.

«Я сейчас говорю, – продолжает Герой Советского Союза, – у меня такие убеждения, что если завтра снимут колхозы, завтра будет порядок, будет ры-

нок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь». Его заместитель, генерал-майор Рыбальченко: «В колхозах хлеб подбирают под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала. Надо прямо сказать, что колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца».

Жена Гордова советует ему обратиться к Самому. Он отвечает: «Ну да, сказать, что хочу служить твоему делу. Для этого ты меня посылаешь? Не могу я, не могу! Значит, я должен себя кончить политически. Я не хочу выглядеть нечестным перед собой. Значит, я должен где-то там все за ширмой делать, чтобы у тебя был кусок хлеба. Не могу, у меня в крови этого нет! Что сделал этот человек – разорил Россию, ведь России больше нет! А я никогда ничего не воровал. Я бесчестным не могу быть. Ты все время говоришь, иди к Сталину. Значит, пойди к нему и скажи: “Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно”. Кому? Подлости буду честно служить, дикости? Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут!»

Записи разговоров ложатся на стол Берии. В августе 1950 года расстрельный приговор В. Гордову, Ф. Рыбальченко и Г. Кулику подписан лично Джугашвили.

Попытки изменить отношения в селе, найти механизмы заинтересованности колхозника тоже не проходят. Генералиссимус заявляет: «Наша победа означает, что советский общественный строй доказал свою полную жизнеспособность!»

Значит, реформ не будет! И надо изобретать способы обеспечения этой самой «жизнеспособности» хлебом. И опять под ударом крестьянин, который только что кровью и хребтом своим спас этот режим. Помимо обязательного труда в колхозе в течение года крестьянин должен за 1/10 реальной цены сдать государству в казну мяса – 40 килограмм, яиц 50-100 штук (даже если нет в хозяйстве ни скотины, ни птицы), молока 280-320 литров. Если же возникала недоимка, то закон позволял отнять у колхозника единственную корову. А еще брали деньгами: 400 рублей в 1949 году, в 1952 году уже 500. И селянин все это дает. В результате от мизерных крестьянских и подсобных полузадушенных дворов «советская» власть получает в свои закрома 51 процент всего продовольствия. Урожайность приусадебного участка и продуктивность личного скота в 3 раза выше, но именно это и бесит коммунистов: как так, значит, у себя и на себя они работают лучше, чем в колхозе! Еще в 1948 году Никита Хрущев подает Л. Берии проект Указа «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве». По нему с 1948 по 1953 год сослано в необжитые края еще 27 тысяч крестьян.

«Мужик – наш должник...»

В 1949 году А. Микоян пытается убедить Джугашвили в том, что производительность колхозов можно увеличить через повышение закупочных цен, стимулируя таким образом материальную заинтересованность работников.

В ответ на страницах газеты «Правда» появилась статья диктатора, ее вывод: «...не может быть сомнения, что при наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть “регулятором пропорций” в деле распределения труда». И позже на пленуме: «кто он, наш Анастас Микоян? Что ему неясно? Мужик – наш должник».

Удивительное дело, что с россиянином ни делай, он все равно выкручивается, выживает и налаживает жизнь! Казалось бы, всё! Не может у народа быть больше сил. Вот-вот рухнет он в изнеможении. Но вот что-то где-то слепилось, там росток поднялся, здесь лучик блеснул, там стена выросла, тут смех раздался – не хочет жизнь сдаваться, выталкивая на поверхность новые и новые силы!

Выжить и устоять не просто. В особенности тем, у кого за плечами отцовский опыт. Отец пишет деду:

«я чужой в этой жизни и нет мне в ней места. Так было всегда, а теперь еще более обострилось. И ничто больше не радует меня теперь. Окаянная Сибирь надорвала мне душу, и часто представляюсь я себе “перегоревшей лампой”, заброшенной на свалку.

Вот и дома спокойно и светло, Ира любит меня, Юлька растет. Вы заботитесь обо мне, а на сердце грустно. Почему? Да потому, что все, чем я живу, и все, что я пишу сегодня, никому почти непонятно и не нужно. Да потому, что мир почти пуст... Потому что все родные мне по духу люди погибают медленно и верно там, откуда я пришел. А до другой жизни нам не дожить – века нашего не хватит».

Но несмотря на то, что душевные силы надорваны, он продолжает работать над тем, что писалось еще в лагере:

Рабов исконных родина,
Эпохе укоризна,
Красавица – уродина,
Обманутых отчизна,

Тебя хвалить указано
Покорному народу,

Тебя любить приказано,
А я люблю Свободу!

Башкой не замороженной
Пока еще мотаю.
Без жертвы опороченной
Вокруг – семьи не знаю.

Кто послабее – скрючены
Работой да заботой,
Кто посильнее – скручены,
А лучшие – замучены
Без имени, без счета.

Кому – щедроты крымские,
А им, по старой моде,
Норильские, колымские,
Сибирские угожья.

Лесов стена добротная
Бескрайних, безотрадных, –
Сторонка оборотная
Иных краев парадных.

Заучены, затвержены
Проклятых лет уроки.
Стране моей отверженной
Когда настанут сроки?

В перерывах между командировками, до глубокой ночи засиживаясь в своей комнате, он много читает. Недавно мне попало его письмо, в котором он пишет родителям, что ему надо прислать. Из Питера, из полуразграбленной квартиры, где давно поселились новые хозяева, ему удастся получить несколько ящиков с книгами. Здесь Марк Аврелий, Паскаль, Лев Толстой, Данте, Достоевский, Уитмен, А. Грин, Челлини, Бунин, Розанов, Бальзак, Гоголь, Вересаев, Мопассан, Киплинг...

Конечно, все это еще не досягаемо для меня, но там есть и русские сказки, и Шарль Перро, и Андер-

Отец, 1950 г.

сен. Отец читает их мне, а порой и сам перед сном рассказывает мне придуманные на ходу сказки. Я помню его голос, когда я засыпаю, а он тихо шепчет мне из Лонгфелло:

«День кончен, на крыльях ночи спускается сумрак и мгла, как будто перо большое парящего в небе орла», дальше сложно, я просто слушаю голос и знаю, что все будет хорошо, и арабы свернут свои шатры и куда-то уйдут.

Когда отец возвращается из поездок, я забираюсь к нему на колени, и он рисует то, о чем я его прошу. Вот джунгли и слон, на спине которого сидит охотник с ружьем, а на них из чащи смотрит притаившийся тигр. По моей просьбе отец рисует его отдельно, крупно, да так выразительно, что я дергаю его за рукав и говорю: «Папенька, давай отойдем».

Трагическое мировосприятие не оставляет его и здесь. Однажды, увлекшись, он долго сидит за столом с цветными карандашами в руках. Потом зовет нас и показывает рисунок – двухмоторный пассажирский самолет падает в море, а мы видим, что происходит внутри, видим пассажиров: кто-то в ужасе заламывает руки, вот мать обнимает ребенка, кто-то молится. Один из летчиков, цепляясь за кресла, пытается перейти в хвост машины. Как объясняет отец, он попытается выровнять самолет. Внизу море и маленькая черточка дымящего трубами корабля.

Боровичи, 1952 г.

А чтению я и сам быстро учусь. Видя отца всегда с книгами, я привязываюсь к ним, как к игрушкам, таскаю их с собой, разглядываю обложки, кладу под подушку, а однажды даже зарабатываю себе грыжу, волоча и пихая перед собой чемодан с книгами. Меня отправляют в Москву на операцию... Там-то за стенами Новодевичьего монастыря меня перед больницей и окрестят, но не в плоском зале церкви Успения, а рядом, в древнем соборе иконы Смоленской богородицы. Я хорошо помню толстые стены и высокие, уходящие в темноту своды.

Страшный опыт, память о погибших уже никогда не покидает отца, он будет писать об этом, но ему нужны силы, и растет другая, прозвучавшая еще в лагере нота:

Что Ты есть? Отвечу я не сразу, –
Нет трудней вопроса моего.
Совесь – Ты, упорство – Ты и разум,
Вложенный в меня же самого.

Ты – мечта о доле не случайной,
Воплощение будто бы ничьей,
Должной быть, желаемой и тайной
Запредельной логики вещей.

Дел моих и мыслей камень пробный,
Ты незрим, но каждый раз опять
Мне Тебя теплее и удобней
В облике людском воображать.

Нет во мне ни страсти, ни гордыни,
Звезды ночи смотрят на порог,
Встреть меня, услышь, кого доныне
Кличут здесь старинным словом Бог.

Вот я весь, как есть, перед Тобою,
С голым сердцем, пригнутый к земле,
Уязвимый мелочью любою,
Еле видный в дорассветной мгле.

Исцели меня от малодушья,
Радостью неверье излечи.
Спазмами духовного удушья
Мучим я в преджизненной ночи.

Ты давал мне ангельские крылья,
В омуты людские погружал,
Вел меня от мощи до бессилья,
Прививал яды змеиных жал,

И в годину крови неужели
Ты над миллионами могил
Просто так, напрасно и без цели
Моего огня не погасил?

Страшен мир, свое забывший имя!
Стужа бьет весенние ростки.
Видишь: не просторами земными –
Душами проходят ледники.

Возложи ладони мне на плечи, —
Правым гневом сердце заряди,
И не требуй кротости овечьей,
Рабского смирения не жди.

Одержим я ревностью одною:
Все, что жить достойно, — обрести.
Душу мне в ковчег второго Ноя,
Господи, отныне обрати.

Окрести, омой меня волнами,
Всеми океанами Земли,
Подними, продуй меня ветрами,
В солнечном горниле закали!

Недавно я нашел его неизвестно кому адресованное письмо:

«10-11 декабря 1947 года

Есть только одна радость — творчество.

творить — значит убивать смерть.

Р. Роллан

Я счастлив бываю только в эти редкостные минуты просветления, когда открывается мой ларец, и пригоршнями, легко и наугад черпаю я свои сокровища. Только в это время я живу. А все остальное — духовный анабиоз. Но время идет! Ткани тела подчиняются времени — они не заморожены — я старею, жизнь остается все меньше.

Когда пишу, чувствую себя собой, — рыбой, ускользнувшей из вытянутого невода, — снова в родную воду.

Но ускользаю я всегда не в реку или в море, а в лужицу или затон за отмелью, и воды оказывается на пару движений хвоста.

А надо добраться до моря.

В этом единственный смысл моей жизни.

Знаешь, когда перечитываю (это случается периодически) свои старые стихи, делается мне невыносимо тесно и душно.

Знаю, что во всем я прав, так вот оно и есть, но “мне жжет”, как сказал Маяковский. Я лучшие своих слов и поступков. Голова моя словно на шее жирафа — давно уже в будущем, а ноги все еще тут. Так было всегда, сколько себя помню.

Я, может быть, и не очень здоров, но я чересчур здоров, нормален, благопристойен и прочее...

А мне необходимо совсем сойти с ума. Я все еще вижу окружающее достаточно четко, оно может еще мешать мне. А нужно мне дойти до галлюцинации и увидеть отчетливо призрак грядущего человека — адресата моего.

Надо войти с ним в общение, ощущать его всегда рядом. Ты говоришь, я должен отражать эпоху? Да. (И даже это очень трудно.) Но если бы задача этим исчерпывалась!

Нет, нет!

Весь вопрос в том, что поймут “мудрые и крылатые” далекого грядущего. Только под этим углом стоит творить. Рассказать с предельной искренностью о страданиях нашего века – нужно, и, вероятно, будет небезынтересно. Показать, что и в черной ночи XX века задумывались некоторые о вещах, до которых им самим было не дожить? Тоже нужно. Пусть уважают все-таки своих несчастных пращуров. Но и это не главное. Главное в том, чтобы настолько взлететь над своим временем, чтобы смочь сказать им нечто для них ценное и актуальное, “как живой с живыми говоря”.

Вот конечная цель».

Но поиски этого смысла постоянно обрываются. Жить в Новгородчине настолько трудно, что отец решает искать работу по стране. Сначала родители пытаются пожить со «стариками», дед к тому времени уже получает хорошую квартиру. Но из-за самодурства бабушки их жизнь там становится невыносима, отец идет на московскую Театральную биржу. Она располагалась тогда в саду «Эрмитаж» у Каретного ряда.

«По не слишком тенистым аллеям расхаживали актеры, режиссеры. Никакого труда догадаться, кто одни, кто другие. Режиссеров отличало эдакое нервение, уверенность в себе. Они здесь были покупатели и хозяева. Актеры вели себя по-разному. Взнузданных необходимостью преподнести себя как можно выгоднее, не ударить лицом в грязь, можно было увидеть по напряжению...» Так описывала «биржу» Тамара Петкевич, автор воспоминаний «Жизнь – сапожок не парный...», актриса, которая познакомилась там с моим отцом.

Как дочь расстрелянного «врага народа» она получила 7 лет советской каторги, 3 года поражения в правах, но выжила, после всяческих мытарств вышла на свободу и пыталась найти работу. В лагерях она родила и потеряла своего сына. Нет, он не умер, но его отец, зек-уголовник, врач санчасти, где она находилась, освобождался раньше, чем она. Он забрал ребенка, а потом, женившись и став коммунистом, подделал документы, оформив его сыном другой женщины.

Встретив Тамару Владиславовну в Эрмитажном саду, отец поддержал ее в трудную минуту. Несмотря на подлую атмосферу торгов, им обоим все же везет: Петкевич вербует в Шадринск, отец на Урал, в шахтерский город Кизел. Перед отъездом он везет меня на Центральный московский почтамт. Мне шесть лет, но я хорошо помню красавицу, которая наклоняется ко мне, чтобы всмотреться в лицо ребенка, быть может, похожего на того, кто у нее отнят. Она становится другом нашей семьи. Проходит еще несколько лет, и она убеждается в том, что навсегда потеряла своего, но уже чужого ей сына.

А я остаюсь в Москве и живу в душевной атмосфере стариковского мирка, бабушка читает мне повести Л. Чарской, а приходя из «лавочки», приносит слухи о диверсантах, которые разбрасывают колорадского жука и всякую заразу, о врачах-вредителях.

Слепнувший дед целыми днями сидит за пишущей машинкой. Он пишет в разные инстанции, дает полезные советы, предлагает свои методики обучения курсантов, готовит к изданию морской англо-русский словарь, хлопочет обо всех, кому нужна помощь. В поле его внимания попадает даже пошивочная артель в подвале соседнего дома. Для ее работниц он добивается проведения дополнительного света на их рабочие места. Он пишет в наркомат обороны, помогая матросам, служившим под его началом, получить пенсию или путевку. Увы, не имея литературных способностей, он пытается еще писать повести и воспоминания. Ему есть что рассказать, но самоцензура сковывает его.

Тиран скончался...

Говорят, что в 1946 году, встречаясь с де Голлем, Джугашвили обронил: «В конечном счете, смерть решает все». Однажды она подвела черту и для него. Сообщения о болезни, а потом и смерти Джугашвили застают меня в Москве. Я вряд ли запомнил бы это, если бы бабушка не запретила мне сладкое в день его похорон.

Но и плача в доме не было. Беспартийный дед, как всегда, отмолчался, потом сказал: «Андрюше легче будет с работой», и сел писать прошение о реабилитации сына.

Всеобщая растерянность, ужас и скорбь множества людей, не представлявших себе, как же будет жить страна, известны. Родители рассказывали о том, что в уральском театре, куда они уехали работать, кто-то грохнулся в обморок, а одна из актрис долго билась в истерику. И все же реакции были разными.

Из докладной записки МГБ о настроениях в армии:

«Начальник отдела ВВС Московского военного округа:

– Если Сталин умрет, то Россию растащат на куски.

Машинистка штаба дивизии:

– Как-то боязно. После его смерти, кто будет на его месте? Кто знает, что люди думают? Встанет кто-нибудь на его пост, а потом окажется врагом народа.

Заведующий столовой в дивизии:

– Заболел тяжело, можно через три дня ожидать. Тогда некому будет и пожаловаться».

Были и другие реакции.

Из той же записки:

«Начальник клуба артиллерийской базы:

– Туда и дорога. (МГБ дано указание документировать и арестовать.)

Инспектор политуправления военного округа:

– А стоит ли его лечить? (В МГБ проводится оперативное расследование.)

Солдат бронетанкового взвода:

– Сталин долго не протянет, да это даже лучше. Посмотрите, как все сразу изменится. (В МГБ проводится оперативное расследование.)

Друг отца Алексей Козырев еще досиживал тогда свой срок, потом он рассказал, что когда их построили на лагерном плацу, и начальник лагеря, сообщив о смерти Джугашвили, скомандовал охране и зекам: «Головные уборы долой!» – кто-то понурил обнаженную голову, но из задних рядов шапки полетели в воздух.

Даже в школьной среде не оказалось монолитного единства. К 10 годам лагерей была приговорена ученица 7-го класса из города Львова Лариса Огоринская за то, что во время школьного траурного митинга громко сказала: «Туда ему и дорога!» (Девочка была избита одноклассниками, а потом попала в лапы МГБ.)

Оскорбительные, радостные, злорадные и презрительные реакции на смерть «генералиссимуса» зафиксированы на Дону, в Риге, Туле, Вильнюсе, Новосибирске, Львове, Южно-Сахалинске, Тирасполе, Чарджоу, Салехарде, Москве и еще десятках городов Союза. О числе тех, кто молча вздохнул с облегчением, можно лишь догадаться. Даже если это только каждая десятая жертва политических репрессий, то это 5 миллионов! Но и они тонут в массовой скорби народа по своему палачу.

Вот даже осужденный за неосторожно брошенное слово пишет:

«Вся сознательная жизнь у меня проходила тогда, когда Первым секретарем ЦК был И. Сталин. Все достижения в мирное и военное время, художественные произведения, идеологическое воспитание связано с именем Сталина. Позволю сказать, что так было не со мной одним. Когда Сталин умер, я видел слезы на глазах многих людей. Причем слезы не показные, а идущие от чистого сердца».

Но была еще и такая реакция:

«Вербицкая Валентина Степановна, 1928 года рождения, образование 6 классов, на иждивении двое детей... Материалами дела установлено, что 4 марта 1953 года рабочий, работавший вместе с Вербицкой, спросил последнюю, слыхала ли она, что заболел вождь. На этот вопрос Вербицкая ответила: “Пусть хоть умирает, я так голодна, что мне свет не мил”».

Если бы не страх и общая привычка молчать, этот стон сорвался бы у многих.

Далее, из того же архивного дела: **«Вербицкая на предварительном следствии показала, что 3 марта она проработала две смены по 12 часов, была голодной. Утром 4 марта вышла на работу голодная. В связи с этим допустила высказывания необдуманно».**

Вербицкая осуждена по ст. 54-10 ч. 1 к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Через полгода ее, как и школьницу Огоринскую, освободила амнистия, но «вина» была снята только в 1962 году.

Многие задавались вопросом: если все было так плохо, если «злодей-тараканище» умучил всю страну, почему же ему удавалось править ею, почему только в детской сказочке нашелся герой, который прилетел и склюнул мерзавца? Почему не нашелся Георгий, да тот же Жуков, чтобы поразить змея? Почему боевик Орджоникидзе не поднял на него свой наган, а застрелился сам? Ведь за 29 лет его правления неизвестно ни одной настоящей попытки казнить эту мерзкую тварь. Мало того, перед расстрелом Бухарины и прочие не проклинали, а славили своего палача. И тут дело не только в желании спастись любой ценой. Думаю, правы те, кто считает, что разгадка в мифологическом мировосприятии, которым сознание народа спасалось от ужаса жизни.

Потеряв опору на традиционную государственность и христианство, он вызвал из глубин своего прошлого архетипы языческого мира. Это было подсказано и использовано теми, кто взял на себя роль создателя и вседержителя нового мира.

«Кто был ничем, тот станет всем!» – из ничего, из праха, как Боги, строят они новый мир. Из «корысти, эксплуатации и стихийного насилия», то есть из мира хаоса, отринув его, они строят светлое царство разума и справедливости.

«Куюм мы счастья ключи!» – как же можно противиться акту творения Порядка, главным кузнецом, демиургом которого является Вождь. Вот народная сказительница Марфа Крюкова нараспев читает: «Подарил народу жизнь пространную, вот пространную да жизнь счастливую, дорогой наш вождь, славный Сталин-свет!»

Усомнившийся будет раздавлен не просто МГБ или НКВД, покусившийся подымет руку не на Джугашвили, не на Кобу, не на Рябого черта, даже не на Сталина, а на гневное и ласковое Ярило, которое спустилось и живет рядом с нами. Это спасительное в условиях абсолютной незащитности верование упаковано идеологами и пропагандистами в ряд заклинаний. Заговаривая ими себя и других, фокусируя внимание на блестящем шарике «высшей Цели», власть зомбировала таким образом большинство своего народа...

Конечно, и тут находятся еретики. Один из анонимов пишет, например, Джугашвили в январе 1945 года:

«...превратив народы страны в голодных рабов, ты проводишь политику голода, думая этим сдержать возмущение людей, но напрасно, недалек тот час, когда ты, тупая гадина, несмотря на поддержку тысяч шпионов, займешь свое место на виселице».

Таких, как всегда, немного. Настоящую цену вождю и режиму могут знать его соратники. Но регенерация языческого самоощущения коснулась и их: одни сатрапы, трепеща, безмолвно отдавали на плаху своих жен и детей, другие безропотно шли под топор, принося себя в жертву новому капищу.

Все, кроме тех, кто кормил зверя своими соседями и ждал освобождения трона.

«“Тиран скончался!” – воскликнул Л. Берия, стоя над трупом, но тут один глаз лежащего открылся, и все, кто вошел в комнату, в ужасе бежали».

Так с чьих-то слов закончилась эта эпоха. Правда, если верить официальной версии воспоминаний Н. Хрущева, прежде чем самим увидеть тело, они запустили туда подавальщицу Клаву.

Спор о том, сам ли он сдох, или тирану помогли, а может быть, просто не помешали, до сих пор не нашел своего завершения. Да, в разных, в том числе официальных и «очевидных» версиях есть нестыковки. Даже его дочь Светлана путает время и детали.

Безусловно, пожалуй, одно: если бы не его смерть, волна террора ждала не только евреев, но и его ближайшее окружение.

В опале были и Микоян, и Молотов, и Берия, и Ворошилов, а незадолго перед смертью генералиссимус велел арестовать своего личного секретаря и даже начальника охраны.

По словам маршала Жукова, срочно вызванного на Пленум ЦК, решавший вопросы преемственности власти: *«Маленков, Хрущев, Берия и Булганин были в приподнятом настроении и, видимо, лучшие других знали о скорой кончине Сталина. Их суждения и критика государственных порядков, существовавших при Сталине, говорили о том, что они на 100 процентов уверены в его смерти, а потому уже не боялись высказать своего мнения.*

Берия сидел рядом с Булганиным и заметно старался придать своему лицу доброжелательное выражение. При внимательном наблюдении, хотя его глаза были прикрыты очками, все же в них можно было рассмотреть хищность и холодную жестокость. Всем своим видом и развязностью он, видимо, старался подчеркнуть и дать понять: “Хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при Сталине, теперь у нас все будет по-иному”».

Уже на следующий день после похорон Маленков первым заявил о необходимости прекращения культа личности. Наметилось разделение властей, по инициативе нового главы МВД Л. Берии начались пересмотры политических дел, реабилитированы «врачи-вредители», авиаторы. Он сообщил в ЦК, что в тюрьмах и лагерях находится 2 526 402 заключенных, из них 221 435 человек – особо опасные рецидивисты. Он предложил амнистировать около 1 миллиона человек: осужденных на срок не более 5 лет за хозяйственные и мелкие преступления, беременных женщин, больных и престарелых. Не подлежали амнистии бандиты и политические. Еще он предложил сократить права Особого совещания, отменить бессрочную ссылку, издал указ о запрещении пыток. По инициативе Берии правительство принимает решение «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей». Это позволило перемещаться по стране тем советским гражданам, которые были ранее осуждены, и находить работу там, куда раньше они не имели доступ. До принятия этого постановления запрет на въезд в крупные города и режимные области ограничивал права 4 миллионов советских подданных.

В Венгрии, Польше, Чехословакии, Германии по инициативе Берии начался процесс возвращения к власти национальных кадров, то же самое происходило и на Украине, в Белоруссии и Прибалтике...

Но это вовсе не означало ликвидации фундаментальных основ режима. Это было попыткой модернизации всесоюзного концлагеря, предпринятой тем сатрапом, который лучше других понимал эту необходимость, исходя из долговременной перспективы сохранения строя. Даже амнистия была трезво рассчитанным шагом.

Нет, не для того, чтобы волной криминала дестабилизировать обстановку – в этом его обвинят напрасно. Дело в том, что он лучше других знал ГУЛАГ. Его

население, ротация в котором достигала 700 тысяч человек в год, в послевоенное время перестало давать прибыль. Изменился качественный состав. Раньше значительную часть составляли те социализированные, отнюдь не преступные лица, кто, исходя из надежд на сокращение срока, готов был трудиться. Во время войны в лагерях и колониях нашелся миллион зеков (бытовиков), которые добровольно пошли проливать свою кровь за Родину. Но если в 1941 году «политики» и особо опасные (воры, урки) составляли 27 процентов от общего числа заключенных, то в 1944 году те, на кого нельзя было рассчитывать как на покорную силу, составили уже 43 процента. После войны эта, в чекистской терминологии, «паразитическая» часть пополнилась солдатами, чья «вина» была лишь в том, что они побывали в плену, были членами боевых националистических, антисоветских формирований из Украины и Прибалтики, власовцами, порожденными войной тяжкими уголовниками. Им нечего было ждать от советской власти, огромные сроки и невозможность их сокращения сделали их «отрицалами»... Преобладание такого элемента сделало лагерь не только малопродуктивными, но и опасными. Я думаю, что амнистия, проведенная Берией, была началом плана по отказу от ГУЛАГа, как производственной мощности. На практике амнистия коснулась и части «политических», но только тех, кто получил это клеймо уже в лагерях. А это, как правило, были те матерые уголовники, «воры в законе», которым лагерная администрация, когда у тех кончались сроки, прибавляла до пяти лет по ст. 58.14 (саботаж) за отказ от работы. Вот эта часть амнистированных урок и прокатилась тогда по стране, наводя на нее ужас. Освобождение остального миллиона работников, которые на воле разделили общую трудовую повинность, в какой-то мере решило проблему дефицита рабочих рук. Но отток бытовиков и трудяг обострил ситуацию в лагерях. К тому же забродили каторжные зоны. Они были созданы в 1948 году для отдельного содержания там блатных «отрицалов», врагов и бунтовщиков. Их концентрация привела лишь к повышению «градуса» протеста. Зачастую он объединял «воров», идейных и отчаявшихся, всех, кому нечего было терять. В этой среде (как, впрочем, и на воле) распространились надежды на освобождение от большевизма извне, в случае новой войны. Так, украинские повстанцы, бандеровцы, сидевшие в Речлаге, призывали других зеков поднять восстание в первые дни новой войны, чтобы самим освободиться из лагеря. «В районе Воркуты, – говорили они, – достаточно (американцам) высадить один десант, а здесь в лагере мы должны быть готовы в любую минуту двинуть лавину заключенных и каторжан на большевиков и стереть их с лица земли».

Повстанческие настроения, а затем бунты и мятежи прокатились по многим зонам, нередко их возглавляли осужденные офицеры. Известно не менее 17 крупных восстаний в лагерях, при подавлении которых властям пришлось использовать армейские части. Тогда власть «перевела стрелки», столкнув между собой «отрицалов» и «сук», то есть тех, кто стал сотрудничать с администрацией. Это

дало ощутимый результат. Племя безбашенных «воров» стало убывать, а с ним и энергия бунта, но «волынки», забастовки не сокращались...

В июне 1953 года взбунтовавшиеся заключенные Горного каторжного лагеря обратились в правительство с письмом, где трезвая оценка ситуации соседствует с наивной верой в то, что оправдав «разумное» насилие, заверив власть в своей лояльности, можно с ней договориться:

«Прошлое доказывает, что чем сложнее проблемы приходилось решать Советскому государству, тем больше было репрессированных...» Но «великое созидание требовало строгой государственной дисциплины, следовательно, и жертв. Для содержания репрессированных государством была создана система исправительно-трудовых лагерей, ибо экономика страны не могла вынести бездействия многих миллионов, в рабочей силе которых ощущалась острая потребность».

Зеки напоминают властям о своем участии в общем труде: **«Города и рабочие поселки, рудники и шахты, каналы и дороги, фабрики и заводы, сталь и уголь, нефть и золото – все величайшие сооружения эпохи социализма – результат не поддающегося описанию титанического созидания. Мы являемся значительной частью производительных сил нашей социально-экономической формации, а отсюда имеем право предъявить свои справедливые требования, удовлетворение которых в настоящий момент является исторической необходимостью».**

Но условия их жизни настолько чудовищны, что подавляющее большинство тянет свою лямку **«с ропотом, в ошибочной надежде на какие-либо мировые события»**, то есть на освобождение извне.

Они рассказывают своим хозяевам, что практика управления принудительным трудом привела к извращенному использованию в качестве проводников начальственной воли стукачей и «сук», которые **«с целью выслуживания перед начальством превращались в банду насильников и убийц. Эти “блюстители порядка” не останавливались ни перед какими преступлениями (избиение, подвешивания, убийства)».** Лагерная администрация опирается также **«на отдельные группировки, беря в основу национальный признак, разжигая национальную вражду и ненависть. Были случаи, когда отдельные представители оперчекистского аппарата вручали холодное оружие доверенным лицам для расправы и терроризации неуголовного элемента».**

Зеки потребовали **«пересмотра всех дел», «признания незаконными всех решений Особого совещания как неконституционного органа»,** но тут же (О, извечное рабство!) указали: **«Мы хотим, чтобы с нами говорили не языком пулеметов, а языком отца и сына...»** «Отцы» ответили пулеметами, погибло более ста заключенных, еще столько же забили и расстреляли потом...

Думаю, что прагматик Берия решил бы проблему тотальным истреблением оставшегося в лагерях опасного и нерентабельного «балласта». Но не успел. По-

тому что недооценил своих соперников. Те не спешили с исполнением его распоряжений, особенно их встревожило то, что министр начал сбор компромата на членов триумvirата. Они знали, чем это кончается. Поэтому, быстро сговорившись, Маленков и Хрущев, с помощью Жукова, арестовали Берию. Теперь виновником криминальной амнистии (которая, между прочим, освободила и школьницу Огоринскую, и голодную работницу Вербицкую), виновником всех «перегибов» и, конечно же, шпионом стал несостоявшийся диктатор.

Смутно я помню эти тревожные дни, когда даже в дедовскую берлогу докатился слух о танках вокруг здания МТБ и дачи Берии.

В декабре появилось правительственное сообщение:

«Следствием установлено, что Берия, используя свое положение, сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков. Лишенные какой-либо социальной поддержки внутри СССР, Берия и его сообщники строили свои преступные расчеты на поддержку из-за рубежа. Как установлено теперь следствием, Берия завязал связи с иностранными разведками еще в период Гражданской войны».

Специальным Указом было решено судить его по законам 1934 года, то есть в упрощенном и скорострельном порядке.

Интересна людская реакция: оказалось, что ненавидели Берию все и везде. Впрочем, так было всегда с уже объявленными врагами. А вопросы, прозвучавшие в обществе, МТБ собрал в специальном докладе для Политбюро.

Вот донос о рассуждениях писателя Н. Ф. Смирнова-Сокольского:

«Берия в тюрьме. Кто следующий? Я убежден, что будут следующие. Как ни сильна машина, а развал начался; Берия – почин, кто с ним – еще неизвестно. Это все оттого, что у нас огосударствили не только всякие отрасли, но даже дыхание, болезни, сны людей. В этих условиях любая сволочь как хочет, так и воротит. Скандал большой и гнусный. Теперь будем ждать и наблюдать, что дальше, чей черед...»

А вот агентурные сведения о словах заслуженного артиста УССР, лауреата Сталинской премии И. Набатова:

«Для нас совершенно безразлично, кто будет держать палку. От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть, по существу, полицейским. Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берии, но и других. Это откровенная борьба за власть. Между прочим, Берия оказался бездарным подражателем Сталина. По-моему, дележка власти, если только Берия этого хотел, только началась».

Так или иначе крах этой структуры рано или поздно неизбежен. Любые перевороты внутри для народа ничего не изменят – система остается той же. Настоящий крах системы может прийти с Запада».

В поисках дома

Родители обустроиваются на Урале, я остаюсь в Москве и меня начинают учить, или, скорее, мучить.

Мне хочется все делать левой рукой, а меня переучивают, и я привыкаю, но получаю отвратительный почерк – не своеобразные «иероглифы» отца, а просто каракули, про которые говорят, кура лапой. Я зубрю таблицу умножения, но ни дед, ни бабушка не догадываются популярно объяснить мне ее внутреннюю логику. Мне хочется рисовать и петь, но попытки деда давать мне уроки музыки на его скрипке кончаются бабушкиной мигренью. Кораблики, которые я рисую, ничем примечательным не отмечены. Я могу прочесть на память несколько глав из «Конька-Горбунка», но это совсем не трудно. Я расту обыкновенным, заурядным ребенком, мое развитие идет медленно. Оглядываясь назад, я вижу, что сообразительность, память, абстрактное мышление приходили ко мне позднее, чем ко многим сверстникам. Не думаю, что правы те, кто цитирует старых мудрецов с их изречениями о том, что формирование личности завершается чуть ли не в три-четыре года. Мои родители горевали над тем, что я плохо учусь, но жизнь показала, что у каждого свои сроки созревания, что «поздние сорта» дольше сохраняют способность впитывать новое.

У бабушки в Москве, 1953 г.

А пока я рассматриваю картинки в газетах, где толстые буржуи с сигарами в руках шагают мимо просящих милостыню детей. Это за границей. У нас же – бесплатная медицина, больше нигде такой нет: где правит капитал, за это платят, а те, у кого денег нет, умирают в нищете и мучениях. У нас и школа бесплатная – так будет везде, когда и за границей построят социализм.

Пропаганда ликует! Все, что ни строится, делается, организуется, – все идет в заслугу «родной» власти. Мы строим метро и дороги, восстанавливаем днепрогэсы, наши предки изобрели радио, электрическую лампочку, самолет и паровоз. Мы победили! Мы сильнее всех, а главное, мы ведем все человечество в коммунизм. Нам мешают, но наше дело правое; корейцы, негры и рабочие всего мира сбросят свои цепи, и мы победим капиталистов! И будет счастье!

Я слышу эти ежечасно повторяющиеся внушения, мало что понимаю, но все-му этому я, естественно, верю. У «стариков» не поворачивается не только язык, но и, наверное, мысль, дать свою оценку происходящему. Да и как ее дашь, ведь никакой иной информации нет. Сравнить, сопоставить, выбрать не из чего. Во всяком случае, при ребенке они не роняют ни слова о том, что слышат по радио. По вечерам, тщательно запершись на все засовы и задвижки (на столичных улицах «шалют» уголовники), мы с бабушкой перебираем рассыпанную по клеенке гречку, отделяя «чернушки». Дед читает нам Станюковича и главы из своей повести «Юность моряка». Наконец, за мной приезжает мать. К этому времени меня так замучили рыбьим жиром и приличным воспитанием, что я обращаюсь на «вы» даже к ней...

Ура, мы вместе едем на Урал! Драматический театр города Кизел, куда завербовались родители, отправляется на гастроли. Мы приезжаем в Пермь, тогда еще город Молотов.

Там нас встречают отец и моя не самая старшая, но уже большая сестра Галя; они ведут нас на белоснежный пароход, с которым труппа будет спускаться вниз по Каме и Волге. Начинается путешествие, одно из самых светлых детских впечатлений. У нас своя каюта, шторы на окне, красивые постели, белая скатерть на столике. В большом зале мы обедаем с другими актерами и их семьями. Вместе с отцом мы спускаемся в машинное отделение, я вижу котлы и огромные сверкающие маслом поршни, с тяжелым стуком они толкают коленные передачи, как у паровоза, только много крупней. Поднявшись из грохота трюма, мы идем на капитанский мостик. Над плавно идущим пароходом огромное небо, за кормой клопочет вода, мимо текут берега. Можно долго стоять и разглядывать тесовые крыши темных деревень, редкие, покосившиеся маковки церквей, извивы спускающихся к воде дорог, луга и поля. Там ярко, интересно. Левый берег высок, его каменные и песчаные кручи поросли кустарниками, ольхой и дубом, правый – плоский, волны лижут его и шумят в плавнях. Отец, красивый и уверенный, занят делом, на верхней палубе и в корабельном клубе идут репетиции, мама пока со мной. Она устроилась в театр администратором.

Все-все: капитан и матросы, машинисты и актеры – заняты делом. Мы идем вперед! Мы проходим водохранилище, оно кажется мне чуть ли не морем. Мерный стук под палубой, как биение большого сердца, мы – команда, и я со всеми вместе.

Справа остается Сарапул – город, о котором я узнаю позже, когда займусь историей кавалерист-девицы Дуровой, там же далекий-далекий взгорок скрывает Елабугу, где уходит в землю холмик на могиле М. Цветаевой. Мы проходим Чистополь. Как рассказывал мне потом отец, Марина попала туда в начале войны, вместе с эвакуированными советскими поэтами и начальниками Союза писателей. Ее муж и дочь арестованы, Н. Асеев неосторожно роняет, что она, с ее эмигрантским прошлым, мешает своему сыну. Цветаевой не на что жить. Она

голодает, ей это не впервой, но в Париже и Праге еще была надежда, были те, чье сочувствие могло согреть душу. Хотя там она уже написала:

Отказываюсь жить
В бедламе нелюдей,
Отказываюсь быть
С волками площадей.

В советской России она окружена страхом и тупой злобой. Нестерпимым унижением и, по сути, убийством становится отказ в работе даже посудомойкой в «писательской» столовой. Вернувшись туда, где ей предписано существовать без средств к существованию, она пишет сыну: *«...передай папе и Але, если увидишь, что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик»*.

Муж уже расстрелян чекистами, дочь Ариадна арестована и проведет в неволе 16 лет, сын через три года погибнет на фронте. Всего этого она не узнает потому, что, сунув записку в карман, завяжет петлю на кованный гвоздь в сенях неприветливого крестьянского дома. (Говорят, что в 70-е туда заглянул Евтушенко, вытащил железо из доменной тесины и взял... На память? По поверью о том, что веревка повешенного приносит удачу? Впрочем, когда перезахоранивали Н. Гоголя, советские писатели разобрали на сувениры пуговицы с его сюртука, а кто-то унес даже башмак.)

На Волге, Чебоксары, 1955 г.

Кама ширится – впереди новые, огромные разливы, но на стремнине слияния двух рек мы поворачиваем и уходим вверх по Волге, мимо Казани до Чебоксар. Там труппа высаживается, местный театр наполняется шумом. Я бегая за кулисами, смотрю за художником, который огромными кистями и швабрами подновляет пахнущие клеем декорации, в костюмерной зеркала, разложен грим, расчесываются парики. Бутафор подкрашивает мечи и шпаги, в общем, не жизнь, а сказка. Отец будет герцогом в «Двенадцатой ночи» Шекспира, а потом белогвардейцем, капитаном Незеласовым из «Бронепоезда 14-69». Мама и Галя бегают по городу, по школам, конторам и заводам, расклеивая афиши и продавая билеты. Я предоставлен самому себе, лазаю по гаражу рядом с Домом приезжих. Там стоит пахнущий железом, бензином и маслом грузовик, в саду старый фонтан, струи давно не бьют, но он полон до самых краев. Я с восхищением слежу за тем, как по глади темной воды скользят водомерки. В перерывах между

спектаклями на большом, моторном пароме мы всем семейством переправляемся на другой берег. Вместе с нами туда же едут козы, люди в белых тужурках и соломенных шляпах, здоровые, веселые косари в лаптях, телеги с лошадьми. Там мы гуляем по длинным песчаным косам, лезем в заросли за рогозом с его мягкими, коричневыми шишками. Из них отец мастерит стрелы для моего лука, и я выслеживаю рыбу в оставшихся от разлива лужах. Под присмотром матери я пытаюсь научиться плавать. На Мсте это было невозможно из-за ее стремительного течения. Однажды мать при мне спасла тонущего в ней ребенка.

Здесь же спокойно. И люди вокруг хорошие. Мне такая жизнь нравится. Но речное путешествие прерывается: погрузившись на машины, театр едет в город Алатырь. Мы уже не живем в гостинице, а снимаем комнату в частном доме. Там я познаю истину о том, что чужое не идет впрок. Оставшись один и увидев на столе у хозяйки длинный красный плод, я сую его в рот. Вкус горького стручкового перца я запоминаю надолго.

Алатырь маленький, провинциальный город – найти и собрать зрителей даже на два спектакля не просто.

Театрик летний, двери зала выходят прямо в сад, на траву.

Играют «Семью», спектакль о молодом Владимире Ульянове, его арестованном брате, их матери, которая едет в Петербург и мужественно прощается со старшим сыном, о том, как младший, узнав о казни брата, сурово заявляет, что он «пойдет другим путем!»

Автор пьесы И. Ф. Попов (тот самый, что оставил нам версию о связи Марии Бланк с кем-то из великих князей). Мой отец играет жандармского полковника.

Я слышу от актерских детей:

– А, твой папа всегда врагов играет...

– Неправда! – отвечаю я, – а студент с дудочкой, а герцог Орсино? – сердясь про себя, что, и правда, не видел отца настоящим, советским героем. Но я знаю, что он очень-очень хороший, и все равно им горжусь. В антракте, прогуливаясь, я знакомлюсь с местными ребятами. Важничая, рассказываю, что мой папа актер, и что сейчас он будет выступать, что я тоже буду играть в театре. Мальчишки сомневаются. Тогда я говорю, что запросто могу зайти на сцену. Мы отправляемся в зал, я подымаюсь по боковым ступенькам, отодвигаю край занавеса и гордо там скрываюсь. Но пока я болтался на улице, оказывается, уже прозвучал второй звонок. За моей спиной занавес раздвигается, и публика видит на ступенях дома Ульяновых мальчишку, который, растерявшись, мечется по сцене и убегает в бутафорские кусты, а те еще и валятся с шумом. Смеялись долго, пришлось закрывать занавес и делать перерыв.

Слава богу, местные коммунары не увидели в случившемся покушения на святая святых. Был же случай, когда на гастролях актриса, которой досталась роль стрелявшей в Ульянова эсерки Фанни Каплан, после спектакля была жестоко избита провинциальными зрителями.

Но «репрессии» все же были: приказом директора всем детям актеров было запрещено приближаться к театру. Отец недолго делал вид, что сердится, а мама, пряча улыбку, внушала мне перед сном какие-то прописные истины.

Сейчас, вспоминая это, я вдруг подумал: может быть, этот испуг на сцене, перед гогочущей ямой зала и отключил в моем сознании мысль об актерском пути? Действительно, я же мог пойти по стопам отца? Или все-таки видел, что для него это не служение, а труд ради куска хлеба? Наверное, сыграла роль и моя природная робость, я прятал ее всю жизнь и многим казался самодостаточным, чуть ли не заносчивым. А на самом деле мне и сейчас приходится преодолевать себя, чтобы на улице спросить о чем-то прохожего.

Наша поездка продолжалась, но я не помню ее окончания. Наверное, мы спустились до Астрахани, потом вернулись на Урал. У отца стали портиться отношения в театре, он не нашел общего языка со вторым режиссером, Розой Сиротой. Позже она какое-то время была «помрежем» у Товстоногова, в БДТ. Но когда мы вернулись в Ленинград, и отцу нужна была работа, возобновлять с ней знакомство он категорически не стал.

Весной следующего года мы возвращаемся с Урала и опять пробуем жить в Москве. Я иду в школу, на меня надевают форму, она серая, с ремнем, бляхой и фуражкой. Здание рядом, большое и светлое, торжественный парад во дворе, все мальчики как солдатики, а девчонки (странный народ, который я впервые вижу не как отдельных Лен или Маш, а как другой тип) все в белых передниках и одинаковых коричневых платьях. Я рад, возбужден и, когда попадаю в класс, не могу сосредоточиться: начинается первый урок, а я листаю букварь и верчусь. Молодая учительница не находит ничего лучше, как в назидание другим тут же поставить меня в угол. На все четыре часа, вместе с переменками. Домой я возвращаюсь усталый, подавленный и заявляю, что больше в школу не пойду. Узнав в чем дело, отец на следующий день идет со мной в школу. Там в вестибюле он останавливает мою учительницу и что-то ей говорит, наверное, грозит ей жалобой. Она покрывается пятнами и убегает в учительскую... А через пару дней мне велят привести родителей в школу. В кабинете директора моя первая учительница предъявляет встречные претензии, рассказывая родителям о том, что я хулиганю, дерусь и катаюсь верхом(!) на других учениках. Ничего этого не было, отец и мать знают, что это просто невозможно, но завуч, опытная дама, улыбаясь, вынимает чье-то письменное подтверждение. Родителям приходится спускать скандал на тормозах.

Праздника больше нет, школа уже никогда не станет для меня домом, и мир становится чуточку другим.

Ужиться всем вместе в Москве снова не удастся. Мы опять едем в Боровичи. Там я доучиваюсь в первом классе, перехожу во второй. Почти ничего не помню об этом, кроме разве что страшной истории про героя Павлика Морозова. Его зарезал собственный дедушка за то, что тот рассказал чекистам, где отец прятал

зерно. Еще нас учили какой-то песенке про мальчика, поймавшего шпиона. А на чердаке нашего дома я нашел две ржавые старинные рапиры и пару необычных подсвечников, которые дед Владимир в 1905 году привез из Манчжурии. Они были сделаны из ребристых оболочек гранат-лимонок, основание – срезанные торцы снарядных гильз, а гнездом для свечи были укороченные гильзы поменьше. Потом все это богатство было мной, конечно, развинчено и потеряно.

Через год мы все же двинулись в Питер. Моя старшая сестра Марина осталась заканчивать горный техникум, младшая – Галя поехала с нами и устроилась в фабрично-заводское училище с общежитием. Нам жить было негде, и родители решили снимать жилье.

Сначала мы поселились в Урицке, пригородном поселке на границе с городом. Это несколько десятков частных деревянных домов, с огородами.

С одной стороны поселок ограничивает линия электрички, станция называется Лигово. Но мы живем с другой стороны, там недалеко проходит линия трамвая, 36-й маршрут. На нем можно доехать до Стрельны, а если в город, то до Казанского собора. В поселке деревянная двухэтажная школа, я иду туда в третий класс.

И уже с этого времени начинаю прогуливать школу. Я был пуглив и стеснителен. Однажды зимой я, не сделав какого-то задания и стыдясь учительского разнosa, до школы не дошел. А вместо этого, сунув портфель в забитую снегом трубу под дорогой, повернул назад и сел в трамвай. Прошлявшись по городу, как ни в чем ни бывало вернулся, забрал портфель и пришел домой, в мансарду, которую нам сдавали. На следующий день я снова отправился в школу, но теперь уже не знал, как объяснить свое вчерашнее отсутствие, повторился тот же маршрут. Еще через пару дней, придя домой, я увидел там свою учительницу. Прогуливать я перестал, на время.

А в одном со мной трамвае ездили в это время будущий мой тесть, тогда студент философского факультета университета Михаил Молоствов, и моя будущая теща, его сокурсница Маргарита Муждаба. Скоро они поженятся, потом у них родятся дочери, и младшая, Екатерина, станет моей женой. Но эту свою лучшую половинку я найду далеко не с первого захода, много-много лет спустя... А пока они учатся, беспечно считают копейки своей стипендии, спорят о Гегеле и марксизме, перед ними мир, который надо сделать счастливым и справедливым.

Лигово, 1956 г.

«Мы осколки сжимаем в руке, Что сегодня к ногам долетели»

Поля вокруг города еще несут на себе следы войны. В окопах и траншеях мы, мальчишки, откапываем винтовочные гильзы и патроны, иногда попадаются ржавые стволы, пробитые немецкие и советские каски. Лигово и все поля вокруг были линией обороны города во время блокады, все перепаханно взрывами, острые осколки везде, иногда находятся даже снаряды. Замечательный художник Вильнер недавно рассказал мне, как на этих самых полях он, студент художественного училища, вместе с другими рыл окопы в сентябре 1941 года. Тогда на строительство укреплений было направлено полмиллиона жителей города. Вдруг они увидели пыль на петергофской дороге, приглядевшись, поняли – немцы! А те остановились и тоже стали рыть окопы. Это были солдаты Северной группы вермахта под командованием генерала фон Лееба. Понимая, что с ходу Ленинград не взять, Гитлер решил брать город измором, сосредоточив главные усилия на других направлениях. Тем более, что окружив Ленинград, он сковал таким образом значительно более крупные силы советских войск и оборонной промышленности. О блокаде я знал уже многое. Отец даже в Марлаге бережно собирал вырезки из газет с фотографиями блокадного Питера, просил родителей присылать ему все, что они могли достать, а потом сделал два больших альбома: один, петербургский, еще долго пополнялся, в другом было собрано все по блокаде. Героизм жителей города был для меня очевиден. Достаточно было, открыв отцовский альбом, посмотреть на серию графики А. Пахомова «Блокадный Ленинград». Но и спустя 10 лет следы войны еще отчетливо проступали на его улицах. Еще можно было увидеть обугленные пожарами брандмауэры уцелевших домов, рядом с которыми уже зеленели скверы или лежали груды битого кирпича.

Из материалов Нюрнбергского процесса:

«6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с распростертыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обгазрен кровью. На нем налипли куски разможенного человеческого тела, петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели – разорванный пополам труп беременной женщины: виден труп почти доношенного младенца. Во дворе пять трупиков девочек в возрасте 5-7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до смерти, играя в мяч».

За 1942-1943 годы тяжелые артиллерийские батареи фон Лееба 2 870 раз от-

крывали огонь, на город было обрушено 150 тысяч снарядов, почти столько же бомб. Сестра деда, оставшаяся в городе, умерла от голода, но могила ее неизвестна, ведь хоронили всех оптом. Из 2,5 миллионного города вывезти за время блокады удалось 540 тысяч, часть ушла в оборонявшие город армейские части, к моменту прорыва блокады в живых осталось лишь 800 тысяч...

Сегодня о том, что этих жертв можно было избежать, говорят многие. Но я разделяю позицию Д. Гранина и А. Адамовича, собравших потрясающую «Блокадную книгу» об этой трагедии. В ней они привели свидетельства людей, испытывавших блокаду на себе, рассказали о том, как те вспоминают о пережитом, как реагируют на них окружающие. В том числе и о глубоком непонимании даже близкими им людьми того мироощущения, той системы координат, в которой жили осажденные.

«...Первым не выдержал зять. Не такой уж и молодой, не ленинградец, он воскликнул:

– Зачем, ну зачем нужны были такие страдания? Сдать надо было город. Избежать всего этого. Для чего людей было губить?

Так просто, естественно вырвалось у него, с досадой на нелепость, на странность того, минувшего. Поначалу мы не совсем поняли, что он имел в виду. Ему было лет тридцать пять, бородатый, вполне солидный мужчина, казалось, он не мог не знать. Потом мы сообразили, что мог. То есть, вероятно, он где-то когда-то слышал, читал о приказах гитлеровского командования, о планах фюрера уничтожить, выжечь, истребить, но ныне все это стало выглядеть настолько безумным, фантастичным, что наверняка потеряло реальность.

Время, минувшие десятилетия незаметно упрощают прошлое, мы разглядываем его как бы сквозь нынешние нормы права и этики.

В западной литературе мы встретились с рассуждением уже иным, где не было недоумения, не было ни боли, ни искренности, а сквозило скорее самооправдание капитулянтов, мстительная попытка перелицевать бездействие в доблесть. Они сочувственным тоном вопрошают: нужны ли были такие муки безмерные, страдания и жертвы подобные? Оправданы ли они военными и прочими выигрышами? Человечно ли это по отношению к своему населению? Вот Париж объявили же открытым городом. И другие столицы, капитулировав, уцелели. А потом фашизму сломали хребет, он все равно был побежден – в свой срок.

Мотив этот, спор такой звучит напрямую или скрыто в работах, книгах, статьях некоторых западных авторов. Как же это цинично и неблагоприятно! Если бы они честно хотя бы собственную логику доводили до конца: а не потому ли сегодня человечество наслаждается красотами и богатствами архитектурными, историческими ценностями Парижа и Праги, Афин и Будапешта, да и многими иными сокровищами культуры, и не потому ли существует наша европейская цивилизация с ее университетами, библиотеками, галереями, и не наступило бездонное безвременье “тысячелетнего рейха”, что кто-то себя жалел

меньше, чем другие, кто-то свои города, свои столицы и не столицы защищал до последнего в смертном бою, спасая завтрашний день всех людей?.. И Париж для французов, да и для человечества спасен был здесь – в пылающем Сталинграде, в Ленинграде, день и ночь обстреливаемом, спасен был под Москвой. Той самой мукой и стойкостью спасен был, о которых повествуют ленинградцы.

Когда европейские столицы объявляли очередной открытый город, была, оставалась тайная надежда: у Гитлера впереди еще Советский Союз. И Париж это знал. А вот Москва, Ленинград, Сталинград знали, что они, может быть, последняя надежда планеты. “Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли...” – так гласила секретная директива 1-а 1601/41 немецкого военно-морского штаба “О будущности города Петербурга” от 22 сентября 1941 года. Далее следовало обоснование: “После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы. Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. С нашей стороны нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города”».

О том, какая судьба была уготована ленинградцам даже в случае сдачи города, знать достоверно они не могли. Могла быть надежда на выживание, и, наверное, кто-то был готов на это. Мы ничего не знаем о том, сколько ленинградцев было уничтожено тогда НКВД за панические или пораженческие разговоры. Наверняка – немало, но очевидно также, что даже при неприятии советской власти, не говоря уже о тех, кто ей безоговорочно верил, стойкость и сопротивляемость большинства питалась глубинно-ментальными побуждениями.

...В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

Так пишет Ольга Берггольц, и в этом, быть может, ключ к пониманию силы тех, чей выбор – с кем быть, решил сам собой. Все стало проще, там – враг, настоящий, реальный, несомненный, значит, здесь – свои, какие бы ни были, все равно свои. Она же – о тех днях: «и быт сменился – Бытием!»

Отец еще в 1943 году из сибирского лагеря видит проблески Свободы, зная, что поединок идет не между народами, а между двумя хищными режимами.

Чай не допит остался навек.
Кляксой крови помечен учебник.
Прямо в зеркало валится снег,
Спит подушка под грудой щебня.

Это значит – за милями мглы
Заостренного ногтя движенье,
Это значит – слепые стволы
Возмечтали об этой мишени.

Было за день пятнадцать атак,
И, по трупам взойдя на высоты,
Человек по фамилии враг
Выжал кнопку, проверив расчеты.

Смерть за смерть. И расплата щедра
Сквозь ночное летит поднебесье.
Кровь и прах. И пожар до утра.
И, качнувшись, молчит Равновесье.

Что с того? Чья тут смыта вина?
От огня разве утро настало?
Попаданье? Потери? Война?
Этих слов тут, по совести, мало!

Ни потерь, ни мишеней не счесть.
Злая ночь над планетой повисла.
Но за всеми мишенями есть
Воплощение конечного смысла.

То грядущего мира стена,
Нет ее в человеческом зреньи,
Оттого, что, быть может, она
В пятом, что ли, стоит измеренье.

Нету в ней ни ворот, ни дверей,
Потому что, друг другу на смену,
Бьют орудья ночных батарей
И крушат обреченную стену.

Он зовет нас – в ночном далеке –
Первый свет через первые щели.
Мы осколки сжимаем в руке,
Что сегодня к ногам долетели.

А мне, 12-летнему мальчишке, играющему в войну на полях сражений, в руки попадает мина небольшого калибра, ржавая, с погнутым хвостовиком и черной, неотвинченной головкой... Я, слава богу, не пытаюсь ее открутить, но мне очень хочется, чтобы она взорвалась. Я ухожу в поля, из старого окопа бросаю ее вперед и вверх, воображая себе, что отбиваюсь от наседающих фашистов. Пригнувшись, жду падения и взрыва. Тишина. Подождав, вылезаю, нахожу тяжелую, каплевидную железку в земле, повторяю бросок. В подобных опытах погибали многие ребята, мне повезло. Потом я закинул мину в пруд, где ловил сачком трионов и мальков.

С возвышенности виден Финский залив, наш берег зарос камышом, там есть плоскодонка нашего соседа, я выпрашиваю у него весла и путешествую по плавням. Однажды на дне лодки вижу забытого там после рыбалки большого угря.

Отцу не удастся устроиться в театр, он подрабатывает эпизодическими съемками на «Ленфильме», ведет кружки самодеятельности в клубах и на заводах. В результате мотается днями и вечерами по городу. Наш дом был крайним на дороге, которая ведет к трамваю. Однажды поздним вечером с улицы во двор вбежала женщина. Второпях рассказала, что шла от трамвайной остановки, услышала шум, оглянулась и увидела, что двое мужиков грабят прохожего, у одного в руках нож.

Отец, недолго думая, схватил деревянный бутафорский пистолет, который ему сделали для спектакля, и, со свистком в руке, выбежал на дорогу. Он рассказывал потом, что увидел фигуры вдалеке и, засвистев, побежал туда, с криком: «Стой! Стрелять буду!»

Нападавшие предпочли скрыться. С земли, пошатываясь, поднялся мужчина, они дошли вместе до нашего дома и там расстались. А на следующий день он пришел к нам со своим ребенком и благодарил отца за то, что тот спас ему жизнь. Оказалось, что этот работяга, подвыпив, шел домой после получки. На безлюдном участке дороги его догнали, навалились и в тот момент, когда раздался крик отца, над ним уже занесли финку.

«Жить стало лучше! Жить стало веселей»

На следующий год нам удалось найти комнату на Петроградской стороне. Ее сдали нам уехавшие в долгую командировку люди. Это была коммуналка, но не самая большая и довольно тихая. Из-за того, что нам приходилось переезжать с одной съемной комнаты в другую, я сменил в общей сложности семь школ. Успехов в учебе это мне не прибавляло. Кажется, в 4-м классе меня приняли в пионеры. Когда я сказал родителям, что к следующей неделе мне нужно купить красный галстук, что мы будем принимать присягу, родители переглянулись, но опустили головы.

Вскоре нас построили в коридоре школы, директор говорила что-то громкое и торжественное, я волновался. Мы повторяли за ней: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Советскую Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия; всегда выполнять законы пионеров Советского Союза!»

Потом фальшиво прозвучал горн, и под барабанный бой внесли знамя – красное полотнище, на котором были нарисованы пионерский значок и девиз: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!», а старшеклассники повязали нам галстуки. Какая-то очень важная старшеклассница в белой кофточке и красном, шелковом галстуке громко крикнула: «Будь готов!» И мы закричали: «Всегда готов!»

Потом все вернулись в класс, я ожидал, что теперь все будет по-другому, но этого не случилось. Разве что начались собрания и говорильня про то, что

Пионер предан Родине, партии, коммунизму.

Пионер готовится стать комсомольцем.

Пионер равняется на героев борьбы и труда.

Пионер – лучший в учебе.

Последнее было совсем скучно. А то, как твои одноклассники повторяли взрослые слова и при учителе критиковали друг друга за нехорошее поведение, совсем противно. А одной девочке, Марине Герасимовой, мать не разрешила вступать в пионеры: их семья была верующей, но их не тронули. Я дружил с ней и однажды поцеловал в щеку, услышав в ответ: «дурак».

Тогда в Ленинграде в старых домах еще не было центрального отопления. Поэтому в каждой комнате стояла печь, обычно круглая, снаружи железная,

рифленая. Чтобы натопить ее, нужно было спуститься во двор, напилить и наколоть охапку дров и занести к себе. О лифтах мы и не мечтали. Хорошо было имевшим свой сарай, где под замком с лета уже лежали наколотые поленья. Штабеля дров занимали почти все дворы города. Их закоулки и лабиринты были удобны для игры в казаки-разбойники. Прячась, прыгая с одного обледеленого сарая на другой, нападая и отстреливаясь снежками, мы гонялись друг за другом. Так я получил свое первое сотрясение мозга. Летом играли в битую пристенку, платой были свернутые конвертиком фантики от конфет. Петрозаводская улица, на которой мы жили, была мощена булыжником. Однажды в придомовый сквер с большой лужей посередине привезли два самосвала земли. Кто-то позвал всех жильцов на субботник, делать детскую площадку. Взяв лопаты и грабли, народ стал растаскивать чернозем. Вдруг кто-то охнул – из-под его лопаты в куче земли показался кусок гнилой ткани, с лопаты на землю посыпалось несколько желтых монет... Все молча кинулись собирать и раскапывать дальше. Всего в мешочке было, наверное, 10-15 золотых червонцев, одну монетку вытащили прямо из-под моей ноги. На этом субботник закончился, народ тихо слинял по домам. И, конечно, кто-то «стукнул»: вечером появилась милиция и люди в штатском, у счастливиц отняли все, возможно, даже больше, чем они нашли.

Мы жили очень скромно, если не сказать бедно. Дед по-прежнему помогал отцу.

Да и все вокруг жили бедно. Из 40 моих одноклассников, пожалуй, только двое выделялись очевидным достатком. Интересно, что их лица я помню: один был ничего, другой – совсем противный. Остальные одевались так же, как я, и редко имели в кармане даже мелочь.

Лакомством было шоколадное эскимо за 11 копеек, но и молочное – лед, подкрашенный молоком, – за 7 копеек тоже годилось.

Ездили зайцем, на подножках трамваев. Однажды я чуть не попал под колеса на углу Чкаловского проспекта и Большой Зелениной. Погнавшись за уходящим трамваем, хотел прыгнуть на открытую заднюю площадку первого вагона, но скорость была уже велика, а тут еще и поручень, за который я схватился, скользнул в руке. Упав на брусчатку, я увидел плавно прокатившиеся рядом колеса второго вагона.

Телевизоры скоро появятся, а пока рядом было четыре замечательных кинотеатра – маленькие и дешевые «Свет» и «Экран», побольше «Молния» и роскошный «Великан», бывший Народный дом. А рядом еще «Стереокино»! И в «Промке», теперь ДК имени Ленсовета, еще один кинозал. И это все на одной Петроградской стороне.

А с трамваем была еще одна история. Однажды на Чкаловском я шел домой и увидел приближавшийся новенький, одинарный вагон. Я остановился, чтобы его пропустить, но, когда он уже был рядом, вдруг что-то заставило, как будто толкнуло, кинуться вперед. Я проскочил в паре шагов от надвигавшегося бу-

фера. Убегая, слышал за собой мат вагоновожатого и не мог объяснить себе, зачем рисковал?

Летом, в свободное время, родители категорически не пускали меня в пионерские лагеря. Я бродил по Петроградской, собирал и сдавал металлолом, зарабатывая деньги на сто грамм «кавказских» конфет или на стакан сока.

Еще я ловил сачком «колюшек» на мелководье под Большим Крестовским мостом, но рыбкам в банке не жилось.

По переулкам гуляла нищая шпана, в моде которой были брюки-клеш, кепки-лондонки или шестиклинки. Парни дрались двор на двор, многие ходили с ножами и кастетами. У милиции синяя форма, галифе, красный околыш на фуражке, и звали их тогда не ментами, а мильтонами. В рабочей и служилой среде светлая и яркая одежда была редкостью. В основном темные, серые, коричневые, черные тона. Хотя можно было увидеть и расфуфыренную даму в чернобурке, выходящую из новенькой «Победы». Отец носил шляпу, белый шарф, светло-серый длинный пыльник (летний плащ), светлые туфли – на него оборачивались...

А уже к середине 50-х на улицах появились стилиаги. Их появление было замечено еще в 1949 году, когда главный редактор сатирического журнала «Крокодил» Беляев опубликовал фельетон с этим названием. Появились карикатуры, где можно было увидеть отвратительных зазнаек и хлыщей в ярких пиджаках с огромными плечами. Непременным атрибутом стилиажничества считались брюки-дудочки, зауженные снизу, ботинки на рифленой микропоре (так называемая «манная каша»), иногда желтые полуботинки, галстук с изображением обезьяны и пальмы. Длинные, зачесанные назад волосы, над губой тоненькие усики-«мерзавчики». После фестиваля на шее появился цветной платок, вместо галстука могла оказаться бляха и продетый сквозь нее шнурок. На самом деле таких завершенных «стилизаторов» было, конечно, мало, они появились позже, в 1958 году, когда отшумел Московский международный фестиваль молодежи. Чаще всего все эти внешние эскапады носили подражательный характер, за которым ничего идейного не стояло, хотя, с другой стороны, то, что подражать хотели не Павлу Корчагину, а Элвису Пресли, было серьезно. Стилиаг исключали из институтов и комсомола за «вызов нормам социалистического общежития и коммунистической морали», «идеологические шатания», «низкопоклонство перед Западом», «восхваление буржуазной демократии, свобод и образа жизни». Причем мода, стиль, предметы быта, перенесенные в советскую действительность из-за «железного занавеса», действительно стали инструментом идеологической борьбы. Чуть позже, в 1963 году, президент США Джонсон сказал, что если в Москве будут одеваться по нью-йоркской моде, то половина войны с Советами будет выиграна. Но началось это много раньше.

Сначала – американские «студебеккеры» и самолеты, трофейные патефоны и приемники, обыкновенная европейская одежда, которые по внешнему виду и

качеству не могли сравниться с отечественными товарами. Но, что важнее, в быт и образ жизни пришли трофейные кинофильмы.

В. Аксенов пишет: *«Я смотрел “Путешествие будет опасным...” не менее десяти раз, “Судьбу солдата в Америке” не менее пятнадцати раз. Было время, когда мы со сверстниками объяснялись в основном цитатами из таких фильмов. Так или иначе, для нас это было окно во внешний мир из сталинской вонючей берлоги».*

К этому можно добавить трофейные фильмы с Чарли Чаплином, Марикой Рёкк, Марлен Дитрих. «Мост Ватерлоо», «У стен Малапаги», где я впервые увидел Жана Габена, «Рим – открытый город», «Похитители велосипедов», «Ночи Кабирии» – экраны кинотеатров приоткрыли двери, за которыми бурлила трагичная и счастливая, ослепительная и нищая, а, главное, живая жизнь с внутренней свободой греха и доблести, низких страстей и простого величия. Не советский, ходульный образец для подражания, а собственная жизнь, где мы, сидя во мраке кинозала, жили настоящими радостями, приключениями и горестями людей по ту сторону экрана. Прошло несколько лет и «Баллада о солдате», «Иваново детство», «Летят журавли» открыли для нас возможность так же сопереживать своим. А в замечании американского президента была немалая доля истины: западная культура быта, европейский и тем более американский дух свободы, индивидуализм бытия быстро проросли на стерилизованной советской почве. И все же идейный антагонизм вовсе не был непременным атрибутом стиляжничества, со временем многие из них благополучно «вписались» в советскую жизнь. С другой стороны, музыкант А. Козлов вспоминал потом: *«У стиляг было такое отработанное бессмысленное выражение глаз. Не потому, что мы придурки. Просто, если бы мы обнажили свой взгляд, если бы смотрели, как мы чувствуем, все бы увидели, как мы их ненавидим. За этот взгляд можно было заплатить. Вот мы и придуривались».*

Вместе со стиляжничеством пришло увлечение джазом, свободная музыка свободных людей тоже сыграла немалую роль в идейном раскрепощении. Немалое число тех, кто вскоре сядет в лагеря за «антисоветскую» деятельность, формировались под звуки «рока на костях», так шутя назывались самопальные грампластинки, записанные на использованных рентгеновских пленках.

В нашей семье к «выпендрейщикам» относились неодобрительно. Как, впрочем, и большинство ленинградцев. Однажды с отцом и матерью я отправился в «Гостиный двор», кажется, мне надо было купить школьную форму для пятого класса. Выйдя из магазина, я понял, что у меня есть «срочное дело», поскольку общественных туалетов поблизости не было, родители зашли со мной в какой-то ближайший двор, и я отправился за угол... Посреди двора стояла пара: он – типичный стиляга с несимпатичным лицом, в отличие от девушки, одетой просто и бедно. На ее хорошеньком личике читались растерянность, сомнение, тревога. А парень с фотоаппаратом на шее в чем-то ее настойчиво убеждал.

Я обратил на них внимание, а вернувшись к родителям, увидел, что и они поглядывают в ту же сторону. Мы вышли на улицу, и тут мать потребовала вмешательства. Отец, увидев идущего мимо милиционера, подошел к нему и попросил проверить документы у парня во дворе. Родители объяснили, что тип, которого мы встретили, показался нам сомнителен, и что мы беспокоимся за девушку. Милиционер пошел во двор вместе с нами, но у парня документы были в полном порядке. Хотя тот явно перетрусил. А девушка, воспользовавшись ситуацией, ушла одна. Возможно, что ничего криминального в той ситуации и не было, а наша реакция была результатом всеобщей подозрительности к стилягам. Хотя добрая половина стиляг лишь имитировала фирменные шмотки, перешивая «москвовшеевские» брюки, подбивая плечи пиджаков ватой и зарабатывая на все свои художества ночной разгрузкой вагонов. Пропаганда подавала их сынками номенклатурных работников, которые «с жиру бесятся». В стране бедняков это, конечно, вызывало неприязнь. Правда, спустя несколько лет в какой-то подростковой компании мне сунули в руки пачку самодельных порнографических фотографий, на них я увидел девицу, очень похожую на ту самую девушку.

Почувяв в стиляжничестве антитезу и нуждаясь в ней, власть решила использовать не знавшую куда себя деть молодежную активность в борьбе за «достойный облик советского человека». Рабочие и студенческие отряды комсомольцев-дружинников охотились за стилягами, затаскивали их в свои «штабы» и стригли там наголо, распарывали брюки-дудочки. Поначалу в таких отрядах можно было встретить и энтузиастов светлого будущего, тех, кто еще станет ниспровергателем порядка, именно так начинали члены «Союза коммунаров».

Также в этом охотно приняли участие асоциальные элементы. В условиях поощряемого произвола это подчас скатывалось к уголовщине, насилию над модно одетыми девчонками, грабежам и даже убийствам под маркой искоренения заразы...

Ну а жизнь и на самом деле становилась лучше. Я помню нижний зал Дома ленинградской торговли (ДЛТ) – зал, полный игрушек, самокатов, велосипедов, даже педальных автомобилей, которые я мог лишь разглядывать. Самокат мне сделал отец, из двух досечек, с деревянными ручками и большими шарикоподшипниками вместо колес. Они оглушительно грохотали по асфальту, распугивая прохожих. А велосипеда у меня так и не было. Однажды мне дали прокатиться, я объехал квартал и увидел идущую впереди тетку, а увидев, понял, что непременно в нее врежусь. От страха руки оцепенели, свернуть я не смог и, действительно, уронил сначала ее, затем велосипед, ну и сам упал сверху. Потом два часа сидел в детской комнате милиции, ждал, когда меня заберут родители.

«Оттепель, туманы черные»

Мы не видели тогда, что творилось в деревне, но, судя по прилавкам магазинов, колхозы давали хлеб, молоко и мясо. За прошедшие десять послевоенных лет положение крестьян изменилось. Нет, они по-прежнему были крепостными, у них не было документов и они могли покинуть колхоз, только не вернувшись туда из армии, или по набору на стройку. Но бремя налогов снизилось вдвое, недоимки прошлых лет были аннулированы. Реформы начал Маленков еще в 1953 году. Его поддержал Хрущев, в результате заготовительные цены на скот повысились в 5 раз, на картофель, молоко и масло – в 2 раза. Причем розничные цены были заморожены. Авторитет Маленкова в глубинке резко возрос, но и Хрущев получил титул Первого секретаря ЦК, такого поста раньше не было. Между этими людьми началась борьба за власть. Маленков считал, что деревне надо дать передохнуть и, не тратя больших денег, использовать личную инициативу колхозников. Он понимал, что крестьянин, если ему не бить по рукам, отбив барщину в колхозе, обиходит и свое хозяйство. В результате частный, приусадебный сектор обеспечил стране половину прироста мяса, удвоил количество сдаваемых яиц, в полтора раза увеличил объемы картофеля и овощей. Но это не радовало партийных начетчиков и функционеров: заговорили об опасности возрождения частнособственнических инстинктов, о желании Маленкова «завоевать дешевую популярность». Хрущев противопоставил ему идею создания агрогородов, по сути, он хотел ликвидировать крестьянство. Вместо него должны были появиться те, кому нечего терять, наемные рабочие госпредприятий – совхозов.

Он мотивировал это не только борьбой с «инстинктами» несчастного крестьянина, но в первую очередь нарастающей нехваткой зерна. Действительно, урожаи падали, потребление росло.

Маленков, отставленный от сельских проблем, продолжал попытки модернизации Советской власти. Он предложил сосредоточить ресурсы на развитии легкой промышленности, за все предыдущие годы на нее потратили 11 процентов совокупных средств. Еще в августе 1953 года он выступил с идеями разрядки, против политики, готовящей «новую мировую бойню, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации». За полгода до этого был взорван первый, созданный при участии А. Сахарова, водородный заряд. Налаживалось производство ракет дальнего действия.

Но Жуков и Хрущев отвергли прогнозы Маленкова о ядерной войне как всемирной катастрофе; последний заявил, что «новая война неминуемо кончится крахом всей капиталистической системы». А Жуков продемонстрировал стой-

кость советских солдат, прогнав несколько полков по месту проведения ядерного взрыва на Тощком полигоне... Число солдат, их списки и дальнейшая судьба засекречены и сегодня...

Заканчивался 1955 год, его осень обрушила на Ленинград проливные дожди. Вместе с ними пришло наводнение. Холодный ветер долго дул с залива. Вода в Неве все поднималась. Это происходит из-за перепада атмосферного давления в акватории Финского залива. Там образуется огромный водяной «холм», многокилометровая масса воды вспухает далеко в середине залива, но она может перемещаться внутри циклона по мере его продвижения. Когда он входит непосредственно в устье реки – это серьезное бедствие. Если перепад давления спадает еще в заливе, то и тогда линза долго растекается, и встречная волна входит в устье Невы. И опять речным водам некуда идти. А русло и сегодня несет в море 2,5 тысячи кубометров воды в секунду.

Поскольку город стоит на плоских берегах, то и небольшие подъемы были бедой. Ведь в 50-е годы многие ленинградцы еще жили в подвалах и полуподвалах. Когда радио сообщило о том, что Нева вышла из берегов, я, конечно, убежал на улицу. Отец возвращался домой в автобусе через Кировский (Троицкий) мост. Дома он рассказал, что при спуске с моста автобус уже «плыл» в воде, его мотор едва не заглох, а пассажиры автобуса заметили человека в военной форме, который, почти по пояс в воде, держал на руках ребенка, не решаясь оторваться от фонарного столба. Увидев, что там, где проехал автобус, можно идти, – офицер двинулся следом.

Вместе с мальчишками из нашего двора я в это время уже плавал на плоту, наскоро сколоченному из остатков старых ворот. На Петрозаводской воды было меньше, на тротуарах – по колено, в середине улицы – глубже, но все же мы успели совершить замечательное путешествие до школы и обратно. Нам не хотелось, чтобы вода убывала, мы представляли, как она достигает вторых, третьих этажей, и начинается какая-то совсем другая, полная приключений жизнь. Но к утру вода ушла.

Отец рассказал нам о том, что мальчиком видел наводнение 1924 года, жили они тогда на Васильевском острове, в Тучковом переулке. Когда вода стала заливать их квартиру на втором этаже, им пришлось бежать к соседям на третий. С балкона он увидел, как по 1-й линии прошел маленький буксир и, погудев, завернул на Средний проспект. А когда они спустились на следующий день к себе, то на полках размокшего буфета в оставленных там стаканах нашли пойманную воду.

Наводнение 1955 года стало четвертым по величине в истории нашего города, помимо разора и убытков оно еще и очистило осенние улицы от листьев и мусора. О том, что впереди куда более серьезная чистка, мы еще не знали. А впереди был XX съезд КПСС.

Несмотря на то, что «культ личности» подручные усатого палача поругивали

на своих пленумах уже три года, доклад Хрущева был тяжким ударом и для партийной элиты, и для основной массы людей. Он прозвучал 25 февраля 1956 года. Но текст не был опубликован в советской печати, а в руки к моему отцу попал позже и не сразу полностью... На питерском заводе «Арсенал» его читали только для партийцев, рабочим завода «Марти» – на общем собрании. В Политехническом институте – всем студентам и преподавателям, которые поместились в зале; в университете хотели прочесть только комсомольскому и партийному активу, но студенты идеологических факультетов (философский, исторический и экономический) прорвались на собрание.

М. М. Муждаба, тогда еще просто Ритка, вспоминает:

«Открылась дверь, толпа вытолкнула меня вперед, я оказалась в актовом зале и увидела перед собой декана по военно-спортивной подготовке полковника Кныша. Бледный, он стоял перед нами с огнетушителем в руке...»

А полковник был прав. «Огнетушители» скоро понадобились тем, кто испугался разоблачений.

В 1945 году какой-то американский генерал гуськом провел по лагерю смерти, кажется, Бухенвальду, жителей соседнего городка – немецких обывателей, которые «ничего не знали». Но там многие и не хотели знать, ведь за колючей проволокой были чужие.

Разоблачения XX съезда касались своих. Тех, кого ты предал, испугавшись или промолчав, тех, кто «стучал», тех, кого ты обожевлял. Оказалось, что все вокруг – жертвы и палачи. И все – свои.

Нет, Хрущев не был сокрушителем устоев, во всяком случае, намерений таких не имел.

Громя своего бывшего патрона, он опирался на авторитет, на Ульянова-Ленина, и не раз в своей речи оговаривал, что насилие было необходимо: «Следует сказать, что партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

А разве можно сказать, что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может.

Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью. Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов».

Сделав реверанс «классовой борьбе», Хрущев перешел к фактам, а они были таковы:

- из 1 966 делегатов XVII съезда ВКП(б) (где 300 человек не проголосовали за Сталина на посту Генсека) арестовали потом 1 103, а расстреляли 848 делегатов;
- из 139 членов и кандидатов в члены Центрального комитета партии, из-

бренных на этом же съезде партии, вскоре было арестовано и расстреляно 98 человек, то есть 70 процентов;

– после убийства Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения законности. По инициативе Сталина подписано постановление:

«1) Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам – не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела – приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров»;

– НКВД составлял списки врагов народа, и им заранее определялась мера наказания. Джугашвили своей подписью санкционировал 383 таких списка;

– когда возник вопрос о правомочности применения пыток к арестованным, Сталин направил шифрованную телеграмму:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и при том применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Приведа еще целый ряд конкретных примеров беззакония, Хрущев далее заявил, что Сталин:

– имел все возможности дать отпор немецким войскам, но его упрямство не дало Красной армии подготовиться к нападению;

– вмешивался в ход военных операций, обрекая на окружение и гибель целые армии;

– отказывался от реформ в сельском хозяйстве;

– был маниакально подозрителен, и никто, идя к нему, не знал, вернется ли назад;

– жертвами его огульных репрессий стали целые народы;

– после войны опять начались незаконные репрессии;

– из-за его нетерпимости осложнились наши отношения с другими странами.

(Попутно докладчик не забыл дважды упомянуть Маленкова в невыгодном для него свете.)

Но, заканчивая обличительную часть выступления, Хрущев говорит, что:

«...Сталин являлся одним из сильнейших марксистов, и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры, на работу партии.

Известно, что Сталин после смерти В. И. Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения».

И далее, вероятно, уже окончательно сбивая с толку слушателей:

«Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!»

Что же предлагает Первый секретарь ЦК КПСС?

«— Осудить и искоренить чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности,

— вести беспощадную борьбу против попыток возродить его в той или иной форме,

— восстановить положения учения марксизма-ленинизма о народе, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе...

— продолжать работу по строжайшему соблюдению высшего принципа — коллективности руководства,

— составить объективный марксистский учебник по истории нашей партии,

— восстановить ленинские принципы социалистического демократизма,

— исправить нарушения революционной социалистической законности».

Заканчивая, докладчик отмечает, что съезд продемонстрировал «единство партии, ее великую моральную и политическую силу», и провозглашает:

«Да здравствует победоносное знамя нашей партии — ленинизм!»

В тексте, разосланном для ознакомления, указано: «Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают».

Надо сказать, что поручиться за идентичность текста и реального выступления в Кремле нельзя. Дело в том, что в нарушение всех традиций заготовленная речь не предъявлялась Хрущевым своим коллегам. Она корректировалась им же в последний момент, а стенографировать его выступление на съезде было почему-то запрещено.

По словам участников съезда, аплодисментов в зале не было. Хрущев выступил уже после выборов и плановых докладов, по сути, вне завершенной программы. Из зала пришла лишь одна записка с вопросом, достоин ли теперь Сталин оставаться в одном мавзолее с Лениным?

А тот текст, который стал рассылаться по партийным организациям, был рассмотрен Президиумом ЦК и завизирован в рассылку лишь через неделю после выступления.

То, что сделал Хрущев, было невероятно. На первый взгляд может показаться, что он поставил под удар не только сидящих рядом членов Политбюро, — все они были соучастниками беззакония, но и себя. Этот человек был верным исполни-

телем страшных решений. Так, голод на Украине был результатом и его усердия в изъятии хлеба. Есть подозрение, что в молодости он мог принимать участие в расстрелах приговоренных. Уже само то, что он ни разу не попал под горячую руку за все годы его приближенности к Рябому черту, говорит о том, что служил он верно и умел уходить от удара. И, наверное, не только потому, что гопака танцевал и скоморошествовал. На расстрельных списках среди ознакомительных, читай, согласительных, подписей членов Политбюро встречается и его имя.

Так что же, желание расстаться с прошлым? Поквитаться за унижения? Опередить других, тех, кто уже начал развенчивать культ и мог указать на него как на сообщника тирана? Выжечь метастазы вождизма? Обезопасить таким образом себя и других от повторения террора?

Его зять Аджубей пишет, что Хрущев предлагал выступить с докладом Молотову (чья жена была репрессирована), но тот отказался. И еще. После съезда, на Украине, из зала, где выступал Хрущев, *«пришла записка с вопросом о том, как могли допустить такие репрессии, что делали для их прекращения партийные руководители. Никита Сергеевич попросил встать того, кто задал этот вопрос. Никто не поднялся.*

“Мы боялись так же, как и тот, кто спрашивает об этом”, – сказал он залу...»

Позже, диктуя свои воспоминания, Хрущев говорил: *«Хочу высказать еще одну мысль. Некоторые люди в беседах со мной говорили: “Товарищ Хрущев, а как Вы считаете: следовало ли рассказывать о сталинском терроре, о том, что не было оснований для того, чтобы казнить этих людей, что это были честные люди? Может быть, можно понять и простить Сталина, принять случившееся как историческую необходимость?”»*

Я категорически против этого. Я поднял эти вопросы на XX съезде партии, я по поручению руководства партии делал доклад по этим же вопросам на XXII съезде, на различных митингах и собраниях, разоблачал и клеймил Сталина за то, что он учинил расправу над строителями партии и руководителями нашего Советского государства. И я горжусь этим, считая, что тем самым я сделал что-то полезное для партии и для своей страны.

Зло, которое было причинено Сталиным, нанесло большой вред нашей стране, а всякое зло должно быть заклеено. Нельзя уповать на то, что, мол, все уже в прошлом. Нет! История может в какой-то степени и повторяться. От разоблачения злоупотреблений наше государство не ослабло, влияние нашей партии не уменьшилось».

Зная прошлое этого человека, трудно принимать на веру его слова о единственном мотиве – «заклеймить зло». Не стоит забывать, что в тот момент Хрущев хоть и шел в гору, но борьба с другими претендентами на лидерство не закончена... Еще слишком близки к рычагам были тот же Молотов, Маленков, Булганин, Жуков.

Но неожиданный ход так резко выделяет Хрущева, так резко осаживает всех, у кого руки в крови, что можно лишь удивиться его решимости.

Однако в сохранении прежних сил и прежнего влияния КПСС на общество он ошибался.

Мифы штука нежная. В них верят, пока не обнаружится изъян. Жизнеспособность Советской власти покоилась на вечной мерзлоте страха, бюрократического оцепенения и безоговорочной, языческой веры.

Оттепель разморозила эту мерзлоту, свайная конструкция «поплыла», и первым сигналом стала публикация Симоновым романа Дудинцева «Не хлебом единым». Я помню, как в 1956 году отец приносит в дом журнал «Новый мир», они с матерью читают и радуются потому, что правда. Простая история о тщетных попытках провинциального инженера Лопаткина, честного и мужественного человека, пробить свое изобретение, об упорстве и победе, которая сулит ему теперь новую борьбу и ответственность, могла бы быть заурядным «производственным» романом. Если бы не новизна в точном описании страшного мира бюрократии и корысти, если бы не свежее и правдивое слово о человеческих отношениях и личном, нравственном стержне, который держит и спасает людей.

Но не было там «руководящей линии партии». И, понятное дело, автора уже винят в очернении советской действительности и надолго закрывают доступ в печать. Даже мне, ребенку, была видна разница между той «литературой», которая отвечала «задачам», и тем, что стало появляться в «Новом мире». Понимая, что конформизм и приспособленчество завели его в творческий тупик, кончает самоубийством А. Фадеев. В народе говорят, что он не смог простить себе гибели сотен писателей и поэтов, которых он, председатель Союза писателей, гибко следуя за «линией партии», отдавал на заклятие в годы репрессий. Трещинки в плотине еще малы, но уже бьют оттуда малые струйки воды. Симонова вскоре снимают с журнала, потом возвращают Твардовского, но ведь и тот не останавливается.

Еще несколько лет, и он публикует А. Солженицына.

В своих воспоминаниях Хрущев пишет:

«Слово “оттепель” пустил в ход Эренбург. Он считал, что после смерти Джугашвили наступила в жизни людей оттепель. Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас, и с которым нам будет трудно справиться. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским».

Могло ли быть иначе? Допустим, промолчал бы тогда Хрущев и остался бы Первым или его обошел, допустим, Молотов? Что тогда?

Для государства разница была бы только в темпах развития тяжелой или легкой промышленности, в отказе или предоставлении льгот крестьянам... Ни от-

мены крепостного права, ни нового НЭПа, ни права на сомнения в выборе пути никто из претендентов на полноту власти не планировал.

А народ? Не услышав ничего нового на очередном съезде, он продолжал бы безропотно идти на коротком поводку? И, проходя по Красной площади, умилялся бы надписи «Ленин – Сталин» на мавзолее?

Думаю, да. Крестьянам дали легкое послабление. Ропот и надежды на ликвидацию колхозов прошли. Рабочие под строгим контролем, их недовольство снижением расценок еще только начинается. Есть в низовых слоях общества ожидание Страшного суда, страшной войны. Все еще поговаривают об Америке как о освободительнице. Но чаще сетуют на то, что нет Ленина, такие разговоры в нашей коммуналке я слышал сам.

В Кремле понимают, что без замены системы все станут заложниками следующего диктатора. Освободившейся от страха кремлевской стае эта угроза не нужна. Ведь тогда придется или ждать ночного стука в дверь, или убирать нового Хозяина. А это значит рисковать собственной шкурой и радикальными переменами, которые тоже могут стать угрозой.

Но «авгиевы конюшни» не смыло полностью, разоблачения оставили гниль и зловоние по углам. А Хрущев и его друзья-соперники укрепляют коллегальность. Обезопасив кремлевский ареопаг от появления новых людоедов, они продлевают агонию режима еще на 30 лет.

При этом, признав возможность ошибки в еще недавно непогрешимой системе, они невольно запускают публичный процесс становления гражданского сознания.

Но не стоит думать, что очнувшееся общество сразу поумнело, повзросло и возжелало свободы и ответственности. Реакции были разными. Материалы архивов демонстрируют нам всю широту диапазона протестных настроений и выводов.

Вот судят украинского рабочего. Свидетели обвинения показывают:

«Дронжевский часто говорил, что в Америке рабочие живут лучше, имеют двухэтажные дома, что наше советское правительство ездит по чужим странам, гуляют, пьют вино, и за это рабочим платят зарплату меньше, и живут они хуже. Говорил, что уничтожить надо жидов, их расстреливал немец. Недовольство проявлял часто и высказывал такие разговоры, говорил, что безработные живут в Америке в 5 раз лучше, чем рабочие в Советском Союзе» (осужден на 5 лет лишения свободы).

В ответ на убеждение пропагандистов о том, что в США все продается и покупается, в народе делается неожиданный вывод:

«В Советском Союзе неинтересно голосовать, так как за отданный голос ничего не будешь иметь, вот в Америке другое дело, за отданный голос имеешь деньги», – замечает кто-то и тоже отправляется за решетку...

Крестьянам в Литве живется все же лучше, чем российским. Но вот старый колхозник И. Петрокас в 1958 году пишет в редакцию «Голоса Америки»:

«Из-за большой жары в стене ада образовалась щель, и высунули мы обгоревшие руки в свободный мир, взывая о помощи. Что делают диктаторы Москвы? За границей они имеют свою агентуру для коммунистической деятельности, туда посылают капитал, зерно и другие продукты по дешевой цене, чтобы только привлечь и победить человечество. Они хотят показать миру, что мы все имеем, и мы богатые. В районе границ с другими государствами все продается дешево, а в глубине Советского Союза большая нищета, все дорого. С работы нельзя прокормиться, поэтому все крадут и друг друга обманывают. Правду найдешь только за деньги. Москва не смотрит на нищету и слезы людей. Если один мужчина зарабатывает в день 15 рублей, то, значит, нужно работать только на питание, а на другие нужды ничего не остается. Рабочие ботинки стоят 100 рублей, а хорошие ботинки – 200 рублей. Костюм стоит до 2 000 рублей. Сельскохозяйственная продукция в упадке, и земля не дает даже того, что на ней посеяно. Колхозы облагаются большими налогами, а когда их отдают, то колхозникам мало остается, и они ничего не получают. Колхозник арендует малый участок земли – 60 аров (соток – Ю. Р.), это будет немного больше, чем половина гектара, а платить за него нужно много и порою даже нельзя все уплатить. За одну корову нужно уплатить 30 рублей и сдать: 100 килограмм молока, 30 килограмм мяса, 50 штук яиц. Кроме того, еще есть и другие платы, как госстрах. Все это обязательно, а за поставки платят мало.

Если держишь корову, то для нее и соломы, ничего не получишь, поэтому идем ночами в сараи воровать, выломаем где-нибудь щель, набьем мешки, и то со страхом, и несем домой целый километр. Все тропинки и дороги обмыты нашими слезами и потом. Каждому человеку нужно выработать установленную норму выработки, но никто не может ее выработать, так как она очень большая. За невыполнение установленной нормы выработки люди облагаются налогами.

Дорогие литовцы и другие не коммунисты. Берегитесь красного дьявола, чтобы он и вас не погубил, и вашего добра. А этот красный дракон проглотит все. Пусть лучше погибает весь мир, чем будет управлять им коммунизм.

Дорогие люди, вы помогите своей власти выявлять и уничтожать рабство коммунизма, так как без вашей помощи государство одно ничего не сделает. А если кому-нибудь надоело валяться в добре, то вы такого человека пошлите в Советский Союз.

Я не боялся бы пожертвовать своей жизни за свободу всех. Не верьте коммунистическим агентам. Вы должны знать, что эти агенты получают большие оклады из коммунистических центров, они являются предателями, а может быть, даже и они не знают, что такое коммунизм...

Прошу передать это мое письмо руководителям благотворительного общества. Дорогой руководитель общества, я прошу вас, чтобы мне помогли в моей нищенской жизни».

Брожение умов

О том, кто есть кто за кремлевскими стенами, люди не знают, но после того, как выяснилось, что вожди тоже бывают преступниками, в крестьянах и рабочих просыпается жалость к тем из начальства, кто гоним высшей властью. В 1957 году Хрущев уже забыл о своих намерениях «строжайше соблюдать высший принцип коллективности руководства», и соратники собрались его задвинуть... Но, опираясь на среднее звено членов ЦК и военных, Хрущев срывает их планы. Здесь, наверное, впервые почувствовал свою силу Секретариат, те аппаратчики, которые организовали сопротивление. С этого начался взлет «стайного руководства» чиновничества, постепенно подчинившего себе Кремль и страну.

А в Питере в это время готовится празднование 250-летия города.

Улицы расцвечены красными флагами, возобновлена традиция полуденного выстрела пушки с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости.

В День города в чашах Ростральных колонн загораются огромные факелы, туда провели газ, и он пылает рыжим огнем высоко в синевом небе. На Марсовом поле горит первый в стране Вечный огонь. Вскоре появляется спущенный «сверху» обычай – молодожены едут туда после Дворца бракосочетания, чтобы положить цветы к могилам большевиков. О том, что там лежат в основном жертвы настоящей, Февральской революции, забыли давно.

Спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин». Он появляется на Неве, за мостом Лейтенанта Шмидта, и мы ходим дивиться на громадину, испытывая при этом гордость за свою страну. Начинают пускать в Исаакиевский собор, там открывается музей. На площади Искусств открыт выполненный М. Аникушиным легкий, романтический памятник Александру Сергеевичу Пушкину.

За буднями и праздниками простого народа, за его спиной, как обычно, продолжает идти другая жизнь. В Москве – разгром заговорщиков. На пленуме ЦК маршал Жуков разъясняет собравшимся, что готовилось смещение Первого и огласил архивные сведения о тех, кто это организовал. Оказалось (ну кто бы мог подумать?), что все они причастны к репрессиям 30-50-х годов. Так, «с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на расстрел 38 679 человек. Сталин и Молотов в один день, 12 ноября 1938 года, санкционировали расстрел 3 167 человек. Маленков, которому было поручено контролировать НКВД, не препятствовал репрессиям. Он, оказывается, до сих пор собирает компромат на товарищей и в сейфе хранил планы организации спецтюрьмы для партийного руководства». Областных

первых секретарей испугало также то, что вслед за отменой поста Первого в ЦК могли последовать кадровые отмены и у них. В результате большая группа наиболее вредных для Хрущева «соратников» выведена из игры. О чем и сообщили газеты. Но при публикации решения пленума было запрещено указывать, что наказанные виновны еще и в массовых репрессиях.

Народу как и прежде излагают версию, которая должна крепить единство исполнителей и начальников.

В ответ газета «Правда» и другие издания получают гневные письма от тех, кто, ничего не понимая в хитросплетениях подковерной московской борьбы, нутром чувствует фальшь официальных разъяснений и становится на сторону пострадавших.

«Уважаемый редактор, неужели вы миритесь с таким безобразием, как снятие Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова со своих постов? Учтите, что симпатия народа на стороне их, а не Хрущева и т. п. И если народ молчит, то только потому, что запуган до крайности. Ведь над всяким за смело сказанное слово нависла тюрьма. Народ на стороне изгнанников. Для чего нам нужны наши заграничные “братья”? Чтобы в случае войны воткнуть нам в спину нож?

Мы и сами еще очень бедны. Если вы не видите нищеты, живя в Москве, так ее достаточно по всей России.

Нам нечего тянуться в отношении помощи другим государствам за Америкой. Она дает действительно излишки. И рабочий Америки очень хорошо обеспечен. А у нашего рабочего еще задница не совсем хорошо прикрыта. Так вот, прежде нужно подумать о своем народе, а потом уже о “братьях”.

Выходит, что Молотова и других сняли с поста за заботу о народе. Мы засеяли целину, увеличили съем урожая на 2 миллиарда пудов хлеба. А где это видно?

При И. В. Сталине не засеивали целину, а снижения он производил каждый год, не в ущерб заработка рабочих. Сталина нужно. Он бы навел порядок.

Так знайте, народ терпелив. Он пока только ропщет по своим истинным патриотам, живя в грязных лачугах (вы не смотрите на Москву, Россия не Москва) и работая, что волею. Но придет время, он свое слово скажет.

Не будьте слепцами, не прячьтесь за свой партбилет, выскажите слово истины нашему теперешнему правительству. И на кой черт нужна нам такая партия, которая накинула нам петлю на шею и стаскивает последние штаны с рубашкой.

Все коммунисты шкурники, и они нисколько не заботятся о народе и народных делах.

И ты, ты сам, т. редактор, такой же шкурник и заботишься только о своем благополучии.

Если ты не такая же дрянь, то хоть напиши через газету опровержение моему письму.

Разгневанный. 5.7.57 г.»

(Автора вычислили, это был 30-летний рабочий из Тульской области, и получил он 4 года тюрьмы...)

Огромный аппарат слежки отлавливает анонимщиков, говорунов и критиков, охота идет за авторами каждой записки, даже ругани, нацарапанной в избирательных бюллетенях. Враждебной деятельностью считаются простодушные, открытые письма в газеты и правительство, если там есть негативные оценки происходящего. Но помимо примитивного, путанного и подчас даже реакционного «гласа народа» есть и вполне зрелый, осмысленный и мужественный ответ образованной молодежи. В научных учреждениях, академиях, университетах и институтах раздаются голоса, требующие настоящих перемен.

Рассказывает Юрий Орлов: *«...сообщение о злодеяниях сталинской эпохи зачитывалось на закрытых партийных собраниях. Оно ошеломило даже тех, кто, как я, были уже готовыми антиджугашвилистами. Я впервые ясно осознал страшный, невероятный масштаб преступлений. У власти стояли преступники и могли оказаться там снова, потому что в принципе структура не изменилась. Что делать? Наступил тот момент, к которому я, в сущности, готовился всю жизнь, всю жизнь всматриваясь напряженно в это странное, смертоносное, пожирающее само себя общество. Я должен высказать открыто все, что я думаю о нем.*

По указанию Центрального комитета всем парторганизациям надлежало провести закрытые обсуждения хрущевского доклада. В ИТЭФ это должно было проходить под руководством партбюро, в членах которого я состоял уже два года. Хотя директор Алиханов, его заместители и руководители отделов почти все были беспартийными (так он их подбирал), они старались влиять на состав партбюро, как и на состав профбюро, чтобы там сидели люди неплохие или, по крайней мере, безвредные. Это было похоже на организацию круговой обороны. Поэтому я не отказывался быть выбранным в бюро, веря, что смогу помочь науке и таким образом. Учитывая все виражи советской политической жизни, включая даже такой неожиданно благоприятный, как смерть Сталина, ученые всегда имели основания для страха. В случае общего или местного похода против физики и против конкретных физиков позиция партбюро могла сыграть, как я считал, решающую роль.

Наше бюро собиралось дважды, чтобы спланировать мартовское собрание. Чтобы задать тон, мы решили выступать первыми. Клава, секретарь и машинистка бюро, должна была стенографировать. Первым вышел Роберт Авалов, грузин, ортодоксальный ленинец, окончивший физтех вместе со мной.

“Что нужно, чтобы предотвратить новый «культ Сталина»? – спросил он. – Нужно использовать ленинскую идею: вооружить рабочих. Рабочие массы должны обладать организованной вооруженной силой для подавления бюрократии!”

За ним вышел я. Несмотря на большое волнение, я говорил громко и отчетливо. “Террор, проводившийся правительством, – начал я, – отразился не только

на экономике страны, но и на всех сторонах советской жизни. Он изменил нас самих. Мы все, от обыкновенного рабочего до писателя, привыкли держать нос по ветру и приспосабливать наши души к текущей политике. Каждый привык послушно голосовать только «за» – и члены Верховного Совета, и члены Центрального Комитета, и каждый из нас”.

В зале сидели такие же, как я, члены партии, в большинстве не карьеристы, не фанатики. Теперь многие из них, кто с опаской, кто смелее, открывали глаза и начинали думать, как избежать повторения сталинизма (хотя самого этого термина еще не существовало). Казалось, им нравилось, что я говорю.

“При капитализме, при одних и тех же производительных силах, – продолжал я, – могут существовать различные политические надстройки, от фашизма до демократии. Не существует однозначной связи между производительными силами и политической структурой. И точно так же при социализме: у власти могут стоять убийцы вроде Сталина и Берии, как в Советском Союзе, и может быть более демократический режим, как в Югославии”.

“Чтобы больше не повторилось то, что произошло, нам нужна демократия на основе социализма!” Так я закончил. Мои слова о терроре и убийцах никого не шокировали; антимарксистская идея (которой я очень гордился) об отсутствии детерминизма была теоретической тонкостью, которая никого, похоже, не заинтересовала. Шумно хлопали не этому, а идее “демократии на основе социализма”.

Володя Судаков, талантливый теоретик и секретарь партбюро, сам не выступал, спокойно предоставляя слово каждому, кто просил. Он дал его затем Вадиму Нестерову, экспериментатору (чей отец позже спрятал у себя дома для сохранности мою речь). И последним из нас выступил член бюро техник Щедрин.

Люди возбужденно аплодировали речам, просили слова. Был поздний вечер, и мы приняли решение продолжить собрание на следующий день. Я планировал там изложить свои проекты экономических преобразований, в основном, то же, о чем я говорил в 1946 в Моздокской степи. Но провести самостоятельно еще одно собрание нам не позволили. Приехал начальник политического управления Министерства среднего машиностроения Мезенцев, опытный чекист. Говорили, что он в 1944 году руководил депортацией крымских татар из Крыма.

“Никому не дозволено критиковать Центральный комитет!” – стукал кулаком по столу Мезенцев. Аудитория нервничала; я выступил против этого тезиса, люди кричали с мест, никто не поддерживал начальника политуправления.

“Я требую принять резолюцию, осуждающую антипартийные выступления Орлова и других!” – требовал он. Но члены партии предложения не поддержали. Клава аккуратно вела протокол.

Собрания прошли. Институт замер в ожидании – что будет? Дело рассматривалось теперь на высоком уровне, на каком, мы еще не знали. Выступавшим было приказано писать объяснения в ЦК КПСС. Копии речей шли туда же, вклю-

чая выступления Мезенцева. Мезенцев отправил в ЦК и свой отдельный рапорт. Клава все перепечатывала, сверяя со своими стенографическими записями.

“Знаешь, – сказала она мне, – Мезенцев подправил свои выступления и искажил твои в своем рапорте. Катит на тебя бочку, сукин сын. Напиши об этом в ЦК”.

“А тебе не попадет?” – спросил я. Она махнула рукой. Клава прошла всю войну пулеметчицей. Я написал протест. Мезенцев назвал Клаву “предательницей”, но никаких других последствий не возникло. К счастью для нее, политическое управление было ликвидировано, а Мезенцева перевели на должность замминистра по кадрам.

Через неделю откуда-то из-за облаков пришло распоряжение об увольнении из института четверых выступавших членов бюро – “за невозможностью дальнейшего использования”. Нас вызвал Алиханов. Мы стояли перед ним. Он ходил взад и вперед.

“Слушайте. Если вы знали, что делали и на что шли, то вы герои. Если нет, дураки!”

Мы молчали. Дураки? Или герои?

“Я звонил Хрущеву, просил за вас. Он сказал, что в Политбюро он не один. Другие требовали вашего ареста. Сказал, пусть радуются, что отделались увольнением. Прощайте”.

Мы вышли на улицу. “Ну что ж. Будем не работать столько, сколько прикажет нам партия”, – пошутил я. Я ощущал странное чувство освобождения – от морального груза и от безостановочной гонки в работе. Зарывшись в науку, я забыл цвет неба, не замечал смен времен года. Теперь я увидел, что на улице весна.

Пятого апреля 1956 появился большой подвал в “Правде” по проблемам чистоты идеологии. Упоминалось о нас четверых, “певших с голоса меньшевиков и эсеров”. Я не читал ничего из меньшевиков и эсеров, которые существовали лишь до моего появления на этот свет, и чьи сочинения были запрещены еще раньше. Если, как пишет “Правда”, они “пели” так же, как я, то это говорит в их пользу, и мне следовало постараться раздобыть их работы.

Через несколько дней нас четверых привезли в мезенцевское министерство и формально исключили там из партии; у прочих же членов партии в ИТЭФ просто отобрали партбилеты. Чтобы вернуть себе билет, каждый должен был теперь письменно осудить наши антипартийные речи и выразить глубокое сожаление, что не дал им отпора на собрании. Почти все так и поступили.

Евгений Третьяков, ветеран войны, с которым мы учились в одной студенческой группе, отказался – и был исключен. К счастью, его не уволили. На своем бета-спектрометре Третьяков проделал массу первоклассных измерений. Но он категорически отказывался писать диссертацию, считая подобный бизнес лежащим вне науки. Ему могли бы и должны были бы присвоить докторское

звание без защиты, прямо по работам. Но как? Исключенному-то из партии, морально неустойчивому гражданину!

Меня предупредили, что мою диссертацию, уже опубликованную в печати, защитить мне не позволят. Статьи, посланные в советский журнал ЖЭТФ, приостановили. К счастью, европейский *Nuovo Cimento* успел опубликовать первую часть одной моей работы (о гамильтоновой форме описания резонансов нелинейных колебаний), но послать продолжение было теперь невозможно. Мое имя как соавтора проекта ускорителя замазали на титульном листе черной тушью; меня исключили из списков соавторов нескольких докладов, посланных на международную конференцию в ЦЕРН. Только с одним докладом у них вышла осечка. Когда Евгению Куприяновичу Тарасову, моему единственному соавтору этого доклада, предложили исключить мое имя, он предпочел исключить весь доклад. Так, известный специалист по ускорителям, он потерял всякую возможность выезжать за границу.

Когда нас возили в министерство, я интересовался там, по какой причине исключили мое имя из всех научных публикаций?

“Очень просто, – ответили мне. – ВАШЕ ИМЯ ПОЗОРИТ СОВЕТСКУЮ НАУКУ”».

«Встань, мадьяр!»

Резонансом на обрушение идеологии сталинизма стали события в Польше, а затем в Венгрии. Заклинания о верности ленинизму, о восстановлении советской демократии уже не могли никого обмануть.

К этому времени в нашем доме уже давно работает приемник. Большой ламповый, кажется, «Балтика». По вечерам, ближе к ночи, когда прием становится лучше, отец, прижимаясь ухом к динамику, слушает «Голос Америки», иногда мы находим Би-би-си, почти не слышно «Свободную Европу». На полную мощность режут глушилки, они стоят по всей европейской части Союза, у каждого крупного города. Низкий, тяжелый рев, завывания и свист преследуют эти станции, но поскольку широта полосы вещания иногда не совпадает с частотой глушилок, можно, продираясь сквозь шум, понять смысл передач.

В 1955 году, еще в Боровичах, где глушение было слабым, однажды нам удалось найти станцию «Освобождение», потом она стала называться «Свобода». Сквозь шум мы услышали:

«Я – миссис Рузвельт, вдова покойного президента Франклина Делано Рузвельта. Я обращаюсь к вам через радиостанцию “Освобождение” из моей рабочей комнаты в Нью-Йорке. Сейчас, во вторую годовщину восстания в Воркуте, мы, люди Америки, хотим, чтобы вы знали, что мы с чрезвычайным интересом следим за вашей борьбой и вашими усилиями. Хотя вам самим может казаться, что ваши достижения совсем незначительны, так как нам известно, что они не принесли сколько-нибудь заметного улучшения условий вашего существования, тем не менее мы теперь знаем, что тут, у нас в Америке, все больше и больше растет политическая осознанность тех событий, которые происходят в странах, не имеющих свободы. Вы в Советском Союзе боретесь за возвращение утраченной свободы. Вы должны знать: армия людей, понимающих, за что вы боретесь, к чему вы стремитесь, растет сейчас во всем мире. Думаю, что давление, оказываемое этими людьми, их вера, их усилие поднять общественное мнение всего мира против коммунистической политики дадут в конце концов свои результаты. Это принесет свободу людям и внутри Советского Союза».

Понятно, что слыша такое, я понимаю, что мы живем в неправильной стране, что за победными реляциями и славословиями есть другая жизнь, что справедливость и советская власть не одно и то же. К тому же за последние годы в нашем доме побывал не один освободившийся из Сибири политзек. Это те, кого спасала от голода и болезней мать, это те лагерные друзья отца, которые досиживали

свои сроки и освободились. Родители уже перестали отгонять меня от своих разговоров, это невозможно. Мы живем в одной комнате, я слышу жуткие рассказы о судьбах загубленных властью людей.

Родители не верят в искренность раскаявшихся коммунистов, и отец не сразу подает документы на реабилитацию. Но получает ее, правда не полную. При проверке его дела чекисты вызывают тех, кто доносил и давал на него показания.

Не все из них живы, а из тех, кого опросили, нашлась некая Упорова, которая, вполне оправдав свою фамилию, продолжала утверждать, что в предвоенные годы отец высказывал мысли, враждебные советской власти. Одних ее показаний было недостаточно, чтобы отказать совсем, пришлось реабилитировать, но не за отсутствием, а только за «недоказанностью» вины.

Однако и это облегчило жизнь. Постоянно висевшая опасность нового ареста отступила. А вскоре отец подал документы на возвращение утраченного жилья. Квартира, в которой он жил с родителями до войны, была заселена кем-то сразу после прорыва блокады. Дед не стал биться за ее возвращение, поскольку получил жилье в Москве. Но отец-то лишился своей комнаты не из-за войны. После долгих проволочек отцу ответили, что он, как незаконно репрессированный, включен в списки на отдельную очередь. Тогда родители попросили о предоставлении временного жилья. Пока мы ждали, отец, который подрабатывал случайными съемками на «Ленфильме», записал меня в картотеку массовки. Детям платили за это сущие гроши, 15 рублей в день. Мы проедали их за рабочую смену, но зато там было интересно. Почему-то меня чаще всего вызывали на съемки революционных фильмов, наверное, это была главная тема советского кино тех лет. Снимался фильм «Они были первыми» о революции и Гражданской войне, а начинался он с перспективы какой-то из фабричных улиц Петрограда, по которой бегут двое мальчишек-оборванцев. Одним из этих гаврошей был я. Еще помню фильм «9 января», там мне довелось вместе с толпой, держа в руках икону, идти к батюшке-царю на Дворцовую площадь. Перед Зимним дворцом стояло каре солдат, которые палили в нас из винтовок. И хоть мы знали, что патроны холостые, было страшно. Надо было бежать и падать, и еще не попасть под ноги казачьих лошадей, копыта у которых были совсем не бутафорские. Мама, кажется, мечтала о том, что я получу роль и стану знаменитостью, но, слава богу, этого не случилось. Судьбы детей, которые становились «звездами экрана», были печальны. Как правило, хлебнув такой жизни, они оказывались потом никому не нужны. Иногда это кончалось совсем плохо: парнишка, который сыграл главного героя в «Кортике» и «Бронзовой птице», остался в памяти миллионов символом настоящего пионера-ленинца и хорошего парня, но подрос и стал матерым уголовником. После шестой отсидки, убегая от тех, кому он задолжал, он спрятался за свою мать, та получила смертельное ранение; убили и «Мишу Полякова».

Пока мы еще жили на Петрозаводской, после лагеря и ссылки приехала Катька-

Огонек, Екатерина Владимировна, та самая актриса, что отбывала срок в Мариинском лагере и дружила там с моим отцом и матерью.

За грубым голосом и резкими суждениями скрывался добрый, ранимый человек. Каторга отняла детей и у нее. Если с сыном, рожденным до посадки, она еще будет пытаться найти общий язык, то дочь, которую из лагеря отправили в детский дом, она не станет даже искать. В 1958 году она пишет из Ачинска:

«...Малейший намек на ее (дочери. – Ю. Р) безвозвратную испорченность погубит меня. Эпоха уничтожила нас с ней, сломала, как же склеить? Механически соединиться и ахнуть: “Боже правый, что ты наделал!” – и стремительно пойти ко дну? Я много думала. Чудеса бывают только в мелодрамах или водевилях. Как вы можете не понять этого, как! Не вините меня, я почти не виновата в этой трагедии. Я долгие годы гонима и уничтожаема целым государством, у меня и сейчас нет никакой почвы под ногами. Как же я свяжусь теперь с чужим человеком – подростком, в рабстве мною рожденным и отнятым на такой срок, когда исчезает любое чувство. Кто виноват? Чья страшная рука вершила наши жизни? Я и сейчас к земле носом прижата. А по старому счету никто даже и не извинился. Нет дела никому. И еще – не верю, презираю, ненавижу. (власть. – Ю. Р.) Всем сердцем жду страшных потрясений, которые уgomонят этот ад крошечный. Какие уж тут дети!..»

И это не черствость и не эгоизм, она живо откликается на любую несправедливость и причиненную кому-то боль, она готова отдать последнее тем, в кого поверит. Но ее психика искалечена. Человек без кожи, она еще в Сиблаге бесстрашно и верно пророчествует:

ЭНКАВЕДИМКА

Мир ушел куда-то прочь
И растаял синей дымкой.
За плечами день и ночь –
Человек эн-ка-ве-димка.

Нет, не призрак. Он – живой,
Ощутимый и законный.
Только с волчьей головой
И с дыханием зловонным.

Под фуражкой со звездой
Он теперь увековечен,
Человеческой бедой
Сыт, здоров и обеспечен.

Он хрипит: – Я только тень
От того, большого Чуда.
Я тебя и ночь, и день
Отравлять дыханьем буду!

Голод, тиф, туберкулез –
Это дел моих вершины.
Не уйдешь из-под колес
Ладно смазанной машины.

А упрешься – сгоним спесь:
Для особо беспокойных
Есть палата номер шесть –
Станешь тише, чем покойник.

Есть подвалы, где свинец
Делает глухими звуки...
Выбирай любой конец,
Принимай на выбор муки.

А чудес не жди, не жди.
Чудо там, под стягом красным,
Где Любимый и Прекрасный
Льет кровавые дожди!

Стать бы каменной стеной,
Обернуться невидимкой.
Днем и ночью за спиной
Человек эн-ка-ве-димка.

Страшно, страшно, страшно!
Здесь Все гниет, не умирая.
Страшен мир, порочный весь,
Весь – от края и до края!

Эй, потомки! В свете дня
Сунут вам программу века.
В ней не скажут про меня
И про волка-человека.

В блеске фальши поскорей
Загородят перед вами
Тайны тюрем-лагерей
С сумасшедшими домами.

Прорастут зека травой,
Звук о них растает льдинкой.
Но останется живой
Человек эн-ка-ве-димка.

Берегитесь, он – живой!..

Людей, которые приезжали к нам после лагерей, стало много, реабилитация позволила им вернуться в Россию. Они искали родных, искали, где притулиться, искали работу и жилье. Проездом они жили у нас, спали на полу, а по вечерам за столом шли разговоры, к которым я прислушивался. В моем отроческом мозгу выстраивалась страшная картина оборотной стороны советской жизни. Долгое время не хотелось верить в то, что ужасы и безобразия – внутреннее, неизбежное свойство системы. Ведь сама по себе идея социалистического образа жизни была справедливой и гуманной – а как же еще?..

Так, может быть, дело в плохих людях, в отдельных прохвостах, которые все извратили? Я не видел вокруг себя злодеев; да, были разные люди, были даже очень противные люди, но были и хорошие. Может быть, и правда, что западным головам нельзя верить... Но то, что я украдкой узнавал, не оправдывалось ничем. А гости однозначным неприятием советской власти и своей очевидной порядочностью подтверждали это. События – сначала в Польше, а затем в Венгрии – окончательно поставили все на свои места, даже я, мальчишка, понял, что мы живем в неволе.

Рабочие польского города Познань 28 июня 1956 года вышли с протестом на улицы. Они несли лозунги: «Хлеба и свободы», «Русские, убирайтесь прочь!» В течение двух дней ожесточенных схваток с милицией 53 человека были убиты. Восставшие разгромили познаньскую станцию радиоглушения, но дальше дело не продвинулось: власти сумели урезонить бунтовщиков, пообещав политические перемены. Возможность политических уступок, а также вся познаньская история и, разумеется, разоблачение сталинских злодеяний вдохновили венгров на митинг у памятника генералу Бему.

В этот день отец приходит домой возбужденным, он говорит, что в Венгрии происходит что-то важное.

Мы включили приемник и после долгого блуждания по эфиру услышали:

«Тысячи студентов стоят в Будапеште на Сталинской площади и требуют большей свободы, улучшения жизненных условий, отмены полиции госбезопасности и назначения правительства без участия сталинцев.

Через два часа после студенческой демонстрации по радио выступает секретарь ЦК Эрнё Герё, который только утром в тот же день вернулся из Белграда. Его тон заставляет студентов подозревать, что предстоит возврат к сталинским методам управления.

Эта речь воспринимается студентами как призыв к действию. С возгласами «Долой Герё!» студенты вместе с большой толпой людей всех слоев и профессий идут к зданию будапештской радиостанции. Там их встречают войска госбезопасности. Встречают залпами. После этого толпы удержать нельзя. В руках демонстрантов появляется оружие, полученное ими от отдельных частей венгерской армии.

22 часа. Огромный восьмиметровый сталинский памятник опрокидывается. Перед памятником Петёфи молодой студент декламирует слова, которыми певец свободы венгерского народа начал революцию 1848 года:

Встань, мадьяр! Зовет Отчизна!
Выбирай, пока не поздно:
Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?

Богом венгров поклянемся
Навсегда –
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Мы живем на белом свете
Перед дедами в ответе!
Вольным предкам нет покою
Здесь, под рабскою землею.

Богом венгров поклянемся
Навсегда –
Никогда не быть рабами,
Никогда!..

В Будапеште в течение ночи происходят первые бои».

Отец говорит нам: «Ну, слава богу, началось!»

На следующий день, сквозь истошный рев глушилок, мы слышим:

«Беспорядки перекидываются на всю страну. В городе Мадьяровар венгерские войска госбезопасности устраивают страшное побоище. В течение нескольких минут под очередями пулеметов гибнет 90 человек. Во всей стра-

не растет возбуждение. В 12 часов у микрофона выступает Имре Надь и обращается к венгерскому народу со следующим призывом.

“Говорит Имре Надь, Председатель Совета министров Венгерской Народной Республики. Население Будапешта! Сообщаю вам следующее. Все те, кто хочет предотвратить дальнейшее кровопролитие и сложит оружие до 14 часов сегодня, не будут преданы военно-полевым судам. Кроме того, сообщаю вам, что мы приложим все усилия, чтобы осуществить демократизацию нашей страны во всех областях”».

Советские газеты публикуют путанные, злобные комментарии. Я помню страшные фотографии в «Правде» и других газетах с висящим на фонаре человеком, с трупами на дороге и подписью о том, что так расправляются с коммунистами...

Жестокость, смерть конкретная, вот она больно ударила. Испугала. Так вот она какая – революция? Не смерть на баррикадах, не гибель в бою, а расправа, а потом беспомощное тело человека, пусть даже врага, висит в петле? Шок.

Наверное, что-то подобное испытал в детстве отец Михаила Молоствовова. В 1919 году, когда отряд белых вышиб из Казани большевиков, он, ребенок из дворянской семьи, прибежал к зданию своей гимназии и, увидев офицера, кинулся его обнимать. Но в этот момент подвели пленного, и офицер наотмашь ударил связанного человека рукояткой нагана. У гимназиста потемнело в глазах, он потерял сознание...

Но мое открытие – ничто по сравнению с тем шоком, который испытал в Будапеште посол СССР Ю. Андропов. Ему вместе с женой пришлось пробираться по улицам восставшего города под защиту советского гарнизона. Он воочию увидел повешенных агентов охраны и навсегда запомнил, что такое вышедший из-под контроля народ.

Воскресенье. 4 ноября. Половина четвертого утра. В Венгрию вошло 17 советских дивизий (60 000 человек) и 6000 танков. Пообещав неприкосновенность на переговорах, Ю. Андропов заманивает к себе венгерских офицеров, возглавивших оборону Будапешта. При аресте у них изымают карты с обозначением схемы обороны.

Радио «Свобода»: **«Начинается штурм Будапешта советскими частями. Используя танки и реактивные самолеты, советское командование пытается захватить город».**

8 часов утра. Передатчик одной из радиостанций все еще в руках правительства Имре Надя: **«Внимание, внимание! Говорит свободное радио имени Кошута в Будапеште. Министр-президент Надь сегодня утром сообщил: сегодня утром советские войска напали на столицу Венгрии с явным намерением свергнуть законное правительство Венгрии. Наши войска ведут бои, правительство находится на своем посту...»**

8 часов 10 минут утра. Передатчик молчит. Тем временем советские власти образовали новое правительство под руководством Яноша Кадара, просьба которого о вводе советских частей должна дать правовую основу советского вторжения.

В 13.55 революционный передатчик в городе Дудапентеле обращается с призывом к ООН на итальянском, французском, английском и немецком языках: **«Говорит последняя венгерская радиостанция. Сегодня утром, в 3 часа 30 минут советские войска напали на венгерский народ. Мы просим ООН немедленно помочь нам. Возможно, что вскоре наши передачи прекратятся. Тогда вы нас больше не услышите. Мы замолчим потому, что нас убьют. Когда это случится, мы не знаем».**

22 часа. В Нью-Йорке собирается Генеральная ассамблея ООН. Вторжение осуждается подавляющим большинством голосов.

Советскому правительству предлагается вывести свои войска из Венгрии, однако оно не подчиняется этому требованию, накладывает вето на решение и продолжает агрессию. А вторая война между Египтом и Израилем в разгаре. Суэцкий канал национализирован и перекрыт не только для Израиля, под угрозой мировая экономика, уже 1 ноября в боях участвуют английские и французские солдаты.

Для Европы и США Суэцкий кризис был важнее какой-то там Венгрии. Ведь именно тогда впервые мир подошел к порогу новой мировой войны.

Советское правительство, пытаясь отвлечь внимание от событий в Венгрии, заступает за Египет и даже угрожает нападением на Лондон и Париж с применением атомного оружия. Эйзенхауэр приказывает Пентагону подготовиться к войне.

Хрущев, как и впоследствии, блефовал, но шугануть «буржуев» и встать хоть одной ногой на Восток было заманчиво. Это пытался сделать еще Джугашвили, когда активно поддерживал сионистов в деле создания собственного государства. Одним из первых он признал тогда Израиль. С 1948 года через Чехословакию туда уже шло советское оружие. Но оказалось, что те, кто немалым числом выехал из Союза, не собираются играть по планам Кремля... Возможно, этим и объясняется та злоба, которую Джугашвили обрушил на советских евреев в последние годы своего правления. Наследники Хозяина хоть и возобновили отношения с новым государством, решили дружить с арабами. Поэтому и получил тогда Египет, опять через чехов, уже мощную советскую военную технику вместе

с инструкторами. Арабам это не помогло. Но карательная экспедиция советских войск в Венгрию оказалась на периферии общественного внимания.

Судя по данным Министерства обороны РФ, общие потери Советской армии за время венгерского кризиса с 23 октября по середину ноября 1956 года составили 640 человек убитыми и 1 540 человек ранеными.

Среди восставших венгров число убитых составило 2 502 человека, и почти 20 000 человек было ранено. Вынужденную эмиграцию предпочли 200 тысяч. Глава правительства Имре Надь и часть его министров укрылись в югославском посольстве. Танки маршала Конева дали залп по зданию, погиб югославский дипломат, но И. Броз Тито отказался выдать венгров. Тогда Ю. Андропов и ставленник Кремля Я. Кадар под честное слово пообещали беспрепятственный вылет Имре Надю и его товарищей в Югославию. Но до аэропорта те не доехали. Надь и еще два человека были схвачены, приговорены «венгерским» военным трибуналом к смертной казни и повешены в 1958 году.

Подавляющая часть народонаселения Союза равнодушно, а подчас и с одобрением встретила вторжение в Венгрию – газеты, радио, парторги и лекторы на предприятиях быстро внушили обывателю, что пресечена вылазка империалистов, которые под «фальшивыми лозунгами свободы и демократии» хотели оторвать венгерский народ от социализма. Но не получилось, им дали по рукам.

«И поделом!» – кивали слушатели.

Мой отец приносит откуда-то машинописный листок. Когда он читает нам, его голос дрожит.

БАЛЛАДА О СОБСТВЕННОЙ ГИБЕЛИ

Я – обманутый в светлой надежде,
Я – лишенный Судьбы и души.
Только раз я восстал в Будапеште
Против наглости, гнета и лжи.

Только раз я простое значение
Громких фраз – ощутил наяву.
Но потом потерпел поражение
И померк. И с тех пор – не живу.

Грубой силой – под стоны и ропот –
Я убит на глазах у людей.
И усталая совесть Европы
Примирилась со смертью моей.

Только глупость, тоска и железо...
Память – стерта. Нет больше надежд.
Я и сам никуда уж не лезу.
Но не предал я свой Будапешт.

Там однажды над страшною силой
Я поднялся – ей был несродни.
Там и пал я. Хоть жил я в России,
Где поныне влачу свои дни.

Эти строки вырвались у Наума Коржавина. По сути, для настоящей российской интеллигенции, для многих из тех, кто не продал свою душу, венгерская трагедия похоронила последние иллюзии. Стало ясно: эта власть и свобода – вещи несовместные.

Охрана, в ружье!

Так оно и было – кремлевские ортодоксы отшатнулись от мысли о переменах и тут же в закрытом инструктивном письме ЦК дали директивные указания:

«Под воздействием международной реакции жалкие остатки антисоветских элементов в нашей стране, будучи враждебно настроены против социалистического строя, пытаются использовать в своих гнусных целях все еще имеющиеся у нас трудности. При этом они умело используют политическую беспечность и обывательское благодушие некоторых коммунистов и руководителей партийных организаций, вражеские действия прикрывают фальшивыми словами о критике и самокритике, лозунгами борьбы «за демократию».

Там же были указаны примеры распространения «расширительной» критики и отмечено, что этому подвержена молодежь, а также творческая и научная интеллигенция, что антисоветские выступления имели место в Москве, Свердловске, Каунасе, Таллинне:

«За последнее время среди отдельных работников литературы и искусства, сползающих с партийных позиций, политически незрелых и настроенных обывательски, появились попытки подвергнуть сомнению правильность линии партии в развитии советской литературы и искусства, отойти от принципов социалистического реализма на позиции безыдейного искусства, стали выдвигать требования “освободить” литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить “свободу творчества”, понимаемую в буржуазно-анархистском, индивидуалистическом духе».

В качестве примера были названы выступления К. Паустовского и О. Берггольц.

Отдельно указано на влияние амнистированных и реабилитированных, **«злобно настроенных против советской власти».** ЦК КПСС призвало КГБ **«зорко стоять на страже интересов нашего социалистического государства, быть бдительным к проискам враждебных элементов, пресекать преступные действия».**

Чтобы долго люди обо всем этом не думали, ситуацию в Египте и на Синае вытащили на первый план. Если верить прессе, «советский народ, весь как один» негодовал против происков израильской и, конечно, американской военщины. Были даже какие-то разговоры о добровольцах, которые едут помогать бедным египтянам.

Палачи и надсмотрщики не зря били тревогу. События в Польше и Венгрии действительно пробудили многих.

Из воспоминаний.

Александр Гинзбург (трижды сидевший потом в политлагерях, автор альманаха «Синтаксис», «Белой книги», верный помощник А. Солженицына, в эмиграции редактор «Русской мысли»): *«Венгрия – для нас это было совершенно нечто невероятное. И вот это, наверное, было единственное время, когда коротковолновый приемник стоял в аудитории; лекция кончалась, преподаватель выходил, включался приемник.*

И мы все слушали про Венгрию. Все слушали; едва ли «Голос Америки», скорее все-таки «Свободу».

Никита Кривошеин (сын репрессированного, в апреле 1957 г. переправил нелегально в Париж для газеты «Le Monde» статью, где он обвинил Кремль в агрессии и протестовал против подавления венгерского восстания и расправы с восставшими; арестован, осужден):

«Непосредственно Венгрию, октябрь 56-го, я встретил в Риге. И мы слушали и 23 октября, и 7 ноября, 6-го ввод был. И тогда у меня оборвалось. До этого, я очень точно помню, я опережающе почувствовал, что конец этому периоду, по речи Хрущева на приеме в посольстве Китайской народной республики. Был их праздник 2 октября. И по этой речи я понял, что всему этому тютю. Я вернулся к своему состоянию до смерти Сталина – смеси ненависти и страха...»

Юз Алешковский (в 1956-м – московский шофер и начинающий литератор, затем автор серии «лагерных» песен, участник альманаха «Метрополь», вынужденная эмиграция):

«И вот осень 1956-го, из газет уже узнаю, в преподнесении, конечно, «правдистском» или «известинском», – сообщения были трафаретные, – что в Венгрии происходит заварушка и всякие разговоры, информация от тех, кто слушал радио. Болел безудержно за венгров. Потому что советскую власть, эту систему ненавидел бешено совершенно, бешено и страстно. И, конечно, общеизвестно, чем это кончилось. Боль, разочарование, усилившее ненависть к системе. Я помню эти страстные именно эмоции.

Причем то, что происходило у венгров, связано было с какими-то надеждами на то, что что-то будет реформироваться в России, потому что оттепель, между прочим, была».

Иван Кулябко, врач:

«Я был студентом 1-го Ленинградского медицинского института. Комсомолец, естественно, на целину в 1956 году ездил. Все бы и ничего, да впал в избыточные мышления. Венгерские события, XX съезд КПСС, разоблачение культа личности с откровенно (даже для меня, политического неуча) малограмотной брехней Хрущева Никиты Сергеевича, антипартийная группировка “и примкнувшего к ним Шепилова”. Выборы – 99,8 процента за одного из одного. В общем, доразмышлялся. Пошли откровенные разговоры, листовки имели место быть» (осужден на 6 лет мордовских лагерей).

Во времена оттепели, в конце 1956-го и потом в 1957, 1958 и в 1959-м под суд пошли сотни людей. Их судили за сочувствие подавленному восстанию, иногда просто за пьяные угрозы «устроить как в Будапеште». Причем круг советских «антисоветчиков» изменился: раньше это были «старорежимные» люди с досоветским жизненным опытом и их дети, солдаты, побывавшие в Европе, «буржуазные националисты» с территорий, недавно ставших советскими; теперь к ним прибавилась молодежь – 20-30-летние.

Студенты и рабочие, школьники и крестьяне – откуда что взялось, после всего, что пришлось испытать, после тотальной селекции и выпалывания, полезли снова упрямые и буйные исправлять «искаженные принципы»... Людей, однозначно не приемлющих советскую власть, тех, кто осознает ее злом, не подлежащим исправлению, людей, готовых к противостоянию, мало. «Дети XX съезда» еще верят в способность системы повернуться к человеку.

Они требуют, советуют, предлагают!

Их энергии находится применение: страна по-прежнему живет в условиях хронической, усиливающейся нехватки продуктов питания. Хрущеву указывают на огромные нетронутые территории Казахстана, принимается решение освоить эту целину. Новым идеям дают массированную пропагандистскую поддержку.

Ругая «космополита» Эренбурга, журнал «Юность» обращается к молодежи со статьей под суровым названием «Несчастливых – к ответу!»:

«У нас в стране сейчас такая праздничная обстановка. Как же можно позволить себе жить серо, скучно или быть несчастливым? Общество потребует от каждого, чтобы он жил с наслаждением, с азартом, чтобы страсти кипели и мышцы играли».

Страстям кипеть особенно негде, колея сужена до предела, но вот есть, оказывается, целина, место для удали, риска и подвига.

Партийный призыв получил отклик: воодушевленная молодежь бросала города, учебу – все на целину! И я, и мои старшие сверстники завидовали тем, кто едет обживать новые земли. Кустанай, Сибирь, Братская ГЭС – там настоящие люди, но не одиночки-фермеры или охотники Фенимора Купера, нет. Это объединившиеся люди, и, быть может, там и строится сегодня коммунизм? А если и нет, то все же это здорово, быть первопроходцем, повторяя эпическое: «Через четыре года здесь будет город-сад!»

В те же годы из Казахстана по указу о праве на возвращение домой едут в теплушках и на крышах вагонов те чеченцы, крымские татары, ингуши и кабардино-балкарцы, которые были высланы туда после войны. Среди них родившийся в Казахстане подросток по имени Джохар Дудаев, первым из поредевшей семьи он срывается на Родину. Там, на окраине Грозного он начинает строить саманный дом для своей семьи. Сначала беспризорник, а потом грозненская шпана с обостренным чувством достоинства и клеймом «врага» в душе. Он рассказывал жене, как в 60-е годы такой же мальчишка, как он, спа-

саясь от милиции, забрался на крышу пятиэтажки, бегал там и кричал: «Я враг народа! Я враг народа!...»

Саманный дом Джохар построил. И школу закончил. Несмотря ни на что, он безоговорочно поверил Советской власти и стал служить ей верой и правдой.

За три года только на целину переселилось 56 тысяч крестьянских семей, создано 425 крупных зерновых совхозов, вспахано не 13 планировавшихся, а 33 миллиона гектаров целины. «Догоним и перегоним Америку!» – звучат победные призывы. Но не все идут на поводу у пропаганды. Студенты, молодые ученые из подпольной «Лиги коммунаров» и группы «Колокол», провожая студенческие отряды, оставляют в поездах, идущих в Казахстан, листовки, где пишут о том, что за лозунгами советской Конституции прячется всеислие прогнившего партаппарата, идеалы коммунизма извращены, и молодежь на новых землях должна построить новую жизнь...

За такую дерзость 9 человек (Ронкин, Хахаев, Гаенко, Иофе, Клеманова и другие), успевших к тому времени издать два номера подпольного журнала «Колокол», получают большие сроки.

Ради укрупнения хозяйственного эксперимента правительство передает Казахстану часть Оренбургской, Новосибирской и Омской областей (в результате теперь они, подобно Крыму, принадлежат другому государству). Результат – полуторакратное увеличение сельхозпродукции. Нет, гора не родила мышь, первый урожай был велик, но кампанейщина дала огромные потери, а тонкий слой взрыхленной плодородной земли уже через несколько лет сдуло пыльными бурями. И кукуруза, которая отлично росла в Аризоне и Ставрополье, почему-то не хотела расти на Псковщине.

Радикальным изменением оказался не стабильный прирост сельхозпродукции, а опережающий прирост госфинансирования сельского хозяйства. С тех пор этот сектор стал той черной дырой, в которой без отдачи пропадало все больше средств.

Разбуженные XX съездом непрошеные помощники и новаторы не нужны тоталитарной системе. Ее забота – сохранение себя. Звериным чутьем безграмотная, но спаянная номенклатурная элита понимает – перемены опасны! Мой будущий тесть и старший товарищ Михаил Молоствов заканчивает философский факультет Ленинградского университета в 1958 году. Это о его предке Владимире Порфирьевиче Молостове пишет, шутя, Пушкин:

Не большой он русский барин,
Дураком он не был век,
Он татарин, он татарин,
А не русский человек.

На самом деле – русее не бывает. Этот старинный боярский род Рюриковичей был сослан под Казань еще до резни, которую Иван Грозный устроил в Новго-

роде чуть позже. Тогда это спасло их так же, как высылка из Ленинграда сразу после убийства С. Кирова, спасла от репрессий 30-х годов.

На учебу в университет он приехал из Омска, где актером в ТЮЗе работал его отец.

На пятом курсе он женится на однокурснице Маргарите Муждаба. Это с ней они ездили на 36-м трамвае мимо Лигово, когда я мальчишкой бродил там по местам боев.

Она – дочь одного из немногих крымских татар, которые не попали под депортацию в Казахстан.

Беспризорным, голодным мальчишкой ее отец Мустафа был подобран и воспитан севастопольскими моряками, попал в военное пограничное училище, вступил в ВКП(б) и отвоевал политруком сначала Финскую, а потом и Отечественную кампании... На фронте геройствовал, и о том, откуда и какого он роду-племени, забыли... По матери Маргарита – Белоликова, из семьи потомственных священников, состоявших в родстве с Иоанном Кронштадтским и Философом Орнатским. Ее дед, епископ Верненский и Семиреченский, во время Гражданской войны открыто, на страницах распространявшейся по Семиречью газеты «Свободное слово» давал происходящему политические и христианские оценки.

Из воспоминаний красного командира Н. Затыльниковца:

«Помню такой случай. Тов. Виноградов предложил мне зайти в Архиерейскую церковь, так как ему сказали, что архиерей будет говорить для верующих очень выдающуюся проповедь. Зашли мы с ним в церковь, видно, немного опоздали, так как проповедь подходила к концу, и архиерей, обращаясь к верующим, сказал: “Православные христиане! Вам известно, что большевики замучили Божия помазанника царя Николая Второго. Ведь они против воли народа и Бога идут со своим кровавым красным знаменем и творят невиданное в мире кровопролитие, они – захватчики власти”»...

Д. Фурманов пишет о нем в романе «Мятеж»: *«Из домашней церкви пьяной ватагой был выхвачен архиерей и за городом расстрелян без суда, без предъявления должных обвинений».*

Это произошло в сентябре 1918 года, верующие нашли его тело в роще Баума и тайком похоронили под старой могильной плитой у Вознесенского кафедрального собора. А вскоре (мир же тесен) в числе участников Семиреченского подполья был казнен полковник Лев Молоствов.

Пимен, епископ Верненский
и Семиреченский

Настоятель Петроградского Казанского собора Ф. Орнатский был расстрелян вместе с сыновьями на берегу Финского залива по приказу палача-чекиста, организатора красного террора Моисея Урицкого. Братья ныне причисленного к лику священномучеников отца Пимена, священники Иоанн и Алексей Белоликовы, расстреляны на Левашовском полигоне НКВД в 1937 году. Все это не мешало молодым советским философам, Михаилу и Маргарите, далеко не все еще знавшим, свято верить в Гегеля и Маркса и мечтать о светлом «коммунистическом завтра», в котором разумные и свободные люди найдут справедливые формы своего сосуществования. Надо только отказаться от искажений и ошибок в его строительстве – сегодня.

Михаил Молоствов, 1957 г.

Невесте на свадьбу жених преподнес свою статью «Status quo», отпечатанную на машинке в четырех экземплярах. Вот ее основные положения:

«Мы не можем жить согласно поговорке: “Кто старое помянет, тому глаз вон”. То, что нам сегодня надлежит распутывать, запутано было вчера. Поэтому для начала поднимем несколько “давно решенных вопросов”.

Со времени XX съезда, когда политическое лицо Сталина лишилось религиозного ореола, говоря “культ личности”, имеют в виду не только преклонение толпы перед героем, то есть культ личности в собственном смысле этого слова, но и главным образом те методы руководства, к которым в течение двадцати с лишним лет прибегал Сталин.

...Югославские коммунисты, не боящиеся из своего “прекрасного далека” называть черта чертом, давно уже говорят о сталинизме, подчеркивая политическое значение того, о чем говорят, противопоставляя сталинизм – ленинизму.

Дело не в культе личности, культ личности можно заменить культом двуличности или, если угодно, культом безликой коллективной мудрости, – это все формы, скрывающие суть: неучастие народа в управлении государством. В стране, где нет других классов, кроме рабочих и крестьян, где отсутствует частная собственность, отсутствие демократии (народовластия) парадоксально. Парадоксально, но факт.

Ленинизм на словах, троцкизм на деле плюс экзотическая восточная жестокость и самохвальство деспота – вот что такое сталинизм.

Чего мы хотим?

Вопрос заключается не в том, кому ставить памятники, В. И. Ленину или И. В. Сталину, а в том, каким путем идти дальше: ленинским или сталинским.

Восстановление власти Советов! Воссоздание ленинской партии!

Рабочий контроль над производством безразлично в какой форме: или через рабочие советы, как в Югославии и Польше, или через передачу государственных функций профсоюзам, как в Китае. Демократия вместо бюрократии! Распределение только по труду! Оклады государственных служащих не выше среднего заработка квалифицированного рабочего!

Пока еще ленинские идеи не овладели массами, но мы приложим все усилия и, если потребуется, отдадим жизнь ради их распространения, какое бы время не отделяло посев от жатвы. Сегодня мы требуем:

1) Явности политической жизни (“Массы должны знать все”, – писал В. И. Ленин);

2) Всенародного покаяния сообщников Сталина и всенародной реабилитации жертв сталинского террора;

3) Гарантий от рецидивов бериевщины.

Пусть не кивают нам на силу бюрократии. Ведь и печально знаменитый Герё за несколько дней до венгерских событий хвастал перед Тито своей армией, своей госбезопасностью. Но народ сказал свое слово, армия перешла на его сторону, а госбезопасность повисла в воздухе!»

По четыре человека в день...

За такой подарок жених заплатил дорого. Но не сразу.

Начиная с XX съезда и до венгерских событий власть не особо свирепствовала. Да, за излишний энтузиазм многие поплатились неоконченным образованием, для кого-то и это было катастрофой. Юрий Орлов и те, кто вместе с ним слишком живо отреагировали на разоблачение «культа», были отлучены от любимой работы. Но еще не сажали, почти. Поэтому и Молоствов, и его жена не были изгнаны и диплом получили, хоть и не скрывали своего неомарксистского радикализма. Правда, распределили Михаила Михайловича и его жену подальше и поглуше. Оба они к этому времени уже были на особом счету.

То Молоствов на комсомольском собрании что-нибудь крамольное скажет или сдаст кровь и на вырученные деньги вместе с сокурсниками венков на могилу Плеханова отнесет... То его жена, придя на лекцию, во время польских волнений процитирует Блока:

Не так же ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?..

То устроят они потасовку с теми, кто пришел хаять выставку Пикассо в Эрмитаже, а потом пойдут на сход молодежи у памятника А. Пушкину.

Комиссию, которая решала, кого куда распределить, возглавлял декан философского факультета, профессор Тугаринов. Когда он объявил, что для их семьи есть только одно направление – преподавать марксизм и диалектику в культпросвет-школе провинциального города Шацка, вся комиссия ожидала протеста, ведь Молоствов окончил университет с красным дипломом, и все понимали, что этой одаренной паре надо идти в аспирантуру. Но молодые марксисты не стали «качать права», они пожали плечами и сказали: «Ну что ж, пусть будет Шацк...»

Однако и там их принять испугались, отговорившись отсутствием семейного жилья. Тогда, наверное, благодаря хлопотам уважаемого в Омске отца, Михаил был приглашен в СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР. Удалось перевестись по письму зав. кафедры философии Филина, в прошлом репрессированного. Конечно, и там пытливый ум, острый язык и принципиальность довели бы Михаила Михайловича, а то и обоих до тюрьмы. И все же их судьба могла повернуться и по-другому, но после венгерских событий испуган-

ная власть уже не церемонится с крамольниками. Чекисты припоминают все, что сказано и тем более написано за последние годы. После встречи Хрущева с Мао Цзэдуном появляется идеологический ярлык – «ревизионизм». Молоствов и Муждаба (Рита оставила свою фамилию) чувствуют приближение облавы, но приходит время отпуска, и они едут в Ленинград. Там будет возможность встретить сокурсников и многое обсудить. А к этому времени уже нашелся стукач, который доложил «куда надо», что «написал, клеветает, обсуждали, читать дает». Прочитав «Status quo», стражи порядка не оставляют без внимания последнюю фразу о госбезопасности, которая, как в Венгрии, может повиснуть в воздухе.

24 июня 1958 года, на набережной у Калинкина моста, Молоствов арестован в тот момент, когда он раздумывает, не кинуть ли, на всякий случай, в канал свою записную книжку с адресами друзей.

Уголовный кодекс СССР, ст. 58-1:

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР».

Ст. 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2-58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев...»

Не ниже. А выше? А выше – по усмотрению... Адвокат подсудимых Эмма Кугель билась за своих подопечных и грозила отказаться от партбилета, если их осудят. Не помогло, хотя первый приговор был относительно мягким, «всего» 5 лет. Но затем, по протесту прокуратуры на чрезмерную гуманность, Молоствов получил все 10. Его друзья-сокурсники Гаранин, Козлов, Солохин за то, что читали и давали другим, спорили и не донесли, – 10, 9, 8 лет неволи. Еще одной жертвой был Ваня Колесов, студент, который за пару дней до арестов пришел и сказал ребятам, что завербован гэбистами, что по заявлению другого студента уже заведено дело. Потом он отказался свидетельствовать на суде против товарищей, был отовсюду изгнан и прожил недолго. Хотели и Маргариту сажать, да прокурор Ронжин «пожалел», оставил рожать на воле.

Суть обвинения – злобредное распространение ревизионизма. А ведь марксисты-ленинцы, которыми именовали себя и партийные боссы, и овчарки режима,

Маргарита Муждаба, 1957 г.

не сажать должны были этих юношей, а срочно выдернуть в Москву и найти им место в первых рядах строителей коммунизма. Ведь не к троцкизму, не к царизму и не к капитализму звали они – нет, Ульянов (Ленин) еще был их кумиром, и хотели они всего лишь настоящей (народной, справедливой, открытой) Советской власти.

Но ведь это – зависимость государственных чиновников от выбора народа.

– А если не их выберет, ошибется? Ведь может? Может! Значит, не дорос до демократии. Значит, все, кто его толкает к самостоятельности, его и мои враги.

Чуть позже сроки ленинградским смутьянам были слегка снижены – вступил в действие новый

Уголовный кодекс, сокративший все сроки заключения.

Из воспоминаний М. Молостова:

«...Мордовия, 17-е лаготделение, год, если не ошибаюсь, 1962-й.

С четырех сторон наше пространство замкнуто: “Тят сувсь! Запретнай зонась!” (это по-мордовски), здесь собраны не “святые” (так звали посаженных за религию) и не “военные преступники”, которые бывали и не военными, и не преступниками, а исключительно “язычники”, они же “болтуны”, они же “студенты”.

Правда, среди них попадались граждане не первой молодости: тот же Пэр, полярник времен “Челюскина”, или Пис (Косцинский), участник боев за Вену. Но помните, как профессор Преображенский аттестует себя Борменталю? «Я – московский студент». Этим все сказано.

Чтобы проверить всхожесть семян, мудрые колхозные селекционеры брали по несколько зерен из разных мешков и высевали их загодя в ящике с землей. Зеленые ростки позволяли планировать будущий урожай. Наше студенческое общежитие за дощатым забором и рядами колючей проволоки было подобием такого экспериментального ящика.

Если бы у КГБ наряду с хватательными рефлексамы имелся прогнозирующий мозговой центр, это ведомство могло бы с нашей помощью предвидеть, куда катится общественное сознание. На нет и суда нет. Нам самим дано было осмысливать результаты эксперимента, проводимого над нами. Покидая по окончании срока предел замкнутого пространства, мы обнаруживали, что обогнали время.

Ни в коем случае я не хочу сказать, будто неволя сама по себе полезна для головы и сердца. Такая точка зрения возможна, но она не моя.

Мне кажется, что для юных душ благотворно СТУДЕНЧЕСТВО. И изолировавшие нас от суеты и мелочей жизни гэбэшники не подозревали, что продлевают нам эту чудесную пору...»

Из лагерных ворот «студент» Молоствов вышел через 7 лет, остальные через 6, 5 и 4 года...

Сегодня в общественной памяти 50-60-е годы – свежий ветер перемен, а ведь на самом деле именно в эти годы в лагеря и тюрьмы по политическим обвинениям ушло людей больше, чем потом, в годы Брежнева и Андропова. С 1956-го по 1965-й годы, в период оттепели, арестовано и осуждено за «антисоветчину» 5747 человек. Пик тех репрессий – 1957-1958 годы, за это время в неволю ушли 3380 вольнодумцев (по 4 судебных приговора в день).

Те, кто хотел забыть гнусное прошлое, продолжали властвовать, но людское море упрямо билось в старые плотины. На каком-то из съездов писательница Вера Панова изрекла: «Хватит с нас этой возни с репрессированными». Ответом прозвучали строки:

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Ну, правильно! Хватит с вас этой возни,
Да хватит и нас, терпеливых,
И ваших плакатов крикливой мазни,
И книжек типических, лживых.

Не выручил случай, и Бог нас не спас
От мук незаслуженной кары.
А вы безмятежно делили без нас
Квартиры, листаж, гонорары.

Мы слышали ваш благодушный смешок,
Амнистии мы не просили.
Мы наших товарищей клали в мешок
И молча под сопки носили.

Задача для вас оказалась легка:
Дождавшись условного знака,
Добить Мандельштама, предать Пильняка
И слопать живым Пастернака.

Но вам, подписавшим кровавый контракт,
В веках не дано отразиться.
А мы уцелели. Мы – живы. Мы – факт.
И с нами придется возиться!

Отрочество

Наша семья перебирается из съемного жилья во «временный фонд» до подхода очереди на получение квартиры по спискам реабилитированных. Нам выделяют комнату в доме на первом этаже 4-й линии Васильевского острова, второй двор, окна в стену, сырость... Но мы уже не отдаем по 300 рублей в месяц (а это треть семейного бюджета) за аренду комнаты, из которой нас могли выставить в любой момент.

Я плохо учусь и расту без определенных интересов. Тройки, а то и двойки по «точным» наукам для пятого класса. К тому же семья на грани распада. Отец встречает женщину из времен своей юности, неожиданно вспыхнувший роман едва не приводит к его уходу. Странное дело, я вижу, как страдает мать, но не могу осуждать отца. Мне приходится быть свидетелем тяжелых сцен. Это окончательно выбивает меня из колеи, я связываюсь с местной шпаной, прогуливаю школу, шляюсь по городу в поисках приключений. Как-то приятели, с которыми я ходил на съемки в «Ленфильм», говорят, что из Юсуповского дворца под Мойкой есть подземный ход. Куда, неизвестно.

В саду за дворцом мы находим решетку вентиляционной шахты, выламываем ее, забираемся внутрь, пролезая через погнутые лопасти большого вентилятора. Бродим по дворцовым подвалам и находим проем, заложженный кирпичом. Разобрать стенку оказалось не трудно, несколько ударов, и мы попадаем в узкий, наклонный коридор. Холод и сырость, метров через десять под ногами вода, гаснущий фонарь дает разглядеть, как заплесневелый, наклонный свод уходит под воду. Другой раз мы решаем проникнуть в храм Воскресения Христова, или Спас на Крови. Много лет он стоит в почерневших лесах, а в народе храм считают чудотворным. Все стены снаружи исписаны просьбами: «Боженька, помоги сдать экзамен по химии» и так далее. Но особо почитаемо рельефное, керамическое распятие, окруженное мозаичными образами мученицы Евдокии и преподобного Зосимы, на стене, обращенной к каналу. Но дабы «не потакать мракобесию», власть огородила подходы к распятию высокими двойными решетками. Поэтому люди, которые хотели поклониться кресту, приходили ночью на другую сторону канала, откуда его было хорошо видно.

А нам очень хотелось проникнуть внутрь. Мы знали, что там хранятся театральные декорации, но слышали мы и об удивительном внутреннем убранстве храма, о том, что там сохранен кусочек булыжной мостовой, где пролилась кровь Александра Освободителя, его убийцы, народовольца Гриневицкого, и мальчика-посыльного, смертельно раненного осколками бомбы. Не могу сказать, что

участь царя сильно печалила меня тогда, скорее, нас влекло туда любопытство, мальчишеское влечение к страшному.

Заметив, что строители возвели леса у одного из крылец, мы решили ими воспользоваться и ночью поднялись на крышу, под барабан основного купола. Была мысль, что удастся спуститься через какое-нибудь из окон вниз. Веревку мы нашли, но ее явно не хватало. Сейчас я знаю, что от маковки храм имеет высоту в 86 метров, значит, нам надо было спускаться метров на 30. Слава Богу, мы не рискнули. Но веревка нам пригодилась. Пока мы бродили по крыше, снизу нас заметила какая-то набожная старушка. Послышался крик: «Хулиганы!» Через несколько минут подъехала милицейская машина. Мы притаились. Обойдя здание, сотрудники поняли, что у нас есть только один путь спуститься – там же, где мы поднимались. Поэтому они спокойно уселись поджидать нас у строительных лесов. Естественно, мы стали искать другой вариант. Он нашелся. Богомолки к тому времени удалились, и мы, обнаружив удобное место, опустили конец веревки там, где угол здания прикрывал наше отступление... Повиснув над землей на высоте метров двенадцать, пришлось раскачиваться, чтобы ухватиться за медную водосточную трубу, а потом уже тихо спускаться по ней. Ушли мы через Михайловский сад, оставив милицию покуривать с другой стороны.

В голове у меня был полный ералаш: мы забавляемся тем, что подкладываем под колеса трамваев петарды, я покуриваю, любимого дела нет. Единственное, что я знал, это то, что не хочу учиться.

Но однажды мать позвала меня и предложила посидеть рядом. Она открыла коробку с масляными красками, и я увидел, как она располагает их на импровизированной палитре, как из-под ее руки на куске фанеры появляется пейзаж. Поле, две березы, дорога, лес.

Я попробовал взяться за кисти и вдруг обнаружил, что мне интересно, что мне хочется рисовать еще и еще. Мне покупают этюдник, и я лазаю с ним по крышам, делаю зарисовки и наброски в городе, пытаюсь освоить технику живописи. Осенью иду в изостудию при соседнем доме культуры, рисую там гипсы и натюрморты. А поскольку рядом находится Академия художеств и специализированная школа при ней, то однажды мы с отцом отправляемся туда, чтобы показать мои опыты. Там в это время шел прием, и моя дорога могла пройти через это прокрустово ложе. Но я оказался свидетелем того, как с родителями, которые принесли в Среднюю художественную школу (СХШ) опусы своих чад, встречался некий профессор по фамилии Козел. Скептически просмотрев наши детские рисунки, он пустился в разговоры с папами и мамами будущих академиков. И я услышал: «Понимаете, ведь они же все со своими привычками, какими-то навыками. Обучить их будет непросто – каждого нужно сначала обломать».

Речь шла о 12-летних детях. Послушав это, я отвел отца в сторону и сказал, что учиться тут не буду. Отец не стал спорить и уговаривать, его и самого пора-

зили откровения академиста. Пожалуй, это был один из первых перекрестков на моем пути, когда от выбора принципиально зависела вся будущая жизнь. Я попал в другую художественную школу, при училище имени Серова, тогда оно располагалось на Таврической улице. Четыре года по вечерам я штудировал гипсы и натюрморты под ненавязчивым приглядом добрейшего Василия Сергеевича Гусева.

Помимо школы я подрабатывал на почте разноской газет. Поскольку еще в 4-м классе у меня обнаружилось искривление позвоночника (вырос длинным, а сидел за маленькой партой), врачи строго предписали мне заняться гимнастикой и спортом, желательно тем, что укрепит продольные мышцы спины. Я выбрал греблю на академических байдарках. Надо сказать, что это спасло меня от инвалидности. Поехавшая вбок грудная часть позвоночного столба уже не возвращается назад. Процесс можно лишь остановить, редко – компенсировать. Это удалось: односторонняя кривизна, грозившая стать горбом, в результате специальных упражнений, ровной, твердой постели и гребли сменилась двухсторонней. Сегодня под прямой осанкой скрыт позвоночник S-образной формы, что удивляет врачей-рентгенологов, если я к ним попадаю. Избежать болячек, всегда связанных с неладами позвоночника, было маловероятно, меня даже не призвали поэтому в армию. Но элементарные упражнения по системе хатха-йоги, которые я делал всегда и везде, пока помогают...

А занятия греблей привели меня однажды на Среднюю Невку в клуб «Водник». Во все глаза смотрел я на белоснежные сигары качавшихся у пирса больших и маленьких яхт. Зов предков, детские мечты о море, Станюкович и Грин – наверное, все это явно читалось на моем лице. С борта большой яхты кто-то крикнул: «Что, хочешь с нами?» Конечно, я хотел, да так, что напрочь выбросил из головы то, что дома нет телефона и к вечеру меня хватятся.

Мы ушли в синеющие сумерки Финского залива, впервые я услышал, как в снастях гудит ветер, качка на меня не действовала, а плеск бившихся о корпус волн только радовал. Впереди была жизнь, которая, конечно, будет полной и замечательной. Я понятия не имею, как это будет? Я стану замечательным художником или кем-то еще? Неважно. Главное, все будет хорошо. «Звездный билет» Аксенова еще не написан, но через несколько лет я прочту его и узнаю себя в Димке Денисове и его друзьях.

Прислонившись к мачте, я пел тогда, тихонько и впервые:

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!..

Недавно я нашел записки деда Николая, где он вспоминает о том, как впервые вышел на рыбацком баркасе в Балтийское море. Это было в Либаве в 1900 году. Оказывается, и он пел ту же песню, тогда же решил он идти во флот.

Но у меня уже другие интересы. Да и был-то весь наш поход только до Петергофа, где мы причалили на ночь. Утром, искупавшись, пошли назад. Я не знал, как возвращаться домой? Было ужасно стыдно, но сделать я ничего уже не мог и готовился к худшему. К счастью, мама, к вечеру не дождавшись меня, поехала в гребной клуб, увидела яхты и догадалась.

А дежурный нашел в клубном вахтенном журнале запись, что яхта «Скиталец» ушла в 18 часов, среди членов команды значилась и моя фамилия.

На обратном пути нас ждало невероятное зрелище: из Большой Невы выходил крейсер «Киров». Девять огромных башенных пушек, борт крейсера возвышался над нами так, что надо было задирать голову. Впечатление было грандиозным, огромный серый великан в лучах утреннего солнца величаво прошел мимо нашей скорлупки. За его долгую жизнь он не раз побывал в боях, участвовал в обороне блокадного города, а потом стал учебным кораблем. Когда он приходил на парад в день Военно-морского флота и вставал напротив Адмиралтейства, даже Большая Нева становилась маленькой. Наверное, в тот раз он и возвращался с парада. Сейчас его башни и пушки еще стоят на Морской набережной Васильевского острова. Но этой набережной скоро не будет: большой бизнес начал наступление не только на город, уничтожая его уникальный облик, атака идет и на Финский залив. Гектары намывных земель ждут застройки, а крейсерские пушки скоро окажутся в окружении бизнес-центров. Думаю, что со временем намывные земли протянутся до Кронштадта...

Май 1960-го, в «Литературной газете»: **«Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда Пастернака Бориса Леонидовича...» Отец ругается: «Соборнознание они выражают, сволочи! Сначала замордовали, а теперь...»**

Пастернак всегда был чужим в Союзе советских писателей, а после опубликования за рубежом «Доктора Живаго» началась его травля. В ней приняли участие все «корифеи» советской литературы – К. Федин, К. Симонов, С. С. Смирнов, А. Сурков, В. Катаев и многие другие.

В октябре 1958 года под грифом «строго секретно» вышло постановление Президиума ЦК КПСС, в котором говорилось: **«Признать, что присуждение**

1961 год

Нобелевской премии роману Пастернака, в котором клеветнически изображается Октябрьская социалистическая революция, советский народ, совершивший эту революцию, и строительство социализма в СССР, является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны.

После этого из Литературного института имени Горького несколько десятков рьяных комсомольцев направились к Дому литераторов с плакатами «Иуда – вон из СССР!!!» и карикатурой: Борис Пастернак скрюченными пальцами тянется к мешку с долларами.

«Литературная газета» назвала его «литературным Иудой, который предал свой народ за тридцать нобелевских сребренников».

Комсомольский «вожак» Семичастный, будущий глава КГБ (в 1964 году он предаст Хрущева), выступая, назвал Пастернака «свиньей, нагадившей в собственное корыто» и потребовал его высылки за границу. На своем собрании члены Союза писателей просили правительство о лишении Пастернака гражданства. Звучали слова: «Пастернак по существу – это литературный Власов», «Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с Вами одним воздухом». При этом большинство не читало роман, а просто выполняло партийные указания. Пастернак был исключен из Союза писателей как «литературный сорняк».

Затравленный поэт не хотел высылки за границу, он отказался от Нобелевской премии, а затем обратился с письмом к Хрущеву, прося не высылать его. Он был вызван на допрос лично Генеральным прокурором СССР. Пастернака принудили к покаянному письму в «Правду», в котором он объяснял, что отказался от премии по собственной инициативе и обвинял Запад в использовании его произведения в политических целях.

В нашем доме уже есть нелегальный экземпляр «Доктора Живаго», он отпечатан на фотобумаге, это две толстейших стопки. Я читаю и не понимаю, за что же его клеймят? После прочтения он хранится в подполе бабушкиного дома в молочном бидоне с залитой парафином крышкой. Отец говорит, что советской власти роман вреден уж тем, что правдив, что заставляет увидеть в людях что-то большее, чем классовая борьба. Революция предстает не очистительной бурей и созиданием, а разбушевавшейся стихией.

Но отец считает, что роман не так уж и силен. Нобелевская премия, от которой вынудили отказаться, – скорее жест уважения мужеству автора, взявшегося за громадную, неподъемную и опасную тему. А мирового признания, скорее, заслуживает Пастернак-поэт. Я слушаю, как отец читает мне «Лейтенанта Шмидта», «Спекторского», и сам читаю его довоенные сборники.

Кто-то приносит стихи, написанные им вскоре после начала травли:

Я пропал, как зверь в загоне.

Где-то люди, воля, свет,

А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра!

Проходит полгода, и начинается суд над Ольгой Ивинской. Ее обвиняют «...в том, что, будучи близким человеком исключенного из Союза писателей Бориса Леонидовича Пастернака, автора не допущенного к опубликованию в СССР “Доктора Живаго”, содействовала нелегальной передаче рукописи этого романа миланскому издателю». Ивинская и ее дочь осуждены за «контрабанду» (?!), но потом приговор отменяется.

Наконец, мы прощаемся с трущобой на Васильевском. В качестве компенсации за сибирские лагеря, за потерю старой квартиры, за изломанную жизнь отец получает жилье в хрущевских новостройках: крохотная кухонька, совмещенный санузел с сидячей ванной и комната площадью 18 метров, одна на троих.

И все же мы рады. Возвращение состоялось.

Мои сестры уже повыходили замуж и растят детей. Мы продаем дом в Боровичах и покупаем для бабушки Нади домик под Гатчиной. Лето я провожу там, купаюсь, ловлю рыбу, рисую. Мне нравится поздним вечером, положив в вещмешок полкраюхи хлеба, пару яиц, лук и соль, вооружившись трофейным немецким штыком, уходить через освещенные лунным светом торфяные болота в далекий лес. Там я разжигаю огонь, сижу один у костра, что-то сочиняю, думаю, потом засыпаю. А в 4 утра меня будит птичий посвист. Я забираюсь на высоченную ель и долго сижу там, всматриваясь в розовеющее небо, в слепящий диск восходящего солнца и его отражение в озере.

Я расту, а параллельно растет и обогащается сознание моих сверстников и рядовых советских людей. В театре я вижу «Синюю птицу» Метерлинка, «Оп-

тимистическая трагедия» идет в постановке, которая напоминает о сценических приемах 20-х годов. Издаются Ремарк и Хемингуэй. «Разрушение разума» Д. Лукача, пусть на немецком, но лежит на книжном прилавке. Студенты могут его прочесть и читают. Еще недавний «враг» И. Броз Тито приезжает в Питер и гуляет по городу вместе с Булганиным. Студенты знают о том, что в Югославии другой социализм, и стайками бегают по городу, пытаясь хоть взглянуть на легендарного президента...

В газетном киоске на углу Невского и улицы Бродского можно купить польскую «Трибуна люду», болгарскую «Борбу», иногда появляется «Юманите». Все это газеты «братских компартий», но, продираясь сквозь малознакомые языки, там можно было найти отголоски дискуссий о путях и вариантах коммунистического строительства.

Ну а для меня, мальчишки, событием становится выход на экран «Гусарской баллады» по пьесе Гладкова «Давным-давно». Я понимаю всю условность патристического водевиля, но смотрю его несколько раз. А потом задумываюсь, как же было на самом деле? Отец говорит:

– Да, был прототип или, скорее, прототипа. Иди в Публичную библиотеку, иди в исторический архив, на Сенатскую, ищи, копай. Я слышал, что реальная история не менее интересна.

Мне еще 15 лет, но я все же добиваюсь доступа в отдел редкой книги Публичной библиотеки и даже в фонды Государственного исторического архива. Там я читаю выпущенные самой Надеждой Дуровой «Воспоминания кавалерист-девицы», ее романтические повести. Но вскоре выясняю, что жизнь была куда сложнее, чем то, что она придумала о себе. Прежде чем превратиться в кавалериста, она была выдана замуж и даже родила сына. И только потом, бросив мужа и ребенка, переодевшись и скрыв свой пол, стала рядовым, а потом и офицером Конно-польского уланского полка. Похоже на то, что произошел какой-то генетический или гормональный сбой и она действительно перестала ощущать себя женщиной. Уже после того, как она оставила долгую службу и приехала в Петербург, с ней встречался А. Пушкин, опубликовавший часть ее сочинений в «Современнике».

Он писал кому-то, что когда приехал к ней в гостиницу, то встретил человека с трубкой и в мужском чекмене, но, зная, что перед ним женщина, попытался поцеловать руку. Александров, а именно эту фамилию после приватной беседы дал ей император Александр I, очень смутился, отдернул руку и сказал:

– Я к этому не привык.

Изыскания по этому сюжету открыли передо мной мир нашей истории. Не той, что мы зубрили в школе, а живой. Получая в читальном зале архива папку из фондов князей Волконских или дневники М. Кутузова времен его турецкой кампании, я осознал время, причем буквально. В начале XIX века еще не знали о том, что забыв при варке бумаги положить туда клей и квасцы можно по-

лучить отличную промокашку. Это случилось позже. А во времена Пушкина свежеисписанный лист посыпался тонким песком, который затем стряхивался. Но оставался в еще не просохших чернилах, и через сотню лет, держа в руках бумаги того времени, я чувствовал его под пальцами.

Размышляя о том, сколько тайн унесли с собой наши предки, я мечтал тогда о том, как ученые найдут способ заглянуть в человеческую память так глубоко, что мы сможем глазами своих пращуров увидеть и пережить все, что с ними происходило.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Новочеркасский расстрел

Шестидесятые годы. Третья программа КПСС принята и опубликована. Изумленный народ, не веря своим глазам и не смея не верить, читает: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Люди, осиротевшие без вождя, без ясной, оправдывавшей их страдания цели, нашли в программе пусть утопическую, но все же вдохновляющую опору.

Читая текст, я видел скептическую мину отца, но не мог не признать справедливости провозглашенных задач. Вот «Кодекс строителя коммунизма», он прост и ясен: кто не работает, тот не ест; каждый за всех, все за одного; человек человеку – друг, товарищ и брат.

Что тут возразишь? Все правильно, именно так и надо жить. Я, например, готов! А другие? Те, кто подличали, воровали, обманывали? Если завтра прилавки наполнятся всем, что ни захочется, если можно будет взять, что хочешь и сколько хочешь, плохие люди станут хорошими?

А вдруг? Может быть, жизнь действительно поменяется к лучшему на наших глазах? Как ни странно, еще были люди, что допускали такое чудо... И порой я склонялся к ним, несмотря на ясное понимание того, что власть находится в руках невежд и негодяев. Но, с другой стороны, сама идея советской власти – власти народных советов, чья цель в обустройстве и созидании справедливого, процветающего общества – была разумна и достойна!

Казалось, что мешали плохие люди. На самом деле мешала дурацкая монополия на истину, которую присвоила себе группа людей, руководившая всем. Советская Конституция диктовала: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза», а лозунги гласили: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Нелепость! Но ведь Конституция не отменяет идеи народовластия, того, чем может и должна стать советская власть. Тем более, что лучшей вроде никто не придумал. Конечно, на Западе живут богаче и красивее, но ведь не все, а нажива и неравенство все-таки – зло. Так неужели не найдется способа избавить советскую власть от дураков и негодяев, чтобы каждый человек действительно стал другом, товарищем и братом? Мое понимание происходящего билось между верой в разум, способный сконструировать хорошую жизнь, органическим отвращением, неприятием диктатуры и незнанием того, чем ее заменить.

Однажды ночью, это было уже в новой квартире, я проснулся от ночного звонка в дверь. Услышал, как родители встречают кого-то знакомого. Крохотная квартирка, тонкие перегородки, и я слышу разговор на кухне: «...сотни раненых, застрелившийся офицер, аресты...». Я понимаю, что произошло что-то страшное. Встаю, иду на кухню увидеть, узнать, что же случилось. Но меня прогоняют. Только мельком я вижу испуганные глаза седой женщины и похожего на нее бледно-землистого парня. Наутро их уже нет.

– Это наши знакомые по Сибири. Поехали на Урал, – говорит мать.

– А что случилось? Я же слышал – в кого стреляли?

– Вот отец вернется, он тебе пусть и рассказывает.

Приходит отец.

– Проводил? – спрашивает мать.

– Да, все в порядке.

Родители встревожены. Отец говорит:

– Ты их не видел и ничего не знаешь. Они с юга. Там голодные рабочие пошли к райкому, а по ним стали стрелять. Сейчас всех, кто там был, ищут.

Теперь мы знаем, что утром 1 июня 1962 года несколько рабочих сталелитейного цеха большого Новочеркасского завода во дворе перед началом смены заговорили о том, что им снова понизили расценки, а в магазинах повышение цен. Заработок стал ниже на треть, условия работы ужасные, кормить семьи не на что. Стихийно возник митинг. Ни директор завода, ни случайно оказавшийся там инструктор райкома КПСС не смогли успокоить толпу. Да и как это можно было сделать? Ведь расценки действительно снижались, а нормы выработки росли. Правительство 1 июня действительно повысило цены на мясо и молоко. Были тогда известные эстрадные юмористы Тарапунька и Штепсель, в одной репризе один спрашивал другого:

– Ты где продукты покупаешь?

– Да я сумку к радиоприемнику подвешиваю! – отвечал другой.

При всей шумихе вокруг побед советской экономики, о том, что вот-вот мы перегоним Америку, за два последних года прирост сельскохозяйственной продукции составил лишь 3 процента. Новое «раскулачивание», когда ЦК КПСС запретило содержать скот в личной собственности тем, кто живет в городах и рабочих поселках, привело к тому, что скотина была зарезана и частично продана на рынках, а большей частью сдана колхозам. Те отрапортовали о своих успехах, один раз. Недовольство и протесты были повсюду. В Москве, Ленинграде, Донецке, Тбилиси появились антисоветские листовки. Города и рабочие поселки – это не Питер и Москва, это тысячи мелких провинциальных городишек и заводских поселений, где корова была основой традиционного быта и кормилицей для тех, кто сочетал сельскую жизнь с работой на государство. поголовье коров сократилось на 1 миллион, коз и овец на 7 миллионов голов! Эта беда не обошла и Новочеркасск.

Участник событий, рабочий вспоминал:

«...но и эти обстоятельства навряд ли повлекли бы за собою забастовку, если бы самонадеянный мерзавец-чиновник не бросил в «бочку пороха» народного гнева искру оскорбления – барского хамства. Речь идет о директоре электро-возостроительного завода, которым в это время был Курочкин... Директор и секретарь парткома разговор с рабочими повели не по-деловому, а высокомерно, барски. В момент разговора к группе рабочих, окружавших директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: «Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером». Это стало той искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркасске.

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами: «Да они еще, сволочи, издеваются над нами!» разделились на группы. Одна из групп пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывом прекращать работу и объявить забастовку...»

Директору пришлось спасаться бегством. Заводской художник В. Коротеев сделал плакаты: «Дайте мяса, молока! Повышения зарплаты! Нам нужны квартиры!». Забастовал весь завод, стали присоединяться другие. Чтобы привлечь внимание Москвы, рабочие перекрыли железную дорогу, остановили поезд Саратов – Ростов. Прибыл отряд из 200 милиционеров, но, увидев тысячную толпу, которая решительно двинулась на них, стражи порядка разбежались...

Рота солдат из местного гарнизона быстро была распропагандирована и перестала слушать команды командиров.

На следующий день рабочие с красными флагами и пением «Варшавянки» пошли в город. «Дорогу рабочему классу!» – услышали солдаты и танкисты, пытавшиеся преградить им дорогу на мост. Но люди пошли вброд через речку Тузлов. Толпа, обрастая по дороге, дошла до горкома КПСС.

«В горкоме полно было солдат. Через двери демонстранты переругивались с солдатами. Один кавказец не выдержал, прикладом автомата выбил стекло в двери и через образовавшийся проем ударил прикладом женщину. Под напором возмущенных демонстрантов двери горкома распахнулись. Ворвавшаяся масса людей разметала своим движением солдат. Ударивший женщину солдат оказался под лестничным маршем. По рассказам некоторых, его там избили. Это единственный известный случай, когда был избит представитель вооруженных сил, оккупировавших город. Горком был полностью захвачен демонстрантами.

Начался митинг. («Несколько хулиганов, – сообщается в справке КГБ, – пробрались на балкон и в провокационных целях вывесили красное знамя и выставили портрет В. И. Ленина».) На митинге выступила Е. П. Левченко.

Она сообщила, что ночью и утром производились аресты забастовщиков, что арестованных избивали. Но навряд ли она могла знать, что многих арестованных уже не было в городе. Все настойчивей звучали требования освобожде-

ния арестованных. Часть митинговавших направилась к горотделу милиции. Там тоже было полно солдат кавказских национальностей. Демонстранты стали пробиваться в горотдел. Двери распахнулись. В здание хлынули демонстранты. В это время один из солдат замахнулся автоматом на рабочего в синем комбинезоне. Рабочий схватился за автоматный рожок. Автомат в руках рабочего был не более чем дубиной. Но и ею он не воспользовался. Солдатам была дана команда открыть огонь. Рабочий был убит наповал. Наверяд ли хоть одна пуля пропала даром. Слишком плотной была масса народа. А в здании горотдела была паника. Ворвавшиеся демонстранты искали укрытий от пуль. Влетали в пустые камеры. Находящиеся в массе переодетые милиционеры, кагэбэшники пользовались случаем и захлопывали двери камер с демонстрантами, закрывая их на засовы.

Один из позже осужденных участников этих событий, раненный срикошетившей пулей в лопатку, в лагере рассказывал, «что их заставляли складировать трупы погибших в подвале рядом находящегося госбанка. Трупы складывали штабелями, а они еще агонизировали...»

Съезд народных депутатов СССР поручил Военной прокуратуре провести проверку и доложить о событиях. Защитники

мундира сделали вывод о том, что во всем виноваты рабочие-подстрекатели, что команды открывать огонь никто не давал, а стреляли только по необходимости, когда возникла опасность захвата оружия...

А вот что рассказал Герой Советского Союза, генерал-майор бронетанковых войск, прошедший всю Отечественную войну, Матвей Шапошников:

«Около одиннадцати часов распахнулись заводские ворота, и толпа в семь-восемь тысяч человек направилась в сторону Новочеркасска. Я подошел к рабочим и спросил: «Куда вы идете?» Один из них ответил: «Товарищ генерал, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». По рации я доложил генералу Плиеву о том, что рабочие идут к центру города. «Задержать, не допускать!» — услышал голос Плиева. «У меня не хватит сил, чтобы задержать семь-восемь тысяч человек», — ответил я. «Высылаю в ваше распоряжение танки. Атакуйте!» — последовала команда Плиева. Я ответил: «Товарищ командующий, я не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать нашими танками». Плиев раздраженно бросил микрофон.

Новочеркасск. Рабочие идут к горкому КПСС

Предчувствуя недоброе, я попытался на своем газике перегнать колонну. Навстречу мне попался генерал Пароваткин, которого я посылал раньше за устными указаниями Плиева. «Командующий приказал применять оружие», – сказал он мне. «Не может быть!» – воскликнул я. Тогда Пароваткин протянул мне блокнот, развернул его, и я увидел: «Применять оружие». Мы с Пароваткиным быстро вскочили в газик, чтобы успеть обогнать толпу и не допустить кровавой акции. Но, не доехав метров четыреста до площади перед горкомом партии, услышал массированный огонь из автоматов».

По официальным данным, 20 человек было убито на месте, еще трое скончались от ран, около 40 человек получили ранения, были проведены массовые аресты участников волнений. Но, судя по рассказам, их было больше:

«Не один свидетель рассказывал, что офицер, получивший команду открыть огонь, отказался передавать эту команду своим солдатам и перед строем застрелился. Но кинжальный огонь все-таки был открыт. Вначале вверх, по деревьям. Посыпались убитые, раненые, перепуганные. Партия, государство, армия так искореняли крамолу. Партия так утверждала единство партии и народа. Затем огонь был перенесен на массу. Это не огонь одиночными выстрелами из трехлинеек, это огонь из скорострельных автоматов. Рассказывали, бежит пожилой мужчина мимо бетонной цветочной вазы на тумбе. Пуля попала в голову, его мозги моментально разляпались по вазе. Мать в магазине носит грудного убитого ребенка. Убита парикмахерша на рабочем месте. Лежит девчушка в луже крови. Ошалелый майор встал в эту лужу. Ему говорят: “Смотри, сволочь, где ты стоишь!”»

В город прибыл А. И. Микоян. Он выступил по радио, однако волнения продолжались. В тот же день состоялись переговоры властей с делегацией восставших. То, что восставшие осмелились вступить в переговоры с властью, позднее было расценено как тяжкое, отягощающее преступление. Руководитель этой переговорной группы Б. Мокроусов пытался объяснить безвыходное положение рабочих и то, что никто не посягал на советскую власть, а стрельба была неадекватна. Но в обвинительном заключении говорилось, что, «выступая в качестве представителя от бандитов и хулиганов, Мокроусов в беседах с прибывшими в город Новочеркасск руководителями КПСС и Советского правительства вел себя дерзко и вызывающе, в наглой форме требовал вывода воинского подразделения из города, злобно клеветал на материальное положение трудящихся, наносил угрозы и грубые оскорбления в адрес руководителей партии и правительства».

Толпы горожан 3 июня стали собираться у городских отделов милиции и КГБ. В городе вновь начали транслировать выступление А. И. Микояна. Командующий войсками округа генерал И. А. Плиев издал приказ о введении в городе комендантского часа. Сотни арестованных заполнили все изоляторы в городе и округе. Из 14 человек, признанных организаторами беспорядков, семеро –

А. Ф. Зайцев, Б. Н. Мокроусов, М. А. Кузнецов, В. Д. Черепанов, А. А. Коркач, С. С. Сотников и В. Г. Шуваева – были приговорены к смертной казни, которую Президиум ЦК КПСС утвердил еще до суда. Остальные – к различным срокам заключения от 10 до 15 лет. Судебные процессы над рядовыми участниками волнений продолжались до начала ноября, и всего к различным срокам было приговорено более сотни людей...

Генерал Шапошников, который в 1920 году мальчишкой стал свидетелем расстрела крестного хода в Воронеже, еще долго пытался рассказывать людям правду. После того как Плиева отправили командовать на Кубу, он, став и. о. командующего Северо-Кавказским военным округом, разослал несколько писем с изложением того, что произошло в Новочеркасске на самом деле, подписав их псевдонимом «Неистовый Виссарион»:

«...Партия превращена в машину, которой управляет плохой шофер, часто спяну нарушающий правила уличного движения. Давно пора у этого шофера отобрать права и таким образом предотвратить катастрофу».

Автора нашли, обвинили в антисоветской пропаганде, но решили не подымать шума и отправили в отставку, исключив из КПСС. Позже в дневнике он писал: *«Лично я далек от того, чтобы таить обиды или злобу на носителей неограниченного произвола. Я только сожалею о том, что не умел по-настоящему бороться с этим злом. В схватке с произволом и самодурством у меня не хватило умения вести смертельный бой. В борьбе с распространенным и укоренившимся в армейских условиях злом, каковым является произвол самодуров, подлость и лицемерие, у меня не оказалось достаточно эффективного оружия, кроме иллюзорной веры в то, что правда, вот так, сама по себе, победит и справедливость восторжествует.»*

Потом я узнал, что еще неделю приехавшие ночью люди скрывались у нас. Сын бывшей зечки, работницы, которая уже отсидела в Мариинских лагерях срок за неосторожное слово, был ранен на площади перед Новочеркасским горкомом. Рана была не тяжелой, но воспалилась. Отец, сопроводив их на окраину Гатчины, в маленький домик на Химозском шоссе, где жила бабушка Надя, нашел в Питере своего лагерного товарища, врача Якова Цвейфеля. Тот в свою очередь нашел порядочного хирурга, который обработал рану, дал шприц и пенициллин, объяснил, что делать. Мать, которая зачастила тогда «к бабушке», на самом деле лечила гноившуюся рану и делала уколы. Парень пошел на поправку и вскоре, вместе с матерью, уехал куда-то за Урал.

Хоть родители и опасались, я выпытал из них то, о чем рассказали ночные гости. То что власть способна расстреливать свой народ так же, как в 1905 году, не укладывалось в голове. Я думал тогда о терактах, о подпольном отряде мстителей, который жестоко карает тех, кто устроил нам такую жизнь. Кажется, тогда прочел я «Сашку Жегулева», повесть Леонида Андреева о юноше, который, чтобы зажечь революцию, уходит в террор и разбой.

При всем ходульно-жертвенном тоне и трагически-бессмысленном исходе была там и притягательная сила.

А через несколько лет на экраны вышел трехсерийный советский фильм «Операция “Трест”», где хорошие актеры, Банионис, Джигарханян и Горбачев, сыграли подлую агитку о том, как чекисты ловко заманили в ловушку и сгубили своих врагов из Белой эмиграции. Понятно, что все эмигранты были плохими, а провокаторы и опричники Дзержинского хорошими. Но когда героиня Первой мировой войны, кавалер двух Георгиевских крестов, «бешеная Мария» (Захарченко), чью роль сыграла Л. Касаткина, отстреливалась от чекистов, я был на ее стороне...

Куба – багровый остров!

В конце года снова приехала Екатерина Владимирова, она все еще мыкалась по стране в поисках работы. Ее реабилитировали, но в столицы было не пробиться, а в провинции она с ее характером долго в одном месте не засиживалась. Она привезла нам свежий номер «Нового мира». В нем была первая публикация А. Солженицына, рассказ «Один день Ивана Денисовича». Пока родители рассуждали о рассказе, о том, что значит эта публикация, не за горами ли новые веяния, я вдруг почувствовал, что только сейчас, увидев печатный текст в советском журнале, окончательно поверил в тот ад, о котором слышал от отца.

Родители в это время уже спорили по тексту и удивлялись, как это на каторжном режиме зек по кличке Цезарь получает посылку, в их времена такого быть не могло. Потом разобрались, что писал Исаич о лагерях 50-х годов. А. Ахматова, прочитав повесть, говорит: «Эту повесть обязан прочитать и выучить наизусть каждый гражданин из всех 200 миллионов граждан Советского Союза».

А сказка о поколении, которое будет жить при коммунизме, быстро потускнела, оставив оскомину и злость за то, что поверили в нее хоть на минуту. И скоро выльется в насмешку толпы над скинутым вскоре «кукурузником».

Правда, до этого он успел наделать немало.

Самой рискованной авантюрой был Карибский кризис. Я к тому времени закончил среднюю школу и сдавал экзамены в художественно-педагогическое училище, которое располагалось вблизи Московских ворот. Экзамены не мешали мне гулять с девочкой, которая мне нравилась, у нас и у всех наших сверстников по всей земле были грандиозные планы. Эдуард Хиль пел тогда:

Пароход белый-беленький,
Черный дым над трубой.
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой.

Каждый о чем-то мечтал, ученик 4-го класса Анатолий Чубайс, наконец, с отцом и матерью въехал в отдельную хрущобу на Проспекте Энергетиков. Жизнь только начиналась. Но висела она на волоске. И знали об этом не только те, кто держал ее в своих руках, догадывались многие. Из газет и сообщений ТАСС, из «вражьих голосов» было ясно, что две ядерные державы могут вот-вот начать войну. Еще совсем недавно, после визита Хрущева в Соединенные Штаты Америки, люди вздохнули с облегчением, война откладывалась... Но уже через несколь-

ко месяцев в результате скандальной истории со сбитым шпионским самолетом советская пресса напропалую обвиняет и клеймит США, угрозы в адрес заморского врага и НАТО нарастают. Сорвана встреча глав правительств в Париже.

Ответный визит президента США Эйзенхауэра в СССР отменен.

За одну ночь воздвигнута разделившая Берлин стена, вызвавшая на Западе бурю протестов. Уже тогда американские и советские танки, ревя моторами, стояли нацелив друг на друга свои пушки. К концу лета 1961 года страсти особенно накалились, события стали развиваться по своеобразной силовой логике. Советское правительство 31 августа 1961 года опубликовало заявление об отказе от добровольно принятого на себя обязательства воздерживаться от испытаний ядерного оружия и о решении возобновить эти испытания. Там говорилось:

«Советское правительство не выполнило бы своего священного долга перед народами своей страны, перед народами социалистических стран, перед всеми народами, стремящимися к мирной жизни, если бы перед лицом угроз и военных приготовлений, охвативших США и некоторые другие страны НАТО, оно не использовало бы имеющихся у него возможностей для совершенствования наиболее эффективных видов оружия, способных охладить горячие головы в столицах некоторых держав НАТО».

За этим скрываются все те же мечты о всемирном господстве.

Советские ученые уже давно делают водородную «супербомбу». Андрей Сахаров, участвуя в этом, размышляет и пытается предостеречь Хрущева от ядерной гонки. Но тот отвечает: *«Я получил записку от академика Сахарова, вот она. (Показывает.) Сахаров пишет, что испытания нам не нужны. Но вот у меня справка, сколько испытаний произвели мы и сколько американцы. Неужели Сахаров может нам доказать, что, имея меньше испытаний, мы получили больше ценных сведений, чем американцы? Что они глупее нас? Не знаю и не могу знать всякие технические тонкости. Но число испытаний – это важнее всего, без испытаний никакая техника невозможна. Разве не так?.. Но Сахаров идет дальше. От техники он переходит к политике. Тут он лезет не в свое дело. Можно быть хорошим ученым и ничего не понимать в политических делах. Ведь политика – как в этом старом анекдоте. Едут два еврея в поезде. Один из них спрашивает другого: “Скажите мне, вы куда едете?” – “Я еду в Житомир”. – “Вот хитрец, – думает первый еврей, – я-то знаю, что он действительно едет в Житомир, но он так говорит, чтобы я подумал, что он едет в Жмеринку”.*

Так что предоставьте нам, волей-неволей специалистам в этом деле, делать политику, а вы делайте и испытывайте свои бомбы, тут мы вам мешать не будем и даже поможем. Мы должны вести политику с позиции силы. Мы не говорим этого вслух, но это так! Другой политики не может быть, другого языка наши противники не понимают. Вот мы помогли избранию Кеннеди. Можно сказать, это мы его избрали в прошлом году. Мы встречаемся с Кеннеди в Вене.

Эта встреча могла бы быть поворотной точкой. Но что говорит Кеннеди?

«Не ставьте передо мной слишком больших требований, не ставьте меня в уязвимое положение. Если я пойду на слишком большие уступки, меня свалят!» Хорош мальчик! Приехал на встречу, а сделать ничего не может. На какого чёрта он нам такой нужен? Что с ним разговаривать, тратить время?

Сахаров, не пытайтесь диктовать нам, политикам, что нам делать, как себя держать. Я был бы последний слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров!»

Ю. Харитон и А. Сахаров продолжают работу. Последний вспоминает:

«Я решил, что это изделие будет испытываться в «чистом варианте»: с искусственно уменьшенной мощностью, но тем не менее существенно большей, чем у какого-либо испытанного ранее кем-либо изделия. Даже в этом варианте его мощность превосходила бомбу Хиросимы в несколько тысяч раз! Уменьшение доли процессов деления в суммарной мощности сводило к минимуму число жертв от радиоактивных выпадений в ближайших поколениях, но жертвы от радиоактивного углерода, увы, оставались, и общее число их было колоссальным (за 5 000 лет)»

Хрущев 30 октября 1961 года получил телеграмму: **«Испытание на Новой Земле прошло успешно. Безопасность испытателей и близлежащего населения обеспечена. Полигон и все участники выполнили задание Родины. Возвращаемся на съезд».**

В этот день на высоте 4 километров взорвана бомба мощностью в 50 миллионов тонн тротила.

В самолетах, вылетавших на операцию, находились журналисты, они вспоминали потом:

«Под самолетом снизу и где-то вдали облака озаряются мощнейшей вспышкой. Вот это иллюминация! За люком просто разлился свет – море, океан света, и даже слои облаков высветились, проявились. В этот момент наш самолет вышел между двух слоев облачности, а там, в этом прогале, снизу, появляется громаднейший шар-пузырь светло-оранжевого цвета! Он, как Юпитер, мощный, уверенный, самодовольный, медленно, беззвучно ползет вверх. Разорвав беспросветную, казалось бы, облачность, он рос, все увеличивался. За ним, как в воронку, казалось, втянется вся Земля. Зрелище было фантастическое, нереальное. во всяком случае неземное».

Другой кинооператор увидел *«над горизонтом мощную белую вспышку, а через большой промежуток – отдаленный, глухой, тяжелый удар – а-ааххх! Будто Землю убили!»*

Мощность взрыва в 10 раз превысила суммарную мощность всех взрывчатых веществ, использованных всеми воюющими странами за все годы Второй мировой войны, включая американские атомные взрывы над городами Японии.

Интересно, что даже сомневающийся А. Сахаров находится в плену стан-

дартного мышления людей из военно-промышленного комплекса. Позже он со стыдом вспоминал:

«После испытания большого изделия меня беспокоило, что для него не существует хорошего носителя (бомбардировщики не в счет, их легко сбить) – то есть в военном смысле мы работали впустую.

Я решил, что таким носителем может явиться большая торпеда, запускаемая с подводной лодки. Я фантазировал, что можно разработать для такой торпеды прямоточный водопаровой атомный реактивный двигатель. Целью атаки с расстояния несколько сот километров должны стать порты противника. Война на море проиграна, если уничтожены порты, – в этом нас заверяют моряки. Корпус такой торпеды может быть сделан очень прочным, ей не будут страшны мины и сети заграждения. Конечно, разрушение портов, как надводным взрывом выскочившей из воды торпеды со 100-мегатонным зарядом, так и подводным взрывом, неизбежно сопряжено с очень большими человеческими жертвами.

Одним из первых, с кем я обсуждал этот проект, был контр-адмирал Ф. Фомин (в прошлом боевой командир, кажется, Герой Советского Союза).

Он был шокирован людоедским характером проекта, заметил в разговоре со мной, что военные моряки привыкли бороться с вооруженным противником в открытом бою, и что для него отвратительна сама мысль о таком массовом убийстве. Я устыдился и больше никогда ни с кем не обсуждал своего проекта...»

Остров Новая Земля. Ядерный взрыв

Еще год и под влиянием академика Кремль начинает переговоры с США, в результате которых все дальнейшие испытания ядерного оружия переносятся под землю.

А в это время на далеком острове Куба, под самым носом у США к власти приходит Фидель Кастро... Сын кубинского помещика, он уже давно воюет против диктаторского режима Батисты. Этот жестокий правитель надоел даже американцам, и, когда его свергают, Белый дом ждет, что новый хозяин острова будет приличнее

предыдущего. О том, что Фидель свяжется с СССР, еще не подозревает даже он сам. В одном из своих первых выступлений он клеймит и США, и СССР, заявляя, что Куба найдет «третий» путь. Но цель уже радикальна. Он выгоняет янки, а их собственность и деньги, национализировав, намерен использовать для построения если не социалистического, то хотя бы социально ориентированного общества, без нищеты. Встретив сопротивление части кубинцев, он

начинает репрессии, поручая их брату Раулю. Комментируя казни, он говорит журналистам:

«Мы намерены как можно скорее покончить с расстрелами, чтобы затем всю свою энергию отдать созидательному труду. Я постоянно тороплю трибуналы, чтобы уже в марте мы могли объявить, что значительное число военных преступников примерно наказано, а остальные осуждены на каторжные работы».

Для Штатов казни в латиноамериканских странах дело привычное, а вот национализация неприемлема. И реакция не замедлила себя ждать: все те, кто не помышлял о социализме и оказался в списках на расстрелы, все бежавшие с острова кубинцы получают военную помощь и пытаются свалить Кастро.

Не получается: лозунги свободы и равенства зажигают нищий народ, и он громит партизанские отряды тех, кто хочет реставрации старого мира. Но это лишь начало. Лишены земельной собственности не только богачи-кубинцы, главное, ограблены сотни тысяч американцев, вложивших свои деньги в бизнес на Кубе. Теперь надо ожидать полномасштабной интервенции со стороны грозного соседа. Фидель, Че Гевара и другие ищут оружие и защиту.

Хрущев пишет: *«Когда еще не были разгромлены силы вторжения, Кастро выступил с декларацией, что Куба пойдет по социалистическому пути. Нам это было не совсем понятно. Ведь это не способствовало консолидации в тот момент более широкого круга сил против вторжения и сразу отбрасывало от Кастро людей, которые лично выступали против социализма. Тогда раздавались отдельные голоса, что Кастро сделал это заявление потому, что, видимо, сам не очень-то верил, что одержит победу над вторгшимися контрреволюционерами, и ему хотелось если уж погибнуть, так с музыкой».*

Может, оно и так, но о социализме Кастро заговорил уже после того, как его брат Рауль встретился с советским агентом... Несколько лет назад, находясь в Гаване на Межпарламентской ассамблее, я, разговаривая с российскими дипломатами, услышал от главы миссии неожиданную версию. Из нее следовало, что за появление на Кубе советских ракет США нужно сказать спасибо директору ЦРУ. Это он, узнав о том, что Фидель собирается закупать стрелковое оружие и военную технику в Англии, решил ему не только помешать, но и подставить. Его расчет был в том, что, «получив отказ англичан, кубинцы обратятся в Москву. А тогда – угроза распространения коммунизма на американский континент развяжет руки США и оправдает высадку американских войск на Кубу». По дипломатическим каналам глава Разведывательного управления посоветовал англичанам отказаться от сделки, а Фидель, как и ожидалось, подружился с Хрущевым. Этому помогло то, что еще задолго до захвата власти Рауль Кастро случайно оказался на одном пароходе с молодым советским дипломатом. Они хорошо провели там время и продолжили знакомство в США. Но там при аресте одного из кубинских радикалов ФБР обнаружило фотографию гулянки с сотрудником

советского посольства. Последнего отозвали домой и задвинули подальше. Но вспомнили, когда узнали, что Рауль рыщет по Европе в поисках партии оружия. И вот бывший мидовец уже караулит Кастро на улицах Праги, чтобы сказать ему, что его ждут в Москве. Встреча удалась. Но потирали руки не только на Лубянке. Хитрецы из ЦРУ тоже считали это своей удачей. Они не предполагали кремлевской нахрапистости.

«Русские будут помогать в расчете на кубинский коммунизм? Что ж, станем коммунистами», – решил Фидель, тем более что блокада, угроза войны и ненависть к США не оставляли ему другого, а новые друзья готовы были на такие «подарки», которые и не снились фанатику.

«Потеря революционной Кубы, которая первой из латиноамериканских стран, ограбленных США, встала на революционный путь, понизит у народов других стран волю к революционной борьбе. Наоборот, сохранение революционной Кубы, которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития ее в этом направлении и повышения жизненного уровня кубинского народа до такой степени, чтобы он стал как бы прожектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран, оказалось бы в интересах марксистско-ленинского учения», – так пишет Хрущев и простодушно признается: *«И я подумал, а что если мы, договорившись с правительством Кубы, тоже поставим там свои ракеты с атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне?.. Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно, и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься.*

Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется. Атомная бомба, сброшенная США на Хиросиму, имела мощность в 20 тысяч тонн взрывчатки. А нашу бомбу в миллион тонн еще никто не проверил на себе. Но по нашим испытаниям было известно, что разрушения производятся колоссальные. Я не говорю, что все бы там погибли. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло бы. Одним словом, ученые и военные, которые имеют отношение к атомному оружию, хорошо себе все это представляют. Думалось, что это сможет удержать США от военных действий.

Если бы сложилось так, то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени “равновесие страха”, как Запад это сформулировал». Так объяснял потом Хрущев свою логику.

На совещании в Политбюро, излагая идею, он признал, *«что этот шаг, если грубо сформулировать, стоит на грани авантюры. Авантюризм заключается в том, что мы, желая спасти Кубу, сами можем ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну...»*

Это не помешало соратникам Первого секретаря безоговорочно поддержать хозяина... Ракеты с ядерными зарядами стали размещаться на острове. Вместе с армейскими частями, самолетами и танками. То, что к виску США приставлен пистолет, заметили быстро. Американцы начали разведывательные полеты, и тогда Кастро отдал приказ открыть огонь. Советские военные сбили ракетой американский разведывательный самолет.

Хрущев: *«К этому времени Америка уже призвала из запаса людей, вывела в океан военно-морской флот, подтянула к своим берегам резервы. Одним словом, все военные приготовления были закончены. Видимо, президент понимал, что он делает. Конечно, превосходство в ракетах было на стороне США, но он понимал: превосходство превосходством, а те ракеты, которые поставлены нами, свое дело сделают. Они могут сдуть с лица земли Нью-Йорк, Вашингтон и другие промышленные города и административные центры. Конечно, Советскому Союзу они тоже нанесут урон. Начнется война, не такая, как Первая мировая или Вторая мировая, где некоторые американцы даже не слышали ружейного выстрела. Они не знали, что такое разрывы бомб, что такое разрывы артиллерийских снарядов. Они воевали на чужих территориях. А в этой войне, если она будет развязана, они вызовут огонь на себя. И какой огонь! Термоядерных бомб!»*

Брат президента США Роберт Кеннеди встретился с послом СССР в США Добрыниным. Со слов Хрущева, посол так описывал эту встречу: *«Роберт выглядел очень усталым, глаза у него – красные-красные, было видно, что он ночь не спал, да и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену, что они с президентом сидят в Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: «У нас напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать вашему правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения». Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому президент лично писал это послание. Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого положения, а военные оказывают на него сильное давление, настаивая прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень сложное положение. Он добавил: «Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите нам решить эту задачу». Роберт оставил нашему послу свой телефон и просил звонить в любое время суток. Он очень нервно настаивал и взывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой ситуации».*

Хрущев лучше американцев знал, что такое война, но гибель ни в чем не повинных людей, теперь уже сотен миллионов людей, его не смущала. Все воо-

руженные силы приведены в боевую готовность, стратегические бомбардировщики стоят на взлетных полосах, в ракетных шахтах замерла готовая рвануться на волю смерть. Приведена в боевую готовность даже баллистическая ракета с водородной бомбой.

*Ракетные установки на Кубе
(аэрофотосъемка)*

Это стало известно лишь недавно, но состояние нависшей надо всеми смертельной опасности чувствовали все. А Никиту, если что и тревожило, то ему, заигравшемуся, было уже трудно остановиться...

Но пришлось, когда Фидель прислал телеграмму о том, что вторжение необходимо опередить и обрушить на США ядерный удар. Стало ясно, что ни участь Кубы, от которой не осталось бы даже выжженной земли, ни собственная гибель не остановят безумца, а кнопка у него рядом, под рукой. Тут и советская разведка донесла, что американская армия действительно нанесет удар по

Кубе через пару часов. Когда оказалось, что вот-вот грянет реальная, мировая катастрофа, пришлось отступить. Генералу Плиеву был дан приказ не выполнять требований Кастро. Хрущев продиктовал телеграмму президенту Кеннеди, в которой выразил готовность идти на уступки.

Для справки. В 1962 году Союз с помощью баллистических ракет и бомбардировщиков мог послать на территорию США 300 ядерных боезарядов. В составе стратегических сил США тогда находились около 1 300 бомбардировщиков, способных нести свыше 3 000 ядерных боезарядов. Кроме этого, в состав стратегических сил США входили 183 межконтинентальные ракеты «Atlas» и «Titan», а также 144 ракеты на девяти подводных лодках «Polaris». Всего этого было вполне достаточно, чтобы США испепелили весь Союз два раза. Хрущеву же его «оружия Судного дня» было достаточно, чтобы уничтожить США один раз. И он даже шутил на XXII съезде КПСС, что ему этого раза достаточно. Зал съезда при этом аплодировал.

После согласия Хрущева на переговоры, демонтажа и вывоза средств доставки атомных зарядов, США отказались от военных действий против Кастро, а самолеты, бомбы и ракеты были вывезены. С Кубы – советские, из Турции позже – американские.

Эти натовские бомбы давно бесили Хрущева, их подлет к Москве исчислялся минутами, так же, как и время подлета «кубинских» к Вашингтону. Поэтому их удаление он счел своей победой, хоть и обмолвился потом, что при наличии у США баллистических ракет это старье уже не делало погоды.

Чтобы не возвращаться, напомним, что СССР за время своего существования провел 715 ядерных взрывов общей мощностью 285 мегатонн. США за то же время – 1 065 взрывов, соответственно – 193 мегатонны. Всего получается – 478 мегатонн, больше половины в воздухе.

Из дня сегодняшнего тот, едва не разразившийся Последний день, сама его возможность, может показаться страшным сном, но это страшная реальность: никого из нас, уважаемый читатель, действительно могло сегодня не быть. Потому что одному невежде взбрело в голову использовать сомнительную ситуацию «в интересах марксистско-ленинского учения». Потому что другому «умнику» показалось, что, подтолкнув Кастро к обращению в Союз, он оправдает вторжение на Кубу и поможет вернуть экспроприированные Фиделем капиталы.

Но если в ЦРУ ошибались, не допуская смертельного развития интриги, то Хрущев знал, что делал, и понимал последствия своих действий, ту степень риска, при которой любая случайность могла закончиться катастрофой... В те дни отец читает нам свои новые строфы:

Уже давно издохла крыса.
Невыносим тяжелый смрад.
И не уйти и не укрыться,
И нет зловонию преград.

Но мы живем, как прежде, рядом,
И перемен не признаем,
И кротко дышим трупным ядом
В дому единственном своем.

Он славно предками отстроен,
К планете прочно прикреплен,
Он крепко сшит и ладно скроен,
И кровью с потом окроплен.

В нем должно жить себе на радость,
Чтоб двери – в даль, чтоб окна – в ширь.
Так зашвырните ж эту гадость
В глухую яму, на пустырь!

Мы не одни на белом свете,
Нам помнить следует о том.
Не столь уж кроткие соседи
Грозят спалить заразный дом.

А за каким, скажите, чертом,
Мы, замешавшись в грязный дым,
Крысиным траурным эскортом
В пустое небо полетим?

Я хорошо помню грозные заявления ТАСС в газете «Правда», те жаркие летние дни, опустевшие улицы города и нелепое ощущение гибели в любую секунду.

Почему такая угроза, кто на самом деле заварил кашу, этого наш народ, конечно, не знал. Лозунги в газетах: «Куба – да, война – нет!», «Агрессорам – смирительную рубашку!», звучащая по радио самба, ром «Гавана-клуб», сигареты «Лигерос», романтические бородачи с автоматами в руках, справедливость и солидарность – все это вызывало зависть, влекло и возбуждало. О кризисе быстро забыли и, когда в Питер приехал Фидель, я с удовольствием услышал от начальства абонентского отдела Публичной библиотеки, где подрабатывал, что надо бросить работу и выйти на Невский, а там поприветствовать проезжающего мимо Кастро. Путаница в моей голове была изрядная, я знал, что кроется за советской пропагандой, знал, чем обернулся большевизм. Но там за океаном творилось что-то героическое. И махал я тогда рукой сумасшедшему «барбудос» совершенно искренне!

СЕМИДЕСЯТЫЕ

«Все это не нужно советскому народу!»

Мои художества все еще на любительском, подражательном уровне. В 1956 году, мальчишкой, вместе с родителями я побывал на выставке Пабло Пикассо в Эрмитаже, а потом листал альбомы Сикейроса и дивился на импрессионистов. «Измы» кажутся мне не нужными, ведь мир и так красив, и художник нужен, чтобы сохранить эту красоту. Надо только научиться... Я поступаю в художественно-педагогическое училище, но учеба там не заладилась. Гипсы и натюрморты скучны. Через месяц я ушел и, поскольку еще было время, успел поступить в художественно-ремесленное училище. Там учили ремеслам камнереза, огранщика и резчика-краснодеревщика. Меня отговорили от первых двух, и я записался на обучение «деревянной» профессии. На самом деле оказалось, что художественным это училище называлось с большой натяжкой. Да, были уроки рисования и композиции, акварель и натюрморт, – но столь скудные, что практически ничего не давали. А в основном это было обучение обыкновенному столярному делу, работе на станках и у верстака. Резьба по дереву, левкас и золочение тоже скорее числились в расписании, чем преподавались. Единственным утешением для меня оказался случайно попавший туда в качестве преподавателя рисунка замечательный и незаслуженно забытый художник Олег Григорьевич Манюков. Он еще молод и полон энергии. В своей мастерской на канале Грибоедова он едва ли не первым в 60-е годы ищет новое в монтаже и коллаже, пишет рельефно и крупно, дорабатывая фактуры тонкими, прозрачными лессировками. Через двадцать лет он нелепо погибнет, и его творческое наследие разлетится. А тогда вокруг него собралась небольшая группа ребят, которые, как и я, случайно попали в это училище, а думали о другом. Мы тянулись к творчеству, мы искали учителей, которые помогли бы нащупать свою дорогу. Александр Малтабаров, Дима Гормаков с его чудной, переливавшейся цветом, пуантальной графикой, Саша Коломенков, искавший себя и в скульптуре и в живописи, я со своим подражанием импрессионизму, еще несколько ребят...

На этюдах, 70-е гг.

Моя жизнь выходит из «растительного» режима. От копирования природы я перехожу к робким попыткам изобретения чего-то своего. Мне помогает открыть для себя такую возможность не только Манюков. Марьяна Козырева, театральная художница, жена отцовского лагерного друга и поэта Алексея Козырева, говорит мне: «Смотри на Врубеля и ван Гога, смотри на Пикассо и Модильяни – они куда сильнее, их работы оставляют впечатление куда ярче, чем живопись XIX века. Не копируй то, что ты видишь, пиши то, что чувствуешь!»

В артистичном доме Козыревых я знакомлюсь с молодым, начинающим Анатолием Белкиным.

Он приводит меня к Юре Жарких, в мансарду, где я вижу веселых людей, кучу холстов, мне интересны эти люди, но я зажат, я еще совсем не взрослый. И, жадно глядя на обилие непонятных холстов, понимаю, что сам я тут еще не интересен. Мои опыты скудны, мне нечего им показать, а только так можно стать своим. Это подстегивает, я начинаю больше работать.

Зашоренность 50-х уже давно сменилась дозированным и жадно ловимым проникновением культуры Запада.

Романы Хемингуэя, образ жизни и внутренний мир его героев стали образчиками не только в манере говорить и небрежно одеваться, но и в якобы небрежном, а на самом деле чувственно-упрошенном восприятии жизни. Рокуэлл Кент вторит ему в своих лаконично-мужественных пейзажах Севера. Уже поют и слушают Высоцкого, а скоро в Академгородке Галич поет: «Промолчи – попадешь в палачи» и тут же «Памяти Пастернака». В журнале «Москва» публикуется булгаковский «Мастер и Маргарита». Получив от кого-то уже зачитанный журнал, я с восторгом читаю и снова возвращаюсь к удивительному тексту. Как и многие, я тут же сажусь за иллюстрации, но справиться с невыполнимой задачей не удается. И дело не только в душевной незрелости (лишь много лет спустя за остротой сюжета я увижу смирение автора перед Злом), не в отсутствии настоящего мастерства – роман не поддается приемлемому для всех воплощению в зрительных образах, каждый видит его по-своему.

Но прежде наш учитель идет на рискованный шаг: безо всяких согласований он дает нам возможность увидеть свои работы на выставочных стенах. Кто знает, если бы не это, кто-то из нас махнул бы рукой и сказал, ладно, пусть моя тяга останется со мной, надо найти «настоящую» профессию. Именно так и случилось с теми, кто хоть и ходил к Манюкову, но не стал участвовать в нашей аванюре.

А дело было так. Олег Григорьевич однажды, возвращаясь из училища, – оно было тогда на реке Карповке, – зашел в кинотеатр «Молния», теперь это «Синема» на Большом проспекте Петроградской стороны. Там он предложил директору кинотеатра сделать в фойе выставку работ его учеников. Она согласилась.

На следующий день мы уже развешивали и расставляли свои работы. Их было не так уж много. На столик легла «книга отзывов». Если взглянуть на то, что

мы тогда решились показать, из дня сегодняшнего, то вряд ли это кого-нибудь заденет. Но тогда, во времена торжества соцреализма и бдительного партийного контроля над культурой, то, что народ видел на официальных выставках, было настолько убого в своих темах и штампах, что даже наши робкие пробы новаторства по стопам Чюрлениса, Конёнкова, Сера, ван Гога или Мунка оказались сильным раздражителем. За неделю книга отзывов наполнилась как одобрительными, так и гневными откликами.

Кто-то хвалил, а кто-то грозился все порвать! Между авторами записей пошли споры. Сидя где-нибудь в уголочке, мы видели тех, кто рассматривал наши творения, и гадали, о чем думают эти люди?

А по вечерам перечитывали записи и убеждались в том, что не одиноки, что кроме обывателей и дремучих невежд есть те, кто открыт душой... Но, пожалуй, самым главным было другое: мы сами увидели себя, свои работы со стороны и поняли, куда идти дальше.

Позже я прочитал такой отзыв:

«Сейчас, видимо, рано еще подводить какие-либо итоги, ведь это первое выступление перед зрителем, но уже, несомненно, можно отметить успех выставки. Если у работ молодых художников завязывается разговор между незнакомыми людьми, если некоторые зрители, оживленно споря, не слышат третьего звонка и рискуют опоздать на сеанс, если в книге отзывов наряду с непомерно восторженными откликами можно встретить и призывы “не допускать”, “не позволять”, “запретить”, то это лучшее свидетельство того, что выставка не оставляет равнодушных, заставляет задуматься...»

К сожалению, в фойе кинотеатра, за 15-20 минут до начала очередного сеанса не может состояться обстоятельный разговор между художниками и зрителями, разговор о специфическом языке графики, о новаторстве и традициях, о месте искусства в современной жизни. Видимо, такое широкое обсуждение могло бы успешно состояться в молодежных клубах или кафе; после такой встречи зрители смогли бы более обоснованно судить о достоинствах и недостатках работ художников, а авторы этих работ острее почувствовали бы требования, предъявляемые сегодня к художественному творчеству.

Заканчивая, хочется поблагодарить администрацию кинотеатра “Молния”, решившуюся представить на суд зрителей работы молодых, еще не “апробированных”, но безусловно талантливых художников, и привести справедливую, на наш взгляд, запись в книге отзывов: “Очень хорошо, что в кинотеатре устроена выставка. Сейчас еще не всем все понятно, но надо учиться и художникам и зрителям”.

Юр. Аксентон».

А через неделю в кинотеатр зашел председатель секции графики Ленинградского отделения Союза художников СССР коммунист Владимир Ветрогонский. Выходец из той самой художественной школы, где профессора «обламывали»

учеников, прошедший через закосневший в рутине институт имени Репина, романтик социалистического труда, он добился высокого положения не только рисунками, где герои-сталевары пробивали летку домны. Бдительно следил он за всеми, кто покушался на соцреализм, даже в своем Союзе, ревниво задвигая любые попытки новаторства. Но об этом я услышал позже и от В. Вильнера, и от других художников божьей милостью.

Когда Ветрогонский увидел наши работы, то впал, судя по рассказам, в бешенство. Как! Какие-то сопляки смеют выставляться?! И без его разрешения, без идеологической комиссии, без согласования с райкомом? Он топал ногами и заявил директрисе кинотеатра, что если завтра это безобразие не будет снято, то он добьется ее увольнения! Та в слезах позвонила Манюкову. Мы действительно нарушили существовавший тогда порядок, любая выставка могла открываться только после идейной и профессиональной проверки. Для этого существовали комплексные комиссии из партийных работников и членов Союза художников, ревниво оберегавших одни – незыблемость принципов, другие – элитную кормушку... Подводить нам никого не хотелось, и мы сняли свои работы. Книга отзывов долго хранилась у нас, а теперь лежит в Музее политической истории, в моем фонде.

Запрет нашей выставки – маленький эпизод той борьбы, которую уже давно вела молодежь. Возможно, что обостренная реакция Ветрогонского была подогрета недавним скандалом с выставкой “такелажников” в Эрмитаже. В 1964 году там, в охране и подсобке, собралась интересная компания: рабочими в хозчасти музея работали еще никому не известные художники М. Шемякин, В. Овчинников, О. Лягичев, В. Кравченко. Они называли себя сначала «Группой живописного Возрождения», а потом просто – «С. Петербург». Идейное обоснование сочинили В. Иванов и М. Шемякин, тогда их объединяло желание как-то приобщиться и переработать идеи Серебряного века, а работа в Эрмитаже давала доступ к запасникам, в том числе и секретным, где можно было увидеть Кандинского и Шагала.

30 марта 1964 года они, воспользовавшись бытовавшей тогда в музее практикой проведения артистических «капустников», выставили свои работы, да не где-нибудь в подсобке, а прямо в Растреллиевской галерее.

Шемякин вспоминает об этом так:

«Эрмитажу исполнялось 200 лет, и все должны были в честь этого что-то делать: кто умеет петь – пой, кто умеет танцевать – танцуй. Зная о том, что у нас работают художники, заведующие торжествами, в том числе Левинсон-Лессинг (искусствовед и сотрудник Эрмитажа), предложили сделать выставку такелажников. До этого навстречу торжествам уже была проведена выставка художников-реставраторов и выставка Виктора Павлова, главного художника Эрмитажа. По тем временам, кстати, он сделал очень смелую экспрессионистскую выставку: это прошло незамеченным. У нас не было особо-

го желания выставляться, и Левинсону-Лессингу мы так и сказали: “Вот мы приносим работы. Что можно выставить – мы выставляем, что вы считаете ненужным – убираем, чтобы не было ни шума, ни скандала, никому из нас этого не нужно”. Он – милейший, интеллигентнейший человек – указал нам на работы, которые могут раздражить гусей, и которые нужно снять, скомпоновал выставку.

Ничего особенного там не было: мои иллюстрации к Достоевскому, Гофману. Володя Овчинников выставил какой-то джаз-бэнд, была такая скромная выставка. И вдруг разыгрался чудовищный скандал: на третий день весь Эрмитаж был окружен машинами госбезопасности, нас куда-то оттаскивали прямо в ватниках – ведь выставка выставкой, а лед надо было колоть, какие-то занавески в залах Эрмитажа раздвигали, там велись допросы... Оказалось, что выставка наша совпала день в день с годовщиной выступления Ильичева, который был главным идеологом по искусству и разносил как раз известнейшую выставку в Манеже в Москве. И нашу выставку сочли ответом: дескать, мы-то еще живы.

– То есть это было полностью случайное совпадение?

– Абсолютно. Возможно, за этим следили те, кто делал выставку, поэтому я и говорю о том, что это могла быть провокация. Заявка в госбезопасность была сделана Союзом художников, ЛОСХом. Выставку объявили умышленной идеологической диверсией. Разыгрался скандал такого уровня, что о нашей выставке был сделан фильм, отправлен в Москву на просмотр Фурцевой (министру культуры). Пришел указ немедленно снять за допущенную халатность Артамонова, директора Эрмитажа».

В те же дни проходил знаменитый теперь суд над «тунеядцем», будущим лауреатом Нобелевской премии, И. Бродским.

А за два года до этого, 1 декабря 1962 года Никита Хрущев появился на пороге Центрального выставочного зала московского Манежа со словами: «Где у вас тут праведники, где грешники?» Там проходила очередная выставка московских художников. В этот раз, помимо обычного соцреализма, были представлены также работы мастеров авангарда 20-30 годов и творчество молодых художников. Фраза, брошенная Хрущевым, свидетельствует об определенном настрое, который уже был ему задан, о том, что это небывалое появление на выставке будет иметь знаковые последствия. (Предыдущий вождь первый и последний раз посетил художественную выставку АХРР в 1928 году. Потом куратором изобразительного искусства от ЦК КПСС был... стрелок Ворошилов!)

Участники так называемой Таганской экспозиции, их разместили на втором этаже Манежа, стали тогда жертвами соперничества в окружении Хрущева и борьбы за влияние между Союзом художников, который возглавлял автор пожизненной ленинианы, Президент Академии художеств Владимир Серов, и возникшим еще перед войной Горкомом Союза художников книги, где группирова-

лась молодежь. В ЦК в это время была создана идеологическая комиссия, причем в воздухе еще витали идеи расширить понятие соцреализма и вовлечь левых в создание образа демократического социализма. Возможно, так бы и случилось, но и Суслов и Серов имели другие цели. Первому надо было вернуть себе роль идеолога и спичрайтера Генсека, второму нестерпимы были любые соперники. Зная Хрущева, они использовали его, сыграв на его характере и невежестве.

На первом этаже Манежа его ждали работы левых мастеров 20-х годов, причем многие из них, такие, как Фальк и Татлин, давно ушли из жизни. Серов, показывая на их работы пальцем, стал называть суммы, за которые они были куплены когда-то музеями, причем в старых, не деноминированных ценах. Генсек взъярился – деньги трудящихся на эту мазню? – и предложил выслать из Союза этих художников. Ни академики от советской живописи, ни журналисты не сказали Хозяину, что он воюет с мертвыми.

Наверное, он все-таки чувствовал, что им манипулируют, что здесь что-то не так, и поэтому хотел уйти. Но его затащили на второй этаж.

Увидев группу поздоровавшихся с ним художников-таганцев из «Новой реальности», так назвал свою группу руководитель профессор Э. Белютин, Хрущев сказал: «Спасибо за приветствие, но они говорят, что у вас мазня, и я с ними согласен», – и кивнул в сторону Суслова.

Н. Хрущев распакает художников, 1962 г.

Белютин описывает дальнейшее так:

«...Хрущев три раза обежал довольно большой зал, где были представлены 60 художников нашей группы. Его движения были очень резки. Он то стремительно двигался от одной картины к другой, то возвращался назад, и все окружавшие его люди тут же услужливо пятились, наступая друг другу на ноги. Со стороны это выглядело, как в комедийных фильмах Чаплина и Гарольда Ллойда.

Первый раз Хрущев задержался на портрете девушки.

– Что это? Почему нет одного глаза? Это же морфинистка какая-то! – с каждым словом его голос становился визгливее.

Я посмотрел на круглую голову с маленькими глазами, на шмякающие губы. “Игра пока проиграна, – сказал я себе, – но, может, он успокоится”. Я ничего не сказал и отошел в другой конец зала.

Начав с портрета девушки А. Россая, Хрущев стремительно направился к большой композиции Л. Грибкова “1917 год”.

– Что это такое? – спросил Хрущев.

Чей-то голос сказал:

– “1917 год”.

– Что это за безобразие, что за уроды? Где автор?

Люциан Грибков вышел вперед.

– Вы помните своего отца? – начал Хрущев.

– Очень плохо.

– Почему?

– Его арестовали в 37-м, а мне было мало лет.

Наступила пауза.

– Ну, ладно, это неважно, но как вы могли так представить революцию? Что это за вещь? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше рисует.

Это доказательство на него, очевидно, так подействовало, что он побежал дальше почти не глядя на картины. Потом вдруг остановился около большой композиции:

– А это что такое?

Шорц через час после отъезда Хрущева признается, что ему стало так нехорошо, – он готов был свалиться у ног носителя самой гуманной философии. И даже на мгновение представил себе, как будет лежать среди ботинок и брюк.

Далее последовал традиционный вопрос об отце – как ни странно, почти ни у кого из студийцев отцов не оказалось в живых – и требование ответа: уважаете вы его или нет. Подобного рода подход к людям на четвертом десятке, снабженный почти матерными ругательствами увещивания, что надо непременно любить старших, был настолько неожиданным и абсурдным, что невольно становилось не до искусства и не до своих дел. Я видел, что все мои товарищи были в шоке, настолько их потряс интеллект и человеческий такт того, кто управлял половиной земного шара, не говоря о нашей собственной стране, и пассивность позиции его товарищей, не смевших и не пытавшихся его остановить.

Он ругался почти у всех картин, тыкая пальцем и произнося уже привычный, бесконечно повторявшийся набор ругательств. Потом сделал третий круг и остановился у картины Л. Мечникова, изображавшей вариант Голгофы.

– Что это такое? – Хрущев опять повышал голос. – Вы что – мужики или педерасты проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть? Кто автор?

Леонид Мечников, капитан военно-морского флота в отставке, был более спокоен, чем рядовые пехотинцы Люциан Грибков и Владимир Шорц. На вопрос об отце он ответил, что его помнит, и что тот еще жив.

– И вы его уважаете?

– Естественно, – ответил Мечников.

– Ну а как он относится к тому, что вы так пишете?

– А ему это нравится, – ответил Леонид.

Хрущев несколько остолбенело посмотрел на красивое лицо морского офицера. Казалось, та театральная мистерия, которую пробовал разыграть Хрущев, пошла на убыль.

– Ну, ладно, – сказал Хрущев, – а теперь рассказывайте, в чем тут дело.

Это был уже какой-то шанс, и я увидел, как по-разному насторожились Суслов, Шелепин, Аджубей.

– Эти художники, которых вы видите, – начал я, взбешенный поведением премьера и решив не называть его по имени-отчеству, – много ездят по стране, любят ее и стремятся передать увиденное не только по зрительным впечатлениям, но и сердцем.

– Где сердце, там и глаза, – сказал Хрущев.

– Поэтому их картины передают не копию природы, а ее преображенный их чувствами и отношениями образ, – продолжал я, не реагируя на хрущевскую реплику. – Вот взять, например, эту картину Николая Крылова “Спасские ворота”...

Я говорил обычными словами, которыми стало принято объяснять живопись. Хрущев слушал молча, наклонив голову. Он, похоже, успокаивался. Никто не прерывал, и чувствовалось, пройдет еще пять-десять минут, и вся история закончится. Но этих минут не случилось. Посередине моего достаточно долгого объяснения сухая шея Суслова наклонилась к Хрущеву, и тот, посмотрев на мое спокойное лицо, неожиданно взорвался:

– Да что вы говорите, какой это Кремль! Это издевательство. Где тут зубцы на стенах – почему их не видно?

И тут же ему стало не по себе, и он добавил вежливо:

– Очень общо и непонятно. Вот что, Бельютин, я вам говорю как Председатель Совета министров: все это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю!

Ему опять стало не по себе. Лицо его менялось, а маленькие глазки забегали по окружающим лицам.

– Но и вы, Серов, тоже не умеете хорошо писать, – сказал Хрущев, обращаясь к этому художнику-сталинисту, который все время его накручивал. – Вот я помню, мы посетили Дрезденскую галерею. Нам показали картину – вот так были написаны руки, что даже в лупу мазков не различишь. А вы тоже так не умеете!

Я смотрел на довольное плоское лицо, на людей, подобострастно дышавших в спину премьера, на пожилых прилежных стенографисток и не мог избавиться от мысли, что это какой-то сумасшедший дом. Люди вдруг начали двигаться. Хрущев, которому, вероятно, надоел неубедительный диалог Суслова, повернулся, чтобы пройти в соседнюю комнату, очень тесную, где на столе были представлены маленькие скульптуры Неизвестного».

То, что было там на самом деле, трудно установимо, Эрнст с каждым после-

дующим своим рассказом прибавлял себе куража и ответного мата, но ругань и визг Генсека, кричавшего:

– Запретить! Все запретить! Прекратить это безобразие! Я приказываю! Я говорю! И проследить за всем! И на радио, и на телевидении, и в печати поклонников этого выкорчевать! – слышали многие.

Выставка была арестована, получили свои работы, спустя чуть не год, не все художники.

Но никого не посадили и не выслали. Белютин даже был приглашен на встречу Нового года в Кремле 31 декабря 1963-го, где состоялся его короткий разговор с Хрущевым, и последовали его добрые пожелания «Вашим товарищам». С 1964 года группа «Новая реальность» стала работать в Абрамцеве, Белютину дали возможность вести дальше свое объединение. А Э. Неизвестный написал Хрущеву покаянное письмо, потом был приглашаем на встречи Генсека с интеллигенцией и даже выполнил заказ его семьи – надгробный памятник отставному Генсеку.

Тем не менее Союз художников победил новаторов, о чем Серов не постеснялся громко заявить прямо на разгромленной выставке. Идеологическая комиссия ЦК, которая чуть не пропустила крамолу, была распущена, а Суслов вернулся к идеологическому кормилу.

Любопытен рассказ Белютина о том, что через несколько дней в его мастерскую заглянула некая дама, которая:

«...вытянув свои красивые ноги, стала рассказывать о том, что в Москве говорят, и что говорят у них, в Министерстве культуры СССР. Я был удивлен.

– Вы там работаете?

– Да, – просто сказала она. – Я референт министра культуры. Вы, безусловно, замечательный художник и человек: я видела и ваши работы, и работы ваших учеников.

Я уже не удивлялся, а только слушал.

– Но, – продолжала дама, – что у нас говорят в министерстве? Пусть расцветают все цветы, а поливать их будем мы, кого водой, кого дерьмом, а кого и просто топором. Вы, конечно, понимаете, что мы – это не министерство, а Центральный комитет партии. Но должна вам сказать откровенно, что все было бы даже возможно, если бы не боязнь “Клуба Петёфи”.

Вообще-то вы, конечно, знаете, что после Венгрии и Польши (она имела в виду события в Познани 1956 года) на Политбюро было решено руководить всеми помыслами интеллигенции. Партия не может чего-то не видеть, чего-то не знать, особенно среди интеллигенции. Это просчет и в Венгрии, и в Польше. И было бы разумно подставить своих людей в виде катализаторов, вокруг которых группировались бы недовольные и просто леваки, как мотыльки вокруг керосиновой лампы.

– Но это гнусно, – сказал я.

– Это политика и управление государством, – помолчав, ответила она. –

Впрочем, похоже, что вы на эту роль не годитесь. У вас большой недостаток. Вы витеаете в каких-то эмпиреях, увлекаетесь какими-то теоретическими соображениями об искусстве и потому не можете быть контролируемым.

– Спасибо, – сказал я.

То, что гэбисты уже тогда стали использовать фрондирующую творческую интеллигенцию, находя тех, кто с их благословения собирал у себя под присмотром неблагонадежных, подтверждают и другие.

Уже тогда появились левые художники, которым были разрешены подпольные контакты с иностранцами... Как свидетельствует в своей книге «КГБ и власть» бывший начальник 5-го управления, специально занимавшегося диссидентами, генерал Бобков, Интурист и Институт переводчиков, получали списки разрешенных Госкомитетом адресов художников, которым можно было контактировать с иностранцами. Считалось важным убедить Запад в существовании в Советском Союзе творческой фронды, и что при этом «трудящиеся массы» в целом остаются чужды подобным «вылазкам». А еще, думаю, была возможность вербовки иностранцев в непринужденной богемной обстановке, где можно было подловить дипломата на чем-нибудь не слишком благовидном.

Другой участник конфликта в Манеже, художник Жутковский пишет так:

«В одном из московских музеев есть подаренный XVII съезду ВКП(б) топор. На одной его стороне написано “руби правой рукой”, на другой – “руби левой рукой”, а по обуху – “руби примиренцев”. Созданная к 30-м годам структура власти не давала людям возможности на сомнения, на размышления, на обдумывание.

Почти всю свою жизнь Хрущеву пришлось думать о сохранении собственной жизни, у него не было возможности стать образованным. Он воспитывался в той гостиной, где палач распределял, кому жить, а кому голову отсечь. Он пел в этой гостиной частушки, юродствовал, был у Сосо Сталина клоуном. Да, он участвовал и в репрессиях. Но по-человечески, мне кажется, он ненавидел это. Он выполнял роль шута при кровавом дворе. А шуты, как правило, ненавидят хозяев.

И вот к нему в руки попадает огромная власть. Ему достается власть, где есть прислужники с наручниками и кистенями. И страна, истерзанная и замученная ими. И перед ним встают задачи огромной сложности, фантастической. Судить его за то, как он решал эти задачи, я не могу. Это не в моих силах...

Я виделся с Хрущевым в последний день его рождения, незадолго до смерти. Вспоминая свой визит в Манеж, он извинился и посетовал: “И зачем я только полез во все это. Это же совершенно не мое дело.”»

Но это было уже после его снятия. А тогда, хоть он и не дал расправиться лично с теми, кто попал ему под руку, брошенные им слова «все это не нужно советскому народу!» прозвучали как директива и были подхвачены. Суслов (советский Победоносцев) снова встал на страже идейных основ.

Соппротивление

Плита соцреализма не дает распрямиться тем, кто растет, в результате искусство и мысль ищут себя в андеграунде. Там и сям появляются кружки, неофициальные выставки, домашние вернисажи и литературные чтения, самиздат...

Несмотря на всю бдительность цензоров, в литературе, в первую очередь журнальной, появляется то, чего давно ждут. В ряды ходульных, затертых до неразличимости героев пятилеток и соцсоревнований входят живые люди. С их сомнениями, слабостями, поисками любви и смысла жизни.

Здесь Твардовский и Солженицын, Гроссман, Тарковский и Рождественский – но тут же Кожевниковы, Грибачевы, Катаевы, Шолоховы, Кочетовы, Ильичевы и Михалковы. Новаторство и косность, карьеризм, страх перед просыпающимся обществом, нестерпимое желание сказать правду, невежество власть имущих, надежды на обновление социализма, борьба в мыслящей и правящей элитах. Все это наполняет 60-е годы так, что до сих пор их продолжают называть оттепелью и вспоминают с улыбкой даже те, кто поплатился за романтизм лагерями.

Я еще только доучиваюсь, но прежде чем закончить училище, меня угораздит ввязаться во внутренние разборки среди учившейся там шпаны. Я побил старосту своей группы, потом дважды за один день избили меня, да так, что с сотрясением мозга и сломанным носом я долго валялся в больнице. Чтобы замять дело, администрация отправила меня потом долечиваться в санаторий на Северный Кавказ, где я познакомился со своей первой женой. Поженились мы через пару лет, но поскольку было нам по 18 лет, брак этот, естественно, был недолгим. Что не помешало нам дружить потом всю жизнь. Получив в 1966 году диплом резчика по дереву, краснодеревца, я должен был отработать два года по направлению, но попал вовсе не на художественную работу, а в цех фабрики детской мебели. На конвейер. Мои навыки были там не нужны. Я не стал надрываться и выполнять норму, тогда меня, поняв, что все равно работать не буду, вскоре отпустили. Каким-то чудом мне удалось попасть на работу в Русский музей. Там в реставрационных мастерских была нужда в специалисте по реставрации мебели, дерева и резьбы. Там я знакомлюсь с девушкой, которая становится моей женой и матерью моего сына. Но я еще не чувствую своей ответственности за семью, и это, со временем, делает нашу совместную жизнь невозможной.

В 1964 году заматеревший кремлевский аппарат и «соратники» отстраняют Хрущева от власти: он надоел им не только своим хамством, это они терпели и при Джугашвили, но в первую очередь импульсивным прожектерством, ка-

дровой чехардой, авантюризмом. Сдернутый с коня мужик-самодур ушел, пряча слезу и утешаясь тем, что смена власти впервые прошла мирно.

Я знакомлюсь с Олегом Волковым. Кто-то приводит меня к нему в узкий пенал под крышей доходного дома на Васильевском острове. Он мастер по радио и прочей аппаратуре, геолог, ездит в экспедиции, пишет этюды, любит Ремарка и Хема... Он старше, многое повидал и вообще – веселый человек.

Олег Волков, 1967 г.

У него хриплый, кашляющий смех, из-за перенесенного в детстве полиомиелита он прихрамывает, что не мешает ему лихо заниматься слаломом. Мы быстро становимся друзьями, вместе ездим на этюды. Поначалу я вижу в нем старшего брата, и мне это нравится. Наконец я нахожу взрослого человека, с которым общаюсь на равных. Летом Олег уезжает «в поле». Вернувшись, за столиком ресторана «Кавказский» рассказывает, что они искали нефть, а он отвечал за аппаратуру, которая регистрировала эхо от взрывов специально заложенной взрывчатки. По характеру отражения сигнала приборы определяли плотность и расположение пустот и пород под землей. Мы говорим о разном,

он тоже не приемлет советскую власть, но и вообще власть как таковую. Олег рассказывает, как несколько лет назад, чтобы порвать с обществом, он расписал свой паспорт молитвой «Отче наш», выбросил трудовую книжку и отправился в путешествие по Союзу. Как на Черном море он искал способ забраться на какой-нибудь корабль и удрать за границу, как был задержан, но отпущен. Теперь у него сын, жена и он уже не может бродяжить, надо работать и все же оставаться свободным человеком. Я тоже хочу жить вольным художником, сведя до минимума свою зависимость от государства. Мы декламируем девушкам:

Пью за яростных,
За непохожих,
За презревших грошовый уют!
Вьется по ветру
Веселый Роджер,
Люди Флинта гимн морям поют.

И действительно пьем, но не ром, а сухое вино, шляемся по ночному городу в белые ночи. Однажды, придя к нему, я слышу, что опять готовится реабилитация Сталина, что об этом будет заявлено на ближайшем партийном съезде. Что

ответом на предыдущую попытку в 1966 году стали письма протеста, подписанные Д. Шостаковичем, А. Сахаровым и еще десятком академиков. Один из крупнейших ученых в области кибернетики А. Берг, узнав о возможной реабилитации Сталина на съезде партии, заявил, что в этом случае он демонстративно выйдет из Академии наук СССР. Действительно, в газетах появляются признаки готовящейся кампании, все чаще звучит имя «все же великого» человека, чьи ошибки не могут заслонить подвига советского народа, совершенного под его руководством...

Отец пишет:

Твои листы уже чернеют, Ложь,
Я не один твое бессилье вижу.
Лишь медлит он – прямой и строгий нож –
Тебя отсечь, как отсекают грыжу.

Вот и ребенка не обманешь ты,
А мудрецов когда-то обольщала.
Кто не прочел звериные черты,
Что Божьими привиделись сначала?

Падешь и ты. Такой свершится день.
Твои жрецы поплатятся за дело.
Пройдет Огонь, и будет чадный пень,
Где ты листвой отравленной шумела.

Но что такое? Словно впереди
Былого леса черная громада?
Какого леса? Полно, не чуди –
Мы сами жгли, и вспоминать не надо.

Мы сами жгли? Не спору. Было так.
Но чьи же нам на грудь упали тени?
То Древо лжи вернувшихся бродяг
Приветствует во всем своем цветенье.

Шумят, шумят зловонные листы,
Летят на нас нетопыри и совы.
А как знакомы сумерек черты!
И день погас. Никто не ждал такого.

От этой муки разорвался б рот,
Когда душа бы голосом кричала.
Нарезки ржавой сорван поворот.
И снова ночь. И снова все сначала.

А что делать мне, Олегу? Мы не академики, наши имена никому неизвестны... Как протестовать? Листовки? Печатать не на чем. Тогда, взяв пару широких кистей и заготовив две банки с краской, мы идем осенней ночью к арке Главного штаба и оставляем на стене окружного Военного трибунала большую надпись: «Не забывайте кровавый 37-й!» Собственно отсюда начинается история нашего с ним «сопротивления». Мы начинаем собирать легальную и нелегальную литературу, пытаемся рассуждать и формулировать какие-то альтернативы советской власти.

Но советское общество поставлено в условия, когда люди, тянущие лямку принудительного труда, озабоченные добыванием хлеба, замороченные пропагандой и отсутствием информации, могут судить о жизни только на основе прочно засевших идеологических штампов и собственного микроопыта. Даже «свободные» профессии не спасают – в советской образованщине находится лишь горстка настоящих интеллигентов, способных подняться выше страха и навязанных стереотипов. Мы еще вне их круга, мы не знаем людей, давно занятых тем же. Мы «изобретаем велосипед», у нас нет уверенности в том, что рядом с нами есть единомышленники. Мы слышим о политических процессах, но это происходит в Москве, а у себя мы видим вокруг лишь обывателей, приспособленцев или, в лучшем случае, людей занятых делом, далеким от переустройства общества.

На самом деле это не так.

С 1964 по 1968 годы в Ленинграде действует подпольная группа – Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН), ее ядро составили студенты Ленинградского университета, а возглавил ученый-японист Игорь Огурцов. За время существования в нее вошло более 20 человек, организация была разделена на «тройки» и пыталась соблюдать строгую конспирацию. Они искали «третий путь» – не коммунизм и не капитализм. Они считали, что христианская этика и возрождение соборных традиций русского общества могут заменить порочную советскую политическую систему.

Несмотря на то, что в уставе союза было сказано, что член организации «не только пропагандист и организатор, но и солдат», они не ушли дальше сбора литературы и дискуссий. Но обсуждали в том числе и возможность захвата здания городского исполкома, дабы оттуда обратиться к городу со своими призывами, предполагали, что они смогут возглавить революцию, если она начнется. Это, а также найденная у кого-то при обыске винтовка, позволили обвинить всех в заговоре с целью «вооруженного свержения советской власти». Сроки они получили

разные, но большие. Так, Огурцову дали 15 лет (из них 7 в тюремной камере и 8 в колонии строгого режима), а после этого – еще 5 лет ссылки.

«Русизм» не был в те годы массовым, а инакомыслие еще не оторвалось от надежд на гуманистическую модернизацию социализма. Но по окраинам империи уже появляются ростки национально-освободительных движений. Украинцы, литовцы, эстонцы, латыши, армяне, грузины, крымские татары, месхи, евреи – в каждой национальной среде появляются люди, поднимающие свой голос против советской унификации, против подчинившего их имперского государства, в защиту своей самобытности и независимости. Это было свойственно народам и до 1917 года, национализм и сепаратизм в ситуации Гражданской войны едва не развалили империю, но соблазн построения советского рая оказался сильнее. Часть национальных элит была вовлечена в это строительство, другую коммунисты беспощадно истребили.

Национальный вопрос вернулся в общественное сознание, когда морок коммунистической утопии рассеялся...

Обостренные чувства ущемленного национального самосознания доводят людей до крайности. Вторжение советских войск в Чехословакию, подавление пражской весны делает очевидным то, что «коммунисты» держат за горло всех сателлитов империи, и рассчитывать на свободу не приходится никому. Так, 5 ноября 1968 года приехавший в Киев накануне Октябрьских праздников украинский учитель Василий Макуха, облив себя бензином, живым факелом бежит по Крещатику. Погибая, он кричит: «Да здравствует свободная Украина!»

В январе 1969 года студент Ян Палах сгорает заживо в центре Праги, протестуя против оккупации. В феврале пытается сгореть украинец Николай Бреславский, тоже учитель. Его спасают, лечат и отправляют в тюрьму. В апреле – самосожжение Ильи Рипса на площади в Риге. В 1972 году сгорает литовец Ромас Каланта, в 1978 году – крымский татарин Муса Мамут. Они пытаются ценой своей гибели разбудить свой народ, но их усилия тщетны.

Радио 21 августа 1968 года объявило о том, что войска Варшавского договора откликнулись на призыв чешских коммунистов и вошли в Чехословакию, а по сути, оккупировали ее. Гнев и растерянность толкнули меня к окну – взглянуть на то, что происходит на улице. Вместе с женой я жил тогда на Невском проспекте, в маленькой, узкой комнате, единственное окно которой выходило на главный городской проспект. Я высунулся из окна – внизу, как и прежде, равнодушно текла людская толпа.

Но была и другая реакция. В Московском и Ленинградском университетах студенты спорили, надо ли теперь выходить из комсомола. Сестра Галины Старовойтовой Ольга после колебаний все-таки рвет свой билет. На улицах Питера появляются надписи: «Брежнев – вон из Праги!» За это Богуславский уходит в лагерь. Левин пишет в Генеральную прокуратуру о необходимости возбудить уголовное дело против КПСС за агрессию и попадает в психушку,

Льва Лурье за вольные речи гонят из университета. О событиях в Москве пишет Л. Алексеева:

«Молодая женщина с детской коляской свернула от Александровского сада к Красной площади. В коляске рядом с младенцем лежал самодельный флаг Чехословакии и два лозунга, написанных на кусках ткани.

Один – по-чешски: “Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!”, другой – на русском языке: “За вашу и нашу свободу!”».

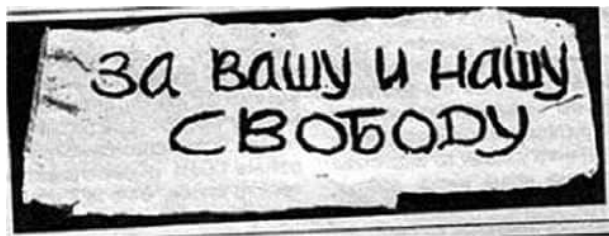
Это выражение принадлежит Александру Герцену, который сто лет назад поддерживал польских повстанцев, боровшихся за независимость от Российской империи...

Свобода, как и рабство, не знает национальных границ. Наташа Горбаневская катила коляску по Красной площади, приближаясь к Лобному месту.

25 августа 1968 года здесь ждали назначенного часа остальные участники демонстрации: Лариса Богораз, Павел Литвинов, Владимир Дремлюга, Константин Бабицкий, Вадим Делоне и Виктор Файнберг.

Часы на Спасской башне пробили двенадцать. Семеро демонстрантов развернули плакаты и молча сели на теплые белые камни.

В считанные минуты к ним подбежали стражи порядка в штатском, вырвали плакаты, избивая, стали заталкивать в подоспевшие машины.

Плакат, с которым люди вышли на Красную площадь. 1968 г.

Участники демонстрации были осуждены на различные сроки лишения свободы...»

Сама Горбаневская писала позже:

«Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли хоть на мгновение прорвать поток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насилием, которое творится от имени советского народа. Мы надеемся, что об этом узнал и узнает народ Чехословакии. И вера в то, что, думая о советских людях, чехи и словаки будут думать не только об оккупантах, но и о нас, придаст нам силы и мужество».

Действительно, в пражской газете «Литерарни листы» появились строки: «Эти семь человек на Красной площади Москвы, по крайней мере, – семь причин, по которым мы никогда не сможем испытывать ненависть к русским».

А русским, которые еще верили в возможность социализма с человеческим лицом, было, пожалуй, еще хуже, чем пражанам. Тем не пришлось убеждаться в тщетности своих надежд, их социалистический проект был оборван вторжением. Басни о том, что «пражская весна» – это козни ЦРУ, что впереди ре-

ставрация капитализма, были убедительны только для ослепших и оглохших советских людей. Корреспонденты западных газет, видевшие собственными глазами то, что происходило тогда в Чехословакии, с недоумением и восторгом писали: «Если смелый чехословацкий эксперимент доведут до благополучного конца, Западу будет брошен вызов более опасный, чем все прежние угрозы коммунизма. Западу будет противостоять дух, а не политика», «Если все будет осуществлено, то Чехословакия станет самой свободной страной в мире».

Действительно, монополия на истину отменялась. Новая программа чешских коммунистов поставила во главу угла человека, его личный вклад в новое общество. Первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек о роли своей партии заявил прямо: «Коммунисты будут... сохранять руководящее положение в такой степени, в какой они сумеют его добиться и удержать». Но метрополия и ее вассалы не нуждаются в новациях и конкурентах. И стесняться в средствах зачистки они не собираются.

Наглая оккупация чужой страны окончательно рассеяла надежды российских шестидесятников. Тем, кто мечтал о том, как народ заставит диктатуру отступить, стало ясно, что никакие тайные организации не повалят империю. Неудачи и провалы антисоветского подполья, нежелание участвовать в том, что может спровоцировать насилие («в подполье можно встретить только крыс», — писал генерал-правозащитник Григоренко), привело диссидентов к принципиально открытой деятельности.

Мы не изменим режим сегодня, но мы заставим их бояться своих преступлений. Мы вытащим на свет все, что они творят, мы откроем глаза народу и всему миру — так рассуждали те, кто нашел новый путь. Конечно, такие издания, как «Хроника текущих событий», где регулярно фиксировались все политические, религиозные и социальные репрессии, выпускались и распространялись нелегально. Но в остальном, все было открыто. «Соблюдайте ваши законы!» — говорили правозащитники советской власти, уличая режим в их нарушении.

Самиздат

Как вспоминают мои современники, для образованного человека в 70-е годы стало просто неприлично, если он не читал Сахарова и Солженицына. Но прочесть все это можно было только в самиздатовском подпольном варианте.

Чекисты докладывают в ЦК:

«Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции так называемой “самиздатовской” литературы показывает, что “самиздат” претерпел за последние годы качественные изменения. Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам главным образом идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности.

Во многих документах пропагандируются идеи и взгляды, взятые из политических платформ югославских руководителей, чехословацких дубчековцев и некоторых западных компартий. В статье “О некоторых общественно-политических течениях в нашей стране”, написанной известным своей антиобщественной деятельностью Р. Медведевым, делается вывод о появлении в советском обществе и в партии новых идейных течений и центров идеологического влияния. В ней утверждается, что внутри КПСС имеются силы, выступающие против якобы существующего “консерватизма”, за “решительное разоблачение всех преступлений периода культа личности, чистку госаппарата от бюрократов, перерожденцев, догматиков и карьеристов, за расширение свободы слова, собраний и дискуссий, замену цензуры более гибкими формами партийного руководства, за расширение рабочего самоуправления, изменение системы выборов” и тому подобное.

Среди научной, технической и части творческой интеллигенции распространяются документы, в которых проповедуются различные теории “демократического социализма”. Согласно схеме одной из таких теорий, автором которой является академик САХАРОВ, эволюционный путь внутриполитического развития СССР должен неизбежно привести к созданию в стране “истинно демократической системы”. Математики и экономисты должны в связи с этим заблаговременно разработать ее модель с тем, чтобы она явля-

лась синтезом положительного в существующих ныне общественно-политических системах.

В ряде проектов “демократизации” СССР предусматривается “ограничение или ликвидация монопольной власти КПСС, создание в стране лояльной социализму оппозиции”. Их авторы и распространители, считая, что нынешний уровень развития социалистической демократии дает право на существование оппозиционных воззрений, требуют предоставления легальных возможностей для выражения несогласия с официальным курсом. Уголовное законодательство, карающее за антисоветскую агитацию и пропаганду или распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, они объявляют на этой основе антиконституционным.

На базе изготовления и распространения “самиздатовской” литературы происходит определенная консолидация единомышленников, наглядно прослеживаются попытки создания подобия оппозиции. Примерно в конце 1968 — начале 1969 года из оппозиционно настроенных элементов сформировалось политическое ядро, именуемое “демократическим движением”, которое, по их оценке, обладает тремя признаками оппозиции: “имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих; не принимая четкой формы организации, ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику; добивается легальности”.

Основные задачи “движения”, как они сформулированы в 13-м номере “Хроники текущих событий”, выпускаемой московской группой “демократического движения” во главе с ЯКИРОМ, включают в себя “демократизацию страны путем выработки в людях демократических и научных убеждений, сопротивление сталинизму, самозащиту от репрессий, борьбу с экстремизмом любого толка”.

Центрами распространения внецензурных материалов по-прежнему остаются Москва, Ленинград, Киев, Горький, Новосибирск, Харьков. В этих и других городах выявлено около 300 человек, которые, именуя себя “антисталинистами”, “борцами за демократические права”, “участниками демократического движения”, занимаются выпуском как отдельных документов, так и сборников “Хроники текущих событий”, “Вестника Украины”, “Общественных проблем” и т. п. Группой сионистски настроенных элементов в Москве, Ленинграде и Риге с 1970 года начал выпускаться журнал под названием “Исход”.

Западная пропаганда, враждебные Советскому Союзу зарубежные центры и организации рассматривают “самиздат” как важный фактор политической обстановки в СССР. Нелегально выпускаемые журналы и сборники именуются печатными органами “демократического подполья”, “свободной демократической печатью” и т. п. На основе сравнения выпусков “Хрони-

ки текущих событий” отмечается “растущее число участников движения” и наличие в нем “постоянного и коллективного сотрудничества”. “Советологи” делают вывод, что в СССР существует и развивается “движение за гражданские права”, которое приобретает “все более определенные очертания и определенную политическую программу”».

Госбезопасность указывает на то, что репрессивных мер недостаточно, и рекомендует своему хозяину, ЦК КПСС, начать идейную и пропагандистскую работу по разоблачению вредных тенденций... Рекомендации не приносят результата, крикливая пропаганда, ложь и клевета не убеждают, а лишь множат число людей, окончательно рвущих с иллюзиями.

Несмотря на установку в стране «глушилок», радиостанции «Свобода», «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна» открывают перед советскими слушателями не только лживость и убожество «советского» образа жизни, но и полноту свободного обсуждения проблем открытого общества. Исследования спецслужб обнаруживают, что 80% студентов регулярно слушают западные «голоса», а чтение самиздата и тамиздата стало основой для антисоветских убеждений половины из тех, кто замечен в политической активности.

В результате идейная борьба за «единственно верное учение» сводится к арестам и психушкам для наиболее активных. Кроме того, проводится широкая профилактика: замеченные в контактах с диссидентами вызываются в «органы», где запугиванием их склоняют к сотрудничеству или отказу от фронды. Только за 1971-74 годы «профилактировано» 63 тысячи человек.

С начала 70-х все больше евреев пытается уехать из Союза на землю предков и просто в свободный мир. Российская диаспора этого активного и солидарного народа не только помнит о том, что советская власть еще недавно подумывала об их полной депортации в Сибирь. Евреи видят, что в отличие от других малых народов империи на поступление их детей в вузы есть негласные ограничения. Несмотря на все, они ярко проявляют себя в науке и культуре, но бытовой антисемитизм сопровождает их жизнь. Сионизм, идея выхода из плена, возрождения своей государственности, возвращения к родной земле становится близкой для десятков и сотен тысяч. Да только выйти на свободу из лагеря общенародного режима не так-то просто... Любой, кто заявляет о намерении уехать, изгоняется с работы, его дети подвергаются обструкции в школах и институтах, остаются с незаконченным образованием. Появляется термин «отказники» – это те, кто годами не получает разрешения на выезд, все это время они выживают, перебиваясь случайной работой.

Летом 1970 года 12 человек из числа тех, кто безуспешно пытался выехать законным путем, арестованы в аэропорту Ленинграда перед посадкой в самолет, который они хотели захватить для угона. Не успевшее осуществиться намерение было расценено как терроризм. Э. Кузнецова и М. Дымшица приговорили к расстрелу, остальные получили сроки от 8 до 15 лет.

Это вызвало бурю протестов по всему миру, и тогда казнь заменили на максимальные сроки. Вскоре после короткой вспышки антиеврейских кампаний в прессе и нескольких судов над активистами движения за выезд число получающих отъездные визы стало расти. Дверь на выход стала постепенно отжиматься общими усилиями, причем за право на еврейскую реэмиграцию начинают бороться и не евреи. За 10 последующих лет в лагеря и ссылки пошли более 70 активистов, а израильские визы получили 250 тысяч евреев и членов их семей. До Израиля добиралась в среднем одна треть, остальные, как и в царские времена, двигались за океан.

А коренной народ покорно тянет трудовую лямку, и хозяевам Кремля очаги интеллектуального, национального и религиозного сопротивления кажутся ничтожными. Но происходят и незаметные глазу экономические подвижки, те, что исподволь готовят крах системы государственного капитализма. Стыдливо умолкли призывы догнать и перегнать США. Стране уже давно не хватает хлеба. Его первые зарубежные закупки произведены еще в 1963 году. Вскоре придется и мясо покупать. Неэффективность системы очевидна, Союз добывает железной руды в 8 раз больше, чем США, но количество выплавленного из нее чугуна уже только втрое больше американского, стали – лишь вдвое, а машин из нее, по стоимости, столько же, как за океаном. Про качество вспоминать не будем. Средний срок строительства советского завода 10 лет, в США – 2 года. Союз производит в 16 раз больше зерноуборочных комбайнов, чем США, а зерна при этом собирает много меньше.

Почему? Неужели разумное планирование экономики, неужели общий труд на общее же благо – не могут обеспечить прогресса? Но планирование в хозяйстве такого масштаба оказывается неразрешимой задачей. И не только потому, что нет компьютеров: в бюрократической системе гложет обратный сигнал! Два камня преткновения – Всесильная Инstrukция и Иерархическое Согласование – тормозят все процессы.

Система не в состоянии немедленно реагировать на изменения, отвечать оперативными поправками, корректурой заданий. А на местах инициатива невозможна. И не потому, что над работником навис случайный дурак-начальник, способный только на исполнение спущенных сверху директив. А просто потому, что госкапитализм других не терпит. Миллионы встроенных в эту систему столоначальников окажутся не нужны, если допустят обратное. Это системный, неотъемлемый порок любой крупной управленческой системы, в которой отключены личная инициатива, право на риск и успех. Почему же не включить? Робкие попытки в этом направлении делались. Подвижки в сторону чуть большей самостоятельности и стимулировании предприятий еще дают результат, но это последняя в истории Союза «успешная» пятилетка. Потому что блюстители идейной чистоты и тотального управления видят угрозу в любом послаблении частному интересу...

Компенсировать холостые потери еще могут дешевые рабочие руки. Но их то

и не хватает. Не хватает внуков тех, кто уничтожен в Гражданскую, детей тех, кого сгноили в лагерях, тех, кем высланы поля боев Великой Отечественной. Современные социологи считают, что мы потеряли не менее 40 миллионов преждевременно умерших во время Гражданской войны, голода 20-х и 30-х, политических репрессий и Великой Отечественной войны.

Почти половина мужчин и каждая четвертая женщина умерли за годы Советской власти не своей смертью, 11 из 33 миллионов женщин не прожили отпущенного им срока. Только на Российскую Федерацию приходится 35 миллионов человеческих потерь. Нерентабельному хозяйству не хватает потомков этих людей. Деревня, чей рабский труд когда-то обеспечивал продажу зерна за рубеж и покупку там комплексного оборудования для промышленности, уже вычерпана. За прогул и невыполнение нормы в тюрьму уже не сажают, и тут оказывается, что лишь страх репрессий заставлял крутиться маховики советской экономики. Люди не хотят горбатиться задарма, тем более что и купить на заработанное нечего, ведь почти половина имеющихся в промышленности рабочих рук обслуживает военные заказы. И каждый знает, перевыполнение плана – это премия сегодня, но повышение норм выработки завтра. Везде сидят толстозадые дяди, которые бдительно отслеживают, чтобы никто не стал богаче других. Кроме особо приближенных.

Поэтому у народа в ходу пословица: «Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем». Всеобщий дефицит и скудные «недозарплаты» толкают людей на воровство с предприятий всего, что плохо лежит и может пригодиться. По этому поводу, не стесняясь, шутят: «Тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость.» Окончательно запивает деревня, но и город не отстает. Государство использует водку как единственный способ изъять у рабочего зарплату и заставить его работать снова. За оставшиеся до краха годы число больных алкоголизмом вырастет в 7 раз, пьют дома, на улице и на работе.

Даже в Русском музее, где я еще работаю, очередной юбилей превращается в пьянку с мордобитием. Начиналось все хорошо. В Малом театре оперы и балета были взяты напрокат костюмы, и половина сотрудников щеголяла по залам закрытого музея в камзолах, сюртуках и бальных платьях. Я разгуливал в гусарском ментике, с бутылкой коньяка и бокалом, от стола к столу и в конечном счете набрался так, что пришлось, не дожидаясь конца вечера, двинуться домой. На следующий день я узнал, что сделал это вовремя. Оказалось, что вскоре «пролетариат», а его представляла бригада работяг-монтажников, напившись, воспылал классовой ненавистью к интеллигентам. В ход пошли стулья, битые тарелки и бутылки. Все это летало по главному музейному залу, скульптура и картины остались не тронуты только чудом. Одному из искусствоведов сломали ногу. Реставраторы бились как львы, но, если бы не вмешавшиеся пожарники, им тоже пришлось бы худо. В последующие лет десять о юбилеях в музее не заикались.

Моя дружба с Олегом неожиданно оборвалась. Я вызвал его на дуэль. Повод был, понятное дело, классический. Поскольку инициатива поединка была моей,

то право выбора оружия осталось за Олегом. Я немного фехтовал, а он был охотником и выбрал стрельбу. Но ни дуэльных, ни каких-либо других пистолетов было не достать, поэтому он остановился на ружьях. Пришлось купить в комиссии старую одностволку. Моим секундантом стал своеобразный религиозный молодой человек, теперь весьма почитаемый священник одной из питерских церквей. Олег нашел секунданта еще более оригинального: им оказалась его давняя знакомая девушка, которая только что приехала в Ленинград из южных краев... Стреляться решили на старой петергофской дороге, у залива. Расстояние определили в 30 шагов, это давало хорошие шансы на попадание. Но убивать и даже ранить недавнего друга я не собирался, мне было достаточно подержать его под дулом, чтобы он почувствовал ответственность за предательство нашей дружбы. Поэтому, когда мой наихристианнейший секундант Александр крикнул: «Сходитесь», я сделал шаг и вскинул ружье. Пару секунд я смотрел на Олега через прицел, потом, чуть отвернув ствол, нажал на курок.

Порох был дымный, пришлось ждать, пока он рассеется. Олег, оставаясь на месте, поднял ствол ружья над головой и выстрелил в воздух. Мы разошлись и долго потом не встречались.

А вскоре я ушел из реставрационных мастерских Русского музея. Там я познакомился с женой, которая стала потом матерью моего сына, но в отличие от нее мне трудно было смириться с тем, что музейная работа станет делом всей моей жизни. Я работал над своей живописью, осваивал технику монотипии, пытался делать иллюстрации к «Мастеру и Маргарите», читал самиздат, писал прокламации, встречался с людьми, которые казались мне интересны. Меня тянуло к жизни свободного художника.

Я забросил работу; в мастерской, где я должен был скрупулезно восстанавливать старинную резьбу и левкас, появились мои холсты и картоны. А у Бриндарова, начальника мастерских, кончилось терпение, я не стал слушать его упреков и подал заявление об уходе. Незадолго перед этим я случайно познакомился с молодым художником, Валентином Серафимовичем. Выйдя как-то после работы на Невский проспект, я увидел человека, сидевшего под окном кафе «Садко», в руках у него была папка, несколько рисунков разложено на подоконнике. Я подошел, оказалось, что парень пытается продавать свои рисунки. Причем хорошие. Не успели мы сказать друг другу несколько слов, как появился милиционер и, недолго думая, потащил художника в пикет при станции метро, за торговлю без разрешения. Естественно, я не остался в стороне и стал ругаться, доказывая, что торговли не было, а просто мой приятель решил показать мне свои работы. Когда я показал удостоверение сотрудника Русского музея, милиционер отстал. Валентин жил в коммуналке, на канале Грибоедова, куда мы и отправились. Я увидел сложные, чем-то напоминавшие о Филонове талантливые работы. А вскоре, уже безработный, я и сам стоял вместе с Валей у Дома книги, придерживая на подоконнике норовившие разлететься листы своих монотипий. Мы были не первыми в этом

деле, до нас был на Невском уличный художник Лев Сергеев, но ему пришлось отсидеть несколько лет за то, что в его кармане нашлись 5 долларов, которые он получил от прохожего туриста за свой рисунок. Поэтому мы обходили стороной иностранцев, а советские люди подходили, смотрели, удивлялись и даже хвалили, но покупали мало. И все равно надо было посматривать вокруг и смываться при появлении милиции. Ведь негосударственная торговля, даже за рубли, тем более на «фронте» искусств, была запрещена. Для этого была Лавка художников, но попадали туда только члены Союза. Мы пытались продавать свои работы на площадке перед Лютеранской церковью, что напротив Думской каланчи. У меня родился сын Владимир, наши с Валентином жены приезжали туда с колясками, а мы, расставив этюдники, писали весьма условные этюды, положив рядом еще несколько уже готовых работ. Но милиция быстро смекнула, чем мы занимаемся. После того как однажды нас уже засовывали в машину, а прохожие студенты заступились и чуть не перевернули милицейский газик, нам пришлось отказаться от таких опытов и искать заработка на службе...

Тут мне представился случай поработать в государственной торговле, да не где-нибудь, а в отделе искусств букинистического магазина. Мой хороший приятель Саша Конвиссер захотел чего-то другого и устроил меня на свое место. Правда, и я проработал там недолго. Я считал, что продавец должен быть любезен, приветлив и помогать покупателю. По-европейски. А у советской школы торговли были другие традиции. Покупатель должен заискивать, а продавец в лучшем случае – снисходить. Я так не мог. А еще оказалось, что я приношу домой все меньше денег и все больше книг.

Пришлось уходить. Потом была работа оформителем, техником, а затем и художником по интерьеру в проектных институтах. К тому времени распался мой второй брак. Жена не выдержала моего свободного образа жизни. Я, действительно, не был домоседом и дома не всегда ночевал, но не потому, что шлялся по бабам. Нет, я мог бесцельно бродить по городу, мог застрять у знакомого и всю ночь сидеть у фотоувеличителя, печатая запрещенного Конквиста.

Я не хотел расставаться с сыном и, получив повестку, не пошел в суд. Но развод состоялся и без меня.

В 1972 году от кого-то из знакомых художников я узнал о том, что готовится молодежная художественная выставка. В Гавани, в только что отстроенных выставочных павильонах. Инициаторы – комсомол и молодежная секция Союза архитекторов. И что есть шанс туда попасть. В назначенное время я принес работы. В стеклянном кубе было пусто. Ни одной перегородки, ни одного стенда. Огромное воздушное пространство. Лишь по стенам сиротливо жмутся прислоненные холсты, картоны и папки, да бродят знакомые и незнакомые художники. Энергично бегают выставком. Возглавляет его стройный молодой человек Андрей Красильщиков, архитектор. Кто-то просматривает принесенные работы, оказалось, что на выставке будет представлена не только живопись и графика,

но и прикладное искусство и дизайн. Привезли керамику, появилась скульптура, потом прикатили пару ярких гоночных машин, еще что-то.

Увы, я уже не помню художников-участников, а их было человек 30-40, не меньше. Мне почему-то запомнился только Анатолий Маслов с его удивительной петербургской графикой, где по сферическим пространствам его фантазии перетекали наши улицы, мосты и каналы.

Нам было неясно, на что же мы повесим свои картины? Оказалось, что помогать нам никто не собирается. Я был рядовым участником, и никто не посвящал меня в ситуацию, но стало понятно, что хоть разрешение и дано, кому-то это совсем не по душе.

Тогда решили действовать сами. Оргкомитет связался с комсомольцами какого-то мебельного комбината, и там пообещали выдачу машины с древесно-стружечными плитами. Я вызвался ехать туда вместе с другими. Мы получили листы прямо из-под пресса, горячими, чтобы погрузить их, пришлось надевать рукавицы. Но потом оказалось, что нам их дают без документов на вывоз, никто не решается брать на себя ответственность... Хорошо, что комбинатские ворота не были закрыты, и мы проскочили мимо оравшей вслед охраны.

Открыв ворота в павильон и заехав туда прямо с грузовиком, мы скинули стопу плит, зал сразу наполнился едким запахом остывающей эпоксидной пропитки. Однако, что делать дальше? Как сооружать стенды, ведь нужны бруски, доски, крепеж, наконец, время и рабочие руки. А до открытия оставалось 2-3 дня.

Тут кому-то пришла в голову отличная идея. Крышу павильона держал стальной каркас, фермы которого опирались на боковые колонны. И вот, рискуя упасть, мы полезли по этим фермам, цепляя и опуская вниз толстую проволоку. Один день авральной работы, и весь зал увешан парящими в воздухе стендами. За ночь мы покрасили их в белый цвет, а на следующий день развесили работы. Из своих работ помню лишь портрет булгаковской Геллы.

Как это обычно бывало, не все художники работали над залом, многие просто приносили работы и уходили, скептически посматривая на коллег-энтузиастов. Наконец, все было сделано, и оргкомитет объявил, что завтра сюда прибудет комиссия из Союза художников. На меня экспозиция произвела сильное впечатление.

Эксперимента и поиска я увидел много, сразу и разного. Несмотря на то, что я уже не могу вспомнить большинства участников, несомненно, увиденное позже помогло мне идти в творчестве дальше. Как ни странно, но та выставка или, если хотите, история, выпала из памяти даже художников, которые в ней участвовали; когда я говорю о ней, вспоминают они с трудом. А ведь после хрущевского разгрома в московском Манеже это – первая попытка заново собрать «вольных» стрелков. Была даже афиша, которую уже расклеили по городу, и где было написано что-то о творчестве молодых, в глаза бросались изображенные на рыжем фоне силуэты питерских каменных львов с лапой на шаре. Кто-то из участников пошутил тогда, что выставку надо было назвать «Молодые львы».

Ну, а назавтра «львят» поставили на место.

Я был в зале, когда приехала комиссия в составе председателя Ленинградского отделения Союза художников М. Аникушина и заведующего секцией живописи ЛОСХ Ю. Тулина. Из работ последнего помнятся лишь «Похороны жертв Ленского расстрела», монументальное, грязно-бурое полотно, иллюстрация к учебнику истории СССР.

Комсомольцы встречают начальство, вместе они уходят в кабинет и через несколько минут возвращаются. Оргкомитет жмется сзади, впереди всех маленький и злобный Аникушин. Увидев группу художников, он останавливается, вынимает карандаш, поднимает его и, оборачиваясь ко всем, кричит: «Я сейчас обойду зал! Там, где я поставлю крестик, работы немедленно снимаются!»

Затем он делает несколько шагов и оборачивается. Мы слышим грозное: «И никаких дискуссий!»

Комсомольцы плетутся сзади, они незаметно машут нам, чтобы не ходили следом.

Товарищ Аникушин был неутомим, он обошел все стенды, он не пропустил ни одной работы, он поставил свой «крестик» у каждой из них! Не забракованными остались лишь керамические вазы и гоночные автомобили. Потом он снизошел и позволил остаться одному или двум авторам из числа оргкомитета. У них было что-то светло-романтическое, про стрельчатые своды и музыку Баха...

Начальство уехало, а нам было приказано снимать все свое и сегодня же увозить.

Открытие было назначено на следующий день. Потом мы узнали, что за ночь были собраны работы любителей из изостудий в домах и дворцах культуры – этюды, натюрморты. Выставка открылась под тем же названием, и, может быть, именно это затушевало скандал, который опередил историю с «бульдозерной» выставкой в Москве.

В те же месяцы:

«Подлежит возврату

Разослано членам Политбюро

в ЦК КПСС,

**кандидатам в члены (Общий отдел, 1-й сектор) Политбюро ЦК КПСС
и секретарям ЦК КПСС № П1756**

Сов. секретно

ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС

В соответствии с указаниями ЦК КПСС органы Комитета государственной безопасности ведут большую профилактическую работу по предупреждению преступлений, пресечению попыток ведения организованной подрывной деятельности националистических, ревизионистских и других антисоветских элементов, а также локализации возникающих в ряде мест группирований политически вредного характера.

За последние пять лет выявлено 3 096 таких группирований, профилировано 13 602 человека, входивших в их состав, в том числе: 2 196 участников 502 групп в 1967 году; 2 870 участников 625 групп в 1968 году; 3 130 участников 733 групп в 1969 году; 3 102 участника 709 групп в 1970 году и 2 304 участника 527 групп в 1971 году.

Подобные группы были вскрыты в Москве, Свердловске, Туле, Владимире, Омске, Казани, Тюмени, на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Казахстане и других местах.

В результате принимаемых мер заметно сократилось число ежегодных арестов за антисоветскую агитацию и пропаганду...

Ю. Андропов, Р. Руденко

11 октября 1972 года. № 2594-Д»

Однако аресты все же не прекращаются. КГБ мало одной 70-й статьи в главе «Особо опасные государственные преступления» Уголовного кодекса:

«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки».

Применение этой статьи подтверждает наличие в Союзе политической оппозиции. А это недопустимо в стране победившего социализма, где все во имя человека...

Поэтому уже в сентябре 1966 года специальным указом введены статьи 190-1 и 190-3, глава «Преступления против порядка управления»:

«Статья 190-1. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого содержания – наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей.

Статья 190-3. Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных или общественных учреждений, организаций, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей».

Наличие этих статей позволяло квалифицировать как преступление любое неугодное слово или текст. Ведь суды не утруждали себя доказательствами «заведомости» и «ложности» информации. С другой стороны, наличие «вилки» между 70-й и 190-й статьями позволяло торговаться с арестованными.

А в случае особой неуступчивости могла пойти в ход и статья об «измене Родине». И далеко не каждый подследственный выдерживал такой выбор. С 1968 года большая группа правозащитников издает «Хронику текущих событий», бюллетень, фиксирующий политические преследования, судебные процессы над диссидентами, националистами и религиозниками. Информация уходит на Запад, ее перепечатывают иностранные газеты, о нарушении прав человека и политических преследованиях в СССР начинают все чаще говорить западные политики.

Наконец, в декабре 1971 года ЦК КПСС принимает решение немедленно и решительно пресечь издание «Хроники» и вообще всякого самиздата. В Москве и других городах проведены обыски. Арестованы более 10 человек, среди них Петр Якир, сын расстрелянного командарма, как член семьи врага народа уже отсидевший в сталинских лагерях 5 лет. Среди арестованных Виктор Красин, за его плечами 5 лет лагерей за организацию подпольного кружка. Еще в 1937 году, когда он был 8-летним мальчиком, арестовали его отца, который потом сгинул на Колыме.

Оба они активно работали в «Хронике», у них были все связи по сбору информации в стране, они контактировали с иностранными корреспондентами. И еще, лагерный опыт вызывал не только уважение окружающих единомышленников, но и возвышал их в собственных глазах.

Это, а также то, что они имели рабочие контакты с Народно-трудовым союзом, зарубежной антисоветской организацией, было использовано следователями.

НТС, объединивший в своих рядах большую часть идейных противников режима из числа эмиграции 1-й и 2-й волны, считался самым зловредным врагом Советской власти. Пропаганда повесила на него всех собак, среди которых было и сотрудничество с гитлеровским режимом, и работа на ЦРУ.

Вскоре после ареста и Якир, и Красин стали сдавать своих товарищей. Мало того, они призывали их к покаянию и полному моральному разоружению перед Советской властью.

Правозащитник, «отсидент» Леонид Терновский пишет:

«...Красин не только покался и отрекся от прежних воззрений и утвержде-

ний. Не только рассказал все о собственной деятельности. Не только дал подробные показания на своих прежних товарищей. Хуже всего, что своей скверной он стремился заразить других, проповедуя на очных ставках и в письме на волю свои “новые воззрения” и призывая всех последовать своему примеру.

На суде Красин (как и Якир) полностью признали себя виновными. Покаявшимся “лидерам” дали по 3 года лагеря и по 3 – ссылки. Но и этот, по советским меркам, мягкий приговор был снижен при кассации. Каждому оставили только ссылку, причем поблизости от Москвы. Через год оба подельника были помилованы. А в феврале 1975 года Красин эмигрировал в США.

Причины падения Красин объяснил позже в своих воспоминаниях, где не пощадил себя. Он прямо написал, что купил свободу «в обмен на предательство». По его словам, к сдаче его вынудили угрозы назначить «высшую меру» (то есть – расстрел) путем переквалификации обвинения с диссидентской 70-й статьи на 64-ю («измена Родине»). Предлогом для такой переквалификации стали его контакты с НТС.

Красин воспринял эти угрозы всерьез и, в качестве пробного шага, сдал хранящийся у одного из его товарищей самиздат.

Страх – плохой советчик. За первой уступкой последовала другая. Потом еще одна. Следовательно Александровский, по признанию Красина, ловко играл на его честолюбии и тщеславии...

После суда, который злорадно освещался советской прессой, была еще пресс-конференция, которую осужденные дали зарубежной и советской прессе. Там был весь набор клеветы, который уже давно использовался, но на этот раз он звучал из уст широко известных и еще недавно уважаемых в нашем кругу людей. Это было серьезным ударом. И для меня тоже. Всесилие властей, способных вить веревки из любого, было очевидно. Правозащитное движение замерло, о нем стали говорить в прошедшем времени. Из 15 человек, составивших Инициативную группу по правам человека, на свободе осталось только четверо, сотни их помощников оказались в политических и уголовных лагерях. Но, как справедливо заметила Л. Алексеева, «тому, кого ошибочно сочли умершим, предстоит долгая жизнь». Спустя три года правозащитная борьба вышла на новый виток, теперь она шла и на свободе, и в лагерях.

Начиная с 1969 года, 10 декабря, в День прав человека, ежегодными стали голодовки политзаключенных. Затем стали отмечать и 5 сентября как День памяти жертв красного террора. В лагерях в этот день зажигают свечи. Причем в акциях принимают участие зэки разных убеждений и верований.

Оставшиеся на воле ищут способы помочь политзаключенным и их семьям. Андрей Твердохлебов объявляет о создании благотворительной организации для помощи детям политзаключенных. Жертвователи, как правило, не афишировали своего участия, лишь жена Сахарова Елена Боннэр открыто отдала в фонд полученную академиком государственную премию.

Шла острая борьба с самиздатом. Обыски и изъятия запрещенной литературы продолжались по всей стране, но прекратить самиздат оказалось невыполнимой задачей. Не только ученые и художники (в том числе и я со студентками института имени Лесгафта), но и рабочие и служащие, кто как может: на пишущих машинках, ночью запершись в копировальном отделе чертежного бюро, в деревне, на чердаке бани, колдуя над гектографом, переписывая от руки, – множат и множат вольное слово...

В те годы в Прибалтике подпольно работала целая типография, которая печатала религиозную литературу. Самиздатовская Библия и Евангелие, проповеди христиан-баптистов так испугали чекистов, что те два года выслеживали источник. А он в прямом смысле слова был подпольным, поскольку типографский станок стоял в подполе уединенного хутора.

Потом, когда ее все же накрыли, ходили слухи, что «органы» разместили на складах и в магазинах подозрительного района партию бумаги, очень сильно облученную изотопом. А потом обнаружили излучение, барражируя на вертолете.

Самый сокрушительный удар по советским мифам нанес «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына – результат огромной работы писателя и не одного десятка людей, помогавших ему своими материалами. Книга появилась в разгар невидимой войны против самиздата.

Узнав о существовании «Архипелага», стражи режима решили захватить рукопись до ее опубликования. В августе 1973 года ленинградские кагэбисты 5 дней подряд допрашивали 70-летнюю машинистку, Елизавету Воронянскую. Не выдержав, она сказала, где хранился «Архипелаг ГУЛАГ». Вернувшись домой, женщина повесилась, считая, что погубила труд писателя. Она не знала, что ее экземпляры не были единственными. Ту же работу на всякий случай дублировала другая машинистка, и текст уже был переправлен на Запад. Когда стало ясно, что под удар попадают люди, скрывающие книгу, Солженицын решил открыто взять всю полноту ответственности на себя и дал согласие на публикацию. В декабре 1973 года «Архипелаг ГУЛАГ» вышел в Париже. Главы «Архипелага» передавали зарубежные радиостанции, работающие на Советский Союз. У нашей подпольной группы появляется конкретная задача – распространение книги. Необходимость объединения усилий мирит меня с Олегом, да и он нуждается в поддержке, поскольку успел побывать в заключении по ложному обвинению, но у нас нет контактов с другими диссидентами. Тогда мы начинаем записывать передачи Би-би-си, где диктор читает главы из «Архипелага», и пробуем размножать магнитофонные ленты. Но из-за глушения качество звука было ужасным, и мы стали искать другие способы.

Не оставляют своего дела и те демократы, кто отсидел свои сроки. Большинство из них так или иначе участвует в нелегальной деятельности. Михаил Молоствов, освободившись из мордовских политлагерей, не переставая писать под псевдонимом Болховской, с риском переправляет свои статьи за рубеж, в журна-

лы «22» и «Страна и мир». Вместе с женой и двумя дочерьми (Татьяной, «белую княжной», и Катькой, «хан Гирей») он ищет пристанища и применения своим силам. Но два человека с университетским образованием не могут найти работы ни в одном крупном городе; с большим трудом им удастся работать в сельских школах, преподавать там русский и немецкий языки и литературу. Понимая, что есть и другая жизнь, видя, как люди идут на компромисс с властью и совестью, они, несмотря на все тяготы, остаются верны своим убеждениям. Учить детей в деревне – что может быть нужнее? Как раз там, в непроглядной тьме бесправия и невежества, и нужна работа интеллигентов.

Но кому нужна, а кому и не очень...

Из воспоминаний М. Молоствовова:

«Семидесятые годы. Нашим рай-центром была Старая Русса, городок, который Володя Садовников, навестивший нас, предлагал переименовать в город Переписки Фридриха Энгельса с Карлом Каутским. Еще бы: от вокзала к центру вела улица Карла Либкнехта, ее пересекали улочки Розы и Клары. А та, что переходила в скотопрогоньевский тракт, где в 20 верстах находилось наше Рамушево, носила имя Карла Маркса.

Молоствовы. деревня Дно. 1970 г.

Служили мы в восьмилетке и обитали в двухэтажном пришкольном здании. Первый этаж занимала директор Лидия Николаевна, второй делили мы с семейством выпускников Боровичевского педтехникума, забавной парой, почти детьми, успевшими, однако, произвести на свет громогласную наследницу.

Лидия Николаевна с самого начала была не рада нам.

...За глаза ребяташки звали Лидию Николаевну ШЕФОМ, вкладывая в это слово некий таинственно-негативный смысл.

Сама же Лидия Николаевна, женщина крупная и упитанная – бюст отставал от живота, – как будто постоянно ждала подвоха и со стороны школьников, и со стороны односельчан.

В нас она вглядывалась и тоже не ждала добра. Любое начальство, большое и маленькое, издавна опасается ревизионизма. А мы давали уроки, к которым трудно было придаться, возились со своими классами – зачем? Не намерены ли мы подкопаться под нее?

И профилактики ради принялась Лидия Николаевна на второй год сотрудничества выживать нас. Мустафьевну посадила на полставки. Меня лишила факультативов, а потом и двух часов по истории Древнего мира, которые

были обещаны мне в роно как дополнение к неполной нагрузке иностранным языком.

Уверенность в скорой победе придавало ей знание: мы неблагонадежны, за нас некому заступиться.

Думаю, что у Лидии Николаевны были все основания обижаться на ОРГАНЫ, могли бы и они убрать нас куда следует. Так нет же! Сигналы от нее принимали охотно, а адекватных мер против ревизионистов не принимали.

Раздраженная женщина распространяла свой гнев на молодых учителей, поддерживающих с нами добрые отношения; мрачнее тучи появлялась на школьных праздниках, будь это елка или “зарница”, на педсоветах плела что-то о потере бдительности и чуждых влияниях из-за рубежа.

Безденежье и ежедневный нервоз надоели нам: мы с Мустафьевной подали заявление об уходе. Решили податься в Сибирь, поближе к моим родителям. Нам писали, что в Омской области проблем с трудоустройством не будет.

Осталось доработать положенные две недели. И тут грянули события, которые иначе как Бунтом не назовешь.

“Не приведи, Господи, видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”.

Мы видели и никогда не забудем увиденного.

Все началось с очередного родительского собрания. Сидим, слушаем об успехах народного образования, о необходимости профориентации молодого поколения, как вдруг:

– Ты лучше скажи, Николаевна, зачем в ум взяла ЭТИХ (жест в нашу сторону) от детей наших отставить?

– Михаил Михалыч и Маргарита Мустафьевна сами подали заявление. Не гоже им, с их дипломами, среди нас, простых людей...

– Тебе не гоже, глаза твои бесстыжие. Расселась на стулЕ, как статУя. Думаешь, управы на тебя нет?

– Одно слово – шеф!

– Тихо, бабы! Николаевна при должности, и мы уважение имеем. Но и ты имей совесть. Про них говоришь: жидаы. Простите, Михалыч и Мустафьевна. Так ведь детки к ним, жидам худым, а не к тебе. Потому у них подход, а у тебя, чуть не так, по морде, как по жопе.

– Во-во! Мою Зинку прилюдно на остановке!

– Нам, Николаевна, жидаы – не жидаы, а образование. ТелкА от матки грех отбивать. А ты сама кукушка и наших кровных от Мустафьевны и Михалыча сИротами темными порешила.

– Нет тебе нашего одобрения!..

Два дня мы работали без директора, на третий день между первым и вторым уроками к школе подъехали газик и “Волга”. Признаюсь, появление в деревне даже задрипанного ЧЛЕНОВОЗА всегда вызывало в душе опасение: не по нашу ли душу? Совсем недавно друг наш, Борис Вайль – опять по делу Револьта Пименова – по

статье 190-й (прим.) сослан был в Уват, за Тобольск. Но, как оказалось, эти машины – райкомовская и роновская. Из них высадились и двинулись в школу: Лидия Николаевна – павой, за ней инструктор райкома, чем-то напоминающий Владлена, со странной фамилией Околокулак, следом две старорусских дамы, инспектрисы роно.

Вошли в учительскую и начали вызывать туда учителей – по одному.

Дошла очередь и до меня. Открываю двери – запах валерьянки и духов.

Наша шеф рыдает:

– Дома не ночевала. Как активистку кулаки. За советскую власть. Убьют! Подождут! Надругаются!

– Успокойтесь, Лидия Николаевна, ничего подобного мы не допустим, – говорит Околокулак. В руках у него мое заявление. Инспектрисы, не поднимая глаз, листают классные журналы.

– Не желаете у нас работать, Михал Михалыч? Удерживать не будем, но высокое звание советского учителя не позволим никому втаптывать в грязь. Кто организовал хулиганскую вылазку на родительском собрании?

– У меня урок в шестом классе. Прошу извинить!

Я удаляюсь. В заявлении, поданном в роно, я написал, почему мы расстаемся с Рамушевской школой. Нас с Мустафьевной знали, понимали, что мы не капризничаем, а о Лидии Николаевне, при всех ее достоинствах, в роно не было однозначного мнения. Услугами ее пользовались и только. Что же касается Околокулака, то он почуял ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ ДОБЫЧУ и потому делал стойку. Вхожу в класс. На доске под обычным: “Heute haben wir den...” – размашисто “Долой ШЕФА!”

“Nimm den Lappen? Bitte. Mach die Tafel sauber!”

Кажется, кого-то успеваю спросить, ставлю оценки в журнал и дневник. Но тут из коридора доносится НЕДЕТСКИЙ визг. Хлопают двери, топот.

Выглядываю. Мимо нашего класса рысью проносятся инспектрисы, а позади движется Околокулак, как Давыдов в “Поднятой целине”: его тянут и толкают в разные стороны рамушевские доярки, принаряженные, с медалями за доблестный труд.

– Просил надои увеличить!

– Детей неграмотными оставить желаешь?

– Твою мать!!!

– Бабоньки, дорогие мои, мы же и приехали... разобраться!

Процессия – к дверям, на крыльцо, и в наступившей тишине раздается фырканье моторов: и газик, и «Волга» уносятся в Старую Руссу.

Как довели мы уроки в этот день?

Вечером нас посетила депутация восьмого выпускного класса.

Мальчики жались к порогу, смущенно поглядывая на валенки, облепленные мартовским снегом. Их товарки, за год обогнавшие мальчишек ростом, решительно прошли в комнату, как по команде повернулись спинами к нам и заголосили, как на похоронах.

Потом косяком пошел родитель. Уговаривали Мустафьевну и меня взять назад заявления, о Лидии Николаевне говорили бог знает что.

Нам пришлось объяснять наш статус и чем для них может обернуться заступничество за нас.

– Не бойсь, Мустафьевна! Сидел твой мужик, так ить отбыл срок? СмЕшно сказать: за слова семь годков, а за дела подлые Лидку пальцами не тронь. Нет, и на ее будет РЕВИЗИЯ!

В следующие дни Лидии Николаевны ни в деревне, ни в школе не видели. Дети были шелковые.

Но вот настал день, когда мы не вышли на работу. Довязываем узлы. Георг Фридрих Вильгельм, Карл Генрих и Федор Михайлович перетянуты одним шпагатом. Стены, потемневшие за зиму, белеют пятнами от снятых фотографий. Приемник, ловивший “Голос Америки” по Би-би-си, обложен подушками и завернут в домотканые половики.

Завтра нам обещают грузовик, а сегодня еще надо съездить в Руссу, получить в роно документы и сняться с воинского учета. При всем моем легкомыслии на душе грусть и маята. О Мустафьевне не говорю. Только Катька с соседской малышкой довольны: все в доме вверх дном – небывалый праздник!

Из окон видим: автобус из Давыдова, автобус из Коровитчино, топают в школу Кирилловы, Михайловы и Петровы. Волосы льняные, рот варешкой, добродушный и покладистый “нордический тип”.

Поборников этнической чистоты сюда бы: на весь рамушевский выводок одна наша Катя черноглазая.

Только мы НЕПРИШОТЦА.

Звонок. Но вместо ожидаемой тишины – шум. Давыдовские ребята толпой высыпают на улицу – и на север, не оборачиваясь. Коровитчинские – на юг. Местные, приплясывая, – кто куда.

Появилась Лидия Николаевна. Рядом Семен Филиппович. Что-то кричит и машет рукой. А “утюги за сапогами, за утюгами” – Федорино горе!

По лестнице с хохотом боровические соседи:

– Михаил Михалыч! Маргарита Мустафьевна! Что было!

А было и продолжало быть вот что. Крестьянские дети (НН: до перестройки надо было еще пережить весь застой) нашли и произнесли слово, ставшее только теперь обыденным:

– Забастовка!!!

При этом сами собой загремели крышки парт, а учебники и тетради по ботанике (предмет Лидии Николаевны) запорхали, как бабочки.

– Это им дорого обойдется, – сказала будто бы Шеф, имея в виду не столько школьников, сколько нас.

Когда мы некоторое время спустя шли на остановку, почувствовали: возможно, Лидия Николаевна права. На заборах и избах – приклеенные жеваным

хлебом ЛИСТОВКИ: “Долой Шефа!”, “За абсолютно (обратите внимание на лексику!) правое дело!”, “Вернем честных учителей!” и т. д. Очень близко к 190-й (прим.), а то и к организации массовых беспорядков!

В Старой Руссе жена пошла в роно, а я в военкомат.

Около кирпичной каланчи на площади Мустафьевну окружили матери.

– Идем к Самому!

И некуда податься. Белеет собор без креста по ту сторону замерзшей реки, оборачиваются редкие прохожие, а бабы стройными рядами – к ложноклассическому особнячку с красным флагом над крышей.

На пороге не какой-нибудь Околокулак – Сам, Первый. Улыбается и со всеми ПОЗДОРОВАЛСЯ за руку.

– И Маргарита Мустафьевна здесь? Проходите, Маргарита Мустафьевна. Бабоньки! Обещаю! Уладим! Все! Поезжайте домой!

В кабинете улыбка исчезла.

– Документы оформлены? – это к заву роно, который тут как тут.

– Выдать!

– Бу сделано.

Трудовые книжки и прочее вручаются Мустафьевне.

– Распишитесь здесь и здесь.

Сам, молча наблюдавший за ускоренной процедурой, укажет моей супруге на дверь. Отпала надобность и роно посещать. Наутро день выдался солнечный – “Февральская лазурь” Грабаря. Грузовик пришел, как и было обещано. Таскаем пожитки, Мустафьевна с Катей садятся в кабину к шоферу, а вокруг – школьники, родители и все Рамушево, даже старухи с кийками.

Передают кто лукошко с яйцами, кто вязанку лука, ватрушку горячую...

– Что вы?! Неудобно.

– Неудобно, Мустафьевна, штаны через голову надевать.

– Катенька, цыганочка наша ЛЮбая, дай бабе старой тебя поцеловать!

– А это, Мустафьевна, не забудь только. Чтоб всегда при тебе, – сует какую-то бумажку высокая и строгая ПЕРВАЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА РАМУШЕВСКОГО КОЛХОЗА.

– Как будешь по высокой лестнице подниматься, чти – слово в слово! МОЛИТВА О СМЯГЧЕНИИ СЕРДЦА НАЧАЛЬНИКА.

Рамушевский бригадир на костылях подпрыгнул на подножку, одной рукой вцепился в борт (“ходули-то мои придержите, мальцы!”), другой, сорвав шапку, махнул ею перед толпой.

– Простимся с дорогими нашими Маргаритой Мустафьевной и Михаилом Михайловичем, память о них в наших сердцах.

Голошение последовало такое, что шофер загудел и медленно повел машину, а следом бежали, махали, плакали.

До самой Руссы у нас не просыхали глаза. И на всю жизнь на сердце осталась зарубка.

Впереди была Сибирь. Много было еще впереди.

Письма с рамушевским штампом – и от ребят, и от учителей – будут приходить к нам и в Осокино, и в Алексеевку. Потом годы и километры сделают свое дело: как на дно колодца, вглубь памяти уйдут и детские мордашки, и взрослые лица, город имени переписки... вкус “чулановки”, голубая лента Ловати за черными силуэтами елей.

От Налючи идет туча,

От Рыкалова гроза.

На лицо мое, на белое,

Скатилась слеза».

А пока выживающие из ума геронтократы, чекисты, партаппаратчики и чинуши расправляются с равнодушными к судьбе России людьми – хозяйственный кризис разрастается. Кремлевская камарилья не в состоянии решить продовольственную проблему. Она не понимает природы надвигающейся беды. Г. Шахназаров вспоминает о разговоре с Ю. Андроповым, еще в середине 60-х годов тот сказал: «А ты знаешь, в Политбюро крепнет убеждение, что всю нашу хозяйственную сферу нужно хорошенько встряхнуть. Особенно скверно с сельским хозяйством: нельзя же мириться с тем, что страну не можем прокормить, из года в год приходится закупать все больше и больше зерна. Если так дальше пойдет, скоро вообще сядем на голодный паек».

Но куда и как «встряхивать», старший надсмотрщик не знает, как, впрочем, и коллективный помещик, Политбюро... Начиная с 1950 года, доля капитальных вложений в сельское хозяйство возросла в 2 раза, но средний объем продукции вырос за 20 лет лишь на 1 процент в год. С 1971-го по 1985-й годы вложения в агропромышленный комплекс составили 579 миллиардов рублей, а рост чистой продукции сельского хозяйства оказался нулевым. И ведь надо кормить не только своих, ближних – хлеба, и не только его, требуют сателлиты режима. Так, в 1963 году в соцстраны Союз экспортирует 2,5 миллиона тонн зерна, а поскольку для своего народа не хватает, хлеб покупают, заплатив за него 373 тонны золота. Проблему можно решить включением рыночных механизмов, но этого система сделать не смеет. Ведь это отказ от «социализма», и тогда возникнет вопрос, зачем было огород городить? Зачем было жертвовать миллионами? Значит, надо держаться!

Как-нибудь выкрутимся. Все больше продовольствия закупается за границей, за золото и в долг. В 1965 году на хлеб меняют еще 335 тонн золота, дальше – больше.

Уже к началу 80-х превышение закупок продовольствия над продажей его за рубеж составит более 15 миллиардов долларов в год.

Золотые запасы царских времен давно проедены, скоро иссякнут и те, что добыты рабским трудом заключенных на колымской и магаданской каторге. Растут долги. Но тут приходит удача: сначала повышение мировых цен на золото, потом открытие крупных газонефтяных месторождений в Западной Сибири. Если в 1965 году добывают 1 миллион тонн нефти, то в 1972 году это 62 миллиона, а в 1980-м уже 312 миллионов тонн. Мало того, в 1973-1974 годах произошло, спасибо арабским шейхам, небывалое повышение мировых цен на нефть. Саудовская Аравия отказалась тогда поставлять нефть странам, поддержавшим Израиль в ближневосточном конфликте. В результате Союз экспортирует нефть на 5 миллиардов долларов в 1973 году, в 1974 году уже на 10.

Пик доходов пришелся на начало 80-х: более 25 миллиардов долларов каждый год. Могло показаться, что за Уралом бьют золотые фонтаны. В Кремле решили, что сама Земля пришла на выручку советской власти. И успокоились! Вот Председатель Совета министров А. Косыгин обращается к начальнику Главтюменьнефтегаза: «С хлебушком плохо, дай 3 миллиона тонн (нефти) сверх плана».

Значит, придут еще эшелоны из Европы, еще караваны судов с зерном и мясом из Канады и Аргентины. Опять газеты будут трубить об успехах советской экономики, а Госстат составлять лживые сводки. Нищая и безлюдная русская деревня врастает в землю, летом скот гниет по колено в навозе, некому убрать, а зимой висит на постройках, потому что коров не держат ноги от голода.

Нужны еще доллары? Опять продадим золото – в 1974 году на 1 миллиард долларов. Казалось бы, элементарные финансовые шаги – создать резервы валюты и драгметаллов, разместить средства в успешных банковских и биржевых секторах мировой экономики, обезопасить свой народ от финансового краха. Нет, все наоборот. Даже то, что лежит в западных банках, постепенно изымается и тратится безвозвратно.

О том, что, выкачав и продав по демпинговым ценам верхние ценные сорта нефти, потом придется выдавливать тяжелые нижние, и стоимость добычи будет расти, о том, что запасы не бесконечны, а мировые цены могут рухнуть, старцы предпочитают не думать. Они не читают докладов специалистов, реальную картину знают лишь аналитики КГБ и в какой-то степени ЦРУ, которое в 1977 году предрекает резкое сокращение советской нефтедобычи в следующем десятилетии. А читают старцы лишь свои собственные газетные агитки и убеждают себя в том, что все так и есть.

И вообще, не до хлеба! Есть вещи поважнее. Денег хватает, а если нет, возьмем у американцев кредит – 6 миллиардов долларов только в 1975 году, потом еще и еще. И обгоним США по вооружениям, и будем экспортировать социализм, помогая «революционерам» на всех континентах.

Экономика, сука буржуазная, подождет. А народ никуда не денется, к принудительному труду и повальному дефициту он привык, будет вкалывать и дальше.

МИР ИСКУССТВ

Бульдозеры...

Параллельно с диссидентским, а точнее уже правозащитным противостоянием, подымается и движение за свободную культуру. Зависимость от поставок продовольствия становится все сильнее, а критика режима со стороны свободного мира не умолкает. Власть вынуждена отступать, лавировать, она то подкупает, то сдает свои «принципиальные» позиции, то огрызается и давит.

Сентябрь 1974 года. Я возвращаюсь из отпуска, позади Крым, Гурзуф. Заезжаю в Москву, хочу побывать на выставках, посмотреть на то, что делается в столице и останавливаюсь у кого-то из знакомых, в Беляево. Мне не повезло: я, ничего не подозревая, случайно, увидел лишь конец разгона первой уличной выставки московских левых, которую они организовали на пустыре. Один из участников, московский художник Валентин Воробьев, по прошествии многих лет, с юмором рассказывал:

«Всю ночь хлестал дождь, и наш пустырь превратился в грязную лужу с гнилыми кустами посередине. На пригорке дымился почерневший костер. В густом тумане виднелась пара самосвалов с зелеными саженцами за бортом, хилая землечерпалка и темный силуэт бульдозера. Вокруг тяжелой техники, оцетинившись лопатами, вилами и граблями, замер грозный враг — землекопы и садоводы великой державы. Отступать было некуда. Позади собирался доходный дикорпус и желанное телевидение, а впереди стоял вооруженный русский народ. Я с китайцами и мои соседи на правом фланге, Комар и Меламид, с картинами наперевес двинулись на противника. Не успели мы войти в грязную лужу, как грузовики угрожающе заворчали и объемистые землекопы с криком “Бей жи-дов, спасай Россию!” принялись нас уничтожать поодиночке. Один свирепый богатырь всадил лопату в мою беззащитную живопись и с отворачиванием бросил в грязь, как Георгий Победоносец подколенного змия.

Позабыв о тактике Льва Толстого, единогласно принятой на общем собрании, я саданул богатырю в нос. Он взревел, завыл и, вытирая кровавые сопли, кликнул товарищей. Вчетвером они легко меня сбили с ног, вилами проткнули любимую кепку, намяли бока и с прихватом по всем членам лихо бросили в лужу.

Знакомому иностранцу, снимавшему сцену народной расправы, богатыри съездили по зубам и сломали камеру. Пара моих китайских телохранителей разбежалась по домам.

Бархатаясь в гнусной луже, я видел одним глазом, как роскошная картина

Мастерковой полетела в кузов самосвала, где ее тотчас же затоптали, как охапку навоза. Большую фанеру Комара и Меламида с изображением собаки Лайки и Солженицына неприятель разломал на дрова и подло бросил в костер. Правый и левый фланг, бросая искусство на милость погромщиков, с боями отступили на безопасный тротуар.

Расчетливый корифей “дипарта” Немухин, не разматывая своего артистического багажа, глазел на побоище издалека.

С опозданием на час в рукопашный бой вступили одетый как на свадьбу Евгений Рухин, красавица Эльская и Рабин-старший, на ходу открывшие картины для показа. Темный бульдозер, молча поджидавший охотников сразиться, поднял стальное забрало и зарычал. Истерически завизжала Эльская, бросаясь на грозную технику. Храбро, не сгибаясь, шел Рухин, за ним – Оскар Рабин с высоко поднятой головой, оба готовые усмирить бульдозер.

Через час войны бойцы устали и отошли в тыл.

Пестрая толпа зевак, разбившись на кучки, толкалась по грязному пустырю, громко обсуждая из ряда вон выходящее происшествие.

Окончательной расчисткой поля боя занялись пожарники. За полчаса ледяного душа они сумели разогнать толпу артистов и зевак. Рать садовников и землекопов молча оседлала грузовики и скрылась за дремучим лесом. Остатки любопытных разбежались как крысы, ныряя в метро и в машины. Мой хитрый немец, внимательно следивший за гражданской войной в России, лихо подогнал автомобиль к луже, где я прижился, подобрал истерзанные народом картины и, как мешок грязных тряпок, затихнул меня на заднее сиденье. Немецкая техника запела и понеслась к Москве.

Так выглядел мой творческий вклад в “бульдозерный перформанс” 15 сентября 1974 года, с двенадцати до двух часов дня».

Увы, не зная в чем дело, я мог лишь с любопытством разглядывать у метро каких-то возбужденных людей с холстами и папками, которые, громко споря и озираясь, спешили под землю... Они показались мне тогда своими, но провинциальная стеснительность помешала подойти. Я поехал в Горком графиков, мне говорили, что там есть на что посмотреть, но он оказался почему-то закрыт. Лишь вернувшись в Питер спустя месяц, я узнал о разгоне, который окрестили «бульдозерной выставкой». Столичное начальство перестаралось, и она приобрела мировую скандальную известность. Если бы на месте не оказалось иностранных корреспондентов, если бы кому-то из них не разбили аппаратуру, если бы норвежской беременной журналистке не досталось по животу, так бы все тихо и кончилось. Тем более что такие маститые «левые», как Э. Неизвестный, Л. Кропивницкий, И. Кабаков уклонились от участия в «авантюре». Власти пытались объяснить случившееся совпадением, дескать, именно там и как раз в то же время местные жители собирались разбить парк, а тут какие-то мазилы стоят – вот и повздорили. Но «коры» и «дипы» молчать не стали, к тому же задержанные

обнаружили в отделении милиции висящий на стене приказ – всем сотрудникам явиться на субботник в гражданской одежде.

Появились громкие статьи в зарубежной прессе, так, в «Лос-Анджелес таймс» корреспонденция была озаглавлена «Искусство в кольце головорезов», а в «Крисчен сайенс монитор» – «Искусство под бульдозером». На Старой площади, в аппарате ЦК струхнули. «Третья корзина», та часть Хельсинских соглашений, которая касалась соблюдения гуманитарных прав, и так уже прохудилась, а теперь становилось очевидно, что в СССР ее прутья больше похожи на решетку.

Дабы замять историю, московским авангардистам срочно дали возможность выставить свои работы в Измайловском парке. От Питера в «Бульдозерной» и Измайловской участвовал не только Евгений Рухин, но и Юра Жарких. Они-то и привезли в Северную столицу идею – не упускать момент и потребовать от забоявшихся властей выставку андеграунда в Питере.

ТЭВ

Идею надо было воплощать, и за это взялись Леонов, Жарких, Иванов, В. Овчинников, Синявин и Филимонов. Это они подали заявку в Управление культуры, вели переговоры и добились своего. Меня среди организаторов еще не было, и узнал я об открытии выставки от Олега. Он принес откуда-то стихи Эдуарда Шнейдермана:

«Те, кто на ухо не глухи,
Слу-у-шай городские слухи!
По городу ходит: «В ДК ГАЗА – а-ван-гар-дис-ты!
О-фи-ци-аль-но! Всего на четыре дня!!!»
Пришел спозаранок.
Народу – тьма.

Милиции – рота, не меньше.
НЕ встать в хвосте хватило ума.
К голове притыкаюсь, не мешкая.
– Граждане, НЕ загораживайте проход! НЕ толкайтесь, НЕ давите
вперед!

Разберитесь, пожалуйста, по двое! – вкрадчиво так вещает милиционер
в мегафон, шепотом урезонивает, умиротворяет народ.

А вы не волнуйтесь,
Товарищ гражданин милиционер!
Очередь людей, стоящих за искусством, – это ведь такое доброе чудовище.
Мы пришли посмотреть картины.
И все?

И никаких манифестаций?

Да, просто-напросто хочется взглянуть, понимаете, вы, в полковничьих
погонах, слишком долго нас пичкали пюре из слишком протертых овощей без
соли, понимаете, соскучились по свежей пище.

Сами посудите, ну, какая тут политика?!

В подобной очереди я еще не стаивал, снег от тепла ее на тротуаре
стаивал.

Ни простуды не боюсь и ни гриппа, – стоя с края, боюсь выпасть...

Я был с края, я мог вывалиться, еле держался, чтобы не выдавили,
вда-вить пле-чо-о-о.

Час прополз – продержался, выдержал, закрепился.

Два прошло – прижился, вжился, хоть онемело тело.

Говорят, три пролетело.

При-жи-вил-ся!

И я уже одна двухтысячная часть Очереди-За-Искусством. Стоим, спрес-сованные воедино.

Тело Очереди мерно дышит: качнулось взад – качнулось вперед, Взад – впе-ред, силь-ней, силь-нее, тре-щат же-лезные барьеры.

А в глубине – тревоги льдинка: еще чуть-чуть и – новая Ходынка. Но – чудо свершилось: щелку в проходе приоткрыли, и я – частицей части целого од-ной двухсотой – просачиваюсь за барьер, вперед и внутрь, а там – не рысцой – галопом по залам, ибо на двести картин дадено полчаса. – Перевари, попробуй!..

Голос из громкоговорителя: «Уважаемые товарищи зрители! Заканчивай-те осмотр выставки! До окончания осмотра осталось двадцать минут.

Товарищи художники!

Проводите своих гостей к выходу!» Что-то нравится, что-то – не, это – здорово, а это – слабо, тут – ново, там – старо, кой-что было, кой-чего не было...

Стоп!

Но ведь такого вообще не было, сорок, наверное, лет не было, не было того, чтобы выставка состоялась без выставкомов, без худсоветов, без парт-, гос-и других комиссий!

– Сами написали – сами выстрадали, сами отобрали, выставили, выста-вили и стоят возле своих собственных детей, спокойно отвечают на вопросы. – А что вы хотели тут выразить? – То-то, – говорят, – и то-то. Я протер глаза: да не снится ли?!

Значит, есть еще в искусстве Рыцари?

Говорят в толпе: «Но к чему это?

Уж не близится ль конец света?!» – «Полно, милый, все там переписа-ны!...» Ну и черт с ним!

Я гляжу во все глаза и – верится, что, несмотря ни на что, она вертится!

Шел третий день выставки. Приехав в Кировский район и выйдя из метро, озираясь в поисках Дома культуры, я увидел здание постройки 30-х годов. Но по-дойти туда было непросто, окружающий его сквер был перегорожен. Пришлось идти кругом, в поисках прохода. В конечном счете, я наткнулся на хвост очереди, которая змеилась в направлении ДК.

– На выставку?

– Да.

Декабрь еще был тогда совсем зимним, холодным месяцем. Но простоял я не так уж и долго – часа два, с утра народ прибывал медленно, а вот к тому времени, когда мы уже были у входа, очередь позади удвоилась.

При входе милиция и люди в штатском. Выражение лиц – плохо скрываемая

неприязнь, явно читаемое желание разогнать. Мы слышим, что время посещения ограничено, что пускают небольшими партиями, а потом выдавливают через другие двери. В очереди бесполезный ропот. Наконец, захожу. Поднимаясь по лестнице, попадаю в небольшой рекреационный зал, бросается в глаза большой серо-зеленый холст с фигурой рыцаря, то ли в латах, то ли в жестко развевающихся одеждах, за спиной зима. Автор А. Геннадиев.

Суетливая толпа мешает смотреть, да и меня самого беспокоит, а успею ли все посмотреть? Двигаюсь дальше. В большом зале несколько выгородок и почти сплошная развеска по огибающей театральный зал стене. Несколько красивых абстрактных работ. И вдруг нечто неожиданное. Четыре работы. Одна из них висит наизнанку, подрамником наружу. Остальные с пастозными, выпуклыми наслоениями белил, в одну забит огромный кованый гвоздь, а тень от гвоздя нарисована... Рядом продетый сквозь холст металлический метр. Тут же карта бубен, двойка. Читаю таблички – Е. Рухин. «Это – поп-арт», – соображаю я и удивляюсь себе: что заставляет разглядывать эти несюжетные, казалось бы, абсолютно бессодержательные «работы». Но дивлюсь на них не только я. Другие люди, посмотрев и двигаясь дальше, тоже оглядываются.

А вот и Белкин – в рыжей, лаковой мути танцующие женские фигуры. Оглядываясь кругом, боясь что-либо пропустить, вижу: крупно кольца и пики колючей проволоки, нет, наверное, терновника, подхожу ближе – ни то, ни другое – абстрактные формы, но за ними явные ассоциации. Автор Владимир Михайлов, мы подружился, но через 8 лет. И вдруг, как ножом по стеклу: в центре большой стены, чуть отдельно от соседей, мертвенно бледные, синюшные, одутловатые хари. Сидя за длинным столом, они смотрят на нас, растянув губы змеистой улыбочкой. В горизонтальный холст, или картон, вмонтированы зеркала, и в них мы, зрители, наклонившись, можем увидеть себя рядом с изображенными Рохлиным уродами.

Над ними отдельно еще несколько таких же. Отвратительно, но тоже притягивает и возвращает.

А вот несколько портретов, от которых идет тепло. Наклоняюсь и читаю: Ю. Жарких. Вспоминаю, я же был у него, да и манера уже знакомая, с гладкописью, которая иногда вспухает сыпью, шелушением, как будто краска от жара закипела.

У чистого холста натыкаюсь на высокого, худого художника с нематыми космами. Синявин протягивает зрителям фломастеры и предлагает участвовать в коллективном процессе – оставить на полотне свои подписи и почеркушки. Рядом еще несколько его ярких витражных работ.

Пробежав несколько раз по всем стендам и окончательно запутавшись в калейдоскопе впечатлений (53 художника, более 200 работ), я ухожу, вытесняемый вместе с другими. На выходе запоминается яркая, лубочная обнаженка Любушкина. С тоской я вижу за открытой дверью какой-то комнаты художников; они

курят и возбужденно смеются, но к ним не пройти, милиция сторожит лестницу. И вот я, вместе с другими, уже на улице.

В душе полное смятение. Я чувствую, что рядом со мной происходит что-то большое и настоящее. Люди, которых я увидел за их работами, пусть я половины не понял и не принял, очевидно, художники, не мастера, а именно – художники!

Пусть кто-то из них заблуждается, пусть чьи-то работы не вызывают у меня симпатий – это их дело, они имеют на него право. А я? Тратящий все свое время между девчонками, бездельем, бесполезным самиздатом, лишь изредка выкраивая время для творчества? Что я принес бы на такую выставку? Пробы такие, пробы сякие? Ведь я так и не выбрал своей темы, своего языка.

Когда выставка закончилась, прошло ее закрытое обсуждение.

Один из его участников, Леонид Болмат, описал его потом так:

«...ровно в 18 часов, 25-го, выставка закрылась. Погасли огни в фойе театрального зала ДК им. Газа. Во тьму погрузился пестрый, многокрасочно-разномастный мир буйной художественной фантазии. Ровно в 19 часов все участники и представители художественной культуры города Ленина собрались в непропорционально узком и тесном зале на обсуждение выставки. Это было первое и последнее обсуждение. Организаторы и участники держали в своих руках культурное будущее своей страны. Груз оказался не по силам...»

Демократически раскованным художникам-участникам выставки противостояли в обсуждении маститые, самоуверенные, полные собственного достоинства, прекрасно одетые мэтры изобразительного искусства: профессор Крестовский, ректор ЛРХПУ Яков Лукин и его коллеги профессора Марков и Петров, Каганович из Академии художеств, бывший главред издательства “Художник” Бродский, проректор по научной работе театрального училища Юрий Бартеньев, Б. Угаров и много других “корифеев”. Председательствовал Борис Сергеевич. Установили регламент: один выступающий от участников, следующий от критиков и так далее, по очереди.

В кратком вступительном слове Б. С. лояльно и обтекаемо, обходя щекотливые дела, рассказал об истории создания выставки. Выступивший затем Владимир Овчинников также не пытался накалять атмосферу. Сдержанно и почти наивно-целомудренно сообщил он собравшимся, что у выставки нет никакой идеологической платформы. Выставились просто все желающие независимо от их творческого кредо и метода, художники всех направлений. Овчинникова дополнил Юрий Александрович Жарких. Говорил он с некоторым пафосом, волнуясь и, по-видимому, чтобы быть ближе к оппонентам, столь авторитетным и столь маститым, употребил в своей речи даже два латинских слова – “Гомо сапиенс”. Маститые не отреагировали.

Юра горячо доказывал необходимость свободы творческого метода, необходимость самовыражения, необходимость создания соответствующих условий для этого. Он говорил об отсталости зрительского восприятия и необходимо-

сти создания полноценной системы воспитания зрителя. В общем, он клонил к тому, что должно создать организацию, свободную от притязаний ЛОСХа и имеющую свою зрительскую аудиторию.

Для вящей убедительности доводы Юрий Александрович подкрепил статистикой: за 4 дня на выставке было собрано 1 465 письменных отзывов, из них 901 положительный, 419 отрицательных, 415 нейтральных. Нейтральными Юра назвал те, в которых отмечались не только достоинства, но и недостатки. Речь Жарких неоднократно прерывалась аплодисментами участников выставки. Оппоненты не аплодировали. Они мрачно слушали помалкивая.

После Жарких слово попросил Крестовский, профессор Академии художеств. Свою речь он буквально начал так: “Недавно я побывал в Федеративной Республике Германии”. Сообщив столь “сенсационную” новость, профессор поделился впечатлениями об искусстве ФРГ, представленном в музеях: две трети – это искусство XX века, а из этих двух третей две трети – искусство сегодняшнего дня. Затем профессор изобразил на лице муку и сказал, что сегодняшнее искусство произвело на него тягостное впечатление, и что показанная в Ленинграде выставка напоминает ему о затхлом духе чуждых советскому человеку ценностей буржуазной культуры. Обратившись уже прямо к Юре Жарких, видимо, как к члену оргкомитета, совдеповский Рафаэль торжественно воскликнул: “Эта выставка живописи начала конца!” – особо выделив последние слова.

Речь Крестовского внесла полную ясность в расстановку политико-художественных сил. И хотя заявление о “начале конца” в некотором смысле и было справедливым, сам автор заявления об этом ничего не подозревал, имея в виду лишь сиюминутный, конъюнктурный, собственный интерес, а не глобальный исторический процесс деградации искусства. В том числе и советского, Крестовского. Скрывать стало нечего. Игра в кошки-мышки стала бессмысленной. Классовые интересы подняли забрала, и Синявин “обнажил ствол”: “Выставка – реабилитация формалистического искусства, имеющего полное право на существование!” – и как бы в подтверждении факта дискриминации жанров искусства в совковой изобразительной действительности “выстрелил” в Крестовского: “Художники, участники выставки, лишены привилегий посещать ФРГ как Крестовский”. Речь Игорь закончил патетическим пожеланием, чтобы искусство наконец превратилось “в мистерию общины, где каждый является участником”.

Языком Игоря, разумеется, ворочала зависть. “Мистерия общины” давно уже существовала в недрах ЛОСХа, куда Игоря никто и никогда не приглашал... После Синявина слово взял профессор Каганович. Без обиняков поставил он точки над «i», дескать, показанная выставка имеет вполне определенную направленность, противоположную Союзу советских художников. Исходя из этого, он внезапно сделал совершенно странный вывод, что большинство представленных работ поражает своей подражательностью. Профессор сделал упор на “под-

ражательность” так, словно сам он – яркий пример самобытности и творческой индивидуальности, которые до него, Кагановича, не были известны миру искусства. Затем он обрушился на тягу к максимализму и отсутствие профессионализма, который был свойственен старым мастерам, а ныне, на выставке, предан забвению. В конце выступления, чтобы как-то сгладить нехорошее впечатление о произведенном им погроме, Каганович обратился уже персонально к Угарову с идеей возрождения Горкома ИЗО, который существовал до войны в Ленинграде и объединял художников не членов ЛОСХа. “Не плохо бы возродить его, – смиловился он и закончил совсем уже умиротворенно: – На выставке есть робкие ростки любви к жизни. Будем надеяться, что следующая выставка станет более содержательной”.

Слово взял писатель Дар – могучий, бородатый старец с лицом ветхозаветного пророка: “После выставки Филонова в 1929 году это самая интересная выставка в истории ленинградской художественной жизни. У меня было такое ощущение, словно я срывал свежие овощи прямо с грядки, из земли”. Полемизируя затем с Кагановичем, Дар пропел гимн дилетантам: “Всякий профессионализм убивает в искусстве непосредственность” (ни Каганович, ни Дар так и не объяснили, что каждый имеет в виду под профессионализмом; тема не была раскрыта и вопрос остался без ответа). Обвинив ЛОСХ в том, что своим творчеством он отражает лишь ценности вчерашнего дня, Дар проиллюстрировал обвинение примером: “Для меня красное пятно флага на фоне голубого неба на Марсовом поле – символ более эмоциональный, чем портрет Ленина в четыре этажа высотой, вырезанный из картона”. Старец явно намекал на дорогостоящую показушно-оформительскую халтуру, которой ЛОСХ украсил Дворцовую площадь к прошедшей в ноябре годовщине революции. Конечно, не следовало обвинять в этом ЛОСХ. Музыку-то заказывал обком КПСС, лично товарищ Романов. Свою речь писатель закончил всяческими похвалами в адрес выставки, ловко парируя критику лосховских мэтров: “Выставку обвиняют в отсутствии сюжета? Что и хорошо”.

Следующим в соответствии с регламентом выступил Бартеньев, проректор театрального института по научной работе. Он был раздражен. Несколько выпускников его института приняли участие в выставке, в частности, Вольдемар Михайлов, Алек Рапопорт. Бартеньева участие в одиозной “левой” выставке бывших воспитанников волновало очень, и он первым делом счел необходимым реабилитировать лично себя, заявив, что театральный институт к распространению буржуазного влияния в среде своих выпускников не имеет в настоящее время никакого отношения, что во всем виноват покойный Акимов, дескать, это его рук дело. Свалив на умершего все “грехи”, Юрий неожиданно продолжил: “Всю жизнь я мечтал попасть в Италию и, наконец, попал”. По залу прокатился легкий смешок. Проигнорировав его, оратор начал самозабвенно описывать прелести эпохи Возрождения, которые современные итальянские художники, по его

мнению, “искажают, сидя на набережной”, вместо того, чтобы совершенствоваться в изображении “улыбки женского и мужского лица”, в каковом искусстве “достиг совершенства еще Леонардо да Винчи”. Поскольку призыв переплюнуть Леонардо в улыбочном искусстве никем не был воспринят, Бартеньев зашел с другой стороны, предприняв попытку завязать в один узел кризис западного искусства с кризисом восточного: “На этой выставке прекрасный мир скрыт пеленой уродства и искажения. Меня поразили культ уродства и искажения, на который противно смотреть”. Дав отповедь “культу уродства”, проректор по научной работе ушел внезапно в воспоминания о своих болезнях: “Полтора года назад я подвергся хирургической операции без наркоза. Я один час и сорок минут наблюдал за лицом хирурга. Какое это было прекрасное лицо! Симфония!!!” Оратор предавался воспоминаниям вдохновенно, почти что в экстазе. Сидевший недалеко от меня Марков, заведующий кафедрой стекла и керамики Мухинского училища, недовольно поморщился. И было от чего: как можно, не будучи под наркозом, более полутора часов любоваться лицом хирурга? Мазохизм какой-то. Бред.

Свое выступление ученый художник-мазохист закончил бескомпромиссно, решительно: “Хотя у нашей школы и есть еще очень много недостатков, однако практика подобных выставок для нее губительна!” И вот в этом-то он был абсолютно прав.

Потом выступал Юрий Дышленко, абстракционист, увлеченный концептуальными композициями. Он очень волновался, временами терял слова и затем долго искал их. Дышленко – полная противоположность представителям “школы”, от которых за версту несло элитарностью и снобизмом. Как-то уж очень униженно и жалко сетовал он на хроническое, “вот уже пятьдесят лет”, отсутствие контакта между художником и зрителем. Юра, безусловно, имел в виду таких же, как и он сам. У художественных противников контакт со зрителем был давным-давно отлажен. Подобно братьям Ткачевым, один из которых был даже членом ЦК КПСС, они гребли деньги чемаданами, да не в рублях, а в долларах, марках, и йенах...

Я слушал, и было мне его очень жаль: какого черта извивается он перед этой зажавшейся, бездарной, ремесленной публикой, вцепившейся в государственный пирожок мертвой хваткой?! (По версии Ю. Новикова, Дышленко сказал следующее: “После сорока лет обрыва контактов со зрителем, мы, в самом широком смысле, наконец, дождались его. Так называемый реализм не может претендовать на отражение и объяснение всего и вся. Наше искусство также не претендует на это. Можно, конечно, рисовать хорошенькие личики, но как заставить реагировать их на отнюдь не хорошенькую действительность?”)

Вскоре трибуной завладел представитель издательства «Художник» Бродский. Начал он совершенно по-дурацки: “Недавно я побывал в одной маленькой европейской стране”. Его речь оборвал дружный смех зала. Смеялись не только участники выставки, но и оппоненты. Бродский не учел состав аудитории.

Было ясно, что на состав ему наплевать. Свое слово он адресовал не столько к присутствующим, сколько к тем отсутствовавшим, которые все, однако, слышат и видят. Но он понял, и это делает ему честь, что пора кончать хвастаться загранкомандировками перед нищими. Смех зала разозлил его, и он обрушил свой гнев камнепадом на многострадальное неконформное творчество: “Давайте пригласим «Кировский завод», и пусть они оценят эту выставку! Вы увидите, что говорит ПРОЛЕТАРИАТ!!!” Последнее слово Бродский не сказал, а выкрикнул, чтобы было ясно, чье мнение он считает мнением в последней инстанции. “Ваше уязвимое место, – громил он художников, – эклектика, слащавость. Вы отгораживаетесь от нашей советской жизни, от ее высокой идейности. Вы стремитесь к спонтанному самовыражению, объединяющему вас с самыми реакционными направлениями. Я не вижу моментов, чтобы вашу выставку пропагандировать или запрещать, но государственную бумагу нужно расходовать разумно”. Руководство издательства “Художник” закончило свою речь веско, дав ясно понять, что ни о каком издании даже самого захудалого каталога не может быть и речи. Однако каталог впоследствии все же состоялся: самиздатовский, в одном экземпляре, с фотографиями (черно-белыми), с мыслями участников, с их стихами и автографами.

Обсуждение выставки постепенно теряло смысл, поскольку пошло по накатанной бюрократическо-идеологической дорожке.

Представитель Русского музея Дмитриенко поддержал своих предшественников по всем пунктам и даже попытался раскрыть вопрос о профессионализме, но сделал это весьма странно, путем подмены понятий: “Понятие профессионализма тесно связано с понятием гражданственности, которая на выставке совершенно не ощущается, как не ощущается и общественная ответственность авторов”. Затем представитель Русского музея поплакался по поводу отсутствия “многообразия мира в творчестве выставленных художников”, отсутствия у них же “образности в фактурных поисках” и, что уж самое страшное, отсутствия “духа человечности, который закрыт броней вторичных наслоений”. Дмитриенко говорил так, словно читал лекцию перед дефективными учениками неполной средней школы, которым, не стесняясь, можно всучивать любое косноязычие: “К созданию подлинных произведений искусства ведет, хотя и не автоматически, многоплановый метод социалистического реализма”.

Оговорка “не автоматически” – хитрый пассаж, предотвращающий возможное недоумение: где же эти бесчисленные гении из СХ, исповедующие метод соцреализма?

Дмитриенко закончил речь старческим брюзжанием: “Выставка оставляет ощущение тупика. Техника слабовата. Белкин, например, не умеет нарисовать руки и пользуется формальным приемом, прикрывая руки вуалью”. Последнее было уже откровенным хамством и потонуло в шуме и свисте.

Угаров неодобрительно посмотрел на Дмитриенко: нарушались правила игры, принятые еще в начале собрания при выработке регламента и процедуры обсуждения. Тогда еще Борис Сергеевич предложил не касаться персонального разбора произведений, не акцентировать недочеты и промахи в технике. Все с этим предложением дружно согласились. Дмитриенко с позором удалился, а же на следующий день, при разборе выставки, специально еще раз внимательно взгляделся в пресловутые “белкинские руки”. Все было в лучшем виде. Белкин прекрасно умел рисовать и руки, и даже в такой непростой ситуации, как “под вуалью”...»

Но как бы там ни было, выставка состоялась, художники получили своего благодарного зрителя и приободрились. Окрепли даже надежды на будущее. Чиновники из Управления культуры, хоть и кривятся и морщатся, но обещают продолжение выставок. У москвичей, после разрешенных выставок в Измайлово и на ВДНХ, у питерских «декабристов» (выставка-то была в декабре) возникают общие грандиозные планы.

А с отдельными художниками власти еще либеральничают.

Так еще в 1971 году без особого труда эмигрирует М. Шемякин. В недавнем интервью, оправдывая свои нынешние контакты с властью имущими чекистами, он изложил интересную версию своего отъезда. Он рассказал, что имел тогда беседу с неким генералом КГБ Поповым, который сказал ему: «Союз художников тебе жизни тут не даст. И придется нам тебя сажать. Так что лучше уезжай...»

В то, что страшней Союза художников зверя не было, поверит только невежда, равно как и в то, что добренькие чекисты сочувствовали левым художникам...

Но, может быть, им показалось тогда, что, одержав победу над правозащитным движением, можно продемонстрировать миру некоторую свободу? Вот, дескать, захотел художник уехать и уехал. Правда, там Миша появляется уже без гражданства, которого лишен, и в образе гонимого.

Или дело в том, что Заключительный Акт Хельсинкских соглашений, сулящий немалые экономические перспективы, вступает в силу лишь с 1 августа 1975 года?

Под сильным впечатлением от выставки в ДК имени Газа я начинаю усиленно работать и разрываюсь между подпольным самиздатом, живописью и друзьями. Еще я пытаюсь поступить в Высшее художественно-промышленное училище имени Мухомовой, к тому времени я уже работаю дизайнером в НИИ технической эстетики, потом в каком-то проектно-институте, и мне приходит мысль, все-таки получить диплом. Но идея возникает слишком поздно, срок подачи документов уже истекает. Я уговариваю принять документы, рассказывая байки о заболевшей бабушке, преодолеваю первый барьер, но дальше необходим был просмотр работ для допуска на экзамены, а у меня нет постановочных работ. Нет ни натюрмортов, ни гипсов. Вместо них мои вольные рисунки и художества.

Председатель приемной комиссии посмотрел, фыркнул и отказал. На самом деле мне эта учеба не очень-то и нужна: отделение ведь дневное, стало быть, заработка не будет, лишь стипендия да случайный приработок. Но у меня появляется спортивный интерес. Я иду к ректору училища, который кроме этого вел еще и факультет дизайна. Прорвавшись к нему, опять рассказываю про бабушку, говорю, что очень хочу учиться, что уже работаю интерьерщиком, и показываю ему фотографии своих проектов. Полистав альбом, он дает указание – допустить.

По окончании экзаменов я не нашел себя в списках поступивших и успокоился, а через неделю в буфете училища встретил секретаря из приемной комиссии. Она рассказала, что я получил по композиции 5 (причем это была первая, то есть лучшая из пятерок), по живописи – 4 (одну из первых), а по рисунку заслужил что-то между 2 и 3 баллами. Тогда позвали ректора, он посмотрел на разложенные в коридоре работы и сказал:

– А, это тот самостоятельный? Нет, не надо.

Услышав эту историю, я сначала удивился, а потом вспомнил, что на экзамене по композиции, а именно ректор и присутствовал там, одно из заданий было нечетко сформулировано. Ректор, проходя мимо, сделал мне замечание, а я возразил, указав на возможность иной трактовки. Отличную оценку он мне поставил, но «самостоятельности» не забыл.

Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы я стал там учиться?

Вместо этого я поступил в институт имени Репина, но мне уже не хотелось ни спорить с «мастерами», ни следовать им. Поэтому я пошел на искусствоведение, к тому же на заочное отделение. Но и до этого диплома дело не дошло. Прежде чем суд отправил меня в «народные университеты», я успел закончить только один курс.

«Хроника...»

К осени 1975 года мы с Олегом уже имели аппаратуру, которая позволяла слушать, записывать и размножать самиздат. Поскольку легально достать технику было невозможно, то вся она была так или иначе, где нами, а где и другими, похищена из государственных учреждений.

Олег работал на складах ленинградской военно-морской базы в «Новой Голландии». Огромные корпуса этого старинного комплекса, стоявшие на маленьком островке в центре города, были набиты всяческой техникой, в том числе и списанной радиоаппаратурой. По поддельным пропускам нам удалось вывезти оттуда два мощных корабельных радиоприемника, имевших тонкую настройку и фильтры отсечения шумов, так мы стали получать относительно чистый звук заглушаемых «голосов». Оттуда же появились и переносные радиостанции, которыми мы пользовались в экстренных случаях, опасаясь прослушивания телефонов. «Архипелаг ГУЛАГ», «Хроника текущих событий», солженицынское «Письмо вождям», комментарий к нему А. Сахарова, «Перед судом истории» Р. Медведева записывались на магнитофонах и перепечатывались на пишущих машинках. Однажды мне пришлось, узнав от Олега, что он только что выставил окно и вынес из машбюро очередную пишущую машину, ехать и убирать оставленное им стекло с отпечатками его пальцев. Потом за это я получил дополнительное обвинение в укрывательстве. Пишущие машинки приходилось часто менять, поскольку по особенностям шрифтов можно было определить и доказать, что и на каких машинках печаталось, а мы все же пытались путать следы. Мы пробовали перейти на плоскую печать или раздобыть где-нибудь типографские шрифты, осваивали технику гектографа, но получалось плохо. Пишущие машинки с трудом пробивали 4-5 экземпляров на тонкой бумаге, последние были совсем бледными. Студенты, а точнее студентки, которые сидели за ними, не могли делать это каждый день, и производительность наша была на уровне каменного века. И все же хоть что-то, но мы делали.

Иногда мы позволяли себе и другим разрядку от кропотливой и однообразной работы. Она заключалась в том, чтобы разбросать по почтовым ящикам пачку листовок или расклеить их ночью на автобусных остановках. Обычно они содержали выдержки из «Хроники текущих событий» и призывы к сопротивлению.

В 1975 году власти обнаружили, что подавить правозащитное движение не удалось. К этому времени «Хроника», при активном участии С. Ковалева, после большого перерыва уже выпустила свой 33-й номер, он целиком был посвящен политзаключенным.

Инициативная группа впервые провела свою открытую пресс-конференцию, на ней, по инициативе политзеков из мордовских и пермских лагерей, 30 октября было объявлено Днем политзаключенных. А. Сахаров, проводивший встречу с прессой, сообщил, что в этот день в лагерях проводятся голодовки с требованием признания статуса политзаключенных для всех осужденных по 70-й и 190-й статьям УК. В Союзе появилось также и отделение общественной организации «Международная амнистия», его учредил и возглавил Андрей Твердохлебов.

Но к весне и он, и Ковалев уже были арестованы.

Пишет Л. Алексеева:

«...Ковалеву инкриминировалось участие в Инициативной группе, подписание нескольких ее документов, передача западным корреспондентам материалов о политзаключенных на пресс-конференции 30 октября, заявление о возобновлении “Хроники” и участие в издании семи ее выпусков, начиная с 28-го, а также хранение трех выпусков “Хроники Литовской католической церкви”».

На основании последнего пункта обвинения суд устроили в Вильнюсе (9-12 декабря 1975 года), видимо, чтобы было меньше свидетелей процесса.

Но все-таки в Вильнюс прибыли не только москвичи (среди них был А. Д. Сахаров), но и ленинградцы, пришли литовцы, узнавшие о суде по зарубежному радио и потрясенные сообщением, что обвиняемый—русский—распространял материалы о преследованиях католической церкви в Литве.

Основным обвинением против Ковалева была «Хроника текущих событий». В инкриминируемых Ковалеву выпусках содержалось 694 эпизода. Обвинение исследовало 172 из них. Следствие признало точными 89, в 83 усмотрело «клевету». Ковалев настаивал на точности 72 эпизодов из этих 83 и не исключал возможности ошибок в остальных. На суде фигурировало 7 эпизодов из этих 11, которые обвинение сочло наиболее доказательными в смысле «клеветы», но лишь в двух малозначительных деталях достоверность «Хроники» можно было поставить под сомнение. Таким образом, проверка «Хроники», проведенная следствием по делу Ковалева, еще раз подтвердила высокую доброкачественность ее информации.

Это не помогло Ковалеву, приговор ему был — 7 лет лагеря строгого режима и 3 года ссылки. Суд над Ковалевым совпал с церемонией вручения Нобелевской премии мира А. Д. Сахарову. Сахаров не смог поехать в Осло — ему не дали разрешения на поездку. Как только стало известно о присуждении ему этой премии, советская пресса открыла погромную кампанию против нового лауреата, продолжавшуюся более двух месяцев. Пиком этой кампании было письмо 72 академиков и членов-корреспондентов Академии наук.

В самиздате появились многочисленные поздравления Сахарову из разных мест СССР и из политлагерей. Газетная кампания сделала факт присуждения ему Нобелевской премии известным всем читателям советских газет. Реакция на это событие в СССР может быть оценена по следующему сообщению «Хроники текущих событий»:

«Шведский корреспондент прошел по московской улице Красная Пресня и у первых 12 прохожих спросил, как они относятся к присуждению А. Д. Сахарову Нобелевской премии мира. 10 человек выразили свое удовлетворение, двое – возмущение».

Сахаров никогда не был лидером правозащитного движения, как иногда называют его на Западе (правозащитники не имеют лидеров), но стал признанным выразителем его духа, что объясняется не только и не столько его известностью ученого и не столько его активностью правозащитника, сколько тем, что по своим человеческим качествам он как бы олицетворяет правозащитное движение. Борьба Сахарова за отдельных политзаключенных – огромный повседневный труд, длившийся более 15 лет. Известно не менее 200 политзеков, в защиту которых выступал Сахаров. Отношение к правозащитному движению участников национальных и религиозных движений проявилось при сборе подписей под письмом в защиту Сергея Ковалева после его осуждения: «Мы требуем прекратить расправы за обмен идеями и информацией. Мы требуем прекратить преследования тех, кто защищает людей, ставших жертвами политических репрессий», – значилось в письме.

Его подписали 179 человек, что само по себе знаменательно. Такого числа подписей под правозащитным документом не было с 1968 года. Но особенно интересно, что среди подписавших почти половина была не москвичи, было много «новеньких», и значительную часть составляли не правозащитники, а активисты других движений: крымских татар, литовского, грузинского, украинского, армянского и еврейского. Это был первый случай такого совместного выступления. Знаменательно, что это было выступление в защиту члена Инициативной группы и сотрудника «Хроники...», то есть ассоциаций, олицетворяющих правозащитное движение.

Быстрое расширение связей правозащитного движения с другими прослеживается в это время и по «Хронике текущих событий». В первом после перерыва выпуске – 28-м, вышедшем в мае 1974 года, но посвященном событиям конца 1972-го, собраны сообщения из 28 географических пунктов, а в 34-м выпуске, вышедшем в декабре 1974 года, – из 71».

А инициативная группа питерского ТЭВа предпринимает шаги к организации уже общей выставки художников Питерского товарищества и Московского горкома графиков. Но московское Управление культуры такого союза не хочет, москвичам дают выставиться на ВДНХ в павильоне «Пчеловодство», но без ленинградцев... Тогда Ю. Жарких с десятком «декабристов» едет в Москву и организует там квартирную выставку на Большой Садовой. Часть работ тут же раскупается коллекционерами и дипломатами. На следующий день квартира уже в осаде, милиция не впускает туда даже выставлявшихся, если те имели неосторожность выйти.

Вернувшиеся в Питер собираются у Рухина, у Иванова и Жарких, где идут

бурные споры о том, что делать дальше. Появляется название – Товарищество экспериментальных выставок (ТЭВ). Выявляются два претендента на лидерство – Жарких и Синявин.

Первый формулирует в уставе задачу организации так: «способствовать творческой деятельности художников, в том числе не являющихся членами Союза художников СССР, в целях развития советского изобразительного искусства». Второй – напротив отрицает какие-либо компромиссы и слово «советский» не приемлет.

«В группе были отношения деловые: группе нужна авантюра ради цели – выставки (экстремистские вылазки – не цель). А авантюристу нужны люди, от имени которых он бы выступал в своих делах. Поэтому из оргкомитета без особых эмоций был выведен Синявин и заключен деловой договор с Жарких: “дайшь на дайшь”.

Группа приходила 22-го числа выслушать предложения Юры Жарких и подписаться под ними: молчал Жарких – скучала и группа, отмахиваясь от притязаний Синявина. Ведь под документами, составленными Юрой, я мог подписаться не дослушав их до конца: я знал, что это мне на пользу (как и всем). Ни под одним документом, составленным Синявиным, не подписуюсь. Я знаю, что это обернется мне во вред, хотя и на пользу Синявину.

У Жарких делается позитивно: “на живот” – “будете со мной – будете лучше жить”. У Синявина – “не на живот, а на смерть”: “не сделаете, как я говорю – погибнете.» Так вспоминает другой активист ТЭВа, Басин.

«Однако власти большой разницы между авантюристом и экстремистом не видят. Ю. Жарких, хоть и пытается отделить цеховые интересы от политических, еще недавно, возвращаясь из Москвы, получил ожог обеих ног чем-то вроде азотистого иприта, в назидание. Когда поезд остановился у перрона Московского вокзала, Юра сунул ноги в ботинки и вышел, но до дома не добрался. Очнулся в больнице, где его спросили, не работает ли он в военной промышленности, ведь такое отравление и ожоги ступней можно получить только там».

К «Аввакуму»-Синявину присоединяется Вадим Филимонов, его кличка Гусар числится за ним не зря. Любит пить, материться, приударить за бабами. Советскую власть терпит с трудом. Готов на подвиги. Их поддерживает и Арех – Арефьев, изгнанный когда-то из СХШ, отсидевший, талантливый, безбашенный...

Троице удастся убедить других в необходимости напора, чтобы переломить нежелание чиновников продолжать выставки ТЭВа. Однако попытка организации несогласованной выставки в парке «Сосновка» провалилась, а ее организаторам было отказано в участии на следующих, разрешенных Управлением культуры. И поскольку большинству нужны были выставки, а не война, последнее слово на том этапе осталось за Ю. Жарких.

Свой среди своих

Эти перипетии прошли мимо меня, я узнал о них лишь в конце лета, когда получил приглашение участвовать в следующей выставке. Мне сказали, что я могу принести свои работы к Игорю Иванову на выставком для просмотра. Я отобрал несколько разноплановых работ и с замиранием сердца отправился на Владимирскую площадь. Во дворе старого дома я нашел нужную парадную и стал подниматься по широкой лестнице. На последнем этаже дверь была открыта, оттуда слышался шум, я вошел и увидел уже знакомые лица, кто-то спорил, кто-то шутил. Тесно: холсты, мольберт, темные коридоры – все заставлено. Жарких, увидев меня и приглядываясь в полумраке, спросил: «Работы на выставку? Показывайте».

Несколько человек с интересом и, наверное, с новым для них чувством распорядителей разглядывают мои художества.

– Уж очень все разное, – замечает кто-то.

– Да, но почему бы нет?..

– А сами Вы что бы предпочли?

У меня действительно несколько импрессионистских работ, монотипии и два новых «сюра». Я показываю на них. Один на библейскую тему: «Mene, Mene, Tekel u-Pharsin» – «Взвешено, сочтено, измеряно». Эти слова появились на стене пиршественного зала во дворце царя Валтасара и были расшифрованы пророком Даниилом. Пировать царю и правда, оставалось недолго.

Но на моей работе надпись горит на крепостной стене, похожей на кремлевскую, а над идущим туда пророком нависла знакомая усатая харя. Аллегория прозрачна, и это не остается незамеченным при осмотре выставки чиновниками. На второй работе, названной просто «В ночи», по растрескавшейся красной земле уходит в темноту белая фигурка, а на провалах земли едва различима тень опустевшего креста.

Мой выбор одобрен художниками. Я ухожу счастливый.

А 10 сентября 1975 года на проспекте Обуховской обороны в огромном клубе ДК «Невский», там, где когда-то рабочие обуховских военных заводов бастовали и строили баррикады 1905 года, открылась наша выставка. Теперь в ней участвовало уже 83 художника. Зал был большим и вмещал немалое количество зрителей, наверное, поэтому режим посещения стал мягче. Нам не приходилось выталкивать зрителей, чтобы другие могли прийти на их место. Но длинные очереди все же стояли, а народ, которому добираться туда из-за отсутствия метро было сложнее, все же шел и шел. Так продолжалось все 10 дней. Не могу сказать,

что появление моих работ на стендах выставки что-то изменило во мне. Конечно, это было приятно и тешило самолюбие. Как и в кинотеатре «Молния» ужасно интересно было наблюдать за зрителем, который останавливался перед моими работами, хотелось заглянуть ему в душу, узнать, что же он понял и понял ли, что речь не о Валтасаре...

*ДК «Невский», участники выставки:
А. Геннадиев, В. Клеверов, Ю. Рыбаков, Ю. Петроченков.
1975 г.*

сновка» И. Синявину и В. Филимонову не дали выставить работы в «Невском», а когда первый пришел туда как зритель, его скрутили и увезли в милицию, вместе с женой и ребенком. В знак солидарности с отверженными не стал выставляться и Арех. Но большинство закрыло глаза на дискриминацию. А вскоре власти внесли раздрой в наши ряды с другой стороны. Несколько человек – А. Геннадиев, Ю. Люкшин, кто-то еще – получили предложения подать документы на вступление в Союз художников, ЛОСХ. И многие завидовали им, хоть и не подавали вида. А Управление культуры уже толковало о замене общих выставок на отдельные групповые.

Но совет Товарищества не сдавался и спустя месяц-другой направил в ЛОСХ дерзкое письмо, в составлении которого я уже принимал участие.

В название той работы я, кроме библейской цитаты, вписал: «Сны Пиндемонте», следуя А. Пушкину, который ссылкой на этого итальянского поэта успокаивал цензоров своего времени. Это пригодились, когда обкомовские инспектора хотели снять мою работу: А. Леонов сослался на то, что сюжет зарубежный.

Я, наконец, стал членом Товарищества и стал понемногу входить в его внутреннюю жизнь. Она была не проста. За попытку провести выставку в парке «Со-

Нонконформисты

«В Правление Ленинградской организации Союза художников РСФСР.

Группа ленинградских художников обращается к вам с предложением проведения выставки на основе следующего проекта:

Выставка предусматривает показ работ всех без исключения авторов, зарегистрированных инициативной группой за неделю до ее открытия с целью составления каталога.

Каждый автор имеет право выставить до 4 работ.

Сообщение о выставке транслируется по радио и телевидению за 2 недели до ее открытия.

Вход на выставку бесплатный и не ограничивается ни членскими, ни пригласительными билетами.

Просим ответ на наше письмо отправить по адресу... заказной почтой с уведомлением о вручении не позднее 20 октября сего года. В противном случае мы будем вынуждены обратиться с аналогичным письмом в Ленгорсовет».

Не знаю, почему мы считали, что подобная «угроза» может возыметь действие, а в Союзе, наверное, просто оскорбились нашим нахальством. Продолжались и попытки добиться разрешения на всероссийскую выставку левых в Москве.

А там – Общий отдел при ЦК докладывает:

«За последнее время активизировалась группа художников так называемых “авангардистов”. Эта группа, насчитывающая примерно 150 человек, состоит в основном из лиц без определенных занятий, не имеющих профессионального художественного образования, а также отдельных членов Союза художников и объединенного профсоюзного комитета художников-графиков.

В сентябре 1974 года “авангардисты” пытались в провокационных целях организовать выставку своих работ на Профсоюзной улице города Москвы. Через две недели в лесопарковой зоне Измайлово они демонстрировали абстрактно-формалистические работы. Позднее “авангардисты” обратились в исполком Моссовета с требованием предоставить им для проведения выставки специальное помещение. В целях предотвращения нежелательных инцидентов, которые могли бы быть использованы нашими идеологическими противниками, городские организации сочли возможным предоставить им для показа работ один из павильонов на ВДНХ.

В марте текущего года в Главное управление культуры исполкома Моссовета вновь обратилась так называемая инициативная группа с требованием

разрешить провести в Москве Всесоюзную выставку работ “авангардистов”. При этом было заявлено, что в случае отказа они выставят свои полотна в лесопарковой зоне или на одной из центральных площадей Москвы.

19 марта 1975 года “инициативная группа” на квартире одного из художников провела пресс-конференцию для иностранных журналистов западных стран, на которой было зачитано “Обращение ко всем художникам СССР” с призывом принять участие во “Всесоюзной выставке” с целью образования различных групп художников, объединенных не политическими ярлыками, а художественно-пластической принадлежностью искусства. Текст указанного “Обращения” “инициативной группой” распространяется среди художников Москвы и других городов страны».

Зашевелились и питерские литераторы. А весной 1976 года уже появилось Заявление для прессы:

«15 апреля 1976 года группа ленинградских литераторов и художников неофициально отметила 90-летие со дня рождения выдающегося русского поэта Н. С. Гумилева. Поэт Николай Гумилев был расстрелян в 1921 году в Ленинграде и по настоящее время не реабилитирован.

Оргкомитету по проведению юбилея поэта Управление культуры Ленинграда отказало в предоставлении зала, Ленинградским отделением Союза писателей нам было объявлено, что поэт Гумилев является врагом народа, и устраивать его чествование Союзу писателей представляется нецелесообразным. Органы КГБ планировали кратковременное задержание всех, кто участвовал в неофициальном чествовании декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1975 года.

Были арестованы три человека: поэты Юлия Вознесенская и Геннадий Трифонов, филолог Илья Левин. Преследованию подверглись поэт Виктор Кривулин и художник Вадим Филимонов.

В связи с вышеизложенным мы заявляем, что систематическое и грубое вмешательство органов КГБ и УВД в дела литературы и искусства, административный и бюрократический подход к проблемам неофициальной литературы Союзом писателей СССР, аресты и угрозы в адрес творческой интеллигенции – все это не способствует оздоровлению обстановки, в которой нам приходится жить и работать.

Обращая внимание мировой общественности на существующее положение вещей, мы призываем всех, кому близки и дороги понятия свободы, чести и творчества, способствовать устранению методов беззакония и клеветы, которыми пользуются власти для умерщвления и подавления конституционных положений в СССР.

Подписи: Жилина, Синявин, Киблицкий, Арефьев, Клеверов, Любушкин, Приходько, Рыбаков, Иванов, Зильбер, Овчинников, Филимонов (за себя и Вознесенскую), Сорокин».

А вот что докладывают об этом чекисты:

«В ЦК КПСС

11 января 1976 года.

О срыве враждебной акции в Ленинграде.

Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР предотвращена попытка группы враждебно настроенных лиц провести 14 и 27 декабря 1975 года в городе Ленинграде провокационное сборище, которое они намеревались организовать под предлогом почтить память участников восстания декабристов.

Как было установлено, инспираторы сборища планировали собрать на площади декабристов 100-150 человек, развернуть транспаранты с провокационными надписями и предпринять другие антиобщественные действия, чтобы придать акции антисоветскую направленность.

В качестве основных организаторов сборища выступили лица из числа так называемых непризнанных поэтов и художников-“авангардистов”. Некоторые из них вынашивали иммиграционные настроения и проведением акции рассчитывали приобрести перед выездом на Запад “политический багаж”. Свои действия организаторы сборища согласовали с САХАРОВЫМ.

Сообщается в порядке информации

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Ю. АНДРОПОВ».

Тогда же, в дни суда над членом Хельсинской группы А. Твердохлебовым, я, взяв с собой пару аэрозольных баллонов, перелез ночью через бетонный забор трамвайного парка на Васильевском острове и оставил на бортах стоявших там трамваев большие надписи: «Свободу Твердохлебову», «Свободу политзаключенным!»

Утром ничего не подозревавшим вагоновожатым и в голову не пришло осмотреть свои вагоны с другой стороны, они выехали в город... Где-то на полпути их остановили. Но ведь трамвай ездит только по рельсам. И даже когда надписи были обнаружены, пришлось проехать еще полгорода, чтобы вернуться обратно.

«Какое мальчишество, это в тридцать-то лет!» – скажет солидный человек и, по своему, будет прав. Но что делать, если ты устроен так, что не можешь иначе? Наши ребята раскидывают листовки о процессе над Твердохлебовым.

От ТЭВа в Москву идет очередное послание:

«В Министерство культуры.

Главное управление культуры при Ленгорисполкоме, опираясь на присланную вами инструкцию, не желает предоставить помещение для выставок свободных художников, мотивируя это нехваткой выставочных залов.

Этому можно поверить. Но вокруг Ленинграда множество полей, парков и других просторов под открытым небом, где мы, свободные художники, могли бы выставляться.

Такая форма выставочной деятельности практикуется во всех цивилизованных странах мира. Мы просили вашего разрешения на проведение подобных выставок.

Причина обратиться к вам за разрешением достаточно веская: без разрешения такие выставки сопровождаются жесточайшим преследованием местных властей с привлечением УВД. Практикуются задержания, кратковременные аресты, пикетирование дома, домашнее заключение. Ясно, что в такой обстановке художественная деятельность приобретает смысл скандального выступления, а это совершенно ни к чему.

Мы хотели бы получить письменный ответ на нашу просьбу до 25 мая сего года, а если мы не получим никакого ответа в этот срок, мы будем считать этот вопрос решенным положительно...

Актив Товарищества экспериментальных выставок, 5 мая 1976 года».

Гибель Рухина

Через 19 дней ветреным, солнечным днем я шел по улице Халтурина (Миллионной) и увидел идущего навстречу Толика Белкина. Слезы текли по его лицу, он плакал и не скрывал этого. Я услышал:

– Женька погиб! Сгорел в мастерской. Рухин – Женья...

Махнув рукой, он побрел дальше. Я был мало знаком с Рухиным, мы встречались только на выставке в «Невском». Этот молодой, уверенный, красивый человек сразу обращал на себя внимание своим артистизмом и внутренней свободой. То, что он выставил в ДК «Невский», показалось мне слабее работ в ДК имени Газа. Но в среде нашего живописного авангарда, во многом следовавшего уже известным и освоенным приемам сюрреализма, экспрессионизма и абстракции, он пошел дальше – соц-арт, поп-арт еще были внове, другие к ним только приглядывались, а у Рухина они уже стали крепкими и самобытными. Позже я увидел его планшет, на нем захлопнувшаяся мышеловка, а в ней старый, почти пустой тюбик красной краски, чуть выдавившейся от удара. Казалось бы, никакой привязки к нашей тогдашней жизни, но сомнений в том, что перед тобой символ эпохи, не было. А потом оказалось, что это еще и предсказание собственной судьбы.

Я пошел к его дому на Английской набережной у Ново-Адмиралтейского канала. Его окна выходили на Неву, около дома и у парапета напротив стояли наши художники. Все были растеряны, курили, переглядывались, разговаривали. Я вошел, дверь была настежь, там тоже толпились знакомые и незнакомые люди. В квартире сводчатые потолки, камин, отсутствие света, темно и страшно, черной тенью мелькнула жена Евгения. Я снова вышел на улицу. У парапета спорили о чем-то Арех (Арефьев), Володя Бугрин, Синявин, Саша Леонов, Нестеровский, кто-то еще. Выяснилось, что Рухин вчера вернулся из Москвы, куда он возил свои новые работы, там он опять встречался с кем-то из дипломатов и журналистов, кажется, что-то у него купили. Он приехал веселый, с надеждой на Всесоюзную выставку авангарда.

На вокзале его встречали друзья, потом гуляли где-то, пили шампан-

Е. Рухин, 1975 г.

ское, потом сидели до ночи у него в мастерской, все остались там ночевать, благо место было. Его мастерская располагалась на втором этаже, от входа наверх шла, кажется деревянная, лестница, окна выходили на крышу соседнего сарая.

Ночью они проснулись в едком дыму и темноте, кто-то, кажется, Левин, сообразил выбить окно, через которое они стали выбираться на соседнюю крышу. Пожарные приехали не сразу, но быстро затушили огонь. А потом в мастерской нашли Лену Захарову и Рухина, они задохнулись, Женя оказался под упавшими на него холстами.

Обсуждая случившееся, многие сходились на том, что это – поджог.

Гэбисты предупреждали Рухина о нежелательности его контактов с иностранцами, уже была попытка поджога квартиры у писателя Вадима Нечаева, где он вместе с женой, Мариной Недробовой, проводил «левые» выставки. Еще свежа была история с отравлением Юрия Жарких. Все это происходило одно за другим, участников ТЭВ уже выгоняли с работы, из институтов. И было понятно, что гибель Евгения из того же ряда.

Среди собравшихся настроение было подавленным, но Арэфьев, сжав кулаки, сказал: «Протест! Нельзя смолчать. Нас загнют, нас так всех задавят!» – «А что ты сделаешь?» – «Протест!» – «Какой, кто узнает?» – «Даже выставки запрещены». – «Вот именно. Сделаем выставку. Открытую выставку». – «Где?» – «Да хоть у Петропавловки!» – предложил Глеб Богомолов. Идею поддержали и тут же решили пойти к крепости, выбрать место. Уходили с облегчением, у дома Рухина стоять было тяжело, уйти – неловко, а тут нашелся выход. Нас оказалось больше 20. Мы двинулись по Дворцовой набережной до Кировского, теперь снова Троицкого, моста, через Неву и по деревянному мостику к воротам крепости. Свернули налево и сразу сели у воды; огляделись, решили – да, здесь и сделаем. Назло сукам! Но кто-то сказал, подстрахуемся. Чтобы потом не обвинили в нарушении порядка, известим Управление культуры письмом-приглашением на выставку. Ведь мы обратились в Министерство культуры за разрешением на открытие выставки, предупредили, что отсутствие отказа будем считать согласием. Отказа не получали, значит, извещаем, что следующая будет проведена в память о Рухине у стен Петропавловской крепости. Приходите. Определили дату – следующее воскресенье, 30 мая, в 12 часов.

Художники понимали, что делается ШАГ. Даже сфотографировались, щелкнул нас какой-то странный человек в берете. Это был замечательный питерский фотограф Тиль-Мария, но я был новичком и не знал его. А потому по конспиративной привычке из кадра уклонился...

Потом разошлись. Слух о предстоящей акции пошел по городу, художники перезванивались, обсуждали, уточняли. Собиралось участвовать человек сорок.

Все это, конечно, стало известно чекистам.

Я допускал, что власти могут помешать нам не только непосредственно на

месте, но и раньше. Поэтому три свои работы, которые решил выставить, унес из дома заранее, оставил их у Олега, на Васильевском острове. В воскресенье рано выехал к нему, забрал большую папку, забрал холст и на трамвайчике спокойно поехал на Петроградскую сторону.

Сойдя с трамвая у станции метро «Горьковская», мимо памятника «Стережущему» дошел до знакомого мостика. Точнее не дошел, а только увидел его сквозь листву, но тут из ближних кустов сбежались дружинники и милиция.

Подхватив под руки, не грубо, но настойчиво они повлекли меня вперед. Оказалось, что Иоанновский мост перекрыт цепочкой выстроившихся на нем милиционеров. А на площадке перед мостом несколько милицеских машин, в одну из них меня и засунули. Пока меня туда вели, увидев человека с холстами, подбежала женщина:

– Молодой человек! Молодой человек, а где тут выставка?

– Да вот же, не видите разве? – повертел я головой. – Вот вам и выставка! (Так, экспромтом, мелькнула идея, которую мы использовали в следующий раз.)

Заглянув в машину, я увидел там Бориса Кошелюкова и другие знакомые лица. Газик был уже забит и тут же тронулся. Уехали не на Литейный в КГБ, как я с интересом ожидал, а в райотдел милиции. Там у нас отобрали работы и оставили ждать в двух пустых кабинетах. Сидя под замком, особого страха или волнения никто не выказывал, настроение было скорее приподнятым. Не зная, чего собственно ждать, думали, что получим административный арест на 10-15 суток. Игорь Синявин как обычно грозился подать в суд, сообщить «на Запад».

В общей сложности оказалось задержано более 30 человек, мы ждали еще часа два, потом появились некие важные дяди, они стали разглядывать те работы, которые художники хотели показать людям. Попутно дяди стали беседовать с авторами, но не найдя никакой крамолы, заскучили и с лентой и с важностью стали объяснять каждому, что делать неразрешенные выставки не надо, что в следующий раз будут серьезные неприятности...

Я пожал плечами, сказал, что учту. Видимо, общее впечатление у гэбистов было такое, что скандал не нужен, можно обойтись предупреждением («бульдозерная» выставка, наверное, еще не забылась), но в то же время выпускать сразу им показалось рискованно – вдруг снова к Петропавловке пойдут? А там народ

*Художники обсуждают вопрос о проведении
30 мая 1976 г. выставки
у стен Петропавловской крепости*

Патрульная машина. Задержание художников
у Петропавловской крепости

ждет. Поэтому нас по трое, по четверо (отдав работы) развезли по разным отделениям милиции и продержали там до темноты.

Выставка была таким образом сорвана, но из «ментовки» мы вышли с ощущением только начатого дела. На следующий день поредевшая группа инициаторов собралась у художника Володи Бугрина. Большой, лохматый и мрачный, он был настроен решительно и предложил повторить поход к Петропавловке в следующие выходные, обзвонив перед этим иностранных журналистов.

Синявин пошел дальше: «Объявим голодовку! На неделю, до новой выставки!»

– Где мы будем ее делать? Дома, что ли? Ведь никто не поверит. Скажут, врем.

– Ну и пусть говорят. Мы-то знаем, что все будет честно, и честно об этом заявим. Так, вместе с повтором у крепости – сильнее.

– Но как же с выставкой? Нас же опять загребут, мы и до Петропавловки не дойдем!

Тут Глеб Богомолов предложил то, что теперь называется хеппенингом. Он сказал: «А мы придем туда без работ!» Я подхватил идею, долго объяснять не пришлось, все развеселились и сочинили письмо в Управление культуры. Его отпечатала Наташа Лесниченко, там было сказано:

«Сообщаем Вам, что выставка, намеченная на 12 июня с 12 до 16 часов и посвященная памяти Евгения Рухина, состоится. Но, вместо намеченного ранее показа картин выставка будет носить концептуальный характер. На ней будут представлены самодвижущиеся объекты, находящиеся в непринужденном движении. В качестве таких объектов будут использованы сотрудники милиции, как в форме, так и в штатской одежде. Присутствие авторов на выставке не обязательно. Оргкомитет ТЭВ».

Так, заранее объявив об акции андеграунда у крепости, мы вынуждали власти стянуть туда тех, кто и станет «самодвижущимися объектами» нашей выставки.

Но немало было в ТЭВе и тех, кто смотрел на «бузотеров» без энтузиазма. Это неудивительно и вполне понятно. Удивительно скорее другое: до какого же состояния надо довести людей, чтобы даже художника, существо сугубо отдельное, чье место в мастерской, толкнуть на публичный протест!

Власти сделали для этого достаточно. Питер 70-х годов, в отличие от стоящей на семи ветрах Москвы, – консервативный, культурный центр. Здесь сосредоточены широкие слои гуманитариев, здесь и выбравшая путь хранителей культу-

ры, сознательно ушедшая от действительности академическая интеллигенция, здесь вписавшаяся в систему, утонувшая в конформизме «служилая» советская «образованщина». Тут значительно меньше государева чиновничества. И здесь же выпускники творческих институтов, для которых приложения творческих сил и просто работы куда меньше, чем в столице. И на этой утрамбованной почве существовал молодой невостребованный авангард. Он складывается не только из выпускников университета, института имени Репина, театрального института, но и учеников П. Филонова, В. Стерлигова, О. Сидлина, Н. Акимова, Г. Траугота, талантливых самоучек, вольных натур...

Они не вмещаются в социалистическую культуру, ее утилитарные и ограниченные потребности. Они вне социума.

Большинство из андеграунда ничего не имело против советской власти, они выросли в этих условиях и не представляли себе другого строя. Конечно, есть другая жизнь, но бороться за нее? Это не в их натуре.

«Ничего, когда-нибудь», – бормочут они. На самом деле места для них нет. Старичье прочно держится за кормушку. Из 8 тысяч членов Союза художников СССР моложе 30 лет только сотня, чуть больше 1 процента.

А пока «лишние» работают лифтерами, сторожами, истопниками – отшельниками чистого искусства, слегка фрондируя в ожидании перемен и славы.

Все это могло продолжаться в условиях провинциально-герметичного Питера начала 70-х, но вот вдруг дунул сквозняк. Пример подала Москва. Скандал с «бульдозерной» выставкой и последующее отступление властей, давших столичному андеграунду ряд выставок, а потом и наши «газа-невские» выставки были глотком воздуха. Одним, другим, третьим. И когда форточка закрылась, терпеть старое стало трудней.

Власти могли бы спокойно и цинично прикормить, приручить и одомашнить тех, кто, не собираясь вмешиваться в политику (упаси боже!), служил бы системе, как доказательство творческой свободы в стране Советов. Причем в этом была бы польза – рабам системы жилось бы чуточку веселей.

Частично власть так и сделала, несколько талантливых и умеренно левых художников приняли в Союз художников, и дальше жизнь у них пошла по относительно благополучным рельсам. Наверное, такая возможность была еще у кого-то, но многие остались вне системы по собственному гражданскому выбору. У других убеждения не противоречили официозу, но были чужды ему по мироощущению.

Для борьбы с ними появились газетные публикации. Например, статья в «Ленинградской правде» под названием **«Размышления после выставки»** от **16 октября 1975 года:**

«Наибольшее внимание посетителей привлекла группа авторов, подчеркнуто претендующих на авангардную роль, ведущее положение на выставке авторов, именующих себя новаторами. Здесь обыкновенное заимствование,

подражание типичному западноевропейскому искусству. Одно дело – упражнения подобного рода у себя на дому и совсем иное – публичное выступление. Чем объяснить увлечение некоторых участников выставки упадочными течениями?.. Дело в том, что из благородных живописных материалов они ухитрились создать подобие, муляж отбросов. И уже “беспредметники” сомкнулись с теми, кто, сохранив видимость реалистического изображения, избрал объектом своего пристального внимания ужасы, патологические явления, бред, галлюцинации и всякого рода болезненные отклонения от нормы. До какой степени притупления добрых человеческих чувств надо довести себя, как плохо надо думать о согражданах. Демонстрация этих псевдоноваторских работ свидетельствует, прежде всего, о духовной бедности их авторов. Но совершенно очевидно, что не последнюю роль играло желание прославиться во что бы то ни стало, жажда известности, хотя бы и скандальной. Отсюда и вызывающе крикливый тон самих работ, нескромность, напыщенность, мнимая значительность и претенциозность в названиях.

...Марксистско-ленинская эстетика вывела законы на основании глубокого изучения самого человека и условий его существования. Из этих законов следует, что всё антихудожественное в искусстве становится обязательно и антигуманным и античеловечным...

Хочу обратиться к тем зрителям, тем авторам писем в “Ленинградскую правду”, которые в недоумении стояли перед “новациями” и сокрушались, полагая, что отстали от времени, что эти вещи выше их понимания и недоступны их чувствам и разуму. Пусть успокоятся: их восприятие нормально, их психика здорова, у них все в порядке, а душа и сердце открыты всему действительно прекрасному».

В СССР репрессии часто предварялись такой газетной травлей, она, как охотничий рог, поднимала псов и загонщиков, чтобы те выгнали «зверя» на выстрел...

Но что было терять художнику или поэту, который и так уже ушел от этого мира в кочегарку? А кому-то, кто уже решил добиваться выезда на Запад, гонения становились попутным ветром.

Притеснения не только создавали ореол мученичества вокруг «отъезжантов», но еще снимали их сомнения в правильности выбора.

Позже оказалось, что к эмиграции были готовы многие, но слабыми были надежды на то, что их выпустят из страны.

Их отъезд упростился потом благодаря нашему аресту, когда власти поняли, что в этой среде возможна не только творческая, но и политическая, «подрывная» деятельность.

В результате без особых мук смогло эмигрировать более 30 талантливых художников. Уезжали люди по-разному. Это теперь любой отъезд может обернуться возвращением. Тогда обратного хода не было, отправлялись, кто-то деланно веселясь, а кто-то, как на тот свет.

Но вдруг кровоточить там будут раны
Бездомной памяти, и до скончания дней
Тревожить станет боль обрывков рваных
В земле Отечества оставшихся корней?

Так в 1978 году писала кому-то из отъезжающих Галина Ляховицкая.

В советские времена, даже при наличии приглашения с «той» стороны от родственников, друзей, творческих союзов или тем более иностранного правительства, получить разрешение на выезд было почти невозможно. Люди, посмевавшие заявить о таком намерении, автоматически переходили в категорию врагов и изменников, их сразу увольняли с работы, отчисляли из институтов, объявляли носителями мифических государственных тайн или просто отказывали без объяснения причин.

Вероятность попасть под колеса автобуса или быть жестоко избитым «хулиганами» резко возрастала, годами они жили впроголодь, лишь урывками имея возможность заработать на прокорм семьи.

Большинство подумывавших об эмиграции художников не верили в эту возможность, но и прозябать «лишними» в среде, где ты не можешь показать людям сделанную тобой работу, становилось нестерпимо.

Решив продолжать свой протест и еще раз выйти на Петропавловку, мы, сделав официальное заявление городским властям, под честное слово друг друга начали голодовку. На это пошли Бугрин, Синявин, Филимонов, Волков, я и кто-то еще. Я уехал голодать на дачу, там это было проще, не хотел волновать родителей. Моя первая дочь еще лежала в коляске и протестовать не могла, а жена сердилась и не понимала, но еще терпела... Оказалось, что голодать, а я это делал впервые, непросто, причем неделя – это как раз тот срок, когда организм только начинает адаптироваться к новой ситуации. Я пил воду, но сдуру постеснялся заняться промыванием кишечника, процедурой необходимой, иначе может начаться отравление. Так оно и случилось. На пятый, кажется, день началась рвота, головная боль и головокружение.

Обещанный срок я выдержал, но поехать на электричке в Питер не смог.

Акция состоялась. К 12 часам Петропавловская крепость, сама того не подозревая, стала огромной сценической площадкой.

Там Олег познакомился с Наташей Лесниченко (в дальнейшем Н. Л.) и Юлией Вознесенской (в дальнейшем Ю. В.), а через несколько дней в ее доме появился и я. К тому времени жена, после очередного позднего приезда на дачу, уже крикнула мне:

– Убирайся!

Повторять мне было не надо. А дальше нас завертели месяцы стихов, прожектов, новых людей, цветов, квартирных выставок, ночных гуляний:

Деревья ночью так полны
своей тяжелой тишиною,
зеленым запахом луны,
а проще говоря – луною.

Одна пропащая луна,
одна гулящая Венера –
и жизнь просвечена до дна.

Но временем и мерой
дано сегодня управлять
и повернуть судьбу на чудо,
лишь повторяя: буду! Буду!..

Дождем июльским, в лунный дым
перетекать, играя светом,
и задержаться четверым
на сгибе осени и лета.

Так писала тогда Наталья.

Параллельно, и пока не соприкасаясь с андеграундом, шла и наша с Олегом подпольная работа. Да, почти сразу после второй акции у Петропавловки мне кто-то позвонил по телефону, и я услышал издевательское:

– Что, голодаете? Ну, голодайте, сдохнете – нам легче будет!

У крепостной стены

Никто не собирался разрешать художникам устраивать выставки. Евгения Рухина отпели в Никольском соборе. Голодовка наша кончилась и результата не принесла. Все примолкли. А злорадный телефонный голос не забылся, и занозой сидело желание, ответить хорошей пощечиной! Да, по городу распространялись наши листовки, где-то появлялись надписи. Такие рейды давали нам разрядку от рутины печатного станка и пишущей машинки, но история с гибелью Рухина не уходила из памяти. Листая в Публичной библиотеке журнал «Курьер ЮНЕСКО», я увидел на обратной стороне обложки скульптуру, кажется африканского мастера: огромный, клыкастый зверь стоит над лежащим человеком, а внизу чья-то цитата: «Душа человека не знает оков!» Как раз тогда в голове у меня обкатывались слова для лозунга о свободе, и вот они нашлись.

Ничего не говоря даже Олегу, я отправился в крепость на разведку. Делать надпись на «задах» крепости, там, где поэты читали стихи, было бесполезно – никто не увидит.

Я пошел по стороне, выходящей на Неву, и обнаружил, что у Государева бастиона сложены штабеля трубчатых строительных лесов. Чуть за углом стоял компрессор, лежали бухты шлангов для пескоструйного аппарата. Значит, готовится косметическая чистка фасадов. Что ж, это хорошо, тогда от нашей надписи ущерба крепости не будет, ее удалят заодно в ходе плановой очистки.

И само место было наиболее продуктивным, обзор с трех сторон: налево Кировский (теперь снова Троицкий) мост, прямо напротив – Дворцовая набережная, направо – стрелка Васильевского острова. Все, кто будут идти или ехать по каждой из сторон, увидят. Но для этого надпись должна быть огромной. Баллончиками это не сделать. Писать кистями долго. Значит, нужны валики и белая водоземлюсионная краска. Бастион облицован рядами прямоугольных гранитных плит, их швы, как линейки, помогут не сбиться со строки.

Риск непомерно велик. За спиной вода, налево и направо от каменной стены

Ю. Рыбаков, «Жизнь». Бумага, тушь.
Август 1976 г.

узкая полоска берега. Мы оказались на островке с двумя мостами. Если заметят, не убежать. Что ж, подождем ночью потемнее и рискнем!

Я не знал, что бывший ленинградский поэт Константин Кузьминский уже прочел привезенное к нему с оказией письмо от Н. Л.

Через 20 лет оно будет опубликовано адресатом, и я привожу его извлеченный от частных деталей текст:

«Здравствуй, милый Костенька. Сегодня 25 июня. Уже месяц, как погиб Женя [Рухин]. До сих пор толком не понимаю, как это случилось. Загорелось в комнате со стеклянным верхом справа от лестницы, где были свалены холсты, подрамники и всякий хлам. Женя туда никогда не ходил при гостях, так что я узнала о существовании этой кладовки, только когда была у него в последний раз, дней за десять до пожара <...>

Видишь, какое печальное начало. Страшно мне, Костенька, очень. Так терять друзей мне еще не приходилось.

Вот и 26-е. Попробую рассказывать о наших событиях в некотором порядке, как всегда, сбиваясь с него.

Выставки рода Газа и Невского были официально запрещены еще в апреле. Вернее, об этом было объявлено в Управлении культуры некой дамой, ныне там не работающей, при личной беседе с Юлией по поводу Гумилева. Мы хотели отметить сколькотолетие со дня его смерти официально, на что получили ответ: “Была в прошлом году комиссия, расследовала дело еще раз, Гумилев – враг народа”. При этом было сказано, что будут-де небольшие выставки, например, в кинотеатрах, или тематические, скажем, “Ленинградский пейзаж” и т. п. Художники, когда Юлия сообщила об этом, фыркнули: хорошо, коли пейзаж, а если “Ленинградский рабочий”? Кинотеатры тоже, соответственно, обсмеяли и якобы забыли. Проходит время. Зала типа Невского не дают. Гибнет Женя. И взамен официальной решили устроить, пользуясь терминологией властей, “запрещенную” выставку на воздухе и посвятить ее его памяти. Назначили на 30 мая, известили отдел культуры. За несколько дней начались вызовы в милицию с требованием подписать некое “предупреждение”: “Я, такой-то сякой-то, предупрежден о том, что всякие выставки и т. п. (неточно цитирую, меня не вызывали) – нарушение общественного порядка, статья черт его знает какая”. Кто отказывался, кто подписывал...

Выставка назначена на 12 часов у стены Петропавловки справа от Иоанновских, кажется, ворот. Мы, естественно, опоздали, и, когда пришли, художников с картинами и даже без оных, уже рассадили по машинам и развезли по своим отделениям. Толпу из зрителей, нескольких художников, поэтов долго разгоняли, моталось там много всяких ПМГ и прочей дряни. А вечером, в 7 часов “группа хулиганствующих поэтов и примкнувших к ним зрителей” на том самом месте читали свои злобные пасквилы и были также разогнаны доблестными силами.

По секрету скажу, что группа хулиганствующих состояла из Юлии, Генки-

супруга и меня, а также Витьки Козулина [Кривулина], который ввиду перевеса сил доблестных защитников порядка прочитать свои пасквили не успел.

Был арестован художник Клеверов. После того как его везли в здание суда в машине, ему стало плохо, сидел, держась за живот. Ребята были с ним. Врачи прибыли, одну из них Генка узнал, пару лет назад она была студенткой института культуры. И бежали вокруг него со шприцем. Он от укола отказался, и ребята защитили. Тогда его свезли в больницу. И представь себе, в наркологическое отделение. А наркотики очень интересуют наших опекунов. Даже следователь по пожару у Женьки вызывает всех кого не лень, прямо признается им в том, что их интересует моральный облик движения, и напирает на то, что Женя и Мила были под кайфом. О том, какая это все х...ня, я и говорить не буду. Вернемся к Клеверову. В больницу ворвалась его жена, по шуму определила его палату, вбежала туда и увидела, что ее муж лежит на полу, одна баба хлещет его не то простыней, не то плеткой, а вокруг всё со шприцем беготня идет. Из больницы его в суд, там семь суток за нарушение общественного порядка. После этого несколько художников объявляют голодовку на семь дней. Затем, как сообщала "Немецкая волна", к ним присоединяются две писательницы. Эти красавцы никак не могли понять, что такое "поэтессы". Кто были эти две писательницы, ты уже и сам догадался. Господи, если бы я за эти семь дней хоть на килограммчик похудела! Ни фиги, видимо, организм питался за счет внутренних жировых отложений. Тяжело было очень, но к седьмому дню поняла, что и еще столько смогла бы. Легкость появилась необыкновенная. Теперь буду регулярно голодать.

Четвертого числа на улице взяли Арефьева. Двенадцать суток за оскорбление властей. Ввели в кабинет, там начальник долго кричал на него, а потом пригласил двоих из-за дверей: "Слышали, как он меня оскорблял?" – "Слышали". – "Подпишите". Подписали. Простудился, сейчас болеет.

День рождения не справляла, не тот был настрой. До сих пор, Женьку вспомню, реветь начинаю. Все равно пришли ребята, поздравляли. Рада.

Новую выставку назначили 12-го числа. После всех арестов настроение несколько упало, было ясно, что и эту выставку разгонят, не хотелось рисковать картинами, но вино налито, надо пить. Но черт побери, пусть пьют охранники порядка! В Управление культуры посылается следующее письмо (цитирую дословно):

«Сообщаем вам, что выставка, намеченная на 12 июня с 12 до 16 часов и посвященная памяти Евгения Рухина, состоится. Но вместо намеченного ранее показа картин выставка будет носить концептуальный характер. На ней будут представлены самодвижущиеся объекты, находящиеся в непринужденном движении в течение указанного времени.

В качестве таких объектов будут использованы сотрудники различных организаций (вот эти два слова неточно) (УВД, милиции и т. п.), как в форме, так и в штатской одежде. Присутствие авторов на выставке необязательно. Оргкомитет ТЭВ».

По-моему, очень забавно.

Теперь по порядку. 11 июня... Приходит без телефонного звонка Синявин. Читает письмо. Вовсю веселится, потом решает доставить удовольствие и “коррам” (так мы называли тогда корреспондентов западных СМИ). Набирает телефоны. То не отвечают, то занято. На пятый набор наконец отвечают: “Подождите, мы очень заняты, перезвоните, пожалуйста, через полчаса”. Игорь представился, сказал, что из Ленинграда, спросил, с кем он разговаривает, ему назвали знакомое имя. Ждем. Но через пять минут обнаруживаем, что телефон опять вырублен. Это проделывают регулярно.

– Ну, я пошел, – говорит Игорь.

Я выхожу его проводить, сажаю спокойно в трамвай, захожу в магазин, возвращаюсь – здравствуйте! – на той стороне ПМГ, на этой черная “Волга”, у нее мильтон и пятеро штатских. Ку-ку, говорю, Юлия. А у нас сейчас гости будут. И верно, звонок.

– Кто?

– Милиция?

– А кто нужен?

– Синявин.

Иду, говорю Юлии, она разрешает величественно: впускай, мол. Впускаю.

– Где Синявин?

– Какой Синявин?

Лазят в шкафы (и все это без ордера на обыск), под диваны заглядывают, в маленькой комнатке, спрашивают о Синявине Андрюху [сына Юлии], роются в постели. <...> Пугают до полусмерти соседку, уверены, что он тут, уходят, возвращаются. Милиционер наглый, хам, а в штатском – лейтенант мил.<иции> Уцеховский вежливый и ироничный. Синявина, как потом выясняется, берут часа через четыре следующим образом: опять телефонная будка. Из нее вытаскивает Игоря милиционер. Долго ругается, потом подзывает двоих из-за угла. “Слышали, как он меня оскорблял?” – “Слышали.” – “Подпишите”. Подписывают. Десять суток.

Вечером Юлия встретила с Юрой [Жарких] у метро “Маяковская”. Юра заранее взял машину – левака, – и они покатали. Но как только свернули с Невского на Герцена, справа – ПМГ, впереди – черная “Волга”. Из “Волги” вылезает подполковник милиции при всех регалиях и даже при орденах. О!

Просит у них документы, говорит, что нарушение уличного движения, везут их, но не в ГАИ, а в родное Юлино 5-е отделение. Сначала думали, может быть, и в самом деле шофер нарушил, но тут заглянул тот самый лейтенант черненький, который Игоря под диваном разыскивал, и все стало ясно. Юлию отдельно поспрашивали, попросили подписать еще одно “предостережение”, она отказалась, ее отпустили. Ждала Юру, не дождалась, пошла разыскивать – ни Юры, ни начальника нет. Другим выходом вывезли.

А он на следующее утро из Москвы звонил. Обратного отправили. Хорошо бы за казенный счет.

Юлия прислала ко мне домой человечка, просила его забрать меня, чтобы я не ночевала дома, я ушла. Юлия моталась по городу, устала, как собака, и – вот идиотка! – сама приперлась спать домой. 12-е. Третий день голодания. Очень тяжелый. Юлия еле встает. Пьет чай, собирается, открывает дверь квартиры, а там “шкаф”. Шкаф Фуражкович. “Документы!” Дает. “Назад в квартиру, сидеть!” – “Мне бы в магазин, детей кормить...” – “Назад, в квартиру, сидеть, молчать!” Пошла Юлия назад, походила по квартире и вылезла, у...ище без пристанища, с четвертого этажа по водосточной трубе. Какова птица? Летает, черт поберит!

С ударом пушки – внутрь крепости, огородами и на назначенное место. Машин, ПМГ, легковых, мотоциклов, три катера – ужас что делается! Сели на камешках, обсуждаем, насколько гармонично движутся те или иные самодвижущиеся объекты. Веселимся. Пришли и начали разгонять. Много их. Руками толкаются. Я говорю: “Понимаю, как вам приятно, но не надо бы ручками”. – “Подумаешь, уж и дотронуться до Божества нельзя”. <...> Тут же взяли какого-то незнакомого нам философа Нагожникова, особо возмущавшегося. Вдоль стены до мостика по собственной инициативе шли руки за голову. А твоя Наташка, как самая трусливая, подальше от милиции, но впереди всех, походкою гордой в спокойствии чинном. Разгоняли долго, шли мы все медленно, было нас человек, наверно, тридцать, может быть, больше.

После парка пошли мы все к Юлии через Кировский мост, поперек Невы, за нами катер сопровождающий. При переходе улицы Халтурина к Марсову [полю] в нашу толпу на пешеходном переходе врезается зеленый «газик». Прямо перед ним Володя Бугрин. <...> Хороший художник, жаль, что не знаешь. Его в машину за руки, за ноги. И так и украл. Потом, на третий только день обезумевшей матери ответили, что 15 суток. Сегодня, 27-го, увидимся с ним. Выпустили. Его только одного заставляли работать. Всех подстригли, т. е. обрили наголо. Синявин в камере продолжал голодовку. Илья тоже объявлял, но его через три дня вызвали к начальнику и объявили, что голодовка – нарушение тюремного режима (чушь собачья!), и поэтому его: а) посадят в карцер, б) задержат не на 10, а на 30 суток; в) будут искусственно или насильственно кормить и главный врач, присутствовавшая при разговоре, сказала, что в связи с голодовкой она опасается за Илюхино здоровье, психическое, разумеется. Он прекратил голодовку. Но дайте выехать, разберемся. <...>

...Нужна ли тебе огромная папка 100 поэтов? Там черта в ступе только нет.<...>

Целую тебя, прости, что такое деловое, все слезы выплакала, тоска уже словами не обозначается.

Наталья».

Это письмо живо и точно рисует последние дни ТЭВа. Но оно, невольно, обрушило на нас поток грязи, способствовавший аресту Вознесенской, Волкова, меня, Филимонова и самой Натальи.

Я узнаю об этом позже, а пока стою у Государева бастиона, за моей спиной одетый камнем равелин, здесь с куртин крепости в октябре 1917 года пьяные матросы били из пушек по Зимнему дворцу. К счастью, попали только два раза, калибр снарядов оказался чуть меньше, полтора десятка не долетело и упало в Неву. Хотя были и перелеты, они повредили несколько фасадов у Юсуповского сада и за Фонтанкой...

Налево, за мостами, башни «Большого дома», Управление Комитета государственной безопасности. Вспомнилась детская задумка забраться ночью на крейсер «Аврора» и шарахнуть из носового орудия по логову чекистов. (Изучение большевизма в раннем возрасте не проходит даром.)

На колокольне собора Петра и Павла бьют куранты. Я слышу гулкий звон. Сквозь стены казематов его слышали народовольцы и эсеры, большевики и члены Временного правительства. Этот звон провожал в последний путь декабристов и Александра Ульянова, расстрелянных у кронверка великих князей и пленных, заколотых во дворе крепости юнкеров...

Не знал я, что в те же часы, в Москве, в камере смертников Лефортовской тюрьмы ждал рассвета капитан 3-го ранга Валерий Саблин.

Капитан Саблин

Эта история и сейчас мало кому известна, а тогда была наглухо засекречена. И это понятно, для власти она была чудовищным кошмаром, который она хотела забыть.

Саблин родился в семье потомственного военного моряка, его дед служил на крейсере «Паллада», где-то рядом с моим прадедом, в Порт-Артуре.

Он окончил Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Проходил службу на строевых должностях. Вскоре мог получить корабль, но поступил в военно-политическую академию.

В его аттестации для поступления записано: «корректен и аккуратен, чуток к семье и родным. Отзывчив на чужую беду».

На последнюю фразу внимания не обратили, а зря.

Член КПСС с 1959 года, по всем анкетным данным – надежная, вышколенная опора коммунистического режима. В 1973-м по окончании академии, где его имя золотом вписывают в памятную доску выпускников, он служит замполитом на БПК, большом противолодочном корабле «Сторожевой».

Но оказалось, что в лице нового комиссара власть приобрела не верного пса, а наиболее опасного для себя идейного противника.

Он сознательно отказался от профессиональной службы командира не ради теплого, замполитовского места. Изучение «классиков марксизма-ленинизма» лишь подтвердило его в мысли, что власть ведет народ в тупик.

Перед выходом в свой последний поход он оставил жене письмо:

«Почему я делаю это? Любовь к жизни. Я вижу смысл не в удобном существовании буржуа, но в яркой, правдивой жизни, которая вдохновляет подлинную радость у всех честных людей. Я убежден, что в нашем народе, так же, как и 58 лет назад, в 1917 году, вспыхнет революционное сознание, и мы достигнем коммунизма в нашем обществе...»

Огласить свою программу, указав на ошибки и разложение советского руководства, офицер решил с «трибуны» боевого корабля. Заперев в кубрике своего командира, которого команда за чванство звала «графом», он собрал в кают-компании офицеров и старшин и обратился к ним с речью. Из 29 офицеров и мичманов «Сторожевого» Саблина поддержала почти половина. Остальных закрыли под замок, освободив от ответственности за дальнейшее.

Затем в «ленинской каюте», после просмотра фильма «Броненосец Потем-

В.М. Саблин

кин», Саблин обратился к экипажу со словами: «Нынешний государственный аппарат должен быть основательно очищен и частично выброшен на свалку истории. План действий – идем на Кронштадт, а потом в Ленинград – город трех революций». Из 165 матросов за Саблиным пошли 164.

И это неудивительно, замполит-то был особенный, в той же «ленинской каюте» на стене висела цитата не из Брежнева, а собственноручная выписка замполита из трактата У. Годвина «Рассуждения о политической справедливости»:

«Каждый должен чувствовать свою независимость для того, чтобы он мог утверждать начала справедливости и свободы, не будучи вынужден-

ным предательски приспосабливать их к обстоятельствам своего положения и к заблуждениям других людей...»

Получив поддержку команды, кавалер ордена «За службу Родине» направил корабль в Ирбенский пролив, чтобы повернуть на Кронштадт.

Матрос Олег Максименко вспоминает, что во время выхода из Риги на борту царил странная атмосфера, стояла полная тишина... Когда на судне услышали тревогу, поднятую на берегу, энергия внезапно пропала, Саблин заколебался. «Но вскоре это первое замешательство сменилось чувством восторга людей, которые сбросили рабский хомут и поднялись на высоту свободного человека». Максименко вспоминает: «Корабль набирал скорость, и чувство неуверенности стало уходить. Было чувство свободы. Своего рода удовлетворенность, словно сердце стремилось выскочить из груди».

Радиостанция восставшего корабля передала по многим частотам незакодированный текст: **«Всем! Всем! Всем! На ВПК «Сторожевой» поднято знамя грядущей коммунистической революции!»**

Саблин планировал встать на рейд рядом с «Авророй» и оттуда ежедневно выходить в телеэфир, призывая граждан СССР к смене брежневского аппарата и установлению социальной справедливости.

Из обращения восставших:

«Всем! Всем! Всем! Товарищи, прослушайте текст выступления, с которым мы намереваемся выступить по радио и телевидению. Наша цель – поднять голос правды. Наш народ уже значительно пострадал и страдает из-за своего политического бесправия.

Только узкому кругу специалистов известно, сколько вреда принесло и приносят волюнтаристские вмешательства государственных и партийных органов в развитие Вооруженных Сил и экономику страны, в решение национальных вопросов и воспитание молодежи.

Предполагается, что, во-первых, нынешний госаппарат будет основательно очищен, а по некоторым узлам – разбит и выброшен на свалку истории, так как глубоко заражен семейственностью, взяточничеством, карьеризмом, высокомерием по отношению к народу.

Во-вторых, на свалку должна быть выброшена система выборов, превращающая народ в безликую массу. В-третьих, должны быть ликвидированы все условия, порождающие всесильность и бесконтрольность государственного и партийного аппарата со стороны народных масс.<...>

Мы твердо убеждены, что необходимость изложить свои взгляды на внутреннее положение в стране, причем чисто критического плана по отношению к политике Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, имеется у многих честных людей в Советском Союзе».

Тогда из Москвы незамедлительно последовал приказ: «Разбомбить или потопить». Первыми к мятежному кораблю подошли пограничные сторожевые корабли, затем к ним присоединились подводные лодки. В воздух была поднята эскадрилья из 12 бомбардировщиков. Корабль пришел на Балтику не только для парада, ему надлежало перевооружение, и весь его боезапас был уже сдан. Как и «Очакову» в 1905 году, ответить на огонь преследователей было нечем, да и не отдал бы Саблин такого приказа, но приказал увеличить ход...

Военные корабли открыли огонь по надстройкам, Су-24 сбросил бомбы по курсу. «Сторожевой» продолжал уходить. Летчики получили приказ уничтожить корабль, но продолжали «мазать». После угрозы трибуналом один из них прицельно положил бомбу под корму мятежника, повредив винт и руль. За ювелирное бомбометание летчика наградили орденом, но он, говорят, никогда его не носил.

«Сторожевой» стал описывать беспомощные круги. Освобожденный кем-то из заточения командир взбежал на мостик и, открыв стрельбу, ранил Саблина в ногу.

Затем на палубу была высажена штурмовая группа.

Из «Особой папки» ЦК КПСС:

«Совершенно секретно. ЦК КПСС. Комитетом госбезопасности заканчивается расследование уголовного дела по обвинению капитана 3-го ранга В. М. Саблина и других военнослужащих, участников преступной акции 8-9 ноября 1975 года на большом противолодочном корабле “Сторожевой” (всего 14 человек). Установлено, что организатор этого преступления Саблин, попав под влияние ревизионистской идеологии, на протяжении ряда лет вынашивал враждебные взгляды на советскую действительность. В апреле 1975 года он сформулировал их в письменном виде, записал на магнитофонную ленту, а во время событий на “Сторожевом” выступил с антисоветской речью перед личным составом. Политическая “платформа” Саблина включала набор заимствованных из буржуазной пропаганды клеветнических

утверждений об “устарелости” марксистско-ленинского учения и “бюрократического перерождения” государственного и партийного аппарата в СССР и призывы к отстранению КПСС от руководства обществом, к созданию новой “более прогрессивной” партии. Весной 1975 года он разработал детальный план захвата военного корабля, который намеревался использовать как “политическую трибуну” для выдвижения требований об изменении государственного строя в СССР и борьбы с Советской властью. Он организовал и осуществил самовольный угон большого противолодочного корабля за пределы советских территориальных вод. Эти его действия квалифицированы как измена Родине».

Под документом стояли подписи председателя КГБ Андропова, Генерального прокурора Руденко, министра обороны Гречко и председателя Верховного Суда СССР Смирнова.

А на полях четко видны росписи Брежнева, Суслова, Пельше и других членов Политбюро КПСС; хотя суда еще не было, все они поименно поддерживали обвинение в преступлении, каравшегося смертью.

Верховный Суд СССР указание исполнил: военная коллегия на заключительном заседании 13 июля 1976 года точно исполнила все формальности.

Перед чтением приговора Саблину разрешили первое и последнее свидание с женой и малолетним сыном. Говорят, у него были выбиты зубы. Руки в наручниках он сначала прятал от 14-летнего сына и жены под широченным разделявшим их столом, но когда по истечении 5 минут свидание окончилось, он попытался хотя бы дотянуться до родных, и тут они увидели разбитые пальцы.

На суде в последнем слове Саблин сказал: «Я люблю жизнь. У меня есть семья, сын, которому нужен отец. Все...» Как рассказывали те, кто был на суде, жестокая кара была для него неожиданной.

Сразу же после объявления приговора, не дав опомниться, к нему подскочили несколько охранников, заломили руки, надели наручники, заклеили рот черным пластырем и поволокли к двери из зала заседания. Он вырывался, упирался, мычал сквозь наклейку, видимо, стараясь сказать что-то важное.

В домашней библиотеке Саблина, где чудом сохранилась пара книг о сева-стопольском восстании 1905 года, подчеркнуты слова лейтенанта Шмидта, сказанные им на суде: *«...в дни тяжелой борьбы народа за право на жизнь, что сегодня в глазах власти преступно, завтра принимается как заслуга перед родиной. В эти дни испытания есть один закон – закон верности своему народу...»*

Обо всем этом я узнаю лишь через много лет, в годы перестройки, услышав о Саблине от своих друзей из НТС Александра Штамма и Л. Бунича, познакомившись с его сокурсниками по училищу.

Медный звук курантов Петропавловки смолк, и вот снова мощным плеском ширится гул Невы. Еще дышит смолкающий город, огни, гудки, прошел речной буксир. Я вглядываюсь в темные фасады набережных, но за силуэтами церквей

и куполов я вижу не город святого Петра, а Ленинград, уже полвека покорно носящий имя своего палача. Миллионы людей живут здесь своей, очень разной жизнью под прессом, который уже давно перестали замечать. Чего я хочу для них? Нужна ли им свобода? Что я могу изменить в этом мире?

Быть может, надо оставить в покое тех, кому тепло и уютно? Мой голос не громче комариного писка в лесу, и вообще, кто дал мне право идти против течения? Два десятка распространенных книг, сотня-другая листовок, еще один лозунг на стене – смешно думать, что это может что-то изменить.

«Река времен в своем теченья
Уносит все дела людей»,
– как писал Державин.

Ну, хорошо, уносит, а если я зашагаю в ногу, если нагну шею под ярмо, что, не унесет?

Так не лучше ли делать то, что хочется? А тот морок, в котором живет страна, – это болезнь и плен, это не навсегда. И даже если не так, если это надолго, я-то могу остаться собой!

Плата? Что ж, за все надо платить.

Но мы им покажем, пусть знают!

Примерно так завершил я свои «душевные терзанья» и пошел домой.

Так же или по-другому, пытаясь придать социализму «человеческое лицо» или понимая всю тщетность такой задачи, думали и не могли молчать тысячи людей.

И власть боялась этой «горстки» инакоживущих, инакодумающих, потому что чувствовала – это не пена, а кромка упрямого прибора. Прибора, пришедшего из мертвой зыби, оттуда, где молча волновалось море нищих, изверившихся, замордованных бытом и непредсказуемых советских людей.

«...Душа человека не знает оков!»

На следующее утро я трудился в бюро, что-то чертил, болтал с ребятами.

В обед ходил в хозяйственный магазин за парой больших валиков для строительной покраски. После работы с предосторожностями поехал на Гражданку, где работали наши друзья. Забрал отпечатанную литературу, попетлял по городу и, убедившись, что не тащу за собой «хвост», отвез ее переплетчику. Потом искал белую водоэмульсионную краску для ночной акции. Купив трехлитровую банку, поехал к Вознесенской.

Позже туда приехал Олег. В этот вечер мы шутя провели опрос, который должен был выявить наши характеры и натуру. Надо было в ответ на указывание ряда вещей ответить, какими ты их видишь и что будешь с ними делать? Не помню весь перечень, но в нем точно были лес, стена и река. Мой лес был сосновым, и я шел сквозь него. Стена? Из крупных камней, высокая. Я забираюсь на нее, но не спрыгиваю, а иду по гребню стены. Река? Широкая, большая, это к ней я вышел по гребню стены. Что я делаю на реке? Строю плот, а может быть, лодку, спускаюсь вниз, и река выносит меня в безбрежный океан.

Потом я рисовал что-то перышком, а Наталья читала стихи.

После одиннадцати я вышел на коммунальную кухню, Юлиной соседки не было, нашел в передней свою наплечную сумку и сунул туда пару снятых с кухонной полки глубоких эмалированных мисок. Дело в том, что горло у банки с краской было узким, а работа предстояла быстрая. Значит, надо было обеспечить условия для окунания валиков.

Так я стибрил тогда у хозяйки дома часть ее посуды, ничего ей об этом не сказав. Ставить женщин в известность о своей затее я, разумеется, не стал. Да и Олег узнал о моих намерениях только, когда мы оказались на улице.

Мы пошли к Петропавловке. Вот и Государев бастион, проходим его до Невской пристани. Людей нет, тишина. Я еще раз повторяю текст, Олег сомневается: слишком длинно, долго писать, не успеем. И вообще текст неконкретный. Я настаиваю, но Олег справедливо замечает, что вот-вот будет разводка больших мостов, при этом на них остается милиция, которая может заметить нас за работой. Дождавшись прохода судов, увидев, как плавно легла огромная стена мостового пролета, я вытаскиваю из сумки краску и валики.

Оглянувшись еще раз по сторонам, мы быстро начинаем. Краска разлита по мискам, у каждого в руке по валику. Я иду первым и наношу вертикали, Олег — следом, ставит перемычки и овалы. В висках стучит, вот-вот мы услышим крик!

Жаль будет, если не успеем дописать. Надпись растет. Слово за словом – последний взмах. Все! Сделали.

Мы выбрасываем в реку валики, краску и банку, быстро споласкиваем руки. Вокруг никого. Стараясь не спешить, уходим в сторону пляжа и сталкиваемся с кампанией гуляющих. Они еще не дошли до нашей надписи, они еще не могут заметить, что это наших рук дело. Замедлив шаг, мы проходим мимо, но, когда они остаются сзади, почти бежим в тени деревьев и опять прогулочным шагом переходим Кронверкский мостик, ведущий на наш Васильевский остров. Оказавшись на стрелке, не можем утерпеть, выходим на Дворцовый мост. Далеко в редющей темноте бастионов светлеет огромная 40-метровая надпись: ???????????

Лишь спустя годы, взявшись за эти воспоминания и сопоставляя даты, я узнаю, что после отклонения просьбы о помиловании Саблина расстреляли в ночь с 3-го на 4-е августа 1976 года. Это были последние часы его жизни...

Уговорившись «залечь на дно» и не появляться у друзей, мы расходимся.

Но на другом конце Земли, а точнее, в другом ее полушарии в слепой, эгоистической ярости стучит на пишущей машинке Константин Кузьминский, поэт и держатель «литературного салона», любимец дам и душа своей компании, незадолго до этого уехавший за рубеж.

По дороге он, как и многие уезжавшие по израильской визе, земле предков предпочел Штаты. С собой увез жену и собаку, а больную мать оставил умирать в России.

В современном справочнике «Самиздат» о нем сказано:

«С именем Кузьминского связано существование обширного литературного круга в Петербурге, насчитывающего более сотни поэтов, десятки прозаиков, художников и фотографов. Он сам себя считает учителем многих ленинградских литераторов, но речь идет скорее не о школе в традиционном смысле, а об атмосфере поведенческой и творческой свободы, которую продуцировал Кузьминский. Из представителей ленинградской богемы он самый, наверное, коло-

ритный и яркий. Его появлениям в Союзе писателей и других публичных местах непременно сопутствовал скандал. Его дом стал центром шумной и бурной жизни андеграунда. Хозяин принимал непрерывных гостей, возлежа на диване в халате, который то и дело распахивался, обнажая гениталии...»

В Америке он получил место преподавателя славистики, но после того как пришел на лекцию голым, остался без работы. Нашел приют в Толстовском фонде и занялся составлением антологии поэзии, но попутно обругал А. Ахматову за то, что та в 30-е годы, спасая сына, в стихах похвалила советскую власть. Порядочные люди подобным жлобством возмутились, в эмигрантской прессе поднялась ругань, а какой-то прослышавший о скандале скотопромышленник решил, что где скандал, там и спрос, и дал денег на антологию. Тут составитель почувствовал острую нехватку машинисток и поклонниц, тех, кто обещал ему, что двинется за ним следом, чтобы увековечить его и русскую поэзию.

Но, судя по письму Н. Л., они, оказывается, заняты чем-то другим, да еще, наверное, и другими!

Он отправляет обычной почтой несколько писем. Первое из них адресовано Ю. В., поскольку именно она, как ему кажется, инициатор «бузы», в которой так охотно и весело участвует Наташа. Ксерокопии его писем я найду через девять месяцев в материалах дела № 62, когда в кабинете следователя КГБ буду знакомиться с материалами своего обвинения перед передачей дела в суд.

Он пишет:

«4 августа [1976-й]

Юлия, обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы объяснить разницу между истерикующими юрдами и серьезными людьми.

С вами поступают еще мягко. Я бы – круче...

В данном случае я нахожу, что с вами поступают слишком мягко, и мне безразлично, кто это письмо будет читать.

Если вы не прекратите свою вонючую шебутню, на меня не рассчитывайте.

Такие вы – ни здесь, ни там не нужны.

Есть закон, и есть его рамки.

Знаю всех участников, всю компанию, и могу сказать: меня бы с вами не было.

Будете продолжать – туда вам и дорога.

Это дешевка, глупость и никакого даже сочувствия во мне не вызывает.

Еще и еще раз советую: ПРЕКРАТИТЬ!

Вообще все прекратить.

В противном случае – на меня не рассчитывайте.

К. Кузьминский»

Позже, когда станет известно, что это письмо помогло ищейкам сузить круг поисков, он будет оправдываться, просить прощения у Вознесенской, скажет, что написал все это, еще не зная о лозунге на Петропавловке...

И поэтому за наш арест не отвечает, что «пил я в покойницкой Толстовской

фермы по-черному, и в аккурат в ночь написания лозунгов меня и прорвало. От того и тон, и стиль». Да, и тон, и стиль, а главное, смысл смердят запахом того, чем «прорвало».

«В данном случае, я нахожу, что с вами поступают слишком мягко, и мне безразлично, кто это письмо будет читать».

Для кого написаны эти строчки человеком, бежавшим из СССР, а следовательно, знавшим, на что способен этот режим?

«С вами поступают еще мягко. Я бы – круче».

Круче, чем вывернутые руки Клеверова, круче, чем обритая голова Бугрина и зловонная камера на две недели, чем обожженные ноги и загубленное отравой здоровье Жарких? Круче, чем смерть Рухина?

Незнанием тут не оправдаешься, всё это он уже знал.

Впрочем, судя по документам «дела», первые указания оперативников о причастности андеграунда к появлению листовок и надписей появились до прихода его письма, их источником мог быть Геннадий Трифонов. Я знакомлюсь с ним за месяц до этого на квартирной выставке у Андреевых на Суворовском проспекте. Там я увидел нагло-важного человека, который возлежал на диване и мило-стиво просил других подать ему стакан чаю. Жеманясь, он читает свои стихи. Мне говорят, что он «голубой», произносится это тоном сочувствия к больному и талантливому ребенку... Геннадий находится под следствием. В то время гомосексуальные связи, в особенности, если это замечалось в среде «отъезжантов» или «фрондирующих», злобно преследовались. Пять лет тюрьмы грозили обоим партнерам даже при наличии взаимности. Освобождали от ответственности лишь тех, кто признавал вынужденный характер связи; тогда другому уже грозило до восьми лет лагеря. Запугать же человека из этой среды и добиться любого признания было нетрудно.

К концу лета 1976 года чекистская свора уже второй год ищет тех, кто оставляет на улицах города листовки и антисоветские лозунги. Но широкий невод пока не дает результатов. В город уже введены военные патрули, им разрешено стрелять при задержании, но преступники, дерзко расписывающие стены домов политическими лозунгами, уходят от облав. После указания оперативников на литературный салон Ю. В. оформляется арест нашей корреспонденции. И тут удача: 17 августа центральный почтамт, где существовал отдел перлюстрации, передает им два письма Кузьминского на имя Н. Л. и одно Ю. В., из текста которых становится ясно, что чекисты на правильном пути.

Понятно, что за всеми, кто входит и выходит из квартиры на улице Жуковского, устанавливается слежка.

Правда, до этого четверка бузотеров успевает сделать последний рейд по улицам города. Олег, которого я просил сидеть дома и молчать, конечно, не утерпел.

Какие-то знакомые Ю. В. прибежали к ней с известием о том, что на Петропавловке написали «антисоветчину», а когда там появился Олег, его реакция

была столь красноречива, что девушки быстро добились от него признания. Позвонили мне. «Рыбаков, немедленно приезжай!!!» – услышал я в телефонной трубке звенящий голос Ю. В. и все понял. Делать было нечего, без меня там все могло пойти как угодно. Приехал и попал на «литературную среду». Хозяйка дома проводила эти вечера, открывая двери своего дома для поэтов, писателей и художников. Народу в тот раз было немного, человек пять-шесть, среди них художники Игорь Синявин и Вадим Филимонов, Наташин фиктивный муж Геннадий Гум, с которым она еще недавно собиралась ехать за рубеж, и Трифонов. Обсуждение появившейся на Петропавловке надписи прошло еще до меня, тут Трифонов, видимо, что-то почуял и догадался о том, что присутствующие имеют к этому прямое отношение. Ну а Юлия, отведя меня в сторону, потребовала участия в будущих акциях. У меня не хватило сил отказать. Наташа тоже не осталась в стороне. Естественно, я не стал говорить о существовании других членов группы, хотя сказал о том, что надписи лишь часть нашей работы, что главная задача – это самиздат, который стал уже общим делом. И Ю. В., и Н. Л. давно не только сами работали над стихом, но занимались перепечаткой и составлением самиздатовских поэтических сборников. Только что отпечатан поэтический сборник «Лепта», на подходе первый номер журнала «Часы», ждут отправки Кузьминскому в США стихи ленинградских поэтов.

В юности Вознесенская занималась в литературном объединении у Татьяны Гнедич. У нее есть тюремный опыт. Ведь каждый советский гражданин был обязан работать. Это касалось и женщин, если они не были замужем. Иначе, суд, признание тунеядцем и высылка в отдаленную местность с принудительным привлечением к труду, как правило, тяжелому.

...В начале 1963 года Вознесенская не работала уже несколько месяцев. Поэтому 9 мая, когда она дома сидела за столом и писала, раздался звонок в дверь, вошли двое милиционеров, потребовали паспорт, спросили, почему не на работе, получили дерзкий ответ и, не имея санкции на задержание, потребовали, чтобы она шла с ними в милицию. Когда Ю. В. отказалась, попытались тащить, маленькая женщина бешено сопротивлялась, на щеке сержанта появилась царапина от авторучки. Тогда Вознесенская получила страшный удар в лицо, но, услышав крик ее соседки по коммунальной квартире, милиционеры испугались и бросили ее с выбитыми зубами и без сознания. Придя в себя, она не догадалась сразу пойти в больницу и написать заявление в прокуратуру: как большинство женщин, она стеснялась показаться кому-то из близких в изуродованном виде, и поэтому неделя ушла на заживление ран.

А когда она, наконец, вернулась домой, там лежала повестка к следователю. Сержант опередил ее и сам написал заявление о нанесенных ему побоях.

Поняв, что ей грозит тюрьма, она пыталась скрыться, была арестована, просидела какое-то время в Крестах (следственный изолятор для уголовников) и получила год принудительных работ.

Загоревшись идеей прямого действия, женщины требовали продолжения уличных акций. Мне едва удалось убедить их в том, что менты в городе будут особенно бдительны, что надо хоть немного переждать.

На следующий день мы наскребли в своих карманах последние деньги, и Наталья с Олегом отправились покупать баллончики с краской.

И я, и Волков верными шагами шли к аресту. Мы понимали, что рано или поздно нас найдут или заложат, это был вопрос времени, которое нам, конечно, не хотелось торопить.

Но стал ли для Юлии и для Натальи этот день поворотным? Ведь дальше судьбы наши хоть и не синхронно и не параллельно, но двинулись в одну сторону.

Тюрьма – могло ли быть иначе? Ю. В. все равно оказалась бы в лагерях, а потом за границей, Н. Л., если бы не мы, была бы в Техасе рядом с Кузьминским. Но и она вернулась бы в Россию, так же, как вернулась потом Ю. В.

Дом у Вознесенской, который стал на время и домом для Натальи, был открытым, в нем постоянно появлялись люди. Питерские художники, приезжие поэты, йоги и маги, собственные дети, бывшие и фиктивные мужья – все находили угол или стул, стакан или пишущую машинку. На отбитой до красного кирпича стене висят картины, горят свечи, в холодильнике пусто (да был ли он вообще?), зато на столе и в открытом окне стоят цветы.

Спустя день мы все же уходим ночью «на росписи». Недрогнувшей рукой Ю. В. выводит на воротах Высшей партийной школы: «КПСС – ВРАГ НАРОДА!», появляются надписи на автобусах, на парапете Невы я пишу: «СССР – ТЮРЬМА НАРОДОВ!»

В дороге спорим, стоит ли делать надпись у Мухинского художественного училища? Олег категорически возражает, считая, что искать будут среди художников. Мы ссоримся, я остаюсь с Натальей, делаем последнюю надпись: «Свободу политзаключенным!» у перехода на Невском, но тут мимо нас проезжает милицейский газик, и я, дабы нас не стали проверять, совсем как в кино про подпольщиков, обнимаю Наталью. Мы целуемся, пока машина не удаляется дальше.

Позднее я услышу, что именно в тот момент она ощутила тоску и нашу обреченность...

Я сержусь на Олега с Юлией, ведь они нарушили дисциплину, а мы уже договаривались на эту тему, но Наталья уговаривает меня вернуться на Жуковского. Там нас радостно встречают: добравшись до дома, Ю. В. с ужасом поняла, что нас могли бы арестовать, а она вроде бы как сбежала.

На следующий день Ю. В. узнает, что у Трифонова был обыск. Что у него искали, что могли найти? Стихи? Наверное, нашли копию его письма Генриху Бёллю, в котором он жаловался на притеснения поэта и просил помочь с эмиграцией. Девятого августа его арестовали, вскоре оперативники сообщают следственному комитету КГБ о вероятном круге лиц, причастных к лозунгам.

Нет, я не думаю, что Трифонов прямо «настучал» на нас в первый же день, это он сделал позже. Судя по тому, что происходило дальше, он с перепугу наболтал что-то зекам. Ведь ему надо было им сказать, за что он арестован. Признаться, что он «петух» (так почему-то зеки называют гомосексуалистов) ему было страшно, и это неудивительно. Как сам он писал через несколько дней из камеры, когда это обнаружилось, отношение к нему стало «свирепым». По тюремным законам «петух» не человек. И если кто-то по неведению общался с ним, взял его ложку, сел рядом и тому подобное, то мог сам попасть в неприкасаемые. Если «пидор» обнаруживается в камере или на лагерной зоне, его используют, а если он скрывал свою принадлежность, то насилюют и могут забить ногами до смерти.

Обмануть сокамерников известный болтун и враль Трифонов мог, наговорив им что-нибудь о своем диссидентстве, о надписях, еще бог знает о чем. А в камере, скорее всего, была «наседка» — зек, работающий на оперативников. Если он слышал эти рассказы, то, конечно, передал тюремным оперативникам, а те гэбистам.

Идет охота

Продолжая заниматься самиздатом, мы уже через несколько дней резко чувствуем изменение обстановки. За нами начинается слежка. Я ловлю внимательные взгляды на улице, замечаю повторяющиеся фигуры в толпе и сразу обрываю контакты с ребятами из Техноложки, Лесгафта и Физтеха. Потом слежка станет плотной, но ей предшествует нелепая попытка обыска, а быть может, просто проверка квартиры Вознесенской. Проводит ее почему-то милиция. Оставшись ночевать на Жуковского, утром я выхожу на коммунальную кухню поставить на плиту чайник. Соседки нет, Наташа тоже на даче. Раздается звонок в дверь. Подхожу, спрашиваю: «Кто там?» И вдруг слышу громовое: «Милиция! Открывайте!»

Дверь закрыта на замок, но есть еще и старинный железный крюк, я накидываю его на кованое кольцо и стучусь в комнату к Ю. В.:

– Слушай, там милиция! Похоже, с обыском. Но дверь я уже закрыл на крюк, сразу не откроют.

– Отлично! Держим оборону.

А в кухне снова заливается дверной звонок. Оглядываемся вокруг, что есть нелегального? Моего ничего, но у хозяйки полный бельевой шкаф самиздатовой литературы. Это не только уже отвергнутая властями антология «Лепта», куда вошло более 500 стихотворений 32 самиздатовских авторов. Это еще и сведенные в новую книгу самиздатовские поэтические тексты, циркулировавшие в Ленинграде... «Меру времени» собирали В. Кривулин, Кузьминский, Б. Иванов и Ю. В. Кроме того, в ее квартиру несли свои стихи сотни самодеятельных поэтов.

Там нет призывов к свержению советской власти, но дух неприятия советской действительности есть. У кого-то он чуть замечен, у другого очевиден и может повлечь неприятности для автора, тем более что в авторских подборках есть не только псевдонимы, но и листы с настоящими фамилиями авторов. Поэты народ нервный, впечатлительный, в отличие от Вознесенской в тюрьму идти не готовы, и если их сборники окажутся в «гэбухе», так называли тогда органы госбезопасности, то упреки посыплются на Юлию. Есть и более опасные вещи – папка с заполненными анкетами, где питерские литераторы отвечают на довольно острые вопросы о жизни, о времени, там же еще какие-то важные документы. Времени разбираться нет, в дверь уже бухают чем-то тяжелым.

Решаем самое важное спрятать подальше, авось до этого дело не дойдет. Титульные листы поэтических подборок, на которых указаны авторы, ликви-

руем. Быть может, увидев, что многое уже уничтожено, гбня решит, что это и было самое важное, а поэтому бесполезно проводить тщательный обыск. Я иду на кухню к выходной двери и обрываю провод заливающегося трелями звонка, закрываю вторую дверь, нахожу большой таз, ставлю его на пол, наливаю туда немного воды. В это время Ю. В. выгребает из шкафа и письменного стола машинописные пачки, из каждой надо вытащить первый, а иногда и последний лист. Записные книжки и стопки этих листов передаются мне, с ними я бегу на кухню, поджигаю, держу над тазом, бросаю в него и бегу за следующей партией.

А в комнате на полу растет гора перемешанных рукописей. Квартира наполняется дымом, открываю окна. Костер на кухне продолжает полыхать. Минут через десять, продолжая подбрасывать в него бумаги, слышу шум во дворе, выглядываю и вижу не только милицкий газик, но и черную «Волгу». Серой тенью уходят в следующий двор какие-то плотные фигуры. У меня мелькает мысль, что скоро придут пожарные, дым продолжает валить. Кашляя, перехожу к противоположному окну, из которого виден еще один узенький дворик. Это туда по водосточной трубе спускалась Ю. В., когда не могла выйти из квартиры для похода на Петропавловку. Высунув голову, вижу: внизу стоят двое солидных мужчин в серых плащах, они видят меня, и один громко говорит:

– Юлий Андреевич! Ну зачем же Вы так?

– Нечего было так ломиться. Да вы подождите. Мы скоро откроем, – отвечаю.

– Точно откроете?

Я советуюсь с Ю. В.

– Минут через десять!

Собственно, работа наша почти закончена, Ю. В. говорит:

– Так, сейчас они нас заберут, давай-ка я сначала кофе сварю.

Пока она колдует на кухне, я еще раз просматриваю и перемешиваю пачки, собираю разлетевшиеся по дому обрывки бумажного пепла, вытряхиваю таз, эмаль которого, конечно, потрескалась. Вознесенская, переодевшись в синее платье, возвращается, разливает кофе по чашкам и говорит: «Ну, иди, открывай!»

Снимаю с двери крюк, открываю замок. На площадке стоят милиционер, дворник, какие-то тетки из жилконторы. Не говоря ни слова, поворачиваюсь и ухожу через кухню по коридору. Они, дико озираясь, идут за мной. В большой комнате, чинно держа спину, сидит Ю. В., пальчиками держит чашечку с кофе и благословитанным тоном спрашивает вошедших: «Что вам угодно?»

В воздухе еще пахнет дымом, на полу метровая гора каких-то бумаг...

Мент, запинаясь, говорит что-то о проверке документов по жалобе соседей, в это время из коридора в комнату заглядывает один из тех «серых», с кем я говорил через окно, окинув взглядом обстановку, он крикает и, махнув рукой, уходит. Нас препровождают в отделение милиции, там формально проверяют документы и отпускают.

Скорее всего, это была действительно местная милицмейская инициатива, а

гэбистская наружка (служба наружного наблюдения, чьи агенты назывались у нас «топтунами») не успела их остановить. Но сомнений в том, что мы под колпаком, уже не было. Вернувшаяся Наталья помогла разобрать перепутанные сборники стихов.

На следующий день Ю. В. говорит, что хочет познакомить меня с серьезным человеком, диссидентом. Мы берем такси и едем в район Гражданки, на улицу Верности. Мне не нравится таксист, не нравится и машина, которая идет за нами. Не доезжая до цели, я прошу водителя остановиться на пустынной улице. В боковое зеркало вижу, что машина, ехавшая за нами, тоже останавливается. Мы выходим, сзади тоже хлопают автомобильные двери. Я разворачиваю спутницу, и мы идем навстречу тем, кто готов спешить за нами следом. Растерявшись, они идут навстречу, а мы, разминувшись, перебегаем улицу и скрываемся во дворах. Но, повернув за угол следующего дома, я останавливаюсь и говорю Ю. В.: «Ты видела за нами хвост? Мы не оторвемся, здесь в новых кварталах все просматривается. Надо вернуться, мы можем подвести твоего знакомого!» «Ничего, – отвечает Ю. В. – Они уже и так поняли, к кому мы идем. А Володе все равно, он и так под надзором».

Действительно, Владимир Евгеньевич Борисов уже успел испытать многое.

На три года старше меня, он впервые попал в психушку за критику властей еще в 1969 году. Выйдя через два года, он входит в «Инициативную группу защиты прав человека» и первым из ее членов теряет свободу. Группа обращается с открытым письмом в Комиссию ООН по правам человека. Авторы просят поставить на рассмотрение вопрос о нарушении в Советском Союзе одного из основных прав человека – права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными средствами.

В письме указано, что на политических процессах в нашей стране людей судят «по обвинению в клевете на советский государственный и общественный строй, с умыслом (ст. 70 УК РСФСР) или без умысла (ст. 190-1 УК РСФСР) подрыва советского строя». На самом же деле никто из обвиняемых не стремится оклеветать и, тем более, подорвать советский строй, и людей осуждают по вымышленным обвинениям, практически за убеждения. «Вас судят не за убеждения», – в письме эта излюбленная судейская фраза разоблачается на примере ряда судебных процессов: СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ, ГИНЗБУРГА и ГАЛАНСКОВА, ХАУСТОВА и БУКОВСКОГО, участников демонстрации 25 августа, АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО, ряда украинских процессов, в том числе процесса ЧЕРНОВОЛА, процессов крымских татар, прибалтийских процессов. Письмо говорит о недавних арестах ВИКТОРА КУЗНЕЦОВА, ИВАНА ЯХИМОВИЧА, П. Г. ГРИГОРЕНКО, ИЛЫ ГАБАЯ и акцентирует внимание на особо бесчеловечной форме преследований, на помещении в психиатрические больницы нормальных людей...

Письмо отправили по почте и передали иностранным корреспондентам.

А 12 июня 1969 года за подписантом на работу приехала санитарная машина с врачами. В. Борисова уже «лечили» раньше в психбольнице от инакомыслия и критиканства, доказывать ничего не нужно: ведь суд пройдет в отсутствие «больного». В этот раз ему предстояло пять лет «лечения». Добиваясь смягчения режима и отмены фармакологических препаратов, он дважды, в 1971-м и 1972-м, будет держать голодовки. Освободили его лишь в марте 1974 года.

Западный мир с трудом продирается сквозь советскую пропаганду и собственные стереотипы – какие еще политические «психи», ведь больные есть в любой стране. Внимание к злоупотреблениям психиатрией в СССР было привлечено после того, как 28-летний диссидент Владимир Буковский передал на Запад пачку документов. Среди документов были результаты освидетельствования шести инакомыслящих. Комиссии, состоявшие из советских психиатров, признали их больными и приговорили к лечению в психиатрических клиниках. Буковский просил западных психиатров высказаться, «действительно ли заключения этих комиссий содержат достаточные, научно обоснованные данные, на основании которых освидетельствованным лицам можно поставить диагноз: психическое заболевание, и следует ли полностью изолировать их от общества». Он также просил, чтобы вопрос о советской психиатрии был поставлен на предстоящем международном конгрессе психиатров. В ответ на просьбу Буковского 16 сентября 1971 года 44 психиатра опубликовали в лондонской «Таймс» письмо, в котором говорилось, что **«на основе сведений, содержащихся в этих заключениях, нижеподписавшиеся психиатры чувствуют необходимость выразить серьезные сомнения в законности принудительного лечения и содержания в условиях тюремно-психиатрических заведений упомянутых шестерых человек».**

Нам кажется, что диагнозы были поставлены только на основе последовательности действий, которыми они выражали основные свободы».

Дверь открыл улыбчивый, неразговорчивый, коротко стриженный и безбородый человек, который угостил нас чаем, но предпочел смотреть и слушать. Ю. В. рассказала ему о том, что кто-то сделал ряд надписей и лозунгов на Петропавловке, на зданиях. Покрутив головой, он поинтересовался, знаем ли мы тексты. Я молча составил список на стирающейся панели блокнота и оставил его Борисову (потом при обыске переписанный им текст был найден у его матери). Наша встреча с «ветераном» была недолгой и не имела конструктивных последствий. Естественно, что некто, приведенный к нему романтической поэтессой, пусть даже и делающий что-то полезное, не мог вызвать у него безусловного доверия. Да, он выразил нам свое одобрение, но о сотрудничестве говорить было рано. Ю. В. не была для него авторитетом в делах, а мы могли оказаться «подставой», которую она не разглядела.

На новые встречи у нас времени не хватило, да, впрочем, вряд ли они бы состоялись – все диссиденты-правозащитники предпочитали пусть крошечные, но

свои связи. В этом была своя правда, каждое расширение круга за пределы давно проверенных, надежных людей приводило к провалам. Но несмотря на обрывочность контакта реакция КГБ, увы, все же была: после нашего ареста у Борисова провели обыск и нашли детали от печатного станка.

Вернувшись, мы решили перепрятать оставшиеся на Жуковского бумаги. Но выходить с ними на улицу было опасно: могут «взять», могут выследить, куда ты пошел, провести там обыск. Вспомнили про чердак. Дождавшись ночи, вдвоем с Ю. В. вылезли на крышу; старые дома в этом районе стоят вплотную друг к другу. По смыкающимся кровлям мы отправились искать подходящее место. Чердачное окно одного из ближайших домов было настолько мало, что пролезть в него могла, пожалуй, только Ю. В., а когда она оказалась внутри, обнаружила, что другого входа на чердак просто нет. Я передал ей пакеты. Потом была теплая и ясная ночь, мы долго лежали на железной ржавой крыше, смотрели на звезды и разговаривали...

В это время в управлении КГБ уже лежит следующий документ:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству
город Ленинград, 12 августа 1976 года**

Старший следователь по особо важным делам Следственного отдела Управления УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области майор САВЕЛЬЕВ, рассмотрев материалы, поступившие 9 августа 1976 года из оперативного подразделения Управления КГБ по Ленинградской области,

УСТАНОВИЛ:

8 и 15 апреля, 3 и 5 августа 1976 года в городе Ленинграде на исторических памятниках, жилых и общественных зданиях, а также транспортных средствах обнаружено 16 надписей, содержащих клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Как видно из имеющихся материалов, указанные враждебные надписи учинены во многолюдных местах города Ленинграда, трудно смываемой краской, исполнены печатными буквами крупных размеров. По своему характеру данные надписи свидетельствуют о стремлении их автора подорвать или ослабить Советскую власть, навязать свои антисоветские взгляды широкому кругу лиц.

Учитывая, что в этих материалах имеются достаточные основания, указывающие на совершение антисоветской агитации, то есть преступления, предусмотренного частью I статьи 70 УК РСФСР, руководствуясь требованиями статей 103 п. 1 и 6, 112, 115, 126 и 129 УПК РСФСР, возбудить уголовное дело по фактам учинения в апреле и августе 1976 года в городе Ленинграде надписей антисоветского содержания по признакам преступления, предусмотренного частью I статьи 70 УК РСФСР».

А 26 августа Ю. В., получив грубое письмо из США (прочитав и убедившись

в том, что автор осуждает «противоправную деятельность» и требует ее прекратить, чекисты отправляют письма адресату), запишет в дневнике:

«Прощай, Константин Кузьминский!

Что ты наделал?! Что ты сделал со всеми нами и с собой?!

...Ты предложил мою голову как выкуп за Натальину: “Мне все равно, кто будет читать это письмо.” Они уже прочли, Костенька. Конверт был заклеен во 2-й раз. Ты погубил меня. Но ты погубил и Наталью, и людей, которых ты даже не знаешь.

Бедный, бедный Костя! Как ты будешь с этим жить?

Послушай! А может быть, ты просто сошел с ума? Ну не может же нормальный человек делать такие вещи: в один и тот же день написать два письма и отправить одно с оказией, а другое по почте? Значит, ты хотел, чтобы письмо ко мне было прочитано в КГБ? Не только не боялся этого, но и хотел этого, сделал все, чтобы это случилось? Бедный Костя, ты сошел с ума!

Вот и все. Как ты меня предал, Костенька! Как глупо, мелко, пошло твое письмо! И оно – у них. Оно сработает, оно обязательно сработает – они сейчас глаз с меня не спускают...»

Мы чувствуем приближение беды, но решаем – будь что будет.

Шутя сочиняется песенка, которую мы распеваем на мотив «Прощания славянки»:

*...Ты простился с любимой девушкой,
Ты теперь государственный раб.
Ты на лучшее завтра надеешься,
А на завтра назначен этап.*

*Будешь жить за колючею проволокой,
Так, пожалуйста, крепче держись:
Дни покажутся долгими-долгими,
И короткой покажется жизнь.*

Припев:

*Прощай, не горюй,
И к смерти будь готов,
Но берег поцелуй,
Живым вернувшись с островов!*

Ю. В. переживает за беднягу Трифонова. В конце августа выясняется, что у Олега есть дальняя родственница, которая работает контролером в Крестах, причем именно в корпусе для подследственных. Олег уговаривает ее помочь в контакте Трифонова с женой, в ее роли выступает Ю. В. Для того чтобы исклю-

чить возможность подставы, когда вместо нас переписку продолжают «органы», я предлагаю необычную, желтую бумагу, которую Трифонов видел в доме Ю. В. на Жуковского. Она пишет ему записку, подбадривает, сообщает о том, что его мать здорова, что информация о политической подоплеке его ареста передана западным журналистам.

В отличие от уголовного следователя, который долгое время вообще не показывался, следователи из КГБ уже допрашивают его в эти дни и, судя по ответам, называют Геннадия наши фамилии, но тот еще пытается нас выгораживать. Он говорит, что слышал о надписях, говорит, что лозунг с требованием свободы Твердохлебову ему «приятен», но он считает эти методы бесполезными. И добавляет, что ни от кого из нас он не слышал о таких намерениях.

Мы получаем от него записку, где он пишет:

«...я буду по мере возможности аккуратно и регулярно информировать вас о содержании допросов. Планы КГБ обширны, перспективны и злобещи. Их игра со мной сейчас в самом разгаре. Мои шансы выиграть минимальны, но они имеются. Упускать эту возможность, значит, убить себя и навредить вам. КГБ может все. Озлоблять их, значит, лишать вас свободы на воле. Разумеется, ГБ не простит мне “измены”...» Далее он пишет о том, что его, может быть, переведут в изолятор КГБ, что от него, «педераста», хотят подтверждения сотрудничества с диссидентским движением, с Сахаровым, дипломатами и корреспондентами, чтобы всех дискредитировать. Под письмом вместо подписи рисунок виселицы.

И Олегу, и мне становится понятно, что человек рушится, Ю. В. пишет ему записку:

«Тебе будут подсовывать соучастие. Ни в коем случае ни к кому и ни к чему не присоединяйся. Ты не отвечаешь и за то, как и кем используются твои рукописи.

Ты сам по себе. Так лучше для всех. Чужих бумаг не узнавай, кроме “Лепты”. Помни: где бы ты ни был, мы всегда рядом».

Но эта записка до него уже не доходит. Тюремный контролер пугается и оставляет ее у себя дома, где ее и находят при обыске. Но это уже не имеет значения, Трифонов сам пишет заявление в КГБ о том, что с ним налажена переписка, и начинает давать показания. Причем, судя по протоколам, врет напропалую, мешая свои домыслы и вымыслы так, как этого хотят чекисты. Любой ценой он пытается вырваться из Крестов и для этого выдумывает «плакатный заговор», в нем участвуют и корреспонденты «Ассошиэйтед Пресс», которые сочиняют нам тексты лозунгов, и дочь американского посла, которая поддерживает диссидентов (Трифонов не знает, что ей всего пять лет), сам он, конечно, тоже в «активистах»...

Трифоновский грех, конечно, тяжелее греха Кузьминского: его донос прямо вел нас в тюрьму; и все же, оба они тоже жертвы.

После обрыва культурной традиции в 20-е годы, после завядших ростков романтической поэзии времен «оттепели» и воцарения литературной казенщины вольное слово размежевалось не только с официальной культурой.

Литературный андеграунд ушел в себя, в катакомбы имморализма и асоциальности. Иосиф Бродский сказал тогда: «Зоркость этих времен – это зоркость к вещам тупика».

Ярко заявивший себя в 60-е В. Британишский писал о 70-х:

В годы, что тягостно серы,
входим, как будто под своды
тусклой и гиблой пещеры.
Нить, что дала Ариадна,
кончилась на повороте.

Выйдем когда-нибудь к свету
где-то в других регионах?
Или же выхода нету
из подземелий зловонных?

Не пришлось бы Кузьминскому выпрыгивать из-под гнета советской системы, не случилось бы того, что происходит с поднятой на поверхность глубоководной рыбой, когда при отсутствии внешнего внутреннего давление выворачивает ее наизнанку. Он и сейчас, по прошествии 30 лет, не слезая с заблеванного дивана, не может утомониться и поливает других грязью.

А Геннадий ведь не выбирал свою половую ориентацию, она досталась ему вместе с генетическим сбоем его организма, и в нормальном обществе это расценили бы как проблему, а не вину. Вместо этого спецслужбы, воспользовавшись обстоятельствами, отдали его в лапы уголовного зверья.

Бог им обоим судия, тем более что нам с Олегом все равно суждено было оказаться в неволе.

Если верить материалам дела № 62, в первых числах сентября обнаруживается наш тайник на крыше соседнего дома. Судя по заявлению маляра из жилконторы, которому поручили красить крышу, он перед покраской смел весь мусор и решил высыпать его на чердак. Для этого он сунулся в чердачное окно и увидел там пакет. Взял, принес домой, прочитал, хотел даже положить назад, но жена отнесла бумаги начальству, а те позвонили в КГБ. Все было бы складно, если бы чердачное окно было большим, а не таким, что туда мог пролезть только ребенок или Ю. В., дама совсем миниатюрная. Какой мужик мог сделать то же самое, разве что маляр был лилипутом? Думаю, что нас заметили, когда мы закладывали тайник, быть может, то же рабочее семейство, а может, и «наружка». То, что рукописи исчезли, мы узнали, когда решили забрать их и увезти подальше. Тогда

из-под крыши, куда Ю. В. снова забралась, я услышал ее плач. Засунув голову под железный козырек чердачного лаза и посветив вокруг фонариком, я увидел, что в толстой кирпичной стене, замыкавшей пространство чердака, сделан свежий пролом на соседний чердак. Вот через него-то и вошли туда неизвестные искатели. Это могли быть и работяги, которые подумали, что мы спрятали там великие богатства, а могли быть и чекисты.

По делу о надписях эта находка роли не сыграла, но потом часть материалов использовалась в обвинении Вознесенской, когда было возбуждено ее собственное «дело» о клевете на советский строй.

Оставалась еще неделя на свободе. «Топтуны» ходят за нами уже открыто. Им не удалось делать это скрытно: хорошо зная старый город, я подчас просто из спортивного интереса сбрасывал «хвосты», уходя проходными дворами, сквозными парадными и чердаками. А однажды, возвращаясь вечером домой, ушел от них даже из трамвая. Если за вами «хвост», а вы садитесь в последнюю дверь вагона, пешие «топтуны» прыгают туда за вами, чтобы посмотреть, не будет ли там какого контакта. Если вы остаетесь на задней площадке, то они уходят в середину, чтобы не мозолить вам глаза. Так было и на этот раз: убедившись, что их машина сопровождения ушла вперед, я остался в хвосте пустого вагона. «Спортсмены» рассредоточились впереди, деланно равнодушно поглядывая по сторонам. Они знали, что если я выйду на остановке (а где же еще?), то и они выйдут в соседние двери, чтобы, сменяясь, «вести» меня дальше. Но они не знали, что у старых трамваев под последним сиденьем у задней двери был клапан. Он работал только на последнюю дверь, и если на него нажать, то давление ослабеет и створки двери можно отжать. Так я и сделал, когда трамвай остановился на углу 8-й линии и Большого проспекта. Услышав шипение сжатого воздуха и увидев меня уже в дверях, метнувшиеся молодчики выйти не смогли – моя дверь захлопнулась за мной, как только я ее отпустил. Отбежав в темноту ночного сквера, я присел за скамейкой и с интересом наблюдал за бегающими по вагону фигурами, за тем, как они, выскочив на улицу, озирались и бежали куда-то. Потом пошел домой. Туда, где меня тоже «пасли». Скрыться? Да, это было нетрудно. А что потом? Всю жизнь в подполье не проживешь.v

ЗА ДРУГИ СВОЯ...

Арест

В последние дни филёры совсем перестали прятаться и просто сопели за спиной.

Я все же настоял на отъезде Ю. В. С предосторожностями кем-то был взят билет (в те времена фамилию туда еще не вписывали), разными путями мы съехали на вокзал, и я посадил ее в поезд. Но дорога ее была недолгой. Уже в Невеле, через четыре часа пути, в ее купе вошли гэбисты.

Наутро, еще не зная об этом, я собрался на работу. Наташа, которая ночевала у моих родителей, закрыла за мной дверь, и я побежал по лестнице. Снизу, из-за поворота, на меня вышли двое в серых плащах, я остановился. В этот момент с верхней лестничной площадки появились еще двое таких же. Я прислонился к стене и ждал удара. Вместо него сверху появился еще один, седой, постарше и солиднее:

– Юлий Андреевич?

– Да.

– Можно ваши документы?

– Пожалуйста.

– Кто у вас дома?

– Родители, Наташа. Еще собака.

– Вы проедете с нами. Прошу! – жест по лестнице вниз. Я спускаюсь, в этот момент с верхней площадки сыплется еще человек семь-восемь, вся эта орава идет к моей квартире. Я смеюсь:

– И это все на наш редут?

Седовласый пожимает плечами. Меня ведут вниз и сажают в неприметный микроавтобус, где два серьезных гражданина зажимают плечами в середине широкого сиденья. Машина уже мчит по осеннему солнечному городу, я прощаюсь с Питером.

Звонок в нашу квартиру раздается почти сразу после моего ухода, ведь сцена на лестнице заняла пару минут, и Наташа, подумав, что я, забыв что-то, вернулся, распахивает дверь.

В это же время начинаются обыски у Олега (среди участников был Владимир Путин. Свою карьеру он начал с Курсов подготовки оперативного состава КГБ («401-я школа»), где, проходя «практику», учился слежке, обыскам и арестам), дома у Вознесенской, у Борисова и его матери, у Андреевых и еще у многих людей.

Меня везут по Большому проспекту, Университетской и Дворцовой набережным, мимо Петропавловки и Летнего сада, впереди громада «Большого дома».

До 1917 года здесь стояло здание Окружного суда. В дни Февральской революции нашлось много желающих его сжечь, заодно сгорели и архивы на всех преступников и тайных агентов. Наполовину сгоревший остов, который когда-то восхитил Блока, пугал прохожих до 30-х годов. Затем на его месте возвели огромное даже по нашим временам здание, в котором разместилось сначала ОГПУ, потом НКВД, МГБ, КГБ, теперь ФСБ.

За ним находится старое здание царской тюрьмы – Дом предварительного заключения (ДПЗ) – знаменитая «Шпалерка, Шпалерка, железная дверка...» Расчитана она была на 700 заключенных.

До 1917-го она использовалась для содержания подследственных, в том числе участников революционного движения. Тюрьма соединялась со зданием суда переходом, что позволяло обойтись без хлопотных и опасных перевозок. Среди первых заключенных были участники хождения в народ, отсюда везли на казнь народовольцев, тут ждали суда эсеры, эсдеки, в том числе и В. Ульянов. С 1920-х годов это следственная тюрьма для «врагов народа». Только за один 1937 год через нее прошли 19 220 человек, расстрелянных потом в Левашёво... Несмотря на то, что сегодня новые-старые хозяева этого здания отрицают наличие подвальных камер для пыток и расстрелов 30-х годов, память об этом еще держится. Каждый год, в День политзаключенных, люди собираются на набережной рядом с Большим домом и опускают в Неву венки. Они делают это потому, что знают, в годы большого террора из подвалов ГПУ по трубе в Неву стекала кровь.

Из воспоминаний И. Кулябко, находившегося там под следствием в 1958 году:

«...однажды меня, как обычно, повели мыться. Спускаемся на первый этаж, поворот направо, проходим мимо обычных душевых кабинок, дальше по коридору, поворот налево, опять коридор, слева дверь. Вводят в довольно обширную, выложенную кафелем комнату, метров 20-30 квадратных. В противоположной стороне странная душевая: две кафельные стеночки шириной не более метра, торчащие из противоположной стены, третья стена открыта, перед ней люк в полу размером примерно метр на два. Вместо задней стенки душевой дверь, выходящая в коридор, с форточкой на уровне головы человека. Когда вели обратно, увидел и дверь с форточкой, ведущую в «душевую», и еще один люк в полу в коридоре возле двери, размером опять же, примерно, метр на два. Нетрудно сообразить, что расстрел происходил следующим образом. Приговоренного приглашали в баньку помыться. Раздевшись, он вставал под душ, где ему стреляли в затылок. Кровь сливалась душем в трап (не оттуда ли к набережной и далее в Неву проходит легендарная “труба”?), а покойника можно было либо в люк, либо через дверь в задней стенке “душевой” выволочь в коридор, освободив для следующего. Гуманно и чисто. Впрочем, это предположения, а что видел, то и видел. Некоторое подтверждение сказанному прозвучало как-то в журнале

“Огонек” в конце 80-х – начале 90-х годов. Там было опубликовано сообщение, что расстрелы производились в помещении внутренней тюрьмы, в специально оборудованной комнате. Только не по одному вводили, предварительно убрав предыдущую жертву, а гнали подряд, так что последующие видели на полу кучу окровавленных тел, еще дергающихся в предсмертных конвульсиях. Конвейер, однако, своеобразная “система Тейлора” по-большевистски».

Не только у Крестов, но и у этих стен стояла в поисках сына Анна Ахматова, здесь провел несколько месяцев мой отец, а позднее многие питерские диссиденты и правозащитники.

Подъезжая, я вспомнил старый анекдот:

– Где самый высокий дом в Ленинграде?

– На Литейном. Даже из подвала там видна Сибирь.

Было ли мне страшно? Разумеется. Но мысли: будут ли бить, как себя вести, изворачиваться или молчать – были формальными. Они мелькали, но на самом деле я как будто видел себя со стороны. Вот он я, «у бездны на краю», интересно, неужели это со мной?

Неприметный подъезд на Шпалерной (тогда улица Воинова), в который меня вводят, лестница, невзрачные коридоры, двери, потом чуть наклонный светлый коридор, как я потом узнал, его называют «мостом вздохов». Это переход из тюрьмы в главное здание, где я вижу бронзовый бюст Дзержинского. В стене ряд больших дубовых дверей, один из сопровождающих заходит, докладывает, меня вводят. Просторный кабинет, большое окно во внутренний двор забрано решеткой, слева широкий письменный стол, в него, образуя букву «Т», упирается другой, два кресла. Оглядываясь, вижу в противоположном углу столик и стул. Еще шкаф, сейф, ряд стульев вдоль стены. А за столом сидит плотный, серьезный, бритоголовый человек с восточной внешностью. Он внимательно и чуть весело рассматривает меня. Наверное, так кот может рассматривать мышку, которой некуда сбежать...

– Ну, здравствуйте, Юлий Андреевич! Можете положить свою сумку. Пальто тоже можно снять. Хорошее оно у вас, вельветовое. Это «фарца» или американцы подарили?

Включаясь в треп, отвечаю:

– Что вы, где ж у американцев такое? Это наше отечественное, в сельхозе по случаю купил (что было правдой).

– Ну, давайте знакомиться, – продолжает поскуцневший хозяин. – Я старший следователь по особо важным делам Мурат Сергеевич Тотоев.

Попутно он берет какие-то бумаги и начинает их заполнять.

– Назовите вашу фамилию, имя, отчество.

Я диктую свои анкетные данные. Записывая, следователь спрашивает:

– А что, вас разве не интересует, почему вы здесь?

– Конечно интересует, расскажите!

Закончив с анкетными данными и приосанившись, он продолжает:

– Вы задержаны в порядке статьи 122 УПК РСФСР в связи с появлением антисоветских надписей в нашем городе. Органы располагают информацией о том, что вы причастны к их изготовлению. Вам предлагается рассказать о своем участии и обо всем, что вы знаете по этому делу.

– Помилуйте! Надписи? Какие? Слышал я про какие-то надписи. Но чтоб я?! Никакого отношения.

– Улыбаетесь, Юлий Андреевич? Ну да, как в анекдоте, примус починяю, ничего не знаю.

– Вот, вот.

Пока мы так препираемся, я вспоминаю, что в записной книжке у меня есть ненужный номер телефона, лучше его ликвидировать. Тогда я, сидя у стола, вынимаю свою записную книжку и открыто начинаю ее листать, а потом, продолжая разговор, опускаю руки под стол и незаметно для следователя ногтем выскабливаю найденный на странице телефон, бумажные крошки стряхиваю под стол.

Вдруг открывается дверь, и в кабинет решительно входит начальник, это видно по его замашкам и требовательному взгляду. Действительно, это был руководитель следственной группы по нашему делу Савельев. Поглядев на меня, удивляется:

– А почему это он тут сидит? Вот его место, – и указывает на столик в углу.

– Ну, это необязательно, – объясняет Тотоев, разыгрывая передо мной доброго следователя.

– Вот посмотри, – говорит ему начальник, держа в руках какой-то лист. Тот подходит, и они оказываются под яркой включенной люстрой.

– Это же она с этим... – говорит Савельев.

Тотоев ухмыляется:

– Ну да, точно.

Они стоят так, что фотография, которую высоко держит Савельев, просвечивает. На ней, скорее всего, Лесниченко. Ее, подняв на руки, держит какой-то мужчина.

Разыгранная чекистами сценка мне понятна, но удивляет ее примитив. Интересно, они что, всерьез думают, что увидев Н. Л. в чьих-то объятиях, я потеряю голову? Мы заканчиваем протокол, где я продолжаю «ничего не знать», потом идет личный обыск с понятыми, и меня уводит конвой. Мы снова идем мимо Дзержинского, вниз по мостику до железной двери, за ней сводчатые коридоры, и еще один, уже тюремный обыск с прощупыванием швов в одежде, полным раздеванием и приседанием.

Снова лестница, теперь уже другая, широкая, стертые ступени, еще коридор, толстые стены, двери с кормушками и глазками, еще дверь, две ступеньки вниз в коридор с ковровой дорожкой. Там нас встречает дежурный охранник-контролер. Уходящая в глубь галерея, направо огромные, зарешеченные окна, налево

ряд глубоко утопленных в стену дверей. «Камеры», – догадываюсь я. На второй этаж «галеры» ведет чугунная лестница, там железный балкон и тоже ряд камер. Контролер открывает одну из нижних дверей, и я вхожу в камеру № 197. За мной глухо гремит замок. Я один. В пол вмурованы две металлических койки, в изголовье привинченные к стене тумбочки, есть два деревянных табурета, ближе к окну, ничем не отгороженный чугунный унитаз. (Рядом в коридоре мемориальная камера, там сидел В. Ульянов; позже, когда я уже депутатом буду навещать это учреждение, обнаружу, что там нет отхожего места. Наверное, чтобы редкие посетители не представляли себе восседающего на унитазах «вождя».)

Окно забрано двумя решетками, а с улицы еще и ржавым жалюзи с «ресничками» вверх: небо сквозь них видно, а вниз уже не посмотреть. Камера – шесть больших шагов в длину, два в ширину, сводчатый потолок, железная крашеная дверь, глазок. Над дверью высоко находилась вентиляционная решетка. Пол бетонный, холодный. В стене у двери небольшая кнопка. Осматриваясь, я нажал на нее, в коридоре звякнуло, и сразу голос охранника:

– Это сигнал, нажимай, если только что-то надо.

Прошло тридцать с лишним лет и мне трудно восстановить свое состояние тогда. Было странное ощущение оборвавшейся пуповины. Я несколько часов ходил по камере, мысли мои и ощущения были простыми, я гадал, кто еще арестован, что найдено. А найдено было, как потом выяснилось, немало, в первую очередь у Олега. За неделю до ареста я предупредил его, что нас, похоже, вот-вот арестуют, и просил его убрать все лишнее из дома. Сам я так и сделал. В квартире Волкова нашли и военные радиоприемники, и рацию, и часть «Архипелага ГУЛАГ», фотопленки с запрещенной литературой, магнитофонные пленки с записями чтения работ Сахарова и Солженицына по Би-би-си, и даже его старые дневники времен бродяжничества:

«1962 год. Возвращаюсь обратно в тот маленький, обсаженный жасмином, гостеприимный дом, который меня приютил.

Хозяйка его смиренная и добрейшая душа. Она работает ежедневно по полторы смены. Иначе у нас не проживешь. Ее соседка работает в санатории, в столовой. Ее оклад 30 рублей. О вы, кто выдумал эту зарплату, хотел бы я, чтоб вы сами прожили на нее хоть месяц!

Вы боитесь и не хотите создать человеку минимального достатка, ибо если он будет жить в достатке, то будет стремиться к более высокому, к духовной свободе. Вас это не устраивает. Пусть уж лучше думает об обычном, нежели о духовной свободе – это опасно. Но знаете, уже сейчас есть люди, презирующие достаток и жаждущие свободы.

Вы считаете, что скоро будет коммунизм – общество стандартных ангелов, общество фанатиков. А не находите ли вы, что ваш «моральный кодекс» строителей коммунизма звучит как похоронный марш индивидууму, похоронный марш личности? Рано хороните. Обезличить личность, превратить нас в стан-

дартных матрешек, тысячами выпускаемых фабрикой. Не много ли вы на себя берете?..

Что мне делать вообще, я знаю. Моя цель – свободное творчество. Но как идти к этой цели? По крайней мере, я знаю одно – я не сдамся.

Если я даже вернусь в Ленинград, то никогда не возьму больше в руки другого инструмента, кроме пера, кисти, карандаша и книги.

Нигде не работая, я тратил на живопись, философию и литературу столько времени, что мне приходилось спать по 3-4 часа, не больше. Титанический труд, если учесть, что почти всегда голоден.

Что будет дальше, не знаю, но что бы там ни было, последней моей записью будет:

Благодарение богу за то, что я прожил хоть и короткую жизнь, но посвятил ее своим порывам и устремлениям».

Читая эти карандашные записи, следователи, конечно, понимали, что за прошедшие 14 лет Олег изменился и уже не столь романтичен в своем максимализме, но почувствовать природу человека пусть даже в старых его записях можно, а чекисты как раз ищут к нам «ключики»...

У меня на обыске, хоть я и «почистился», нашлась одна фотопленка с текстами «ГУЛАГа». А еще, вечером перед арестом я, догадываясь, что для установления авторства надписей будет изучаться мой почерк, полчаса сидел и тренировался в его изменении. Лист бумаги, на которой это делалось, уничтожить я, конечно, забыл, и позже эксперт-графолог из «Большого дома», посмеиваясь, сказала мне, что ей было интересно изучать мои попытки.

Более всего меня тревожило состояние родителей. Я представлял себе, как изводит их неведение того, что происходит со мной. (Я не знал тогда, что на протяжении 12 часов, пока шел обыск в нашей большой квартире, к отцу дважды приезжала скорая помощь. От резко поднявшегося артериального давления у него из носа хлестанула кровь. Кровотечение снизило давление, и обошлось без инсульта, но несколько часов ему было совсем плохо.)

Вот и наступил вечер. Тусклая лампа светит под желтым потолком, грязно-зеленые стены, на одной из коек матрас, подушка, серое одеяло. Сквозь полосы жалюзи видно синее небо, смолкают шумы.

В это время в соседней камере Ю. В. пишет:

Прильнул к решетке, на ветру качаясь,
Так высоко взлетевший желтый лист.
Молчит тюремный двор, никто не отвечает
На мой веселый одинокий свист.

Здесь нет моих друзей, и в том моя отрада.
«Здесь нет твоих друзей», – мне сердце говорит.

И песенка звенит, как летняя цикада,
Как спичка на ветру горит.

Друзья ответили б... Им песенка знакома –
Ее мелодия и все словечки, но
Их нет сейчас со мной, и в том моя отрада,
И я ни для кого – свищу себе в окно.

Где ты теперь и та, что вечно рядом?
Чем заняты? Вдвоем вам хорошо,
К тому же без меня. Но нет, не надо!
Вас нет сейчас со мной – чего мне еще?

Я день рождения праздную сегодня
Совсем одна. Сегодня без гостей.
За мной следит в окошко глаз Господний
И волчий глаз – со стороны дверей.

Здесь нет моих друзей, и в том моя отрада,
Тюремный воздух ночью свеж и чист.
И высоко под небо Ленинграда
Летит, летит мой одинокий свист!

Весь мой следующий день проходит в допросах. Следователь заносит в протокол свои слова о том, что им все известно, что мне предлагается все рассказать, потом выслушивает мое вранье, записывает его и, со значением, предлагает расписываться под каждым ответом. Дескать, смотри, потом, когда мы тебя разоблачим, ты уже не отопрешься, не скажешь, что сразу разоружился.

Мы оба понимаем, что идет дурацкая игра. Я знаю, что вру, и это неприятно, это оскорбляет меня. Следователь тоже знает, что я вру. Но он карт пока не раскрывает, идет позиционная борьба с уходами и возвращениями к теме, расспросами про выставки, про то, как давно знаком с тем-то или тем-то.

Вот тогда-то я и слышу в первый раз, что «есть только миг, за него и держись». Песня в исполнении Э. Хили звучит со следовательского магнитофона, но не достигает цели, я не «колюсь», и жалко мне себя не становится, скорее наоборот. Не знает следователь о том, что в моей памяти есть строки отца:

Слушай меня, запомни –
Есть, что давно минуло,
Есть, что еще не брезжит,
Нет лишь того, что есть.

На следующий день я уже сижу не напротив следователя. Когда меня снова приводят и я делаю шаг к большому столу, мне показывают на стол в углу – ты теперь арестант и знай, дескать, свое место.

Что-то в этом роде, наверное, происходило в соседних кабинетах, где допрашивали Олега, Юлю и Наташу. Теперь, имея за плечами богатый опыт, могу сказать, что изначально не нашел правильного тона в отношениях со следователем. Мне бы сразу сказать себе, да и ему, что мы враги, и разговаривать я с вами не буду, тогда бы все встало на свои места. Но я строил из себя законопослушного гражданина. Меня корежило от этого, и я подсознательно искал способ прекратить балаган.

Возможно, я быстро дозрел бы до отказа давать показания, но мне предложили другое. При всей топорности методов комитетчики оказались неплохими психологами, ключик был найден.

Утром меня будят. Миска каши, чай. Делаю гимнастику. Слоняюсь по камере. На обрывке сигаретной пачки рисую «бестужевскую» азбуку для перестукивания. Не могу сразу запомнить, сколько ударов означает каждая буква, ложусь на койку, в поднятых коленях лежит моя кепка, а в ней табличка. Глядя на нее, осторожно стучу ногтем в стену, но, не успев освоить этой премудрости, слышу из-за двери:

– Задержанный, перестаньте стучать!

Да, в корпусе тишина, ковровая дорожка в коридоре для этого, и охраннику слышен любой звук. Но за окном все же какой-то шум и голоса. Мне нейдет. И тут у меня мелькает мысль: а что если окно выходит на улицу, а что если попробовать кинуть записку. Отец тоже сидел здесь, и он помнит, сам мне рассказывал, как до утра слышал крики истязаемых, женский визг и матерщину энкавэдэшников. Он же думает, наверное, что и мне теперь совсем худо.

Я прошу ручку и бумагу у контролера, сажусь за тумбочку и делаю вид, что строчу заявление. А сам отрываю кусок бумаги и пишу записку: «Прошу сообщить по телефону, что художник Рыбаков здоров, обвин. по 70 ст. на себя не берет, никого не закладывает. Необходим опытный политадвокат из Москвы», делаю из этого листка бумажную птицу, пишу на крыльях «SOS!», чтобы обратили внимание, и, оглянувшись на дверь, подставляю к окну табуретку, просовываю руку в щель приоткрытого сверху окна и выталкиваю записку через решетку. Но самолетик тыкается носом в жалюзи и падает на наружный подоконник, между решетками. В это время сзади слышу щелкнувший замок двери, я спрыгиваю, в проеме двери стоит молодой охранник.

– Что вы там делали?

– Ничего. Дышал.

– Сядьте на койку!

Я сажусь. Он проходит мимо, забирается к окну, протягивает руку в щель.

Сидя на шконке у двери, я вдруг думаю: а что если выскочить в коридор? Я могу успеть захлопнуть дверь, а он останется в камере!

Так, а что потом? На волю я не пробьюсь. Но можно пройти по камерам, найти своих, увидеть. Но, кто знает, что в коридоре, может, там еще один?..

Пока я раздумываю, страж уже возвращается с моей запиской в руках и запирает дверь. Другого охранника, как потом выяснилось, в коридоре не было, только видеонаблюдение.

Я действительно мог запереть прапорщика Перекреста и оказаться в коридоре. Быть может, даже открыть камеры, в которых заперты друзья.

За это получил бы карцер, а в личное дело «красную полосу» (склонен к побегу). Дальше своего тюремного блока мы бы не ушли, но обняться и поговорить, может быть, успели. До сих пор с замиранием сердца я жалею, что не сделал этого.

Ловушка

На следующий день, когда я опять оказался в кабинете, Тотоев зашел с другой стороны:

– Юлий Андреевич! Вы все сейчас в статусе задержанных, кстати, Юлия Николаевна тоже. Закон не позволяет нам удерживать вас более 48 часов после уведомления прокурора, а всего это 72 часа. Трое суток. Нет, не думайте, что мы собираемся вас выпускать. У нас достаточно доказательств вашей причастности, и скоро вы распишетесь за переход в положение обвиняемого... Тут нам все ясно.

А вот что нам делать с женщинами? Вы думаете, что мы не знаем, что и они были вместе с вами? Знаем. И надо будет, докажем! Но ведь это вы их вовлекли, без вас они бы сидели дома. Их вина невелика, и мы не звери.

Но они отпираются, так же, как и вы. А значит, отпустить мы их не можем. А если не отпустим завтра, значит, санкция прокурора и на их арест! Но это уже до суда.

– И что? – голос у меня охрип.

– А то, что они выйдут отсюда завтра, если вы признаетесь. Это же ваши женщины, неужели вы их здесь до весны оставите. И учтите, я с вами не лукавлю и вам лично ничего не обещаю, кроме того, что вашу вину мы все равно докажем.

– А потом и их вину тоже?

– Да не нужны они нам! Не верите? Вот я вас снова вызову, можете поговорить с прокурором. Но решайте сегодня.

Меня повели в камеру. Я шел и уже знал, как поступлю. Я чувствовал облегчение, конечно, именно так, и все. Хватит валять дурака. Обманут? Думаю, о нашем аресте уже заговорили, а тогда им действительно не нужны женщины-жертвы.

Через пару часов, после обеда, еще раз открылась кормушка, и я услышал:

– Фамилия?

Так спрашивали каждый раз, боялись перепутать, что ли.

– Рыбаков.

– На выход.

В кабинет почти сразу за мной входит худая белая мышь – прокурор по надзору за КГБ Инесса Катукова (происхождение фамилии, вероятно, от «ката» – так на Руси звали палача). Строгая, даже надменная. Двадцать лет спустя, когда я, еще не депутатом, но уже правозащитником, пришел в городскую прокуратуру и встретил ее там, взгляд у нее уже не был уверенным. А тогда, окинув взглядом вскочившего следователя, не глядя на меня, она спросила:

– Ну так что у нас?

– Да вот Рыбаков. Я говорю, его вину мы все равно докажем, а с Лесниченко и Вознесенской надо решать сегодня. Сроки подходят: или оставляем, или выпускаем. Но как отпускать, если никто не признался? Не можем, вы же сами, Инесса Васильевна, нам не позволите.

– А с какой стати? У вас нет оснований.

Я спрашиваю:

– Если кто-то признается, остальных вы отпускаете?

– Ну, не вас и не Волкова, а этих. Я возражать не буду.

– Хорошо, я готов.

Прокурорша уходит, а следователь кладет передо мной бумагу. И я пишу, где, когда и как делал надписи, где, когда и как клеил листовки. Один. На душе становится легко.

Прочитав написанное, следователь усмехается:

– Значит, вы смогли все-все сделать в одиночку?

– Представьте, да!

– Ну что ж. Да, но есть еще проблема. Ваши девушки упираются, а нам нужно, чтобы они признали ваши показания, иначе никак...

Я чувствую, что ловушка втягивает меня. Что делать?

– Хорошо, дайте нам встречу, я объясню.

– Нет, встречи не будет. Но вы можете написать записку.

«Записку, записку, – думаю я. – Как же написать, чтобы поняли, что говорить можно лишь обо мне?»

Пишу: «Ю., ты можешь подтвердить мои показания о том, что надписи сделал я». Ставлю свою подпись.

Такую же записку пишу и для Наташи. Меня уводят. Ко мне в камеру подсаживают какого-то блатного парня из областной колонии, он треплется об оружии, которым якобы торговал до посадки. Через пару дней его уводят, а на его месте появляется бывший хозяйственник, осужденный на 8 лет за контрабанду и валютные операции. Ему бы уже срок тянуть на зоне, но его продолжают держать в следственном изоляторе. Он целыми днями строчит какие-то заявления, на очередном шмоне контролер, поглядев, крутит головой, роняет: «Страшные бумажки». А мне невдомек, что это подсадная утка, что тюремный стукач еще будет мне досаждать.

Из моих записок только одна, Наташина, попала к ней в руки. Я не знал, что Ю. В. освободили из-под стражи на день раньше, она ведь и арестована была до нас.

Получив мое разрешение, Наталья дала показания о том, что знала о моих художествах. Под подписку о невыезде отпустили и ее.

В КГБ раздумывали, что делать с нами, им было очень не по душе от наших с Олегом показаний.

Советы без коммунистов?

Через неделю после ареста Олег тоже пишет о том, где, когда и как он делал надписи. Тоже один. Потом ему дают прочесть мои показания, где я все беру на себя. В конце концов мы признаем, что многие лозунги делали вместе. О самиздате, о его распространении, естественно, молчим. Но нас обоих прорывает на объяснения причин и мотивов. Я пишу о том, что не признаю себя антисоветчиком, что мы-то как раз и есть настоящие «советчики», что мы ничего не имеем против советской власти как формы самоуправления. Мы не противники советской демократии, мы ее защитники от монополии коммунистов на руководство страной. На попытку следователя объявить это бредом и демагогией я отвечаю:

– Отчего же? Этот лозунг прозвучал еще в 1921 году!

И читаю ему «лекцию» о кронштадтском восстании. Не так уж много я тогда знал, что эта страница советской истории еще засекречена, а официальная версия не только лжива, но и стыдливо коротка... И все же что-то было известно. Тогда моряки линейных кораблей, стоявших в Кронштадте, узнали о том, что в связи с закрытием всех крупных питерских заводов и ожиданиями голодных бунтов коммунисты распорядились начать новую волну арестов, в том числе «рабочих, особенно в тех случаях, когда они выдаются своей активностью». В ответ Кронштадтским гарнизоном и экипажем была принята резолюция:

«Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

Свободу собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений.

Собрать не позднее 10 марта 1921 года беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов г. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства

средства на эти цели. Вместо них должны быть с мест выбраны Культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

Немедленно снять все заградительные отряды.

Уравнять паяк для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, то есть не пользуясь наемным трудом.

Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.

Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом».

– Вот, – говорю я, примерно пересказывая эту программу, – народ еще тогда понял, что коммунисты узурпировали власть и что с этим надо заканчивать. Поэтому и мы того же хотим, а вовсе не свержения Советов как системы народной власти. Просто без большевиков. В 21 году это не удалось, в крови потопили матросиков. Ну ничего, люди к этому все равно придут. Советы будут, но без коммунистов!

Взбешенный Савельев кричит:

– Что? Да вы... Да черт... Эх, раньше поговорил бы ты здесь у меня!..

Отношения с «моим» следователем были разными. То мы с Тотоевым ругались или не разговаривали более чем это требовала процедура, то он поил меня чаем, и мы говорили о семьях, а однажды он, злясь на меня за что-то, ляпнул, что таких демагогов и бабников надо кастрировать. От него я услышал, что в его семье двое маленьких любимых дочерей. (Через 20 лет я познакомлюсь с одной из них, а когда узнаю, что она его дочь, это не помешает нашим добрым отношениям.)

Вокруг нашего ареста продолжается шум. О нем говорят «голоса», пишут в правозащитном бюллетене «Хроника событий», появляется заявление Хельсинской группы:

«Как уже сообщалось, в сентябре 1976 года произведен ряд обысков в Ленинграде и Москве, арестованы два художника, Олег Волков и Юлий Рыбаков, обвиняемые в написании лозунгов на стенах города Ленинграда. В частности, лозунги в защиту Андрея Твердохлебова (в дни суда над ним), лозунги с требованием освобождения политзаключенных Советского Союза. К уголовной ответственности по этому делу привлекаются также Юлия Вознесенская (Окулова) и Наталья Лесниченко (Гум).

Мы обращаем внимание на то, что через 60 лет после прихода к власти коммунистической партии и через 40 лет после опубликования нынешней Конституции граждане СССР не имеют нормальной возможности осуществления своих “прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности”.

Члены Группы:

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Ал. Корчак, Ан. Щаранский, В. Слепак.

12 октября 1976 года».

22 сентября нам предъявляют обвинения по всему ряду сделанных надписей, но только в нанесении ущерба зданиям и транспорту. Приглашенные КГБ эксперты дают заключения о том, что ущерб велик.

Так, надпись «СССР – тюрьма народов!», сделанная краской из баллончика на парапете Дворцовой набережной (и давно смытая ацетоном), оказывается, требует дополнительной пескоструйной очистки. Эта работа стоит 16 копеек за 1 квадратный метр. Тогда эксперты заявляют, что после пескоструя «характер шерба-тости» гранита смягчился, и его надо обстучать бучардой (молотком с шипами), такая работа стоит уже несколько рублей. Но даже помноженная на 3 квадратных метра, сумма на большой ущерб никак не тянет. И эксперты поступают гениально: они заявляют, что для сохранения единства во фактуре гранита всю набережную надо обработать пескоструем и бучардой от одного моста до другого! А это уже 1 200 метров. Так же «добросовестно» ведутся и другие расчеты ущерба.

Не выходит только с Петропавловкой. Когда следователь злорадно называет мне сумму в 13 тысяч рублей и говорит, что это стоимость очистки Государева бастиона после наших художеств, я его огорчаю. Нет, говорю я, так не пойдет! И требую запроса о косметическом ремонте, который должен был начаться там и без нашей надписи. К великому огорчению чекистов, эта информация подтвердилась. Тогда они сочли, что с нас причитается за двукратную очистку хотя бы того участка стены, где они сами жирной белой полосой закрасили наши слова.

Когда надпись была обнаружена, власти растерялись: начиналось утро, люди уже шли и ехали на работу, все больше глаз видит, все больше людей читает огромный текст! Надо срочно хотя бы прикрыть его, но чем? Такой огромной тряпки сразу не найти, да и закрепить ее непросто. Тогда районное начальство, которое тоже вызвали по тревоге, вспомнило, что рядом есть гробовая мастерская. Притащили два десятка крышек от гробов и стали заслонять ими надпись. Но тут, судя по фотографиям, которые они делали, Нева (низкий ей поклон!) вышла из берегов и затопила подходы к надписи... Сил у нее хватило ненадолго, в августе при отсутствии шквального ветра подъем воды – дело редкое. Спустя час вода отступила, и текст был густо закрашен. А через день строительные леса, которые там уже лежали, были установлены, компрессор заработал, и бастионы, один за другим, пошли на плановую очистку от копоти, накопившейся за много лет.

Но общую сумму ущерба нам все же насчитали немалую: с очисткой набережных и домов, покраской ворот, трамваев и автобусов счет составил более 5 тысяч рублей. Что и требовалось, ведь это уже «умышленное уничтожение или повреждение государственного имущества» в крупных размерах – вот, для начала, по этой-то статье нам обвинение и предъявили.

Я стал беспокоиться о женщинах: судя по моему следователю, Олег стал слишком разговорчив. Однажды на прогулке я пытаюсь перебросить ему в соседний прогулочный дворик записку.

Но мне опять не везет, и я отправляюсь на неделю в карцер, который находился рядом в том же тюремном коридоре и представлял из себя такую же, но одиночную камеру со скошенным углом. За ним скрывался старый огромный дымоход, идущий наверное из подвала, от старой кочегарки. По нему гудел уходящий в небо воздух, и стена эта была ледяной.

Перед помещением в этот «санаторий» с меня сняли куртку и теплые носки, которые на бетонном полу были очень кстати. Кружка кипятка и урезанная порция перловки через день, в промежутках только кипятков и хлеб, 300 грамм вместо 500. Вода в кране была всегда, а вот спать надо было на деревянной решетке из широко расставленных реек, без матраса и одеяла, что при моей худобе стало пыткой. Заснуть больше чем на полчаса не получалось, потом ты вскакиваешь и начинаешь бегать, согревшись и устав, садишься, притулившись к стене, снова ходишь, ложишься и снова встаешь.

А пока я мерзну в карцере, в лагере общенародного режима происходит событие, значение которого станет понятно много лет спустя. Борис Ельцин, секретарь Свердловского обкома КПСС, курировавший там вопросы строительства, получает аудиенцию у Генерального секретаря. И становится Первым секретарем в Свердловске. Начинается взлет этого человека. Ему суждено возглавить процессы, о которых он и не помышлял. Амбициозный, волевой, беспощадный к подчиненным, он метит высоко. Но то, что ждет впереди, окажется выше его сил и возможностей. Он натворит немало бед и все же поставит точку в окончательном приговоре тоталитарной системе.

Но о том, что грядет масштабный поворот, еще не знает никто. Наталья, получив мое разрешение, дала показания о том, что присутствовала, когда я делал надписи. А выйдя из «Большого дома», ужаснулась мысли о том, что ее обманули. В те дни она пишет:

Мой бред, любовь, мой брат, – Зову тебя обратно.

Четырежды звонит условленный звонок.

Я двери распахну – там гость и нету брата.

Споткнулись чудеса у двери за порог.

Я чудо стану звать, к столу поставлю кресла,
Найду воды цветам и клавишам – слова
И стану ждать тебя, бредовый брат, но если
Ты все-таки придешь, – останусь ли жива?

Решив, что поверила гэбистской провокации, она написала заявление о том, что отказывается от всех показаний. В ответ чекисты вынесли постановление о привлечении Лесниченко и Вознесенской к ответственности за «пособничество в нанесении ущерба». К концу дела его отменили. В группу по нашему делу добавляют следователя Военного трибунала. Объясняется это тем, что хищения радиоаппаратуры, приемников и передатчиков, которые организовал Олег, были сделаны с военно-морских складов, где он работал.

Наступает зима, мне разрешают получить от родителей зимнюю одежду для прогулок и отдать летнее пальто, в котором я был арестован. Узнав об этом, я вспоминаю, как мама рассказывала нам о родственнике, который был арестован в 30-е годы... От него осталось только пальто, которое вернули его жене из тюрьмы. Через несколько лет она стала выкраивать из него что-то для детей и нашла там записку от мужа.

Он писал, что его зверски бьют, а он не знает, за что.

Припомнив эту историю, я решил, что родители наверняка прощупают полученное пальто. Но это могут сделать и охранники, шуршащую бумагу они найдут. Тогда я решил писать на тряпке, на носовом платке. Я лишь успокаивал родных, и письмо получилось небольшим, поэтому, опасаясь, что большой платок все же нащупают, оставшуюся половину оторвал, оставив на тумбочке. Взяв у контролера иголку с ниткой, чтобы «пришить пуговицу», послание пропихнул между подкладкой и вельветом и закрепил парой стежков. Сделать все это было крайне сложно, поскольку понять мои манипуляции не должен был ни сокамерник, ни стража. Пальто мое забрали, и я вздохнул с облегчением, но, видно, не судьба была.

В камеру вошли контролеры для обыска. Один из них, а именно ему я недавно отдавал пальто, обратил внимание на обрывок носового платка, задумался и опрометью бросился из камеры. Получить мое послание родители не успели, оно было найдено бдительными стражами, и я опять оказался в карцере. Не везло мне в Большом доме, с нелегальной перепиской все наладилось только в лагере.

В ноябре Олег тоже пытался передать мне ксиву, в которой сообщал, что все хищения аппаратуры он берет на себя, но и она была схвачена.

Экспертиза

Однажды, когда меня привели в кабинет следователя, я увидел там двух человек: пожилого, сухого, с острой бородкой и помоложе, побойчей... Тотоев объявил, что мне назначена амбулаторная психиатрическая экспертиза, которую и проведет сейчас уважаемый профессор Случевский и его ассистент. Мне стало интересно, я улыбнулся, что не укрылось от внимательно наблюдавших врачей. Началась беседа, не помню, присутствовал ли при этом следователь, возможно, что вышел. Меня попросили рассказать о себе. Я рассказал. Что-то уточняли, например, о предках, не болел ли кто психическими расстройствами. Затем профессор спросил:

– Вот вы сделали надписи. Зачем?

Я повторил, как и прежде, что меня не устраивает диктатура одной политической партии, что это мешает советскому обществу развиваться, что у нас нет свободы творчества, что в составе империи насильственно удерживаются другие народы, что я за советскую власть, но без коммунистов.

– И, что, по-вашему, сделав эти надписи, вы изменили ситуацию? – подал голос ассистент.

– Нет, конечно, но вода камень точит, кто-то прочтет и задумается.

– И ради этого стоило обречь себя на..? – жестом было показано на окружающие стены.

– Ну а что делать? Другого же способа нет. Ничего, за все надо платить, тем более за удовольствие сказать правду.

Напоследок, меня спросили, считаю ли я себя здоровым. Я засмеялся и ответил:

– Насколько мне известно, психически больные, как правило, считают себя здоровыми, так что вряд ли мой ответ что-то вам даст. Решайте сами.

Поговорив таким образом, мы расстались, я отправился обратно в камеру.

Результат экспертизы меня, конечно, очень интересовал. Передача неудобных диссидентов в психушку практиковалась с хрущевских времен, когда Первый секретарь ЦК КПСС дал своим подручным политическую установку – «не любить социализм могут только сумасшедшие».

Из рассказа одного из их таких «пациентов», Виктора Рафальского:

«После следствия я попал в казанскую психушку. Кололи меня там беспощадно. Быть все время под нейролептиками – вещь страшная. Это состояние описать невозможно. Нет покоя ни днем, ни ночью. Человек перестает быть человеком. Становится просто особью, существом жалким, низведенным до

животного состояния. Какого-либо медицинского подхода к лечению здесь нет, назначение лекарств действует автоматически, месяц за месяцем, год за годом. Никому нет дела, что таким вот образом человека делают инвалидом, ибо никакой человеческий организм не в состоянии выдержать систематических атак нейролептиков...

Метод усмирения: раздевают донага, туго обматывают мокрой простыней, привязывают к кровати и в таком состоянии держат, пока человек не завопит. Ибо высыхая, плотно обернутая простыня причиняет невыносимую боль».

Такой дороги мне совсем не хотелось. Через неделю я выудил из следователя информацию. С печалью в голосе тот буркнул, что я признан здоровым. Потом, при ознакомлении с делом, я прочел заключение, в котором было сказано, здоров, трезво оценивает обстоятельства, обладает чувством юмора.

Я думаю, что соскочить с той гибельной дорожки мне помогли два обстоятельства. К этому времени на Западе уже рос протест против карательной психиатрии, слишком много людей стали ее очевидными жертвами.

Председатель КГБ Андропов докладывал тогда в ЦК КПСС:

«В ряде западных стран нагнетается антисоветская кампания с грубыми измышлениями об использовании в СССР психиатрии якобы в качестве инструмента политической борьбы с “инакомыслящими”. Идеологические центры и спецслужбы противника широко привлекают к этому средства массовой информации, используют трибуны научных форумов, инспирируют антисоветские “демонстрации” и “протесты”. Систематически предоставляют возможность выступать с грязными вымыслами об условиях помещения и содержания больных в советских психиатрических лечебницах “живым свидетелям”, известным своей антисоветской деятельностью на Западе, – Файнбергу, Плющу, Некрасову, Горбаневской и некоторым другим...

Организаторы клеветнических выступлений стремятся подготовить, как видно, общественное мнение к публичному осуждению “злоупотреблений психиатрией в СССР” на предстоящем VI Всемирном конгрессе психиатров (Гонолулу, США) в августе 1977 года, рассчитывая вызвать политически негативный резонанс в канун празднования 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Комитетом госбезопасности через оперативные возможности принимаются меры по срыву враждебных выпадов, инспирируемых на Западе вокруг советской психиатрии».

Кроме того, в эти же годы продолжалась борьба между двумя течениями в советской психиатрии. Московская школа под руководством профессора Снежневского разработала и внедрила теорию «вялотекущей шизофрении».

Ее симптомы: «бред правдоискательства», «философскую интоксикацию» – можно было обнаружить у любого человека. Добросовестные психиатры, более всего в Питере, сопротивлялись, но Снежневский в 1962 году стал академиком АМН СССР, а в 1974 году – Героем соцтруда.

Позже коммунисты пытались оправдаться. Так, в отчете Института судебной психиатрии имени Сербского, подписанном начальником Управления по внедрению новых лекарственных средств, говорилось, что обвиняемые по политическим статьям с 1972-го по 1976 год составили менее 1 процента обследованных в институте – 132 человека. Причем 37 из них были признаны вменяемыми.

Но из этого следовало только то, что за четыре года в психушку удалось замуровать 95 «политических», что 72 процента политзеков сочли в этом институте больными.

В августе 1977 года Шестой Всемирный конгресс Международной психотерапевтической ассоциации назвал безнравственными действия советских психиатров и создал комиссию для расследования злоупотреблений психиатрией, где бы они ни происходили. Позже, во избежание позорного исключения, Советское психиатрическое общество вышло из Международной ассоциации. Питерские же врачи зачастую отменяли заключения москвичей, не признавая их диагнозов. Так поступал, например, заведующий 10-м отделением психбольницы закрытого типа Л. Калинин. По словам В. Буковского, «он совершенно не признавал московской школы психиатров и всех московских шизофреников, попадавших к нему, тут же переделывал в психопатов, алкоголиков или маляриков». Правда, делал он это вовсе не из симпатий к диссидентам и уголовникам, а как раз наоборот, желая вернуть преступников в лоно карающего правосудия, чем иногда доставлял хлопоты гэбэшникам.

Дело Вознесенской

В это же время, 17 ноября, с Ю. В. снимают обвинения в «пособничестве» нанесенному нами ущербу «за отсутствием состава».

Но уже на следующий день против нее заводится дело по 190-й «клеветнической» статье, его ведет прокуратура. Мы с Олегом ничего об этом не знаем. И тут же ее вызывают в ОВИР (орган, дающий разрешение на выезд из СССР), где сообщают, что для нее пришло приглашение на постоянное жительство в Израиль. Бумаги, правда, не показывают. Она, считая, что ее отъезд в этой ситуации был бы предательством по отношению к оставшимся в тюрьме, отказывается.

Вот что было поставлено ей в вину:

«...следствием установлено, что Окулова (фамилия Ю. В. по мужу) в 1976 году систематически занималась изготовлением и распространением в письменной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Так, 20 апреля 1976 года приняла участие в изготовлении и распространении документа под названием “Проект альманаха стихов и графики «Мера времени»”, в котором содержатся заведомо ложные измышления, а также клеветнические утверждения о том, что в СССР якобы отсутствует свобода слова, печати и творчества».

Далее следуют образцы клеветы:

«мы отказываемся от идеологического отбора, ограничивающего свободу творчества в СССР»;

«логикой социальных законов или нелепой случайностью культура оказалась в лагере политической оппозиции»;

«власти, преследующие самые естественные проявления творческой жизни, даже слова “писатель”, “художник”, “поэт” превратили в позорные, оскорбительные клички (достаточно вспомнить поведение милиционеров на выставках), не видят главной силы культурного движения – его полной аполитичности»;

«в культурном процессе в провоцирующей функции выступают власти и политическая оппозиция. Они требуют от художника практически одного и того же: “преступить естества чин”, силою искусства повлиять на политическую ситуацию».

(Ну не хотят авторы заниматься агитацией и пропагандой, любой, и прямо говорят об этом! И просят власть, оставьте нас в покое, дайте заниматься искусством! Но нет: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» А не

хочешь быть советским «гражданином», не хочешь писать по принципу «чего изволите?», не хочешь продаваться, утешаясь крупными правды в тоннах лжи? Значит, ты враг, клеветник и наймит капитализма. Ю. Р.)

Далее:

«...в мае 1976 года изготовила и распространила рукописный документ, так называемые “ответы” на вопросы, сформулированные для анкеты Синявиным И. И., выехавшим на постоянное жительство за границу. В указанном документе возводится клевета на советский строй, культуру, политику советского правительства. Синявин “ответы” поместил в изготовленный им сборник “Петербургские встречи”, который передал на хранение своему знакомому. Допрошенный в ходе следствия Синявин показал, что Окулова по его просьбе написала этот антисоветский пасквиль, который передала ему (в одном экземпляре – Ю. Р.) Факт распространения этого документа подтвердила и обвиняемая».

В протоколе зафиксированы ее ответы на вопросы из той анкеты, которая инкриминировалась ей как клевета, порочащая советский строй:

«Меня воспитывала культура прошлого. Официальная советская культура на этом фоне воспринимается как заплатка на королевском платье, то есть не воспринимается вовсе, ибо таковой (заплаты или культуры – все равно) не может быть и не должно быть».

«...Я была счастлива узнать, что моя поэма “Вторжение”, написанная в 1968-69 годах по поводу чехословацких событий, широко разошлась в списках и по-видимому в те годы прозвучала как искренний протест против чудовищного преступления, совершенного правительством нашей страны».

«Солженицын в условиях крайнего и тотального уничтожения личного начала в человеке сумел вырасти в личность не только героическую, но и в высшей степени глубоко моральную».

«Прочтите и перечтите еще раз “Архипелаг ГУЛАГ” и ответьте на один единственный вопрос: хотите ли вы такой жизни для своих детей и внуков? Если “да”, то живите по-прежнему, отворачивайтесь от чужих страданий и заботьтесь только о собственном благополучии. И ни о чем не беспокойтесь, наши дети и внуки за все заплатят!»

(Следователи почему-то не трогают автора вопросов И. Синявина, который был «распространителем» ее ответа, создав, тоже в единственном экземпляре, сборник «Петербургские встречи» с результатами проведенного им анкетирования. Сборник был найден чекистами, но Синявин не сообщил Ю. В. об этом, как и о том, что был допрошен. Он дал показания также и на Лесниченко, которая, по его словам, ясно сказала ему, что причастна к нашим настенным надписям. Видимо, за все это он и получил возможность уехать с семьей за рубеж... Оказавшись с такой душонкой на свободе, он не нашел признания в Штатах, обозлился, стал писать в Россию разоблачающие «демократию» письма, их с подачи

Нестеровского и Андреева охотно стали публиковать, потом он вернулся и стал антисемитом- патриотом... – Ю. Р.)

Далее:

«9 августа Окуловой был изготовлен документ на 44 листах, озаглавленный “Для прессы”, в котором содержатся клеветнические измышления».

Из протокола изъятия:

«Интервьюируемый допустил следующие измышления:

“Россия – особенная страна. И судьба русского художника адекватна судьбе его отечества. Кроме того, ведь, пока я не пребываю в лагере, меня не мучают в психиатрической больнице. Меня немножко бьют, но это не в счет. Наш ад – наша повседневность.”

“С этими соглашениями (хельсинскими) должны соглашаться не только рядовые граждане, которых они непосредственно касаются, но и правительство. Они же умеют одной рукой подписывать гуманистические обязательства, а другою держать за горло своих подданных”».

Ю. В. действительно незадолго перед арестом Г. Трифонова, когда тот пришел к ней избитый, под его диктовку записала его интервью и биографию, причем дала ему расписаться под текстом. После его ареста она поехала к его матери, перепроверила и, убедившись во вранье по ряду обстоятельств, не стала передавать для публикации, а оставила дома, где текст и был изъят.

Потом на допросе Трифонов Г. Н. сказал, что большая часть этого документа была изготовлена Ю. В., и что предназначался он для передачи представителям американского консульства в Ленинграде. Далее:

«...кроме того, Окулова в своей квартире, на даче своих родителей, а также на чердаке дома № 11 по ул. Чайковского хранила следующие материалы, порочащие советский государственный и общественный строй: “Ленинградское подполье продолжает действовать”, “Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР”, изданную НТС подборку материалов о Сахарове, а также другие сочинения тенденциозного, политически вредного содержания».

Кто же доказал «вред, клевету и ложь»? А доказательства и не требовались! Мнений прокурора, судьи, следователя было достаточно, тем более что они всегда совпадали. Составитель этого обвинения, следователь Григорович, если и не трудится сегодня на ниве правосудия, то пенсию получает по высшему разряду...

Арестовали ее 21 декабря (в день рождения Сталина), и она сразу объявила голодовку. Судили 29 декабря, в день рождения младшего сына Артура. Тогда меня неожиданно вызвали из камеры, посадили в машину и повезли. Когда приехали, догадался, что это Городской суд. Под усиленной охраной быстро ввели в зал. Сто с лишним дней я провел в маленькой камере, мои глаза отвыкли от широких пространств, и я не сразу ориентировался. В зале было много народу. На возвышении, под гербом сидела судья Исакова (на черном счету которой не

один политический процесс) и двое народных заседателей, «кивал», как их тогда называли. Только потом, присмотревшись, я увидел за барьером для подсудимых склоненную фигурку Ю. В. Как потом выяснилось, она настояла на том, чтобы меня вызвали в качестве свидетеля, но не потому, что я мог что-то изменить (и альманах и анкета делались еще до знакомства со мной), а для того, чтобы увидеться. Судья задала мне вопросы, на которые я не смог ответить, потом меня спросили, записывала ли Ю. В. интервью Трифонова. Я, поколебавшись, сказал, что «записывала с его слов», и меня увели. Еще на суд вызывали Трифонова, там он отказался от ранее данных показаний о том, что Ю. В. самостоятельно обработала его ответы. Заявил, что показал это под диктовку следователя, но в приговоре было сказано: «Суд имеет основания доверять показаниям Трифонова на следствии и не доверять его показаниям на суде».

Заслуженный юрист РСФСР судья Исакова тоже теперь на почетной пенсии.

Ю. В. голодала во время суда и продолжала после, в общей сложности 7 недель. Последние недели она так ослабела, что ее насильно поддерживали искусственным питанием и уколами.

Голодовка не помогла, в свободном мире ни один голос политика не прозвучал в защиту погибавшей женщины. Верховный суд РСФСР утвердил приговор: пять лет ссылки в Воркуту, где климат жестче, чем в центре холода Оймяконе, а полярная зима продолжается 8 месяцев. Впереди был этап, и она прекратила голодать. Сегодня на мой вопрос она написала: *«Помню, что через несколько дней был Новый год, пожилой надзиратель мне подарил еловую веточку и апельсин, а мальчишки-баландеры (зеки из хозобслуги) просунули под дверь камеры целую кучу сплюснутых сигарет, бумаги и стержень от авторучки...»*.

Обвинение было нелепым, бездоказательным, по сути ничтожным, а приговор – явной, демонстративной расправой. Как это было всегда на политических процессах, определения типа «клевета», «порочащий», «вредный» ставились как штемпель, доказывать их никто в суде не считал нужным, равно как и заведомость «клеветы». В нормальном судебном процессе и сегодня доказать осознанную, заведомую клевету почти невозможно: защита или подсудимый всегда скажут, я не знал, я был уверен, что говорю правду, и «клевета» рассыпается, если не найдется свидетельство, неопровержимо доказывающее знание подсудимым ложности распространенных им сведений. Но что было советскому суду до основ права и необходимости доказывать умысел? Мало того, по этой статье Уголовный кодекс вообще не предусматривал ссылки, тем более на 5 лет! Когда следователь сурово, со значением поглядев, сообщил мне о приговоре, я был возмущен. А в ответ услышал:

– Мы еще гуманны. Да, 5 лет, но это лучше, чем 3 года лагерей... Посмотрим, что суд решит в отношении остальных!

– Каких остальных?

– Узнаете.

Капкан

Вскоре я, действительно, узнал. В следующий раз меня провели мимо привычного кабинета в другой. Там сидел следователь, который отрекомендовался как представитель КГБ в Ленинградском военном округе, капитан Медведев. Он задал мне несколько вопросов об Олеге, о том, как мы похищали военную аппаратуру. Я отказался отвечать, сославшись на незнание. Тогда он сел писать протокол, а мне на столик положил большую кипу бумаг и сказал: «Можете пока ознакомиться».

В стопе были перечни изъятых на обысках предметов и документов, протоколы обысков, в том числе и по обвинению уже осужденной Ю. В. Так я узнал, что есть механизм выделения дел для передачи их в прокуратуру или оперативные службы КГБ. Я понял, что дальше, как это только что произошло с Вознесенской, причастных к этим документам людей, скорее всего ждет та же расправа.

В стопе я нашел описи изъятого и протоколы обысков у Владимира Борисова, его матери, Геннадия Гума, Ильи Левина, Александра Абрамова, Нины Буковской, семьи Андреевых, еще каких-то питерских и московских людей, всего около 18 человек. Это было серьезно, ведь в руках инквизиторов книги, письма и документы легко превращались в инструмент обвинения.

Современному человеку трудно представить себе те железные шоры, в которых шла жизнь тех лет. Никаких списков запрещенной литературы официально не публиковалось. О том, что нельзя было читать, можно судить по протоколам изъятий на обысках: это и платоновский «Чевенгур», и труды Струве и Франка, даже «Сын человеческий» А. Меня. Это католические журналы и Евангелие, если оно было издано за рубежом, не говоря уже о «Башне стражи», подпольном журнале иеговистов. Вредны для советского человека и сборник «Вехи», и «Москва-Петушки» Ерофеева, и даже «Техника современного секса» Р. Стрита.

Разумеется, все это ходило по рукам не только в редких дореволюционных или западных изданиях, но и на пленках, кальках, синьках, отпечатанное на ручных пишущих машинках. Если тексты попадали в облаву, то мгновенно изымались, а потом без экспертиз, на уровне «правосознания» ищеек, признавались порочащими «советский общественный и государственный строй», аморальными или клеветническими и уничтожались по акту, если, конечно, по чьей-то прихоти, злобе или с дальним прицелом не становились уликой для обвинения...

Когда человек упирался, не желая раскрывать источники, то страпался протокол, что сей подрывной документ или книгу он давал кому-то на прочтение и, значит, распространял. И даже если найденный в открытом ящике письменного

стола личный дневник лежал там раскрытым, то и тогда это считалось преступлением, потому что находились показания вашего гостя или сантехника, которые случайно заглянули и прочли клеветнические материалы. А это уже срок – до трех лет уголовных лагерей.

Если же это был «Архипелаг ГУЛАГ» или работы А. Сахарова, не дай бог, «Хроника текущих событий» или собственная статья с анализом экономической или политической ситуации, заявление «на Запад», – владельцу такой крамолы тюрьма была обеспечена.

Чекисты играли со своими жертвами как хотели. Найдут книжку или статью и говорят человеку: «Мы можем признать вас подрывным элементом, ведь это издание политически вредное, а можем считать это просто клеветой. Но в первом варианте вам грозит до 8 лет, а во втором, все зависит от вас и от того, захотите ли вы нам помогать? А можем и вообще все забыть, подумаешь, с кем не бывает, вы же просто ошиблись, вы же советский человек. Так у кого вы это взяли?»

Я прочитал, что у И. Левина было найдено 79 документов, переданных в оперативные службы КГБ, у Г. Гума изъято «Воззвание к молодежи России!» и еще 73 листа идеологически вредных бумаг, переданных в прокуратуру, у А. Абрамова больше 30, у И. Каплун 69 книг и папок, несколько сотен текстов и бумаг. Еще я узнал про изъятие типографской техники у В. Борисова, бюллетеней и хроник в Москве, после чего отправился в камеру, недоумевая, что за странный следователь и зачем мне все это показали.

На следующий день меня опять повели, но уже в какой-то другой кабинет. Там находился майор Савельев и начальник следственного отдела УКГБ полковник Третьяков.

– Юлий Андреевич! – услышал я. – Вам пора определиться. Хватит нас агитировать за советскую власть без коммунистов. Как бы вы ни старались, не будет вам второго Кронштадта, не дождетесь!.. Но вы не думайте, что мы вам дадим и дальше этой демагогией заниматься. Вам показали материалы, найденные на обысках, и вы думаете, что мы не докажем ваших связей? Не предъявим вам всем антисоветского сговора?

– Вряд ли вы станете это делать, не думаю, что вам выгоден большой процесс.

Начальников передернуло. Чуть не скрипя зубами, кто-то из них сказал:

– Может, мы и не станем давать повод для ваших западных хозяев. Но тогда будет много «маленьких» процессов. И вы будете в этом виноваты.

– Это как?

– А так. У вас есть выбор. Если вы и дальше будете заниматься демагогией, если будете толковать о политике на суде, знайте, никому из ваших, никому из тех, кого мы нашли, пощады не будет!

– Это что – шантаж?

– Нет! – заулыбался Савельев. – Это просто предупреждение. А у вас есть выбор. Мы вам его оставляем – решайте судьбу ваших приятелей.

Меня увели. В смятении я вернулся в камеру. Здесь меня достал сокамерник Максимов. Увидев мое состояние, стал расспрашивать, что случилось. Я рассказал. У меня уже были сомнения в его адрес, но, как пишет В. Буковский:

«...наседки существуют с тех пор, как существуют тюрьмы. Сотни раз они описаны в литературе, и теоретически все о них знают. Но одно дело знать теоретически, другое – поверить, что вот этот парень, с которым ты делишь хлеб, шутишь и болтаешь, только притворяется другом. Да и трудно это, месяцами жить бок о бок с человеком и знать, что он враг, скрывать от него свои настроения, свои мысли. Ведь вас только двое, и общаться больше не с кем».

Я понимал, что следствие нащупало мое «слабое» место: один раз я уже спас своих друзей ценой признания, теперь они, исчерпав другие возможности (с психушкой не получилось, угрозы большого срока я не испугался), решили пойти по проторенной дорожке...

Мой сосед, неплохо играя, переживал вместе со мной «гнилые заходы этих сволочей», а я вызвонил коридорного контролера и попросил бумаги. Заявление прокурору о том, что меня шантажируют, угрожая расправой над другими людьми, что от меня требуют отказа от политического характера моих действий, я написал быстро. А ниже приписал, что объявляю голодовку до встречи с прокурором.

Отдав заявление, отказавшись от вечерней кормежки и сообщив об этом дежурному, я стал ждать развития событий. Прошли сутки, вторые. Как и сейчас, тюремные власти на объявленную голодовку реагировали дня через три. Только тогда человека отправляют в карцер, и врач начинает за ним наблюдать. А первое время начальство ждет, может, одумается зек, что случается очень часто.

Пока я привыкал к голоду и ждал, мой сосед от еды не отказывался, но ел, извиняясь и отходя к окну. От него я слышал рассуждения разного толка: то он ругал чекистов, то говорил о могуществе КГБ, то сокрушался обо мне. Он рассуждал о том, какие варианты сроков меня ждут, где сидеть лучше, в политических или уголовных лагерях. Это не было агитацией, он вел себя аккуратно, но постепенно моя мысль привыкала к оценке вариантов. А это немало, по сути, это признание их возможности. На третий день, 10 января, меня вызвали на допрос к Тотоеву. Он, с плохо скрываемым удовольствием, предложил мне несколько листов грубой бумаги синего цвета с рукописным текстом. Я узнал почерк Олега. На имя Начальника УКГБ СМ СССР по ЛО генерал-лейтенанта Носырева он писал:

«Учиняя надписи псевдополитического содержания на улицах города, я не рассматривал, да и под воздействием сложившихся неправильных взглядов не хотел рассматривать свои действия как нарушение общественного порядка.

Но после многочисленных размышлений над характером своих действий я не могу не заявить, что именно таковыми они и являются.

Возмнив себя политическим деятелем, полагая, что совершаю некие поли-

тические акции, я на самом деле совершил ряд деяний, которые могу охарактеризовать сейчас только как хулиганские.

Я считал необходимым иметь у себя все материалы, передаваемые зарубежными радиостанциями, для этой цели я совершил ряд хищений различной техники для приема, записи и печатания.

Эти действия я оправдывал морально тем, что эти хищения совершены не в корыстных целях, что они необходимы для моей “политической деятельности”, что эти преступления не идут в противоречие с вопросами чести. Находясь под властью “политических” заблуждений, которые на самом деле и политическими-то нельзя называть, я считал эти хищения “экспроприациями”... Я целиком осознаю сейчас все свои заблуждения и полностью раскаиваюсь в содеянном».

– Вот так, Юлий Андреевич! – услышал я голос следователя. – Волков разоружился, как видите, полностью. Теперь ваше с ним дело мы можем закруглять, вы уже не станете толковать о чистоте помыслов и политике. Никто вам не поверит...

Видя, что я растерян и подавлен, добавил:

– Но предложение моего руководства еще остается в силе, судьба ваших друзей в ваших руках.

Я не помню, как вернулся, что делал в камере. Наутро я принял протянутую мне миску с овсянкой, кусок хлеба и кружку с кипятком. Ел и думал. Сосед, которому я, оказываясь, опять все рассказал, стал убеждать меня в том, что Олег прав, что, наверное, у него были причины, а если и нет, то теперь уже нет смысла упираться.

«Да, – думал я. – Олег почему-то сдался, обратно его слов не возьмешь. А мне-то что делать? Стоять на своем и никаких гвоздей? Или схитрить? Заявить, что все блажь обиженного художника. Они отстанут от тех, кто остался на воле, а потом на суде все и обнародовать? Как же быть?»

Прошло несколько дней. Меня снова вызвали и показали протокол, в котором Олег, теперь уже официально, подтвердил заявление о своей политической несостоятельности и признал себя хулиганом.

Пока я читал, в кабинет вошел невзрачный человек. Тотоев вытянулся по стойке смирно:

– Товарищ генерал-майор, ведется допрос подследственного Рыбакова, разрешите продолжать?

Носырев (я понял, что это он) молча обошел т-образный стол, сел спиной к свету и, прищурившись, оглядел меня.

– Что скажете, гражданин Рыбаков?

Я молчал.

– Вы нам не верите?

– Не верю.

– Из-за Юлии Николаевны?

– Да.

– Но мы и не обещали, что впредь, что бы она ни делала, ее никто не тронет. Вот ваша Лесниченко сидит тихо, мы же ее не трогаем! А Вознесенская. Она как будто взбесилась, и дело против нее возбудили уже не мы, а прокуратура.

(Врал начальник: представление на возбуждение «дела» пошло от них, и обвиняли они ее за старые «грехи». Ю. Р.)

– Мы и теперь не обещаем, что ваши сотоварищи будут неприкосновенны всегда. За то, что найдено сейчас, да, мы их можем и не карать, – и с нажимом добавил, – если вы позволите.

– Но если они потом еще, – он пожал плечами, – чем-то займутся, извините. Впрочем, если Левина и Гума мы отпустим на «родину предков», – он хохотнул, – то там пусть клеветают. Это уже не мое дело. А ваш шеф, Борисов, между прочим, опять в психиатрической больнице, третий раз, дурачок, залетает, так и «овощем» можно стать... Смотрите, мы можем его и выпустить, он нам уже давно надоел...

– Он мне не шеф.

– Да ладно вам, смотрите сами. Нам, чтобы провести вас по хулиганке, достаточно Волкова.

– Ну и зачем вам я?

– А все очень просто. Вы только не подумайте, я не гуманист и облегчать участь этих, – он замялся, с трудом заменяя оскорбительное слово, – господ, не стал бы. Но мое руководство, – он показал рукой вверх, – не хочет шума.

И, повернувшись к следователю, сказал:

– Мурат Сергеевич, верните его в изолятор, пусть все взвесит.

А потом на ходу, приближаясь к двери, сказал уже мне:

– Следствие мы продлевать дальше не можем. Так что не тяните, мы ограничены сроками.

Утром нас вывели на прогулку, проходила она рано, где-то между 7 и 9 часами. Местом прогулок было сооружение в середине большого тюремного двора – это туда, а вовсе не на улицу выходили окна наших камер. Бетонное кольцо можно сравнить с ромашкой. Ее «лепестки»-секции отделены друг от друга высокими, отделанными под «шубу» стенами. В центре, на вышке, охранник, которому видны все сектора. Топая по свежему снежку, приседая и разминаясь, я стал рассуждать: «Если я пойду у них на поводу, если я напишу то же, что и Олег, какая у меня гарантия, что они не тронут других? Нет, такой гарантии нет. А станут? Могут. Хотя и не обязательно. Больших “грехов” за этими людьми нет. Но я не все знаю. А вот у Борисова дела действительно плохи. Я его хоть и видел один раз, но он-то, пожалуй, борец, и его будут добивать в психушке. И что там за бумаги у Каплун? Они, кажется, заняты делами посерьезнее наших. Носырев сказал: “Он нам уже надоел!” Отпустят на волю, чтобы снова?.. Невероятно. Выставят за границу? Ну, на это они не способны».

Я еще не знал, что власть, при всей ее косности и тугодумности, уже проявляла гибкость: только что в обмен на Луиса Корвалана был отпущен в США Владимир Буковский.

Если я отказываюсь, если я не отменяю своих предыдущих показаний, если я на суде объясняю свои политические взгляды, что тогда? Тогда у суда есть право выбора: чему или, точнее, кому верить, мне или Олегу? Его первым или последним показаниям? Понятно, что они выберут. А если я обману их сейчас, для разоблачения шантажа на суде? Но ведь на слово они мне не поверят. Захотят письменных признаний, ими и будут в суде размахивать. Что это изменит? Так, а что, собственно говоря, мне важно? Мое имя, мое достоинство – конечно. А что еще? Ну, отсижу я свои 5-7 лет за «подрывную» деятельность и, даст бог, выйду и еще буду рассказывать, как меня ломали, а я не сгибался. И пошли они все!

Но ведь 70-й, подрывной, статьи не будет, не сидеть тебе уже в нормальной политзоне, суд «не поверит» в идейность, скажет: их истинное лицо проявилось в показаниях подсудимого Волкова. А если Олег воспрянет и откажется? Отправят на следствие? Пожалуй, будет, как укажут. По уже известным политическим процессам я знал, что логикой и доказательствами советский суд себя не утруждает: что велит суду, то и сделают. Что там мне вчера говорили?

Ну, отправят на следствие. Мы упрямся, хотя с Олегом уверенности уже нет. Допустим, получим мы свою политическую зону. Допустим, радио “Свобода” оповестит, что в СССР посадили еще двух политических. А как же с людьми? Вот выйду я когда-нибудь и узнаю: этого убили уголовники, тот свихнулся в психушке... Как тогда? Чистые одежды? Да, но ты получил их в обмен на беды других.

– Э, зачем сразу так, во-первых, ничего не известно, может, блефуют гады, может, обойдется? И потом, не ты же сажаешь? Это их вина, их грех!

– А если все плохо? Как сказал полковник Третьяков, пощады не будет? Значит, потом всю жизнь мучиться, что мог кого-то уберечь, но даже не попытался? Не рискнул, репутацию свою берег пуще всех и вся?

– Так ведь обманут.

– Ну и пусть, но совесть-то будет чиста!

– А как друзья? Ведь отвернутся!

– Ничего, когда-нибудь объясню. Должны понять!

Примерно так, повторяясь и возвращаясь, я до вечера рассуждал сам с собой и в прогулочном дворике, и в камере. И пришел к ощущению того, что не только могу, но и обязан, понимая весь риск и последствия, попытаться отвести удар.

Забегая вперед, скажу, поняли меня потом далеко не сразу и не все. Ю. В. к весне, добравшись этапом до Воркуты, считая, что нам нужно помочь устоять, бежит из ссылки, чтобы прийти на наш суд.

Ей это не удастся, чекисты отслеживают ее, вламываются в квартиру, где ее прячет Наталья, и заменяют ссылку 3 годами лагерей.

Оттуда она через друзей прислала мне в лагерь то, что написала еще в сентябре, выйдя из «Большого дома»:

ПЕРЕКЛИЧКА

I

Любимый, здравствуй! Я к тебе вернулась.
Смотри, какая от тебя дорога
Какой к тебе дорогой обернулась.
Кто скажет мне, что нет над нами Бога?
Так вера возвращается к надежде,
А вера возвращается к любви,
А ласточка – к земле своей.
В твоих ладоней колыбель мою, как прежде,
Сложивши крылья, падаю – Лови!

Ответ

Ах, бедная подстреленная птица!
За ниточку кровавую к земле
Притянута, подранок, озорница:
«Вернулась...» Вижу. Об одном крыле.
А все шумит и перьями грозит.
Я выпускал на волю, в облака.
Вернулась ты. В крови моя рука.

II

Мой добрый друг, не сетуй! Я жива
И не в сетях. Влюбленными руками,
Как сквозь туман, тянусь к тебе сквозь камень.
Мне нравятся решетки кружева,
Мой новый дом – какое это чудо!
Ведь я еще с тобою рядом буду
И день, и два, И я от счастья плачу.
Я собственной судьбой увлечена:
Какая журавлиная удача!
И день рождения... И поверь, мой милый,
Нет королевы более счастливой
И более удачливой, чем я.

Ответ

Все королевствуешь! А осень холодна.

Твой день рожденья. Экая досада!
Ну что ты напророчила, Кассандра!
«Я день рожденья проведу в дороге».
Окончена дорога. Боги, боги!
Беду звала ты. Вот она, беда.

III

Ты провожал с улыбкой на устах.
Глаза твои чуть-чуть от слез намокли
И зазеркалились, и я в них отразилась,
Как будто в перевернутом бинокле –
Такою маленькой, далекой, как приснилась
Или почудилась. Но с нами Божья милость,
К чему теперь твой запоздалый страх?

Ответ

Я за тебя семь страхов пережил,
Семь ужасов, судьбу опережая.
Ты так легко лгала мне, уезжая!
Кровь стыла в жилах и рвалась из жил.
И снилось мне твое лицо в вагоне,
Летящем в никуда, и крик агонии,
И ты, лежащая в чужих лесах
С гвоздикой алой в мертвых волосах.

IV

Мы столько раз с тобою расставались,
Что расставанье стало невозможным,
Вернее, возвращенье – неизбежным.
И мы уже с улыбкой начинали
Привычный разговор о том, что надо,
И поскорее надо нам расстаться.
Мы так легко разлуку призывали,
Не зная, что разлуки разнолики:
Зовешь свою, а прилетит чужая,
И вместо эгегических туманов
Тебя укроют ненависти стены –
Так и случилось...

Ответ

О, не ворожи!

Я ворожбе твоей безумно верю
С тех пор, как, стоя за закрытой дверью,
Ты медленно считала этажи,
Которые я пробежал в тревоге.
Четвертый – ты стояла на пороге.
Или тобой был высчитан приход?
Или не знал я, кто меня ведет.
Но голос колдовской своей души,
Пожалуйста, на время притуши –
Боюсь, накличешь новый рой забот.

V

Пришла с допроса. В камере – зима,
А за окошком – явственное лето.
И как им, право, удастся это?
Кто строит эти странные дома?
Бесстыдство их туманных предложений
(по здешнему «гуманных») угнетает.
Вопросы вялы. Быстро тают дни.
И с каждым днем мой страх пред ними тает.

Ответ

Я ночью слушал песенку твою,
Примерно где-то в середине ночи.
Весь день сегодня я ее ловлю.
Твержу себе, что камень глух и прочен,
Но эхом слышится все то же... между прочим.
Не та, твоя, а та, что я люблю.
Ты с нею как-то спрыгнула ко мне
С игрушечной стены полуметровой...
Твержу весь день и нежно, и сурово:
«Нет, птицы не поют среди камней!»

VI

Так неожиданна свобода, что нет силы
От каменного логова уйти.
Шпалерная пуста. Стою. И вдруг
Безумная надежда подкосила:
«Да, вышли все! Бежать, звонить, найти!»
Ищу монету. Денежка в горсти
Забилась, выпала, упала решкой.

Стой! «Его нет дома...» Некуда идти.
И плачу я на улице пустой.

Ответ

Иди домой! Я сделал все, что мог.
Иди домой, не плачь! На птичьи плечи
Крестов не возлагает даже Бог.
Когда-нибудь приду на твой порог,
И прозвенит условный наш звонок,
Ты с птичьим криком вылетишь навстречу.
Иди домой! Я сам за все отвечу.

VII

Вот, значит, как! Безумье в волосах
Запуталось летучей мышью, гложет
Мой бедный мозг. Душа принять не может
Цены моей свободы. Как же так?
Уж лучше б мне лежать в чужих лесах
С гвоздикой алой в мертвых волосах.

Ответ

Мой глупый друг, о чем ты говоришь?
«Цена свободы» – в чем цена свободы?
Есть Вена, Рим, Неаполь и Париж,
И самолеты есть, и пароходы.
Пусть сгину я за белыми полями,
Повисну на палаческом крюке,
Но ты коснись усталыми крылами
Цветка свободы в поднятой руке!

VIII

Какая нам разлука предстоит!
Какая позади меня разлука!
Все перемелется. Останется лишь мука,
И тем мучительней, что даже нет обид.
Но я живу уверенностью в том,
Что улечу на самой высшей ноте...
А что со мной случится в том полете,
Узнаешь ты когда-нибудь потом.

Ответ

Я высвободил птицу из сетей,
Но я не знаю, где твоя свобода.
Сумеешь жить потише, без затей –
Останься здесь. Храни своих детей,
Храни свой дом до моего прихода,
Иди спокойно за своей судьбой!
Прости меня, но я своей – доволен!
Еще прости, что болен не тобой,
Вернее, что любил тебя без боли!

IX

По тем же коридорам, Боже мой!
И снег уже. И свидеться б. Но где там!
Два месяца по тем же кабинетам,
Все четверо, но – врозь. Пропали летом
И бродим между летом и зимой.

Ответ

Аукнешься – откликнется конвой:
Хитро построен замок людоеда,
И в коридорах ночью волчий вой –
Музыка остывающего бреда.
И лишь порою ласточка победы
Откуда-то черкнет над головой.

То, что мы признали уголовное обвинение, Ю. В., естественно, не поняла. В опубликованном позже дневнике она писала:

«Свирепый демон государственности царит в этом мире и даже делает чудеса. Как они умеют “раскручивать” людей, решившихся на разговор с ними! Юл и Олег хотели заслонить, спасти других, и вот...

Линия их поведения до сих пор мне не ясна, я не понимаю, в чем тут дело...

И все-таки я против даже самых выгодных сделок с ГБ! Мне будет трудно забыть эту их слабость. Но жизнь продолжается».

С ней-то мы потом списались, объяснились, хотя еще долго она считала, что «идея», принцип неприятия всего, что исходило тогда от власти, должны были быть превыше всего... Однажды, в Германии, 20 лет спустя я даже услышал: «Я не просила тебя меня спасти».

После лагеря мы не раз объясняли людям, что и как произошло тогда. Это приходилось делать, потому что, как только я снова включился в сопротивление, советская власть припомнила мне мое «уголовное» прошлое и поливала грязью, пытаясь «развести» меня с демократическим движением.

И еще были люди, которые пропускали мимо ушей то, что такой выбор не только не помог, но значительно усугубил нашу жизнь в неволе. Как-то мне передали слова старого политзека, учредителя питерского «Мемориала» В. Иофе, который за моей спиной сказал:

– Он променял первородство на чечевичную похлебку.

«Первородство» – это, видимо, «реноме диссидента», сохраненное любой ценой. Увы, понятие о том, что «суббота для человека», а не наоборот, может быть чуждо и правозащитнику.

Интересно, что у людей, не воевавших с советской властью, понимание моей логики встречалось чаще.

Я никогда не жалел о своем выборе и дорого за него заплатил. Зато моя совесть спокойна, ведь кроме себя я не пожертвовал никем.

Абрамов, Гум и Левин уехали на Запад. Борисова выпустили. А вскоре насильно посадили в самолет и отправили во Францию. Там он сотрудничал с другими высланными диссидентами и местными профсоюзами. Вместе с А. Амальриком, написавшим провидческую книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», он ехал в машине, которую тот вел, чтобы попасть на международное совещание в Мадриде. Задевший их машину встречный грузовик оставил в горле Андрея не совместимый с жизнью штырь. Борисов, который спал на заднем сиденье, остался жив.

А его жена Ирина Каплун продолжала борьбу в России и погибла. Уже после высылки мужа, накануне Олимпийских игр, она с очередной пачкой диссидентских документов в сумке встретила свою смерть на эстонской дороге. Встречный грузовик врезался в машину, которую вел ее брат. Документы исчезли.

Студенты, которые помогали мне с самиздатом, и о которых никто так и не узнал, закончили учебу. Они и их дети живут теперь в новом мире.

Суд

Все, что было дальше вплоть до приговора, не стоит подробного описания. Я написал заявление о том, что мной двигали не политические убеждения, а обида непризнанного художника. Из нашего обвинения удалили 70-ю антисоветскую статью, изъяли упоминание о запрещенной литературе, которую мы печатали, удалили информацию о том, для чего мы похищали аппаратуру и что на ней делали. Мы стали расхитителями госимущества и хулиганами, нанесшими государству «материальный ущерб». Я же за то, что когда-то, после похищения Олегом пишущей машинки, выкинул стекло с отпечатками его пальцев, получил дополнительную статью обвинения – «укрывательство». Но для меня наступила пора горечи и безразличия. Я проводил дни, лежа в камере, отвернувшись к стене, на ум навязчиво шли строки Пастернака: «Я пропал, как зверь в загоне... мне наружу ходу нет...»

В первый день суда, он проходил на Васильевском острове, когда меня ввели в зал, я увидел открытое окно – там качались ветки деревьев, блеснула Нева. И вдруг шальная мысль, а если перепрыгнуть барьер, оттолкнуть солдата и головой в окно? Нет, прежде надо крикнуть, что суд – вранье и шантаж, иначе не поймут! А когда разобьюсь, поверят. Но какой этаж? Если выживу, очнусь калеккой на тюремной койке. А Волков? Мы одновременно посмотрели друг на друга, но тут же над нами навис конвоир:

– Не разговаривать!

А за его спиной секретарь суда уже закрывает окно. Оглянувшись, я впервые посмотрел в зал. На первой скамье сидели родители и молодая женщина, я взгляделся и узнал жену. Она смотрела испуганно. Бедная Лариса, она, наверное, долго плакала и теперь, под гримом, была совсем на себя не похожа. Я увидел отца, увидел глаза матери, мне стало стыдно. Нет, граждане-чекисты, не дождетесь! Ломайте свою комедию, я подожду.

Стало легче. Слушая, как судья Савельева зачитывает обвинение, я уже улыбался. Иосифа Бродского, кажется, судила мерзавка с такой же фамилией. Было забавно слушать: «Тогда-то и там-то учинили надписи антиобщественного характера размером...» Чтобы никто не узнал, что это не ругань и не мат, чтобы никто не услышал, в судебном заседании было запрещено произносить тексты сделанных нами лозунгов: «КПСС – враг народа!», «СССР – тюрьма народов!», «Свободу политзаключенным!» и так далее. И когда вызванная в суд вагоновожатая стала рассказывать, как она выехала, как, проехав полпути, была остановлена милицией, как, обойдя свой трамвай, увидела на

его борту «Свобо...», судья замахала на нее руками и закричала: «Не сметь, нельзя, молчи!...»

А конвой так и не давал нам с Олегом разговаривать. Но на второй день, когда я вернулся в камеру и открыл тетрадь, которую брал с собой для записей, то нашел там записку от Олега. Он писал, что его заставили признать “хулиганство” под угрозой расправы над оставшимися на свободе. Все стало понятно. На следующий день, когда мы снова встретились в зале суда, я пожал ему руку.

Теперь надо было выжить, чтобы делом на свободе компенсировать годы, которые я потеряю. Я понимал, что окажусь в условиях, где политическое противостояние не будет услышано и понято, где предстоит борьба с деградацией за сохранение личности, разума и памяти – они еще понадобятся.

Сроки мы получили такие же, как если бы нас судили за антисоветчину. Суд закончился в апреле. Меня приговорили к 6 годам заключения в колонии усиленного режима; Волков получил 7 лет, поскольку это был его второй срок. И отбывать эти сроки нам пришлось не среди интеллигентов-антисоветчиков. Помимо заключения на нас повесили еще и возмещение исков за «нанесенный ущерб», по тем временам это были немалые деньги.

Олега отправили в республику Коми, поселок Ветью Княжпогостского района. А мне по какому-то странному сближению предстояла дорога на станцию Княжая.

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Вагончик тронется – перрон останется...

Вскоре после горестного свидания с родными (полчаса разговора через широкий стол в присутствии начальства) я написал кассационную жалобу на завышенный срок наказания. Действительно, в любой цивилизованной стране мы получили бы от силы шесть, но не лет, а месяцев тюрьмы, а скорее всего штраф. В Союзе же, где власть боялась любого протеста, годы неволи были неизбежны. Поэтому жалоба моя была написана лишь для утешения семьи. Через месяц пришел отказ. Приговор вступил в силу, и мне выдали опись вещей, которые родные передали для отправки. Пришла пора собираться в дорогу, на этап. В просьбах отца и матери облегчить им поездки на свидания, оставив меня в Ленинградской области, было отказано. Нас решили упрятать подальше, меня – за Полярный круг. Мать сшила мне из черной ткани два вещмешка, «сидора», как их называли в лагерях. За окном камеры была весна, а в описи вещей я увидел бушлат, ватные штаны, валенки, теплое белье и понял, что еду в холодные края.

Напоследок мой сосед по камере, который все рисовал графики встреч со своими бывшими поделщиками, вернувшись как-то после вызова, вдруг стал пенять мне на то, что его следовательно стал известен какой-то из его рассказов. Он действительно постоянно болтал о своей жизни, о гульбе и проститутках из «Европейской», о приятелях-цеховиках. И в том числе о ком-то, возившем из Эстонии ворованный с фабрики ликер в двойном баке своей «Волги». По словам сокамерника, следователь повторил рассказ и теперь зек «катил на меня бочку». Подозрение было нелепым, меня уже давно никуда не вызывали, да и зачем мне было пересказывать кому-то эту ерунду? К тому же каждое слово было слышно охранникам. Я попытался втолковать ему это, но сосед был агрессивен. Пришлось послать его подальше, для себя же я решил, что у бедного мужика от долгого сидения поехала крыша. Вскоре его перевели к кому-то другому. Чтобы закончить с этим персонажем, скажу, что он объявился после моего освобождения, когда в Питере мы учредили отделение Международного общества прав человека. Он предлагал деньги, помощь и чуть не подставил меня под статью о шпионаже, предложив поехать в Сосновый бор и взять у кого-то из его знакомых документы об аварийном состоянии Ленинградской атомной станции. Наконец-то, сообразив, с кем имею дело, я выставил его окончательно...

Вечером открылась кормушка и я услышал:

– Рыбаков, с вещами на выход!

Прапорщик завел меня в каптерку, где я расписался за получение четырех круглых буханок черного хлеба, тройки соленых сельдей, кулечка с чайной заваркой и двухсот граммов сахарного песка. По количеству хлеба стало ясно, что дорога дальняя.

Чуть погода в помещение вошли солдаты конвойных войск, с интересом оглянулись, видимо, не часто им приходилось заглядывать в изолятор КГБ, спросили у меня фамилию, статью приговора и срок. Удивившись заурядности моей «вины» в этих стенах, они рывкнули что-то о том, что при побеге стреляют без предупреждения. Последовала команда – вперед! Взяв на плечи свои неподъемные «сидора», я спустился во двор, там уже стоял автозак. Один из конвойных поднялся в него, другой скомандовал мне:

– Проходим!

Большой фургон оказался разделен на две части: первая от входа – узкая, со скамьей поперек кузова, напротив нее – узкая, решетчатая дверь в основное помещение для арестантов. Там же, справа и слева два железных бокса, «стакана». Каждый рассчитан на одного человека. В него-то меня и запихнули, один мешок я сунул себе в ноги, другой положил на сиденье, и сел на него в полусогнутом положении. Глухая дверь захлопнулась, лязгнула первая, раздвижная. Я услышал, как в конвойном тамбуре расселась охрана. Они курили и разговаривали. Машина двинулась. Это была не первая поездка, в таких же машинах нас с Олегом возили на суд, но этот выезд сулил мне перемены не меньшие, чем те, которые ждали меня 13 сентября, когда оперативники везли меня в «Большой дом».

По сути, начиналось обучение жизни, настоящее с ней знакомство. Та, что осталась за спиной, шла в ограниченном круге интеллигентных, творческих, своих людей. Теперь предстояло общаться и жить со всеми, кого занесло за решетку.

Я думал, что мы едем на вокзал, но вокруг была полная, железная темнота. Считать повороты и прикидывать где мы, надоело, вскоре машина остановилась. Потом снова чуть проехала. Какие-то команды. Снова езда, разворот и быстрая остановка. Снаружи лай собак, крики и шум. Я слышу, как конвой что-то спрашивает, в ответ звучат разные голоса, звучат фамилии, номера.

Мимо моего бокса грохочут чьи-то сапоги, проходит один, другой, третий. Я понимаю, что автозак наполняется людьми. Становится ясно, что машина заехала за другими этапниками – куда? Скорее всего, в Кресты, в знаменитую тюрьму. Мы снова едем. Под конец дороги машину потряхивает, ясно, что это уже не асфальт. Слышен женский голос из динамика, значит, вокзал.

Конвой вызывает меня первым, кое-как я вылезаю. Передо мной ступеньки железнодорожного вагона, не успеваю оглянуться, а в спину тычок, что стоишь, залезай! Видимо, обо мне есть какое-то указание, пометка в деле. Поэтому и в автозаке, и в вагоне меня, как этапника из КГБ, пока стараются скрыть. Вдгонку

слышу, этого в последнюю! Молодой солдат бегло проверяет мои вещи, находит бумажный фунтик с заваркой, спрашивает:

– Это что?

– Чай, мне его выдали в дорогу.

Он удивленно фыркает и забирает:

– Не положено! – а потом командует, – Вперед!

Я иду перед ним, слева покрашенные и зарешеченные окна, справа сплошная решетка, за ней ряд «купе», но без окон, в каждую секцию такая же решетчатая дверь.

Прохожу до конца:

– Заходи! – дверь захлопывается, конвоир бежит к выходу за следующими... Купе узкое, на две полки. Стены выкрашены серой, «шаровой» краской, такой красят военные корабли. Душно, холодно, стойкий запах табачного дыма, пота, хлорки.

Я слышу, как с руганью и шумом заполняется вагон, лязгают раздвижные двери. Кто-то матерится. По коридору бежит конвой. С тех дней прошло столько времени, что многого я уже и не помню, кажется, позже ко мне в купе кого-то все же посадили. Через час или два мы тронулись. Я задремал на нижних нарах, подложив мешки под голову, укрывшись ватником. Под утро я проснулся от крика конвоя, состав стоял. Шла приемка этапников. Оказалось, что женщин. Когда это услышали зеки, в вагоне поднялся крик, приветствия, похабные шутки. Меня и соседа быстро перебросили в общее купе, чтобы освободить место для трех зечек.

Те, проходя мимо, охотно откликались на шутки мужчин, матерились и ругались с конвоем. На новом месте я оказался в компании из шести или восьми мужиков разного вида и возраста. Кто-то балагурил, кто-то настороженно жался в угол. Я присматривался к попутчикам, мне было интересно. Я удивлялся им, я удивлялся себе: вот сидят рядом люди, они – преступники, но таких же людей я встречал и на воле. Да, у них щетина на щеках, худоба, наглый или затравленный взгляд, тоже не новость, а что внутри? Рядом были и первоходки, как я, были люди и поопытней. В этом купе полки были трехэтажными, на шесть спальных мест. Но нас было больше. Поэтому спали по очереди, кто как. Экссессов не помню, по-моему, ехали спокойно, хотя однажды из другого купе раздался сдавленный и короткий крик острой боли. Старый зек, сидевший напротив, ухмыльнулся. Под стук колес, под матерщину и густую табачную вонь я пытался осмыслить происходящее: вот, рядом со мной в «столыпине» (название в память о премьер-министре, который настоял на отказе от перевозки заключенных в вагонах для скота) едут очень разные люди – здесь убийцы и «цеховики», насильники и взяточники, хулиганы и спекулянты, валютчики и грабители. Но несмотря на всю их рознь, каждому из них, нет, неправильно, – каждому из нас предстоит одно наказание – тот или иной срок неволи. Кто пять, кто десять или пятнадцать лет не будет принадлежать себе.

Нас будут «перевоспитывать» принудительным трудом, отказом от бытовых удобств, скудной пищей, унижительным подчинением, ограничением контактов с родными, замкнутым пространством неволи. При этом общество будет считать, что в этом есть смысл и польза.

Наверное, почти каждый из ехавших в вагоне, действительно преступил закон: убил, нанес физическое увечье, присвоил чужое, лишил кого-то веры в справедливость и добро, в лучшем случае покусился на «порядок».

Но это уже произошло, и никакая кара не повернет время вспять, не оживит убитого, не отменит душевных и физических ран пострадавших. Не зарастет и память об атакованном нами «порядке», потом я не раз услышу об этом.

Тогда зачем? И что такое эта система, с ее милицией, судами и тюрьмами? Канализационная сеть с отстойником и свалкой вредных отходов в конце? Но ведь и я здесь! А я никого не убивал и ни одному человеку еще не сделал ничего плохого. Кому как не мне знать, я – не злодей... Странно. Что, я отсижу свои шесть лет с бандитами и убийцами и стану лучше? Вот меня и других отправили в «отстойник». Но пройдет время, и «мы» вернемся! Ладно я. Я и сейчас на воле был бы полезней, чем в «столыпине»... А те, кто сидит со мной рядом? Вот сидит в углу дядька, явно в первый раз, скорее всего какой-нибудь барышник. Наверняка ему тоже дико здесь оказаться, ведь не считает он свои делишки преступлением.

И что, зона отучит его от стремления к наживе? Тут же сидят и опасные хищники. Они тоже вернутся обратно к тем, кто избавился от них лишь на время. А я? Если вернусь, то каким? Эти мысли мелькали в беспорядке на фоне напряжения и удивления. Я тут? Это все со мной?

Часть зеков «выходит» из колоний на ближайшее кладбище, смертность на строгом и особом режимах до 20 процентов, в основном, от той формы туберкулеза, которая не восприимчива к лекарствам. Форма эта появилась именно в зонах, там, где людей лечат с перерывами, не долечивают, начинают снова. В результате появилась такая разновидность палочки Коха, для которой традиционные лекарства, как легкая щекотка. Сегодня в тюрьмах до ста тысяч таких больных. Зеки, которые получают эту инфекцию от умирающих, отправляются следом, передав эстафету другим, причем не всегда в зоне. Ведь с теми, кто прежде, чем умереть, успевает выйти, мы часто сталкиваемся в повседневной жизни, в очередях, в лифтах.

Еще часть «откидывается» на волю душевно искалеченной и дальше живет растительной, неопасной для других жизнью. А что происходит с остальными, которых большинство?

Только выявленный рецидив составляет сегодня до четверти от совершаемых преступлений, а сколько остается нераскрытого.

И, оценивая успехи пенитенциарной системы в деле перевоспитания своих подопечных, разве мы имеем право учитывать лишь тех, кто явно преступил букву закона? А повторное зло, которое творится тихо, кто его сосчитает?

Человечество бьется над проблемой сокращения преступности давно и безрезультатно. Колесование, отрубание рук и голов, каторга и гуманизация системы наказаний – ничто не остановило роста преступности во всем мире. Кривая медленно ползет вверх, не останавливает даже электрический стул. Девиантное поведение в большей мере зависит от «воли», чем от тюрьмы. Но последняя стала частью нашей цивилизации, превратилась в своего рода индустрию. Тюрьма не только спасает или губит, но многих кормит, она отнимает огромные средства и является уродливой, неэффективной и, увы, самовоспроизводящейся частью современного мира. И человечество не может отказаться от нее. В 70-е годы в одном тихом канадском городишке забастовала полиция, как только об этом узнали добропорядочные и благопристойные жители, за пару дней закон успел нарушить каждый четвертый. Что было бы в России?

Ведь неволя в российской жизни даже не часть, а стержень наших общественных отношений. Испокон веку неволя, крепость под помещиком или под царем были долей большинства. Отсюда вечная тяга в побег, на поиски воли и новых земель. Отсюда и наказание: кандалы, колодки, решетки. Ограничения в движении – главный инструмент кары. Испокон веку преступник в России изгонялся из общества в условия тяжелой неволи. Телесная мука и неволя, мука душевная и опять неволя – все, что ждет осужденного. Но если XIX век делал тюрьму домом для каторжника, навсегда отгораживаясь от него запретом на возвращение, то XX век, не отказываясь от славных традиций мучительства, приспособил его к утилитарным задачам, превратил преступника в рабочую скотину. Рабочий (раб охочий) и преступник, наказанные принудительным трудом, оказались на одной галере. Тюрьма вписалась в социум как его равноправная часть, она пронизала общество, вошла во все его клеточки, в его культуру, экономику и стала частью человеческой натуры.

Наконец, советский эксперимент превратил уже всю страну в огороженную колючей проволокой «исправительно-трудовую» колонию, где каждый гражданин-зек жил в условиях навязанного ему распорядка. Тюрьма стала невероятно велика (почему никто не догадался подать заявку в книгу рекордов Гиннеса?), всем «перевоспитуемым» подарили обязанность трудиться, любить и защищать «свою» территорию или помогать начальству. Чтобы это хорошо получалось, учили. За усердие или талант кто-то получал дополнительную «пайку» – премию, звание, медаль. Раз в год, получив разрешение, можно отдохнуть от работы, особо доверенных иногда выпускают за колючую проволоку, на «расконвойку», например в Болгарию, по путевке.

Остался за границей – побег, измена родине. Поймают, могут расстрелять. Ходить надо строем, и самостоятельный шаг в сторону – это тоже побег. Менять правила, а уж тем более нарушать их, нельзя.

Для таких как я в общенародной зоне есть штрафные изоляторы общего, уси-

ленного, строгого или особого режимов. Принцип отношений там будет тот же что и на «воле», только территория поменьше и рацион скуднее.

Но ведь и на Западе человек не свободен, он тоже живет по правилам, неограниченной государством свободы нет и там! И тюрьмы там тоже есть.

Так может быть разница состоит только в степени жестокости? Не только!

Да, и там ты невольник общепринятого порядка, слуга работодателя, заложник происхождения, традиции и обычая. Но сотни лет люди боролись там за свою свободу, за право поменять работодателя или город, восстать и победить беззаконие, изменить свою страну, наконец, свести к минимуму все отношения, уйти в монастырь, уехать в Тибет, пойти в клошары – у тебя всегда есть Выбор.

А у нас? Господи, ведь даже право на место жительства определяется с разрешения или по приговору.

Я размышлял, а поезд вез нас все дальше и дальше на Север. Мне уже предложили хлебнуть чифирия, крепчайшего чая из полпачки заварки на кружку воды. Его сварили прямо в купе на огне от фитиля, сделанного из свернутого в трубку вафельного полотенца. Оказалось, что оно дает хоть и немилосердно коптящий, но сильный огонь. Селедку, помня рассказы отца, я есть не стал, отдал кому-то. Но после двух маленьких глотков густого чая замутило, только тогда я сообразил, что желудок-то пустой, заел хлебом и луком. Выпросил воды. Жить стало веселей.

Интересное дело: как бы ни костил я тогда советскую власть, мысль об эмиграции по окончании срока меня не занимала. Я знал, конечно, что жизнь «за бугром» совсем не так плоха, как пытались нас убедить. Однако стремления уехать туда, где лучше, просто не было. Почему? Не знаю. Вряд ли это можно объяснить рационально.

Наверное, что-то было впитано еще в детстве, что-то семейное, что исключало такой путь... Между прочим, первой песней, которую разучил со мной отец, были «Перелетные птицы», появившиеся вскоре после войны. Там есть такие строки:

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.

А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна,
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Если в пять лет научить ребенка такой песне, если он сам будет потом ее распевать, наверное, что-то закрепится в системе его координат.

Однажды я чуть не стал перебежчиком финской границы. Мне было 16 лет, а моему приятелю 14. Сказав своим родителям, что еду к знакомым в поселок Отрадное, я решил побродяжить вместе с приятелем. Мы ночевали, где придется, пекли украденную с огородов картошку, ловили рыбу, а ночью у костра распевали:

Мы идем по Уругваю,
Ночь – хоть выколи глаза,
Слышны крики попугаев
И гориллы голоса.

Добредя до Приозерска, переночевали на вокзальных скамейках, а утром, выйдя на перрон, увидели пустой грузовой состав.

– Поехали? Поехали!

Запрыгнув в теплушку, слышали скрип шагов по гравию, притаились в углу. Путьский рабочий подошел и задвинул дверь вагона. Через несколько минут поезд тронулся, но не в сторону Питера, а наоборот. Куда? А не все ли равно. Привыкнув к полумраку, мы пытаемся открыть дверь, но не тут-то было. Присмотревшись, видим, что в стенах вагона, под потолком, есть железные, открывающиеся внутрь, глухие оконца. Я едва достаю до одного из них, открываю. Вовка помогает мне подтянуться, выглянув наружу, вижу, что на дверь снаружи накинута щеколда и если приподнять ее край, то дверь можно открыть. Но как дотянуться?

Поезд идет на большой скорости, ветер треплет мне волосы, и я догадываюсь, что надо делать. Сняв поясной ремень, делаю петлю, вылезаю по пояс в окно, приятель держит меня за ноги. Опушенный ремень ветром сдувает в сторону двери, наконец петля попадает на выступ щеколды. Резко дернув, я перекидываю ее в обратную сторону. Мы отодвигаем тяжелую дверь. Свобода, ура!

В открытый проем залетает ветер, мимо, сливаясь в зеленый поток, пролетают ветки деревьев. Но поезд замедляет ход, приближаясь к станции. В моей памяти рассказы Джека Лондона о злых кондукторах, которые охотятся на бродяг, норовящих проехаться зайцем, к тому же я сомневаюсь, случайно ли мы были закрыты в вагоне. Поэтому, когда поезд останавливается, мы спрыгиваем и прячемся под соседним составом. Оглядевшись, видим, что вокруг тихо. Наш состав трогается, мы, цепляясь за скобы на борту высокого насыпного вагона, на ходу лезем наверх. Усевшись на уложенные доверху бетонные плиты, озирая окрестности и веселясь, мы едем дальше. Нам энергично машут рукой путевые рабочие-ремонтники, но мы не обращаем внимания. Тут мимо нас пролетает большая табличка на столбе. Черным по белому там написано: «ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА. ВХОД ЗАПРЕЩЕН!»

А поезд мчится дальше и еще дальше, в эту самую зону... Проходит час, наконец, движение замедляется. Спустившись по скобам, мы спрыгиваем. Состав

уходит дальше. Тишина. Чуть выглянув из кустов, видим уходящие назад рельсы с одной стороны, а впереди, в полукилометре что-то похожее на станцию. Мы прикидываем, что идти обратно по шпалам будет не просто и решаем двинуть на станцию. А оттуда «автостопом» вернуться назад.

Топая к полустанку, мы увидели, как из будки с красным флагом выскочил солдат, в руках у него был автомат и бежал он прямо на нас! Я замешкался, а мой приятель, недолго думая, сиганул в кусты. Страх – штука заразительная, оказалось, что я тоже бегу. Сзади хлопнула и взлетела сигнальная ракета. Это прибавило нам сил. Жаль, что никто не засек нашу скорость, возможно, мы поставили рекорд по бегу через полосу препятствий. Скалистый подъем, крутой спуск, еще подъем и спуск, теперь по бревну, через расселину и опять в лес по косогору. Задохнувшись, мы остановились. Погони не слышно, но мы вспомнили про собак. Их пустят по следу! В кино беглецы спасаются по воде. Выйдя на опушку, мы увидели заливные луга и кинулись через них по воде к ближайшим зарослям. Оказалось, что мы вернулись примерно туда, где спрыгнули с поезда. Перебежав на другую сторону железнодорожного полотна, мы увидели жилой деревенский дом. У колодца женщина набирала воду. Мы попросили у нее напиток, наш вид ее похоже напугал. И неудивительно, на мне черный плащ и брезентовая шляпа, на поясе охотничий нож. У Вовки ярко-малиновая джинсовая куртка, из драного рюкзака торчит длинная рукоять топора, оторвавшаяся подошва прикручена проволокой. Напившись воды и узнав, что рядом есть дорога на Приозерск, мы идем туда. Но сделав несколько шагов, слышим сзади дружный топот. Я говорю приятелю, всё, теперь стоим!

Из-за поворота выбегает пограничный наряд. Впереди, судя по галифе и начищенным сапогам, офицер. Наверное, лейтенант, но знаков отличия нет, поскольку в погоню он кинулся без кителя, в натальной рубаше. Зато в руке пистолет.

За ним четверо солдат с автоматами, они натыкаются на нас и окружают, лязгает чей-то затвор.

– Руки вверх! – кричит командир.

Скорбно повесив головы, мы подымаем руки. Нас ведут на заставу. Уже молодой, грузный и усатый офицер допрашивает нас порознь. Я стою перед ним в маленьком скверике перед штабом. За его спиной несколько солдат, он сидит на скамейке, в руках мой, только что полученный, паспорт.

– И где же ты финский язык изучал? – неожиданно спрашивает он.

– Я не изучал, зачем мне финский? Мы, товарищ офицер, случайно сюда попали. Не знали мы, куда заедем.

– Так. Ну-ну. – хмурится он. – А где вы карту с компасом выбросили?

– Да не было у нас карты, и компаса нету.

– Ладно, ладно, все равно найдем. А вот скажи мне лучше, какой пароль ты сказал той тетке, у которой вы воду пили?..

Наши объяснения его не очень устраивают, поймать не случайных мальчишек, а настоящих перебежчиков, быть может, даже шпионов. Это же такая удача!

В процессе допросов мы слышим, что пробежали чуть ли не в 50 метрах от самой границы. Но интерес к нам постепенно гаснет, и все же мы проводим ночь под арестом. Спим в «красном уголке», где проводятся политзанятия, на шинелях, а назначенный сторожить нас солдатик мается, сидя на стуле с оружием в руках. Наутро, получив информацию о том, что в шпионах мы не числимся, нас ведут на станцию, сажают в поезд и предупреждают, что снова оказавшись в погранзоне, поедем уже в тюрьму... Дома я узнаю, что приходили двое «серых», спросили мать, где я? Она ответила, что где-то на Карельском перешейке.

– Что значит, где-то? Он пытался перейти границу.

Мать хватается за сердце и слышит:

– Да вы не волнуйтесь, мы его задержали.

Интересно, думал я, предаваясь воспоминаниям, а если бы мы случайно пересекли тогда границу? Что ж, тогда я оказался бы в этом вагоне раньше. Ведь финны выдавали обратно всех перебежчиков. К тому же во многих местах чекистами были устроены ложные «границы», если человеку удавалось проскользнуть и он пересекал контрольно-следовую полосу, оставив позади полосатый столб с надписью «СССР», то уже не прятался, наивно считая себя в безопасности. Тут-то его и ловили, ведь до настоящей границы было еще далеко.

От копоти заварочных фитилей в вагонзаке темно и нечем дышать. Конвой ругается и грозит выволочь всех «чиферистов» на «правеж». Но дышать-то надо и солдатам, поэтому приоткрываются верхние створки коридорных окон. Я прилипаю к решетке купе.

Сквозь узкую щель видны мелькающие деревья, листвы еще нет, или она чуть пробивается, зато сочной зеленью мимо пролетают сосны и ели, которых становится все меньше, да и сами они все короче, скуднее. Открываются холодные дали, сверкающие озера и протоки. Я скорее угадываю, чем вижу, их очертания. Темнеет, все сливается в потоках дождя. Ночь, мы стоим на запасных путях в Беломорске, утром снова в путь. Зечек уже где-то высадили, они будут ждать другого этапа. В памяти от них остается только перебранка с конвоем. Запомнилось, как кто-то из них хрипло зовет:

– Начальник! Веди на opravку.

В ответ: – Подождешь.

Слышится отборный мат.

– Начальник, веди, а то щас в коридор наассу.

Весь вагон начинает обсуждать, как это ей удастся?

– Начальник, мать-перемать!

– Да иду, иду.

Окно снова приоткрыто, и даже чуть шире. Я жадно ловлю взглядом все, что попадает в оконную щель. Мелькает дикое название «Африканда». Откуда,

как? Вдруг снизу наползает что-то ярко сверкающее, даль вздыбилась, отвыкшие от нее глаза не сразу признают очертания гор. Это заснеженные Хибины.

Казалось бы, что горы? Всего лишь громадные складки земли, нагромождения камня или льда. Отчего же первый наш порыв при виде гор, идти вперед и вверх или хотя бы взглядом окинуть вершину?

Поезд поворачивает, снежные склоны уходят в сторону. Опять темень, грязь, холод и грохот колес.

В эти же дни подходит к концу этап, которым везут в Иркутскую область Ю. В. После ареста в Питере чекисты этапируют ее обратно в Воркуту, там судят за побег и заменяют ссылку на два года заключения в колонии поселка Базой Иркутской области. Ее дорога через всю Россию длится второй месяц.

А мы уже проскочили и станцию Полярный круг, и место моего назначения, меня везут дальше, в Мурманск. Добравшись туда, я попадаю в огромную, человек на сто, пересыльную камеру с двухэтажными нарами от стены до стены. Толпа народа, на пяточке перед дверью роятся молодые, кто-то сидит на чуть отгороженном толчке, кто-то спит, накрывшись ватником, в углу режутся в карты, а там пара «бОорзых» роется в чужом мешке...

Перед такой пересыльной камерой должен быть медосмотр и санпропускник, но что-то я его не помню... Меня закинули туда уже после вечерней кормежки, и я остался голодным. Там я чуть не попал в переplet. Естественные отправления организма приходится справлять в присутствии других, но есть тюремное правило, о котором я должен был бы и сам догадаться. А я в задумчивости пошел отлить, не убедившись в том, что в этот момент никто не ест и не пьет. Краем уха услышал какой-то угрожающий звук. Застегнув ziper, пошел на свое место и увидел яростный взгляд старика, державшего в руке кружку с чаем. Не понимая, я двинулся мимо, и тут какой-то мужик, проходя, буркнул: не делай так, когда едят. Разговор не остался незамеченным. Пока я забирался на верхние нары, внизу уже шел «прихват» давшего мне совет:

– Ты что, за этого отвечаешь?

– Да нет, пацаны, я не при делах, – испуганно отвечал доброхот.

Возможно, что к ночи это кончилось бы для меня плохо, в этапных камерах творится полный беспредел, до которого охране нет дела.

Как минимум я лишился бы своего барахла, но, возможно, и здоровья. Но не прошло и часа, как меня выдернули наверх.

С выданным матрасом и «сидорами» я вошел в камеру на втором этаже. Несмотря на оконные «реснички», там было светло, солнце светило прямо в окно. Оглядев обитателей, которые не показались мне шибко блатными, я не стал демонстрировать им своей «крутизны», тем более что не был уверен в том, как это делается. По дороге я вспоминал все мне известное и в том числе обрывки разговоров отца и его лагерных друзей, которые обсуждали тюремные обычаи своего времени. Тогда зек, входя в камеру, мог оказаться перед брошенным на пол

полотенцем. Если он переступал через него или обходил стороной, это был «фраер», работяга, «пассажир», не вписанный в воровской мир. Его имущество тут же «дербанилось», шло по рукам. Он мог стать кем угодно, но не «человеком», не тем, кто, увидев расстеленный перед ним плат, должен был обстоятельно вытереть об него ноги.

Передо мной полотенца никто не кинул, да я и не стал бы дурить обитателей камеры. Ведь это только начало, последовали бы другие проверки, а обнаружить свое несоответствие заявленной масти опаснее, чем сразу объявиться «мужиком». Позже я узнал, что полотенце уже не канает. На смену пришли какие-то совершенно дикие ритуалы. На общем режиме появилось понятие «прописки», а это ряд жестоких шуток и унижений. В чем их смысл? Ведь раз они есть, значит, это зачем-то нужно? Иначе не прижилось бы.

В первую очередь надо было сломить волю новичка-первохода. Этим развлекались одуревшие от однообразия арестанты. Говорят, что в таких процедурах есть даже польза, потому что шоковое подчинение другой системе координат помогает справиться с катастрофой изгнания из привычного мира. Возможно... За исключением тех, кто в результате испытания ломается окончательно. С другой стороны, все очень напоминает инициацию юноши в мужчину у диких племен. Недаром такая «вписка», как правило, атрибут жизни зековского молодняка.

Изучение возможности «прихвата» вошедшего в камеру новичка может начаться с расспросов. За что сел, с кем дружил? Есть ли кличка? Если нет, и новичок замешкается, блатные могут крикнуть в окно: «Тюрьма, дай кликуху!» И тогда она, скорее всего, будет смешной и презрительной. С этого и начинается подавление.

Затем в качестве необходимого испытания предлагаются игры, например, «Посчитать звезды». Прописываемому малолетке завязывают глаза, ставят на табурет, затем вышибают его и спрашивают упавшего, сколько искр он увидел при падении. В соответствии с названной цифрой он получает количество «морковок», т. е. ударов мокрым полотенцем, свернутым в жгут. Знающий еще до «игры» заявляет, что никаких звезд он не увидит, и освобождается от проверки.

Существуют приемы, с помощью которых обируют подростков.

Так, гнилой сокамерник может положить свой хлеб или пакетик с сахаром так, чтобы при доставании чего-то рядом лежащего его вещь упадет и «опоганится». Тот, кто уронил ее на пол, становится должником.

Лучший способ избежать всяких ловушек – это отказ от «прописок» и прочих «обычаев» (у вас, пацаны, свои порядки, а я сам по себе).

Но молодым это трудно, как правило, они пытаются подладиться или начинают грубить. Это тоже неправильно и тоже кончается плохо.

Вообще-то все «прихваты» и загадки не требуют большого ума и сообразительности. Вот на стене висит календарь с чернокожим боксером: новенькому предлагают с ним подраться, тот, боясь проявить слабость, бьет в стену кулаком

и разбивает кисть руки, а надо было сказать: «Я первый не быю. Пусть сначала он ударит».

Уже в лагере мне довелось быть свидетелем забавной сцены. Двое «пацанов» играют в карты, один бахвалится и говорит:

– Смотри, я тебя в одних трусах оставлю.

Другой игрок отвечает:

– Да ни в жисть!

– Спорим?

– Спорим! На что?

– Десять пачек чая. Забились?

– Забились. Только погоди, сбегая отолью.

Второй возвращается, и они продолжают играть. В конце игры первый говорит:

– Ну все, с тебя чай!

– Это почему?

– Да потому! На тебе сколько трусов? Одни! А я тебе что говорил? Что ты в одних трусах останешься.

Но его довольное лицо вытягивается, когда другой игрок оттопыривает резинку и показывает под одними трусами другие. Оказывается, зная этот прихват, он бегал не отливать, а в каптерку, где быстро надел вторые.

В тех камерах, где сидят взрослые «первоходы», как правило, не беспредельничали. В «правильных хатах» тоже развлекаются, но в общем-то безобидно. Там, если ты войдешь со словами «мир вашему дому», с тобой поздороваются, но не станут расспрашивать, а объяснят принятые там правила, в общем мало отличающиеся от правил общежития на воле. Правда, так было в 70-е годы, сейчас беспредела больше, в особенности, на зонах, где начальство руками ссучившихся зеков вымогает из новичков деньги...

А я попал тогда в «путёвую» камеру, где сидели уже осужденные. Оглядев-шись, просто спросил, кто староста. Тот указал мне свободную койку, задал пару вопросов, откуда, по какой статье. И тут и в дальнейшем, отвечая, я говорил, питерский, статья 206-я. Мой ответ не вызывал дальнейшего интереса и дальнейших расспросов.

После тишины и изоляции в «монастыре» «Большого дома» полученных дорожных впечатлений было многовато, и несколько дней передышки пошли на пользу.

Зона

И вот я снова в этапе. Теперь меня везут обратно. Не выехав за пределы Полярного круга, поезд останавливается. Вместе со мной выгружают еще несколько человек, со станции Княжая фургон везет нас в расположенный рядом поселок Зеленоборский. Выходим мы уже внутри зоны. Конвоя и собак нет, что непривычно. Стоит один прапорщик и лениво машет – шагайте, баня там!

Мы идем, и я поеживаюсь от непривычной свободы движения, кажется, вот сейчас я услышу: «Куда? Стоять! Лицом к стене». Но, похоже, никому до нас нет особого дела. Заходим в хозбарак: раздевалка, каптерка, шкафчики, куда мы складываем свои мешки и сумки. Приходит зек и собирает у нас одежду, в которой мы приехали. Она направляется на «прожарку» в камеру, где при высокой температуре и вонючем дезинфицирующем газе должны сдохнуть все паразиты, которых мы могли нахвататься по дороге. В «мыльне» прохладно, теплой воды едва хватает, чтобы ополоснуться. Выхожу первым, дрожа, вынимаю из мешка пару своего белья, натягиваю, жду верхнюю одежду. С улицы (хотя какая там улица, их в зоне нет), точнее, снаружи заходит парень. Окинув острым взглядом меня и мои вещи, вдруг спрашивает: «Слушай, а ты не мент?»

Все знают, что для ментов есть свои зоны, и я понимаю, что неожиданный наезд – это первое прощупывание натуры новичка, как он среагирует. Поэтому в ответ неожиданно громко ору:

– Ты что, ох...? Да я этих ментов сам бы тут мочил.

Прозвучало это, видимо, так убедительно, что пацан отвял.

Вновь прибывших вызвали «на вахту» на границе жилой и рабочей зон внутри колонии. В застекленном отсеке сидит дежурный помощник начальника колонии (ДПНК) с ним двое прапорщиков, они контролируют обстановку в рабочей и жилой зоне, проход из одной в другую. Дальше по коридору находятся кабинеты нарядчика, оперативника, начальника колонии, отдела снабжения, главного инженера, ОТК. Группа новичков собралась перед кабинетом начальника, заходим по очереди. Офицер лет пятидесяти, кажется, еще майор, листает мое сопроводительное дело. В деле должен быть приговор, медицинская справка, может быть, еще какие-то бумаги, отличительные пометки, например, если была попытка побега, тогда будет «красная полоса», а суицид отмечается желтой. У меня их быть не должно, но с сомнением посмотрев в мою сторону, Хозяин (так зеки зовут начальников колоний) хотел что-то спросить, но передумал, потом все-таки поинтересовался профессией.

Я ответил – художник.

– Ну, в художниках ты уже побывал... – услышал я. – Пойдешь в станочный цех. Четвертый отряд.

Дальше была каптерка, комендант, выдача кружки, ложки, постельного белья и матраса.

Свой отряд я нашел в одном из длинных, серых кирпичных зданий. На каждом из двух этажей огромный зал плотно забит двухэтажными солдатскими койками (по-зековски, шконками). Шконки стоят поперек в четыре ряда, между ними два прохода. Разместить можно до ста человек.

Еще до зала, при входе – кабинет начальника, «красный уголок» (место проведения политзанятий), гардероб-сушилка для обуви и верхней одежды, каптерка старосты отряда и умывальня. Отхожим местом служит сарай на улице.

Все шконки были заняты, для меня и еще одного парня, с которым я ехал вместе из Мурманска, шныри, постоянные дневальные, притащили и собрали еще одну. Я выбрал верхнюю полку. Нашлась и тумбочка, но только одна.

Меня определили в утреннюю смену, которая уже работала. До вечерней проверки оставалось несколько часов, и я отправился изучать территорию. В то время корпуса еще не были отгорожены друг от друга колючей проволокой и калитками, локальные зоны сделали через пару лет. Мимо кочегарки, спустившись с пригорка, я попал на что-то вроде улицы, потом оказалось, что она прозвана «Бродвеем». По нему бодро шагали куда-то «деловые» пацаны, не спеша прогуливались другие. Те, что гуляли, шли рядом, о чем-то серьезно толкуя. Дойдя до конца, вместе поворачивали и опять, продолжая разговор, топали обратно.

Бегавшие туда-сюда одиночки с мелькающими в руках четками тоже имели вид сосредоточенно думающих. Позже я услышал, что эти «прогулки» называют «гонками». Так проводили свободные часы те, кто не мог выпутаться из какой-то навязчивой мысли: писать ли уже «помиловку»; что сказать вечером обидчику или его надо просто резать; что делает на воле жена; как расплатиться с долгами; не перейти ли в другую бригаду? Обойдя все, что было доступно, я остался доволен, кругом простор, чуть ли не свобода! Двести метров туда, сорок сюда, волейбольная площадка, санчасть, клуб. Солнышко светит, никто на меня не кидается, люди спокойные, в бараке чисто. Правда, все огорожено высоким забором, по нему сверху натянута «колючка», дальше проглядывает еще один забор, по углам вышки, на них автоматчики. Но ветер приносит запахи леса. После восьми месяцев в узкой камере, после этапа – это просто благодать.

К пяти часам, как мне было сказано старостой, я подошел к столовой, рядом вытоптанная площадка перед вахтой и воротами в рабочую зону, за ними я увидел строящуюся колонну зеков, утренняя смена готовилась на выход.

Появилось несколько арестантов с трубами и баяном, ворота открылись, прозвучала команда: «Прходим!», и зеки нестройными рядами повалили кто в отряд, а кто на ужин. Движение сопровождалось немилосердно фальшивым исполнением «Марша энтузиастов». Отправился в столовую и я, нашел там свою

бригаду и сел за общий длинный стол. Кто-то принес большой котелок с пшенной кашей, ее быстро раскидали по мискам, каждому досталось по куску соленой подпахивающей трески и пайке хлеба. Есть надо было быстро, за нами ждал очереди другой отряд. Торопить меня не пришлось, за время разъездов я оголодал и успел не только все съесть, но и выпить жиденького чайку... Вокруг меня шумели, галдели, но я не чувствовал в толпе голодного или злого напряжения, причем не все доедали свою порцию, а когда мы уходили, на столе даже остался недоеденный кусок хлеба.

Благодушное впечатление было, конечно, иллюзией. Ко мне, как и к любому новичку, тоже присматривались. А кормежка, как потом выяснилось, всегда состояла из неизменной овсянки, иногда перловки или пшенки. Мяса мы не видели годами, а соленая вонючая треска бывала через день. Были месяцы, когда каши заменялись сушеным картофелем. Его привозили с каких-то военных складов, и на бумажных мешках стояла дата изготовления, как правило, пяти-семи, а то и двенадцатилетней давности. Из овощей разве что морковь, но тоже сушеная. Поэтому все, кто не получал «грев» с воли, от родных 2 посылки в год или еду от ментов, приносивших ее за деньги, страдали от нехватки жиров, белков и витаминов. Еще на заработанные деньги, после того как их ополовинят в пользу МВД, можно было раз в месяц купить что-нибудь в ларьке, но лишь на 10 рублей. Все это не было настоящим голодом, хотя есть хотелось всегда.

Вновь прибывших вызвал к себе начальник отряда Трейман, полноватый, средних лет, со спокойным, доброжелательным лицом человек, он поинтересовался нашим семейным положением, признанием вины, порасспрашивал еще о чем-то, потом сказал, что в колонии есть секция внутреннего порядка, что те, кто в нее запишутся, будут помогать администрации. Но желающих пойти в «красноповязочники» не нашлось. Обычно туда сразу записывались те, за кем числилось какое-нибудь совсем гнусное преступление и он опасается за себя, тот, кто решил добиваться досрочного освобождения любой ценой, те, кто уже в зоне попали в «непонятку» и кому грозит расправа. Отрядник не настаивал и вел себя как-то по-домашнему.

Как потом выяснилось, наша зона не была ни красной, ни черной. Смешанный состав без преобладания, при мне там не было ни одного масштабного конфликта по «мастям». «Блатные» (пацаны) жили по своим понятиям, единого на всю зону «авторитета» среди них не было, конкурирующие группировки не беспрдельничали, не было и «красного» террора, хотя это не мешало каким-то отдельным конфликтам.

Незадолго до моего прихода в этой зоне было одно серьезное столкновение, когда местным, а большинство там сидящих были из Мурманской области и соседних краев, пришлось дать отпор «черным», как их называли, зекам с Кавказа, в основном, азербайджанцам. Постепенно эта этническая группа, вырастая численно, стала наглеть, после того как один из них порезал ножом кого-то из

уважаемых в лагере людей, на них напали. Ворвавшись в барак, группа местных стала жестоко избивать их дубинками и железными прутами, по рассказам, брызги крови остались даже на потолке. Причем замполит, который был тогда в зоне и пришел в барак с прапорщиками, не спешил останавливать расправу и не стал вызывать солдат. Когда кто-то из жертв, обливаясь кровью, заорал ему: «Гражданин начальник, что ж вы стоите!», тот повернулся и ушел. В результате несколько человек было покалечено, часть «азеров» этапирована в другие зоны, но двум местным, которых произвольно назначили «зачинщиками», добавили сроки... Такой способ решения назревающих противостояний используется в лагерьх давно, администрация умирят зеков их же руками.

Заскучавший отрядник спросил нас тогда, не хочет ли кто-нибудь в культурно-массовую секцию. Тут сдуру вылез я и сказал, что умею рисовать, довольный начальник куда-то меня вписал. Потом, отпустив остальных, велел мне остаться, и я тут же получил задание рисовать какие-то графики. Тут я опять не удержался и спросил, как его занесло на такую работу?

Смутившись, он сказал, что работал раньше на комбинате, но его вызвали в райком и предложили эту службу, а когда он стал отнекиваться, пригрозили исключить из КПСС. (Позже я узнал, что на самом деле он работал в райкоме, но сути это не меняет, «воспитателем» уголовников он стал не по призванию.)

Мое согласие на культмассовую нагрузку было ошибкой. Оно стало причиной конфликта, который кончился не в мою пользу. Еще в этапе из Мурманска в Княжую я познакомился с попутчиком, молодым парнем, который получил 10 лет за двойное убийство. По его версии, проходя армейскую срочную службу, он раскроил черепа двум старослужащим, когда те на него напали. Мне он казался нормальным парнем, и, когда нас распределили в один отряд, а тумбочек на всех прибывших не хватило, я предложил ему разделить свою на двоих. Но потом оказалось, что в отличие от меня он купился на предложение какой-то пацанской группировки и вошел в их «семью». «Семья» в зоне – это небольшая группа из пяти-семи человек «пацанов» или «мужиков», т. е. блатных или работяг, которые объединяются по масти, национальному, земляческому или иному признаку.

Меня тоже чуть ли не в первый же день позвали в соседнее купе «чифирнуть». Четверо молодых и с ними «хитрован» постарше стали расспрашивать о том, кто я и откуда. Я осторожно отвечал и вскоре услышал вопрос:

– А кем жить-то на зоне будешь?

Не задумываясь, ответил, мужиком.

– Да ты подумай, хули лямку тянуть, пацаны лучше живут. Вот семья наша: у нас и чаек всегда, если что, своим поможем, отмажем.

Когда я твердо отказался, ко мне потеряли интерес.

Ну а «убивец» Юра вписался в ушлую «семейку» из соседнего барака. Там, «по-братски» разделив его вещички в предвкушении посылки, которую он вско-

ре получит, и первого «ларька», который разделит на «семью», его стали учить воровским понятиям. Узнав же, что он вроде «закентовался» с кем-то, спросили обо мне. А услышав, что я вписался в «культурную» секцию, заорали, что раз он теперь «стремящийся» пацан, т. е. идущий к воровскому пути, ему «западло» держать вещи вместе с тем, кто служит начальству.

Парень прибежал ко мне и позвал меня на стрелку. Я не понял, с кем и зачем, но пошел и оказался нос к носу с пятью такими рожами, что впору было испугаться. Когда я понял, что дело в дурацкой тумбочке, которую я сам предложил разделить на двоих, что у меня требуют отказаться от нее, я попытался наивно объяснить, но тщетно. У меня не было уверенности в том, что отобьюсь, и я отступил.

Потом парнишка вкусил все прелести воровского братства, когда его ресурсы иссякли, его задвинули в «шестерки», через год он уже пытался защитить себя, одев красную повязку.

К счастью, та история была моим единственным конфликтом за все проведенные там годы. Жестокая и циничная жизнь на зоне дает каждому новичку повод для беды. В углу нашего спального зала отдельно стояла двухъярусная шконка. Там спали «опущенные», «петухи», те, кто был осужден за мужеложство или подвергся изнасилованию в зоне. Они – изгои, они принуждаемы к половым связям и в то же время они – «неприкасаемые», с ними нельзя сесть за один стол, в столовой у них отдельное место и отдельная посуда, они чистят нужники и не работают с другими зеками... Любой контакт с ними (кроме полового) означал прямую дорогу в их компанию. По незнанию я чуть не попал в такую ситуацию. На утро следующего дня в шесть часов дневальные закричали: «Подъем!» Вместе со всеми я спрыгнул со шконки. Надо было быстро сбежать «до ветру», умыться, попасть в столовую, съесть там тарелку каши, построиться для проверки и пройти в рабочую зону. Но за время этапа у меня отросла щетина, надо было еще и побриться. Электрическая бритва у меня была. В умывальне я сунулся к розеткам, но обе были заняты. Тогда, увидев, что в другом углу есть еще одна, я чуть не сунул вилку туда, но тут в суете толпящихся нашелся мужик, который незаметно дернул меня за рукав: «Не надо, там для пидеров». Если бы не он, через минуту-другую мог раздаться торжествующий крик какого-нибудь подонка:

– О, пацаны, смотрите, у нас еще одна девочка завелась!

А тогда ищи заточку, жди ночных «гостей» и бей пока можешь. Но даже если тебе удалось кого-нибудь прирезать, жизнь твоя все равно идет под откос.

Да, зла там немерено и все же нормальных людей было немало. Помогали мне, потом помогал я. Со временем, освоившись, я увидел, что население этих мест не так уж сильно отличается от вольных граждан. Разница лишь в том, что в зоне ты, как правило, знаешь, что имеешь дело с жуликом, что сидишь за одним обеденным столом с негодяем, спишь напротив параноика или чифиришь с залетевшим туда по ошибке или несчастью нормальным человеком. А на воле мы не

знаем, что едем в одном трамвае с «чикатило» и работаем в одной смене с «корейко», что милый сосед по лестничной площадке может оказаться педофилом, а лектор по этике бьет свою жену. Мы подчас очень поздно узнаем, чего ждать от окружающих. В этом отношении на зоне проще. Хотя тоже не всегда, например, на усиленном режиме поведение большинства предсказуемо. «Усилок», теперь этот режим упразднен, был сосредоточением тех, кто в первый раз совершил тяжкое, как правило, умышленное преступление. Сроки отсидки немалые, от 6 до 12 лет, и никому не хочется продлевать их без необходимости. Поэтому там и на «строгаче», если и убьют, то скорее всего, потому что иначе нельзя. Другое дело на общем режиме, где случайно залетевшая шпана опасна своей безбашенностью. Сроки маленькие, и тормоза не работают.

Я попал в станочный, деревообрабатывающий цех. Лагерная фабрика, в основном, занималась изготовлением кухонной мебели. Белой, эмалевой, той, которая стояла на всех советских кухнях. В станочном цеху делались заготовки для щитов, из которых она собиралась, а меня поставили на фрезер, который нарезал шиповые соединения, высверливал пазы в ножках табуреток и столов. Вместо рабочей одежды я получил какую-то рванину и встал за станок. Бригадир назвал мне количество деталей, которые полагалось делать за смену. За день я сделал чуть больше половины. Хотя в училище мы практиковались на всех станках, норма выработки оказалась несоразмерной, но делать было нечего...

Деталь, зажим – рукоять на себя; фреза вгрызается в древесину – отжал, вытащил; уложил в штабель – взял следующую. И так час за часом, день за днем. Скоро появился автоматизм, и я стал отвлекаться, руки делают свое дело, а голова занята другим. В результате количество рук чуть не сократилось. Рваный край рукава рабочей куртки дернуло. Я увидел, как он наматывается на вращающийся патрон, мою руку тянет к зубьям, запястье уже стянуто дымящейся от трения тканью. Вырываюсь в последний момент, оставив на зубьях клочья рукава. Будь куртка крепче, я не отделался бы только ожогом.

Теперь я работаю осторожнее, пуговицы застегнуты, рукав обрезан по локоть, благо лето и на улице тепло. Цех продувается насквозь, и я с тревогой думаю о том, что буду делать зимой. И еще жалко рук, которые мне, наверное, еще пригодятся. Я узнаю, что отсюда часто уходят инвалидами. Это неудивительно, на станках нет никакой защиты, все ограничители и щитки давно сняты, они мешают выполнять норму, а без нее ты не имеешь права на «ларек», т. е. на право истратить 10 рублей из тобою же заработанного на чай и курево.

Но тут старшина отряда предложил мне работу дневального в отряде. Загрел в ШИЗО (штрафной изолятор) один из его помощников. Напившись браги (ее зеки выстаивают в баллонах огнетушителей), он попался на обходе и месяц проведет в камере. А без дневальных никак. В отряде их должно быть двое. Работа заключается в том, что еще до подъема на утреннюю смену большие баки в умывальне должны быть наполнены водой, а после ухода утренней смены спальный

зал, коридор, сушилка и красный уголок должны быть подметены и вымыты с едким раствором резоля. Небрежно заправленные койки нужно поправить, подушки должны встать уголком вверх. Перед концом дневной рабочей смены еще раз заполняются баки для умывания. За водой дневальные идут с ведрами на другой конец жилой зоны, шесть-семь ходок для одной заливки, пол в отряде моется тряпкой, накинутой на швабру, зимой надо расчищать снег. Беготни много и поэтому дневальных зовут шнырями. Для блатных такая работа «западло», как, впрочем, и любая другая, мужики, которые уже прижились в цехах, не очень хотят перемен, тем более, надолго ли это, неизвестно, надо сработаться со старшиной и не повздорить с блатными.

Я понимаю, что станок может стать моим уделом на ближайшие пять с лишним лет, что не будет сил и времени, чтобы думать и читать.

Поэтому соглашаюсь в расчете на поиск других возможностей. В результате у меня впервые появляется свое время, я, наконец, захожу в библиотеку, у меня есть возможность посидеть на лавке, подумать. Заодно появляется и напарник, парень-москвич, которого почему-то отправили на север. Срок у него 12 лет. Вдрабадан пьяным Витек вышел из своего дома с ножом в руке и зарезал двух, случайно попавшихся ему на пути, людей. Просто так. Один из погибших возвращался домой после успешной защиты диссертации, другой шел в магазин. Экспертиза признала убийцу вменяемым и, я думаю, ошиблась. Перепады настроения от детской веселости до угрюмой подозрительности были, наверное, тем, что врачи называют маниакально-депрессивным психозом. В зоне, без постоянного алкоголя, амплитуда этих колебаний была невысокой, но все же была. Ко мне он почему-то проникся симпатией, но я понимал ее неустойчивость и всегда был настороже.

Но не только от него, но и вообще ни от кого из зеков, я ни разу не услышал даже слова сожаления о содеянном. Хотя многим было, в чем раскаиваться. Но даже самые сознательные, отъявленные злодеи, как, впрочем, и те, кто убил, покалечил или изнасиловал, неожиданно для самого себя, получив приговор и попав в зону, ухитрялись отключаться от того, что натворили... Преступление оставалось снаружи вместе с жертвой, а внутри периметра, за двумя заборами, за «запреткой», контрольно-следовой полосой и четырьмя рядами колючей проволоки, появлялся человек, которого приговор и срок освободили от ощущения вины.

«Я уже наказан, мне что еще и плакать прикажете?» – сказала бы большинство на вопрос о раскаянии. Практически каждый находит себе оправдание. Я знаю лишь один случай, когда осужденный еще и сам наказал себя, но там дело было в том, что жена, которую он порезал в порыве ревности, выжила и развелась с ним. Узнав это уже в зоне, он лег на работающую циркульную пилу, та отбросила его, тогда он встал и кинулся опять. С вывороченными кишками его нашли у станка и отвезли в больницу, там долго зашивали, но ночью он порвал швы руками и истек кровью.

Моя работа в отряде продолжалась, я искал другую и зашел как-то в каморку, где занимался оформительскими работами старый зек. Ему нужен был помощник. Но когда замполит услышал про мою кандидатуру, то замахал руками и сказал, что меня и подпускать-то к краскам нельзя. Значит, все-таки было в моем деле что-то кроме «хулиганства»? Но тут мне повезло. Ближе к осени я шел по «бродвею» с полными ведрами воды, на скамеечке у старого клуба сидело несколько немолодых зеков. Меня окликнули и предложили перекурить. Так я познакомился с людьми, которые помогли мне так, как и не снилось. Один из них заведовал ПТУ, где желающие получить специальность, проходили премудрости столярного, слесарного или монтажного дела, его тезка сидел в отделе снабжения, другой работал мастером участка – это была та теневая, хозяйственная элита, на которой и держалось все производство. Первый из них погорел на финансах в студенческих стройотрядах, другой в ссоре с женой схватился за ружье, которое оказалось заряжено, и получил срок за убийство, поскольку вторая пуля оставила его жить. Третий был виноват в том, что работал с начальником, которого «съели» вместе с подчиненным. Я был рад найти нормальных людей, они, видно, тоже поняли, что перед ними не «баклан».

На следующей неделе Евгений, который работал в ПТУ, узнав, что я не только рисую, но умею чертить и знаю деревообработку, сказал мне, что есть шанс получить работу фабричного технолога.

Оказалось, что на этом месте работает зек, которому скоро пора уходить на «химию», на стройки народного хозяйства, где в условиях режимного контроля использовался труд осужденных. Туда попадали либо с маленькими сроками прямо из зала суда, либо из лагерей, если была отбита определенная часть срока и лагерное начальство соглашалось на послабление. «Химией» это прозвали потому, что первый раз, когда такой вид наказания был введен, осужденные строили химкомбинат.

Но чтобы уйти из зоны, зеку-технологу нужно было оставить вместо себя замену. Нас познакомили. Это оказался маленький, ладный и резкий чеченец, приятели звали его Солтиком. В этих местах не принято спрашивать, за что человек сидит (если захочет, сам расскажет...) и, глядя на него, я подумал что-то о ружьях и кинжалах. И лишь спустя много лет случайно узнал, что он был завхозом воинской части и сел за большую недостачу, но выглядел все же абреком, и не только в моих глазах. Он привел меня к главному инженеру. Оказалось, что капитан Ракитин из Питера. Узнав, что и я оттуда, он не стал возражать, но велел представить меня своему вольному технологу, чтобы тот проверил меня на профпригодность. Тот оказался флегматичным украинцем с фамилией Кияшко, поважничав, он признал скопированные мной чертежи и разрешил приступить к работе.

Это было спасением. Конечно, я выжил бы и в цеху, и в отряде, но ценой немалых душевных мук. Не холод, голод и чужая работа, даже не опасность – хуже

всего было существование в среде чудовищной дикости и невежества. Порой мне казалось, что я в обезьяньем питомнике. А жить в стае и не общаться, значит вызывать злобу. Не хочешь наездов и подлянок, тогда говори на том же языке, хоть немного, но притворяйся и дичай.

Признаюсь, поначалу я с ужасом смотрел на свой народ, а это был он, во всех его ипостасях. Ведь даже не злодеи, а подчас совсем незлобивые, несчастные, случайно оказавшиеся в неволе люди производили удручающее впечатление.

Какому-то зеку, который посетовал мне на скуку, я предложил сходить в библиотеку, а в ответ услышал почти дословную цитату из анекдота про «одну книгу, которую он уже прочел».

Архангельский парень из поделочной мастерской рассказывает своим приятелям, как в первую брачную ночь он, с головой накрыв жену одеялом, говорит ей, если любишь, терпи! – и портит там воздух. Его слушатели хохочут, а он, улыбаясь, продолжает: «терпела».

Зимой, в 40-градусный мороз, когда сухой снег свистит под ногами, а пар от дыхания осыпается инеем, к нам в барак влетает воробей. Он кидается с улицы в открывшуюся дверь и ошалело вертится в клубах пара и света. А пацанам не приходит в голову пожалеть того, кто искал у них спасения. С гоголем, размахивая полотенцами, они кидаются шугать его по залу.

Несмотря на все мои крики и увещевания, за ним гоняются пока он в изнеможении не падает на соседнюю койку. Когда я взял его в руки, воробушек был уже мертв. Одевшись и держа его тельце в ладони, я вышел из барака. Ледяной холод тут же проник под бушлат, заиндевели ресницы. Мне не хотелось, чтобы птица оказалась в мусорном ящике, но все, что я мог сделать, это забравшись на складскую крышу, положить воробушка под купол неба, где полыхало и струилось на наши снега северное сияние.

Шок от своего народа испытывала на первых порах и Ю. В., через несколько месяцев я получил ее письмо, а в нем стихи:

За что даны в разлуке
Мне дикое нагорье
И ветер, словно руки,
На сердце и на горле?

Зачем я слышу ропот,
Что никому не слышен,
А надо мной грохочет,
Как сапоги по крыше?

Ст. Княжая. ИТУ-ОЮ-241/20,
усиленный режим. 1978 г.

Воровки и убийцы
Зачем в друзья даны мне,
А дружеские лица
Так далеки доныне?

Здесь каждый зол и жаден
И дик в своем начале.
Ах, отведи хоть на день,
Уйми мои печали!

Дай передышку глазу,
Плечу дай опереться;
Я так боюсь за разум!
И капельку за сердце.

Я так боюсь за веру
И в Бога, и в Россию.
Как мне изведать меру
Страданию и бессилью?

Но вскоре она воспряла духом, оказалось, что люди есть и там. Через пару месяцев я уже читал:

Благодарю созвездье Девы,
сюда приведшее меня,
мои сиротские посевы
заколосились на камнях.

И вот распущена облава
суровых будничных забот –
вином становится отрава
и чистый ключ из лужи бьет.

Клубок дурной травы распутан,
и тот же лик Христа в зерне,
и вместо женщины распутной
дитя шагает по стерне...

Встреча с женой и родителями, они стали приезжать ко мне на свидания, кассета с лепетом дочери, которая уже произносила первые слоги, детские письма сына, который думал, что я в экспедиции, переписка с друзьями, бескорыстная

помощь хороших людей быстро восстановили мое душевное равновесие. Местом моей работы стал закуток, в который можно было попасть через кабинет главного инженера. А он не слишком утруждал себя его посещением, зная, что есть команда, которая его не подведет. Чертежная доска, письменный стол, шкаф и – тишина. Исаев поднатаскал меня в работе и вскоре ушел на «химию». Мы оказались полезны друг другу, но, безусловно, я получил больше... Дай бог ему здоровья, я надеюсь, что в 1995 году его не оказалось в Чечне и он остался жив.

Сама работа была простой: надо было обновлять чертежи продукции, вносить в них изменения, ходить по цехам и следить за соблюдением всех необходимых операций. Раз в месяц мастера приносили мне отчеты по расходу материалов, я пересчитывал и сводил их в единый реестр. Когда сгорел старый лесопех, где шла распиловка бревен, мне пришлось разработать проект и документацию для строительства нового цеха. А старый сгорел не случайно, и причастна к этой истории Алла Пугачева.

Ее фильм-концерт «Женщина, которая поет!», слишком яркий и чувственный по тем временам, вышел на телевизионный экран вскоре после того, как в зонах разрешили установку телевизоров. К нам был привезен пока только один, и поставили его в клубе. Все знали, что вечером поет Пугачева, но тут встрял замполит, кажется, это был Мосягин, он закрыл клуб со словами: «Нечего вам на баб глядеть». Зона загудела, и через полчаса цех уже полыхал. Больше замполита наша нравственность не заботила.

Возможность оставаться на работе до вечера и заниматься там не только чертежами почти примирила меня с неволей. Библиотека была скудной и разрозненной, зачастую книжные листы шли на раскурку, а то и похуже.

Но появлялись журналы, именно там я нашел упоминание о своем прадеде, а первый том воспоминаний Веры Фигнер подарил мне формулировку о принудительной силе убеждений, которые становятся сильнее чувства самосохранения.

Моя лагерная жизнь была однообразна и скудна событиями, описывать в ней, по сути, нечего. Подъем, столовка с пшенной или ячневой кашей, остаток хлеба в карман и на утреннюю поверку. Построились пятерками, прошли мимо нарядчика, Ахмедова Ахмета Ахметовича, бригады уходят в рабочую зону, а я через ДПНК иду в административный корпус, отпираю дверь кабинета, Ракитина еще нет, Кияшко появится после обеда. Завариваю чай, если есть маргарин, делаю себе бутерброды, просматриваю отчеты. Потом иду в промзону и прохожу по всем производственным цепочкам, проверяю порядок работы. Иногда вместе с ОТК делаются замеры. Определяется консистенция лаков и нитрокрасок, поскольку их расход всегда больше нормы, а поэтому их разбавляют.

Дело в том, что краски и лаки пьют. Точнее, пьют то, что остается после того, как в ведро с краской и водой высыпается полпачки соли и намотанной на сверло тряпкой сбивается в комок целлюлоза и краситель. Загустевший комок выбрасывается, оставшаяся мутная жидкость процеживается и пьется. Потом

очумелые алконавты бродят и вырубаются. Если их рвет, то блевотина разъедает краску на полу.

В малярке, где стоят боксы и компрессор, в воздухе висят дисперсная пыль, густой запах ацетона и нитросмол. Вентиляция слабая, лица, руки, одежда пистолетчиков – всё белое. Не раз я говорил главному инженеру о том, что работа там – погибель для ребят.

Он кивал головой или отмахивался, а однажды, когда я ему совсем надоел, сказал: «Ты, Рыбаков, спроси их лучше, почему они даже эту вентиляцию выключают... Они кайф ловят, нюхари, мать-перемать, надышутся и балдеют. Я им новую систему поставлю, а они ее завтра сломают. Тоже мне защитник, глаза разуй!»

Кроме мебели и деревообработки было еще производство кистей, щеток и ершей. Для щеток, платяных и половых, на станках штамповали пластмассовые колодки и крышки. Бригадиры участков сами справлялись с работой, мое участие было невелико, я не вмешивался без необходимости. В каждой бригаде на рабочих местах далеко не все, кто числится в рабочей смене. Блатные откупались от бригадиров и нарядчика. Одни из них оставались в жилой зоне, другие болтались по производственной, чифирили, трепались в раздевалках, мастерили что-то свое. Их ловили прапорщики, кого-то сажали в ШИЗО, кто-то откупался и от них. Бригадиры, начальники цехов – все зеки, денег «на кармане» имели немало. Помню начальника литейного цеха Володю, большого, с грубо отесанным лицом, сидел он за то, что зарубил свою жену вместе с ее любовником, а потом неудачно инсценировал пожар в собственном доме.

Как-то он хвастал мне, что приходили к нему прапора, устроили шмон, искали деньги, все перерыли два раза, но так ничего и не нашли. А он хранил их между пластмассовой крышкой и колодкой стоявшей в углу швабры. Но зеки не любили тех, кто на них наживался. Того же Вову, как я слышал, жестоко били потом, когда он вышел на «химию».

Деньги имели и начальники отрядов. Трейман, который принимал меня в свой отряд, тоже не избежал подкупа. А «соблазнителем» был тот самый чеченец Исаев, которого я сменил.

Это он, увидев однажды на вышке солдата-чеченца, заговорил с ним на родном языке. Тот стал получать от семьи Солтика деньги и перекидывать их ему, в рабочую зону. Прикормленный отрядник помог Исаеву уйти на «химию» и почувствовал вкус денег. Наверное, он думал, что и от меня ему что-либо перепадет, но ошибся.

Конечно, в этом учреждении, как и на любом тюремном производстве, была теневая экономика – ушедшие «налево» материалы, «своя» кухонная мебель в каждом начальственном доме. У кого-то из предыдущих начальников жена работала директором мебельного магазина в ближайшем райцентре, там сбывалась «неучтенка». Придя на зону, я еще застал там Букина, зека, который не один

год просидел в производственном отделе и хорошо знал все темные делишки «командиров». Я обратил на него внимание, когда он в окружении «шестерок» стоял на крыльце, у входа в кабинет замполита. Ожидалось решение комиссии о переводах на стройки народного хозяйства, и Букин был в числе претендентов.

Если бы не форма, не бирка на груди, этот уверенный и веселый парень не был похож на зека. Через неделю я услышал, что он в ШИЗО, а на другой день по зоне прошел слух, что он повесился в камере. Лишь через год я узнал подоплеку этого дела, оказалось, что Букин собрал большую пачку изобличающих начальство документов и передал кому-то из вольных на хранение.

А когда на «химию» его снова не отпустили, обозлился. И угораздило его проболтаться кому-то: он сказал, что если его не выпустят, то он всех пересажает.

Наутро, протрезвев, парень понял, что дело плохо, что ему теперь ждать то ли лома по голове, то ли ножа от кого-нибудь из ссучившихся... Решил спрятаться в ШИЗО, специально нагрубил кому-то из офицеров и его «закрыли». Да забыл Букин, что в камере засов только снаружи. На вторые сутки его нашли в петле. Откуда у него в одиночной камере оказалась леска, отчего он не дождался освобождения (до конца срока оставался всего год), разбираться не стали. Кажется, в ту ночь дежурили два прапорщика, Чекутис и Вейсблум (кликуха «Помидор»). Вопрос о том, как на запястьях покойного оказались ушибы и ссадины, как будто он заслонялся от чьих-то ударов, начальство себе не задавало.

Но вообще убийств и самоубийств при мне было немного, кроме уже упомянутых мною, я помню не более трех-четырех, доведенных до конца.

Письма, сны и записные книжки

Чтобы спастись от окружающей мерзости, я слепил для своей души гнездо, собирая заинтересовавшие меня мысли, свои и чужие, стихи, которые находил в книгах и журналах, формулировки и цитаты, свое краткое к ним отношение, рисуя тайком и размышляя, я разделил свое внешнее и внутреннее существование. Вспоминая эти годы, я взялся за свои старые блокноты, те, что стал заполнять еще в камере на Литейном и потом в зоне. Дневниковых записей там, конечно, нет, но есть те тексты, стихи и слова, которые задевали, те мысли, которые я пытался сформулировать. Писать приходилось сокращенно, а часть заметок для памяти шифровать, как и авторов цитат, ведь в любой момент тетради могли оказаться в руках у ментов. Не все сохранилось, что-то не стоит внимания, но я все же приведу часть своих записок, стихов, которые находил, и писем, которые я получал и писал сам.

Вот записано: *«череп навyleт...»*. Это пометка о любопытной истории.

Как-то в старый клуб, где обитал один из маркшейдеров, проходивших по делу «Североникеля», зашел чифирнуть зек из местных. Слово за слово, он рассказал историю своей посадки. Был он охотником, однажды он и еще двое промысловиков решили на зимний сезон забраться куда-то подальше и набить там побольше песка.

Вертолет закинул их на охотничью заимку и оставил там на пару месяцев.

Каждый из них уже не раз бывал в таких предприятиях, но компания подобралась неудачная: рассказчик, старый охотник-ненец и отсидевший мужик помоложе. Последний оказался изрядным гадом, он избрал объектом для издевательств молчаливого ненца. Изводил его он долго.

Достал он охотника, заявив, будто их женщины трахаются с собаками. Кончилось тем, что тот вышел за дверь, вернулся с мелкокалиберной винтовкой в руке. Выстрелил навскидку, не целясь, и выскочил наружу. Его пьяный обидчик лежал в это время на нарах и не успел даже приподнять голову.

По словам рассказчика, он схватился за свое ружье, думая, что сейчас старик вернется, чтобы не оставлять свидетелей. Но прошло несколько минут, дверь не открывалась. Выйдя наружу, Николай, кажется, так его звали, увидел свежую лыжню, заглянув в кладовку, обнаружил, что старикинской доли шкурок нет.

Охотник видно заранее подготовился к уходу...

Вернувшись в избушку, поправив фитиль в керосиновой лампе, он присмотрелся к лежащему. Куда попал старик, не было видно, но парень не дышал. Потом он увидел кровь на шее и маленькое пулевое отверстие под подбородком.

Что было делать дальше? Вертолет будет через три недели, не раньше, тоже все бросить и уйти? Но он не дойдет, далеко, да и потом, что он скажет в поселке? Он решил оставить все до утра, лежа думал: хорошо, что у него не мелкашка, а винторез, достанут пулю, поймут, что не он стрелял. Утром решил вытащить труп на холод, но обнаружил, что покойник еще теплый. Приложил руку к груди, сердце слабо билось.

Мужик с пулей в башке был без памяти, но живой! Мотнувшаяся голова открыла пятно крови на подложенном ватнике. Нашлось и второе, выходное отверстие. Получалось, что пуля, войдя в нижнюю челюсть где-то под языком, прошла через носоглотку и вышла, аккуратно просверлив теменную или, может быть, затылочную кость. Невероятно, но факт.

Делать было нечего, рассказчик стал ухаживать за раненым, и через две недели этот бугай даже стал вставать, но не испытывал при этом никакой благодарности, скорее наоборот. Он и так-то был сволочным, а тут у него еще что-то в голове повернулось (что, в общем, немудрено). Однажды, готовя ему кашу, рассказчик неудачно пошутил, сказав, что у того теперь будет кличка Дырявый. Потом спохватился, что «лишка хватил», ведь дырявыми на зонах зовут опущенных, пидоров, но было поздно. Он почувствовал опасность и стал следить за соседом. Заметил, что напарник прячет в своей постели нож. Неделью, по его рассказам, он не давал себе заснуть, прислушиваясь по ночам к тому, спит ли сосед. И дождался, увидев над собой безумные глаза.

Они долго боролись, ему удалось отпихнуть напавшего, тот треснулся головой о стену и сполз.

Оглянувшись, Николай увидел, что в заимке пожар – керосиновая лампа упала, разбилась, и все вокруг уже полыхает. Он выскочил наружу, спасти урку еще раз уже не хотелось. Все сгорело, несколько дней он замерзал в шалаше, завернувшись в остатки шкур и брезента. Дождался вертолета.

Потом было следствие и на пожарище нашли обгоревший череп с пулевой дыркой. Показаниям будущего зека, понятное дело, никто не поверил. Охотника-ннца не нашли, где его найдешь, тайга большая. Николай получил 7 лет.

Я не знаю, правду ли мы слышали. Но такой занятный сюжет был редкостью. Чаще всего в лагерь приводила жуткая в своей простоте жестокость, похоть, алкогольный бред, ревность, нелепый случай и очень редко, специально задуманное преступление против конкретного человека.

Всего лишь два раза приезжает ко мне в лагерь отец. Мы встречаемся, говорим обо всем, но каждое свидание заканчивается, и мы расстаемся. Отец с трудом возвращается домой. Колочая проволока, вышки и сын, опять уходящий туда, – это невыносимо. Все годы моего отсутствия отец был в тяжелой депрессии. И я пытаюсь из лагеря помогать ему.

Вот несколько строк одного из моих писем ему:

«Па, ты пишешь мне, родной, об одиночестве. А не кажется ли тебе, что

это естественно для всех и вся, что иного и быть не может, тем более для людей, подобных тебе, – да и все мы заключены в самих себя, и наше общение лишь перестукивание между камерами-одиночками, да изредка кому-то удастся выпустить в окошко бумажного голубя в прогулочный дворик – на авось – слепив его из собственного сердца и нервов.

А жить, решать вопросы бытия, платить за все, что нам дарит жизнь и дарить самому – все это приходится делать каждому в одиночку. Взаимопонимание, о котором мы все мечтаем, лишь иллюзия, которой мы хотели бы скрасить свою жизнь, в лучшем случае это легенды, вымыслы друг о друге. Оно никогда не может быть подлинным и полным, как бы нам хотелось, ведь чувствуем-то мы каждый своей шкурой, своим восприятием, из которого не вырваться.

Единственное, что действительно радует нас в жизни среди людей – это настоящая любовь, которая чаще всего, как и подлинная дружба, совсем не обусловлена идентичностью, а чем-то совсем другим, неподвластным логике и разуму. И в этом жизнь не была скупа к тебе. Скорее, наоборот. Не говоря уж о нас с мамой, еще множество людей любили и будут любить тебя и все то, что создано тобой, включая, между прочим, и меня, твое продолжение, и моих Володю и Аську. Судьба, при всех невзгодах, одарила тебя тем, о чем и мечтать-то могут лишь немногие: даром творчества, талантом, глубоким восприятием жизни... Да, немногим слышен твой голос сейчас, но ведь слышен. А ты сам прекрасно знаешь, как множество талантливых людей всю свою жизнь сталкивались только с непониманием и враждой, жизнь которых не озарила ничья дружеская улыбка. Ты же за свою жизнь встречался не раз с самыми разными людьми, которые с пониманием и восхищением относились к тебе. Все это были не великие люди? А так ли это важно? Да и чем оно измеряется, это величие? Ты делал и делаешь свое дело – вносишь свой мед в улей, свою лепту в храм, и лепта твоя не мала. А что не слышно этому должной оценки, так и бог с ними и с их оценкой. Так слава же Создателю за то, что она у тебя есть, что не шевелишь ты «двумя пальцами» своей души. Ну а коли так, то, как и всем стоящим среди лежащих, тебе ощущать не только тепло солнечных лучей, но и холодный ветер, не только осязать в себе весь мир, но и скорбеть от одиночества. Бог ведь тоже одинок, потому и создал нас, наверное, в надежде, что мы когда-нибудь дорастем до него. Так и то, что мы делаем, хотя бы того люди или нет, замечают или нет, прорастает и прорастет в них не сегодня так завтра, и не пропадет зря, и оставит плоды не нам, так нашим потомкам».

Наша переписка с Ю. В. началась с того, что я передал ей письмо, в котором объяснил, что же произошло на следствии. Ведь она, как и многие, была в растерянности от того, что мы признали обвинение в хулиганстве. Когда она узнала о чекистском шантаже, все встало на свои места. Переписка продолжалась до ее освобождения и отъезда, за два года у меня скопилось несколько толстых

пачек писем. Мне не хотелось их терять, а это было реально и на этапе, и при освобождении. Я попробовал спасти их большую часть. Мой непосредственный начальник-технолог собрался ехать в Питер в командировку, чтобы отвезти туда фабричные образцы щеток и кистей. Я договорился с ним, что в большой коробке со щетками и ершами будет двойное дно, и лежащие там старые письма он передаст моим родным. Но случилось так, что это углядел зашедший не во время зек... Через двадцать минут я увидел его выходящим из кабинета оперативников. Но у меня еще была надежда – ведь Кияшко прошел за ворота.

Однако я недооценил чекистской прыти. Технолога взяли уже в поезде.

Чекисты вскрыли коробку, но хоть и были, наверное, разочарованы содержанием, мне ничего уже не вернули...

У меня осталась лишь какая-то часть полученных писем, а свои я нашел дома. По возвращении Ю. В. оставила моей матери то, что привезла из Базы.

Не знаю, странно ли это, но именно в разлуке мы ощущали тот сердечный контакт, которого не было на воле, ни до, ни после тюрьмы.

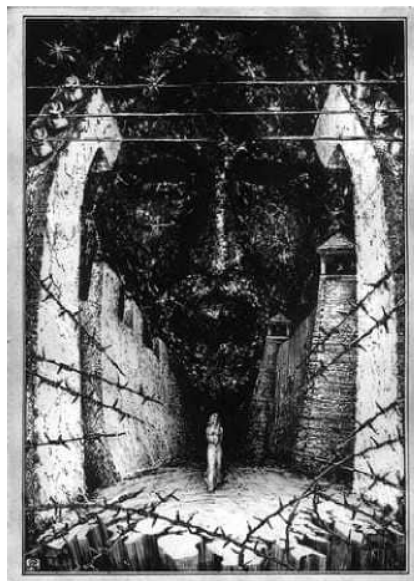
Хотя ничего странного. В тех условиях нам обоим остро не хватало душевного тепла, настолько не хватало надежды, что мы придумали себе сказку. Тот роман, который не реализовался на воле, обернулся эпистолярным романом. Он рассеялся, как только туда вторглась реальная жизнь. Но за два года Ю. В. написала поэтические циклы «Эвридика» и «Книга разлук», одно за другим ко мне приходили ее стихи, а мне удалось сделать к ним серию рисунков. Это было непросто, понадобились тайники, нужно было найти способ переправлять их на волю.

Наши письма шли окольными путями, контакты между заключенными были запрещены, многие письма терялись или перехватывались по дороге.

Пос. Базой – Княжая

«Пачкун негодный и гадкий дамский угодник!

Скоро ли кончится это безобразие? Долго ли будет продолжаться это невозможное молчание и мои всевозможные попытки его нарушить? Твое невозмутимое отсутствие возмущает меня до глубины души, но я подзреваю, что мне придется уж как-нибудь до тебя поскорее добраться и скрутить тебя в бараний рог. Вот это будет раскрутка и скрутка одновременно. Неужели ты не по-

Ю. Рыбаков. По мотивам цикла Ю. Вознесенской «Книга разлук». Бумага, тушь. 1978 г. ИТУ-ОЮ-241/20

нимаешь, что своим злоумышленным молчанием ты наносишь тяжкие душевные повреждения моей хрупкой особе?

Нехорошо, негуманно... Юл, получил ли ты от меня хоть одно письмо после поздравления ко дню рождения. Ты даже представить себе не можешь, какое количество писем я тебе отсылаю. Я от тебя получила одну открытку, два письма и твою фотографию не от тебя – вот и все за этот год. В общем-то, конечно, можно вовсе без писем обойтись – ничего от этого не изменится, но лучше бы уж с письмами. Знаю, что ты более-менее благополучен. Что спокоен. Что у тебя есть возможность заниматься любимым делом. Но есть ли время и силы на это, не уверена, зная специфику твоей жизни. До свиданья, друг мой (письменного, разумеется). Я знаю, что ты не забываешь меня, но постарайся представить на этот счет документальное подтверждение – хоть записку в трех словах – жив, здоров, Рыбаков. Я буду знать главное, а то вечно думаешь: уж не случилось ли чего и не всегда надеешься на лучшее.

Пиши пожалуйста. Ю».

Из тетради:

«Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь, кому?»
«Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму...»
В. Брюсов

«Читаю о Т. де Шардене. Почему природа не избавляется от мутантов, от инакодействующих, инакомыслящих и т. д.?

Казалось бы, зачем они, неправильные? Но может быть процесс эволюции живого зайдет в тупик, если не найдется дурачка (шута, «инака»), который, может быть, и ошибаясь в «генеральной линии», возьмет да и вытащит завязшую в болотине жизнь на какую-то новую тропинку? И даст возможность продолжения?

Не помню, читал ли я где-то или сам видел: муравьи тащат несколько слипшихся кедровых иголок, они суетятся и дружно пихают и тянут неподъемную тяжесть к муравейнику. Но она не поддается. К тем, кто слаженно работает, присоединяется один бестолковый – все толкают вперед, а он то вбок, то назад... Но в результате только с его появлением начинает получаться!»

СЫНУ

Ты в море выходишь, мой маленький катер,
Так помни, что лжива туманная мгла,

Что густо минирован жизни фарватер,
Компас без картушки и карта бела.

Соленые дали распахнуты настежь,
Дерзай и упорствуй, всем бурям назло,
Лишь верь неохотно, не то угораздишь
Акулам на ужин, как мне повезло.

Но полно, мой мальчик, плыви же скорее
Нехоженым курсом великой мечты,
И, может быть, в этой слепой лотерее
Из тысячи выиграешь именно ты.

Когда же расстанешься с лоцманом детства
И в море узнаешь, что в этом пути
Упорствовал, бился и сгинул отец твой,
Заплачь, но штурвала назад не кати!
А. Р. [Рыбаков, 1947 г.]

Ст. Княжая – пос. Базой.

«Серебряный Ручей! Шур Хенд-Верная Рука приветствует тебя!

*Все ли благополучно в твоём большом вигваме? Занесло ли снегом перевалы?
Все ли медведи улеглись спать по своим пещерам? Теплая ли у тебя парка и хватит ли пеммикана до весны?.. Ещё семь лун и ты покинешь резервацию, год змеи на исходе, в прериях гурунов ждут великие дела!*

Родная! Вот сейчас, составляя список твоих стихов, я ещё раз окинул все взглядом и поразился, какая ты молодец! Тебе есть за что благодарить Создателя.

Большая часть этого имеет прямое отношение к нам с тобой, и я уже называл тебе то, что мне ближе, но не мне объективно судить откровение сердца мне дорогого. Я могу только ответить тебе кистью и карандашом.

Я тут стал было делать композицию – День Ангела, но это слишком сложная и долгая работа, обстановка не позволяет, могу работать только на микроформате и только урывками, когда выпадаю из-под ока, а кто-нибудь из друзей стоит «на стреме». Некоторых своих работ я уже лишился – красиво горели, стоя рядом, я вспоминал художника Акутогавы.

Твои письма я получил. Не волнуйся за меня, я же спокойный и выносливый. Жаль, что с перепиской нашей все трудней, не удивляйся редкости моих писем. И писать подчас бывает просто тяжело и отправлять. А мысленно я всегда с тобой. У нас уже настоящая полярная зима: волки по ту сторону запретки воют на луну (по эту сторону это невозможно, их бы съели). Приближается по-

лярная ночь, сейчас солнце восходит лишь в II утра, а заходит в час дня. Скоро и совсем скроется, но ненадолго. А самого солнца я и сейчас не вижу, а только розовеющие облака в лазурном и ледяном небе.

Я продолжаю отвечать на твой вопрос. В предыдущем письме я писал тебе о человеческом пути как о «серфинге». Для кого-то это приспособленчество – выбрать самую сильную волну и прокатиться на ней. И только. И не важно, что за волна и куда она...

Я думаю иначе. По мне есть только одна волна – одна на всех, остальное – еж морщины. Так мне начинает казаться.

Оформление этой точки зрения происходит у меня давно, а сейчас я столкнулся с идеями Тейяра де Шардена, был такой философ, богослов и антрополог. В 30-е годы он опубликовал книгу, сейчас она есть только в библиотеке АН, да и то на спецхране, к сожалению, ее саму я не читал, а ознакомился только с отдельными тезисами. Для него по ту сторону может существовать и существует только Бог. Он считает, что наличие целей и побуждений, отличающее все живое в мире, не могло возникнуть даже при миллионнократной, но случайной комбинации. Он считает, что существовал первый толчок, который не только помог рождению, но и вложил в созданную живую клетку сложнейшую генетическую программу для всех будущих поколений мутантов. Суть этой программы сводится к развитию, разрастанию нейронов, нервного вещества, мозга, а вместе с ними и сознания. Таким образом, объектом божественного творчества является не отдельный вид, а в целом эволюция живого, где каждый вид – это ступень, новая ветвь среди ветвей.

Дополняющим условием этой программы является закон, по которому разновидности живого из одной ступени эволюции имеют равные шансы для развития только до тех пор, пока какой-то вид не перерастет своих собратьев в накоплении нервного вещества. Когда это происходит, все остальные замирают и выходят из игры.

Опередивший других вид выдает «куст» новых побегов и в нем повторяется та же закономерность. Интересно, что каждый раз перспективный обнаруживается не среди оптимально приспособленных к своей нише, а там, где вид оказался на грани вымирания. Тот, что приспособился, скорпион, например, живущий припеваючи даже в остывающем реакторе, сформировался миллиард лет назад, да так и остался скорпионом. Он слишком совершенен и как род в целом неуязвим. Слабый же оказывается той лазейкой, через которую проникает эволюция.

В Программе (которую мы в простоте душевной называем природой) видимо есть этап освоения коллективного сознания. Первые попытки были с муравьями, пчелами. Но это опять привело ее к сбалансированному варианту, который в результате оказался тупиком.

На каком-то этапе слабым звеном среди млекопитающих оказался будущий

человек... Почему именно он, неизвестно, как и то, как за 70 тысяч лет он превратился в человека. Видимо, была какая-то биологическая предрасположенность к отвлеченному мышлению, она, наверное, и спасла.

Здесь опять прослеживается тот же закон подчинения: стоило только первому вундеркинду-плезиадапису свалиться с дерева и пошевелить мозгами, как всякие там динозавры и саблезубые тигры почему-то передохли. А казалось, жить бы дальше, в условиях, где на это способен даже слабый проточеловек? Но тогда они бы его съели, а вот этого программа допустить не могла. И пришлось чуть живому плезиадапису срочно изобретать в себе способность к мутации, а всем чудищам поднять лапы и отправиться в сторону зоологических музеев. Потом закон «подчинения наоборот» – совершенного несовершенному – вступил в силу уже внутри рода гоминидов. Ведь роль человека в этом процессе хоть и качественно новая, но только ступень.

Вот так, из тех обрывков, которые мне довелось услышать и дополнить собственными догадками, я понял идеи Шардена. Конечные его выводы мне, увы, пока не известны, но если все так, человеческие проблемы действительно становятся лишь морщинками на большой волне, хоть и не умаляются этим.

Я думаю, что Закон обратного подчинения должен действовать и среди нас, только не в повседневной борьбе, где все происходит наоборот, а по большому, очень большому счету.

Мутация как поиск выхода – удел несовершенных и потому совершенствующихся, а потому побеждающих. В этом свете многое становится если не понятнее, мы об этом уже давно интуитивно догадываемся, то четче и уверенней. Что происходит с людьми? Вероятно, то же разрастание видового куста: его разные побеги – это разные типы и уровни мышления, интеллекта, нравственности, а результат – способность к сопереживанию, т. е. выход за пределы своего Я.

Здесь, мне кажется, может крыться конечный или следующий замысел Творца, который, возможно, хочет вырастить равных себе.

Но почему нужно верить в развитие интеллекта и альтруизма, когда корысть и эгоизм широко и прочно хозяйничают в мире?

Да, люди одаренные и добрые встречаются в массе человечества редко, они изолированы друг от друга косной массой пустой породы, подобно тому, как разрознены частицы урана в руде. Становится ли на земле больше добра? Прогресс не очевиден. Подчас создается впечатление какого-то сбоя (нарезки сорван поворот – все повторяется сначала).

Но думаю дело просто в том, что разница между периодом человеческой жизни и ритмами эволюции слишком велика для нетерпеливых человеческих сердец. И нет такой «обогачительной фабрики», которая могла бы выбрать лучших из 4 миллиардов людей, а если бы и была, что делать с ними потом? На остров? А с отвергнутыми? И нельзя забывать, что для урана есть предел кри-

тической массы, его превышение дает взрыв. Противоречить законам эволюции опасно. Мы уже знаем другой вариант изменения этих законов, инкубаторский, в котором выводится новая порода «человеков хороших». Цель очень даже благородная, а в результате черная дыра, коллапс. Мертвая зыбь.

Как видишь, даже такая беспощадная в своей глобальности теория оставляет нам большой выбор своей траектории полета. Что же касается жестокости и корысти, то последнее слово в развитии человечества не за ними, потому что тем, кто обладает этими «достоинствами», живется легче, значит, они в теплом тупике. Оттуда им и вылезать-то совсем не к чему. А дальше шагать (или погибать) тем, кто страдает от чужой боли, тем, кто слышит Erdgeist («дух земли»), тем, кого мучают вопросы бескорыстного знания, кто ощущает себя звучащей лирой Бытия, ибо им труднее на земле. Значит, мутация нового существа произойдет в этой среде «слабых».

Новый житейский опыт, новая среда показали тебе со всей очевидностью, как тонка и прерывиста пленка человечности и культуры на человеческом болоте. Для меня это было серьезным испытанием. Что же делать? Своим примером, отдав все силы, осушать болото? Или возвыситься в личном очищении? Вопрос этот ни мне и ни тебе. Мы на него ответили. Хотя еще недавно он был вопросом для очень немногих. Недолго, примерно 2–3 тысячи лет, мы учимся сопереживанию и солидарности. До нас, а это «до» как длина спички по отношению к головке, так вот до НАС вопроса такого не было, каждое существо шло своим путем и не могло помочь другому.

Теперь нарастает на этом болоте корка, пружинящий, легко рвущийся ковер нового отношения к окружающему миру. Под ним жадно сосущая бездна. Может ли развитие интеллекта и духа сосуществовать с теми, кто отстал, кто будет продолжать идти рядом, кривляясь и мешая, а то и норовя запустить кокосовым орехом в чью-то голову? Вопросы, которых в письме не разрешить. Само их существование – признак того, что мы не обречены на предрешенную дорогу. Ну а путь, который выберет себе человечество, зависит от соотношения сил внутри него. От соотношения наших сил. Сохранятся ли болеющие чужим горем, неуживчивые, слишком восприимчивые, став чем-то новым, или останутся на земле только хорошо сбалансированные люди и сообщества, обреченные на бесконечное и однозначное воспроизведение, на вечную тюрьму в себе?

Бездушная материя стремится к покою во всем, именно поэтому в древе жизни столько засыхающих ветвей. Мы, надеюсь, в той, которая еще зеленеет, и мы за нее в ответе. Вот, милая, о чем я размышлял последнее время. Забавно будет, если я когда-нибудь прочту все же самого Шардена, а не ссылки и критику и пойму, что додумал за него что-то совсем не то...

А напоследок вот тебе немножко О. Хайяма:

Прекрасно – зерен набросать полям!
Прекрасней – в душу солнце бросить нам!
И подчинить Добру людей свободных
Прекраснее, чем волю дать рабам.

Надо заканчивать, а то в конверт не поместится. Береги себя. Обо мне не волнуйся. Ползимы уже отзимовали. Сейчас вернулись мужики с ночной смены, говорят, полыхает на полнеба северное сияние. Пойду гляну. Вокруг все спят. Завтра в 6 утра подъем. Как твои глаза? Тебе нужны витамины. Они есть в основных иглах, на кончиках молодых веток – срывай и ешь, хоть через силу.

Sure hand – the Indians friend – Юл»

Из тетради:

Тот человек, кого ты любишь во мне,
Конечно, лучше меня: я не такой.
Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя...

М. Пришвин

Гр. Сковорода:

«Благодарение блаженному Богу о том, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным».

«Сон, полустанок, река, кособогор... [Это пометка о том, что однажды я пережил во сне]:

Я в маленьком станционном здании. Узкие створки высоких окон открыты, сквозь них в зал льются потоки солнечного света. Легкий ветер гуляет. Он приносит с улицы запахи лета, разгоняет табачный дым и пыль от сапог. Дым мягкими, слоящимися разводами пересекает столбы света, его голубизна пропадает на свету, приобретая цвет ржавой седины. Радостное ощущение молодости. Это внутреннее чувство, я знаю, что оно не связано с происходящим. Мне сладко дышать. Но в руках у меня винтовка. Вокруг курят и разговаривают люди, они тоже вооружены и одеты в какую-то общую форму. Люди в состоянии сдержанной тревоги и возбуждения, вместе со всеми я ощущаю веселую обреченность... Все знают, что сейчас на них нападут, что кому-то из нас умирать. Но настоящего страха смерти у меня нет. Как будто это и всерьез, и «понарошку».

Все смещается. Кто-то беззвучно разевает рот в крике. В окна лезут страшные люди, их много. Беззвучно вспыхивают выстрелы, удар швыряет меня на пол. Подняв голову, я вижу, что в зале не осталось ни одного стоящего человека. Раненые или мертвые лежат, устилая весь пол, ступени и подоконники. Зал заполняет толпа – это враги. Я лежу, притворившись мертвым, и думаю, что сейчас всех начнут раздевать, обыскивать и тогда обнаружат меня, живого. Страстно не

хочется умирать, мысленно я противлюсь тому, что должно произойти и, преодолевая какое-то вязкое сопротивление, изменяю ход событий. Люди уходят. Я не слышу их голосов, как не ощущал запаха дыма, но знаю или как-то иначе чувствую, что шум смолкает. Но все что я вижу, ярко и подробно, все, к чему прикасаюсь, оставляет емкое осязаемое ощущение.

Я чувствую суровую шероховатость шинельного сукна, холод воздуха, струящегося под окном, где лежу. Мне не терпится уйти от опасности. Откинув шинель, я спрыгиваю в сад, мне нужно перебежать железнодорожные пути. На бегу я вижу: от станции медленно уходит состав, впереди маленький паровоз, за ним вагон и платформа, там, свесив ноги, сидят угрюмые люди с оружием. Среди них мальчик. Он видит меня, спрыгивает и бежит в мою сторону.

Луг, высокая ярко-зеленая трава, но она скрывает меня только до пояса. Я бегу, оглядываюсь и вижу голову преследующего меня мальчишки. На пути широкий ручей или протока. Мелькает мысль, что если взрослые увидят обоих, то тоже сразу бросятся в погоню. А если я буду в воде, они не поймут, куда и зачем бежит мальчик. Я бросаюсь в воду, и холод обжигает тело. Мир вокруг прекрасен, сверкает солнце, сверкает вода, в которой легко и свободно движется мое тело. Сочная зелень упруго тянется вверх, ветер напоен свежестью воды. Я плыву между узких берегов, задеваю их руками, а надо мной снова парнишка. Он бежит по берегу рядом и показывает на меня пальцем и что-то кричит, оборачиваясь назад. Я вижу, что вдаль, сквозь траву уже мелькает чья-то винтовка. Подымается глухая и ослепляющая злость, выскочить из воды и затряхнуть поганца. Я представляю, как моя рука сомкнется и хрустнет его шея. Но стыд властно останавливает. Берега ручья вдруг расступаются, открывается река. До того берега десятков метров. Он все ближе, и вот под ногами уже песок, я с трудом выбегаю и, задыхаясь, карабкаюсь по крутому берегу, цепляясь за траву. Еще, еще несколько шагов и я переваляю за косогор. Я слышу сзади щелчок и просыпаюсь.

Но и проснувшись, я какое-то время еще там, где бежал и где что-то оборвалось. Там, где обьяла тишина или пустота...

Вот такой удивительно подробный, полный всеми ощущениями, яркий сон приснился мне там однажды, я проснулся, как это говорится, в холодном поту. Никаких внешних обстоятельств, которые хоть как-то могли породить такой сюжет, я не нашел. Чья судьба приоткрылась мне, что стало с тем, кем я стал на мгновение – это занимало меня долго. В конце концов, я, как мог, точно и близко записал увиденное.

Жаль, что на воле не дошли у меня руки до «Мертвого дома», Федор Михайлович очень бы сейчас пригодился для сравнения.

Дом не мертвый, а вот души?.. Вот Ю. В., судя по тому, что пишет, чью-то отогрела...

Большинство тех, которые вижу я, еще и не родились.

«Как труп в руках начальства!» – Глава Ордена иезуитов Игнатий Лойола о послушании.

Заботы дня, как псы, меня бесславно травят
Взывает ловчий рог, бегу я, как кабан.
Но горе им! Они вступить в борьбу заставят!
Стонать вам всем, ловцы, от боли свежих ран!

В. Брюсов

Несмотря на глубокое равнодушие к искусству, большинство людей с почтением и своеобразной любовью относятся к Ренессансу и тем периодам в искусстве, где они находят цельное восприятие жизни. На самом деле мира и лада в ту эпоху было не больше, чем во времена ГУЛАГа. Гармония Гайдна и Боттичелли заслонила холеру, нищету и бесправие, отравителей, грабежи, инквизицию, войны и рабство. Неужели пройдут века, цельный в своей мифологии соцреализм покажется кому-то гармонией живших и творивших в «золотые» времена.

Три вершины духовного зодчества:
Вдохновение, мудрость, пророчество –
Носят Ваше волшебное отчество,
Одинокство, Ваше Высочество!

А. Р. [Рыбаков]

Пос. Базой – ст. Княжая

«Милый, мне жаль, что ты не всегда понимаешь меня, что по-прежнему торопишься меня судить. Вспоминать погибших друзей и почувствовать старую утрату, как сегодняшнюю – это еще очень далеко от салонных разговоров о смерти! Причем тут твоя бабочка, я совсем не понимаю. Ты же знаешь, что она постоянный житель моих стихов, когда веселых, когда грустных. Зачем ты неволишь меня быть всегда бодренькой? Человеку от Бога положено и предписано страдать и сострадать на земле, а счастье, редкие минуты полного счастья – это наши прорывы в будущее. Не хочешь ли ты, чтобы я душила в себе подлинную тоску и душевную муку во имя того, чтобы казаться сильнее, чем я есть? Силен только тот, кто проходит через большие страдания, чувствуя их сердцем, на всю глубину. Иначе нам придется признать сильными личностями безмозглых и бесчувственных скотов. Меня иногда спрашивают, почему ко мне идут слабые и беззащитные, увечные. Да потому, что я их больше люблю, в них больше человеческого! Сытый среди голодных, здоровый среди умирающих, наглый и сильный среди беззащитных – вот это для меня ступень человеческого падения. А ты хочешь, чтобы я не испытывала

приливов смертной тоски! Другое дело, ты вправе требовать, чтобы я не делилась этой тоской с тобой. Такой упрек я принять готова. Теперь я буду осторожнее и постараюсь не омрачать твоего величавого спокойствия. И буду одна в самые свои черные минуты. Нравится тебе такой ответ?..» Ю. В.

Из тетради:

Ключевский: «Прямой путь – кратчайшее расстояние между двумя неприятностями».

Э. [Энгельс]: «Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первых до сегодняшних дней, а периоды высшего расцвета искусства и науки стали возможны только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства».

Он не был первым и, увы, не стал последним, кто заблуждался на этот счет.

Роль алчности в развитии человечества действительно велика, равно как и свойство человека рассматривать окружающий его мир как вещь, с позиций приобретателя и хозяина. Да, плывущими в дальние страны двигала не только бескорыстная любознательность, а изобретатель парового двигателя рассчитывал на приз, но что двигало их мышлением в сторону от короткого, надежного пути к успеху?

Не деньги считал в уме Уатт. Заработать на хлеб с маслом он и другие бабковитые люди могли и могут, не рискуя воплощением своих фантазий. Ими двигало что-то не поддающееся рациональному объяснению.

С одной лишь жадностью человечество сгнуло бы, не успев стать собой... Тот, кто вдохнул в нас жизнь, снабдил человека сложнейшим комплексом мотиваций, без которых жизнь пресеклась бы уже давно.

Алчность и альтруизм, бессердечие и сопереживание равно необходимы прогрессу. Другое дело, их соотношение, их мера.

Не корысть, а сопереживание пробудило в человеке представление о справедливости и ненависть к социальному неравенству, благодаря способности к сопереживанию человечество из века в век старается убавить в себе долю эгоизма, перекроить свою породу, переустроить мир на основах братства.

Сопереживание, а не алчность толкает нас на попытки создания мира, где не будет места страданию. Христианство, ставшее костяком европейской культуры, в корнях и плодах своих опирается на это неизбывное чувство.

Ночная бабочка придет из темноты,
китайским веером помашет надо мною,
и я усну, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей женою.

Велишь мне платье длинное надеть
И в руки взять цветы, и в новом доме,
Где половицы, словно мед и медь,
пройтись по комнате, чтобы меня запомнить.

Ты сядешь рисовать мои цветы,
А я напротив с книжкой устроюсь
И задремлю... И мне приснишься ты
И назовешь меня своей сестрою.

И нам с тобою в новом этом сне
Плеснет в глаза огонь неотвратимый,
И наша кровь на каменной стене
Смешается, как в чаше побратимов.

Услышав гром небесный с высоты,
я выпущу плечо родного брата
и упаду. И мне приснишься ты
И назовешь меня своей утратой.

Ты мне глаза закроешь и лицо
И на руках снесешь меня обратно.
И разомкнется рук твоих кольцо –
Ни мужа, ни любимого, ни брата.

Ночная бабочка умрет на потолке,
отравленная насмерть желтым светом,
и я усну с душою налегке на полчаса,
без снов перед рассветом.

Ю. В., 1976 год, тюрьма «Кресты»

Из тетради:

Благодаря растущей способности выходить за пределы своего «я», человек вырвался из замкнутого круговорота биожизни на новую ступень. А попав на нее, не мог не почувствовать своего одиночества. Но отличить себя от мира, значит, отлучить себя от него! Тогда мы стали искать пути преодоления сиротства. Нашлось два: из ничего стать всем, пересотворить мир и стать его Хозяином, или найти сыновнее единство с Творцом.

Э. Антд. [Энгельс, «Антидюринг»]: «Современный материализм уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверж-

дение и проявить себя не в какой-то отвлеченной науке наук, а в реальных науках. Философия таким образом здесь «снята», т. е. преодолена и сохранена – преодолена по форме, сохранена по действительному содержанию».

Это превращает философию в универсальное толкование узконаучных, в данном случае, экономических открытий, экстраполированных на весь опыт духовной и общественной жизни человечества. Между тем философия, и это главное отличие ее от всех наук, не является областью утилитарного знания, она процесс нашего сознания, обращенный вовнутрь себя, исследующий себя и отношения окружающего бытия и сознания. Второе, что отличает ее от прикладных наук, – это то, что цель ее исследования лежит за пределами насущных человеческих потребностей, а это лишает целеполагание данного сознательного процесса его обычного, прагматического значения. Эта область знания надлична, она вышла за рамки той человеческой активности, тайные и явные стимулы которой открываются в стремлении к «лучшему».

История философии – это в первую очередь борьба мировоззрений, концепций, поэтому говорить, что «современный материализм уже больше не философия, а просто мировоззрение...», значит, недвусмысленно указывать на смерть этого явления, поскольку мировоззрение статично, а статика и жизнь несовместимы. Поэтому о «преодолении» философии не может быть и речи. Бесспорно, все развитие нашего знания – это результат самоопровержения, самопровокации разума и, в результате, отвержение старых концепций под разъедающим влиянием пытливого сомнения. В то же время в познании новое вырастает из старого подобно тому, как молодые ветви дерева вырастают над старыми ветвями, заслоняя их от солнца, отнимая у них соки, но еще долго сосуществуя с ними в едином организме. Человеческая культура в такой же степени преемственна и нерасчлняема. Нечто совсем другое происходит в животном мире. Так кукушата, «снимая» проблему сосуществования с настоящими птенцами малиновки, выталкивают их из гнезда и преодолевают таким образом различия формы и сущности, сохранив функцию взаимоотношений с приемной матерью. Так, материализм Э. [Энгельса], «снимая» философию с повестки дня, «преодолевая ее по форме», «сохраняя ее по содержанию», в действительности делает обратное. Сохраняя ее оболочку, и даже, как будто, сохраняя ее основную функцию – осмысление, он утверждением о «просто мировоззрении», обнаруживает желание вытеснить и заместить своим толкованием все содержимое накопленного разумом духовного опыта. Парадоксально, что на страницах того же труда он сам признает: «...если бы человечество пришло когда-нибудь к тому, чтобы оперировать одними только вечными истинами – результатами мышления, имеющими суверенное значение и безусловное право на истину, то оно дошло бы до той точки, где бесконечность интеллектуального мира оказалась бы реально и потенциально исчерпанной и тем самым совершилось бы чудо сосчитанной бесконечности». Увы, и Фридриху ничто человеческое не чуждо,

мы имеем дело с банальным казусом ревнивой слепоты. Признать, что и его с М. [Марксом] детище не может и не будет универсальным и конечным пунктом в интеллектуальной судьбе человечества, духа не хватило.

Пришвин:

«Назначение человека – высказать то, что молчаливо переживается природой».

Мы – производное от прошлого.

Если мы есть – прошлое было.

Существование прошлого подтверждается наличием настоящего.

Но если ты не знаешь своего прошлого, то тебя нет, ведь для человека нет того, о чем он не знает?

«Юра, санитар».

Это одна из историй о преступлении, совершенном вполне осознанно. В нашей зоне медбратом работал бывший хирург Юра. Русская фамилия, хотя во внешности было что-то чуть казахское или башкирское, плотный, спокойный. В областной больнице, где он работал до посадки, у него были проблемы с главным врачом, тоже хирургом. Тот считал, что Юра метит на его место.

Однажды главный пришел, когда Юра делал полостную операцию, и сказал, что надо срочно куда-то сбегать, а больного он зашьет сам...

Вернулся Юрий быстро и встретил хирургическую сестру, а та, стесняясь, сказала, что недосчиталась перевязочных материалов, что на его месте пошла бы в операционную, где еще лежал больной, и посмотрела, все ли у него в порядке. Он так и сделал, почуяв неладное, снял наложенные швы и обнаружил в брюшной полости засунутую поглубже марлевую салфетку. За такие вещи врачей «сажают» или, если больного с воспалением брюшины удастся спасти, увольняют.

Поняв, какую подлянку подстроил ему главврач, Юра, глотнув спирта, нашел своего начальника и вспорол ему брюхо хирургическим ножом... Срок получил, кажется, 12 лет.

«Тот, кто берет на себя смелость конструировать народ, должен чувствовать себя способным изменить человеческую природу, превратить каждого индивида, который сам по себе есть некое совершенное и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивид в известном смысле получает свою жизнь и бытие, должен поставить на место физического и самостоятельного существования существование частичное и моральное. Нужно, чтобы он отнял у этого человека его собственные силы и дал ему взамен такие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других».

Ж. Ж. Руссо, «Общественный договор».

ИЧД [инженеры человеческих душ – Ю. Р.] поступили в точном соответствии с этим указанием: вот только договора о согласии народа стать «родовым существом» не заключили.

«И на расчищенной от одного поколения (буржуев) почве постоянно в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рождает она буржуев сколько угодно». ВИЛ [Ульянов]. Заседание ЦИК 29.04.18.

Продолжатель его дела идет дальше:

«...следовательно, продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы».

Джо [Джугашвили]

Бердяев:

«Р. м. [революционная мораль] не знает личности, как основы всех нравственных оценок и суждений. Это безымянная мораль. Она отрицает нравственную ценность качеств личности, отрицает нравственную автономию. Поэтому р. м. есть отрицание морали. Р. [революция] аморальна по своей природе, она становится по ту сторону добра и зла».

Нет, она становится таковой в процессе, сначала для многих – это реакция на несправедливость, это гнев и сострадание, это потом «можно напомнить ленинские слова о том, что нравственно в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма» (Б. [Брежнев]).

Все лагерное начальство и даже сами зеки произносят «осужденный» вместо «осужденного», «потерпевший» вместо «пострадавшего».

Почему?

Понятно, что это устраивает преступника. В его лексиконе с легкой руки правосудия потерпевший превращается в «терпилу», что позволяет абстрагироваться от жертвы и пренебречь ею.

Ну а правосудие, причем здесь терпение? Почему оно избегает производного от слова страдание, ведь по смыслу оно точнее отражает статус жертвы?

Я думаю, это уход государевых людей от сопереживания, пострадавший – это человек, потерпевший – это абстрактный объект, который не мешает механической функции правосудия. Так же и с преступником: слово «осужденный» подразумевает принадлежность человеку. Слово «осужденный» обезличено – это клеймо на объекте исполнения наказания.

Удивительно читать у М. [Маркса]:

«Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие.

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги...

Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде – презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как к самоцели, – это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью.

Написано им в 1843 году, и он сам и Бауэр, с которым он полемизирует, несколько не стесняясь, смешивают национальность и сущность, причем не в групповом или индивидуальном, а в отношении целого народа. Себя же он из «еврейства» исключает, хотя мог бы, заглянув в зеркало, убедиться в том, что в еврейском народе, как и любом другом, есть люди разного толка...

Или он просто не видит народа, а рассуждает о религиозно-этнической категории, тогда не чтящий субботу и не стяжающий для него не еврей? Тогда Исаак Левитан не еврей? А чукча, японец, француз или украинец, если это, по Марксу, стяжающие люди, «евреи»?

Вот так идеология, упрощая мир, предлагает вместо знания миф и превращает нас в объект манипуляций.

Идеология – враг народа?

Из письма Н. Л.:

От волос табаком и вишней

Я такая, какая есть,

Заставляет глядеть повыше

Может, гордость, а может – спесь.

Заставляет глядеть поостроже

Может, гордость, а может – страх.

Упаси меня, святой Боже!

Доброта моя в синяках.

Ст. Княжая – пос. Базой:

...Ю., о монастыре думаю я вот что. Уход в него совсем – грех для человека, способного дать людям что-то хорошее. Я могу понять это только как способ лечения души, для последующей работы.

Христос говорил: «Блаженны смиренные и нищие духом, ибо их есть царствие небесное». Нищих духом я понимаю как тех, кто дошел до понимания ограниченности человеческого познания, до смирения. «Я знаю, что я ничего не знаю» – само это утверждение требует определенного интеллектуального

уровня. Поэтому его первая начальная заповедь расшифровывается, по- моему, так: вы будете счастливы, если не поддадитесь гордыне!

Последняя из его заповедей и, надо думать, важнейшая: «Блаженны те, кого преследуют за правое дело, кого поносят и позорят за него – возрадуйтесь и ликуйте, ибо вам дано Царствие Божие». Итак, счастливы те, кто смирил свою гордыню и занят правым делом. И далее он говорит: «О вас я хотел бы сказать, други мои, что вы соль земли. Если соль потеряет вкус, чем тогда солить... если в вас умрет сила добра, то дни ваши пройдут среди бессмысленных забот и дел людских. Будьте светом мира, чтобы дела ваши зажигали в людях лучшее, что в них есть!»

Это не смирение, это не уход (монастырей он не устраивал и уединенных общин тоже, наоборот). А вспомни притчу о мытаре: для Христа он, грешный сборщик налогов с проснувшейся совестью, дороже того, кто проводит свои дни в храме и кичится своей праведностью. Иисус говорит: «Не жертва, а правота угодна мне». Это к вопросу о соблазнах жертвенного и самоспасающего уединения.

А об искусстве: И. не показывала тебе статью, которую я написал, пока был на Шпалерной? Жаль, что пропали, видно, две акварели, которые я тебе высылал, автопортрет и пейзаж. Рисовать и писать с трудом, но удастся. Да и замыслов хватает.

Да, аистенок, у нас с тобой еще будет много счастливых дней и общей работы, и общих радостей. Ругаться, я думаю, тоже будем, чтоб затем мириться. Юл.

Ю. Рыбаков. По мотивам цикла
Ю. Вознесенской «Книга разлук».
Картон, масло. 1979 г. ИТУ-ОЮ-241/20

Из тетради:

Вл. Соловьев «Смысл любви»:

«...ложь и зло эгоизма состоит в исключительном признании безусловного значения за собою и в отрицании его у других; рассудок показывает нам, что это неосновательно и несправедливо, а любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать для себя безусловное значение другого. Признавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особеннности, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную истину, свое

безусловное значение, которое именно состоит в способности переходить за границы своего фактического, феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом».

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться!
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем, поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

М. Цветаева

Искусство:

– служебный род деятельности, вспомогательный инструмент в деле самоорганизации общества?

– форма познания, выходящая за рамки необходимости, чтобы понять свою роль за пределами личного, временного бытия?

Все виды, как и творческое мышление, расходясь и переплетаясь, следуют общим закону: подражание, отстранение, осмысление, новаторство.

Отчего была такая нелюбовь к Н. Х. [Хрущеву]?

– Вместо короля-солнце (жестокого, но справедливого) на троне оказался мужик... Это только в сказках кому-то приятно видеть Ивана-дурака на царском троне, он себя с ним отождествляет. Ну, а если на самом деле вознесся какой-то дядя в соломенной шляпе? А ты так и остался холопом? Обидно.

Старый анекдот:

– Вы знаете, вы знаете, а ведь Иван Иванович, оказывается, гений?

– Кто-кто? Иван Иванович? Да бросьте, не смешите, я с ним вчера чай на балконе пил.

Нет, Никита, конечно, не гений, скорее наоборот, пожалуй, на нем-то и сбылась мечта идиотов о «кухарке, которая будет управлять государством». Возможный палач – исполнитель в молодости, шут при кремлевском горце, в зените – храбрый обличитель дохлого людоеда и не лишенный природной смекалки, способный даже слушать, самодур, сентиментальный большевик в опале, он, пожалуй, все же превзошел себя, нечаянно загнав первый осиновый кол.

При этом в глазах толпы его главным недостатком была самоуверенная простота без величия.

Ю. В., пос. Базой:

Какая нам разлука предстоит!
Какая позади меня разлука!
Все перемелется, останется лишь мука
Изгнанника – извечный русский стыд.

Я ухожу, но эта боль легка.
Смотри, Россия от тебя уходит -
На белом самолете, пароходе
И в белом саване – под белые снега.

Но я живу уверенностью в том,
Что я уйду на самой высшей ноте.
А что со мной случится в том полете,
Узнаешь ты когда-нибудь потом.

В. Фигнер:

«Всякая истина, раз признанная таковой, приобретала тем самым принудительный характер для моей воли. Это была логика характера».

Термин СВОБОДА всегда требует уточнения. Свобода чего? Для меня это свобода выбора, свобода действия.

Воля – это лишь потенциальная свобода импульса, не обязательно реализованного.

Из письма Н. Л.:

В который раз по клавишам танцую,
В который раз звенящее стаккато
От стен отскакивая, по полу катаясь,
Сквозь форточку
И прямо по панели
Промокшего Литейного летит.
И на здоровье – слушайте, кто хочет,
Мелодию простуженной машинки.
Кузнечик, образина, трясогузка
Мы так с тобою спелись, что, наверно,
Есть на разбитых пальцах отпечатки
Твоих позеленевших клавиш.
И на здоровье – думайте, кто хочет,
Во что слагались буквы алфавита...

«...Вспомнил рисунки мальчика-эвенка, увиденные мной в детстве. Я жил тогда в Москве у деда с бабушкой, а в «Огоньке» была опубликована статья о народах Севера, в том числе, упомянут ребенок, который попросил у корреспондента детских книжек. Вместе с дедом мы тут же написали в журнал, получили адрес, я накарябал короткое письмо, и дед отправил бандероль со сказками и букварем. В ответ мы получили от мальчика письмо с поразительными рисунками оленей на оберточной бумаге. Я в этом еще ничего не понимал и просто рассматривал, а дед даже засомневался, детская ли это работа. Сейчас мне кажется, что в них было сходство с наскальными рисунками: та же безошибочная уверенность линии. Может и правда, «цивилизованное» человечество деградирует, теряя таланты, которыми еще обладают дети “дикарей”?»

ВИЛ [В. Ульянов]:

«...из февраля в октябрь. Опрокинуть и на плечах отступающего противника ворваться в город...». Завоеванная страна.

Катаев. Газета «Известия» № 246:

«Высшим законодательным актом советская интеллигенция приравнена к рабочим и крестьянам. Нам всем оказаны величайшая честь и величайшее доверие». Поразительно, ведь не 30-е на дворе, 70-е. М[арксизм]?

Свобода – это осознание необходимости?

Тогда наша осознанная необходимость – свобода!

М. Шагал (88 лет, на вопрос, что бы вы хотели изменить в мире):

«Самое главное для меня – это сознание, что сегодня в мире не убивают людей, в особенности, детей. Я бы мечтал, чтобы каждый прожил на земле отпущенное ему и успел выполнить свое предназначение. Я остановил бы все войны, все убийства, если бы мог...»

«Наша задача – учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства...»

ВИЛ [В. Ульянов]

«Вот на эту дорогу и повернуло новое общество. Общими, между рыночным капитализмом и социализмом (г. к. – госкапитализмом), остались учет, контроль, и в первую очередь основа общественного производства, отчуждение труда. Новым же стала тотальность модернизированной государственности.

Ослепленный романтической фразеологией, скованный страхом уничтоже-

ния и заботой о куске хлеба, народ не смог сопротивляться и сдерживать эти центростремительные, закрепощающие силы в границах автономии личности. Эти силы смяли дух человека и народа, как сминается вещество коллапсирующей звезды. Так в соц. жизни человечества появилось новообразование, подобное «черной» дыре, черной звезде вселенной. Как черные дыры, уплотняясь, сковывают движение своих частиц, так и г. к. (социализм) шаг за шагом стал ограничивать свободу не только произвольного существования, но и мышления подвластного ему общества.

Госкапитализм, провозгласивший свободу каждого как гарантию общественной свободы, на деле верг человека в новую систему отсчета, превратив его в инструмент и средство. Реализуя свободу через отказ от свободы выбора, он деформировал человеческое сознание, выворачивая наизнанку ядро личности, переместил центр ее существования вовне.

Черные дыры, поглощая все, попадающее в сферу их притяжения, копят свою массу и расширяют зону своего влияния. Госкапитализм по тем же законам становится внеконкурентной силой среди общественных систем, балансирующих в динамическом равновесии. Они неустойчиво и легко разрушаются под воздействием чудовищных по своим масштабам влияний новых сверхгосударств, склоняющих чашу весов мирового господства на свою сторону».

[Интересно перечитывать свои размышления спустя много лет. Оказывается, и я не сомневался тогда в мощи Союза, способного достичь мирового господства. Не признавая его правоты и конечного триумфа, я, как и подавляющее большинство, не подозревал его рыхлости и шаткости].

Хотя тогда же я записывал:

Племя – маленькое коллективное животное, потом побольше – община-«мир», потом государство с внешне иными признаками, но и оно сохраняет внутри себя сообщества по вере, по цеху, по сословию, наконец, по «нации». Теперь оно называется народом и даже «обществом», а по сути, остается все тем же коллективным животным, где каждая клеточка отождествляет себя с целым. Одновременно, углубляясь внутри в свой микрокосм, растет индивид, личность. Его развитие – это уход из коллективного сознания... Сообщество и личность растут в разные стороны, но им не оторваться друг от друга. Тогда растет вражда, и коллективное животное с его простыми функциями и однозначной логикой подавляет сопротивление личности, завершая господство тотальным контролем каждой клеточки. Но сороконожке противопоказано думать о том, в каком порядке двигаются ее лапки.

[Можно было пойти дальше и сделать вывод, что сбои будут расти, контроль и управление крепчать, а результатом станет полный отказ системы... Но тогда это казалось нереальным].

А вот цитата из записных книжек Ключевского:

«Интеллигенция не создает жизнь и даже не направляет ее. Она наблюдает и изучает жизнь. Это знание жизни – достояние человечества. Каждый отдельный народ стоит ниже этого научного запаса. Интеллигенция – посредница. Ее задача, угадать направление и его возможные последствия, вовремя на них указывать, а также указывать на средства устранения или удовлетворения... Интеллигенция – диагност, но не лекарь народа. Народ сам залижет и вылечит свою рану. Дело интеллигента, вовремя заметить и указать ее».

Из письма Ю. В., пос. Базой:

«Художник нарисует самолет –
упрямый крестик, тень его косую.
Он нарисует, а потом умрет –
Но все-таки сначала нарисует.

Он нарисует наши имена,
Сплетенные, как бабочкины крылья,
Пока нам двери не открыла
На все четыре стороны страна.

Изобразит блистающий полет,
И танец и гибель нарисует,
Веселую... И белый самолет,
Который так печально не танцует.

А пока я заполняю соты своего мироощущения человеческой мудростью и собственными соображениями (попутно фиксируя отдельные «перлы» системы), в стране развиваются процессы, которым суждено закрыть советскую историю. По сути, уже давно идет пробуксовка хозяйственного организма, стагнация и разложение общества. То, что потом назовут застоём.

Подавляющее большинство жителей Союза давно уже ни во что не верит, двойная мораль, двойная жизнь, анекдоты и кривые улыбки на все, что говорит власть. Все уже привыкли, что речи и передовицы – это ритуалы.

Кремлевский режим дрыхлест в мечтах о мировом господстве, но усилия по расширению круга сателлитов продолжают предприниматься.

Им выделяются деньги, потом оружие, потом солдаты. Авантюристы из левых группировок из Азии, черной Африки, Южной и Центральной Америки, националисты и все, кто клялся в ненависти к США, получают помощь ЦК КПСС наряду с вождями компартий Италии и Франции, США и еще многих стран.

Вот лишь малая часть из документов, которые в начале 90-х успел скопировать В. Буковский, прежде чем они снова были засекречены.

КГБ тов. Брежневу, особая папка 16.05.75 № 1218-Л06:

«В соответствии с решением ЦК руководителю внешних операций Народного фронта освобождения Палестины тов. Хаддаду передано автоматов 59, пистолетов 50, в т. ч. 10 с приборами бесшумной стрельбы, патронов 34 тысячи. Передача осуществлена в Аденском заливе в ночное время бесконтактным способом».

Тогда же:

Постановление секретариата ЦК, особая папка 31.01.74 № 112-28:

«Удовлетворить просьбу компартий Аргентины, Панамы, Коста-Рики и Никарагуа о приеме 43 человек для прохождения курса военной подготовки». Совершенно секретно. Особая папка 31.12.75 № 32-40А:

«Комитет государственной безопасности сообщает в ЦК КПСС о том, что, выполняя поручение ЦК о снабжении отдельных зарубежных компартий и нац. освободительных движений иностранным оружием, они обратились к демократическому Вьетнаму о выделении им 10 тысяч американских винтовок и 10 миллионов патронов».

Комитет рапортует о достигнутой договоренности в обмен на советское оружие...

Однако все эти шпионские и подрывные игры – мелочь по сравнению с тысячами тонн зерна и нефти, валютными кредитами, отрядами советских «коммандос», радарам, ракетами и авиацией, которыми Советская власть защищает те режимы, что помашут ей красным флагом.

После того, как даже при скромной поддержке Кремля, Северный Вьетнам вынудил США отказаться от помощи Южному, после бегства оттуда американских войск, кремлевские мечтатели почувствовали прилив сил. Им хотелось думать, что даже без массированного ввода войск они заставили отступить своего главного и мощного врага. На самом деле участие СССР в поддержке Ханоя постепенно сокращалось, были даже попытки переговоров Союза со Штатами о прекращении войны в этом регионе. Но вьетконговцы уже почувствовали близкую победу и добились ее сами.

Признаваться в этом членам Политбюро не хотелось, а урок того, что ни миллиарды долларов, ни военная мощь не могут обеспечить победу над воюющим за свою свободу народом, не был осмыслен.

К 1978 году ситуация в Афганистане стала казаться заманчивой для Кремля. Это и военное присутствие в нефтеносном регионе, это и демонстрация силы, это и желание утереть нос американцам, которые, кажется, тоже смотрят в ту сторону.

Еще в детстве я видел короля Дауда, приехавшего в Питер и беспечно гулявшего с женой по Дворцовой площади. Отношения с Афганистаном у Союза были хорошими. В 1919 году большевики помогли в установлении независимости этой

страны от англичан, но короли не вечны. Наследник Дауда, Захир Шах, однажды отправился в Париж, а через два дня узнал о том, что Афганистан уже республика. Возглавил страну другой Дауд, принц Мухаммед.

Но сразу же активизировались политические партии, за которыми стояли сыновья крупных торговцев и землевладельцев. Соперничество и бардак в управлении, плохие урожаи, неудачные попытки переворотов длились до тех пор, пока Советский МИД, по наводке из ГРУ, а может быть, и ЦРУ, не встревожил кремлевских старцев сообщением о том, что США хотят помочь новому афганскому режиму. Помочь, значит остаться. Почему они, а не мы? Следующий (социалистический) переворот сразу удался. А дальше для Союза начался процесс, похожий на то, как шпиндель станка затягивал мою руку.

Американские политики того времени «проговариваются» теперь о том, что это они спровоцировали Советский Союз на афганскую авантюру. Подтверждений этому нет, возможно, это попытка задним числом приписать себе и коварство и дальновидность. (Отставные политики это любят, а «желтая пресса» охотно публикует любые «откровения». Сегодня некоторые отечественные журналисты даже Карибский кризис пытаются представить как удачный блеф советской разведки.)

Хотя если бы американцам в конце 70-х действительно хватило ума не лезть в афганский капкан самим, а заманить туда соперника, то с Кремлем это было бы нетрудно. Ведь до той поры коммунистам все сходило с рук...

В апреле 1978 года власть захватила Народно-демократическая партия, ее лидером был писатель Нур Тараки и теперь уже ему надо было бороться за удержание власти.

Для этого были нужны хлеб, газ, деньги и оружие. Все это уже поступало из СССР другим режимам, в Азию и Африку. В отличие от правительства США, которому приходилось отчитываться перед соперничающими партиями, ЦК КПСС имел полную свободу действия. Так почему бы не прикормить соседа? Тем более он клянется и божится, что построит социализм.

О том, как строить его в феодальной азиатской стране, они не имели понятия, поэтому начали, где с обобществления всех наделов, где с дележки больших владений.

Там было, что делить, ведь 5% населения владело половиной земельных угодий. Однако разделить и натравить бедных на богатых в условиях родоплеменных отношений непросто. Бедняк отказывается брать землю своего богатого родственника и даже встает на его защиту.

Не хочешь? Заставим. Казни, расправы прокатились по стране. Советским лидерам пришлось даже одергивать афганских товарищей.

Об уровне понимания азиатских национальных проблем и особенностей говорят те советы, которые Брежнев дает Генсеку НДПА. Леонид Ильич ничего не знает о вековых традициях, Коране, расприх между шиитами и суннитами,

межнациональных счетах, кочевых племенах и средневековом правосознании и советует Тараки бороться с «помещиками», создавая «комитеты бедноты». Краткий курс ВКП(б) да и только.

Политбюро еще надеется обойтись лишь материальной помощью режиму, который «ориентирован на построение социализма». Но кризис не за горами, и вскоре прозвучат настоятельные и учащающиеся призывы афганских «большевиков» ввести в страну советские армейские части.

Испугавшись, ЦК будет отказывать Тараки в прямом вооруженном вмешательстве. Но идеологические стереотипы не позволят им отказаться от строительства социализма там, где появляется такой шанс. На заседании в ЦК КПСС прозвучавшие сомнения в том, что Афганистан созрел для социализма, отмечают: «Сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма», — говорит т. Ульяновский, зам. зав. Международным отделом ЦК.

Наряду с пшеницей, нефтью и боевой техникой в Афганистан попадает все больше советских военных инструкторов, затем отдельные воинские спецподразделения.

На этот раз коготок увяз прочно; понадобится десять лет, чтобы вырвать его.

Об этом еще не знают люди, которые верой и правдой, принуждением или по неведению служили советскому режиму, учились убивать и умирать за Родину. Не знают и те, кто в поте лица сеял хлеб и растил детей, которых завтра кинут в огонь чужой гражданской войны. Об этом еще не знают и те, кому не суждено будет вернуться оттуда.

Однажды нарядчик Ахмед сказал мне, что в зону привезли Гамберга. У нас это имя было уже на слуху. Вскоре я увидел его в кабинете директора, он пил чай и что-то считал.

Дело комбината «Североникель» тянулось долго. Следствие началось еще в 1971 году. Радомир Моисеевич добрался до зоны последним. Его подчиненные сопротивлялись меньше, и когда в Зеленоборск пришел я, они уже тянули свой срок.

Комбинат и его филиалы добывали и перерабатывали никелевые залежи. Многие карьеры были открытыми, но, чтобы добраться до нужных пластов, сначала вскрывали и вывозили пустую породу.

Это стоило денег, которые платились за кубометры грунта. Расчеты объемов были не совершенны, ошибки копились с 1956 года.

Руководство догадывалось и даже собиралось обратиться в Москву за разработкой других методик, но руки не доходили. Да и ошибка была в пользу комбината, она ничего не давала главному руководству, но позволяла чуть больше платить рабочим...

Гендиректор, член обкома КПСС, не заморачивался этой проблемой всерьез, он был уверен в крепости своего положения, ему светила звезда Героя Социалистического Труда и кресло министра тяжелой промышленности вместо Ломако...

В области он был королем и вел себя соответственно. А это было не по душе первому секретарю обкома. И однажды тот сказал областному прокурору, что не мешало бы этого зазнайку прижать.

Тот с удовольствием бросился выполнять, тем более что и сам только что без толку просидел в приемной Гамберга три часа, так и не дождавшись приглашения.

Быстро нашелся какой-то служащий комбината, который подсказал, где искать «криминал». Дело завертелось. Сосчитали цену возможных «приписок», получилась астрономическая сумма. Прокурор сообщил по инстанциям и арестовал не только гендиректора, но еще и половину маркшейдеров, инженеров и счетчиков.

Вернувшийся из Москвы обкомовский бонза поинтересовался у прокурора:

– Ну, как там, накопал чего-нибудь на Радомира?

– Так точно, уже сидит!

– Как сидит? Кто позволил? Да ты спятил!

У прокурора случился инфаркт, но обратного хода уже не было. Дело оказалось на контроле в Генпрокуратуре, его раздули, тем более что в Москве не все ждали будущего министра с распростертыми объятиями, на это место были и другие претенденты.

Реального объема приписок, кажется, так и не сосчитали, несколько экспертиз во мнениях не сошлись. А годы шли, люди гнили в камерах, и чем дольше тянулось дело, тем труднее было его прекратить.

В результате сроки получили почти все двенадцать арестованных, хотя ни прямого их умысла, ни личной наживы так и не доказали. Да, сотня-другая тысяч бюджетных денег, возможно, и была выплачена за невыполненную работу, но, если разделить их на 15 лет, да еще на всех работяг из карьера, то каждому из них досталось в получку всего несколько лишних рублей.

Генеральный директор после всех судов и пересудов получил 7 лет с конфискацией, но поскольку 5 из них он уже провел в следственном изоляторе, то из нашей зоны он быстро ушел на «химию», а потом, все еще осужденный, руководил какой-то стройкой.

День за днем, и вот уже прошло два года, Ю. В. заканчивает свой срок. Наталья давно вышла замуж, у нее родился сын.

Да вот беда, муж – диссидент, один из организаторов СМОТ, «свободного, межпрофессионального объединения трудящихся», т. е. первого независимого профсоюза. О его создании учредители заявили в декабре 1978 года, а в 1979 году Лев Волохонский уже шел этапом в Мордовию...

Из письма Ю. В., пос. Базой:

«Бедная наша Наташка, для нее все опять повторилось! Все-таки судьба упорно хочет сделать из нее Пенелопу. А нынче еще страшней: больная, с малышом на руках... Друзья, конечно, ее не оставляют. Но и я была тогда среди дру-

зей, только я почему-то плохо их видела. И зачем мне такое возвращение: ты все там, Олег умирает (мы получили тогда информацию о том, что он переведен в туберкулезную зону), Наташка несчастна. Плохо все, да?

А так хотелось вернуться к счастью, к радости. Ну что ж, поедем хлопотать и тревожиться, и плакать с Наташкой об ее Левушке, которого я, к счастью, совсем не помню. Грустно все это, Юл мой. Но радости встречи с тобой я никому замутить не позволю, эту радость я заслужила.

Твои письма приходят всегда в такую минуту, когда без них уже дышать совершенно нечем. Либо ты за мной подсматриваешь, либо это твоя душа за моей присматривает. Спасибо тебе, милый, за то, что ты у меня такой терпеливый: последнее время я только и делаю, что хнычу и ворчу, а ты так добр.

Скорее бы это проклятое 26-е июня!

Юл, а ты не мог бы написать Наташке что-нибудь доброе, поддержать ее? Понимаешь, друзья друзьями, а наши слова все же должны быть ближе ее сердцу. Нам с тобой сейчас куда легче, чем ей. Лучшие самому уходить в любой ад, нежели смотреть в спину уходящим и оставаться в бесполезной беспомощности.

А твоя идея построить дом мне очень нравится... Мы с тобой будем жить там долго-долго и умрем в один день.

Весна, вот уже и у нас травка кое-где появилась. Скоро листики будут, а я их буду есть, как теленок. А там лето начнется и – здравствуйте, Юл Андреич! Хорошо как.

Не сердись, что я такая размазня стала к концу. Твоя Ю.»

Наконец, наступил и прошел июнь. В июле я получил серию ее писем, она писала их в поезде и опускала их в почтовые ящики на железнодорожных станциях.

5 июля 1979 г. в поезде:

«Завтра буду в Москве. Небо уже родное, не сибирское. Без этих сумасшедших контрастов и всплесков.

Я сегодня целый день вот о чем думаю: меня ждут и завтра встретят живые и веселые люди, они меня любят, они мне будут рады. А я думаю о твоих работах, о том, что ждет меня в твоём доме. Почему твоя любовь мне дороже всех других, что были, есть и будут? И знаешь, ведь я додумалась до ответа! Когда современный человек любит, то, чем сильнее его страсть, тем больше она таит всяческих подводных опасностей. Современная любовь недобрая. Всегда в глубине души что-нибудь дурное: расчет, соперничество, тайная вражда, жажда порабощения. Поэтому любящие всегда настороже. И я всегда была вооружена против такой любви. А с тобой все с самого начала было наоборот: даже моменты внешней вражды таили в себе нескончаемую доброту, душевную щедрость, заботу...

Как мне хочется поговорить с тобой. Пусть бы даже молча. Просто побыть рядом. За тебя я спокойна: тебя там колючкой со всех сторон обмотали, но я хочу, чтобы и ты был за меня спокоен, я только твоя и больше ничьей не буду всегда-всегда. Юлия».

Потом наступил долгий перерыв. Родители написали мне, что она в Питере, что была у них в гостях и они вместе провели чудесный день. Но потом пропала...

Прошел месяц, другой. Наконец, пришла открытка, но ни ясности, ни спокойствия она не принесла:

Ленинград – ст. Княжая

«Милый Юл! Все странно, тяжело, тревожно, но пока ничего не рассказать. Сейчас за час беседы с тобой отдала бы год жизни – так мне это нужно. Ты только помни, что я тебе друг, больше всего и в первую очередь именно друг. Можешь верить в это слепо. Что бы ни было со мной, с тобой, с нами.

И я очень, очень хочу видеть тебя свободным и счастливым, потому что ты этого стоишь и потому, что этого хочу я. Все равно все будет хорошо. Юлия».

Я тревожился и недоумевал, что за клятвы в дружбе, что мешает приехать? Было ясно, что-то происходит. И тут я вспомнил и перечитал одно из последних писем, отправленных мне с дороги. Речь там шла о том, что добиваться разрешения на прописку в Ленинграде она не будет, а жить скорее всего станет под Питером в Ириновке на даче родителей. Но «есть у меня еще «западный вариант», об этом поговорим при встрече». Не в этом ли дело? Но ведь мы ни разу не обсуждали нашей эмиграции, ни ее, ни моей? Стихи? Но это другое. За два года переписки об отъезде не сказано было ни слова. Скорее наоборот. К тому же у меня еще три года неволи впереди. Тут меня вызвали к начальнику колонии, это был еще Федоров.

– Осужденный Рыбаков по вашему вызову явился!

– Так, Рыбаков, – он покрутил головой, поежился, – в общем, можешь писать «помиловку». Мы возражать не будем.

– Не понял, гражданин начальник?

– Чего ты не понял? Я русским языком говорю, садись, пиши, что осознал, раскаялся, что. Ну не знаю там, разоружился и просишь освободить от дальнейшего наказания. Мы поддержим.

– Это вы сами так решили?

– Сами, не сами. Какая разница? Тебе что, понравилось тут, что ли? На волю не хочешь?

– Я так не могу. Мне надо подумать.

– Ты еще думать будешь? Ну, думай, думай.

Что все это значило, я не понимал. С чего вдруг? Я для этого начальничка был

никто, с какой стати ему проявлять такую заботу? Никогда бы он сам, по своей воле такого не учудил. Значит, указание сверху. Почему? Голова шла кругом.

Наконец, через гражданского служащего, который имел допуск в зону, я получил записку от Ю. В.:

«Меня вызвали и очень упорно стали предлагать выезд. Я сказала, что в принципе это единственный реальный выход, но у меня есть множество нерешенных проблем. «Рыбаков?» – спросили они сразу.

– Да.

– Сколько ему еще?

– 3 года.

– Но вы можете там готовить почву для его приезда.

– На это я не решаюсь, ехать без него.

– Боитесь потерять?

– Да.

– Чего же вы хотите?

– Ехать с ним.

– Когда у него УДО? (Условно-досрочное освобождение, с моим приговором оно было возможно уже по половине срока, при согласии начальства.)

– Осенью.

– Напишите ему, чтобы он сейчас не имел нарушений. Может быть, удастся.

– Попробую. Но у него их как будто и нет.

– Да нет, есть. В последнее время он ведет себя неосторожно.

– Напишу.

– Затем заказывайте вызов на всех, на него тоже. В крайнем случае, мы разрешим вам выезд после заключения брака с ним, вы будете спокойны.

Далее я начала разговор о деньгах, о твоём иске по возмещению ущерба. Был странный вопрос:

– У него была конфискация?

– Нет.

– Может быть, что-нибудь вам удастся и здесь. Посоветуйтесь с адвокатом.

Закончилось все тем, что они дали понять: они очень хотят выгнать меня как можно скорее. – Вы можете обещать, что в ближайшие два-три месяца вы не вступите ни в какие дела? – Два-три месяца могу.

Теперь стало понятно, почему Мосягин предложил писать прошение о помиловании – пришло указание из КГБ, видимо, это тот способ, который они выбрали для моего освобождения и выдворения.

Но почему гэбисты так хотят выезда Ю. В., так, что готовы обсуждать даже мой отъезд с ней?

Почему она соглашается? Что это – «единственный реальный выход»? По-

чему это обсуждается без меня? Разве мы договаривались об отъезде за рубеж? Нет. Я согласия не давал.

В тяжелые минуты такие мысли мелькали, но надолго не задерживались. Я еще раз спросил себя: хочу ли я эмигрировать? И понял – нет. Не хочу, не могу и не буду. Логика в этом не было, я вовсе не думал, что через 10 лет моя страна освободится, на самом деле я был в тоске и печали, думая, что большевистский плен оскотинил мой народ. И свобода ему не нужна. Но что-то властно говорило: твое место здесь, в России. Срок кончится, все пройдет, и ты будешь нужен здесь! Я услышал этот внутренний голос и последовал ему.

Там же, в лагере я обратил внимание на стихи греческого поэта Н. Вагенаса:

СПЕКТАКЛЬ

Твой выход был – ты расхотел и не явился
И вообще остался дома, глядя вяло
Сквозь окна сумрачные, сквозь деревья
Или ворочался лениво с боку на бок
Покуда в сон не впал.
А ведь они смотрели молча – что же происходит?
И переглядывались – что же происходит?
Делясь отчаянием по поводу пустот и длинных пауз.

Впереди меня ждали события, участие в которых я не променял бы ни за какие «америки». Сегодня я знаю, что это было необходимо и для меня самого и для других. Я не уехал и смог быть рядом, когда умирали мои родители. Я не уехал и теперь могу смотреть в глаза своим старшим детям и не ждать упрека. Наконец впереди, на баррикадах меня ждала встреча с той любовью, которая наконец сделала меня счастливым. Всего этого могло не быть. Крошечные «пустоты и паузы» моего отсутствия не изменили бы глобальный ход событий в России. И все же я могу сказать, что я был нужен тем, чья жизнь с моей помощью пошла по другим путям, а то и просто не пресеклась.

Через третьи руки я отправил родителям письмо, в котором просил срочно связаться с Ю. В. и сказать ей что я остаюсь.

Прошло время, и я получил еще одно письмо от Ю. В.:

«Здравствуй, Юлка! Дела у меня приняли вот какой оборот. 19-го Андрея утром исключили из училища, а вечером ему принесли повестку из военкомата. На следующий день я ворвалась к «литейщикам» (КГБ – прим. Ю. Р.) и пообещала им эту повестку сжечь на Красной площади всенародно, в присутствии коров (корреспондентов – прим. Ю. Р.) и дипломатов. В ответ мне предложили немедленно подавать документы на выезд и тут же позвонили Бокову в ОВИР. Вчера я взяла анкеты. Теперь все пойдет очень быстро, как ты понимаешь, выбора у

меня нет. Но вот что я еще сделала. ГБ боится выхода моей новой книги о лагере. Я уже получила контракт из Франции на ее издание, осталось только подписать и отправить книгу. Я предложила ГБ обменять тебя на книгу. По-моему, они должны согласиться, ведь книга наделает шума больше, чем твое сидение до конца срока.

Буду воевать за тебя до конца, в любом случае и при любых поворотах. Вопрос: могу ли я взять твои лагерные акварели и графику? Я хочу их отправить туда заранее...

Целую, Юлия».

Что ж, гэбня и тут пошла привычным путем шантажа. Судя по всему, местные чекисты решили избавиться от лишних хлопот. Если бы фигура Ю. В. действительно представляла опасность для режима, ее в наручниках доставили бы к трапу самолета, где она нашла бы своих детей, и они улетели бы на Запад. Так поступили с Владимиром Буковским, Аликом Гинзбургом, Эдуардом Кузнецовым, Георгием Владимовым, Александром Зиновьевым, Владимиром Борисовым. Но для этого городским чекистам нужно было обращаться в Москву, за формальным решением ЦК о лишении гражданства. А это означало бы признание, что сами они справиться с «бабой» не могут...

Теперь я понимаю, как они могли рассуждать:

«Надо подвести ее к тому, о чем давно мечтает. Ведь ее стихи полны мечтаний о «трагическом отъезде»... Значит, хочется. Но без Рыбакова стыдно, неудобно? Сделаем вид, что и у него есть шанс. Один телефонный звонок в лагерь с намеком через начальство, и он как миленький кинется просить помиловку. А там замотаем, подождем – пусть поэтесса почувствует нетерпение. Тогда скажем ей, что Рыбакову сейчас никак, а чуть позже – обязательно. Нет, сидеть он, конечно, будет, но на крючок к нам попадет, помиловку-то напишет. А если что не заладится, припугнем Вознесенскую сыновьями. И она сама добьется отъезда и пусть пишет там что хочет, мы уже не в ответе».

Когда оказалось, что я в этот сценарий не вписался, они взялись за Ю. В. Ее старший сын заканчивал художественное училище, учеба еще ограждала его от призыва в армию. Но отчислить за «прогулы» можно даже летом, когда занятий нет. И повестку организовать, тоже. После того, как он не явился в военкомат, его имели право задержать и под конвоем отправить в воинскую часть. А солдатская казарма мало чем отличалась от колонии общего режима. К тому же афганская авантюра уже стала вторжением и полномасштабной войной. Андрей вряд ли мог сразу оказаться в «ограниченном контингенте, выполняющем интернациональный долг» и разделить участь тех, кто возвращался домой в цинковых гробах, тогда новобранцев в горячие точки еще не отправляли. Но кто мог за это поручиться? Реакция его матери на такую угрозу была естественна и предсказуема.

«Войска в Афганистан Советский Союз вводить не будет. Появление наших солдат в вашей стране, товарищ президент, наверняка настроит большую часть афганского народа против революции», – так мудро отвечал Брежнев афганскому президенту, прилетевшему в Москву и просившего помочь войсками в сентябре 1979 года.

Но в том же месяце Тараки был низложен и задушен по приказу его министра Хафизуллы Амина, ставшего новым президентом.

А против строительства «социализма» там выступает все больше людей, бунтует афганская армия. Побывавший в Кабуле замминистра МВД Папутин составляет докладную о катастрофическом положении просоветского режима, но потом отзывает ее. Шифровку о том, что силы сопротивления уже насчитывают более 40 тысяч человек, что они контролируют 12 из 27 провинций страны, подписывает представитель КГБ, он же обозначает угрозу: усиление влияния Китая и США, которое может благосклонно воспринято Амином. 28 декабря 1979 года, на следующий день после ввода войск, Папутин то ли убит начальником охраны Амина, то ли кончает жизнь самоубийством.

Окончательное решение принимают Брежнев, Громыко и, активно добивавшийся ввода войск, виршеплет и каратель Ю. Андропов.

Уже 25 декабря в 7 часов утра в районе города Термеза наводится понтонный мост.

В 15.00 началась переправа.

Цель – «оказание интернациональной помощи ДРА и пресечение возможных угроз безопасности Советского Союза».

Первыми переправились разведчики, а затем 108-я мотострелковая дивизия. В это же время военно-транспортная авиация начала переброску по воздуху основных сил на аэродромы Кабула и Баграма.

До последней минуты десантники не были посвящены в планы высшего руководства. Для переброски личного состава потребовалось сорок семь часов, за которые было совершено 343 рейса. В Кабул и Баграм было доставлено 7 700 десантников и 894 единицы боевой техники.

27 декабря диверсионный отряд КГБ «Альфа», переодевшись в афганскую военную форму, штурмует президентскую резиденцию, дворец Дар-уль-Аман. Амин, только что подписавший приказ о содействии дружественным советским войскам, убит. В неразберихе боя погиб и командир «Альфы». (Поразительно, советские террористы до сих пор гордятся собой, дают интервью и носят награды за убийство президента чужой страны, его детей и жен, слуг и даже русского врача, лечившего Амина после неудачного отравления, организованного советскими спецслужбами...)

Ровно за месяц до этого кандидатом в члены Политбюро КПСС избран 48-летний Михаил Горбачев. Пока он лишь присматривается к обстановке и ищет союзников.

Советские войска, перейдя государственную границу, охватили кольцом все административные центры страны. До 1 января 1980 года было введено 50 тысяч военнослужащих. В январе 1980 года общая численность советских войск достигла 80 тысяч человек. В течение первой половины 1980 года оккупационный контингент был усилен за счет четырех полков боевой авиации, трех вертолетных и различных отдельных бригад и полков.

Афганский народ не признал в чужих солдатах своих «освободителей» и ответил партизанской войной. Поскольку крупные подразделения были хорошей мишенью для советской армии, начали действовать небольшие отряды по 30-40 человек и даже более мелкие группы, состоявшие из двух-трех партизан.

Если в 1979 году советские потери составили 86 человек, то в 1980-м уже 1 484 убитых, не считая раненых и пропавших без вести. Обманутые солдаты, оказавшись на афганской земле, видели вражду, непонимание, ненависть к оккупантам.

Впереди предстояло 10 лет бессмысленной и беспощадной войны.

Окончательное решение о вводе войск в Афганистан было принято 12 декабря 1979 года на заседании Политбюро ЦК КПСС и оформлено секретным постановлением ЦК КПСС № 176/125 «К положению в «А». С этой даты начинается отсчет краха советского режима.

С этой же даты начинается война радикального ислама и европейской цивилизации. «Когда вторжение в Афганистан началось, я был разгневан и сразу поехал туда. Я прибыл в Афганистан в самом конце 1979 года», – это слова бин Ладена, юноши-мусульманина, пришедшего защищать своих единоверцев. Он еще не знает, что пройдут годы и принятое в Кремле решение приведет его к террору и сделает палачом тысяч людей в разных концах земли.

Советская пресса пишет об успехах и трогательной дружбе советских «интернационалистов», сельских дехкан и афганских рабочих.

О том, что Москва открывает ящик Пандоры, не подозревает никто. Не многие задаются вопросом о том, что мы делаем в чужой стране. Среди них 14-летняя девочка Катя Молостова из глухой псковской деревни, она пишет:

Ясная цель – светлая цель.
Голубых гор встречает цепь.
Стальной из-за камня
Смотрит глазок.
А из-за гор – непривычный шумок.
Не топот копыт.
Внимательней слушай –
моторы «МиГов» над Гиндукушем.
Ясная цель – светлая цель.
Голубых гор встречает цепь.

Гудят наши «МиГи».
Чего там уж! – Скажи:
кто вернется с хребта Гиндукуш?
Последний вопрос!
Прошу – дослушай:
Зачем наши «МиГи» над Гиндукушем?

Прошло восемь месяцев после возвращения Ю. В. в Питер, но мы так и не увиделись. Ее хлопоты по отъезду завершились, впереди – издатели, высланные друзья, свобода... Я получил ее последнее российское письмо:

«Юл, родной! Все у меня закончилось разрешением на выезд. Я навряд ли успею даже увидеть тебя. Правда, зато Андрей теперь спокойно живет дома – представляешь, что я перенесла за это время?..

Юл, я не прощаюсь с тобой. Все равно не прощаюсь. Пусть будет еще одно – до свидания, Юл!

Целую тебя, обнимаю, а ты благослови меня на дорогу, хоть это тебе и тяжело. Прости меня, Юл мой!

13 апреля 1980 г.»

Конечно, я благословил. Но не могу сказать, что вся эта ну очень возвышенная и прозаическая история прошла для меня даром. Хотя, с другой стороны, такое завершение романтического сюжета уберегло нас от попытки совместной жизни и куда большего разочарования.

А вскоре я получил извещение о том, что бывшая жена лишила нашу дочь моей фамилии, «чтобы не усложнять ей жизнь». Понадобилось время, чтобы прийти в равновесие. Я справился, только чаще стал сниться побег.

Случалось, бежали

Раньше, в следственном изоляторе КГБ, мне снилось, что, убегая, я ловко прячусь в городских дворах и развалинах. В опутанном шестью рядами колючей проволоки, наглухо перекрытом двумя высоченными заборами лагере свободным оставалось небо, и во сне я, раскинув руки, взлетал над запреткой лицом на утреннюю зарю, иплыли подо мной леса и озера.

Насколько я знаю, за 70-е годы из нашей зоны было 3-4 реальных побега.

Некий Макаров протаранил на грузовике два забора в том месте, где ограждение было послабее, и укатил, машину бросил где-то в лесу, уходил по дорогам, устал и завалился спать в кустах. Надо же было командиру конвойной роты и его заму проезжать мимо и остановиться, чтобы «отлить» именно там, где спал беглый зек.

Молодой, несколько придурковатый местный парнишка после того, как его, вероятно, изнасиловал бандюган по кличке Горилла, зимней, метельной ночью подошел к высоким железным воротам и просто перелез через одни, а потом другие. Парня никто не увидел, хотя рядом была вышка с автоматчиком. А ока-

завшись на воле, он двинулся на станцию, постучал в окошечко кассы и спросил, когда будет поезд на Кандалакшу. Дежурная сразу признала зека, он даже бирку с фамилией не оторвал с бушлата. Предложив ему поспать до утра на скамейке в зале ожидания, она позвонила в колонию. Там сначала не поверили, но на всякий случай послали наряд, он и разбудил бедолагу, которому срока не добавили, но отправили в другой лагерь...

Ю. Рыбаков. По мотивам цикла
Ю. Вознесенской «Книга разлук».
Картон, масло. 1980 г. ИТУ-ОЮ-241/20

Другому парню повезло меньше, в такую же полярную ночь он полез через все колючки и заборы и напоролся на обходившего контрольно-следовую полосу солдата. В темноте тот со страху выпустил в зека всю обойму своего автомата.

Последний известный мне случай: мужик ухитрился спрятаться в выезжающей машине, вечером на поверке его хватились. Утром

сообщили по району, а он уже шел куда-то по железной дороге. Проезжавший машинист сообщил начальству по радию; конвойная команда, посмотрев на карту, поняла, что впереди у «побегушника» мост, а рядом дорога. На машине они опередили его. Когда он дошел до середины моста, то увидел солдат. И с той и с другой стороны. Он прыгнул вниз и не вынырнул: высота была большой, а вода холодной.

Я бежать не собирался. Прятаться всю жизнь не входило в мои планы. Вместо этого я продолжал делать свои записи в блокноте:

«3 – Мини-союз...»

[Так я зашифровал тогда мысль о том, что зона, лагерь, колония – во всем повторяют устройство СССР. Здесь охрана по периметру – там пограничники, которые так же озабочены в первую очередь тем, чтобы никто не убежал наружу. Здесь и на «воле» принудительный труд, произвольно назначенные нормы и расценки. И там и здесь назначенное начальство и бесправный, холуйский Совет осужденных – чем не Верховный Совет? И тех и этих «перевоспитывают». У зеков нет собственности, кроме того, что на них надето, но и у советских «вольных» нет ничего, все принадлежит государству, а что и дали – могут тут же отнять. С «общенародной зоны» провинившихся отправляют к нам, у нас провинившихся отправляют в штрафной изолятор. В чем принципиальная разница? Сходств больше, чем различий.]

Конечно, я гадал о будущем своей страны, но не додумывал до конца, поскольку система казалась столь же крепкой, как и заборы вокруг.

Мое понимание того, что происходило снаружи, было, конечно, весьма скудным. А срез общества, который меня окружал, наводил на печальные выводы. Конечно, лагерную среду нельзя, как сказали бы социологи, считать репрезентативной. Доля людей порядочных и законопослушных, тех, для кого запреты – не убий, не укради, не подличай – еще имели силу, на воле было больше. Но ведь и большинство из тех, кто был рядом, могло остаться на свободе, не совершив преступления, если бы карты легли иначе.

И что же? Даже лучшие рвались на волю, но не затем, чтобы устроить жизнь так, чтобы она была добрее и справедливее, не затем, чтобы навести порядок в «общежитии» – нет, в лучшем случае найти щель, где тебя не тронут... Конечно, и в лагерях встречались пытливые умы, чья совесть заставляла задумываться об устройстве мира, чье вольнолюбие толкало к реформаторству и поединку с Голиафом. Их высокая концентрация была в пермских и мордовских политических лагерях, они встречались в научной и творческой среде, но как же тонок этот слой.

Мне хотелось думать, что пропорции в делении Амальриком Homo soveticus на потерявших надежду, на сдержанных поклонников разума, который сам все постепенно наладит, и малую группу радикалов будут меняться. Что первых будет меньше, а последних все больше. Только с чего бы?

«Мудрые и крылатые», о которых мечтал отец, как до них далеко. Так, может, и не метать бисер? Может, выжить надо для того, чтобы оставить свой мед им? А кто сказал, что он им будет нужен?..

Из тетради:

«Почему почти каждый ребенок с 5 до 12 лет берется за карандаш? Почему почти каждый ребенок однажды оставляет это занятие и уже никогда к нему не возвращается?»

Думаю, тот, кого тянет «изображать», делает это подсознательно, пытаясь установить связи с окружающим его миром, стать тем, что ты изображаешь, проникнуть в него...

Такова внутренняя потребность – снять сиротство приобщением. Попутно ребенок, начинающаяся личность, ищет и другие способы «вписаться» в мир. Как правило, корешки прорастают в социуме. Тогда, в отрочестве, марки, футбол, друзья, потом профессия, семья, долг, колея. А те, кто не встроились в ячейки и шеренги, те, кому там плохо, остаются наедине искать брешь в плоскости холста. И в этом процессе тоже продолжаются попытки социализации: ищется язык, подводится вербальная «база», кому-то удастся, «не продавая вдохновения, рукопись продать». Удел других – понять, что одиночество непреодолимо и следующий шаг – служение Богу, гармонии или богоборчество.

Как ни странно, этот мотив возникает еще у Леонардо, который писал в записных книжках: «О, художник! Никогда никому не подражай, пусть каждое твое творение станет новым явлением природы!»

Что значит, новым? Тем, что Господь не создал, а я создам? Или проявлением той сущности, которая уже есть, но ищет воплощения? Гумилев, шестое чувство?..

На наших выставках были люди, которые шарахались от одной стены, от одной картины к другой. Мне не раз приходилось видеть, как на лице зрителя читается плохо скрытое желание завопить, что он ничего не понимает, что все вокруг если не ужасно, то глупо, что это просто жульничество.

Если зритель все же решился подойти к художнику, а тот не сбегал или не посылал его, то можно было услышать что-нибудь про «экспрессию, о концептуализме, сюре, подсознательном восприятии, своем мире». Чаще всего художник и зритель расходятся, так и не поняв друг друга. Причем первый думает про себя: старая переноска или что-нибудь позабористей. Второй же ворчит: шарлатаны!

На вопрос, почему вы отвергаете современное искусство, человек может сказать: слушайте, я не противник свободы выражения, но вы же не природа, вы разумные люди и то, что вы делаете, делается тоже для сознательных людей. Значит, должен быть какой-то смысл, значит, то, что вы хотели нам сказать, должно быть сказано на нашем языке, чтобы мы вас поняли, а если мы не понимаем, это не искусство... Получается, что искусство не жизнь, а способ

коммуникации между сознаниями. Причем в одной системе координат. Воинствующий зритель еще добавляет: «искусство должно нести», а дальше идут всем известные варианты того, что и как «должно» нести искусство. Варианты образовательные, пропагандистские, морализующие.

Интересно, ведь мы не требуем от каждого встречного, чтобы он что-то вещал, объяснял, учил, наставлял. Нет, мы избегаем таких людей, нам больше по душе те, кто заняты своим делом.

Мы любимся ладной работой умелого человека, полетом ласточки, поворотом лошадиной головы, пламенем костра, завитком раковины и не ищем в этом назидательного «смысла».

Послушать наших умников, так оказывается, что искусство – это вспомогательная дисциплина, такая мастерская наглядных пособий. Оно затем, чтобы натаскивать людей на определение того, что хорошо, а что плохо, что красиво, а что нет, что надо любить, а что ненавидеть. Еще одно необходимое условие: художник должен привычно радовать глаз, не нарушая душевного равновесия и производительности трудящихся.

А если мир не трехмерен, если искусство – та форма жизни, которая ставит перед нами вовсе не ответы, а вопросы? Если художник лишь инструмент, который дает нам возможность прикоснуться к тайнам бытия, увидеть их там, где наш взгляд скользил, не останавливаясь, мимо.

Леонардо да Винчи пишет, что тень человека, обведенная его рукой, была первым рисунком. На первый взгляд это так, но можно ли назвать это актом искусства? Тень на стене пещеры была интересна, она повторяла движения, но пропадала. Однажды кто-то обвел и поймал ее. Такое изображение – отсеченная проекция мира. Боюсь, что тот первый, кто это, шутя, сделал, заплатился. Срисованный вряд ли был доволен тем, что от него что-то отделили, что на стене осталась его часть. Как в мультике – меня сосчитали, точнее, срисовали!!! Значит, что-то отняли! Первое расщепление личности?

Остановленный контур стал объектом осмысления, признания его самостоятельного существования, возможности сотворения субъекта. И тогда на стенах Альтамирской пещеры появились уже не тени, а стада быков и группы охотников. Только с этого момента мы вправе говорить о рисунке.

Я не думаю, что наскальные изображения – просто учебное пособие для охоты.

Но даже если это и так, моделирование ситуации той же охоты – это признание, что существует иной, мы бы сказали, ирреальный, мир, где она происходит. В мозгу, в сознании человека открываются новые пространства. Отсюда полишага до сказки, до мифа. Первый рисовальщик – это первосвященник человечества, он раздвинул пространство бытия за его вещные пределы. Искусство и религия тождественны в той своей глубинной, исходной точке не потому, что рисовали сакральное, а потому, что рисование было сакральным актом. Искусство рождено не страхом или желанием задобрить, это уже потом. Страх ни-

когда не был творческим побудителем. Наскальная живопись полна экспрессии и живого чувства, там нет страха.

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.
Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет – и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, –
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

В. Ходасевич, 1917 г.

Именно так! Чтобы над сверкающим морем вознеслась пальма, нужно чтобы вырос аттол. А чтобы он вырос, нужна естественная жизнь и естественная смерть миллионов кораллов. Это их скелетики, громоздясь друг на друга, веками росли, подымали и однажды прорывали морскую гладь своей твердью. Только потом оброненное семечко, только потом «пальмы»... Тот новый уровень жизни, который станет удобрением или опорой следующему.

Обидно, что не получился век добра и справедливости, где каждый дает каждому от души и сполна. Человечество получило мордой об стол. Тупик? Нет. Всего лишь нетерпение сердца у одних, агрессивное невежество у других. И не только потому, что слезинка ребенка, кровинка народа, а уж тем более полководье [крови] не только не освобождает, а наоборот. Даже если бы все делалось миром и добром, слишком велика пропасть между земными и крылатыми. В «эру милосердия» не прыгнешь. Надо строить мост. Путем зерна, собой, из себя для идущих следом».

Шло время, я что-то писал, думал. Вглядывался в окружающих меня людей, тянул лямку подневольной жизни, пытался вырваться из нее. Формально закон позволял с моей статьей выйти из лагеря уже по истечении одной трети срока, через два года, на стройки народного хозяйства. Я каждые полгода исправно подавал заявления, но мне отказывали с формулировкой: «Не встал на твердый путь исправления», или что-то в этом роде... Я стал привыкать к мысли, что выйду только «по звонку», по концу срока. Однако мое положение стало осложняться.

Лесоповал

Спустя несколько месяцев после отъезда Ю. В. произошел эпизод, которому я сначала не придавал значения. В то отделение барака, где жили зеки-начальники цехов и технический персонал, вдруг зашел Хозяин – начальник колонии. Он закурил в предбаннике, где стоял я и еще несколько человек, и заговорил с нами. Такое «панибратство» было для него необычно, слово за слово, и почему-то разговор перескочил на «отрицалов» и вообще всех, кто бузотерит в колониях. Тут начальник зачем-то рассказал нам о том, что в колонии, где он служил раньше, был случай, когда зек сделал себе наколку на лбу «Раб КПСС»: «Он думал на больничку сдернуть. Ну, вытащили его на плац, фельдшер ему чем-то лоб протер, спиртом что ли... А потом скальпелем вокруг чикнул, ну и дернул за край. Так лоскут и содрал. Этот хмырь, сука, на всю зону орал, да мы его в ШИЗО. И больше у нас таких дураков не было».

Стоявшие вокруг зеки поежились, кто-то заискивающе улыбался. Бросив сигарету, Хозяин ушел, косо на меня глянув.

К тому времени я уже слышал о таких вещах. Как правило, подобные наколки действительно не были политическим протестом. Их делали те, кто любым способом хотел уйти на другую зону или отсидеться в больнице, те, кто проигрался в карты или попал в чреватую неприятностями «непонятку». О коже, содранной прямо в зоне, я услышал впервые; обычно таких отправляли для той же операции в больницу, а потом переводили в другой лагерь. Позже, на лесоповале я видел одного такого красавца, челкой он скрывал красную, заросшую гладкой кожей полосу на лбу. Потом до меня дошло, что рассказ этот был адресован мне. Но почему? В зоне я крамольных лозунгов не писал и никого не агитировал. Может быть, что-то наплели стукачи? Надо же чем-то дополнительный паек отрабатывать. Не знаю. Но я почувствовал угрозу. Через неделю в закутке при кабинете главного инженера, где стояли кульман и мой стол, был шмон. Оперативник, проходя вечером мимо, увидел свет в окне и решил наведаться. А дверь была закрыта изнутри, он рассвирепел и стал ломиться. Когда, припрятав рисунок, которым я был занят, я ему открыл, он решил искать, что же я прячу, и перерыл все. Рисунок не нашел: в то время, когда он оказывался с ним рядом, я отвлекал его внимание. Тогда он сгреб все мои тетради и, ругаясь, ушел.

Как ни странно, я получил их назад. Через месяц меня вызвали к оперативнику, но его самого в кабинете не оказалось. Там сидел молодой и гладкий офицер, не признать в котором чекиста было трудно. Внимательно, со значением меня разглядев, он пододвинул ко мне стопку изъятых тетрадей.

- Можете взять.
- Разрешите идти?
- Идите.

Уходя я услышал сказанное мне вслед:

- Писали бы вы поменьше.

Вернувшись к себе, я стал перелистывать возвращенное и обнаружил: многое из того, что я «шифровал», приписывая, например, цитату из Роже Гароди – Пальмиро Тольятти, Троцкого – Фейхтвангеру, Солженицына – Толстому, Бердяева – Пришвину, а свои соображения политического характера – Плеханову, было помечено красным карандашом. Чекист, которому все было передано для изучения, попался, видно, начитанный и даже не глупый. Раздуть дело он не стал, но лагерному начальству что-то сказал. Вскоре с места технолога меня погнали. Благодаря друзьям-зекам мне все же удалось зацепиться в ОТК контролером. Но положение становилось все более шатким, и впереди замаячил продуваемый ледяными ветрами лесощех. И еще два года жизни, где между станком, миской и койкой не будет ни одного зазора, в котором можно было бы остаться одному.

Мне повезло: старый Хозяин ушел, и осенью 80-го года, «отсидев» уже две трети срока, я пошел к новому начальнику колонии, бывшему замполиту Мосягину.

Предыдущий Хозяин с ним не ладил, и я не знал, что ему про меня известно. Разговор был короткий:

– Гражданин начальник, Рыбаков, четвертый отряд. 206-я, срок 6 лет. Пятый год сижу, а думал, по трети или хоть по половине срока на «химию» выйду, трижды отказали.

– Ну и что?

– Работаю нормально, нарушений нет. Может, на поселок отпустите?

– Работать ты и так обязан, Рыбаков... Тебе ж предлагали помиловку писать, ты не стал. Теперь в лес просишься. Не знаю. Подумаю.

Прошел месяц, и я подал заявление о переводе меня в лесную колонию. А Мосягин как раз уехал, не было на следующем заседании комиссии и «кума». К тому же в отряд, за которым я числился, назначили нового отрядника. Это было связано с тем, что (небывалое дело!) был арестован предыдущий, Трейман. Тот самый, который принимал меня в свой отряд три с лишним года назад. За это время прежде стеснявшийся своей работы человек оборзел так, что открыто брал взятки с зеков за всё. За поощрения, которые выражались в том, что зеку разрешалось прикупить продуктов из своего, кровно заработанного, еще на десятку. За дополнительную посылку с продуктами от родных, за лишний день к свиданию, за невыход на работу и уж, конечно, за перевод на другой режим и досрочное освобождение. Когда однажды я спросил его, почему он обходит меня в приказах на поощрения, он ответил так же, как и Мосягин: «Ты и так обязан хорошо работать!..»

Ему нужны были деньги, и за возможность истратить в ларьке еще один заработанный червонец он получал от осужденного двадцать наличными. Те, кто мог, платили, но у меня денег не было. Родители мои и так едва сводили концы с концами, и, если бы не Фонд помощи политзаключенным, созданный Солженицыным, они не смогли бы даже приехать ко мне на свидание.

А поборы достали всех, и однажды какой-то зек через вольнонаемных отправил жалобу в Мурманскую прокуратуру. Оттуда приехали, изловчились незаметно передать жалобщику меченые деньги и проинструктировать. Тот вручил отряднику обещанную взятку за досрочное освобождение, и Трейман был взят с поличным. Срок он получил небольшой, кажется, 2 года. Ну а я, благодаря новому, еще не успевшему скурвиться отряднику, спустя месяц проскочил комиссию и попал в списки на перевод в лесную колонию. От солагерников, пришедших на «поселок» позже меня, я слышал о том, что ему за мой уход попало.

Я написал родителям:

«Дорогие мои!

Ну вот я уже и не зек лагерный, а поселенец!

Прошел я через суд, который решил, что можно меня, Рыбакова Юлия Андреевича, направить в колонию-поселение на оставшийся срок, то есть на 1 год 10 месяцев и сколько-то там дней...

Я, конечно, этому рад, на душе стало полегче. Сначала я как-то не очень в это поверил, такое было ощущение, как будто это не меня отпускают. А сейчас вроде поверил. Сейчас чувствую себя так, как будто тащил я долго мешок в руках и рюкзак за плечами, а теперь рюкзак с меня сняли, мешок в руках остался, но стало значительно легче.

Суд был в четверг, 30 октября, в час дня.

Теперь жду этапа. Вероятно, если поеду в Архангельскую область, этап будет 13-го или 16-го ноября.

Дорога через Вологодскую пересыльную тюрьму может занять от 10 дней вплоть до месяца, так как будут остановки, в той же Вологде, например, в ожидании группирующихся этапов. Поэтому не удивляйтесь и не беспокойтесь, если я не буду писать до середины января. Это будет означать лишь то, что я еще в дороге...»

Позади четыре года выживания, и вот до этапа остается уже неделя, работать неумогу, и не покидает тревога. И уже появилось нетерпение, сродни детскому...

Казалось бы, чему радоваться? Этап штука опасная, не всякий доезжает. Дизентерию получить запросто. И «перо» в бок тоже. На этапах идут разборки по лагерным счетам (мне это вроде не грозило), но и просто беспредел с насилием и отъемом всего ценного у тех, кто не корешится с другими этапниками или просто слаб. А на лесоповале, да с больным позвоночником, что меня там ждет?

Можно было и не рисковать. Несмотря на передряги четвертого года отсидки,

работу в ОТК у меня еще не отняли, и был шанс досидеть в привычных условиях, вместе с людьми, на которых можно было хоть чуть-чуть, но рассчитывать.

И все же вырваться из огороженного квадрата, не видеть все тех же бандитских и ментовских рож, не следовать обрыдлому режиму очень хотелось. А еще надо было думать о будущем: по концу срока где-то надо будет устраиваться. Вернуться в Питер? Маловероятно, что пропишут. Прописка – это сегодняшняя регистрация по месту жительства, но без нее советский человек уже не был человеком: в ней могут отказать без объяснений причин, тем более в крупных городах, а судиться не могли, можешь только просить.

У Большого брата на Литейном где-нибудь в календаре, наверное, есть пометка: «13 сентября 1982 года конец срока у Рыбакова. В город не пускать, нам такие не нужны».

Значит, надо их перехитрить, попробовать освободиться раньше.

А если не получится, то все равно выходец из колонии-поселения для паспортного стола, хоть в той же Ленобласти, все же не злостный зек, вышедший по концу срока прямо с усиленного режима.

И еще: хоть я и не знал толком о порядках в колониях-поселениях, казалось, что там почти свобода.

А пока подходили сокамерники, спрашивали:

– Ну что, откинулся?

– Да, комиссия вчера.

– Химия?

– Да нет. Кто ж меня на химию. Поселок.

– Ну, брат! И то дело. Все ж не тут гнить. Эх, а мне еще здесь париться.

Ну, ладно, все ништяк! Куда этап-то?

– На Плесецк, говорят. Икса или еще где рядом.

– О, вологодский конвой шутить не любит! Ха-ха. Чифирик-то поставишь?

– А як же.

– Ну, будь!

– Буду.

Промаявшись оставшиеся дни, отчифирив «отвальные» со старшиной отряда, бригадирами и знакомыми, раздав вещи, которые мог отнять конвой, я с группой таких же счастливицов наконец прохожу через вахту. Выход из зоны, хоть и под охраной, все равно был для меня чем-то знаковым: позади оставалась абсолютная неволя. Но только успел я глотнуть вольного воздуха и оглядеться, как меня и еще троих загнали в автозак. Зеленоборск – поселок маленький, железка рядом – через несколько минут мы уже на станции Княжая. Поскольку все этапники шли на ослабление режима, зоновская охрана не опасалась побега и не свирепствовала, из машины по свежему снегу мы быстро перебежали до стоявшего поезда. Закинув сидор в тамбур уже знакомого «столыпина», я не без труда подтянулся и, ударившись коленом о ступеньку, шагнул внутрь. Густая

вонь пота, махорки, хлора и застарелой грязи опять ударила в лицо. Подгоняемый криком и руганью заждавшегося нашей партии этапного конвоя, даже без шмона вещей, я добежал до открытой решетки четвертой двери и нырнул в купе. За мной туда же запихнули остальных попутчиков. Компания была мне не очень знакомая. Ни с кем из них я на зоне не контактил. Хотя и видел, конечно, не раз, но все жили по разным отрядам, локальные зоны не способствовали расширению круга знакомств, да и молодняк этот шпанский был мне неинтересен... Вагончик опять тронулся в неизвестность...

Те же немытые с десяток лет серые стены купе. Но в отличие от первого, питерского этапа, где многие, так же, как и я, были новичками, здесь шли этапом те, кто уже немало пожил за колючей проволокой.

Поэтому сначала возбуждение, приколы, даже улыбки. Но быстро на лицах проступила забота, начались междусобойные разговоры, приглядывания друг к другу.

Один из пацанов, рослый парнишка-казах, ехавший на родину досиживать срок за двойное убийство (влиятельные родные кому-то проплатили за перевод), не знавший меня по зоне, услышав, что я работал в техническом отделе, на следующий день попробовал меня пугануть. Я вез с собой две пары теплого белья, длинный, теплый ватник, еще какую-то одежду, запас еды, которой разжился перед отъездом через вольнонаемных. Мешок мой был плотно набит. По сохранившейся привычке делиться я достал еду и предложил попутчикам, да еще вытащил заначку чая и плитку шоколада. Народ посмотрел на меня дико, но от угощения, конечно, не отказался. Через пару часов конвойный солдат стал через решетку разливать по протянутым кружкам воду. Кто-то из пацанов, забравшись на верхний ярус, запалил там полотенце. На этом огне, изрядно прокоптившись, мы быстро вскипятили чифир, точнее хороший «купчик». Под ругань и угрозы конвоя слегка догнались чаем. Но, как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Видимо, пока мы пили-ели да курили, казах шевелил мозгами. И мысли его про меня, наверное, крутились так: «Мужик затаренный, добра вон сколько. А щедрый отчего? Не блатной, вроде не крутой. Но “шерстяной” (так в нашей зоне звали зеков – бригадиров, начальников цехов и прочий ИТР). Раз сам делится, значит, боится, задабривает. Тогда надо дожать и пожить».

На следующий день, кажется, где-то у Череповца, он завел мутный разговор о том, что если у кого «непонятки» какие на зоне были, то вот на пересылках – там все известным становится.

– И правож бывает, в пересыльных камерах... А у тебя что с Духарилой было? – повернулся он ко мне.

Он брал меня «на понт», никакого Духарилу я не знал, да и вряд ли такой вообще был. В подобной ситуации хуже всего начать объясняться и оправдываться – сразу, почувствовав добычу, к охоте присоединятся шакалы. На твой протест: «Не знаю никакого, не было у меня ничего» и тому подобное обязательно кто-нибудь скажет:

– Опа! Братва, да он темнит! Ты чего мутишь-то тут, ты знаешь, что за это бывает?.. Ты не крути, нам-то пох...ю, но вот узнает кто.

– Да что узнает? – уже кричит жертва «прихвата».

А дальше сюжет может развиваться по-разному: от дележки имущества до группового насилия. Конвой, даже если с разложенной верхней полки слышится звук ударов или крики боли, в такие дела не вмешивается.

Выход в таких ситуациях прост. Он в абсолютном спокойствии. Улыбаясь и глядя в глаза, я поинтересовался: «Ты что, с меня спрашиваешь?» Это не простой вопрос, это блатной жаргон. Если ты говоришь, не «у меня спрашиваешь», а «с меня», это не вопрос в обычном, бытовом смысле, а «предъява», то есть то, что грозит потерей статуса в блатной иерархии, если «отвечающий» поступал не по «понятиям», но и «предъявляющему» может стоить жизни.

По этому же закону я, «мужик», не имел права так поворачивать, поскольку не вор и даже не блатной. Но другого способа тормознуть нахала не было, разве что бить его до потери пульса. Этого не хотелось, я был не очень здоров, да и остальные попутчики не вызывали доверия. Поэтому я пошел буром и не ошибся.

Парень откинулся к стене и, позеленев, сказал: «Да ты что? Нет, это я так».

Инцидент оказался исчерпан. Потом он, правда, все же просил что-нибудь ему подарить, дескать, ехать ему еще далеко, в дороге что-то надо на обмен, за чай и курево. Сначала я отмахнулся, сказав, что мое ему не по размеру, а потом все же подарил ему шарф.

Ночь, день, еще ночь. Грохот колес, иногда конвой, одурев от духоты, приоткрывает верхнюю полоску забеленного окна в проходе вагона.

В узкую щель чуть видны едва различимые в мелькании просторы родины.

Там «воля», странная, особая.

За установление марионеточного советского режима в Афганистане воюют уже более 100 тысяч советских солдат. Причем солдаты, призванные из Таджикистана и других азиатских республик, все чаще отказываются выполнять приказы командования, их приходится заменять призывниками из России. Министрство обороны уже добилось призыва в армию студентов, которые раньше имели отсрочку от армии. За прошедший с начала «братского» вторжения год в Афганистане погибло 1 570 советских солдат и офицеров. Впереди позор «советского Вьетнама», впереди еще девять лет необъявленной войны, число погибших солдат возрастет за это время в десять раз. О количестве раненых, искалеченных и травмированных, о числе умерших от ран в госпиталях можно только догадываться – официальных данных нет. Идет массовое приобщение солдат к наркотикам, которые начинают нелегально поставляться в Россию, даже в гробах. Число погибших за один год афганцев приближается к 70 тысячам, большую часть из них составляют крестьяне из деревень, прилегающих к очагам боевых действий, и жители городов, где базируются моджахеды. Попавших в плен оккупантов, если те не переходят в ислам, жестоко казнят...

В ответ солдаты беспощадно расправляются с попавшимся под руку населением. Недавно в «Христианском вестнике» я прочел хвастливые откровения бывшего «воина-интернационалиста», который возмущался «либерализмом» военных в Чечне. Он вспоминал, что в Афганистане за один выстрел из кишлака они уничтожали там всех, «даже курицам и тем головы откручивали». Ротация побывавших в этих условиях солдат и офицеров возвращает в Россию ожесточенных, психически травмированных людей. Вялая обывательская неприязнь и пренебрежение к «чуркам», «узкоплечным» или «черным» трансформируется в ненависть.

Шум не мешает проваливаться в сон, но все же спишь вполуха, притулившись к своему вещмешку. Еще одна ночь. По несколько часов стоим на каких-то разъездах, тупиках, пропускаем другие поезда. Череповец. Трогаемся, опять стоим. Тяжело. Еды уже нет. Душно. К ночи прибываем на большую станцию. Слышны другие поезда, вокзальные объявления. Из соседней секции кто-то кричит: «Вологда!»

Проходит несколько часов, прежде чем нас выводят из заледеневшего вагона. Мы спрыгиваем на снег, вокруг лают овчарки, конвой с автоматами, а напротив, через сто метров платформа вокзала, на которой вольные люди. Они смотрят на нас, потом отворачиваются, может быть, от смущения, но скорее от привычности картины. Такие вагоны приходят и уходят каждый день: Вологда на перепутье, и тюрьма здесь пересыльная. Нам орут: «Сесть! Всем на землю, на снег – сесть!» И мат-перемат. Мы валимся в грязный снег: кто на корточки, кто на колени, как получится. Лучше поспешить, не успеешь, натравят собаку или будут бить сапогами.

Потом автозак, недолгая дорога, за машиной закрываются одни ворота, другие – нас выпускают во двор. Бегом вниз, какой-то подвал, мешки в кучу, на замок, мы – в холодную раздевалку и грязную душевую, мытье кое-как. За это время наша одежда проходит дезинфекцию, мы получаем ее горячей и вонючей от химикатов, но вшей, живых, там уже точно нет, а шанс набратся их в вагоне был.

Подрагивая от сырости, ждем развода по пересыльным камерам. «Цырики» (дежурные контролеры) формируют группы по направлениям, кому куда, нас смешивают с зеками из других этапов, выкликают по фамилиям, разводят по коридорам. Меня с частью «наших» запускают в какую-то камеру, войдя, мы резко останавливаемся – помещение набито «полосатиками». Это зеки с «особого» режима, «крытники», особо опасные рецидивисты, народ крутой и действительно опасный, для них все остальные режимы – очевидная пожизня, тем более что этап идет на облегчение условий, а, значит, «ссучившиеся» (если были блатными) или «фраера». А коли так, по их понятиям, мешки у таких «овец», или «пассажиров», раздербанить – святое дело. Нас троих окружает десяток «крытников». Они действительно в полосатой одежде, полосы крупные, вертикальные, на колени и на

спине круги, это чтобы конвою легче было целиться при побеге. Но не успеваем мы испугаться, скрипит дверь, и охрана выдергивает нас обратно в коридор. Наконец нам находят камеру.

Это большой подвал с двухэтажными нарами, сюда же загоняют и еще каких-то зеков. Без горячей пищи мы изрядно там мерзнем, потому как пара окон хоть и была прикрыта железными щитами, но без стекол и сквозь щели в подвал наметает снежок.

Был один эпизод, который продемонстрировал мне реальность разборок на пересылках. В этапной камере сидели люди из разных этапов, одни уходили, других приводили.

Вдруг в открывшуюся дверь забежало сразу несколько уголовников, они кинулись на какого-то зека, тот даже не пытался защищаться. Град ударов кулаками и ногами, ругань и лязг захлопнувшейся двери... Нападавших уже нет. Избитый стонет на цементном полу, вскоре его куда-то уносят. Через несколько минут вначале оцепеневшее население этапки как ни в чем ни бывало занимается своими делами.

Через пару дней я снова в «столыпине». Проходим Коношу, Няндому, еще сутки и выгрузка в Плесецке. Опять снег и собаки, автозак и камера ШИЗО в Иксинской колонии строго режима. Камера используется как перевалочная для тех, кто этапом идет на лесные зоны. Нам надо попасть в поселок Осташкино, это в сторону от Пуксозера. Все-таки не обходится без раскурочивания наших мешков. В камеру подсаживают четверых зеков со «строгача», как бы штрафников. Они, пользуясь ситуацией, интересуются нашими вещами. Поскольку, в отличие от них, наша группа случайна и не может оказать коллективного сопротивления, а одному мне это не под силу, приходится «делиться». Я лишаюсь запасной пары брюк, кто-то другого барахла. Это не мешает потом чифирить вместе.

Тут я познакомился еще с одним способом добывания огня, который называется «мотылек». В камеру нас запустили, тщательно обыскав, спичек не стало. Тогда блатные слюной прилепили к лампе под потолком клочок газеты, через несколько минут бумага почернела и затлела. Вовремя сдернутая и раздутая, она зажгла газетный обрывок, а он все то же вафельное полотенце, на огне которого закипает кружка кипятку.

Проходит, наверное, около недели, как мы вышли за зону в Зеленоборске, и вот, наконец, последний рывок: нас грузят в машину, и по лесной заснеженной и ухабистой дороге мы едем к месту назначения. Поселок – отделение Североонежской лесной колонии, одного из островков «Лесного» Управления МВД СССР. У этого разбросанного по всей стране спрута и сегодня свои железные дороги, поселки, склады и кладбища. Но и в 70-е годы хозяйство это было невидимо для обычного гражданина. Здешние железные магистрали не нанесены на карты, а дороги кончаются шлагбаумом, шаг за который для колониста приравнялся к побегу; для вольного, если нет пропуска, проникновению в запретную зону.

А кроме дорог да знакомых только аборигенам тропинок других путей туда нет. Реки, ручьи, болота, топи, мошка надежно скрывали рудименты ГУЛАГа, формально прекратившего существование в 1960 году.

Его последние остатки – 10 управлений лесными ИТУ при ГУИН (Главное управление исполнения наказаний) Минюста. Каждое объединяет до 20 колоний, а всего их – 122.

При одном только Североонежском управлении, не считая зеков, работает сегодня более 2 тысяч вольнонаемных рабочих и штатных сотрудников.

Причем если по всей лагерной системе сегодня не имеет работы каждый девятый заключенный, то к лесным колониям это не относится – леса у нас еще хватает. Как и дармовых подневольных рук: на лесоповале и обработке работает сейчас 46 тысяч заключенных. Средний заработок осужденного еще недавно составлял 29 рублей в день, что в 85 раз ниже даже выведенного Росстатом прожиточного минимума.

На лесоповалах заработки сегодня, конечно, выше: заключенный в 2007 году трактористом зарабатывал до 90 рублей, а оператор челюстного погрузчика больше 100 рублей в день. Это без вычетов, которые, возвращаясь в бюджет, съедают половину заработанного... Но система живет не на эти деньги, говорят, что официальные прибыли покрывают только одну треть ее расходов. Остальное составляют бюджетные дотации.

О реальном количестве вырубавшегося этими организациями леса мало кому известно. В главках, конечно, есть какие-то формальные отчеты, но кто сосчитает ту часть левой древесины, которая добывается в закрытых зонах, а потом уходит за рубеж?

Условия жизни персонала незавидные. Думаю, что если бы не левые доходы больших начальников, если бы не черный нал, часть которого все же просачивается вниз, заманить на эту службу даже тюремщиков было бы не просто.

Но это теперь, а тогда рынок сбыта был ограничен (Азия, Кавказ, Украина), по сегодняшним меркам, даже большое начальство жило весьма скромно, не говоря уже о младших. Впрочем, не думаю, что нравы и уровень жизни сотрудников низшего звена сильно с тех пор изменились.

К ночи нас довезли до «штаба», где находится дежурное помещение, кабинеты начальства и, конечно, – штрафной изолятор, приняли по списку и развели по баракам.

Без малого пять лет мои глаза постоянно упирались в стены, заборы, колючую проволоку, путанку, опять стены и вышки охраны. Наутро, стоя на плацу в рядах пересчитываемых ментами зеков, жадно оглядывал я открывавшиеся дали, снежные поля, лес, уходящие куда-то дороги. Отсутствие ограждений давало ощущение свободы, а я хоть и знал ее границы (вчера на вахте объяснили), все равно душа радовалась.

А дальше началась тяжкая работа. После кульмана и калькулятора она казалась непомерно тяжелой.

Она такой и была. Бензопилы мне не дали, да я, со смещенными дисками позвоночника, и не взялся бы за нее. Мне достался топор с длинной, отполированной руками ручкой. Сучкорубы очищают упавшее дерево от ветвей. Звено вальщиков простаивает, пока сваленное дерево не убрано с делянки, а чтобы трактор-трелёвочник смог вытащить его из чащобы, надо срубить все сучья. И сделать это нужно быстро. Поэтому когда из-под пилы брызнет последняя струя опилок, когда, ломая кроной чужие ветви, рухнет на землю прямой и золотистый ствол, надо, продираясь сквозь снег, кидаться к нему с топором. А соседняя бригада уже вгрызается своими пилами в кренившиеся рядом сосны, и под них лучше не попадать.

Первые недели после смены я с трудом доходил до шконки и валился в нее до утра. К счастью, световой день был еще короток, и мы работали не полную смену.

К весне я свалился с воспалением легких. Неделю перед этим мне не удавалось просушить одежду, и утром я ехал на делянку в сыром, а сменных сапог и ватных штанов не было.

Шесть дней в жару и бреде в холодном бараке. Хорошо, что я получил антибиотики, если бы не они, пожалуй, и не встал бы. Когда стал поправляться, меня вызвали в «штаб», к начальнику.

Подполковник спросил:

– Так ты что – художник?

– Да, гражданин начальник.

– Объявления, плакаты, агитацию наглядную можешь?

– Со шрифтами не очень, вот рисунки легче, а перед посадкой я интерьерами занимался.

– Какими еще интерьерами?

– Ну, придумывал, как внутреннее убранство сделать, какая отделка, светильники, украшения...

– Так, значит пойдешь сторожем в клуб, а за это все, что надо, будешь рисовать. Надо клуб переоформлять, а то у нас все устарело.

Так я оказался в каптерке большого клуба, где по воскресеньям (суббота у зеков была рабочей) крутили кино и даже была клубная библиотека. Мне поручили без денег и материалов превратить обветшавший зал во что-то замечательное. А пока я думал, как это сделать, надо было сгрести снег с дорожек вокруг, делать мелкий ремонт, рисовать графики дежурств и афиши кинозала.

До меня этим занимался другой зек, Леша Карманов, но его убрали из клуба за пьянку. На меня он в обиде не был, сам виноват. А поскольку он умел писать разные шрифты, вскоре мы скооперировались. Молодой парнишка из провинции, а может быть даже из деревни, небольшого росточка, открытый и добро-

желательный, он был хорошим напарником. Сидел он за какую-то ерунду: то ли ларек с кем-то по пьянке раскурочил, то ли что-то в этом роде.

В зоне к его алкоголизму прибавились еще и наркотики. Собственно, настоящих наркотиков у нас там не было, но те, кого это интересовало, варили их сами и доставали все, что могло их заменить.

В клубе и я продержался недолго, правда, успел отметить там какой-то праздник. К ночи в актовый зал пришли офицеры со своими женами. Менты, выставив меня из каптерки, где я жил, стали там пить. Я вышел в зал, и дернул меня черт пригласить какую-то тетку на танец. Та возмущенно отказалась. Оглушительно играла музыка, гдээрровский ансамбль лихо отбивал «Казачок», я крутанулся в ритме по пустому залу и отошел в угол. Но через полчаса меня дернул за рукав какой-то капитан. Вытащив на улицу, покачиваясь, он смотрел на меня, готовясь ударить за вольное поведение.

А я, не понимая, стоял и улыбался – праздник же! Приглядевшись повнимательней, он сказал: «Ну, смотри!» И вернулся в клуб.

Через два месяца начальство, увидев, что клуб не становится дворцом, потеряло ко мне интерес. К тому же возревновал ко мне люто один из офицеров, чья жена работала библиотекарем и каждый день проводила свой рабочий день рядом со мной. Офицера можно было понять, его жена была молода и красива. Это кончилось тем, что тот же начальник колонии, вызвав меня в кабинет, посмотрел как-то совсем уж неодобрительно и сказал:

– В общем, мне тут смертоубийства не надо. Чтоб я тебя в клубе больше не видел. Марш в бригаду!

К этому времени я уже оклемался от болезни.

В отличие от обычной зоны, где ты ешь то, что дают, в лесной колонии есть столовая, где можно подкормиться за деньги, да и количество посылок не ограничено.

Моим бедным родителям (Господи, сколько забот и горя я принес им своей непутевой жизнью!), помогал фонд А. Солженицына. Из его средств родственники политезков один-два раза в год получали скромные, но очень нужные деньги, на которые можно было послать посылку с едой... Чекисты выслеживали каналы поступления и распределения средств, вычисляли сотрудников фонда и сажали их. За годы, пока этот фонд работал в подполье, он помог многим, но за это милосердие в лагеря ушли десятки людей.

С новыми силами я вернулся к топору.

Библиотекару я теперь видел только издали и случайно, а сторожить клуб подобрали какого-то старика.

За лето я успел сделать несколько этюдов, краски я получил из дома. Еще зимой я жадно вглядывался в зимний лес, в утренние синие тени, в тепло освещенной солнцем хвои, но люди, рев машин, сама наша истребляющая работа заставляли сжимать зубы и отворачиваться.

Но летом с картонкой и ящиком мне удалось несколько раз постоять на берегу реки, побродить в тайге уже не хищником, а человеком. Тогда отступало все, я забывал о себе, а рука сама находила нужные цвета и я чувствовал себя частью того, что видел. Я успел сделать три, нет, четыре этюда, один из них стоил того, чтобы стать картиной.

Бескрайние архангельские леса, это не всегда мощные стволы и дремучие чащобы; они встречаются, но чаще всего молодые сосны, дотянувшись до 10-15 метров, не выдерживают ветров и, не успев заматереть, падают. В сплошных болотах, под неглубоким, рыхлым слоем почвы лежала едва успевшая оттаять от зимних морозов черная жижа, и сосновым корням не за что ухватиться.

Я шел по дороге и на повороте остановился, в открывшейся панораме было что-то особое. Тонкие стрелы высоких сосен разметаны в разные стороны. Почти упавшие, но еще цеплявшиеся за почву корнями, согнутые в дугу, пошатнувшиеся и наклоненные, они напоминали изнемогших, обессилевших в бою людей. Среди десятков обреченных лишь несколько еще тянулось в огромное, глубокое небо. Еще ничего не осознав, я уже раскладывал краски.

Интересно, несмотря на четырехлетний перерыв, на отсутствие живописной практики с натуры, я вдруг стал лучше работать.

Эти недолгие часы наедине с самим собой и миром помогли мне полностью

восстановиться, я снова почувствовал себя прежним, снова обрел полноту внутреннего дыхания.

Ю. А. Рыбаков. Икса. Картон, масло. 1981 г.

Народ в колонии был разный. Туда приходили из зала суда, после ДТП со смертельным исходом, с усиленного режима, как я, со строгача, попадались даже «крытники» – те, кто за особо тяжкие, серийные или рецидивные преступления осуждался на тюремное камерное содержание. Эти бывшие «полосатики», уже

отсидевшие немало в каменных мешках, понятное дело, попадали в лес не сразу, для этого надо было спуститься на строгий, потом на усиленный, выжить и еще чем-то заслужить все «скасухи». Крупные, сильные, себе на уме – это были еще те «рысы»... Пара из них была бригадирами-вальщиками, другой резал шахматы и деревянные поделки для начальства. Было много случайных, по пьяни залетевших под небольшой срок мужиков. Мрачные, они вкалывали день за днем не разгибаясь, блатная шваль разводила их на карты.

Помню одного длинного беднягу, который повесился то ли от тоски, то ли от долгов.

Но блатного беспредела в этом лагере не было. Пожалуй, потому, что из леса, где незаметно тукнуть топориком способен любой, можно и не вернуться, причем и концов не найдут. Наверное, это сдерживало.

Беспредельничать было опасно и начальству. Вскоре после моего прихода в колонию неподалеку, на Скарлахте-5, в зоне строгого режима случилась история, которую запомнили надолго. В колонию приехал какой-то московский инспектор, местные начальнички вместе с ним пошли по зоне с осмотром, и тут на глаза им попался зек, который, сунув в литровую банку самодельный электрокипятильник, грел там воду. Чифирить на зонах запрещали, но с этим бороться было трудно, местное начальство лишь изредка, перед приездом комиссий отбирало кипятильники. Мы исхитрились делать их из намотанной на текстолит нихромовой спирали или из двух лезвий от безопасной бритвы. Тогда между пластин прокладывались две тонких полоски из пластика или дерева, концы провода прикладывались к лезвиям снаружи и обматывались ниткой. Кто-то из местных начальников, увидев, как бурлит вода в банке для чифиря, кинулся на зека, выбил у него из рук банку и растоптал кипятильник.

Все это, конечно, сопровождалось матерщиной. Приказав отправить провинившегося в ШИЗО, они двинулись дальше. Происходило это все на лесной бирже, где внутри зоны громоздились штабеля бревен и работала лесопилка. Далеко начальники не ушли: их догнал тот самый зек, но теперь в руках у него был топор. Он снес голову одному, зарубил другого и третьего, четвертый с трудом выжил. Зека, конечно расстреляли, но э почему-то долго не ездили в нашу область, а местные начальники стали обходить блатных стороной.

Мне снова повезло. Осужденные выстроили ясли и детский сад – три больших одноэтажных деревянных корпуса для ребятишек вольных жителей старой Иксы и Североонежска, поселка городского типа с почтой, школой и больницей.

В кирпичных домах жили работники бокситодобывающего комбината, военные, администрация колонии строгого режима, семьи начальства лесных лагерей. К этому начальству меня и привезли. Грузный полковник спросил, могу ли я взяться за оформление детского комплекса? Естественно, я не стал отказываться, но объяснил, что в одиночку это растянется надолго. Мне предложили собрать бригаду и закончить в течение лета. Поторговавшись, я заручился обещанием, что по завершении, если все будет нормально, те члены бригады, у которых есть формальное право на какое-либо послабление, получают то, что им положено.

Карманов, Сашок из Новгорода и я принялись за работу. Утром «Берта», так шуточно назывался автозак, на котором меня привезли из Иксы без малого год назад, по буеракам лесной дороги вез нас на работу, в поселке возле управления нас высаживали, и мы топали в детский сад...

Зайчики, морковь, коты и попугаи, Дед Мороз, санки и коньки, самолеты и

Чебурашки заиграли на шкафчиках в детских раздевалках. Сцены из мультфильмов стали разворачиваться на стенах, в актовом зале я сделал панно, где Белоснежка играет с гномами. На уличном фасаде появилось улыбающееся Солнце, большие ромашки и колокольчики украсили входы. Мы старались от души, и работа стала заканчиваться раньше, чем мы думали, но это не входило в наши планы, у нас оставался еще месяц. Тогда мы перестали спешить: работали под навесами для игры, на крытых уличных площадках, грибках и качелях уже не торопясь.

Пока я маюсь в неволе, маховик афганской войны продолжает раскручиваться. «Груз 200», солдатские гробы, уже не редкость, а рутина лживой жизни.

Как и потом, в Чечне, режим бросает в огонь войны солдат, призванных из провинции и с восточных окраин империи. Власти боятся народных протестов, они молчат о потерях. Как и позже в Чечню, сначала они шлют на войну ребят из деревень и малых городов, ведь их жители разобщены. И первый вой и стон осиротевших матерей гложет на просторах родины. Советская пресса безбожно, бесстыдно лжет своему народу.

Вот Г. Мусаэлян пишет в «Красной Звезде»:

«Весна борьбы и надежд!

Сегодня Афганистан вступает в Новый 1361 год (Ноуруз) по местному календарю. Он знаменует начало весны, поэтому Новый год по мусульманскому обычаю следует обязательно встречать с хорошим настроением.

У трудящихся ДРА, несмотря на то, что мир еще не пришел окончательно на афганскую землю, есть для этого основания. Только что завершила работу общенациональная конференция Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Она стала еще одним свидетельством возросшего единства партии, повышения ее авторитетной роли среди широких масс.

В принятом конференцией обращении к народу подчеркивается, что у НДПА нет более важной задачи, чем создание счастливого, независимого и процветающего Афганистана. Несмотря на непрекращающиеся происки врагов, ДРА добилась заметных успехов. Весомый вклад в эти достижения внес Советский Союз. Наша страна подготовила тысячи афганских технических специалистов. Из каждых 100 крупных и мелких промышленных предприятий, построенных в ДРА за последние годы, 99 создано при участии СССР...

С помощью верных и надежных друзей Афганистан сумел бы уже преодолеть многие трудности. Но в его внутренние дела продолжают грубейшим образом вмешиваться империалистические силы во главе с США, китайские гегемонисты, военный режим Пакистана и прочие недруги. Они пытаются дестабилизировать обстановку в стране, реставрировать старые порядки. Враги Апрельской революции по сей день подготавливают и забрасывают в ДРА бандитов, которые из-за угла убивают партийных активистов, разрушают школы, терроризируют население.

Совершенно очевидно, что именно враги Апрельской революции дестабилизируют обстановку в ДРА, мешают афганскому народу спокойно жить и трудиться на собственной земле. Но западная пропаганда настойчиво пытается опровергнуть этот неоспоримый факт, поставить все, как говорится, с ног на голову.

Операция “большая ложь”, к которой прибегают сегодня в Вашингтоне, не позволит, однако, США, а также Пекину и прочим недругам афганского народа уйти от ответственности за свои преступления.

Афганистан продолжает нелегкий путь из средневековья в современность, навстречу новой счастливой жизни. Процесс революционных преобразований в Афганистане необратим. И рано или поздно это вынуждены будут понять и те, кто сейчас создает напряженность вокруг ДРА.

Им можно ответить словами товарища Л. И. Брежнева: “...если есть действительное желание покончить с этой проблемой, надо прекратить вмешательство извне в афганские дела и всерьез, вплотную подключиться в усилия с целью политического урегулирования положения вокруг Афганистана” (и это говорит человек, который санкционировал убийство президента Афганистана и вторжение своей армии в чужую страну. – Ю. Р.)

С оружием в руках воины ДРА, трудящиеся страны под руководством НДПА защищают завоевания Апрельской революции, мечтая и веря, что и на их землю придет мирная весна».

А вот что напишет потом Б. Громов, командовавший в то время 5-й мотострелковой дивизией, а позже

40-й армией ОКСВ (ограниченного контингента советских войск):

«На содержание нашей армии и поддержку афганского режима тратились громадные средства. Огромная помощь предоставлялась безвозмездно, в то время когда Советский Союз испытывал колоссальную нехватку и острейший дефицит самых обычных продуктов питания.

В Афганистан мы везли практически все. Дело дошло до того, что многие области Советского Союза взяли “шефство” над афганскими провинциями. Например, Волгоградская область, опекая провинцию Газни, регулярно должна была поставлять туда сахар, хлеб, жиры, технику и оборудование».

О мире и дружбе народа с оккупантами, об их возможностях красноречиво свидетельствует другой его рассказ:

«С середины 1980 года мы встали перед необходимостью проводить “чистки” Герата. В первую очередь это было вызвано тем, что город оказался центром оппозиционного движения не только в прилегающей “зеленой зоне”, но и на всем западе страны.

Замысел заключался в том, что мы внезапно вводили дополнительные подразделения советских войск, которые плотным кольцом окружали

весь город. Полностью заблокировать Герат было практически невозможно. Город был как бы опоясан “зеленой зоной”. Поэтому нам приходилось делить всю зону на несколько участков и действовать в каждом из них отдельно.

Каждая из таких операций отнимала у нас по две-три недели, а то и по месяцу. Сначала войска 40-й армии окружали Герат по пригородам и никого не выпускали из него.

Затем правительственные войска, то есть сами афганцы, “чистили” часть города. После этого мы перебрасывали свои войска в другую часть Герата, не трогая те подразделения, которые стояли на блоке вдоль проходящей через центр города дороги, после чего операция продолжалась.

К проведению таких операций мы стали привлекать военнослужащих МГБ Афганистана, Царандой (МВД), а также партийных руководителей. Мы их пропускали через свои блоки непосредственно в город, прежде всего с таким расчетом, чтобы они друг за другом следили и, опасаясь наблюдения за собой, не пытались что-то украсть и вынести за наше оцепление. Сначала задуманный нами механизм действовал нормально, но потом все опять пошло по-старому. Чувствуя свою безнаказанность и бесконтрольность, они очень быстро забывали, кто из них партиец, а кто чекист, и продолжали тащить не меньше прежнего.

Понимая, что такую “революционную” экспроприацию остановить невозможно, а действовать в городе самостоятельно советские войска не имели права, мы решили прекратить “чистки” и проводить операции иначе. Командование 5-й мотострелковой дивизии согласовывало с афганцами задачу таким образом, чтобы они из заблокированной части города выводили всех жителей, кроме женщин и детей. Затем мужская часть населения концентрировалась на открытом и хорошо просматриваемом участке местности. В Герате, например, для этих целей использовался стадион. Затем афганцы проверяли каждого жителя района.

На стадионе примерно в пятидесяти метрах один от другого стояли три бронетранспортера. В колонну по одному, без спешки и суеты все мужчины проходили мимо техники. В каждой из машин, чтобы их никто не видел, сидели так называемые наводчики. Они хорошо знали своих земляков и за определенную плату указывали на тех, кто так или иначе был связан с душманами. Находившиеся рядом офицеры органов безопасности Афганистана фиксировали показания своих помощников.

С теми, кто не выдержал проверку на лояльность режиму, продолжало самостоятельную работу МГБ Афганистана. Командование дивизии не следило за их дальнейшей судьбой. Но как правило через небольшой промежуток времени, когда в Герате проводилась очередная “чистка”, мы вновь сталкивались с теми, кого “отфильтровали” три или четыре месяца назад...»

Если такие зачистки в городах обходятся почти без жертв, то в провинциях все происходит наоборот. Тот же Громов признает:

«В то время, когда советские войска находились в Афганистане, в стране практически не было кишлаков, городов и тем более провинций, которые можно было бы считать даже относительно спокойными и безопасными в военном отношении для наших и правительственных войск».

На каждом повороте горных дорог колонны советских войск, ежедневно подвергаются нападениям партизан, солдаты гибнут, стоит им только выйти за пределы блокпостов и укрепрайонов. Пули снайперов настигают офицеров. Гепатит и эпидемия наркомании разлагают войска изнутри. Армия начинает использовать тяжелую артиллерию, бомбежки деревень и городов, вакуумные бомбы и напалм... Среди советских «героев» летчики Александр Руцкой и Джохар Дудаев. Через 15 лет вице-президент Руцкой на заседании Верховного совета развернет карту Чечни, чтобы обсудить планы подавления сепаратистов, а президент Дудаев будет готовить ополчение для защиты провозглашенной независимости. А пока Руцкой уже дважды был сбит над Афганом, бежал из плена и получил Звезду Героя. Дудаев, закончив Военно-воздушную академию, командует полком и получает орден Красной Звезды за ковровые бомбежки непокорных пуштунских племен.

Страна движется к экономическому коллапсу. Но такого конца не предполагает никто. Даже американцы считают, что, при всех проблемах, советская экономика стабильна.

В 1982 году, по отчетам ЦРУ, в сенате США делается вывод: «во-первых, советский экономический рост постепенно замедляется, тем не менее в обозримом будущем рост экономики продолжится; во-вторых, экономические результаты неудовлетворительны и эффективность экономики невысока, но это не значит, что советская экономика утрачивает жизнеспособность и динамизм; в-третьих, хотя существует разрыв между результатами развития советской экономики и планами, даже в качестве отдаленной возможности крах советской экономики не рассматривается».

Высоколобые советологи не учитывают, что Союз давно перестал быть закрытой, самообеспечивающейся системой. Экономика империи стала зависеть от конъюнктуры мировых рынков, в первую очередь рынков нефти и зерна. Отечественные «экономисты» тоже не в состоянии что-либо всерьез прогнозировать. Если в начале 1984 года академики информируют об возможности резких колебаний на рынке нефти, то через пару месяцев они же утверждают, что падение цен исчерпало себя... На самом деле впереди намечался обвал цен, в следствие которого появлялась угроза внешнеторговому балансу, стабильности потребительского рынка, закупкам десятков миллионов тонн зерна, обслуживанию внешнего долга, финансированию армии и ВПК.

И дело не только в падении цен на нефть, добычу которой Саудовская Ара-

вия увеличила втрое. И даже не в том, что после вторжения в Афганистан исламский мир, решая свои задачи, не видел причин щадить Союз. А в том, что вся экономика страны Советов стала заложницей конъюнктуры мирового рынка. Неразрешимая проблема была не в отдельных просчетах, а в системных пороках общественного устройства, которое не позволяло государству прокормить своих граждан.

Пришедший к власти Андропов, признаваясь своим помощникам в том, что в экономике он профан, не дает возможности разобраться в ситуации даже своим соратникам.

Горбачев, тогда еще член ЦК, вспоминал:

«Андропов попросил нас с Рыжковым еще раз все взвесить и свои выводы доложить ему. Пытаясь понять существо дела, мы попросили дать нам возможность разобраться с состоянием бюджета. Но Андропов лишь рассмеялся: “Ишь, чего захотели. В бюджет я вас не пущу”».

Падение цен на нефть стало последним ударом для дряхлеющего динозавра. Он еще пытается управлять миром, недоедая сам, кормит своих вассалов, топчет несогласных, в старческом безумии тратит последние силы на бессмысленную и обреченную войну. Но ресурсы на исходе.

А я брожу по ближним окрестностям Плесеца, по розовым, холодеющим полям цветущего иван-чая, думаю о будущем. Мне было о чем подумать, надо было выбирать свои пути после выхода. Заканчивая курс «народных университетов», в упор увидев свой народ, я засомневался в том, что та свобода, за которую мы ратовали, та культура, которую мы защищали, нужна и полезна ему.

Нет, передо мной прошли не только подонки общества, их было немного, большинство же мало чем отличались от «вольных». Узнав их поближе я убедился в том, что каждый мог поменяться местами с тем, кто остался на воле. Старинная русская поговорка «от тюрьмы и от сумы не зарекайся!» не устарела. При отсутствии правового сознания, отсутствии табу на чужую собственность, жизнь и душу, существование наших людей каждый день идет по грани закона. Случайный шаг – и ты в тюрьме, случайный шаг – остался на воле, до следующего шага. И причина, я думаю, не в изначальной порочности, а в отсутствии корней. Традиционное, традиционалистское общество, которым Россия оставалась к началу 20 века, было сорвано со своих устоев. Скрепки обычая, неформальных, но прочных понятий о том, что гоже, а что нет, были разрушены тектоническими потрясениями. И стали мы подобны перекасти-полю... А ему все пригодно: зацепился, прилепился – растем сюда, сорвало – покатились до следующей зацепы, там вырастем по-другому... Сегодня есть, завтра нет, жизнь копейка, есть только миг, за него и держись.

Нет, конечно, не все! И не обязательно так. Но слишком многих держит в узде не страх Божий, не боязнь того, что люди от тебя отвернутся, а лишь страх неволи, который легко забыть в гневе, после стакана водки или в расчете на авось.

И что? Вот такому «пассажиру» доверить желанную свободу? Да все его мечты – лодка, водка и молодка. Нужна ли ему свобода ответственности за себя и за других? При выборе он скорее предпочел бы волюшку, Стеньки Разина челны. Так, может, не надо, может, рано, пусть сначала повзрослеет?

Но власть так всегда и рассуждает: «Еще не время». А если всегда будет рано? С такими мыслями шлялся я вокруг поселка.

Осмелев, я даже стал пробираться в город, на почту и несколько раз, пока не попался, разговаривал с отцом и матерью по телефону. Но однажды встретил на тропинке офицера из нашего поселка, и тот пригрозил, что за нарушение режима отправит меня в ШИЗО. Через неделю я все-таки посетил это неуютное заведение.

Вечером, закончив работу, мы собрались и вышли к дороге. Долго никого не было, а потом автозак появился не из Плесеца, куда он обычно заезжал, а еще только из леса.

Пьяный режимник, увидев нас, остановил машину и приказал залезать. Мы пытались объяснить ему, что ждем рейсового автобуса, который отвезет нас вместе со служащими из нашего поселка. Но он был неумолим. Когда дверь за нами захлопнулась, «Берта» поехала не домой, а в город, потом еще куда-то, потом по окрестностям, – опера искали самовольщиков. А надо сказать, что у этой замечательной машины давно уже прогнулись и полопались все рессоры, и каждая кочка, которых было много, встряхивала нас, как горох в погремущке. Мне с моей больной спиной приходилось висеть на руках или, упираясь ногами, прилипать к стенке. Это было сущее издевательство. Так мы проколесили три часа и наконец остановились у штаба в своем поселке. Когда я вылез, то не удержался и сказал все, что я думаю про оперативника, который нас так прокатил.

Тот очень удивился. В результате я оказался в ШИЗО и провел там ночь. Утром меня вывели на вахту и сунули протокол о нарушении режима, где я должен был расписаться за 10 суток.

Я не только расписался, но и мелким почерком на нижнем крае листа описал всю ситуацию с нашим нелепым захватом и «катанием». Начальник режима прочел, и велел мне убираться. Потом оказалось, что вместо карцера мне в дело был записан выговор.

Мы закончили работу. Начальство осталось довольно, все мы получили благодарности, а местная газетка написала о новом детском саде, расписанном, как игрушка. То, что он построен и оформлен руками зеков, осталось за кадром. И ребята, которые со мной работали, и я ждали обещанного. Карманову и мне «светило» досрочное освобождение, Сашке – поддержка администрации в его прошении о сокращении срока.

На нашу беду, в колонию пришел новый замполит. Что могли представлять из себя эти граждане, можно понять из такой истории. В соседней лесной «командировке» было ЧП. Там начальник колонии, проезжая с кем-то из подчиненных

соседнюю вольную деревушку, увидел у магазина «своего» зека, прибежавшего туда за водкой... Он был пойман, офицеры тросом обмотали ему руки и протащили беднягу за своей машиной по ледяной дороге с десятков километров. Рассказывали, что для мужика это кончилось ампутацией руки. Но впереди у него еще был срок, поэтому, когда его сактировали и отпустили, он был рад. А бывшего начальничка-зверя отправили по соседству замполитом.

Карпенко (имени я его не помню, но прозвали его «Вольфом», уж очень он был похож на волка), естественно, хотелось отличиться на новом месте, но что он мог, кроме наглядной агитации? Поэтому мы были вызваны и «обласканы», нам выделили помещение в школьном бараке и велели заняться украшением поселка. Что ж, мы занялись показателями выработки лесных бригад и наглядной агитацией.

Это было время расцвета польской «Солидарности».

Так же, как и в Новочеркасске, все началось с подъема цен на мясо и другие продовольственные товары в июле 1980 года. Ответом стала лавина забастовок, самые серьезные в Варшаве и Гданьске. Власти подняли заработную плату, но только этим рабочим. А через две недели бастовали уже все заводы и фабрики. Вскоре был сформирован Межзаводской забастовочный комитет. Правительство изолировало Гданьск от остальных частей страны. Телефонные, железнодорожные, шоссейные и воздушные коммуникации были перекрыты.

Тогда рабочие выдвинули требования, которые были записаны на кассеты и разосланы по другим фабрикам по всей Польше:

«Право создавать свободные профсоюзы, независимые от ПОРП [коммунистов].

Право на забастовку.

Гарантия свободы слова и доступа к средствам массовой информации для всех.

Свобода всем политическим заключенным и прекращение репрессий против активистов профсоюзов.

Публикация требований забастовщиков в средствах массовой информации».

Все эти требования отнюдь не отменяли социалистического строя, во всяком случае формально. По сути речь шла о придании строю «человеческого лица».

Переговоры шли с переменным успехом. За это время к движению присоединяется все больше комитетов. А вскоре учреждается единый профсоюз «Солидарность» с федеративной структурой. Еще неделя, и в нем состояло уже 5 миллионов рабочих. Возникают аналогичные крестьянские и студенческие профсоюзы. Власти лавируют, исподтишка расправляясь с активистами. В борьбу активно вливается католическая церковь, чей духовный сын Кароль Войтыла с 1978 года стал Папой Римским. И вскоре турок Агджа, прошедший курс обучения в лагерях советской Чехии, пытается его застрелить.

Кремль готовит вторжение. И тогда 13 декабря 1981 года генерал Ярузельский вводит на всей территории Польши военное положение. Арестованы и изолированы 10 тысяч активистов «Солидарности». Отключена телефонная связь, передачи радио и телевидения. В ответ на переворот начинаются многочисленные забастовки, которые жестоко усмиряются.

И вот, как назло, однажды вечером меня вызывают на вахту к замполиту. Оказывается, что в колонию приезжает комиссия. Поэтому при въезде, на торце двухэтажного деревянного дома завтра должен висеть огромный плакат! Срочно, за ночь сделать! Размер три на четыре метра, не меньше, чтобы издали увидели...

— Хорошо, а на плакате что изобразить?

Мне выдается листок из журнала, на котором представитель пролетариата шагает, держа в руках красное знамя.

«Вольф» отдает распоряжение о срочном изготовлении десятка щитов, из которых будет собираться стенд. Я поднимаю своих архаровцев, мы получаем краски, скоро приносят первые щиты. Делаем эскиз, в котором рисунок увеличивается в масштабе и делится на куски по количеству щитов. В процессе увеличения плаката вырастают фигуры демонстрантов, которые нарисованы за спиной у знаменосца. Они несут лозунги. Но в журнальном рисунке они настолько малы, что текстов на полотнищах нет. А у нас и они выросли, оставить их без слов нельзя. Сашок спрашивает: «А здесь-то что писать?» И я недолго думая говорю: «Здесь — МИР! Там — ТРУД! Тут — СОЛИДАРНОСТЬ!», причем последнее слово оказывается крупнее других. К утру стенд готов, его по частям поднимают и приколачивают, а спустя час начинается скандал. Меня вызывают к начальнику, замполит исходит пеной и кричит, что я хотел его подставить, что это неспроста. Я не сразу понимаю, в чем дело? Потом до меня доходит, что мои мысли о польском рабочем движении сыграли со мной шутку, а двухметровая «Солидарность» в середине стенда напоминает мои питерские «художества».

Аналогичная ситуация, лет на тридцать пораньше, привела бы меня на Колыму, теперь равнодушие пропитало даже карательные органы, и мне это сходит с рук. Ребята, быстро скотлив длинную лестницу, закрашивают крамольное слово и пишут: «ЕДИНСТВО».

Но замполит ничего не забывает. Тем более, что я ему еще нужен. Подходит время очередного заседания наблюдательной комиссии, но я узнаю, что наши заявления на досрочное освобождение у замполита. В это время ко мне приезжает отец, я успеваю предупредить его, и он, проезжая мимо, заходит в Управление. В результате оттуда к нам идет телефонограмма представить нашу бригаду на УДО. Но заседание уже пропущено. Отец уезжает.

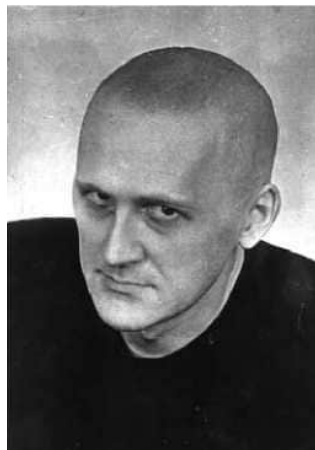
Наконец, наши личные дела уходят на рассмотрение. Через день мы узнаем, что и меня, и Карманова нет в списке прошедших комиссию. Я иду к нашему поселковому начальнику, объясняю, что работал, получил две благодарности за ударный труд в лесной бригаде, грамоту и даже ходатайство на УДО от начальника

Управления. В итоге – отказ. Майор отводит глаза и говорит, что ничего не знает, что это дело комиссии, что, наверное, я в чем-то провинился, дескать, у нас ошибок не бывает. Подхожу к ДПНК и говорю, что мне надо съездить на Иксу в Управление, отвезти туда диаграммы. Меня отпускают, но полковника нет, он в отъезде.

Махнув на все рукой, выхожу за пределы поселка и иду в Североонежск, на почту. Телефонистка соединяет меня с Питером. Я все объясняю родителям. Мама, которая так надеялась, плачет. Отец ругается и грозит жалобами в Москву. Я прошу его не писать, иначе все вернется назад, и мне будет только хуже. Он не слушает. На душе тошно, я срываюсь и еду в Плесецк, там железная дорога. У меня на руках пропуск только до Иксы, формально это уже побег. Но подойдя к вокзалу, остыв, беру себя в руки и... возвращаюсь незамеченным. Случайно узнаю, что в наш поселок приехал прокурор, тот, кто обычно участвует в заседаниях административных комиссий. Я нахожу его и спрашиваю: «Отчего же ходатайство начальника Управления не сработало?» Он удивляется и говорит, что никаких ходатайств он не видел. А благодарности, а грамота? Нет. Оказывается, в личном деле осужденного Рыбакова он видел только один, свежий выговор за нарушение режима, где мне в наказание была, оказывается, предписана уборка территории. О ходатайстве к Сашкиной помиловке я не спрашиваю – тюремная администрация не обязана этого делать, это поле их произвола. А Карманов? Его дело, оказывается, вообще не рассматривалось. Мне становится понятно, что опять напакостил замполит.

На следующий день я снова у майора, говорю ему, что несмотря на указание Журавлева его замполит вытащил из моего дела все, что меня хорошо характеризовало, а Карманова вообще не представил на комиссию.

Заявляю, что рисовать больше не буду, прошу перевести меня в лесную бригаду. Он говорит: «Идите, я разберусь».

1981 год

А пока он разбирается, гибнет Лешка. Вечером того же дня ко мне в школьный класс, который мы переоборудовали под оформительскую мастерскую, приходит Сашок, потом парень из нашей зеленоборской зоны, который приехал оттуда после меня, заходит и Карманов. Он слегка пьян, посмеивается, сидит нахохлившись, шуруется. Ему плохо, он, видно, тоже сильно надеялся на «скощуху». Мы ругаем «Вольфа», варим картошку, кипятим чай, кто-то идет в пекарню за свежим хлебом. Карманов вдруг срывается и убегает. Пошел за добавкой, думаем мы. Если попадетсЯ ментам, то ШИЗО не миновать и про УДО забудет. А похоже он уже на все, с прибором «положил».

Вернулся он действительно пьянее, чем был, повертевшись с кружкой в руках, взял что-то с ладони в рот и запил чаем. Я сидел напротив и через несколько минут увидел, как помутнели его глаза, как он, посмотрев на меня, криво ухмыльнулся и вдруг сунулся головой в стол. Ребята подхватили его и опустили на пол. Для опьянения это было слишком резко.

– Понятно, значит опять к Сереге ходил, – скрипит Саша.

Да, был на зоне парнишка, который доставал откуда-то «колеса».

Что было делать? Бежать на вахту, говорить, что вот опять Карманов нажрался? Это значит, сдать врагам. Это запахло. Мрачная фельдшерица идти из дома в санчасть и промывать ему желудок не станет – «еще чего». Его просто упекут в камеру до завтра, а по дороге, пока будут тащить, отделают дубинками.

Но он уже потихоньку оклемывался, поэтому мы уложили его на пол полубоком, лицом чуть вниз, так, что если будет блевать, не захлебнется рвотой. Подложив ватник, чтобы он не перевернулся на спину и не запал язык, мы уходим. Утром перед проверкой (нас считают по головам, прежде чем все разъезжаются и расходятся по работам) я бегу за Кармановым. Открыв классную дверь, я вижу неподвижное тело, наклоняюсь, ищу пульс, его рука источает холод... Все.

Острая жалость к непутевому и хорошему парнишке, мысли о том, что теперь делать, перегоняют друг друга. Я закрываю кабинет, выхожу на мороз.

Так, скоро построение, надо сообщать дежурной смене ментов. Сразу начнется расследование, скрывать нам нечего, но надо предупредить тех, кто был здесь вчера. Если они от неожиданности, от испуга начнут путаться, будет плохо.

Бегу по баракам, отвожу каждого в сторону, рассказываю и, не дав испугаться, сразу объясняю:

– Сейчас я иду на вахту, говорю о Лешиной смерти. Называю вас как сидевших в мастерской и видевших, какой он пришел и что делал. Вас будут вызывать, нужно просто рассказать все, как было: пришел пьяный, заснул, мы ушли. Тогда не будет путаницы. Понятно?

– Понятно.

На вахте дежурный, которому я говорю, что случилось, матерится. Вызывают начальника оперчасти, он идет со мной. Неохотно перевернув тело, он видит вмятину на мягких тканях лба, ближе к виску. Я догадываюсь, что она от тяжести головы, пролежавшей несколько часов на твердом полу. Наверное, такая же была у Есенина, провисевшего ночь на вертикальной трубе, упершись в нее лбом.

Крови нет, но вид подозрительный, опер щурится на меня и спрашивает:

– А это что? Вы его тут не грохнули?

Объясняю свои предположения. Он скептически слушает. Потом приезжает машина. Внутри у меня холодная злость, жалость и ощущение опасности, но внешне это незаметно. Я предполагаю, что меня могут закрыть в камеру до выяснения обстоятельств, и, чтобы не остаться там голодным и слабым, догрызаю леденец, который попался мне под руку в кармане. Опер глядя на меня говорит:

– А тебе, Рыбаков, я смотрю, хоть бы что.

– Ага, – говорю я, занося отяжелевшее тело в машину.

Меня ведут на вахту писать объяснение. Вызывают участников вчерашней встречи. Собрав все объяснения, отпускают. Все мы получаем по выговору за нарушение режима, за то, что не сдали Леху под кулаки, но это только начало. Если захотят, если кто-нибудь посоветует, нас, а возможно именно меня, могут раскрутить на любое обвинение. Поднажмут на пацанов, те подпишут что угодно.

Карманова увозят. Назначается криминалистическая экспертиза в областном морге. Мы подавлены, все сложилось так нелепо и горько. Если бы менты на вахте были людьми, от которых можно было получить помощь, он остался бы жить.

Только через месяц приходит известие о том, что экспертиза подтвердила отравление барбитуратами. Нас не трогают, видимо, начальству это не нужно, а ГБ не в курсе. Лешку хоронят где-то в лесу, на могиле ставят столбик с номером. Я прошусь на похороны, но мне отказывают. Свечку за упокой его мальчишеской души я жгу один.

Начальник колонии, которому я сказал, что лишний агитплакат для них дороже зековской жизни, отправляет меня в лес.

Я пилю, валю, помогаю трелевать, кашеварю. После Нового года, получив в ответ на двадцать четыре моих поздравления друзьям и знакомым только пять открыток от родных, я снова возвращаюсь работать в поселок. Начальник колонии вызывает меня и предлагает подготовить учебные пособия для школы. Я отказываюсь работать под началом замполита, до конца моего срока остается 8 месяцев, дотяну и так...

Тогда он говорит:

– Будешь числиться в пожарной части, а замполита нет, уехал на два месяца в Академию, повышать квалификацию. И еще, скоро комиссия, теперь точно пойдешь на досрочное.

При этом он молча выдирает выговор из моего дела.

Оказывается, отец внял моей просьбе не жаловаться в Москву, а написал в Иксинское Управление, все тому же Журавлеву. Тому, видно, не понравилась наглость замполита, но бюрократия была превыше. Отец получил бесстрастный ответ о том, что решения комиссий не пересматриваются, а следующая комиссия будет в апреле.

Я соглашаюсь на работу в школе, ведь справка о досрочном освобождении мне ой как нужна! Лишь она дает шанс на жизнь в Ленинграде.

Через 3 месяца административная комиссия все же включает меня в списки на досрочное освобождение, утверждать это решение должен выездной суд, который проходит в колонии Североонежска, куда меня вызывают. Я сижу в коридоре перед кабинетом начальника в ожидании вызова, наконец, очередь доходит и до меня. За большим столом сидит местное начальство.

Мельком на меня взглянув, прокурор спрашивает статью, срок, листает дело, спрашивает: «Возражения есть? Нет?» И уже обращаясь ко мне: «Свободен».

Я вылетаю на улицу. Яркое солнце, ура! Это еще не совсем свобода, документы только оформляются, но решение есть. На повороте дороги вижу бегущего оперативника из нашего поселка.

– Что? – спрашивает он. – Уже?

– Да. Досрочное.

Что-то в его глазах гаснет. Отвернувшись, он проходит мимо и, уже не торопясь, идет в колонию.

Через несколько дней со старым паспортом и справкой в кармане, с мешком и сумкой за плечом я выхожу из поселка. На перекрестке вижу «Вольфа», он вернулся из Академии. Делать ему на дороге явно нечего, похоже, что он поджидает меня. Я прохожу мимо, он спрашивает:

– Что, Рыбаков, освободился?

– Да, гражданин начальник.

И слышу:

– Ну, теперь я Вам уже товарищ.

Я прибавляю шаг.

НА ВОЛЮ!

Ночь темней перед рассветом

Добравшись до Плесеца, я сел в поезд. За окном мчится и сливается в солнечном потоке майская зелень, просторы разворачивающихся полей, бурые пятна деревень, открытые дали...

1982 год

Вот так же, под грохот вагонных колес, в 1946 году возвращался из Сибири мой отец. Он ехал вместе с обретенной в неволе женой и родившимся в тюремной больнице сыном:

«Подходит поезд к городу,
Проселки и мосты.
Проигранная молодость,
Проиграна ли ты?»

Так размышлял тогда он. Мне уже тридцать шесть и, несмотря на радость обретенной свободы, я задаюсь тем же вопросом. Рядом никого. Мои подруги давно нашли себе других мужчин, мои дети растут без меня. Я нищ, в кармане жалкие рубли из того, что оставалось от заработка после всех вычетов. Позволят ли власти жить в Ленинграде, неизвестно. Ручеек писем от друзей и от тех, кого я заслонил, приняв на себя облыжное обвинение, давно пересох. Есть все основания сказать себе: ты растратил лучшие годы, ты не воспользовался возможностью эмигрировать и теперь станешь прозябать под надзором, который будет гнуть и тормозить твою жизнь.

Безо всяких на то оснований я почему-то верил в иное.

Но не борьба виделась мне впереди. Оставив за спиной годы унижительного бесправия, постоянной опасности и, главное, нового житейского опыта, я уже не рвался на баррикады. Не из-за страха и не от потери сил. Скорее, от потери смысла.

Среди тех, с кем пришлось делить убогую неволю, отъявленных мерзавцев и «природных» преступников было не так уж и много. Несколько десятков на полторы тысячи зеков. Остальные – жертвы обстоятельств, пьянства, спонтан-

ных действий, чиновничьего или партийного беспредела, а подчас и судебных ошибок. Совсем не ангелы, они могли и не попасть за колючую проволоку, а прожить всю жизнь среди тех, кто при другом стечении обстоятельств мог оказаться на их месте. То, что это не отрицательный «отсев», а средняя выборка, было хуже всего.

Хоть мне и везло: я встретил там несколько хороших, порядочных людей. Но знакомство с основной массой удручало чудовищным интеллектуальным и духовным невежеством. Я увидел свой народ в реальных мерах присущего ему добра и зла, и это знание вело к неутешительным выводам – свобода была не нужна тем, кто давно ее лишился.

Что ж, 60 лет советской отрицательной селекции сделали свое дело. То, что вся страна живет в неволе «общенародного» тюремного режима, понимают немногие. Мало того, подавляющее большинство хоть и ропщет, но подчиняется охотно.

На самом деле при внешней очевидности моих лагерных выводов, народ все же помышлял о другой жизни. Молодежь уже слушала Цоя и Макаревича, от слов «Мы ждем перемен!» их глаза загораются, но вокруг они видят все ту же рутину. Взгляды взрослых, озабоченных скудным бытом людей, равнодушно скользили по транспарантам «Ленин и теперь живет всех живых!», из радиоприемников гремело – «Будет людям счастье, счастье на века, у советской власти сила велика!..»

Член Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев победно рапортует: 13 общероссийских и 81 городская станции глушат радиоэфир злобным ревом на частотах, где вещают «Свобода», «Голос Америки» и «Би-Би-Си». То, что использование таких мер – признание своего идейного поражения, не обсуждается, ведь «этого не может быть, потому что не может быть никогда!» Под рев глушилок и звон литавр советская власть добивала демократическое движение. Тысячи людей еще сидят в политических лагерях за «подрыв или ослабление советской власти», за веру в Бога, за правду о самом большом, общенародном лагере исправительно-трудового режима, за желание свободы для своих народов. Еще выходят номера подпольно издававшейся «Хроники текущих событий», где излагались события и обстоятельства противостояния общества и власти. Но люди, которые занимались сбором и распространением этой информации, не долго ходили на свободе, редко кому из них удавалось проработать больше года, потом следовал арест и тюрьма. При всей мерзости режима он казался крепок. В среде питерской «второй культуры» тоже зияли бреши, за время моего отсутствия эмигрировали десятки моих товарищей, талантливых художников и литераторов. Но уже появилось новое поколение андеграунда, а с приходом Горбачева неожиданно повело если не радикальными, то все же переменами. И я опять включился в борьбу, если не за смену режима, то хоть за творческую свободу. В начале это была организация Товарищества экспериментального изобразительного искусства

(ТЭИИ). Вместе с Сергеем Ковальским и Евгением Орловым мы постепенно ото-жмем тугую дверь цензуры, и к концу 80-х пути независимых художников будут открыты. Ругань с чиновниками и чекистами за наши выставки шла параллельно с борьбой против варварской застройки и разрушения старого Питера. Наши акции по его защите включали выставки, театральные представления, перформансы у предназначенных на снос домов. Так, городские власти хотели снести дом, где в 1830 году была учреждена и вышла в свет первая «Литературная газета». Дом пушкинского друга Антона Дельвига удалось отстоять. Мой старый друг, руководитель Интерьерного театра Николай Беляк, со своей труппой устроил там небывалый по тем временам митинг. Шум и публикации в прессе не дали сломать историческое здание. А вот гостиницу «Англетер», которая была памят-на горожанам тем, что там погиб Сергей Есенин, спасти не удалось. Несколько дней мы дежурили у окруженной забором гостиницы, не давая въехать туда тя-желой технике. Я помню, как, стоя в толпе на площади перед гостиницей, я за-читывал письма протеста, а потом нас пригласили в здание рядом. В исполкоме мы получили заверения о том, что решение о сносе приостанавливается, а когда вышли на Исаакиевскую площадь, увидели, как рухнуло здание. Но это лишь подстегнуло желание продолжать защиту города. Из стихийных выступлений стали формироваться организованные движения, группа «Спасение», «Совет по экологии культуры» и др. Моя активность не осталась незамеченной. Много лет спустя, в архивах Литвы нашелся сборник материалов КГБ СССР за 1988 г., в ко-тором я прочел, что, оказывается, стал тогда объектом дела оперативного наблю-дения под кличкой «Филин», и питерские чекисты, через агентов-provokаторов приложили немало усилий, чтобы внести раскол, скомпрометировать и выдавить из неформальной среды меня и других активных и независимых людей. Резуль-таты были обратными, организации не раскалывались, а делились, множились и потом объединялись не только по культурным задачам. С началом объявленных генсеком перемен в городе появились места для политических дискуссий – Вахта мира и политический клуб «Перестройка». В них состояло около семидесяти чле-нов, у большинства было карьерное членство в КПСС, народ ученый – доктора, кандидаты наук. Но там лишь осторожно рассуждают о том, какая модернизация нужна социализму, как должен выглядеть «социализм с человеческим лицом». У меня же другой круг, мы убеждены в необходимости радикальных перемен.

Помимо творческих людей, это В. Новодворская, А. Скобов, Н. Лесниченко, В. Сквирский из независимого профсоюзного движения СМОТ, это Ростислав Евдокимов, Александр Штамм, Вячеслав Долинин – члены самой радикальной, антисоветской организации НТС (Народно-Трудового Союза), одно лишь член-ство в которой грозило тогда большими сроками. Р. Евдокимов и В. Долинин недавно вернулись из заключения, у них есть идея учредить подразделение Меж-дународного общества прав человека, которое работает под эгидой НТС. Мы со-ставили Устав Ленинградской группы и, получив согласование из Франкфурта,

где находилась головная организация, отправили городским властям уведомление о своем существовании. Ростислав возглавил секцию, а я взял на себя секретарские функции. Официальной реакции на наше уведомление не было, но ее и не требовалось. Мы просто подстраховались, чтобы нас труднее было обвинить в нелегальщине.

Наша группа мала и возможности невелики; все, что мы можем, так это делать заявления, обращаться с письмами в прессу и государственные органы. Мы призываем к покаянию, собираем конференции, где обсуждаются проблемы реабилитации политзаключенных, заступаемся за конкретных людей, в том числе за арестованных членов группы «Доверие», вышедших к зданию КГБ с лозунгом «Свободу политзаключенным!»

Пожалуй, единственной крупной акцией был массовый протест против событий в Китае, когда их молодежь решила выступить против застоя, а китайские власти расстреляли и раздавили танками собравшихся на пекинской площади Тяньаньмэнь.

Тогда вместе с группой «Доверие» мы организовали митинг у китайского консульства на Васильевском острове. Но поскольку милиция перегородила подходы к зданию, я развернул собравшихся, и две сотни

У консульства Китая, 1989 г.

людей с транспарантами и лозунгами прошли через весь город к представительству МИДа, куда мы передали наш протест для отправки его в посольство КНР. Милиция хоть и пыталась, но помешать нам не смогла.

А в декабре мы уже занялись формированием Координационного совета демократических организаций. В него вошли Е. Подольцева, В. Рамм, В. Монахов, М. Макаревич, И. Сошников, Ю. Нестеров и я. На первых порах координация сводилась к обмену информацией, общих дел еще не было, да и позиции многих еще не определились.

В отличие от М. Горбачева, безрезультатное многословие которого скоро надоеет, общество с интересом наблюдает за Борисом Ельциным. Его выступления против привилегий, отставка из первых секретарей и кандидатов в члены политбюро, хоть он и кается, прибавляют ему симпатий.

В конце июня 1988 года открылась XIX конференция КПСС, мероприятие было из категории давно забытых (предыдущую созывали в феврале 41-го года, с тех пор считалось, что обсуждать нечего, надо выполнять директивы). Но и «перестроечные» времена не обошлись без управленческих методов. Несмотря

на то, что М. Горбачев настоятельно советовал своим товарищам гласные, открытые выборы делегатов конференции, все было сделано «по старинке»: 170 питерских мандатов получили надежные, проверенные кадры, те, кто должны были послушно проголосовать за все, что им укажут.

В журнале «Огонек» можно было прочесть:

«...Почему так случилось? Почему “районные толкователи принципиальных установок ЦК КПСС” не вняли советам М. С. Горбачева готовить партконференцию, начиная с выборов делегатов, при открытых дверях, всенародно? Суть, как нам кажется, изложена в статье “Коренной вопрос перестройки” (“Известия”, 4 июня) академика Т. И. Заславской, которая, кстати, делегатом конференции не избрана. По ее мнению, главный вопрос, который должна решить любая революция для своей победы (а перестройка – социальная революция), есть вопрос о власти. «Без решения вопроса о власти революций не бывает. Наша сегодняшняя не исключение. С перераспределением власти связана передача большей части доходов, прав, социальных льгот от верхних этажей общественной пирамиды нижним». Лучшие не скажешь. Но отдавать даже часть власти и благ никому не хочется. Вот причина. Вещи нужно называть своими именами, иначе грош цена всей нашей гласности и демократии».

И подпись – М. Е. Салье, доктор геолого-минералогических наук, Е. М. Прошина, зав. кафедрой научного коммунизма Лесотехнической академии.

Однако «надежные» делегаты не смогли противостоять планам Горбачева. Сопротивление было: писатель Юрий Бондарев, выступая, сравнил перестройку с взлетевшим самолетом, который направляется неведомо куда, а летчики не знают, найдут ли они пригодное место для посадки. Писатель не понимает, что «аэродром» погружается в трясины, что завтра с него уже не взлететь. Зал аплодирует, а Горбачев в перерыве за кулисами в гневе пинает стулья и ругает тех, кто выпустил писателя на трибуну. Но главная задача генсека, вернуть власть Советам, критике не поддавалась, ведь именно это декларировала советская Конституция. В конечном счете конференция одобряет поправки в Закон о выборах народных депутатов. Теперь судьбу страны будут решать они.

Время не ждет

Вечная мерзлота зависимости и страха, на которой была выстроена советская империя, таяла на глазах, ее постройки расплывались в отмерзшем грунте и были обречены. Надо было понять эту неизбежность и делать шаг навстречу переменам.

Еще в мае 1988-го года в Москве прошел Учредительный съезд Демократического союза. Его душой и бессменным вождем становится Валерия Новодворская. Перед этим она приезжает в Питер. На встречу с ней я иду с Валерием Тереховым, одним из будущих лидеров питерского отделения ДС. Изрядно расплывшая женщина средних лет, в очках с толстыми стеклами, длинной юбке и свободной шелковой блузе никак не походила на вождя, но под домашним обликом таился острый ум и фанатичная убежденность.

Среди ее предков был псковский воевода, убитый на дуэли князем Курбским, социал-демократ из дворян, попавший в Сибирь за организацию подпольной типографии и женившийся в Тобольском остроге на крестьянке; дед – комиссар в коннице Буденного; родители – бедная служилая интеллигенция. Детство прошло в полубараке на сваях, в одной комнате втроем.

Ее отроческие книги – «Овод», «Одиссея капитана Блада», «Три мушкетера» и «Спартак». Ее мечта – стать советским разведчиком, как Рихард Зорге, или сложить голову, сражаясь за революцию. Белые нравились не меньше красных. Ведь и те, и другие бились за великую идею и служили России.

В 14 лет она вступает в комсомол, но переделать его в роту королевских мушкетеров или неуловимых мстителей не удастся. А сидеть дома невозможно, а защищать тех, кто слабее, надо! В 15 лет она обивает пороги военкоматов, полковники впадают в ступор, когда она просит послать ее в воюющий Вьетнам.

Но в 67-м году отец дает ей прочесть «Один день Ивана Денисовича». Солженицын открывает ей глаза. «Слава Богу, моей стране нужна еще одна революция!» – решает она. Страстная, экзальтированная натура нашла противника. И неважно, что плохое зрение и слабое здоровье, зато есть цель, есть страстное желание достойно, а это значит жертвенно, распорядится своей жизнью.

В 1969 году она пишет:

Валерия Новодворская, 1965 г.

СПАСИБО, ПАРТИЯ, ТЕБЕ,

Спасибо, партия, тебе
За все, что сделала и делаешь,
За нашу нынешнюю ненависть
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За все, что предано и продано,
За опозоренную Родину
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За рабский полдень двоедушия,
За ложь, измену и удушие
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За все доносы и доносчиков,
За факелы на пражской площади
Спасибо, партия, тебе!

За рай заводов и квартир,
На преступлениях построенных,
В застенках старых и сегодняшних
Изломанный и черный мир...

Спасибо, партия, тебе
За ночи, полные отчаянья,
За наше подлое молчание
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За наше горькое неверие
В обломки истины потерянной
В грядущей предрассветной мгле...

Спасибо, партия, тебе
За тяжесть обретенной истины
И за боев грядущих выстрелы
Спасибо, партия, тебе!

А дальше листовки с балкона Дворца съездов, изгнание из института иностранных языков, Лубянка, КГБ. На следствии выясняется, что у арестованной девчонки лихо подвешен язык, что из суда над собой она намерена устроить публичный суд над тоталитарным режимом и его хозяевами.

Однако чекисты уже знают управу на таких граждан: диагнозы «реформаторский бред», «философская интоксикация», «плохая социальная адаптация» изобретены академиком Лунцем и опробованы в Институте психиатрии им. Сербского. Вместо открытого суда тюремная психиатрическая больница. А там пытки кислородом под кожу, инсулин и аминазин.

К моменту нашего знакомства за плечами у Валерии уже были многократные аресты, в том числе и по делам СМОТа, голодовки протеста в следственных изоляторах КГБ и спецпсихбольницах. Но, выходя на свободу, набравшись сил, она снова создает подпольные группы из молодежи, на которую производит сильное впечатление, несмотря на отнюдь не сексапильную внешность. Ее цель – не только свалить тоталитарный режим; за яростным желанием добиться своего даже ценой собственной гибели стоит тяга к мученичеству. Она уже не раз побывала на грани жизни и смерти их-за принудительного лечения и голодовок, она действительно готова умереть, и это завораживает тех, кто по молодости легко смотрит на гибель за идею. Она увлекает еще и потому, что ярко, бесстрашно и точно произносит и приговор советской власти, и те нравственные постулаты, которые отличают настоящего революционера.

«Красивые и мудрые, как боги, и грустные, как жители Земли», – пел Окуджава. Это о диссидентах, считает Лера.

О ее характере говорит такой эпизод из ее воспоминаний. При новом аресте следователь на Лубянке спрашивает: «Покажите, почему вы продолжаете заниматься подрывной антисоветской деятельностью, несмотря на ваше помилование в 1987 году?» Она отвечает: «Занималась, занимаюсь и буду заниматься, ибо подрыв основ преступного советского строя – гражданский долг каждого честного человека, и я буду подрывать эти гнилые основы, пока ваш проклятый строй не падет». Слова эти ей пришлось самой вписывать в протокол допроса, так как следователь отказался, сказав, что если он это своей рукой напишет, то станет соучастником преступления. Только за период с 1987-го по 1991-й год она будет арестована семнадцать раз.

Идея создать легальную оппозиционную политическую партию и, не скрываясь, открыто заявить о ее существовании, родилась в Москве.

Мальва Ланда, Володя Сквирский, Ася Лащивер, Игорь Царьков и Валерия сначала организовали правозащитный семинар. Он начал работу в пацифистской группе «Доверие», это ее члены напутствовали делегатов XIX партконференции, советуя им установить многопартийность, это они протестовали против афганской войны и принудительного призыва в армию. В Москве ее лидером была Евгения Дебрянская, в Питере – Екатерина Подольцева.

Эту группу Лера и решила сделать первоосновой партии. В Москве все было ясно, люди уже были готовы. «Доверисты» были и в других городах. Но нужен был город «трех революций», Петроград. Тогда Подольцева и собрала первую группу наших радикальных демократов для разговора с Новодворской.

Мое впечатление о «выпавшей из XIX века прекраснотетушке» быстро рассеялось.

Четко, ясно и решительно она стала убеждать собравшихся (а было нас человек двадцать) в том, что настала пора создания не подпольной, а легальной оппозиционной партии, которая заявит о необходимости смены режима. Постановка радикальной политической задачи была мне по душе, но я все же сказал о своих сомнениях, о том, что требование полной смены строя может оказаться на руку противникам Горбачева.

Новодворская произнесла страстную речь, смысл которой сводился к тому, что участие в «перестройке» – это союз с тюремщиком за благоустройство тюрьмы. Что Горбачев такой же враг свободы, как и его мнимые оппоненты! Что кому-то надо быть первыми и во весь голос сказать правду, назвать палачей палачами, а коммунизм опасным бредом. И тогда народ воспрянет и скинет свое ярмо, и сам выберет свой путь.

Что ж, в этом была правда. За организацию маленькой подпольной диссидентской группы я уже провел в заключении шесть лет, а коэффициент полезного действия от такой деятельности был мал. И таиться действительно надоело. Тягостно выискивать меж газетных строк приметы необходимых перемен, униженно ждать подачек. Веры в то, что коммунисты сами откажутся от монополии на власть, у меня не было. А сказать: «Иду на вас!», увлечь за собой других и попытать удачу было очень заманчиво!

Одним из важных обстоятельств моего прихода в ДС стало Уставное положение о том, что член партии даже в условиях репрессий отказывается от эмиграции.

Как ни странно, нашей встрече никто не помешал, и мы даже успели создать что-то вроде инициативной группы для участия в Учредительном съезде.

А вот в Москве все было по-другому, столичные чекисты решили эти планы сорвать.

Первый день Съезда проходил в коммунальной квартире у активиста группы «Доверие» Кузина, куда съехалось больше ста человек со всей России.

Как все там поместились, непонятно. Люди стояли в комнате, коридоре и кухне, плотно прижавшись, как в метро в часы пик. Валерия, взгромоздившись на табуретку, где-то между кухней и коридором, так, чтобы охватить большее число присутствующих, начала с того, что извинилась за тесноту и объяснила, что помещение жилконторы, где предполагалась встреча, закрыто, на двери появился амбарный замок. Но несмотря ни на какие препятствия, событие состоялось – впервые за 70 лет тоталитарного режима создается свободная оппозиция.

зиционная организация. Знамя свободы мы намерены нести до полной победы, до установления многопартийной системы.

Пока мы слушали пламенную речь, в двери квартиры начали стучаться. Под аккомпанемент этого стука А. Лукашев зачитал обращение оргкомитета и проект основных принципов Союза. Возник вопрос: создается организация или партия? Дискутировать в такой тесноте было трудно, лишь никому еще не известный Владимир Жириновский попытался воззвать к умеренности и не выходить за рамки конституции, которая оставляла за КПСС монополию на власть. Услышав, что по нашему Уставу члены партии отказываются от эмиграции даже в случае репрессий, он приуныл. А затем, по словам участника съезда Игоря Царькова, Жириновский *«выступил с предложением: “Давайте на словах говорить, что мы поддерживаем КПСС, а исподтишка будем с ней бороться”*. После чего ему сразу указали на дверь».

Валерия Новодворская, 1965 г.

Согласно рассказу очевидца (А. Хатова), наиболее активно вмешательство милиции во внутренние дела ДС произошло на секции по политическим и правовым реформам, собиравшейся на квартире Е. Дебрянской.

«Около 8 часов вечера в квартиру вошла милиция. Основание: заявление от соседей, считающих, что участники съезда собираются взорвать жилой дом.

Милиция и штатские выстроились на лестнице, так что поначалу это можно было принять за почетный караул.

Потребовались определенные усилия, чтобы группа примерно из сорока человек была рассажена по автобусам и отправлена в 16 отделение милиции. В отношении инвалида второй группы Ю. Митюнова усилия милиции так и не увенчались успехом. Митюнов остался в квартире, где объявил голодовку протеста.

Из 16 отделения довольно скоро были отпущены те, кто имел прописку в Москве. Однако москвичи А. Хатов и В. Кузин воспользовались неразберихой и оказались в милиции вместе с иногородними. Через некоторое время число иногородних уменьшилось на 5-6 человек, обладавших московскими родственниками. Оставшиеся отказались вступать в какие-либо переговоры с милицией до тех пор, пока не прибудет районный прокурор.

Через три часа прокурор явился, но вел себя в высшей степени странно. Он прочитал арестованным некое постановление, регламентирующее действия властей по отношению к проституткам в том случае, если последние наберутся наглости участвовать в общественных мероприятиях. Большие ничего вразумительного законник сказать не мог, по причине чего изолировался в одной из комнат отделения, чего-то выжидая.

Не удовлетворенные прокурором, отказавшимся говорить о возможности освобождения, делегаты съезда устроили сидячую забастовку в «ленинской комнате» отделения. Милиция применила силу.

С началом забастовки испуганный прокурор сбежал. Начальство пыталось найти для ситуации благоприятный исход: провинциалам было предложено дать подписку в том, что после освобождения они немедленно покинут гостеприимный город Москву.

Отказ от компромисса повлек за собой другое решение: утром строптивых арестантов вторично посадили в автобусы и отправили в спецприемник на улице Матросская Тишина. Кое-кого милиции пришлось волочить в автобусы по асфальту, а некоторых даже переносить на руках. Делегат из Саратова Деревянкин во время такой переноски кричал: «Да здравствует советская демократия!»

Шутки шутками, но съезд все же провели, он закончился на железнодорожной станции подмосковного поселка Кратово. До дачи С. Григорянца, диссидента и «отсидента», редактора журнала «Гласность» делегаты не дошли, хозяин оказался арестован, местный депутат открыл им поселковый клуб, где с перевесом в один голос утвердили партийный статус, Устав и Программу, будучи изгнаны и оттуда, руководство избирали уже на станционной платформе.

В ДС собрались те, кто не имел иллюзий в отношении КПСС, да и о «ленинских принципах» мы знали многое.

Первым документом, который предъявил тогда обществу Демократический Союз, был проект Программы, и начинался он словами:

«Мы, граждане своей страны, ощущая ответственность за ее судьбу, объединяемся в политическую партию «Демократический Союз» для того, чтобы содействовать экономическому и духовному Возрождению общества на началах гуманизма, демократии и свободы.

Мы считаем, что главным источником 70-летней трагедии нашего народа является установившийся в стране тоталитаризм.

Тоталитаризм – государственный строй, в основе которого лежит монополия одной политической силы, КПСС, на власть, собственность, идейную и духовную жизнь.

Тоталитаризм не только подавляет личность, он разрушает ее, стирание личности является главным условием для существования.

Тоталитаризм поставил страну на грань общенациональной катастрофы. Нас ждет долгий, мучительный путь выздоровления.

Создавая ДС, мы делаем необходимый шаг к формированию политической инфраструктуры гражданского общества. Мы не намерены “править на месте КПСС лучше КПСС”. Мы считаем саму сущность нынешней системы правления порочной. Власть в стране должна принадлежать свободно избранным представителям народа.

Наша программа – это программа переходного периода от тоталитаризма

к демократии, от политического, экономического и духовного тоталитаризма – к обществу свободных граждан свободной страны.

Мы не за модификацию общественно-политического строя, а за полное его преобразование.

Таким образом, ДС ставит своей целью ненасильственное изменение тоталитарного государственного строя СССР».

Далее шли предложения по политической реформе, новым принципам национальной политики, правовой системы, многоукладной экономики, по реформам в сельском хозяйстве, социальной и культурной жизни.

Конечно, тезисы носили характер ориентиров, к ним надо было двигаться, но механизмы реализации не были, да и не могли в ту пору быть разработаны.

Наши экономические идеи шли в общем русле тех задач, которые ставили перед собой умеренные демократы и социалисты. Но в отличие от них, мы были уверены в том, что перемены станут возможны только при отстранении КПСС от монополии на власть. Мы понимали также, что последней в истории человечества империи приходит конец, а ее стихийный распад будет кровав. Мы предлагали опередить эти события и признать, что отношения между нашими народами будут строиться на основе конфедерации независимых республик.

Поддерживая лозунг «Вся власть Советам!», мы видели в нем путь к парламентской республике, экономический строй которой должен быть выбран самим народом. Но в нашей программе уже были тезисы как о необходимости отмены полномочий партийных структур на руководство экономикой и культурой, так и расформировании карательных, шпионящих за своим народом спецслужб. Там было сказано: **«ДС требует немедленного роспуска КГБ, ликвидации института «секретных сотрудников» и первых отделов в учреждениях и организациях, не имеющих оборонного значения».**

Мы заявили о необходимости **«разоблачения и наказания за политические репрессии в отношении инакомыслящих за весь период существования этой репрессивной организации, организации показательного процесса над главарями КГБ как над преступниками, совершившими преступления против человечности; создания новой службы безопасности на иной идейной и кадровой основе; издания, после всенародного обсуждения и голосования, общегосударственного закона, регламентирующего деятельность службы безопасности и подчиняющего ее контролю высшим органам власти (Советам народных депутатов, а впоследствии парламенту)».**

Понятно, что такие планы не устраивали ни партийную, ни гэбистскую номенклатуру. Если бы тогда они повернули вспять шедшие процессы, им действительно было что нам припомнить. И они к этому готовились.

А мы пытались двигаться дальше, отыскивая уже не только цели, но и способы их достижения. Как и что делать народу, обществу, государству? Конкретные

шаги, их последовательность, практические приоритеты – все это требовало точных и универсальных знаний о реальном положении в стране, о том, как решает свои проблемы свободный мир.

Увы, эта задача была не по зубам не только романтикам и дилетантам, но и подавляющему большинству социологов, экономистов и политологов советского разлива.

Есть такая партия! ДС у Смольного, 1988 г.

Вернувшись из Москвы после учредительного съезда ДС, мы узнали об инициативе сопредседателя Клуба-81 Бориса Иванова, который предложил провести общую манифестацию демократов в поддержку перестройки. Идею подхватили мемориальцы. Шествие сотен людей закончилось митингом на ступенях Смольного собора.

Там я зачитал заявление, которое прозвучало как гром среди зимы:

«ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

НАШЕ СТРЕМЛЕНИЕ ВЕРНУТЬ СЕБЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА ВСТРЕЧАЕТ ОЖЕСТОЧЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. БЮРОКРАТЫ И ПАРТИЙНЫЕ ЧИНОВНИКИ НЕ ХОТЯТ ЛИШАТЬСЯ СВОЕЙ ВЛАСТИ И ПРИВИЛЕГИЙ – ОНИ ГОТОВЫ ОСТАНОВИТЬ ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ НАШЕГО ОБЩЕСТВА!

Мы не должны стоять в стороне и ждать, что получится у Горбачева. В условиях политической монополии реформы не дадут нам реальной свободы для естественного развития общества, реформы уже лишаются своей силы.

Подготовка XIX конференции КПСС со всей очевидностью демонстрирует отказ от демократических принципов – делегатами на конференцию НАЗНАЧАЮТСЯ те, кого отбирают обкомы КПСС. А трудовые коллективы и рядовые коммунисты не могут помешать этому, потому что политическому господству любой партократии способна противостоять только организованная воля народа, получившего возможность выбирать из различных политических программ ту, которая выражает его интересы.

ЕСЛИ МЫ ХОТИМ ЖИТЬ В СВОБОДНОЙ СТРАНЕ, НАДО ДЕЙСТВОВАТЬ!

Первым шагом на этом пути стал учредительный съезд легальной оппозиционной политической партии «Демократический Союз», на котором в Москве присутствовали участники демократического движения из двадцати семи городов СССР.

В ДС вошли представители различных направлений демократического движения.

ДС ставит перед собой задачу мирного преобразования общества и создания справедливых общественных отношений в условиях многопартийной общественно-политической жизни и многоукладной экономики.

ДС поддерживает прогрессивные инициативы КПСС, но считает необходимой частью народовластия сосуществование самостоятельных и равноправных политических сил.

ДС СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ ПЕРЕДАЧУ ВСЕЙ ПОЛНОТЫ ВЛАСТИ В РУКИ СВОБОДНО ИЗБРАННЫХ ДЕПУТАТОВ НАРОДА!

*ДС БУДЕТ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ ЛЮБОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА!
За нашу и вашу свободу!»*

Северо-западное региональное отделение партии Демократический Союз.

Екатерина Подольцева, Юрий Рыбаков, Валерий Терехов.

Ленинград 23 мая 1988 года».

Реакция на наше заявление была неоднозначной. С одной стороны, к нам потянулась молодежь, но у людей постарше и получше устроенных в жизни были скепсис и испуг. «Не мешайте Горбачеву!» – слышали мы от благонамеренных сторонников перестройки. Еще недавно я тоже говорил что-то подобное, но сомнения уже были позади.

Теперь я с раздражением слушал отставных диссидентов, которые цитировали чьи-то стихи:

«Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность.
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена...»

В давние времена, когда римские когорты, сдвинув щиты, мерным шагом двигались на боевые порядки врага, перед латниками бежали застрельщики. Засыпав противника стрелами и камнями, они успевали нарушить порядки противника. Потом большинство погибало, зажатое в мясорубке рукопашного боя. Но они поднимали боевой дух тех, кто шел за ними.

ДС был таким застрельщиком. Сегодня, после всех событий, что обрушились на страну за три десятилетия, «Демсоюз» вызывает лишь туманные воспоминания. А ведь тогда его появление было глотком кислорода для тех, кто задыхался в застое и страхе. Причем не только в столицах, ведь оттуда, с нашего съезда, с программными документами в руках бесстрашно разъехались делегаты из десятков городов Союза. Резко подняв планку общественных требований, своим примером мы показали, что это возможно!

На улицы городов вышла молодежь. Люди увидели, что она, не боясь ареста, поднимает лозунги:

«Родина должна знать своих палачей!»

«КГБ – к ответу!»

«Долой монополию КПСС – вся власть Советам!»

Еще недавно что-либо подобное каралось немедленно и беспощадно. Еще вчера это было подобно самоубийству. Осмелившиеся на такое исчезали надолго или навсегда. Кто-то говорил себе: хоть эти сумасшедшие и правы, кто поручится за то, что сегодня не будет так же? Но когда оказалось, что даже после арестов мы упрямо возвращаемся и снова выходим на митинги с теми же требованиями, народ понял, что можно поднять голову. Перестройщики, хоть и воротили нос от радикалов, тоже стали смелее.

В рядах Демократического союза можно было встретить студентов и начинающих журналистов, моряков и домохозяек, рабочих, технарей и фантазеров, к нам приходили не только убежденные либералы, но даже те, кто еще верил в очищение компартии. Социальный состав: 30% рабочие, 28% служащие, 20% студенты, остальные 20% с лишним – разночинцы, творческая интеллигенция, крестьяне, начинающие предприниматели. Половина состава имела высшее образование, но, как правило, работала не по полученной в вузе специальности, не имела ученых степеней и не была «вписана» в советскую систему.

Разнородным был и идейный состав. В процессе развития стали складываться группы, а затем и «фракции» либеральных демократов, социал-демократов, христианских демократов, даже демократических коммунистов.

Последние стали издавать газету «Призрак коммунизма», московская организация – вестник «Свободное слово», питерская – «Учредительное собрание», стали появляться и другие издания. Иногда их печатали на канцелярской множительной технике из учреждений, где тайком ее использовали наши друзья, но в основном это был героический труд по способу шелкографии, которому научили нас активисты из польской «Солидарности». Тонкая шелковая или капроновая ткань натягивалась на деревянную рамку и заливалась в темноте специальным раствором; высыхая, он создавал непроницаемую пленку. Затем через фотоувеличитель на нее проектировался негатив какого-либо текста и ткань промывалась другим составом, который удалял частицы пленки там, где она была засвечена.

Теперь в поставленной на просвет рамке можно было увидеть текст. Дальше в раму надо было вылить немного краски, а под нее положить лист бумаги. Широким шпателем краска разравнивалась и протекала сквозь ткань в освобожденных от пленки местах. На бумаге появлялся пахнущий краской текст, который еще надо было высушить. Помню, как вместе со Игорем Здором мы скрепками цепляем свежепечатанные листовки за веревки, натянутые по всей его квартире.

Позже нам удалось купить в Прибалтике допотопные игольчатые принтеры от ЭВМ, затем наладить связи с эстонской типографией. К 90-му году ДС уже издавал более 30 периодических изданий в 25 городах Союза при ежемесячном тираже в 100 тыс. экземпляров. По сравнению с тиражами органа ЦК КПСС газеты «Правда» и других центральных и местных подконтрольных ЦК газет это было каплей в море. Но вместе с перестроечными «Огоньком» и «Московскими новостями», которые приобрели тогда миллионы подписчиков, рукотворная пресса делала немало. Люди привыкали к тому, что есть свободное, неподцензурное печатное слово. Помимо столичных вестников издавались «Гражданский путь» в Харькове и Новосибирске, «Тихвинская площадь» в Иркутске, «Улица свободы» в Риге, «Диссидент» во Владивостоке, «Утро России» в Самаре, «Тверской вестник» и еще целый ряд других изданий в Ташкенте, Астрахани, даже в Южно-Сахалинске.

Состав нашей питерской организации был разнороден: любитель вина и женщин поэт Ростислав Евдокимов, санитар и яростный антикоммунист Витя Першхало, будущий лидер питерских феминисток Ольга Липовская, тогда еще таксист, а позже один из активистов «Выбора России» и СПС Игорь Сошников, будущий организатор независимых профсоюзов Леня Гусев, крепко сбитый, волевой и скептический кооперативщик Валерий Терехов, программист и радикальный вождь Питерского отделения Екатерина Подольцева.

Общее число членов нашей партии стало расти, в разное время оно колебалось от 3 до 5 тысяч (недавно выяснилось, что чекисты насчитали тогда аж 14 тысяч членов и кандидатов).

Логика строительства политической партии требовала от нас развития и конкретизации тех общих деклараций, с которыми мы вышли на свет. Пути выхода из «египетского» плена могли быть разными. Внутрипартийная идейная борьба была неизбежна.

Екатерина Подольцева, Валерий Терехов. 1989 г.

Неожиданное приглашение

На конец мая меня пригласили зайти в американское консульство, там я получил приглашение на встречу с направляющимся в Москву президентом США Рональдом Рейганом. Я был этим изрядно удивлен, тем более, что я оказался там единственным представителем питерских демократов. Думаю, что объяснялось это просто: я не боялся бывать на дипломатических приемах, куда меня приглашали как художника-нонконформиста, мое имя уже не раз полоскали в газетах, и ни один митинг не обходился без моих радикальных выступлений.

Президент США посетил Союз с ответным визитом после встречи с Горбачевым в Рейкьявике. Оба они бодались там в спорах о разоружении. Категорическое определение «империя зла» осталось в прошлом. Американский президент с трудом и скепсисом, но все же допустил, что имеет дело с коммунистом новой формации. Это не мешает ему жестко биться за снижение военного противостояния, за права человека и гуманизацию жизни в Союзе. Их команды хитрят, блефуют, пытаясь добиться как сокращения нацеленных друг на друга ракет, так и сохранения своего перевеса. Рейган пишет в своем дневнике: *«Горбачев предложил отдать красноярский космический радар в международное пользование. Ловушка в том, что его в любой момент могут взять обратно»*. Горбачев тоже считает, что американцы хитрят. Мир уже давно на волоске от катастрофы, у Союза 2 480 носителей зарядов и 10 тысяч ядерных боеголовок, у США 2 208 носителей и 15 тысяч боеголовок. Только на европейской территории у Союза 1 846 ракет средней дальности и 3 136 ядерных боеголовок, у США и других членов НАТО – 846 и 859 соответственно. Все это готово к действию и может однажды сработать, многократно испепелив земной шар, а главы государств спорят, заботясь о престиже и сохранении лица.

Причем у Горбачева позиции слабее, а Штаты располагают возможностями работы над программой СОИ (системы лазерного поражения наземных и летящих объектов с орбитальных спутников). Этот «зонтик» над Америкой на самом деле слишком дорог даже для Белого дома, но возможности Союза на порядок, если не на два, ниже. При этом Горбачев, хорохорясь, пытается пугать Америку тем, что откажется от закупок зерна, в которых сам нуждается не меньше, чем американские фермеры. Рейган пишет в своем дневнике: *«Говорили о правах человека, о двусторонних соглашениях по обменным программам и т.д. Я сказал, что не могу вернуться домой без внятного объяснения, почему они передумали закупать 6 миллионов тонн зерна. Он сослался на снижение нефтяных цен, у них нет денег. Дальше началось шоу. Я сказал, что не откажусь от СОИ ни за какие*

сокращения вооружений. Он изображал веселье и общительность, я изображал безумие – сработало. Все наши думают, что я вел себя правильно».

Но помимо звездных войн, обсуждаются и другие проблемы. Приехав в Москву, Рейган пытается найти у Горбачева религиозное чувство и убедить в существовании Бога («ведь тот употребляет в своей речи выражение «слава Богу»). Генсек признается, что был крещен в детстве, но уклоняется от этой темы, переводя ее в плоскость «совместного исследования космоса». Рейган замечает, что «космос действительно находится рядом с небесами, но вовсе не так близко к ним, как те вещи, о которых они говорят».

Не знаю, насколько заботили американского президента судьбы российских «отказников» и демократов, но, в отличие от других лидеров Запада, он, приехав в Москву, сначала встретился с нами.

Обсуждая приглашение, мы с Натальей допускали, что можем нарваться в Москве или в дороге на провокацию. В поезде могло оказаться, что у соседа пропал кошелек, а на вокзале или на улице какая-нибудь дамочка могла закричать, что к ней пристают. Так случилось, например, с Вадимом Филимоновым в 70-е, а писателю Давиду Дару чекисты, проводя обыск, подложили наркотики.

Но любопытство и нежелание «праздновать труса» были сильнее, и мы решили ехать. Чтобы спутать возможные планы провокаторов, я на всякий случай выехал раньше, а Наташа на следующий день. В приглашении был указан не центральный вход в Посольский комплекс на Новинском бульваре, а какой-то Малый Конюшковский переулок. Москву я знал плохо, спрашивать прохожих о том, как подойти к служебному входу в американское посольство было рискованно, поэтому я долго колесил в поисках этого переулка. Когда нашел, оказалось, что в ту же сторону движутся и другие, чем-то похожие друг на друга, люди. На повороте в переулок пришлось пройти сквозь группу злобно смотревших на нас, крепко сложенных людей в штатском. А перед въездными воротами стояли два или три больших автобуса. Сотрудница посольства, просмотрев приглашение и сверив по спискам, пригласила нас в автобус. Оказалось, что прием, а точнее завтрак с президентом, будет проходить в Спасо-Хаусе, резиденции посла господина Метлока, у церкви Спаса на Песках, что изображена на картине В. Поленова «Московский дворик». В общей сложности было приглашено около ста человек, половину из них составляли москвичи, которые уже в автобусах здоровались друг с другом. Остальные, напряженно и молча озиравшиеся, съехались из разных городов и республик.

Пройдя за ворота, в сквере перед зданием мы увидели рамки металлоискателей, сквозь которые надо было пройти, предварительно выложив все из сумок и карманов. Проверкой занимались морские пехотинцы из охраны посольства. Один из них, темнокожий и крупный, был серьезно встревожен, когда Наташа вынула из своей сумки ригельный ключ от нашей квартиры. Вертя в руках зага-

дочный металлический штырь с крупной нарезкой и скошенным концом, он не знал, что ему делать, а услышав «key!», пожал плечами (чего не встретишь у этих русских) и пропустил.

Через центральный вход мы попали на уходящую вверх парадную лестницу. Поднимаясь по ней, я вспомнил о том, что у М. Булгакова, в описании бала полнунья, который закатил в Москве Воланд, речь шла об этой лестнице и этом особняке. Весной 1935 года, посольство организовало в нем большой официальный прием. Люстры сверкали, играло несколько оркестров, столы ломились, а вино не кончалось.

Он собрал тогда более 400 гостей. Среди приглашенных, за исключением Джугашвили, были все партийные и советские бонзы, в том числе знаменитые актеры и советские писатели, среди них и Булгаков.

Поднимаясь по лестнице я оглянулся и вспомнил: *«Теперь снизу уже стеною шел народ, как бы штурмывая площадку, на которой стояла Маргарита... Ни Гай Кесарь Калигула, ни Мессалина уже не заинтересовали Маргариту, как не заинтересовал ни один из королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравительниц, висельников и сводниц, тюремщиков и шулеров, палачей, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растлителей».*

Мне живо представилось, как снизу, из швейцарской, из пасти громадного камина выскакивают не средневековые злодеи, а те, кто шли наверх под пристальным взглядом писателя: Тухачевские, Кагановичи, Ягоды, Радеки – те, кто травил газами восставших крестьян, взрывал храмы, славил террор, бил в спину и предавал. Те, на кровавом счету которых были не единицы, а десятки и сотни тысяч погубленных людей. Большинство из них тоже были живыми трупам, их смерть была не за горами. А рядом с ними по этим ступеням поднимались стукачи, Майзели и Латунские, не литературные персонажи, а реальные подонки и не важно, что у них были другие имена. Они тоже предавали, казнили и топтали, но расплата в этом мире ждала их, увы, только на страницах романа.

С тех пор прошло полвека, адская кухня в тлении и распаде, все ярче свет, все громче звучит крик петуха, и вот по той же лестнице поднимаются не палачи, а их жертвы.

И встречает нас на верхней ступени не Бегемот и Маргарита, а посол великой страны.

В Большом танцевальном зале расставлены столы с табличками фамилий, рядом с нами оказались знакомые сотрудники питерского консульства. Я плохо помню детали происходившего. Рейгана встретили аплодисментами, было заметно что ему далеко за 70, а его жена Нэнси, несмотря на возраст, сияла удивительно лучистыми синими глазами. Рейган сказал собравшимся несколько приличествующих ситуации вступительных слов. В ответ Сергей Ковалев перечислил проблемы, с которыми сталкивается демократическое движение, те запреты и ограничения, в которых живет все общество, а также проблемы тех, кто хотел

бы обрести свою историческую родину. Кажется, выступал кто-то от Народного фронта Прибалтики. В зале сидел будущий лидер Грузии Звиад Гамсахурдия с женой Мананой, отец и сын Подрабинеки, протестанты и пятидесятники, диссиденты и «отсиденты», правозащитники – все те, кто заплатил за свою веру, за любовь к Родине годами неволи и готов был снова бороться. Но были и те, кто хотел просто эмигрировать, их не волновало, что будет со страной дальше. А мы слушали американского президента, пытаюсь понять, реальны ли наши надежды на то, что свободный мир действительно озабочен нашей жизнью? Можем ли мы надеяться на моральную поддержку? Как и кем видят нас там, за кордоном?

«Я приехал в Москву с вопросами о правах человека, потому что мы верим, сейчас настал момент, которого мы ждали», – говорил Рейган, но это были общие, протокольные слова. Было плохо слышно, мы переспрашивали у своих соседей. Вдруг, наверное, вспомнив недавний незавершенный разговор с Горбачевым о Боге, президент оживился и сказал: «А сейчас я скажу то, чего не читал наш переводчик!» И продолжил: «Когда я встречаю атеиста, неверующего человека, я хочу усадить его за стол и задать ему роскошный пир. А потом спросить, верит ли он в существование повара?»

Он говорил что-то еще, а закончил словами: *«Американский народ и люди всего мира поддерживают вас и молятся за вас. Мы надеемся, что свобода вероисповедания сделает эту страну свободной во всем!»*

Наивно, простовато? Да, можно улыбнуться и сказать, что, наверное, старик видел себя апостолом христианства. Тогда это напомнило эпизод из моего детства. Дед и бабушка приехали в Питер и остановились в гостинице «Астория». Родители вместе со мной едут к ним. Роскошный вестибюль, шикарный лифт. Вместе с нами и лифтером в него заходит какой-то иностранец в строгом костюме. Я стою у него за спиной и вдруг я чувствую, что он, не поворачиваясь находит мою руку и оставляет в ней что-то совсем маленькое. Он выходит, а мы едем дальше. Идя по гостиничному коридору, я разжимаю руку и вижу в ней маленький, католический крестик с распятым Христом.

Пастор, который мне его подарил, наверное, тоже чувствовал себя миссионером в безбожном краю. Так оно и было и, несмотря на все золото новых риз и куполов, так и осталось. Но я благодарен тому священнику, как благодарен и Рональду Рейгану, искренне и справедливо считавшему, что он начал крестовый поход за Добро, которое было неотделимо от Веры.

Когда он умер, А. Подрабинеки написал о нем: *«Бог знает, сколько бы еще продлилась агония коммунизма в СССР, если бы Рональд Рейган бесхитростно и совсем недипломатично не обозначил бы Советский Союз как «империю зла», и, если бы он не руководствовался простым и ясным пониманием добра и зла в своей внешней политике... Он отнюдь не был простоват, как может выглядеть дилетант от политики, но он был на зависть прямолинеен, что не всегда может себе позволить даже сильный президент великой страны. Возможно,*

христианская заповедь «да есть да, нет есть нет, а остальное от Лукавого» была определяющей в его жизни».

Его встреча с диссидентами и «отъезжантами» не могла иметь практических результатов, она носила демонстративный характер. Первую официальную встречу президент США провел с представителями общества, его неформальной и оппозиционной части. И лишь затем в Спасо-Хаусе прошел прием, на котором присутствовал генеральный секретарь КПСС, официальные лица и опять, подчеркивая приоритет или по меньшей мере равную значимость, недавний ссыльный – академик Сахаров.

В Москве митинги Демократического Союза начались сразу после учредительного съезда. В отличие от Питера, где менты женщин не били и даже подчас отпускали, в столице сразу начались жесткие разгоны. К приезду Рейгана число несанкционированных выступлений стало расти. 18 мая социалисты и анархисты из «Общины» и «Гражданского достоинства» под черными и красными флагами прошли по улицам Москвы. Пока Рейган находился в Москве, милиция препятствовала всем выступлениям, но старалась не применять насилие. После того, как Рейган отправился в США, участников опять стали избивать и осуждать на 10-15 суток ареста.

НА ОКРАИНАХ ИМПЕРИИ

Вопрос о власти стал занимать все больше места в умах, и не только в метрополии. Зашевелились не только саттелиты из «соцлагеря», но и те, кто жил на окраинах, и те народы, что давно добиваются возвращения на родные земли.

Крымчаки

Крымских татар (потомков скифов, греков, турок и хазар) насильно депортировали из родных земель еще в 1944 году. Тогда Коба искал жертв для очередной расправы, а маршалу Буденному и представителю ставки чекисту Мехлису надо было оправдаться за отступление в 1942 году. На крымском фронте под ударами вермахта мы потеряли тогда 162 тысячи человек, фельдмаршал Манштейн заявил о 170 тыс. пленных. Причем его армия потеряла 3 тысячи, а убитыми лишь 600 солдат. Причина поражения наших войск была в бездарном руководстве, но отвечать начальникам не хотелось, тогда вина была возложена на местные национальные меньшинства. По данным довоенной переписи русские и украинцы составляли 73% населения Крыма, татары всего 20%, армяне, болгары и греки – еще 4%. В сумме эта четверть и оказалась виновата, причем вся, с детьми, женщинами и стариками.

В 1942 году при потере связей между воинскими частями и спешной эвакуации войск через Керченский пролив немалая часть призванных в Красную армию крымских татар действительно вернулась домой. И дело не только в панике – советский режим был для них чужим. О независимости крымские татары мечтали еще во времена войны России с Турцией в 1853 году, тогда из Крыма вслед за победителями на Балканы ушли 300 тысяч татар, не желавших жить под русским царем. Оставшиеся после революции объявили о создании своей республики. Но большевики расстреляли руководителей национального движения, а потом, начиная с 30-х годов, выслали и раскулачивали крепкие семьи, искореняли ислам и культуру. Можно ли было ждать от жертв этой политики солидарности с теми, кто лишал их веры отцов, земли и векового уклада?

Действительно, узнав о том, что немцы обещают им самостоятельность, распускают колхозы и открывают мечети, многие приветствовали их как освободителей. Среди советских мифов до сих пор гуляет история о том, что в Крыму коренное население встретило фельдмаршала Манштейна, подарив ему белого коня (судя по тому, что ту же историю рассказывают и про чеченцев, и про калмыков), конь был из «конюшен» НКВД.

О том, что было на самом деле, пишет тот же Манштейн: «Татары сразу же встали на нашу сторону. Они видели в нас своих освободителей от большевистского ига, тем более, что мы уважали их религиозные обычаи. Ко мне прибыла татарская депутация, принеся фрукты и красивые ткани ручной работы для освободителя татар «Адольфа Эффенди».

О том, что Гитлером запланировано заселение Крыма немецкими колонистами, что татарам предназначена судьба «недочеловеков», они не догадывались.

По данным Л. Берия, во вспомогательных частях вермахта и отрядах местной крымской самообороны служило до 20 тысяч татар, это 1/10 от численности этого народа.

Цифра скорее всего преувеличена, но, как бы там ни было, при наступлении Красной армии большинство настоящих коллаборантов эвакуировалось морем вместе с отступавшими немецкими частями, а позже сдалось англичанам (те, между прочим, легко отдали их вместе с казаками генерала Краснова обратно в Союз, где многие были расстреляны или отсидели большие сроки).

А в Крыму после возвращения коммунистов сразу началась зачистка. С помощью местного, в том числе и татарского, населения было выявлено 2 000 сотрудничавших с оккупантами людей. Кто-то из этого числа участвовал в хлебозаготовках для Германии (попробуй, откажись...), кто-то издавал националистические газеты. Кто-то из оставшихся полицаев прятался в лесах. Все были арестованы и осуждены. Казалось бы, на этом можно было и остановиться.

Но не проходит и месяца, как начинается поголовная депортация. 12 тысяч болгар, 14 тысяч греков, 10 тысяч армян и 181 тысяча татар без пищи и воды были погружены в вагоны для скота и отправлены в степи Казахстана! Старики, женщины и дети гибли первыми еще в дороге. Трупы охрана выбрасывала на ходу поезда. А в местах их расселения, только по официальным данным, смертность достигала 20%.

В число пострадавших попали даже руководители и работники Крымского обкома ВКП(б), которые эвакуировались из Крыма еще до (!!!) оккупации.

Джугашвили и Берия не забыли и о тех, кто честно прошел войну в рядах Красной армии. Всего за 1945-1946 годы в места депортации было этапировано 8 995 крымских татар-ветеранов Великой Отечественной войны, в том числе 524 офицера и 1 392 сержанта. Исключение было сделано только для 11 Героев Советского Союза, да 4 кавалеров ордена Славы. Их не сослали, но и в Крым не пустили.

Иногда случались промахи. Так, мальчик по имени Мустафа Муждаба еще в голодные 20-е годы прибил к военным морякам в Севастополе. Оттуда попал в военное училище, стал офицером-пограничником, коммунистом. Воевал на Карельском фронте, закончил войну с наградами и только через несколько лет после войны, прочтя какую-то подленькую книжицу о предателях-татарах, узнал о судьбе своего народа, о том, что его родственники были сосланы. Его

племянника Искендера сначала призвали в армию из освобожденного Крыма, танкистом он дошел до Берлина, а когда с победой вернулся домой, с него сорвали ордена и под конвоем отправили в Казахстан. Недолго думая, Мустафа поехал в управление НКВД заступаться за родственников. Офицер, который его выслушал, наверное, тоже был фронтовиком. Он помолчал, а потом сказал: «Майор, глядя на твои ордена, скажу, уезжай к своим детям, а сюда с этим больше не приходи. Если не хочешь отправиться вслед за родней».

У майора действительно была семья, он женат на Серафиме Белоликовой, дочери расстрелянного чекистами священника из-под Руссы. На погранзаставе его ждут четверо детей. Старшая, Ритка, закончив школу в Петрозаводске, поступит потом на философский факультет ленинградского университета и познакомится там с моим будущим тестем, диссидентом и «отсидентом», депутатом ВС РСФСР и ГД РФ Михаилом Молоствовым.

До 1956 года никто из поселенцев не имел права покидать свой спецрайон, это ограничение отменил Хрущев, но вернуться домой не дал. К тому времени по решению Верховного Совета СССР ради восстановления сельского хозяйства обезлюдевший Крым уже был передан Украине. Миф о поголовном предательстве татар был прочно внедрен в сознание советских людей, в особенности, тех, кто после войны обустроился на тех землях и в тех домах, откуда изгнали коренное население. Только в 1967 году их возвращение на родину стало законным. Но как только число приехавших достигло 10 тысяч, татар перестали прописывать даже в купленных ими домах. По истечении двух месяцев за нарушение паспортного режима их выселяли, а при повторной попытке сносили восстановленные дома бульдозерами.

В июне 1987 года в Москву приехала группа крымских татар из числа репрессированных. Они уже не первый год пытались восстановить справедливость. Они писали, приезжали и даже встречались с Андроповым, который соврал им, сказав, что уже работает комиссия по их реабилитации. Их борьбу давно возглавил Мустафа Джамилев. Когда он отправился в ссылку, ему был только год. А в 1969 году он стал одним из учредителей «Инициативной группы за права человека», за что он провел в тюрьмах и ссылке в общей сложности почти 15 лет и на тот момент досиживал последний срок в магаданской тюрьме. В этот раз они привезли в Москву 60 тысяч подписей своих соплеменников из разных мест Союза под обращением на имя М. С. Горбачева. С этим текстом активисты движения пошли по редакциям центральных газет и журналов, но там от них отвернулись. Поддержку они получили только у Евгения Евтушенко, Булата Окуджавы, писателей Приставкина и Дудинцева – все они также обратились к М. Горбачеву со словами поддержки стремления этого народа вернуться на свои исторические земли. В общей сложности тогда в акции приняли участие более тысячи татар, съехавшихся в Москву. Они добивались встречи с Горбачевым, но тот уклонился.

На Красную площадь пришло около 120 делегатов, преимущественно моло-

дых людей, родившихся в местах ссылки, и женщин с малолетними и грудными детьми. Они развернули транспаранты с лозунгами «Верните крымских татар на Родину!», «Восстановите национальные права нашего народа!», «Демократия, гласность – и для крымских татар!»

Только после того, как демонстранты провели более суток в сидячей демонстрации перед Кремлем, их принял А. Громыко. Однако разговор, который им удалось записать, оказался удручающе бессмысленным. «Господин Нет» (так прозвали его на Западе, когда он был министром иностранных дел) страдал маразматическим косноязычием и путался в мыслях. Делегация услышала от 78-летнего председателя Президиума Верховного Совета СССР лишь бормотание о том, что на татарах все же есть вина, что для рассмотрения их просьбы уже работает комиссия, а им надо ехать «домой» в Казахстан, Ростов или туда, откуда они приехали, и ждать.

Через несколько дней все делегаты были насильственно выдворены из Москвы.

У безземельных, разобщенных крымских татар не было сил для массового протеста. Но там, где окраинные элиты опирались на местное национальное население, вскоре начались провокации. Остановить смену руководства в стране, сохранить себя в верхних эшелонах номенклатуры еще можно, надо лишь плеснуть керосина на разгорающиеся угли сепаратизма и напугать высшее руководство бунтами и резней. Тогда все вернется назад. Тем более, что южные окраины империи уже дымятся кровью.

Желтоксан

Первые массовые беспорядки времен перестройки начались еще в декабре 1986-го года, когда в Алма-Ате местная молодежь вышла протестовать против замены «своего» первого секретаря ЦК КП Казахстана Динмухамеда Кунаева на ставленника из Москвы. В этом случае речь шла не только об ущемленном национальном чувстве. Тут сработали еще и феодально-клановые интересы. За Кунаевым стояли тысячи людей, связанных круговой родственно-бюрократической порукой. Замена Главного была для них лишением источников дохода и привилегий. Новый, чужой, да еще русский! Это означало организацию нового аппарата, возможную смену кланов в среднем и низшем звене руководства, вскрытие приписок, сведение счетов... Еще пять-десять лет назад смещаемая элита, смирившись с неизбежным, искала бы компромисса. Но в общественном сознании казахов уже бродит недовольство, и начальники используют недовольство молодежи. Вряд ли об этом не знает вездесущий КГБ. Утром 17 декабря на площади перед зданием ЦК в руках демонстрантов появились лозунги «Требуем самоопределения!», «Каждому народу – свой лидер!», «Не быть 37-му!», «Положить конец великодержавному безумию!» От уговоров разойтись толпа не успокоилась, тогда в ход пошли саперные лопатки, дубинки и служебные собаки. В Казахстане считают, что основную волну беспорядков спровоцировало безобразное поведение силовых структур, подтянутых из РСФСР. По словам участников событий, взрывом для столкновений послужило поведение пермской милиции, которая билась дубинками казахских девушек со словами: «Чтоб таких не рожали». Говорят, что казахские милиционеры срывали с себя погоны и шли в рукопашную против прибывших из Союза силовиков.

Студенты учебных заведений составляли не менее половины задержанных. Согласно неофициальным («народным») данным, погибло 12 человек.

Первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Бобков, по его словам, прибывший туда только на следующий день, описывает события по-другому: *«Утром 16 декабря студенты стали стекаться к площади перед зданием ЦК компартии Казахстана. Все лозунги и плакаты призывали к отставке Колбина, требовали избрать вместо него казаха или хотя бы казахстанца, при этом назывались конкретные кандидаты, в числе них были и русские, и представители других национальностей, для которых Казахстан являлся родиной. Перед собравшимися выступило несколько руководителей республики, пытаясь уговорить их разойтись, но все было безрезультатно.*

В целях недопущения беспорядков к площади приказали подтянуть внутрен-

ние войска, а само здание ЦК охраняли курсанты пограничного училища. У солдат не было огнестрельного оружия.

Уговоры не увенчались успехом, зато дали результат призывы подстрекателей. Собравшиеся на площади с громкими криками бросились на штурм здания ЦК, пытаясь опрокинуть шеренги солдат, милиции и пограничников. Завязалась драка. В ход пошли колья, арматура, камни, солдаты вынуждены были применить ремни и дубинки. Число погромщиков множилось. Попытки усмирить толпу оказались безрезультатными. Появились раненные с обеих сторон, был зверски убит дружинник – работник местного телевидения. Я видел потом кадры видеозаписи, и меня поразила жестокость возбужденной толпы. Здесь уместно сказать, что потом называлось самое разное число погибших. Их исчисляли сотнями. Я должен свидетельствовать официально: во время описываемых событий погибло три человека. Это уже упомянутый мною дружинник Савицкий и шестнадцатилетний русский мальчик, заколотый ножом в автобусе довольно далеко от площади: он что-то дерзкое сказал кондуктору, и стоявший рядом вонзил ему нож в сердце. Третий погибший – казах, раненный в драке на площади и скончавшийся через три дня.

К тому времени, когда мы прибыли в Алма-Ату, столкновения между теми, кто охранял здание ЦК, и нападавшими уже прекратились, и все занялись поисками виновных...

О том, кто инспирировал столкновения, очевидец происходившего, жительница Алма-Аты Н. Шумилкина, писала потом в журнале «Гласность»: «18 декабря на площадь к демонстрантам прибыла груженная водкой и анашой машина (анаша была в упаковках «Казахстанских сигарет»). Обеспечивались демонстранты и продуктами питания. Кто же столь щедро одарял молодежь? У жителей города не было сомнений, что поддержка исходит из правительственных кругов. Не трудно было догадаться, что событиями руководит Камалиденов, идеологический секретарь ЦК КП Казахстана (бывший глава республиканского КГБ), которого считали преемником Кунаева. Коммунисты и комсомольцы пошли на бунт, ценой своих жизней пробивая дорогу преступнику, рвущемуся к власти в республике».

По опубликованным данным, задержано правоохранительными силами 8 500 человек. Получили тяжелые телесные повреждения (в основном черепно-мозговые травмы) более 1 700 человек, подвергнуты допросам в прокуратуре 5 324, в КГБ 850 человек. 900 человек подвергнуты к административным мерам наказания (аресты, штрафы), предупреждены 1 400 человек, уволены с работы 319, отчислены из педагогических учебных заведений 309 студентов. В уголовном порядке было осуждено 99 человек. Комсомольские и партийные взыскания получили около 1 400 человек. Камалиденов не пострадал, до 90-го года он оставался кандидатом в ЦК КПСС.

Желтоксан (декабрь), так теперь называют эти события казахи, был первым звоночком, указавшим на то, что:

- даже добровольно присоединившиеся к империи народы не забыли своих мнимых и реальных обид на метрополию;
- лозунги об ущемлении национального самолюбия могут вывести людей на улицы;
- местные элиты уже готовы использовать национализм в своих целях.

Но хозяева-«благодетели» этого еще не понимают. Если кто-то и допустил случившееся, чтобы припугнуть политбюро опасностью развала и необходимостью «закрутить гайки», то он ошибся. Содержательных выводов никто не сделал. Да и в обывательской среде, насколько я помню, ни сочувствия, ни возмущения я не слышал, скорее тревога, смешанная с недоумением – какие-то казахи чего-то требуют?.. Отношение к азиатским народам пренебрежительное, в лучшем случае снисходительное, в худшем – это «чурки узкоглазые».

М. Горбачев в это же время пишет: *«Если бы у нас в стране не был решен в принципе национальный вопрос, то не было бы Советского Союза, каким он сейчас предстает в социальном, культурном, экономическом, оборонном отношениях. Наше государство не удержалось бы, если бы не произошло фактическое выравнивание республик, если бы не возникло сообщество на основе братства и сотрудничества, уважения и взаимопомощи».*

Нагорный Карабах

В 1987-м году активизируется движение армян из Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана за возвращение этих земель под юрисдикцию Армении. «Черный сад» (так переводится Карабах) – спорная территория, из-за которой уже давно лилась кровь армян и азербайджанцев. После поражения Османской империи в Первой мировой войне Армения восстановила независимость, стал самостоятельным Азербайджан. На приграничных территориях оба эти народа перемешивались, а где-то жили компактными общинами на территориях соседей. Так, азербайджанцы жили на территории Армении в Нахичевани, а земли Карабаха на территории Азербайджана издавна были заселены армянами. Но в 1919 году армяне из города Шуши, бывшего тогда центром Карабаха, под прицелом наведенных пушек признали себя «временно в пределах Азербайджанской Республики». Они ждали проведения Парижской мирной конференции, где их принадлежность Армении еще могла быть подтверждена Антантой, но после октябрьского переворота большевиков на Конференцию не пустили, и дальше спор двух народов решался силой. Попытка восстания завершилась истреблением армянского населения Шуши, а пришедшие большевики, поверив обещаниям Мустафы Кемалю о советизации Турции, расчленили Армению. Турки получили земли большого Арарата, а Карабах и Нахичевань закрепили за Азербайджаном. За годы советской власти доля коренного населения там резко сократилась, в Нахичевани стало проживать все меньше армян. А в Карабахе поселяется все больше азербайджанцев, и руководящие посты, ключевые должности стали занимать номенклатурные посланцы Баку.

С началом перестройки у армян появилась надежда на возвращение к вопросу о статусе Карабаха. По результатам проведенного в автономии опроса Совет НКАО заявил: **«Идя навстречу пожеланиям трудящихся ИКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР, проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом Союза ССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР».**

Но руководство Азербайджана отвергает даже мысль об отделении автономии, чтобы навсегда закрыть такую возможность, принимается специальный закон, разрешающий Верховному Совету республики ликвидировать автономии,

с переводом их земель в областной статус. У союзного руководства страны уже нет иллюзий о братстве советских народов, но никаких решений по этому обращению оно не принимает.

Надежды армян на XIX партконференцию растаяли и, чтобы еще раз обратить внимание на проблему, движение «Крунк» («Журавль») объявляет общереспубликанскую забастовку. В ней приняли участие и работники ереванского аэропорта «Звартноц». 4 июля на заседании Политбюро ЦК КПСС с подачи Лигачева, Лукьянова и других звучит команда: навести порядок!

На следующий день возвращающийся с партконференции первый секретарь ЦК КП Армении Арутюнян не может приземлиться в Ереване, посадочная полоса заблокирована.

А вскоре прибывает десант генерала Макашова, его солдаты зверски избивают не только пикетчиков, но и пассажиров, и милицию, которая пытается остановить напавших. Тогда в солдат летят камни.

В советской прессе появляются сообщения, но в них нет ни слова о сотне пострадавших, среди которых женщины и дети, о том, как офицер застрелил парня, пытавшегося фотографировать побоище, вместо этого мы читаем, что были «мафиозные экстремисты, которые устроили беспорядки».

А в начале 1988-го года полыхнул погром армян в городе Сумгаите. Правду о нем мы узнали из рассказа армянского ученого, эколога Стабултяна, впоследствии ставшего членом комитета «Карабах». Он и его друзья Борис Егиазарян и художник Левон Хачатрян прилетели в Питер с материалами о том, что случилось. Документы, фотографии, списки погибших – их рассказ прозвучал сначала в Фонде культуры на Невском, а потом еще и в ДК Ильича на Московском проспекте. То, что мы слышали, было чудовищно. Первой реакцией нашего координационного совета был сбор на Вахте мира в Михайловском саду, где мы выставили фотографии погибших и начали сбор подписей под требованием о расследовании и наказании виновных.

Полная картина случившегося сложилась позже.

Поводом послужила стычка крестьян и убийство двух азербайджанцев в приграничном Аскеранском районе Армении. В огромной, распадающейся стране бытовые убийства, в том числе и на национальной почве, не были чем-то из ряда вон выходящим, но вечером 27-го февраля заместитель генерального прокурора СССР А. Ф. Катусев с экрана всесоюзного телевидения оповестил народ именно об этих жертвах. О том, что в соседней с Аскераном деревне опять оказался чекист Филипп Бобков он, естественно, не сказал.

Сумгаит – нефтехимический спутник Баку, где проживало 18 тысяч армян и 230 тысяч азербайджанцев. Многие выросли в лачугах самостроя, жили в общежитиях. Каждый пятый житель Сумгаита имел судимость. В период между 1981 и 1988 годами в Сумгаит вернулись более двух тысяч вышедших на свободу заключенных. К городу примыкало несколько сел и поселков городского типа,

там жили дети тех азербайджанцев, которых в 46-48-х годах заставили бросить свои дома в Армении, освободив их для армян-репатриантов из Ирана и Ближнего Востока. Это было сделано по указанию грузина Джугашвили, но в памяти переселенцев осталась жгучая обида на армян. Кроме того, в Сумгаите разместили азербайджанских беженцев из армянского района Кафан, которых после очередного недавнего конфликта прогнали оттуда армяне.

Воспламенить толпу провокационными слухами было нетрудно. На общегородском митинге, который вела второй секретарь горкома КПСС (!) Байрамова, прозвучали призывы к отмщению и изгнанию, практически каждое выступление заканчивалось призывом «смерть армянам». Люди должны были ощутить себя мстителями за якобы погибших соотечественников в Кафани и Нагорном Карабахе. Кликуши взывали к долгу мусульман сплотиться в войне с неверными, а на трубопрокатном заводе с разрешения начальства уже готовились пики и заточки.

Отключив телефонную сеть в армянских кварталах, толпы погромщиков начинают бесчинство. Жертвами стали десятки убитых, сотни истерзанных армян. Жаживо сожженные люди, групповые публичные изнасилования, убитые дети...

Но было и другое, как писал потом старший следователь оперативной группы МВД В. Кривоусков:

«Ханум Исмаилова стала почти легендой, ее сравнивали с женщиной из эпоса, из Библии, с самой Марией Магдалиной. Она проживала в третьем микрорайоне Сумгаита в доме № 5/2. У нее не было мужа, и соседки нередко судачили о ней. А в дни страшных погромов Ханум спрятала в своей маленькой квартире тринадцать армянских женщин, стариков, детей. Громилы узнали об этом, пришли, взломали дверь. Ханум распростерла руки, задержала их у входа:

– Не дам вам пройти, не дам... Кровь вам нужна? Вот она, кровь, возьмите, – и ножом разрешила себе руку, – возьмите! Они мои соседи, они ни в чем не виноваты, они всегда надеялись на меня, как и я на них.

И убийцы отступили. Ханум Исмаилова спасла жизнь тринадцати армянским соседям!»

Повезло не только соседям этой женщины. Повезло и ей самой – она осталась жива. В отличие от еще шести азербайджанцев, которые, по данным следствия, защищали своих армянских друзей и погибли вместе с ними.

В этой трагедии немало загадок. О них говорит сотрудник следственной группы генпрокуратуры СССР Аслан Исмаилов: следствие по Сумгаитским событиям назвало двух зачинщиков – один из них Гусейнов, а у другой – Григорян! Как человек с армянской фамилией мог оказаться подстрекателем и участником погрома своих соотечественников? Правда ли, что в своих показаниях он говорил о том, что его инструктировали сотрудники КГБ? И кто помог трижды судимому преступнику, который, судя по материалам уголовного дела, изнасиловал тогда

нескольких женщин и убил восемь человек, получить не расстрел, а срок и потом выйти на свободу? Исмаилов уверен, что трагедия была инспирирована КГБ.

А кто дал отмашку на массированную пропаганду ненависти и лжи? Во времена, когда каждое печатное слово проходило цензуру, когда все было подчинено стратегическим планам властей, это было во власти чекистов.

Дезинформации поддалась даже интеллигенция Азербайджана. Когда Варфоломеевская ночь опустится над всей республикой, профессора и академики будут ставить свои подписи под телеграммами в Академию наук СССР и вызывать к прекращению «армянских бесчинств».

Стоявшие рядом воинские части 137-го Рязанского полка, несмотря на то, что даже их солдаты пострадали от поджога БТР погромщиками, два самых страшных дня бездействуют.

Приехавший туда позже генерал А. Лебедь писал: *«Впервые после Афганистана на родной своей (как я тогда считал) земле увидел сожженные грузовики и автобусы, сгоревшие дома, природно черные, но побелевшие от пережитого ужаса волосы людей и глаза, глаза... Тогда же пахнуло средневековым садизмом, звериной, нечеловеческой жестокостью».*

В ответ нарастает изгнание азербайджанцев из Армении, что в свою очередь приводит к первым погромам в Баку. Первый раз туда отправляются войска – дивизия ВДВ. Цель – наведения порядка, кое-как это еще удастся.

А в декабре происходит тяжкое землетрясение в армянских городах Спитак и Ленинакан, под рухнувшими городами остались десятки тысяч погибших. Из Питера, как и со всей России, в Армению едут врачи и спасатели.

Генерал Лебедь сидел в штабе полка и услышал о трагедии по телевизору. А вслед за этим за окном он услышал нарастающий шум: *«На противоположной стороне улицы, наискосок от здания райисполкома, стояла большая жилая девятиэтажка. Во всех без исключения окнах горел свет, на всех балконах орали, визжали, улюлюкали, дико хохотали люди».*

Вниз летели пустые бутылки, зажженная бумага, еще какие-то предметы. Девятиэтажка не была одинокой в проявлении своего каннибальского восторга. Аналогичная картина наблюдалась во всех близлежащих домах. Район светился и исступленно, восторженно выл».

Люди, считающие себя цивилизованными, в той или иной степени воспитанные и образованные, многие, надо полагать, верующие, исповедующие заповеди Корана, вот эти все люди в единомышленном порыве неприлично, варварски праздновали колоссальное чужое людское горе».

Далее он пишет: *«Сколько добрых, веселых, разумных, радужных людей встретил я среди азербайджанцев! Какие страстные, убедительные речи говорили мне многие из них! Куда они делись, все разумные и добрые, как стало возможным, что все они растворились в этой пене, поддались порыву, степень гнусности которого трудно определить? Это загадка».*

Ответ, я думаю, прост и горек – среди людей «разумные и добрые» в меньшинстве, а те гамадрилы, которые останавливали потом эшелоны с гуманитарной помощью для Спитака, сливали из идущих туда цистерн даже воду, еще долго будут в большинстве. И дело не в национальности – слой культуры на животном теле человечества слишком тонок...

Вскоре дивизия ВДВ вместе с генералом покинула город. А умело разжигаемая, взаимная ненависть осталась.

Еще один звонок

12 декабря 1988 года, на часах 7 утра, звонок, я спросонья встаю и подхожу к двери:

– Кто там?

– К Наташе! – слышу я женский голос и, досадуя на прерванный сон, открываю.

Дверной проем плотной массой заполняют молодчики в штатском. Меня отпихнули, но прихожая так мала, что я все равно остаюсь у них на пути.

– Юлий Андреевич, – слышу я знакомые наглые интонации. – У нас постановление на обыск. Вот ордер.

– А, понятно.

Я кричу: «Наташ! Вставай. Это чекисты пришли».

Из-за спины оперативников выскальзывает мелкая девица с оловянными глазами, это она жалобно бляла из-под двери. Теперь «понятая» рвется в комнату где, встав с постели, одевается Наташ. Та ее не пускает, придерживая бедром дверь. Когда она все же выходит, мы встречаемся глазами, я сокрушенно подымаю глаза, а Наташ усмехается и говорит:

– Один-один!

– Нет, – говорю я, – два-один!

Оперативники, не понимая, о чем речь и ожидая другой реакции, хмурятся. А дело в том, что неделю назад Наташ тоже открыла дверь кому не надо.

Тогда, услышав шум на лестнице нашего дома, я увидел, что этажом ниже какой-то мужик пристаёт к девочке-подростку. Я вышел, а пьяный, увидев меня, заорал, чтобы я не совался, а то будет хуже. Детина был крупнее меня. Тогда я сделал вид, что отступаю, вернулся в квартиру, достал газовый баллончик и, быстро вернувшись, выпустил его в пьяную рожу. Детина кинулся вниз, но от волнения я перестарался – слезоточивый газ заполнил всю лестничную площадку, а затем стал подниматься вверх по лестнице. Соседи, оказывается, приоткрыв двери, прислушивались к тому, что происходит. У них защипало глаза, и они, плача, вызвали милицию, указали на нашу квартиру. Менты подошли к ней именно в тот момент, когда Наташ, открыв дверь, решила посмотреть, не развеялся ли газ. Тут они и вошли. Забрав пустой баллончик (в то время это было еще редкостью), хотели прихватить и меня, но я уперся, они уехали. История эта ничем не кончилась, мужик, протрезвев, извинялся, и соседская девчонка его простила. Тогда я попенял жене за то, что она открывает двери, не глядя в глазок, теперь она сказала, что мы квиты. Но еще в 1976 году я был арестован на лестнице, когда

Наташа в первый раз распахнула дверь чекистам, думая, что я вернулся, что-то забыв. Поэтому, улыбнувшись, я и сказал ей: «Два-один».

Перекинувшись шутливыми словами, демонстрируя спокойствие, на самом деле мы преодолевали шок от вторжения.

Я читаю постановление об обыске. Оно на бланке следственного отдела Управления КГБ СССР по Ленинградской области. Дело N 64 возбуждено по признакам части I ст. 70 УК РСФСР 13 декабря 1988 г.

Мелькает мысль: интересно, в 76-м году меня арестовали тоже 13-го числа (то, что в документе стоит еще не начавшаяся дата, я не замечаю).

Итак, снова 70-я статья. Принимая во внимание предыдущий срок, мне теперь «светит» лет 10 строгого или тюремного режима.

(Я еще не знаю, что держу в руках документ последнего (!!!) в истории СССР уголовного дела, возбужденного за «антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную на подрыв или ослабление советской власти».)

В голове скачут мысли: так, надо же сообщить нашим! Но как? К телефону уже не подпустят...

В это время мне уже предлагают «выдать документы и материалы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также предметы, изъятые из гражданского оборота».

Но за пару дней до этого мне позвонил корреспондент газеты «Известия» Анатолий Ежелев. Встретившись, он рассказал, что слышал о готовящихся обысках в ДС. Ему об этом намекнули в Смольном, считая «своим». И я уже предупредил товарищей и специально встречался с Вандой Добасевич, которая хранила у себя наш архив, дела и, главное, списки членов организации. Я надеюсь, что все уже перепрятано (на самом деле упертая феминистка Ванда не спешила выполнять советы «мужиков» и все документы попали в руки гэбистов).

А мне бояться нечего – ничего криминального в доме нет, да и быть не может. Хотя, что под этим понимать. Я решаю подобраться к телефону и подшутить заодно. Говорю старшему группы, следователю Пуряеву: «Мне сдавать нечего, хотя...»

Задумываюсь и подхожу к секретеру, открыв нижнюю дверку, присаживаюсь и вытаскиваю желтую, кожаную кобуру с торчащей оттуда рукоятью парабеллума. В рядах противника некоторое замешательство, я кидаю кобуру с пистолетом оперативникам, а пока они ее ловят, тяну руку к стоящему на полу телефону. Я вряд ли успею, но в ту же секунду телефон звонит сам! Не спрашивая кто, кричу в трубку:

– У меня обыск, сообщите всем!

– Эх, Юлий Андреевич, – с плохо скрываемым раздражением замечает старший, откладывая в сторону игрушечный пистолет.

Я доволен, но тут я вижу злобное лицо штатной «понятой» и говорю ей:

– А вам девушка потом будет стыдно за то, что вы в этом участвуете!

– Не будет! – отвечает она отворачиваясь...

Оперативники начинают обыск, но сделать его не просто. Бумаг в нашем нищем доме больше, чем все остального. Наталья зарабатывает надомной машинописью, и рукописей в доме полно. А я ругаюсь и требую, чтобы просмотр всех вещей шел только под моим приглядом.

У нас было заведено с диссидентских времен, что если где-то проводится обыск, то те друзья, кто на легальном положении, съезжаются туда. Брошенные мной в телефонную трубку слова не прошли даром, через полчаса в дверь позвонили. По чекистским порядкам все входящие должны быть впущены, а выпускать их можно лишь после окончания обыска. Первым пришел Иван Попадниченко, старый политзек, вторым Саша Скобов, третьим Виктор Першхало из ДС, он догадался принести с собой батон колбасы и даже торт.

Пока сыскные копались в бумагах, я вспомнил аналогичную ситуацию, которая была с обыском у Морозова в Москве и, подмигнув приятелям, которые подошли поближе, громким шепотом сказал им: «Ребята, а нас скоро будет больше, чем этих!» «Эти» напряглись и, хоть в двери и продолжали звонить, больше никого уже не впускали.

К вечеру в общей сложности было собрано 85 документов, писем, визитных карточек, текстов, записок, уставных документов ДС, самиздатовских журналов и фотографий. Еще забрали пишущую машинку, диктофон, фотоаппарат и видеокамеру.

Об изъятом составили протокол, следовательно звонил куда-то. Как я ни бодрился во время шмона, но мысль о том, что впереди опять неволя, давила. Все ближе была минута, когда я, наверное, услышу: «Вот ордер на арест, пройдемте».

Наталья уже собрала мне сумку с вещами. Однако, ни меня, ни Терехова, ни Подольцеву с Добасевич не арестовали, остался на свободе и председатель МОПЧ Р. Евдокимов, у которого тоже был обыск. И у них взяли только аппаратуру, документы, журналы и все показавшиеся подозрительными бумаги. Еще пять лет назад одной строчки из наших документов было достаточно для обвинения в подрывной деятельности и, получив отмашку с Лубянки, местные опричники, вероятно, так и планировали.

Подготовка к расправе началась давно. Уже 15 октября 1988-го года, сразу после совместного митинга демократов, где вместе выступали и член клуба «Перестройка» Юрий Нестеров, и приехавший из Москвы Сергей Григорянц и члены ДС, в газете «Вечерний Ленинград» появилась погромная статья некоего В. Артемьева, где было написано:

«В связи с деятельностью “ДС” и иже с ним, естественно, возникают и всевозможные недоумения. Любое правовое государство начинается с уважения Конституции, неукоснительного ее исполнения. Тогда почему хранят олимпийское спокойствие правоохранительные органы, прокуратура, слушая призывы учинить суд над КПСС, издевательства над Конституцией,

законами? Ознакомившись с программой и деятельностью “ДС”, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета ЛГУ профессор Н. Беляев, заведующий кафедрой государственного и административного права профессор Б. Кожохин и профессор кафедры государственного права Л. Николаева поставили единодушный “диагноз” о сути “ДС”: “Создание организации для изменения общественного и государственного строя считается в соответствующем законодательстве заговором с целью захвата власти (измена Родине, ст. 64 УК РСФСР). В комментарии к Уголовному кодексу РСФСР говорится: “Под заговором с целью захвата власти понимается сговор двух или более лиц о совместной деятельности по захвату власти в СССР или в союзной республике... Характерным для заговора является наличие у его участников цели изменить существующий советский государственный общественный строй”. Поэтому организацию, преследующую эти цели, следует рассматривать как подрывную и антисоветскую. Ее существование противоречит Конституции СССР и другому советскому законодательству, ведь в декларации, программе и уставных принципах “ДС” говорится, что “основной политической задачей “Демократического союза” является изменение политической системы страны, а также “изменение общественного строя СССР”.

Все это находится в явном противоречии с советским уголовным законодательством, нашим советским органам давно уже пора прекратить всякие разговоры с “ДС”. Пусть с ним говорит Закон! Надеемся, что и прокуратура проснется, наконец, и скажет на этот счет свое решительное слово».

В 15-м веке чех Ян Гус, поднявший восстание против империи Габсбургов, был приговорен к сожжению. Перед казнью он видел, как невежественная старуха принесла на площадь казни свою охапку хвороста и подбросила ее в костер. По преданию, горько усмехнувшись, Гус сказал: «Святая простота!»

Университетских экспертов в этом не заподозришь, они были достаточно компетентны, чтобы отличать «заговор с целью захвата власти» от программы ДС с ее «мирным преобразованием общества и созданием справедливых общественных отношений в условиях многопартийной общественно-политической жизни и многоукладной экономики».

Но университетские кураторы из «Большого дома» сказали им «фас!» И услужливые профессора идут дальше, чем сами чекисты, подсказывая обвинение даже не по «антисоветской» 70-й статье УК, а «измену Родине» – 64-ю, расстрельную статью Уголовного кодекса. (Имена этих «экспертов» и сейчас можно найти на сайте юрфака СПбГУ в числе «высококвалифицированных научно-педагогических кадров, которые способствуют популярности факультета».)

Но общество не верит ни чекистам, ни их партийной прислуге. Уже на следующий после обысков день в стране и за рубежом поднялся шум. Пятнадцать

ленинградских писателей направили в прокуратуру Ленинграда и средства массовой информации письмо. Его текст опубликовали бюллетень «Век XX и мир» и зарубежная пресса:

«Мы с тревогой узнали, что 12 декабря с. г. на квартирах пяти ленинградцев – Р. Евдокимова, Е. Подольцевой, Ю. Рыбакова, А. Скобова, В. Терехова – состоялись обыски. Правоохранительные органы действовали на основе пресловутой статьи 70 УК РСФСР.

Весь опыт применения этой статьи показывает, что людьми, подлинно порочащими советский государственный и общественный строй, были те свидетели, прокуроры, судьи, которые возбуждали и проводили политические процессы. Не книги А. Синявского и Ю. Даниэля принесли вред нашей стране, а процессы над авторами. А. Сахаров, А. Солженицын, которых преследовали подобным образом, признаны теперь совестью нашего народа... Единственная антисоветская акция, которая возможна в наше время, – это процесс по 70 статье».

Письмо подписали члены Союза писателей М. Чулаки, А. Крестинский, Л. Анисимов, М. Глинка, Н. Катерли, В. Кавторин, В. Попов, Ю. Рыхтэу, Д. Гранин, К. Курбатов, В. Шефнер, А. Урбан, М. Борисова, Б. Стругацкий, В. Воскобойников.

После обысков начались допросы в КГБ. Первыми повестки получила молодежь. Следаки считали, что можно «расколоть» тех, кто не имеет опыта. Запутать, найти слабое звено, припугнуть, поискать какой-нибудь «ключик», войти в доверие. Тем, кто получал вызовы, мы давали брошюру В. Альбрехта «Как вести себя на допросах», но она была сложновата, поэтому я проводил инструктаж, он был прост: «Не верь, не бойся, не проси», не давай втянуть себя в дискуссии, не отвечай на вопросы, не имеющие отношения к делу, а лучше просто откажись от дачи каких-либо показаний и объяснений.

Психологически это было непросто, но большинство так и поступило, а Ирка Селиванова, спокойная вологодская девушка, когда следователь предложил ей закурить, сначала забрала у следователя всю пачку сигарет, сказав, что они пригодятся ее друзьям, а потом заявила, что от разговоров отказывается.

Под маркой хозяйственной ревизии прошел еще один обыск в молодежном клубе, где работал Юрий Булычев. Вскоре он был уволен без объяснения причин, а клуб закрыт.

Через пять дней чекистам пришлось (небывалое дело!) давать публичные объяснения, а скорее, оправдываться перед журналистами. На вопрос журналиста А. Цехановича, что же нашли на обысках, начальник следственного отдела УКГБ СССР по Ленобласти Виктор Черкесов ответил так: *«Как и было сказано прокурором города, уголовное дело было возбуждено по факту распространения в Ленинграде антисоветских материалов. Результаты обысков, проведенных у ряда ленинградцев, подтвердили обоснованность возбуждения этого уголовного*

дела. Ибо у каждого из них, а речь идет о гражданах Подольцевой, Терехове, Рыбакове, Скобове, Евдокимове, изъяты документы в значительных количествах, аналогичные тем, которые явились основанием для возбуждения уголовного дела. Более того, материалы этих обысков однозначно говорят о том, что эти лица, проводя свою деятельность, непосредственно связаны со всем известной пресловутой антисоветской организацией Народно-Трудовой Союз. Этот вывод не случаен и основан на том, что при обысках у всех названных лиц были изъяты печатные документы НТС, такие, как периодические издания и программа Народно-Трудового Союза. В этих документах содержатся прямые призывы к борьбе с существующим в Советском Союзе строем, к борьбе с социализмом, к отстранению Коммунистической партии Советского Союза от политической власти в стране. Вот первые результаты проведенной следственной деятельности».

Журналист: «Но ведь в программе НТС нет призывов к насилию?»

Городской прокурор Д. Веревкин: «Что можно к этому добавить? Добавить можно следующее: есть программы этих организаций. И есть конкретные действия. И мы видим, что в действиях конкретных лиц, которые уже упоминались, наблюдается другая тенденция – тенденция к проведению несанкционированных митингов, к тому, чтобы в результате принимаемых мер по пресечению подобных митингов призывать к беспорядкам, к актам гражданского неповиновения. Мне кажется, что это расходится со словами о ненасильственном характере действий этих лиц. В конце концов, надо определять не по словам, а по делам».

Журналист: «У меня вопрос к сотрудникам органов государственной безопасности: во время обысков была ли найдена множительная техника?»

В. Черкесов: «Не только множительная техника, к которой можно отнести такие элементарные, с нашей точки зрения, средства, как пишущие машинки или фотоувеличители, которые использовались для изготовления, размножения десятков, сотен экземпляров тех самых документов, о которых шла речь. Но и изъята весьма современная и необычная техника (я могу продемонстрировать продукт употребления подобного рода техники), которая позволяет сегодня нашим противникам не рисковать при засылке в СССР всякого рода антисоветской литературы, а действовать более скрытно и более результативно. При обыске у одного из лиц был изъят аппарат “Телефакс”, позволяющий по телефону принимать от абонента, а в данном случае абонента иностранного, любую информацию, собственно говоря, факсимильное изображение любого издания или документа, который имеется у абонента. В данном случае речь идет о журнале “Посев” за ноябрь 1988 года».

Журналист: «Я как раз и хотел спросить: можно ли в принципе, как вы считаете, ввести четкие юридические категории, которыми вы могли бы выделить те или иные позиции человека, политические позиции, определить, антисоветская деятельность или?..»

Прокурор Д. Вережкин: *«Я вам отвечу. Я вам отвечу очень просто. Как вы считаете, лица, которые хотят заменить социалистический строй капиталистическим строем – это экономическая категория или нет?»*

Журналист: *«Тогда у меня вопрос: что вы понимаете под социализмом, Дмитрий Михайлович? Вы ответьте. Потому что это настолько сегодня неопределенное понятие. Еще не так давно социализм – это было директивное планирование, затратные цены, дефицит, монополизм министерств. Сегодня все это рассматривается как сталинщина. Тогда что вы понимаете под социализмом?»*

Прокурор Д. Вережкин: *«Что я понимаю под социализмом? Я понимаю, что хотят. Я понимаю, что собственность страны и средства производства должны находиться в наших руках. В руках народа».*

Журналист: *«Так у нас уже 50 лет называлось «в руках народа», а правил класс, который просто эксплуатировал народ».*

Заместитель прокурора по контролю за КГБ И. Катукowa: *«До сих пор никто не знает и не дает определения, что такое социалистическая собственность».* (Когда в 76-м году, будучи прокурором по надзору за КГБ, она контролировала ход следствия по моему делу, ей такие мысли в голову еще не приходили. – Ю. Р.)

В. Черкесов: *«И в продолжение этого разговора. Вы говорили о том, что такое социализм, и в основном при этом предлагали ответить на вопрос о различных экономических положениях. Конечно, экономическая система, социалистическая, которая сейчас является предметом изучения, споров – сложный вопрос. Но есть еще и политическая система социализма. Так вот, когда мы говорим о каком-то конкретном выступлении, в данном случае обсуждаем конкретное уголовное дело, то, наверное, можно говорить и о том, что закон защищает не только экономическую, но и политическую систему государства. Если Конституция, Основной закон нашей страны, говорит о том, что наш общественный строй сконструирован таким образом, что коммунистическая партия является руководящим ядром этого строя, то, естественно, вопрос о том, чтобы коммунистическую партию отстранить от политической власти в стране, является вопросом, напрямую связанным с изменением этого самого существующего строя. Это защищается законом, потому что Конституция не только гарантирует права, но и требует выполнения своих статей. И в данном случае, если мы будем говорить, есть ли основания усматривать в том или ином призыве наличие состава антисоветской пропаганды, это налицо».*

Заявления сделал также ряд других союзов и организаций.

«В Ленинградский ОК КПСС.

Как стало известно, следственный отдел УКГБ ЛО по представлению Ленинградской прокуратуры 13 декабря 1988 г. возбудил уголовное дело № 64 по признакам ст. 70 УК РСФСР.

Согласно сообщению начальника следственного отдела УКГБ ЛО тов. Черкесова и прокурора г. Ленинграда тов. Вережкина на брифинге 19 дека-

брия для ленинградских журналистов, основанием для возбуждения уголовного дела послужили документы и печатные издания, которые, по мнению названных должностных лиц, содержат призывы к замене социализма капитализмом, к борьбе с существующим в СССР социальным строем, к отстранению КПСС от политической власти, трактуют политику Советского государства и партии как несостоятельную и т. п.

Комиссия по изучению общественных движений Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации считает своим долгом обратить ваше внимание на политическое значение случившегося.

Заканчивается четвертый год перестройки, год наиболее бурных дискуссий, в которые включилась вся партия и общественность страны, по самым важным и сложным вопросам нашей жизни: что такое социализм и каким образом его следует изменять, как следует изменять отношения собственности, политическую систему и т. д. В этих условиях вызывает недоумение попытка положить в основу возбуждения уголовного дела то или иное отношение к этим всенародно обсуждаемым вопросам.

На брифинге для журналистов (на котором были два представителя нашей комиссии) было заявлено следующее: «Вы задаете вопрос, как мы будем судить, если не знаем, что такое социализм и т. п.? Правильно! Но мы для этого привлечем ученых и получим их официальное заключение. Мы считаем неприемлемой позицию представителя правоохранительных органов, которая позволяет мнению нескольких ученых о социализме приобрести силу государственного закона.

В настоящее время общественностью страны осознается необходимость изъятия признаков политического преступления, подобных указанным выше, из уголовного законодательства как противоречащих принципам правового государства. Сохранить предполагается единственный признак: призывы к применению насилия.

[...] Факт возбуждения уголовного дела по ст. 70 на четвертом году перестройки является, по нашему мнению, дискредитацией работы по строительству правового государства, а, следовательно, объективно направлен на ослабление Советской власти в том ее понимании, которое намечено XIX партконференцией.

По поручению комиссии СЗО ССА по изучению общественных движений председатель комиссии, к.ф.н. В. В. Костюшев».

ПРАВО БЫТЬ ПРОТИВ

Для ДС новый год начался со второго съезда. Поскольку над нами еще висит обвинение в государственном преступлении, провести его в России было проблематично. Поэтому в январе мы отправились в Латвию. В Юрмалу съехались 130 делегатов и гостей из 36 городов. Было бы больше, да чекисты не дремали и многие города из-за изъятия почты с приглашениями и дезинформации (о проведении съезда якобы в Москве) не были представлены. Но и там на второй день работа съезда прерывалась органами правопорядка.

Съезд был бурным не только из-за проблем с властями. Обсуждались политическая ситуация, задачи и тактика ДС, критерии приема в партию, возможности совместных действий демократических сил, национальные вопросы в Прибалтике и Армении, крымско-татарская проблема, выборы... Заслушав доклады, приняв документы и резолюции, санкционировав возможность создания фракций, Съезд направил приветственные телеграммы одному из лидеров национально-демократического движения Армении Р. Казаряну, заключенному в Бутырскую тюрьму, и в адрес польской «Солидарности», а в заключительный день мы возложили цветы на могилы латышских правозащитников Гунара Астры и Юриса Зиемелиса и первого президента Латвии Чаксте, а также провели митинг у памятника Свободе в центре Риги.

Среди принятых съездом была и обновленная ДЕКЛАРАЦИЯ партии Демократический Союз:

«Человек рождается свободным, и нет ни одной идеологии, ни одного социального идеала, которые возместили бы ему утрату этой свободы. Исконное право человека – право на сомнение, на поиск, на несогласие с большинством, на заблуждение, право отстаивать свою концепцию. В сущности, свобода – право быть против. Этой свободы мы постепенно лишались с октября 1917 г., пока не лишились ее совсем, что предопределило весь дальнейший ход истории нашей страны.

Монополия КПСС на истину, на политическую власть, на экономическую и духовную жизнь общества привела некогда богатую страну на грань банкротства, ее народ – к материальной нищете, одну из величайших в мире культур – к духовному оскудению и нивелировке.

Неразвитость демократической культуры, гражданского самосознания широких масс, унаследованная от эпохи российского абсолютизма, сделала возможным октябрьский переворот 1917 г. Монополия на власть, уничто-

жившая суверенитет личности, разрушившая гражданское общество, – основа тоталитарного строя, – должна быть преодолена.

В противном случае страну ожидают социальные потрясения в результате экономической катастрофы, идейно-нравственного распада, политического развала.

Миллионы жертв, принесенные на алтарь тоталитаризму, трагический опыт многих стран показали, что альтернативы демократическому устройству общества нет.

Тоталитаризм – главная причина тяжелейшего кризиса нашего общества, который особенно обострился в 80-е годы. Не только отдельные преступные лица или группы лиц, но вся система партократии является главным источником народных бед.

Безраздельно правящая в стране Коммунистическая партия, идеология которой была объявлена единственным ключом к абсолютной истине и «земному раю», вела народ путем трагических ошибок и преступлений. Во имя достижения этого «земного рая» было устроено перманентное чистилище. Чем больше режим убивал, истязал и преследовал за убеждения, тем больше лгал о скором приближении такого состояния общества, при котором не будет ни насилия, ни убийств. Но дорога лжи и преступлений к такому обществу не ведет.

Никто не имеет права решать за народ, по какому пути следует идти обществу; только сам народ может выбрать этот путь на основе согласия и свободного волеизъявления. Однако для того, чтобы принцип народовластия не был идеологической фикцией, меньшинство, не согласное с решением большинства, должно иметь легальную возможность широкой агитации за иной общественный порядок.

Именно этим – отсутствием системы подавления меньшинства – демократия отличается от порочного демократического централизма.

Мы больше не хотим жить догмами «великих вождей» для счастливого будущего неведомых потомков. Мы хотим сегодня достойной жизни для себя и сограждан и заявляем о решительном разрыве с тоталитарным прошлым. Ставя своей целью достижение демократического состояния общества, мы создали политическую партию ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ (ДС), которая объединяет людей с различными политическими убеждениями – от демократических коммунистов и социал-демократов до либеральных и христианских демократов. При всех наших идейных различиях мы верим в безусловную ценность свободы личности и привержены принципу плюрализма, некогда сформулированному Вольтером: “Ваше мнение мне глубоко враждебно, но за ваше право высказать его я готов пожертвовать своей жизнью”.

Демократия для нас не лозунг и не пустой призыв, а форма и сущность общественного устройства, основанного на политическом, экономическом и

духовном плюрализме, многопартийной системе со свободной прессой и независимыми от государства профсоюзами. Мы привержены идее надпартийности государства и принципу приоритета прав личности по отношению к интересам государства.

Наша общественная, нравственная и политическая позиция основывается на отказе от насилия как метода политических действий, какими бы прекрасными и гуманными целями оно ни оправдывалось. Поэтому мы осуждаем не только сталинский массовый террор, но и красный большевистский террор, начавшийся в 1918 г., как и геноцид по отношению к крестьянству в период коллективизации. Мы считаем преступным преследование инакомыслящих, продолжающееся по сей день.

Путь к демократии лежит через деидеологизацию государства, уравнивание в правах главенствующей в настоящее время идеологии КПСС со всеми другими идеологиями и взглядами.

Выступая за идеи радикального демократического преобразования общества, мы определяем содержание своей деятельности как политическую оппозицию тоталитарному государственному строю СССР. Мы не ищем конфронтации ради конфронтации и не отказываемся от разумного сотрудничества с государством, не идя при этом на идейные и нравственные компромиссы. Мы считаем своим прямым долгом решительно бороться – идейно и нравственно – против тех сил правящей партии, которые стремятся преградить путь плюрализму и человечности, но одновременно заявляем о своей поддержке тем членам КПСС, которые не на словах, а на деле, используя свое положение в правящей партии, стремятся провести демократические реформы.

Даже те незначительные изменения к лучшему, которые осуществлены на сегодняшний день руководством страны, не гарантируют от возврата сталинских или брежневских времен. Еще дальше от воплощения главная гарантия – осознание народом своих прав и его готовность их отстаивать. Существование демократической оппозиции – одно из необходимых условий Возрождения страны.

Физическому и моральному насилию со стороны репрессивных органов, служащих правящей номенклатуре, мы противопоставляем всю силу нравственного и идейного сопротивления, убежденности в правоте нашего дела.

Мы готовы сотрудничать с другими силами, разделяющими демократические идеалы и убеждения.

Мы считаем, что государство, оставаясь светским, не должно препятствовать религии быть нравственным ориентиром для людей.

Мы хотим, чтобы наша страна заняла достойное место среди других держав, но не силой оружия, а вследствие величия своего духа. Об этом мечтали ее великие гуманисты и просветители – Герцен, Толстой, Достоевский; для

этого нам надо добровольно отказаться от имперских притязаний и завоеваний. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, поэтому мы решительно осуждаем политику экспансии СССР.

После 70-и лет существования тоталитарного государства всем нам предстоит честно и открыто покаяться в свершившемся зле. Это не унизит, но очистит нас. Мы верим в неистраченные силы нашего народа и его способность к Возрождению».

Сколько хороших, правильных и взвешенных слов. Но до общего покаяния и возрождения ой как далеко!

Среди вопросов, которые не были окончательно сформулированы, остался вопрос об отношении ДС к ближайшим выборам. Споры о том, надо ли нам оставаться внесистемной оппозицией, уже тогда были острыми. Решение было поручено Совещанию Координационных советов.

Вскоре после нашего возвращения из Прибалтики союзный и российский Верховные Советы отменили 70 ст. УК в ее старой редакции, заменив другой, где речь теперь шла об ответственности за призывы или действия, направленные только на насильственное изменение конституционного строя.

Если бы питерская гэбня знала о возможности такого поворота, она могла бы заранее подкинуть нам оружие или внедрить агента, который показал бы потом на суде все, что надо в соответствии с экспертным заключением услужливых профессоров. (Как потом выяснилось, засланные «казачки» среди нас все же были и сделать это могли.) Но чекисты действовали по старой схеме, в которой можно было не утруждать себя доказательствами. Они были уверены в том, что и так «раскрывают» нас по своей любимой 70-й статье. Но после резонанса в прессе одних лишь намерений изменить политический строй было для этого недостаточно. А «пришить» нам террор было поздно, в это уже никто бы не поверил. Ведь в документах ДС было прямо сказано, что мы действуем только ненасильственными методами.

Позже была отменена и печально знаменитая статья 190-1, по которой могли посадить любого, кто критиковал власть. Так вышел на свободу член ДС, журналист из Свердловска Сергей Кузнецов.

Указы вышлибли занесенный над нами ржавый топор. Последнее дело по «антисоветской пропаганде, направленной на подрыв или ослабление Советской власти», гэбистам пришлось закрыть. А изъятые вещи и бумаги, хоть и не сразу, возвращать. Правда, «телефакс», диктофоны и видеокамера, побывав в «Большом доме», уже не работали. «Хоть и мелочь, а приятно!» – думал, наверное, тот, кто их портил.

Тем не менее коммунисты отступить не желали. Через неделю в партийной газете с названием «Правда» появилась откровенно лживая и подленькая статья корреспондента Волынского, которая почему-то называлась «Ход конем», там утверждалось, например, что ДС планировало убивать коммунистов, взрывать мосты и электростанции. Статью перепечатала газета «Вечерний Ленинград».

Прочитав поклеп, я не утерпел и отправился в дом на Фонтанке, где располагались редакции всех питерских газет. Насколько я помню, меня принял какой-то замредактора, в кабинете появился даже автор статьи, холеный и наглый тип. На мой вопрос, зачем же так беспардонно врать, «журналист» молча ухмыльнулся, а его шеф сказал: «А вы что думали? Это война и мы будем бороться с вами любыми средствами!» Мне оставалось лишь пожать плечами и выйти. Вдогонку я услышал: «Можете подавать в суд!» И смешок.

Но вдохновители этих писак просчитались: если кто-то из обывателей и поверил клевете, то практического результата это не имело. Ведь ДС не собирался участвовать в выборах, а вот число тех, кто укрепился в неприятии режима и был готов голосовать за умеренных демократов, возросло.

Надо сказать, в Питере отношение властей к «Демсоюзу» было хоть и враждебным, но пикеты, митинги и раздача листовок не встречали такой агрессии, которую проявляла московская или киевская милиция. У памятника Пушкину в Москве, на Крещатике в Киеве каждое выступление ДС заканчивалось избиениями, арестами, вывозами за город и угрозами расправы.

Нас тоже ловили, крутили, но жестоких избиений не было. Местом проведения своих акций мы избрали площадь перед Казанским собором, там, где в декабре 1876 года прошла первая в истории России студенческая демонстрация, где поднялось знамя «Земли и Воли» и выступал Г. Плеханов.

По инициативе нашей правозащитной группы первый раз мы вышли к Казанскому еще зимой 1987-го года, решив почтить память жертв политических репрессий. Чтобы не давать повод к арестам, решили, что все присутствующие молча зажгут свечи и положат на снег цветы. Так и сделали, но оцепившая сквер милиция все равно потребовала нашего ухода и задержала тех, кто стал возмущаться произволом. Но для милиции и этого оказалось достаточно, нас быстро свинтили и развезли по ближайшим отделениям милиции. Меня, поскольку я был с видеокамерой, которую мы получили из МОПЧа, приняли за корреспондента и не тронули. Кажется, именно тогда, после того, как всех забрали, я поехал следом и зашел в 5-е отделение на Лиговском проспекте. Там, в красном уголке милиции, уже начиналось судилище над «нарушителями общественного порядка». Просочившись туда, я уж было собрался протестовать, поскольку несанкционированным митингом наше стояние со свечами не было, но тут в зал ввалилась телегруппа из информационной программы «600 секунд», вместе с ее предводителем Александром Невзоровым.

Судя по биографической книжице, выпущенной его приятелем И. Ивановым, связи с гэбней у Невзорова есть даже в генах: так, его дед возглавлял Управление НКВД в Прибалтике, занимался депортациями и зачистками, был жесток, а однажды, когда «лесные братья» остановили эшелон и пытались отбить угоняемых в Сибирь, приказал накрыть весь эшелон артиллерийским огнем.

В отличие от своей матери, журналист дедом гордился. Закончив школу,

внучок пытался поступить в театральный институт, объезжал лошадей, пел в церковном хоре. В 80-е годы родственные связи открыли ему ленинградское телевидение. Он и его студийный шеф Борисоглебский имели тесные контакты с милицией и спецслужбами, что давало возможность съемочной группе вовремя появляться в нужном для сенсации (и для этих служб) месте.

Не спрашивая разрешения, они включили аппаратуру для записи. Тогда и я вытащил из сумки видеокамеру. Мне попытались запретить съемку, я указал на Невзорова, который уже снимал. Через несколько минут мы оба уже ругались. Его оператор, плотоядно улыбаясь, наставил на меня телекамеру, а я направил на него свою.

В ту первую встречу с Невзоровым я сказал ему что-то о гэбистских наемниках, он с презрительным апломбом ответил мне что-то об уголовниках. Из-за скандала и требований подсудимых дать им время для вызова адвокатов судилище было отложено.

Когда началась кампания по выборам на союзный съезд, ДС не остался в стороне. Мы решили публично указать на противоречия в законе, на неправовое положение кандидатов и привилегированное положение ставленников режима. В исполком Куйбышевского райсовета народных депутатов пошло уведомление нашего «Демсоюза»:

«12 марта 1989 г. в 12.00 на площади у Казанского собора состоится общегородской митинг по обсуждению предвыборной платформы кандидатов в народные депутаты, выдвинутых избирателями г. Ленинграда. Продолжительность митинга 6 часов. Предполагаемое количество участников 10 тысяч».

В ответ получили уведомление райсовета, что проведение митинга на Казанской площади нецелесообразно, так как «помешает отдыху трудящихся». Устно нам предложили дискутировать на глухой территории стадиона «Локомотив». Там уже прошел первый массовый митинг демократов, где все оказались в замкнутом пространстве и выступали сами перед собой.

На это предложение мы ответили письмом в прокуратуру и, в конечном счете, получили не только полный отказ, но и официальные предостережения заявителям – В. Дудченко, В. Добасевич и О. Липовской – о недопустимости нарушения закона и возможности их привлечения к ответственности.

Из рассказа Андрея Колпакова: *«Я был старшим уполномоченным отделения спецслужбы. И когда Демократический Союз собрал огромный митинг и шествие, их было тысячи три или четыре, по Невскому еле можно было проехать. Среди участников были люди от поклонников Виктора Цоя до взрослых для меня тогда людей, которые носили очки и явно имели высшее образование. Лица у людей были, в основном, приятными. Нам сказали туда идти, и я пришел туда с несколькими сотрудниками. ...За Казанским собором стояло два кунга с омоновцами, а тогда омоновцев было двадцать человек. Это были чемпионы*

рукопашного боя, Снетков и Нестеров. Огромные, за 100 килограммов, рыцари в бронезилетах. А мы подходим курить с ними. Курим, смеемся. Тогда я увидел в первый раз триколор. А на ДOME книги, на третьем этаже, где сейчас кафешка, стоят несколько человек в папахах, то есть видно, что это либо генералы, либо полковники с огромными радиостанциями. В этот момент хрип, Нестеров берет радиостанцию, и происходит следующий диалог:

– Видите толпу?

– Очень трудно ее не увидеть.

– Рассекайте ее надвое.

– В каком смысле надвое и зачем.

– Ну их много, рассекайте надвое.

– Что они такого делают, чтобы я их рассекал.

– Они сейчас полезут на памятник Барклаю де Толли. (Барклай был с другого крыла собора. – Ю. Р.)

– Когда они полезут на памятник Барклаю де Толли, тогда я кого-то сниму с этого памятника.

А дальше дословно было так:

– Вы слышите, что они кричат?

– Да они все правильно кричат, – отвечает им Нестеров.

Дальше там молчание на третьем этаже, видимо, он оглох от такого ответа. Потом, наконец, говорят:

– Да, я вам приказываю!

– Да, я вас вижу, вы там, на третьем этаже. Вы спускайтесь вниз, вместе рассекать и будем.

И в этот момент все, кто стоял рядом с Нестеровым – и мы, и двое омоновцев, – заржали. И вот это ощущение, что вон там стоят наши генералы, эти что-то орут с флагами, а мы смеемся, стало конечной точкой, стало понятно, что власти нет, что-то в стране изменилось».

На самом деле в назначенный час на площадь пришли не более сотни членов ДС, а больше у нас и не было. От других общественных организаций и групп пришли еще столько же. Омоновцев, о которых говорил Колпаков, мы не видели, но, судя по рассказу старшего уполномоченного, это кому-то из них пришлось стаскивать наших ребят с памятника, только не Барклаю, а Кутузову. Зато у собора нас ждали 4 тысячи солдат, курсантов и милиционеров. Половина из них, голодных и замерзших, с шести утра сидела в автобусах и грузовиках, вторая часть двойным кольцом перекрыла подходы к собору и площади. Но им все же приходилось пропускать туристов и местных прохожих. Поэтому к 12 часам дня внутри кольца уже были люди, а оцепление потеряло бдительность. Я понимал, что наша группа прорыва может не доехать до места встречи, поэтому с вечера мы рассредоточились по разным адресам, а собрались мы у Дома книги. У нас была задача пронести в центр площади российский флаг. Мы разделились, часть

ребят стала, отвлекая внимание, продавливать оцепление в одном месте, я просочился в другом. И внутри, а еще больше снаружи, скапливался народ, бегали операторы и фотографы, глазели туристы, и милиция чувствовала себя неловко. А тут еще кто-то дал команду колонне автобусов с курсантами въехать на площадь. Их стали пропускать.

В результате наше ядро, человек пятьдесят, оказались внутри, рядом с высоким пьедесталом, на котором стоит бронзовый Кутузов. Вокруг забегали озабоченные активисты-дружинники.

Тогда Андрей Мазурмович хватает одного из них за рукав и говорит: «Парень! Я с кинохроники, нам снимать надо, помоги забраться повыше».

Тот подсаживает Андрея, который оказывается на двухметровой высоте. К памятнику, вырываясь из рук повисшей на нем милиции, подбегает Лёня Гусев. Недавний десантник Мазурмович подтягивает его наверх, потом к ним присоединяется Виталий Кожевников.

Пока разозленная милиция, лязгая зубами, скачет у памятника, я пробираюсь с другой стороны и за спиной у Вити Першхало вытаскиваю из под пальто флаг и части древка, быстро свинтив их, бросаю наверх, Лёня подхватывает.

Впервые за 70 лет на центральной площади нашего города взмывает российский флаг!

У Казанского собора

Я еще успеваю поднять транспарант с требованием прямых выборов президента и парламента, но меня уже тащат в «воронку».

Машины с арестованными, а их много, стоят за собором. Влекомый стражами порядка под арку левого крыла, я вижу, как трое милиционеров вяжут отчаянно сопротивляющегося Валерия Терехова, за этим наблюдает некто в спортивной куртке и шапочке петушком. Позже я увижу похожего на него человека в Смольном, где он будет работать с А. Собчаком, а потом станет вторым президентом России.

В общей сложности арестовали тогда более сотни человек, развезли нас по разным участкам. Я попал в 28-е отделение на улице Марата. Вместе со мной там оказалась Екатерина Подольцева, она была одним из самых активных руководителей нашей организации. По привычке, попав в кутузку, я стал обследовать помещение.

Поскольку задержанных было много, то всех засунули в какой-то зальчик и посадили туда милиционера, чтобы тот за нами приглядывал. Мы были на первом этаже, и я заметил, что на одном из окон нет решетки. Присев на подоконник и отодвинув занавеску, я завел руку назад и открыл шпингалет. Пока ребята о чем-то ругались со сторожившим нас милиционером, приоткрыл первое окно и дотянулся до задвижки наружного.

Некто в шапочке... 1989 г.

Верхние шпингалеты были так высоко, что их не закрывали – путь был открыт. Оглянувшись вокруг, я увидел сидевшую рядом с Вандой Подольцеву и вспомнил, что у нее дома осталась дочь-подросток. Подсев к ней, объяснил, что надо сделать, а сам встал так, чтобы заслонить ее от дежурного. Она проскользнула за окно и исчезла. После нее сунулся туда же какой-то парнишка, но был пойман и втащен ментами обратно. Оставшиеся получили по 10-15 суток ареста.

А моя семейная жизнь снова разлаживается. Меня раздражают неучастие и полное отторжение моей жены Наташи от публичных дел, которыми я занят. Мы все труднее понимаем друг друга. Весьма снисходительная к слабостям людей своего диссидентского, «смотовского» круга, она нетерпима к новой волне сопротивления. К тому же при разгоне очередного митинга я опять вижу младшую дочь Михаила Молодцова и Маргариты Муждаба, о которых я уже писал. Она заканчивает педагогический институт, я встречал ее на Вахте мира, потом у Подольцевой, вместе мы печатали листовки у Миши Дудченко, спорили, и нас все больше тянуло друг к другу... А тут на моих глазах она, сняв туфли, босиком убегает от пары милиционеров. Конечно, я встаю на пути у ментов, но натыкаюсь на одного из редакторов журнальчика «Демократическая оппозиция».

В результате, Катя убежала, а я и еще несколько человек оказались в ментовке, где были составлены очередные протоколы о нашем неповиновении. Но поскольку мы стали требовать адвокатов, а у судьи не было времени, то нас выпустили под подписку о невыезде.

Пока мы ждали решения в «красном уголке» 5 отделения милиции, туда срочно примчался А. Невзоров. Его телепрограмма «600 секунд» всю обслуживала старый режим, нагло гадя на тех, кто хотел перемен. У меня с собой была

Катя Молостцова

маленькая видеокамера и в отделении у нас произошла смешная «теледуэль»: мы переругивались, наставив друг на друга дула телеобъективов.

В районный суд я, понятное дело, не явился, сидеть в зловонной камере 15 суток мне совсем не хотелось, а чтобы сроки привлечения к административной ответственности прошли, надо было не попасть в руки советского правосудия пару месяцев. Пока я скрывался, состоялось уже серьезное знакомство с Екатериной. Я впервые встретил девушку не только краси-

вую и умную, таких на свете хватает, я встретил человека сильного и открытого, по-настоящему, от естества своей натуры, доброго к людям.

Вскоре главный инженер Центрального аптечного склада, в котельной которого я работал кочегаром, телефонным звонком срочно вызвал меня на работу. Примчавшись туда, я оказался в наручниках, милицейский наряд повез меня в районный отдел УВД, где я должен был предстать перед выездным судом. Доставив в отделение, они передали меня дежурному, но у того было много хлопот, он отвлекся, и я снова исчез. А чтобы не попасться снова, уехал в деревню Еремково, где жили старшие Молостцовы. Среди прошедших через политические лагеря и преследования было немало тех, кто, возвращаясь на свободу, искали компромисса с режимом, кланялись ему и получали престижную работу в столицах. Аккуратно фрондируя, они неплохо выживали под снисходительным присмотром ГБ. Михаил Молостцов и Маргарита Муждаба не склонили головы. Ни тюрьма, ни запрет на жизнь в городах, ни мыканье по глухим российским деревням, ни угроза ареста, ни унижения и преследования местных властей не заставили их отказаться от своих убеждений. В нищете и невзгодах они сохранили чувство долга – не на словах любить свой народ и нести ему добро. По непролазной грязи, в холод и вьюгу, топали они в деревенские школы, чтобы оставить там не только знания о русской литературе и языках... В дальнейшем мне довелось и посчастливилось быть рядом с Михаилом Михайловичем в таких ситуациях, когда его бесстрашие и достоинство стали мне серьезной опорой.

А через полгода мы с Катей уже были вместе, и я не представлял себе, как жил без нее столько лет.

Эта встреча даст жизнь нашей дочери. Ее крестным отцом будет Евгений Ор-

лов; заглянув в святцы, он назвал нам ближайшие к дате ее рождения имена. Так она стала Юлией. Наконец, мне выпало счастье — день за днем, находясь рядом, видеть, как растет наш ребенок.

Ну а в Питере появились талончики на продукты. «Колбасные электрички», в которых народ из глубинки вез столичную еду, вошли в анекдоты уже давно. А «приглашения», талоны, которыми стыдливо назывались продуктовые карточки, начали свое хождение еще в 80-е годы. За десять лет государство было вынуждено перейти на нормированное, «подушное» распределение продовольствия как основной принцип распределения. Наконец, карточки докатились и до Питера, а потом и до Москвы.

Деньги люди еще получали, но купить что-нибудь на них было все трудней. Стали нормироваться сначала мясо и масло, потом еще крупы, потом макароны, начинались перебои с табаком и мылом.

Юл и Юлька

Выдаваемые один раз в месяц талоны должны были гарантировать покупку минимального набора продуктов каждому жителю города. По ним разрешалось купить: мясо и мясопродукты (или курицу) — 1,5 кг, колбасы и колбасных изделий — 1 кг, масло сливочное — 0,5 кг, масло подсолнечное — 250 г, яиц — 10 штук, крупы и макаронных изделий — 1 кг, муки — 0,5 кг. Одновременно можно было использовать не более пяти талонов на один продукт. В провинции нормы были еще скудней.

Помню, газета «Смена» напечатала карикатуру, римейк картины Сурикова «Боярыня Морозова», только вместо прощания с опальной боярыней, народ прощался с увозимой в санях едой... Но талоны лишь давали право, а вовсе не гарантировали их обеспечения, за

продуктами еще надо было побегать. Женщины, чтобы накормить семью, стояли в длинных очередях, а колбаса из подкрашенного крахмала с запахом мяса, десяток яиц или бутылка растительного масла были удачей.

Когда стало еще хуже, питерские власти решили свалить нехваток на «приезжих», стали требовать от покупателей не только талоны, но и предъявление лениградской прописки или специальной «визитки», выдававшейся только лениградцам.

Секретарь Ленинградского горкома КПСС С.Г. Петров в интервью газете «Вечерний Ленинград» заявил: **«необходимо перекрыть каналы вывоза мясопродуктов в другие регионы. Сегодня во всех окружающих нас областях действует талонная система, что заставляет Ленинград и область принять соответствующие меры».**

При этом его не смущало то, что он дискриминирует того крестьянина, который вынужден ехать в Питер за мясом и мукой, которые он же и произвел.

Бунт на корабле

Теперь свой митинг провела уже милиция. 9 апреля на Дворцовой площади собрались работники МВД. Организатором митинга был замполит из Управления Николай Аржанников, незадолго до того награжденный медалью «За безупречную службу». Явку обеспечила рассылка телетайпограммы о том, что сотрудникам милиции категорически запрещается появляться на Дворцовой площади в соответствующий день, где какие-то нехорошие милиционеры собираются на митинг. Если бы это была шифрограмма от начальников начальникам, то на площади было бы пусто, но распоряжение пришло в дежурные части и стало широко известно. Посмотреть, что там будет, пошли все, кто был свободен от службы и, конечно, начальство из Управления, которое, не смешиваясь с толпой, кучковалось отдельно в начале Миллионной (тогда еще Халтурина) улицы. Хотя среди митингующих был, например, и районный начальник Василий Травников, будущий депутат РФ и стойкий демократ. В общей сложности участниками митинга стала почти тысяча сотрудников МВД, большую часть составлял сержантский состав. На одном из лозунгов было написано: «Не хотим быть бульдозерами на исполкомовском топливе!»

Отмитинговав (и прогнав с трибуны затесавшихся туда членов ДС), участники подписали и передали своему руководству петицию с требованиями. Поскольку одного листа не хватило, там поместилось только 92 подписи с указанием фамилии и должности, понадобился второй, где оказалось еще 97. Позже копию подписанной петиции получили также депутаты Союзного съезда – Юрий Болдырев, Александр Щелканов и Алексей Левашов.

В списке требований первыми были политические реформы, создание независимых профсоюзов милиции, вывод милицеских служб из подчинения Исполкому и передача контроля депутатам. И лишь потом дифференцированная оплата труда, предоставление полноценного жилья сотрудникам, материально-техническая оснащенность, распространение на милицию законов о труде.

О бунте стало известно в ЦК, в КГБ, в Министерстве; из Москвы приехала грозная инспекция. Разделившись на три части, она обработала каждого подписанта. Без явных угроз, соглашаясь с требованиями, обещая довести их до высшего руководства, опытные демагоги вынудили снять свои подписи почти всех подписантов. Отказались только пять офицеров – Н. Аржанников, И. Кучеренко, И. Денежкин и еще двое. Тех, кто снял свои подписи, не тронули.

Ну а упрямец через несколько дней вызвали на партийные собрания, чтобы исключить, а затем уже и уволить. Но эти решения коснулись не каждого: пред-

седатель специальной партийной комиссии В. Авдонин выступил первым и заявил, что в действиях Кучеренко и Денежкина нарушений партийной дисциплины нет. Скандал!

– Как нет? – восклицает первый секретарь райкома.

– Да, так!

И далее, ссылаясь на Горбачева, его слова о необходимости перемен, гласности и активности. Текст резолюции митинга действительно во многом совпадал с речами генсека. А дальше за смутьянов встала не только его партийная ячейка, но и общее партийное собрание, а на предложение исключить из КПСС поднялся шум, из зала слышались предложения: наградить!

Прения свернули, стали голосовать. В зале, где сидело более четырехсот человек, за исключение проголосовали тринадцать. В протоколе записали семнадцать. Позже Игорю Михайловичу объяснили: в зале было семнадцать начальников, чтобы потом никто не стал выяснять, почему же и в руководстве не было единства, число подправили. Но то, что смутьяны остались членами КПСС, не помешало их увольнению.

А еще через несколько дней Николая Аржанникова выдвинули кандидатом в народные депутаты. От двух коллективов.

Но прежде в ЦНИИ робототехники, куда он приехал на назначенную заранее встречу с избирателями, внезапно появились пятеро в штатском, взяли его под руки и увезли на милицейской машине в отделение. Там Николаю объяснили, что он арестован «за попытку проникновения на охраняемый объект».

В состав утвержденных кандидатов на союзный Съезд прошли все назначенные обкомом партийные и советские руководители, но безальтернативности обеспечить все же не удалось. Так, на конференции, которая все-таки состоялась, за Аржанникова проголосовали 159 из 180 делегатов. Тут из ГУВД в окружную избирательную комиссию поступил донос из Политотдела ГУВД, где было сказано, что «по своим морально-политическим качествам и в связи с изложенным тов. Аржанников не достоин баллотироваться кандидатом в народные депутаты».

Окружная избирательная комиссия, ссылаясь на этот документ, отказала кандидату в регистрации, тем самым нарушив Закон о выборах. После протеста совета трудового коллектива Центральная избирательная комиссия вынуждена была свое решение изменить. Н. Аржанников был зарегистрирован кандидатом на союзный съезд, но на выборах его соперник, следовательно Иванов, оказался популярнее.

В борьбе за голоса избирателей партийная номенклатура, чекисты и пригретые ими националисты не стесняются в средствах. Так, на редактора журнала «Нева» Бориса Никольского ополчились все. На станции метро «Чернышевская» националисты раздают листовки: «Отдадим свои голоса за еврея и члена горкома КПСС Никольского!» Его выступление на телевидении идет в эфир во время

показа самого популярного тогда сериала «Рабыня Изаура», статьи в газетах об «инфернальном» ДС сопровождаются фотографиями Никольского, на его избирательном участке разъезжают милицейские машины и через динамики агитируют за ставленника обкома КПСС.

Но все эти усилия были бесполезными, потому что рядом с «проверенными» кандидатами оказались и Никольский, и Юрий Болдырев, и Анатолий Собчак, и целый ряд других, разных, не всегда лучших, но не номенклатурных людей. Они стали депутатами, причем с большим отрывом от назначенных. Так, Болдырев получил 74%, а Собчак 76% голосов тех, кто пришел на выборы. А вот партийных и советских начальников Питер «прокатил», включая даже начальника военного округа. Это не изменило общего соотношения сил на будущем съезде, но было ударом для обкома. И неплохим подарком для Горбачева, у которого появился повод для чистки наших городских партийных кадров.

Первый союзный съезд

Март 1989-го. В Берлине рушится залитая кровью, разделившая Германию стокилометровая бетонная стена. В Праге уже идет «бархатная революция» и отменена руководящая роль компартии.

А в южных провинциях Союза все по-другому. Еще в феврале 1989 г. начались волнения в Абхазии, которая захотела отделиться от Грузии. В местной гудаутской газете появилось открытое письмо, где утверждалось, что абхазы – изгой у себя дома, что происходит «грузинизация», что вместо автономии Абхазии нужна независимость. В Тбилиси демократы и националисты тоже думают о независимости, но отпускать абхазов с их курортами, пляжами и морскими портами не хотят. Несколько грузинских национально-демократических движений уже готовят свое общество к борьбе за отделение от Союза, а претензии Абхазии трактуются ими как «рука Москвы».

В это время в Питере только что закончилась кампания по избранию депутатов СССР. Новые правила регистрации кандидатов позволили выдвигать их как от коллективов учреждений и предприятий, так и от общественных организаций, причем с возможностью выдвижения нескольких кандидатов. Казалось бы, пришла свобода, но не тут-то было.

Треть кандидатов сразу назначалась непосредственно высшими органами общественных организаций. 100 депутатов представляли КПСС, 100 – государственные профсоюзы, 75 – ВЛКСМ, 75 депутатов от ветеранов войны и труда, 75 депутатов от Комитета советских женщин, 35 депутатов от АН СССР, 58 депутатов от колхозов, 40 депутатов от потребительских обществ, 10 депутатов от Союза архитекторов и т. д.

Все они избирались на собраниях под контролем коммунистов. Иные формы, такие как сбор подписей и т. д., не предусматривались. Между выдвижением и попаданием в избирательный бюллетень кандидат должен был пройти еще дополнительное сито на окружном предвыборном собрании, где окончательное утверждение проходило опять под чутким руководством партийных функционеров. То же самое происходило и на территориальных участках, там списки кандидатов составлялись в райкомах и обкомах КПСС. Альтернативная агитация не допускалась, да и негде ей было появиться, ведь ни одна газета не рискнула бы дать слово «критикам», поэтому она, естественно, выплеснулась на улицы, в клубы и залы собраний на предприятиях. В народе зрело понимание необходимости реформ и начало избирательной кампании 89-го года дало неожиданный для ленинградских властей результат: среди выдвиженцев от трудовых коллек-

тивов оказались лидеры Народного фронта М. Салье, П. Филиппов, Ю. Нестеров, Г. Богомолов.

Так, за Марину Салье отдали голоса 269 из 313 работников Института геологии, где она работала, а кроме того ее поддержали еще в восьми (!) научных и проектных институтах. И это при том, что она прямо заявляла, что народ должен вернуть себе власть, что мы свидетели и участники революционной ситуации, что при избрании будет добиваться пересмотра Конституции и приведения ее в соответствие со Всеобщей декларацией прав человека.

Но окружные избирательные комиссии вычистили из списков большинство демократических кандидатов, чем вызвали мощный массовый протест. Так была провалена кандидатура лидера клуба «Перестройка» Петра Филиппова. Это окружки, пытаясь оставить в бюллетене для голосования только первого секретаря ленинградского горкома КПСС А. Герасимова, довели накал собрания до того, что прямо на трибуне от сердечного приступа умер протестовавший выборщик.

Из 1 500 округов в 399 «выбирали» одного из одного, половина из них были секретарями республиканских ЦК. Еще 435 назначенных депутатов от КПСС, профсоюзов, женсоветов и ветеранов были «верными ленинцами». По социальному составу работники высококвалифицированного умственного труда, не занимавшие чиновных постов, составили 10-12%, рабочие, колхозники и простые служащие – около 20%, а чиновники-управленцы верхнего, среднего и нижнего звена – 65% от общего числа депутатов. Интересно, что все руководство КГБ ушло в тень и от выдвижения на союзный съезд уклонилось.

Часть демократов все-таки прорвалась на съезд через избрание в общественных и научных организациях Москвы. В конце июля в московском Доме кино проходит первое собрание Межрегиональной депутатской группы. Но Ю. Афанасьев, Г. Бурбулис, Б. Ельцин, Г. Попов, А. Сахаров, Ю. Черниченко, Л. Абалкин, Н. Шмелев, Э. Панфилова, В. Пальм, присоединившиеся к ним А. Собчак и Г. Старовойтова, вместе со всеми избранными демократами, составили только десятую часть этого протопарламента.

Члены КПСС составляли 87% депутатского корпуса. При этом ярые противники реформ составляли около трети, остальные были так называемым «болотом», колеблющемся в зависимости от ситуации, но значительно чаще в «охранительную» сторону.

Союзные депутаты начали свою работу в мае. Ход первого Съезда народных депутатов транслируется по телевидению и радио. Половина населения, бросив все занятия, ловит каждое слово из Большого Кремлевского дворца. Я, кочегар в подвальной котельной, сижу на пороге, где через транзисторный приемник можно услышать, что происходит в Москве. С удивлением слышу, как кто-то из депутатов, выступая, говорит:

«Народ выше партии! Наш Съезд выше съезда партии. Верховный Совет выше ЦК партии! Конституция выше Устава партии. Партия функционирует

в рамках Конституции, разработанной представителями народа. И это определяет наши приоритеты».

«Ну, слава Богу! – наивно думаю я. – Вот он – глас народа, наконец-то...»

Все разговоры только о съезде. Появляется анекдот о бабушке, которая спрашивает внучку, отчего та плачет? Ребенок показывает на папу: «А он все говорит маме – съест, съест!»

Начало у съезда было необычным: председатель Центризбиркома, зачитав протокол о признании полномочий съезда и поздравив «партию» с доверием народа, остановился, перебирая свои бумаги. Тут на трибуну, не спрашивая ни у кого разрешения, выбежал депутат и врач из Прибалтики Вилен Толпежников и предложил съезду почтить память погибших в Тбилиси. Зал, сочтя его выступление разрешенным, послушно встал.

А дело было в том, что еще в апреле грузинская молодежь вышла на площадь перед тбилисским обкомом. Поводом послужило обращение абхазской автономии в Москву с предложением изменить статус на республиканский. Абхазский сепаратизм грузины расценили как московские козни против их собственного сепаратизма. День за днем шел бессрочный митинг, речь там уже шла не только об абхазах, но и своей независимости. А привыкшая к беспрекословному подчинению партийная элита в оцепенении и ужасе боялась выйти к своему народу. Срочно созванная конференция партактива обязала своих делегатов выйти и объяснить смутьянов. Все проголосовали, но ни один «активист» не стал выполнять партийное задание.

Тогда по просьбе ЦК Грузии и с одобрения московского Политбюро началось умирение. Были вызваны 2 550 советских солдат, приведено шесть бронетранспортеров, восемь боевых машин пехоты, в ход пошли дубинки и слезоточивый газ. Руководство акцией поручили генералам Родионову, Ачалову и Лебедю. Последний позже рассказывал о том, что солдаты, стоя под градом камней на подступах к площади, долго терпели оскорбления, были раненые, а потом было решено (кем?) захватить окружавшие и запиравшие площадь самосвалы, в кузовах которых был щебень. По его версии, возникла паника и толпа сама себя подавила. При этом, умалчивая о своей роли и защищая генерала Родионова, он отмечает «желание самоутвердиться» у генерала Ачалова.

Погибло 19 демонстрантов, из них 16 женщин, ранения саперными лопатками получил 21 человек, госпитализировано с отравлениями газом и травмами еще 290 человек.

9 апреля Петроградское отделение ДС вместе с обществом «Иберия» провели митинг солидарности с грузинским народом, очевидцы рассказывают о случившемся, но людям еще не верится, что это возможно.

Проявленная жестокость тормозит всех сепаратистов лишь на короткое время, страх еще есть, но и теньевые республиканские элиты, и демократические движения понимают, дарованной независимости или автономии не жди, а зна-

чит, с этим режимом им не по пути. Теперь дело только за моментом, когда надсмотрщик отвернется или ослабеет.

Начало работы съезда показало, что большинство его участников не готовы к самостоятельному политическому мышлению и психологически не настроены на перемены. За кулисами съезда референты Лигачева и Лукьянова проводят инструктаж среди депутатов, а те «захлопывают» выступления сторонников реформ. При выборах председателя Верховного Совета, только ради создания прецедента альтернативности, свою кандидатуру выдвигает рядовой депутат Оболенский, его выдвижение поддерживает Собчак, указавший на то, что наличие беспартийного кандидата, даже если он и не будет избран, есть хорошее начало для новой избирательной практики. Горбачев, испугавшись конкуренции, уклонился от оценки ситуации, за включение в список альтернативной кандидатуры проголосовали только 800 участников съезда. Так стало понятно, какую долю составляют те, кто способен к самостоятельной политической позиции.

Общая численность съезда составляла 2 250 депутатов. Вскоре начинается формирование фракций. Создается межрегиональная депутатская группа (МДГ), численность демократов колеблется от 200 до 400 человек. Уже после съезда они выбирают себе пять сопредседателей (за Б. Ельцина – 144, за А. Сахарова – 69 голосов). В противовес демократам формируется активная группа «Союз», ее численность будет расти от 400 до 700 человек, остальные – колеблющееся «болото».

С первого же дня Андрей Сахаров пытается внедрить в сознание депутатов необходимость решений по комплексу фундаментальных реформ. А именно:

– отмена конституционной нормы о монополии КПСС на власть (6 ст.);

– передача всей полноты власти Советам;

– законодательное закрепление альтернативности всех выборов;

– свобода печати;

– законы о земле и собственности;

– новый союзный договор, по которому страна должна стать конфедерацией свободных республик.

Его системный, не оставляющий лазеек, подход к радикальным реформам вызывают злость номенклатуры, которая ищет повод для расправы. В разговоре с журналистом академик, осуждая войну в Афганистане, неосторожно повторяет утверждение канадского журнала о том, что советское командование зачастую приказывало бомбить расположение своих же войск, если те попадали в окружение и могли сдать в плен. Эти слова публикует «Комсомольская правда».

Тогда на академика науськивают депутата-инвалида, участника афганской войны, и он по бумажке зачитывает обвинение Сахарова в клевете на армию, в желании «разорвать священное единство армии, народа и партии» и заканчивает призывом бороться за «Державу, Родину, Коммунизм». Зал аплодирует и встает, а затем начинается шельмование «отщепенца». Сидя у телевизора, я смо-

трю на то, как этот благородный и мужественный человек, несмотря на злобные крики, пытается объяснить, что уважает солдата, который выполняет свой долг, но считает афганскую войну преступлением по отношению не только к афганцам, но и к собственным солдатам. Я вижу на экране тупые, перекошенные лица. Ю. Афанасьев метко характеризует их как «агрессивно-послушное большинство». Сахарова сгоняют с трибуны.

Горбачев вертится, как уж на сковороде, пытаясь соблюдать приличия в отношении к меньшинству и не ссориться с большинством, которое должно избрать его в председатели Верховного Совета, что затем и происходит. Но он упускает шанс получить всеобщую поддержку, так как депутат Оболенский ради создания прецедента соревновательности выдвинул и свою кандидатуру. Подобострастное большинство не допустило его даже до включения в список кандидатов, а Горбачев, боясь, что появится и кандидатура Ельцина, промолчал.

Едва ли не единственным, действительно важным, результатом Первого съезда стало создание депутатских комиссий по расследованию апрельских событий в Тбилиси. Результаты будут оглашены на следующем съезде: несмотря на утверждения партийных чиновников о насилии толпы в отношении солдат, депутатская комиссия нашла потом только двух получивших травмы военнослужащих. Доклад о случившемся сделал А. Собчак, восходящая политическая звезда.

По настоянию Лукьянова после Собчака на трибуну вышел военный прокурор А. Катусев.

Член МДГ, депутат из Омска А. Минжуренко вспоминал потом: *«Демонстративно-показательным, как мне представляется, явилось поведение депутатов-консерваторов во время выступления военного прокурора, докладывавшего результаты расследования тбилисских событий. Ничто не остановило агрессивно-послушное большинство в его разнузданности, даже упоминание о жертвах среди мирного населения от действий военнослужащих Советской Армии, разгонявших митинг с помощью саперных лопаток. Выступление прокурора, выдержанное в необъективном, обвинительном и даже иронично-издевательском тоне по отношению к демонстрантам, получило полную поддержку аудитории. После наиболее «удачных» выпадов в адрес тбилисцев раздавались бурные аплодисменты, а из зала неслись грубые оскорбительные антигрузинские реплики, встречаемые взрывами смеха. В итоге сложилась отвратительная гнусная атмосфера какой-то погромной травли одного из народов, входящих в состав «нерушимого» Союза. Понятно, что для грузин находиться в этом зале дальше было невыносимо. Они поднялись и пошли к выходу. Зал проводил их улюлюканьем и угрожающим ревом. Вслед грузинской делегации летели обидные пошлые выкрики и ржание. Помню, как я вскочил с места, бросился вдоль нашего ряда к наиболее беснующимся депутатам-омичам и заорал (в зале было так шумно, что нужно было именно орать): «Что ж вы делаете?! Да что ж вы*

делаете?!» Раскрасневшийся от возбуждения и крика депутат Ермолаев в ответ мне нарочито резко закричал: «Танками их, танками!!» – «Да вы же так весь Союз разгоните! Танками! Что ж вы делаете?!» Тут я увидел, что кто-то и из членов МДГ пошел к выходу в знак протеста, и я присоединился к ним. Остаться в зале не было сил...

А. Сахаров, который тоже участвовал в депутатском расследовании, на вопрос журналиста отвечал так: *«Это действительно была карательная операция. Жесточайшая карательная операция против митинга, который выступал под лозунгами, не кажушимися мне во многом правильными, но это не имеет значения. Это был вполне конституционный митинг. И расправа, которая была произведена, не имеет конституционных оснований.*

Много ужасного было. Например, применение саперных лопаток против людей. То же самое было ранее в Алма-Ате и других местах. И вершина всего – применение отравляющих веществ. Это настолько не укладывается в сознании, что выглядит как какая-то провокация (использовался не только газ «черемуха», но и гранаты с газом CS).

Разобраться в том, кто давал команду, до конца на местах было невозможно. Мы можем строить только догадки. Во всяком случае, мы знаем, что МВД возражало против введения войск. И среди тех, кто настаивал на приглашении войск, был второй секретарь ЦК Грузии, человек Москвы. Как всегда, второй секретарь – человек Москвы.

Может быть, именно поэтому наказания за случившееся не понес никто, даже решение депутатов просмотреть видеозапись, которая в ту страшную ночь была сделана КГБ, так и не было реализовано.

Но позже запись все-таки увидели в Питере. Вот как писал в своей книге «Цена свободы» наш депутат А. Винников:

«Поздно вечером, когда, как обычно, началась самая популярная телепередача «Пятое колесо», ведущая Бэлла Куркова вдруг объявила о том, что сейчас перед ленинградцами выступит народный депутат СССР Анатолий Александрович Собчак. После короткой вступительной речи Анатолия Александровича экран вдруг потемнел, в его углу замелькали цифры хронометража, и все увидели плохо освещенную площадь перед зданием правительства в Тбилиси.

Это были кадры той трагической ночи, снятые КГБ Грузии из окна одного из домов, выходящих на площадь. Качество съемок было не очень хорошее, и Анатолий Александрович пояснял происходящее. Несмотря на позднее время, площадь была полна народу. Около десяти тысяч человек. Никакого волнения, люди стояли и молились. Но вот слева вдоль улицы начинают двигаться четыре бронетранспортера. Толпа приходит в движение, пропускает машины, но вслед за ними идут цепью солдаты внутренних войск. Толпа начала отступать, но отступать некуда. Возникла свалка. У солдат в руках резиновые дубинки, которыми они бьют лежащих на земле людей. Анатолий Александрович поясняет, что

короткий предмет в руках одного из солдат – малая саперная лопатка. Минут десять ленинградцы наблюдали совершающееся у них на глазах избиение людей. Последние кадры демонстрировали опустевшую площадь с лежащими в разных ее частях трупами.

Видевшие эту передачу испытали самый настоящий шок. Но рассказ Собчака об обстоятельствах, предшествовавших этому избиению, вскрыл перед людьми истинную причину и настоящих виновников произошедшей трагедии.

Политическая направленность митинга с самого начала была широко известна. Начавшийся как антиабхазский, он к 6 мая стал уже настоящим антисоветским. Но при этом, как подчеркнул Анатолий Александрович, никаких реальных попыток захвата власти, никаких актов насилия или покушения на работников партийных и советских органов не было. Митингующие выбрали такую форму протеста, как голодовка (голодало около 100 человек), требуя предоставления независимости Грузии. Время от времени люди молились, пели песни и танцевали. Особенно подробно А. Собчак остановился на самом механизме принятия решения о пресечении митинга. Выяснилось, что решение принималось партийными органами, несмотря на то, что по закону, да и в соответствии с решениями знаменитой апрельской партийной конференции, партия не имела права подменять органы советской власти. Более того, самый консервативный член Политбюро, Егор Лигачев, вел то закрытое совещание в ЦК КПСС, на котором 7 апреля рассматривалось положение в Грузии, и тот факт, что ход совещания не протоколировался и не стенографировался, сам по себе много говорил советским людям, хорошо знавшим повадки партийного начальства.

Съезд закончен, его участникам трудно изнутри сразу оценить его результат. Практически все инициативы демократов отвергнуты. Общественные ожидания не удовлетворены, хотя кто-то уже успешно решает свои личные задачи. Позже Татьяна Заславская будет вспоминать: «Наверное, в стране, где никогда не было демократии, ее возникновение требует времени. Помните, как была шокирована интеллигенция, когда М. С. Горбачев употребил выражение «так называемые демократы». Я тоже почувствовала себя оскорбленной. А в скором времени и сама стала так говорить, ибо столько оказалось «примазавшихся» к демократии».

Да, среди тех, кто еще на выборах записался в демократы, был разный народ. Может быть, наиболее ярким примером использования ситуации может служить история следователей Генеральной прокуратуры Николая Иванова и Тельмана Гдляна. Она началась летом 1988 года с публикации в журнале «Огонек» статьи «Противостояние». Оба следователя рассказали о том, как благодаря им был осужден зять Брежнева, ряд министров Узбекистана, о том, что по так называемому «узбекскому» или «хлопковому» делу ими вскрыты огромные приписки и взятки. Что преступные связи мафии тянутся в Москву, в ЦК, а им всячески мешают. Что «дело» хотят прикрыть высокие покровители преступников, а сле-

дователям нужна защита и свобода рук. «Мы могли бы и не говорить об этом, — писали они, — не высываться, словчить, но партийная совесть не позволяет нам молчать».

Несогласованная публикация вызвала большой переполох в верхах и грозила редактору журнала В. Коротичу отставкой. Мало того, на следующий день, когда он ехал на XIX партконференцию, в его машину совершенно случайно врезался грузовик. На партийной конференции ему устроили разнос, но он на глазах у всех передал Горбачеву некий запечатанный пакет, который ему для этого и дали следователи, и во всеуслышание сказал, что в нем компромат на высших лиц. Поскольку никто не знал, на кого, а рыльце было в пуху, видимо, у многих, Коротича не тронули. Пакет больше никто не видел.

А вскоре оказалось, что следователей давно отстранили от дел за грубые нарушения законности в работе и им самим грозит уголовное преследование. В какой мере это было так, а вот в какой степени это было попыткой убрать слишком высоко забравшихся следаков, сказать трудно и сегодня. Но тогда, в атмосфере глубочайшего неведения народа своему начальству, народ встал на их защиту! Позднее Н. Иванов с удовлетворением напишет: «В очередной раз проявилась характерная черта русского народа — вставать на защиту гонимых и оскорбленных». Проходят митинги, на грузовике рядом с выступающим Гдляном его заступник Борис Ельцин, в провинции начинаются чуть ли не забастовки и голодовки рабочих: руки прочь от мужественных борцов за справедливость!

Среди горячих защитников нашлись все же трезвые головы в лице двух журналистов, Ольги Чаковской и Александра Борина, людей давно и прочно зарекомендовавших себя твердыми сторонниками не только справедливости, но и верховенства права.

В «Литературной газете» появились статьи, в которых говорилось, что большинство обвинений, выдвинутых этими следователями, уже рассыпались в суде из-за явных нестыковок и «методов» добычи показаний. Суммы хищений оказались в десятки раз меньше, а людей, которые провели в следственных камерах по несколько лет, пришлось отпускать на свободу. Всплыло и дело эстонского изобретателя Хинта, которого те же следователи обвиняли в сокрытии доходов и антисоветчине. Этот человек умер в тюрьме. (Позже Верховный суд Союза признал его невиновным и реабилитировал.) Авторы статей написали о том, что беззаконие ради закона опасно, что оно может вернуть нас к сталинским временам.

Тогда на журналистов обрушился гнев не только читателей, но и друзей. «Пусть Гдлян и Иванов неправы, — говорил А. Борину Егор Яковлев, — но поддерживать их сейчас надо хотя бы из политических соображений. Их наступление на Лигачева и других только на руку демократам!» А читатели просто спрашивали журналистов: за сколько они продались мафии? Прокуроры же, привыкшие руководствоваться «классовым правосознанием» или политическим заказом, спорили с судьями. «Да, пускай ваш приговор законный (речь шла об отвергнутой судом

недоказанной вины и частичном оправдании – Ю. Р.), но несправедливый!» – в публичном диспуте пеняла судьям следователь Прокуратуры СССР Н. Попова.

Пожалуй, это было не первое, но зато широковещательное столкновение двух понятий: советско-ментовского («вор должен сидеть в тюрьме!») и правового («виноват – докажи!») А вот спекулятивное использование политической ситуации было ново.

От обвинений следователи решили защищаться депутатскими мандатами. Гдлян «на ура» был избран в Москве. А Иванов получил депутатский мандат в Питере. Для этого он добился возможности выступить по телевидению в последний агитационный день перед голосованием. Его речь окончательно закрепила успех: «Многие избиратели спрашивают, почему не ведется борьба с мафией в Ленинграде, и кто из высших чинов в Москве проходит по уголовному делу. Дело в том, что борьба не ведется потому, что государственная политика сегодня – это политика полного сворачивания борьбы с организованной преступностью. А бороться можно везде. К сведению ленинградцев можно сказать, что в числе лиц, которые фигурируют в нашем уголовном деле, имеется фигура бывшего руководителя Ленинграда товарища Романова. Кроме всего прочего, в деле замелькали такие фигуры членов Политического бюро как товарищ Соломенцев, товарищ Лигачев, бывший председатель Верховного суда Терибилов. Очень беспокоит нас на сегодняшний день та ситуация, которая сложилась вокруг Лигачева, нас беспокоит усиление этого человека с учетом того сдвига вправо, который мы наблюдаем в сегодняшней политике. Это не может не вызвать существенного беспокойства. Я не говорю о виновности или невиновности этих лиц. Я на сегодняшний день говорю то, что дело в дальнейшем будет свернуто».

После такого заявления, когда смельчак поднял руку даже на членов Политбюро, разве мог народ его не поддержать? Хотя сказано было ничтожно мало. Когда партийные бонзы захотели судиться с «клеветником», оказалось, что зацепиться не за что: «лица... фигурируют» в качестве кого, не названо, «замелькали фигуры» – это тоже не обвинение, тем более, что на всякий случай сказано, «я не говорю о виновности». И все же советскому человеку, который привык читать между строк, все ясно: высокопоставленные жулики и воры обворовывают простых людей и гнобят честных прокуроров.

Генпрокуратура действительно продолжала настаивать на привлечении следователей к суду за старые прегрешения. Далее, когда уже и съезд подумывал, не лишить ли ретивых ищек депутатской неприкосновенности, они спрятались в Армении, там тоже стали депутатами, а вернулись в то время, когда союзным властям уже было не до них. Думаю, что в этой истории не было невиновных, закон нарушали и партийные воры, и ретивые партийные следователи.

Позже, на выборах во вторую Государственную Думу, мне пришлось соперничать с Н. Ивановым. Тогда память о былой популярности сыграла с ним злую шутку, но об этом позже.

О съезде продолжает рассказывать академик Заславская: «Иллюзии начали рушиться на Первом съезде, напминавшем «табор», раскинувшийся на четыре тысячи лет! Крики, шум, демонстрация себя, полное нежелание и неумение слышать других. А голос каждый имеет один, сам по себе ты просто незначим, да и всех «демократов» было около одной четверти.

Ни одно более или менее здоровое решение не проходило. Несмотря на полное отсутствие средств и ускоряющийся спад производства, предлагались дорогостоящие социальные программы, рассчитанные на массовую поддержку. Даже частичная их реализация резко ускорила бы инфляцию и в конечном счете ухудшила бы положение населения. Неквалифицированные съезд, Верховный Совет, правительство не смогли противостоять популизму, что имело катастрофические последствия».

Здесь, мне кажется, она не совсем точна. Популизм буйно расцвел позже, но реформа экономики осталась за бортом, а корень всех проблем – вопрос о частной собственности – вообще не поднимался. Не только интеллектуалы, но и обыватели тоже были разочарованы результатами съезда. Он ждал хороших перемен уже завтра, а лучше сейчас, а тут говорильня про какой-то стародавний «пакт Молотова», грузины, которым «независимость подавай, хотя им и так всегда лучше нас было».

В ДС продолжается спор об отношении к прошедшим выборам и о нашей роли на следующих – впереди выборы на Российский съезд и в городские Советы. Возможна ли реформа власти изнутри или строить заново можно только на полностью расчищенном месте? Вопрос требовал ответа и был непрост. В спорах можно было услышать:

– Посмотрите, никакого единого «Кремля» нет. Там идет война с теми, кто хочет перемен!

– А где результат?

– Как где? А 70-я статья? Да мы бы все сейчас по камерам сидели, если бы ее не отменили! Значит, даже при засилье коммуняк есть нормальные люди.

– Да бросьте! Большинство еще вчера клялись в верности ленинским заветам, все их перемены только ширма...

– Если это так, то наша задача раскрыть эту игру, а для этого надо обладать силой, полномочиями, правом голоса на всю страну!

– Нет! Мы не должны марать себя их играми, мы должны поднять народ, пока ему не задурили голову. Только он сметет эту банду паразитов и надсмотрщиков!

– Еще неизвестно, кто кого сметет. И кто придет на смену. Хватит с нас гражданских войн, пока есть шансы надо бороться за реформы!

– С кем?

– Со всеми, кто против монополии на власть.

– Да я с красными ср...ть на одном поле не стану!

Резолюция Второго совещания координационных советов:

«1. ДС считает подобные выборы пародией на народовластие, т. к. они предназначены лишь для юридического закрепления монополии партократии на власть, и считает для себя неприемлемым, как политической партии, участвовать в выборах.

2. ДС полагает нецелесообразным бойкот и считает возможным поддерживать кандидатов с демократической программой, реально сознавая, что они не в состоянии способствовать изменению сущности тоталитарной системы, но могут нести в общество демократические идеи с трибуны съезда».

Протуберанец

«Борьба особого политического значения»

(А. Д. Сахаров о шахтерской стачке)

Демократическая революция делалась не только в столицах. В переломные моменты, когда сил не хватало, весомую поддержку переменам дали выступления рабочих, в первую очередь шахтеров. В потоке острых, но ушедших в прошлое событий того времени как-то забылось, что, если бы не они, неизвестно, куда повернула бы вся страна.

В стране 80 миллионов рабочих, их социальное положение унизительно. Да, их номинальная заработная плата выше, чем у врачей и учителей, она даже растет. Но цены на еду растут быстрее. Даже при ее отсутствии. В крупных городах на человека приходится 5-6 кв. м жилой площади. Городов-миллионников меньше десятка, остальные 60 млн горожан живут в провинции, в городах и поселках «городского типа», где жилье, как правило, ветхое, коммунальное, а то и барачное, с печным отоплением и отхожим местом во дворе.

Социологический опрос 1990 года показал, что в достаточном, по их мнению, количестве потребляют мясо, рыбу, овощи и фрукты только 25% населения. А во вредных для здоровья условиях работают 75% рабочих.

Из-за вредности и травм ежегодно гибло 15-20 тысяч работников, 80 тысяч становилось инвалидами из-за производственных травм, и шахтеры были первыми в этом страшном ряду.

При этом режим откупался от своих «крепостных» путевками в дома отдыха, иногда даже в санатории, государственной квартирой, которую человек ждал десятилетиями и терял, если переезжал в другое место, различными «надбавками». Вся стоимость этих «забот», а точнее, подачек, была в десятки раз меньше тех средств, которыми можно и должно было обеспечить людям безопасный труд и достойные условия жизни.

Экономленные эксплуататорами средства шли на гонку вооружений, на помощь «братским» режимам в Анголе, Вьетнаме, Египте, на сытое житье армии чиновников, на затыкание дыр в колхозах, на покупку мяса и хлеба в Аргентине и Канаде.

В хрущевские и брежневские времена забастовок было немного. Всего, по данным Л. Алексеевой, не более восьмидесяти. Из них – тридцать в начале 80-х. И все они были короткими и кончались плохо. Она пишет: «Это почти всегда бунт, вызванный либо невыносимыми условиями жизни, либо несправедливы-

ми действиями властей. Рабочие не борются за улучшение условий своего существования, а возмущенно протестуют против их ухудшения. За этими протестами обычно стоит молчаливая уверенность, что есть некоторое неписаное соглашение между трудящимися и руководителями. Первые работают, вторые обеспечивают элементарные условия для жизни.

Забастовка – это только ... способ обращения к возможно более высокому уровню руководства, коллективное прошение».

Так было до конца 80-х, и вдруг не прошения, а радикальные требования! В 87-м году – четыре, в 88-м – 25, за половину 1989 года – 40 забастовок, а участников – десятки тысяч.

И в Воркуте, и в Кузбассе работали ячейки «Демсоюза». Поначалу шахтерские вожаки хотели считаться умеренными, и доверие к ДС надо было еще завоевывать. В этом я убедился, когда поехал по партийным делам на Урал и в Сибирь.

В Кемерово, в здании городской администрации, заседал стачком, он же новый профсоюз (со старым, советским, они уже распрощались). Крепкие, основательные мужики меня и моих друзей из Новосибирска приняли с осторожностью. Но литературу нашу взяли, и она не пропала зря, позже мы получили на нее отклики и предложения присылать еще. Наши программные документы, листовки и газеты постепенно делали свое дело.

А члены ДС Галина Волкова и Леонид Гусев (в будущем активист независимых профсоюзов Санкт-Петербурга) работали со стачками в Воркуте. Вернувшись в конце ноября, они рассказали нашим журналистам:

«В Воркуте, чтобы вручить шахтерам Постановление Верховного суда Коми ССР о признании их забастовок незаконными, изобрели целый сценарий. Шахтерам было предложено встретиться с депутатом Курочкой. Встреча была назначена в зале суда. Шахтеры пришли, ждут. Открывается дверь, раздается голос: “Встать. Суд идет!” Возмущенные шахтеры покинули зал.

Когда шахтеры пришли на заседание Совета министров, то наиболее активных из них – Гуридова и Козлова – не пустили на встречу. Не то чтобы не пустили, а просто им не выписали пропуск. Встречу эту шахтеры называют несерьезной. Рыжков улыбался, хлопал по плечу, обещал... При этом патетически восклицал: “Почему не пришел Козлов? Почему же не пришел Гуридов?”

Ни одного документа, имеющего полномочную, юридическую силу не было принято. После этой встречи, шахтеры звонили в Воркуту и предупредили, что-бы там не верили никаким обещаниям до их приезда.

Воркута сейчас – это холод и пурга. Это мрак уже в 2 часа дня. Это три часа в день на дорогу до шахты и обратно. Это голод не на словах, а на деле, голод, входящий в дома наименее обеспеченных воркутинцев, особенно тех, кто лишен работы по произволу властей. Тех, кто болен, матерей-одиночек, работающих на шахтах, а таких много. Надо знать, что из 600 рублей – средней зарплаты рабочего – 500 рублей тратится на еду. Стачкомы могут сейчас выдавать

нуждающимся не более 100 рублей. Надо понять нам всем, что борьба шахтеров в Воркуте – это не борьба бумажных идей московских радетелей за постепенные изменения, а борьба не на жизнь, а на смерть, борьба свободных граждан за наше право называться людьми». (Г. Волкова ДС. «Личное Мнение» № 15).

Наши ребята возили туда не только литературу, но и те гроши, которые мы могли собрать для семей бастующих.

Рассказывает активист социал-демократического и профсоюзного движения Виктор Дудченко: *«Решение бастовать для рабочих никогда не было легким решением и диктовалось не только личными интересами, но и представлениями о порядочности. Стачки происходят, когда иначе нельзя вернуть себе самоуважение, и в конечном счете требуют переустройства общества».*

Первый съезд депутатов СССР не оправдал ожиданий шахтеров, через месяц после его окончания начинается стачка на шахте им. Шевякова в Междуреченске, а на следующий день прекратили работу все угольные предприятия Междуреченска. Если 10 июля бастовало 334 работника, то 12 июля – 20 600, а 17-го бастует уже 181 тысяча шахтеров на 167 шахтах.

И тут, несмотря на то, что комиссия из Москвы подписала протокол о выполнении их требований, а, может быть, именно поэтому, забастовали еще 70 донецких шахт, 11 ростовских, 9 воркутинских, 12 львовских, 28 карагандинских шахт, или более полумиллиона рабочих!

Их первыми требованиями были улучшение условий труда и отмены снижения расценок.

Но среди работников нашлись те, кто понимал, что передача перспективных шахт в собственность коллектива сулит возможность прямой торговли углем. И не только за рубли, но и за валюту, которая может оказаться в их распоряжении.

Не прошло и двух недель, как не теневые дельцы (они проявятся позже), а самый что ни на есть рабочий класс оказался в числе первых, кто потребовал многоукладной экономики и, в том числе, введения частной собственности!

Только на втором Союзном съезде (декабрь 1989 г.) правительство предлагает программу перехода к «планово-рыночной экономике», на нее отводится от 3 до 6 лет.

Съезд утверждает эту программу. Но уже через несколько месяцев всем ясно, что она не действует. Глава правительства Н. И. Рыжков предлагает резкое (в три раза) повышение с 1 июля 1990 года розничных цен на хлеб и хлебобулочные изделия с полной компенсацией населению потерь, значительное повышение цен на другие продукты и промышленные товары с частичной компенсацией или без нее. Как будет проходить эта компенсация, проект не объясняет.

В стране паника. Остатки того, что еще было в магазинах, сметены с полок. Как сказал о той затее Рыжкова народный депутат П. Бунич: «это был шок без терапии». Часть депутатов потребовала отставки правительства. Их поддержали шахтеры Кузбасса и Донбасса.

Еще в июле 1989 г. шахтеры Кузбасса в своем обращении к Верховному Совету СССР говорили: **«Наше движение направлено в поддержку перестройки: оно ... является грозным предупреждением бюрократическому аппарату о прекращении эпохи его безнравственного господства».** Однако уже в сентябре требования рабочих дополнились **«досрочными выборами в местные Советы, принятием закона о местных Советах, передаче власти на местах и в центре Советам, отменой 6-й статьи Конституции СССР».**

Их стихийное движение сыграло важнейшую роль в самые острые, поворотные моменты тех лет. До сих пор этот протуберанец народной активности не осмыслен. Почему к широкой и организованной забастовке оказались не способны рабочие крупных заводов? Почему на это оказались способны те, чей физический и невыносимо тяжкий труд, чья побригадная разобщенность, казалось, могли высечь только искру короткого бунта? А ведь именно они сформулировали сначала экономические, затем социальные и политические требования. И властям пришлось с этим считаться.

Что делать?

Пока ДС, новые профсоюзы и политические клубы будят вялое общество, его проснувшаяся интеллектуальная часть судорожно ищет практические пути выхода из тупика. В научных коллективах Москвы, Питера, Новосибирска идет мозговой штурм. О том, можно ли сохранить государственное управление экономикой и совместить его с рынком, как пойдут процессы разгосударствления, как решать продовольственные проблемы в переходный период – над этим ломают головы дилетанты и профессионалы. В стране существовало тогда немало экономических институтов, лабораторий и центров, в архивах которых пылились тонны научных трудов. Но их работа не выходила за пределы «политической экономии социализма» и, даже располагая иной информацией, они не были способны к ее непредвзятому анализу. С юных лет повторяя мантры «марксизма-ленинизма», не смея самостоятельно мыслить, зачастую ничего не зная об экономической мысли на Западе, большинство было неспособно к творческому решению даже разрешенных задач.

В стране все же нашлось два десятка эрудированных, свободно мыслящих людей, которые уже давно, тайком, в лучшем случае при попустительстве своего начальства, профессионально занимались поисками решительного выхода из экономического кризиса.

Егор Гайдар, внук советского писателя и красного командира времен Гражданской войны, сын контр-адмирала, родился в 1956 году. В детстве, во время Карибского кризиса, вместе с родителями оказался на Кубе. Интерес к социальному устройству общества зародился в Югославии, где продолжал службу отец.

К началу перестройки ему было 30 лет, за спиной университет, аспирантура на кафедре экономики, работа в НИИ системных исследований. Будучи членом КПСС, он уже не питает иллюзий о «самой замечательной и справедливой стране в мире», его детская влюбленность в кубинских бородачей прошла, а иллюзии разбились о танки на улицах Праги. Ему ясно, что у советского планового хозяйства нет будущего, что, «не запустив рыночные механизмы, принципиальных проблем советской экономики не решить», а советская «политэкономия» – схоластика и сектантство. В Институте экономики и прогнозирования АН СССР он становится ведущим научным сотрудником. Имея широкий доступ к информации, он видит и понимает многое из того, что происходит, но до середины 80-х еще не может прямо и публично говорить о причинах.

В июле 86-го года он просит своего шефа Аганбегяна передать Горбачеву

письмо, где он излагает свои идеи о необходимости радикальных реформ. Академик не решается, и тогда Гайдар уходит в журнал «Коммунист» готовить общественное мнение.

Но до генсека он все же достучался. Один из организаторов питерского клуба «Перестройка» Виктор Монахов рассказывает:

«После одной из дискуссий в ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт АН СССР) Е. Т. Гайдар сообщил нам в кулуарной доверительной беседе, что имеется неформальный заказ (его можно назвать и социальным) со стороны руководства страны. Мы спросили, какого руководства, в чьем лице? Он указал пальцем вверх. Мы поняли, от Горбачева.

Содержание этого социального заказа заключалось в том, что руководство страны – Горбачев и узкий круг его единомышленников – понимают, что им одним перестройку не осилить. И они, видимо, пытались через Е. Т. Гайдара выйти на те «низы» интеллигенции, которые по известной модели уже «не хотят» прежней жизни и которые могли бы обеспечить социальную базу поддержки этого идущего «сверху» процесса.

Затем мы стали обсуждать технологии помощи, ответа на этот запрос.

Та модель дискуссионного клуба, которую мы вначале «прокатали» в Москве, оказалась весьма успешной. У нас было твердое убеждение, что в Питере такое не разрешат. Кажется, Чубайс предложил: давайте это сделаем сначала в Москве, например, в ЦЭМИ АН СССР, а потом, сославшись на то, что в Москве это уже есть, попытаемся сделать клуб и в Ленинграде.

И я специально весной 1987 г. был на полтора месяца «командирован» в Москву, где мы и начали процесс формирования клубного «перестроечного» движения с активным «вахтовым» участием других питерцев.

Осенью 1988 года Гайдар вместе с Отто Лацисом пишет для Горбачева записку о тех ошибках, которые правительство делает в экономике. Здесь и право двенадцати республиканских отделений Госбанка СССР при нехватке денег включать печатный станок, и закопанные в «стройки века» миллиарды, здесь и безумные траты на инвестиционное оборудование, которое не будет запущено. В то же время, при наличии огромной массы необеспеченных денег, правительство сокращает закупки тех дефицитных товаров народного потребления, которые, появившись на прилавках, вернули бы государству лишние денежные знаки. Генсек зачитывает записку на заседании Политбюро, но там знают лишь мобилизационную экономику, а у Горбачева не хватает решимости на самостоятельные, радикальные шаги.

Анатолий Чубайс уже давно сотрудничает с Григорием Глазковым, Юрием Ергомаевым, Сергеем Васильевым. Еще в 1979 (!) году на уборке картошки (принудительная повинность для всех) в деревне Бор первые трое, на ходу обсуждая очередное постановление «по совершенствованию хозяйственного механизма», находят друг друга. Их круг постепенно расширяется, еще не имея доступа к сво-

бодной от марксизма экономической литературе они сами открывают для себя законы рынка, стоимости, макроэкономики.

Через Егора Гайдара группа А. Чубайса выходит на академиков Шаталина и Гвишиани, но эти небожители осторожны и неспешны. К поискам выхода привлекаются Андрей Илларионов, Петр Филиппов, Михаил Маневич, Виталий Найшуль, Альфред Кох, Петр Авен, Симон Кордонский.

Семинары 86-87-х годов на Карельском перешейке, на базе отдыха ЛФЭИ «Змеиная горка», сплачивают группу этих людей. Там они еще скрывают свои выводы и вынуждены отчитываться о якобы вполне невинных дискуссиях. Они действительно не носят практического характера, на первых

А.Чубайс, С.Васильев, Е.Гайдар, В.Найшуль.

порах свои рассуждения они расценивают скорее, как решение теоретических задач, которые вряд ли принесут плоды в обозримом будущем. Сергей Васильев, руководитель научной лаборатории Ленинградского финансово-экономического института, спрогнозировал и описал для своих товарищей грядущие проблемы: острейший бюджетный кризис, радикальное сокращение расходов на ВПК, массовую безработицу, потерю высокотехнологичных секторов и деградацию экономики, забастовочные движения, ненадежность нищих милиции и армии. Все это было понятно, все это было неизбежно уже тогда. Вскоре Виталий Найшуль выносит на обсуждение идею приватизации с получением доли средств каждым жителем страны. Автор проекта окончил механико-математический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работал при Госплане СССР, где не справлявшиеся с растущим валом информации службы, пытались решать проблемы с помощью вычислительной техники. Но, моделируя, математикам приходилось иметь дело с очевидно неточными данными и подгонять выводы под нужный результат. Глядя на то, как помногу раз за год переверстывалось распределение фондов, В. Найшуль понял, что систему ожидает крах. Отсюда следовал вывод, что единственным стимулом, который может пробудить здоровую экономическую активность, может и должен стать интерес людей к сохранению и приумножению собственности. Но уже тогда он предупреждал своих коллег о том, что сложность и опасность переходов – «из тоталитаризма в демократию», «из плана в рынок» – будут нарастать, а шаг «из империи в национальное государство» окажется самым болезненным и может стоить немалых жертв.

В 1985 году он написал и подпольно изготовил брошюру под названием «Другая жизнь». В популярной форме он предложил читателю идею экономической реформы под девизом: «Народное – народу!»

Весьма красочно описав будущие результаты («Все предприятия страны окажутся под народным контролем, который позволит ликвидировать бесхозяйственность и потери, так что все станут получать за свою работу намного больше. Каждое предприятие будет зависеть (кроме особых случаев) только от своих хозяев и работников, а не от многоярусного начальства. Поэтому хозяйство станет быстрым. Хороший труд будет немедленно вознаграждаться. Хорошие и модные вещи, новинки техники, изобретения будут немедленно внедряться. Страна станет изобильной, а мы получим возможность достойно трудиться и достойно жить на заработанные деньги»), кратко и убедительно изложив проблемы стагнации «планового» хозяйства, конкретными данными продемонстрировав высокий уровень жизни в США, он первым предложил свою модель приватизации.

Решив, что все достояние страны можно оценить в 1 700 млрд руб., он предложил напечатать соответствующее количество именных инвестиционных рублей (ваучеров), а затем раздать их народу. Но не совсем поровну.

Сначала «каждый гражданин СССР получает равную сумму именных инвестиционных рублей» (5 000 рублей).

А затем «руководящие работники получают дополнительно инвестиционные рубли в строгом соответствии со своим служебным положением и значением руководимой ими организационной единицы».

В одной и той же работе В. Найшуль пишет: «Октябрьская революция сравняла имущество в нашей стране и нам нет необходимости сознательно возвращаться к обществу слуг и господ», «народ вступит в права хозяина страны». И тут же закладывает стартовое имущественное неравенство. Раздав всем по 5 тысяч инвестиционных рублей, что составляло 80% от общей суммы, оставшиеся 350 млрд предлагается разделить между хозяйственными и партийными начальниками в суммах, зависящих от численности организаций или даже территорий, которыми они руководили, «что позволит им составить руководящее ядро среди вкладчиков народных предприятий». Шкала дополнительных выплат директорам и партийно-советским бонзам – от 40 тысяч до 2 млн (!) инвестиционных рублей.

Почему загнавшая общество в тупик партийная и административная элита должна стать в десятки, а то и в сотни раз богаче других людей? Ответ не сформулирован, но понятен: автор предлагал купить таким образом лояльность этой номенклатуры. Коллеги по семинарам на Карельском перешейке предложенную Найшулем модель тогда раздраконили:

«После доклада Виталика на него набросилось два человека и его просто разгромили. Одного звали Гайдар, а другого – Чубайс... Суть наших претензий к кон-

цепи Виталика состояла в том, что мы вскрыли ее чудовищные не просто изъяны (это здесь неправильное слово), а такие сопровождающие элементы, без которых ее невозможно сделать. Базовый аргумент был в том, что степень сложности, разветвленности инструментария, предложенного Найшулем, по сравнению со степенью сложности задачи была абсолютно несоизмеримой. Если ты будешь идти напролом, то совершенно ясно, что ты будешь корезить систему глубоким социальным отторжением – все это было совершенно ясно».

Да, критики указали на опасность, назвав ее «глубоким социальным отторжением», но, судя по тому, как они вспоминают о том споре, тогда их больше волновала упрощенность предложенной схемы. По иронии судьбы им самим придется, подчас «напролом», но решать те же задачи на практике. И тогда уже Виталий Найшуль займет критическую позицию, осуждая коллег за то, что они не учли человеческий фактор.

Во время семинара на берегу Ладожского озера на вопрос о том, когда распадется СССР, Б. Львин ответил: «Думаю, что трех лет не проживет». Его коллеги к этому еще не готовы. Пока они видели задачу в том, чтобы минимизировать потери при грядущем коллапсе, а затем и в процессе перехода к смешанной экономике.

Но уже в следующем году за обедом в пансионате «Лосево», удивляя своих подруг, они всерьез обсуждают, кто – Гайдар или Чубайс – будет лучшим премьером.

Пустая рука

До сих пор в среде маргиналов ходят легенды о том, что перестройка и все, что происходило потом, результат мирового заговора против «Страны Советов», что Союз был развален кознями империалистов. На самом деле, если и есть доля такой «вины», то она в том, что Запад отказал Горбачеву в новых кредитах, протянутая ему «рука Запада» была лишь жестом, она была пуста. Советскую империю можно сравнить со старым, ржавым кораблем. Двигатели уже не справляются, в трюмах течь, он все быстрее набирает воду. Кончается еда, среди офицеров и невольников-пассажиров зреет бунт, а кто-то втихаря уже готовит спасательные плоты и тащит туда все ценное.

У этого судна нет порта приписки, нет пирса, куда можно было бы высадить команду, нет дока, где можно встать на ремонт. Капитану надо срочно выводить судно в спокойные воды и просить о помощи, чтобы на ходу залатать дыры, избавиться от балласта и заменить двигатель.

В море есть другие суда, капитан посылает сигнал «SOS». Идущие мимо сухогрузы, танкеры и лайнеры, авианосцы и сейнеры могут помочь.

Но США и Европа слишком долго жили в состоянии холодной войны с красной империей, они не готовы к смене позиций. Почему? Ответ прост: на их глазах терпит бедствие не чайный клипер, а старый грозный пиратский броненосец с ядерным арсеналом на борту. С флагом, который во всем мире означает опасность, с агрессивной, мессианской идеологией, с тем оружием, которое способно десятки раз уничтожить все живое на земле.

Еще в марте 1946 года Уинстон Черчилль призвал свободный мир к созданию военного союза англосаксонских стран для борьбы с захватившим часть Европы коммунизмом. Он говорил: «От Штеттина на Балтике до Триеста в Адриатике, железный занавес протянулся поперек континента. По ту сторону воображаемой линии – все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы. ...Коммунистические партии, которые были очень небольшими во всех восточных государствах Европы, дорвались до власти повсюду и получили неограниченный тоталитарный контроль. Полицейские правительства преобладают почти повсеместно... Факты таковы: это, конечно, не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это не то, что необходимо для постоянного мира».

Даже среди советских людей только законченные простаки верили миролюбивым речам своих вождей. Другие посмеивались: «Нам нужен мир!? Да, да, – ВЕСЬ мир».

Черчилль призвал человечество не повторять ошибок и сообща отстаивать цен-

ности свободы, демократии и «христианской цивилизации» против тоталитаризма. Был создан военный Североатлантический блок (НАТО), ответом ему стал блок Варшавский. И тот, и другой именовали себя оборонительными; и тот, и другой держали про запас планы «превентивного» нападения; и тот, и другой стоили своим народам астрономических расходов. Советский Союз не выдержал гонки вооружений, надорвался и теперь просил помощи для собственной трансформации.

Мог ли западный мир, закоснев в неприятии и страхе перед «красным медведем», сразу отказаться от стереотипов 30-летней давности?

Не мог, так же как не смог спрогнозировать обвал советской экономики. И не хотел, ведь эскалация вооружений поневоле стала одним из краеугольных камней мировой экономики.

Сомнения в способности Горбачева развернуть курс империи имели основания.

Лишь в 1991 году его пригласят на встречу Большой семерки, гостя выслушают «любезно, но безразлично».

Веры в то, что Союз, оживившись, не возьмется за старое, у Запада нет. Как нет и инструментов, чтобы принудить к реформам. План Маршалла, который поднял из руин Германию, сработал только потому, что она была оккупирована, и все хозяйственные и финансовые рычаги были в руках у спасателей.

А попытка Кеннеди аналогичным образом модернизировать страны Латинской Америки провалилась, все вливания в коррумпированную и бесконтрольную экономику пропали даром.

Второй срок президентства Р. Рейгана, который при всей протестантской твердости, был еще и немного романтиком, закончен. Пришел расчетливый и недоверчивый Буш-старший. От него Горбачев помощи не получит, а значит, не получит и от Европы. От завершения холодной войны США сэкономят 1,3 трлн долларов, но в горбачевский период ограничатся гуманитарной помощью.

С борта проходившего мимо лайнера терпящим бедствие летят лишь корзинки с провизией и... долговыми расписками на 2 млрд долларов за американские продукты.

А генсек еще надеется на помощь и, выступая на Генеральной сессии ООН, заявляет о сокращении армии на полмиллиона человек и начале вывода войск из Монголии и Восточной Европы. За отказ от силы при воссоединении Германии Союз получит кредит в 15 млрд немецких марок. Но это лишь 600 марок (тогда около 300 долларов) на одного жителя страны, даже если к ним прибавить скромные кредиты США и Франции, они советскую экономику не спасут.

Если бы Запад рискнул, дав Горбачеву запас прочности и времени для смягчения реформ, кто знает, быть может, все пошло бы иначе.

Но Запад проглядел возможность обезопасить себя от серьезной угрозы, которая таилась в потенциале распадающейся империи. Чуть позже Штаты спохватятся (как-никак, а ядерный арсенал может стать инструментом враждебных сил), и весьма скромную помощь получит уже ельцинская Россия.

Вторая попытка

Конституция СССР, Статья 6: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

Конец ноября 1989 года. Идет подготовка ко Второму съезду депутатов Союза. Уже ясно, что вопрос о монополии КПСС будет обсуждаться снова.

Ход первого союзного съезда это уже подтвердил. Но перспективы неясны и Ленинградский обком собирает свой пленум, а затем проходит антигорбачевский митинг у концертно-спортивного комплекса в Московском районе. Члены ДС топают туда пешком через Парк победы.

Вокруг десятки служебных автобусов, на которых привезли участников. Но площадь так велика, что даже те 8-10 тысяч, которые мы увидели, занимают лишь ее часть. Кумачовые транспаранты, лозунги: «Горбачев – посмотри на партию!», «Хватит каяться – надо работать!», «Политбюро – к отчету!»

Все выступавшие клеймили распоясавшуюся прессу, разложившуюся интеллигенцию, запутавшихся «прорабов перестройки», славили первого секретаря обкома Б. Гидаспова, требовали отчета от генсека и внеочередного съезда КПСС.

Энтузиазма в народе, который мерз на холодном ветру, я не заметил. Среди тех, кто криками поддерживал выступавших, были и те, кто их высмеивал, но, когда я из толпы попробовал возражать выступавшим, на нас тут же напали старухи с портретами Джугашвили.

Собравшихся охраняла вся милиция города, в толпе шныряли крепкие парни с цепкими глазами. Митинг, очевидно, был задуман как мобилизационный сигнал для атаки на Горбачева. О его убогом уровне можно судить по заключительному выступлению Б. Гидаспова, которое записал журналист Г. Виноградов:

«Товарищи, видите, я уже поправил на себе пальто. Значит, мы в полном порядке. Все, товарищи. (До этого 1-й секретарь обкома находился на трибуне в пальто, застегнутом не на ту пуговицу. – Ю. Р.) Дорогие друзья! Товарищи по партии!»

Посмотрите вокруг себя. Десятки тысяч собрались сегодня на митинг.

И десятки тысяч людей объединены единой волей. Мы вышли из кабинетов.

Мы выносим тех из кабинетов, кто в них прочно сидит (смех).

Мы вышли на улицы.

Мы будем говорить (возгласы: “Давно пора, ребята!”, “Короче!”, шум, свист...)

Еще короче скажу: вам слова не будет сегодня. Мы придем на митинг к тем, кто мне говорит: “Короче”, и скажем: “Короче. Кончайте трепаться” (аплодисменты, возгласы возмущения).

Вот так!

И так будет всегда, пока есть КПСС!

Вот так и будет!

Дорогие друзья, спасибо вам за то, что вы пришли, за то, что вы поддержали. Это даст нам дополнительные силы.

От всей души, все, кто со мной, все, кто за социализм, всё сделают для того, чтобы Ленинград, наш славный Питер, все равно был бы впереди, и чтобы мы победили, а враги пусть дрожат. Пока! (возгласы одобрения и возмущения, аплодисменты, крики: “Иванова, Иванова!”)»

Иванов — это тот самый опальный следователь, который, по его признанию, приехал тогда на пленум обкома в Смольный, где пытался выступить как верный коммунист. Но его популярная фигура не вписывалась в планы выдвижения Гидаспова на пост председателя КПСС, и слово он, конечно, не получил ни на пленуме, ни на митинге.

Несмотря на телевизионную трансляцию, широкого отклика в регионах обкомовский митинг не получил. А вот питерский Народный фронт, ДС, «Мемориал», НТС и все те, кто помогал демократам на выборах, откликнулись своим митингом на том же месте.

Автобусы людей туда не привозили, но их оказалось не меньше. Организацию на себя взял Петр Филиппов, чья кооперативная торговля цветами была едва ли не единственным источником средств для Народного фронта. Нужна была аппаратура для усиления звука, но она требовала питания от электросети. Обращаться к дирекции комплекса было рискованно, поскольку всем его работникам мог поступить запрет на содействие. Филиппов сам нашел не только технику, но и договорился с местным электриком. Но шнур питания усилителей нужно было вывести на улицу, он стал бы замечен, его могли бы перерезать...

Дело было уже зимой, на площадке перед зданием лежал утоптаный снег. Петр и его помощники заранее, втихаря, прорыли в нем канавку, уложили туда кабель и снова засыпали снегом.

Народ стал собираться, привезли аппаратуру, и наблюдавшие за этим чиновные товарищи заулыбались: сейчас эти демократы не смогут подключиться, и тогда кто ж их услышит на площади.

Но Петр, установив динамики, дождался, когда все соберутся, а потом разгреб ногой снежок, воткнул вилку усилителя в розетку. Лица наблюдавших вытянулись.

Телетрансляции на всю страну, конечно, не было, но на митинг пришли коммунисты, пришел даже Гидаспов, целый час они слушали, что о них думает на-

род, а думал он про них весьма обидные вещи. Секретарь обкома попросил слова, ему дали микрофон, но говорить он не умел, да и слушать его не захотели, под свист и крики пришлось ему ретироваться.

Правда, высказаться не смогли и члены «Демсоюза», устроители митинга нам тоже не дали слово. Со своими призывами о роспуске КПСС и КГБ как преступных организаций мы были «слишком радикальны», и сторонники перестройки, у половины из которых еще были партбилеты, от нас шарахались.

Когда начался Второй союзный съезд, на вопросы журналистов Андрей Дмитриевич Сахаров снова говорит: *«Я считаю, что сейчас один из критических моментов в нашей истории. Очень важно принять на Съезде несколько основных законов или, во всяком случае, обсудить их. Мы не уверены, что Съезд это сделает. В первую очередь необходимо принять Закон о земле и Закон о собственности ...Необходимо обсудить вопрос о шестой статье Конституции, чтобы появилась политическая гарантия необратимого хода перестройки».*

Он опять предлагает съезду не только отмену 6-й статьи Конституции, закрепившей безраздельную власть КПСС, но и учреждение поста президента Союза, избранного на прямой и альтернативной основе.

Горбачев, опасаясь бунта в высших эшелонах партийно-советского аппарата, сначала отвергает такую возможность, но вскоре возвращается к этой мысли, так как имеющихся полномочий ему недостаточно. Усиление власти необходимо, генсек лучше других знает, что времени на реформы все меньше, а экономический коллапс все ближе. Но отменить ведущую роль КПСС? Наверное, это надо сделать, но ведь его просто сожрут! Нет уж, сначала в президенты, а там посмотрим.

По призыву Сахарова и Межрегиональной группы депутатов проходит двухчасовая предупредительная политическая забастовка с требованием отмены 6-й статьи Конституции и проведения политических реформ. Она оказалась не такой массовой, как те, что были вызваны экономическими проблемами. Это становится козырем в руках наших противников.

За круглым столом в газете «Правда» (органе ЦК КПСС) проходит обсуждение идеи о введении поста президента. Тут же в редакцию сыплются организованные письма поддержки от трудящихся. Правда, в «Литературную газету» приходят и письма протеста, но это уже не волнует партийную номенклатуру. Ведь задуманы вовсе не прямые выборы, не народ будет выбирать президента из многих, а депутаты, среди коих коммунисты в большинстве.

На съезде включение в повестку вопроса о введении многопартийной системы отклоняется 1 138 голосами против 939.

14 декабря 1989 года А. Д. Сахаров последний раз призывает МДГ не отступать. Он говорит:

«Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ве-

дет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную рыночную экономику оказываются несбыточными и разочарование в стране нарастает. И это нарастание делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути – это радикализация перестройки.

Мы одновременно, объявляя себя оппозицией, принимаем на себя ответственность за предлагаемые нами действия. Это вторая часть термина. И это чрезвычайно важно. Сейчас мы живем в состоянии глубокого кризиса, недоверия к партии и руководству, из которого можно выйти только решительными политическими шагами. Отмена шестой статьи Конституции и других статей, которые к ней примыкают – это сегодня политический акт. Этот важный политический акт, который именно сегодня необходим стране, а не через год, когда будет завершаться работа над новым текстом Конституции. Тогда все будет уже поздно. Нам нужно уже сейчас возродить перестроечные процессы.

И последнее, что нам необходимо – это восстановить веру в нашу Межрегиональную депутатскую группу. С МДГ население страны связывало огромные надежды. За эти месяцы мы стали терять доверие.

Последнее, о чем я хотел бы сказать – то, о чем говорил Гольдинский – был ли подарком правым силам призыв к политической забастовке, и будет ли подарком правым силам объявленная оппозиция? И с тем и с другим я категорически не согласен. То, что произошло за эту неделю при обсуждении нашего призыва – это важнейшая политизация страны, это дискуссии, охватившие всю страну. Совершенно неважно, много ли было забастовок. Их было немало. В том числе были забастовки в Донбассе, были и в Воркуте, во Львове, во многих местах. Но не это было принципиально важно. Важно, что народ нашел, наконец, формулу выразить свою волю, и он готов нам оказать политическую поддержку. Мы это поняли за неделю. И мы этой поддержки не должны лишиться. Единственным подарком правым силам будет наша критическая пассивность. Ничего другого им так не нужно, как это».

Заканчивая свою работу, Второй съезд помимо организационно-регламентных и статусных решений вернулся к тем задачам, которые поставил Андрей Дмитриевич Сахаров, и принял постановления, в которых:

- осудил применение насилия республиканскими и союзными властями в Тбилиси (так и не назвав виновных и не указав на необходимость их наказания);
- осудил ввод Советской армии в Афганистан в 1979 году (не назвав его ни оккупацией, ни даже вторжением);
- осудил подписание секретных протоколов Молотова-Риббентропа, указав на их незаконность, на нарушение суверенитета других государств и, конечно, на «отход от ленинских принципов».

При всех экивоках это был серьезный удар по стереотипам массового советского сознания.

Но отмена конституционной статьи о руководящей роли КПСС пока не прошла.

14 декабря А. Сахаров еще успеет передать Горбачеву свой проект «Конституции Союза Советских республик Европы и Азии» – добровольного объединения суверенных республик.

Его конституция исключает партийное господство, утверждает разделение властей на законодательную (советы), исполнительную и судебную, утверждает безусловный приоритет прав личности. Механизмы взаимоотношений ветвей власти, порядок их функционирования не были до конца сбалансированы. Но целью нового Союза должна была стать мирная конвергенция, сближение социалистической и капиталистической систем, создание общемирового правительства, «счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения».

Наивно? Да. Но, если бы в стратегии взаимоотношений наших народов эта цель была бы поставлена, если бы проект был доработан, а МДГ обладало большей силой, то кто знает, быть может, мы жили бы в другой, более благополучной стране.

В тот же день Андрей Дмитриевич Сахаров умирает, скоропостижно и без свидетелей.

А. Д. Сахаров

Василий Голованов писал потом: «Помню его выступление на съезде накануне смерти. Его отчаянную, почти нелепую, обреченную на провал попытку донести что-то до охамелого «большинства», до президиума, откуда высокомерно шикал на него Горбачев... Помню, смеяться и дружно, по-коммунистически, «захлопывать» Сахарова начинали, едва только он открывал рот, и оттого слова, которые он тицился все же выкрикнуть, звучали как-то нелепо. Не то что властная, полноводная, словно из кувшина льющаяся

речь Лукьянова. Он был один, совершенно один. Он требовал отменить шестую статью Конституции о руководящей и направляющей роли партии. Это было невозможно. Все трезвомыслящие вольнодумцы понимали это. Рыцарь свободы призвал к свободе рабов, и рабы осмеяли его. Лишь когда он умер, стало ясно, что происходило в тот день и чем оплачены его «нелепые» слова».

Ленинградский Народный Фронт собрал траурный митинг. Кто-то из выступавших напомнил о том, что в родословной Сахаровых есть связи с одним из декабристов, Иваном Якушкиным. Тогда депутат СССР Марина Салье предложила провести и возглавила шествие по городу к месту казни декабристов. Городские власти не смогли ему препятствовать, и сотни людей пронесли портрет Андрея Сахарова через весь город. Тогда же по инициативе члена ДС Ю. Булычева была заказана панихида в соборе Петра и Павла. То, что митинг закончится шествием, не планировалось, выйдя из собора я неожиданно увидел множество людей, которые, широко запрудив проезжую часть Кировского (теперь снова Троицкого) моста, с цветами в руках двигались к Петропавловской крепости. Вместе мы дошли до памятного обелиска у Кронверка, оставив там цветы и горящие свечи.

Наряду с Андреем Сахаровым о будущем страны думал и Александр Солженицын. Его проект, написанное еще в изгнании эссе, называлось «Как нам обустроить Россию» и начиналось пророческим предупреждением: «Часы коммунизма свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами». Писатель признает также, что развал Союза – это благо, что земля должна принадлежать крестьянам, что все республики имеют право на отделение, и даже «малые народы» имеют право уйти «на отруб», если, в свою очередь, дадут гарантии для своих меньшинств.

К сожалению, другие его построения оказались далеки от реальности. Демократия нужна, но мы до нее не доросли, конституция не главное, а иерархия власти должна выстраиваться по многоступенчатой процедуре: народ выбирает местные общины, те из себя избирают земские соборы, земцы из себя выбирают Всеземское собрание, а оно президента. За праведностью этой пирамиды должна следить Соборная дума, «собранная как бы от народной совести – из авторитетных людей, проявивших и высокую нравственность, и мудрость, и обильный житейский опыт». Только так, по мнению автора, Россия (а к ней он причислил Белоруссию, Украину и Казахстан) сможет организовать свое «сочетанное» самоуправление на принципах государственно-земского строя.

О внутренних связях и механизмах разрешения споров, о том, как местнические интересы низовых структур будут переплавляться в общегосударственные, сказано кратко – «желательно консенсусом». Как быть с действующими структурами власти и управления, кто, как и почему станет их заменять, что будет с экономикой, осталось «за кадром», потому что «чистая атмосфера общества не может быть создана юридическими законами».

В проекте Андрея Сахарова были элементы прекраснодушного романтизма, но наряду с ними там был и надежный каркас парламентской республики.

А идеи вермонтского затворника возвращали нас в давно истлевшие формы российского земства 19-го века. Если «по Сахарову» можно было поэтапно, шаг за шагом двигаться к построению новой государственности, то для воплощения

солженицынских идей необходима была «железная рука», которая силой переделала бы общество, или волшебная палочка, которой можно было бы остановить жизнь, устранить все институты действующей власти, потом переделать людей, обустроить все условия, в которых им надлежит жить, а затем запустить жизнь заново.

Увы, все умозрительные проекты радикального общественного переустройства разбиваются о подводные камни других интересов, искажаются привнесенными обстоятельствами. Свое воплощение находят лишь их элементы, да и то зачастую в неузнаваемой форме.

Оба проекта были опубликованы и получили широкий круг читателей. Идеи Сахарова нашли себя в проекте Договора о Союзе Суверенных Государств, идеи Солженицына стали темой бесплодных споров в «патриотических» кругах.

Ну, а в жизни продолжалась борьба, впереди были выборы в российские федеральные и местные Советы. Чтобы избежать повторения провала, коммунисты подготовили новый вариант избирательного законодательства, где появлялись «производственные» округа, а депутатов стали бы выбирать на заводах и т.п. из числа работников под приглядом и руководством парткомов, профсоюзных месткомов и администрации.

**Из обращения Петроградского отделения «Демсоюза»:
«Осторожно, О.Ф.Т.!**

Стало известно, что на Ижорский завод уже заявили эмиссары Объединенного фронта трудящихся для того, чтобы добиться коллективного вхождения персонала предприятия в эту странную организацию. Что же это за фронт, и кто у него в тылу?

Сознательные рабочие должны знать, что этот «фронт» совсем недавно сколочен продажной рабочей аристократией и дипломированными лакеями режима с помощью аппарата КПСС и ВЛКСМ. Их цель – обмануть рабочих и заставить их служить своим эксплуататорам, государственно-крепостническому капиталу, тоталитарному строю и его руководящему авангарду – номенклатуре КПСС.

О.Ф.Т. – это агентура правящих верхов КПСС и КГБ в рабочем классе, неосталинистская и профашистская реакция, направленная против сил демократии и социального освобождения.

Об этом говорит келейно состряпанный проект о выборах в местные Советы, с которым выступил КС О.Ф.Т. и который предусматривает неравное представительство трудящихся по производственному принципу, отдавая тем самым всю власть в руки работодателей на службе Кремля.

Долой современную зубатовщину – О.Ф.Т.!

Да здравствуют независимые рабочие союзы, борющиеся за политическую свободу как необходимое условие гражданского общества свободного труда!»

Общими усилиями нам удалось поднять такую волну протеста, что на объявленный горисполкомом опрос о поддержке «производственных округов» пришло 92 тысячи писем «против» и только 4 тысячи «за». Идея завяла на корню, как, впрочем, и О.Ф.Т. Через два месяца сотни тысяч москвичей вышли на улицы с требованием многопартийности, их шествие по Садовому кольцу закончилось митингом на Манежной площади.

Без монополии...

Пока шла подготовка к выборам, стало известно о том, что в Румынии восставшим народом расстрелян генеральный секретарь ЦК компартии Румынии Н. Чаушеску. Думаю, что у «рамоликов» из Политбюро ЦК КПСС желания сохранить монополию на власть, а, следовательно, и всю полноту ответственности, поубавилось. Ведь экономическая ситуация уже не поддается даже контролю. И дело не только в продовольственных карточках и забастовках шахтеров. Рвутся межреспубликанские производственные цепочки. Сбои поставок промышленным партнерам лишают заработка рабочих в разных регионах. Торговля отвечает на это укрывательством последних запасов. А союзная власть реагирует лишь директивами и пустыми командами.

На мартовском Пленуме 1990-го года партийная элита хоть и критикует своего шефа, все же соглашается с удалением из устава КПСС и Конституции определения своей руководящей и направляющей роли.

Анатолий Собчак: *«Практически все выступавшие на том пленуме, негативно отнеслись к предложению генсека об отмене 6-й статьи. Более того, в самых резких тонах клеймили “так называемых демократов”, говорили о дискредитации партии и социализма и были настроены весьма решительно. А потом так же единодушно проголосовали “за”».*

Монополия КПСС окончательно рухнула в марте 1990-го, на Третьем внеочередном союзном Съезде. Тогда же были легализованы частная собственность и наемный труд, учрежден пост президента СССР. Сама идея учреждения этого поста, по версии А. Собчака, исходила от старых аппаратных зубров, Евгения Примакова и Анатолия Лукьянова. (Думаю, что среди соображений, которыми они руководствовались, могла быть мыслишка о том, что, если и у нас кого-то может ждать участь Чаушеску, так пусть это будут не члены политбюро, а президент.)

Наделение Горбачева новыми полномочиями поддержали председатель комитета по законодательству, профессор Сергей Алексеев и Анатолий Собчак.

Последний писал: *«Аргументы были понятны и справедливы: надо освободить первое лицо государства от бесплодных сидений в Верховном Совете, надо дать возможность Горбачеву решать жизненно важные для страны вопросы, которые он как председатель законодательного органа решать не вправе».*

Большинство членов Верховного Совета идею президентства поддерживали, но для них президентство было реализацией мечты о «сильной руке». Это вызвало резкий протест Межрегиональной депутатской группы. Она приняла специальную резолюцию. Вот что там говорилось:

«Наша позиция состоит в следующем: считая в принципе институт президентства прогрессивной по сравнению с нынешней формой государственного управления, вопрос о Президенте СССР и о процедуре его выборов нельзя решать наспех, без участия новых Верховных Советов республик, без развитой многопартийной системы в стране, без свободной прессы, без укрепления нынешнего Верховного Совета. Этот вопрос должен быть увязан с конституциями республик, с новым Союзным договором. Без этих непременных условий принятие решения о президентстве, несомненно, приведет к новому обострению отношений между центром и республиками, к ограничению самостоятельности местных Советов и самоуправления, к угрозе восстановления в стране диктаторского режима. Межрегиональная депутатская группа, в случае если М. Горбачев будет избран Президентом СССР, выставляет кандидатуру А. Собчака на пост Председателя Верховного Совета СССР».

Сам же Собчак сначала пытался убедить всех в том, что во время подготовки ко всенародным выборам, нужно наделить Горбачева полномочиями, равными президентским. Этот вариант отменили и Горбачев, и МДГ. Тогда Собчак выступил за президентские выборы голосами депутатов, прямо на съезде.

Когда в Конституцию внесли пост президента, возник вопрос: кто и как будет его избирать.

Депутаты спорят. Крыжков из небольшого промышленного города Дзержинска докладывает о том, что у них был проведен неформальный референдум, что 75% голосовавших за выборы президента всем народом.

Затем на трибуну удается пробиться Николаю Травкину: *«Министерский разбой достиг уже наивысшей точки предела. Все ростки рыночной экономики задушены. Кончается процесс удушения кооперативов, коммерческих банков, совместных предприятий, а аренда задушена, не успев вылезти из люльки. Министры, члены правительства приторговывают танками, мы об этом говорили. Депутаты от КПСС заключают внешнеторговые сделки, и народный контроль за многомиллионные убытки в инвалюте штрафует виновных начетом в три оклада. Сможет Верховный Совет остановить этот экономический разврат и разбой? Не сможет. Его сможет остановить человек, который обладает единоличной ответственностью и которому эта ответственность дышит в затылок. ...Президента надо избрать здесь, на Съезде, но избрать на три года».*

Питерские депутаты Болдырев и Щелканов пытаются убедить коллег в необходимости всенародного избрания президента, но им возражает Анатолий Собчак: *«Может ли теоретически правильное и безупречное положение о возможности избрания Президента всем населением страны быть проведено в наших конкретных условиях? С одной стороны, наличие несомненного паралича государственной исполнительной власти, с другой – ситуация, когда в целом ряде*

районов страны введено чрезвычайное положение, когда ряд государственных образований, входящих в состав Союза ССР, в одностороннем порядке уже принял решение о выходе из Союза. И я не вижу сегодня другого способа решения этого вопроса, как избрание Первого Президента именно на Съезде народных депутатов СССР. Я буду голосовать за это решение и призываю всех сделать то же самое».

Ему вторят и А. Н. Яковлев («промедление может отбросить нас назад») и академик Д. Лихачев, сказавший: «Сейчас наша страна объята эмоциями. В этих условиях прямые выборы Президента фактически приведут к гражданской войне. Поэтому выбор должен осуществиться здесь и незамедлительно, откладывать его нельзя».

Съезд голосует за избрание президента на съезде. Теперь встал вопрос в том, можно ли совмещать посты президента и генерального секретаря КПСС?

Да, монополия этой партии уже не закреплена в Конституции. Но несмотря на то, что 1 мая на Красной площади вместо привычных здравниц в свою честь ей пришлось слышать крики: «Долой КПСС!», партийные бонзы, хоть и сбежали тогда с трибуны Мавзолея, вовсе не собираются сдаваться.

Да, есть часть коммунистов, которая ищет пути внутреннего обновления своей партии. Они способны к отказу от политической монополии и надеются на сохранение дееспособности КПСС в условиях политической конкуренции. Готовых на это, верящих в это немного: это Горбачев и считанные единицы в верхних эшелонах власти, да еще несколько сотен человек на всю изверившуюся страну.

Остальные, те, кто, увидев обратную сторону «партийной» жизни, давно потерял всяческую веру, уже клянут «свою» партию и вовсе не собираются ее защищать.

Но есть и другие. Ведь 280 миллионов людей еще недавно, без права выбора, служили их интересам!

Да, расслабились, распустили народ... Это поправимо: если 70 лет мантры коммунизма помогали строить народ в шеренги и направлять его к «светлому будущему», то они помогут и теперь! Надо только воспрянуть духом, произнести заветные слова о братстве, пролетариате, победной поступи социализма, высокой цели! А потом напомнить о проклятом империализме, о врагах и вредителях, которые спят и видят нашу гибель – тогда снова народ встанет «все как один», снова будет порядок.

На это надеется консервативное и слепое большинство в номенклатурном миллионе.

Мечтающих о захвате власти функционеров второго плана, рядовых ортодоксов с окостеневшими мозгами, служителей партийного культа, как выяснится уже через год, всего около 500 тысяч. Но их назначенцы руководят прессой, телевидением, армией и спецслужбами.

Им есть что терять, они уже перешли в наступление, готовят «Коммунисти-

ческую партию РСФСР» и, не спрашивая, пытаются записать в нее всех коммунистов, живущих на российской территории. (Участвовать в ее учредительном съезде в качестве делегата будет даже А. Собчак.)

В этой ситуации совмещение столь влиятельных постов недопустимо и опасно! Но, по версии Собчака, ситуация могла обернуться и полной катастрофой: избрание Горбачева еще впереди, результат неизвестен, если же Горбачев станет президентом, но лишится руководящего поста в КПСС, там будут править бал Лукьянов, Полозков и Лигачев. На что они толкнут рядовую инертную массу при общем росте недовольства, нетрудно представить. А президента, если что, депутатский съезд может потом и съесть.

И все же демократы голосуют против совмещения постов, но поправка о запрете требует 2/3 голосов и не проходит. Горбачев избирается на безальтернативной основе («за» – 1 722, против – 156, воздержалось – 36).

Получив все мыслимые полномочия, президент и глава единственной политической партии надеется на то, что сможет свободнее рулить страной.

7 ноября 1990 года прошла последняя официальная демонстрация на Красной площади в честь годовщины «революции» 1917 года. Кончилась она тем, что нашелся питерский человек, который попытался застрелить М. Горбачева. Год назад на ноябрьской демонстрации будущий стрелок стоял с плакатом: «Прямые всенародные выборы главы государства на альтернативной основе». Теперь он решил валить узурпатора.

Но к тому времени генсек уже не выходил к народу без бронежилета, охотничье ружье А. Шмонова било недалеко, а сержант Мыльников оказался рядом и успел вовремя. (Неудачливого стрелка отправили в психлечебницу. Когда в 95-м году его отпустили, мне пришлось заниматься восстановлением утраченного им жилья, а 99-м году он чуть не стал моим конкурентом на выборах в 3-ю Государственную думу.)

ЗА РАБОТУ!

Мы делаем шаг на недостроенный мост...

(Виктор Цой)

Когда члены «Демсоюза» спорили над каждой программной строчкой, когда выстраивали сбалансированную схему общих задач, мы понимали, что за каждым тезисом стоит проблема его реализации. Но всей неразрешимой полноты, всей неподъемной для рывка сложности воплощения даже малой части задуманного мы не представляли.

В общественном сознании облик новой жизни заманчив, но нечеток.

«Темницы рухнут – и свобода вас примет радостно у входа...»

Какая свобода, не знает никто. О том, что обломки распадающейся империи погребут кого-то под собой, что свобода – это риск начать у разбитого корыта, что это личная ответственность, не хочет и не может думать большинство тех, кто ждет свободы как «халявы». Обыватель мечтает: если поменять плохих парней на хороших, «коммунистов» на «демократов», то и настанет от новых правителей всем счастье.

Пока лишь мечтает. А что будет дальше?

Понятно, что впереди клубки проблем и противоречий. Так что же, отойти в сторону, умыть руки, как это сделали тогда многие диссиденты?

Находясь в разваливающемся доме, мало кричать об опасности и винить тех, кто довел до беды. Да, надо строить новый дом, но делать это придется, крепя прогибающуюся кровлю и подпирая стены старого, потому что в нем люди. Замена прогнившего и монтаж нового будут идти на ходу.

На исходе 89-го года началась предвыборная кампания на съезд народных депутатов РСФСР и одновременно в Ленинградский городской совет.

«ИЗБИРАТЕЛЬ»

В Ленинграде создан предвыборный блок “Демократические выборы-90”.

Участниками блока, объединившего демократические силы нашего города, стали десятки организаций и групп: ассоциации и клубы избирателей, Ленинградский Народный Фронт, общества “Мемориал”, “Жители блокадного Ленинграда”, “Нева”, рабочие клубы, клуб “Перестройка”, творческие союзы, социал-демократический клуб, независимый профсоюз «Справедливость», “Союз зеленых” и другие экологические группы, группа “Спасение”, “Ленинградская трибуна”, “Вахта мира”, медицинские ассоциации, национально-культурные и христианские общества.

Голосуя 4 марта за кандидатов блока “Демократические выборы-90”, ты голосуешь:

– за гарантии политических, экономических и социальных прав каждому гражданину;

– за свободу образования политических партий и независимых профсоюзов;

– за государственный и экономический суверенитет РСФСР, против попыток ввергнуть республику в хаос межнациональных конфликтов;

– за политику радикальных экономических мер, способных повысить жизненный уровень народа, за последовательную демонополизацию экономики, за равноправие различных форм собственности;

– за соблюдение приоритета экологии при решении народнохозяйственных задач;

– за проведение комплекса мер, обеспечивающих решительное наступление на преступность;

– за превращение Ленинграда в город мирового уровня, в центр гуманизма, демократии, трудовых достижений, науки и культуры.

Голосуя 4 марта за кандидатов блока “Демократические выборы-90”, ты поддерживаешь:

– программу академика Андрея Дмитриевича Сахарова;

– демократическую позицию народных депутатов СССР Ю. Н. Афанасьева, Ю. Ю. Болдырева, Б. Н. Ельцина, Г. Х. Попова, А. А. Собчака, А. А. Щелканова и других, солидарных с ними депутатов.

Ленинградцы! Удешагерим успех прошлых выборов!

Ни одного мандата – дискредитировавшим себя партийным чиновникам!

Ни одного мандата – дискредитировавшим себя руководителям исполкомов, аппаратчикам официальных профсоюзов.

Ни одного мандата – провокаторам из национал-шовинистических формирований!

Советам – новых людей и новую жизнь!

Выбор за тобой, избиратель.

Комитет “Демократические выборы-90”

17 января 1990 г.»

Но если раньше ДС допускал и поддерживал участие других демократических кандидатов в выборах по советской системе (что можно было использовать для пропаганды), то теперь сильнее стали позиции тех, кто требовал остаться «внесистемной оппозицией». Так считала Валерия Новодворская, ставившая непременным условием нашего участия в формировании новой власти созыв Учредительного собрания. О том, какой легитимный орган его созовёт, она не задумывалась.

Когда Борис Габэ спорит с Екатериной Подольцевой о необходимости уча-

ствовать в выборах, он слышит: «И что мы будем делать в их Советах? Разгребать дерьмо, которое они наворотили? Канализацию чинить, их систему улучшать, ответственность разделять? Нет, уж пусть они сами путаются и сами отвечают. А мы придем потом!»

Со мной так прямо и цинично не говорят, но шаг за шагом наши пути расходятся. Мне ясно, что без демократов накатанная дорожка «выборов» в Советы будет использована для сохранения режима. Значит, надо отогнать мрачные мысли и встать в ряды тех, кто будет делать выбор и принимать решения.

Так думаю не только я.

«Расширенному заседанию Координационного совета Петроградской организации ДС

ЗАЯВЛЕНИЕ

Развитие Демократического союза в течение года обнаруживает для нас нарастание унитарных тенденции в ДС, сопровождающееся резкой поляризацией радикального и реформистского крыла. Консультативная встреча показала, что внутри ДС могут быть приняты документы, концептуально противоречащие воззрениям одной части членов Союза. Кроме того, намечается пересмотр всей программы ДС под углом зрения доминирующей группы. Этими обстоятельствами ДС, по сути, утрачивает союзный характер и часть его членов фактически остается за его пределами.

Мы считаем, что наше сотрудничество как участников демократического движения будет облегчено, если мы не только фактически, но и формально выйдем из ДС.

Просим считать это заявление равнозначным коллективному заявлению о выходе из Демократического Союза.

15 июня 1989 г.

**Булычев Ю. Ю., Булычев Д. Ю.,
Штамм А. Ю., Габе Б. И., Рыбаков Ю. А.,
Дудченко М. Г.»**

А. Ю. Штамм

Мысль о выдвижении в депутаты у меня возникала, но я понимал, что шансов мало: люмпен-пролетарий, по всем формальным признакам бывший уголовник, а если и замечен обществом, то лишь на митингах как радикальный дезовец. И все же я поддался на безумную идею моего друга, члена НТС Александра Штамма. Убеждая меня в необходимости баллотироваться, Саша напомнил мне сталинскую шутку: «Попытка не пытка, правда, товарищ Берия?» Мы посмеялись и решили – вперед!

Но я не мог просто прийти в избирательную комиссию и записаться в кандидаты. По действовавшим тогда порядкам сначала меня должен выдвинуть сход жителей, общественная организация или трудовой коллектив. За давностью лет я почти забыл, кто и как выдвигал меня в кандидаты. Расспрашивая родных я, к своему удивлению, услышал от тещи, что, придя на общественное собрание в кинотеатр «Баррикада», где шло обсуждение возможных кандидатур, я просто вылез на трибуну и предложил Народному фронту поддержать меня на выборах. Действительно, я хоть и смутно, но помню, что был на каком-то собрании в кинотеатре вместе с членами «Мемориала». Почему я набрался храбрости для самовыдвижения, не знаю.

Меня поддержали. Так я попал в рекомендательный список «Демвыборы – 90».

Но это лишь начало. Теперь дело за формальным выдвижением, на которое имели право организации, обладавшие определенной численностью. В том проектно-институте, который по рекомендации Народного фронта выдвигал меня на российский съезд, численности коллектива для такого выдвижения было недостаточно. В дополнение нашли обычную школу в том же Адмиралтейском районе, где меня поддержал учительский коллектив, необходимое количество голосов было набрано.

Но когда сведения о моем выдвижении попали в избирательную комиссию и были опубликованы, к директору школы приехали из КГБ и объяснили, какого уголовного типа его советская школа предлагает в депутаты.

В том, что секретные (сексоты) и явные сотрудники КГБ вмешивались и внедрялись тогда в активную общественную среду, сомневаться не приходится, было бы странно, если бы они этого не делали. Андрей Илларионов рассказывал, что, со слов Старовойтовой, еще тогда она столкнулась с неприметным человеком Володей Путиным, который «однажды весной 1990 г., по завершении какого-то публичного мероприятия с ее участием, подошел и сказал: «Уважаемая Галина Васильевна! Мне очень нравится то, что Вы говорите, и то, что Вы делаете. Мне так хотелось бы Вам чем-то помочь! К сожалению, у меня никаких особенных средств нет. Зато у меня есть машина. Я могу работать у Вас шофером, возить Вас, куда Вам нужно, на Ваши встречи, по Вашим делам. И Вам не надо ничего мне платить, мне будет достаточно того, что я смогу просто помогать Вам». Мудрая Галина Васильевна внимательно посмотрела в глаза молодого человека и твердо ответила: «Спасибо, не надо. Я как-нибудь на метро...»

У помощника Галины Васильевны, Руслана Линькова, та же история про «энтузиаста»-водителя звучит иначе: «Не запомнился он мне тогда. Совсем из памяти выпал. И только через десять лет господин Путин, посетив меня в военно-медицинской академии, когда я лежал там после ранения, спросил меня: «Ты ведь помнишь, я же помогал вам в 1990-м на выборах, возил на своей машине в Сестрорецк и Зеленогорск?» Позже я вспомнил, что это действительно было. Но отношения с Галиной Васильевной у них не сложились, и то ли она от его

помощи вскоре отказалась, то ли он сам куда-то пропал». А перепуганный и обозленный директор школы после разговора с чекистами написал признание в том, что на учительском собрании не было кворума. Мою регистрацию кандидатом в депутаты России отменили.

Однако у меня был еще один мандат для выборов в Ленсовет. Его, по той же рекомендации Народного фронта, мне доверил коллектив киностудии «Леннаучфильм». На собрании мою кандидатуру предложил замечательный кинорежиссер Феликс Якубсон. Рассказав о себе, я при голосовании получил 38 из 58 голосов и был зарегистрирован кандидатом в 374 округе. На это «органы» махнули рукой, им было важнее справиться с теми, кто шел на республиканский съезд.

В городской Совет избиралось тогда 450 депутатов, поэтому город нарезан на это же число округов. Они так малы, что доступны для живого общения избирателей и соискателей их доверия. В отличие от всех последующих выборов, подавляющее число кандидатов не имеет личных средств для своей кампании. Те, чье выдвижение зарегистрировано, получают в избирательной комиссии право на перевод в типографию 150 рублей для заказа одной своей листовки с фотографией, биографическими данными и программой. Все это должно уместиться на одном листе формата А4, тираж 300 экземпляров. Этого катастрофически мало, но заказать больше нельзя, да и денег у меня нет. Поэтому я сам пишу и рисую плакаты, вместе с Александром Штаммом мы их расклеиваем, стоим у автобусных остановок и раздаем листовки, напечатанные нами на шелкографе.

Кандидаты от коммунистов, несмотря на запрет, печатают «левые» тиражи своих набивших оскомину пресных агиток и пасквилей на демократов. Их ловят за руку во Фрунзенском райкоме КПСС, там кто-то находит тысячные тиражи таких листовок, осмелевшая пресса охотно это освещает.

Наши соперники не гнушаются и провокаций. На собраниях, в транспорте, в магазинах нанятые люди распространяли в толпе «дезу» о том, что кандидаты-демократы пьют горькую, бьют жен и соседей. Пойманные на лжи признавались, что делают это по принуждению замначальника по кадрам Фрунзенского РУВД за обещание закрыть глаза на их криминальные похождения.

Меня, наверное, не принимали всерьез, и тогда я избежал грязи. (Позже я получал ее сполна...)

Моя беременная жена, несмотря на внушительный живот, тоже участвует, в первую очередь помогая своему отцу. Его депутатская эпопея началась с того, что Вениамин Иофе, старый знакомец Молоствовова по мордовским политлагерям и один из учредителей нового общества политкаторжан, «Мемориала», приехал в деревню Еремково. Михаила Михайловича по указке КГБ уже «сократили» из школьных учителей, теперь он стал деревенским почтальоном. В. Иофе убедил его в необходимости баллотироваться на российский съезд. Тот, решив, что это неплохая возможность хотя бы высказаться, согласился и приехал в Питер. Но оказалось, что «Мемориал» выдвигать никого еще не может,

и Михалыч засобирался домой. Все это обсуждалось у нас дома и у родственников. Тут я встретил молодого, воодушевленного происходящим ученого-геолога Александра Патиева. С ним мы познакомились еще на площади перед «Англетером», он приходил на митинги ДС, мы вместе агитировали против коммунистов на союзных выборах. Узнав, что он активно работает сейчас в Народном фронте, сам выдвигается в Ленсовет и занимается выдвижением других кандидатов, я спросил, не может ли он помочь с выдвижением Молодцова. Саша, узнав от меня, кто этот человек, загорелся и помог. Он пригласил его на предвыборные собрания, где выдвигался сам. Первое проходило в киностудии «Леннаучфильм», другое в институте, где Саша работал. Когда в студии собрались все кандидаты, выяснилось, что среди них оказался Михаил Никитич Толстой, который узнал о собрании через ЛНФ, где у него было много знакомых. Он же и набрал там большинство голосов.

Тогда была сделана вторая попытка в научно-производственном объединении «Рудгеофизика». Услышав от Александра Патиева биографию Молодцова, выслушав его выступление, геологи даже не стали задавать вопросов, а проголосовали за него большинством.

Получив регистрацию, каждый кандидат взялся за свой округ. Поскольку Михаил Михайлович не имел ленинградской прописки, то мог быть зарегистрирован только как кандидат по национально-территориальному округу РФ. Что и было сделано. Но оказалось, что надо охватить шесть районов города, где избирателей больше, чем 500 тысяч. Если учесть, что помогать, кроме родственников, было некому, задача стояла неподъемная. Но, слава Богу, помогли политзеки, мемуариальцы. Тогда же мы познакомились с Игорем Кучеренко, снова работавшим в нашем районном управлении милиции.

После того, как всех милицейских бунтарей из питерского ГУВД уволили, на Первом Союзном съезде к Горбачеву подошли те депутаты, которым была передана резолюция милицейского митинга и сказали: «Михаил Сергеевич! Вот, смотрите, все, что здесь написано, это Ваши слова! А пятерых офицеров за них выгнали с работы с «волчьим билетом». Расспросив, генсек позвонил главу МВД Вадима Бакатина и приказал лично отправиться в Ленинград и восстановить! Сам министр поехать не смог, начались события в Абхазии, прислал генерала Аникеева. Начальник Главного управления МВД по городу и области Вошинин не скрывал своего несогласия с демократами, но был вынужден подчиниться. При этом, как это ни курьезно, зачем-то процитировал любимую Новодворской фразу, которую приписывают Вольтеру: «Я не согласен с вами, но готов отдать жизнь, чтобы вы могли высказаться». Тогда зачем увольнял?

Аржанников и Денежкин, хоть и были восстановлены в званиях, возвращаться не стали, а Кучеренко вернулся в ту же должность зам. начальника РУВД и вскоре был выдвинут своими коллегами в кандидаты на российский съезд. Городское начальство пыталось отменить его выдвижение под предлогом отсут-

ствия кворума на собраниях, но тогда его выдвинули еще и жители района. Кандидатуру поддержал Народный фронт.

Территориально его округ входил в округ Михаила Михайловича, и тогда они стали выступать вместе и даже сделали совместный плакат со своими фотографиями.

В своей предвыборной программе М. Молоствов говорил о российских задачах: «Причина всех дефицитов: дефицит свободы!

1. В основе своей, свобода – это собственность. На что опирается произвол ведомств и аппарата? На государственную собственность, которая поглотила все: землю и недра, заводы и транспорт, средства информации и сферу бытовых услуг. Всеобщее огосударствление – это отчуждение каждого из нас от собственности и власти.

2. Только собственность граждан, индивидуальная и коллективная, является экономическим базисом демократического правопорядка и социального благоденствия.

Свобода:

- без собственности – беспочвенна,
- без полноты власти и информации – заблуждение,
- без права на выбор – обман.

3. Шестая статья Конституции, борясь с которой сложил голову А. Д. Сахаров, – не пустая формальность. 6-я статья пыталась узаконить власть политбюрократии на шестую часть земли, если не на весь мир.

4. За правовое государство, светское и деидеологизированое.

За рынок – апробированный механизм социализации, соединяющий производителя и потребителя, превращающий частные усилия в общественно полезный продукт. Разумеется, необходимы прогнозирование и социальные программы, защищающие детей, стариков, инвалидов.

5. Земля – тем, кто хочет ее обрабатывать.

6. Судьба российского Северо-Запада и города на Неве зависит от нашего с вами выбора: или Россия останется империей (быть нам тогда захудалой провинцией), или в союзе республик Европы и Азии народы России встанут на путь к общеевропейскому дому, тогда неоспоримо культурное лидерство великого города.

7. Мы должны помочь тем крестьянским детям (“лимитчикам”, “мигрантам”), которые хотели бы вернуться к сельскохозяйственному труду. Кредит, инвентарь, машины, стройматериалы и, главное, земля должны быть предоставлены им на льготных условиях. Следует сохранить за ними городскую жилплощадь, ведь из-за нее они мыкали горе по общежитиям, оставив родные деревни».

В «Литературной газете» появляется хорошая статья о Михаиле Михайловиче «Год 58, статья 58, год 90?» Инна Кошелева в разделе «Судьбы» подробно

рассказывает о судьбе М. Молостова и его семьи. О том, что немало человеческих судеб того поколения было покалечено режимом, но Молостов и его жена стойко выдержали все тяготы и остаются сильными, верящими в добро людьми.

Эта статья, размноженная и вклеенная в самодельные плакаты вместе с программой, а главное, живые, искренние выступления Михаила Михайловича в теледебатах и на встречах с людьми привлекают к нему симпатии многих людей. Наверное, им импонирует и юмор Михалыча – на агитационных стендах у метро, рядом с информацией о кандидате, появляются автошаржи, где герой мультфильмов, почтальон Печкин, стучится в двери Верховного Совета.

Борьба идет серьезная, десять соперников, среди них член клуба «Перестройка», в будущем депутат Государственной думы РФ Анатолий Голов, ректор консерватории Владислав Чернушенко, партийный функционер Александр Бастрькин. С последним Михалычу довелось участвовать в дебатах, вернувшись оттуда, он сказал лишь два слова: «страшный человек». (Позже, проиграв Молостову, он станет председателем Следственного комитета РФ.)

Попутно Михаил Михайлович пытается помочь Саше Патиеву, который, горячая голова, объявил голодовку в знак протеста против отказа в регистрации Виктора Монахова, одного из ведущих организаторов Народного фронта.

Сам он вспоминает об этом так:

«Так получилось, что в феврале 1990 г. я проводил политическую голодовку у станции метро “Ломоносовская”. И на второй день, вечером, Молостов с женой подъехали, чтобы уговорить меня прекратить... Молостов рассказал мне про голодовки своих товарищей в лагерях и предупредил, что это может подорвать мое здоровье. Я понимаю, что он хотел повлиять на меня своим авторитетом. Но я ему сказал, что рядом со мной дежурит врач, что я внимательно прислушиваюсь к его советам и постараюсь не перейти опасной черты. В рамках этого разговора Михаил Михайлович спросил меня: “Саша, сколько вам лет?” Я ответил: “33 года”. Тогда М. М. Молостов сказал жене: “Ну, тогда все понятно...”»

Безуспешные попытки через публичную голодовку отменить отказы в регистрации кандидатов предпринимал не только Александр, у станции метро «Перспект Большевиков» голодали Сергей Веселов и лоцман Владимир Адушев (потом он сам станет депутатом и моим заместителем). Протестовали они не за себя, а за «кандидата из народа... Невзорова», которому тоже отказали в регистрации. Позже, узнав, кого он защищал, Владимир Иванович корил себя за доверчивость, но такова была общая удивительная атмосфера самоотверженной солидарности тех, кто верил в порядочность каждого, объявившего себя сторонником перемен.

В отличие от масштабной, корневой программы Молостова, моя – локальна и конкретна. Это – город и его проблемы.

Вот основные положения, с которыми я вышел тогда к избирателям:

«Городу необходимо:

1. Расширение полномочий местного самоуправления.

2. Пересмотр районного деления города и сокращение административного аппарата исполкомов.

3. Значительное увеличение строительства детских, женских, оздоровительных и спортивных сооружений за счет сокращения строительства увеселительных комплексов, питьевых заведений и парадных памятников.

4. Ликвидация ядерных и экологических мин замедленного действия – АЭС в Сосновом бору и дамбы в Финском заливе.

5. Капитальный ремонт пятиэтажек 60-х годов с правом возвращения жителей после капремонта в свои дома или получения квартир с удобствами.

6. Расследования обстоятельств и выявление виновников кризиса снабжения Ленинграда и области.

7. Борьба с бедностью через введение городского налога на коммерческую деятельность, отказ от привилегий совпартаппарата, налоговые льготы предприятиям, отчисляющим средства на помощь пенсионерам, инвалидам, многодетным семьям».

Далее, я писал, что эти задачи невозможны без радикальных реформ:

8. Новая демократическая Конституция РСФСР:

– свобода общественной и политической деятельности, запрет на господство любой партии,

– разделение властей,

– Конституционный суд для защиты Основного закона,

– право граждан на выкуп земли и предприятий в коллективную и частную собственность,

– независимость РСФСР,

– президентская форма правления, прямые, тайные и равные выборы президента.

9. Власть Советам: развитие регионального самоуправления, право Советов остановить любое нарушающее экологические нормы производство.

Контроль за экспортом природных ресурсов, деятельностью министерств, советских зарубежных предприятий.

10. Борьба с преступностью, взяточничеством и их причинами. Независимость суда и прокуратуры.

Увеличение бюджета правоохранительных органов, расследование преступной деятельности в совпартхозаппарате в годы «застоя».

11. Возрождение российской духовности, обеспечение свободной деятельности православной церкви и других религий.

Создание благоприятных условий для возрождения национальных культур всех народов России».

Завершением программы было мое обращение:

«Соотечественники! Казарменный социализм обошелся нам в миллионы растоптанных жизней, богатейшая страна доведена до нищеты и одичания.

На нас легла историческая ответственность за будущее страны. Докажем, что тяжкие испытания XX века не истребили в нас человеческого достоинства, свободолюбия и творческого духа!»

Раскидать листовки с этой программой по почтовым ящикам мне помогает живущая по соседству Элла Полякова, активист Народного фронта и будущий бессменный лидер наших «Солдатских матерей Санкт-Петербурга». А три собственноручно изготовленных плаката я размещаю в окнах местной библиотеки, в витрине гастронома и в ларьке у метро, рядом с автобусной остановкой, которой пользуются жители наших кварталов.

В моем округе 12 759 избирателей, а кандидатов – семеро на один депутатский мандат. Это профсоюзные деятели, директора заводов, партийные функционеры и среди них я, единственный рабочий.

В ночь на 1 марта жена будит меня ночью, у нее отходят воды – настала пора явиться на свет нашей дочери. Я вызываю такси, но, чуть отъехав от дома, машина останавливается. Спустило колесо, водитель меняет его и, видя наше волнение, бывалым тоном говорит: ничего, успеете. Действительно, успели. Утром Катя уже лежит в палате вместе с новорожденной, а ее соседка по палате рассказывает о том, что в Питере баллотируется такой замечательный кандидат по фамилии Молоствов и что надо голосовать именно за него. Что они и делают в холле больницы 4 марта, когда проходит первый тур городских и всероссийских выборов. Явка по стране 89,9%, похоже, что энтузиазм жителей столиц сложился с привычкой обязательного участия в провинции. А у меня в городском «спальном» округе явка только 65 процентов. Из-за большого количества соперников сразу не проходит никто, ведь в первом туре для победы надо получить больше 50% от числа участников голосования. На второй тур остаются двое получивших наибольшее число: заместитель секретаря партийного комитета ЛПО «Союз» С. Петухов с 12% и я с 35% голосов.

На российских выборах победа в первом туре фиксируется только в десятой части округов. Михаил Михайлович выходит во второй тур.

На следующем этапе победителю будет достаточно простого большинства. В тех округах, где все решилось в первом туре, партийные и номенклатурные кандидаты, в лучшем случае, на вторых местах, а то и вообще выбывают из списков, как, например, все семь членов бюро областного комитета КПСС. Смольный в панике, и тогда там пытаются сорвать выборы. Анонимные «жители Ленинграда» распространяют листовки с призывом: «В день выборов – все по домам!» Горожан пытаются убедить в том, что «к власти рвутся кооператоры», что «вся деятельность ЛНФ направляется «теневым» штабом – идеологами еврейского нацизма и сионизма». А чтобы сократить число тех, кто готов голосовать за самые решительные перемены, тиражируется обращение от анонимных

«радикалов», которые призывают к бойкоту, потому что Народный фронт «недостаточно прогрессивен».

Узнав о том, что в нашем районе собираются строить мусороперерабатывающий и шинный заводы, я пишу обращение к городским властям с протестом против их строительства рядом с жилыми кварталами, а потом начинаю день за днем обходить дома своего избирательного участка. От двери к двери я собираю подписи под этим протестом (заводы, как я и обещал, построены там не были).

Народ снова идет голосовать и мы, Михаил Михайлович и я, побеждаем. При явке в 57%, я получаю уже 60% голосов. Мой партийный соперник уходит из публичной политики, что не мешает ему потом дослужиться до более надежного поста в управлении кадров президента РФ.

А я, бывший зек и радикал, получаю мандат депутата Ленсовета XXI созыва!

Но радость победы смущала мысль о том, что мой рекордный результат вовсе не означает поддержки большинства. Мне действительно отдали свои голоса 60% от пришедших на избирательный участок, но ведь это только 34% от общего числа всех: и голосовавших, и оставшихся дома избирателей. Значит, задачу, кому доверить депутатский мандат, решило меньшинство?

Часть голосовавших отдала свои предпочтения аутсайдерам, эти голоса пропали. Другие граждане просто не пришли на избирательные участки. Уклонение от голосования – проблема большинства развитых стран. Там неучастие в выборах – результат их убеждения в том, что выбор между партиями не так уж принципиален, что фундаментальные основы имеющейся государственности неколебимы. Но почему, когда у россиян впервые появилась возможность реального выбора, почти половина из них не пришла на избирательные участки?

Сработало застарелое отторжение формальной процедуры советских «выборов»? Их привычной, изначальной фальши? Принудилówki, когда за неявку могли ждать неприятности, а испортившего бюллетень ругательной припиской – тюрьма?

По сравнению с тем, как шли все последующие выборы, результат 90-го года был еще хорош. Его определила та четверть общества, которая страстно хотела перемен и верила в их достижимость. В дальнейшем явка будет все меньше, и новая власть будет вынуждена отказаться от порога явки избирателей. Через 15 лет в Законодательном собрании Петербурга депутаты будут представлять лишь 10% от числа своих избирателей.

Горсовет

Получив в избирательной комиссии временное удостоверение (красные книжечки нам выдали позже), я еду в здание городского Совета. По дороге, как водится, предаюсь праздным размышлениям. Зачем я иду во власть? Мир переделывать? Так ведь не мальчик и должен понимать, что не получится... Но, ведь не на съезд в Москву, где судьба страны решается, а просто в горсовет еду. Дела-то будут хозяйственные. А что я в них понимаю? Но ведь не только они. А что еще? Это – как дело поставить! «Питер – город трех революций»? Ну, положим не трех, а лишь единственной – февральской (остальные миф или подлог), но и одной не мало! О настроениях, с которыми мы пришли в Совет, кто-то из депутатов позже написал:

«На первом рубеже, так мир казался прост.
Так был понятен путь, бесхитростен и ясен.
И хрупкий лед надежд казался безопасен,
Мы по нему шагали в полный рост».

Ага, вот и Исаакиевская площадь, вот и Мариинский дворец. Над зданием флашток и, конечно, красный флаг. Да, а ведь это, пожалуй, предупреждение. По старому анекдоту: иностранец въезжает в Советский Союз, и его машина тут же ломает колесо в открытом люке. Подъехавшему инспектору водитель возмущенно кричит: почему же у вас предупреждения не ставят!

– А вы, господин хороший, через Брест к нам въезжали?

– Ну, да!

– А там слева, где будка, на крыше красный флаг видели!

– Видел.

– Ну вот, а говорите, вас не предупреждали.

Так, ладно, делать нечего, «назвался груздем – полезай в кузов». Идем дальше. Что же за стиль у этой громады? Однозначно и не скажешь. Эkleктика. Когда-то постройку дворца заказал Николай I для своей дочери Марии, отсюда и название.

Центральный вход, как водится, закрыт, но есть боковая, тоже фасадная, дверь. Она мне знакома. Это через нее мы входили в исполком для переговоров о судьбе гостиницы «Англетер». На месте снесенного здания уже построена новая гостиница, внешне она напоминает ту, историческую, внутри же все по-новому.

Теперь я иду уже без сопровождения, вот и главный вестибюль, кроваво-красные разводы мраморной облицовки что-то напоминают. А, ну да, это здесь Сте-

пан Балмашев застрелил министра царского МВД. Надев офицерскую форму, эсер дождался прохода Сипягина и разрядил в него револьвер. Может быть, поэтому начальство здесь не ходит?

Золоченые канделябры, статуи в нишах, ковровая дорожка по широкой лестнице ведет на второй этаж, анфилады парадных залов. Туда ли я попал? Спрашиваю, где тут депутаты? Оказывается, этажом выше. Там в каком-то закутке я нахожу, наконец, депутата, им оказывается В. Панов. Критически меня оглядев, он не слишком любезно объясняет, что уже идут совещания рабочей группы по проведению первой сессии. Холодный прием не удивляет, группа состоит из членов клуба «Перестройка» и Народного фронта, я там почти не бывал и большинство меня не знает. Как, впрочем, и я еще не знаю, с кем буду работать. Услышав, что можно принять участие в формировании регламента, повестки и мандатной комиссии, я записываюсь в нее.

На следующий день, 3 апреля, начинается первая сессия Совета.

Она начинается свою работу почти параллельно с первым съездом депутатов России и последним съездом КПСС.

Возможно, кто-то из читателей скажет себе: стоит ли тратить время на дела местного Совета многолетней давности? Системы Советов нет, мы живем в другой стране... Какая нам разница, кто и что тогда сказал? А если уж разбираться в событиях тех лет, то судьба России решалась не в регионах, а в Москве!

Это не совсем так.

Все то, что происходило во властных структурах, в экономике и жизни провинции, лишь отчасти зависело от подвижек на федеральном уровне. Ведь на протяжении первых трех-четырех лет воздействие Центра на жизнь регионов ограничивалось снятием особо одиозных ограничений, да распределением скудных бюджетных ресурсов. Обратная же связь и ее качество зависели от расклада сил в местных элитах, большинство которых еще составляла партийная, бюрократическая номенклатура.

В провинциальные Советы последнего созыва попали лишь единицы радикально мыслящих, профессионально подготовленных демократов. У них не оказалось большинства даже в Московском городском Совете.

А город Петра, несмотря на все волны репрессий, несмотря на многолетнее выхолащивание, оказался способен на качественный скачок: если раньше депутаты с высшим образованием составляли меньше половины, то теперь их 94%, а в программах 2/3 депутатского корпуса заявлена необходимость многоукладной экономики и политических свобод!

Пройдет год, и в «команде Гайдара» в правительстве ключевые посты займут питерцы: вице-премьер, председатель Госкомимущества Анатолий Чубайс, его заместитель Дмитрий Васильев, заместитель министра финансов С. Игнатьев, советник правительства, руководитель Рабочего центра экономических реформ Сергей Васильев, его заместители Андрей Илларионов и Борис Львин. В союзных

структурах: председатель Леноблсовета Юрий Яров (вскоре зам. председателя Верховного Совета России), депутаты – председатель парламентского подкомитета по приватизации Ю. Болдырев (он же главный государственный инспектор России), писатели Даниил Гранин и Борис Никольский, актеры Кирилл Лавров и Михаил Ульянов, юрист Анатолий Собчак. Депутаты России: советник президента России по вопросам межнациональных отношений Галина Старовойтова, сопредседатель движения «Демократическая Россия», представитель горсовета Санкт-Петербурга в Верховном Совете России Марина Салье, члены Верховного Совета РФ Михаил Молоствов, Петр Филиппов, Игорь Кучеренко, Владимир Варов. Позже в этот список войдут вице-премьер правительства России Г. Хижа и депутаты РСФСР Олег Басилашвили, Никита Толстой, Бэлла Куркова, Василий Травников из Питера. Это не означает единства нашего десанта, но он будет серьезно влиять на решения съездов и Верховного Совета начального состава, а затем и правительства.

При входе в Большой зал заседаний мы получаем какие-то бумаги и большие круглые значки с указанием наших фамилий и номеров округов. Зал наполняется депутатами и журналистами. Стоят камеры телевидения.

Я разглядываю панели с изречениями Ульянова-Ленина и центральный барельеф с его усеконовенной головой.

Когда-то в этом зале под огромным застекленным потолком располагался зимний сад, где проводила время больная хозяйка дворца, дочь Николая I, великая княжна Мария. Здесь Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. Рядом, в ротонде, заседал Государственный совет. Тут шли первые заседания Временного правительства и Предпарламента, работу которого сорвали большевики. Отсюда после октябрьского путча новая власть изгоняла депутатов Городской думы (о том, что и наш Совет ждет изгнание я, конечно, не догадывался).

Сев с краю, я с интересом наблюдаю за густеющей толпой депутатов. Женщин мало, мужчины в основном молоды и половина бородата. Одеты разношерстно. Изредка мелькает военная или милицмейская форма. Многие хорошо знают друг друга. Весело здороваются – вероятно, из клуба «Перестройка» или Народного фронта. Но по меньшей мере половина сидит и озирается, так же как я. Разношерстная компания, будет ли от нас толк?

У меня уже есть конкретная задача, но я не успел толком подготовить ее в оргкомитете, теперь над ловить момент. А пока жду и размышляю о кругах, которые нарезает история, о том, какую же систему власти мы будем строить? Реанимируем то, что провозгласили коммунисты в 17-м году? Те Советы «рабочих и крестьян», которые никогда не были властью? Надеюсь нет! Будут ли это Советы без коммунистов, о которых я толковал на допросах в КГБ еще в 76-м году? В то время мне трудно было представить себе, что после многолетней отрицательной селекции в России могут появиться политические партии. И возрождение вече-

вых традиций новгородских и псковских республик Древней Руси, общенародный сход общины казался ближе европейского парламента.

Быть может, права Новодворская, и начинать надо с возврата к тому, что было прервано большевистским путем?

С того Учредительного собрания, где шесть политических партий должны были сформировать основы республиканской государственности? Да, но за ними была та или иная укоренившаяся в части общества идеология. Социал-демократы, социалисты-революционеры, конституционные демократы за десятки лет работы приобрели от сотен тысяч до миллионов сознательных сторонников!

А у нас пока на всю Россию только КПСС и «Демсоюз». При этом первая – давно уже не партия, вторая – еще не партия и вряд ли ею станет. Как не станет партией и Народный фронт, где люди сошлись по принципу «против кого дружим», а как только возникнет вопрос – за что? – начнется размежевание.

Убежденные, сознательные члены всех новых формирующихся «партий», даже с политическими кружками и группами, не составляют и 1% от населения страны.

До осознания людьми своей принадлежности к той или иной социальной страте, до того, как из них прорастут политические партии, скорее всего, не один шаг. Так, может, со временем Советы, союзные или республиканские, поручат оформившимся политическим партиям провести Учредительное собрание? А оно учредит полноценный Парламент. Так я мечтал тогда, забыв о том, что пришедшие к власти люди, как правило, сами от нее не отказываются.

Шум и хождение по залу прекратились. Люди, сидевшие за столиком под трибуной, поднимаются вверх, один к микрофону, другой выше – на место председателя. Но тут в зале подымается шум, сквозь который выступающий пытается говорить. К нему взбегает тогда еще неизвестный мне депутат (А. Болтянский), а потом А. Ковалев. Они сгоняют с трибуны председателя городской избирательной комиссии, а затем и председателя горисполкома Ходырева, которые по привычке решили сами открыть заседание. Возвращаясь к общепринятой парламентской традиции, первым дают слово старейшему из новых депутатов, наладчику из НИИ телевидения В. А. Муромцеву. Он произносит несколько общих приветственных слов и предлагает собранию избрать сопредседателей, голосование определяет их кандидатуры – Виталий Васильев и Петр Филиппов.

Ходырев, который тоже избран депутатом (еще вчера он был вторым после партийного босса в Смольном лицом в городе), вынужден пересечь в зал и оттуда наблюдать за происходящим.

После перерыва слово предоставляется народному депутату Союза ССР Анатолию Собчаку. Поздравив собравшихся, он говорит о тех испытаниях, что ждут нас в связи с «нетерпением народа, который устал ждать позитивных перемен в нашем обществе», затем предупреждает о «противодействии, с которым (нам), несомненно, придется столкнуться в процессе передачи реальной

власти. Не доверяйте тем нашим партийным руководителям, которые говорят, что готовы отдать эту власть!» Он говорит: «Совет в целом, исполком и каждое должностное лицо обязаны быть настолько смелыми и независимыми, чтобы уметь принять на себя груз ответственности, уметь принять на себя соответствующее решение вопреки тем существующим ограничениям, вопреки тем противодействиям, которые будут встречаться со стороны республиканских и союзных органов власти!»

Для этого он предлагает сменить руководство наиболее неблагополучных городских служб правопорядка, жилья, дорог, снабжения и «укрепить их руководство по-настоящему профессиональными, умеющими делать дело работниками и действительно навести определенный порядок в городе».

Где взять этих профессионалов он, увы, не сказал... а пока, напомнив нам о том, что «Ленинград – это, несмотря на все, что сделали с ним за 70 лет Советской власти, – один из мировых центров культуры и науки», и предложив нам «возродить его славу и распахнуть двери в Европу», Анатолий Александрович пожелал нам успеха. И, естественно, услышал аплодисменты в свой адрес.

В состав сессионного оргкомитета, куда попал и я, вошли 67 человек, среди них Марина Салье и Петр Филиппов, соперничество которых еще доставит немало проблем. Большая часть комитета мне незнакома, но есть член НТС Николай Журавский, профессор Глеб Лебедев, Алексей Ковалев, Саша Патиев, те, с кем я защищал «Англетер» и дом Дельвига, Кирилл Болдовский и Юрий Вдовин, вместе с которыми я митинговал у Казанского собора и сидел в милицеской кутузке.

Мои отношения с другими депутатами не будут простыми. Выбрав правозащитный профиль работы, я отстранюсь от внутренних интриг и буду по горло занят делом. Много позже я прочту слова Салье о том, что она, «дура, почему-то долго побаивалась радикала Рыбакова», а председатель мандатной комиссии А. Белкин, под началом которого я буду работать в Совете первое время, вспоминая, напишет, что «Рыбаков был хорош, но уж слишком важен!» Странно, мне казалось, что я был тогда совершенно открыт.

Что ж, между «состоявшимися» советскими специалистами и маргиналом из котельной действительно была дистанция, относящаяся в первую очередь к различиям в опыте и взглядам по различным вопросам.

При этом большинство депутатов преисполнено собственного достоинства, и диссидент-лагерник, наверно, отвечал им тем же.

Но свою позицию в политическом раскладе Совета я обозначил сразу же на первом же заседании. Мы еще не утвердили результаты прошедших выборов, наши мандаты еще не были узаконены до конца, а мне пришлось добиваться принятия решения от депутатов, которые еще не обрели всей полноты своих полномочий.

Дело было в том, что предыдущий состав Совета утвердил ограниченный

список мест, где разрешалось проводить митинги. И, конечно, они были удалены от центра и от горожан. А я, несмотря на уход из «Демсоюза», продолжал поддерживать отношения с его членами и другими несистемными демократами. Они и сообщили мне о том, что готовят митинг в центре города. То, что он кончится очередным столкновением с милицией, было очевидно. Поэтому, хоть и под конец дня, но я все-таки настоял на возможности об этом сказать.

Вот выдержки из стенограммы заседания, которую я нашел в архиве.

«Ведущий: Слово для выступления просит депутат Рыбаков. Пожалуйста, на трибуну!

– Уважаемые депутаты! Вчера в Ленгорисполком поступило следующее заявление: “Городской совет Демократического движения уведомляет вас о проведении митинга в связи с годовщиной трагедии в Тбилиси и сегодняшней ситуацией в Литовской республике. Тема митинга: недопустимость применения военной силы при разрешении гражданских и политических конфликтов.

Дата и время проведения митинга: 8 апреля 1990 года с 14 часов 30 минут до 17 часов 30 минут.

Количество участников не менее 10 тысяч, место проведения – Дворцовая площадь.

В случае запрета на проведение митинга на Дворцовой площади митинг состоится на площади у Казанского собора”.

Подписали: Анархо-синдикалистская свободная ассоциация, партия “Демократический союз”, культурно-просветительское общество “Иверия”, Комитет за освобождение пленных в Афганистане, Республиканская партия Свободы и Солидарности, Социал-демократическая ассоциация.

Товарищи депутаты, горисполком еще не принял решения по этому вопросу, но вынужден будет и запретить, и пресечь. Сегодня мы не можем отменять решения предыдущего депутатского состава. Это можно будет, когда мандатная комиссия утвердит наши права и обязанности. Но тогда будет поздно. Еще недавно многие депутаты были на митингах и сами знают, что такое дубинки, когда под них попадают даже дети. Сами были участниками таких событий. Мы обязаны предотвратить конфликт, который может случиться.

По поручению оргкомитета я предлагаю проект нашего заявления:

“Собравшиеся на свою первую сессию депутаты Ленгорсовета XXI созыва ходатайствуют перед Ленгорисполкомом об обеспечении порядка, безопасности и беспрепятственного проведения митинга на Дворцовой площади 8 апреля группой граждан в соответствии с поданным ими заявлением.

Мы выражаем надежду на то, что этот акт доброй воли станет первым шагом на пути к пониманию и конструктивной работе между Ленгорсоветом и исполкомом».

Еще я хочу сказать несколько слов: наш долг присутствовать на площади 8 апреля, даже если митинг будет запрещен!”»

Я был уверен, что новоиспеченные «народные депутаты» (мы так и назывались), большинство из которых на выборах говорило о восстановлении народовластия, дружно и просто проголосуют «за»! Ведь все, что было нужно, – даже не наше собственное решение, а всего лишь ходатайство в исполком, за которым оставалось последнее слово.

Начавшаяся дискуссия стала для меня неожиданностью!

Когда пугать депутатов стал начальник 71-го отделения милиции, это было неудивительно: партийный службист, депутат Закордонский и сам, наверное, обеспечивал разгоны предыдущих митингов.

Но тут слово взял активист Народного фронта депутат Александр Аникин, от которого собравшиеся услышали не о праве народа выступать там, где он выбирает, а о том, что поскольку Дворцовой площади нет в списке мест, разрешенных для митингов, а изменить этот список наш Совет еще не может, то по формальным обстоятельствам «митинг в принципе не может быть санкционирован» и что «исполкомом это решение отменено быть не может». И еще задал мне вопрос: намерен ли я «призывать тот самый народ, с которым вы собираетесь быть, не присоединяться к несанкционированному митингу ДС»?

Мне бы спокойно сказать, что, хоть наши мандаты не утверждены, мы все же имеем право выступить хотя бы с просьбой о предотвращении очередного насилия.

Но я рассердился и ответил, что постановления и законы существуют для человека и в его интересах, а если это не так, то должны отменяться. А на повторный въедливый вопрос, «буду ли я на площади отговаривать людей от участия?», сказал: «Тема митинга – недопустимость применения военной силы при разрешении гражданских конфликтов. Я буду присутствовать там и хотя бы встану между милицейскими дубинками и этими людьми!»

Достойный человек, но педант (в будущем адвокат) Александр Аникин своим выступлением осложнил ситуацию. Искавшие повод возразить, коммунисты тут же стали обвинять меня в неуважении к закону, шантаже и провокации. Я отругивался, часть депутатов – военный прокурор Леонид Полохов, член ДС Виталий Скойбеда, Александр Брусницин (один из организаторов милицейского митинга, уволенный за это со службы), Владимир Таланов сразу встали на мою сторону.

Потом депутаты заспорили, каким числом голосов можно принимать решения. Кто-то говорил, что достаточно большинства от присутствовавших в зале, А. Ковалев считал, что необходимо большинство от списочного состава, который еще не был закрыт. После нелепых и агрессивных нападок, в которых я уже превратился в организатора будущего митинга, председательствующий поставил на голосование сначала мой текст, а затем предложение подготовить и рассмотреть завтра разные варианты решения. Третий вариант был взят за основу и одобрен с последующей правкой; четвертым вариантом было предложение депу-

татам, поддерживающим мой текст обращения в горисполком, просто подписать его персонально.

Из 356 пришедших на сессию депутатов за просьбу обеспечить безопасность свободных и мирно собравшихся людей проголосовало всего 82 человека, при этом против – 109. За разработку альтернатив – 120, остальные еще меньше. Тогда ведущий заседания, указав, что ни один из вариантов не получил половины голосов всех депутатов, снял вопрос с обсуждения.

Сказать, что я был расстроен, мало. Мне казалось, что во власть пришли люди с демократическими убеждениями, что их в Совете большинство. И вот первая проверка на вшивость... Выйдя на Исаакиевскую площадь, поджидая автобус, я ругал себя: зачем ты пошел в эту «власть»? И почему не подготовился? Не нашел убедительных аргументов? Ведь все было так очевидно и вот, на тебе, уперлись: «мы обязаны соблюдать закон!». Может быть, надо было напомнить слова Иисуса о том, что «не человек для субботы, а суббота для человека»? Ерунда, они бы даже не поняли, о чем речь.

Да, демократия. Но почему так? Что это, боязнь оступиться? Но ведь хватило храбрости только что согнать с трибуны второе лицо в городе, того же Ходырева? И уже через день, хоть наш статус еще не был полным, те же депутаты решили и, преодолев сопротивление, добились очередного разоблачительного выступления на нашем телевидении Николая Иванова. С формальной точки зрения полномочий на это они не имели. Но тут была известная фигура, депутат СССР, а не какая-то там шантрапа.

Неужели это амбиции? Почему это уличные маргиналы ставят власть в неловкое положение, да и вообще говорят с нами в таком тоне? Вот так быстро возник барьер?

А сколько бессвязных речей пришлось услышать? И это «цвет» города?

На самом деле, все было не так уж плохо. Просто каждый пришел со своими понятиями о приоритетах. Для кого-то это была буква закона, которую нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Как говорили древние: «Закон суров, но это закон!», даже если он плох. Не нравится – меняй, а пока – следуй. Для кого-то приоритетом было естественное право, включая даже попрание буквы закона, если она нарушает это право и здравый смысл. Причем доля истины была как в позиции правовых позитивистов, так и «естественников». Равно как и доля идиотизма. Все зависит от степени упертости.

Столкновение этих позиций будет возникать в Совете еще не раз при куда еще более драматических обстоятельствах.

В дальнейшем, когда депутаты научились слушать друг друга и занялись делом, Совет оказался совсем не так плох. Оказалось, что в нем присутствует полный спектр нашего общества, а большинство составляют вполне достойные люди.

Дело с митингом все же решилось. Я переговорил с рядом депутатов и на

следующем заседании предложил вернуться к обсуждению. Собравшиеся услышали, что депутаты РСФСР Игорь Кучеренко и Михаил Киселев встречались с главой горисполкома и тот согласился с проведением митинга на Дворцовой площади при наличии письма от Ленсовета. Вслед за ними в защиту права на митинг в центре города выступили депутаты Юрий Gladков, Журавлев, Пясковский, отец Павел (Алексей Симаков), Марина Салье. Казалось, лед тронулся. Но тут председательствующий объявил, что в зале только 196 депутатов, что необходимых двух третей, а значит и кворума для начала работы Совета нет, поэтому принимать решения по каким-либо документам нельзя. (Действительно, тогда еще существовала такая норма, она не создавала проблемы старым Советам, собиравшимся два раза в год. Но она стала проблемой и для тех, кто собирался работать постоянно. Из-за того, что не везде выборы состоялись и не все избранные депутаты приходили на каждое сессионное заседание, мы не набирали явку в 2/3 от 400 мест полного списочного состава, поэтому признание полномочий Совета и даже выборы председателя тянулись еще долго.)

Текст моего обращения в горисполком подписало больше сотни депутатов. А так как вся эта история транслировалась по ТВ и ее свидетелями стали 135 журналистов из 48 СМИ, исполком не решился на разгон.

8 апреля 1990 года, в то время, когда в Вильнюсе советские десантники первый раз пытаются захватить Дом печати, в Питере с участием депутатов проходит многочисленный митинг. Телевидение демонстрирует на всю страну наши лозунги: «Нет насилию!», «Руки прочь от Литвы!». В январе 91-го года будет еще один такой митинг, но о нем позже. А через год с небольшим, когда в августе 91-го года бронетехника двинулась на Питер, те люди, которым мы дали возможность впервые легально собраться тогда на Дворцовой, придут защищать избранную ими власть.

На второй день сессии приходит Анатолий Чубайс. На тот момент он был одним из основателей клуба «Перестройка», его хорошо знают и уважают многие из депутатов. Он вернулся из Москвы, где участвовал в работе МДГ и группы Гайдара.

Выступая с трибуны Совета, он говорит:

«Уважаемые товарищи депутаты!»

11 марта 90-го года Советское правительство приняло постановление о подготовке материалов, связанных с переходом к планово-рыночной экономике...

Мне представляется, что есть основание говорить о существенном пересмотре экономической политики правительства. Вместе с тем я сразу же хотел привлечь ваше внимание к одному вопросу. Вопрос пересмотра экономической политики касается не целевых установок, не моделей, на которые предстоит выйти нашей экономике, а средств, путей и методов достижения этих целей. И правительственная программа, и нынешняя позиция связаны с созда-

нием в СССР рынка. Если в документе правительства речь шла о достаточно длительном периоде (1990-1993 гг.), то в новой концепции речь идет о радикальном и огромном повороте к рыночной экономике.

Центром всех мер, которые могут быть реализованы, является проблема материальной сбалансированности в нашей стране. Я бы не хотел детализировать этот вопрос.

Всем хорошо известно состояние финансов в нашей стране, дефицит в прошлом году составил 92 млрд руб., в нынешнем – 60 млрд руб.

Всем известен повсеместный спрос на все виды товаров, как производственного назначения, так и товаров народного потребления.

Корень всех этих проблем связан с материально-финансовой несбалансированностью. Совершенно ясно, для того чтобы решить эти проблемы, нужны достаточно жесткие и радикальные меры».

Далее он подробно описывает основные задачи реформы:

«Первый блок – пересмотр госбюджета, направленный на радикальное сокращение дотаций предприятиям, на финансирование мелиорации и других расходов.

Этот блок достаточно болезненный по своим последствиям. Вы прекрасно понимаете, что означает прекращение дотаций или сокращение госдотаций предприятиям. Но без этой меры бессмысленно рассчитывать на успех радикальной экономической реформы.

Второй блок связан с тем, что называется разгосударствление, приватизация экономики. Речь идет о крупномасштабном маневре, в ходе которого значительная часть государственной собственности должна обрести своего реального хозяина.

В ситуации, когда государство не в состоянии свести концы с концами, а именно это и называется дефицит бюджета, оно должно принять меры для того, чтобы не оказаться несостоятельным должником. Эти меры связаны с распродажей государственного имущества, которое становится объектом приватизации.

Это может касаться сферы обслуживания, сферы общественного питания, в значительной степени пищевой и легкой промышленности, особенно мелких предприятий. В сельском хозяйстве можно ожидать этих мер для убыточных нерентабельных совхозов и хозяйств, наряду с ускоренным переходом на аренду. Можно ожидать продажи части жилищного фонда в личную собственность. Можно ожидать целого ряда форм и методов перехода к приватизации наряду с другими, которые должны дать в рамках этой концепции предусмотренное ускорение перевода крупных промышленных предприятий на акционерную форму собственности. Значительная часть доходов от продажи крупных государственных предприятий должна поступить в бюджет для покрытия имеющегося дефицита.

Третий блок мер связан, наверное, с наиболее сложным и болезненным аспектом – с реформой цен и ценообразования.

Вы прекрасно понимаете, что этот вопрос давно стоит на повестке дня в той или иной форме, в печати и в предвыборных дискуссиях.

Сегодня ни по структуре, ни по уровню цен наша страна не может идти на прямые открытые контакты с мировой экономикой.

Всем известно, что вопрос этот должен решаться. Неизбежно и решение этого вопроса в рамках новой концепции перехода к рынку в СССР. Центральная идея этой концепции связана с тем, что государство сохранит ценовой контроль только за теми товарами, которые определяют общую структуру в экономике.

Надо идти с открытыми глазами на то, что такого рода меры неизбежно приведут к росту цен не только оптовых, но и розничных; к достаточно ощутимому и заметному повышению цен в стране. Поэтому в рамках реформы предусматривается и четвертый блок – блок социальной защиты. Он включает в себя целый комплекс мер, ориентированный на то, чтобы в максимальной степени ослабить негативные последствия первого этапа реформы, особенно для наиболее мало защищенных социальных слоев населения. Что конкретно имеется в виду? Существуют варианты, связанные с обеспечением минимального потребительского бюджета, минимальной поставки продуктов, необходимых для жизни, через карточную систему. Существуют варианты с введением индексации части доходов – создание механизма, который свяжет уровень пенсий, стипендий с темпом роста цен в стране. Одновременно необходима и индексация фонда заработной платы для бюджетных организаций.

Предусматривается комплекс мер, связанных с помощью и защитой безработных. Предусматривается создание государственного фонда занятости, введение пособия по безработице, которые в течение какого-то времени должны обеспечить поддержание и социальную защиту тех, кто оказался вне работы. Предусматривается создание биржи труда и создание системы общественных работ, на которые будут привлекаться безработные для выполнения задач городского хозяйства. Здесь не следует ожидать ни слишком престижных, ни слишком привлекательных, ни высокооплачиваемых работ.

Кроме этого, предусмотрены меры, связанные с целевой помощью, например, инвалидам, одиноким престарелым, беженцам, детским домам и так далее.

Таким образом, в целом блок социальной защиты ориентирован на то, чтобы смягчить тяжелые и неизбежные негативные последствия первого этапа реформы.

...Скажу несколько слов о возможных результатах реализации реформы. Для того, чтобы оценить результаты, я думаю, есть смысл разбить их, хотя бы условно, на две группы: краткосрочные результаты, которые можно ожидать в течение нескольких месяцев или даже недель, и глубинные, отдаленные результаты, которые проявятся, может быть, через 5-10 лет.

Из числа краткосрочных результатов я назвал бы некоторые негативные неизбежные последствия реформы. Прежде всего это рост цен. Возникает вопрос: каковы масштабы роста цен? К сожалению, оценить это довольно сложно, тем более что комплекс нормативных актов, как вы знаете, не принят. Но есть возможность ориентироваться на некий подобный опыт – опыт польской экономической реформы, проведенной с начала этого года, правда, с некоторой оговоркой для нас, что все мероприятия, которые должны быть проведены в нашей стране, не должны быть простой копировкой польской идеи.

Польский опыт показал, что меры, связанные с полным отказом от контроля за ростом розничных цен, привели к тому, что в течение месяца наблюдалось реальное падение уровня жизни на 30-35%, в течении месяца. Имеется в виду, что разница между ростом номинальных цен и ростом уровня заработной платы. Это жесткие, болезненные меры.

Второй негативный факт реформы связан с безработицей. Хотя всем известно, что безработица давно существует в нашей стране и масштабы имеет большие. Безработица носит как региональный характер, например, в южных районах страны она достигает 40-50 процентов, так и структурный характер. Поэтому нужно говорить об изменениях структурного и регионального характера.

Третье следствие, которое привычно относится к реформе, связано с неизбежным ростом социальной дифференциации, с неизбежным ростом отличий в жизненном уровне различных групп населения.

Первый факт, который подтвержден польским опытом, – это полное исчезновение дефицита.

В стране исчезли дефицитные товары. На полках магазинов оказались выставлены все виды товаров, вплоть до автомобилей. Вместе с дефицитом исчезает значительная часть мощной теневой экономики, бюрократической власти, которая занята распределением этого дефицита. Это можно отнести к ближайшим результатам реформы. Если будет удачной реализация реформы, возникает система, когда каждый желающий повысить свою квалификацию может быть уверенным, что это желание приведет к соответствующему вознаграждению. На чем основана эта идея?

Что касается долгосрочных эффектов, это связано со сложными процессами, которые касаются изменения структуры народного хозяйства, разворачивания новых групп, отраслей. Экономика в целом может выжить лишь в одном случае, если она будет развернута к человеку, потребителю. Из того, что изложено, я думаю, ясно, что речь идет о тяжелых мерах. Можно ли без этого обойтись?

Я глубоко убежден, что отсутствие радикальных мер может привести нашу экономику и страну в целом к краху в течение нескольких месяцев. Сверхжесткие, радикальные меры – это единственная надежда на успех...»

У выступающего не было заранее составленной речи, он не читает по бумажке слово за словом, как это делали советские функционеры. Поглядывая в листочки с тезисами, на ходу подыскивая слова, он развернул перед нами масштабную панораму предстоящей стройки, а поскольку ожидалось сопротивление, то и боя.

Я слушал и думал, почему докладчик ссылается на Польшу? Ведь стартовые условия слишком различны.

В Польше:

- умеренный климат, 16 млн гектаров плодородных земель, на которых работают крестьяне, избежавшие массовой коллективизации;

- сорок с лишним лет «социализма» еще не вытравили из поляков предпримчивости, а христианство продолжает объединять польское общество;

- в стране нет межнациональных, территориальных конфликтов, 96% считают себя этническими поляками;

- вся история Польши – это история ее борьбы за независимость, она не прекращалась веками. Движение «Солидарность» – завершающий этап этой борьбы. Свобода, которую он обрели первыми, не случайный подарок судьбы и они готовы потерпеть...,

- а новое руководство Польши не ищет компромиссов, их путь лежит через интеграцию в постиндустриальное общество. Их решимость убедила Международный валютный фонд, который уже предоставил им стабилизационный кредит в один миллиард долларов и еще резервный кредит в 720 миллионов долларов. А Всемирный банк дал дополнительные кредиты. Для страны с населением в 38 млн человек эта поддержка весома.

Может ли наша «советская» империя идти тем же путем?

Разница с Польшей слишком велика.

Сельское население (больше, чем вся Польша) – это вчерашние крепостные советской системы, чьи отцы и деды 60 лет жили без документов, без права перемены мест, за кусок хлеба горбатились на не принадлежащей им земле.

Хозяйственный инстинкт, предпринимательская жилка выжжены, вытравлены не только из них. Большинство развращено двойной моралью, не верит ни в бога, ни в коммунизм и привыкло получать свою пайку из рук Хозяина.

Нет никакой уверенности в том, что советское общество сможет воспользоваться возвращенным правом на собственность и предпринимательство.

Кроме того, добавляются материальные трудности: все пахотные земли составляют меньше 10%, а зона вечной мерзлоты занимает 60% союзной территории.

В империи насчитывается почти 300 млн людей. А пригодные к проживанию земли заселены не только коренными, но и принудительно переселенными народами. Границы естественного расселения этносов были перекроены Иосифом Джугашвили и Никитой Хрущевым.

Местные партийно-хозяйственные элиты, почувствовав слабость Большого

брата, используют национализм и религиозную рознь, чтобы сохранить свою власть в республиках.

«Народное» хозяйство раздроблено таким образом, что благодаря искусственной специализации республик и производственных центров разрывы их производственных связей, нарушения ритма поставок грозят общим параличом. Хлопок собирают в Таджикистане, а его обработка происходит в РСФСР. Фармакология в Армении – упаковка в Белоруссии. В изготовлении любого вида техники участвуют десятки, если не сотни предприятий из разных концов страны и соседей по «соцлагерю».

Такое хозяйство страшно даже тронуть. Цепная реакция распада связей может стать необратимой. Так что же, тихо умирать? Или все-таки преодолеть энтропию тупиковой системы?

Мне хотелось спросить Анатолия, найдутся ли в закромах родины ресурсы, которые нужны для социальной защиты тех, кто потеряет работу, для тех стариков, которые увидят, как тает покупательная способность их сбережений? Задавать вопрос я не стал, вряд ли докладчик мог ответить утвердительно, а сеять панику было нельзя.

Из прозвучавшего могло возникнуть представление о том, что названные пути уже избраны. На самом деле всё было не так. В правительстве, в окружении Горбачева продолжалась борьба. Это было противостояние консерваторов-охранителей и тех, кто был готов к риску необходимых перемен. В своем выступлении Чубайс честно обозначил безработицу, рост цен и появление разрыва между бедными и богатыми как неизбежное зло, которое будет сопутствовать экономической реформе. Верил ли он в то, что мы сможем справиться с этими бедами за несколько месяцев, как это уже происходило в Польше? Наверное, да. Мы все верили тогда в то, что разум и добрая воля свободных людей могут разгрести любые завалы.

Мы не знали своего общества и даже самих себя. И каждого ждали сюрпризы.

А той команде реформаторов, от имени которых и выступал А. Чубайс, нужны были понимание и весомая поддержка, получить их можно было лишь в Питере. Демократического большинства не имел даже московский городской Совет, что уж говорить о провинции, где после выборов мало что изменилось.

Среди сотен депутатов, сидевших на сессии Ленсовета первого и последнего демократического призыва, были разные люди. Я обратил внимание на сидящего в последнем ряду главу горисполкома коммуниста Ходырева. Он задумчиво улыбался, поигрывая скобкой литого браслета, тогда такие браслеты из красной меди считались целебными и были в моде, только у этого «слуги народа» он был из червонного золота. Его мысли были далеко, он уже «отчитался» перед депутатами. Отчет был кратким – докладчик не искал понимания, да и хвастать ему было нечем.

Из стенограммы.

Депутат В. Воронцов:

– По сообщению Фатеева на одной из последних сессий РСФСР, Ленинград занимает среди крупных городов РСФСР по жилью 16-е место, по детским дошкольным учреждениям – 43-е, по больничным койкам – 71-е, по кинотеатрам – 73е. Это опубликовано в «Ленинградской правде». Это не опровергнуто. Сколько лет вы мэр? И какие аналогичные показатели были, когда вы принимали город?

В. Я. Ходырев:

– Мэром я 7 лет. Какие аналогичные показатели, трудно сказать. То, что сказано у тов. Фатеева, сушая правда. Хотя мы увеличили (по жилью) с 16, 1 до 16, 3. Действительно, очень много проблем...

А через месяц я второй раз вышел на трибуну. Еще работая в оргкомитете, я предложил включить в состав постоянных органов Совета комиссию, которая возьмет на себя заботу о конкретных людях, чьи права и законные интересы нарушаются органами власти. Теперь, когда предложения по структурам утверждаются на общем заседании, я в Большом зале убеждал своих коллег-депутатов в необходимости создания постоянной Комиссии по правам человека.

Я говорил своим коллегам о том, что неразбериха и произвол силовых структур и чиновничества являются основными источниками нарушений. Причем не только буквы закона, но и духа тех перемен, которые должны были вывести человека, его личное право, его свободу в приоритеты нашей политики.

Я говорил о том, что в условиях распада старой системы и поиска выхода из нее необходима властная структура, которая поможет нам увидеть принимаемые решения с позиций того человека, который ощутит их на себе. Задачей комиссии я назвал помощь людям и оценку общих решений Совета с правозащитных позиций.

Потом были вопросы, коммунисты пытались язвить о моем уголовном прошлом.

Из существенного я помню лишь один вопрос из зала от депутата, морского офицера и юриста Виктора Дроздова. Он спросил меня:

– Где границы, где начинаются, где кончаются права человека?

Не задумываясь, ответил:

– Права человека кончаются там, где начинаются права другого человека!

Зал голосует. Без особого энтузиазма, но меня поняли. Первая в истории России городская государственная структура по защите прав Человека создана. Вошедшие в состав комиссии депутаты избрали меня ее председателем, по должности я стал членом президиума Совета.

Довольно долго наши заседания транслировались по городскому телевидению. И горожане видели, как детальное обсуждение всех документов затягивало принятие оперативных решений. Это вызвало протест у тех, кто рассчитывал на

быстрые перемены, чем не преминули воспользоваться наши противники. Постепенно люди, которые пришли в Совет, чему-то учились, изменяли свои представления о власти и обществе, но и сами претерпели ряд метаморфоз и разочарований.

Так, одним из обещаний депутатов был свободный вход в здание Совета. Его открыли, но ненадолго. Кабинеты и коридоры дворца наполнились таким количеством случайных и неслучайных людей, что работать стало трудно. Когда народ стал свинчивать и уносить бронзовые ручки с дверей, председатель комиссии по законности пошел к А. Собчаку, тот упрекнул его в том, что недавний милиционер никак не может расстаться со своим прошлым.

Но однажды на заседание Малого совета вошел человек, который попросил у А. Собчака слова и получил его. Взойдя на трибуну, он понес ахинею, а потом сказал, что, если его идеи не поддержат, он всех взорвет. Больного удалось скрутить, взрывчатки при нем не оказалось, но режим, при котором за каждого вошедшего отвечал тот, кто оформил ему пропуск, председатель Совета быстро подписал.

В период избирательной кампании мы дружно ругали власть за продовольственные карточки. А когда сами стали властью, из-за нехватки всего и вся пришлось перечень лимитированных товаров расширять.

Телевизионная трансляция первых заседаний обнаружила, что в работе Совета людьми движет не только жар служения отечеству, но и стремление к популярности.

А статус члена президиума или заместителя председателя, как и размеры желаемого кабинета, стали причиной интриг. Не говоря уже о «хлебных» местах.

Работа новоиспеченных депутатов началась с попыток взять в депутатские руки не только законодательную власть. Вмешательство в работу исполнительной власти казалось естественным, причем именно этого ждали от нас избиратели. И тогда самые решительные подготовили проект Положения о депутатских комиссиях, которые наделялись статусом юридических лиц, правом приема и увольнения чиновников исполкома, обязанностью последних безоговорочно исполнять все решения депутатов. Из этого следовало, что право приказывать и оценивать результаты остались бы в руках указующих, а ответственность легла бы на исполнителей.

Чем отличался бы такой диктат от ненавистного партийного? Пожалуй, лишь наивной уверенностью в том, что раз нас много, то мы лучше и умнее партийных боссов. Понять, что разделение властей стало необходимостью, было непросто. Стремлением взять побольше власти болел не только наш Совет. Даже районные Советы на первых порах претендовали на распоряжение всем, что находилось на их территории, вплоть до земельных недр под собой и воздушного пространства над собой. Комиссии по вопросам самоуправления пришлось проявить чудеса

твердости и дипломатии, чтобы свести эти претензии к разумному разделу сфер влияния.

Хозяйство, доставшееся нам от коммунистов, оставляло желать лучшего.

Ядром старой исполнительной власти был «Ленплан», структура исполкома, которая копировала структуру Госплана. Ее задача – отслеживать и проталкивать реализацию очередных «пятилеток», при этом на пятом году «перестройки» отсутствовали не только планы по внедрению многоукладности, но не было ни маркетинга, ни анализа трудовых ресурсов, ни исследования конъюнктуры рынка. Год от года «плановики» все чаще фиксировали недострой и срыв всех производственных планов.

Городская недвижимость делилась на производственно-ведомственную и жилую, 2/3 первой принадлежали союзным и республиканским ведомствам. Жилую часть составляло рекордное по Союзу количество коммунальных квартир в центре и разорительные в обслуживании «хрущобы» 60-х годов в новых районах. При этом Ленстройкомитет зависел в первую очередь от своего министерства и Госплана, не слишком считаясь с городскими властями.

Городской транспорт не справлялся с пассажиропотоками, начиная с 40-х годов в городе не было построено ни одного нового трамвайного парка, каждый четвертый автобус подлежал списанию, в таксопарках машины составляли треть от необходимого.

Даже число общественных туалетов по санитарным нормам составляло менее 1% от необходимого.

Радио, телевидение и основная полиграфическая база Лениздат напрямую подчинялись ЦК КПСС. Армия штатных партийных чиновников в обкоме, горкоме и райкомах КПСС (и в комсомоле) паразитировала на обществе вместе с двумя тысячами освобожденных партийных работников, а точнее, бездельников, во всех учреждениях и предприятиях.

Нашей медицине не хватало транспорта, а больницы, половина которых была построена еще до революции, были переполнены вдвое.

Чудовищным оказалось и положение с хранилищами продуктов, в первую очередь картофеля и овощей.

Очереди на улучшение жилищных условий росли, опережая темпы строительства новых домов.

Партийные эксперименты с введением социалистического «рабочего» самоуправления на предприятиях, вместе с распадом межреспубликанских связей, уже привели к срыву взаимных поставок и остановкам производств.

В Москве решались фундаментальные вопросы нового общественного устройства. А что было делать городским депутатам, большинство которых до избрания не занималось общегородскими проблемами? Учиться раздуливать их самим, ошибаясь и дорого платя за это ростом проблем у горожан? Или сохранить старое, опытное чиновничество и оказаться в зависимости от его явных или

тайных намерений? Понятно, что оно будет работать в привычном русле, в лучшем случае руководствуясь давно заведенным порядком. Но мы-то собирались строить новый порядок! И старый был нужен только как ступень перехода на другие отношения, те, которых еще нет! Как нет и опыта управления ими.

Камнем преткновения в нашей работе надолго стал вопрос об избрании председателя Совета. Безрезультатное соперничество за этот пост Петра Филиппова и Марины Салье привело к идее «варяга», которым стал Анатолий Александрович Собчак. Его убедили в нужности и перспективности этого шага. Среди убеждавших были мои старые друзья, руководитель Интерьерного театра Николай Беляк и поэт Андрей Чернов.

Но для того, чтобы возглавить Совет, нужно было сначала избраться городским депутатом. В этом ему помогала добрая половина наших депутатов. Не обошлось без нарушений и жалоб. Он выдвигался по 52-му округу, и наша мандатная комиссия получила 52 жалобы на нарушения в ходе избирательной кампании, но сочла их несущественными.

Анатолий Александрович закончил школу в год XX съезда, поступил на юр-фак Ленинградского университета. Работал преподавателем в школе милиции. Его диссертацию, где речь идет о необходимости конкуренции в плановой экономике, провалили в Москве. С 73-го года он снова работает в альма-матер, в 80-е уже заведует там кафедрой хозяйственного права, в разгар перестройки(!) вступает в КПСС.

Чуть позже он учреждает кооператив «Юридическая помощь», деньги и технические ресурсы которого помогут ему в избирательной кампании на союзный Съезд. Эта компания сопровождается протестами части университетских преподавателей, пенявших на то, что выдвижение Анатолия Собчака в кандидаты прошло в закрытом режиме.

На первой сессии Совета Анатолий Собчак отвечает депутатам:

«Что же касается пребывания в рядах Коммунистической партии Советского Союза, то я считаю, что тот выход из рядов Коммунистической партии, который осуществлен целым рядом представителей Демократической платформы, наиболее радикальных представителей, скажем, и руководителей Межрегиональной группы является глубоко ошибочным.

Нельзя выходить из партии и оставлять партию в руках консерваторов и реакционеров. Мы должны сделать все для того, чтобы в партии «Демократическая платформа», ее демократическое крыло стало подлинной платформой всей партии. В случае, если на XXVIII съезде КПСС, депутатом которого я избран, этого не произойдет, то, я думаю, те коммунисты, которые стоят на демократической платформе, выйдут из состава консервативной партии и создадут партию демократического социализма, может быть, другую, но в принципе существование в одной партии консервативного и демократического крыла сегодня невозможно».

Ответ противоречивый, что называется, и нашим, и вашим.

Сразу же после его избрания председателем Совета выяснилось, что это было ошибкой. Причем для обеих сторон. Координация работы разношерстной толпы амбициозных, одержимых, умных и не очень, подчас просто случайных людей – работа тонкая, требующая опыта и такта. Но именно этого и не хватало профессору, привыкшему к трепету и послушанию студентов. Позже, вспоминая этот период, он писал: *«Должность председателя Ленсовета дает мне только представительские и спикерские функции. Я не имею права своей властью решить ни одного вопроса, а ответственность – по традиции! – возложена именно на меня, председателя городского Совета».*

Право на единоличную власть кажется ему естественным. Он, безусловно, был яркой, незаурядной политической фигурой, и успех на союзном Съезде открыл перед ним перспективы, которые закружили бы голову многим. Ему надо было оставаться трибуном, а в недалеком будущем стать лидером той или иной демократической партии. Но споры вокруг избрания президента СССР и амбиции помешали ему занять свое место в общем ряду членов Межрегиональной депутатской группы, отношения с Ельциным остались прохладными. Надеясь на Союзный съезд, где взойшла его звезда, он не стал выдвигаться в депутаты России, а потом увидел, что может оказаться не у дел. Быть может, тогда он утешил себя тем, что «лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме»? Так или иначе, он впрягся в телегу, которую надо было вытаскивать, удерживать и двигать ежедневной административно-дипломатической работой с депутатами.

Вместо этого первым шагом избранного председателя стало назначение своим заместителем не лидеров Народного фронта, Марину Салье или Петра Филиппова, а умеренного коммуниста адмирала Щербакова. Ну, а на следующий после избрания день он просто оставил город и его Совет в самое непростое время. Улетел в США на конференцию юристов.

А когда вернулся из затянувшейся поездки, был встречен критикой, ему не стали прощать регламентных ошибок, которые он поминутно совершал и... потребовали отчета. Началось дурацкое противостояние. К тому же оказалось, что избранный нами на пост руководителя исполкома капитан 1 ранга, депутат Союзного съезда и Ленсовета Александр Щелканов не может сработаться с председателем Совета. В клубке хозяйственных проблем, где «куда ни кинь – всюду клин», где тебя подставляют, где нет безупречных решений, а время не ждет, он шага не мог сделать, чтобы не напороться на рамки старых порядков. Принципиальный правовой позитивист, бессребреник (он отказался от служебной машины и ездил на работу в трамвае), честняга, он не нашел общего языка с авторитарным, самовлюбленным и столь же неопытным мэром. Щелканов подал в отставку (милиционеры, которым приходилось скрытно от него сопровождать председателя исполкома в уличной толчее по дороге на работу и обратно, вздохнули с облегчением).

Но кому-то надо было возглавить исполнительную власть. И уж не знаю, чья это была замечательная идея, но мы нашли еще худший выход. Через год с лишним Анатолий Александрович станет городским главой исполнительной власти, которому даже придумают новое звание – мэр города. Это только усугубило ситуацию. Причины были, конечно, не только в авторитарных чертах и по-женски капризном характере мэра, не только в строптивости многих депутатов. Сотня отмененных Советом административно-хозяйственных, в первую очередь имущественных, распоряжений А. Собчака – это проявление принципиальных различий в отношении к закону. По мнению главы исполнительной власти, он мог искажаться ради срочных городских нужд, а в депутатском корпусе преобладало убеждение, что произвол, пусть даже «спасительный», недопустим. Остроту этому сопротивлению придавало то, что за волюнтаристскими решениями мэра часто просматривался чей-то корыстный интерес.

Особенно старался депутат Сергей Егоров, подобно маленькому бульдогу он вцепился в Собчака и являл его все оставшееся нам время.

Перед А. Собчаком стояла та же проблема, что и перед депутатами. С кем работать в аварийной ситуации? Он мог бы опереться на тех, кто пришел в Совет, имея административно-хозяйственный и научный багаж. Таких было совсем немного, но они были. Он мог бы создать коллегиальный политический центр, но, когда лидеры демократических движений города пригласили его на Круглый стол, это кончилось скандалом. Вовлечение кого-то из депутатов в руководство мэрии (тогда такое совмещение было возможно) могло бы создать здоровый климат в городской администрации. Этого не случилось.

Он забыл, как сам указывал депутатам, о необходимости чистки старого руководства. Его «свитой» стали партийные, хозяйственные аппаратчики и сотрудники КГБ.

Интриги, лесть, умело подогретые провокации в отношениях с Советом – постепенно мэр оказался опутан хороводом сомнительных личностей и зачастую управляем ими.

Ну, а Совет постепенно стал обретать черты нормотворческого и контрольного органа, из хаотической толчи выступили толковые организаторы и началась работа. Если раньше советские депутаты собирались на сессии, чтобы освятить своим «одобрямсом» уже сверстанный городской бюджет, то теперь целесообразность и эффективность подготовленного в администрации проекта проверяла и оценивала специальная депутатская группа. Лишь после ее заключения бюджет выносился на сессию, но и там за него голосовали сначала «за основу» без развилки, потом надо было получить «добро» по одному из вариантов спорной позиции, а лишь потом в целом. Это затягивало процесс, но ошибаться было нельзя – слишком мало было денег, слишком быстро они таяли.

В структуре Совета, кроме нас, появились десять новых комиссий. На городском уровне это могло показаться лишним, но я поддержал создание Комиссии

по вопросам законодательства. Дальнейшее показало, что мы были правы. Фундаментальное изменение правоотношений требовало интеллектуальных усилий всех, кто мог принимать участие в формировании нового законодательства. Поле для законотворчества было непаханым и место для нас нашлось.

Важнейшим вопросом оказались проблемы городской, федеральной и муниципальной собственности. Понимание сложности этой сферы пришло не сразу. Комитет по делам имуществ был создан только на второй сессии Совета, когда стало ясно, что, если депутаты не выработают четких правил сдачи в аренду, приватизации и передачи недвижимости, то вакханалия растаскивания и чиновничьей наживы будет продолжаться.

Карельский треугольник

О том, что Карельский перешеек имеет непосредственное отношение к судьбе Бориса Ельцина, почему-то забыли.

А ведь именно там, на Карельском перешейке, накануне Съезда состоялась его первая, важнейшая встреча с депутатами от северо-западных и центральных регионов России.

И. М. Кучеренко

Вспоминает Игорь Михайлович Кучеренко, ставший к тому времени председателем Комиссии Ленсовета по законности и правопорядку и одновременно депутатом РСФСР.

«Мы, это почти вся ленинградская делегация (минус 5 человек), конечно, хотели понизить, кого мы будем в перспективе выдвигать в качестве председателя Верховного Совета. И понятно, что наши взоры обратились к светлому лику Бориса Николаевича. Мы уже ощущали себя не простыми ребятами, хотя может и напрасно, но с другой стороны мы представляли великий город и были избраны совершенно законно и без подтасовок. А Борис Николаевич был тогда председателем Комитета по строительству, и мы набились тогда

с ним на встречу. Это было 4 апреля, т. е. мы уже были избраны, но съезд еще не начинался. Не все, но многие поехали тогда туда, на Арбат. Точно не помню, но договаривались тогда Коля Аржанников, Володя Варов, кто-то еще... Нас провели в конференц-зал, и мы намеревались обсудить с Борисом Николаевичем нашу тактику на первом съезде. У людей были какие-то предложения, какие-то мысли. И вдруг к нам вошел не Борис Николаевич, а Лев Евгеньевич Суханов, который был его помощником в министерстве, а потом был помощником и как председателя Верховного Совета, и как президента. Надо сказать, замечательный человек, он очень помогал Борису Николаевичу, в т. ч. и удерживал его от каких-то резких шагов. Борис Николаевич-то, резкий был человек.

Ну, Лев Евгеньевич вошел и сказал нам: “Борис Николаевич мне поручил с вами встречу. Сам он сейчас в Кисловодске, лечится”. Т. е. Борис Николаевич не придал нам значения! Мы возмутились, мы такие великие (с юмором), а тут какой-то

помощник. Ну и встал Володя Варов, Владимир Константинович, и сказал: “Так не пойдет. При всем к вам уважении, с вами нам не о чем договариваться, мы приехали не с вами разговаривать, а с уже избранным депутатом. Мы хотели бы задать вопросы и услышать именно его ответы, а не ваши по этому поводу мнение. Так что встречи, – тут Володя обвел всех нас взглядом, – я надеюсь, все согласны, не будет. И мы предлагаем Борису Николаевичу встретиться с нами уже на нашей земле. Если хочет с нами говорить, пусть приезжает в Питер”.

Лев Евгеньевич был несколько обескуражен, что, в общем-то, понятно, он что-то говорил о том, что не знает, как и что объяснять Ельцину. “А не надо ничего объяснять, – сказали мы. – Вы просто перескажите ему, что вы услышали”.

В промежуток между этой встречей и тем, когда Борис Николаевич прилетел к нам в Питер, случилась та авария самолета в Испании, и мы подумали, что теперь он точно не приедет, сойдет на боли в спине. Но нам пришел ответ: он приедет, готовьте встречу. И то ли от него, то ли нет, но возникла мысль организовать встречу пошире, максимально. От Северо-Запада, например.

Встреча была на турбазе под Приозерском, на берегу Ладоги. Туда приехали депутаты не только из Мурманска и Архангельска, но, наверное, почти со всей европейской части Союза. Там было около 300 человек, а дело в том, что потом на съезде, когда мы считали своих сторонников, их число не превышало 270 человек. Туда приехали люди посмотреть, наши, не наши – трудно было определять в то время, мы у себя-то не знали точно, кто с нами. Эти цифры не наши, это товарищи из КГБ, наверное, считали, мы-то не очень считали, мы были просто рады, что собрали людей. Встреча состоялась 8 мая, Борис Николаевич, несмотря на болезнь, все-таки приехал. Встречали мы его в аэропорту – Василий Травников, я и Коля Аржанников. А я обеспечивал ему охрану еще в предыдущие его приезды, потому что отвечавший за его безопасность Александр Коржаков, уволенный тогда из 9-го Управления КГБ (служба охраны руководства КПСС и правительства. – Ю. Р.), не имел права на ношение оружия. И две предыдущие встречи я сам его сопровождал с оружием, и тогда еще Саша сказал мне: «Ты никогда не занимался личной охраной и поэтому, если что, твоя задача – это передать мне пистолет».

Ну, значит, мы Бориса Николаевича встретили на наших служебных “Волгах”, с ментовскими номерами. Один раз до этого наши бойцы из РУВД (я сам не мог) сопровождали в Выборг на двух машинах, вооруженные до зубов шесть человек.

– А было ощущение необходимости?

– Было ощущение. Ну, во-первых, это ощущение передавал Коржаков, но и у нас было, что всякое может быть. Понятно, что от террористов, от снайпера мы его не спасли бы, от повторения Далласа 63-го года, но от провокаций – да.

Привезли мы Бориса Николаевича туда, встретили нас оригинально. Это

были деревянные корпуса турбазы, рассчитанные, видно, на летний период, с террасами, и вот там на столах стояли обалденная сметана, творог, сколько хочешь молока и домашний хлеб. Борис Николаевич, еще пока ехали, спрашивал, перекусить бы? Я сказал, что не знаю чем, но перекусим точно. А когда он увидел эти накрытые столы, сказал: “Ну, так это царский стол тут у вас”.

Это не моя была заслуга, просто люди тогда к нему очень хорошо относились, от него ждали каких-то решений, действий. Надо сказать, что ранний Ельцин эти ожидания оправдал, Ельцин поздний их разрушил.

Вечером собрались, и был такой большой вечер вопросов и ответов, то, что мы хотели сделать на Арбате. Это был большой актовый зал или зал дискотеки, там все собрались, мест не хватало, устраивались как могли, после чего был ужин, в том числе и со спиртным. Но ужин этот не перешел в пьянку, а продолжил ранее начатый разговор. Ему задавали пространные вопросы о самом разном, постепенно подбираясь к важному. Выступал он убедительно, ему не перечили, присматривались и проникались симпатией. Потом была баня для всех, потом купание в Ладоге с водой +8 градусов.

На той встрече впервые прозвучал вопрос: «А если мы Вам, Борис Николаевич, предложим пост председателя Верховного Совета, вы останетесь на либеральных ценностях, на демократических нормах?» Он ответил утвердительно и слово свое сдержал. Там же было произнесено еще одно его слово, точнее два.

Мы идем к президентской республике? – Да.

Вас будут предлагать стать президентом, все останется по-прежнему? – Да.

Кого вы предложите премьер-министром? Это решалось еще тогда.

Он похлопал по плечу Мишу Бочарова, который сидел рядом с ним и сказал: “Вот он, премьер будущий”. (Это избрание, хоть Ельцин и пытался его добиться, не удалось.)

Важнейшими решениями, которые принимались не возражавшим большинством, было его признание в качестве нашего кандидата в председатели Верховного Совета и необходимость принятия Декларации о суверенитете России, точно не скажу, но, по-моему, эту идею озвучил он сам.

Еще мы знали, что повестка заседания съезда отпечатана на Старой площади (тогда это был комплекс зданий ЦК КПСС – Ю. Р.) и все там уже распечатано. А нам предложат проголосовать по общим постановлениям и, наверное, разойтись, оставив все полномочия составленному в ЦК Верховному Совету.

Поэтому надо было определиться с тем, как перехватить в свои руки порядок и процедуру на съезде.

В Приозерске, куда приехали иностранные журналисты, был еще забавный эпизод. Задавая нам вопросы, они спросили Никиту Толстого: «Как вы бы одним словом назвали вашу питерскую делегацию?» И тот, не задумываясь, выдал – «интеллменты», потому что у нас было достаточно большое количество мен-

тов (Кучеренко, Егоришин, Травников, Горбачевский, Аржанников, Степашин, еще кто-то). Получается, из 33 человек пятую часть составляли менты, еще один профессиональный рабочий, а остальные интеллигенты.

(Позже, отец и сын, Никита и Михаил Толстые, памятуя свое боярское и графское происхождение, хохмили о том, что «расграфили» парламент, а Никита Толстой шутя предлагал потомку Рюрика Михаилу Молоствову создать фракцию «Бояре за демократию». – Ю. Р.)

Депутатская встреча продолжалась допоздна, на следующий день Борис Николаевич должен был ехать на ленинградское телевидение к Бэлле Курковой на ее передачу «Пятое колесо».

Но тут оказалось, что у него разболелась спина, да так, что не мог сидеть. Недавняя травма, дорога, спартанские условия сна на железной кровати, как у всех, а еще и волнение. Ведь это была встреча не с мифическим народом, которому вещают по телевизору, а с теми разными и еще неизвестными людьми, каждый из которых мог сказать: «Боря, ты не прав!»

На союзном съезде он тоже был в кругу депутатов, но там собрались единомышленники из МДГ, а здесь его вызвали на ковер. И здесь сидели все равные, и он не равнее других. Поэтому, я думаю, он волновался. Так вот, когда мы собрались обратно, у него спина стала сдавать. Хорошо, что среди нас были врачи, депутаты из Ленобласти, Морозов, еще кто-то... Они быстро организовали сантранспорт и его обратно везли уже лежа. Он сказал: «Я буду выступать!» Упертый, конечно, блин, до ужаса.

Ему врач говорит: «Вы что, Борис Николаевич, себе позволяете? Какое выступать? Мы за вас отвечаем!» Он отвечает: «Я уважаю вашу профессию, но я буду выступать! Я обещал!» И его на машине привезли прямо на телевидение, сделали обезболивающие уколы, и он подробно, час с лишним, рассказывал всей телеаудитории о планах и задачах, которые мы ставим.

Так загадочные земли Карелии еще раз послужили делу радикальных перемен. Ведь именно там, в квадрате, а может, и треугольнике в несколько квадратных километров, на протяжении 80-х годов было средоточие тех интеллектуальных сил, которые готовились к переменам. Идеи перехода к рыночной экономике, способы приватизации, будущее страны рождалось в спорах и поисках Егора Гайдара, Анатолия Чубайса, Сергея Васильева, Виталия Найшуля и Петра Филиппова. Как я писал выше, происходило это на Карельском перешейке вблизи Ладожского озера. Там же, где спустя три года, произошло сплочение 300 российских депутатов, без поддержки которых судьба Бориса Ельцина и всей России была бы иной. Решения о суверенитете России и выдвижения Ельцина на пост председателя Верховного Совета, а затем и на пост президента, были приняты еще там.

Короткая скамейка

Перед открытием съезда депутаты, которые хотели подтвердить членство в блоке «Демократическая Россия», собрались на Арбате, чтобы определить свою тактику. Арифметика давала неутешительные выводы: 221 мандат из 1 067. С такими силами рассчитывать на избрание Бориса Ельцина на пост председателя Верховного Совета было трудно.

При этом все принимали как факт то, что других кандидатур у демократов нет.

До первого российского съезда председатель Верховного Совета был фигурой не слишком важной, основная его функция заключалась в ведении заседаний Совета, на которых по подсказке из ЦК выбирали спикера и так же могли его задвинуть. Но изменившаяся Конституция вывела эту должность на самый высокий, почти президентский уровень. В отличие от демократов, у коммунистов набралась целая скамейка равновесных кандидатов. Хотя первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Иван Полозков (помню, как во время трансляции съезда глаз телекамеры показал стране руку вождя российских коммунистов, где на запястье синела накладка «Ваня»), хоть другой областной секретарь КПСС или министр А. Власов, да хоть Ваня Галушко или Игорь Братков – все скованные одной цепью, середнячки-консерваторы, у всех охранительный инстинкт. Двигать без опаски можно любого.

А у демократов скамейка запасных похожа на табуретку!

На пост лидера у демократической части депутатов была лишь одна реальная кандидатура – Борис Николаевич Ельцин. Рядом, даже в качестве страховочного дублера, не оказалось никого. Парадокс! Широко взметнувшееся движение за свободу нашло своего лидера... в руководящем члене монопольно правящей партии, недавнем кандидате в члены ее Политбюро. В том, кто достиг своих высот многолетней верностью режиму и стал известен лишь взбрыкиваниями, покаянием и снова непослушанием последних лет.

В своей первой книге «Исповедь на заданную тему» он и сам признает:

«Я всегда понимал, почему многие приличные люди продолжали относиться ко мне с подозрением, даже когда я попал в опалу. Потому что Ельцин все равно партийный функционер, бывший первый секретарь обкома. Нельзя, невозможно попасть на это место, а уж тем более перебраться в ЦК – и остаться при этом приличным, смелым, свободно мыслящим человеком. Чтобы сделать партийную карьеру, и это всеобщее народное мнение, надо изощряться, приспособливаться, быть догматиком, делать одно, а думать другое...» И добавляет: *«Тут оправды-*

ваться бессмысленно. В такой ситуации остается лишь своим трудом и своей позицией завоевывать доверие людей».

Мне не пришлось тесно общаться с Ельциным. Единственная встреча в Ленсовете, когда я передал ему письмо рабочих вагоноремонтного завода, в котором те выражали ему поддержку, не в счет. В памяти осталось лишь рукопожатие, когда моя немалая рука тонет в его огромной лапе.

Проработавший три года пресс-секретарем президента, Павел Вошанов вспоминал позже, что знал трех Ельциных: «Ельцина, который не имел власти и понимал, что ему нужны соратники; Ельцина, который получил власть, но еще не знал, как ею распорядиться; и Ельцина, который забронзовел». Последнее неудивительно. Ученые говорят, что каждая клетка организма несет в себе его свойства, всю его программу. Так и Борис Ельцин, осколок сформировавшей его империи, нес в себе все ее наследственные черты.

И от того, что из наследия возобладает, зависело многое. Вчерашний партocrat нуждался в сопровождении и поддержке, поэтому чутье удерживало его в стане демократов. Но он быстро учился, цепко держался за власть, а она выявляла всю его неординарную сущность.

Легко расставаясь с учителями, он как всякий правитель будет заложником своего окружения. Люди на столь высоких постах уже не читают газет и редко сами включают телевизор; референты готовят для них дайджесты прессы, секретари приносят сводки, министры приходят с докладами. О том, что происходит за пределами очерченного охраной круга, «властители» и даже их семьи узнают со слов приближенных.

В каком-то из своих интервью президент сказал, что уже через несколько месяцев пребывания в Кремле он почувствовал глухую тишину, как если бы попал под стеклянный колпак. Сохранять при этом хоть долю независимости, вырываться из пут и объятий «друзей» удастся немногим. Мнимой защитой становится «сбрасывание балласта», удаление тех, кто стал слишком близок. Так, верным оруженосцем, еще с 1987 года был его помощник Лев Суханов. Он продержится 10 лет, но после удачных выборов 1996 года будет уволен без объяснений и даже без прощальных слов.

Ближний круг первого российского президента окажется разношерстен, все годы его правления там будет идти игра за близость к «телу», за возможности влиять и властвовать через патрона.

Там будут клубиться разные люди. Сначала это были старые знакомые по Уралу, затем Геннадий Бурбулис, руководитель его первого предвыборного штаба, кандидат философских наук, член Межрегиональной группы, а позже госсекретарь России. Твердый сторонник либеральных реформ, он был умным советником президента. Однако уже в конце 1992 года Борис Николаевич сдаст его в обмен на компромисс с левой оппозицией.

Юрий Петров много лет следовал по карьерной лестнице за патроном и воз-

главил его администрацию в Кремле. Его черед на выход придется на январь 1993 года.

Руслан Хасбулатов тоже познакомился с Борисом Николаевичем еще в Свердловске, когда в начале 70-х приезжал туда по делам комсомола. Будущему президенту стоило бы поинтересоваться прошлым человека, которого он будет продвигать. Этот человек начал свою карьеру в составе бюро комсомола Московского университета, когда ратовал за изгнание студентов и аспирантов, которые приняли участие в первом правозащитном митинге у памятника Пушкину еще в 1965-м году. Продавив с третьего захода избрание Хасбулатова спикером Верховного Совета, Ельцин вскоре об этом пожалеет.

Среди советников Бориса Николаевича не столь явную, но судьбоносную роль сыграл военный историк Дмитрий Волкогонов. Это он убедил Ельцина в необходимости, пусть даже ценой уступок, но вернуть в Россию все размещенное в союзных республиках ядерное оружие. Талантливый ученый, он помогал новой России чем мог и, не встраиваясь в свиту, избежал опалы.

Егор Гайдар тоже, несмотря на тесное сотрудничество, не был в «ближнем круге». Собственно, его желание не сближаться с президентом было взаимным. Борис Николаевич слушал интеллигента и даже какое-то время следовал его советам, но, чувствуя, что век реформаторов недолог, держал камикадзе на дистанции.

Куда ближе будут те, кто в баньке, под водочку, станут изображать «своих» парней: верный (до поры) охранник из КГБ, ставший начальником службы безопасности президента, генерал Коржаков и пришедшийся ко двору комендант московского Кремля, а потом и глава ФСБ, Барсуков. По словам их собственных подчиненных, интересы генералов не ограничивались безопасностью президента.

Почему, когда режим обессилел от своей внутренней неправоты, у народа не оказалось своего собственного известного, умного и сильного вождя?

Может, потому, что народные вожди появляются там, где у деспотичной власти не хватает сил и возможностей заполнить собой все общественное пространство? И они возникают там, где есть недоступные зоны свободы? Там, где в зазорах и трещинах монолита еще бьется чья-то свободная воля. Абсолютистские режимы потому и рушились, что не имели возможности тотального контроля за перерождавшимся обществом. Земля была большой, а Инквизиция, пыточный Приказ, Тайная канцелярия или полиция Бурбонов еще не имели инструментов слежки за мыслепреступлениями.

Прогресс сделал тоталитарные режимы вездесущими.

Один из самиздатовских историко-правозащитных журналов не случайно назывался «Из-под глыб».

В огромном, растянувшемся почти на весь европейский континент, «исправительном лагере», где над умами и судьбами людей нависала плита тотальной

власти, откуда могли взяться популярные лидеры? Те пламенные революционеры, что в начале века рядом или вместе с большевиками сокрушали «старую Россию», закончили свои дни в подвалах ЧК или на Соловецких островах. Затем созданный их общими усилиями «гомункулус» пожрал остальных и воплотился в кремлевского паука, который на протяжении тридцати с лишним лет методично уничтожал любую свободную волю.

Его прислужники и наследники чуть приподняли плиту, но тут же опустили ее. Более всего досталось наивным студентам-марксистам. Это они, после университетов разъезжаясь по стране, чтобы исправлять ошибки отцов и строить «обновленный социализм», прощаясь, шутили: встретимся в тюрьме или в правительстве.

Но они не были потенциальными вождями, их задача-максимум – это не предводительство, а лишь участие в «настоящем, истинно ленинском, народном правительстве». Хрущевская «оттепель» таких романтиков-диссидентов отправляла за решетку по три человека в день, и они действительно встречались потом в пермских, воркутинских и мордовских лагерях, да еще во Владимирском центре... Те, кто выживал и выходил на волю, оставались под неусыпным надзором, зачастую их возвращали за колючую проволоку, а те, кто тихо жил в провинции, находились в изоляции.

Новому поколению брежневский застой оставил возможность реализовать себя только внутри правящей партии.

А она, принимая в себя, по мере подъема по карьерной лестнице, деформировала любую личность. Сильные люди, которым это было не по нутру, соскакивали с такого «лифта» и нередко разбивались. Другие шли в правозащитное, демократическое движение, в истории которого немало «маленьких», а на самом деле героических, бескорыстных людей. В открытом, хоть чуть приоткрытом обществе среди них мог вырасти тот, кого народ, узнавая, признал бы своим лидером. Но кто мог узнать о них в стране, где ответом на робкое инакомыслие, а уж тем более на сопротивление, была тюрьма?

Лучшие из них – иссушенные неволей, покалеченные психушками, сосланные в глухие уголки России или высланные за границу – были искусственно отгорожены от своего общества. А общество от них.

Наконец появились те, о ком я уже писал – молодые ученые, экономисты, которые понимали, что дни этого режима сочтены. Это они на закрытых семинарах на Карельском перешейке искали способы выхода из кризиса. Зная себе цену, уже совсем не в шутку, они рассуждали, кто из них лучше возглавит, но не «народное освободительное движение», а переходное правительство.

А народу, который без малого тысячу лет жил за князем, за царем, за императором, за генералиссимусом или генсеком, нужен был новый вождь. И когда возник вопрос – кто? – то оказалось, что выбор был невелик, по сути его не было.

Восторженная обличительница Валерия Новодворская? Несерьезно.

Александр Солженицын? Известен, масштабен, но выжидает, сидя в штате Вермонт.

Ученые мужи: академик Александр Яковлев, профессора Юрий Афанасьев или Гавриил Попов? Да, их вклад и собственный интеллектуальный вес велики. Но они широко известны лишь в узких кругах и бесконечно далеки от народного представления о вождах.

Боевой генерал, правозащитник Петр Григоренко? Этот сильный и совестливый человек мог бы стать фигурой большого масштаба, российским Валенсой, но после пыток в психушке и лишения гражданства умер в США.

На союзном съезде ярко засветился Анатолий Собчак, но ему не хватало той кондовости Ельцина, которая так импонировала народу.

Владимир Буковский, энергичный, умный, еще известный (обменяли хулигана на Луиса Корвалана)? Но ему, прежде чем он вернется из Англии, вынь да положь, нужны были извинения от советской власти!

Андрей Дмитриевич Сахаров? Он уже выбыл из рядов, да и не принял бы его народ – слишком интеллигентен...

Встреча депутатов, о которой вспоминал Игорь Кучеренко, была подтверждением тому, что другого выбора у них не было.

Питерские депутаты вызвали его «на ковер»? Да, но именно его! Почему? Да потому что становилось все яснее, что народ уже определился со своими симпатиями. Сибиряк, мужик, «свой в доску», он выгодно отличался от советских «интеллигентов». Позже пресс-секретарь Ельцина В. Костиков напишет в своих воспоминаниях: *«Ельцин был для демократии броненосцем, под прикрытием которого слабая, беспанцирная демократия имела возможность продвигаться вперед».*

Наверное, поэтому «беспанцирные», хоть и приходилось им исподволь учить его демократическому мышлению, слегка перед ним робели.

Одним из немногих демократов, не подпавших тогда под ельцинскую «харизму», был Михаил Молоствов. Вернувшись с Карельского перешейка, на вопрос жены он покачал головой: «Слов много, общих и правильных. Но не глубоко. Впрочем чего ждать от секретаря обкома? Сил и амбиций много, еще бы настоящего ума да культуры. Этого царя будет делать свита. Вопрос какая».

На приунывшем предсъездовском совещании «Демократической России», когда стало ясно, что сил не хватает, прозвучала идея, в случае неудачи с Борисом Николаевичем, поддержать выдвижение председателя правительства РСФСР Власова. Она, естественно, не устраивала ни сидевшего тут же Ельцина, ни тех, кто понимал, что тогда шансов на реформы нет.

Тонус собрания повысился после того, как депутаты Варов и И. Константинов зачитали привезенный из Питера проект Декрета о власти:

«Вся власть в РСФСР принадлежит исключительно народу.

Государственная власть в РСФСР осуществляется народом непосред-

ственно или через представительные органы власти в центре и на местах. Задачей всех органов государственной власти и управления является служение народу и всемерное обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан.

В РСФСР не допускается:

- совмещение должностей руководителей органов государственной власти и управления с любой другой должностью в государственных организациях, политических партиях и общественных организациях;
- система партийно-политического руководства на государственных предприятиях, в учреждениях и организациях, в правоохранительных органах, КГБ, Вооруженных Силах и других военизированных формированиях;
- принадлежность к политическим партиям и общественно-политическим движениям судей и других ответственных работников государственных правоохранительных органов;
- финансирование любых политических и общественно-политических организаций и движений из государственных источников...»

Отстранившись от подсчетов голосов, компромиссов и тактических уловок, новоиспеченные депутаты увидели другой масштаб задач. Это воодушевило, но какими силами реализовать задуманное? И для декрета, и для избрания председателя ВС нужна поддержка более половины депутатов. Что может их объединить, чтобы привлечь к Ельцину дополнительные голоса?

В процессе обсуждения прозвучали слова о российском суверенитете. Формальный суверенитет всех республик был прописан в союзной Конституции 1977 года, но за ним ничего не стояло, поскольку все права республики передали Союзу, а его законы были главнее республиканских. Это вызывало недовольство. Поэтому в речах Горбачева зазвучала идея «экономического суверенитета» республик в обновленном Союзе.

Так о каком суверенитете собирается говорить «ДемРоссия»?

И тут, по словам одного из участников совещания, депутата Леонида Волкова, возникла идея: *«Экономическому “суверенитету” РСФСР я придумал противопоставить суверенитет государственный. И это сразу должно было политически выделить Россию из Империи. И это должно было создать совершенно новое политическое и духовное пространство для всех тогдашних народных депутатов. А стало быть, собрать по крайней мере их значительную часть вокруг инициативы “ДемРоссии” и ее кандидата Ельцина.*

Итак, задуманная Декларация позволяла, как мне казалось, собрать в один горячий узел самые разные национальные и политические настроения – справа и слева. Гулявший во многих умах иррациональный национализм благодаря Декларации приобретал рациональную направленность. Он поворачивался в сторону строительства нового государства, а понятие “нация” из этнического и ксенофобского становилось гражданственным и надэтничным.

На объединение депутатов вокруг Декларации должен был сработать и другой момент, ибо как “правых”, так и “левых” не устраивали Горбачев и его правительство.

В то же время Декларация, прямо не провозглашая выход РСФСР из Союза, могла бы объединить противоречивые настроения депутатов, трансформировав их в творческий государственно-правовой план. Ибо вторым важнейшим пунктом в ней провозглашалось верховенство российской Конституции и российского закона. Проблемы, таким образом, из сферы чистой политики переносились в сферу права. Наконец, сама форма – Декларация, а не Декрет – должна была восприниматься как новая и гибкая. Она позволяла создать движение, прецедент, но не ставить последние точки над i».

Не менее важным было и то, что с идеей о государственном суверенитете России на съезде должен был выступить именно Борис Ельцин.

Задачу подхватил на ходу депутат Олег Румянцев. Используя подсказку Волкова и ранние наброски, он в своем выступлении сформулировал тезисы декларации. Его поддержали. Из общей идеи о суверенитете, которая уже обсуждалась в Питере и Москве, кристаллизовалось ядро сущностных перемен. И стало понятно: тот, кто вынесет его на утверждение, очевидно, приобретет сторонников.

Первый Российский съезд

Две с лишним тысячи съехавшихся в столицу депутатов России разместили в одноименной гостинице, занимавшей целый квартал. Там же жили и союзные депутаты, к ним, в отличие от российских, местная обслуга относилась с почтением. Правда, тараканы в статусах не разбирались и шныряли по всем номерам и коридорам...

Гостиница находилась рядом с Кремлем. За его стенами, среди церквей и старых зданий, чужеродным кубом стоял Дворец съездов. Но для россиян отвели Большой Кремлевский дворец, длинный зал которого отличался тем, что в нем звук пропадал через 10 шагов, и услышать выступавших можно было только через наушники.

Из шутиwego письма Михаила Молодцова: *«Дорогие мои, бабка, Катька и Юлька, умнейший Павлик и его почтенные родители! Поселен в Hotel Rossia, вчера ходил по Кремлю, как по льнозаводу. Царь-колокол, Георгиевский зал – дали там папку и только что напечатанные деньги. Видел осетрину, ел сосиски, ждал шмона, но его не последовало. Полнейшая неприкосновенность. Сегодня нам предстоит встреча с Собчаком, потом «ДемРоссия» в Моссовете, а завтра... Третья ударная «власовская армия» идет в наступление, рассеивая по ведомствам и интересам демократическую партизанину. Но почтальону Печкину нечего терять, кроме сумы. Да и последняя, авось, удержится на ключице. Поклон всем, кто пересекается с семейством нашим. Ваш Супруг, Отец, Дед, з/к, народный депутат РСФСР...»*

Васильевский спуск, по которому депутаты шли через Красную площадь в Спасские ворота, с утра наполнялся народом. К этому времени народ уже махнул рукой на Горбачева и союзных депутатов и свои надежды перевел на российских. Депутатов приветствовали, кричали им напутствия, передавали жалобы, проекты и наказы от рабочих коллективов. Борис Ельцин на «Москвиче-2141» приезжал на соседнюю улочку, оставлял его там и шел вместе со всеми. Демократов приветствовали, Тулееву, Полозову и другим коммунистам свистели.

Так же, как и в Ленсовете, съезд начался с отмены привычного порядка. На Старой площади действительно приготовили повестку, где было расписано, кто выступает, что обсуждаем (а если нет в повестке, то и не обсуждаем...), за что голосуем.

Не тут-то было! По воспоминаниям питерских участников, когда председатель Центральной избирательной комиссии, член ЦК КПСС взошел на трибуну и сказал: «Товарищи депутаты, возьмите документы, которые вам раздали при

входе, откройте повестку заседания», кто-то из московской делегации подошел к микрофону. «Нет, уважаемый Василий Иванович. У нас есть другая повестка и она тоже роздана. Мы еще ничего не обсуждали и повестку тоже, в подсказках мы не нуждаемся. Сначала мы обсудим то, что считаем нужным и важным, а потом определимся с повесткой заседания и составом секретариата».

«Как, – удивился Казаков, – а кто это утверждал?» – «Да нет, вы не понимаете, Василий Иванович, это мы сейчас будем утверждать. Ставьте на голосование альтернативную повестку!» И он поставил, и ее утвердили подавляющим числом голосов (в стенограмме съезда все приложено, там утверждение повестки с поправками в нее растягивается надолго).

В отличие от Ленсовета, где демократы встали у руля с первого же дня, председатель Центризбиркома не был удален из ведущих и пытался руководить съездом еще две недели, до избрания председателя ВС.

Первые четыре дня депутаты потратили на то, чтобы рассмотреть вопросы по спорным мандатам.

При этом произошли один забавный и один скандальный эпизод. В мандатную комиссию Съезда поступили жалобы на членов ЦК КПСС Воротникова и Власова, которые избирались в депутаты не по месту своего жительства в Москве, а в Якутии и Адыгее. Это закону не противоречило, но оба партийных босса использовали еще и административно-хозяйственные ресурсы, летали по стойбищам на вертолетах за государственный счет, пользовались другими бесплатными услугами, которых не было у других кандидатов. Мнения в мандатной комиссии разделились, но поскольку коммунистов там было больше, они решили закрыть на все глаза. Демократы возражали и поручили Игорю Кучеренко на пленарном заседании озвучить их особое мнение. Когда ему дали слово, он пошел, а точнее почти побежал, к трибуне из дальнего конца длинного Колонного зала. Тут депутаты и заодно вся страна (шла трансляция) услышали характерный говорок сидящего в гостевой ложе Михаила Горбачева: «Ой, да он у кедах! Как это может быть?» Оказалось, может. Депутат примчался на заседание прямо с самолета, не переодеваясь.

Предложение о не утверждении спорных мандатов до серьезного разбирательства Игорь Михайлович озвучил. Но большинство проголосовало против. Вопрос был закрыт.

И тут не утерпел и попросил слова гость съезда, союзный депутат Анатолий Собчак. С присущим ему саркастическим юмором он прошелся по «якуту» Власову и «адыгейцу» Воротникову. В зале кто-то засмеялся, но в заседании участвовали еще и депутаты от малых народов. Они, может быть, в силу языковых барьеров или с чьей-то подначки решили, что прозвучало оскорбление национальных меньшинств. И подняли крик. Коммунисты, которые уже давно точили на Собчака зубы, не упустили случая и присоединились.

Скандал дошел до требований лишить союзного депутата его полномочий (!).

Объяснения не помогали, пришлось Анатолию Александровичу ретироваться. (Этот случай тоже не попал в окончательную версию стенографического отчета.)

Далее перешли к согласованию старой и новой повестки. В ней камнем преткновения стало включение пункта о Декларации о суверенитете. Команда Горбачева, естественно, уже знала о намерениях «ДемРоссии» и расценивала это как диверсию рвущегося к власти Ельцина. Доля истины тут была.

Чтобы избежать этого, на Старой площади, в аппарате ЦК КПСС, было решено, что тот, кто будет открывать съезд, отговорится тем, что вопрос о суверенитете РСФСР будет конкретизирован в докладе председателя правительства и позже в ходе обсуждения бюджета. А там, превратившись в какие-нибудь финансовые поправки и декларации, закрыт.

Поэтому, когда одно за другим стали поступать предложения о включении в новую расширенную повестку вопроса о суверенитете, председательствующий упорно отвечал: «У нас есть пункт об отчете предсовмина РСФСР и бюджете. Там можно рассмотреть и ваше предложение».

Так повторилось несколько раз, и это разозлило зал до того, что без малого тысяча депутатов повскакали со своих мест и стали кричать – суверенитет! Ни Казаков, ни Горбачев сделать ничего уже не могли...

На пятый день съезда Борис Ельцин получил слово:

«Уважаемые народные депутаты! Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности. Прежде всего это относится к России, которая понесла наибольший ущерб от изжившей себя, но все еще цепляющейся за жизнь административно-командной системы.

Нельзя мириться с положением, когда по производительности труда республика находится на первом месте в стране, а по удельному весу расходов на социальные нужды на последнем, пятнадцатом. Единодушное голосование народных депутатов по включению обсуждаемого вопроса в повестку дня говорит о том, что всем нам до предела ясно, что один из важнейших тактических путей выхода из кризиса – обеспечение реального народовластия в России. Средством достижения этой цели является обеспечение реального суверенитета России, равной среди равных союзных республик. Но нужен такой суверенитет, который не означал бы перетягивания власти и привилегий от союзных бюрократов к российским. Проблемы республики нельзя решить, не обладая полнокровным политическим суверенитетом. Только он позволит гармонизировать отношения России и Союза, между автономными территориями внутри России. Необходим политический суверенитет России и в международных делах.

Политическими основами новой Конституции республики, которая должна быть принята раньше новой Конституции Союза, думаю, в текущем году, должны стать следующие принципиальные положения.

1. Российская республика – суверенное демократическое правовое государство добровольно объединившихся в нем равноправных народов.

2. Вся власть в республике принадлежит народу, который осуществляет ее непосредственно и через Советы народных депутатов.

3. Отношения России с другими союзными республиками регулируются отдельными договорами, отношения с Союзом также регулируются специальным отдельным договором.

Сегодня центр для России – и жестокий эксплуататор, и скупой благодетель, и временщик, не думающий о будущем. С несправедливостью этих отношений необходимо покончить. Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие оставить себе. Не пора ли поставить вопрос и о том, а какой центр нужен России и другим республикам Союза. (Аплодисменты.)

4. Акты, принимаемые Союзом, не должны противоречить новой Конституции России и договору с Союзом.

5. Вне делегируемых Союзу полномочий республика самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику.

6. Отношения между субъектами федерации внутри России регулируются на основе федеративного договора, по которому им гарантируются суверенитет, экономическая самостоятельность автономий, их культурная, национальная самобытность, право на справедливое и равноправное представительство во всех органах федерации.

7. В России устанавливается единое республиканское гражданство. Никто не может быть лишен этого гражданства.

8. Конституция республики гарантирует политический плюрализм, многопартийную систему, действующую в рамках парламентской демократии. Исключается монополия любой партии на власть. Партии и общественные организации действуют в рамках специального закона. (Аплодисменты.)

9. Гражданам России, гражданам других союзных республик, проживающим на ее территории, гарантированы все гражданские, политические и имущественные права.

10. Все формы собственности граждан России защищаются законом.

11. В республике осуществляется полное и безусловное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей.

12. Выборы в представительные органы государственной власти являются всеобщими, равными, прямыми и тайными.

13. Пересмотреть атрибутику России, предусмотрев, в частности, создание республиканского гимна.

Экономический суверенитет России возможен лишь при условии формирования республиканской собственности, основу которой должны составить земля, ее недра, воздушный бассейн, лесные, водные и другие природные ресурсы, пред-

приятия, вся производимая продукция, весь научно-технический и интеллектуальный потенциал. Необходимо законодательно обеспечить их использование исключительно в интересах России.

Передача принадлежащих республике природных и других ресурсов в пользование Союзу, другим союзным республикам может производиться на возмездной, выгодной для республики основе только парламентом России.

Очевидно, что этот же принцип должен быть распространен и «вниз», на субъекты Российской Федерации. Субъектами Федерации могут быть не только национально-автономные, но и территориально-экономические образования.

Считаю необходимым обеспечить реальную хозяйственную самостоятельность предприятий, независимо от форм их собственности. Схема такова: самый главный первичный суверенитет в России – это человек, его права. Дальше предприятие, колхоз, совхоз, любая другая организация – вот где должен быть первичный и самый сильный суверенитет. И, конечно, суверенитет районного Совета или какого-то другого первичного Совета.

Исходя из специфики Российской Федерации, ее государственной и политической суверенности, республика должна иметь право самостоятельно, без обязательного согласия союзного правительства вводить и отменять на своей территории экономические, хозяйственные механизмы, проводить кардинальные реформы.

Взаимоотношения России с другими союзными республиками строятся на принципе взаимной экономической заинтересованности, как правило, на основе мировых цен. Россия сама определяет партнеров в своих взаимоотношениях с зарубежными странами.

(...) Только экономический суверенитет России позволит всерьез говорить о технической модернизации производства, ее реальной переориентации на человека, на самих россиян. Только при этом условии Россия сможет реально обеспечивать социальный суверенитет человека, его права, защищенность от государственного и местного диктата и бюрократизма, на деле осуществлять сильную социальную политику.

Но все это не значит, что речь идет о какой-то конфронтации с центром. Самое главное направление одно – укрепление Союза».

Естественно, такой замах, такая обширная патриотическая задача произвела впечатление. Даже одно только слово – Россия (а не трудно произносимое и нежное РСФСР) пробуждало корневые, волнующие чувства.

Естественно, с такой подачи депутаты, встав в очередь у микрофонов, всласть наговорились о больших проблемах своего Отечества. При этом, о чем бы ни шла речь – экология, наука, образование – необходимость суверенитета РСФСР звучала чуть ли не в каждом выступлении. За него ратовали «якут» А. Власов, журналисты Грешневилов и Залевская, директор института экономики Гранберг, будущий губернатор Нижнего Новгорода Б. Немцов и даже депутат Бабурин.

Вскоре он станет яростным оппозиционером и сторонником восстановления Союза, а пока, срывая аплодисменты, он говорит: *«Последние годы показали, что единственный шанс вывести страну из кризиса – это обеспечить реальный суверенитет союзных республик. И, к сожалению, сегодня этот умирающий дракон, как во многих восточных сказках, может нанести хвостом удар (и смертельный удар) по уже, казалось бы, торжествующему победителю. Под этим хвостом я понимаю высшие органы государственной власти Союза ССР»*. Для него суверенитет – это «народовластие», для Ф. Поленова – «возрождение национального самосознания», Ю. Гехт договаривается до суверенитета предприятий (?), для Немцова – это «сильные Советы», многим мил «суверенитет» в составе СССР, но большинство подразумевает под ним финансово-экономическую независимость.

Явных противников суверенитета не наблюдалось.

Конституция, утвержденная в 1978 году, даже с поправками 89-го года о съезде депутатов и конституционном надзоре, действительно нуждалась в радикальной правке. Но это потом. Теперь главное, избрать главу законодательной власти, председателя Верховного Совета! От того, кто им станет, будет зависеть, куда на самом деле пойдут все процессы.

Опасения в надежности кандидата от «ДемРоссии» были не только у Михаила Молоцова. Депутат Р. Волков на предварительной арбатской встрече предлагал своим коллегам заключить с Борисом Ельциным договор, прописать взаимные обязательства по целям, задачам и принципам дальнейшей работы.

Позже он мотивировал свое дерзкое предложение тем, что личность будущего вождя вызвала в нем тревогу еще при первом знакомстве, когда, став первым секретарем Московского горкома КПСС, Ельцин провел первую встречу с общественностью: *«Перед двухтысячной аудиторией стоял совершенно живой человек. Человеку был явно интересен он сам, его дела и люди, с которыми он общался. Да, в манерах его было что-то от массовика-затейника. А в речах то там, то сям вдруг пламенели язычки комиссарского запала эпохи Павки Корчагина. Но улыбка была обаятельной. И речи, в общем, разумными. Он говорил, стоя на ногах, шесть часов подряд. И его все слушали и слушали. И чем ближе к концу, тем сильнее разгорались глаза женицин. Но на выходе легкий румянец оживления появился и на щеках мужчин. Уже тогда московская Татьяна казалась готовой полюбить уральского Бориса. Зачарованным вышел и я. Но под слоем возникшей симпатии билась и сильная тревога»*.

Ночью я проснулся в холодном поту. Этот симпатичный мужик жестко сказал: *“Мы пошлем профессоров торговать за прилавком. Не пойдут, поставим к станку”*. В то время в Москве среди множества дефицитов объявился дефицит продавцов. И уж, конечно, был избыток всяческих научных контор. Но мне стало страшно: *а если профессора к станку не пойдут, тогда – к стенке?..»*

Борис Николаевич мог бы подхватить предложенную Волковым идею Соглашения, но он сидел с каменным лицом, а прекраснодушные демократы застесня-

лись и отвергли эту возможность. Зря! Хотя, как позже заметил депутат Леонид Шейнис, и письменные договоренности можно отвергнуть, также как порвала «кондиции» императрица Анна Иоанновна. Что ж, это верно, но Ельцину и рвать потом было нечего...

Голосование проходило в два этапа. Сначала включение в список кандидатов, потом утверждение большинством от списочного состава.

Рассказывает Игорь Кучеренко:

«Вот они выдвигают Полозкова. Сначала так было: «они» (коммунисты – Ю. Р.) и мы, это потом разные там фракции... А мы, значит, Ельцина. Раз голосуем, не проходит!»

Ельцин – 497, Полозков – 473. А нужно-то больше половины.

Мы с утра сходили в церковь. Олег (Басилашвили), я, Бэлла (Куркова) пошли в церковь, которую Олег со своего детства помнил. Маленькая такая церквушка. Свечи, заказали молебен за победу Бориса Николаевича. Но опять не работает, ни хрена. (При втором голосовании И. Полозков потерял 15, а Ельцин приобрел только 5 голосов. Увеличилось количество не голосовавших. – Ю. Р.) И вот тут был тот самый эпизод, который потом называли «драка на трибуне». Кто-то из коммунистов вынес предложение – это уже в патовой ситуации, когда никто не проходит: а давайте тех, кто уже не прошел, снова в список для голосования не включать.

И все – конец! Теперь мы можем кого угодно включать, хоть Кучеренко, хоть Сидорова. А там, какие четыре – хоть три голоса набрать.

И мы встали – Олег Валерианович, Бэлла Алексеевна и я. Мы стоим у трибуны, чтобы мотивировать – почему не надо этого делать! А пошли мы втроем туда не сговариваясь, каждый сам решил, и стоим под трибуной, слушаем через наушники и вдруг слышим, что Василий Иванович (Казаков) говорит: “Ставлю предложение на голосование!”

Мы поняли, сейчас проголосуют! Все устали. Вопрос процедурный, хватит простого большинства!

И Олег поперся на трибуну к Василию Ивановичу. Зачем он туда пошел, убей меня бог, не знаю. Я его потом спрашивал, он сам не знал, говорит, надо было что-то делать! За ним побежала Бэлла, а за ней пошел я. Мне деваться было некуда. Они двое пошли, и я пошел...

Олег начал говорить Василию Ивановичу что-то вроде: “Как вы можете, не выслушав нас, не предоставив слова, ставить на голосование!?” Аргументация хилая: так можно всех выслушивать. Казаков поставил до этого на голосование – прекратить выступления, и за это уже проголосовали, процедура была соблюдена.

Делать нечего, а время тикает! И тут, абсолютно ни с кем не договариваясь, побежала вся питерская депутация (и часть московских демократов, в том числе, Анатолий Шабад). А перед председателем был микрофон на такой

длинной штанге, и он его держал не перед собой, а чуть сбоку. Подбежал Юра Лучинский и что-то ему говорит, а Василий Иванович откинул раздраженно от себя микрофон, типа, да не хочу я вас выслушивать! А микрофон прокрутился и чуть не задел Лучинского по физиономии. Лучинский по нему ударил, и он уже мимо Васи пролетел. В общем, это была картинка!

Потом я благодарил Олега Валерьяновича за то, что тот меня спас: к нам побежали коммунисты сгонять нас. И против меня оказался Андрей Дунаев. Будущий министр внутренних дел, который потом был арестован. А тогда он был делегатом от Калининграда. Он ростом сантиметров на 10 выше меня и весом раза в два больше. Он мне: “Ты, там!” Я – на него. Но силы неравные. Тут между нами Басик встречается и, помнишь “Джентльмены удачи”, как Леонов бандита играл: “Пасть порву. Моргалы выколю!” Что-то такое Басик изображает, причем убедительно. Дунаев, если бы двинул Олега один раз, от того ничего бы не осталось, но этот генерал опешил абсолютно.

И вот идет эта возня, Василий Иванович ругается, Лучинский его матом кроет: “Ты, старый козел, иди отсюда!”

И в этот момент – вот умение Бориса Николаевича воспользоваться ситуацией, оно у него на уровне чутья звериного. Его делегация сидела очень далеко, но он не побежал как я, а очень спокойно пошел через весь зал к трибуне.

И по мере его продвижения, это было достаточно долго, шум в зале стихал и на трибуне мы остановились, увидев, что Ельцин идет к ней. Все перестали драться. Ну, драки как таковой не было, никто никого по морде не бил, но за грудки трясли друг друга, по-моему, все. Там под конец человек 60 было у трибуны. Безобразие полное! Мне что-то оторвали там, пуговицу, по-моему, да не одному мне.

Так вот, по мере того, как Ельцин приближался к трибуне, шум стихал (по словам его помощника Суханова, Ельцин слышал остререгающие крики: «Борис Николаевич, не снимайте свою кандидатуру! Не снимайте!») А когда он взошел на трибуну, воцарилась мертвая тишина. Дыхание было слышно. Все замерли как стояли. И вот, когда он встал у микрофона, всем стало ясно, кто в доме хозяин. Он пришел и установил в зале полную тишину!

Он сказал, не дословно, но почти: “Простите моих друзей демократов, просто давайте попробуем еще раз. Не будем голосовать это предложение. Составим опять списки, остынем. У нас сейчас будет перерыв, обсудим и потом еще раз попробуем. Давайте?”

Зал заплодировал, причем не мы – зал!»

Третье голосование состоялось только через два дня. За это время и в Кремле, и в гостинице «Россия», в штабе Ельцина, шла бурная работа. Помощники Ельцина, депутаты В. Комчатов и Л. Шамаев, вели челночную дипломатию среди коллег, убеждая и перетягивая их на свою сторону.

На Старой площади коммунисты получили другой наказ – преградить путь

Ельцину! В ЦК ломали голову, как это сделать, и таки сломали ее, выдвинув вместо Полозкова недавнего министра МВД, а теперь председателя Совета министров РСФСР, А. Власова. Его уже предлагали в списки кандидатов, но тогда он отказался. Теперь согласился. Была эта замена ошибкой? Да. Появление нового имени было бы естественно в том случае, если бы съезд проголосовал за смену всех не прошедших кандидатов. Но этого не случилось, и не вынужденная смена лидера стала демонстрацией их слабости.

А ошибка демократов, загнавших себя в ловушку отсутствием замен, стала выглядеть уверенной силой.

Возможно, что и третий раунд не определил бы победителя, Власов улучшил последний результат Полозкова лишь на 9 голосов.

Ельцину помогли три новых обстоятельства:

– Перед голосованием у Ельцина состоялась закрытая встреча с депутатами и представителями Генштаба и КГБ, которую организовал генерал и депутат Константин Кобец. Стороны нашли точки взаимопонимания, в частности, по вопросу недопустимости возврата японцам Курильских островов.

– Горбачев все-таки не остался наблюдателем, а вышел на трибуну и обвинил Ельцина в измене делу социализма и даже желании расчленить саму Россию. Сделал он это в своей обычной, уже всем надоевшей резонерско-увещательной, округлой манере и вызвал отторжение.

– В числе делегатов был депутат Ибрагим Костоев, ингуш, в предвыборной программе которого было обязательство – добиваться восстановления прав репрессированных народов. Произвольно перекроенные И. Джугашвили границы между автономиями и республиками, клеймо предателей над целыми народами, невозвращенные исконным жителям земли и дома – все это занозой сидело в сознании, в социальном статусе сотен тысяч жителей Северного Кавказа, болело и требовало справедливости.

Костоев не верил коммунистам. Как и еще десяток-другой депутатов-земляков не верил он и Ельцину. А поэтому не голосовал ни за тех, ни за других. Но в ночь с 28 на 29 мая перед последним, третьим, туром голосования его старый друг и помощник Макшарип Яндиев уговорил Костоева вместе с Комчатовым сходить к депутату Михаилу Бочарову, тому самому, которого Б. Ельцин еще в Карелии назвал будущим главой своего правительства. Они задали ему вопрос: «Если Борис Николаевич будет избран председателем, добьется ли он принятия закона о реабилитации репрессированных народов?» М. Бочаров поклялся на натальном кресте, что его шеф сделает все возможное для принятия закона, если того изберут председателем.

И. Костоев: *«Я знал историю своего народа и не ждал от коммунистов иного, поэтому в конце концов принял решение поддержать Ельцина Б. Н. В правоте своей точки зрения мне удалось перед последним туром убедить 7-8 человек из “нейтралов”».*

29 мая 535 голосами (необходимый минимум 531) Борис Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР.

Есть давно ставшие банальностью выражения о малой роли человека в истории, о том, что обстоятельства сильнее нас. Но жизнь творится не только ими, а совокупностью наших реакций на эти обстоятельства. У тысячи депутатов съезда была возможность определить вектор развития страны, и они этим воспользовались. Каждый! И тот, кто сделал выбор в последний момент, и тот, кто с похмелья не пришел на заседание, и тот, кто дрался у трибун. И те избиратели, которые избрали или не избрали своих представителей на съезд, каждый внес свою лепту в полученный результат. Впервые за историю России, впервые за два тысячелетия(!!!) представителям всех слоев ее общества представилась возможность в условиях равенства, без фильтров и цензуры выбрать главу государства.

Позже я услышал, что о результатах Михаилу Горбачеву сообщили уже в самолете и он ругался так, что ни одного слова тут не воспроизвести.

Председатель избран, теперь можно было вернуться к вопросу о российском суверенитете.

Ведь месяц назад союзный съезд уже принял закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации», который уравнивал в правах автономные и союзные республики. Надо хотя бы задекларировать, застолбить свою правосубъектность в процессе установления новых межреспубликанских отношений, чтобы оказаться на равных с теми, кто это уже сделал и сохранить соподчиненность своих автономий.

Декларацию, которую зачитал Борис Николаевич, приняли на ура!

Но не все. Среди тех, кто не поддержал была Галина Старовойтова. Она была едва ли не единственным демократом, который не стал голосовать, а на вопрос соседа по ряду Игоря Кучеренко скупно обронила: «Это бомба».

Еще недавно, в сентябре 89-го года, на проходившей в Питере всесоюзной Конференции демократических сил, она говорила:

Г. В. Старовойтова

«В межрегиональной группе депутатов разработан проект программы по национальному вопросу. Непосредственно его готовили академик Сахаров, ленинградский этнограф Юхнева и я. Видимо, стоит изложить основные принципы этой программы:

– Приоритет права нации на самоопределение, постановка его даже выше идеи государственного суверенитета.

– Осуществление реального равноправия народов. Единый тип национального устройства – союзная республика.

– Перезаключение Договора об образовании СССР, который устарел. Особенно требует пересмотра перечень полномочий, которые республики делегируют центральному федеральному правительству. С 1922 года изменился состав суверенных субъектов Договора – республики Прибалтики его не подписывали, а за Азербайджан, Армению и Грузию Договор подписан руководством существовавшей тогда Закавказской федерации.

– Разное представительство всех народов страны в национальной палате федерального парламента. Сегодня некоторые народы вообще не представлены в Верховном Совете страны.

– Необходима полная реабилитация народов, репрессированных при Сталине и высланных с территорий своего проживания.

– Свобода появления любых федеративных соединений.

– Россия должна стать равноправной республикой со своей столицей. При этом столица Союза ССР должна быть самостоятельной административной единицей, не подчиненной какой-либо из союзных республик.

– Статус государственного языка. Каждая республика решает этот вопрос самостоятельно. Законодательное закрепление статуса «языка межнационального общения» – нелепость.

– Для народов, расселенных дисперсно, предоставить права национально-культурной автономии, вплоть до создания ими своего всесоюзного органа...»

От лица межрегиональной группы союзных депутатов она выступила на конференции за создание федеративного демократического государства, ориентированного на горизонтальные связи между суверенными республиками. Ей тогда задали вопрос: «Вы не боитесь, что процесс организации такого Союза породит огромные по масштабам национальные конфликты?» Она убежденно ответила, что сохранение существующей системы национально-территориального устройства породит еще более масштабные конфликты.

Но через полгода она не стала голосовать за то, чтобы Россия включилась в начавшийся «парад суверенитетов». Почему?

Быть может, она считала, что возглавлять «парад» рано, что стоит сохранить, пусть даже мнимый, государствообразующий вес метрополии (РСФСР) до подписания нового союзного договора? В любом случае, ее неучастие – свидетельство неподверженности эмоциональному порыву, который захватил тогда даже коммунистов.

Но другого выхода, на мой взгляд, уже не было. Верховный Совет Союза уже принял закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации», который наделил автономные республики правом заключения договоров с Союзом. Это еще не независимость, но уже серьезный шаг к самостоятельно-

сти. Они могли остаться в Федерации и в обновленном Союзе, а могли и не подписать договор. Что тогда? Неясно.

На осенней конференции выступает Ю. Н. Афанасьев:

«Не ведаем, что творим. Пытаемся создать законы, пригодные одинаково для всех республик, всех регионов страны. Видимо, в первую очередь надо разобраться с Союзом, с его строением. Отношение к политической суверенизации республик: наполовину суверенной, так же как наполовину беременной быть нельзя».

В это ситуации Ельцин решил, что, сделав свой шаг на встречу автономиям, он все же удержит их в составе России. Именно поэтому в августе, после принятия Татарстаном Декларации о суверенитете, он, находясь в Казани, произнес знаменитую фразу: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Наверное, ему хотелось добавить, «только не уходите!», но он понадеялся на то, что руководство республик это поймет и так. А фраза была растиражирована и понята всеми буквально.

Г. Богомолов, Ю. Лучинский,
М. Молоствов, Г. Старовойтова

Ельцин осваивается в кресле председателя Верховного Совета. Правда, тут коммунисты берут реванш. Надо избрать две его палаты – Совет Республики и Совет Национальностей – общей численностью в 252 человека. Они будут работать в перерывах между съездами. Попытка демократов увеличить численность ВС не прошла, в кулуарах съезда кто-то из коммуняк сказал депутату Виктору Шейнису: «Недостаточно того, чтобы нас было

много, надо, чтобы вас было поменьше».

Действительно, при избрании членов ВС и позже, при избрании Комиссии по разработке новой Конституции, они получают большинство. А с ним право на:

- назначение членов правительства и судей;
- рассмотрение (и отклонение) указов президента по вопросам экономической реформы;
- принятие законов, которые (без права вето) подписывались председателем ВС.

Б. Ельцину не удастся провести в свои заместители ни одного из своих верных сторонников-демократов. Власть оказалась в руках реакционного или, по меньшей мере, консервативного болота.

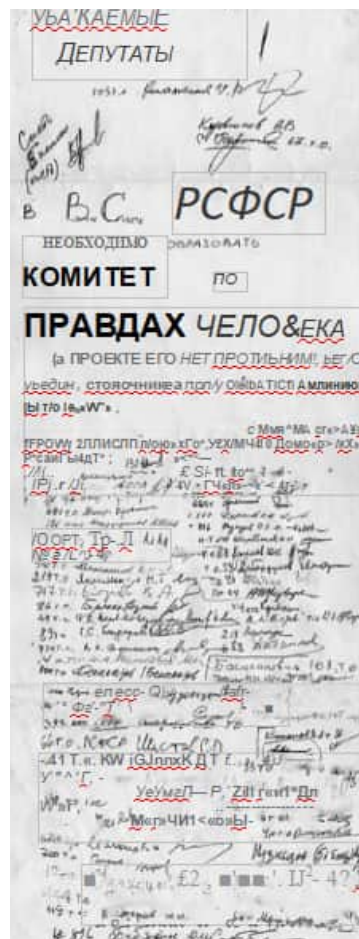
Револьт Пименов, политзек и депутат, назвал тогда ситуацию катастрофой, смягчить ее удалось лишь частично, при выборах руководителей комитетов.

В Совет национальностей, куда входили 126 депутатов, был избран мой тесть и старший друг Михаил Молостов. Причем, по его представлениям, коммунисты пропустили его туда только потому, что в его анкетных данных последним местом работы было указано – почтальон деревни Еремково.

А коллега по Ленсовету и депутат РСФСР Николай Аржанников, памятуя мой совет об организации республиканской системы защиты прав человека, вывесил в фойе Кремлевского зала написанное от руки объявление о формировании Комитета по правам человека.

Когда выяснилось, что люди, готовые в нем работать, есть, Михаил Молостов выступил с предложением Съезду учредить такой Комитет и был поддержан. 19-го июня 1990-го года впервые в истории России был создан федеральный государственный орган, целью которого стала защита не государственных или ведомственных интересов, а прав Человека. Век этой структуры был недолог, но само признание самоценности и равноценности человека и его прав наряду с другими закрепилось не только в Конституции. Возглавить Комитет Коля предложил Михаилу Михайловичу, но тот «замахал руками и сказал, что командовать он не умеет и не хочет». Тогда они обратились к другому известному политзеку, правозащитнику, одному из учредителей Хельсинской группы и «Мемориала» и тоже депутату Сергею Ковалёву. Он, подумав, согласился. Николай Аржанников стал его заместителем, а Михалыч членом комитета.

Так выстраиваемая нами система правозащиты получила опору уже в масштабах страны. Ближайшей задачей Комитета по правам человека стала подготовка закона о восстановлении прав жертв политических репрессий.

Запись в Комитет по правам человека

Уходя – уходи!

В конце июня проходит учредительный съезд Российской коммунистической партии. Будущий глава – Иван Кузьмич Полозков, бесцветный секретарь Краснодарского обкома. Партия не самоцель, а инструмент в руках сторонников восстановления руководящей и направляющей роли КПСС. Её задача была в том, чтобы дать бой Горбачеву на XXVIII съезде КПСС и покончить с перестройкой. К этому они готовятся на своем учредительном съезде. Полозков, Тюлькин, Лигачев, Горячева и другие винят Горбачева во всех грехах и призывают разделить посты президента Союза и генерального секретаря, подразумевая под этим замену последнего. А он приходит, терпеливо слушает и оправдывается, а на самом деле тянет время. Для того, чтобы его «ушли», нужны полномочия Союзного съезда коммунистов, где градус недовольства должен упасть. Но не потому, что там больше сторонников перемен, больше понимания в их необходимости. Нет, просто там будет больше тех, кто не претендует на власть, чье раболепие и верность «демократическому централизму» давно вошли в плоть и кровь.

Через месяц, в июле 1990-го года, состоялся и XXVIII союзный съезд КПСС. Действительно, во Дворце съездов священный трепет перед руководством, страх всяческого разномыслия сдерживает съехавшихся партийных аппаратчиков, середнячков-функционеров и рядовых партийцев, критика руководства звучит осторожно. Даже его непримиримые враги не рискнули своими теплыми местами, они переводят основной удар на окружение генсека. За все то, в чем ранее обличали Горбачева, теперь в той или иной форме получил разнос один из самых близких и влиятельных его сторонников, секретарь ЦК Вадим Медведев. Он не спасовал, а перешел в атаку и отбилсЯ.

В поисках союзников генсек лавирует и первым открывает ящик Пандоры, обещая даже автономным республикам повышение их конституционного статуса.

На этом, последнем для КПСС, съезде ярко выступил народный артист Михаил Ульянов:

«На Учредительном съезде Компартии Российской Федерации почти каждый выступающий заявлял, что Российская компартия будет партией ленинского типа и социалистического выбора. Другие говорили, что это будет партия обновленного социализма. Никто с этим не спорит. Но в голове возникали вопросы: что это такое – обновленный социализм? То есть такой, какой был, но его нужно обновить. А какой социализм был?»

Когда оглядываешься назад на наше прошлое, то мучительно думаешь: в чем

же причина наших неудач? Вроде и идея прекрасная, и мечта благородная – всех сделать счастливыми и всех-всех равноправными. И сколько крови-то пролили ради воплощения этой идеи! И сколько голов-то светлых положили! А в жизни получилось вроде все не так. Далеко не все равноправны и далеко не все счастливы. Почему?

А как надо обновлять социализм, не принеся пока удачи, хотя срок для воплощения, обещанного не мал – 70 с лишним лет? Может быть, не надо обновлять социализм несгибаемого догматизма? Социализм унылой уравниловки? Социализм нищих? Социализм безмолвных винтиков? Социализм непререкаемых вождей и безмолвных масс? Социализм сбившихся в плотную стаю уравненных в нищете и глобальной зависимости, которая от тоски и бесперспективности готова растоптать любого, кто не похож на них, кто смеет думать не так, как все, кто смеет не подчиняться норме, которую они-то и создали по своему образу и подобию?

Социализм, который когда-то был повернут с истинного пути и стал служить не людям, а вождям и голой идее. Начался этот поворот не сегодня. Но и сегодня эти ставшие привычными нормы цветут пышным цветом. Вспомните топот и крик большинства на первом Съезде народных депутатов в адрес Сахарова Андрея Дмитриевича. Помните, как большинство готово было затоптать этого упрямого и абсолютно непонятного человека и потому раздражающего большинство. (Шум в зале.) Корни этой убийственной агрессивности набрали силу в молотилке сталинской коллективизации, в безысходности ГУЛАГов, в поголовном физическом истреблении личностей. Система такого социализма вышибала из людей малейшее проявление духовности. Вся политика уничтожения личности и духовности была свирепой и беспощадной. Даже дикие степные племена, ворвавшись в давние времена в богатейшую Византию, были более милосердны. Эти угрюмые степняки не разрушили замечательные храмы Византии, они только перерисовали византийских богов на своих. И поныне в Стамбуле стоит великое творение мастеров византийских – Айя-София. А у нас на месте храма Христа Спасителя – яма, заполненная водой. А по матушке России сотни и сотни обезображенных и разрушенных церквей.

Система такого социализма не религию уничтожала, она дух человеческий вышибала, она желание человека совершенствоваться уничтожала. И вот теперь у нас дефицит личности, дефицит индивидуальности, дефицит талантов, дефицит достоинства. Может быть, это самый страшный дефицит, его карточной системой не решишь. Вот и сейчас, сегодня жизнь позвала, а лидеров по пальцам можно перечесать: Горбачев да Ельцин, Попов да Собчак, Собчак да Попов, Горбачев да Ельцин. (Аплодисменты. Смех.) А перестройке нужны вожди, но их трагически мало. В большинство из нас слишком глубоко въелось удобное чувство своей непричастности, своей безответственности, своего наплевизма

на все и вся. Ну что, мне больше всех надо? Я – как все. Вот такая философия живет и процветает. Да вот нагляднейший пример. Брежнев с его орденами и значками. Ну чем не гоголевский персонаж, кто свою человеческую пустоту прикрывал звездами, медалями! Ну а мы-то с вами – не крепостные ли крестьяне, падавшие ниц перед выжившим из ума барином?! И видели, кто перед нами, а изображали умильные лица благоденствующих и счастливейших подданных. (Аплодисменты.)

Нет, дорогие соотечественники! Не только партии нужно покаяние, но и народу, который, стиснув зубы, молчал и от тоски пил.

Когда спросили лауреата Нобелевской премии, экономиста с мировым именем Леонтьева: чего не хватает России для решения ее бесчисленных проблем? Он ответил: личностей. Это только сейчас благодаря горбачевской политике гласности и демократизации начал распрямляться наш талантливый народ, и тут же загудели голоса: Горбачев выпустил вожжи из рук, в стране хаос, анархия, крушение социалистических идеалов, падение дисциплины. Это все верно, но в глубине-то сокрыты пока другие мысли. Эх, хорошо бы вернуться назад, к «железной руке», к единообразию и однообразию, к стройным рядам, где никто и пикнуть не смел! Нет уж, упаси нас боже от еще одной «железной руки»! Ничего эта рука, кроме крови, репрессий, реакции, нам не принесет. Не «железная рука» нам нужна, а железная и мощная государственность, законная демократическая государственность, способная и защитить своих подопечных граждан, и самой защититься, иметь силы не только сочинять хорошие законы, но и иметь силы и возможность требовать их неукоснительного выполнения. Устали мы за долгие годы жить по велениям и указаниям. Мы хотим жить по законам и здравому смыслу. Советы необходимо скорее укреплять и делать их мощной и самостоятельной властью. Царить должен закон, а не интересы какой-то одной организации, как бы она ни называлась. И уж, конечно, ни кого-то одного с «железной рукой». Именно «железные руки» довели, скажем, культуру до ручки. Почему месячная зарплата культпросветработников и артистов, по подсчетам экономистов, снизилась почти до официального порога бедности? Почему более 2 400 библиотек находится в аварийном состоянии, не говоря уж о плачевном состоянии других? Почему каждый пятый театр не имеет своего здания? Почему и почему? Перечень культурных катастроф, к сожалению, можно продолжать бесконечно. (Шум.)

Почему остаточный принцип финансирования культуры остался нормой сейчас и стоны деятелей культуры заглушаются общими разговорами и не выполняющимися постановлениями? И что ждет культуру после перехода на рыночные пути? Будем совсем на задворках? Что ответит съезд деятелям культуры? (Шум, аплодисменты.) Когда же мы поймем, что мы децивилизуемся, что невежество затягивает культурный слой жизни, как сине-зеленые водоросли затягивают наши реки и водоемы. Спасать надо культуру! Культура –

иммунитет против дикости, невежества и варварства! Без иммунитета гибнет незащищенный организм. Без культурного иммунитета может погибнуть и общество!

Почему мы никак не избавимся от жутковатой привычки все время в ком-то видеть врага: то это желтая пресса, то неформалы, то это какие-то ренегаты, которых надо камнями забросать, то популисты, то журналисты? Привыкли мы за многие годы не в себе, а в ком-то другом видеть причины наших промахов и неудач. И вот уже самые решительные сегодня во всеуслышание заявляют, что всякие там платформы надо запретить, а членов этих платформ исключить из партии. Замечательное решение!

Вот и теперь на Горбачева кинулись, обвиняя его во всех грехах, ища в нем, и только в нем, причины наших неудач. Слов нет, ошибки были. (Аплодисменты.) Но не за ошибки критикуют Горбачева, а за то, что он олицетворяет демократизацию и партии, и народа, мешает повернуть назад, к крепкой руке. (Шум, аплодисменты.)

Отсюда и коварные в этих условиях предложения освободить Горбачева от партии, оставить только президентом сегодня. Это было бы сильнейшим ударом по демократии, по гласности. Сняв «отца перестройки», можно будет приниматься за последователей и приверженцев. И дело не в личности Горбачева, а дело в современной ситуации, когда Горбачев во всем мире (и это все знают) олицетворяет надежду на мир и согласие. Мы не можем не принимать этого сегодня в расчет! (Шум в зале.)»

В тот же день слово берет уже избранный председателем Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин:

«Товарищи, партия подошла к своему съезду с грузом тяжелых проблем. Их множество, но есть особо важные. Заняв оборону на первоначальном этапе перестройки, консервативные силы позднее перешли в наступление. Они начали борьбу против экономической реформы, хотя и робкой, и половинчатой, но создающей реальную угрозу полновластия партии. Это произошло, когда развернулись процессы демократизации, особенно мощно проявившиеся в возрождении власти Советов. Это произошло, когда начала делать первые шаги гласность и ранее непререкаемые истины оказались несостоятельны. Последние годы показали, что нейтрализовать действие консервативных сил в партии не удалось. Наоборот, слишком много говорили о том, что все мы в одной лодке, по одну сторону баррикад, в одной шеренге, с единым мышлением. Такая позиция дискредитировала тех коммунистов, которые являются искренними и последовательными сторонниками перемен. Такая позиция создала режим безопасности для консервативных сил КПСС, укрепила их уверенность в том, что можно взять реванш. Это продемонстрировал и Учредительный съезд КП РСФСР.

Чтобы понять, что может и должен решить наш съезд, надо прежде

всего ясно видеть, что он из себя представляет. В Политбюро не решились пойти на единственно правильный в условиях перестройки порядок выборов делегатов: демократическим путем от всех платформ и групп, не зависящих от прежних структур партии. Чтобы любые объединившиеся шесть тысяч коммунистов избирали прямо своего делегата, тогда бы не получили такого состава съезда.

Поэтому при обсуждении на съезде главным явился не вопрос о перестройке в стране и путях ее развития. Этот вопрос решается народом за стенами этого здания, решается в Советах народных депутатов. На этом съезде стоит вопрос прежде всего о судьбе самой КПСС. Если говорить точнее, здесь решается вопрос только о судьбе аппарата верхних эшелонов партии. Вопрос стоит исключительно остро. Найдет ли в себе силы аппарат КПСС решиться на перемены? Использует ли он тот последний шанс, который дает ему этот съезд? Или да, или нет. Или партаппарат под давлением политической реальности решится на коренную перестройку партии, или будет цепляться за обреченные формы и останется в оппозиции к народу, в оппозиции к перестройке.

Тогда представители аппарата неминуемо будут вытеснены из всех органов законной власти. Такая партия не удержится ни в роли авангардной, ни даже в роли партии, имеющей представительство в Советах.

Утопичны иллюзии тех, кто думает, что после выхода из партии всех инакомыслящих, кто не хочет быть приводными ремнями и винтиками партаппарата, у нее останется все имущество КПСС и связанная с ним власть. Этого не будет. В этом случае, к которому, кстати, подталкивают консерваторы, будет начата всенародная борьба за полную национализацию имущества КПСС, как партии обанкротившейся и обязанной хотя бы своим имуществом возместить долги перед народом. В наследство аппарату партии останется только вывеска с названием «КПСС».

Можно предположить, что начнется борьба за привлечение к суду руководителей партии всех уровней за ущерб, который они лично нанесли стране и народу. Могут назвать хотя бы одно из этих дел – об ущербе в результате антиалкогольной кампании. Народ спросит и за все остальное: за провалы во внешней торговле, сельском хозяйстве, за национальную политику, политику в отношении армии и так далее, и так далее. Страна должна знать, какое наследство оставила ей КПСС.

Такова возможная перспектива аппаратной партии. Тот, кто думает о каких-то иных вариантах, пусть посмотрит на судьбу компартий в странах Восточной Европы. Оторвались от народа, не поняли свою роль – и оказались на обочине.

Все ли так мрачно? Есть ли еще другой выход? Есть. Правда, для этого мало шансов победить именно на данном съезде. Это ясно видно. Но все мы, отдавшие

партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы попытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход.

В демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен.

В нашей стране постепенно формируются различные политические партии. При этом неизбежно коренное обновление КПСС. Какой наиболее безболезненный для народа, цивилизованный процесс модернизации партии?

Первое. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Уверен, большинство рядовых коммунистов связывает будущее партии с демократическим крылом.

Второе. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма.

Третье. На съезде рано обсуждать платформы и Устав. Надо принять только общую декларацию о преобразовании КПСС. Далее надо избрать новое руководство, способное подготовить новый съезд где-то через полгода-год.

Четвертое. Партия должна освободить себя от любых государственных функций. Первичные парторганизации должны быть упразднены в армии, в системе госбезопасности и в государственных учреждениях. На производстве судьбу первичных парторганизаций должны определить сами трудовые коллективы и сами члены партии. В новой партии или союзе ее члены должны платить минимум взносов. Так возникнет партия парламентского типа. Только такая партия при мощном обновлении общества сможет быть ведущей партией и побеждать на выборах в лице той или иной из своих фракций.

Любые фракции социалистической ориентации других партий могут входить в состав союза демократических сил страны. Народ признает этот союз и пойдет за ним, тем более если он предлагает свою экономическую программу выхода из кризиса не за счет обмана народа и дополнительной нагрузки на его плечи. Союз выступит как федерация национальных союзов. Он будет иметь форму, отвечающую смыслу и духу нового Союзного договора между суверенными государствами страны.

С развитием в стране демократических движений и дальнейшей радикализацией перестройки этот союз сможет стать на деле и авангардом общества. Это обеспечит широкую социальную базу обновления общества, поставит заслон атакам консерваторов и гарантирует необратимость перестройки. Такова вторая альтернатива. Итак, или вариант аппаратной КПСС, тогда раскол и уход рано или поздно ее из числа реальных политических сил страны, или обновленная партия с переходом в союз демократических сил и перспективой сохранить роль активного участника перестройки.

В заключение хотел бы сказать следующее. События разворачиваются необычайно быстро. Попытка задержать их ход, о чем мечтают некоторые, неминуемо приведет партию к полному историческому поражению. Только опе-

режение, только устремленность вперед вместе со всеми силами прогресса нашего общества могут дать надежду на то, что партия не потеряет себя, а возродится в новый авангардный союз демократических сил.

Мы живем уже не в прежнем обществе. Оно больше не пойдет единым строем туда, куда ему укажут. Страной больше нельзя командовать. Ее не усыпишь демагогией, не испугаешь угрозами. Народ может дать отставку любой политической силе, какой бы влиятельной она ни была в прошлом. Он поддержит только ту политическую организацию, которая позовет не в заоблачные коммунистические дали, а будет каждодневно делом защищать интересы каждого человека, помогать сделать его и всю страну нашу передовой, богатой и счастливой. (Аплодисменты.)»

Но, как заметил потом Горбачев, предсказания возможного суда над виновниками краха не могли воодушевить функционеров, скорее – обострить их неприимимость. Ответом на выступление депутата стало не отрезвление, не поддержка реформ, а крики о грозящей партии опасности.

Один из ученых служителей партийного культа договорился до того, что Ельцин находится в плену у «Демократического Союза»!

Требования оппозиции о персональном отчете членов Политбюро все же выполняются, и отвечать приходится не только «перестроечному» министру иностранных дел Шеварднадзе, но и самому Лигачеву. Он умело уворачивается от прямых ответов на острые темы, но продолжение расспросов и расширение круга ответчиков становится опасно для обеих сторон.

Горбачеву остается ловко напомнить о страшной опасности раскола, о коллегиальной форме работы и коллективной ответственности Политбюро, спросить съезд об оценке работы ЦК и, поставив на голосование сразу два варианта продолжения отчетов, уйти от каждого.

Под занавес съезда Горбачев, проявив чудеса терпения и словоблудия, сохранил себя на посту генсека. Он добился того, что в решениях съезда зафиксировано: **«КПСС решительно отвергает демократический централизм в том виде, как он сложился в условиях административно-командной системы, жесткую централизацию, отстаивает демократические принципы – выборность и сменяемость, гласность и отчетность, подчинение меньшинства большинству, право меньшинства отстаивать свои взгляды, в том числе в партийных органах массовой информации».**

Мало того, он добился почти полного обновления состава ЦК. И расценил все это как свою победу. О том, что безнадежно опоздал и это его последний бенефис, о том, что окружил себя теми, кто вскоре его предаст, зачинатель перестройки узнает позже...

Единственным человеком, который смело шагнул вперед и даже там набрал политический вес, стал Борис Ельцин. После своего первого радикального выступления он в конце съезда вышел на трибуну и сказал:

«Долго раздумывая, я пришел к выводу, и об этом решении хотел заявить после XXVIII съезда партии. Но, учитывая сегодня выдвижение моей кандидатуры в состав Центрального Комитета партии, я должен сделать следующее заявление.

В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом и Россией, с учетом перехода общества на многопартийность, я не смогу выполнять только решения КПСС.

Как глава высшей законодательной власти республики, я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своем выходе из КПСС, чтобы иметь большую возможность эффективно влиять на деятельность Советов. Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республики. (Аплодисменты, шум в зале.)»

Он еще осторожничает, прикрываясь работой в Совете, и не произносит слов о полном разрыве с теми, кому служил, но его шаг срывает лавину. В печати появляется заявление 54 депутатов РСФСР об их выходе из партии, в Москве проходит 400-тысячная демонстрация под лозунгом «Долой КПСС!», до конца года из нее выходит 1,5 млн человек.

В Питере, следуя завету К. Маркса о том, что с прошлым надо расставаться весело, газета «Литератор» публикует чьи-то шуточные строки:

ПОСТУПОК (городской фольклор)

Ну и новость я услышал, просто чудо из чудес –
папа мой сегодня вышел,
не из спальни папа вышел, не из ванной папа вышел,
вышел из КПСС!

В доме пахнет валидолом, в доме плачут и кричат,
– Не расстанусь с комсомолом! – заявляет старший брат,
Молча выпил чашку чаю и как крикнет наконец:
– За отца не отвечаю! Дед одобрил: «Молодец!»

Дед, хотя и староватый, но упрямый большевик.
Дед наш Ленина когда-то посадил на броневик.
С партбилетом, с автоматом не одну прошел войну.
Он орет на папу матом: – Про-та-та-та! Прокляну!

Мокнет бабушкин платочек, катят слезы по щекам...
Не губи детей, сыночек, воротись к большевикам!
Все завыли! И тогда-то папа им сказал в ответ,
что к бывшему нет возврата, что назад дороги нет!

Сбросил бюст вождя со шкафа, прокричав: «Кранты! Инаф!»
Я подумал: «Ай да папа! Он не может быть не прав!»
И хоть мне немного жутко, папа прав – так жить нельзя!
Я готовлюсь не на шутку к делу страшному, друзья,

У меня на взводе нервы (как большие говорят),
но ведь кто-то должен первым выходить из октябрят!

Вильнюс 91

Советская, германская и снова советская оккупации нанесли тяжелый урон народам Прибалтики. В одной лишь Литве 600 тысяч погибших во время войны, 34 тыс. сосланных, 64 тыс. бежавших от Советов и 30 тыс. убитых «лесных братьев». Но, несмотря на советизацию, там продолжали помнить об украденной свободе и мечтали ее вернуть.

Уже в перестроечные времена правозащитник и политзек с 20-летним стажем неволи Альбертас Пяткус рассказал своему лагерному другу Михаилу Молодцову, что еще в 60-е годы в одном из соборов Вильнюса, где в то время был музей, делали ремонт и литовец, который этим руководил, обнаружил за одной из стен пустоту. Он вызвал директора музея, тот на всякий случай отпустил рабочих, которым тут же была выдана зарплата... Оставшись одни, они открыли потайную замурованную комнату, где нашли сокровища, которые были спрятаны там сотню-другую лет назад. Директор, хранитель и прораб понимали, что если о находке станет известно властям, судьба клада будет решаться в Москве. Они проработали всю ночь и снова заложили стену, заново оштукатурили и побелив ее. А на завтра похмельные рабочие, придя в музей, забыли о том, что им показалось. Национальное достояние пролежало там еще 30 лет (!!!), в музее сменялись люди, но не проболтался никто. Тайник открыли только после того, как Литва стала свободна.

С началом «перестройки» за возрождение взялась творческая молодежь. Серию фестивалей и концертов, которые прокатились по городам и селам трех прибалтийских республик, назвали потом «Поющей революцией». Люди услышали свои старые национальные гимны, им раздавали значки и национальные флаги, старики не верили своим глазам, радуясь тому, что дожили до новых времен, а молодежь охотно слушала современные песни, в которых высмеивалась имперская бюрократия.

Еще в августе 1989-го года Народный фронт Эстонии, Национальный фронт Латвии и литовское движение Саюдис провели совместную акцию «Балтийский путь». По их призыву два миллиона людей из трех республик вышли на автомагистрали. От башни Гедиминаса в Вильнюсе до башни Длинного Германа в Таллине они образовали живую цепочку солидарности! На протяжении шестидесяти километров в память о жертвах советской оккупации и сталинского террора горели свечи, трепетали черные ленты на национальных флагах, лежали цветы.

Вскоре новый Верховный Совет республики провозгласил Акт восстановления независимости Литвы.

Ни визит Горбачева, ни угрозы отторгнуть Клайпеду и переложить на литовцев часть долгов СССР к возвращению в империю не привели.

На союзном Съезде Горбачев категорически высказался против каких-либо двусторонних переговоров с Литвой как с суверенным иностранным государством.

«Никуда вы не денетесь, никуда вы не уйдете, вы цивилизованный народ!» – заявил он с трибуны съезда. Почему цивилизованность отменяет стремление к самостоятельности, осталось загадкой. Своим указом президент потребовал от населения Литвы сдачи всех видов оружия. Охотничьих и нарезных стволов, по регистрационным данным, было там более 30 тысяч (сдали лишь полторы).

По решению литовского сейма ряд зданий, в которых располагались советские, коммунистические структуры (городской комитет КПСС, Высшая партийная школа, дом Политпросвета, здание ДОСААФ) был отторгнут и передан общественным организациям, но оттуда их изгнали советские солдаты.

Тогда у здания Верховного Совета Литвы прошел митинг протеста против «оккупации Литвы Советским Союзом», на котором сотни юношей жгли свои военные билеты «в знак отказа от службы в оккупационной армии».

8 января в Москве на сессии Верховного Совета СССР звучат слова о «многочисленных телеграммах жителей Литвы с призывом к союзному руководству навести в республике порядок».

Горбачев грозно говорит премьер-министру Литвы Казимере Прунскене: «Наведите порядок сами, чтобы этого не пришлось делать нам! – Так вы будете применять насилие? – Об этом вам ответит наш министр обороны, товарищ Язов».

Начинается трехмесячная энергетическая блокада Литвы. Прекратилась подача сырья на нефтеперерабатывающий завод в городе Мажейкяй, а на следующий день почти полностью сократилась подача в республику природного газа.

Хоть Европа и добивается восстановления поставок, происходят серьезные сбои в экономике. Республиканский премьер-министр повышает цены, а это вызывает общие протесты. В республике 15% русскоязычного населения, в центре Вильнюса собирается толпа с лозунгами: «Долой парламент! Да здравствует Союз ССР!» Парламент сменяет правительство, старые цены восстановлены. Однако в Литву уже переброшены бойцы спецподразделения «Альфа», Псковской дивизии ВДВ и других частей. С ними прибывают заместитель министра обороны СССР, командующий сухопутными войсками генерал армии Валентин Варенников, заместитель министра обороны СССР, генерал-полковник Владислав Ачалов.

10 января 91-го года Верховный Совет Литвы отверг требования Москвы восстановить действие Конституции СССР.

На следующий день в разговоре по телефону с президентом США Дж. Бушем М. Горбачев сказал: «Сейчас на меня и на Верховный Совет оказывается

колоссальное давление в пользу введения в Литве президентского правления. Я пока держусь, но, откровенно говоря, Верховный Совет Литвы и Ландсбергис, похоже, не способны на какое-то конструктивное встречное движение.

В ответ на то давление, которое на меня оказывается, вчера я обратился к Верховному Совету Литвы с тем, чтобы они сами восстановили действие Конституции. Однако ситуация и сегодня развивается неблагоприятно. В Литве забастовки, нарастают трудности.

Вы знаете мой стиль. Он, в общем, аналогичен вашему. Я постараюсь исчерпать все возможности политического решения, и лишь в случае очень серьезной угрозы пойду на какие-то крутые шаги».

Дж. Буш: «Я ценю это. Вы знаете, у нас свой взгляд на Прибалтику, но лишь в силу исторических причин. Я ценю ваши разъяснения».

М. С. Горбачев: «Мы будем действовать ответственно, но не все зависит от нас. Сегодня там уже стреляли».

Дж. Буш: «Это плохо».

М. С. Горбачев: «Я сделаю все, чтобы развитие событий не сопровождалось крайностями. Но, естественно, если возникнет серьезная угроза, определенные шаги станут необходимыми».

«Сегодня там уже стреляли», – признает М. Горбачев. Действительно, в эти минуты советские воинские части уже занимали Дом печати в Вильнюсе, ретрансляционный телевизионный узел в Неменчине, другие общественные здания в Вильнюсе, Алитусе, Шяуляе...

Заведующий отделом национальной политики ЦК КПСС В. Михайлов рапортует ему:

«По сообщению ответственных работников ЦК КПСС (тт. Казюлин, Удовиченко), находящихся в Литве, 11 января с. г. в г. Вильнюс взяты под контроль десантников здания Дома печати и ДОСААФ (в нем размещался департамент охраны края), в г. Каунас – здание офицерских курсов. Эта операция прошла в целом без сильных столкновений. [...] В 17 часов по местному времени в ЦК КПЛ состоялась пресс-конференция, на которой заведующий идеологическим отделом ЦК т. Ермолавичюс Ю. Ю. сообщил, что в республике создан Комитет национального спасения Литвы. Этот Комитет берет на себя всю полноту власти. Размещается он на заводе радиоизмерительных приборов (директор т. Бурденко О. О.)»

Сообщения прессы не оставляли сомнений: было ясно, что Прибалтику ждет расправа. Ленсовет направляет туда своих депутатов, в Прибалтику съезжаются журналисты, едут и депутаты РСФСР.

Вспоминает Михаил Молоствов:

«Год 1991 мы встречали в Удомле. Возвращался в Москву я озабоченный: Горбачев затевал что-то неладное, принимал в Кремле представителей “интерфронтов”, “комитетов национального спасения”...

“Уходите, ваше время истекло!” – пел Ким, но Михаил Сергеевич еще надеялся запугать подкузьмившую его Прунсене и сохранить целостность великой империи.

“Поедешь волонтером в Литву?” – спросила меня жена на вокзале.

Ей Богу, не собирался.

И в гостиничном номере “России”, напряженно вслушиваясь в сообщения из Прибалтики, не помыслил, что ИМЕННО МНЕ надо туда. Позвонил Корнев, из ленинградского Народного Фронта: не собираюсь ли? Да... нет. Едва ли мое присутствие там что-нибудь изменит. Вадик Косарев, мой соседлец по Воркуте, как раз навестивший меня, резонно толковал: “Нечего тебе там делать”.

Но ПОНЕСЛО меня на Белорусский. Взял билет. Потом уже позвонил в Питер, Катьке, что-то наговорил в автоответчик Ковалеву и с легкой душой отправился спать в вагон дальнего следования.

В Вильнюсе мы с Мустафьевной были сравнительно недавно, на съезде политэков. От вокзала, при свете дня, я бы запросто добрался и до Альбертаса и до Ионаса. Но где тот вокзал и тот свет? Свесившись с подножки, чувствую: ничего похожего на перрон, какой-то товарник рядом лязгает буферами, тьма египетская и только белые мухи кружатся в лучике от карманного фонарика в руках проводницы.

Спрыгиваю на что-то скользкое и – о чудо! – передо мной Ионас Сименас: “Осторожно, Миша, я уже два раза упал, пока добрался до твоего вагона”.

Оказывается, моя Катя позвонила Рамуне, его дочери. Ионас на вокзал, там танки и ОМОН. Ионас – на такси и в новую Вильну.

– Сначала никто не знал, где “Литува”. Потом говорят: на третьем пути.

– Ну, ты догадливый!

– Будешь догадливый!

Иду за Ионасом по шпалам, потом перебираемся через какую-то насыпь, и вот уже асфальт, фонари, автобусная остановка, возле которой маются с чемоданами не доехавшие до места назначения. Подходит автобус.

С белесым рассветом въезжаем в Вильнюс.

Ионас успел меня ввести в курс дела: пролита кровь, какой-то офицер стрелял у дома Политпросвещения, танки, бэтэры. Что-то затевает Ермолавичус. Парламент заседает непрерывно. Ландсбергис говорит: “Мы – власть, избранная народом”. Бразаускас в парламенте. “Альбертас просил сразу же звонить ему. Они тоже идут в Парламент”.

Они – это руководство Союза политэка...

Литовцы шутят, что господь посадил в мешок и повязал одной веревкой три разных этнических типа, дал им один язык балтийской группы и суковатой палкой принялся колотить, пока веревка не развязалась. Из мешка выскочил первый и дал тягу. Вылез второй и, почесывая бока, остался стоять.

– Почему не бежишь?

– Приятеля жду, Господи. Да и мешочек пригодится.

Третий тип не пожелал вылезать из мешка:

– Кто меня сюда засунул, тот пусть и вынимает.

Из известных мне лагерников-литовцев юный Владас Шакалис был ярким представителем первого типа. Так он ухитрился при коммунистах через все запретные полосы и дозоры нашей, запертой на замок, границы рвануть на Запад. Прямо из Вильнюса, где КГБ уже хватало его, гналось по пятам, но не догнало (вбежав в кафе, он кинулся к сидевшим там мужчинам – за мной эти гонятся – задержите! Незнакомые люди встали стеной и тормознули чекистов. А он ушел. – Ю. Р.)

Мои друзья, как правило, относились ко второму, либо к третьему типу. Но вот мы на площади возле сейма. Здание не приспособленное, конечно, к круговой обороне, но похоже, граждане города Вильнюса намерены его приспособить. Копоятся как муравьи, и вот уже на выходах улиц вырастает над головами арматура первых баррикад. Милиция и активисты Саюдиса организуют прибывающую толпу.

У входа в парламент знакомые лица. Святочным дедом смотрится Викторас Пяткус. Обнимаюсь со Стасисом, Альбертасом...

– Лаба дена, Миша. Пропуск держи: “депутатас Молоствокас”.

С этой бумажкой и под этим именем я буду всюду вхож в литовской столице всю тревожную неделю.

Идет заседание. Стасис слева, Альбертас справа переводят мне. На авансцене Ландсбергис. Профессор-искусствовед. Herr Landsberg? Что-то пунктуально немецкое есть в нем.

В зале вижу Казимиру Прунскене, рядом с ней белый медведь в позе роденовского мыслителя – Бразаускас.

Ландсбергис говорит, что Горбачев направил для переговоров с Верховным Советом Литвы полномочную делегацию. В ней Олейник, Тер-Петросян (он-то бы должен понять чувства литовцев) и еще кто-то из союзных сановников. Завтра они появятся в Вильнюсе.

– Так ведь прервано железнодорожное сообщение, и аэропорт закрыт.

– Прилетят. На военный аэродром. С ультиматумом к нам, должно быть.

– Да, завтра будет горячий день!

– Выступишь? – спрашивает меня Альбертас. Не отказываюсь и через некоторое время, услышав заветное «депутатас Молоствокас», поднимаюсь на трибуну.

Всадник с копьём, трехцветные флаги, лица напряжены, молодые и старые, наверное, есть тут и готовые бечь, но большинство – те, кого Господь Бог не вытряхнет из мешка.

Говорю ЗА НАШУ и ВАШУ СВОБОДУ. В перерыве Альбертас подводит меня к Ландсбергису. Профессор любезно щурится, за стеклами очков – красные веки.

– Что Ельцин?

– Борис Николаевич с уважением и сочувствием относится к праву ВСЕХ народов на самоопределение.

Тогда говорил я это совершенно искренне и в отношении к Прибалтике – правильно.

Альбертас ведет меня по лестнице и коридорам к телевизионщикам. Перешагиваем протянутые шланги, обходим завалы из мебели и мешков с песком. Парни и девушки, вооруженные палками и железными брусьями, у выхода во двор – милиционер с пистолетом у пояса и мальчик с мелкокалиберкой на плече. Призываю не стрелять в людей.

Это обращение выйдет в эфир за несколько минут до того, как начнется штурм телевидения и башины... Пока же в душе – «надежды маленький оркестрик»: публика, готовая защищать свой парламент, да и Горбачев; тбилисская трагедия должна была научить его. Не Сулов же он. Авось, да небось – исторический оптимизм, свойственный мне. Ночевать меня пригласили к Ионасу. Когда шли пешком через мост, мимо на полной скорости прогромыхал бэтээр.

Когда мне уже постелили, и мы пожсали друг другу спокойной ночи, вдруг ухнуло и зазвенели стекла. Салют? – шальная мысль.

Бух! Бух! Пушки в городе? Такого не может быть. Сквозь глухое буханье простукивают пулеметные очереди. Телевизор не работает. Штурмуют парламент?

– Хотят завершить операцию до прилета московских гостей.

– Суки позорные.

Одеваюсь.

– Ты куда?

– Туда.

– Я с тобой.

– У меня-то неприкосновенность.

Но Ионас уже застегивает молнии на своей куртке. В глазах, как я потом смогу убедиться, общелитовские намерения бечь, но не от выстрелов, а на встречу им.

Через мост бежим уже в сообществе с другими: мужчины, женщины, подростки. Оба, Ионас и я, еле переводим дух.

К воротам бывшего монастыря, ослепив нас фарами, выруливает машина с красным крестом, белые халаты, носилки мимо нас. И снег задымился темными пятнами.

– У телебашины гусеницами!

– Танки бьют, вроде бы холостыми...

– Из автоматов трассирующими. Над головами и под ноги.

– С минуты на минуту сюда двинутся, к парламенту.

– Уже объявили: “правительство национального спасения”. Спасают Литву от литовцев!

Перелезаем с Ионасом через баррикаду. Народу на площади! Горят костры. «Ле-ту-ва! Ле-ту-ва!» – скандируют толпы.

Типичный литовец – и по одежде, и по физиономии – держит в руках РОССИЙСКИЙ флаг. Не тот, красный с синей каемочкой, что пока еще и над Белым домом и у меня на груди, а натуральный триколор. Померещилось? Да нет, точно: белая, голубая и алая полосы.

– Мы не за Ландсбергиса, а за народ. Придут НАШИ танки, мы первыми ляжем под них.

Это русские старожилы Вильнюса, староверы.

Господи! Фонтаном во мне от живота до макушки – национальная гордость, а от пупка до пяток – страх.

– Позвольте поддержать?

– Пожалуйста.

Сбылась мечта старого болтуна, унять бы только дрожь в коленках. Баррикада. Древко в руке. А у нас, в Москве и Питере, возможно что-нибудь подобное?

– Миша, тебе надо в парламент, – напоминает Ионас.

Расстаюсь с флагом, поднимаю над головой листочек (“депутатас Молоствовас”) и ввинчиваюсь в плотно стоящую толпу, подталкиваемый сзади Ионасом. Яблоку негде упасть. Меня сначала пропускают, а потом просто передают из рук в руки. Впихнули внутрь.

Внутри свет и порядок. Серьезные молодые лица. У девушек через плечо противогазные сумки.

– Оружия мало. Считай нет. Зато бензина – навалом. Ворвутся – БУДЕМ ПОСМОТРЕТЬ...

В зале заседания дремлют по очереди депутаты.

В пресс-центре – интернационал: поляки, чехи, “Свобода”, волны, голоса.

В ту ночь я возлюбил журналистов. Молодые средства массовой информации улавливали события под огнем, под ударами прикладов, снимали танки, вертящиеся волчком. Над ними фейерверк трассирующих пуль, страшный хобот орудия, выискивающего цель.

Задремал я под утро рядом с Корневым. Он говорит, что где-то здесь и наши питерские и кто-то из Моссовета.

– Делегация из Москвы! – разбудил меня этот возглас. Я вскочил и на ватных ногах побежал, сам не зная куда. И не знаю, как оказался между бледным как полотно Тер-Петросяном и раскрасневшимся (коммунистом – Ю. Р.) Борисом Олейником. Молодые люди, в черных костюмах при галстуках с маленькими, будто игрушечными автоматами подвели нас к кабинету Ландсбергиса. Я боялся, что меня как самозванца «попросят», но нет: то ли я тут примелькался, то ли мой значок не отличили от союзного, только я был принят как один из участни-

ков переговоров. С чьей стороны? Мне ничего не оставалось, как представлять Российскую Федерацию.

Хозяин кратко, как на заседании кафедры, обрисовал обстановку, включил телевизор, и минувшая ночь вновь – минута за минутой – замелькала перед нами. Московские гости, назвавшиеся полномочными представителями президента СССР выглядели потрясенными, было от чего. Пока их везли по городу, они видели раздавленные танками легковушки, а тут на экране НАШИ – не обычные солдаты, а будто и не наши – сверхчеловеки из дурного сна (“Группа А”, – подсказывает кто-то) орудуют против невооруженной толпы. Стрельба от пояса. Прыжки в окна. И рядом девушка лет семнадцати, мертвой вынутая из-под гусениц, мужчина с дыркой во лбу. Санитары с носилками между бешеной броней и взывающими о помощи людьми...

– Я всю ночь пытался прозвониться к Горбачеву, – говорит Ладсбергис.

– Мы уполномочены президентом договориться.

– Зачем надо было штурмовать телебашиню? Там же даже охраны не было. А телецентр? Дикторов и техников хватили как террористов, бросали на пол, пинали и длинными очередями по аппаратуре. У выпускающего ключица сломана.

– И что за комитет или правительство “национального спасения”? Даже состав его, кроме Ермолавичуса, неизвестен. С ним, что ли Вы намерены вести переговоры?

– Мы с Вами ведем переговоры как с законной властью, – говорит Олейник, – ну, и конечно, к военным поедем. Надеемся, что сможем их убедить...

– Позвольте, – привскакиваю я, – Молоствов, член Верховного Совета России. Вы, представители президента СССР и главнокомандующего, надеетесь убедить военных, в чем убедить? Разве вооруженные силы не подчиняются непосредственно президенту и его полномочным представителям?

– Пойдемте, покурим.

Сигарета дрожит в пальцах Олейника.

– Ужасно, что так получилось.

Я говорю, что повторяется тбилисская трагедия. Андрей Дмитриевич Сахаров.

– Михаил Михалыч? Дорогой Михаил Михалыч! – Олейник держит меня за пуговицу. – Правы вы. Но вы представить себе не можете. Я что хочу сказать. Между нами. У вас родные в Ленинграде? Дочка и внучка? Отправьте их временно куда-нибудь. Вы представить себе не можете, на что способны ОНИ.

Олейник и К° отбыли на “переговоры” с военными. Я с ними не поехал. Во второй половине дня намечена была встреча московской делегации с интеллигенцией, там я собирался быть. Пока же навалом свободного времени.

Что я делал?

Выступал с балкона, и море голов, как позднее в Москве и Питере, восторженно повторяло:

– Ель – цин! Ель – цин!

Потом вышел на площадь. От женщины, по виду деревенской, получил миску горячей, пахнувшей дымком, каши и кружку кофе.

– Хорошо освоился, Миша! – это Альбертас. Вместе с ним обошли баррикады. Они теперь выглядели серьезней: бетонные балки с помощью кранов образовали сплошную стену.

– Танки, пожалуй, не пройдут. Иное дело, воздушный десант.

Внезапно наше медленное кружение по городу с разговорами прерывается. Крики, люди бегут, что-то опять стряслось.

Оказывается, федералы (опять прибегаю к более позднему «чеченскому» слову), альфовцы или омововцы, НАШИ (по Невзорову) захватили городской радиоузел. Чтобы пресечь связь между парламентом и населением Вильнюса.

Мы с Альбертисом – туда.

Небольшое здание со сквером. У входа – сверхчеловеки в камуфляже и с автоматами наизготовку. Толпа, прибывающая с двух сторон, замирает в нескольких шагах от них. Мертвое пространство, “пафос дистанции”.

Достаю свою красно-коричневую депутатскую книжицу и направляюсь к НАШИМ.

– По чьему приказу занял радиоузел?

Даже не почувствовав толчка, отлетаю назад в подхватывающие меня руки литовцев. Черное дуло смотрит мне в лоб, впрочем, сверхчеловек с майорским погоном из-под расстегнувшегося бушлата снисходит до объяснения:

– Приказ генерального секретаря. И ни шагу. Открываю огонь на поражение!

Поворачиваюсь спиной к нашим и говорю литовцам, говорю, а сам чувствую затылком черное дуло:

– ОНИ не признают не только законно избранную власть в Литве, но и Верховный Совет России. Но ИМ не отнять у нас с вами нашей веры. Литва и Россия будут свободны!

Оратор.

Вечером Альбертас свозит меня к телебашне. Там, где вчера снег был темен от крови, горят свечи, плачут женщины. Остывшие танки нацелены во все четыре стороны и кажутся памятниками, около танков уже не картинные альфовцы, а обычные солдатики, смущенные, усталые и замерзшие.

Долго им еще изображать оккупантов. До конца августа, когда и генеральный секретарь, и сам Союз Нерушимый уйдут в невозвратное прошлое.

По сообщению пресс-центра ВС Литвы, В. Ландсбергис 13 января 1991 года в 3 часа дня по правительственной связи звонил М. Горбачеву, чтобы попросить его принять меры и остановить кровопролитие в Литве, но ему ответили, что Михаил Сергеевич обедает и не может подойти к телефону.

А вот Борис Ельцин среагировал мгновенно. По словам депутата Ленсовета С. Березинского, который тоже приехал тогда в Вильнюс, увидев побоище, он но-

чью позвонил в Москву помощнику Ельцина и сказал ему: срочно будить шефа, «потому что потом можно будет уже не будить». Ельцин в ту же ночь прилетел в Таллин, где он подписал договор с Эстонией об основах межгосударственных отношений, по которому РСФСР признала эстонский суверенитет и пообещала поддержку. Позже я услышал от чеченцев о том, что во время вильнюсских событий Дудаев закрыл Тартуский аэродром для военного спецрейса из России и предупредил находившегося в Эстонии Ельцина о том, что по приказу Пуго его с целью ликвидации ищет российский спецназ. А Галина Старовойтова говорила, что генерал даже дал Ельцину машину, чтобы тот смог незаметно вернуться в Россию.

По-другому об этой поездке рассказывал первый зампред Совмина РСФСР Юрий Скоков: *«Получаем сообщение от верного человека в КГБ, что на обратном пути наш самолет потерпит катастрофу. Собрались в узком кругу в одной из комнат... Я предложил такой вариант. Объявляем о своем намерении вылететь завтра в 7 утра, спускаемся и продолжаем ужин, а сами ночью садимся в машины и едем в Ленинград. Откуда отправляемся в Москву первым же самолетом Аэрофлота. Так и сделали. В четыре утра выехали из Таллина и через несколько часов уже были в Пулковском аэропорту».*

На мой вопрос жене Д. Дудаева, не он ли дал Ельцину те машины, на которых делегация вернулась в Россию, Алла Федоровна написала: *«Не слышала о спасении Ельцина из Эстонии». Но: «Я знаю, что Джохар не разрешил посадку самолета с российским десантом на борту, чтобы не было повторения трагических событий в Вильнюсе».*

Поздно вечером того же дня министр внутренних дел Литвы дозвонился своему бывшему коллеге В. Бакатину. Он рассказал ему о том, что уже погибло больше десяти человек, что телефоны Пуго и Язова не отвечают.

Бакатин бросился звонить Горбачеву на дачу. Тот спокойно ответил: *«Не нервничай, Вадим. Мне уже докладывали. Твои литовцы сильно преувеличивают. Обстановка в городе накалилась из-за стычек между отрядами рабочих с националистами. Кое-кто пострадал, но самоуправства со стороны военных допущено не будет. Я дал команду разобраться».*

О том, как «разбирались» позже рассказывал замкомандира группы «Альфа» 7-го управления КГБ СССР Головатов:

«Я находился как бы в штабе, из Москвы сказали, что вопрос (о захвате телецентра и др. – Ю. Р.) согласован с главнокомандующим: нам должны были проделать дорогу, то есть шеренгу, раздвинуть толпу, сначала два танка, которые должны произвести 2-3 холостых выстрела. Что дало бы возможность рассеять толпу. Выстрелы были, а толпа как стояла, так и стоит. После пошли 4 БНД, – тоже безрезультатно... Они пошли в лоб, к центральному входу. Мы же на машине ЗИЛ-131 зашли с тыла».

Той ночью при штурме телевизионной башни под гусеницами бронемашин

и от пулевых ранений погибли 13 человек. От холостых танковых выстрелов в упор у людей лопались барабанные перепонки, как минимум 140 защитников были контужены. Руководил операцией хорошо известный в Тбилиси и Баку каратель, генерал Ачалов. В ночной кутерьме смертельную пулю получил один из нападавших, лейтенант из группы «Альфа» В. Шатских (позднее нападавшие стали утверждать, что не сделали ни одного боевого выстрела, что сами защитники давили машинами и стреляли в чужих и своих, чтобы опорочить спецназ. Этот прием будет использован еще не раз).

Упрямое сопротивление народа сломить не удалось, «Альфе» пришлось прорываться в телецентр с черного хода. Верховный Совет Литвы к этому времени был уже плотно огорожен баррикадами, генералам стало ясно, что там жертвы будут исчисляться уже сотнями. Штурм парламента отменили, литовцы свою свободу отстаивали.

Впоследствии никто из должностных лиц СССР не захотел взять на себя ответственность. Министры внутренних дел и обороны также уверяли в своей непричастности. Президент СССР (который днем ранее получил премию Мира, присужденную ему Всемирным Советом методистских церквей) заявил, что он ничего не знал об этой акции и что о ней ему доложили лишь утром. Позже Горбачев утверждал, что бойцам из «Альфы» показали написанный от руки карандашом приказ от его имени, который потом разорвали.

Имени председателя КГБ СССР Крючкова Михаил Сергеевич не назвал. Но его пресс-секретарь А. С. Грачев так будет вспоминать и комментировать слова своего шефа: «В январе 1991 года на меня оказывали мощное давление, требуя ввести в Литве президентское правление». Он не уточняет, кто на него «давил». Все и так достаточно ясно: в те дни он сам ссылался на десятки телеграмм от «трудовых коллективов и из воинских частей», которыми его через Болдина заваливали Крючков и Лукьянов.

Позже генсек говорил уже так: «Они знали, что Горбачев на это не пойдет, и поэтому за моей спиной затеяли штурм телецентра. Рассчитывали повязать меня кровью».

Что ж, даже если так, то ответственность действительно легла на него. А ведь писатель и союзный депутат Алесь Адамович предупреждал: «Михаил Сергеевич, вокруг вас одни эполеты. Они развяжут бойню и потом вытрут о вас свои руки, испачканные в крови».

Помощник М. Горбачева А. Черняев записывает в своем дневнике:

«13 января 1991 г.

Не думал я, что так бесславно будет заканчиваться так вдохновляюще начатое Горбачевым. Утомляют растерянность и, увы, беспорядочность в занятиях, какая-то “спонтанность” в делах, а главное – склонность верить «своим» и в конечном счете именно у них искать поддержку (у КПСС!) Все это привело

к “спонтанным” действиям десантников и танков в Прибалтике и кончилось кровью. Говорят, в Вильнюсе 180 раненых и 14 убитых за одну ночь!

Радио гудит от оскорблений и обвинений Горбачева. Уже российские депутаты публично произносят: “Горбачев и его клика”, “Горбачев – величайший лжец нашего времени”, “он обманул всех, и Ельцина в первую очередь”, “режим пакостный”, “его режиму служить не буду”. Звонки на радио, которые тут же даются в эфир: “Мне стыдно, что я русская», “Горбачев хуже, чем Гитлер”, “То, что в Литве – это сигнал всем республикам”, “Республиканские парламенты должны сказать свое слово”. “На Верховный Совет СССР нечего рассчитывать”. Перемежается призывами “к суду над палачами”, требованиями поставить вопрос о лишении Горбачева Нобелевской премии.

Юрий Афанасьев, Старовойтова, Черниченко, Станкевич возглавляют митинг на Красной площади. Потом прошли во главе манифестации по улицам, подняв свои депутатские удостоверения. Толпа скандирует: “Свободу Литве!”, “Позор палачам!”»

16 января 1991 года. Он же:

«Сегодня последний день сессии Верховного Совета. У Горбачева была последняя возможность управиться с Литвой, а значит и со своим имиджем как лидера перестройки. Он даже поручил утром Примакову набросать текст. Женя с Игнатенко набросали, разумеется, в осуждение происшедшего. Но М. С. не воспользовался. И после отчета Дементя, который возглавлял делегацию Верховного Совета (Олейник и Тер-Петросян) в Литву (отчет их пустой, формальный), и после «развернувшейся дискуссии» предложил ...приостановить действие закона о печати и ввести в каждый орган цензора из состава Верховного Совета. Поднялся шум. М. С. не стал настаивать. Но лицо и замысел свой обозначил. Получилось, что он на стороне тех, кто убивал в Вильнюсе: есть, что скрывать, не показывать.

Невзоров сделал в Вильнюсе телевизионную передачу. О штурме омонументов. Черносоленная совершенно передача. Верховный Совет постановил ее показывать, другие “зарисовки” из Вильнюса не показывать».

В Питере состоялась внеочередная сессия Ленсовета, мы заявили о необходимости вывести все воинские подразделения, введенные на территорию Прибалтики в январе, освободить все захваченные там здания и сооружения, освободить от занимаемых должностей министра обороны СССР и командующего Прибалтийским военным округом. Мы предупредили, что Ленсовет, в случае невыполнения этих предложений, обратится к ленинградцам с призывом всеми конституционными способами добиваться отставки Горбачева и обратились к союзному Верховному Совету с требованием принятия новой, демократической Конституции.

Блок «Демократическая Россия» обратился к жителям города:

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА У НАШЕГО ПОРОГА

«Началось в Литве. Где кончится? Наши сыновья, мужья и братья пойдут под пули, пойдут убивать. Ради чего?

Сегодня в городах Литвы бронетранспортеры, танки, десантники. Гибнут люди. Наши парни втаптывают в грязь суверенитет и национальную гордость другого народа. Зачем? Чтобы запугать нас. Чтобы лишить воли к сопротивлению.

Власть партийно-хозяйственной номенклатуры осталась незыблемой. Ее люди – хозяева на заводах и фабриках. Ее люди контролируют телевидение. Ее люди управляют в большинстве газет. Сегодня номенклатура жаждет вернуться к старому. Если не получится, забрать заводы и фабрики в свою собственность. Допустим ли мы это?

Поднимайтесь! Становитесь в пикет у Главного штаба. Приходите на митинг против угрозы гражданской войны. За вашу и нашу свободу!

Начало митинга в 15.00 на Дворцовой площади в воскресенье 13 января 1991 года.

Готовьтесь к всеобщей забастовке против диктатуры ползучего военного переворота!»

А. Собчак попытался не допустить проведение митинга, он прервал заседание ленсоветовского президиума, который уже согласовал митинг, вышел куда-то, а потом вернулся и заявил, что приостанавливает наше решение, а сам удалился. Но не тут-то было, мы отказались признать его решение и митинг состоялся. Впервые по собственному желанию на него собралось невиданное ранее количество людей, была заполнена половина громадной площади, больше будет только в августе.

Но трагические события в Прибалтике на этом не кончились. 20 января стреляли уже в Риге.

Депутат Ленсовета, подполковник инженерных войск А. Трубин:

«В Прибалтику Ленсовет зимой 1991 года отправил нескольких депутатов. Болтянский поехал в Таллин, Яскин – в Вильнюс, а я – в Ригу с Сунгуровым. В Риге начиналась стрельба, это была явная попытка военного переворота с целью обострить ситуацию в СССР. Этим руководил Рижский горком КПСС, на 100% в этом уверен. Ему подчинялась часть войск. Но для провокаций не получалось задействовать рижских курсантов военных училищ, которые составляли основную массу гарнизона. Они более грамотные, чем ОМОН. В Риге у них девушки, знакомые, бесполезно было их использовать для организации беспорядков. При этом рижский ОМОН был искусственно изолирован на своей базе. С ним проводились весьма оригинальные политзанятия. Нам с Сашей Сунгуровым удалось пройти на эти политзанятия, т. к. я был в форме. Стоит зал – человек 50 этих омовцев, все они с оружием – с автоматами, пистолетами, с гранатами. Причем гранаты в боевой готовности: дернешь – и взорвется. И на них все это

действует, они тоже в готовности взорваться в любой момент. Перед ними стоит не их политработник, а из рижского военного училища, и проводит политзанятия. Сзади политработника расположились 5 женщин, которые непрерывно кричат: “Ребята, спасите нас, нас убивают, режут. Нас всех перебьют, вы должны нас спасти”. И постоянно такие возгласы за спиной политработника. Обстановка совершенно дикая и тем более накаленная, т. к. к этому моменту омовцы уже расстреляли 14 человек – совершенно случайных людей. Водителя какого-то остановили, что-то им не понравилось, тут же расстреляли на месте. 20-го января расстреляли двух милиционеров. Расстреливали из-за того, что ответили им как-то не так, или показался человек подозрительным.

Они были совершенно изолированы, никакой связи с внешним миром, только выезжали на такие рейды. Якобы укрепляли власть. Их уже к тому времени ненавидели. Местная милиция состояла из русских, белорусов, т. к. в милицию шли те, кто не имел квартиры, прописки. Поэтому большей частью это были не латыши. Местная милиция оказалась в дурацкой ситуации, т. к. омовцы – та же милиция, но другого подчинения. Местная милиция пыталась противостоять беззаконию ОМОНа.

Как только мы с Сунгуровым появились на этих политзанятиях, проводивший их посторонний офицер, обративший внимание на нас как на лишних свидетелей, сразу куда-то исчез, и женщины тоже ушли.

Сунгуров что-то стал рассказывать, но он явно не оценил аудиторию. Его пообещали тут же расстрелять. И это не шутка. Это обещали люди с автоматами, которые уже расстреляли 14 человек.

Пришлось мне брать эту ситуацию на себя. Я-то в форме и знаю, как надо разговаривать с военными. Не важно, что говоришь, важно, что командирским голосом. Я стал отвечать на их вопросы.

Они спросили, неужели я приехал сюда на обычном автобусе и в форме. И я ответил, что именно так. И на вас никто не нападал? Я ответил – никто. А омовцы – так у них наши списки, где написано – всех повесим! Я ответил, что по-латышски не понимаю и таких списков не видел. А они говорят, виселицы стоят на площади. А я говорю, был там, никакой виселицы не видел.

В общем, наши ответы их успокоили, мы вышли оттуда живыми, целыми и невредимыми. Вроде обстановка там стала нормализоваться.

В Риге мы побыли еще один день, были на встречах с рижским горсоветом и парламентом Латвии, и стали собираться уезжать. А 20 января вновь раздалась стрельба. Я подумал, что нападают на военкомат, который расположен рядом с латвийским МВД. Услышав выстрелы, мы с Сунгуровым пошли туда, где стреляют. Сунгуров остался в оцеплении, а я пошел к омовцам. Они палили, не разбираясь, куда стреляют, были на освещенной стороне улицы и стреляли в сторону парка. По парку бегали люди, ведь было только 8 часов вечера, люди еще не разошлись по домам. В парке тогда погибли два милиционера, которые

выгоняли людей оттуда, еще мальчишка и какой-то гражданский. Омоновцы стреляли просто по теням, т. к. не видели во тьме, куда стреляют. Глаза бешеные, один на улице пристроился и палит с колена. Я ему, прекрати стрельбу, что ты делаешь! Они увидели, мелькает огонек будто выстрел, бабах, а это огонек от снимавшей их телекамеры, и Витасу Звайгене прямо в лоб, он был телеоператором, работал с тележурналистом Подниексом.

Я опять кричу, что вы делаете, прекратите стрельбу! А они в ответ, по нам стреляют! Я им говорю, я встану перед вами, а вы становитесь за мной, никто по вам выстрелить не сможет. Только стрелять прекратите! Один такой здоровый литовец, чтобы прикрыть меня что ли, сгреб меня в охапку и в машину посадил, а я ему говорю, да я с тобой рядом встану, только палить прекратите! Встал с ними рядом на крыльцо здания МВД, они стрелять перестали. Стреляли-то, потому что были в панике.

Стрельба прекратилась и в здании МВД. Оттуда выводят генерала, начальника рижской милиции, к себе сажают. Я поехал с ними, пытаюсь их успокоить.

И здесь же еще один эпизод, показавший, что омоновцы – настоящие милиционеры. Там недалеко какие-то мародеры бегали, омоновцы их повязали, ножи отобрали и в машину забрали, несмотря на утверждения грабителей, что они русские, приехали помогать рижскому ОМОНу. Только когда приехали в ОМОН, меня стало трясти от пережитого.

На следующий день я пришел в МВД и вот что узнал о происшедшем вчера. Во-первых, омоновцы убили двух милиционеров, когда штурмовали здание. А полезли они в МВД из-за того, что накануне вечером была провокация против жены одного из омоновцев.

В МВД в тот день я встретил всем нам сегодня известного гражданина Колесникова, заместителя генерального прокурора. А тогда он был командиром милицейской дивизии, прямым начальником рижского ОМОНа. Я пришел и увидел рижское руководство, глаза у всех квадратные, не знают, как этот ОМОН успокоить. Кто-то сказал Колесникову, иди, успокаивай, ведь это твои подчиненные, а он не хочет. Я спросил, а что же произошло, из-за чего весь сыр-бор? Отвечают, что накануне вечером омоновец встречался с женой, подвез до дома, высадил и уехал. А там была какая-то машина. Три человека из этой машины схватили женщину, затащили в машину и изнасиловали. Об этом узнали омоновцы, озверели и пошли разбираться с милицией.

А Колесников отказывался ехать в ОМОН, чтобы разобраться в происшедшем. Тогда я предложил, давайте я поеду. Они согласились, меня довели и высадили метрах в 100 от ОМОНа, дальше подъезжать боялись.

Я должен был допросить эту женщину и ее мужа, хотя никогда расследованием уголовных дел не занимался. Меня перед поездкой кое-как проинструктировали о том, как вести допрос, что перед ним надо предупредить об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, что я и сделал. А она плачет, плачет.

Я выяснил, что женщину схватили. Я ее спросил, а может быть вы кого-нибудь из насильников узнали? Она ответила, что узнала – там были отец и сын, по национальности латыши. Один из них ей известен тем, что он работает на КГБ. Когда она первый раз была замужем, жила в военном городке, где жил и этот латыш, про которого говорили, что он работает на КГБ. Когда я уже заканчивал допрос, пришли все-таки следователи из горотдела милиции из отдела тяжких преступлений.

Вот так мне стали известны эти подробности. Их я пытался довести до руководства прокуратуры и в Риге, и в Питере. Эту провокацию явно организовала часть КГБ, работавшая на партийную номенклатуру.

Хочу сказать, что в КГБ было и достаточно честных людей. Они боролись с чеченской мафией, с организованной преступностью.

Хотя в этом случае я не знаю, действовал ли провокатор по заданию или нет, я знаю точно одно: этот человек, по утверждению потерпевшей, ранее работал на КГБ».

Несмотря на протесты, митинги и демонстрации генералы остаются на своих местах, не меняется и конституция. Когда на российском съезде министра обороны спрашивают, почему нарушена конституция, которая не позволяет использовать армию во внутренних конфликтах, Д. Язов нагло заявляет: «Я Конституцию РСФСР не читал, и армия ей не подчиняется» (!?!), после чего остается на посту министра.

Горбачев 6 февраля выступает по Центральному телевидению, где говорит о предстоящем референдуме, который должен решить судьбу Советского Союза. Не дожидаясь этого, 9 февраля 90% граждан Литвы голосуют за свою независимость. Горбачев вынужден согласиться и отозвать войска.

Алла Дудаева пишет о нем в своей тетради:

«Два поста, как два возложенных венца,
А на пальце – обручальных, два кольца.
Неизбежно – шаг вперед и два – назад!»

Безнаказанность генералов развязала руки и другим. Из репортажа в «Независимой газете»: «Около трех часов ночи с 22 на 23 мая 1991 года рижские омоновцы, подчиненные союзному МВД, захватили таможенный пост в поселке Витини, на границе с Литвой, сожгли его, а всех троих таможенников, кто в нем находился, привязали к шлагбауму. Через двадцать минут нападению подвергся другой таможенный пост, находящийся примерно в тридцати километрах от первого, на границе с Литвой. Этот пост омоновцы также сожгли, отобрали у сотрудников документы, штык-ножами прокололи колеса таможенных автомашин. В это же время другая группа омоновцев подъехала к таможенному посту, находящемуся неподалеку от поселка Скайсткалне. Они разоружили

милиционера, охранявшего склад таможи, а находящихся там сотрудников, угрожая оружием, поставили лицом к стенке. Из склада вынесли все конфискованные таможенниками вещи и документацию таможи. Затем они въехали на территорию Литвы и подожгли таможенный пост на ее территории. После чего уехали в сторону Риги. Около шести утра примерно тридцать омоновцев подъехали на пяти машинах к таможенному посту в поселке Патарниеки на границе с Белоруссией. С автомашины районного отдела милиции, охранявшей пост, они сорвали рацию, избili милиционера. И, следуя все тому же сценарию, сожгли таможенный пост. Кстати, как рассказывают таможенники, вместе с нападавшими был известный в ту пору тележурналист, неистовый противник демократических перемен Александр Невзоров, который снимал все происходящее на видеокамеру».

Всего омоновцы сожгли тогда 17 таможенных постов на восстановленных границах Латвии и Литвы.

А 31 июля на границе с Белоруссией были расстреляны семь безоружных сотрудников литовской таможи и милиции. Выжил только один таможенник Томас Шярнас. Он остался на всю жизнь инвалидом, оказался единственным свидетелем преступления и позже рассказывал: «Это не была таможня в полном смысле слова. Был просто вагончик с литовским флагом, то есть больше политическая акция, демонстрация всему миру намерений маленькой Литовской республики стать независимой... Все убийство заняло буквально пару секунд. Пули в затылок — и все кончено».

По версии следствия, которое не закрыто до сих пор, в нападении участвовали бойцы рижского ОМОНа при содействии их коллег из Вильнюса. Вывод сделан не только на основе показаний выжившего Т. Шарняса, но и по результатам обыска на базе рижского ОМОНа, где был обнаружен один из трех автоматов калибра 5,45, из которого были совершены выстрелы. Следствие считает, что в состав группы, осуществившей расстрел, входили Александр Рыжов, Андрей Лактионов, Константин Никулин и командир ОМОНа Чеслав Млынник. Они скрылись в России и не были выданы, лишь спустя много лет был найден и осужден Никулин, живший в Латвии под чужой фамилией. А Млынник, который по словам главы МВД Латвии А. Вазниса, был автором провокации с якобы имевшим место изнасилованием жены омоновца в Риге, позднее выполнял задания Генштаба РФ в Абхазии, Осетии, получил звание полковника и теперь на вопросы журналистов говорит: «Да, мы тогда много где пошалили».

Еще 9 октября 1988 года Черняев писал в дневнике:

«В пятницу Горбачев позвал нас с Шахназаровым... Вдруг его прорвало насчет Карабаха. Встал против нас, сидящих, и произнес: “Я хочу, чтобы по-человечески, чтобы не дошло до крови, чтобы начали разговаривать друг с другом... Действует коррумпированная публика. Демирчян (армянский первый секретарь

ЦК) собирает своих, в Баку мобилизуют своих, а интеллектуалы армянские обанкротились: ничего ведь предложить не могут, ничего, что вело бы к решению. Но я и сам не знаю решения. Если б я знал, я не посчитался бы ни с какими установлениями, ни с тем, что есть, что уже сложилось и т. д. Но я не знаю!”

“Не дошло до крови?”, но она уже пролита в Сумгаите. И если союзный президент этого не хотел, то кто принимал решения на уровне Союза? Потом власть сделала все, чтобы замолчать трагедию. А она стала тем камнем, который увлек за собой лавину».

Операция «Кольцо»

28 марта третий съезд депутатов РСФСР должен был заслушать доклад Б. Ельцина и утвердить результаты референдума о введении поста президента в России. Чтобы коммунисты смогли провалить это решение без помех со стороны многотысячных толп москвичей, Горбачев разрешает ввести в центр Москвы войска.

«Российская газета»:

«Мы и наши коллеги, аккредитованные на съезде, знали о приготовлениях по «усмирению» Москвы. Мы шли ранним часом по какой-то изумленной, остолбеневшей столице и думали: как же надо ненавидеть собственный народ, как же надо его бояться, чтобы рассовать по всем прилегающим к центру улицам и дворикам колонны битком набитых солдатами автомашин, прятать в глухих подворотнях толпы милиции, ведущей непрерывные переговоры (чем не фронтовая обстановка) по рациям, вывести на окраины боевую технику. И после этого – широковещательные телевизионные заявления о приверженности демократии, «социалистическом выборе», заботе руководящей верхушки страны о народном благе».

Но российские депутаты отменяют решение Горбачева о запрете митингов, они выходят из Кремлевского дворца съездов и встают между войсками и демонстрантами. Воинские части отводятся, а Съезд, исходя из результатов референдума, учреждает пост всенародно избираемого президента России.

А пока бушует Москва, «под шумок» части СА и азербайджанского ОМОН начинают операцию «Кольцо» – насильственную депортацию армян из Нагорного Карабаха.

Узнав об этом, наш Совет срочно командировал в Армению двух депутатов – Александра Серякова и Александра Винникова. Последний позже писал: *«По срокам операция “Кольцо” была спланирована таким образом, чтобы начаться сразу же после завершения государственных переворотов в трех Прибалтийских республиках – конец апреля – начало мая 1991 года. Так Горбачев надеялся вынудить лидеров, объявивших о независимости своих республик, присоединиться к подписанию Союзного Договора. Провал операции в Прибалтике не повлиял на сроки начала и проведения операции по «умиротворению» Карабаха. 25 марта части азербайджанского ОМОНа начали обстрел армянского села Геташен, 11 апреля жителям деревни был предъявлен ультиматум о выселении, 19 апреля началась замена контингента внутренних войск в этом районе, 21 апреля министр обороны Язов запре-*

тил регулярные рейсы вертолетов на линии Ереван – Шаумян, в тот же день состоялась первая прямая атака омоновцев на Геташен, отбитая местным отрядом самообороны. 27 апреля Муталибов выступил по азербайджанскому телевидению с призывом “немедленно решить проблему армянского населения Азербайджана”.

В ночь на 30 апреля начались артобстрелы армянских сел. Когда жители села Воскепар попытались эвакуировать женщин и детей, по выходу из села был открыт заградительный огонь.

Бакинский полк МВД СССР под командованием полковника Машкова начал атаку. Впереди – танки, обстреливавшие дома, за ними – автоматчики. Геташенцы сумели оказать сопротивление.

Группа защитников, держа в руках гранаты с выдернутой чекой, бросилась в группу наступающих и сумела оказаться вплотную к полковнику Машкову. Угрожая взрывом, они захватили его в плен и вынудили приказать сдаться еще 15 солдатам, находившимся поблизости. Нападавшим пришлось отступить, затем произошел обмен заложниками, при котором азербайджанские омоновцы стали стрелять, убили двоих армян. А заодно ранили и Машкова.

К вечеру из Геташена на связь с Арменией вышли его последние защитники. Они сообщили, что военные и омоновцы поджигают дома. Число убитых, раненых и захваченных не поддается оценке. Среди убитых и раненых есть дети и женщины. Связь прервалась последним криком радистки...

(При этом 2 мая по азербайджанскому телевидению прошло сообщение о том, что жители Геташена (Чайкенда) “встречают своих освободителей цветами”.) »

Во времена своего членства в «Демсоюзе» я уже побывал в Армении, тогда в Москве и Питере члены ДС выходили на улицу с пикетами в защиту арестованных членов движения «Крунк» и «Карабах», а я обсуждал с армянскими друзьями координацию наших действий.

Теперь, после возвращения оттуда А. Винникова и А. Серякова, в зону конфликта отправляется уже делегация депутатов Ленсовета. Вместе со мной летят мой заместитель по Комиссии Владимир Адушев, Виталий Скойбеда, врач Андрей Торчаловский, прокурор Нина Рейтер, Николай Журавский, Николай Конкин, Сергей Яскин, журналисты Александр Горшков и Таня Лиханова.

Мы хотим увидеть собственными глазами, что же происходит в Армении, Карабахе и Азербайджане. Но с кого начать? Понятно, что каждая сторона будут доказывать нам свою правоту, причем, с кого бы мы ни начали свое посещение, другая сторона заподозрит нас в ангажированности.

Посоветовавшись, мы все же решили начать с Армении, которая после Сумгаита и Спитака вызывала общее сочувствие.

Многие из тех, с кем я тайком встречался в 89-м году (за чашкой кофе в саду под шелковицей), теперь стали депутатами. Разговор с председателем Верховно-

го Совета республики Леоном Тер-Петросяном был коротким, он передал нас своим помощникам, от которых мы услышали многое.

По их словам, Карабах уже давно в экономической и криминальной осаде, а с января 90-го года в ИКАО введено «чрезвычайное положение». Приостановлена деятельность Советов народных депутатов, обкома компартии, всех общественных организаций в областном центре Степанакерте и четырех населенных армянами районах. Но в Шушинском районе внутри той же НКАО, там, где живут азербайджанцы, все госорганы работают.

За последний год в армянские села с обысками и погромами 200 раз вторгались отряды азербайджанского ОМОНа. После их набегов десятки искалеченных людей попадают в больницы. При этом у армян постоянно и безнаказанно угоняют скот, за последний год десятки раз вооруженные банды из соседних районов нападали на армянские деревни, идет ежедневный обстрел армянских домов. При этом с подачи МВД республики и по указанию из Москвы у милиционеров-армян изъяты все автоматы.

Жители армянских сел живут в атмосфере безнаказанного террора. Причем не только армяне: в июне 1989 года два офицера МВД СССР, которые приехали из Москвы расследовать серию убийств в Агдаме, зверски убиты толпой. Виновные не найдены...

Все это происходит при активной поддержке второго секретаря ЦК республики, руководителя «Оргкомитета по Нагорному Карабаху» Виктора Поляничко. У части азербайджанцев к нему тоже счеты.

Сопредседатель Социал-демократической партии Азербайджана Араз Ализаде позже вспоминал: *«Я лично видел и слышал, как азербайджанцам он говорил одно, а армянам другое. Осенью 1991 года в селе Туг были убиты члены азербайджанской и армянской семей. Азербайджанцам Поляничко сказал, что дальше подобное терпеть невозможно, а армянам сказал, надо браться за оружие».*

Депутаты показали нам копии секретных материалов о готовящейся депортации армян из Карабаха. Информация уже передана министру МВД СССР Б. Пуго. Но реакции никакой. А ведь еще в феврале 91-го года план изгнания армянского населения был фактически одобрен на сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР. Но Москва молчит, и армяне считают, что приближающаяся расправа – месть за объявленный ими суверенитет. (Позже, читая материалы командированного в Карабах старшего следователя союзного МВД В. Кривоpusкова, я найду подтверждение всему, что мы услышали тогда в Ереване.)

Но мы догадывались о том, что и армяне не столь уж безобидны и беззащитны. Депутат Николай Журавский, ездивший спасателем в рухнувший Спитак, рассказывал нам о том, что в Карабахе существует подпольное сопротивление (оно трижды пыталось уничтожить Поляничко за то, что он прикрывает преступления азербайджанских отрядов милиции особого назначения (ОМОНа), что угоны скота взаимны, а нападения мелких банд отражаются огнем. Но армян-

ское подполье и его отряды самообороны бессильны перед набегами, в которых участвуют солдаты и бронетехника советской армии.

Выслушав армян, мы, естественно, хотим убедиться во всем сами.

Еще в Питере мы слышали о том, что в Армении уже не раз побывала член палаты лордов, председатель армяно-британской парламентской группы, известная в правозащитных кругах Европы баронесса Кокс. Да, сказали нам, она живо интересуется карабахскими делами, влюбилась в Армению и сейчас она раздает медикаменты где-то у Лачинского «коридора».

Было время, когда НКАО непосредственно граничила с Арменией, однако после очередной административной реформы это прямое соседство было разорвано. Лишь горная дорога осталась нелегальным «коридором», по которому Карабах получал помощь.

Если туда можно попасть, значит, нам туда. В Ноябрьерянский район нас доставляют вертолетом. (Почти в то же время где-то рядом выясняет обстановку Анатолий Шабад и другие правозащитники из московского «Мемориала».) На одной из лесных дорог, между поселками Верхний и Нижний Воскепар, нам показывают расстрелянную «Ниву» и автобус «ГАЗ», который вез милиционеров из Кировабада. Они ехали охранять села от набегов. Нам говорят, что по ним открыли огонь из засады, причем стреляли не только «азеры» (так они называют азербайджанцев), но и солдаты из соседней советской воинской части, которым сказали, что едут террористы. Тринадцать человек погибли на месте. Судьба остальных еще неизвестна. В автобусе пятна засохшей крови на полу, кровь на вспоротых пулями буханках хлеба, которые так и остались лежать в машине...

В селе, которое мы проезжаем, окна крайних домов в пулевых отверстиях, у дороги свежие воронки от снарядов. Население вооружается как может, женщины недавно заблокировали проезжавший армейский БТР, а мужчины аккуратно вытащили оттуда наших солдат. Вернули бронемашину только под угрозой армейского налета на село.

Мы готовы ехать дальше, на азербайджанскую сторону (то, что мы уже находимся в мятежной части Азербайджана, доходит до нас не сразу), но нас не пускают: нет никакой гарантии того, что по машине не откроют огонь. Даже когда я выхожу на пригорок, чтобы посмотреть на ту сторону, местные жители оттаскивают:

– Нельзя, снайперы!

– А еще там закопанный танк стоит, его башню можно разглядеть в бинокль, он тоже может ударить...

Я возвращаюсь, пожимая плечами. Мне еще не верится: что, вот так, просто, когда светит солнце, птицы поют, а вокруг простор и красота, кто-то станет стрелять по неизвестному человеку? Убедиться в том, что так бывает, мне придется уже в Чечне.

На обратном пути в вертолете мы знакомимся с баронессой. Женщина средних лет со следами былой красоты, поначалу воспринимает нас как представитель советской власти, депутатов, которые отвечают за творящиеся на этой земле безобразия. Когда она убедится в том, что мы готовы разделить с ней негодование, ее глаза теплеют. Но в Ереване наши пути расходятся, нам все же надо в Карабах. А ей туда нельзя, бакинские власти считают ее чуть ли не английским шпионом. Но Каролина побывает в Армении, а потом и в Карабахе еще шестьдесят раз! Будет возить туда гуманитарную помощь, будет взывать к мировой общественности о прекращении войны, которая скоро разразится в этих благословенных местах.

Что привело высокопоставленную англичанку в далекий край, что заставляло ее рисковать жизнью ради маленького, затерянного в горах народа? Быть может, генетическая память о борьбе ее предков-шотландцев за свою независимость?..

Мы летим в Арцах, так армяне предпочитают назвать Горный Карабах. Но в Степанакерте нас уже ждет азербайджанский ОМОН, нам не дают даже зайти в здание аэропорта. Там, за стеклом, я вижу жирных мужиков в пятнистой форме, размахивая автоматами, они показывают на нас и о чем-то ржут между собой.

Появляются чиновники и настоятельно предлагают нам лететь в Баку «за получением разрешения на въезд в зону чрезвычайного положения» (мы были не первыми и не последними: там же развернули и отправили обратно комиссию Европарламента, задержали членов Верховного Совета РСФСР Галину Старовойтову и Сергея Ковалева).

Но в Бакинском аэропорту нас встречают уже официально, служебные лимузины везут нас в гостиницу, сопровождающие лица любезны, нам дают отдохнуть и предупреждают, что нас ждет встреча с председателем Верховного Совета республики Эльмирой Кафаровой. По дороге из гостиницы в центр мы останавливаемся, чтобы прийти к ней с букетом цветов. Стройная дама с волевым лицом сдержанно улыбается и расспрашивает нас о цели приезда. Упоминание о Ереване омрачает беседу: «Вы хотели разобраться в наших проблемах? Так отчего же вы поехали к тем, кто создает нам эти проблемы!? Вам надо было лететь прямо к нам!»

На вопрос о том, почему же нас выставили из Степанакерта, она, чуть замедлившись, решительно отвечает: «Это опасно, мы не можем рисковать, а если вы пострадаете? Что мы скажем ленинградцам? Нет-нет, да и вам надо было заранее предупредить нас. Что ж, у вас будет возможность все увидеть, а сейчас я предлагаю вам поехать на аллею Шехидов. Вы, я надеюсь, знаете о том, что произошло в Баку год назад?»

Мы знали. Хотя и не все.

Нагорный Карабах вышел из подчинения нашим властям, но они ничего не делают! – так считало большинство в азербайджанском Народном фронте (НФА).

С его подачи начинается захват правительственных и партийных зданий, народ разрушает и открывает сотни километров границы с Ираном. Партийное и советское руководство республики прячется в Москве.

Митинги в Баку перерастают в погромы и убийства живущих там армян. Когда писатель Юсиф Самедоглу позвонил в Центральный комитет компартии и попросил вмешаться, ему ответили: «Пусть режут!»

Правозащитница Арзу Абдуллаева вспоминает, что когда она обратилась к милиционеру с просьбой спасти армянина от толпы погромщиков, то услышала в ответ: «У нас приказ не вмешиваться».

В Баку армейские воинские части заблокированы, четыре тысячи солдат из войск МВД бездействуют, не получив приказа из Москвы. Захвачен не только телецентр, НФА успешно перехватывает власть в республике, готовясь заявить о ее выходе из Союза. Сбежавший в Москву председатель Совета министров Азербайджана Муталибов просит Москву прислать войска...

В ночь с 19 на 20 января 1990-го года армейские части советских войск взяли Баку штурмом. Формальным поводом к вторжению было прекращение тех погромов, которые к тому времени затихали, поскольку оставшиеся в живых армяне уже бежали из города. Реально задача была другой: приехавший для переговоров с бакинским Народным фронтом член Президентского Совета Е. Примаков заявляет: мы не потерпим выхода из СССР!

В числе офицеров, командовавших усмирением, опять генерал Лебедь, который после этой операции получит звание генерал-майора. Если верить его воспоминаниям, то 106-я дивизия ВДВ, которой он командовал, не встретила серьезного сопротивления, ей почти не пришлось стрелять, разве что отстреливаться.

Это противоречит словам вернувшегося из Баку С. Говорухина, тогда он еще был способен давать своим властям критические оценки:

«Советская Армия вошла в советский город... как армия оккупантов, под покровом ночи, на танках и бронемашинах, расчищая себе путь огнем и мечом. По данным военного коменданта, расход боеприпасов в эту ночь – 60 тысяч патронов. На сумгаитской дороге стояла на обочине, пропуская танковую колонну, легковая машина, в ней трое ученых из Академии наук, трое профессоров, одна из них женщина. Вдруг танк выехал из колонны, скрежеща гусеницами по металлу, переехал машину, раздавив всех пассажиров. Колонна не остановилась: ушла громить «врага, засевшего в городе».

Цель Кремля – спасение власти коммунистов и разгром Народного Фронта. Операция получила кодовое название «Удар». Руководил захватом города министр обороны СССР Язов, участвовало 20 тысяч солдат из регулярных армейских частей, войск МВД, КГБ и даже военно-морского флота. Результат – 170 погибших, около 400 раненых. Среди них мирные горожане: молодежь, старики, женщины, дети. Спротивляться пытались курсанты военных училищ, поэтому были жертвы и среди них...

Мы приезжаем в Нагорный парк, вот и Аллея шехидов, длинный ряд черных плит и стелы с портретами погибших. На крайней из них девочка-школьница Лариса Мамедова, пулеметная очередь настигла ее, когда она ехала в автобусе. Молча мы постояли у бесконечного ряда могил. Не мы отдавали приказы, но мы были представителями империи, и в глазах тех, кто сопровождал нас, читался упрек. Дежурных слов говорить не хотелось, да их от нас и не ждали.

Вечером нас привезли на официальный банкет, стол ломился от яств: икра, осетрина, баранина, фрукты и вино. Вице-спикер, помощник Кафаровой, усадив нас за стол, усмехнулся и сказал:

— Хотя вы и не наши друзья, но вы видите, как щедро мы вас принимаем, — и засмеялся. — Шутка!

Не ожидая такой откровенности, мы растерялись. А потом, вспомнив о задачах, которые еще предстояло решать, подняли бокалы за мир и дружбу.

Мы еще надеялись на то, что сможем попасть в Нагорный Карабах, а я помнил о том, что в следственном изоляторе г. Гянджа находится один из активистов Карабаха, что армяне, зная, как с ними обращаются в тюрьмах, опасаются за его жизнь.

День или еще два ждали мы разрешения отправиться в Карабах, время командировки кончалось, а ничего, кроме пустых разговоров о том, что мы не знаем армян, что они хитры и коварны, мы не слышали. Все же нам удалось попасть в бакинскую тюрьму. Охрана вывела с десятка арестованных армян. Они смотрели испуганно, на вопрос Володи Адушева об условиях содержания, поглядывая на стоящих рядом офицеров, они твердили: все хорошо, мы всем довольны.

Андрей Торчаловский обратил внимание на руки одного из стоявших — покажи! Фаланги и ногти обеих рук в черных кровоподтеках.

— Так, — другому, — покажи руки!

То же самое.

— Что это?

Молчат.

Андрей оборачивается к начальнику тюрьмы

— Это что?

Тот мямлит.

Андрей:

— Вы что, им руки дверью прищемляли?

— Вы не можете так говорить! С чего вы взяли?

Андрей:

— Я врач, по травматологии у меня в институте пятерка была. Я ответственно заявляю, это следы пыток. Если это увидит Генеральная прокуратура, вы сами здесь сидеть будете!

Начальник в сердцах разворачивается и, матерясь (как этих... сюда... пропусти!), уходит.

Больше нас уже никуда не пускают и понятно, что делать в Баку больше нечего. Тем более, что нам уже суют в руки билеты на самолет.

Нина Рейтер и Виталий Скойбеда решают возвращаться, в плане сессии нашего Совета проект Виталия о возвращении городу имени Св. Петра. Но я продолжаю настаивать на том, что как председатель Комиссии по правам должен увидеть арестованного журналиста Вартана Атанесяна, о котором мне говорили в Ереване. Услышав, что наша группа разделяется, нам легко обещают встречу. Торчаловский, Адушев, я и журналисты отправились в Гянджу. По дороге обратили внимание на прилепившегося к нам типичного гэбиста, который не спускал с нас глаз и норовил услышать, о чем мы говорим.

Гянджа того времени – город в запустении, дикая смесь хрущёвок, халуп, промзон и облупившейся, но сохраняющей восточное очарование, старины.

Запомнился какой-то мавританский особнячок, заколоченная армянская церковь Св. Саркиса и весьма необычный (смесь псевдорусского с восточным) лютеранский (!?) храм. Городской прокурор, к которому мы пришли, очень удивился, а, скорее, сделал вид, сказав, что ему о посещении следственного изолятора ничего не известно, но пообещал созвониться с начальством и предложил прийти на следующий день. Поселили нас в какой-то захудалой гостинице на окраине, помню лишь духоту и клопов.

На следующий день прокурор сказал, что ждет письменного указания, а потом нужно будет еще получить согласие следователя, ну, а на третий день он просто исчез. За это время к сопровождавшему нас топтуну прибавилась еще пара крепких парней, а в следующую ночь кто-то снаружи тихо попытался повернуть ключ, которым я изнутри закрыл дверь своего номера. Поняв, что терпение хозяев кончилось, я предложил коллегам исчезнуть самим.

Если не в Баку (туда вернулись журналисты), то уехать можно было только через Грузию, сначала на автобусе до Рустави.

Что мы и сделали. На дороге у Газахского поворота, там, где в сторону уходит дорога на Армению, автобус остановил ОМОН, проверка наших документов затянулась. (Потом, уже в Питере, наш депутат Николай Журавский сказал мне, смеясь:

– А я видел, как вас тормознули.

– Как, где?

– Так я же был в Карабахе. Помогал. Ребята пошли в рейд, в разведку, я с ними. Сидим мы с бойцами в кустах, они к блокпосту присматривались, а я смотрю, азеры вас из автобуса вывели! Мы уже думали, выручать вас придется. Да, а потом вижу, несут ваши паспорта. Ну, мы и пошли дальше.)

В Рустави я взял такси, водитель, услышав русскую речь, спросил:

– А не боитесь в Тбилиси ехать?

– А чего нам бояться?

– Так у нас теперь на русских совсем плохо смотрят.

Это было неожиданно. Проехав сразу в аэропорт, мы увидели толпу у касс и объявление о том, что билетов нет. Никуда. Толпа оказалось скоплением темных личностей, которые тут же стали предлагать, кто билет за тройную цену, а кто просто место в самолете. Но деньги вперед...

Поняв, что тут нам ничего не светит, мы храбро отправились в зал для официальных делегаций и, несмотря на скромный статус городских депутатов, получили там помощь. Дежурная сначала растерялась, но, позвонив в какие-то правительственные службы, стала очень любезна. Нас провели в зал, где мы обнаружили Католикоса, главу Грузинской церкви! Узнав, что мы «из Ленинграда», он преисполнился благодушия и мы, попивая вино, разговорились, а потом даже стали фотографироваться вместе. Омрачило нашу встречу лишь то, что, говоря о мире, о дружбе между народами, он все же не удержался и стал ругать «безбожных осетин», пожелав им всем гореть в аду.

Посещение Кавказа оставило ощущение, что мы побывали в пороховом погребе и там тлеет не один фитиль. А в самолете нас ждал еще сюрприз: какой-то обкурившийся товарищ, очнувшись уже в полете, вдруг громко заявил, что мы полетим не в Питер, а в Амстердам! Затем, уронив стюардессу, он заперся в туалете и заснул там.

Обошлось. Мы вернулись домой. Журналисты опубликовали свои впечатления в городских газетах, наш доклад о поездке не вызвал у депутатов большого интереса, нас снова закрутили городские дела. Война за Карабах будет продолжаться три года, 140 тысяч армян, спасаясь от гибели, бегут в Армению, оттуда вынуждены бежать 165 тысяч азербайджанцев, боевые потери – 5-7 тысяч погибших солдат и мирных жителей с каждой стороны. Перелом наступит после того, как Б. Ельцин, придя к власти, отзовет из Азербайджана бывшие советские, а теперь уже российские войска. Несмотря на значительное превосходство Баку в боевой технике, Карабах станет непризнанной республикой Арцах. Но та война не станет последней.

За ваши и наши права!

Пока в Москве бушуют страсти и рушатся основы, наша питерская Комиссия по правам человека погружается в работу.

Армейский беспредел, нарушения трудового законодательства, милицейская махновщина, чудовищные условия содержания заключенных, насилие и воровство в детских домах и интернатах для престарелых, коммунальные конфликты, судебные ошибки, украденные дети, университетские склоки, жертвы финансовых пирамид и советского психиатрического террора, конфессиональные и медицинские проблемы – все это лавиной обрушилось на членов комиссии.

В нашей очень разной, но тем не менее работоспособной команде собралось двадцать три депутата, шестеро стали работать на постоянной основе. Все кабинеты и особенно апартаменты в главном здании были уже расхвачаны и первое время нам пришлось работать в приемной Совета, которая была рядом, в переулке Антоненко. Но там было совсем тесно и мне с трудом, но все же удалось получить одну большую комнату на четвертом этаже основного здания. При наплыве посетителей, у каждого из которых были свои личные проблемы, и этого было мало. Члены комиссии были очень разными по опыту, возрасту, образованию и даже по убеждениям. Но нас связывало уважение к человеку и понимание того, что без изменения его места в государстве никакие реформы не станут успешными. Поскольку каждый член Комиссии добровольно взялся за важное для него дело и успешно справлялся с ним, мое «главенство» в основном сводилось к координации и поддержке. Наверное, были споры, но за 20 прошедших лет они стерлись из памяти, которая сохранила главное – атмосферу взаимного уважения делающих свое дело людей.

Связи с комиссией по культуре и культурно-историческому наследию осуществлял депутат Леонид Романков; безобразия, которые становились нам известны, бичевал в газетах депутат и рабочий корреспондент Владимир Шумский.

Контроль за местами лишения свободы взял на себя секретарь Комиссии и мой заместитель, добрейший Владимир Адушев.

Вот что рассказывает о нем и о том, что творилось тогда в тюремных стенах замечательный фотограф Павел Маркин:

«Знакомства с тюремной жизнью в мою репортерскую биографию нагрянуло абсолютно случайно. Звонит мне как-то Адушев – в ту пору член комиссии по правам человека Ленсовета – и просит стать фотографом в комиссии по обследованию условий содержания подследственных и заключенных.

Самым первым объектом обследования стали знаменитые “Кресты”. По-

пасть туда оказалось непросто. Ни с первой, ни со второй попытки пройти за колючую проволоку народным депутатам не удалось: членов комиссии не пустили дальше бюро пропусков. Потребовался еще как минимум месяц переговоров с обкомом КПСС, с “Большим домом”, с МВД, пока нам не дали “добро”.

Владимир Иванович ходил из камеры в камеру, беседовал с подследственными. Некоторые из них в ожидании суда находились в камерах уже более года. Условия содержания просто никакие. В бывших двухместных царских камерах было набито до шестнадцати человек.

Только тогда я понял, что значит крылатое выражение “ваше место у парашаи”. Воздух был настолько плотным, что, казалось, можно топор повесить на лучах солнца, пробивавшегося сквозь зарешеченные окна-амбразуры. На пищеблоке в антисанитарных условиях стояли огромные котлы, источавшие невообразимое зловонье. В “бане” гуляли сквозняки. В туберкулезном отделении больные с открытой формой этой страшной болезни лежали на полу, словно кильки в банке, прямо на полу на матрасах цвета асфальта».

С жалобами и протестами на следствие и суд разбирался мой заместитель Вадим Иванович Бувеч, опытный следователь, не один раз бравшийся за защиту подследственных и подсудимых в тех случаях, когда мы предполагали возможность судебной ошибки.

Он вспоминает:

«В 1973 году, когда я стал работать в органах прокуратуры Ленинградской области, я впервые столкнулся с тем, что правоохранные органы в нашей стране и вся наша правоохранительная система в целом – безумный механизм беззакония, произвола, уничтожения в человеке всего человеческого, подавления малейшего проявления человечности. О какой защите прав человека можно было говорить, если считалось, что самым лучшим адвокатом подследственного является следователь! Можно привести много примеров того, когда невинные оказывались на волосок от смерти, будучи приговоренными к “вышей мере” за преступления, совершенные другими... (достаточно вспомнить историю серийного убийцы Чикатило, который за 12 лет совершил 53 доказанных убийства, но, прежде чем он был пойман, за его преступления казнили двоих невинных. – Ю. Р.) Так работала вся Система. Вот это и определило мой выбор, когда в Ленсовете была создана Комиссия по правам человека.

Однажды к нам за помощью обратился глава дагестанской диаспоры Дадыев. Он рассказал о том, что в “Крестах” вот уже полтора года находится под стражей и обвиняется в тяжком преступлении против личности молодой человек, военнослужащий срочной службы, по национальности дагестанец. По заверениям главы диаспоры, он не мог совершить того, что ему вменялось, т. к. вырос в набожной семье, под опекой исключительно уважаемого в Дагестане святого человека. Посоветовавшись со мной, председатель комиссии подключил к защите подсудимого Международную коллегия адвокатов, возглавлял кото-

рую давний знакомый Ю. А. Рыбакова, известный адвокат А. Котельников. Сам я также был членом этой Коллегии. Получив доступ к материалам следствия, мы обнаружили, что все обвинение строится на догадках и предположениях, что доказательств вины обвиняемого нет. Но отношение к “инородцам” в судах всегда было необъективным, а суда присяжных, который с большой вероятностью отверг бы бездоказательное обвинение, в Ленинграде еще не было. Поэтому для защиты понадобилось создание целой группы адвокатов. Мы бились, как могли, и получили от председательствующего в судебном заседании 68 замечаний и жалобу “за неуважение к суду” в Гильдию адвокатов. Но подсудимый был оправдан вчистую и выпущен на свободу из зала суда!

Дел подобного рода было много, и в комиссию все время приходили люди, пострадавшие или от преступников, или от правосудия, а зачастую то и другое сливалось вместе. Поэтому при комиссии была создана общественная “Ассоциация жертв преступлений”, в последствии “Служба спасения Антикрим”, которая стала помогать также и жертвам неправомерного применения психиатрии».

Добавлю к этому, что жертвами карательной психиатрии в советские времена были не только диссиденты, но и те, кто имел неосторожность критиковать начальство или ссориться с соседями. Зачастую это кончалось для них «лечением» и постановкой на учет, после чего в глазах общества и в особенности государства они теряли всякие права... Защищать таких людей удавалось, и Вадим Бувеч не раз добивался снятия их с диспансерного психиатрического учета. Но это было непросто, ведь психика этих несчастных не всегда выдерживала, и зачастую к моменту нашего вмешательства они уже были действительно больны.

Так, однажды на приеме человек долго и подробно рассказывал мне о том, как пять лет назад он поспорил с начальством на работе, как его незаконно уволили, как ни один суд не встал на его защиту. Я уже был готов отправить его к нашим адвокатам, но тут услышал, что в суды он больше не ходок, потому что его могут убить. Оказалось, он уверен, что уже несколько лет находится «под колпаком» у КГБ, это они поставили его на психиатрический учет и следят за ним. Приложив палец к губам, он быстро накарябал на листе бумаги, что когда он побывал у зубного врача, ему в зуб поставили передатчик, и на Литейном в «Большом доме» слышат все, о чем он говорит.

Мои попытки рассеять бред не удались, тогда я сказал больному, что выход есть, и я попрошу врача поставить ему «глушилку» на соседний зуб. После посещения моего знакомого дантиста, который для вида поковырял у него в зубах, человек успокоился, хотя иногда все же приходил, чтобы выговориться.

Но если ошибки медицины и правосудия иногда удавалось предотвратить, исправить или хотя бы смягчить, то кардинально изменить условия содержания подсудимых мы не могли. Для этого нужны были другие следственные изоляторы, а их не строили со времен Н. Хрущева, обещавшего, что он пожмет руку

последнему советскому заключенному еще в 1982 году. Изменение следственной практики, которая загоняла тогда на нары любого подозреваемого еще до суда, тоже было за пределами нашей компетенции, но и бездействовать, зная, что люди, подчас ни в чем не виноватые, не имеют элементарных условий, в которых можно дождаться суда и, быть может, даже справедливости, мы не могли.

Тогда В. Адушевым был создан благотворительный фонд по оказанию гуманитарной помощи заключенным и благоустройству учреждений, в которых они находятся. Лютеранин по вероисповеданию, он нашел контакты с аналогичной организацией в Финляндии. Предметы гигиены, подарки к праздникам, витамины и лекарства, постельное белье, помощь в трудоустройстве после освобождения, поездки сотрудников российских тюрем для обмена опытом в финские тюрьмы, постоянные обходы камер, помощь тюремной больнице – в эту работу Владимир Иванович погрузился с головой...

В первые же месяцы работы члены комиссии Андрей Толмачев и Роальд Пясковский под руководством депутата и священника Алексея Симакова (отца Павла) создали подкомиссию по делам вероисповеданий и религиозных обществ. Благодаря их усилиям в Мариинском дворце снова возобновила работу домовая православная церковь, поддержку получили также старообрядцы, катакомбная и зарубежная православные церкви, другие конфессии. За время нашей работы количество действующих храмов в городе возросло в шесть раз.

Кирилл Болдовский был еще и членом комиссии по международным и внешнеэкономическим связям, поэтому в нашей комиссии он занимался проблемами ОВИРа (отдела виз и регистрации иностранцев), связанными с въездом в нашу страну и выездом из нее. Вопросы выезда в первую очередь касались т. н. «отказников», которым длительное время запрещался выезд в другие страны из-за их знакомства с «секретными сведениями», часто под весьма надуманными предлогами. ОВИР не отказывал самостоятельно, как это было раньше, а объяснял запрет решениями различных ведомственных комиссий по вопросам секретности. К примеру, человеку отказывали в выезде, объясняя это тем, что 15 лет назад он обучался на военной кафедре вуза и имел, как все студенты, самую низшую форму допуска к секретам. Как правило, за подобными отказами стояла какая-нибудь склока с бывшим злопамятным руководством или «рекомендации» КГБ.

В тот период Ленсовет еще пользовался достаточным авторитетом, и после наших обращений в комиссии запреты чаще всего разбирались повторно и отменялись.

Существовали еще и «запреты на въезд». В заграничных консульских учреждениях СССР существовали списки иностранных граждан и бывших граждан Союза, въезд которых в нашу страну был запрещен, чаще всего по идеологическим соображениям. К нам обращались различные общественные организации, которые хотели бы пригласить того или иного человека для участия в конференциях, встречах и т. д. Тогда мы готовили письма от Комиссии в различные

инстанции: в МИД, а иногда и напрямую в соответствующие советские консульские учреждения. Это помогало.

Как-то в нашу комиссию обратился за помощью преподаватель университета, который рассказал об уникальной ситуации. Его студент, гражданин КНДР, влюбился в студентку из Германии. Кореец захотел создать семью, несмотря на категорические запреты таких браков руководством «республики идей чучхе». Он честно заявил о своем намерении руководителям своей студенческой группы. А те потребовали, чтобы студент немедленно отправился обратно на родину. Он отказался, не желая расставаться с любимой и предчувствуя, что его ждет наказание. Как оказалось, в то время действовало секретное соглашение, согласно которому работники посольства КНДР и представители их спецслужб имели право проводить розыск и доставку на родину таких лиц с территории нашей страны самостоятельно, без обращения в советские инстанции. Из московского посольства КНДР в Питер приехала группа «корейских товарищей», которые стали искать влюбленного студента, к этому времени укрывшегося на квартире одного из преподавателей. Дело дошло до того, что корейские чекисты стали патрулировать улицы в районе предполагаемого проживания своей потенциальной жертвы. После вмешательства членов нашей комиссии, в их присутствии была организована встреча студента с представителями посольства в отделении милиции. На этой встрече от студента требовали, чтобы он признался, что ненавидит корейских руководителей, и поэтому давно задумал побег. Он же отвечал, что все дело только в его любви, прекрасно понимая, что если он признает наличие «злодейских замыслов», то у его родственников, оставшихся в Северной Корее, будут серьезные неприятности. Корейские агенты пытались силой увести студента из милиции, и Кириллу Голдовскому пришлось чуть ли не драться с ними. Тогда вмешались сотрудники милиции, которым корейские агенты уже порядком надоели, и студент скрылся от своих соплеменников. Вскоре он смог уехать вместе со своей девушкой в Германию. Но поскольку агенты северо-корейских спецслужб дежурили в аэропорту, а у нас не было уверенности, что они не войдут в сговор с советскими пограничниками, студента и его возлюбленную пришлось на служебной машине доставить прямо к трапу улетавшего в Германию самолета компании «Люфтганза».

Вопросами восстановления национально-культурной идентичности, правами национальных меньшинств и межнациональных отношений в комиссии занимались депутаты Александр Иванович Кирьянен и Николай Михайлович Гиренко. Это благодаря их усилиям удалось «пробить» постановление Верховного Совета РСФСР «О реабилитации ингерманландских финнов» и в 1993 году отменить формально действовавший с 1947 года (!!!) запрет на их проживание в Северо-Западном регионе СССР.

Активно работал в комиссии депутат Александр Родин: *«Став депутатом, практически ежедневно я посещал различные детские учреждения, в первую*

очередь сиротские. Изучал положение дел, вникал в происходящее, старался понять, отчего так много таких учреждений и отчего в них страдает так много детей. Я получал огромный массив информации, в том числе и такой: существовала практика пичкания детей бесконечными таблетками, применения бесконечных уколов, унижения детей посредством бесчисленных наказаний вплоть до лишения их пищи, помещения в холодильники. Мне хотелось понять, почему эта система не хочет меняться, почему двери этих учреждений плотно закрыты от постороннего взгляда, почему дети, томящиеся в них, фактически поражены во всех правах.

Вместе с депутатом Тамарой Васильевной Лашутиной мы изучили ситуацию и обратились с письмом в оргкомитет Второй Международной конференции по правам человека с просьбой прислать в Ленинград независимых экспертов, которые помогли бы дать правовую оценку тому, что мы «накопали». Эта конференция проходила в сентябре 1990 года в нашем городе, и, на наше счастье, на наше письмо откликнулись даже две группы специалистов: одна – польская, которую возглавляла доктор Алина Марголис, и вторая – британская под руководством баронессы Кокс, вице-спикера британского парламента. Мы с ними обсудили план дальнейших действий, в течение последующих двух лет специалисты из Польши и Великобритании приезжали к нам в город. Моей задачей была помощь этим специалистам в организации посещения детских учреждений, создание необходимых условий для их работы. Это было не так-то просто, потому что учреждения были закрытыми, действовало много всяких внутренних запретных инструкций, подзаконных актов, которые не позволяли нам работать быстро и эффективно. Тем не менее, статус депутата Ленсовета и дипломатия открывали многие запретные двери, и свою работу мы удачно завершили. Польскими и британскими специалистами – каждым в отдельности – были составлены отчеты, и содержание этих отчетов было близким по оценкам ситуации. Если кратко резюмировать эти отчеты, то независимые специалисты сделали ужасающий вывод: как минимум 70-75% детей в детских домах, которым у нас поставили диагноз «олигофрения», по международной методике Векслера были абсолютно нормальными, а остальные дети находились на нижней границе нормы. Стало важным понять, почему наши специалисты получают результат, который в несколько раз отличается от международных стандартов? И это выяснить удалось на общей встрече группы польских специалистов и специалистов нашей детской психиатрии, которую я организовал во 2-м Доме ребенка Московского района. Оказывается, коэффициенты, которые используют советские специалисты, и коэффициенты международные отличаются иногда даже в 3-4 раза. И причина такого положения носила откровенно политический характер. Это был прием, когда еще со времен Иосифа Виссарионовича Сталина советско-коммунистическая система, желая создать сверхчеловека, завышала критерии оценки уровня развития человека. Те дети, которые

были ниже этого уровня, государству были не нужны. Они попросту отменялись, выбрасывались из жизни, а некоторые практически уничтожались. Отсюда – болезненные уколы, таблетки и карцеры... Эта система работала исключительно в идеологических целях.

И вот, когда мы это выяснили и опубликовали отчеты, я был счастлив. Конечно, потом последовали скандалы, официальная российская психиатрия к результатам исследования независимых иностранных экспертов отнеслась агрессивно, но, тем не менее, масштабы использования психотропных средств в детских домах резко сократились. Резко сократились и масштабы использования психиатрии в карательных целях. Медико-педагогические комиссии в тот период тоже стали более осторожными. Нам удалось привести в соответствие с международными требованиями процесс усыновления детей российскими и иностранными семьями, что было невозможно раньше; стали появляться альтернативные учебные заведения для сирот и детей, отстающих в развитии. Правовая защищенность таких детей значительно повысилась, в тот период стали возникать волонтерские организации, которые оказывали детям и в первую очередь сиротам, различную помощь. Я очень благодарен всем моим иностранным и российским друзьям, которые в тот период сотрудничали со мной. Они помогли многое понять и решить проблемы лишенных всех прав детей. Причем не только в Петербурге, ведь результаты наших исследований обсуждались и в Москве на всесоюзном уровне. Многие академики, в конце концов, признали правильность выводов независимых экспертов.

Второй важный аспект моей работы касался детей, находящихся в местах лишения свободы. В тот период ситуация была просто катастрофическая. То, что мы увидели в 1991 году при посещении этих казенных мест, особенно изолятора на улице Лебедева, 39, просто шокировало: обстановка, которую мы увидели в карцерах и в камерах. Сейчас могу сказать, что результаты нашей деятельности в этом направлении сказались на имевшейся ситуации. Если просто привести цифры для сравнения, то сейчас в следственном изоляторе на ул. Лебедева, 39 одновременно находится не более 200 подростков, тогда как прежде их находилось более 800. Значительно улучшились и условия их содержания. Подростки даже могут учиться, а персонал стал формироваться в основном из женщин, которые прошли профессиональную подготовку».

Эффективность работы комиссии была велика: более чем половине обратившихся в Комиссию удавалось помочь. Конечно, не всегда в полном объеме, а иногда мы были и вовсе бессильны. Так, например, мы не могли сократить бесконечные очереди за государственным жильем. В полуподвалах, на чердаках, в аварийных, еще с блокады, домах жили тысячи людей. Сотни тысяч – в общих квартирах старых районов, где на одной кухне готовили еду и стирали десятки хозяек, где «на 38 комнаток всего одна уборная»... Там, в тесноте и склоках, люди успевали состариться, так и не дождавшись от советской власти человеческих

условий. А новое жилье строили «лимитчики» из провинции, за десяток отработанных на стройке и прожитых в общежитии лет они получали малую долю квартир на окраинах, но и то не всегда.

Однажды ко мне на прием пришла женщина, она рассказала о том, что ее муж сидит в «Крестах» за то, что покушался на главу Октябрьского района. Оказалось, что живут они в общежитии, в десятиметровой комнате, вместе с ними еще четверо детей (!!!) И уже много лет ждут подхода очереди на квартиру. Наконец, они получили ордер, но им на шестерых человек предложили три комнаты, хотя по закону они имели право не меньше, чем на четыре. При этом сказали, берите что дают, а не хотите, ждите еще, через год подберем вам что-нибудь побольше. Они решили ждать и написали отказ. Но прошел и год, и два, а семья продолжала жить в клетушке, где помещались только две трехъярусные койки и тумбочка... Чиновники в райисполкоме разводили руками и говорили, что жилья нет. Тогда ее муж пошел на прием к председателю, а тот, выслушав, грубо отказал, да еще что-то про детей, которых они «ради жилья наплодили», вякнул. Отец семейства рассвирепел, схватил стул и запустил им в начальника. Тот отделался ссадиной на руке, но работягу скрутили и увезли в кутузку.

На следующий день мы с Володией Адушевым уже были в исполкоме и разговаривали с «потерпевшим». Когда мы объяснили ему, что завтра в их жилищный отдел придет проверка, то оказалось, что начальник готов все забыть. Получив от него отказ от заявления в милицию, удалось быстро решить вопрос с освобождением «террориста». Через пару дней я увидел у нашего кабинета большого угловатого мужчину. Он мрачно переминался, а его жена пыталась благодарить. Отмахнувшись от лишних слов, я сказал, что мы будем добиваться для них квартиры, но это займет какое-то время и посоветовал отцу семейства больше самому к начальникам не ходить. Тот молча pokrutil головой, и они ушли. А через месяц женщина снова была у меня и снова плакала. Ее муж опять в «Крестах». Нет, он больше стульями не кидался, но пошел-таки в исполком, где и узнал, что большая квартира была, что они могли бы ее получить. Но ее отдали районному прокурору, которому своей трехкомнатной было мало.

Тогда Петр, кажется, так его звали, вышел к Ленсовету с плакатом, где написал: «Прокурор *** украл у нас квартиру!». И, как на грех, этот самый прокурор (а он знал историю со стулом) шел мимо. Он вызвал милицию, и многодетный папаша по протесту прокурора на «необоснованное освобождение от ответственности за нападение на главу района» снова поехал в «Кресты»!

Теперь пришлось идти к прокурору. В кабинете под портретом Ульянова сидел жирный хряк. Я сказал, что отнимать жилье у многодетной семьи нехорошо. И услышал в ответ: а ты сам в тюрьме сидел!

Дальше разговор пошел уже в других тонах. Я объяснил, что завтра в Ленсовете соберу журналистов, что с матерью четырех детей я пойду на телевидение и там мы расскажем, как он расправился с человеком за отнятую у него квартиру.

И перед тем как хлопнуть дверью, прибавил, что через друзей в Верховном Совете выйду на генерального прокурора со своим протестом на его, оформленный с опозданием, протест. На самом деле я знал, что прокуроры «своих» не сдают, но приходилось блефовать. Сработало. Мужика освободили. Через полгода они даже получили полноценное жилье.

Объективности ради надо сказать, что в процессе работы нашей Комиссии ее эффективность не росла, а медленно снижалась. Дело в том, что оставшееся на своих постах старое советское чиновничество сначала было сильно напугано новым депутатским корпусом (чего стоило, например, отстранение нами от должности начальника Главного управления внутренних дел по Ленинграду и Ленинградской области Вошинина, который по старой привычке к безнаказанному разгону акций «Демсоюза» дал команду разогнать митинг, организованный депутатами).

Но со временем, оглядевшись и увидев, что депутаты уважают букву закона, пока он не отменен, что в городе разгорается конфликт между мэром и депутатами, бюрократия стала использовать все возможные лазейки и противоречия для уклонения от депутатских решений и нашего контроля.

Началась дискредитация депутатов. Управление КГБ и обком КПСС инспирировали войну между старым чиновничьим аппаратом и Советом. К ней подключили и прессу. «Ленинградская правда» выпуск за выпуском стравливала горожан и депутатов. На телевидении дискредитацией демократического Совета занялся все тот же Невзоров (наши пути пересекутся еще не раз...). Обличать всех и вся, доказывая себе и зрителям, что все вокруг – дерьмо, было его страстью. Я встречал таких людей. Как правило, это не только характер, но еще и какой-то внутренний изъян или тяжкий грех, жить с которым нестерпимо. Выход – убедить себя, что другие еще хуже.

Использовать такого человека в политических и коммерческих войнах нетрудно, чем и воспользовался помощник мэра Юрий Шутов.

Этот тип стоит отдельного упоминания: еще в 1984-м году, будучи заместителем начальника Статистического управления, он решил «подсидеть» босса и после пьянки в его смольнинском кабинете тайком вернулся и устроил там поджог. Случайно был изобличен и осужден. В перестройку ухитрился предстать пострадавшим борцом с коррупцией. Но когда автор хвалебной «огоньковской» статьи М. Григорьев стал глубже копаться в шутовской истории, в гостинице «Ленинград» случился еще один поджог: журналист погиб, а заодно и еще пятнадцать человек. Это будет далеко не последним преступлением в череде злодеяний, к которым он будет иметь отношение в последующие годы. Как и кто рекомендовал его А. Собчаку, не знаю, но высокие покровители среди спецслужб у него были и это он софинансировал программу «600 секунд». Шутов и Невзоров нашли друг друга.

Журналисты, «работающие» с компроматом, зачастую богатеют или поги-

бают. Ведь информацию можно положить в стол, можно опубликовать, а можно и состряпать. Судя по нажитому, руководство программы себя не забывало. Личность ее ведущего не стоила бы внимания. Сегодня, просматривая те старые выпуски, видишь их провинциальную скудость и заказной характер, но тогда его скандально-глумливый стиль был внове. В газете «Смена» Владимир Москвин так описал очередной выпуск «600 секунд»:

ВСЕ ПО МЕЛОЧЕВКЕ

Добрый вечер, петербуржцы! На сегодня все в порядке:
Вот – фарцовщик промышляет, вот – наперсточник бежит.
Это – я скачу галопом на резвящейся лошадке.
Это – чей-то труп в колодце неопознанный лежит.

Без пальто. И без костюма. Без рубашки. И без майки.
Головы и тела нету: только задница и нож.
Дальше – все по мелочевке: бомжи, склепы, попрошайки,
Нападение, ограбление, изнасилование тож.

Снова в Выставочном зале можно видеть Глазунова!
Состоялся митинг в память о Монархе дорогом.
23-летний парень своего отца родного
Оглушил сапожной лапой и дотюкал утюгом.

Депутат рекомендует воздержаться от пикетов.
Передали христианам рассыпающийся храм.
Два подростка осквернили 7 районных комитетов.
Трех строителей с бутылкой раздавил подъемный кран.

В общем, видите вы сами, день сегодня – не из сложных:
Трупов мало, жертв немного. (Самому заняться, что ль?)
40 вызовов пожарки – в основном, конечно, ложных.
Фон – как фон. Тепла 15. Две... Одна секунда. Но-оль!

Помимо мелочевки этот стремящийся к нулю наемник упорно и злобно обливал грязью сначала внесистемных демократов, а затем и депутатов.

Собчака это устраивало до тех пор, пока он сам не стал его мишенью.

Хлебнув горя с депутатами, председатель Совета нацелился на всю полноту исполнительной власти в городе. Зачем? Думаю, что не ради корысти. Скорее потому, что те, кто на Западе начинал политическую карьеру с губернаторов и мэров, нередко становились потом президентами.

Но если так и случалось, то лишь с успешными губернаторами, а новоиспеченный питерский мэр не имел практического, хозяйственного опыта. В тяжелой экономической ситуации он пытался решать проблемы, зачастую игнорируя правовые нормы. Безусловно, он хотел добра, но явно переоценил свои способности.

Пока депутаты бодались с председателем, армия остальных начальников не дремала. Новые порядки, при которых многие просто выпадали из системы, были им не нужны, начался саботаж и нажива в мутной воде.

Хуже всего было со снабжением товарами первой необходимости, прежде всего с продовольствием. Марина Салье, взявшись за эту проблему, по сути «кинулась под танк». Комиссия, которую она возглавила, столкнулась с враждебным отношением руководства всех ведомств и управлений.

Десять тысяч чиновников, работавших в этих конторах, не могли наладить нормального снабжения, не меньшее число областных бюрократов, председателей совхозов и колхозов были не в состоянии без помощи горожан собрать и доставить свои овощи в город. Сегодня трудно в это поверить, но не менее двух раз в год учащиеся и работающие питерцы в принудительном порядке вывозились на областные поля, чтобы посадить, прополоть и собрать картофель, свеклу, морковь и капусту. А зимой студенты, рабочие, профессора, инженеры и врачи вместо своей работы перебирали эти уже подгнившие овощи на городских складах. Кроме зарплаты, которая за ними сохранялась, платой за такой труд было право привезти домой сумку овощей.

В результате срывались учебные процессы, специалисты высшего класса использовали как чернорабочие, заводы лихорадило, а целевые деньги бюджета уходили на ветер. По обеспеченности торгово-складской сетью из 73 крупных городов России Питер стоял на 72-м месте, потери от порчи сельхозпродукции исчислялись тысячами тонн... Наши депутаты сказали, хватит кормить дармоедов-управленцев, хватит принудительного труда горожан, пора переходить на полноценную оплату сезонных рабочих, а земли, которые не могут обслужить сами колхозы, надо передать в аренду фермерам. Ответом стал прямой заговор. Сначала областное начальство в четыре раза повысило цены, а потом, при обязательствах поставить в город 150 тысяч тонн картофеля, областные власти передали на городские склады только 26 тысяч. В то скудное время картошка стала основой рациона горожан, но к Новому году и она, естественно, кончилась. Орган обкома КПСС, газета «Ленинградская правда», конечно, обвинила в этом наш Совет. При этом все областные склады остались забиты гниющим там картофелем.

Ситуация ухудшалась, к концу 90-го года перед городским Советом встала проблема утверждения бюджета на следующий год. Он должен был сложиться из той части доходов, которые закон позволял оставить у себя и доли федерального бюджета. Наступил декабрь, но ни союзный, ни республиканский бюджеты

еще не были утверждены. Нам пришлось принимать свой бюджет только из той части, которая не ушла в Москву. А она не составляла и половины необходимого.

А. Собчак поехал в Европу, чтобы рассказать там об угрозе голода. На центральных площадях городов Германии, Франции, Бельгии и других стран появились палатки, где добровольцы собирали посылки из того, что приносили жители. В Питер пошли поезда с едой и одеждой. Только за первую неделю нового 1991-го года в город поступило 21 400 тонн продовольственной помощи. Много? Но если разделить на пятимиллионный город, этого хватило бы только на несколько дней.

Поэтому распределять ее мы стали в первую очередь пенсионерам и жертвам блокады. Но в городе нашлось немало прохвостов, которые норовили и тут что-то урвать.

Даже в нашу комиссию некто Пантелеев попытался затащить пару ящиков шоколада. К счастью, я это заметил и выставил за дверь как ящики, так и проходимца.

А Марина Салье, узнав, что в перечне продуктов, которые раньше поступали в столовую горсовета, числится пара килограммов икры, распорядилась отказаться от их поставки в пользу детских домов (позже при проверке оказалось, что до детей она так и не дошла).

Ей же удалось, преодолев сопротивление, распечатать продовольственные склады, в которых хранилось продовольствие «на случай войны». Этого хватило, чтобы на полгода обеспечить едой больницы, дома престарелых и школы. Но еда нужна была всем. Тогда в ход пошли все запасы, все излишки городских фондов, которые можно было продать или обменять на еду. Началась торговля ГСМ и металлами, в т. ч. и редкими. В мутной воде закопошилось отечественное и зарубежное жулье.

К талонам на спиртное прибавился дефицит табака. Наступил день, когда в одночасье папиросы и сигареты просто исчезли с прилавков. Заядлые курильщики, люди остро зависимые от своей привычки, забегали по гастрономам и добрались до центрального фирменного магазина на Невском проспекте. Но когда и там им сказали, что курева нет, они не поверили и чуть не растерзали директора. Обнаружив, что в кладовых магазина действительно пусто, люди взбунтовались. Позже одна из девчонок, членов «Демсоюза», призналась мне, что это она подсказала толпе перегородить Невский проспект. Те, у кого уже начались никотиновые «ломки», так и сделали!

В этот момент я был рядом, на собрании бывших политзаключенных в Доме дружбы народов. Кто-то прибежал и сказал: Невский перекрыли, бунт! У импровизированной баррикады стояла милицейская машина, вокруг шумел и тусовался народ, пара милиционеров растерянно переругивалась с толпой... Узнав в чем дело, я отправил своего помощника в Ленсовет с информацией о случившемся, а сам залез на подножку милицейской машины и закричал: «Я депутат», а в ответ

услышал крики, презрительный смех и свист. С трудом его перекрывая, я постарался успокоить людей, сказав, что депутаты будут разбираться, что мы сделаем все возможное, найдем и курево и виноватых.

А дальше пришлось ждать и видеть, как баррикада растет из строительных лесов, досок, рекламных щитов и урн, как по всему проспекту вырастают колонны вставших автобусов и троллейбусов. Но люди, которые попали в эту пробку, «бунтовщиков» не кляли.

Вскоре подъехали депутаты из Комиссии по продовольствию. Я узнал, что Марина Салье и ее помощники уже заняты поиском табака и как только найдут, первая же партия будет доставлена на Невский. Мы сообщили это толпе, но никто не собирался открывать проезд.

Тут мне представилась возможность сделать то, что я обещал на первом заседании Ленсовета. Мы увидели, что в сумерках гаснущего дня на гребне Аничкова моста, в 200 метрах от баррикады, появилась милицейская цепь. Потоптавшись на месте, еще без касок, но уже с дубинками в руках, она двинулась к нам.

Что ж, ничего другого не оставалось, как бежать навстречу, вставать между ними и толпой, размахивать депутатским удостоверением. Позже я прочту, что на Невский проспект приезжал и сам Анатолий Собчак, но я помню только депутатов Виталия Скойбеду и Николая Журавского. Втроем нам удалось остановить побоище, которое вот-вот должно было начаться. Офицерам милиции удалось объяснить, что стоит подождать, скоро подъедет машина с «Беломором» и народ успокоится, а тогда и баррикаду спокойно разберем, и транспорт пойдет. Так и случилось. Одновременно курево появилось в двух-трех районных магазинах, о чем мы и оповестили людей, довольных тем, как «они врезали этим начальникам». Остаток толпы я еще пытался подвинуть на то, чтобы разобрать завал, но энтузиазма не встретил, а вездесущий анархист и подстрекатель Саша Богданов, когда я попытался поднять и оттащить с проезжей части какие-то доски, продолжал по ним скакать. Только к ночи Невский проспект освободили для проезда. На следующий день в одной из городских газет появилась заметка о происшествии на Невском, где упоминался депутат Рыбаков, который «разгонял протестующих».

Депутатская комиссия выяснила, что запасы различных табачных изделий в городе были, просто кто-то из чиновников что-то «забыл», а кто-то, в масштабах целого города, «просто напутал».

Саботажа и провокаций было немало. Доходило до того, что программа «600 секунд» демонстрировала зрителям развалы колбасы, сосисок, консервов (всего того, чего не было в продаже) на городской свалке! А ведущий передачу восклицал: посмотрите, вам есть нечего, но кто-то не пускает продовольствие в город, оно гниет на помойках. А депутатам не до вас...

Проверки подобных сюжетов, как правило, ничего не давали, обнаружить такие «завалы» не удавалось. Городской прокурор по фамилии Веревкин на наши

протесты не реагировал, а объяснить всем и каждому, что это ложь или провокация, было просто.

Наверное, в течение года мы только учились своей новой работе. Но скоро всем стало ясно, что латанием дыр не обойтись, что новым формам хозяйствования нужна законодательная база. Наши возможности были ограничены, на городском уровне мы могли лишь уточнять те расплывчатые или противоречивые формулировки, которые диктовал центр. Нужны были фундаментальные новации в вопросах собственности, приватизации, разделения властей, ценообразования, реформ в административной и судебной системах. Ленсовет мог лишь готовить предложения и отсылать в Москву свои законопроекты. Мы включились в эту работу. Анатолий Чубайс, Михаил Маневич, Петр Филиппов, члены профильных комиссий активно разрабатывали принципы и правила приватизации, их предложения стали ложиться на стол Верховного Совета РСФСР.

Ну, а среди тех, кто приветствовал перемены, ожидая изобилия, многие уже разочарованы и все чаще клянут перестройку.

Обыватели беспомощны среди разгулявшихся цен, дефицита, растущей безработицы, задержки зарплат и пенсий. По простоте душевной они считают, что у всех проблем есть очевидные решения. Все просто: надо наказать нерадивых и распорядиться по справедливости.

Они не представляют, почему и как должна быть устроена власть, зачем необходимо ее разделение, как работают деньги, в какой клубок запутаны экономические и общественные отношения.

Раньше эти вопросы были прерогативой большого начальства, которое, как пел Галич, «оказалось сукою!» Но и новые начальники только говорят и обещают, а жить становится все хуже и страшней.

Это болото удивительным образом совмещается с небывалой гражданской активностью другой, малой части общества.

Лев Пономарев, один из лидеров демократического движения тех лет, позже вспоминал:

«Сейчас трудно себе вообразить масштабную самоорганизацию настоящего, неподдельного гражданского общества... Тогда весь мир был поражен, как в еще недавно тоталитарном обществе возникли блестящие публичные политики, яркие общественные деятели, мощная профессиональная журналистика, партии, профсоюзы. Этот демократический подъем сегодня кажется столь же невероятным, как и в середине 80-х. Но это было».

«Демсоюз» постепенно растворяется в других организациях. Из региональных Народных фронтов, «перестроечных» клубов и групп поддержки будущих депутатов возникает избирательный блок «Демократическая Россия», ДР. В результате значительный успех в городских советах Москвы, Ленинграда, Рязани, Свердловска, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Нижневартовска и Сахалина. И, главное, одноименная фракция на российском съезде.

Ее ядро – всего 66 депутатов. Есть еще 200 переменчивых сторонников, но даже при их поддержке борьба с косным, консервативным большинством съезда остается неравной.

Росту влияния могла бы способствовать широкая общественная поддержка, а для этого надо найти идейную платформу, которая будет понятна и близка широкому кругу демократически настроенных людей.

После долгих споров среди членов «Мемориала», «Московской трибуны», союзных депутатов Гавриила Попова, Юрия Афанасьева и Аркадия Мурашева, российских депутатов Глеба Якунина, Льва Пономарева, Виктора Дмитриева и других активистов было решено создавать общественно-политическое движение.

20 октября в Москве собрался учредительный съезд. Программными установками общероссийского движения «Демократическая Россия» стали:

- деидеологизация политической, экономической и культурной жизни;
- поддержка государственного суверенитета России, быстрых рыночных реформ, частной собственности на землю.

По сути, ДР подхватила основную часть общественных задач, которые ставил еще «Демсоюз». Но умеренный тон, отсутствие радикальной фразеологии, авторитет организаторов выгодно отличали эту программу, которая получила поддержку сотен тысяч людей. Вскоре уже 300 инициативных групп движения начали свою работу по всей стране.

Возвращение Петербурга

Еще в первые месяцы работы нашего Совета его радикальная часть стала продвигать идею возвращения городу его названия. И дело было не только в восстановлении исторической памяти, я был убежден, не стерев каинову печать, не расставшись с кровавыми фетишами большевизма, мы будем обречены на новые жертвы!

Первыми вопрос о настоящем имени города подняли депутаты Н. Фирсова, А. Родин и В. Скойбеда. Понимание и поддержка пришли не сразу. Виталий принес в зал заседаний и поставил на пюпитр у своего кресла маленький трехцветный российский флаг. Это вызвало страх и гнев А. Собчака, который со своего председательского места кричал: уберите эту тряпку! В ответ триколоры появились на большинстве депутатских мест.

А вопрос о восстановлении имени города никак не мог попасть в повестку заседаний. Председательствующий откладывал его, убеждал нас в том, что переименование повлечет за собой огромные расходы на все вывески, бланки, марки и наименования. В какой-то из телепередач он сказал о том, что изменение имени «оскорбит чувства блокадников и ветеранов, защищавших город Ленина». За всем этим крылась его боязнь потерять голоса стариков на приближавшихся выборах. Еще он указывал на то, что горсовет не имеет права сам принять такое решение. Действительно, такие полномочия были только у Верховного Совета.

Тогда мы решили, проведем общегородской опрос, а там будет видно.

26 апреля 1991 года на сессии выступает вернувшийся из Карабаха депутат Виталий Скойбеда:

«Уважаемые депутаты, я прошу вас включить в повестку дня решение о назревшем уже вопросе по многочисленным обращениям наших избирателей – проведение общегородского референдума по вопросу восстановления исторического названия города. Мы все: и демократы, и коммунисты – давали во время выборов обещание прислушиваться к своим избирателям, поэтому необходимо по такому вопросу спросить их мнения. Проект заключения Ленсовета и юридической службы по такому вопросу вам роздан, обсуждение это не займет, я думаю, много времени. Вопрос перезрел, мы все давали обещание включить этот вопрос еще в повестку 4-й сессии, но тогда это не было сделано».

(Вопрос хоть и перезрел, но вызывает споры. Так, в «Демсоюзе» считают, что сначала надо свергнуть КПСС, а то и КГБ, и обком тоже станут «Санкт-Петербургскими». Солженицын пишет в газету «Смена» о том, что не следует возвра-

Возвращение имени

щать название «Санкт-Петербург», так как «оно было в XVIII веке навязано вопреки русскому языку и русскому сознанию» и предлагает заменить имя города славянским Свято-Петроград. За ним в газету посыпались предложения: Невоград, Петрополь... А Михаил

Горбачев заявил газете «Правда», что «решение увековечить имя Ленина, принятое в 1924 году на Втором съезде Советов СССР, выразило волю народов нашей страны. Это справедливое решение, и я твердо убежден, что нет ни нравственных, ни политических оснований для его изменения».)

30 апреля, только когда Собчак уехал в командировку, на заседании, которое вел В. Щербаков, городской Совет смог рассмотреть вопрос по существу. Докладывал депутат Алексей Ковалев, было рейтинговое голосование: Ленинград, Петроград, просто Петербург, Санкт-Петербург. За вопрос «Желаете ли вы возвращения нашему городу его исторического названия Санкт-Петербург?» проголосовал 201 депутат, против – 20, 9 – воздержалось. Окончательное решение поддержали 228 депутатов.

Чтобы Совет не упрекнули в лишних организационных расходах, мы назначили общегородской опрос на день ближайших выборов президента РСФСР, позднее туда пристегнули и выборы мэра города. Перед голосованием социологи из группы Кесельмана провели опрос: за Санкт-Петербург собирались голосовать 48% тех, кто пойдет на выборы. В это время мой друг А. Чернов работал в корпункте «Московских новостей», там он увидел текст, который не пошел в номер, в заметке цитировалось заявление Патриарха, поддерживающего возвращение нашему городу имени Святого Петра. С этим материалом Андрей помчался к А. Собчаку, который уже присоединился к нашему решению о референдуме. Мэр решил зачитать позицию Патриархии во время своих предвыборных теледебатов (но оставил это на потом и, поскольку его минуты истекли, сделать это не смог). А его жена, Л. Нарусова вместе с А. Марголисом поехала по редакциям городских газет, возражения возникли только в «Ленправде». Коммунист и главный

редактор О. Кузин разозлился, прочитав текст, и сказал: «Мы же договаривались, что они не участвуют!» Потом бегал куда-то и, вернувшись, нехотя согласился. В результате в последний день перед опросом о позиции Патриарха сообщили газеты «Невское время», «Смена» и даже «Ленправда». 12 июня на избирательные участки пришли 2/3 избирателей, за президента Б. Ельцина проголосовало 67%, за мэра А. Собчака – 66%, за Санкт-Петербург – 55% голосовавших (против 27%).

Результаты референдума ушли на утверждение в Верховный Совет РФ.

Сопrotивление пришлось преодолевать и тут, но благодаря усилиям нашего председателя Александра Беляева утверждение состоялось, и город вернул себе имя Святого Петра! Позднее жена мэра Л. Нарусова, создавая мифический образ героического супруга, будет твердить о том, что это ее муж «в суровом противостоянии с оставшимися от советских времен депутатами демократическим образом убедил жителей, что их город должен называться Санкт-Петербургом». На самом деле процесс возвращения городу его исторического имени был запущен депутатами вопреки изначальной позиции мэра, который в преддверии своих выборов просто боялся вызвать недовольство коммунистов.

На распутье

Верхние эшелоны власти находятся перед выбором. Кризис очевиден. Но какими путями из него выбираться? Кто-то думает о том, как спасти «идеалы», которые давно конвертированы в привилегии. Кто-то растаскивает и прячет финансы до лучших времен, кто-то хочет найти золотую середину между планом и рынком, искренне надеясь на социализм с «человеческим лицом».

Варшавский блок распущен, страны «народной демократии» – ГДР, Польша, Болгария – уже пошли своими путями.

Прибалтика из клетки вырвалась, но другие союзные республики еще в подчинении. В сентябре, разговаривая с министром иностранных дел Великобритании, Горбачев скажет: *«Вчера было еще рано, а завтра будет уже поздно, действовать надо сейчас... Почему будет поздно завтра? Потому что процессы, происходящие в рамках Союза, могут привести к еще большему осложнению. Поэтому действовать необходимо сейчас. От этого никуда не денешься. Любые проволочки приведут к весьма опасным последствиям».*

Несмотря на то, что Ельцин после выхода из КПСС ведет себя все более хозяйски, Горбачеву удастся договориться с ним о совместной работе над планом реформ.

Так что же делать с общей экономикой?

Над этим ломают головы не только питерские, еще никому не известные, экономисты. В поисках выхода находятся ведущие столичные чиновники и ученые.

Межрегиональная депутатская группа предлагала ввести карточки для малоимущих (а это большинство) и обеспечить их необходимым минимумом продуктов и товаров по низким ценам. Параллельно создать свободный рынок с коммерческими ценами и постепенно, за счет роста доходов, сокращать долю первого и расширять второй. Идея отвергается, поскольку неясно, откуда возьмется рост доходов, что делать с лишними деньгами, как обеспечить рост производительности.

На втором Союзном съезде правительство предлагает программу перехода к «планово-рыночной экономике», на нее отводится от 3 до 6 лет.

Съезд утверждает эту программу. Но уже через несколько месяцев всем ясно, что она не действует. Тогда Н. И. Рыжков предлагает новый вариант: резкое (в три раза) повышение с 1 июля 1990 года розничных цен на хлеб и хлебобулочные изделия с полной компенсацией населению потерь, значительное повышение цен на другие продукты и промышленные товары с частичной компенсацией или без нее (как будет проходить эта компенсация, проект не объясняет).

В стране паника. Как сказал о той программе правительства народный депутат П. Бунич, «это был бы шок без терапии». Часть депутатов потребовала отставки правительства. Их поддержали шахтеры Кузбасса и Донбасса. Повышение отменяется, но остатки того, что еще было в магазинах, сметены с полок.

Горбачев и Ельцин поручают разработку нового проекта группе маститых ученых. В ней помощник Горбачева академик Николай Петраков, профессор Евгений Ясин, академик Леонид Абалкин, возглавивший рабочую группу, академик Станислав Шаталин и даже молодой заместитель председателя Совета Министров РСФСР Григорий Явлинский. К работе привлекаются западные ученые. Но коллектив сталкивается с саботажем Госплана, Внешэкономбанка, министерства обороны и ЦК КПСС, не предоставивших ученым всей необходимой информации.

Из подмосковного пансионата «Архангельское» они ежедневно созваниваются с отдыхающим в Крыму Горбачевым, а тот их торопит.

Наконец, результаты есть. Их предложения радикальны: ядро программы – резкое сокращение расходов (в т. ч. на военно-промышленный комплекс и армию на 50-70%!!!), приватизация, разгосударствление.

При этом цены на основные продукты и товары отпускать авторы намерены постепенно, по мере укрепления рубля.

Сохраняется экономический союз республик: единая валюта, единое законодательство, единая армия. Но управление общесоюзной экономикой переходит главам правительств каждой республики.

Сроки реализации программы невероятны – на всю экономическую революцию отводится... 500 дней!

За первые 100 дней:

- выпускается специальный «займ реформы» на сумму примерно в 10-15 млрд рублей сроком на 3 года, размещаемый на коммерческих началах среди населения и за рубежом;

- проводится распродажа мелких и средних предприятий местной промышленности, нежилых помещений, приватизация жилья, земельная реформа.

За следующие 150 дней:

- акционирование крупных предприятий, либерализация цен.

Еще 150 дней:

- стабилизация рынка.

Последние 100 дней:

- начало подъема.

И всё – страна живет в новом мире!

Это лишь схема, за ней есть пакет законопроектов, хотя механизмы их реализации не были прописаны.

Группа Шаталина-Явлинского считает, что альтернативы их плану нет.

Можно спорить о сроках и деталях, но спасти экономику может только свобода предпринимательства. Они не знают всего клубка неразрешимых проблем, не представляют себе ту инертную, рыхлую и неподъемную массу, которую хотят поднять с колен за полтора года...

Но прежде чем приступать к делу, им надо было утвердить свою «дорожную карту» на заседаниях Верховных Советов Союза и РСФСР.

С Россией все проще: депутаты утверждают все 20 законопроектов и передают пакет в Верховный Совет Союза.

Но там консервативное большинство, и преодолеть его сопротивление не просто. Опять Рыжков (кто-то называет его «бревном на пути перестройки») грозит отставкой. Тут выясняется, что командующий ВДВ Ачалов ввел войска в Подмоскowie. 8-10 сентября в спешном порядке к столице двинулись Рязанский парашютно-десантный полк, дивизия МВД им. Дзержинского, части Тульской и Псковской дивизий. В отличие от учебных задач, когда боеприпасы доставляются к месту отдельно, бронетехнику укомплектовали сразу, солдатам выдали патроны. Российские депутаты пытались разобраться в происходящем, но не были допущены до личного состава. А когда вопросы зазвучали на заседании, министр обороны Д. Язов признал, что часть войск уже в Москве (!), но прибыла, дескать, для отработки движения на параде, потом сказал что-то про уборку картошки (это в касках и бронежилетах). Поверить в этот бред было трудно. Судя по всему, так, еще в 1990 году, генералы ответили на программу 500 дней и планы по сокращению военного бюджета. Горбачев трусит, а те, кто готовил радикальные планы, тоже не сильны духом.

Рассказывает академик Шаталин:

«Мы пишем программу. Срок – начало сентября. Вокруг нас самозарождалась жизнь, и, хотя не все приходили от «500 дней» в восторг, база для объединения была. Конечно, надо было бы еще помозговать, поехать к Назарбаеву, к киргизам, поговорить с Украиной – не хватало времени! Вот просто, физически, не хватало дней, чтобы все со всеми обсудить и договориться. Потом – Верховный Совет. Рыжков и Совет министров выступают со своей программой, мы – со своей. И еще появляется президентская программа: те же «500 дней», в общем. Хорошо, пора идти в атаку. И возник парламентский кризис голосования. Верховный Совет не понимает, за кого голосовать, и требует объяснений. Горбачев прерывает, и мы уходим в кабинет. Заседаем час, полтора: он, Рыжков, Лукьянов и я. Ну как же, говорю, Михаил Сергеевич, можно ставить в один ряд три программы: Шаталина, Рыжкова и монархию. Это нехорошо. Монарх не может быть на уровне Шаталина и Рыжкова. Выше надо брать, Михаил Сергеевич. И сказать Верховному Совету: да, это вот так, но монарх опирается в своем решении на такие-то разработки. В частности, «500 дней». Вот это формула. И вроде бы договорились мы, возвращаемся. А у Верховного Совета опять колебания. Я смотрю,

глухо все, ничего не будет. Тогда я сам... взял и написал резолюцию. Первое: одобрить программу президента (а это, еще раз повторю, те же «500 дней») и приступить к ее реализации с 1 октября 1990 года. Быстро перепечатали на машинке, просто моментально, и Лукьянов говорит: товарищи, есть резолюция академика Шаталина. Я выхожу на трибуну. Чувствую: Верховный Совет ждет. Стою на трибуне. А Горбачев выходил. Вижу, он идет обратно, садится на свое место. Вдруг Сережа Станкевич из зала спрашивает: «Станислав Сергеевич, так что, вы снимаете свою резолюцию или нет?» Горбачев насторожился. «Ну как же так... Станислав Сергеевич, мы вроде обо всем договорились. Какая еще резолюция?» Я молчу, Верховный Совет ждет. А Станкевич опять: «Так как, Станислав Сергеевич, вы снимаете свою резолюцию?» Да, говорю, видите, в чем дело – все-таки я – в команде. Никуда не денешься. Да, я снимаю. Вот это – самая трагическая ошибка в моей жизни. Вот за что я больше всего переживаю. – Так зачем сняли? – Испугался. Испугался».

В результате Горбачев отложил все проекты. Остановка реформы придала уверенности Ачалову и Язову, ведь они добились своего и остались на своих постах. Съезд народных депутатов СССР проголосовал постановление «О сохранении Союза СССР как обновленной федерации равноправных и суверенных республик». Депутаты предоставили М. Горбачеву дополнительные полномочия для наведения порядка в стране. А тот поддержал совмещение радикальных предложений Шаталина-Явлинского с консервативными рыжковскими, что отодвинуло их практическое воплощение в неопределенное будущее... Профессор, экономист Н. Шмелев в разговоре с журналистами сказал: «Горбачев будет жалеть кошку и отрубать ей хвост по частям».

Весной Михаил Горбачев получил записку от заместителя союзного премьер-министра Владимира Щербакова. Прочитав ее, союзный президент поручает ему готовить секретный доклад для президентского совета.

«О неотложных мерах по нормализации финансов и денежного обращения в стране»

Анализ результатов первого полугодия и прогнозные расчеты на перспективу свидетельствуют, что при сокращении в текущем году валового национального продукта, по оптимистическим оценкам на 10 процентов, национального дохода на 15 процентов, дефицит бюджетной системы страны составит не менее 200 млрд рублей (...) Если же будут реализовываться социальные программы, принятые рядом республик в дополнение к общесоюзным, то дефицит достигнет 240 млрд рублей (...) Эмиссия наличных денег возрастет до 105 млрд рублей.

Страна ускоренными темпами втягивается в глубокий финансовый кризис и развал денежного обращения (...)

В сложившейся ситуации рассмотрены несколько сценариев развития событий, из которых были отобраны и количественно оценены три (...)

Первый вариант: стратегически ориентирован на подавление инфляции с 10-12 процентов в месяц до 2-3 процентов. Анализ и расчеты показывают, что реализация этого сценария невозможна без практически полного возврата к командной экономике образца 1978 года. Возврат к этой модели возможен только с широкомасштабным применением мер, использованных в 1929 году при сворачивании НЭПа и «раскулачивании» крестьянства, затем восстановлении методов планирования, примененных в период 1940-1944 годов для перевода народного хозяйства на военный режим работы (...) Понятно, что в политической области не обойтись без применения репрессий. Анализ, проведенный широким кругом международных и советских экспертов, показывает, что методами другого характера реализовать этот сценарий невозможно и все надежды на иные способы реализации этого стратегического подхода – беспочвенные иллюзии.

Поэтому дальнейшая проработка сценария полного подавления инфляции прекращена.

Второй вариант: «зеркально» отличается от первого и основывается на признании не только неизбежности инфляционных процессов, но и их активному использованию по принципу: рынок так или иначеотрегулирует пропорции. При этом сценарии силы государства на всех уровнях концентрируются прежде всего на защите от инфляции лишь ограниченного круга населения с фиксированным доходом (главным образом нетрудоспособных), имея в виду, что работники сферы материального производства должны возмещать потери от возрастающей инфляции за счет увеличения выпуска продукции и реализации ее на рынке товаров. Однако, как показывают расчеты, спад экономики достигнет 25-30 процентов, реальной становится безработица, в пиковые периоды примерно в таких же масштабах (т. е. 35-40 млн человек). Практические меры реализации этого сценария состоят в немедленной либерализации всех цен (...) На товары прожиточного минимума (...) необходимо было бы вводить карточки. Сохранить на товары по карточкам твердые цены (осуществляя их периодический пересмотр) можно только в том случае, если нормы потребления будут уменьшены против средних по СССР в 1990 году примерно в 2,7-3 раза. Следует подчеркнуть, что темпы роста цен и инфляции, особенно на первом этапе, существенно возрастут (...) Необходимым условием оживления экономики является проведение денежной реформы рестрикционного характера (...) Вместе с мерами по удорожанию стоимости кредита и ограничению кредитных вложений такая политика позволит в относительно короткий срок (примерно 6-7 месяцев) повысить уровень сбалансированности товарно-денежного обращения, отсекает неэффективные производства, предприятия и

товары. После падения производства оживление экономики будет происходить на качественно новой основе и весьма быстрыми темпами. Начало оживления – примерно середина 1993 года (...) Недостатки этого варианта общеизвестны. К ним относится уже названное резкое снижение жизненного уровня, объемов производства и занятости (...) Нельзя недооценить и опасность анархических тенденций (...) Значительно возрастет опасность введения республиками собственных денег и полного распада государства. Этот сценарий был неоднократно отвергнут Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных республик, Советом Федерации. Однако развитие событий в экономике показывает, что страна все больше втягивается в этот сценарий. Вынужден со всей серьезностью и ответственностью за сказанное предупредить, что непринятие крупных, радикальных антикризисных мер антиинфляционного характера, реализуемых в короткие (2-3 месяца) сроки и при высокой скоординированности действий всех уровней власти и управления, через 3-4 месяца сделает этот ход событий уже по отношению к 1992 году безальтернативным (...) К этому выводу практически единодушно пришли ведущие советские ученые и специалисты, его подтверждают результаты многовариантных расчетов, проведенных специалистами Минэкономики СССР, Минфина СССР, Госбанка СССР и Госкомстата СССР независимо друг от друга».

Третий вариант: «Меры, предусмотренные программой – третий вариант – основан на реализации сценария регулирования экономики в условиях «управляемого кризиса». (Суть принимаемых мер заключается в регулировании темпов, масштабов, размеров и направлений инфляционных процессов, соизмерение шагов по «раскрепощению» экономики с уровнем социально-политической напряженности в обществе и экономики.) Программа антикризисных мер подписана руководителями правительств 10 республик. Остальные в той или иной форме готовы принимать участие в ее осуществлении.

Однако по самым разным причинам, прежде всего связанным с нерешительностью в принятии непопулярных мер (...), практические возможности реализации антикризисной программы уменьшаются с каждым днем.

Необходимо понять, что через 2-3 месяца для нормализации положения придется променять совсем другие меры и антикризисную программу можно будет просто выбросить в корзину. Единственным и безальтернативным станет только второй сценарий развития событий.

Предлагаемые ниже меры, которые необходимо начать реализовывать не позднее 1 октября, подготовлены совместными усилиями министров экономики и финансов 13 республик, руководителям республиканских банков, рядом специалистов как обязательные и неизбежные для реализации третьего сценария выхода из кризиса».

За макроэкономическими показателями стоит реальная и страшная действительность.

Кормить нечем уже и армию:

**«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ
ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ**

Товарищу Воронину Л. А.

Уважаемый Лев Алексеевич!

Прошу Вас передать Министерству обороны СССР 8 млн комплектов суточных рационов военнослужащих Бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи в адрес Всесоюзного объединения «Продинторг» в порты Ленинграда, Таллина и Клайпеды, для выдачи военнослужащим и членам их семей.

С уважением,

Начальник тыла вооруженных сил СССР

Генерал армии В. Архипов 16.01.1991 г. № 156/гп/80»

Невероятно: германская армия кормит своих голодных победителей!

В то же время Министерство заготовок РСФСР продолжает отправлять зерно в Афганистан! Но отправлено не 100 тыс. тонн, а только 50, больше просто нет! И только поэтому министр А. Куделя просит правительство отменить дальнейшие поставки.

При нехватке хлеба он продолжает уходить к тем, кто одной рукой берет его, а другой стреляет в оккупантов. Абсурд? Саботаж? Вредительство? Нет, все проще.

По одно из версий древние ящеры вымерли потому, что мозг и вся нервная система этих гигантов не справлялась с управлением. Пока сигнал шел от головы к хвосту и обратно, команда уже устаревала. Советский допотопный ящер страдал тем же.

Как писал позже журналист О. Лацис в своей статье «Сигнал беды, посланный в никуда», весенний доклад Щербакова поверг президентский совет в шок: по сути, вывод был однозначен – если не принять немедленных мер, примерно к декабрю Советский Союз развалится. И что же? Что сделано?

К концу 90-го года Горбачев все-таки расстался с Н. Рыжковым, вместо него премьером становится В. Павлов. Он позиционирует себя как сторонника «государственного капитализма» (но советский социализм и был госкапитализмом) и начинает претворять в жизнь свой давнишний план: освободить финансовую систему от излишка денежных купюр. Их действительно слишком много. По данным Минфина, на 90-й год все сбережения людей составляли 568 млрд рублей, а все товарные запасы – 72 млрд рублей. Павлов решил избавиться хотя бы от части «фантиков» и сократить «навес» до 40%. Идеологическим обоснованием стало утверждение о том, что таким образом можно будет аннулировать теневые

капиталы и те денежные знаки, которые остались в ушедших из Союза прибалтийских республиках.

22 января в вечернем выпуске информационной телепрограммы «Время» был зачитан указ об изъятии из обращения пятидесяти- и сторублевых купюр образца 1961 года и обмене их на более мелкие банкноты или купюры нового образца. При этом на обмен всей наличности в сумме до 1 тысячи рублей было дано только три дня – со среды по пятницу 23-25 января, а снятие наличности в Сбербанке ограничивалось 500 рублями. На всякий случай с 25 января в городах началось совместное армейско-милицейское патрулирование.

Тот, кто не успел поменять свои денежки за три дня, мог сделать это до конца марта, но уже в специальных комиссиях, где нужно было предъявить «уважительную причину опоздания» и происхождение суммы свыше 1 тысячи рублей.

В итоге правительству удалось изъять порядка 14 миллиардов рублей, хотя по замыслу организаторов «реформы» обмену подлежало 51,5 из 133 миллиардов наличных банкнот этого достоинства. Какая-то часть денег была легализована пронюхавшими об Указе теневиками еще до его объявления, а часть банкнот из Прибалтики ушла на Северный Кавказ и потом была использована в махинациях. Остальные деньги, которые люди по каким-то причинам не смогли обменять, превратились в бумагу. Вспоминая о тех временах С. Кисин писал потом в «Российской газете»: *«Жители Владикавказа (только что переименованного из советского Орджоникидзе) до сих пор вспоминают, как утром 26 января 1991 года, через день после прекращения обмена купюр, к зданию Госбанка подошел хорошо одетый мужчина с чемоданом. Открыл его, вывалил в снег гору пятидесятирублевых и поджег ее на потеху прохожим. Так в пламени дорогого костерка догорела и вера в «ум, честь и совесть нашей эпохи».*

Затем повысили закупочные цены для колхозов. О результате говорит председатель правления Роспотребсоюза В. Ермаков: *«Мы мясные свои ресурсы продолжали интенсивно съедать вплоть до Нового года. Из-за нелепой пляски закупочных цен. Сперва удвоили-утроили цены с 15 сентября по 15 декабря. И все спешили, пользуясь выгодной конъюнктурой и не будучи уверенными в завтрашнем дне, сдать скот, даже маловесный. Потом действие новых цен продлили до 1 января – и опять сдавали даже то, что еще могло дать привес. И вот только теперь сообщили: цены вводятся “навсегда”. Недомыслие, некомпетентность – жуточный бич...»*

А 2 апреля новый премьер все же объявил о трех-четыреухкратном повышении цен на хлеб. Это при том, что в России, если за обедом мужчина не съедал пару кусков хлеба, он вставал из-за стола голодным.

Есть действительно стали меньше. Что снова привело к появлению политических требований у шахтеров-забастовщиков и вывело на улицы столицы сотни тысяч протестующие толпы.

Испугавшись бунта, Павлов объявил о выплатах компенсаций, но получение этих денег отложил до лучших времен – на 3(!) года.

Глядя в те годы из дня сегодняшнего, я задаюсь вопросом: почему огромный аппарат управления, где, наверное, все же были и разумные люди, загодя не предпринял экономических мер по спасению режима?

То, что коммунисты не освободили крестьян до того, пока те еще не вымерли, объяснимо. Крестьянин был объявлен врагом коллективизма еще во времена Ульянова, отпускать его на волю означало сохранять в стерилизованном обществе бациллу независимости. Джугашвили это усвоил и методично ее истреблял. Его последователи еще долго были уверены в том, что им «все по плечу», что «клячу истории» все-таки загонят. Но даже не отменив крепостного права, еще в 60-е можно было отказаться от обеспечения «братских» сателлитов, от финансирования объявивших себя поклонниками социализма людоедов, заморозить «недострой» и прекратить безумную гонку вооружений.

Позже Е. Гайдар писал: *«Чтобы поставить экономику и политику мировой сверхдержавы в зависимость от решений потенциальных противников (США) и основного конкурента на нефтяном рынке (Саудовская Аравия) и ждать, когда они договорятся, надо долго рекрутировать в состав руководства страны особо некомпетентных людей».*

Ведь даже в 70-е, пока цены на нефть были высокими, еще можно было постепенно вводить НЭП и удерживать таким образом власть. Вместо этого десятилетиями развивался паралич, завершившийся и вовсе корпоративным самоубийством!

Или под конец нашелся кто-то, кто решил, что пришло время олигархов?

Сегодня, видя, что после всех надежд, хозяевами страны и ее богатств стали чекисты, задаешься вопросом: может не так уж они были глупы, а просто дали развалиться гнилой системе, ограничивавшей их аппетиты? Допустим, кому-то в советских властных эшелонах стало ясно, что впереди полный крах, но его можно использовать. Что руками демократов можно выстроить основы новой государственности, а потом, когда первый неблагодарный труд будет сделан, отпихнув «бригаду нулевого цикла», можно завладеть и властью, и собственностью?

Но кто мог решиться на такую интригу? Сам Горбачев, лукавый, слабый, в чем-то даже наивный? Нет.

Кто-то за ним, например, Крючков, председатель КГБ и член Политбюро? Ему по должности надо быть всеведущим и башковитым, да и склонностью к интригам он был известен. Но его умения не хватит даже на августовский путч, да и цели у путчистов были реставрационные.

Конечно, можно нарисовать себе картинку, где седовласые гэбисты, сидя где-нибудь на подмосковной даче в Кунцево, под коньячок строят коварные планы своего господства. А среди них начинавший свою карьеру в школе СМЕРШ, руководитель 5-го Главного (идеологического) управления, а затем первый заме-

ститель председателя КГБ СССР Филипп Бобков. Но стоит ли демонизировать силы, которые не смогли защитить тот режим, которому служили?

На упреки в том, что КГБ просмотрело угрозу развала Союза, спустя шесть лет он отвечает так: *«Даются различные оценки деятельности спецслужб Советского Союза и государств, его союзников. Одни их порицают и обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах, другие упрекают в том, что они не сумели отстоять тот государственный строй, который призваны были защищать. Основание для таких оценок есть. Но надо иметь в виду и такой очевидный факт. Строй разрушался в условиях, когда не спецслужбы должны были его укреплять. Они твердо следовали установкам государственной власти. И, может быть, такая позиция не привела к гражданской войне, не позволила допустить кровопролития».*

Не спецслужбы должны были укреплять государственный строй?! А кто же? Ведь гэбисты всегда гордо говорили о себе: мы – «щит и меч» советской власти!

А то, что спецслужбы, якобы перестав выполнять свои обязанности, помогли избежать жертв? Их действительно могло быть и больше. Ведь за плечами ВЧК-НКВД-КГБ немалый опыт жестокой борьбы с любыми проявлениями инакомыслия. И ресурсы у них были. В КГБ служит 210 тысяч офицеров (не считая погранвойск и правительственной связи) и 260 тысяч секретных сотрудников, ему выделяется 6 млрд рублей из государственного бюджета...

Так с чего бы это цепные псы, палачи и провокаторы вдруг стали пацифистами? Нет, генерал лукавит: его спецслужбы никогда не сидели сложа руки, да и сам он почему-то оказывался именно там, где проливалась кровь.

Генерал, как говорится, «себе на уме». В январе 1991 года он после разговора с Горбачевым неожиданно переключается на инспекцию в группе Генштаба МО, той самой, которая курирует вывоз военной техники из стран Варшавского договора (оружие попадает не только на российские склады, но и в те точки, которые сразу становятся «горячими»).

После завершения этой задачи в 1992 году генерал возглавил аналитическую службу группы «МОСТ», влияние которой в начале 90-х трудно переоценить: собственный банк, десятки дочерних фирм, консультационная деятельность на высших этажах власти.

Через «МОСТ» проводятся операции по счетам ФХУ московской мэрии, Департамента финансов правительства и Центрального административного округа Москвы, ГУВД, ГАИ, Управления зарубежных связей.

К концу 1992 года «МОСТ» станет империей с пятью тысячами сотрудников и 80 млрд рублей годового оборота. Позднее уголовное дело, заведенное на службу безопасности группы «МОСТ», выявит, что информация поступала туда из информационно-аналитического управления ФСБ.

Не знаю, прав ли бывший вице-премьер, руководитель Комиссии по рассекречиванию архивов КГБ СССР, Михаил Полторанин в том, что человеком,

который через Андропова ввел во власть сначала Горбачева, а потом и Ельцина, мог быть Филипп Бобков. Но то, что от вопросов идеологии внутри страны и финансирования «революций» за рубежом он быстро переключился на контроль за банковской системой и, в частности, Внешэкономбанком, известно. Как и то, что вряд ли он не знал о двух тысячах тонн золота, вывезенных при нем за рубеж, об обмене валютного госзапаса на рубли по советскому курсу (по 62 копейки за доллар).

Быть может, и правы те, кто считает, что КГБ системно восстало против ЦК КПСС, чтобы стать настоящими Хозяевами? Но, хоть они и стали ими, я не являюсь сторонником теории заговоров. Стратегическая мудрость КГБ как единого организма скорее миф.

Вот как описывает эти службы недолго руководивший ими Вадим Бакатин:

«До прихода в КГБ я был уверен в огромных интеллектуально-аналитических возможностях этой организации. Скажу прямо, меня ждало разочарование. Только чуть более года назад было создано Аналитическое управление, которое не успело встать на ноги. Деятельность информационно-аналитических подразделений, существовавших практически в каждом управлении, и ряда научных институтов никем по-настоящему не координировалась. Почти необработанные информационные потоки сходились на столе Председателя КГБ, который отбирал, какая информация достойна внимания высшего государственного руководства. После того как я первые дни в КГБ получил буквально горы всевозможных, как скоро выяснилось, во многом повторяющихся, сводок, как правило, дающих те сведения, которые уже прошли по средствам массовой информации, я понял прежде загадочное для меня поведение моего предшественника. Где бы ни находился Крючков (на сессии, на съезде, на заседании Совета Безопасности), всегда ему в чемодане приносили гору бумаг, и он сидел и спокойно читал, расписывая резолюции. Только сейчас я оценил этот по-своему рациональный стиль. ...Мыслить широкими политическими категориями разрешалось только на Старой площади, а роль КГБ сводилась в первую очередь к постановке первичных данных и реализации уже принятых решений».

Но и клептократы на Старой площади «мыслить широкими политическими категориями» тоже не умели. Признать, что эксперимент провалился, что 70 лет их руководства огромной страной привели ее в тупик, что необходим не косметический и даже не капитальный ремонт, а строительство другого государства, они были не способны.

В отличие от чекистов, чьи генералы, убедившись в тщетности своих усилий, прийти к таким выводам могли. Слова Бобкова о том, что не спецслужбы должны были укреплять старую власть, является свидетельством того, что они утратили старую мотивацию. Перехват власти руководством спецслужб – это не хитроумный, давно задуманный план, а что-то инстинктивно-рефлекторное, как программы поведения у муравьев и термитов.

Горбачев же продолжает свою линию: ладно, пошумел народ на площадях, но деваться ему некуда, затянул пояса и ляжку свою трудовую еще потянет. Главное, сохранить Союз, тогда все наладится. Ему кажется, что, несмотря на все препоны, он выводит большое государство из тупика. Он хочет сохранить и оформить прочные связи с теми, кто еще не готов уходить в самостоятельное плавание и дает шанс крупным игрокам, в первую очередь России, занять ведущее положение. Горбачев выступает по всесоюзному телевидению и призывает всех на избирательные участки, где надо ответить на лукавый вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик, как обновленной федерации равноправных, суверенных республик, в которой будут в равной степени гарантированы права и свободы человека любой национальности?»

Попытался выступить по телевидению и Ельцин, но там ему отказали, и тогда он выступил по «Радио России»:

«Смущает неясная, двусмысленная формулировка самого вопроса.

Первое. Что такое “сохранить Союз”? Уже сегодня ряд республик заявили о своем намерении из него выйти... Если на эту часть вопроса о сохранении Союза я отвечаю “да”, за что я проголосую? За то, чтобы любой ценой руководство Союза удерживало республики в Союзе? Даже с помощью насилия против гражданского населения, даже вопреки воле большинства населения? Или, может, за что-то другое? Совершенно непонятно. А ведь требуется сказать однозначно – “да” или “нет”.

Второе. Что такое обновленный Союз? Насколько он будет обновлен? Покрасят фасад или пойдут на существенные изменения? Будет это обновление идти по сценарию Центра или, наконец, по воле республик? Все это остается неясным из той формулировки вопроса, которая предложена на референдум.

Третье. В формулировке вопроса есть недвусмысленное указание на то, что Союз останется социалистическим. Этим определением стремятся, по сути, получить от народа одобрение старой, отживающей системы. Но ряд республик уже сняли это понятие из своих названий. Что же, им придется возвращаться к тому, что уже отвергнуто? А как быть в том случае, если они не захотят? Уже сегодня многие законы республик кажутся Центру слишком радикальными, смелыми. Не возникнет ли соблазн, прикрываясь итогами референдума, еще более усилить давление на республики, усилить Центр?..

Четвертое. Последняя часть вопроса – о правах и свободах человека. Непонятно, для чего она внесена в формулировку. Считаю это безнравственным. Неужели союзное руководство не имеет четкой позиции по вопросу о том, нужно или не нужно в полной мере гарантировать права и свободы человека любой национальности? Это первейшая обязанность и важнейшая задача государства. Это ясно и без референдума. Это азбука демократии.

Что касается России, то мы за коренное обновление Союза, за то, чтобы Россия была в обновленном Союзе. Но за такой Союз, который устраивал бы не высшие слои бюрократии, а прежде всего сами республики, их народы. Мы за Союз, в который республики хотели бы войти и сделали бы это добровольно, а не с помощью силы. Мы за Союз свободных республик, а не колоний Центра.

Референдум о сохранении Союза прошел 17 марта. В России он сопровождается референдумом о введении поста президента республики и за него проголосовало более половины от всех избирателей, или 70% от тех, кто пришел на избирательные участки.

Шесть уже заявивших о своей независимости республик (Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия, Молдавия) бойкотировали референдум. В остальных за «сохранение всего хорошего», за «гарантию прав и свобод человека любой национальности» проголосовало 76%. Но были и те, кто открыто голосовал против. Так, в РСФСР сохранению Союза сказали «нет» 26%, на Украине – 28%, в Чечено-Ингушетии, Удмуртии, Карелии и Коми по 22%, в Якутии – 21%, в Белоруссии – 16%... Меньшинство? И все же это 34 миллиона человек. С Чечней и Украиной понятно, там национальный сепаратизм – фактор давний и объяснимый, но почему каждый пятый в Карелии, в Якутии, Коми, в Удмуртии не хочет сохранения имперского Союза?

Да и в самой России, в РСФСР, 21 миллион ее граждан, каждый четвертый из голосовавших, отвергает жизнь в «дружной семье советских народов»!

Как любил говорить сам Михаил Сергеевич, «процесс пошел», вот только места Генсеку «вся Руси» в нем уже нет... Это понимают даже его ближайшие помощники. Его верный оруженосец А. Черняев записывает в своем дневнике:

«Ельцин – Президент России. И в общем, он уловил, куда несет страну «неведомая сила», разбуженная Горбачевым. И обратил себе на пользу. И действует – в струе! У тех, кто за него голосовал (я – нет), теплится, видимо, надежда, что «с Ельциным» начнется подъем. А Горбачев, может, и постарается «сопоспешествовать», уняв свою страсть делать все своими руками и считать, что иначе все завалится (хотя в таком убеждении есть пока и резон).

«Демократическая пресса» и весь Запад – в эйфории. Теперь не Союз, а Россия у всех на уме, может, из нее что-то получится. Если бы так, я бы тоже стал аплодировать. А Союз, бог с ним, с Союзом, была бы Россия. В душе-то и М. С. так думает, но он не доверился «душе», а доверился «государственной ответственности» и... проиграл.

Ему надо постепенно, с достоинством отходить в историю, осваивая великое свое в ней место. Закон великих переворотов».

Борис Ельцин, в отличие от Горбачева, избирается всем народом. На выборах президента он получает 45% от общего числа избирателей, что составило 57%

от числа пришедших на выборы и побеждает сразу в первом туре. В паре с ним вице-президентом становится генерал, «герой» афганской войны, Александр Руцкой.

16 августа первый заместитель премьер-министра СССР В. Щербаков докладывает своему шефу: «Из расчетов и анализа специалистов Минфина, Минэкономики, Госбанка и Госкомстата СССР следует, что, если не предпринять экстренных мер для стабилизации экономики в течение ближайших 2-4 месяцев, после этого срока единственным сценарием нормализации положения будет немедленная либерализация всех цен и тарифов. При этом спад экономики достигнет 25-30%, а безработица в пиковые периоды составит 35-40 млн человек».

Но Валентину Павлову, первому и последнему премьер-министру СССР, некому передать эту информацию. Еще 4 августа Михаил Горбачев вместе с семьей отправился в отпуск, отдохнуть в Крыму перед подписанием нового Союзного договора. Да и что Павлов может предложить? Крепкий хозяйственник знал, как работает советская экономика, но понятия не имел о рыночной. Освобождение розничных цен, о котором ему уже давно говорят, он заменил их двукратным повышением, что ничего не изменило. Дать рынку самому установить баланс спроса и предложения правительство Союза и его президент не готовы, остается лишь распродажа остатков золотого запаса и затыкание дыр.

Еще в начале 91-го года союзное правительство легализовало договорные цены, подняло оптовые, но розничные, например, на сельхозпродукцию, попытались сохранить. Результатом этого нелепого шага могло стать разорение многих предприятий, тогда они стали расплачиваться между собой бартером, зарплаты задерживались, а порой тоже выдавались производимым товаром. Там, где штамповали кастрюли или шили одежду, это еще спасало, а что было делать тем, кто собирал трактора или танки? Их на рынке не продашь...

Розничные цены и без разрешений поползли вверх, а торговая сеть, боясь прогадать, стала придерживать последние товары.

Общегосударственные перемены буксуют, региональные реформы парализованы отсутствием движения наверху. Возникают идеи прорыва на местах, для этого нужны права и полномочия. В Питере находятся сторонники создания «свободной экономической зоны». А. Собчаку удается добиться постановления Совета министров РСФСР «по развитию зоны свободного предпринимательства г. Ленинграда (ЛЗСП)», но когда городские депутаты получают его, выясняется, что горсовет практически исключен из числа тех, кто будет управлять «зоной благоденствия». Все денежные потоки, весь налоговый кредит, которые Совет министров на пять лет оставлял в распоряжении Комитета ЛЗСП, контролировался лишь исполнительной властью. Естественно, что у депутатов возникли серьезные опасения в том, что один А. Собчак не сможет уследить за тем, как будут разворовывать этот имущественный и валютный пирог. Совет опротестовал это положение, в конечном счете борьба за права и полномочия утопила весь сомни-

тельный проект «процветания» отдельно взятого региона среди общей разрухи. Представления о том, как депутаты все вместе дружно наладят городскую жизнь и всеобщее процветание, остались в прошлом. Прекраснодушные надежды сменялись растерянностью и смущением одних, гневом или поисками популистских решений у других. Раздражение против неэффективного Центра стало общим фоном наших депутатских настроений. Мы расходимся на летние каникулы, не представляя себе всю масштабность и остроту накрывшего Россию политического кризиса.

ВРЕМЯ НАЗАД?

Путч

Утро девятнадцатого августа 1991 года, праздник – яблочный Спас... Я сплю на полу в маленькой комнате еремковского дома. С нами Катина сестра Таня, ее муж Игорь, маленький Павлик и гости. Свой диван мы уступили датской журналистке Кирстен, которая, наверное, еще спит за перегородкой.

Она заехала к нам по дороге из города Иванова, где работала над исследованием по истории города и жизни ивановских ткачих. Вчера мы долго сидели за столом и говорили о деревенской жизни. Совхоз в нашей деревне разваливается. В последние годы деревней пытается управлять энергичный потомок целинников из Казахстана, он привез с собой десяток русских семей, выиграв областной конкурс по программе переселения. Из госбюджета были выделены деньги. Репатриантам построили кирпичные дома, и они включились в работу. Но вокруг север Тверской губернии, зона рискованного земледелия, неурожай, то Пошехонье, о котором писал Салтыков-Щедрин.

Правда, даже эта скудная природа когда-то давала крестьянам щедрые плоды. По рассказам стариков, в 1919 году на станцию пришел бронепоезд с красными матросами, они потребовали «контрибуцию». Не получив, бабахнули из пушек по самому богатому селу Молдино (бывшему имению Милюковых). Увидев, что деваться некуда, крестьяне привезли экспроприаторам столько зерна и денег, сколько не давал потом, при советской власти, весь район. Но то были хозяева, сейчас их нет. Рядом заброшенная, мертвая деревня Найденка. После многократного раскулачивания там не осталось никого. А в маленьком Еремково у клуба памятник крестьянам, не вернувшимся с войны, на нем сорок с лишним имен. Некому работать, беспробудное пьянство выкосило последних нищих мужиков, пацаны уезжают в город.

Льнозавод простаивает, да и раньше он приносил убытки. Поля в начале лета еще синеют цветущим льном, когда приходит время его собирать, районное начальство снимает школьников с уроков. Иногда, если удастся починить, им помогает старый комбайн. Но чаще под осенним ветром, а то и дождем, дети вместе с учителями дергают лен руками. Потом собирают его в бабки и оставляют стоять их в поле. Зачастую там, под снегом, лен и сгнивает. Тогда весной тем же школьникам раздают спички, они ходят по полям и сжигают подсыхшие снопики. Новый директор пытался чуть ли не пинками заставить местных людей работать. Но для пьющей деревенской глубинки это слишком круто, и чужаку

сжигают дом. Он строит себе другой, опять на отшибе, сжигают и тот. Обозленный, он переселяется в центр деревни и потихоньку распродает на металлолом старую совхозную технику.

В утренней полудреме я вспоминаю приходившее к нам вчера семейство местного фермера, который пытается возродить Найденку. (В 90-м году из колхозов и совхозов выделилось больше 350 тысяч фермерских хозяйств, но на них ополчаты все – вымогательство, потравы, чиновничий беспредел. Уже через год их число сократится на 70 тысяч, дальше только хуже...) Обещанный кредит на технику Ивановы так и не получили, глава семьи сорвал себе спину непосильной работой и теперь лежит в больнице.

Сквозь сон, услышав чью-то тревожную интонацию, я просыпаюсь. Подняв голову, вижу Катю, она стоит в проходе:

– Юл, Юл, переворот! В Москве переворот!

Еще не понимая, еще не веря, я подымаюсь, натягиваю штаны и выхожу в большую комнату. Кирстен со слезами на глазах держит в руках транзисторный приемник. Оказывается, она встала пораньше, сходила на озеро и, вернувшись, решила послушать российские новости, а там диктор торжественно-замогильным голосом читает:

«В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127/7 Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу.

В целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего государства, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик (СССР), руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей родины, всех советских людей

ЗАЯВЛЯЕМ:

1. В соответствии со статьей 127/3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР о правовом режиме чрезвычайного положения и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспеченности законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев, с 4 часов утра по Московскому времени с 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное руководство имеет Конституция СССР и Законы СССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрез-

вычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР)...

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР».

Мы включаем телевизор, на черно-белом экране идет балет «Лебединое озеро», переключаем программы – лебеди и там.

Беда! Неужели опять все назад? Куда? В 80-е или в 30-е?.. Аресты, этапы, расстрелы, в лучшем случае, изоляция или высылка.

Что же с Горбачевым? Неужели грохнули? Что делать? Как отреагирует народ? Армия? Все это крутится в голове, мы задаем эти вопросы друг другу, но ответов нет.

В Крыму на президентской даче помощник Горбачева Черняев уже обнаружил, что комплекс окружен, а связь отключили. Из окна соседнего корпуса он видит, что группа людей прошла в основное здание, когда они уходят, шеф зовет его к себе. Из записной книжки, где Черняев по свежим следам записал:

«Он (Горбачев) был спокоен, ровен, улыбался.

– Ну, ты, – говорит, – знаешь, что произошло?

– Нет, откуда же мне знать! Я только из окна наблюдал. Видел Плеханова, Болдина. Говорят, какой-то генерал в очках, большой... и Бакланов.

– Генерал – это Варенников. Он и был самым активным. Так вот слушай, хочу, чтоб ты знал.

Р. М. (Раиса Максимовна, жена Горбачева):

– Вошли без спроса, не предупредив, Плеханов их вел, а перед ним вся охрана расступается. Полная неожиданность. Я сидела в кресле, прошли мимо и только Бакланов со мной поздоровался. А Болдин! С которым мы 15 лет душа в душу, родным человеком был, доверяли ему все, самое интимное!!!

М. С. ее остановил.

– Слушай. Сели, я спрашиваю, с чем пожаловали? Начал Бакланов, но больше всех говорил Варенников. Шенин молчал. Болдин один раз полез: Михаил Сергеевич, разве вы не понимаете, какая обстановка!! Я ему: мудак ты и молчал бы, приехал мне лекции читать о положении в стране. (Слово «мудак» произнес «при дамах»). Иришка засмеялась и интерпретировала: «мутант» очень удачно. Она вообще умная, образованная).

Словом, продолжал М. С., они мне предложили два варианта: либо я передаю полномочия Янаеву и соглашаюсь с введением чрезвычайного положения, либо отрекаюсь от президентства. Пытались шантажировать (не пояснил, как). Я им сказал: моли бы догадаться, что ни на то, ни на другое я не пойду. Вы затеяли государственный переворот. То, что вы хотите сделать с этим Комитетом и т. п., антиконституционно и противозаконно. Это авантюра, которая приведет к крови, к гражданской войне. Генерал стал мне доказывать, что они

«обеспечат», чтобы этого не случилось. Я ему: «Извините, товарищ Варенников, не помню вашего имени отчества». Тот: «Валентин Иванович».

Так вот: «Валентин Иванович, общество, это не батальон. Налево марш и шагай. Ваша затея отзовется страшной трагедией, будет нарушено все, что уже стало налаживаться. Ну, хорошо: вы все и всех подавите, распустите, поставите везде войска, а дальше что?.. Вы меня застали за работой над статьей. Ибо уже налажен процесс согласия через формулу «9 плюс 1», мы были накануне подписания Союзного договора, который кардинальным образом менял бы положение во всей стране, который стал бы рубежом в развитии государства и общества, когда можно было бы начать строить новые структуры».

– Так вот, – продолжал рассказывать мне Горбачев о своем отпоре непрошенным гостям, – в статье рассмотрен и ваш вариант с чрезвычайным положением. Я все продумал.

Убежден, что это гибельный путь, может быть кровавый путь... И он не куда-нибудь, а назад, в доперестроечные времена.

С тем они и уехали».

В Еремково, пока моя Катя готовит чай (руки у нее дрожат), а Таня одевает детей, Кирстен идет на нашу деревенскую почту, там есть телефонная линия. В соседних домах она тоже есть, ее установили чекисты еще в то время, когда Молоствовы поселились в деревне, наказав местным жителям сообщать обо всех приезжающих. Туда идти не хочется...

Через полчаса она возвращается. Как ни странно, ей удалось позвонить знакомым журналистам не только в Москву, но и в Копенгаген. Она рассказывает, что в столицу входят войска, люди протестуют, пытаются их остановить, но колонны танков прут к центру. Информации о Горбачеве нет, что с Ельциным неизвестно.

То, что работает междугородняя телефонная связь, то, что не отключены редакции и корпункты прессы, странно! (В Питере зарубежный и междугородний телефоны уже отключены, но ненадолго.)

Как там было у большевиков в 17-м? В первую очередь они захватили почту, телеграф и телефон. Сегодня что-то происходит не так.

Кирстен говорит, что народ начинает собираться у Верховного Совета России.

Это уже хорошо. Значит будем сопротивляться. Но как? Что предстоит: подполье или баррикады? Надо увидеть все своими глазами! А поезд будет только к вечеру, раньше не уехать.

День проходит в спорах, сборах и хлопотах, он совпал с днем рождения Катиной мамы, но они с Михаилом Михайловичем в Питере: поехали навестить родственников и друзей-диссидентов. Что будут делать они? Наверняка Михалыч собирается в Москву. Ну, а мне куда? Мое место в Ленсовете! От того, как поведет себя «город трех революций», может зависеть многое.

Вечером, наконец, сажусь в поезд. Прощаюсь с дочерью и женой, прошу ее

поберечься, оставляю отпускные деньги. О том, что следующей встречи может и не быть, мы молчим.

Таня и ее муж вместе со мной доезжают до Удомли, городка тверских атомщиков, где они живут и работают. По дороге они обсуждают вопрос, не надо ли им, врачам, ехать в Москву, где вскоре могут появиться раненные.

Мы еще не знаем о том, что рядовые сотрудники «Альфы», несмотря на приказ командира об аресте Ельцина, пропустили его в город. В 9 утра он в Белом доме подписывает «Обращение к гражданам России», где называет случившееся «правым, реакционным, антиконституционным переворотом».

Он призывает военнослужащих не подчиняться путчистам, а граждан к бессрочной забастовке и требованию созыва чрезвычайного Съезда.

В Верховном Совете РФ ксероксы уже печатают листовки с текстом «Обращения». Из рук в руки и по факсимильной связи они начинают распространяться по стране.

Я же вместе с Ритиным братом Валерием Муждаба, помощником Михаила Михайловича по депутатским делам, еще только еду на узловую станцию Бологое, где можно пересест на другой поезд. В те же часы в Москву и Питер спешат многие депутаты. Член Комитета по правам человека Сергей Сироткин узнает о перевороте на Севере, куда он уехал рыбачить. Случайно встреченный в глуши местный охотник говорит ему о том, что услышал по транзистору о перевороте. Бросив все, Сергей напрямик идет 20 километров до ближайшего железнодорожного полустанка, добирается до Москвы, приходит в свой Комитет, но сапоги, в которых он был всю дорогу, с опухших ног уже не снять, их приходится резать...

А вот Моссовет не торопится, он соберется только через пару дней, когда уже станет ясно, кто побеждает.

Путчисты принимают постановление:

«В связи с введением с 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения” Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: “Труд”, “Рабочая трибуна”, “Известия”, “Правда”, “Красная звезда”, “Советская Россия”, “Московская правда”, “Ленинское знамя”, “Сельская жизнь”.

2. Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР».

А в 12 часов дня 19 августа состоялось знаменитое выступление Бориса Ельцина с танка у здания Верховного Совета РСФСР.

Вечером путчисты проводят пресс-конференцию. На ней в прямом эфире журналистка Т. А. Малкина задала вопрос: «Понимаете ли вы, что сегодня ночью совершили государственный переворот?» Вся страна слышит эту оценку и видит трясущиеся руки Янаева, который уклоняется от ответа.

20 августа ГКЧП принял свое третье (последнее) постановление:

«В связи с введением 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения” Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всесоюзной государственной телерадиокомпании, республиканским, краевым, областным телерадиоорганизациям в своей работе строго руководствоваться постановлениями Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

2. Возложить на руководство Всесоюзного совета по телевидению и телерадиовещанию в СССР и Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании (Гостелерадио) координацию деятельности телевизионных и радиовещательных организаций на всей территории страны.

Временно наделить Гостелерадио полномочиями в необходимых случаях приостанавливать или отменять указания местных органов власти, противоречащие задачам и принципам вещания в условиях чрезвычайного положения.

3. Временно ограничить перечень транслируемых из Москвы на всю территорию страны следующими программами:

– по телевидению – 1-й, 2-й и 3-й программы Центрального телевидения;

– по радиовещанию – первой, второй, третьей и четвертой программами центрального Всесоюзного радиовещания.

Временно ограничить использование радиостанций союзного подчинения для трансляции рядом союзных республик своих радиопрограмм на зарубежные страны.

4. Программы республиканского телевидения и радиовещания передавать на территории соответствующей республики только по выделенным для этих целей каналам и передающим средствам.

5. Приостановить деятельность телевидения и радио России, а также радиостанции “Эхо Москвы”, как не способствующих процессу стабилизации положения в стране.

6. Передача программ телевидения и радиовещания общественных, коммерческих и других органов вещания, не входящих в структуру вещания, указанных в пунктах данного постановления, временно приостанавливается.

Минсвязи СССР и министерства связи союзных республик обеспечить приостановление излучения в эфир и передачу по кабельным сетям программ негосударственных органов вещания.

7. Действие выданных ранее регистрационных удостоверений на телевизионное и радиовещание прекращается. Порядок и сроки проведения перерегистрации органов телевидения и радиовещания будут сообщены дополнительно.

8. Поручить Минсвязи СССР взять под контроль все действующие и запасные центры и каналы связи и вещание на территории страны (включая и республиканского подчинения).

9. Гостелерадио и Минсвязи СССР во взаимодействии с руководством Всесоюзного совета по телевидению и радиовещанию создать временную координационную группу по регулированию телерадиовещания в стране, в том числе – в вопросах выделения частот, предоставления времени вещания и технических средств.

10. КГБ СССР, МВД СССР и их органам на местах принять дополнительные меры по обеспечению выполнения данного постановления».

Так стало ясно, что в стране объявлена диктатура. Объявлена, да не установлена! Обыватель покорен, но журналисты не подчиняются запретам, а значительная часть общества начинает подыматься на защиту закона и свободы. Утром 20 августа Е. Гайдар провел институтское партсобрание, на котором сотрудники дружно вышли из КПСС и распустили партийную организацию. Часам к семи вечера он и его друзья добрались до Белого дома. Гайдар вошел внутрь, там Алексей Головков знакомит его со своим шефом Геннадием Бурбулисом, через него Егор Тимурович передает Ельцину письмо со словами поддержки и готовностью к совместной работе.

В. Новодворская в это время держит голодовку в камере Лефортовской тюрьмы, она опять арестована, теперь по обвинению в том, что после кровавых вильнюсских событий оскорбила Горбачева и призвала к свержению его режима. О путче она узнает от растерянных, даже огорченных следователей и реагирует в своем стиле – письмом, которое через следователя передает председателю КГБ Крючкову.

Она пишет:

«После того, как Вы с похвальной откровенностью сорвали последние покровы с нашей политической лавочки и убрали Горбачева, который был Вашей единственной козырной картой (как внутри страны, так и снаружи), иллюзий не останется ни у кого...

Я не считаю гражданскую войну с такими, как Вы, несчастьем для страны. Считаю ее единственным выходом, и вся моя общественная деятельность была направлена на то, чтобы эта война наконец началась. Благодаря Вашему остроумному предпринятию, я надеюсь, окончательно развалится Ваш хваленый Союз

и будет ликвидирован советский государственный строй. Спасибо за Ваше усердие в выполнении программы ДС. Я рада от имени революционно-либеральной фракции ДС, координатором которой я являюсь, и которая уполномочила меня ее представлять, отказать Вашей хунте в признании и повиновении. Вопреки всему мы продолжим нашу деятельность, и смею вас заверить, что она будет направлена против Вашего путча. Как член Координационного Совета Московской организации ДС, надеюсь и уверена, что деятельность всего ДС Вам тоже приостановить не удастся. Если Вам непременно нужно кого-то расстрелять, не бросайтесь на безоружных и невинных, как в Новочеркасске и Вильнюсе. Предлагаю Вам для расстрела свою кандидатуру. Почитайте дело SI45, и Вы убедитесь, что я этого вполне заслуживаю. Я была искренним врагом Горбачева, но, если он с Вами не пошел и Вами арестован, я сочувствую ему и готова защищать его, как политзаключенного. Валерия Новодворская, член МКС ДС.

Первыми, с плакатами, лозунгами протеста и листовками, выходят на улицы своих городов члены партии «Демократический Союз». Вспоминая те дни, Валерия напишет потом:

«К 12 часам ДС уже вышел на Манежную (площадь) в полном составе вместе с депутатом Володей Ивановым. Те, кто полгода не навещал организацию, явились, уплатили членские взносы и отправились на площадь. Это был долгожданный сигнал. Для ДС сработала тимуровская сигнализация на запыленном чердаке. Надо было все бросать и спешить. Это ДС и Володя Иванов повели первых демонстрантов к Белому Дому, причем ДС тогда ни на миг не признавал Ельцина президентом, а ВС – парламентом.

ДС явился на место с железными прутьями, запасся бутылками с бензином и пытался пристроиться под все встречные танки. Это чудо, что никто не погиб. Самый молодой лидер ДС Миша Денисов узнал про ГКЧП в Вильнюсе: приехал печатать газету. Прямо с вокзала развернулся и поехал назад в Москву, будучи уверен в том, что он не успеет ничего сделать: возьмут на Белорусском у вагона. Поехал, чтобы быть арестованным! Для ДС это была норма. Для того и задолженности по взносам платили: вдруг не сочтут членом организации и не возьмут. ДС защищал 23-й подъезд. Коля Злотник печатал в своем Центральном банке ельцинские воззвания и дээсовские листовки. Вадим Кушнир строил баррикады напротив СЭВа, сначала вместе с цепью удержав танки, чтобы выиграть время. ДС никогда не был так счастлив. Это был его звездный час. В Питере дээсовцы призвали защищать Ленсовет с охотничьими ружьями. В Омске Олег Томилов одел своих дээсовцев в любимую корниловскую форму, и они все вышли в центр города, чтобы умереть, как белые офицеры. Городские «красные» явились с кольями, чтобы всех их перебить. И если бы не пришли на выручку казаки с шашками, никто бы не уцелел. Во Владивостоке ДС повел человек пятьсот брать штурмом штабное здание Дальневосточного флота, заявившего в лице своего командующего о поддержке ГКЧП. Чуть было их всех не расстреляла

морская пехота. Милиция заступилась. Этот адмирал вообще был большой оригинал: он заявил, что, если местный Облсовет не поддержит хунту, он применит ядерное оружие...

В Твери Тамара Целикова, которую еще два дня назад таскали в суд в связи с делом о горбачевской чести, держала плакат: "Свободу Горбачеву!" Везде малочисленный ДС выходил первым и увлекал других. Интеллигенция опомнилась и наконец обрела тот кураж, которого ей так не хватало с 1985 года. Но основная масса народа дремала и ни на что не реагировала, как некий матрас, в котором гложут все колебания».

Первые пикеты протеста проходят и в других городах. Так, Народный фронт подмосковного Зеленограда в тот же день выводит людей к зданию исполкома.

Пока это лишь горстки храбрецов, отрезанная от информации страна в недоумении и растерянности.

В Бологом на вокзале люди спокойны, хотя иногда можно поймать настороженный, опасливый взгляд, но патрулей нет. А билеты есть. За давностью лет я смутно помню свое тогдашнее состояние, конечно, были тревога и страх, было недоумение.

Арест или ликвидация Горбачева казались чем-то неуместным. Генсек перестал занимать наши умы, то, что он делает, уже не интересно...

Недавно он выступил по телевидению и объявил о том, что новый Союзный договор согласован с девятью республиками: Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Азербайджаном, Украиной, Белоруссией и Россией. А к заключительному официальному подписанию договор будет открыт с 20 августа.

И вот, в этой ситуации – путч. В его окружении нашлись те, кто уверен: чтобы развернуть страну вспять, надо просто отстранить Горбачева!

В ночном поезде не спится. Я пытаюсь понять, что же случилось. Еще вчера мне казалось, что таких рывков не будет. Ну, было в газете «Советская Россия» («савраске», как мы тогда шутили) слезливо-надрывное «Слово к народу», где демократов-реформаторов обвиняли в «переломе станového хребта России», где взывали «опомниться и встать – стар и млад за страну, для отпора губителям Родины», но прошел месяц и вроде ничего не случилось.

Я не знал тогда, что закулисная борьба в кремлевских коридорах дошла до критической точки. Информация о закрытом заседании Верховного Совета Союза, где Крючков, Пуго и Язов подвергли деятельность отсутствующего президента СССР жесткой критике, а глава КГБ В. А. Крючков заявил о том, что в данной ситуации нельзя обойтись без мер чрезвычайного характера, не публиковалась.

Горбачев об этом знает! Казалось бы, пора принимать защитные меры.

Тем более, что еще 20 июня министр иностранных дел СССР А. Бессмертных, находясь в Берлине, получил от госсекретаря США Бейкера информацию о том, что готовится свержение Горбачева. Бейкер даже назвал имена Павлова,

Язова, Крючкова и настаивал на том, что Горбачев должен получить эту информацию из рук в руки.

Союзный министр предложил сделать это через посла США в Москве Мэтлока. А. Черняев записывает в дневнике:

«21 июня 1991 года. Пятница.

Странный вчера и, может быть, тоже роковой день...

...Уже часов в 8 вечера опять называют из посольства США. Мэтлок просит немедленной аудиенции у президента: срочное, секретное сообщение от Буша.

Мне как раз в этот момент позвонил М. С. Я ему сказал. Он: “Давай!” Я помчался в Кремль. Спрашиваю у М. С.: «Мне присутствовать?» – “Обязательно”. Вошел Мэтлок. Лица на нем нет, не терпелось выложить, с чем пришел. А пришел он вот с чем:

“Господин президент, я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же встретиться с Вами и передать: американские службы располагают информацией, что завтра (т. е. сегодня, 21.06.) будет предпринята попытка отстранить Вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить Вас”.

М. С. засмеялся. (Я – тоже!) Мэтлок смутился: мол, глупость принес на такой верх. Стал извиняться: я, мол, не мог не выполнить поручения своего президента, хотя сказал ему (как?), что у меня в Москве таких сведений нет и вряд ли это правда.

М. С.: “Это невероятно на все 1 000%. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация, долг друга предупредить. Успокойте его”.

Потом разговорился: “Знаете, господин посол, возможны такие разговоры у нас. Вы видите, что происходит”. И стал ему говорить почти теми же словами то, что я за несколько часов до того: «В народе, в обществе – тенденция к согласию, к успокоению. Дело идет к Союзному договору, к участию в “семерке”, т. е. к реальному выходу СССР во внешний мир экономически. Более того, движемся к реальной сцепке внутренних и внешних процессов. Это встречает одобрение. Выборы Ельцина это подтвердили. Сейчас общество отвергнет конфронтационный подход. И тех, кто за этим стоит. Но есть силы, которых это не устраивает. Они есть и в парламенте, хотя не вся фракция “Союз” такая, там есть и здравомыслящие, нормальные. Есть и оголтелые, которые готовы проглотить микрофон, – Алкснис, Коган. За ними те, которые чувствуют, что теряют все в эшелонах власти и привилегиях. И опять сплываются, опять замышляют, как подорвать процесс оздоровления. Не исключая, что в их среде ведутся разные разговоры, в том числе и такие, которые подслушал ваш разведчик».

В 12 ночи звонок из приемной: Буш требует поговорить с М. С. по телефону. Говорю: «Соединяйте, раз так. Допишу потом. Сейчас некогда».

23 июня. Воскресенье.

Так вот. Страхи продолжались. Ночью стал названивать Горбачеву Буш. Из приемной меня спрашивают: что делать? Я: соединяйте. Но М. С. гулял с Р. М. (было около 12-ти). Вернувшись, велел соединить с Вашингтоном, с Белым домом. Но Буш уже был “занят”. И, видно, отчаявшись соединиться с другой “сверхдержавой” на уровне конца XX века, послал депешу. Она пришла рано утром.

Когда мне в 6 утра позвонили из приемной М. С. с тем же вопросом: “Что делать с депешей?”, я возмущенно ответил: “Посылать на дачу!”

Тем не менее. Вручили ему лишь в 9 утра, когда проснулся.

Не знаю, что там было. До меня не дошло. Но М. С., приехав на работу, устроил разнос всем, кто не обеспечил ему звонка с Бушем ночью: на селектор подключил меня, Крюкова, Болдина. Крюков жалко оправдывался, спихивал на то, что по “горячей линии” не было запроса. Тогда М. С. ему процитировал из депеши, что сначала пытались соединить именно по “горячей”. Крюков заблеял: обещал “разобраться и наказать”. Болдину было тут же приказано разогнать “без всяких попыток опять убрать концы в воду тех, кто у него в приемной... Идиотов, дармоедов. Один из них до сих пор меня Леонидом Ильичом иногда называет!” (Я прыснул со смеху.)

Главный предмет разговора: Буш хотел поделиться впечатлениями от Ельцина с подтекстом – еще больше их мирить. М. С. рассказал о том, как он только что “укоротил” Верховный Совет. Буш уже знал об этом из сообщений агентов.

И все “страхи” сразу были сняты. М. С. показал, что “он хозяин положения”. И если захочет, разгонит этих болтунов и провокаторов (еще один 3-июньский государственный переворот Столыпина, разогнавшего 3-ю Думу!) И получит поддержку республик и всей России во главе с Ельциным. Эти кретины не понимают, что после новоогаревской “1 + 9” и избрания Ельцина президентом ситуация круто изменилась. У М. С. появился тыл. И он уже не будет кланяться этим профессиональным крикунам. Дал он им по мордам основательно! Наверное, за всю перестройку было две или три таких поворотных яростных речи. И покорились. Хлопали.

Теперь о том, что не успел записать вчера. Утром, еще до того, как у Горбачева побывал Мэтлок, мне позвонил Плеханов (заместитель Арбатова по Институту США). Я, говорит, должен Вас информировать: приходили представители “Щита” (это – офицерская оппозиционная организация) и говорят, что под Москвой замечено подозрительное передвижение воинских частей. Я отнесся критически.

И не стал говорить об этом М. С. А после Мэтлока он мне, похвалив Буша “за заботу” и посмеявшись над наивностью американцев, сказал: “Ты знаешь, Примаков мне вчера говорит: Михаил Сергеевич, Вы учтите! Вы слишком доверились КГБ, службе Вашей безопасности. Уверены ли Вы в ней?”

“Вот, – говорит М. С., – и этот – паникер”. Я говорю ему: “Женя! Успокойся. Ты-то хоть не паникуй”».

Через две недели Горбачев, уезжая в отпуск, спокойно оставил «на хозяйстве» серенького «вице-президента» Геннадия Янаева, выпивоху премьера Павлова и получивших его «строгое внушение» волкодавов – Крючкова, Язова и Пуго. Тех, на ком уже есть кровь Тбилиси, Вильнюса, Риги и Баку...

Сразу после его отъезда, 16 и 17 августа, заговорщики собираются в закрытой резиденции КГБ (объект АБС) на ул. Академика Варги, где обсуждают планы изоляции Горбачева, его последующего отстранения со всех постов и формирования ГКЧП.

Что заставило их пойти на этот шаг? Позднее, на допросе, генерал Варенников скажет: «Нашей целью было сорвать подписание нового Союзного договора, который, по нашему мнению, не имел никаких правовых основ».

Почему?! Что за бред! Ведь не развал Союза, а его обновленное сохранение подготовил союзный президент! Речь шла всего лишь о новой федерации, о «Союзе советских суверенных республик».

Да, республики получили бы больше прав. Да, договор закреплял их право на землю, недра, воды, на разнообразие форм собственности, а Центр из управляющего превращался в координирующий. Но в руках нового союзного руководства остались бы не только вопросы обороны, внутренней безопасности, международных отношений, но и рычаги финансовой политики, ограничения эмиссии остававшегося общей валютой рубля, а языком межнационального общения мог остаться русский язык.

Правда, не прописаны механизмы принуждения к соблюдению этих обязательств. Но пиши не пиши, их и так уже нет! Во главе всех девяти республик стоят избранные народом президенты, цепной реакции освобождения уже не остановить, можно лишь попытаться придать ей какой-то формообразующий смысл.

Как раз этого путисты и не понимают, они уверены в том, что грозный окрик ГКЧП заставит народы империи стать в привычный строй. Тот единственный правильный строй, который «завещан им революцией», который «стоит на страже мира и прогресса». И... в котором они сохраняют свое положение. Если будет подписан Договор – будут новые союзные выборы, новый Верховный Совет, новое союзное правительство. Найдется ли там место для старой, партийно-хозяйственной элиты? Они знают, что нет!

Решимость завалить «хозяина» подогрета еще и тем, что Михаил Сергеевич после подписания договора собирался расстаться именно с этими лицами.

Ельцин в «Записках президента» пишет:

«29 июля 1991 года в Ново-Огареве состоялась встреча, которая носила принципиальный характер...

Разговор начали в одном из залов особняка. Все шло нормально, но, когда коснулись тем совсем конфиденциальных, я вдруг замолчал.

“Ты что, Борис?” – удивился Горбачев. Мне сложно сейчас вспомнить, какое чувство в тот момент я испытывал. Но было необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то за тобой неотступно подглядывает. Я сказал тогда: “Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают”. Горбачев не слишком твердо ответил: “Да брось ты”, – но все-таки пошел за мной.

А говорили мы вот о чем. Я стал убеждать Президента, что, если он рассчитывает на обновленную федерацию, в нее республики войдут только в том случае, если он сменит хотя бы часть своего самого одиозного окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве. Ни одна республика не захочет войти в такой Союз. Или министр обороны Язов, – разве может быть в новом содружестве такой «ястреб» из старых, отживших уже времен.

Видно, Горбачеву нелегко давался этот разговор, он был напряжен. Меня поддержал Нурсултан Назарбаев, сказал, что надо обязательно сменить министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко. Потом добавил: “А какой вице-президент из Янаева?!” Михаил Сергеевич сказал: “Крюкова и Пуго мы уберем”.

Я стал убеждать Горбачева отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента Союза. Удивительно, но на этот раз он впервые не отверг мое предложение. И даже посоветовался: “А может быть, мне пойти на всенародные выборы?”

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо поменять Валентина Павлова, тогдашнего премьер-министра. Горбачев спросил: “А кого вы видите на этой должности?” Я предложил Нурсултана Абишевича Назарбаева на должность премьер-министра нового Союза. Горбачев сначала удивился, потом быстро оценил этот вариант и сказал, что согласен. “Другие кандидатуры вместе обсудим после 20 августа”, – закончил он разговор.

Такой была эта встреча, и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути.

Пройдет немного времени, и я своими глазами увижу расшифровку разговора Президента СССР, Президента России и руководителя Казахстана. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева, следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. Меня в течение нескольких лет записывали – утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток.

Записали и этот разговор.

Может быть, эта запись и стала спусковым курком августа 91-го года...»

Однако все это станет мне известно только потом. А пока я еду в неизвестность. Общий вагон, духота, стук колес...

Но вот и Питер, точнее его убогие предместья. Что ждет нас на перроне?

Проверка документов? Но нет. Мы свободно выходим на площадь Восстания. Никаких внешних признаков чрезвычайного положения. Валера звонит домой, выясняет, что Михалыч и Рита вчера были в Луге у Ронкиных («дело Колокольников», 65-й год, 7 лет лагерей и ссылка). Утром 19-го Молоствовы примчались на Исаакиевскую площадь, но в Ленсовете еще было тихо и они поехали к родственникам на Лесной.

Патрулей на вокзале нет. Я еду на Исаакиевскую площадь. Но выхожу на остановку раньше и двигаюсь пешком, чтобы понять обстановку. Большая Морская (тогда еще ул. Герцена) встречает меня баррикадой (их начали строить по инициативе члена Свободно-Демократической Партии России В. Цытовича еще днем 19 августа).

Ага, так уже веселей!

Перекрываем подходы к Совету!

таты уже перекрыли основные подходы к Ленсовету. (Когда из Москвы вернется Собчак, он, опасаясь неподконтрольной активности, распорядится разобрать завалы на подходах к Совету, но члены ДС и анархисты во главе с Петром Раушем будут еще не раз их восстанавливать.)

Иду в здание, в кабинет председателя Совета. У Александра Беляева обсуждаются практические задачи по обороне и привлечению к ней горожан. Создан штаб и я, естественно, вписываюсь в него.

Мне рассказывают, что вчера, как только стало известно о путче, депутаты стали возвращаться в Ленсовет. Председатель был в отъезде, но уже ехал в город. А пока решили собрать Президиум, но кворума еще не было, и ведение собрания взял на себя депутат Игорь Артемьев. Все приезжавшие депутаты толпились в Белом зале. Объективную оценку происходящему первой дала Марина Салье – военный переворот!

Дальше – больше. На выходящих к Исаакиевской площади улицах баррикады из досок, рекламных щитов, арматуры и строительных лесов. Внутри площади полукольцо бетонных блоков, грузовиков и автобусов.

У памятника Николаю I на ящиках, скамейках и досках сидят группы людей. Я вижу знакомых, здороваюсь. Оказывается, за ночь молодежь и депута-

Депутаты нервничали, кто-то злорадно улыбался, у кого-то дрожали руки, эмоции утихли, когда депутат и секретарь президиума Георгий Васюточкин зачитал союзный Закон о чрезвычайном положении, на который ссылались путчисты.

Его первая статья гласила, что ЧП – это мера обеспечения безопасности граждан «при стихийных бедствиях, крупных авариях или ката-

Фашизм не пройдет!

строфах, эпидемиях, эпизоотиях, а также при массовых беспорядках». И только!

Далее статья II указывала на то, что правом объявления ЧП наделены только Верховные Советы республик, с уведомлением об этом Верховного Совета СССР, президента СССР. Других субъектов этого права в законе не было.

Далее, даже президент СССР мог ввести ЧП только «по просьбе или с согласия Президиума Верховного Совета или высшего органа государственной власти соответствующей союзной республики». А при отсутствии такого согласия вводит его с незамедлительным внесением принятого решения на утверждение Верховного Совета СССР. Постановление Верховного Совета СССР по данному вопросу принимается большинством не менее двух третей от общего числа его членов.

И лишь Верховный Совет СССР вводит чрезвычайное положение по всей стране.

Теперь даже у заядлых «законников» не осталось сомнений в том, что закон грубо нарушен. Появился председатель Совета А. Беляев, и в 11 часов утра заседание президиума приобрело законный статус. Неожиданно его работе попытался помешать вошедший в зал председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям В. Храмцов. Взойдя на трибуну, он сообщил о том, что командующим округом генералом Самсоновым по поручению ГКЧП создан аналогичный ленинградский комитет, что генерал ввел в городе режим «чрезвычайного положения» (т. е. изъятие у населения огнестрельного оружия, запрет на проведение собраний и митингов, запрет на увольнение по собственному желанию, запрет на забастовки, цензура в СМИ, приостановление деятельности всех общественных организаций, запрет на использование средств связи, изъятие всех множительных средств и др.). Храмцов сообщил, что ему поручен контроль за исполнением распоряжений ГКЧП.

После минутного замешательства членов президиума встал депутат Виталий

Скойбеда и, взяв Храмцова за ворот, спихнул его с трибуны. Виталия остановили, а посланца путчистов послали подальше. (Это пошло ему на пользу. Уже через пару часов он признался в том, что указание о том, что в городе надо ввести режим ЧП получено из Москвы только в устной форме, а вскоре и вовсе отказался от участия в работе ЛКЧП.)

К этому времени на заседание приехал и член Верховного Совета РСФСР Михаил Молоствов. Стало известно о том, что Ельцин своим Указом объявил ГКЧП государственным переворотом и призвал к сопротивлению, но текста указа еще не было. Когда депутаты-коммунисты вопреки закону поставили под сомнение право Ельцина на издание указов «без согласования с Верховным Советом», он возмутился и, получив микрофон, сказал: *«Я поражен: видимо, Ленинград уже заявил о выходе из Российской Федерации, является совершенно автономным органом, потому что прямой призыв президента России, председателя Совета Министров рассматривается как недостаточный документ. И мы ссылаемся на то, что мы еще до сих пор в чем-то недостаточно осведомлены.*

Тут ведь вопрос о том, поддерживаем ли мы законно избранную власть? Тут двух ответов быть не может!»

Президиум, уломав необходимых для кворума, но сопротивлявшихся коммунистов, решил созвать чрезвычайную сессию Совета и пригласить на нее депутатов областного Совета, председатель которого Яров, хоть и оказался без его согласия в составе ЛКЧП, как выяснилось, путчистов не поддерживает. Еще до получения из Москвы текстов ельцинского указа и его обращения к гражданам России наши депутаты Николай Журавский, Игорь Артемьев и Михаил Журавлев подготовили, а Президиум утвердил «ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЛЕНСОВЕТА К ГРАЖДАНАМ РОССИИ И НАСЕЛЕНИЮ ЛЕНИНГРАДА»:

«Сограждане! Сегодня, 19 августа 1991 года, в стране происходит попытка совершения государственного переворота. Попраны Конституции СССР и РСФСР, законные права граждан России. К власти рвутся реакционные круги военных и номенклатура КПСС. Введение так называемым «государственным комитетом по чрезвычайным ситуациям» чрезвычайного положения на территории страны является незаконным актом. Это вправе делать исключительно Верховный Совет СССР по согласованию с республиканскими органами власти.

В эти трудные часы Ленсовет и мэр Ленинграда, законно избранные народом, призывают Вас сохранять выдержку, бороться за демократию и права граждан, поддержать законно избранные народом российские и местные органы представительной и исполнительной власти в осуществлении их функций.

Все распоряжения и указания так называемого государственного комитета по чрезвычайным ситуациям и формируемых им органов, принятые для исполнения на территории Ленинграда и территориях, административно

подчиненных Ленсовету, объявляются незаконными с момента принятия и не подлежащими исполнению. Выполнение руководителями органов государственного управления Ленинграда, руководителями предприятий и организаций города распоряжений незаконных органов будет рассматриваться как уголовное и государственное преступление в соответствии с действующим законодательством РСФСР.

Ленсовет и мэр города поддерживают обращение президента РСФСР Б. Ельцина, и. о. председателя ВС РСФСР Хасбулатова и председателя Совета Министров РСФСР Силаева к всеобщей бессрочной политической забастовке.

В сложившихся условиях мы призываем вас сохранять спокойствие и порядок, не допускать ущемления ваших конституционных прав, быть готовыми начать массовую кампанию гражданского неповиновения и бессрочную политическую забастовку.

Председатель Ленсовета А. Беляев».

Позднее этот текст был проголосован на совместной сессии ленинградского и областного Советов и подписан еще и мэром.

Но пока депутаты определялись в своих позициях, военные уже подбирали к рукам всю полноту власти. И первым, кто сказал им – нет! – стал недавно выбранный нами из числа депутатов начальник ГУВД Аркадий Крамарев. С его слов: *«О перевороте я узнал из телефонного звонка одного из моих друзей. Он мне посоветовал вызвать охрану, потому что мне надо было доехать до работы, а могли и не дать этого сделать – или убьют, или арестуют. Ну, охрану я не стал вызывать, у нас вообще нет такого подразделения. У меня сын, ему 23 года. Он взял карабин, поднялся на 12-й этаж, посмотрел, нет ли там снайперов, потом спустился вниз, мы сели в автомобиль. Поехали с ним. По радио сообщил начальник управления КГБ генерал Курков, что мне нужно явиться к командующему округом... Там были Самсонов, Курков, Гидаспов и другие.*

Самсонов объявил мне о составе ГКЧП, зачитал указ Янаева. Спросили, буду ли я подчиняться. Я сказал, что буду подчиняться лишь в том случае, если это не противоречит закону России, моим убеждениям и указаниям Министерства внутренних дел России. Самсонов зачитал статью 8 указа Янаева. Там написано, что комендант – представитель ГКЧП – имеет право назначить и сместить любое должностное лицо. Он сказал, что если мои действия его не устроят, то он немедленно воспользуется этим правом. Я ему ответил: “Воля ваша, как хотите”. После этого генерал мне сказал: “Можете идти и выполнять ваши обязанности, доложите мне в 11 часов”.

Я ушел, собрал своих руководителей. Это было в 9.30. Я решил, что ничего незаконного делать не стану и предложил это своим офицерам. Они меня поддержали. В этот момент позвонил генерал Самсонов и спросил, что я намерен предпринять с людьми, которые сейчас собираются на улицах. Собралось человек 200 на Невском проспекте и столько же у Исаакиевского собора, перед

Мариинском дворцом. Командующий потребовал немедленно разогнать их силой. Я пытался ему объяснить, что этого не следует делать, обстановка и так слишком напряженная. Он отрубил: «Исполнять! Это приказ». Бросил трубку и не стал разговаривать. Я объявил своим офицерам, что выполнять этот приказ не стану. И все они меня вновь поддержали».

Путчисты не сидели сложа руки. Еще в 10 утра Самсонов выступил по городскому телевидению и объявил о введении чрезвычайного положения.

Город уже находился в информационной блокаде:

– 11.30 Народному депутату РСФСР Лучинскому, депутатам Ленсовета Вдовину и Моторину отказали в телепередаче официальной информации о созыве чрезвычайной сессии Ленсовета.

– 12.00 Повторена видеозапись выступления Самсонова В. Н.

– 12.30 Из Гарболова по приказу Самсонова началось движение войск к Ленинграду, а в типографии поступает указание о введении цензуры на все печатные издания.

– 14.30 В соответствии с принятым министерством связи СССР решением до особого распоряжения прекращается работа радиостанций «Открытый город», «Радио Балтика».

– 15.30 Отказано в выступлении по телевидению председателю Ленсовета Беляеву А. Н.;

– запрещен выпуск в эфир программ Ленинградского радио. Не осуществлялась трансляция заседания чрезвычайной сессии Ленсовета, не передавались тексты Указов президента РСФСР, другая оперативная информация.

К 4 часам дня из Москвы вернулся Анатолий Собчак. Из его интервью 1991 года:

«Ту ночь я провел в московской своей казенной квартире.

Рано утром в понедельник меня разбудил телефонный звонок: мои друзья из Казахстана сообщили о военном перевороте... Первое движение: выглянул в окно, не окружено ли здание? Не окружено, а то пришлось бы уходить к соседям: наш дом в Крылатском весь заселен членами Верховного Совета СССР.

Вызвал по телефону машину с моим охранником из ельцинской команды.

Узнал, что Ельцин ждет меня на даче в Усово. Это за Архангельским.

По Кольцевой дороге идут танки: смех и грех! Горит танк на обочине, весь в дыму. И никто его не поджигал. Просто у нас такие умельцы за рычагами. Куда неприятней, что на повороте с Кольцевой – группа десантников. Впрочем, меня не остановили.

Дача Ельцина охраняется: человек шесть или восемь с автоматами, не больше. Вошел – обмер. В комнате все российское руководство. Хватит одного взвода спецназа на всю российскую государственность.

Ельцин спросил: что посоветую? Говорю: надо собирать российский Парламент. И чтобы он заседал непрерывно.

Ельцин: – Это мы уже решили. Сейчас принесут текст воззвания к гражданам России, а потом надо думать, оставаться здесь или ехать.

Мнения разделились. И то, и другое опасно.

Хасбулатов: – Я еду сразу, как получу текст, а вы решайте сами.

Текст приносят. Глава Верховного Совета России уезжает в Белый дом. Кажется, на частной машине. Чтоб не опознали.

Я стал настаивать: нужно прорываться за Хасбулатовым. Есть ли другая дорога? (Очень боюсь тех десантников на повороте к Кольцевой.) Говорят, другой нет. Если только пешком.

Я: – Все-таки это президентский кортеж. Давайте выставим государственный флаг и в путь. Только быстрее!

...Спрашиваю у Ельцина, нужен ли я в Белом доме или могу вернуться в Ленинград? Он говорит: “Езжай”. Уточняю: “Но до Кутузовского я за вами, а там по обстановке”. Если проскочим, мне назад, на Кольцевую и в Шереметьево.

Слава Богу, десантников уже нет. То ли поехали нас брать, и мы разминулись, то ли это другая группа захвата опоздала на Усовскую дачу (как потом узнали мы) на десять минут. Едем быстро. Впереди ГАИ, и потому машины уступают нам дорогу. Танки и бронетранспортеры не исключение. Машины сопровождения прикрывают автомобиль Ельцина с боков. Кольцевую проскакиваем за несколько минут. Дальше – Рублевка. Это узкое шоссе, но и здесь бронетранспортеры, завидя нас, съезжают на обочину. Хорошо, что их немного.

Прорвались! Теперь мне – на Шереметьево».

Вспоминает А. Коржаков:

«К Ельцину с известием о ГКЧП я пришел первым. Все в доме спали и ни о чем не ведали. К восьми утра подошли Полторанин, Бурбулис, “обозначился” Собчак. Я позвонил в Службу и приказал по тревоге поднять всех ребят и, кого только можно, отправить на машинах в Архангельское. Остальным велел не покидать Белый дом.

У меня же главная забота была одна: обеспечить безопасность президента России. Я понимал: только переступив порог толстых стен Белого дома, можно было обеспечить хоть какие-то меры предосторожности. А на даче в Архангельском об обороне даже думать смешно. Разведчики уже выезжали в город и доложили: танки повсюду, и на Калужском шоссе тоже – именно оно связывало дачу с городом. Конечно, я понимал: если на нас нападет спецподразделение или армейская часть, мы долго не продержимся, сможем лишь до последнего патрона отстреливаться из наших пистолетов да нескольких автоматов.

Я немного успокоился, когда в Архангельское прибыла персональная “Чайка” президента России. После короткого совещания решили ехать открыто с российским флагом. Мы впервые в жизни сели втроем на заднее сиденье: Борис Николаевич посередине, а по бокам телохранители, я и Валентин Мамакин. Шеф отказался надеть бронежилет, поэтому мы сверху обложили его жилетами и

вдобавок прикрывали Ельцина своими телами. Валентин сидел с левой стороны, за водителем, а я справа.

Наш кортеж с любопытством разглядывали танкисты – несколько машин ехали впереди “Чайки”, несколько сзади. Российский флаг гордо развевался на ветру. Заранее договорились, что поедем на большой скорости. Самый опасный участок пути – от ворот Архангельского до выезда на шоссе. Это километра три. Кругом густой, высокий лес. За деревьями, как потом выяснилось, прятались сотрудники “Альфы”. Они должны были выполнить приказ руководства ГКЧП, арестовать Ельцина. На случай сопротивления с нашей стороны президент просто бы погиб в перестрелке. Вроде бы случайно. Но “Альфа” ничего не сделала, бойцы молча наблюдали за пронесшимся кортежем. “Альфисты” потом рассказывали, что только один Карпухин, начальник спецгруппы, по радиации кричал, требовал остановить машины».

А. Собчак: «Прямо от трапа самолета я сел в машину и приказал шоферу сразу везти меня в штаб Ленинградского военного округа. Почему я так поступил, не могу объяснить до сих пор: видимо, сработала интуиция, потому что, когда я приехал на Дворцовую площадь в штаб округа, там шло заседание местного ГКЧП в кабинете у командующего округом генерала Самсонова.

Я потребовал от собравшихся, среди которых был первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. В. Гидаспов и несколько генералов, немедленно разойтись, так как в городе все спокойно и нет никаких причин для введения чрезвычайного положения.

Я напомнил собравшимся конституционные положения о порядке введения чрезвычайного положения и что этот порядок в данном случае не был соблюден, так как не было ни решения Президента, ни согласия парламента на подобные действия, ни тех, перечисленных в законе, ситуаций, которые требуют введения чрезвычайного положения (эпидемии, стихийные бедствия, массовые беспорядки и т. п.). Это означает, пояснил я, что любой, кто выполняет требования незаконно созданного ГКЧП, сам нарушает закон и становится преступником.

После этого все разошлись, а я еще долго говорил с генералом Самсоновым. Прежде всего, я поинтересовался, есть ли у него письменный приказ возглавить в Петербурге ГКЧП и ввести чрезвычайное положение в городе. Когда выяснилось, что такого приказа нет, я напомнил ему о событиях 9 апреля 1989 года в Тбилиси (в то время генерал Самсонов служил в Тбилиси начальником штаба Закавказского военного округа), где была аналогичная ситуация с отсутствием письменного приказа. В итоге же виновными оказались военные, так как телефонные разговоры к делу не приложишь, а все партийные руководители высокого ранга, которые отдавали приказ на разгон митинга с помощью армии, потом, когда произошла трагедия, отказались подтвердить это. Наш разговор закончился тем, что генерал дал слово не вводить войска в город, если не про-

изойдут какие-либо чрезвычайные события, а я пообещал обеспечить в городе спокойствие и безопасность».

Все воспоминания о тех днях были написаны уже после победы, а у нее, как известно, много «отцов»...

Так, вице-мэр В. Щербаков рассказывает, что, прилетев 19-го, он увидел Анатолия Александровича в окне вестибюля Мариинского дворца. Оттуда тот произносил яркую, вдохновенную речь перед собравшимися на площади людьми. Затем они вместе поднялись в здание, и по дороге А. Собчак попросил Щербакова поехать к Самсонову и уговорить того не препятствовать проведению на следующий день митинга на Дворцовой площади.

«Собчак знал, что у меня с Самсоновыми дружеские отношения. Он уже съездил к Самсонову, и там с ним очень холодно поговорили, более того, выдворили Собчака из штаба округа. [...]»

Я поехал в штаб. Примерно 8 часов вечера. Тишина, движения нет, такое впечатление, что город уснул. На площади ни одной машины. Я подъехал, вышел из машины. Смотрю, усиленная охрана, все с автоматами, в касках, бронежилетах. Понял, что тут серьезно. Прохожу в приемную командующего округом. “Там идет Военный совет. Ждите”, – говорит офицер-порученец. Я ему: “Доложите Самсонову, что прибыл вице-мэр города Щербаков”. Через некоторое время: “Проходите”. Вхожу. Сидит весь Военный совет. Самсонов спрашивает: “Кто к нам прибыл? Контр-адмирал Щербаков?” – Я говорю: “Нет, вице-мэр Ленинграда Щербаков Вячеслав Николаевич”... Виктор Николаевич объявил перерыв, и все ушли. Остались только Самсонов и Павлов. Я обратился: “Виктор Николаевич, хотим мы или не хотим, но завтра митинг состоится. Город у нас политизированный, и народ не слушает ни ваших указов, ни указов сверху”. – “Мы будем стрелять, – говорит он. – Я имею приказ». – «Я вас хорошо знаю, вы этого не сделаете”. – «У меня приказ!» – “Но вы же понимаете, что одним выстрелом, одной очередью это не закончится”. – “Я действую в строгом соответствии с приказом, я военный, командующий округом. Я получил от министра обороны четкие указания и действую в рамках этих указаний”. – “Но там, наверное, конкретно не сказано, проводить или не проводить митинги. Можно же под контролем провести, чтобы пар выпустить у населения”. Он задумался и ответил: “Ну, давайте так: митинг на Дворцовой проводим, но чтобы ни один человек не вступил на тротуар здания штаба. Тротуар – это уже запретная зона. У нас в окнах пулеметы”. Действительно, в окнах стоят пулеметы, штаб оцепинился. “Если кто-то нарушит нашу договоренность, мы немедленно откроем огонь”, – на таких условиях митинг разрешили. Я заверил Самсонова: «Мы сделаем все необходимое, создадим оцепление, чтобы никто на тротуар Главного штаба не вступил».

В этих рассказах что-то явно не сходится. Если, благодаря нажиму А. Собчака, члены ЛКЧП разбежались, а генерал осознал, что никаких документальных

оправданий введения ЧП и применения силы у него нет, то почему же он, ссылаясь на приказ, грозит митингу пулеметами? И тут же, благодаря обаянию вице-мэра, отступает? Ведь аргумент В. Щербакова, что запрета на митинги нет, не должен был сработать. В первом же распоряжении ГКЧП пункт 8 гласил: **«В соответствии с Законом СССР о правовом режиме чрезвычайного положения и Постановлениями ГКЧП СССР проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается»**. И Самсонов еще утром, в 9 часов, по городскому телевидению объявил, что на него возложены обязанности военного коменданта Ленинграда, что режимом ЧП вводятся «запрет на проведение собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, а также зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий; особый порядок назначения и освобождения от должности руководителей предприятий, учреждений и организации, запрет на проведение забастовок; ограничение или запрет на использование множительной техники, а также радио, телепередающей аппаратуры, видеозаписывающей техники; установление контроля за средствами массовой информации; введение особых правил пользования связью; приостановление действия политических партий, общественных организаций, массовых движений, самостоятельных объединений граждан, препятствующих нормализации обстановки, проверка документов в местах скопления граждан».

Я думаю, что А. Собчак, даже если его и выпроводили потом из штаба, все же посеял у вояк серьезные сомнения в законности переворота. Иначе Самсонов, хоть и грозился стрелять, вряд ли пошел бы навстречу Щербакову (правда, своего приказа о вступлении в город бронетехники он не отменяет).

Вечером 19-го открылась первая чрезвычайная сессия городского Совета, на которой, конечно, сначала дали слово А. Собчаку:

«Уважаемые товарищи депутаты!

Сегодня в нашей стране произошел государственный переворот.

Законно избранный Президент страны Михаил Сергеевич Горбачев принуждался к тому, чтобы подписать отречение от власти и уйти в отставку. Он отказался это сделать и сейчас мы не знаем его местонахождение. (Интересно, с 16 часов 18 августа президент СССР был изолирован, правительственная связь, по его словам, была отключена до 21 августа, а Собчак 19-го уже знает о том, что Горбачева принуждали подписать отречение, что он отказался... Значит, вернувшиеся из Фороса члены политбюро – Шенин, Бакланов, Болдин и генерал Варенников не смогли удержать в секрете свою неудачу? Или особая спецсвязь по линии ЦК у Горбачева все же была? – Ю. Р.)

Группа лиц из Правительства, из числа руководства Коммунистической партии и различных государственных структур, объявившая себя государственным комитетом по чрезвычайному положению, действуя вопреки Конституции, действуя вопреки закону, совершила попытку государственного переворота.

В Москву введены несколько парашютных, десантных дивизий. В каком по-

ложении сейчас ситуация, я сказать не могу. В тот момент, когда я два часа тому назад выезжал из Москвы, по главным улицам Москвы, по направлению к Кремлю, по направлению к зданиям Правительства и Верховного Совета России двигались танки, бронетранспортеры и колонны военной техники.

Сегодня в 10 часов утра руководство России, президент Ельцин, председатель Совета министров Иван Степанович Силаев, исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета Руслан Имранович Хасбулатов подписали «Обращение к народам и гражданам России». С текстом вы ознакомлены, в нем дается абсолютная политическая и законная оценка происходящего. Это авантюристическая попытка группы высокопоставленных функционеров КПСС и государственных деятелей узурпировать власть».

Он указал на то, что бедственное положение в стране – во многом вина самих заговорщиков. И привел примеры с разрушением финансовой системы, за которую отвечал «бывший» министр Павлов, бойни в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, за которые несет ответственность «бывший» министр обороны Язов, бессилие МВД и его «бывшего» министра Пуго в борьбе с преступностью.

«Когда я назвал всех участников, объявивших о создании ГКЧП, бывшими министрами, я не оговорился. Они сами лишили себя своего государственного положения, нарушив Закон, нарушив Конституцию (аплудисменты)».

Далее депутаты слышали о том, как мэр, посетив штаб ЛКЧП, напомнил его членам о Нюрнбергском трибунале, а в заключение он призвал готовиться к политической стачке и проведению совместного заседания с областным Советом. Что уже и делалось...

Но оставался вопрос: как известить горожан и о позиции Ельцина, и о загроможденном митинге.

Вспоминает депутат И. Артемьев:

«Когда выяснилось, что все радиостанции Ленинграда и телевидение блокированы, мы с журналистами Сашей Михайловым и Львом Гольдиштейном вызвались поехать на выпускающую радиотрансляционную станцию ПОР-2 на Лахтинском проспекте, через которую идет радио- и телевизионный сигнал на всю Россию. Там сидел человек, который, выполняя приказание ГКЧП, отключил рубильник, и мы полагали, что этот рубильник хорошо охраняется путчистами. Я попросил мандат на эту операцию у А. Н. Беляева и В. Н. Щербакова.

В мандате было поручение Артемьеву взять под контроль радиостанцию ПОР-2, обеспечить выход в эфир журналистов Михайлова и Гольдиштейна, а всем организациям и лицам оказывать Артемьеву содействие. С этой грозной бумагой мы выскочили на Исаакиевскую площадь, была уже ночь, и стали искать машину. Перед Мариинским дворцом, несмотря на поздний час, было много людей. Подошел пожилой мужчина и предложил нас отвезти на своем «жигуленке». Ехать пришлось через весь город, все мосты, кроме Володарского, были разведены.

С нами в машину втиснулся еще здоровый парень-«афганец», который вызвался нас охранять. А другой «афганец», места для которого в машине уже не было, должен был связаться с начальником ГУВД Аркадием Крамаревым, чтобы тот послал нам вслед несколько омовцев с автоматами. По дороге мы еще взяли звукоинженера Андрея Хазунова, ему пришлось лечь к нам на колени.

Приехали на Лахтинский к дворцу княгини Ольги, где располагалась радиостанция. Забрались в парк через дырку в заборе. Видим, охраны нет. Подошли к зданию, стали стучать. Открыла бабушка-сторож, на которую мой мандат произвел впечатление. Подошли к стальной двери с кодовым замком. Здесь уже пришлось вступить в переговоры с начальником радиостанции. Он нас пускать не хотел. Я предупредил его об уголовной ответственности, прочел указ Ельцина. Конечно, человеку в такой ситуации не позавидуешь, но он все-таки решился нас впустить. В большом зале сидело несколько женщин-операторов, я объяснил им, что нужно выйти в эфир. Отношение женщин было благожелательное, но начальник очень боялся нести ответственность, и тогда мы попросили его посидеть в своем кабинете, никуда не звонить и считать себя арестованным. Это его устроило, и он так и просидел все время, пока мы были в студии.

Операторы включили максимальный режим подачи сигнала, покрывавший, по-моему, пол-России, задействовали все доступные частоты, и ребята начали передачу. Было 5 часов утра. Зачитали Обращение и Указ Президента Ельцина, объявляющий ГКЧП незаконным и его решения не имеющими силы на территории РСФСР, зачитали принятые Ленсоветом документы. Потом журналисты стали беседовать со мной в открытом эфире, потом друг с другом, брали интервью по телефонам у Салье и других депутатов.

Вдруг звонок. Я поднимаю трубку, на проводе дежурный по Ленинградскому военному округу требует доложить, кто мы такие и что делаем на режимном объекте. Они перехватили нашу передачу и запеленговали источник.

Я представляюсь, слышу отборный мат в трубке и короткие гудки: пи-пи-пи. Ну, тут нам совсем стало хорошо: мы знали, что рядом, в Осиновой роще, стоит дивизия. До нас на машине пять минут ходу. Мы передачу не прерываем, женщины нас кофе напоили. Вдруг видим: по парку к нам мчится «УАЗ», с сиреной, с мигалками. Ну, все. Двери закрыли, а я к машине навстречу вышел, думаю, что сначала побеседую с ними. Смотрю, машина милицейская, и оттуда знакомые «афганцы» вылезают и три милиционера с автоматами. Это нам Крамарев подкрепление прислал. Сержант мне козыряет, докладывает, что поступает в мое распоряжение и ждет указаний.

Для нас главное было первый этаж забаррикадировать, чтобы к нам никто не мог прорваться. Мы это и сделали с помощью подручных материалов. Даже постамент от бюста Ленина приспособили. Он идеально закрыл оконный проем. Ну, вот все. К 8 утра нас сменили, и я поехал в Маршинский. Кстати, наша

радиостанция «Открытый город» тогда была единственной, работавшей практически на всю страну».

К счастью, были другие. Даже в маленькой тверской Удомле, забаррикадировавшись в городской телерадиостудии, выходят в эфир местные журналисты, они зачитывают заявление Ельцина и будут ретранслировать новости и репортажи до развязки...

А ленинградское телевидение, руководитель которого Б. Петров, еще несколько часов тому назад категорически отказавший в эфире депутатам, вдруг сдается: девятнадцатого в 20 часов 20 минут в телепрограмме «Факт» на экране появляются председатели горсовета А. Беляев и облсовета Ю. Яров, мэр А. Собчак и вице-мэр В. Щербаков. Беляев зачитывает обращение Ленсовета к жителям города. Собчак громит путчистов, называя их преступниками и «бывшими» министрами, предрекает провал путча и призывает горожан на Дворцовую площадь. Ему вторят остальные. Передачу смотрят не только у нас, она транслируется на центральную Россию.

Из материалов уголовного дела о ГКЧП:

«Свидетель пояснил, что, когда он находился в кабинете главного редактора студии информационной программы «Время», позвонил Пуго, который искал Кравченко. Узнав, что тот уехал, сказал, что в 20 часов 15 минут планируется трансляция выступления Собчака по Ленинградскому телевидению. Пуго дал мне указание не транслировать это выступление. Я ответил, что это не в моих силах. Но Пуго настаивал на том, чтобы предприняли все, чтобы это выступление не транслировалось. После этого звонка я позвонил в Министерство связи заместителю министра Иванову и полностью передал разговор с Пуго, на что тот ответил, что в таком случае пусть сам Пуго берет кусачки и откусывает кабель».

А еще через час в вечернем выпуске программы «Время» уже само Центральное телевидение неожиданно пропускает в эфир сюжет, подготовленный корреспондентом Сергеем Медведевым, где Борис Ельцин, стоя на танке у Дома Советов, зачитывает свой указ **«О незаконности действий ГКЧП»**. И, как бы случайно, в эфире звучат слова журналиста о том, что этот сюжет вряд ли выйдет. Ельцина услышала и увидела вся страна! (С. Медведева тут же уволили, но ненадолго.)

Политическую поддержку путчистам заявили ЦК КПСС и российская компартия. Руководство большинства республик также поддержало ЧП или заняло нейтралитет. Против выступили руководители Прибалтики, Молдавии и Казахстана. Назарбаев направил в ЦК КПСС заявление о своем выходе из состава Политбюро и ЦК КПСС. Из новых восходящих политических лидеров власть ГКЧП признали Жириновский и Гамсахурдия, а отверг Джохар Дудаев. К людям, собравшимся защищать Белый дом, пришли имам Хазрат Хавиз и представители московской мечети. А патриарх Русской православной церкви в специальном

обращении предупредил об отлучении от церкви организаторов, инициаторов и исполнителей гражданской войны.

20 августа все, что происходит в Питере, я уже вижу своими глазами.

Дворцовая площадь. 20 августа 1991 г.

В городе до 14 часов объявлена предупредительная забастовка. В ней принимают участие большинство крупных предприятий. По всем ведущим к Дворцовой площади улицам движутся люди. Их становится все больше. Проход на Дворцовую площадь открыт, но милиция в форме и в штатском пытается не подпускать людей к зданию Главного штаба. Люди сердятся, они не знают, что за шторами окон на них нацелены пулеметы... Толпа прибывает. Скоро она заполняет всю площадь, зрелище невероятное – это несколько сот тысяч людей. Только от Кировского завода пришла колонна в 10 тысяч человек. Чтобы избежать давки, приходится закрывать выход из ближайшего метро и ограничивать вход на площадь. Люди уже стоят вплотную к Штабу, забираются на цоколь Александровской колонны, они облепили все окна и выступы Зимнего дворца. На площади приподнятая атмосфера солидарности. Думаю, что у генерала Самсонова если и была вчера охота всех разогнать, то, глядя на площадь, он передумал.

На трибуну не пробиться, да я и не стремлюсь, ораторов и вождей достаточно и без меня. Главное то, что народ не хочет возврата и не боится протестовать!

Выступают многие: академик Лихачев, Михаил Молоствов, Собчак и председатели Советов. Каждое выступление заканчивается всеобщим криком: «Фашизм не пройдет!»

К сожалению, не помню имени священника, который, выступая, благословил людей на сопротивление. В какой-то момент раздается радостный шум: на фронте

М. Молоствов. Митинг на Дворцовой площади. 20 августа 1991 г.

левого крыла Генерального штаба из окон появляется транспарант «Авиация с вами!» (В Москве командир авиационного полка аэродрома «Кубинка» заявил, что готов оказать поддержку защитникам в случае штурма Белого дома.)

Приняв резолюцию протеста, часть народа расходится на работу, другая идет к Ленсовету, на Исаакиевскую площадь. Иду туда и я. После Дворцовой кажется, что народу маловато. Люди очень разные.

На лицах тревога, кто-то нервно смеется, кто-то слушает транзисторный приемник. Вокруг него толпятся и переспрашивают.

В переулке Антоненко из баков стоящих там автомашин сливают в бутылки последний бензин.

Но достаточно отойти от площади на пару улиц и увидишь идущих по своим делам, равнодушных и даже веселых людей. Это пугает и отталкивает назад, туда, где островок свободы и солидарности. Захожу в Совет. Там суета. Приехав лишь на второй день, я, хоть и состою по должности в штабе, не нахожу себе применения. Все уже распределено. Я слышу, что депутаты-женщины выехали навстречудвигающимся войскам. Оказывается, еще утром была попытка лететь к ним на вертолете, но службы ПВО, угрожая сбить, потребовали приземлиться.

Какие-то люди вносят в Совет множительную технику. На улице защитникам раздают еду, которую люди везут к нам со всего города. Иду в кабинет к председателю. А. Беляев читает листовку, которую собираются раздавать в метро.

Он показывает мне текст, где граждан зовут к Ленсовету, чтобы не допустить его захвата и ликвидации законной власти. Подумав, предлагаю:

– По-моему, слово «граждан» неудачно. У нас гражданин – слово еще официальное, чужое. Типа «гражданин, пройдемте...»

А звать надо мужчин. Это будет как звук трубы!

– Пожалуй, ты прав, – говорит Александр Николаевич, исправляя текст. Листовка уже через час раздается в метро, призыв звучит там и по громкой связи.

В 15 часов все мы у телевизионных экранов – новости! И вдруг на первом канале Центрального телевидения в программе «Время» в условиях строгой цензуры мы видим диктора, который на всю страну зачитывает сообщения:

- президент Буш осуждает путчистов,
- премьер-министр Великобритании Джон Мейджор осуждает,
- мировая общественность возмущена.

И главное:

- Ельцин объявил ГКЧП вне закона,
- прокурор России Степанков возбуждает уголовное дело против участников переворота.

(«Диверсию», за которую она могла серьезно поплатиться, совершает Татьяна Сопова, ответственная выпускающая, ее работа – подобрать новости, а перед эфиром все согласовать. Журналист Евгений Киселев узнал от нее потом, как это получилось: «Захожу, а там сидит весь синклит и какие-то люди, совсем не-

знакомые. Обсуждают, что передавать в 21 час в программе «Время». А тут я, маленькая, суюсь со своими бумажками. Мне прямым текстом говорят, куда я должна пойти со своими трехчасовыми новостями: «Сама верстай!» – ну, я пошла и сверстала».)

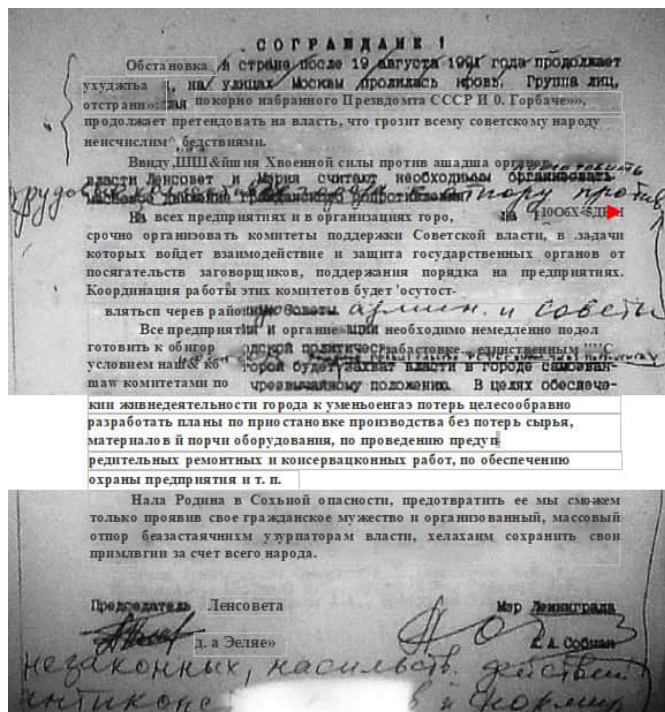
Вряд ли кто-нибудь из увидевших эти новости советских и партийных начальников мог предположить, что такой выпуск не санкционирован («у нас так не бывает»), а это значит сила за Ельциным? Все призадумались.

В 16:00 мы открыли Чрезвычайную совместную сессию городского и областного Советов, в зале 389 депутатов. На площадь выведены динамики, по настоянию Николая Журавского ведется трансляция.

Сессию ведут А. Беляев и председатель областного Совета Ю. Яров. Его депутаты осторожнее наших, да и сам Юрий Федорович на баррикады не рвется. Но все же Облсовет поддерживает наше совместное обращение, где мы призываем:

– Считать единственными законными действия и решения конституционных органов власти России, указы президента России и распоряжения ленинградского городского и областного Советов, мэра Ленинграда.

– Поддержать руководство России и призвать трудящихся города и области к готовности начать всероссийскую политическую забастовку, начав ее в случае невыполнения требований руководства РСФСР.

Депутаты обратились к рядовым, сержантам, офицерам Вооруженных сил, КГБ, МВД:

«Настал час выбора для каждого. Сегодня вы можете быть втянуты в преступную авантюру антиконституционного захвата власти. Надеемся на вашу гражданскую зрелость и мужество».

Тексты документов составляются и правятся прямо в зале.

Сессия утверждает состав единого штаба действий. В него входят Президиум и руководи-

тели Советов, председатели депутатских комиссий, мэр и его заместитель, и даже перешедший на нашу сторону «ЛКЧепист» Храмцов.

В процессе обсуждений кто-то спрашивает: не надо ли уточнить, что забастовка не должна коснуться таких предприятий как электростанции; он же предлагает составить план действий и заявить, что в случае захвата Белого дома и правительства РСФСР наш штаб готов заместить собой деятельность российского правительства до его восстановления.

Меры к созданию запасного пункта управления российским руководством тогда уже принимались. Вице-премьер О. Лобов тайно выехал в район Свердловска, где находился командный пункт, приспособленный для условий военного времени и готовил там опорный пункт сопротивления.

Что же касается плана наших собственных действий, то мы не располагали силой, в нашем арсенале только право, только закон. У Верховного Совета РСФСР, у Ельцина есть возможность хотя бы пригрозить путчистам арестом. Мы же можем только обороняться.

После перерыва ведущих нашу сессию спрашивают, нет ли известий из Москвы.

Отвечает А. Беляев:

«По звонку вице-президента ситуация в Москве следующая: после того, как днем были сняты части Таманской дивизии от Белого дома, после издания Указа, который вам был зачитан, включая отстранение от командования генерала Язова, началось новое движение войск, и они снова окружили здание Дома Советов. Тем не менее никаких действий, направленных на захват Дома Советов, пока не предпринимается. И депутатам, и другим сотрудникам роздано оружие. Здание охраняется силами внутреннего порядка и теми гражданами, которые собрались у здания Дома Советов».

Общее число людей, собиравшихся у Белого дома, в разное время колебалось от 2 до 20 тысяч человек. Под руководством Михаила Мале они строят баррикады.

Но тех, кто остается на них, не более 5 тысяч. Это студенты, офицеры запаса, «афганцы». По данным КГБ, все они вооружены, но это не так. Снаружи оружия почти нет, оно у тех, кто внутри Белого дома. Хотя среди защитников баррикад есть и студент Шамиль Басаев, вместе с друзьями он приволок ящик гранат. Пока на этом ящике стоят шахматы, и он легко обыгрывает желающих сразиться.

А у большинства вместо оружия бутылки с бензином и куски арматуры.

Внутри здания добровольно перешедшие на сторону Ельцина офицеры спецслужб, десантники, бойцы ОМОНа, охранных агентств, депутаты М. Молоствов, С. Юшенков, С. Ковалев, священник Г. Якунин, С. Сироткин, музыкант Ростропович, бизнесмены, журналисты.

Против них по приказу маршала Язова сосредоточены: Таманская мотострелковая дивизия в составе трех мотострелковых полков, одного танкового полка и

разведывательного батальона, Кантемировская танковая дивизия в составе трех танковых полков, одного мотострелкового и разведбатальона. В их составе 362 танка, 140 боевых машин пехоты, 148 бронетранспортеров, 3 809 человек личного состава. А еще Тульская воздушно-десантная дивизия, элитное подразделение «Альфа» (то, которое штурмом взяло дворец Амина в Кабуле) и группа «Б» – диверсионное подразделение КГБ.

Вся эта армада не очень понимает, зачем их пригнали в Москву, солдатам говорили, что надо разобраться со студентами, которые не хотят служить в армии. Бронетехника разезжает по городу, путаясь в улицах и противоречивых приказах.

Единственной воинской частью Советской Армии, определенно перешедшей на сторону президента России, будут шесть танков капитана С. Евдокимова из Таманской мотострелковой дивизии.

А в Питере уже находятся 500 военнослужащих Гарболовской штурмовой бригады ВДВ, они в ожидании приказа о штурме, со стрелковым оружием, тихо сидят в казармах на ул. Каляева (Миллионная). Это в десяти минутах от Ленсовета. Из-под Пскова на город двигаются две группы войск ВДВ (89 десантных машин и бронетранспортеров, 8 зенитных установок, все с полным боекомплектom). Они уже в районе станции Сиверская, до города осталось 70 км...

На нашей стороне:

– взвод милиции, вооруженный АКС, и несколько охранников у мэра и вице-мэра,

– на площади не больше десятка человек с охотничьими карабинами.

И еще тысяча безоружных людей. Это все!

А сессия идет к концу, все заявления сделаны и проголосованы, областные депутаты уже поглядывают на часы.

Услышав сообщение А. Беляева о положении в Москве, я подхожу к стоящему в зале микрофону:

«Уважаемы депутаты, я предлагаю председателю Совета выступить по телевидению с той информацией, которую мы сейчас услышали. И поставить ленинградцев в известность об угрозе, надвигающейся к Ленинграду и Ленсовету. Надо призвать ленинградцев к стенам Марининского дворца и позаботиться о доставке необходимого оружия в Ленсовет!»

Меня поддерживает депутат Журавлев. Но вмешивается председатель Облсовета Яров. Игнорируя наше предложение, он закрывает совместную сессию. Протестов в зале нет. Областники спешат на последнюю электричку, да и наших депутатов в здании остается все меньше. Подходит председатель жилищной комиссии Николай Журавский, с ним мы уже были в Карабахе:

– Слышал, танки уже под Гатчиной? – говорит он.

– Откуда знаешь?

– Агентство РИА. Они передали: подходит Витебская дивизия КГБ СССР и еще Псковская, армейцы. Больше ста танков и еще батальон БТР.

– О, Господи! – я выхожу на почти полностью заполненную площадь. Взяв у кого-то мегафон, со ступеней центрального входа ору:

– Товарищи! Положение тяжелое. Идут танки. Мы просим вас удалить, отправить домой женщин и детей. Пожалуйста, на площади остаются только мужчины!

Я повторяю это несколько раз, результат почти нулевой. На моих глазах лишь пара девушек прячется в толпе. А в Совете неожиданно становитсялюдно, пропускного режима нет, входи кто хочет... Я заглядываю в один из залов, он полон молодыми разношерстными пацанами. Спрашиваю, что за народ. Мне говорят, защитники.

И тут же слышу, что в здании есть переодетые лазутчики. Как потом оказалось, там были не только они.

В. Щербаков пишет об этом так:

«В Мариинском дворце спецназ КГБ разместился как у себя дома. Мы даже не заметили, как это случилось. Я ходил, расставлял посты во дворце и видел много незнакомых, хорошо натренированных мальчиков в пиджаках. Нам повезло, что в это время в Ленинграде и Ленинградской области у руля стояли не мракобесы, а очень взвешенные люди. Я уже называл Самсонова и Павлова. Очень много зависело от Анатолия Алексеевича Куркова – в то время начальника управления КГБ по городу и области. Приходит он ко мне в кабинет, сидим, разговариваем, чай пьем, он – генерал, я – контр-адмирал. “Анатолий Алексеевич, как обстановка? (В Москве в это время готовился штурм Белого дома.) Что вы прогнозируете?” – “Как скажут, так и будем действовать”. Я его чаем угощаю: “А когда я буду сидеть у вас, чаем угостите?” [...] Он говорит: “Вячеслав Николаевич, большая просьба к вам: если уж что-то произойдет, не делайте попыток оказать сопротивление. Это будет бессмысленное кровопролитие. Потому что у меня здесь все схвачено. Здесь профессионалы. А ваши мальчики с бутылками зажигательной смеси – это смешно, их кровь не будет оправдана, а вы будете виноваты, потому что отвечаете за это”. Я над этой проблемой мучился».

Он-то мучился, а Курков? – «Как скажут, так и будем действовать».

Я не знаю, что чувствовали в Доме Советов его защитники, от Михаила Михайловича многого не добьешься, он лишь шутил потом: «Стою я у окна, всматриваюсь в темноту. Подходит ко мне Сережа Юшенков. “А вы что здесь?” – “Да вот, высматриваю, не идут ли танки”. – “Ну, Михаил Михалыч! Это же внутренний двор”».

Коржаков:

«Когда темно, в здании гасили свет, а там, где без ламп было нельзя, соблюдали светомаскировку. Коридоры Белого дома перегородили мебелью. Шкафы, столы, кресла валялись перевернутыми – если начнут штурмовать, рассуждали

мы, то не так уж легко будет бежать в темноте, ноги можно переломать. А нам будет проще отбиваться. На пятом, президентском, этаже около каждой двери выстроили целую систему баррикад – мы их называли “полосой препятствий”.

Незадолго до путча только что образованная служба безопасности президента наладила хорошие отношения с министерством обороны. Не на самом высшем уровне, а пониже. Г. И. Захаров как-то съездил к Игорю Николаевичу Родионову (после выборов 96-го его назначили министром обороны России) и попросил помочь с обучением личного состава: пострелять из гранатометов, из огнеметов “Шмель”. Это страшное оружие!

Родионов, возглавлявший тогда Академию Генерального штаба, рискуя должностью, не отказал нам и создал все условия для тренировки навыков».

А вот признание начальника отделения группы «Альфа» Леонида Гуменного: «Военные должны были обстрелять из гранатометов каждое окно со второго по пятый этаж, после чего мы, ворвавшись в здание, провели бы «зачистку», которая производится следующим образом: сотрудники открывают дверь помещений, бросают гранату и дают очередь из автомата...»

Историк Р. Пихоя, который тоже был там, пишет:

«Никто из людей, остававшихся в здании, не питал иллюзий по поводу итогов штурма. Было ясно, что если бы штурм состоялся, то мало кому из обитателей Белого дома удалось бы остаться в живых; впрочем, попасть в руки КГБ было еще страшнее, чем погибнуть. Слишком хорошо помнился опыт отечественной истории 1937-1938 и многих других годов отечественной карательной истории. Среди защитников Белого дома господствовала в этот день спокойная ярость, злость, оскорбленное достоинство. Этот коктейль становился фактором обороны, гарантировавшим, что той же мерой будет отмерено тем, кто попытается ворваться в здание».

В Ленсовете среди депутатов большой охоты драться я не видел. Оставшиеся депутаты, а было нас меньше сотни, биться за каждый коридор не собирались, да и нечем – газовых пистолетов, которые были у меня, Журавского и еще нескольких человек, было явно недостаточно. Но мы считали, что народные избранники не должны добровольно оставлять свои посты.

Голодать нам не пришлось: из местных булочных, столовок и кухонь в Совет нанесли много всякой еды. А вот спиртного не было и не хотелось. Настроение у всех было разным, кто-то беспрерывно курил, кто-то брэнчал на гитаре, нашлась даже романтическая парочка депутатов, чей бурный роман в эту ночь привел потом к свадьбе и потомству.

Были и хрестоматийные ситуации. В. Щербakov:

«Запомнился один случай. Одним из советников в то время у меня была Лидия Васильевна Мась. Она тоже тогда была в Мариинском дворце. Там по дворцу бегал мальчишка. Ночь, его близкие уговаривают идти домой, а он: «Я занял

пост, я его охраняю». Лидия Васильевна ему говорит: «Надо идти домой, пост этот ликвидирован». – «Нет, не уйду». – «А если тебе это самый главный начальник скажет, этого будет достаточно?» – «А кто это?» – «Контр-адмирал Щербаков». – «Да». Она пришла ко мне: «Помогите. Мальчишку одного надо вывести, родители плачут, не могут его увести, а он охраняет дворец, и все тут». Гаврош такой. Я пошел, она подводит меня к нему: «Вот контр-адмирал Щербаков». – «Точно?». Я говорю: «Да». – «Вот мне говорят, что пост ликвидирован?» Я говорю: «Да». Она строго: «Вячеслав Николаевич, отдайте приказ ему покинуть пост». Я говорю: «Приказываю покинуть пост». И он ушел. Это правда из жизни нашего города».

Не думаю, что адмирал по забывчивости пересказал нам известный рассказ Л. Пантелеева. Видимо, это свойство жизни, в которой такие мальчики должны появляться во все времена...

Но было и другое. Щербаков:

«Все были уверены, что штурм Белого дома состоится. После этого нас всех тут же бы повязали, все уже было готово. В это время залетает Собчак: “Все кончено, все... Сейчас нас всех арестуют”. Я говорю: “Анатолий Александрович, на этом же все не закончится. Ну, арестуют нас сейчас. Есть же страна, есть же люди, которые хорошо все понимают. Я здесь остаюсь, а вам надо сейчас уехать”. Во время путча меня охраняли два офицера, моряки, боевые пловцы, высочайшего уровня профессионалы. Я вызвал этих ребят, говорю: “Анатолия Александровича нужно сейчас срочно доставить на Кировский завод, спрятать его там”. – “А вы?” – “Я остаюсь”. – “Мы не имеем права уйти”. Им поручено охранять меня, а я им передаю Собчака. Ну, я написал две строчки приказа, расписался. И они тихонечко Анатолия Александровича провели. В Мариинском дворце окна медицинской части выходят на переулок Антоненко, полуподвальное помещение. Там металлическая решетка окна была подпиlena, они его спокойно вывели через это окно. На улице стоит «москвичок» под чехлом, якобы заброшенный, кривой. Он был просто поддомкрачен, чтобы все думали, что это разбитая машина стоит. Они чехол сбросили, ногой домкрат выбили, машина встала на место, сели и отвезли Анатолия Александровича. Минут через тридцать с небольшим он звонит мне: “Все, я нахожусь в безопасности, на Кировском заводе”».

Справедливости ради стоит сказать, что и адмирал за демократию умирать не собирался. В двадцати шагах от Совета, на канале Грибоедова под Синим мостом, скрытно стоял военный катер, который, в критический момент умчал бы его в Кронштадт.

Нехорошо? А может, правильно? Ведь «кому-то надо будет бороться и дальше», тем более таким знаковым фигурам как Анатолий Собчак и Ельцин?

Еще 19-го московским вечером у Дома Советов появился заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Лебедь. Послал его туда заместитель союзного

министра обороны Павел Грачев с устным наказом «выдвинуться к Верховному Совету РСФСР, войти в контакт с начальником охраны, взять 2-й батальон Рязанского полка и его силами организовать охрану и оборону здания». Так рассказывал потом Лебедь.

По его словам, поход на Москву был для него полной неожиданностью, и он, выполняя противоречивые приказы, еще долго (слишком долго) не знал о ГКЧП. У Белого дома он, наконец, узрел баррикады, а народ, увидев генерала, стал его нещадно ругать и клеймить душителем свободы. Несолоно хлебавши Лебедь с трудом выбирается из толпы и начинает поиски приданного ему батальона. Затем, уже с БТРами, он снова у Дома советов. И встречается с Коржаковым, а затем и Скоковым:

«Для начала я попросил рассказать, что же все-таки происходит. Тут я впервые услышал о ГКЧП! И еще о том, что то ли действительно тяжело болен, то ли арестован Горбачев. Принято решение президента РФ и Верховного Совета РСФСР оказать жесткое сопротивление антиконституционному перевороту». (Спросить рядовых защитников парламента – в чем дело, почему для них он «душитель свободы», объясниться с «гражданскими» еще у баррикад было, видимо, ниже генеральского достоинства. – Ю. Р.)

Его ведут к Ельцину. На вопрос президента: зачем привел батальон, отвечает: оборонять и охранять! «От кого?» – «Поскольку мне самому этот вопрос был неясен, я объяснил уклончиво: «От кого охраняет пост часовой? От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового».

Хитрит «слуга царю, отец солдатам», под простачка косит, и Ельцин это понимает. Пропустить бронетехнику в кольцо обороны? Не троянский ли это конь? Но, как справедливо было потом замечено, «взять под охрану» – это не то же самое, что встать на защиту. Все же Ельцин доверяется генералу.

Лебедь:

«В 5.50 раздался звонок. На проводе был командующий. Начал он круто:

– Ты что натворил? Куда завел батальон?

– Как куда? К зданию Верховного Совета РСФСР, по Вашему приказу!

– Ты меня неправильно понял.

Здесь я слегка осатанел:

– Товарищ командующий, у меня «контора пишет». Все распоряжения, указания, приказы фиксируются тремя операторами в журнале учета боевых действий...

После моих слов командующий смягчился:

– Ну, ну, не горячись! В общем, ты сморозил глупость. Шеф недоволен.

– Какой шеф?

– Ну, какой, какой! Министр. Запомни: ты сморозил глупость. Езжай, и как завел батальон, так и выводи его.

Положив трубку, я задумался. Как всякий нормальный человек с нормальным самолюбием и характером, я терпеть не могу быть марионеткой. Что-то кто-то где-то решал, а я уже сутки носился, ругался, препирался, конфликтовал, и все это было направлено на выполнение приказов, конечный смысл и итог которых мне был неведом. Но приказ есть приказ!»

Коржаков: *«На второй день Лебедь опять пришел ко мне и сообщил о полученном приказе увести свое подразделение к месту дислокации части. Приказ он должен выполнить в два часа дня. Я спросил:*

– Кто может отменить приказ?

– Только Верховный главнокомандующий России.

Я доложил Борису Николаевичу об этом, и мы опять втроем собрались в задней комнате президентского кабинета. Лебедь повторил:

– Я получил приказ и обязан вам о нем доложить. Поскольку меня послали вас охранять, без предупреждения не могу увести своих солдат.

Мы оценили приказ, полученный Лебедем, как предвестник штурма. Если уведут десантников, значит, «Альфа» готова брать Белый дом.

Борис Николаевич сказал Лебедю:

– Я вам приказываю оставить десантников.

– Не могу не выполнить приказ, потому что давал присягу, – ответил генерал, – а присягу я давал Горбачеву. Сейчас Горбачева нет. Непонятно даже, где он. Но выход есть. Если вы, Борис Николаевич, президент России, сейчас издадите указ о назначении себя Верховным главнокомандующим, то я буду подчиняться вам».

По словам генерала, президент это предложение отклонил. Разговор закончился ничем. Лебедь на прощание еще раз напомнил, что не имеет права нарушать присягу и нет для него ничего дороже офицерской чести.

Приободрившиеся были защитники Дома Советов, глядя на уходящий от них батальон, поняли, приходит время умирать...

Среди них и мой друг, поэт Андрей Чернов. Потом в его «Белой поэме» я прочту такие строчки:

«... Перед баррикадой возник какой-то попик с депутатским значком на рясе, со своей кастрюлькой в кульке из прогрессивного издания и с ложечкою, точно доктор.

– Все здесь православные?

И хором: – Все, все батюшка.

– Все причащаться будем?

– Все, батюшка.

– Вот так сложите длани и оглашайте имя.

«Так-так-так» – кварталах в двух одобрил пулемет.

И потянулись, складывая руки Андреевским – по очереди – смертным крестом: Артемий, Александр, Василий, Аркадий, Айвор, Янис.

Почему-то тут пулемет заткнулся.

– Перекурим! – скомандовал «афганец».

И впервые ему не подчинились».

(Оригинальные представления об офицерской чести позволят Лебедю сначала сказать министру обороны о том, что штурм приведет к большим жертвам, а потом, по просьбе замминистра Ачалова, набросать план этого нападения. При этом сам он откажется в нем участвовать и, по его словам, переодевшись, неохотно пойдет ночью к баррикадам с поручением Грачева, сказать рядовым защитникам о часе разработанного им же штурма.)

А у Коржакова своя забота:

«Когда мне доложили, что звонили из американского посольства и предлагали, в крайнем случае, предоставить политическое убежище, мы тщательно обсудили этот вариант. Задние ворота американского посольства находились через дорогу от Белого дома, метрах в двухстах. Их держали открытыми, готовясь принять президента и людей, прибывших вместе с ним. Я перепроверил эту информацию, она подтвердилась. Для нас предложение американцев было сильной моральной поддержкой. В душе я надеялся на победу, на нерешительность ГКЧПистов, но допускал: в случае штурма могут погибнуть сотни, возможно, даже тысячи людей. И тогда важнее всего спасти президента. Все понимали меру ответственности за безопасность Ельцина. Ко мне в эти дни подходили десятки незнакомых людей и молили об одном:

– Сберегите Бориса Николаевича.

Самой страшной оказалась вторая ночь. Приходили офицеры КГБ, предупреждали нас о грядущем штурме по телефону. Даже с «Альфой» мы поддерживали связь. Бойцы группы сообщили, что сидят в полной боевой готовности и ждут приказа.

Накануне я рассказал президенту о предложении американцев:

– Борис Николаевич, если что-то произойдет, я вас разбужу. У нас только два пути. Либо спуститься в подвал и выдержать несколько дней осады. Потом мы там сами без посторонней помощи погибнем. Либо поедem в американское посольство. И в нем можно скрываться долго и всему миру рассказывать о событиях в России.

Ельцин выслушал мои доводы и произнес только одно слово:

– Хорошо.

Я его истолковал так: как решите, так и поступим.

Борис Николаевич вел себя спокойно, слушал меня. Около одиннадцати вечера я ему сказал: – Надо поспать, ночь предстоит тяжелая.

Он сразу лег в комнате докторов. Вскоре послышались выстрелы, вопли, по

всему Белому дому покатился какой-то шум. Когда после моей команды: «Едем в посольство!» – освободили проход... и передали по рации «все готово», я пошел будить Ельцина. Он лежал в одежде и, видимо, совсем недавно крепко заснул.

Спросонья шеф даже не сообразил, куда я его веду. Я же только сказал:

– Борис Николаевич, поехали вниз.

Спустились на отдельном лифте с пятого этажа и попали прямо в гараж. Ворота не открывали до последнего момента, чтобы не показывать, как президент уезжает. Сели в машину, я приказываю:

– Открывайте ворота.

И тут Ельцин спрашивает:

– Подождите, а куда мы едем?

Видимо, только сейчас он окончательно проснулся.

– Как куда? – удивился я. – В американское посольство. Двести метров, и мы там.

– Какое посольство?!

– Борис Николаевич, я же вам вчера докладывал, что у нас есть два пути: или к американцам, или в свой собственный подвал. Большие некуда.

– Нет, никакого посольства не надо, поехали обратно.

– Ну вы же сами согласились с предложением американцев, они ждут, уже баррикаду разгородили!!!

– Возвращаемся назад, – твердо заявил Ельцин».

Что это было? Чутье, которое вовремя подсказало, что побег, да еще в американское посольство означает политическую смерть? Или бойцовский характер?

Так ли все было? Хасбулатов, например, пишет, что от побега к американцам Ельцина, который, якобы, уже согласился, остановил именно он, отказавшись ехать и сказав ему, что возвращается к своим товарищам, депутатам.

Коржаков и Хасбулатов пишут свои воспоминания уже после разрыва с президентом, первый на него в обиде за отставку, у второго – лютая вражда... Все может быть, но в данном случае я верю скорее Коржакову именно потому, что и он мог бы «опустить» бывшего хозяина, но не делает этого.

Собчак, скрывающийся в бункере Кировского завода и Ельцин, остающийся в Доме Советов. Кто прав?

Что должны делать лидеры в такой ситуации? Обороняться до последнего патрона, как это сделал в Чили Сальвадор Альенде, а потом застрелиться под национальным флагом (в юности я пытался именно таким написать его посмертный героический портрет) или, оставив соратников, спасти себя для будущей борьбы?

Ночь в Мариинском дворце тянулась долго, оставшиеся в Совете депутаты бродили по зданию, собирались, передавали друг другу слухи о том, что делается в Москве, о том, что слышно из области. Курить, разговаривать, сидеть в кабинете было томительно. Через Красный зал я вышел на балкон. Там, у барьера,

сложив руки на груди и глядя в светлеющее небо, стоял Юрий Болдырев. А внизу все подходы к зданию, широченный Синий мост, площадь вокруг памятника Николаю I – все было заполнено людьми.

Я спускаюсь вниз и ухожу на площадь, среди собравшихся встречаю знакомых, здороваюсь, иду дальше, всматриваюсь в лица. Что двигает теми, кто пришел сюда на смертельный поединок? Любой из них может оказаться под гусеницами ворвавшихся на площадь танков. Я присаживаюсь у потухшего костерка, рядом мальчишки, оглядываются на меня, один из них прикрывает полый своего бушлата пару бутылок, заткнутых тряпочными фитилями. Поймав мой взгляд, он усмехается. «Осторожно, ребята, себя не подпалите», – говорю я и иду к ближайшей баррикаде. За железной арматурой, парой бетонных блоков и нагромождением досок пустой Вознесенский проспект, если войска появятся, они пойдут оттуда.

А здесь, на площади, ждут поединка студенты, женщины, подростки, мрачные мужики, интеллигенты. О том, что удар может быть нанесен в спину от переодетого спецназа, мы не знали. У баррикад отдельные группы, их куртки топорщатся, из-под чьей-то полы тускло блеснул ствол карабина. Встречаю там и своего старого «подельника» по диссидентству Олега Волкова.

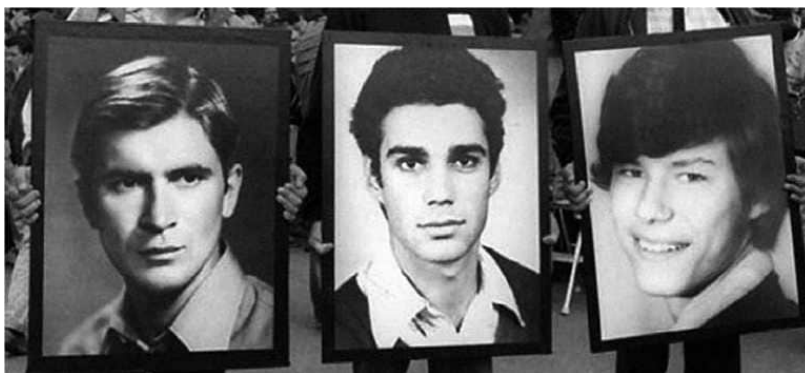
Стали поступать известия: псковская дивизия то ли ушла по какой-то обходной дороге, то ли стоит на полигоне под Гатчиной. Позже я услышу версию о том, что в тех десантных батальонах, которые в спешке отправили для нашего устрашения, половина боевых машин десанта была укомплектована к парашютному десантированию. Начальство, сообразив, что оставшиеся на броне парашюты будут слишком хорошо гореть, колонну тормознуло, чтобы их снять. Движение то приостанавливали, то возобновляли. Наконец загнали на какой-то полигон или военную дорогу. По словам Щербакова, генерал Самсонов говорил ему, что скорее сам застрелится, чем допустит, чтобы в городе пролилась кровь. К утру штурмовые части получили приказ возвращаться.

Происходящее в столице газета «Московские новости» описывает так: *«На Манежной Жириновскому дали по физиономии. К середине первого дня нового режима это был, пожалуй, единственный зафиксированный случай прямого насилия в столице. Он не расстроил даже самого бывшего кандидата в президенты: поднявшись на гостиничный балкон, он приветствовал людей, отвечавших ему криками: “Фашист, вон!”»*

Но жертвы уже есть: согласно приказу коменданта города генерал-лейтенанта Николая Смирнова, в ночь с 20 на 21 августа шесть БТР из 15-й роты мотострелкового полка Таманской дивизии «патрулировали» город.

По официальной версии, эта колонна двигалась по Садовому кольцу мимо Дома Советов, в сторону Смоленской площади. Но до баррикад не больше 1 000 метров, при этом бронемшины трассирующими очередями своих пулеметов зачем-то вспарывают мутно-багровое небо. Колонна подходит к туннелю под

Калининским проспектом (Новый Арбат). Ополчение пытается их остановить, перегородив выход из туннеля троллейбусами. Уже в туннеле, сбрасывая с себя людей, которые пытаются закрыть смотровые щели, одна из бронемашин давит человека о стену туннеля. На выходе, еще не зная, что случилось, головные машины толпа встречает транспарантом: «Братание!» Но, не сбавляя ход, колонна таранит и раздвигает троллейбусы, а за ними из тоннеля выезжает БМП с зацепившимся за броню убитым, голова которого волочится по асфальту... Народ пытается задержать эту машину, угрожающе дергаясь, БТР-536 едва не давит женщину, юноша успевает вытащить ее из-под гусениц, но, поскользнувшись, гибнет сам. Тогда на броню запрыгивают несколько человек, облив бензином, БМП поджигают. Экипаж открывает беспорядочный огонь поверх голов, загорается один из троллейбусов. Выскочивший из машины командир и солдат стреляют в толпу, гибнет еще один молодой человек.

*Владимир Усов, экономист; Илья Кричевский, архитектор;
Дмитрий Комарь, рабочий.*

Часть экипажа разбегается по другим машинам, оставшиеся тушат свою. Толпа помогает солдатам, поняв по их крикам, что от пожара могут взорваться снаряды. После того как БМП потушена ополченцами, а троллейбусы – подоспевшими пожарными, экипажи прячутся в остановившейся бронетехнике. Через двадцать минут после начала боя к баррикадам прибыл комендант города, он уговаривает солдат отогнать технику обратно в тоннель. Через полчаса переговоров, в которых участвовал и депутат РСФСР Сергей Юшенков, во избежание повторения трагедии, машины, уже под российскими флагами, уходят к Белому дому.

Генерал Лебедь потом будет снисходительно оценивать поступок тех москвичей, которые ради нашей свободы безоружными встали на ее защиту: *«Оборона называлась героической, но героической она может быть лишь в том случае, если бы было наступление, а наступления не было. Оборона была! Люди к ней*

готовились. Воздадим должное мужеству этих людей, но наступления не было. А значит эпитет «героическая» неправомерен». Эх, генерал, генерал... а как же блокадный Питер, ведь его не штурмовали, так что – не было героической обороны осажденного Питера?

Узнав о жертвах, министр обороны отдает приказ войскам стоять! Железное кольцо замирает.

А. Чернов:

«... И рассвело так неправдоподобно быстро,
как бывает лишь в детстве в планетарии.
Зрачок еще не различал цветоделенья,
но был ли в это утро мир цветным, я не уверен.
И на том спасибо, что он покуда был.

Мутилось небо московское дождями.
Метромост волок за электричкой электричку
на ту войну, где русские по русским
опять стреляли. (Ох, глядел, как в воду,
тому лет девять Толик Головков,
арбатский миннезингер.)

Но уже в своих непыльных фетрах комиссары,
вскрыв сейфы и опрастывая чрево,
склонялись над фаянсовым очком
и как кольцо наотмашь рвали воду,
и старый маршал, слушая куранты,
решался – нембутал или окно?»

А утром к Москве подошла воздушно-десантная дивизия из Молдовы под командованием генерала Востротина (командовал в Афганистане и участвовал в убийстве президента Амина). У него 10 тысяч человек на маневренной современной технике.

Востротин решительно заявил, что будет выполнять приказы своего командования, а не президента России, которого он главнокомандующим не признает, а когда консультант Моссовета генерал-майор Владимир Дудник попытался вручить командующему головного полка подполковнику Прудченко указ Ельцина, тот заявил: «Я не остановлюсь перед тем, чтобы давить и стрелять таких, как вы».

Но «волкодавы» опоздали. Отчаянная храбрость и жестокая гибель безоружных людей спасла сотни жизней в Москве и миллионы судеб по всей стране. Поняв, что кровь на улицах столицы лишь начало, путчист и министр обороны

Д. Язов командует об уходе войск из Москвы. Путчисты снова летят к Горбачеву, теперь уже сдаваться. Следом летит и Руцкой, он возвращается с Горбачевым, путчисты арестованы. Союзный президент в аэропорту на вопрос журналиста: «Когда вы нам все расскажете?», бросает неосторожную фразу: «Всего вы никогда не узнаете» (это даст левой оппозиции повод для упражнений на тему о том, что путч был придуман самим Горбачевым).

В Питере, узнав о том, что войска уходят из Москвы, площадь взрывается криком.

Я выхожу из Совета. Люди на площади начинают расходиться, напряжение спало, на наших лицах растерянная радость. Неужели отстояли?

Что же теперь, что дальше?

Еду к матери, а дозвонившись до Удомли, понимаю, что надо возвращаться в Еремково.

Барышня, дайте Смольный!

На следующий день я заехал в горсовет и узнал, что по решению Верховного Совета трехцветный российский флаг утвержден в качестве государственного и сейчас будет проходить церемония его поднятия. Ура – наконец! Сколько было вокруг него стычек! И вот свершилось, исторический символ российской государственности возвращается! Перед Советом собрались горожане, на балкон Мариинского дворца вышли депутаты и, конечно, Анатолий Собчак. Объявив собравшимся о решении, он распорядился о снятии со здания красного полотнища и подъеме триколора. Стоя рядом, я смотрел на преисполненного важности мэра и вспоминал, как весь последний год он бесился, требуя, чтобы депутаты, на столиках которых уже появились маленькие российские флажки, немедленно их убрали. А когда один полусумасшедший гражданин, пробравшись на хоры Большого зала наших заседаний, вывесил там российский флаг, Анатолий Александрович кричал: уберите оттуда эту тряпку!

Что ж, теперь не страшно, теперь такое замечательное дело можно и возглавить, правда, вышел маленький казус: к тому моменту, когда мэр торжественно разрешил поднять российский флаг, он уже был поднят над зданием городского Совета.

В Белом зале шло заседание президиума, там же кто-то суеился о составлении наградных списков. Просмотрев пришедшие письма и пожелав членам нашей комиссии хорошего отпуска, я вышел на площадь, чтобы поймать попутную машину до вокзала (вызывать служебную я, по мере возможности, избегал). Я не знал, что пока я разбирался с правозащитными делами, президиум решал вопрос о создании комиссии «по расследованию обстоятельств государственного переворота на территории Ленинграда». Как мне рассказал позже депутат Александр Винников, с учреждением комиссии проблем не возникло. А вот предложение немедленно опечатать архивы обкома КПСС встретило жесткий отпор. Неожиданно в стане демократов произошел раскол: против выступили не только коммунисты, но и два депутата от «Народного фронта», С. Н. Егоров и Ю. М. Нестеров. Они взывали «к законности», утверждая, что проверка документации заговорщиков не наше дело, что такое самоуправство – «большевизм», что этим должна заняться прокуратура. А. Винников, В. Скойбеда, А. Серяков и другие говорили о том, что городская прокуратура сама может быть замешана в заговоре. Дело дошло до непечатной брани и взаимных оскорблений, решение не было принято. Но тут из Москвы пришел факс с указом Ельцина о роспуске КПСС. Председатель Совета А. Беляев подписал распоряжение о передаче

Смольного в собственность Совета. Депутаты решили ехать в Смольный, сторонники законности отправились туда же.

Меня же на Исаакиевской площади подобрал попутный «жигуленок», мы уже ехали по Невскому проспекту. Вокзал был рядом, но водитель включил радио, и в местных новостях я услышал: «Группа депутатов Ленсовета находится в Смольном! В соответствии с Указом президента РСФСР о приостановлении деятельности компартии они намерены начать расследование причастности обкома к попытке государственного переворота».

Далее сквозь треск старенького приемника я слышу, что кто-то зовет городских коммунистов идти на защиту Смольного!

– Э, нет, – сказал я водителю, – теперь мне туда!

Водитель, подъехав поближе, не стал рисковать и высадил меня на площади, когда-то она звалась Лафонской, потом стала площадью «Пролетарской диктатуры».

В 1918-м году большевики провели здесь первый парад победителей, правда вышел небольшой конфуз: по площади прошли не только свои, но и отряд немецких солдат из тех пленных «интернационалистов», которые получили указание от руководства вермахта, что ради Германии надо помочь большевикам в захвате власти. Помочь-то они помогли и даже остались в городе охранять новую власть, но, проходя перед трибуной, спели не «Интернационал», которого от них ждали, а «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!»

Здание Смольного института рядом, прохожу выстроенные уже в советское время торжественные Пропилеи (их бесполезность когда-то навела меня на шутку о том, что искусство начинается там, где кончается польза). Иду через сквер к центральному входу, всматриваясь, придется ли мне продираться сквозь толпу вставших на защиту своей святыни верных ленинцев?

Когда-то в здании Смольного монастыря и прилегающих к нему строениях получали образование девочки из дворянских семей. После февральской революции Временное правительство отказалось финансировать Институт благородных девиц (раньше его содержала царская семья). Опустевшим комплексом воспользовались большевики, готовя там свой переворот. Место было удобным для обороны: впереди хорошо простреливаемая площадь, за спиной Нева, по которой вместе с морячками из Кронштадта можно уйти в случае провала.

Теперь за Пропилями раскинулся сквер. В нем стоят усекновенные головы Маркса и Энгельса. Гранитные «основоположники» мрачно вглядываются друг в друга. А за воротами, в центре большой клумбы, тот, кто в октябре 17-го, сббив усы и бороду, подвязав щеку от мнимого флюса, пробирался сюда, чтобы подтолкнуть поделльников к немедленному захвату власти. Теперь «Ильич», такой же маленький, но уже бронзовый, на пьедестале перед парадным входом простирает руку в неведомую даль.

Перед зданием никого нет, в вестибюле толпятся несколько журналистов. Не

будучи уверенным в успехе я тем не менее уверенно тычу охране свое удостоверение и спрашиваю, где депутаты? Растерянные охранники называют этаж. Я иду по опустевшей лестнице, по бесконечному коридору. Кто-то указывает мне нужную дверь, в большом кабинете вижу депутатов Ленсовета Виталия Скойбеду, Алексея Решетова, Алексея Моторина, российского депутата Юрия Нестерова, Володю Славнейшего, журналистов Руслана Линькова и Анну Полянскую, учредителя Фонда помощи бездомным Валерия Соколова, депутата-коммуниста Краснянского и других. Атмосфера напряженная, все на взводе. А в кресле у стола сидит седой человек, обкомовский секретарь по идеологии П. Белов. Похоже, что, заботясь о своей внешности, он хочет быть похожим на любимого Ильича. Его босс, первый секретарь обкома Гидаспов, уже отбыл в политическое небытие, заявив прокурорам о том, что никаких противоправных действий не предпринимал. Белов же остался, и от него депутат Ленсовета член ДС Виталий Скобеда потребовал сдачи ключей от кабинетов и сейфов. Белов возражал, депутаты нашли коменданта и стали наседать на него. Тот, глядя на упирающегося начальника, увивался.

Над планом Смольного.

И. Сошников, Ю. Рыбаков, В. Славнейшев, В. Соколов

Председатель горсовета Александр Беляев, примчавшись в обком, утихомирил готовых к силовым действиям депутатов и журналистов, сказав, что для расследования будет создана специальная комиссия, а сейчас нужно только опечатать кабинеты и разойтись.

Вот в этот момент я и вошел в кабинет. На большом письменном столе зазвонил телефон, я стоял рядом и увидел, как напрягся Белов, ему хотелось подойти к телефону, но он не был

уверен, что сможет сделать это беспрепятственно. Я поднял трубку и услышал раздраженно-надменный женский голос: «Кто у телефона?» – «Неважно. Кто вам нужен?» – «Юрия Павловича!» Я протянул телефонную трубку в сторону Белова. Тот подошел, и мы услышали глухой, спокойный голос: «Да! Нет. Все в порядке. Я скоро буду».

Хоть я и не присматривался к нему, но этот человек запомнился. Оказавшись в неординарной ситуации, один на один против пришедших (быть может на расправу?) врагов, он не терял чувства юмора. Возможно, в стенах Смольного он был единственным убежденным коммунистом.

Белов собрался домой и, чтобы на выходе из здания его никто не тронул (а там уже собрался разный народ), проводить его пошел депутат Моторин. По дороге Секретарь обкома поблагодарил депутата за участие в прекращении острого конфликта и сказал ему: «Вы мой идеологический враг, но я рад, что в вашей среде есть такие редкие экземпляры, которые не заботятся о внешнем успехе перед дамочками». Женщины – журналисты и депутаты – действительно подогревали ситуацию своим эмоциональным участием, но снисходительной иронии к тем, кто помог ему спокойно уйти, наш депутат, похоже, не заметил.

Для «товарища» Белова мы были и остались врагами. В перестроечные годы он еще искал компромисса с демократами. Так, выступая против погромной статьи Нины Андреевой, он писал, что «сталинский метод классового подхода... обернулся для общества и партии массовыми репрессиями». Позже он, как истинный интернационалист, протестовал против союза КПРФ с националистами. Во время путча он вошел в состав ЛКЧП и добивался полной цензуры СМИ. А в начале 90-х он оправдывает сталинский режим «необходимостью индустриализации». При всех шатаниях он все же остался «ленинцем». В 2011 году, рассказывая журналистам «Утра Петербурга» о путче, он будет сожалеть о том, что советские коммунисты не поступили с демократами так же, как китайские на площади Тяньаньмэнь...

Идем печатывать! (из док. фильма «Событие», реж. С.Лозница).

После ухода Белова и Беляева народ остыл и пребывал в задумчивости. Было понятно, проиграв, обкомовские боссы станут избавляться от компрометирующих документов. Значит, давать им такую возможность нельзя. Уходя, вальяжный глава Совета небрежно попросил Юрия Нестерова взяться за опечатывание кабинетов. Но республиканский депутат, подумав и приподняв плечи, вдруг заявил, что у него нет никакого желания сидеть тут до утра! А посмотрев на меня и дружески улыбнувшись, сказал: может ты возьмешься?

После раздачи интервью журналистам депутатов стало значительно меньше. Разделив оставшихся на две группы, я взялся за левое крыло здания, еще не-

сколько человек вместе с Игорем Сошниковым и Валерой Соколовым – за правое, где находилась в том числе и столовая. Правда, там не нашлось и пирожка, все было уже вынесено, и Соколову досталась лишь забытая и запертая в пустом зале кошка, которую он и спас. А часть служилых «несунов» была задержана народом при выходе из здания.

Позднее Виталий Скойбеда вспоминал: *«Некий Сунко, впоследствии пригретый Собчаком чиновник, пытался вынести кучу документов и денег, якобы личных. Мы его прихватили и долго составляли опись изъятых бумаг (деньги вернули – не было у нас полномочий изымать), а Сунко нервничал и просил сигареты у ребят из «Живого кольца». И ему давали, а сигареты тогда дефицит были, и так он штук пять настрелял и выкурил, а потом закончили описывать содержимое сумки и открыли портфель, а там коньяк и пара блоков сигарет «Мальборо», «заработанных» в обкомовском распределителе... Еле удержал ребят, чтоб рыло этому Сунко не начистили. Знал бы, как все обернется, что никакой люстрации не будет, не стал бы удерживать».*

Всего на трех этажах центрального здания было больше 200 кабинетов. Мы шли от одних дверей к другим, открывать их не было ни смысла, ни времени. Их просто заклеивали полосками бумаги с нашими подписями и печатью коменданта. Процесс затянулся, работа была рутинной.

В памяти остались лишь несколько эпизодов: так, подойдя к «секретарскому» коридору, где находился кабинет первого секретаря, мы наткнулись на охранника, который решительно преградил нам путь. А в глубине коридора я увидел людей, энергично вынимавших что-то из стенных шкафов. Сделав несколько шагов туда, я услышал характерный щелчок взводимого курка и, оглянувшись, увидел охранника с оружием руках. Пришлось остановиться. Начав с ним спорить, я послал кого-то вниз к коменданту (мобильных телефонов еще не было), через несколько минут тот позвонил на пост и велел охраннику пропустить нас. Но к тому времени люди в конце коридора уже скрылись, унося с собой какие-то сумки или ящики. Мы кинулись за ними, оказалось, что там есть лестница, ведущая на первый этаж. Сбежав вниз, натолкнулись на другого охранника. «Куда, они побежали?» – крикнул я ему. Он мотнул головой на маленькую дверь в подвал, но, обежав его весь, мы никого не нашли, а когда вернулись, я потянул огромную дверь в торце коридора и обнаружил за ней темный двор. Охранник ухмылялся и стало ясно, что беглецов мы уже не найдем. Вернувшись наверх, я решил заглянуть в опустошенные шкафы – за первыми деревянными створками стояли железные шкафы с проводами, лампочками, клеммами и... пустыми гнездами от каких-то электронных устройств. Я понял, что это система спецсвязи, т. н. «кремлевка»: ее шифровальные блоки и были тем грузом, что так оперативно эвакуировали чекисты. Поскольку их технические секреты нам были не нужны, досада прошла, и мы двинулись дальше.

Продвижению по бесконечным полутемным и высоченным коридорам со-

путствовали странные ощущения. Мы считали, что в эту ночь закрывается одна из самых страшных страниц нашей истории, но верилось в это с трудом. И мы ощущали тяжелую ауру этих стен. Нет, тени большевиков не проплывали мимо, но и представить их было нетрудно. Здесь принималось решение о разгоне Учредительного собрания, здесь вооруженный переворот был объявлен победой «социалистической революции», отсюда самоуверенные жестокие авантюристы, подняв на дыбы всю Россию, разослали лживые Декреты о мире, земле и свободе. Отсюда началась российская Голгофа. Уже в декабре 1917 здесь учреждается ВЧК, отсюда Лев Бронштейн (он же Троцкий) заявляет о начале массового террора. Отсюда ему вторит председатель петроградского Совета Зиновьев: *«Из ста миллионов населения, насчитывающегося в настоящее время в Советской России, мы должны сохранить за собой 90 миллионов. Что касается вычитаемого остатка, то нам нечего предложить – он должен быть уничтожен»*. (В августе 1936 года, когда он будет плакать и умолять о пощаде, его поволокут на расстрел, чтобы этот «вычитаемый остаток» пополнить.)

Здесь, в Смольном, коммунисты объявили о запрете всех конкурирующих партий, а заодно и органов самоуправления.

Потом наступил голод, кайзеровские войска двинулись к Петрограду. Большевики сбежали в Москву, а здание института осталось их символическим оплотом в Северной столице. На хозяйство поставили С. Кострикова (он же Киров). Подавив рабочие волнения, расстреляв своих бывших друзей, матросов Кронштадта, большевики стали безраздельными хозяевами опустевшего города и разоренной страны. Не прошло и десяти лет, как они стали пожирать друг друга и получили своего Крысиного короля.

Ветераны хунты слишком поздно увидели угрозу и попытались на XVII съезде ВКП(б) «прокатить» Кобу. Об этом в 1964 году писала газета «Правда»: была названа цифра в 300 оппозиционеров. Точных данных нет, но попытка была. Из протокола счетной комиссии явствует, что из тысячи двухсот голосовавших делегатов 166, получив мандаты для голосования, этим правом «не воспользовались». Вполне вероятно, что это были те бюллетени, где Джугашвили был вычеркнут (чтобы никто не вспомнил о настоящих цифрах, из 63 членов счетной комиссии 60 сгинули потом в «исправительных» лагерях). С. Киров (чья пламенная речь об успехах социализма завершалась словами «Хочется жить!») был вычеркнут только из четырех бюллетеней. Он был хорошим коммунистом: еще во время гражданской войны, занимая Астрахань, издал приказ – на выстрелы из домов отвечать их полным уничтожением. Затем расстрелял восставших там рабочих и примкнувших к ним красноармейцев, а потом и крестный ход вместе с астраханским митрополитом Леонтием. Все же, и он, и другие популярные партийцы были лишь исполнителями партийных установок, в серьезные соперники Джугашвили они не годились. Тем более, что Киров не нашел ничего лучшего, как пойти к своему усатому другу

и рассказать, что отказался от предложения Эйхе, Косиора, Шеболдаева и других возглавить ЦК.

Но Коба не мог оставить даже тень угрозы за своей спиной.

Член ЦК ВКП(б) получил пулю в затылок в том самом «секретарском» коридоре, из которого мы только что вышли. Его личного охранника кто-то тормознул «прикурить», и он отстал от шефа, а убийцей стал коммунист Николаев, который «совершенно случайно» оказался в нужном месте в нужное время. Личный охранник, тоже случайно, погиб при перевозке на допрос.

Официальным мотивом убийства стала ревность обманутого мужа, но после XX съезда и разоблачения «культа личности» для разбора дел была создана партийная комиссия. Ее членом была О. Шатуновская, в ноябре 1997 года «Общая газета» опубликовала ее рассказ о том, что они обнаружили:

«Очень важные данные об убийстве Кирова мы получили от человека по фамилии Гусев. В 1934-м году он служил в ГПУ и охранял камеру, в которой Сталин допрашивал Николаева. Во время допросов Николаев кричал: “Меня четыре месяца ломали сотрудники НКВД, доказывали, что надо во имя дела партии убить Кирова. Мне обещали сохранить жизнь, я согласился. Они меня уже дважды арестовывали и оба раза выпускали. А вот теперь, когда я совершил – для пользы партии! – дело, меня бросили за решетку, и я знаю, что меня не пощадят!”

Нам стало известно также то, чего Гусев не мог видеть. На эти крики Николаева через другую дверь в камеру вошли сотрудники ГПУ и встали за креслом Сталина. Николаев показал на них рукой: «Вот они, они же меня уламывали!» Те подскочили к нему, начали бить наганом по голове. На глазах у Сталина и всех присутствующих Николаева убили.

Два свидетеля этой страшной сцены, которых давно нет в живых, передали ее своим друзьям. Первый – прокурор Ленинградской области Польшаев. Вернувшись после допроса к себе, Польшаев сразу же вызвал своего друга Никиту Опарина, они вместе воевали в гражданскую. Польшаев рассказал ему все, что видел, и добавил, что не сегодня-завтра его схватят и казнят, раз он является свидетелем. В тот же вечер Польшаев застрелился. А с Опариним мы потом работали вместе в Московском комитете, он меня прекрасно знал, и все это написал для комиссии.

Второй – секретарь ленинградского обкома Чудов – тоже был на допросе Николаева. Он успел рассказать своему другу, секретарю партколлегии Дмитриеву. Через несколько дней Чудова и его жену арестовали и казнили. А Дмитриев дожил до XX съезда и дал нам письменные показания, которые во всех деталях совпали с письмом Опарина...»

Там же она назвала и данные о репрессированных, которые КГБ предоставило их комиссии: «с января 1935 по июнь 1941 года 19 миллионов 840 тысяч человек. Из них семь миллионов расстреляны в тюрьмах НКВД!»

Убийство Кирова стало удобным поводом для того, чтобы Президиум ЦИК

СССР в тот же день принял постановление: «Следственным властям вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам не задерживать исполнение приговоров...»

Пошла первая волна массовых репрессий против «старой большевистской гвардии». Следом за Кировым были уничтожены 97 членов ЦК (из 139), из 1 956 участников «съезда победителей» арестовали и осудили 1 108.

Заодно провели зачистку «города трех революций». Новый глава ленинградского НКВД Леонид Заковский писал в Москву: «Считаю абсолютно необходимым в целях очистки гор. Ленинграда переселить в отдаленные места Советского Союза 5 000 семей «бывших людей». Всех совершеннолетних мужчин арестовать и подвергнуть быстрой оперативно-следственной обработке, распределить их между лагерем и ссылкой, семьи сослать». За один месяц расстреляли 4 393 человека, 299 человек отправили в лагерь, выслали 39 тысяч (70% репрессированных составляли бывшие чиновники, дворяне, ученые в возрасте старше 50 лет).

Вспоминая обо всем, что было связано со «штабом революции», мы двигались по зданию. А у меня мелькнула мысль: даже у самых трагичных событий есть и другие, побочные стороны. Вот та же зачистка 1934-го года – кого-то она погубила, и она же спасла семью Молоствовых от следующей волны террора! Владимир Михайлович Молостров, ученый-растениевод, столбовой дворянин, вместе с женой Натальей Николаевной Астафьевой, их сыном, его женой, годовалым внуком и родителями невестки был выслан в Саратов. Если бы они остались, то мужчины были бы расстреляны в 1937-м году, а внук (будущий отец моей будущей жены), осиротев, попал бы в лагерный барак для детей врагов народа. И не было бы у меня сейчас ни жены, ни дочери?!

Но, впрочем, что за ерунда! Если бы все шло по-другому, то и у моих родителей тоже была бы другая судьба, значит и меня бы не было.

Тут мои праздные размышления были прерваны. Мы подошли к дверям мемориального «кабинета В. И. Ленина», и кто-то с азартом сказал: «А давайте-ка заглянем к вождю! Где ключи?» Но тут на лице депутата Красницкого, единственного коммуниста, который пришел тогда защищать свою «святыню», выразилась такая мука, что я, заклеивая дверь, сказал: «Бросьте вы, тот кабинет не сохранился, а это муляж, только время терять».

Да, за какой-то из этих дверей В. Ульянов убеждал своих поделльников в необходимости «похабного» мира с кайзеровской Германией. (Большевики уступили тогда немцам российские земли площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек. А затем отправили Германии два «золотых эшелона», в которых находилось 93,5 тонны золота, на сумму свыше 120 млн золотых рублей – компенсация за миллионы, полученные на развал фронта и переворот.)

Да, здесь на партактивах и пленумах голосовали за смертную казнь для «врагов народа», потом так же послушно за разоблачение «культа личности», за «це-

лину» и «кукурузу», потом приветствовали Брежнева и, погружаясь в застой, пристально следили за сохранением монополии на власть.

Отсюда еще вчера чиновники с интеллектуальным багажом из набора партийных цитат управляли всей хозяйственной, интеллектуальной и духовной жизнью горожан. Снабжение и репертуар театров, спорт и личная жизнь, рацион детских садов, выбор награжденных и списки неугодных, строчка в каждой газете, производственные и научные планы, лозунги и «кричалки» на демонстрациях – все планировалось и утверждалось тут. Это отсюда исходили ограничения на высшее образование для одних и льготы для других. Это здесь решали судьбы гениальных поэтов, талантливых режиссеров и артистов, отдавая на судебную расправу, запрещая гастроли, смывая или пряча на десятилетия хорошие фильмы... Это отсюда работала пропаганда, обрекавшая зашоренных людей на служение идейным химерам.

И все же, располагая всеми рычагами власти, «инженеры человеческих душ» проиграли. И не потому, что путч был плохо организован: по мере ослабления страха сама Жизнь окончательно перестала их слушаться, машина все чаще давала сбой и в конечном счете остановилась.

Заканчивая работу, мы вспомнили о том, что в здании должно быть бомбоубежище, бункер для спасения элиты, и настояли на том, чтобы помощник коменданта повел нас туда. Спустившись, мы оказались перед невзрачной железной дверью. Я нажал кнопку звонка, но никто не открывал. Я уперся и сказал, что мы отсюда не уйдем, открывайте как хотите. Хоть ломайте! Тогда дежурный дал какой-то условный звонок, и вскоре дверь открыл мужик, от которого несло водкой, он с красноречивым упреком посмотрел на помощника коменданта и пропустил нас внутрь. Мы ожидали увидеть что-то солидное, но к нашему удивлению большой подвал был разделен на убогие клетушки, где стояла канцелярская фанерная мебель еще, наверное, 40-х годов. Черные эбонитовые телефоны, дерматиновые диваны, крашенные половой краской сейфы. И вот здесь во время блокады находился городской штаб управления, здесь принимались все решения о судьбе города и его жителей? Или сюда начальство пряталось только во время бомбежек? Но разве эти старые своды устояли бы против стокилограммовой бомбы? Неужели вожди не заботились о своей безопасности? Неясно, впрочем, как и многое в истории блокады.

Рассекречивание части архивов только увеличило количество вопросов и споров. По официальным справкам, несмотря на нехватку электроэнергии, питерские заводы изготовили десятки новых танков КВ, бронепоезд, сотни пушек, а к ним снаряды и патроны, выпустили сотню отремонтированных танков. Куда они потом шли, почему со всей этой техникой не была прорвана блокада, когда до наших войск Волховского фронта было всего 15 км? Или отчеты были липой? Как через немецкие порядки могли проходить в город «партизанские обозы» с продовольствием?

Жизнь в блокадном Ленинграде была подвигом не для всех. Наряду с сотнями тысяч умирающих от истощения, но трудившихся для обороны людей, были и те, кто даже не заметил, не ощутил на себе голода. Нет, это не 886 убийц-людоедов и трупоедов, пойманных с поличным только за первую блокадную зиму (2/3 которых оказались оставшимися без продуктовых карточек, пришедшими в город беженцами).

О голоде в блокадном Ленинграде уже после войны с удивлением узнавали «пережившие блокаду» члены семей советских и партийных кадровых работников.

В энциклопедии «Ленинградская блокада от А до Я» можно прочесть: «В архивных документах нет ни одного факта голодной смерти среди представителей райкомов, горкома, обкома ВКП(б). 17 декабря 1941 года Исполком Ленгорсовета разрешил «Ленглавресторану» отпускать ужин без продовольственных карточек секретарям райкомов коммунистической партии, председателям исполкомов райсоветов, их заместителям и секретарям исполкомов райсоветов». И далее: «Запись от 9 декабря 1941 года из дневника инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Николая Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак – макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед – первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зеленые щи со сметаной, на второе котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, на второе свинина с тушеной капустой». А ведь это всего лишь низовой партийный функционер, что же говорить о крупной номенклатуре.

В это же время рабочие получают 300, а служащие, иждивенцы и дети 150 граммов хлеба на день, а субпродукты нормируются десятками граммов... Вот отрывок из воспоминаний племянницы художника А. Н. Бенуа Нины Владимировны Лазаревой, пережившей весь ужас блокады: «Сестринского образования у меня не было, но я умела делать инъекции, разбирать рецепт. В моем отделении было 60 коек. Лежали дети от года до 15-16 лет. Дети, найденные в разбомбленных домах, родители их погибли. Никто ни разу не навещал их в больнице. Болели дети воспалением легких, туберкулезом. Болезни при истощении протекали тяжело. Делая ночью обход и зная, где лежат самые слабые, я ощупью в темноте касалась головки ребенка и часто понимала, что он уже умер. Утром нужно было на кусочке картона написать имя, фамилию и возраст умершего. Потом эту бирку привязать куском веревки к его запястью. И еще для перестраховки чернильным карандашом написать то же на предплечье маленького холодного детского тельца. Однажды прихожу на дежурство, а в одной из палат девочки говорят мне, что Ира ночью умерла. А перед тем весь день не хотела есть и отдавала им всю еду. А про хлеб сказала: «Отдайте его тете Нине, у нее тоже есть девочка». Меня тронуло это завещание, тронуло, что дети исполнили его. И мне, хотя и стало как-то не-

ловко, пришлось взять этот кусочек хлеба. Умершую девочку звали Ирина Садовникова, ей было только десять лет».

При этом рядом шла совсем другая жизнь: старый врач, хирург, служивший еще в лейб-гвардии, В. В. Данилов во время блокады работал в Железнодорожной больнице. Весной 1942 года за ним приехали и, завязав глаза, отвезли на какую-то квартиру, где он прооперировал неизвестного. После операции ему предложили чашечку кофе со сливками и персик. Потом отвезли домой. О случившемся он рассказал жене, лег и умер.

О чудовищном неравенстве в блокадном городе люди узнали недавно. Для блокадников эта страшная правда была нестерпима! Прочитав о том, как по-разному жил блокадный народ и его начальники, Ирина Евгеньевна Иванченко пишет в газету: «Даже умирающие голодные ленинградские дети знали, что такое честь! И я глубоко оскорблена не за себя, нет, а за своих родных, за всех ленинградцев, за своих учителей, за своих друзей, оставшихся без отцов и матерей, в конце концов за свой Город!!! выстоявший, одолевший и голод, и холод, и нечеловеческие условия жизни, и сохранивший человеческое достоинство и вкус жизни и НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ТРЕБУЮЩИЙ!!! Вот лицо истинного ленинградца! Другого я не знаю и знать не хочу. А все эти обкомы, горкомы, командующие фронтами, правители и «вершители судеб» – Бог им судья, каждый из них получил по заслугам своим!» Что ж, действительно, Бог им судья... а тем истинным ленинградцам – глубокий поклон!

Загадка простенького бомбоубежища вскоре выяснилась. В небольшом зальчике, где еще несколько ступеней вели вниз, мы увидели на полу большой металлический колпак. «Что за люк?» – спросили мы у сопровождающего, тот замялся. «А, так это же вход в бункер! – догадался кто-то, – и, наверное, в метро?»

Ходили слухи о том, что в Смольном, как и в Кремле, есть сообщение с ближайшей веткой метрополитена.

«Так что, бункер?» – переспросили мы, сотрудник кивнул. «Большой?» – «Не знаю, не видел». – «А как открыть?» – «Это не ко мне, это к начальству». Дело было уже к утру, опечатывание сейфов еще и тут заняло много времени, и мы махнули рукой. (Потом я узнал, что было еще одно убежище, под отдельно стоящим во дворе павильоном, со своей электростанцией, системой очистки воздуха, запасом воды и кладовыми, но только для самых «старших товарищей». А тот подвал, в котором мы были, предназначался для рядовых приближенных.)

Ну вот, и делу конец. Мы стоим на ступенях парадного входа, депутат-коммунист, который напрасно ждал наших бесчинств, скорбно уходит. Покуриив и распрощавшись с товарищами, оставив позади сквер, я выхожу в утренний город. Обернувшись, вижу, как утреннее солнце осветило фасад, портик и колонны Смольного института.

Но, черт возьми, над крышей здания на флагштоке еще висит кровавое полотно!

(Вскоре неугомонный Виталий Скойбеда, Игорь Сошников, Володя Славнейшев и еще несколько человек поднимут вместо него российский флаг.) Уходя, я подумал: а хорошее было бы место для расширения университета. В монастырских покоех, где жили воспитанницы института, будет отличный кампус. Центральное здание нетрудно вернуть под аудитории – всё уже есть. И студентам не пришлось бы тратить время на дорогу в Петергоф.

Ну, да ладно, домой! Завтра мои коллеги разберутся с документами путчистов, а там пусть депутатская комиссия по образованию выходит с предложением.

На коллег я понадеялся зря: серьезной проверки опечатанных кабинетов никто не провел. Да и проверять, похоже, было уже нечего. Из откровений руководителя сектора политического анализа С. Н. Фролова позже выяснилось: еще

20 августа, увидев, что «дело пахнет керосином», все важные документы из обкома стали вывозить в 9-е управление КГБ.

А Смольный? Ему не суждено было стать университетом. Когда-то Керенский не нашел ничего лучшего, как руководить построением российской демократии из царской резиденции – Зимнего дворца. Опыт был недолгим.

Анатолий Собчак, взявшись за ту же задачу, поселился в гнездилище большевизма Смольном. Через несколько лет его выдавят оттуда хозяева пригретых им старых аппаратчиков и придется ему бежать в ту же Францию.

Упущенный шанс

В тот же день я сел в поезд и отправился в деревню. По дороге спросил себя, что ж ты не весел? Все позади, дорога открыта, даст Бог, теперь справимся!

Да, гроб повапленный отправился в небытие (так мне казалось). Но я ведь участвовал в похоронах не только сдохшего монстра, но и породившей его давней человеческой мечты. 74 года назад для многих все начиналось как освобождение человечества – кабалу наживы должны были сменить солидарность, творческий труд и свобода! Почему великая цель привела к затхлому тупику?

Почему «золотой сон человечества» обернулся расстрельными ямами, убогой казармой и тотальным подчинением? Стечение обстоятельств? – В последнюю очередь. Самоуверенность, гордыня, нетерпение тех, кто не хотел ждать естественной трансформации?

Вот тут и кроется страшный соблазн. Как там у Маяковского:

«Ваше слово, товарищ маузер.

Довольно жить законом,

данным Адамом и Евой.

Клячу историю загоним!...»

Загнали, еще как загнали! Но не историю, а самих себя...

Обидно, но факт: люди оказались неспособны построить свою жизнь на бескорыстных началах. Причем не только в России. Теперь надо возвращаться на столбовую дорогу и восстанавливать естественный ход эволюции. Мы это сделаем. И все же жаль.

Так размышлял я в дороге, которая вела меня к семье. Когда, узнав о путче, мы разъезжались из Еремково, жена и дочь остались одни, в тревоге и почти без денег. Поглядев на них, наш старый пес Мурат решил спасти семейство и принес Кате соседскую курицу. А когда не получил одобрения, забрал ее в свою будку. Пришлось пса выманывать, что удалось только на следующее утро. Возвращать останки соседям было уже поздно. И компенсировать соседскую потерю нечем. Тогда, чтобы избежать скандала, доктору физико-математических наук Роману Борисовичу Душину, который пришел из Пеньково провести племянницу, пришлось отнести жертву собачьей преданности на рельсы железной дороги, что проходит рядом. Там и нашла ее, как позже выяснилось, соседка баба Зоя, которая долго ругалась на бедную курицу и обзывала ее Анной Карениной.

Полуторогодовалую, уже шуструю Юльку Катя носила на руках, а та хватала

все, до чего могла дотянуться – так у нее во рту оказались ягоды рябины. Последствия не заставили себя ждать, когда я приехал, похудевшая малышка еще болела.

Вскоре из Москвы вернулись Михаил Михайлович и Маргарита Мустафьевна. В отличие от мужа, которого, как и меня, грела мысль о том, что впереди у нас открытая дорога, она хмурилась. В ее нелегком характере была редкая черта – интуитивное неприятие фальши и признаков дурного.

Она рассказывала: «Когда стало известно, что войска покидают Москву, торжествующая толпа собралась у Белого дома, со стороны Горбатого мостика. Наверху, за барьером балкона, стоял российский президент и охранявший его Коржаков, государственный секретарь Бурбулис, депутаты и деятели культуры (вернувшегося из Форосского плена Михаила Горбачева почему-то с ними не было). Оттуда произносились громкие слова о победе демократии, многие норавли добратся до микрофона и встать поближе к Вождю, а народ снова и снова восторженно кричал: «Ель-цин, Ель-цин!» Его восторженное почитание уже не было внове, позднее К. Подрабинек вспоминал: «Как-то в конце 80-х, во времена своей партийной опалы, Ельцин пришел на Пушкинскую площадь пообщаться с народом. Без трибуны, без микрофонов и даже, по-моему, без личной охраны. Боже, что тут началось! Толпа облепила его мгновенно. Пока он прошел от одного конца сквера до другого, люди не просто обступили его: они старались к нему прикоснуться, побыть вблизи, и столько преданного восторга было в их глазах, что мне сделалось жутко. Ведь это, кажется, люди, которые хотят свободы и демократии, зачем им пастух?»

Стадный восторг был чужд моей теще; расстроившись, она ушла, по дороге подняв одну из листовок, которые бросали с того же балкона. Там, под свободной графой, было написано, что «был участником защиты Верховного Совета и его отсутствие на работе не должно считаться прогулом». И чья-то подпись. Листовку она отдала Кате Шиханович, той надо было отчитаться за отсутствие на работе. А сама подумала: «Вот и снова: сверху – вниз... Ну почему не выйти к народу, не организовать достойную раздачу того малого, что хоть как-то отблагодарит и останется вещественной памятью? Нет, швырнуть с боярского крыльца проще: лови народ, подбирай!»

Тогда, в деревне, это показалось мне ее обычной ипохондрией, но чутье Мустафьевну не обмануло. Победа, которую люди подарили своему вождю, вскоре разведет новую власть и народ.

Мы этого еще не знаем, мы заняты домашними делами, детьми. Я, наконец, берусь за сооружение просторного крыльца у еремковского дома. Мы ходим купаться на озеро, Михалыч читает, пишет, с юмором рассказывает о том, как сидел в осажденном Доме Советов, пристроившись в ожидании танковой атаки у окна, которое, как заметил ему Сергей Ковалев, вело во внутренний двор.

Еще он рассказал нам о том, как проходила встреча депутатов Верховного

Совета РФ с М. Горбачевым. По его словам, тот был растерян, а Ельцин с ним не церемонился. (Позже я посмотрел запись этой встречи. Действительно, союзный президент без подготовленных референтами тезисов путался в словах и падежах. Привыкнув к работе с послушными союзными депутатами, он не понимал, что перед ним парламент победителей. Вместо энергичных оценок и действий он 30 минут мямлил общие фразы, так и не сказав ничего дельного. Не владея информацией, он пытался заступиться за правительство, которое его предало, говорил о недопустимости кампании «антикоммунизма», а под конец получил ряд выпадов в свой адрес и подписанный на его глазах указ Ельцина о приостановке деятельности КПСС. По лицам слушавших его депутатов было видно, как их недоумение сменялось раздражением и досадой на то, что главой страны был столь никчемный человек.)

По вечерам, собравшись за столом, мы думаем и спорим о том, что будет дальше.

Все ждут каких-то перемен, в кругу демократов бурно обсуждается вопрос о необходимости люстрации для функционеров КПСС. Галина Старовойтова предлагает Ельцину и Верховному Совету законопроект «О запрете на профессии для проводников тоталитарного режима».

«Лицемерно защищаясь от несуществующей “охоты на ведьм”, некоторые монстры прежнего режима, причастные к его кровавым преступлениям и далекие от покаяния, готовы и сейчас по первому сигналу продолжить массовые репрессии, неотделимые от практики ленинизма и сталинизма. Наше общество, интеллигентно называя верных ленинцев и сталинцев инакомыслящей оппозицией, как будто бы больше озабочено их комфортом, чем душевным и материальным состоянием жертв ленинизма и сталинизма, — все это несмотря на широковещательные декларации о возвращении к общечеловеческим ценностям», — так начиналась преамбула к этому документу.

Далее речь шла о запрете (от 5 до 15 лет) на службу в органах государственного управления, работу в СМИ и преподавание в вузах, но не рядовым членам КПСС, а только штатным партийным секретарям, штатным и секретным сотрудникам НКВД, МГБ, КГБ.

В спорах на эту тему всплывает аналогия с денацификацией Германии. Кого-то корбит от такого сравнения, а ведь общего немало. Вот выдержки из общей преамбулы обвинения, которые были выдвинуты в Нюрнберге против Национал-социалистической партии: она обвинялась в заговоре с целью «захвата тотального (всеобъемлющего) контроля над Германией и обеспечения того, чтобы против них внутри самой Германии не могло возникнуть эффективного сопротивления. (А разве большевики не осуществили насильственный захват с целью тотального контроля над Россией?)

С этой целью были:

— запрещены все политические партии, за исключением нацистской партии.

Что сделало нацистскую партию правящей организацией с обширными и чрезвычайными привилегиями. (И это было уже сделано в советской России.)

– рейхстаг (парламент) низведен до положения органа, состоящего из их ставленников, урезана свобода выборов по всей стране... Создали и расширили систему террора против своих противников и предполагаемых или подозреваемых противников режима. Проводили политику преследования, репрессий и истребления тех граждан, которые были врагами правительства или рассматривались в качестве возможных врагов. Бросали в тюрьмы людей без судебного процесса, содержали их в так называемом «превентивном заключении» и концентрационных лагерях, подвергали преследованию, унижениям, ограблению, порабощению, пыткам и убивали их».

Каждое из обвинений могло быть предъявлено КПСС. С той лишь разницей, что, в отличие от НСДАП, их господство над порабощенным обществом продолжалось дольше.

В советской зоне оккупированной Германии денацификация привела к увольнению из органов управления, юстиции, средней и высшей школы почти полутора миллиона бывших членов нацистской партии, число осужденных и казненных неизвестно.

В западной зоне перед судами предстало 5 133 человека, было вынесено 668 смертных приговоров. Затем денацификация была передана в руки самих немцев, и этот процесс шел еще долго. Он оказался возможен, когда Германия оказалась разделена на демилитаризованные зоны, где оккупационные власти стран-победителей нацизма принудили общество к покаянию.

Должны ли мы, можем ли мы идти по такому пути?

Моя теща, как и Старовойтова, и Валерия Новодворская, за полную люстрацию – нельзя подпускать к новой власти палачей и паразитов, они опасны, они снова объединятся и захватят все, что смогут.

Громя зачинщиков путча, А. Собчак все же выступает против кампании «антикоммунизма». Даже политзек, председатель Комитета по правам человека, Сергей Ковалев говорит Маргарите Мустафьевне: «Рита, только не у нас! Ты представь, во что это выльется – начнется «охота на ведьм», сведение счетов».

А. Чубайс тоже против, он считает, что без опытных управленцев, пусть даже с партбилетом, не обойтись. Я же сомневался тогда в том, что новому государству нужны те, кого выпестовала административно-командная система, в новых условиях проку от них будет мало, а если и будет, то скорее для них самих. Но сведение счетов, охота на новых врагов была возможна, и уподобляться тем, кто еще недавно исключал из общественной жизни демократов, не хотелось.

Да и как проводить люстрацию?

Когда союзники передали бразды правосудия в руки немцев, правительство ФРГ обязало всех и каждого заполнить подробную анкету с данными о том, где, как и чем занимался этот человек в годы нацистского режима. Только при сда-

че такой анкеты люди могли получить продуктовые карточки. Анкеты проверялись, ложь наказывалась тюрьмой.

Судебные расследования нашли ту или иную степень причастности к преступлениям нацизма у 6 млн (!) жителей Западной Германии. Ограничение их прав не было суровым, но каждый десятый взрослый немец был поставлен перед необходимостью осознания своей доли вины. Наверняка это случилось не с каждым, думаю, что какой-нибудь работавший в Рейхсканцелярии истопник вряд ли захотел признать свою вину за жертвы Освенцима. Нашлись и те, кто обманул правосудие – тем более, что и в нем еще работали скрытые нацисты.

Но эта проверка имела принципиальные последствия. Новое поколение западных немцев получило возможность не только спросить у родителей: как же вы с этим жили, но и самим отринуть прошлое.

К началу 90-х годов у бывших сателлитов СССР люстрация уже идет.

В Чехословакии принят закон, где говорится:

«Коммунистическая партия Чехословакии, ее руководство и члены несут ответственность за методы осуществления власти в период 1948-1989 гг., а именно за программное уничтожение традиционных ценностей европейской цивилизации, за сознательное нарушение прав и свобод человека, за моральный и экономический спад, который сопровождался судебными преступлениями и террором против носителей других взглядов, за подмену существовавшей экономики директивным управлением, уничтожение традиционного права на собственность, злоупотребление воспитанием, образованием, наукой и культурой ради политических и идеологических целей, безжалостное уничтожение природы... Коммунистическая партия Чехословакии была организацией преступной и достойной осуждения, так же как и другие организации, основанные на ее идеологии, деятельность которых была направлена на лишение людей их прав и на удушение демократии».

140 000 лиц, сотрудничавших с коммунистическим режимом в 1948-1989 годах (кадровые сотрудники и тайные агенты спецслужб, сотрудники партийного аппарата КПЧ, «политически руководившие» госбезопасностью), на пять лет были лишены права занимать ответственные посты в государственных органах.

В Польше пресса огласила имена лиц, сотрудничавших с прежним режимом. Те из них, кто хотел поступить на госслужбу или участвовать на парламентских выборах, должны были публично покаяться и получить прощение. Скрывших свое преступное прошлое увольняли.

«Декоммунизация» шла болезненно, были невинные жертвы, были и неожиданности.

Так, в Болгарии выяснилось, что бывшими сотрудниками госбезопасности оказались 11 из 15 митрополитов, семеро членов Высшего мусульманского совета (включая великого муфтия Болгарии), а также один из трех католических епископов.

В атмосфере охотничьего азарта и конкуренции за умы и сердца соотечественников соперничающие силы выдвигали обвинения и против демократических лидеров. Так, левая пресса писала о том, что будущий лидер «Солидарности» Лех Валенса был завербован госбезопасностью и сотрудничал с ней с 1970-го по 1976-й год, а на президента Чехии Вацлава Гавела в архиве тайной полиции нашлось донесение о том, что его вербовка в сексоты «представляется вероятной».

В объединенной Германии под давлением общества покинул свою должность генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии Эрих Хонеккер.

Восточногерманская «Штази» (аналог КГБ) была заменена ведомством с теми же функциями и составом, но людей такая замена не устроила, и оттуда все же было уволено 50 тысяч человек. В том же 1991 году Бундестаг принял закон, разрешивший доступ к документам Штази. И каждый работодатель смог проверить, кто у него работает, и каждый житель узнать, не «стучал» ли его сосед.

А что было бы у нас?

Депутаты Ленсовета после путча организовали комиссию по проверке спецслужб и пошли в КГБ, там генерал Курков ласково их «отшил», сказав, что после путча по его приказу все оперативные дела, вся картотека агентуры уничтожена (не верю – Ю. Р.). А когда они заглянули в сектор КГБ по работе со спецотделами, которые существовали во всех учреждениях, то в ужасе захлопнули этот ящик Пандоры. Основную часть дел составляли тысячи доносов, всех на вся. По словам «кураторов», (тайных сотрудников КГБ), большая часть доносов была малосодержательной. Так, «куратор» университета, смеясь, рассказывал депутатам, что к нему тайком ходили муж и жена, давая отчеты друг о друге. Но далеко не всегда это было так уж безобидно и подчас даже сами «кураторы» не выдерживали. Так, по его собственному признанию, ушел из «органов» куратор Синагоги, его начальству было мало того, что даже раввин был их агентом. Они потребовали от «куратора» организовать избиение евреев, которые занимались в школе изучения иврита (для таких акций под видом пьяных уличных хулиганов использовались сотрудники «группы наружного наблюдения»).

Другой офицер КГБ сам пришел к депутатам и признался в том, что на его совести гибель женщины: он получил донос о том, что она печатала «Архипелаг Гулаг» и дал ему ход. (Возможно, что это библиограф Е. Воронянская, которая по просьбе А. Солженицына действительно напечатала один из первых экземпляров «Гулага». После обыска в ее комнате, со сдиранием обоев и вскрытием полов, после пяти суток непрерывного допроса чекисты узнали от нее о том, где искать машинопись книги. Добившись своего, они старую и больную женщину выпустили, а она, не зная, что есть и другой экземпляр, сочла, что погубила Солженицына и его труд. Придя домой, в коммунальную квартиру на Ромейской улице, она решила покончить с собой, ей помешали и отправили в больницу. Но

вернувшись оттуда, Елизавета Денисовна 23 августа 1973 все же повесилась...)»

«Как же вы выжили после этого?» – спросил чекиста депутат Ленсовета А. Винников. «Меня спасли жена и дети, чувство ответственности перед семьей. Ну и, конечно, то обстоятельство, что я тут же ушел из КГБ».

«Но что же двигало вами, когда вы загоняли свою жертву в угол? Ведь вы совершенно не похожи на жестокого фанатика!» – «Разве вы не знаете, что самая азартная в мире охота – это охота на людей? Многие из моих коллег по КГБ так и не смогли отказаться от этого удовольствия!»

Информация, которой обладали «кураторы» после развала красной империи, стала компроматом на всех стукачей и, я думаю, не раз была использована в карьерных и политических целях.

А. Винников писал потом: *«Больше всего агентов было внедрено в демократическое движение и вообще от 10 до 20 процентов членов общественных организаций оказались связаны с КГБ. В депутатском корпусе эта цифра была еще выше»*. Когда на сессии Ленсовета встал вопрос о постоянной депутатской группе по контролю за спецслужбами, а в ее обязанности могло войти право знакомства со списками сексотов, это подтвердилось. Во время обсуждения на словах все депутаты были «за», но при тайном голосовании из 300 голосов – 104 оказались «против».

По данным депутатской комиссии завербован был примерно каждый пятидесятый житель города. Если учесть, что взрослое население города составляло около 2 млн человек, то получается, что в Питере было до 40 тысяч завербованных провокаторов и доносчиков. А в стране?

Проведение люстрации в таких условиях требовало сложных организационных и правовых усилий. В еще вчера правящей партии числятся 20 млн человек. Подавляющее большинство привели туда не убеждения, а карьерные цели или просто неспособность отказать начальству. Их привилегии ничтожны, вина заслуживает лишь презрения, но есть и другие функционеры, им есть что терять. А еще те, кто издевался над заключенными, те, кто расстреливал, те, кто казнил людей аминазином в психушках, те, кто посылал наших парней на убой во все уголки планеты, те, кто стучал и травил лучших людей страны... Чтобы отмерить им справедливую вину, чтобы устранить опасность новой ментальной чумы, нужен закон о люстрации и нужен суд, который будет его применять.

Но судьи кто? Для всех советских судей членство в КПСС было обязательно.

И большинство из них живут куда лучше, чем рядовые граждане. Они вписаны в систему, они не испытали на себе все тяготы жизни рядового нищего и бесправного советского человека. А значит, необходимость смены власти для них не очевидна. Так можно ли доверить им эту задачу?

Среди них немало и тех, кто замешан в преступлениях режима, тех, кто по сигналу из КГБ, не утруждая себя доказательствами, отправлял людей за решетку. Таких судей в стране не один десяток! В городском питерском суде замести-

телем председателя еще работает судья Исакова, на ее совести десятки искалеченных диссидентских жизней – и что, она сама себя осудит?

А кто напишет и кто утвердит закон о люстрации? Депутаты, больше половины которых члены, а треть сексоты и функционеры правящей партии? А кто инициирует процесс? Может быть, тот президент, что еще недавно был членом Центрального комитета той партии, все руководство которой должно лишиться права на участие в политической жизни?

Я считал тогда, что ответить должны только те, кто принимал очевидно противоправные, репрессивные решения, против них должна выступить очищенная судебная система, остальных же пусть судит общественное мнение.

Теперь вижу, что был неправ. Волевым президентским указом все кадровые «партийцы», все офицеры КГБ лет на десять должны были лишиться права на работу в законодательных, исполнительных, судебных и правоохранительных органах.

Но после провала путча Ельцин ограничился лишь указами о запрете КПСС-КПРФ и об изъятии и передаче государству всего находившегося в их ведении имущества.

Еще перед путчем усилиями демократов и самого Ельцина Верховный Совет и депутаты V съезда узаконили новый высший судебный орган – Конституционный суд (КС). Его задача – защищая конституцию, давать оценку договорам, законам, постановлениям и решениям госорганов, деятельности политических партий, разрешать споры субъектов власти, отрешать от нее, в случае неспособности или покушения на Основной закон. Демократическому обществу такой орган, безусловно, необходим, в той или иной форме он есть в любой нормальной республике, да вот беда, Россия таковой еще не была. И Конституция, которую этот орган должен был защищать, еще носила в себе родовые «советские» черты, вплоть до сохранения в ней ссылок на несуществующий СССР. Вместо разработки целостной, непротиворечивой конституционной системы депутаты принялись кроить и ставить заплатки на старую.

К тому же формирование состава Конституционного суда оказалось в руках властолюбца Хасбулатова и левой депутатской оппозиции. Большинство оказалось за теми, чья приверженность «букве закона» прикрывала их консервативные, а то и реакционные взгляды.

Уже через полгода, в начале 1992 года, оправившиеся от испуга коммунисты обратились в КС для проверки законности указов об их роспуске.

Их аргументы:

– КПСС – это общественная организация, президент не вправе ее запретить, по закону это вправе сделать только суд.

– Имущество, которого КПСС лишилось, ей не принадлежало, поскольку числилось за другими структурами или вовсе не имело формального собственника. А, значит, и отнимать его указом было нельзя.

– Под руководством КПСС советское общество совершило невиданные трудовые и боевые подвиги. А если и были совершены противоправные действия, то отвечать за них должны конкретные люди, а не организация.

Обнаглевшие путчисты задавали риторический вопрос: «Может ли легальная компартия представлять угрозу для общества, например, угрозу совершения государственного переворота?» И отвечали: «Конечно нет, так как перевороты подготавливают и совершают партии, находящиеся на нелегальном положении, в подполье. Например, в 1917 году курс на узурпацию власти был взят большевиками только после запрета их партии Временным правительством». (Что было ложью, поскольку первая попытка захвата власти была еще в июле 1917 года, когда РСДРП была на легальном положении.)

В ответ депутаты, сторонники президента, вышли в тот же суд с ходатайством о признании неконституционности самой КПСС.

Их аргументы:

– Начиная с 1936 года коммунисты, следуя примеру Германии, где было узаконено единство нацистской партии и государства, провозгласили себя «руководящим ядром» всех общественных и государственных организаций.

Опираясь на это положение Конституции, ВКП(б), а затем КПСС господствовала и правила в условиях абсолютной монополии на власть. «Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами», – говорил Б. Ельцин.

– Имущество, которым «партия» распоряжалась, было незаконным изъятием общенародной собственности и бесконтрольно использовалось в целях, противоречащих интересам общества.

– Роль и место КПСС в обществе противоречили положению Конституции о том, что все власть принадлежит народу. Система Советов была декоративной ширмой, за которой скрывалась тоталитарная политическая диктатура.

– Деятельность КПСС носила преступный характер, она нанесла обществу тяжелый урон и была законно пресечена, а присвоенное ей имущество возвращено государству.

Обе позиции носили очевидный политический характер и противоречили букве закона о Конституционном суде, где говорилось, что этот суд может «устанавливать и решать только вопросы права», то есть не вступать в рассмотрение вопросов вины или политических оценок. Тем не менее суд, который мог и должен был отказать обоим заявителям, проявил политическую заинтересованность и принял их обращения к рассмотрению.

(О том, что Конституционный суд не вправе рассматривать вопросы преступности, председатель суда будет вспоминать только для того, чтобы остановить речи президентской стороны о преступлениях тоталитарного режима.)

Среди членов суда были принципиальные защитники не только «буквы», но и духа демократии – Эрнест Аметистов, Анатолий Кононов и Тамара Морщако-

ва. Но были и те, кто, не скрывая своих политических пристрастий, щеголяли красными партбилетами даже во время заседаний.

Дело тянулось полгода и осенью завершилось двусмысленным решением: запрет пришлось признать обоснованным, но ряд других положений незаконными, а соответствие КПСС Основному закону осталось без квалификации.

Председательствовал в суде Валерий Зорькин, чьи амбиции станут потом существенным фактором всех политических коллизий. В число судей он попал по инициативе депутатов из фракции «Коммунисты за демократию» (Михаил Молоствов, шутя, назвал эту группу «волки за вегетарианство»).

Принимая решение, КС проявил изворотливость, которой позавидовал бы и Макиавелли.

В постановлении есть грозные слова о том, что «в стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров... Материалами дела, в том числе показаниями свидетелей, подтверждается, что руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей», что «антиконституционность деятельности руководящих структур КПСС и КП РСФСР, существовавших на момент издания Указа Президента Российской Федерации от 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР», исключает возможность их восстановления в прежнем виде».

Суд счел, что **«КПСС была вне гражданско-правового регулирования отношений по поводу ее имущества. Этот тезис доказывается материалами дела, поскольку установлено, что в отношении имущества КПСС не осуществлялся финансовый контроль государства. Общий надзор прокуратуры также не касался сферы деятельности КПСС»**. Почему-то из этого следовало, что лишать КПСС и КП РСФСР присвоенного ими народного имущества нельзя. То, что они уже распущены, не важно, ведь Конституционный суд допустил возможность их перерегистрации с другим названием и правом на имущество своей альма-матер. (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, НСДАП, с июля 1933 до мая 1945 единственная законная партия в Германии, тоже не контролировалась государством, поскольку была им. Это не помешало суду в Нюрнберге не только распустить ее без права на восстановление, но и лишить имущества.)

Имевшееся в президентском указе предписание МВД провести расследование незаконной деятельности Компартии РСФСР тоже сочли незаконным, поскольку **«органы внутренних дел, согласно статье 126 УПК РСФСР, не вправе проводить предварительное расследование по такого рода делам»**.

Ответ суда на запрос о конституционности КПСС (руководство которой, даже по мнению суда, имело «неограниченную власть» и было «проводником политики репрессий в отношении миллионов советских людей») прост. Ведь

«поскольку уже в течение года ни КПСС, ни КП РСФСР не существуют, постольку следует признать, что предмет ходатайства народных депутатов РФ о признании не конституционности КПСС отсутствует».

Следуя такой логике, Нюрнбергский суд ошибся, когда назвал преступной и запретил национал-социалистическую партию Германии, ведь и она в 1945 г. уже не существовала.

Так руководство КПСС, точнее его второй и третий эшелоны, получили легальное право опереться на свои низовые структуры. Правда о преступном режиме широко выплеснулась тогда в печать, на короткое время она раскрыла глаза обществу. Но без реального очищения, без санации от носителей тоталитарной гангрены «советское» общество не смогло оторваться от своего прошлого...

После провала путча без малого месяц страна ждала решительных действий, со страхом ее ждали и реваншисты, но президент отбыл на отдых, в объятия собутыльников-чекистов Коржакова и Барсукова.

Вернувшись в Москву и подводя итоги года, Ельцин сказал тогда: «Мы выбрали путь реформ, а не революционных потрясений. Путь мирных перемен под контролем государства и президента. Считаю это нашей общей победой!»

Под контролем президента? Пройдет всего год, его станут лишать полномочий те, кого он не рискнул отодвинуть с дороги перемен. Но и тогда он будет упрямо говорить: «После путча Россия встала перед сложнейшим выбором. Сама обстановка толкала страну опять в революцию. И тогда, и сейчас твердо убежден, такой путь был бы величайшей политической ошибкой и погубил бы Россию! В течение года звучало множество подстрекательских призывов вступить в жестокую конфронтацию, начать противоборство всех против всех. Но ни один из них не нашел отклика в сердцах россиян. Ни одна искра недовольства не возгорелась в пламя гражданской войны».

До гражданской войны всего два года, она будет короткой, но ее последствия изменят путь России, заведя ее в авторитарный тупик. Альтернатива была. Даже если радикальная санация была сопряжена с риском бунта со стороны спецслужб или генералитета, был и другой путь – объявление новых выборов! Ни сил, ни аргументов помешать им на тот момент не было. А в составе нового, свободно избранного парламента ни чекисты, ни упертые коммунисты уже не имели бы большинства. Борис Ельцин мог спокойно объявить даже о собственных перевыборах, мандат доверия был ему в то время обеспечен. И не было бы тогда стрельбы по Белому дому, семибанкирщины и чеченской войны, а Россия пошла бы по другому, расчищенному пути. Но ни люстрации, ни нового парламента, ни перевыборов президента не случилось.

На выход. С вещами!

За несколько августовских дней партийные функционеры под шумок успели раздать половину «своей» недвижимости – санатории, дома отдыха, резиденции, учебные здания, гостиницы, архивы... Все то, что было построено отнюдь не на партийные взносы, вдруг оказалось в собственности неких акционерных обществ! (Чтобы вернуть Питеру эту украденную собственность, А. Собчаку пришлось судиться с коммунистами несколько лет. И они ему этого не забыли.)

У России есть «Декларация о независимости», но нет своего Госбанка, нет своей армии, нет своего самостоятельного бюджета. Все это числится за Союзом: почти вся недвижимость, даже земля, принадлежит союзному государству, а правительство крупнейшего члена СССР имеет право с распорядиться лишь 6% своего достояния. Да и то с разрешения союзного правительства, где вся власть принадлежит ЦК КПСС.

Тогда появилась еще серия указов Ельцина: о переходе в собственность РСФСР столичных, правительственных зданий, таможенных и пограничных служб, и, наконец, всех находящихся на ее территории активов СССР.

Причем в этой дележке Б. Ельцин был далеко не первым. Еще до путча, до избрания Б. Ельцина президентом РСФСР, 7 июня Верховный Совет Украинской ССР принял решение о немедленном переходе под юрисдикцию УССР союзных предприятий и организаций, расположенных на территории республики. За лстящими народному духу декларациями о самостоятельности и прочее стояло желание элит обрести собственность и самостоятельно распорядиться национальным доходом. Для руководства разбегающихся республик единая финансовая и правовая политика, управляемая из Москвы единая армия, необходимость считаться с интересами других казались ненужной обузой.

Как будет функционировать их самостоятельное хозяйство, республиканские вожди представляли себе плохо, большинство из них были вчерашними партийными бонзами. Если у Белоруссии и Казахстана были плодородные земли, а у Украины еще и мощная промышленность, то южные и восточные провинции империи зависели от центра куда больше. Их любимым занятием во времена союзного застоя было получение субсидий из бюджета и собственная денежная эмиссия.

Но Ельцину было еще сложнее, демократы из Межрегиональной депутатской группы уже объяснили ему все громадье неразрешимых задач, которые все же придется решать! А несостоятельный и пока еще формально полномочный Союз висит гирей на его ногах.

Предстоит серьезный поединок или компромисс с Горбачевым, с региональными баронами и союзными депутатами. Но и свои, российские, будут мешать сделкам и переговорам. Тогда председатель ВС РСФСР Руслан Хасбулатов, поблагодарив, отправляет их в отпуск.

Но тут собирается общесоюзный Съезд! Его депутаты еще не понимают своего шаткого положения, они искренне озабочены судьбой своего большого Отечества.

Съезду предшествовала подготовка, формировалась повестка, готовились проекты законов и постановлений... Но за кулисами съезда руководители республик готовят свою повестку. Съезд открывается их совместным заявлением, которое вынуждает депутатов отказаться от всех своих планов.

На трибуну по поручению Горбачева выходит президент Казахской ССР Нурсултан Назарбаев: «В результате государственного переворота, совершенного 19-21 августа сего года, был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, что поставило страну на грань катастрофы».

Он объявляет, что президент СССР, президенты и председатели Верховных Советов республик согласились:

- подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить формы своего участия в Союзе;

- заключить соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны с учетом суверенитета республик.

Депутатов ставят перед фактом: теперь все вопросы отношений между субъектами СССР в процессе его трансформации в Союз суверенных государств будут решаться их первыми лицами, а СССР будет распущен.

Протестуют лишь несколько коммунистов, это Рой Медведев и наш депутат от Питера А. Щелканов, который говорит: «Послушно нарушив требования Конституции и регламента, практически не открывая съезда, мы превратили его то ли в конференцию, то ли в симпозиум по обсуждению ультимативно врученного высшему органу народовластия заявления!»

Дальше – больше, депутатам предлагают отказаться от регулярных съездов, оставив только чрезвычайные. Они не соглашались, но их выступления ничего не меняют. Депутат от Чечено-Ингушской автономии Сажы Умалатова, коммунистка и ярая сторонница сохранения Союза, характеризовала состояние депутатов как «толпу испуганных людей». Многие союзные депутаты действительно боялись. В отличие от российских, среди которых было немало демократов, во время путча члены Верховного Совета попрятались, а многие поддержали путчистов в своих регионах. Теперь депутатам хочется встроиться в ряды победителей и найти оправдание своему соглашательству.

«Многое на этом съезде было сделано недемократически, – говорит депу-

тат В. Самарин. – Нас поставили на колени. Но в этой ситуации надо думать не только о собственном достоинстве. А о достоинстве страны». Добивает коллег депутат И. Заславский: «Неправильно говорить, что Съезд поставили на колени. Он с них никогда не вставал. Если решение не будет принято вопреки воле республик, вопреки воле народа, который хочет, чтобы оно было принято, то совершенно очевидно, что его примут без нас. Устал не караул, устал народ!» Депутаты, прослышав о том, что республиканские Верховные Советы будут набирать по двадцать новых депутатов ССГ из их числа, смолкают.

Те времена, когда вся страна, прильнув к телеэкранам, следила за выступлениями депутатов, прошли. Народ действительно устал. Но не от «говорильни», как он уже окрестил съездовские дебаты, а от задержек зарплат и пустых прилавков.

«Российская газета» пишет: *«Когда завершилось вечернее заседание, депутатов встретили, начиная у самого выхода из Спасских ворот, тысячи и тысячи людей. Они выстроились в живую цепочку вдоль всего пути к гостиницам «Москва» и «Россия» так же, как стояли у баррикад возле Белого дома в те трагические августовские дни. И не случайно: мы узнали среди собравшихся многих из тех, чьи фотографии обошли все издания мира.*

Настоящие, проверенные в суровом деле защитники демократии скандировали:

– Са-мо-рос-пуск! Са-мо-ропуск!

Порядок поддерживался идеальный и без участия милиции. Никого не оскорбляли. Никому не угрожали. Но и лозунги этой импровизированной демонстрации не оставляли никаких иллюзий насчет отношения людей к КПСС, депутатам от этой партии, к Верховному Совету СССР и «союзникам». Честно говоря, хотелось бы, чтобы депутаты прислушались к голосу людей».

Последний Съезд народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик закончился принятием «Декларации прав человека» и рамочного «Закона об органах власти в переходный период», но практического значения эти документы уже не имеют, оставшись лишь на бумаге...

Передав свои полномочия вошедшим в Верховный Совет и Госсовет главам республик, «высший союзный орган народовластия» практически самоликвидировался – все дальнейшее шло уже без него.

У Ельцина в тот момент было две возможности: встать рядом с нерешительным и нелюбимым Михаилом Сергеевичем и попытаться удержать разбегающиеся провинции, или вести доставшуюся ему метрополию своим путем. На принятие решения влиял Григорий Явлинский, считавший, что у нового Союза (ССГ) еще есть шансы, но Геннадий Бурбулис и Юрий Афанасьев убеждали своего президента в том, что неизбежные события надо опережать.

Действительно, плавучая тюрьма разваливалась, те, кто не хотел идти ко дну, уже спешили отплыть подальше, чтобы уйти от водоворота.

В стремительно погружавшейся, опустевшей рубке оставался один Горбачев. Борис Ельцин еще колебался и говорил, что Россия останется в обновленном Союзе, но только если не уйдет Украина.

Но этот процесс уже шел. 24 августа 1991 года Верховная Рада провозгласила Акт о независимости Украины. В нем отмечалось:

«Исходя из смертельной опасности, нависшей было над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года, продолжая тысячелетние традиции создания государства на Украине, исходя из права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международно-правовыми документами, осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины, Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает независимость Украины».

Далее речь шла о неприкосновенности и неделимости ее территории. В ответ Горбачев с экрана телевидения сделал грозное заявление о недопустимости Акта, о том, что он не будет признан, а Украина одна не выживет. Действительно, ни Европа, ни США не торопились с признанием, опасность развала Союза и раздела тяжелого ядерного вооружения между Россией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном, нарушение привычного баланса сил вызывали там серьезную тревогу.

Появляется заявление пресс-секретаря Ельцина:

«В последние дни в ряде союзных республик провозглашена государственная независимость, заявлено о выходе из Союза ССР. Возможны и другие решения, существенно меняющие баланс отношений в рамках единой Федерации. В связи с этим уполномочен Президент РСФСР сделать следующее заявление. Российская Федерация не ставит под сомнение конституционное право каждого государства и народа на самоопределение. Однако существует проблема границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений. В случае их прекращения РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ».

Понятно, что таким образом Горбачев и Ельцин пытаются тормозить выход Украины. Но это уже не помогает, а скорее наоборот.

Остановить развал Союза (а то, что без Украины он рухнет, заметил еще Киссинджер) не удастся даже Дж. Бушу-старшему. Приехав в Киев и выступая там перед депутатами, президент США предостерегает: «Первая система правления в Америке – Континентальный конгресс – потерпела неудачу из-за того, что Штаты были слишком подозрительно настроены по отношению друг к другу». Он говорит: «Свобода – это не то же самое, что независимость. Американцы не будут поддерживать тех, кто стремится к независимости для того, чтобы сменить тиранию, навязываемую издалека, местным деспотизмом. Они не будут по-

могать тем, кто поощряет самоубийственный национализм...». Наконец, он ясно дает понять: «Мы будем поддерживать как можно более прочные отношения с советским правительством Президента Горбачева».

И Горбачев, и Ельцин не хотят терять Украину и надеются на то, что объявленный там республиканский референдум даст неоднозначный ответ. По словам Г. Старовойтовой, которая была тогда советником Ельцина по национальным вопросам, Борис Николаевич вызвал ее и спросил, каков будет результат? А когда она сказала, что за независимость проголосуют 60-70%, замахал руками и не поверил: «Как? Мы же всегда были вместе? Ведь там 30% русских, и в Крыму, и по левому берегу Днепра! Не может быть!»

Галина Васильевна действительно ошиблась: «ЗА» независимость (при явке 84%) проголосовало 90% жителей республики!

Крым дал лишь 54%, и то лишь при обещании восстановить статус автономии (что было выполнено, но уже как части независимой Украины). Донецкая и Луганская области – 83% (здесь, чтобы обеспечить результат, Киев обещал донцам и лужанам сохранение русского языка, культурную автономию. Не сдержав обещания, заложил там мину замедленного действия).

Подспудный протест против «москалей и коммуняк» был общим фоном в настроениях коренных украинцев. И даже сами жители России с улыбкой рассказывали анекдоты:

– Диду, диду, москали в космос улетели! – Уси?

А были и покруче:

– Диду, диду! Ты зачем нашу клумбу маслом поливаешь, цветочки ж завянут? – Нехай завянут, зато пулемет не заржавеет.

В советских лагерях для политзаключенных украинские демократы и националисты занимали второе по численности место. Основания для этого были, они коренились в далеком прошлом.

Когда украинская шляхта и казачество присягнули Московскому государю, царь Алексей Михайлович утвердил: «И по нашему царского величества жалованью нашим царского величества отчины Малые России жителем шляхте, быти под нашею царского величества высокою рукою, по своим прежним правам и привилиям, в водностях шляхетцких свободно безо всякие неволи».

Но Екатерина II отменила их и повсеместно ввела крепостное право. Мыслящая часть украинского народа это помнила, как не забыла она коллективизации, голодомора и террора. Ну, а если кто забыл, напомнить было нетрудно, тем более, что у галицийских, львовских «западенцев» советская оккупация 1939-го года и советизация 1945-го года были в памяти свежи.

Еще в далеком 1858 году после освобождения из солдатчины певец казацких вольностей Тарас Шевченко в письме друзьям приводит слова из украинской песни: «Не погиб в неволе, не погибну на воле!». Наверное, так думали и те, кто на вопрос: «Подтверждаете ли Вы акт провозглашения независимости

Украины?» ответили «Да!» Противоречило ли это предыдущему голосованию, когда за обновленный Союз проголосовало 70%? Нет, в тот референдум уже тогда украинцы включили второй вопрос о своем суверенитете. И уже тогда стало ясно, в союзы вступать этот народ готов, но сначала – НЕЗАЛЕЖНОСТЬ! И когда после беспомощного путча оказалось, что за Волю им ничего не будет, все окончательно встало на свои места.

Еще 9 апреля вышла из Союза Грузия, Азербайджан и Татарстан объявили о суверенитете в августе, Белоруссия в сентябре. 30 октября разогнавший пропутчистские Советы Джохар Дудаев провозгласил независимость Чечни. Казахстан тоже готовится объявить о своей независимости.

Так в союзе с кем было оставаться России, с туркменами и таджиками? Они были не против, но у России не было средств оставаться их донором.

Через пару недель Ельцин, поразмыслив, решает созвать трех лидеров славянских государств для того, чтобы найти форму союзничества. Старовойтова предлагала позвать и Казахстан, ведь русских, белорусов и украинцев там было больше, чем коренного населения. Но президент резко отверг эту идею.

Галина Васильевна считала, что Ельцин был тогда под сильным впечатлением от статьи «Как нам обустроить Россию?», где А. Солженицын писал: «Итак, объявить о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик надо безотлагательно и твердо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о НАШЕМ отделении от них – мы, оставшиеся. Это уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить».

Он призывал признать не только независимость прибалтийских и закавказских республик, но распрявиться от «давящего груза среднеазиатского подбрюшья России» и создать тройственный Российский союз.

8 декабря в Белоруссии Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кучма и председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич сделали это, подписав Договор о создании Союза независимых государств (СНГ) и прекращении существования СССР.

Позже подписанты говорили о том, что к решению они пришли чуть ли не экспромтом, в процессе обсуждения на запланированной и нетайной встрече.

Геннадий Бурбулис позже вспоминал: «Первая задача в Беловежье была, понять, в каком формате возможно сохранить страну. И возможно ли вообще. Здесь действительно самым настойчивым, самым упорным в отрицании Союза был Кравчук. Убедить его в необходимости даже минимальной интеграции было очень сложно. Хотя он и разумный человек, но он себя чувствовал связанным результатами референдума. И Кравчук в сотый раз объяснял нам, что для Украины нет проблемы союзного договора, его просто нет, и никакая интеграция невозможна. Это исключено: любой союз, обновленный, с центром, без центра.

Мы ему в ответ говорили: а как же хозяйственные связи, а как технологические цепочки, как ядерное оружие, как жизненное обеспечение, как рубль? Как в принципе управлять даже той территорией, которую вы сегодня объявили суверенным государством?

Мы говорили: давайте думать. У вас идеи есть? У нас пока нет. И поскольку не только размышления, но и какие-то серьезные наработки на этот случай у нас уже были, то так получилось, что именно я начал работать с каждым президентом в отдельности – тема была непростая и деликатная. Подчеркну: наша делегация не собиралась реализовывать эти наработки. Мы ехали решать совершенно другие задачи: определиться по практическим вопросам сотрудничества с Украиной. Но в итоге, отнюдь не по нашей инициативе, разговор повернулся в эту сторону.

Поняв позицию Кравчука, мы остановились на том, что никаких даже попыток возвращаться к идее Союза, обновленного, уточненного и т. д., предпринимать нельзя. Кравчук даже попросил запретить это слово. То есть оно должно было быть вычеркнуто из лексики, из сознания, из переживаний. Раз Союза нет, значит, и союзного договора нет. Начали думать, как в этой ситуации двигаться к какому-то результату...

Еще один нюанс. На самом деле в Минске должны были встретиться четыре делегации. Должен был прилететь еще Назарбаев.

Более того, вот эти сутки, в течение которых мы искали хоть какую-то возможность сохранения Украины в общем пространстве, почти через каждые два часа была связь с Назарбаевым, с его помощником, а они выражались так: «Дозаправляемся», «Через два часа вылетаем», «Дозаправляемся». Но мы знали, что он в это время у Михаила Сергеевича в Москве. Ну, первые часы мы в принципе еще доверяли, ждали его, а потом сообразили, что в этом есть свой резон. Для нас, когда мы поняли, что никакого нового Союза не будет, открылась прекрасная историко-правовая возможность. Страны, образовавшие в 1922 году Союз, в 1991 году имели все права с точки зрения международной правовой культуры сделать некоторые исторические выводы и юридически оформить сложившийся фактически статус-кво. Поэтому в преамбуле соглашения это буквально все так и записано, что три республики, которые образовали в 1922 году Союз Советских Социалистических Республик, констатируют, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». (На самом деле спохватились и решили все-таки позвать Назарбаева, только в Минске. Обидевшись, он уклонился от встречи и присоединился к соглашению позже.)

По сути СНГ мало чем отличался от ССГ Горбачева, ведь там последний пункт тоже гласил, что СССР прекращает свое существование. Но теперь инициатива, а вместе с ней и вся полнота власти, перешла к Ельцину.

Крым был передан Украине в 1954 году потому, что его обезлюдившие после

изгнания татар земли зарастали бурьяном. Расчет принимавшего решение Верховного союзного Совета был на то, что загложшим сельским хозяйством займутся украинцы. Судьба полуострова была внутренним делом империи, распад которой не мог присниться Хрущеву и в страшном сне.

Теперь юрисдикция полуострова становилось уже не формальностью, а проблемой для живущих там россиян и Черноморского флота. Но вопрос о принадлежности Крыма, о его «отложенном статусе» (идея Г. Старовойтовой) хоть и подымался, но был отставлен в сторону. По словам Г. Бурбулиса, Ельцин спросил Кравчука: «Леонид Макарович, как насчет Крыма и Севастополя?» Тот вежливо, но твердо ответил: «Борис Николаевич, я не готов и не намерен это обсуждать. Мы исходим из классических норм международного права и ранее подписанных нашими республиками документов. Что касается Черноморского флота, то это, конечно, можно и нужно обсуждать». Украина уже объявила своей собственностью все, что находилось на ее территории, и куда важнее был отказ соседей от статуса ядерной державы. Результатом, который, возможно, спас человечество от ядерной войны, было соглашение по стратегическим ядерным силам. В нем было установлено, что к 1 июля 1992 года Украина, Белоруссия и Казахстан обеспечат вывоз всего имевшегося у них ядерного оружия на российскую территорию. В истории человечества это было второй (после ЮАР) добровольный отказ от владения ядерным оружием. За этот безъядерный статус Россия, США и Европа дали потом гарантии о неприкосновенности украинских границ.

О том, что происходит в Беловежье, Горбачеву гэбисты донесли в тот же день. Говорят, что резиденция в Вискулях была ими обложена и они были готовы арестовать всех. Но приказ из Москвы не поступил.

А мы, народ, узнали о кончине Союза в воскресенье по радио и меня это не огорчило. К пониманию этой необходимости я пришел давно. Еще в «Демсоюзе» у нас был лозунг «Свободу народам империи!», а спорили мы лишь о «дезинтеграции» или «демонтаже»...

Горбачев, узнав, что произошло, грозился организовать еще один референдум, но в перекроенном после съезда Верховном Совете Союза мнения палат разделились. Совет Союза счел беловежские соглашения незаконными, а Совет Республик поддержал, считая, что «соглашение о создании СНГ является реальной гарантией выхода из острейшего политического и экономического кризиса».

Было ли все происходившее законно? Оценивать это можно, лишь сверяясь с действовавшим тогда законодательством. Формальные нарушения были, и первыми их допустили те, кто заявил о своей независимости и не стал участвовать в референдуме о сохранении Союза – Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия и Эстония. Но к революционному процессу изменения правового пространства остальных подтолкнули путчисты. И вот в этом они преуспели, добившись лишь того, что Союза, который должен был распуститься по планам Горбачева в конце года, не стало уже в августе!

Что не помешает всем кому не лень клеймить за «развал» Бориса Ельцина. Теперь патриоты империи не хотят вспоминать, что 12 декабря Договор со всеми его пунктами (в том числе и словами о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование») был утвержден Верховным Советом России («за» 76%). Закон обязывал проголосовать по этому вопросу еще и съезд, там голосов не хватит, но реанимировать советскую империю было так же невозможно, как и восстановить царскую империю после февральской революции.

Фантомные боли

Несмотря на то, что Советского Союза фактически уже нет, его фантомные боли еще бродят по Кремлю. 13 ноября 1991-го года председатель Госбанка СССР шлет письмо М. Горбачеву:

«Об эмиссии денег в 1991 году.

В условиях спада общественного производства, растущих дефицитов бюджета республик и центра, 1991 год характеризуется неуправляемым ростом денежным доходов населения при снижении физического объема розничного товарооборота.

Эмиссия наличных денег за 10 месяцев т. г. составила 82,6 млрд рублей, что более чем в четыре раза превышает показатели соответствующего периода прошлого года...

При снижении объемов производства расходы на оплату труда ежемесячно возрастают: в июле 1991 г. они были выше, чем в июле 1990 г. на 74,3 процента, в августе соответственно – на 83,5 процента, в сентябре 1991 г. – в два раза и в октябре – в 2,1 раза.

Установленный Верховным Советом СССР режим расходования в 1991 году средств на оплату труда в зависимости от роста объема продукции (работ, услуг) не соблюдается также в связи с тем, что ряд республик объявил его не действующим на своей территории, а бывший Кабинет Министров СССР и его органы санкционировали многочисленные исключения из него. Средства на оплату труда выдаются практически независимо от конечных результатов производства. Несмотря на значительный рост розничных цен, после проведения со 2 апреля 1991 г. реформы цен, расходы населения на покупку товаров и оплату услуг увеличиваются медленнее, чем доходы: во 2 квартале 1991 г. их темп отставал от роста доходов на 13 пунктов, в 3 квартале 1991 г. на 22 пункта, а в октябре уже на 34,5 пункта.

Физический объем розничного товарооборота в январе – сентябре 1991 г. сократился против соответствующего периода 1990 г. на 12 процентов, розничные цены на товары повысились в 1,7 раза. Потребительский рынок характеризуется дефицитностью практически по всем видам товаров, растет неудовлетворенный спрос на товары и услуги, усиливается спекуляция.

На руках у населения и в организованных формах сбережений за январь-октябрь 1991 г. дополнительно накопилась 159,3 млрд рублей, что на 109,4 млрд рублей больше, чем за 10 месяцев 1990 г. Прирост остатка наличных денег у населения за январь-октябрь 1991 г. составил 81,5 млрд рублей

(против 20,3 млрд рублей за соответствующий период 1990 г.). Таким образом, разрыв между денежными доходами и расходами населения увеличивается с каждым месяцем. На руках у населения и в организованных формах сбережений оседает около 18 процентов от суммы денежных доходов против 11-12 процентов в 1989, 1990 годах.

Значительно ухудшилось соотношение между денежными доходами и расходами населения на территории РСФСР, республики Украина, Казахской ССР, Узбекской ССР. Так, в РСФСР банкнотная эмиссия за 10 месяцев 1991 г. составила 53,3 млрд рублей и возросла по сравнению с соответствующим периодом 1990 г. на 40,5 млрд рублей.

Увеличение потребности в эмиссии наличных денег после изменения цен и выплат компенсации при скудном предложении товаров и услуг привело к тому, что в последние месяцы возник недостаток банкнот и в ряде регионов страны не обеспечивалась своевременная выдача денег из касс банков для выплаты заработной платы и осуществления других неотложных платежей... Несвоевременная выплата заработной платы создает реальную угрозу забастовок во многих регионах страны.

Госбанк СССР, стремясь предотвратить нежелательные явления, связанные с недостатком денежных знаков, принял меры к максимальному ограничению выдачи наличных денег на все цели, кроме текущей заработной платы, компенсаций, пенсий, для расчетов за сельскохозяйственную продукцию. Кроме того, в октябре 1991 г. в обращение выпущены 200-рублевые банкноты, а в конце декабря в оборот должны начать поступать купюры достоинством 500 рублей.

Количество наличных денег в обращении к концу 1991 года может достигнуть 270 млрд рублей, прирост за год составит 110-140 млрд рублей.

Необходимо отметить, что кредитная эмиссия в 1991 году также возрастала, но меньшими темпами, чем выпуск в обращение наличных денег.

Более половины денежной массы, находящейся в обороте, направлено на покрытие внутреннего государственного долга и расходов бюджетного характера. Государственный внутренний долг банкам составил на 1 октября т. г. 843,7 млрд рублей и увеличился против 1 января т. г. на 325,1 млрд рублей или 62,7 процента.

Рост указанной задолженности произошел за счет отнесения на государственный долг начисленной компенсации по сбережениям населения, а также списания задолженности по кредитам и разницам в ценах в соответствии с постановлениями и распоряжениями союзного и республиканских правительств. За период с начала текущего года всего списано такой задолженности 89 млрд рублей, в том числе республиками – 81 млрд рублей. Кроме того, с согласия Президента СССР в текущем году предоставлен краткосрочный кредит Министерству Финансов СССР на покрытие дефицита союзного бюд-

жета в сумме 33 млрд рублей, для финансирования капитальных вложений из общесоюзного внебюджетного Фонда стабилизации экономики – 22,2 млрд рублей и в Фонд социальной поддержки населения – 8 млрд рублей.

Кредитные ресурсы продолжают отвлекаться на покрытие невозмещенной задолженности бюджета по разницам в ценах на сельскохозяйственную продукцию. На 1 октября т. г. задолженность по разницам в ценам составила 75,9 млрд рублей и увеличилась за 9 месяцев на 14,3 млрд рублей.

В условиях значительного отвлечения кредитных ресурсов на финансирование бюджетных расходов и затрат бюджетного характера, только третья часть денежной массы используется на предоставление кредитов предприятиям, организациям и населению...

Как отмечалось выше, одной из основных причин ухудшения состояния денежного обращения в 1991 году являются растущие дефициты бюджетов республик и центра, которые оцениваются в совокупности за 1991 год в размере около 300 млрд рублей.

Республики как бы соревнуются в размерах дефицитов своих бюджетов, предъявляя повышенные требования на наличные деньги.

Усилия Госбанка СССР по регулированию массы денег в обращении не дают необходимых результатов, так как банковская система фактически разобщена, национальные банки республик в ряде случаев не выполняют рекомендаций Госбанка СССР и проводят свою политику, противоречащую интересам стабильности общей денежной единицы.

По мнению Госбанка СССР, укрепление денежного обращения в республиках, использующих общую денежную единицу – рубль, возможно только при сохранении в стране единой денежно-кредитной системы и координированного управления кредитом и деньгами.

Председатель Госбанка СССР В. В. Геращенко»

Но что может сделать президент государства, которого уже нет? Сателлиты уже пошли своим путем, они еще печатают рубли, чтобы напоследок урвать с метрополии хоть клочок, но о единой денежной системе нет и речи. Горбачев еще в Кремле, он еще надеется на какое-то участие в ходе событий, но московские острословы уже шутят: «Кто поддерживает Горбачева? Нет, он уходит сам». В начале декабря 11 республик бывшего СССР подписали Алма-Атинскую декларацию, которая завершила ликвидацию Советского Союза и образовала на его месте Содружество Независимых Государств. Михаилу Сергеевичу места там не нашлось. Судьба его отчасти напоминает историю раздавшего свои владения короля Лира.

Со словами поддержки и уважения в Кремль еще звонят лидеры «большой семерки» (более всего их интересует, кому достанутся 10 тысяч ядерных боеголовок и 2 с лишним тысячи ракет, расположенных по всей территории Сою-

за). Из числа демократов его навестила тогда лишь Галина Старовойтова. Она спрашивает его, почему все последние годы вы сторонились нас, демократов из МДГ, ведь все могло быть иначе? Но старый аппаратчик, вся жизнь которого прошла в номенклатурных интригах, не может даже понять вопроса. И в ответ она слышит: если бы вы знали, какого труда мне стоило дважды сменить состав Политбюро!

25 декабря Михаил Сергеевич идет на телевидение и прощается с народом. Выступая, он справедливо говорит о том, что, несмотря на все ошибки, в период его руководства ликвидирована монополия политической власти, двинулось вперед рабочее самоуправление, появилось фермерство, восстановлены права репрессированных, республики получили возможность выбора в самоопределении, снята угроза мировой войны, стала реальностью свобода печати и верований...

Конечно, далеко не все, что произошло, было его личной заслугой. Вряд ли он предполагал, что дело пойдет так далеко. Да, слабый и лукавый, он не справился со своим окружением, а кровь Тбилиси, Сумгаита, Баку и Вильнюса есть и на его руках. Но будь на его месте Лигачев, Крючков или Рубикс, наша свобода стоила бы значительно больших жертв.

Горбачев ушел с политической арены, но Борис Ельцин, хоть и оставил ему пенсию и охрану, не преминул сделать этот уход унижительным для поверженного соперника, который когда-то грозился «не пустить его в политику».

Горбачев вспоминает: *«На утро 27 декабря 1991 года было назначено мое интервью японским журналистам. Я решил последний раз провести его в кремлевском кабинете. Они уже ждали. При подъезде к Кремлю мне по телефону в автомобиль сообщили: “В вашем кабинете с утра сидят Ельцин, Полторанин, Бурбулис, Хасбулатов. Распили бутылку. Гуляют” ...Ельцину не терпелось оказаться в президентском кабинете, который посвященные в кремлевские дела называли “высотой”. Не дождавшись трех дней до 30 декабря, он взял “высоту” досрочно».*

А знак повышенной опасности, красный флаг, в этот день был спущен над Кремлем. Его место занял флаг России.

10 дней до обвала!

После V съезда Б. Ельцин на один год получает от депутатов еще и пост главы правительства. И лишь через пять дней после того, как депутаты одобрили курс президента, он назначает Егора Гайдара своим заместителем (вице-премьером), а затем министром экономики и финансов.

Позже Б. Ельцин объяснит это так: *«Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Нет, это была совершенно другая уверенность. Сразу было видно, что Гайдар очень независимый человек, с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании принципов, потому что это его собственные принципы, его мысли, выношенные и выстраданные.*

Было видно, что он не будет юлить. Это для меня было неоценимо.

Гайдар умел говорить просто. И это тоже сыграло огромную роль. Он не упрощал свою концепцию, а говорил просто о сложном. Все экономисты к этому стремятся, но у Гайдара получалось наиболее убедительно. Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти. И, наконец, два последних решающих фактора, – научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать. Оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились – надо идти».

Возглавив правительство в самый трудный момент и. о. премьер-министра понимал, что окажется не только под злорадным огнем критики тех, кто и довел свою страну до ручки. Быстрых, легких и приятных перемен будут ждать от него и рядовые обыватели, и депутаты. Старая пословица говорит: «Чужую беду – руками разведу». Те, кто получил мандат народного доверия, естественно, проблемы страны чужими для себя не считают. Наоборот, они – со всем своим опытом, знаниями и горячим желанием – пришли спасать Отечество!

Но вот беда, специалист, как говорил Козьма Прутков, «подобен флюсу», большинство профессионалов хорошо знали свою научную тему, свою специальность, в лучшем случае, свою отрасль планового хозяйства. Чтобы разобраться в хитросплетениях причин и следствий нарастающих проблем, у них нет и не может быть необходимых знаний. Зато есть враждебный рефлекс на слова «рынок», «капитал», «прибыль» и «банковский процент». Ведь в учебниках и

лекциях, которые они когда-то слушали, «буржуазной» экономике отводилось лишь несколько ругательных строк.

А что же ученые мужи? Те, кто носят звания академиков, может быть, они понимают ситуацию лучше? Типична реакция академика Петракова: «Прежде чем отпускать цены, надо было накопить товаров!» Не знает, не может представить себе бедный теоретик того, что не то чтобы «накопить», а просто накормить завтра будет нечем... Но незнание не мешает ему выступать, как и академику Арбатову, с критикой правительства. Явлинский утверждал, что вместо освобождения цен нужно было объявить малую приватизацию за деньги – «приватизировать грузовики, небольшие земельные участки, квартиры, магазины, и постепенно, постепенно двигаться к более крупной приватизации».

Была еще идея, пообещав высокий процент, выпустить государственные облигации и таким образом вернуть в казну денежный навес. А потом уже отпускать цены. Но миллиарды не обеспеченных товарами рублей в сберкассах и людских карманах впечатляли лишь в сумме, поделенные на все население, они не могли обеспечить ему даже самую малую приватизацию. А очередные облигации разуверившийся народ стал бы покупать разве что под угрозой расстрела. К этой идее еще вернутся после того, как Е. Гайдар запустит процессы приватизации. Когда у собственников и банкиров появятся реальные деньги, те, кто придет в правительство после Гайдара, пойдут по этому скользкому пути. Но в тот момент, даже если выманить или отнять у людей все их деньги, это не спасет страну от голодных бунтов. Теоретики не представляли себе всей полноты наступающей беды.

Так может было посвятить их в реальную ситуацию? Но кто гарантирует, что информация о катастрофе не станет завтра достоянием прессы и не ввергнет общество в панику и окончательный хаос?

Егор Гайдар: *«Декабрьская Москва 1991 года – одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов. На безлюдном Тишинском рынке долларовые цены. Всеобщее ожидание катастрофы. Когда, даже сегодня еще, меня продолжают обвинять в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, в жестких мерах, приведших к обесцениванию и без того «пустых» вкладов в сберкассах, на память мне всякий раз приходит эта страшная картина зимней Москвы. И я убежден, что делом самой высокой нравственности в этот момент было спасение людей от голода и холода».*

Когда-то американский коммунист и журналист Джон Рид назвал свой репортаж о ходе большевистского переворота «10 дней, которые потрясли мир». Говоря о причинах и обстоятельствах путча, он писал и о нехватке хлеба. Через 74 года ситуация повторяется: чтобы остановить разруху и предотвратить бунт,

который, с учетом ядерного потенциала, действительно может потрясти весь мир, остается 10 дней!

Еще в начале года председатель правительства СССР В. Павлов получает записку из «Агропрома» с заголовком **«О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства – концентрированными кормами»**: «В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства – концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуется около 8 млн тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с. г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта. Уже сегодня крайне тревожное положение с обеспеченностью мукой. При необходимых нормативных ее запасах в 30 дней в Азербайджанской ССР и Армянской ССР они составляют 6 дней, Грузинской ССР – 7, Таджикской ССР – 8, ССР Молдова и Киргизской ССР – 9 дней.

Менее чем на 10 суток запасы муки в г. Москве, Ивановской, Тульской, Нижегородской, Тюменской, Свердловской, Читинской, Камчатской и некоторых других областях.

Не решают хлебную проблему поступления зерна по импорту. В январе-марте с. г. завезено импортного зерна только 3,7 млн тонн при намечавшихся поставках 12,4 млн тонн. Неоднократные поручения руководства страны по усилению отгрузки товарного зерна из Казахской ССР, а также ускорению поставок его по импорту ощутимого влияния на изменение ситуации не оказали».

В конце года телеграммы со всех концов республики идут уже к Ельцину, Хасбулатову и Гайдару.

И так везде.

Е. Гайдар: *«Последний год своего правления коммунисты закончили тем самым, с чего начали 74 года назад, – реквизицией валютных счетов предприятий, организаций и граждан, хранившихся во Внешэкономбанке.*

В общем, нет ни хлеба, ни золота. И нет возможности платить по кредитам. А новых ждать неоткуда. Потрясающим сюрпризом для меня это не явилось, и все же до прихода в правительство оставались какие-то иллюзии, надежды, что, может, дела чуть лучше, чем кажется, что есть тайные, подкожные резервы. Но нет, ничего нет!

Знаете, как бывает, когда видишь кошмарный сон? Конечно, страшно, но где-то в подсознании теплится надежда: ничего, стоит сделать усилие, проснуться, и ужасы исчезнут... А здесь делаешь это чертово усилие, открываешь глаза, а кошмар – вот он, рядом».

Повсеместная, обвальная нехватка основных видов продовольствия, кроме привычной нерентабельности колхозов, кроме того, что до половины продовольствия сгнивало при хранении, имела ряд причин. В первую очередь неразбериха с госзакупками и правовым положением сельхозпроизводителей, в результате которой они уже не хотели сдавать зерно на заготовительные пункты. На конец года в закромах родины, как сообщал об этом министр сельского хозяйства Кулик, для весеннего ярового сева нашлось только 130 тыс. тонн зерна. Это при том, что в предыдущий 1990-й год урожай был рекордным: в целом по Союзу было собрано 190 млн тонн, его должно было бы хватить и на посевную, но не дошло оно до госрезерва, осталось в областях и республиках, где выжидали, что же будет дальше с ценами.

Решающим фактором были прекратившиеся закупки хлеба из-за рубежа. К концу 80-х они составляли до 46 млн тонн, каждое третье, а по словам журналиста и депутата Ю. Черниченко, каждое второе хлебобулочное изделие делалось из канадского и американского зерна. Не лучше было положение и с аргентинским мясом. В конце 80-х Союз экспортировал товары, в основном нефть, на 33 млрд долларов, а покупал (в основном продукты питания) на 41 млрд долл. (по курсу на 2000 г.). Разница в доходах и расходах покрывалась займами у тех же «буржуев». Долги росли, и на их покрытие пошел золотой запас, но и он катастрофически таял.

К началу 90-х картина такая:

«Состояние расчетов СССР в свободно конвертируемой валюте за 9 месяцев 1991 года складывалось следующим образом. Поступление свободно конвертируемой валюты от текущего экспорта составило 26,3 млрд долларов США. Из них в централизованный фонд для погашения внешнего долга и оплаты центрального импорта поступило 15,9 млрд долларов США, в валютные фонды экспортеров – 10,4 млрд долларов США. В то же время платежи из централизованных валютных фондов составили 26 млрд долларов США. При этом ситуация дополнительно осложняется оттоком депозитов и краткосрочных финансовых кредитов, которые с начала года составили на базе нетто 4,1 млрд долларов США.

Таким образом, недостаток поступлений от экспорта для осуществления платежей по централизованным фондам составил 10,6 млрд долларов США. В этой связи, на основании принимавшихся в течение года решений руководства страны, данный недостаток покрывался за счет проведения операций «своп» с золотом (т. е. займов под залог золота) и его реализации – 3,4 млрд долларов США, привлечения новых финансовых кредитов – 1,7 млрд долларов США и использования со счетов Внешэкономбанка СССР средств валютных фондов предприятий, организаций, республик и местных органов власти – 5,5 млрд долларов США.

В связи с крайним обострением платежной ситуации страна в течение

года неоднократно оказывалась на грани неплатежеспособности ввиду недостатка ликвидных ресурсов в свободно конвертируемой валюте, о чем неоднократно докладывалось руководству страны.

И в конце октября 1991 года ликвидные валютные ресурсы были полностью исчерпаны, в связи с чем Внешэкономбанк СССР был вынужден приостановить все платежи за границу, за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга, о чем было доложено Комитету по оперативному управлению народным хозяйством СССР.

Недостаток поступлений от текущего экспорта для платежей за границу только за имеющиеся на 1 декабря 1991 года обязательства (даже без учета минимальной потребности в свободно конвертируемой валюте для оплаты импорта, включая перевозки) может составить более 3,5 млрд долларов США, в том числе в ноябре – 1,3 млрд долларов США. К концу второй декады ноября ликвидных валютных ресурсов ожидается недостаточно даже для выполнения безусловных обязательств государства и страна может быть объявлена неплатежеспособной.

Заместитель председателя правления Внешэкономбанка СССР Ю. В. Полетаев»

(Несмотря на тяготы мировой войны царское правительство к февралю 1917 года имело и оставило Временному правительству 1 300 тонн золота. Благодаря каторжному труду советских заключенных к 1951 г. запас вырос до 2 500 тонн. После Н. С. Хрущева осталось 1 600 тонн, после Л. И. Брежнева – 437 тонн. А к концу 91-го года, судя по данным председателя правления Государственного Банка СССР В. В. Геращенко, официальные золотые резервы страны составили 240 тонн. Это в двадцать раз меньше, чем золотой резерв США, в десять раз меньше монетарных резервов Франции и Швейцарии, в пять раз меньше, чем у Нидерландов, в четыре раза меньше, чем у маленькой Бельгии.)

Как поступить российскому правительству? Просить Запад о новом кредите и, закупив продовольствие, проесть еще сотню миллионов долларов? Но возможности такой уже нет. Кредиторы после первых же сбоев по выплатам свои кошельки захлопнули. Еще в начале 91-го года, когда советник М. Горбачева Григорий Явлинский попытался убедить министра финансов США в том, что «большая сделка» (так называли его идею обмена миллиардов на союзные реформы) надежна, он услышал: «Вы не можете компенсировать деньгами отсутствие у вас основ новой системы. Мы не намерены помогать вам оживить то, что загнивает». Еще до путча Силаев и Явлинский обращались за хлебными поставками СССР в Парижский клуб (неформальная организация стран-кредиторов), но там поставили условия – сдача остатков золотого запаса, огромные выплаты в следующем году, ликвидация зарубежных советских банков. Советское правительство уже было готово и на этот, по определению Е. Гайдара, финансовый «Брестский мир».

Теперь спасение России от голода было делом реформаторов. Над рыночной

системой, об отсутствии которой говорили в США, в правительстве России уже работали, но в тот момент нужны были срочные меры. Пришлось новоиспеченному министру финансов ехать в Париж и, как он сам говорил, действовать «большевистскими методами», припугнув партнеров голодом и гражданской войной в стране, где есть ядерное оружие. Добиться восстановления поставок хлеба Е. Гайдару удалось, жалкие остатки золота вместе с зарубежными банками сохранили, но поставки канадского зерна не покрывали потребностей. На самом деле хлеб в стране был; насмотревшись на художества премьера Павлова, на рост розничных цен, часть отечественного зерна, пшеницы, ржи и кукурузы, производители в ожидании более выгодной конъюнктуры госзакупок придержали.

Но что с этим делать? Кто, как и на каком основании отберет его у них? Опять продотряды и комиссары с наганами?

Ну, отобрали вы последнюю заначку, дальше что? Следующую посевную тоже под наганом проводить? Так это мы проходили... (К концу 1918 года, несмотря на ленинский «поход за хлебом с пулеметами», его поставки в города сократились почти до нуля.)

Правительству Гайдара было понятно: если не отпустить цены, весенняя посевная будет сорвана, и в 1992 году страну будет ждать полномасштабный голод.

В РФ уже есть первые фермерские кооперативные хозяйства. Есть приусадебные личные участки, те жалкие разрешенные «сотки», которые кормят колхозника. Они, как ни странно, приносят в общий котел до 30% потребляемого народом продовольствия. Там тоже найдется, чем поделиться, но для этого крестьянину нужна свобода торговли.

– А разве ее нет? Ведь есть система кооперации, она закупает продукты у частных.

– Да, но по цене, которая продиктована в Госплане и это 4 копейки за литр молока...

– А колхозные рынки, там еще недавно что-то было?

– Но большинство крестьян живет вдалеке от городов – со своей баночкой сметаны, сумкой огурцов и мешком картошки старики не поедут даже в район-центр, не говоря уже о крупных городах – дорога и поборы съедят вырученные копейки. Нужны законные посредники, тогда будет выбор между теми, кто придет и соберет по дворам ту же сметану, овощи, а, может быть, и мясо, расплатится по приемлемой цене и увезет в город.

– Но там он продаст еще дороже, он наживется! За это «спекулянтов» сажают в тюрьму.

– Так без них свободной торговли не бывает. Если земледелец и работник – кроветворные органы общественного организма, то купцы – его сердечные мышцы, только они могут энергично прокачать эту кровь до последнего капилляра, а потом вернуть ее денежный эквивалент в новый оборот.

Свобода нужна и горожанам, которым тоже есть что продать, а, значит,

и купить. Она нужна малому бизнесу и госпредприятиям, которые осваивают зарубежные связи.

Но свобода торговли означает свободные цены, иначе движения не будет. Уровень свободных цен определяется спросом, значит, все, что в дефиците, немедленно вырастет в цене. А в дефиците, как известно, все. Взлет цен неминуем.

– Тогда что же станет с накоплениями граждан?

– Они обесценятся пропорционально росту цен.

– Обидно!

– Да. И в первую очередь тем, кто по 10 лет, экономя на всем, копил на машину, тем, кто мечтал о дачке, кто, наконец, просто отложил деньги на собственные похороны – теперь их не хватит даже на венки.

Но обыватель не может и не станет исследовать причинно-следственные связи – он найдет виноватого «под фонарем»! А другого выхода у «правительства камикадзе» нет.

Или все же был?

– Например, – все вклады индексируются с учетом инфляции. Если цены выросли на 40%, то пусть и вклады подрастут так же.

– Тогда последует новый рост цен, новые индексации и гиперинфляция до небес, а точнее, до окончательного падения.

– А если отложить компенсационные выплаты до лучших времен?

– Выплачивая компенсации по чуть-чуть правительство каждый год подвергалось бы атакам депутатских фракций в парламенте, которые, желая заручиться поддержкой своих избирателей, требовали бы увеличения этих выплат. А правительство – исполнительный орган и ему пришлось бы идти навстречу этим требованиям и новому витку инфляции, которую правительство передало бы следующему поколению.

Аналогичная ситуация была тогда и в Украине. В середине 1990-х годов там посчитали и сказали, что задолженность перед вкладчиками эквивалентна 16 миллиардам долларов и за последующие десять лет выплатили гражданам около 6% от этого объема. А в 2008 году глава правительства Юлия Тимошенко сделает своим гражданам подарок, выплату компенсации на общую сумму 750 миллионов долларов, всего-то – по тысяче гривен (200 долларов) каждому вкладчику, вне зависимости от суммы потерянного вклада. Но и этого хватило, чтобы разогнать инфляцию до 22%, а к концу года и до 38%...

Теоретически был еще вариант, по которому пошла послевоенная Федеративная Республика Германии. В 1948-м году по инициативе Людвиг Эрхарда, главы экономического Управления германских территорий, которые находились под англо-американским контролем, там отменили хождение рейхсмарок и ввели новую валюту. Каждый гражданин получил по 40 новых дойчмарок, потом еще по 20 (пенсии, заработная плата, квартирные платежи сохранились по курсу 1:1). Часть имевшихся на руках денег и половина сбережений обменивались по курсу

1:10, вторая половина была заморожена с последующим обменом по курсу 1:20. Всем предприятиям выдали средства для выплаты первой заработной платы, но только один раз, дальше зарабатывайте сами.

Одновременно новая администрация отменила государственное планирование и централизованное ценообразование на большую часть товаров, предоставив немецким предприятиям полную свободу деятельности. Паритет между деньгами и товарами был таким образом восстановлен. Поскольку необходимые рыночные и политические (отсутствие коммунистов в правительстве) условия были реализованы, Западная Германия получила помощь по «плану Маршалла» и начала свое восхождение к тому, что потом назовут «немецким чудом».

Понятно, что пойти по этому, оптимальному, но столь жесткому пути российские реформаторы не могли. У нас не было кредита в размере 1,3 млрд долларов, который получила тогда Германия, не было и оккупационных войск, которые не позволили обнищавшим в одночасье немцам бунтовать.

Несмотря на предупреждение Гайдара, президент, выступая перед депутатами, проговорился о готовящемся отпуске цен. Через несколько дней Ельцину из Киева позвонил Кравчук и сказал, что они тоже намерены отпускать цены, но лучше сделать это одновременно, и они просят дать им время на подготовку. Между речью Ельцина на съезде и вступлением в силу его указа о либерализации цен прошло два месяца. За это время продуктовые прилавки опустели полностью. Если что и оставалось, то было припрятано торговцами до повышения цен.

Ставший министром экономики в правительстве Е. Гайдара Андрей Нечаев, потом с ужасом вспоминал, как на заседание правительства пришли депутаты Ленсовета. Они просили спасти город от надвигавшегося голода, запасов муки оставалось на неделю, а кормового зерна для обеспечения местных птицеферм на 2-3 дня. «У нас курыдохнут, скоро люди начнут!» – зывали они, а резервов не было, правительство уже вскрыло стратегические запасы продовольствия, которые хранились на случай войны, но и те кончались. Помочь городу удалось только потому, что глава комитета по хлебопродуктам Л. Чешинский вспомнил, что из США в Мурманск идет пароход с зерном, по рации связались с капитаном и повернули судно в Питер...

После указа цены, естественно, взлетели под небеса. Как пылесосом они вобрали в оборот, а частично и в казну, часть «деревянных» рублей. Кошельки, кубышки и счета в Сбербанке опустели. (Значительная рублевая масса осталась в бывших союзных республиках, где перешли тоже на свою валюту, там рубль стал предметом корыстных манипуляций. Значительная часть прибалтийской рублевой массы перекочевала в Чечню и Дагестан, оттуда грузовиками ее доставили в первые коммерческие банки Москвы, где столичные воротилы поменяли ее в Госбанке на валюту.)

Свободные цены открыли зерновые заначки, удалось закупить хлеб у Казахстана, пошел бартерный обмен. «Челноки» повезли одежду из-за рубежа, а кооператоры стали заключать первые продовольственные сделки с Европой. Торговать на улицу высыпала, наверное, половина населения, продукты и вещи стали появляться на рынках и в магазинах, которые получили право брать товары на комиссию. Проспекты и площади городов превратились в сплошной рынок.

До наполнения прилавков было еще очень далеко, и все же обстановка стала разряжаться.

Егор Гайдар: *«Проезжая через Лубянскую площадь, увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина “Детский мир”. Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. “Очередь, – привычно решил я. – Видимо, какой-то товар выкинули”. Каково же было мое изумление, когда узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты «Указ о свободе торговли», люди предлагали всяческий мелкий товар... Если у меня и были сомнения, выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе, то с этого дня они исчезли».*

Но Егор Тимурович, при всех его талантах, был оптимистом и недостаточно знал наш «народ-богоносец». Обрадовавшая его «предприимчивость» советских людей была весьма многогранна, своеобразна и еще доставит немало проблем.

Вскоре окажется, что неразрешимой задачей станут не финансы, не рынок, а те, кто на этом рынке.

В его первых рядах окажутся не веселые пейзажи с плодами своего труда и даже не изможденные бабы с натруженными руками, а безжалостно убивавшие конкурентов перекупщики; не добродушные банкиры, которые, стесняясь нажитых капиталов, будут делиться с убогими и сирыми, а те, кто за прибыль в 30% удавят любого; не пламенные патриоты с песней «раньше думай о родине, а потом о себе!», а те, кто будет рвать ее на куски...

– Так может, не стоило заодно с добропорядочными людьми освобождать демонов человеческой природы и в первую очередь жажду наживы? Ведь обуздали ее в Союзе.

– Ну, положим, не обуздали, никуда она не делась, только приобрела уголовный характер. Когда Ф. Энгельс клеймил «низкую алчность, которая была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня», он при этом признавал, что ей мы обязаны и развитием науки, и расцветом искусства. Конечно, алчность не была главной движущей силой цивилизации, это упрощение. Мотивация человеческой и общественной активности глубокий и сложный комплекс. И в нем, как показал неудачный коммунистический эксперимент, корысть –

элемент необходимый. Без него, увы, глохнут не только наука и культура, но и экономика. И единственный выход – вернуть в правовое поле тот глубинный стимул успеха и обладания, который, при всех его издержках, остается одним из стимулов прогресса. А уж затем, нравственными и правовыми мерами – обуздать освобожденную энергию!

– Но эта задача на годы?

– Да, и, возможно, понадобится смена даже не одного, а многих поколений.

Понимал ли это Егор Гайдар? Думаю, – понимал, как и то, что другого пути уже не было.

БИБЛИОГРАФИЯ

Исследования и документы:

- «Сборник Указов и Постановлений Временного правительства», Пг., 1918.
- Л. Г. Новикова «Комитет спасения Родины и революции», М., БРЭ, 2004-2017.
- А. Разумов «Петроградский мартиролог», 1-14 т., РНБ, 2003.
- С.В. Волков «Трагедия русского офицерства», М., 2002.
- «Архив русской революции», Берлин, 1921.
- Г.Л. Соболев «Тайный союзник. Русская революция и Германия, 1914-1918», СПбУ, 2009.
- Б.И. Николаевский «Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы», М., 1995.
- Ю.Г. Фельшинский «Германия и революция в России 1915-18гг», Центрполиграф, 2013.
- «Красный террор в Петрограде (1918-1920) по газетным источникам», СПбУ 2002.
- В. Ленин, собр. соч. 40-41-44-45 т., ИПЛ, М., 1969.
- Д.А. Волкогонов «Ленин», изд. АСТ, 2004.
- М.К. Цебрикова «Каторга и ссылка», Спб., «Центр», 1907.
- Б.И. Колоницкий «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года», Спб., 2001.
- А.Г. Латышев «Рассекреченный Ленин», М., 1996.
- И.Б. Линдер «Спецслужбы России за 1000 лет», М., Рипол, 2016.
- С.В. Яров и др. «Петроград на переломе эпох», М., 2013.
- В.М. Хрусталёв «Романовы. Последние дни великой династии», М., АСТ, 2013.
- Л. Троцкий «Двойная звезда: Гитлер – Сталин», 1939.
- Р. Медведев «О Сталине и сталинизме», 1990.
- В.И. Дашичев «Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР», М., 1967.
- В.А. Козлов «Восстания, бунты и забастовки заключенных», М., 2004.
- Л. Алексеева «История инакомыслия в СССР», Вильнюс-Москва, 1992.
- В.А. Козлов «Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 гг.» М., 2005.
- Ф.Д. Бобков «КГБ и власть», М., 1995.
- Стенографический отчет XXVIII союзный съезда КПСС, М., ИПЛ, 1991. ЦГИА Спб. Стенограммы Ленсовета 21 созыва.

Периодические издания:

- Газ. «Дело народа», 30 октября 1917, № 194.
- Газ. «Петроградский листок», 8 ноября 1917, № 259.
- Газ. «Колокол», Лондон, № 862, от 22 марта.
- Журн. «Кронштадское восстание», «Вопросы истории», 1994.
- Газ. «Независимая», «Война с народом», В.Попов, 27.04.2000.
- Сайт «Герои страны», Матвей Кузьмич Шапошников.
- Тв. канал «Культура», пр. «Личное время», интерв. М. Шемякина, 2022.
- Журнал «Огонёк», 14.12.1997, «1 декабря, 1962 г. Манеж».

Сайт «Автоном», Петр Сиуда «Новочеркасск», 2012.

Сайт «Проза.ру.», Леонид Болмат «Воспоминания о выставке в ДК им. ГАЗА», 2018.

Журн. «Знамя» №7, Бар-Бирюков О. «Расстрелянный буреветник», 1998.

Газ. «Московские новости» «Репетиция?», интервью С. Говорухина, 18.02 1990.

Художественная литература:

В. Маяковский. Собр.соч. в 13 т., 1955г., т.1.

П. Краснов «От Двуглавого Орла к красному знамени», М., 2014.

Леонид Андреев «S. O. S» (1914-1919).

Мемуары:

Дневник А.С. Суворина, Пг, 1923.

Светлана Аллилуева «Двадцать писем к другу», NY, Harper & Row, 1967.

В.М. Недошивин «Прогулки по Серебряному веку», изд. Е. Шубиной, 2014.

П. Устимович «Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве», М., 1886.

Г. К. Граф «На «Новике...», Спб., Гангут, 1997.

И. Берлин «Александр и Саломея Гальперны», Иерусалим, 2000.

А. Рэнсом «6 недель в России», Лондон, 1919.

Э. Гольдман «Мое разочарование в России», NY, 1923.

М. Д. Врангель «Моя жизнь в коммунистическом раю», Русская летопись, Париж, 1924.

В. Шаламов «Москва 20-х годов», собр.соч., Вагриус, т. 4.

Ю. Орлов «Опасные мысли. Мемуары из русской жизни», АиФ, 2008.

Д.С. Лихачев «Воспоминания», АСТ, 2021.

Н.С. Хрущев «Воспоминания», изд. МН, 1999.

Л. Бершадская «Растоптанные жизни», Париж, 1975.

А.Д. Сахаров «Воспоминания», М., 1996.

М. Молоствов «Прямые, которые не пересекаются», М., 1996.

Н. Хрущев «Воспоминания. Время. Люди. Власть», М., 2016.

В. Воробьев «Враг народа. Воспоминания художника», НЛО, 2005.

М.С. Горбачев «Годы трудных решений», М., 1993.

М.С. Горбачев «Жизнь и реформы», М., 1995.

А. Дудаева «Миллион первый», Ультра, 2001.

А. Шаталин «Жизнь, не похожая ни на чью», ЭГ, 2004.

А. Черняев «Дневник помощника Президента СССР. 1991 год», Терра, 1997.

А. Собчак «Хождение во власть», М., 1991.

Б. Коржаков «Борис Ельцин. От рассвета до заката», Интербук, 1997.

В работе над 1 томом этой книги были также использованы документы, фотоматериалы и публикации из личного фонда Ю.А. Рыбакова

(Центральный Государственный архив историко-политических документов, Спб., фонд № Р-9398, 81 ед. хран. 3199 л.).

Содержание

ПОРОГАМИ ВЕКА. Часть I

Предисловие.....	7

КОРНИ

Бобровы и Тацки.....	9
Террор.....	17
Россия-матушка.....	22
«Мало его стрелить. Ишь какой белый!».....	27
Рыбаковы и Корнильевы.....	31
Крушение.....	39
«Несправедливо!».....	49
Во мгле.....	54
С «чистого» листа.....	58
Итак, будем знакомы.....	64
Российский холокост.....	72
«Кудрявая, что ж ты не рада ...?».....	79
Война.....	86
ГУЛАГ.....	91
Время рождения.....	111
На улице Свободы.....	115
Зачистка победителей.....	119
«Мужик – наш должник...».....	124
Тиран скончался.....	131
В поисках дома.....	138
«Мы осколки сжимаем в руке,.....	144
Что сегодня к ногам долетели».....	144
«Жить стало лучше! Жить стало веселей».....	149
«Оттепель, туманы черные».....	154
Брожение умов.....	163
«Встань, мадьяр!».....	169
Охрана, в ружье!.....	179
По четыре человека в день.....	186
Отрочество.....	190

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Новочеркасский расстрел.....	198
Куба – багровый остров!.....	205

СЕМИДЕСЯТЫЕ

«Все это не нужно советскому народу!».....	215
Сопrotивление.....	225
Самиздат.....	232

МИР ИСКУССТВ

Бульдозеры.....	252
ТЭВ.....	255
«Хроника...».....	265
Свой среди своих.....	269
Нонконформисты.....	271
Гибель Рухина.....	275
У крепостной стены.....	283
Капитан Саблин.....	289
«...Душа человека не знает оков!».....	294
Идет охота.....	301

ЗА ДРУГИ СВОЯ...

Арест.....	310
Ловушка.....	319
Советы без коммунистов?.....	321
Экспертиза.....	326
Дело Вознесенской.....	329
Капкан.....	333
Суд.....	345

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Вагончик тронется – перрон останется... ..	347
Зона.....	359
Письма, сны и записные книжки.....	372
Случалось, бежали.....	408
Лесоповал.....	413

НА ВОЛЮ!

Ночь темней перед рассветом.....	438
Время не ждет.....	443
Неожиданное приглашение.....	454

НА ОКРАИНАХ ИМПЕРИИ

Крымчаки.....	459
Желтоксан.....	463
Нагорный Карабах.....	466
Еще один звонок.....	471

ПРАВО БЫТЬ ПРОТИВ..... 479

Бунт на корабле.....	491
Первый союзный съезд.....	494
Протуберанец.....	505
Что делать?.....	509
Пустая рука.....	514
Вторая попытка.....	516
Без монополии.....	524

ЗА РАБОТУ!

Мы делаем шаг на недостроенный мост... (Виктор Цой).....	528
Горсовет.....	539
Карельский треугольник.....	560
Короткая скамейка.....	564
Первый Российский съезд.....	571
Уходя – уходи!.....	584
Вильнюс 91.....	593
Операция «Кольцо».....	611
За ваши и наши права!.....	620
Возвращение Петербурга.....	635
На распутье.....	638

ВРЕМЯ НАЗАД?

Путч.....	653
Барышня, дайте Смольный!.....	694
Упущенный шанс.....	706
На выход. С вещами!.....	717
Фантомные боли.....	726
10 дней до обвала!.....	730

Библиография.....	740

Автор книги — художник, общественный деятель, потомственный петербуржец. Родился в лагере для политзаключенных. За участие в подпольном демократическом движении провел шесть лет в заключении. Депутат Государственной думы РФ с 1993 по 2003 год. За правозащитную деятельность имеет ряд государственных и общественных наград. Его рассказ — яркое повествование о тяжелой судьбе нашей страны в XX веке.

«Моим друзьям и соратникам, моей семье, а потом и мне — выпало быть очевидцами, иногда героями, жертвами, творцами или персонажами событий, менявших траекторию движения России. Мы были частью движения своего народа через кровавый Век обмана. А потом, на руинах изжившей себя советской империи, взялись за строительство демократического государства. Но искалеченное неволей российское общество столкнулось с тяготами переходного периода и попятилось назад, став заложником нового тоталитарного режима.

Говорят, что история учит лишь тому, что ничему не учит. Может быть. И все же я оставляю свое свидетельство о наших временах, с надеждой на то, что этот рассказ еще пригодится. Пунктир событий, отмеченных мной, — пространство для осмысления пройденных нами дорог...»

Ю. А. Рыбаков

Юлий Порогами
Рыбаков Века